Л. А. Бобров, Ю. С. Худяков

ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XV – первая половина XVIII в.)

Под редакцией

В. П. Никонорова

Санкт-Петербург
Филологический факультет СПбГУ
2008

Leonid A. Bobrov, July S. Khudjakov

ARMAMENT AND TACTICS OF THE NOMADS OF CENTRAL ASIA AND SOUTHERN SIBERIA DURING THE LATE MEDIEVAL AND EARLY MODERN AGES (15th – first half of the 18th century A.D.)

Under the editorship

of Valery P. Nikonorov

St. Petersburg
St. Petersburg State University Faculty of Philology
2008

СЕРИЯ «HISTORIA MILITARISE
Исследования по военному делу древности и Средневековья

Редакционный совет:

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург, Россия), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург, Россия),
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург, Россия), А. Н. Кирпичников (Санкт-Петербург, Россия),
Б. А. Литвинский (Москва, Россия), А. В. Махлаюк (Нижний Новгород, Россия),
М. Мельчарек (Торунь, Польша), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия),
В. Свентославский (Гданьск, Польша), А. В. Симоненко (Киев, Украина),
А. М. Хазанов (Мэдисон, США), Ю. С. Худяков (Новосибирск, Россия)

Editorial Board:

Boris V. Erokhin (St. Petersburg, Russia),
Vladimir A. Goroncharovsky (St. Petersburg, Russia), Anatoly M. Khazanov (Madison, USA),
Yuly S. Khudjakov (Novosibirsk, Russia), Anatoly N. Kirpichnikov (St. Petersburg, Russia),
Boris A. Litvinsky (Moscow, Russia), Aleksandr V. Makhlayuk (Nizhniy Novgorod, Russia),
Mariusz Mielczarek (Torun, Poland), Valery P. Nikonorov (St. Petersburg, Russia),
Witold Swietoslawski (Gdansk, Poland), Aleksandr V. Simonenko (Kiev, Ukraine),
Yury A. Vinogradov (St. Petersburg, Russia)

ББК 68+63.3(0)4-5
Б72

Рецензенты:
д-р ист. наук *В. В. Горбунов,*
д-р ист. наук *А. И. Соловьев*

Бобров Л. А., Худяков Ю. С.

Б72 Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.) / Под ред. В. П. Никонорова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 776 е., ил. — (Historia Militaris).

ISBN 978-5-8465-0633-6

Монография посвящена изучению вооружения и военного искусства монгольских и тюркских кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. В книге анализируются все основные виды оружия дистанционного и ближнего боя, а также средства защиты, применявшиеся монгольскими (чахарскими, халхаскими, джунгарскими), кыргызскими, телеутскими, бурятскими, тувинскими и тибетскими воинами в ходе военных действий на территории рассматриваемого региона. Впервые в отечественном оружиеведении исследуются особенности освоения кочевниками огнестрельного оружия и последовавшие за этим изменения в тактике ведения традиционного степного конного боя. На основании анализа обширного фактического материала показано, что в период позднего Средневековья и раннего Нового времени комплекс вооружения и тактика кочевников стремительно развивались, приспосабливаясь к меняющимся военно-политическим условиям.

Книга рассчитана на археологов, историков, оружиеведов и всех читателей, интересующихся военной историей кочевых народов степного пояса Евразии.

Bobrov L. A., Khudjakov Ju. S.

Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th — first half of the 18th century A.D.) / Under the editorship of V. P. Nikonorov. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2008. — 776 p., ill. — (Historia Militaris).

ISBN 978-5-8465-0633-6

The monograph is devoted to the study of armament and art of warfare of the Mongolian and Turkic nomadic peoples from the 15th through the first half of the 18th centuries A.D. The authors analyze all the basic arms of distance and hand-to-hand fighting, as well as the articles of armour used by Mongolian (Chakhar, Khalkhas, Jungar), Kirghiz, Teleutan, Buryat, Touvinian and Tibetan warriors in the course of battling within the region under review. For the first time in Russian studies of medieval armament this work examines particular features of mastering the fire arms by nomads and their impact on tactical changes that followed in the field of traditional steppe mounted warfare. On the ground of analyzing an extensive amount of source materials it has been shown that during the Late Medieval and Early Modern Ages the weaponry and tactics employed by the nomads of Central Asia and Southern Siberia were impetuously being developed, adapting themselves to changing military and political conditions.

The book is intended not only for professional archaeologists and historians, but also for those general readers who are interested in the military history of the Eurasian nomadic peoples.

ББК 68+63.3(0)4-5

Все иллюстрации и реконструкции, кроме особо оговоренных случаев, выполнены Л. А. Бобровым (spsml@mail.ru)
All the illustrations and reconstructions, exept for those particularly mentioned, have been performed by Leonid A. Bobrov (spsml@mail.ru)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© Л. А. Бобров, Ю. С. Худяков, 2008
© Л. А. Бобров, иллюстрации, реконструкции, 2008
© Филологический факультет СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление, 2008

ISBN 978-5-8465-0633-6

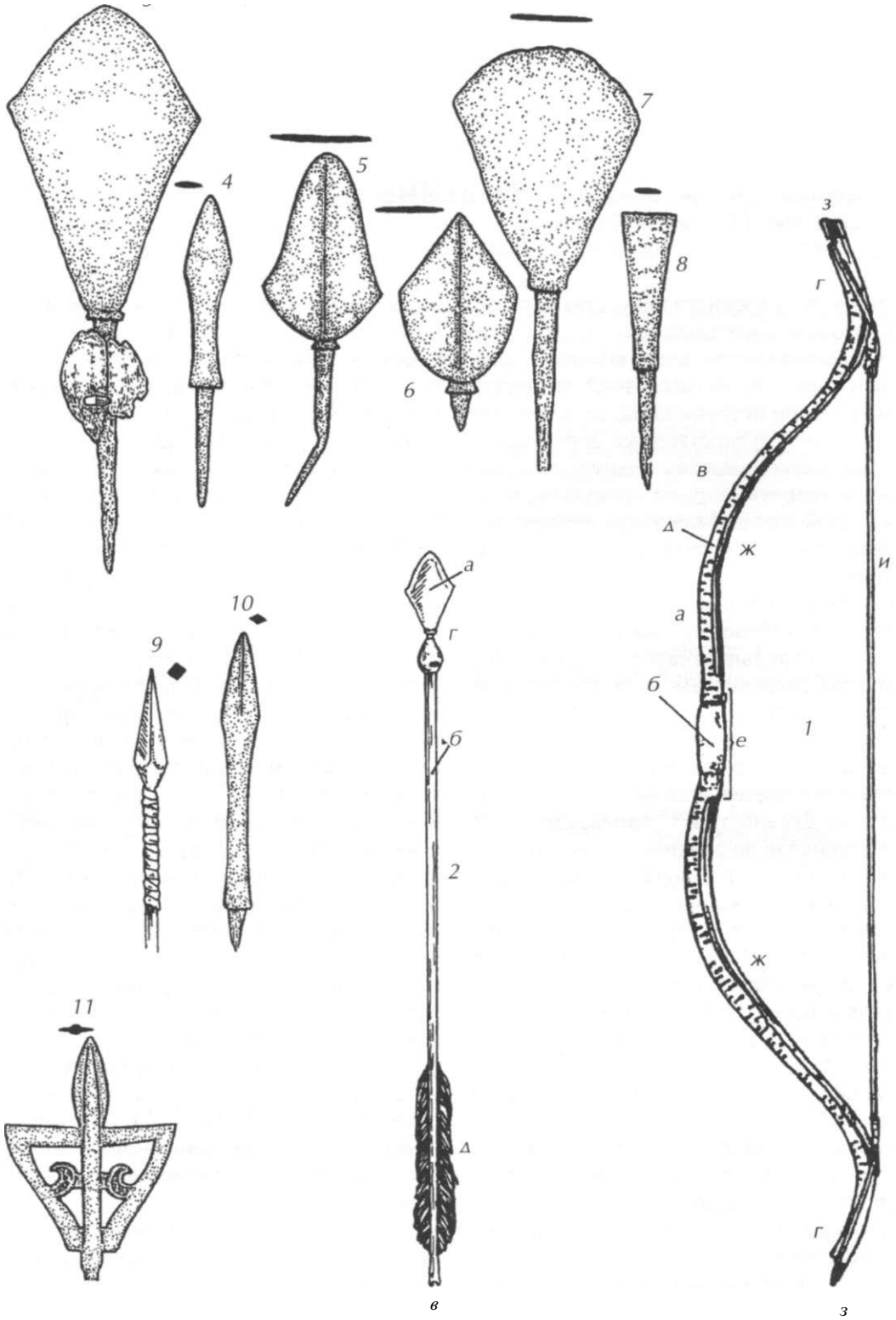
ВВЕДЕНИЕ

В истории войн и военного искусства кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона важное место занимает эпоха позднего Средневековья. Это был последний, завершающий период военной истории номадов, в течение которого кочевые государственные образования представляли собой самостоятельную и весьма внушительную военную силу, способную противостоять возросшей военной мощи крупнейших мировых держав, относящихся к оседло-земледельческой и урбанистической цивилизации.

Изучение наступательного и защитного вооружения, структуры военной организации и военного искусства центральноазиатских кочевников эпохи позднего Средневековья является неотъемлемой составной частью исследования военной сферы жизнедеятельности кочевой цивилизации, существовавшей на территории степного пояса Евразии в течение длительного исторического периода, включая Древность и Средневековье. Без изучения материалов по военному делу номадов, вносящихся к периоду позднего Средневековья, процесс развития вооружения и военного искусства в кочевом мире будет исследован не в полном хронологическом диапазоне своего существования, со времени зарождения военной деятельности в период становления кочевой цивилизации и вплоть *ю* ее исчезновения с арены мировой истории в качестве самостоятельного военно-политического и культурного феномена на рубеже Средних веков и Нового времени.

Вооружение и военная сфера жизнедеятельности являются необходимыми условиями возникновения, существования и развития кочевой цивилизации и культуры всего степного пояса Евразии. С. А. Плетнева, исследователь культур средневековых кочевников степей Восточной Европы, в своих работах подчеркивала, что войны в кочевом обществе были постоянным и закономерным явлением (Плетнева, 1967, с. 156). В военном деле кочевых народов Центральной Азии и сопредельных районов Южной Сибири, являвшихся одним из важнейших историко-культурных регионов евразийского пояса степей, нашли свое отражение и адекватное воплощение многие самые передовые достижения своего времени, в том числе новые технологии и военно-технические изобретения, особенности устройства военной организации и государственности, всей социальной структуры кочевого общества, основополагающие архетипы идеологии и богатой духовной культуры номадов.

Со времени возникновения номадизма военная деятельность стала постоянной функцией кочевого общества. Она стимулировалась внутренними и внешними причинами и неуклонно развивалась на всем протяжении периода существования кочевничества, что обеспечивало номадам возможность в течение длительного времени сохранять военное превосходство над соседними странами оседло-земледельческой и городской цивилизации. Решающие изменения в соотношении сил, технического и организационного обеспечения военной деятельности между кочевыми и оседлыми народами произошли в процессе перехода ряда стран оседло-земледельческой цивилизации на путь промышленного развития и освоения производства и применения огнестрельного оружия, что подорвало основу военной мощи кочевников — массовые мобильные конные армии (Худяков, 1995, с. 50). Эти кардинальные изменения в области военной сферы жизнедеятельности номадов произошли именно в рассматриваемый в настоящем исследовании период военной истории кочевых народов Центральной Азии — на рубеже эпохи позднего Средневековья и Нового времени, в течение которого кочевники оказались в сфере влияния своих оседлых соседей «в качест-

4
5
6
7
8
9
10
11
а
г
б
2
д
в
з
г
в
ж
а
б
е
1
ж
и
г
з

ве подчиненной и зависимой силы» (Хазанов, 1975, с. 273).

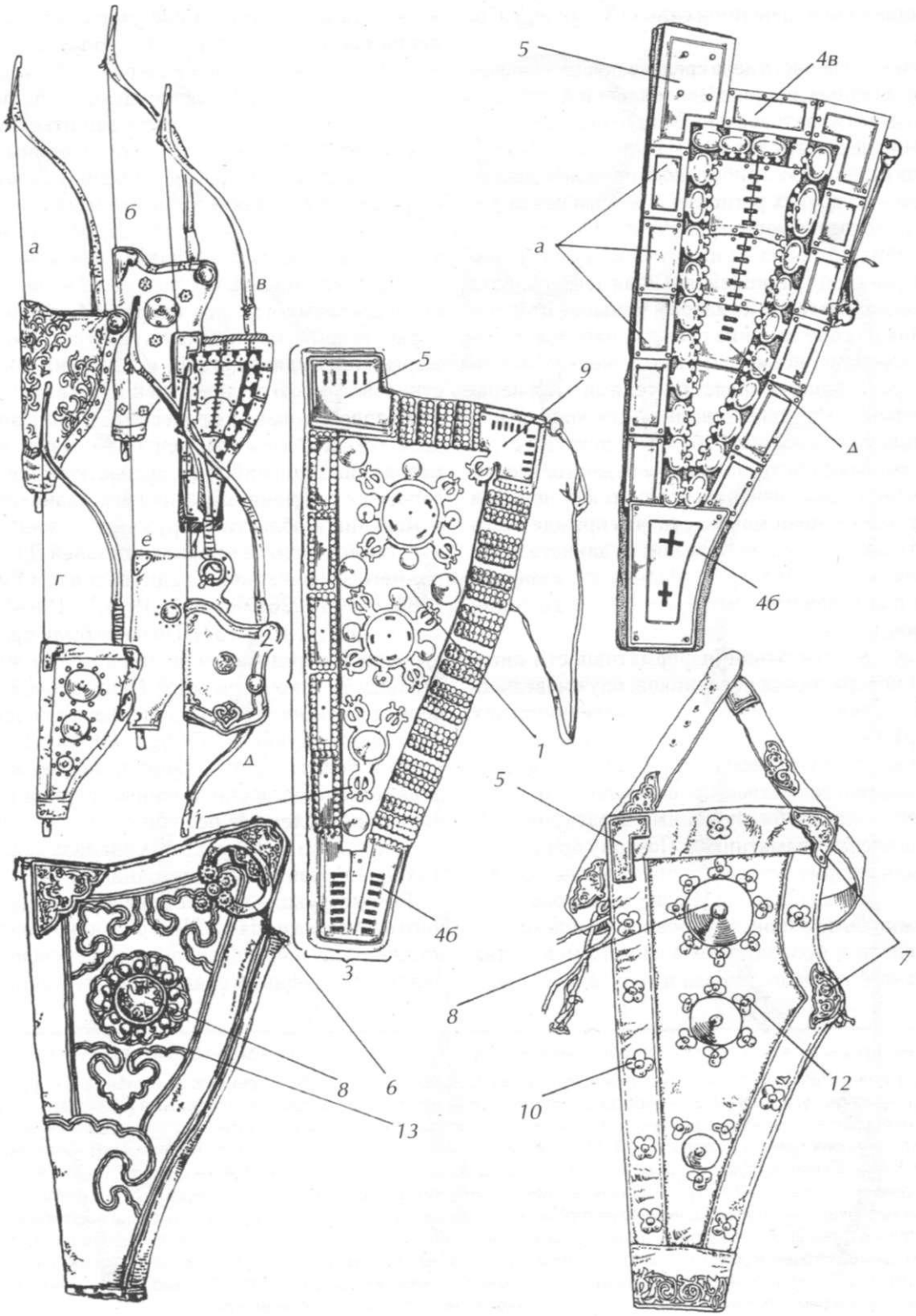
Изучение военного дела средневековых кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии было начато одним из авторов настоящего исследования более тридцати пяти лет назад, в начале 1970-х гг., в период становления сибирского оружиеведения. В отличие от других регионов степного пояса Евразии, непосредственно граничащих со странами оседло-земледельческой цивилизации с устойчивой письменной традицией, военная деятельность центральноазиатских номадов в меньшей степени испытала на себе влияние оседлых народов и слабее отражена в письменных исторических источниках, составленных представителями этих народов, воевавших с кочевниками. Хотя контакты и взаимовлияние в военной области с другими странами и народами безусловно имели место, эволюцию военного дела центральноазиатских номадов в известной степени можно считать прежде всего результатом процесса саморазвития данного целостного объекта социальной реальности, изменявшегося под воздействием внутренних и внешних факторов.

Ввиду недостаточной информативности письменных исторических источников, оружиеведческие исследования средневековых кочевнических культур Южной Сибири и Центральной Азии были основаны в первую очередь на результатах анализа артефактов, вещественных источников, предметов вооружения, обнаруженных в раскопанных археологических памятниках. Поэтому при их анализе были сформулированы определенные исследовательские задачи и процедуры, на основе которых можно было реконструировать комплекс боевых средств и особенности военного искусства конкретного кочевого этноса и государства. Они включали в себя сбор и систематизацию вещественных источников, предметов вооружения из памятников определенной кочевой культуры, типологическую классификацию видов и типов наступательного оружия и средств защиты, сведение результатов классифицирования в единый комплекс боевых средств, реконструкцию на его основе, с привлечением данных письменных и изобразительных источников, внешнего облика воинов, структуры военной организации и военного искусства. Данная модель исследования военного дела средневековых номадов впервые была создана и отработана на материалах культуры енисейских кыргызов (Худяков, 1980, с. 25). Она продемонстрировала свою результативность и в дальнейшем была апробирована в процессе изучения военного дела южносибирских и центральноазиатских номадов хунно-сяньбийского, древнетюркского и монгольского времени, отразившего происходившие изменения в области вооружения и военного искусства кочевников в периоды поздней Древности, раннего и развитого Средневековья (Худяков, 1986, с. 206-226; Худяков, 1991, с. 168-170; Худяков, 1997, с. 121-137). Позднее были прослежены истоки образования военной сферы жизнедеятельности в кочевом мире Центральной Азии в период формирования и становления кочевой цивилизации (Худяков, 1995, с. 41-53). Изучение этого и последующих этапов развития военного дела номадов в бесписьменный период истории имеет определенные особенности, поскольку основано только на результатах анализа вещественных и изобразительных источников.

Реконструкция комплекса вооружения и военного искусства номадов Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья также имеет свою определенную специфику в сравнении с изучением воен-

Рис 1. Конструкция сложносоставных луков и стрел кочевников центральной Азии и Южной Сибири XV—XVIII вв.:

I — конструкция сложносоставного лука периода позднего Средневековья и Нового времени: а — кибить; б — рукоять; в — «плечи»; г— концы лука («рога»); *л* — берестяная обклейка; е — центральная роговая веслообразная накладка; ж — плечевые роговые накладки; *з* — концевые роговые «вкладыши»; и — тетива; *2* — конструкция стрелы: *а* — наконечник; б — древко; з — «ушко»; *г* — свистунка; *л* — оперение; *3-17* — основные типы наконечников стрел, использовавшиеся кочевниками Уентральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени: *3-8* — группа 1 (наконечники стрел с пчоским сечением пера); 9-70 — группа 2 (наконечники стрел с четырехгранным в сечении пером); 7 7 — группа 3 (двухлопа—-ˆые наконечники); *3* — плоский асимметрично-ромбический наконечник (группа 1, тип 1); 4 — плоский боеголовковый наконечник (группа 1, тип 2); 5 — плоский овально-крылатый наконечник (группа 1, тип 3); 6 — плоский полуовальный наконечник с остроугольным острием (группа 1, тип 4); *7*— плоский секторный наконечник (группа 1, тип 5); *8*— плоский наконечник <томара» (группа 1, тип 6); 9 — четырехгранный удлиненно-ромбический наконечник (группа 2, тип 1); 70 — четырехгранный гое<"оловковый наконечник (группа 2, тип 2); 7 7 —двухлопастной ярусный наконечник (группа 3, тип 1).

а
б
в
г
е
2
Д
i
8
6
13
5
9
1
4б
3
5
4в
а
Д
4б
5
7
8
12
10

ного дела предшествующих эпох. Археологические памятники культур центральноазиатских и южносибирских кочевников периода позднего Средневековья остаются до настоящего времени слабо изученными и не в полном объеме введенными в научный оборот. Обнаруженные в них предметы вооружения недостаточно многочисленны и не в полной мере информативны. Анализ этих материалов не может дать полного представления о военном деле позднесредневековых номадов. В то же время в составе оружейных коллекций музеев в городах России, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Монголии и некоторых европейских стран имеются многочисленные хорошо сохранившиеся предметы вооружения тюркских и монгольских народов, которые, при их атрибутировании, определении хронологии и культурной принадлежности, могут служить важным и информативным источником по истории военного искусства номадов эпохи позднего Средневековья. Дополнением к имеющимся вещественным источникам по военному делу центральноазиатских кочевников могут служить письменные, фольклорные и иконографические источники, относящиеся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени. Описание оружия позднесредневековых воинов и события военной истории кочевых народов и государств Центральной Азии нашли отражение в различных по своему происхождению, языковой и культурной принадлежности достаточно информативных письменных источниках. Внешний облик позднесредневековых воинов монгольских народов довольно точно передают миниатюры и живописные произведения китайских, монгольских, тибетских, русских и европейских художников, запечатлевших в своих творениях характерные детали вооружения, воинского и конского снаряжения номадов. Описание вооружения и приемов ведения боя позднесредневековыми монгольскими и саяно-алтайскими воинами содержится в эпических произведениях тюркских и монгольских народов. Эти материалы, с учетом специфики жанра эпических произведений, также могут быть привлечены к анализу военного дела номадов Центральной Азии.

Реконструкция комплекса вооружения кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья позволяет судить не только о технологических процессах изготовления самих предметов вооружения, но и о составе войск, тактике, уровне развития военного искусства того или иного кочевого этноса в целом. По уровню развития военного дела, наступательного оружия и панцирной паноп-

Рис. 2. Конструктивные элементы позднесредневековых налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири:

7 — основные разновидности конструкции, покроя и системы оформления позднесредневековых налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири: *а* — У-образный налуч «тибето-монгольского» типа. Отличительными чертами налучей «тибето-монгольского» типа были небольшое количество металлических накладок на лицевой поверхности налуча (на которой нередко сохранялись лишь крепежные пластины и заклепки), кожаная обкладка футляра и густой геометрическо-растительный орнамент, покрывающий верхнее поле налуча; б) У-образный налуч «центральноазиатского» типа. «Центральноазиатский» тип оформления налучей был преобладающим на территории Монголии и значительной части Южной Сибири на протяжении большей части позднего Средневековья и Нового времени; в) У-образный налуч «предбайкальского» типа. Отличительной чертой этих налучей является традиция закрывать лицевую плоскость налуча металлическими накладками различных размеров и форм; г) У-образный налуч «забайкальского» типа. Традиционным элементом украшения этих налучей является комбинация из трех вертикально расположенных дисков с умбончиками; д) трапециевидный йалуч «позднетибетского» типа. «Позднетибетские» налучи имеют не У-образную, а трапециевидную форму, напоминающую форму позднесредневекового колчана «хаадак», что позволило нам отнести их в отдельный тип. Отличительной особенностью данного типа налучей была не только форма футляра, но и его конструкция. Большинство «позднетибетских» налучей не имели донца. Фактически на\уч покрывал лишь центральную часть лука, в то время как его «плечи» и «рога» выходили за пределы футляра. Данный тип налучей получил известное распространение в Тибете во второй половине XVIII — начале XX в. Он был также известен в Китае, Бутане, Непале и Северной Индии; е) иинский вариант У-образного налуча «центральноазиатского» типа. Отличается наличием специального металлического кольца в виде полумесяца со звездами (у верхнего ушка вблизи крепежной пластины) и «центрального диска» небольшого диаметра. Данный вариант налуча был широко распространен среди маньчжурских воинов XVII—XIX вв. В монгольских войсках он стал стремительно набирать популярность после включения Южной и Восточной Монголии в состав Шнекой империи; *1-13* — конструктивные элементы позднесредневековых налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири: 7 — «поле» налуча; *2* — «спинка» налуча; *3* — днише; *4* — обкладка по периметру налуча: а — обкладка «спинки»; б — обкладка днища; *в* — обкладка горловины; 5 — угловая пластина Г-образной формы; 6 — металлическое кольцо в виде полумесяца со звездами (элемент оформления, характерный для цинских колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени); 7 — крепежные пластины; *8* — «центральный диск»; 9 — пластины-накладки; *10* — бляшки; 7 7 — бляшки-«ваджры»; *12* —бляшки-«спутники»; *13* —кожаный или матерчатый кант.

лии можно судить о многих факторах политической, социально-экономической и, в какой-то мере, духовной жизни кочевого общества в эпоху позднего Средневековья. У многих древних и средневековых кочевых народов оружие являлось объектом поклонения. Предметы вооружения одушевлялись, им давали собственные имена, наделяли особыми, иногда фантастическими, свойствами. Некоторые предметы вооружения, дошедшие до настоящего времени, богато украшены, декорированы драгоценными металлами, орнаментированы, содержат посвятительные надписи и отрывки из священных религиозных сочинений. Это указывает на высокий социальный статус их владельцев и на ту особую роль, которая отводилась оружию в кочевом обществе. Оружие богатырей тюркских и монгольских народов подробно описывалось в эпических сказаниях и фиксировалось художниками. Панцири, сабли, шлемы и другие предметы вооружения хранились в семьях на протяжении нескольких поколений и передавались по наследству от отца к сыну в течение многих десятилетий.

От качества вооружения и умения им владеть в бою непосредственно зависела жизнь его владельца, поэтому на протяжении всей эпохи позднего Средневековья оно продолжало оставаться самой востребованной и высококачественной продукцией оружейного ремесленного производства в рамках кочевого общества. Постоянная потребность в большом количестве высококачественного вооружения стимулировала развитие кузнечного, в особенности оружейного, ремесла. Длительное время считалось, что появление огнестрельного оружия достаточно быстро привело к прекращению развития других видов оружия в кочевых государствах. Однако изучение конкретных оружейных комплексов показало, что развитие наступательного оружия и защитного вооружения в рассматриваемый период вовсе не замедлилось. Оно продолжало совершенствоваться в течение всего периода позднего Средневековья. Изменения в военном деле определили дальнейшее развитие всего оружейного комплекса и стимулировали ускоренное внедрение новейших технологий, технических изобретений и других инноваций в кочевом мире в эпоху позднего Средневековья. Роль вооружения, его производства и применения выходила далеко за рамки чисто боевой практики. Исследование вооружения и военного искусства кочевых народов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья является важнейшей составной частью изучения жизнедеятельности всего кочевого общества, познания основополагающих закономерностей на завершающем этапе его развития.

В эпоху позднего Средневековья комплекс вооружения центральноазиатских воинов, как и в предшествующие исторические эпохи, включал в себя два основных раздела: наступательное оружие (сюда входили наступательное оружие дистанционного боя и наступательное оружие ближнего боя) и защитное вооружение. Как показали результаты проведенных исследований, в рассматриваемый период кочевые воины продолжали широко применять средства индивидуальной металлической защиты, или защитное вооружение, в том числе боевые наголовья и доспехи (Худяков, 1979, с. 184). Необходимость противодействия средствам нападения и защиты являлась одним из основных стимулов их технического усовершенствования на протяжении всей истории военного искусства.

В эпоху позднего Средневековья у кочевников Центральной Азии начался процесс освоения, производства и применения огнестрельного оружия, что определенным образом сказалось на развитии их военного дела. Однако процесс внедрения и повсеместного использования этого оружия в армиях кочевых государств не был завершен в полном объеме в рассматриваемый период, когда они представляли собой самостоятельную военную силу.

Данное исследование посвящено изучению наступательного и защитного вооружения, реконструкции комплекса боевых средств и военного искусства кочевников Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). Это первое специальное комплексное монографическое исследование вооружения центральноазиатских номадов рассматриваемого периода. Вкупе с исследованиями, посвященными военному делу кочевников периодов раннего и развитого Средневековья, данная работа позволяет рассмотреть военное искусство центральноазиатских номадов в динамике на протяжении всего периода истории Средних веков.

В период позднего Средневековья в Центральной Азии происходили важные исторические события, политические и социально-экономические процессы, существенно изменившие дальнейший ход истории кочевого мира и традиционное соотношение

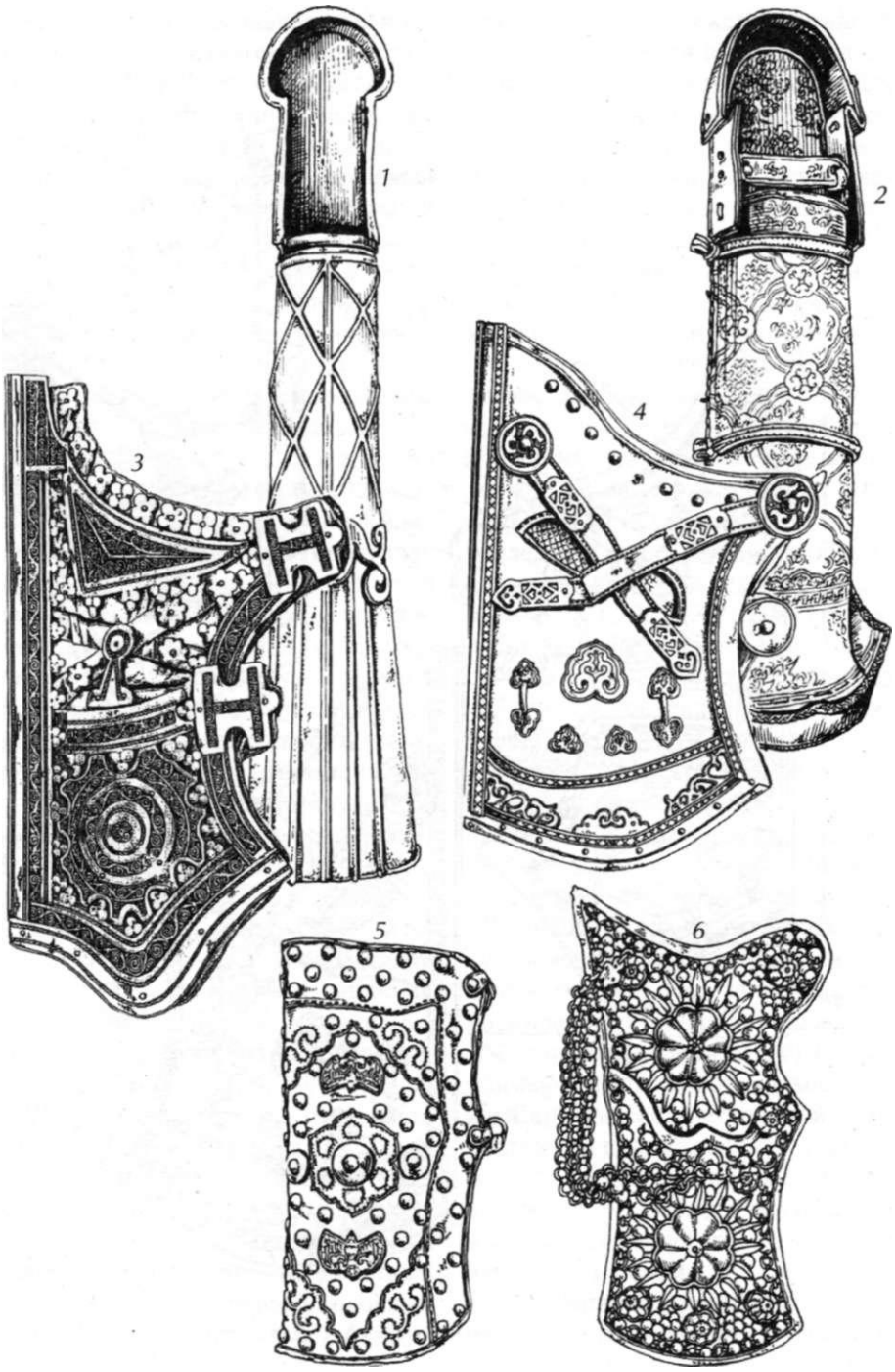

Рис. 3. Конструкция позднесредневековых колчанов:

7-6 — основные типы колчанов, использовавшихся кочевниками Центральной Азии XV-XIX вв.: 7 — колчан-«короб» конца XIII — XV в.; *2* — колчан-«короб» «bse dong» XV-XVII вв. (тибетский тип); *3-6* — колчаны-«футляры»: *3* — «горбатый» колчан-футляр» (тип 1); 4 — «трапециевидный» колчан-«футляр» (тип 2); 5 — «прямоугольный» колчан-«футляр» (восточноазиатский вариант) (тип 3); 6 — «8-образный» колчан-«футляр» (западноазиатский вариант) (тип 4).

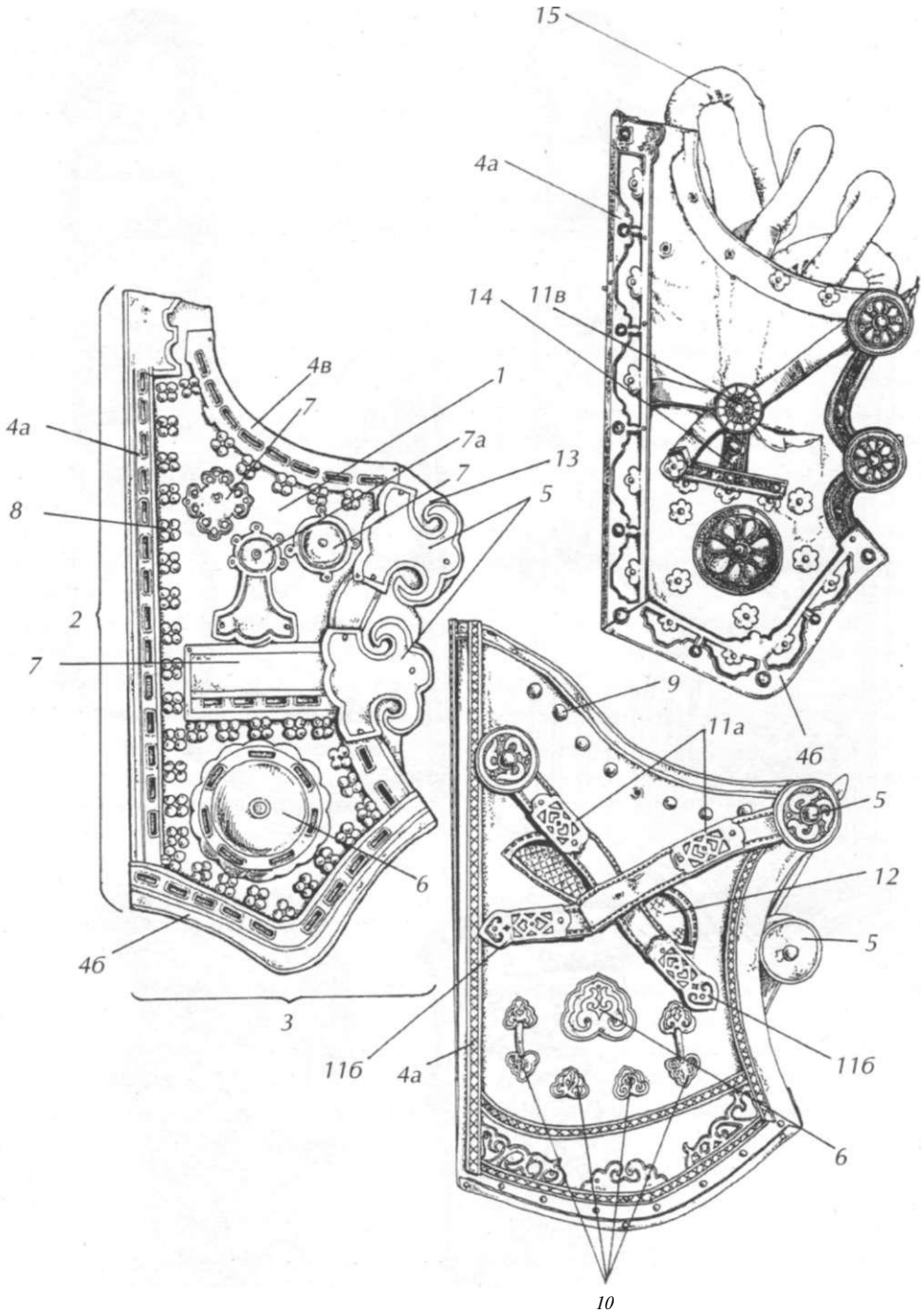

Рис. 4. Конструктивные элементы позднесредневековых колчанов кочевников Центральной Азии и Южной Сибири:

1 —«поле» колчана; *2* —«спинка» колчана; *3* —днище; 4 —обкладка по периметру колчана: а—обкладка «спинки»; б — обкладка дниша; *в* — обкладка горловины; 5 — крепежные пластины; 6 —«центральный диск»; 7 — пластины-накладки: а — накладка «комета»; *8* — бляшки; 9 — заклепки; *10* — бляшки-«спутники» «центрального диска»; *11* — ременные пластины: *а* — верхние; б — нижние (концевые); s — ременная пластина-фиксатор; *12* — карман; *13* — «ушко»; *14* — Т-образная пластина-накладка; *15* — разделительные жгуты.

военных сил между оседло-земледельческими и кочевыми народами на всем евроазиатском континенте. Во второй половине XIV в. ожесточенная борьба усилившейся китайской элиты и многочисленного населения против владычества монгольской династии Юань завершилась бегством последнего юаньского императора из Китая и победой национальной китайской Минской династии. После разгрома юаньских войск в горном проходе Шэньэрюй в уезде Динси, в провинции Ганьсу, монголы были изгнаны почти со всей территории Китая, где проживало собственно китайское население. Монгольские ханы сохранили политический контроль над кочевым населением степей Монголии, земель Саяно-Алтая и части территорий современного Казахстана, Синцзяна и Восточной Сибири. В жизни кочевых народов Центрально-Азиатского региона начался новый исторический этап. Несмотря на попытки проводить политику централизации государственной власти со стороны ряда монгольских правителей, стремившихся сохранить единство Монгольского государства, центробежные тенденции привели к расколу некогда единой державы. В XVI в. прежде единая страна была разделена на несколько самостоятельных государственных образований. Монголия распалась на три крупные части, включая Южную Монголию, Северную или Восточную Монголию (Халху) и Западную Монголию (Джунгарию), правители которых проводили совершенно самостоятельную внешнюю политику и боролись между собой за гегемонию в Великой степи, стремясь подчинить все кочевое монгольское население своему влиянию. Однако исторические судьбы различных регионов и племен Монголии в последующую эпоху позднего Средневековья сложились по-разному. В XVII в. сначала Южная Монголия, а затем и Халха вошли в состав Цинской империи, в то время как Джунгария сама стала центром притяжения для кочевых народов Западной Монголии, Восточного Туркестана, Тибета и Южной Сибири. Политическое и военное противостояние Джунгарского ханства и Цинской империи конца XVII — первой половины XVIII в. определило будущее Центральной Азии на столетия вперед.

Длительные ожесточенные внешние и междоусобные войны, в которых различные племена центральноазиатских кочевников оказались в разных враждующих лагерях, увеличили спрос на вооружение, предопределили стремительное развитие оружейного комплекса и военного дела. К этому периоду относятся внедрение и широкое распространение, а затем и начало собственного производства ручного огнестрельного оружия и артиллерии в монгольских степях, повлекшие за собой изменение тактики и характера войн центральноазиатских номадов эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

Комплекс вооружения позднесредневекового населения Центральной Азии до настоящего времени не становился объектом специального монографического оружиеведческого исследования в отечественной и зарубежной научной военно-исторической и оружиеведческой историографии. Описания тактики и вооружения позднесредневековых монголов и енисейских кыргызов приводились в ряде исторических работ отечественных исследователей. Практически все они построены на основе анализа сведений русских письменных источников XVII—XVIII вв. Отдельные элементы защитного и наступательного вооружения, отнесенные к эпохе позднего Средневековья, рассматривались в контексте военного дела кочевников Южной Сибири и Центральной Азии XVI—XVIII вв. в трудах сибирских археологов и оружиеведов. Анализ комплекса вооружения разных позднесредневековых кочевых этносов в данных работах проводился на ограниченном объеме вещественных источников, что было обусловлено недостаточной изученностью археологических памятников и культур кочевников, относящихся к эпохе позднего Средневековья. Поэтому до настоящего времени военное дело центральноазиатских кочевников XV — первой половины XVIII в. остается одной из наименее изученных тем в военной истории номадов Евразии. В отечественной и зарубежной историографии продолжает бытовать необоснованное мнение, что период позднего Средневековья в военной истории азиатских народов — время застоя и деградации оружейного комплекса и военного искусства в целом.

Особый интерес в этой связи представляет изучение наступательного оружия и особенно панцирной паноплии центральноазиатских номадов, которая является одним из самых трудоемких элементов в составе традиционных средневековых оружейных производств народов региона. Согласно распространенному в научной литературе мнению, внедрение в традиционный оружейный комплекс коче-

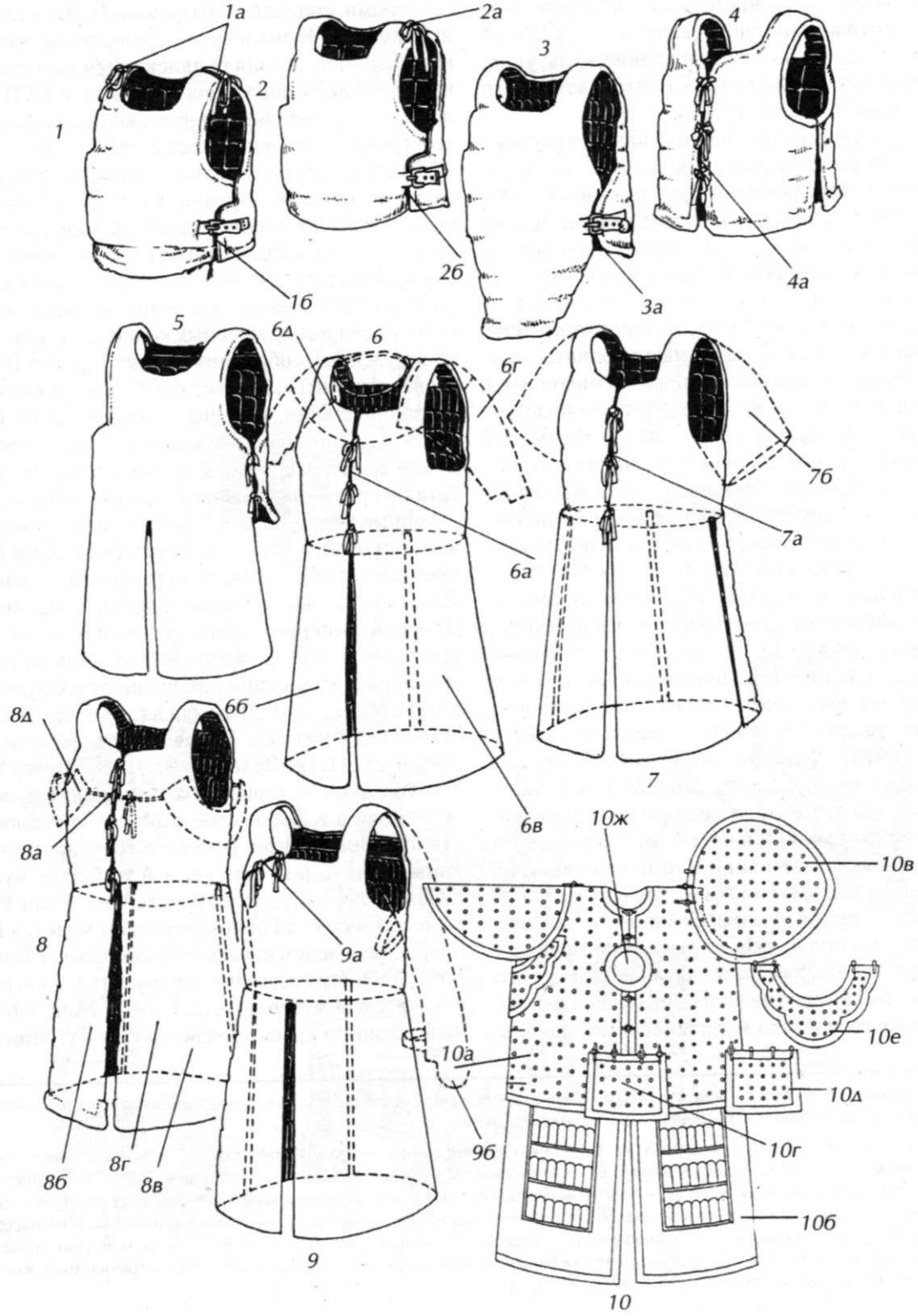
вых и оседло-земледельческих народов огнестрельного оружия привело к быстрому и повсеместному исчезновению панцирного вооружения. Однако в Европе практически полному исчезновению доспеха предшествовал период его стремительного развития, когда мастера-оружейники пытались защитить воина от пуль с помощью увеличения толщины броневого покрытия и повышения качества предметов защитного вооружения (Бехайм, 1995, с. 120-127). Именно к этому относительно кратковременному периоду развития военного дела в Европе позднего Средневековья относится большая часть настоящих шедевров европейских панцирных доспехов. Это произведения мастеров-оружейников, создавших уникальные образцы панцирного вооружения, которые стали для потомков эталоном средневекового рыцарского панцирного комплекса. Зафиксировать аналогичный процесс развития доспехов на центральноазиатских материалах пока не представлялось возможным в связи с отсутствием специальных исследований по центральноазиатскому позднесредневековому доспеху. Отсутствие систематизации необходимых материалов по данной теме существенным образом затрудняло исследователям определение хронологии и культурной принадлежности предметов вооружения из числа случайных находок в музейных собраниях и старых оружейных коллекциях и ограничивало их возможности рассмотреть особенности эволюции комплекса вооружения номадов в заключительный период существования военного искусства кочевников как самостоятельного военно-исторического феномена, не позволяло адекватно оценить вклад позднесредневековых кочевников Центральной Азии в развитие военного дела соседних оседло-земледельческих народов и в развитие военной сферы жизнедеятельности всего человечества эпохи Средневековья и Нового времени.

Современное состояние базы вещественных источников, относящихся к наступательному и защитному вооружению номадов, живших на территории Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, позволяет систематизировать имеющиеся материалы, относящиеся к культурам кочевых народов, в хронологическом диапазоне XV-XVIII вв. Эти предметы вооружения, происходящие из раскопок и музейных собраний, следует подвергнуть формально-типологическому анализу в необходимом объеме. Такая работа откроет возможности для оценки видового и типологического состава комплексов вооружения разных кочевых народов и определения хронологии и культурной принадлежности основных видов и типов оружия, находившегося в распоряжении воинов, относящихся к армиям разных кочевых государств Центральной Азии периода позднего Средневековья, а также для реконструкции комплексов вооружения позднесредневековых центральноазиатских и южносибирских воинов, выявления в особенностях их изготовления различных этнокультурных традиций, реконструкции состава войск и тактики ведения боя. Цельное представление о центральноазиатском позднесредневековом кочевническом комплексе вооружения будет способствовать адекватной оценке его роли и места среди аналогичных наборов оружия других народов с сопредельных территорий и поможет всестороннему решению основополагающих проблем оружиеведения кочевых народов всего степного пояса Евразии.

Изучение комплекса вооружения и военного искусства кочевников Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и начальный период Нового времени позволит проследить основные тен-

Рис. 5. Основные типы и варианты покроя паниирей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья и Нового времени:

7 — паниирь покроя двухчастная «кираса»: а — плечевые разрезы; б — боковые разрезы; *2* — панцирь покроя «кираса» с боковым разрезом: а — разрез на левом плече; б — разрез на левом боку; *3* — панцирь покроя «кираса» с боковым разрезом и удлиненным нижним краем: а — разрез на левом боку; *4* — панцирь покроя «жилет» со сплошным осевым разрезом: а — сплошной осевой разрез; 5 — панцирь покроя «катафракта» с боковым разрезом (нижняя часть подола переходит в длинные набедренники); 6 — панцирь покроя «халат» с осевым разрезом и двухчастным подолом: а — осевой разрез; б — правая пола; в —левая пола; г — наплечники; *л* — «ожерелье»; 7 — паниирь покроя «халат» с осевым разрезом и четырехчастным подолом: *а* — осевой разрез; б — рукава; *8* — панцирь покроя «халат» с осевым разрезом и трехчастным подолом: а — осевой разрез; б— правая пола (набедренник); в— левая пола (набедренник); г—накрестник; *л*— подмышечники; *9* — панцирь покроя «халат» с косым запйхом: *а* — разрез, образующий косой запйх; б — панцирные рукава; *10* — цинский пластинчато-нашивной доспех: *а* — панцирный пластинчато-нашивной «жилет» «магуаизы»; б — набедренники «монгольская юбка»; в — наплечники; г — панцирный передник; *л* — панцирный элемент для прикрытия бокового разреза; е — подмышечники; ж — зерцало.

1
1а
2
1б
2а
2б
3
3а
4
4а
5
6
6а
6б
6в
6г
6д
7
7а
7б
8
8а
8б
8в
8г
8д
9
9а
9б
10
10а
10б
10в
10г
10д
10е
10ж

денции в развитии военного дела в кочевом мире на всем протяжении существования и развития кочевого общества — от становления культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов до его ухода с арены мировой истории.

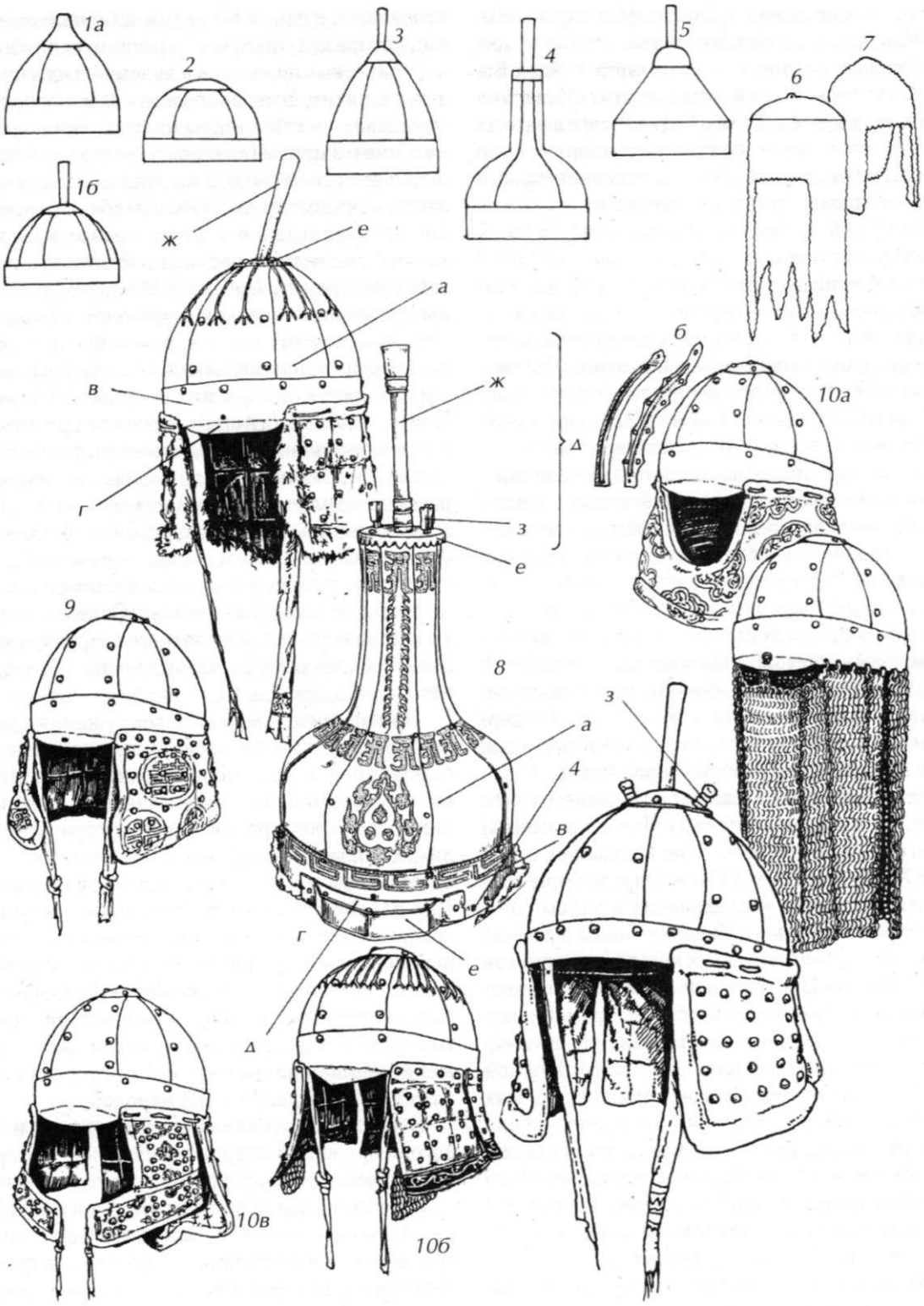
Целью данного исследования является раскрытие закономерностей развития вооружения и военного дела центральноазиатских номадов в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Для ее реализации было необходимо проанализировать вклад предшественников в дело накопления и осмысления археологического, исторического, изобразительного и фольклорного материала по теме исследования, собрать, систематизировать, проанализировать и классифицировать имеющиеся источники по данной теме, определить хронологию и культурную принадлежность находок предметов вооружения из археологических раскопок и музейных коллекций, реконструировать комплексы вооружения и внешний облик воинов центральноазиатских кочевых государств, выявить особенности эволюции их оружия и военного искусства.

В настоящем исследовании привлечены для анализа и использованы археологические и иконографические материалы, происходящие с территории Центральной Азии. Под Центрально-Азиатским регионом понимается территория, охватывающая внутренние районы азиатского материка в пределах современной Монголии, части Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, Забайкалья и Южной Сибири в пределах России, которые в рассматриваемый период входили в состав монгольских государственных образований или испытывали на себе мощное военное, политическое и культурное влияние со стороны различных монгольских племен. Привлекаются также некоторые материалы с территории Тибета, ламаистская церковь которого в это время была тесно связана с правящей элитой монгольских государств политическими, идеологическими, социально-экономическими и культурными узами. К анализу центральноазиатского защитного вооружения привлекаются материалы по военному делу поволжских калмыков XVII в., являвшихся носителями центральноазиатской военной традиции в степях Восточной Европы.

Исследование основано на анализе нескольких групп источников. Проанализированы и систематизированы находки предметов вооружения из археологических памятников с территории Южной Сибири и Центральной Азии, относящихся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени, а также вещи из старых оружейных коллекций, хранящиеся в музейных собраниях разных городов России, Монголии, Китая, Казахстана, Кыргызстана, США, Великобритании, Швеции и других стран. Среди них эталонное значение имеют хорошо сохранившиеся панцири, шлемы, дополнительные защитные детали, предметы ближнего и дальнего боя, преподнесенные в дар русским и восточноазиатским правителям центральноазиатскими феодалами (большинство этих подарков надежно датированы в «Описях» царских арсеналов и «дворцовых книгах» Цинской империи). Значительный интерес представляют также предметы вооружения из старых оружейных коллекций, хранящиеся в Оружейной палате Московского Кремля в г. Москве, Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в г. Санкт-Петербурге, в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике в г. Тобольске, в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета в г. Томске, в Алтайском музее в г. Барнауле, в Бурятском музее в г. Улан-Удэ, в Бийском музее, в Горно-Алтайском музее, в Красноярском краевом краеведческом музее, в Енисейском районном краеведческом музее в г. Енисейске, в Хакасском музее в г. Абакане, в Минусинском межрайонном краеведческом музее в г. Минусин-

Рис. 6. Конструкция боевых наголовий, структура бронирования и система покроя бармиц центральноазиатских и южносибирских шлемов периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-5 —типология шлемов по форме купола: *1а,* б —сфероконический; 2 —полусферический; *3* —конический; *4* —сфероцилиндрический; 5 — цилиндроконический; 6 — миссюрка; 7 — кольчужный чепец («капюшон»); *8* — конструктивные элементы шлемов: а — пластины тульи; б — пластины-накладки (с ровным и вырезным краем, ребром жесткости), в — обруч, г — козырек, *л* — пластина козырька, е — налобная пластина (налобник) козырька, *л* — навершие, е — пластина навершия, ж— трубка-втулка для плюмажа, *з* — надвершие, и— отверстия для крепления бармицы; *9-10* — разновидности бармии: 9 — бармица «открытого» типа; *10* — разновидности бармиц «закрытого» типа: а — одночастная; б — трехчастная; в — трехчастная с дополнительными лопастями для прикрытия горла.

1а
2
3
4
5
6
7
1б
ж
е
а
в
г
з
д
б
10а
9
8
10в
10б

ске, в Тувинском музее им. Алдан Маадыр в г. Кызыле, в Иркутском областном краеведческом музее, в Центральном историческом музее в г. Улан-Баторе и Улангомском аймачном музее в г. Улангома в Монголии, в музее г. Куча в Китае. Всего в рамках данного исследования проанализировано около полутора тысяч предметов позднесредневекового оружия центральноазиатских номадов.

В данной работе привлечены для анализа изобразительные материалы позднего Средневековья и Нового времени китайских, маньчжурских, монгольских, российских и европейских художников и скульпторов, на которых воспроизведены центральноазиатские и южносибирские воины. Эти материалы позволяют наглядно представить внешний облик и реконструировать комплекс вооружения воинов региона рассматриваемого периода.

Для анализа структуры военной организации и военного искусства позднесредневековых номадов были использованы монгольские и китайские письменные исторические источники,опубликованные в переводе на русский язык, а также собственно русские исторические источники. При характеристике вооружения и воинского искусства позднесредневековых монголов привлекались описания оружия, доспехов, воинов, боевых коней, построения войск и приемов ведения боя, которые содержатся в героическом эпосе монгольских и тюркских народов Центральной Азии и Саяно-Алтая.

Исследование охватывает эпоху позднего Средневековья и начальный период Нового времени, согласно общей исторической периодизации, в диапазоне с XV до середины XVIII в. Определение хронологических границ исследования в целом соответствует эпохе позднего Средневековья в рамках периодизации археологических культур кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Нижняя хронологическая граница соответствует времени распада Юаньской империи и восстановления оружейных производств в. Центральной Азии и Южной Сибири (вместо утраченных монголами оружейных мастерских в Китае). Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена завоеванием Джунгарского ханства войсками Цинской империи и завершением существования военного искусства центральноазиатских кочевников в качестве самостоятельного исторического феномена.

Основополагающим методологическим подходом, которым авторы настоящей работы руководствовались в своем исследовании, является принцип историзма, требующий рассмотрения и оценки исторических процессов и явлений в их взаимосвязи и развитии. Этот принцип выразился во взаимообусловленности процессов развития средств нападения и защиты (совершенствование эффективности действия одного из этих разделов оружия закономерно стимулировало необходимость повышения эффективности другого раздела), в закономерной смене тактических приемов ведения боя в зависимости от изменений военно-организационных форм и технических возможностей коллективного применения разных, в том числе новых для данного историко-культурного региона, видов оружия. В процессе изучения военного дела номадов Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени был применем системный подход для анализа данного исторического явления, который позволил выявить целостность рассматриваемого объекта — в совокупности его составных частей, их взаимосвязи в процессе эволюции, в ходе которой в саморазвивающейся системе появляются новые интегративные свойства. Отдельные элементы наступательного и защитного вооружения исследовались в качестве составных частей всего оружейного комплекса.

При анализе предметов вооружения применялись разработанные ранее и неоднократно апробированные в оружиеведческих исследованиях методы формально-типологической классификации артефактов, сравнительно-исторического анализа комплексов вооружения, военно-организационных форм и тактических приемов ведения боя. Для реконструкции комплекса вооружения центральноазиатских номадов применялся комплексный подход с привлечением археологических находок предметов вооружения, этнографических материалов, описаний оружия в исторических источниках и эпических сказаниях, а также изображений воинов на памятниках искусства кочевых и оседло-земледельческих народов.

В процессе изучения наступательного и защитного вооружения впервые в практике сибирского оружиеведения были успешно применены методы экспериментальной реконструкции и моделирования оружия и доспехов. Благодаря испытанию современных копий позднесредневековых шлемов и панцирей, изготовленных по образцам реально сохранившихся экземпляров из музейных коллекций,

удалось выяснить конструктивные и функциональные особенности оригиналов, оценить некоторые особенности их изготовления и применения.

В результате проведенного исследования впервые в отечественной и зарубежной военно-исторической и оружиеведческой историографии на основе анализа вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников были реконструированы комплекс вооружения и тактика ведения конного и пешего боя народов различных районов Центральной Азии XV — первой половины XVIII в. В настоящей работе выявлены основные закономерности развития военного дела центральноазиатских кочевников, этапы эволюции позднесредневекового вооружения номадов, исследованы источники поступления в монгольские степи предметов наступательного и защитного вооружения и материалов для их изготовления. В рамках данного исследования были подготовлены и представлены научно-исторические графические и экспериментальные реконструкции комплексов наступательного и защитного вооружения номадов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в эпоху позднего Средневековья и Нового времени.

Введение, части I, II, IV и заключение написаны авторами совместно, часть III написана Л. А. Бобровым.

Авторы выражают искреннюю признательность исследователям, оказавшим содействие в сборе и обработке материалов, опубликованных в данной книге: Анюшину Ивану Константиновичу (г. Новосибирск), Адамову Александру Александровичу (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск), Горбунову Вадиму Владимировичу (г. Барнаул), Горелику Михаилу Викторовичу (г. Москва), Елихиной Юлии Игоревне (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург), Комарову Игорю Александровичу (Оружейная палата Московского Кремля, г. Москва), Кулешову Юрию Алексеевичу (г. Москва), Мясникову Вадиму Юрьевичу (г. Улан-Удэ), Ожередову Юрию Ивановичу (МАЭС ТГУ, г. Томск), Павлюковской Галине Петровне и Жуковской Ирине Петровне (Канский краеведческий музей, г. Канск), Пастухову Алексею Михайловичу (г. Москва), Плотникову Георгию Васильевичу (г. Астана, Республика Казахстан), Пронину Алексею Олеговичу (г. Новосибирск), Трофимову Юрию Викторовичу (Омский государственный историко-краеведческий музей, г. Омск), Филипповичу Юрию Александровичу (г. Новосибирск), Ускенбаю Канату (г. Алма-Ата, Республика Казахстан). Особая благодарность профессору У Вэю (г. Пекин, Китайская Народная Республика), а также сотрудникам музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Ачинска, Горно-Алтайска, Енисейска, Канска, Минусинска, Тобольска, Улан-Удэ, Улан-Батора (МНР).

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛОВ ПО ВООРУЖЕНИЮ И ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Глава 1

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА КОЧЕВЫХ НАРОДОВ НЕЙТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

1.1. История накопления и изучения материалов по позднесредневековому оружию центральноазиатских номадов

Первые предметы вооружения, изготовленные оружейными мастерами в Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья, оказались в России в результате военных столкновений и дипломатических контактов с номадами в рассматриваемый период в качестве трофеев и дипломатических подарков. Некоторые из доспехов, подаренных московским царям монгольскими ханами, сохранились в собрании Оружейной палаты Московского Кремля до настоящего времени и могут служить объектом научной атрибуции и оружиеведческого исследования.

Собирательство археологических «куриозных» предметов из грабительских раскопок бугровщиков на территории Сибири и их последующее научное описание и изучение восходят к концу XVII в. В это время сибирскими древностями, развалинами средневековых крепостей и археологическими находками заинтересовались европейцы, находившиеся на российской службе в Сибири. Особое значение для изучения древних и средневековых вещей имела собирательская деятельность голландского ученого и коллекционера Н. К. Витзена. Среди собранных им «куриозных» предметов имеются отдельные находки, относящиеся к культуре монголов эпохи позднего Средневековья. В их числе имеются принадлежности поясного набора знатного монгольского или ойратского воина или чиновника (Борисенко, Худяков, 2005, с. 52). Бугровщиков и коллекционеров в этот период интересовали вещи, изготовленные из драгоценных металлов, или предметы декоративно-прикладного искусства. Железные предметы вооружения, которые попадали в руки бугровщиков в ходе грабительских раскопок, сравнительно редко привлекали их внимание, поскольку в них не было ничего необычного, или «куриозного».

Во время первой научной экспедиции в Сибирь в начале XVIII в., которую возглавлял Д. Г. Мессершмидт, им было приобретено у бугровщиков несколько средневековых железных наконечников стрел из раскопанных ими памятников культуры енисейских кыргызов в Минусинской котловине (Brentjes, Vasilievsky, 1989, s. 89; Борисенко, Худяков, 2005, рис. 18). Вероятно, эти предметы могли привлечь бугровщиков своей хорошей сохранностью. В последующие десятилетия во время работы Великой северной экспедиции Г. Ф. Миллером был собран обширный фонд русских исторических документов, в которых содержится много сведений по военной истории халха-монголов, ойратов, енисейских кыргызов, телеутов и других тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии. Эти материалы составили основную ис-

точниковую базу для изучения военных действий между кочевыми народами и русскими казачьими отрядами в XVI-XVII вв. На основе анализа этих источников учеными, историками Н. Н. Козьминым, С. В. Бахрушиным, Л. П. Потаповым, А. П. Уманским в XX в. были прослежены основные события войн, которые вели енисейские кыргызы и телеуты, и охарактеризованы некоторые особенности их военного дела (Козьмин, 1925, с. 49-70; Бахрушин, 1955, с. 176-224; Потапов, 1957, с. 11-69; Уманский, 1995 а, с. 67, 99, 106). При составлении первых классификаций древних памятников И. Г. Гмелиным и И. Э. Фишером выделялись в особый вид позднесредневековые «киргизские могилы», в составе инвентаря которых упоминались отдельные предметы вооружения, такие как наконечники стрел (Вадецкая, 1973, с. 99; Борисенко, Худяков, 2005, с. 102, 105). В первой половине XVIII в. коллекции археологических находок из раскопанных бугровщиками памятников в Степном Алтае и Прииртышье были собраны начальником горных заводов Урала и Сибири генералом Г. В. Де Генниным и горнозаводчиком П. Г. Демидовым. Эти материалы были проанализированы И. Р. Форстером. Среди собранных коллекционерами археологических находок были предметы мелкой пластики из развалин ойратских ламаистских монастырей и печать со старомонгольской надписью, которые относятся ко времени существования Джунгарского ханства. И. Р. Форстер предпринял попытку определения хронологии памятников, из которых были извлечены находки. Он высказал предположение, что раскопанные на Иртыше могилы со сводами могли относиться к эпохе развитого Средневековья (Борисенко, Худяков, 2005, с. 119). Во второй половине XVIII в. изучением южносибирских древностей занимались П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Э. Сивере. В своих сочинениях они также упоминают «киргизские могилы» и развалины джунгарских ламаистских храмов, некоторые предметы вооружения (Борисенко, Худяков, 2005, с. 129).

В составе археологических материалов, собранных учеными и коллекционерами XVIII в., почти нет предметов вооружения эпохи позднего Средневековья, поскольку для того времени они еще не стали раритетами. Однако своими трудами они заложили основу для дальнейшего изучения археологических памятников культур номадов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. Ученые XVIII в. считали обследованные ими памятники и археологические находки, приобретенные у бугровщиков, принадлежностью татар или монголов. Однако в середине XVIII в. среди ученых и любителей старины возобладало мнение, что все сибирские древности относятся к легендарному древнему финскому народу «чуди». Оно было распространено среди исследователей сибирских древностей вплоть до середины XIX в.

К числу первых находок предметов позднесредневекового оружия с территории Алтая, ставших объектами научного сбора, хранения и экспонирования, относятся «девять старинных шпаг разных видов», которые были собраны в коллекции первого в Сибири Барнаульского музея, основанного в 1823 г. (Гришаев, 1993, с. 38). В течение XIX в. отдельные предметы позднесредневекового вооружения упоминаются в составе частных коллекций некоторых любителей древностей. Енисейский губернатор А. П. Степанов упомянул о хранившемся в его коллекции железном шлеме. В 1843 г. по степным районам Алтая путешествовал ученый-ботаник А. И. Шренк, собравший коллекцию древностей, которая сохранилась до настоящего времени в Музее антропологии и этнографии в г. Санкт-Петербурге (Демин, 1989, с. 52). Среди собранных им археологических находок имеются железные наконечники стрел, относящиеся к эпохе позднего Средневековья. В это время несколько парадных монгольских шлемов были приобретены в Сибири коллекционерами и впоследствии оказались в Царскосельском арсенале, а затем в императорском Эрмитаже. Об одной из этих находок известно, что она привезена из Сибири в 1845 г. Варрандом (Ленц, 1908, с. 155).

Целенаправленное изучение разновременных археологических памятников в Саяно-Алтае и Западной Сибири было осуществлено в 1860-х гг. В. В. Радловым. Он не только раскопал большое количество древних и средневековых погребений и отнес их к разным этапам периодизации археологических культур Сибири, вплоть до «новейшего железного века», но и впервые попытался сопоставить данные археологии со сведениями китайских летописей о древних тюрках, уйгурах и кыргызах. Интересные находки и описания деталей позднесредневекового защитного доспеха были сделаны по результатам раскопок В. В. Радлова на Чулыме в середине XIX в. (Радлов, 1989, с. 460). В 1863 г.

В. В. Радлов впервые в Сибири произвел раскопки серии курганов XVII в. Им были исследованы две курганные группы в бассейне Нижней Кии, левого притока Чулыма, у д. Улу-Кель и Малый Чердат, всего около 40 курганов. Материалы из раскопок В. В. Радлова хранятся до настоящего времени в Государственном историческом музее в г. Москве (Кренке, 1984, с. 137-138). Предметы вооружения из собранных им коллекций имеются и в собрании Государственного Эрмитажа. В коллекциях находок из раскопок В. В. Радлова представлены разнообразные предметы вооружения, относящиеся к эпохе позднего Средневековья, в том числе и пластины от пластинчато-нашивного панциря. Пластины имеют рельефную поверхность и пять расположенных крестом заклепок. Известны случайные находки подобных пластин в Минусинской котловине. Н. А. Кренке, исследовавший научное наследие В. В. Радлова и материалы из его раскопок, указав на многочисленность находок таких пластин в Минусе, предположил, что «в Минусинской котловине находился центр их изготовления», а обнаружение таких пластин на Чулыме «свидетельствует о контактах населения Чулыма и Минусинской котловины» (Кренке, 1984,с. 141,143). В. В. Радловсмог достаточно точно определить датировку памятника XVII в. по находке русских медных монет.

Во второй половине XIX в. в ряде городов Сибири были созданы музеи, ставшие центрами хранения и изучения древностей. В 1877 г. в Минусинске был основан музей, в собрании которого была собрана большая коллекция позднесредневекового оружия. Многие археологи-любители и собиратели древностей собрали и передали в этот музей коллекции археологических находок, в том числе предметы позднесредневекового оружия. С 1883 г. археологическим изучением Южной Сибири занимался сосланный в Минусинск бывший народоволец Д. А. Клеменц. В 1886 г. он опубликовал археологические материалы, хранящиеся в Минусинском музее, в том числе большое число предметов средневекового вооружения, систематизировав и подразделив их на типы: «сабли и шпаги», «наконечники копий и стрел», «кольчуги и латы». Особый интерес для настоящего исследования представляют опубликованные Д. А. Клеменцем находки клинкового и древкового оружия, кольчуг и панцирей, которые исследователь отнес к позднему этапу истории кочевников и периоду этнографической современности (Клеменц, 1886, с. 155-166). Среди этих находок он описал кольчужные бармицы с наушами, обнаруженные у с. Медведское, и панцирный набор из д. Каменки, состоящий из 29 четырехугольных пластин, «слегка выгнутых с наружной стороны, с закругленными углами и железными же заклепками» (Клеменц, 1886, с. 155-166). Исследователь отнес к числу предметов защитного вооружения позднесредневекового воина и сравнительно небольшой прямоугольный кольчужный сегмент из памятника Каныгино в Минусинской котловине. По мнению Д. А. Клеменца, он представлял собой «нагрудник» и являлся «самостоятельным типом защитного покрытия» (Клеменц, 1986, с. 155-166; Худяков, 1991, с. 95).

Ко второй половине XIX в. относится ряд публикаций позднесредневековых предметов защитного вооружения центральноазиатских номадов из старых оружейных коллекций. Находка парадного, богато орнаментированного монгольского шлема из собрания императорского Эрмитажа была опубликована в коллекционной описи в 1891 г. (Эрмитаж, 1891, с. 363).

В конце XIX — начале XX в. отдельные предметы позднесредневекового монгольского оружия были включены в энциклопедические и справочные издания по истории оружия (Бехайм, 1995, с.130). Прорисовку монгольского «шлема с драконами» из императорского Эрмитажа привел в своей работе, опубликованной в 1894 г., П. фон Винклер (Винклер, 1992, с. 254, рис. 327). По его мнению, «шишак», «вероятно, XIV столетия, найденный в Великом Сарае, из вороненой стали... покрыт золотой насечкой, представляющей драконов и разводы» (Винклер, 1992, с. 255). Рисунок шлема был приведен в книге П. фон Винклера только в одной проекции — анфас. В ходе осмотра данного наголовья в эрмитажном собрании одним из авторов данного исследования было установлено, что его пропорции на рисунке, приведенном в книге П. фон Винклера, и изображения на тулье были воспроизведены художником не совсем точно. «Шлем с драконами» из собрания Государственного Эрмитажа на основании аналогий среди маньчжурских, тибетских и монгольских боевых наголовий XVII—XVIII вв. был отнесен к эпохе позднего Средневековья (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 141-142).

Описания и фотографии трех монгольских шлемов в проекции анфас были опубликованы в 1908 г.

Э. Э. Ленцем в указателе оружейных коллекций императорского Эрмитажа. Э. Э. Ленцем была предпринята попытка атрибутации этих шлемов. Так, по мнению этого исследователя, низкий сферический шлем с резными накладками и широким «коробчатым» козырьком был изготовлен монгольскими оружейниками и найден в Сибири (Ленц, 1908, табл. V). Два остальных наголовья попали в императорский Эрмитаж непосредственно из Монголии. Э. Э. Ленц отметил, что тулья одного из шлемов «украшена изображениями драконов из набивного золота», а другой снабжен изображением «фигуры дукшита», тибетского демона — защитника веры (Ленц, 1908, табл. V).

В начале XX в. российскими и европейскими учеными, путешественниками и паломниками в их исследованиях были приведены описания и иллюстрации тибетских пехотинцев и всадников в панцирях и отдельные предметы вооружения, в том числе ламеллярные панцири, шлемы, щиты, копья, мечи, которые соответствуют оружию центральноазиатских номадов эпохи позднего Средневековья (Цыбиков, 1919, с. 210-211; Уоддель, 1906, с. 129-133).

В 1906 г. в Санкт-Петербурге была опубликована в переводе на русский язык книга А. Уодделя, которая должна была приоткрыть перед российским читателем «тайны загадочного Тибета». Наряду с описанием материальной и духовной культуры жителей этого региона, А. Уоддель представил развернутое описание военного искусства тибетцев конца XIX — начала XX в. Исследователь отметил архаичные, «средневековые», черты в вооружении современных тибетских воинов: «Некоторые еще носят железные шлемы и кирасы типа, знакомого нам по средневековой литературе; кольчуги состоят из маленьких узеньких пластинок, похожих на листики ивы, около 1,5 дюйма длины, и соединенных кожаной основой. Некоторые также надевают кольчуги из цепей. Кавалерийский железный шлем отличается от пехотного, на котором красуется петушиное перо, либо красная кисть, или павлиньи перья. Высшие офицеры иногда одевают своих лошадей броней; мы захватили целый новый лошадиный убор» (Уоддель, 1906, с. 129-130). Особый интерес представляют опубликованные в книге фотографии пеших тибетских воинов в шлемах, панцирях и со щитами, вооруженных ружьями с подсошниками (там же, с. 133), и всадника-копейщика, восседающего на покрытом броней коне (там же, с. 129).

В 1917 г. А. М. Талльгрен опубликовал коллекцию археологических находок из Минусинска, в составе которой имеются кольчуга и две сабли, которые должны относиться к эпохе позднего Средневековья (Tallgren, 1917, PI. XII, /, 7, *8).*

Подробное описание тибетского оружия привел в своей книге Г. Ц. Цыбиков (Цыбиков, 1919, с. 210-212). В области защитного вооружения внимание Г. Ц. Цыбикова привлекли те же панцирные элементы, что и А. Уодделя, — ламеллярные панцири, шлемы и плетеные щиты: «Вооружение пехоты: сабли, луки и щиты; на теле — чешуйчатый панцирь, на голове — шлем. Щиты, по-видимому, из плетеного тростника (мелкого бамбука). Впрочем, в вооружении нет единства: некоторые имеют пики, некоторые — луки, а некоторые — фитильные ружья. При вступлении в город и также при шествии церемонии пехотинцы то и дело палят холостыми зарядами. Конные также в шлемах и панцирях; в руках у них пики, на спине фитильные ружья с рожками (ножками), на бедрах — луки и колчаны с четырьмя стрелами» (там же, с. 211-212). В книге приведены фотография «старинного тибетского панциря» с наплечниками и длинным, разрезанным на три части подолом (там же, с. 211) из собрания Музея антропологии и этнографии и изображение «тибетского пехотинца в панцире и шлеме» (там же, с. 210).

Р. Карутцем было изучено оружие некоторых сибирских народов, в том числе бурят (Karutz, 1925, s. 64).

К сожалению, при создании основополагающей периодизации археологических культур Южной Сибири С. А. Теплоуховым не были включены в ее состав памятники эпохи позднего Средневековья (Теплоухов, 1929, с. 55). Для исследователей, изучавших культуры средневековых номадов Саяно-Алтая и Центральной Азии, эти памятники на несколько десятилетий оказались за пределами их научных интересов. При этом позднесредневековые материалы нередко недифференцированно рассматривались вместе с комплексами монгольского времени. Предметы вооружения позднесредневековых номадов Центральной Азии публиковались в составе различных археологических и этнографических коллекций.

В 1939 г. В. П. Левашова в своей популярной книге по археологии южной части Красноярского

края опубликовала некоторые находки предметов вооружения из собрания Минусинского музея. Среди них имеются пластины от кыргызского пластинчатого «внутреннего» панциря, которые должны относиться к эпохе позднего Средневековья (Левашова, 1939, с. 54).

В 1939 г. Б. Тордеманом были опубликованы прорисовки тибетских панцирных пластин из собраний европейских музеев и фотоиллюстрации тибетских панцирей, шлемов и воинов в доспехах, относящихся к эпохе позднего Средневековья (Thordeman, 1939, s. 235, 249-251, 283, fig. 233-235, 285).

Венгерской ориенталисткой К. У. Кехальми была изучена терминология, относящаяся к монгольским наконечникам стрел с костяными свистунками (Kohalmi, 1953, s. 45-64).

В 1961 г. С. И. Вайнштейн опубликовал находку позднесредневекового шлема из долины р. Ий в Тодже (Вайнштейн, 1961, с. 16, рис. 8). Тулья шлема склепана из пластин-секторов, стыки которых прикрыты резными накладками с ребрами жесткости. Обруч шлема составлен из пластин прямоугольной формы, приклепанных к тулье с помощью заклепок. На верхней кромке обруча фиксируются остатки узкого металлического обода. На основании наличия в оформлении шлема ряда признаков, характерных для центральноазиатских наголовий XVI-XVIII вв., он был отнесен авторами данного исследования к комплексу вооружения позднесредневековых кочевников Тувы и Северной Монголии (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 142-143).

В 1964 г. Л. Р. Кызласов издал схематический рисунок шлема из Дзун-Хемчинского района Тувы (Кызласов, 1964, с. 83, табл. I, *33)* в одной проекции — анфас в числе других найденных в тувинских курганах предметов быта, вооружения и конской сбруи. Л. Р. Кызласов датировал наголовье XVI-XVII вв. По его мнению, подобные «железные шлемы — шишаки, склепанные из четырех или шести прогнутых треугольных пластин, с накладками, козырьками и трубочками для султанов», были широко распространены в XVI-XVII вв. в Южной и Восточной Сибири (Кызласов, 1964, с. 83, табл. I, рис. 33). В дальнейшем этот шлем был проанализирован в числе подобных боевых наголовий центральноазиатских номадов в работе Ю. С. Худякова, К. Ш. Табалдиева, О. А. Солтобаева. Авторами было уточнено, что данный шлем был найден в местности Чиргакы в Дзун-Хемчинском районе Тувы. По имеющимся аналогиям шлем был датирован XVI-XVIII вв. (Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 105-106). Дальнейшее изучение подобных шлемов подтвердило предложенную датировку данной находки (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 140-141).

Монгольское защитное вооружение эпохи позднего Средневековья из собраний музеев разных стран мира и его изображения на средневековых фресках и миниатюрах были использованы в исследовании восточного защитного вооружения Х. Р. Робинсоном (Robinson, 1967, p. 127-157).

В 1969 г. А. М. Решетов опубликовал тибетский ламеллярный доспех и шлем, ранее изучавшиеся Г. Ц. Цыбиковым, которые хранятся в Музея антропологии и этнографии. Исследователь привел подробное описание панциря и шлема, включая все детали (Решетов, 1969, с. 130-131, рис. 16-17).

Монгольским ученым Х. Пэрлээ были описаны монгольские воинские сапоги-гутулы, в голенищах которых имелась металлическая защита (Пэрлээ, 1975, тал. 42-45).

В 1976 г. В. Т. Монгуш и А. Д. Грач исследовали тайник на горе Ийи-Кулак в Пий-Хемском районе Тувы, в котором было обнаружено большое количество панцирных пластин. Исследователи отнесли эти находки к одному доспеху и датировали XIII-XVII вв. (Монгуш, Грач, 1977, с. 227). В дальнейшем эти находки изучались М. В. Гореликом и были отнесены к монгольскому времени (Горелик, 1983, с. 251).

В 1978 г. М. В. Гореликом на основе изучения монгольских предметов вооружения в Оружейной палате Московского Кремля и Государственном Эрмитаже был реконструирован внешний облик монгольских воинов эпохи позднего Средневековья (Горелик, 1978, тал. 96-99).

В 1979 г. Я. И. Сунчугашев опубликовал в своей книге, посвященной изучению железоделательного производства в Минусинской котловине в Древности и Средневековье, находки позднесредневековых панцирных пластин (Сунчугашев, 1979, с. 134).

В 1985 г. материалы раскопок позднесредневекового шаманского захоронения из могильника Ортызы-оба, исследованного в долине р. Табат на юге Минусинской котловины, были введены в научный оборот Ю. С. Худяковым и С. Г. Скобелевым (Худяков, Скобелев, 1985 а, с. 159-162). В составе сопроводительного инвентаря погребенной жен-

щины-шаманки оказались железный двулезвийный меч, наконечники копий, русский проушный топор и панцирные пластины. Авторы пришли к выводу, что «пластины входили в состав шаманского плаща, хотя различия в форме пластин (широкие и узкие) свидетельствуют в пользу пластинчатого доспеха» (Худяков, Скобелев, 1985, с. 160). Состав находок позволил реконструировать комплекс шаманского вооружения, характерного для кыштымов, и выделить шаманку из исследованного захоронения в особую категорию военных шаманов (Худяков, Карпекина, 1984, с. 98-102; Худяков, Скобелев, 1985 6, с. 159-163).

В 1987 г. Ю. С. Худяковым и А. И. Соловьевым были рассмотрены находки защитного вооружения из памятников Южной и Западной Сибири, в том числе некоторые предметы, относящиеся к эпохе позднего Средневековья. К этой эпохе были отнесены два типа панцирного доспеха — куяки и бригандины (Худяков, Соловьев, 1987, с. 155).

В 1990 г. монгольским ученым А. Дамдинсурэном была издана книга о военном деле кочевого населения Монголии в Древности и Средневековье. Хотя эта работа носит компилятивный характер, в ней имеются отдельные сведения о вооружении монголов эпохи позднего Средневековья и Нового времени (Дамдинсурэн, 1990, тал. 122-130).

В 1991 г. Ю. С. Худяковым были проанализированы предметы защитного вооружения енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья. Были охарактеризованы кыргызские панцири, бригандины и куяки, кольчуги, шлемы (Худяков, 1991, с. 87-99).

В 1993 г. Ю. А. Плотниковым и З. Батсайханом была проанализирована находка сабли из Гобийского Алтая, которой пользовались монгольские воины в эпоху позднего Средневековья (Плотников, Батсайхан, 1993, с. 214). В этом же году В. А. Михайлов опубликовал книгу по оружию бурят, в которой проанализировал некоторые исторические, изобразительные и фольклорные данные на эту тему (Михайлов, 1993, с. 11-28).

В 1994 г. коллективом археологов, исследовавшим под руководством В. И. Молодина археологические памятники на плато Укок, был опубликован позднесредневековый панцирь из прутьев, на кожаной основе. Панцирь был обнаружен при раскопках женского погребения на памятнике Бертек-20. Верхнюю часть грудной клетки женщины, положенной в могилу, «закрывали остатки нагрудника из прутьев и кожи. Его горизонтальные составляющие, уложенные в вертикальный ряд, были плотно сплетены между собой кожаными ремешками, свободные концы которых охватывали плечи и заходили под спину погребенной». По мнению авторов находки, «обнаруженный на груди погребенной нагрудник представляет собой остатки защитного доспеха, весьма напоминающего этнографически известные восточные панцири» (Древние культуры Бертекской долины, 1994, с. 127).

В 1995 г. И. Ю. Слюсаренко и Д. В. Черемисиным были опубликованы два кольчатых доспеха, обнаруженных в тайнике на склоне горы у с. Джазатор в Горном Алтае (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 100-104). Исследователи подробно описали найденные кольчуги, указав вес, размеры и особенности оформления каждой из них. Отдельно были рассмотрены размеры колец и способы их соединения между собой. Несколько менее подробно авторами были рассмотрены ствол фитильного ружья и спусковой механизм, найденные в тайнике вместе с кольчугами (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 102-103). Хорошая сохранность кольчуг, ряд особенностей покроя, система соединения колец, способ запаха ворота кольчуг (с подполком), расширенный книзу подол, сеченые кольца, кольца с внутренним мысообразующим выступом, одновременное употребление колец разной величины, использование при наборе только склепанных колец и соседство доспехов в одном тайнике с огнестрельным оружием дали основание И. Ю. Слюсаренко и Д. В. Черемисину датировать свою находку эпохой позднего Средневековья (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 104). По мнению исследователей, «оружейный клад из с. Джазатор был оставлен в достаточно позднее время, видимо, не раньше начала XVIII в., хотя кольчуги, например, могли быть изготовлены и в более ранний период (в XVI-XVII вв.). По своему происхождению предметы вооружения, входящие в состав клада, могут быть связаны с проникновением русского населения в Сибирь...» (там же). Однако авторы статьи полагают, что хозяевами находки могли быть и не русские служилые люди: «Обстоятельства, при которых был оставлен клад, так же как и его хозяева, остаются для нас загадкой, связанной с какими-то драматическими событиями местной истории, которые, может быть, имели ме-

сто в период джунгарской экспансии в этом районе» (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 104). В другой статье авторы публикации джазаторских находок отмечают, что «технические характеристики вещей, составляющих клад... позволяют датировать их временем не позднее XVIII в. и связать с военными действиями в зоне влияния Джунгарского ханства» (Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 66).

К середине 1990-х гг. относится серия работ Ю. С. Худякова, основанная на публикациях предметов вооружения из музеев Восточного Туркестана (КНР), изученных им в ходе экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь» в 1990 г.

В 1995 г. Ю. С. Худяков опубликовал изображения шлемов и кольчатых панцирей из музеев г. Куча, Ланьчжоу и Чжанье из китайских провинций Ганьсу и Синьцзян, в экспозициях которых систематизированы находки с территории Восточного Туркестана (Худяков, 1995, с. 34-41, 216—217). Образцы вооружения из этих музеев относятся преимущественно к XVII—XVIII вв. (Худяков, 1995, с. 35). Наряду с классическими позднесредневековыми цинскими шлемами цилиндроконической формы в экспозиции г. Куча зафиксирован сфероконический шлем с козырьком, обручем и полусферическим навершием с втулкой для плюмажа (там же, с. 39, 217, рис. III, *3)*. Завершив описание боевого наголовья, Ю. С. Худяков отмечает, что «близкие по форме шлемы известны у кыргызов, киданей, монголов и других кочевых народов Центральной Азии» (там же, с. 39). Специальный анализ данного наголовья выявил его типологическое сходство с джунгарскими и кыргызскими шлемами XVII в., что позволило нам рассмотреть его в рамках исследования, посвященного позднесредневековым центральноазиатским наголовьям (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 141). В этой же статье Ю. С. Худяков опубликовал изображения двух кольчатых панцирей из музеев г. Чжанье и Ланьчжоу. Кольчуга из Чжанье скроена в виде «рубашки с широким воротом и короткими рукавами... имеет разрез с правой стороны груди вниз от ворота... подол длинный, с разрезом спереди» (Худяков, 1995, с. 39). Кольчуга из Ланьчжоу имеет короткий подол без разреза (Худяков, 1995, с. 39, 216, рис. III, 5). На основании аналогий в материалах Средней и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья данные кольчуги привлекались нами в работах в качестве иллюстраций кольчатых панцирей воинов Джунгарского ханства, контролировавшего Восточный Туркестан с конца XVII до середины XVIII в.

Серия публикаций изображений предметов позднесредневекового вооружения из музеев Восточного Туркестана была завершена Ю. С. Худяковым в 2001 г. статьей о материалах древних и средневековых культур кочевников в музее г. Курля (Худяков, 2001 а, с. 471-475). В числе прочих находок Ю. С. Худяковым был опубликован сфероконический шлем с кольчужной бармицей, узким ободом, с заклепками и навершием. Характерной особенностью шлема являются три овальные накладки («заплатки») на лицевой части тульи, приклепанные к ее поверхности с помощью заклепок (там же, с. 474, рис. 2,3). Вместе со шлемом в зале, где экспонируются находки эпохи Цин, представлены сабля со слабоизогнутым клинком и кольчуга «с короткими рукавами и подолом и широким воротом» (там же, с. 474, рис. 2,5-6). По мнению автора, «это оружие характерно для среднеазиатского или передневосточного комплекса вооружения эпохи Средневековья (там же, с. 474).

В 1999 г. В. И. Соенов и А. В. Исов опубликовали изображения и дали подробное описание четырех кольчатых панцирей, найденных на территории Алтая. Две первые кольчуги были обнаружены в тайнике среди камней осыпи в бассейне р. Калгута в Кош-Агачском районе. Две другие являются случайными находками, «происхождение которых не уточнено» (Соенов, Исов, 1999, с. 182). Все кольчуги сплетены одинарным способом: четыре кольца скреплены через одно (там же, с. 183). Две первые кольчуги скроены в виде рубах с разрезом ворота по центру (запах слева направо), короткими рукавами и подолом. В целом они близки кольчугам из Джазатора, условия находки панцирей (клад) также сближают их с джазаторскими экземплярами. Установить особенности покроя (в частности, наличие разрезов) на третьей кольчуге исследователям не удалось. Четвертый панцирь также скроен в виде рубахи, но снабжен стоячим кольчатым воротником без разреза с пропущенным между кольцами кожаным ремешком (там же).

Исследователи особо отметили, что способ соединения и форма колец кольчуг не могут служить надежным доказательством при датировке кольча-

тых панцирей: «Консервативная техника изготовления кольчатого доспеха и традиционный покрой в виде рубахи с короткими рукавами не позволяют пока точно датировать публикуемые изделия и определить их происхождение. Наиболее ранняя южносибирская кольчуга, датированная III в. н. э., имеет такой же принцип изготовления, как и поздние доспехи: сплетена одинарным способом из круглых и овальных колец овального сечения. Техника изготовления колец — сварка и клепка. Клепаные кольца имеют мысообразный выступ на внешней стороне» (Соенов, Исов, 1999, с. 182). Первые две кольчуги «по таким косвенным признакам, как хорошая сохранность; аналогичные с джазаторскими условия находки; количество кольчуг в кладе, мы можем датировать XVII—XVIII вв. Возможно, близки по времени и остальные две кольчуги» (там же). Происхождение кольчуг исследователи связывают с «русской экспансией на восток» и ссылаются при этом на работу И. Ю. Слюсаренко и Д. В. Черемисина (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 100-104). Однако авторы публикации джазаторских кольчуг полагают, что зафиксированные ими кольчатые панцири могли быть связаны не только с русской, но и с «джунгарской экспансией в регион» и «военными действиями в зоне влияния Джунгарского ханства» (там же, с. 104; Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 66).

В том же 1999 г. С. Г. Скобелевым и П. В. Мандрыкой были опубликованы находки пяти целиком сохранившихся пластин и одного фрагмента от пластинчато-нашивного панциря из раскопок с Айканского селища на левом берегу р. Енисей севернее Красноярска, датированные второй половиной XVII — началом XVIII в. Датировка памятника была дана на основании наличия в раскопанных землянках русской керамики (Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 208-211). Авторы статьи привели сведения письменных источников о родственнике кыргызского князя Ереняка Иване Архипове Айкане, поверстанном в дети боярские, с именем которого связаны названия речек и местностей вокруг памятника. Из материалов письменных источников известно, что у Айкана под Красноярском имелась деревня, в которой проживали его родичи и близкие люди (там же, 1999, с. 209).

В 2001 г. Ю. С. Худяковым и С. А. Ким были обобщены материалы по вооружению кыргызских кыштымов. В этой работе рассмотрены разнообразные предметы вооружения дистанционного и ближнего боя и средства защиты из памятников племен Минусинской котловины, находившихся на положении кыштымов в княжествах енисейских кыргызов в XVII — начале XVIII в. (Худяков, Ким, 2001, с. 63-70). В том же 2001 г. Ю. С. Худяковым были опубликованы результаты изучения луков и стрел бурят эпохи позднего Средневековья (Худяков, 2001 б, с. 78-85).

В 2002 г. Ю. С. Худяковым были систематизированы материалы по военному делу енисейских кыргызов и кыштымов эпохи позднего Средневековья, выявленные в предшествующие годы в ходе раскопок и изучения музейных коллекций (Худяков, 2002, с. 65-78). Л. А. Бобровым были введены в научный оборот находки двух позднесредневековых шлемов из собраний музеев Енисейска и Красноярска. Один шлем определен в качестве изделия шорского мастера, а другой — как предмет русского производства (Бобров, 2002, с. 91-93). В совместной работе Л. А. Боброва и Ю. С. Худякова были рассмотрены предметы вооружения и изображения среднеазиатских воинов эпохи позднего Средневековья (Бобров, Худяков, 2002, с. 122-126,127-135,139-142). Эти материалы могут служить информативным источником для изучения военного дела в рассматриваемый период на всем пространстве степного пояса Евразии. С. Г. Скобелевым были проанализированы находки наконечников стрел на площади Саянского острога, которые свидетельствуют об использовании данного вида оружия дистанционного боя русскими казаками в начальный период Нового времени (Скобелев, 2002, с. 185). Ряд интересных находок предметов вооружения, включая привозной, вероятно маньчжурский, палаш, из раскопок позднесредневековых кыргызских памятников был опубликован А. В. Выборновым, В. Н. Нечипоренко и С. Г. Скобелевым в 2003 г. (Выборнов, Нечипоренко, Скобелев, 2003, с. 50-52). В это же время Л. А. Бобровым и Ю. С. Худяковым были введены в научный оборот материалы по вооружению и военному делу маньчжуров, восьмизнаменные войска которых в эпоху позднего Средневековья и Нового времени вели активные военные действия против центральноазиатских номадов (Бобров, Худяков, 2003, с. 124-169). В работе Ю. А. и А. Л. Петренко рассмотрены случаи использования и переоформления предметов вооружения мастерами, работавшими в Минусинской котловине в эпоху позднего Средневековья (Петренко, Петренко, 2003, с. 59-64).

В 2004 г. В. Е. Войтовым и Ю. С. Худяковым был опубликован полусферический монгольский шлем из фондов Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ), который на основании типологического анализа был отнесен к эпохе позднего Средневековья (Войтов, Худяков, 2004, с. 100-106).

В том же году Ю. С. Худяковым и Л. А. Бобровым было проанализировано вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего Средневековья. Авторами были привлечены для анализа и классификации предметы вооружения из российских и монгольских музеев. Были выделены два типа луков, пять типов стрел, сабли, копья, кинжалы, панцири, кольчуги, шлемы, рассмотрены особенности военного искусства войск Джунгарии и государства Алтын-ханов (Худяков, Бобров, 2004, с. 113-126). С. Г. Скобелевым, В. Н. Нечипоренко и С. В. Панькиным были рассмотрены находки костяных накладок и других деталей луков в позднесредневековых памятниках кыргызских кыштымов на Среднем Енисее (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 132-148). О. А. Митько был проанализирован комплекс вооружения русских казаков и служивых воинов, противостоявших в ходе военных действий в Южной Сибири кочевникам (Митько, 2004, с. 172-179).

В 2004 г. Ю. С. Худяковым был рассмотрен и систематизирован комплекс боевых средств позднесредневекового кочевого населения степных районов Алтая и юга Западной Сибири, среди которого заметную военную силу представляли телеуты и созданные ими государственные образования (Худяков, 2004, с. 310-316). В течение нескольких десятилетий телеуты находились в вассальной зависимости от джунгар. Их воинские подразделения принимали участие в военных действиях на стороне своих сюзеренов.

В том же 2004 г. В. И. Соенов опубликовал шлем из числа случайных находок из Горного Алтая. Этот шлем был обнаружен близ устья р. Сымылта, правого притока р. Катуни в Онгудайском районе Республики Алтай. На основании типологического анализа шлем был датирован автором публикации XV-XVIII вв. (Соенов, 2004, с. 111 -115).

Анализ истории изучения и накопления материалов по военному делу номадов Центральной Азии и Южной Сибири эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени свидетельствует, что процесс сбора вещественных источников в музейные собрания охватил более двух столетий. Научное осмысление этих источников ведется несколько десятилетий, однако целенаправленные, специальные исследования по данной теме проводятся со все возрастающей интенсивностью в течение последних 15 лет. Хотя к этой теме обращались многие исследователи, основные разыскания были проведены авторами настоящей работы.

1.2. Основные проблемы историографии оружиевеления центральноазиатских номалов эпохи позднего Средневековья

В XVIII в. военное дело позднесредневековых номадов Центральной Азии еще не стало предметом научного изучения. Наиболее важным итогом научной деятельности ученых этого времени был сбор обширного массива русских источников о событиях военной истории кочевых народов южных районов Сибири в период их присоединения к России. В трудах Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера были изложены основные события этой истории и дана им историческая оценка в соответствии с научными представлениями своего времени. Ученые обратили внимание на памятники позднесредневековой фортификации и отдельные находки предметов вооружения из раскопок бугровщиков. В этот же период исследователям стали доступны некоторые средневековые восточные источники, в которых затрагивались события эпохи позднего Средневековья.

Первые оценки комплекса наступательного и защитного вооружения и военного искусства центральноазиатских кочевников были сделаны российскими и европейскими исследователями еще в первой половине XIX в.

Одним из первых российских исследователей, обратившихся к изучению военного искусства монголов «от Чингиз-хана до Тамерлана», был генерал М. И. Иванин (Иванин, 1846, с. 9-15). Автор привел в своей работе основные сведения письменных источников о завоеваниях и военном искусстве монголов, в том числе некоторые данные, относящиеся к военному делу номадов эпохи позднего Средневековья. Хотя основное содержание книги

посвящено анализу военного дела монголов эпохи Монгольской империи Чингиз-хана, в этой работе рассмотрены основные виды вооружения и воинского снаряжения воинов, особенности структуры военной организации и тактики ведения конного боя воинов Тимура (Тамерлана), относящиеся к эпохе позднего Средневековья (Иванин, 1846, с. 147, 174,203).

Вероятно, к числу первых публикаций, вышедших в свет в России и затрагивавших вопросы изучения монгольского вооружения эпохи позднего Средневековья, должна относиться статья «О татарском вооружении, хранящемся в музеуме его императорского величества в Царском Селе», опубликованная в «Записках Археологическо-нумизматического общества» в конце 1840-х гг., автор которой вынес на суд ориенталистов решение вопроса о татарском происхождении некоторых названий русского оружия и другой военной терминологии XIV-XVI вв. В Царскосельском арсенале хранились редкие образцы оружия, в том числе парадные монгольские шлемы, привезенные из Сибири.

Ответом на эту статью явилась небольшая заметка бурятского ученого-востоковеда Д. Банзарова, впервые опубликованная в 1849 г., а затем переизданная в сборнике сочинений ученого в 1891, 1955 и 1997 гг. (Банзаров, 1955, с. 161-166; Банзаров, 1997, с. 91-93). Автор высказал свои соображения в отношении монгольского происхождения следующих терминов: «куяк», который объяснил как доспех из «железных блях, пришитых к коже или к какой-либо материи»; «бехтерец» — «род кольчуги, у которой на боковой, нагрудной и спинной частях было, вместо колец, по нескольку рядов металлических дощечек»; «тегиляй» — «доспех с короткими рукавами и высоким стоячим воротником, толсто подбитый хлопчатого бумагою или пенькою»; «джид» — «метательное копье»; «саадак» — «прибор для стреляния», «лук с токтуем и стрелы с колчаном» (там же; там же, с. 91-92). По предположению Д. Банзарова, «тегиляй» продолжал употребляться монголами вплоть до XIX в., но был известен под названием «олбок» (там же, с. 162-163; там же, с. 92). Некоторые из высказанных автором предположений не выдержали испытания временем. Современные исследователи придерживаются мнения об иранском происхождении названия кольчато-пластинчатого доспеха — «бехтерец» (Горелик, 1983, с. 247). В дальнейшем вопросы монгольской военной лексики и терминологии рассматривались в рамках лингвистических исследований и сравнительно редко использовались в процессе изучения военного дела позднесредневековых номадов.

Во второй половине XIX в. исследователи, интересовавшиеся военным делом монголов, в том числе в период позднего Средневековья, ввели в научный оборот некоторые весьма информативные предметы вооружения этого времени и предприняли опыты реконструкции комплекса монгольского вооружения с использованием изобразительных и исторических источников.

Материалы по военному делу казахов были рассмотрены в работе известного казахского ученого-востоковеда Ч. Ч. Валиханова. В его статье описаны различные виды холодного и огнестрельного оружия и воинского снаряжения казахских воинов эпохи позднего Средневековья и этнографической современности, в том числе сабли, палаши, кинжалы, копья, саадаки, ружья. Ученый отметил, какие виды оружия применялись в прошлом, а какие продолжали использоваться в середине XIX в. (Валиханов, 1961, с. 463-468). Некоторые образцы оружия были им зарисованы.

В этот период Ф. Готтенрот дал характеристику комплексу вооружения монгольских воинов эпохи позднего Средневековья и Нового времени. По его мнению, монгольские «солдаты носили высокий железный остроконечный шлем с красным султаном из волос, кафтан на вате с укрепленными железными пластинами, имели широкую тяжелую саблю, висевшую на левом боку эфесом назад, лук с колчаном и стрелами и мушкеты. Всадники были одеты исключительно в платье черного цвета и не имели шпор...» (Готтенрот, 2001, с. 181). По сведениям Ф. Готтенрота, «одежда в различных ордах... была схожа больше по материалу, из которого изготовлялась, нежели по своему покрою: восточные монголы одевались иначе, чем западные... Солдаты носили стеганые кафтаны; рубашки подпоясывались и длинные полы затыкались за пояс...» (там же, с. 180). Ф. Готтенрот приводит изображения монгольских воинов (там же, л. 113, рис. 12-15). Восточный монгол на рисунке одет в жилет мехом наружу и широкие шаровары, к поясу рукоятью назад подвешена сабля с широким клинком, другой степняк закинул за спину щит прямоугольной формы; «монгольские ханы» носят высокие конусооб-

разные шапки и зубчатые короны (Готтенрот, 2001, л. 113). Судя по известной стилизации и условности изображений, рисунки были сделаны не с натуры, а по описаниям путешественников и этнографов. Вероятно, он учел изображения монголов на средневековых европейских и российских миниатюрах, на которых их изображали в тюрбанах, длиннополых халатах и с ятаганами в руках или на поясе. Приведенные Ф. Готтенротом данные представляют собой одну из первых в европейской науке попыток обобщения исторических и этнографических материалов, повествующих о вооружении центральноазиатских кочевников XVIII-XIX вв. Некоторые из сведений, приведенных Ф. Готтенротом, получили подтверждение в ходе дальнейших исследований, другие были опровергнуты. В целом попытка описать и реконструировать внешний облик номадов, опираясь исключительно на сообщения путешественников и этнографов, оказалась не особенно удачной. Однако в тех случаях, когда исследователю удавалось непосредственно познакомиться с рассматриваемым объектом,его описания и иллюстрации отличаются достаточной достоверностью. Так, сфероцилиндрический «калмыцкий» шлем из фондов Оружейной палаты изображен реалистично и представляет интерес для современных исследователей (там же, л. 119, рис. 5).

В конце XIX — начале XX в. известными исследователями Н. И. Кондаковым и Э. Э. Ленцем были изданы и проиллюстрированы описания нескольких монгольских шлемов из собрания императорского Эрмитажа (Ленц, 1908, с. 155). Эти материалы позволили другим ученым, В. Бехайму и П. фон Винклеру, использовать их для характеристики комплекса вооружения монголов эпохи позднего Средневековья (Бехайм, 1995, с. 130; Винклер, 1992, с. 254).

Значительный интерес к изучению вооружения и военного искусства монголов и некоторых кочевых народов Южной Сибири проявили отечественные ученые и любители старины, работавшие в 1920-1930-х гг. Хотя основное внимание было уделено исследованию военного дела монголов эпохи Чингиз-хана, ими привлекались сведения, относящиеся к истории народов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья.

В 1925 г. сибирский историк-областник Н. Н. Козьмин опубликовал свою книгу по истории енисейских кыргызов XVII в. В ней он осветил основные события, относящиеся к военным и дипломатическим контактам с русскими властями в Сибири. В этой книге в негативном свете оценивается политика русских властей в отношении коренного населения Южной Сибири. Однако собственно вопросы военного дела в ней почти не затронуты (Козьмин, 1925, с. 83-88).

Калмыцкий историк Э. Хара-Даван обобщил в своей книге, впервые изданной в Белграде в 1929 г., все доступные ему материалы по военному делу монголов и снабдил своими комментариями. В его книге рассмотрены также вопросы состава и устройства войск Тамерлана. Однако, как отмечает сам автор, привлеченные им материалы почерпнуты из книги М. И. Иванина (Хара-Даван, 1991, с. 145). В книге Э. Хара-Давана приведен рисунок позднесредневекового шлема с маской, который автор считает «монгольским шлемом из Московского Кремля» (там же, с. 76).

Одна из значительных монографических работ, в которой затрагивались вопросы социальной структуры позднесредневекового монгольского общества и формирования войска, была впервые опубликована в 1934 г. ведущим ученым-монголоведом этого времени Б. Я. Владимирцовым, который попытался применить к анализу исследуемых материалов новый для отечественной исторической науки историко-материалистический подход. Им было проанализировано содержание монголо-ойратских законов 1640 г. и выделено в составе монгольского общества несколько групп свободного кочевого населения, из которых формировались воинские подразделения позднесредневековых монгольских государств. Он выделил в составе монгольского общества «среднюю группу», представители которой обладали «известным достатком», чтобы выйти на войну «хорошо вооруженными» (Владимирцов, 2002, с. 461). Б. Я. Владимирцов отметил, что в монгольских юридических документах XVII в. встречаются разные категории воинов. В составе этой «средней группы» им были выделены «панцирники», «шлемоносцы» и «латники-куячники». Воины, набиравшиеся из основной массы рядовых кочевников, практически не имели доспехов и отправлялись на войну «вооруженные главным образом лишь саблей да луком со стрелами» (там же, с. 462). Исследователь обратил внимание на изменения, произошедшие в стоимости защитных доспехов и огнестрельного оружия в монгольских

государствах в течение XVII в. Если в начале этого столетия панцирь стоил девять голов скота, а ружье только пять голов, то в конце века цены на оружие значительно снизились, «за панцирь полагалось давать так же, как и за ружье, — одного взрослого коня» (Владимирцов, 2002, с. 461). Он объяснил это явление повышением цены на скот вследствие сокращения его поголовья.

Несколько лет спустя С. К. Богоявленский в своей работе «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.» (Богоявленский, 1939) отметил высокие боевые качества западномонгольских («калмыцких») войск: «Ногаи впадали в панику при одном приближении калмыков и не проявляли желания оказывать им сопротивление, признавая, что они никогда не могли устоять против калмыков. Помимо многочисленности сила калмыков состояла в том, что их войско уже не было дикой ордой, действовавшей с налета. Постоянные столкновения с соседями побуждали калмыков совершенствоваться в военном деле» (там же, с. 95). В описании вооружения западных монголов С. К. Богоявленский опирался на письменные свидетельства русских служилых людей и расспросные речи монгольских послов. Описывая защитное вооружение калмыков, он почти точно процитировал сообщение XVII в., переложив его на современный язык: «Главными видами оружия, которые использовались калмыками, были луки со стрелами, копья и сабли. Защитным вооружением служили железные шишаки, куяки, т. е. ватные кафтаны с нашитыми на них железными досками шириной в ладонь, предохраняющие от стрел и сабель» (там же). По мнению С. К. Богоявленского, у калмыков «были также в употреблении панцири и латы». К анализу защитного вооружения калмыков исследователем также были привлечены данные «Их-Цааз»: «Улусные люди были обложены натуральной повинностью по изготовлению лат. Согласно статье "Степного уложения", каждые сорок кибиток должны были за год сделать двое лат». В качестве иллюстрации военной тактики джунгар С. К. Богоявленский приводит свидетельство «литвина» Томило Петрова, посетившего калмыцкие улусы в 1616 г., и реконструирует тактику «калмыков» на поле боя: «...по мере приближения к врагу они пускали в дело стрелы, затем копья, а когда доходили до рукопашной, действовали саблями» (там же). Определенный интерес представляют рассуждения С. К. Богоявленского о высокой стоимости предметов защитного вооружения по сравнению с ручным огнестрельным оружием. Исследователь отмечает, что за украденные латы «со всем убором», согласно «Степному уложению», надо было заплатить 90 голов скота, а «за пищаль — в 10 раз меньше, 9 голов, столько же за шишак и за "добрую" саблю... Устанавливая натуральную повинность по изготовлению лат, уложение не вменяет в обязанности улусным людям добывание огнестрельного оружия» (там же, с. 95-96). Из этого С. К. Богоявленский делает вывод о том, что «калмыки мало ценили огнестрельное оружие», хотя и «умели успешно применять пищали» (там же). Работа С. К. Богоявленского представляет собой характерный пример исторического исследования, основанного в основном на материалах письменных источников. Для общей характеристики военного дела номадов Центральной Азии этих данных было вполне достаточно. Однако отсутствие в его работе вещественных и иконографических источников исключало возможность более детального исследования данной темы.

В 1950-х гг. исследователи не проявляли целенаправленного интереса к военному делу позднесредневековых центральноазиатских кочевников. Как правило, о нем упоминали мимоходом в общеисторических трудах, посвященных истории Центральной Азии и Южной Сибири. Эти работы строились на материалах русских письменных источников XVI-XVIII вв., без привлечения вещественных и иконографических материалов, что приводило к определенной диспропорции в оценке уровня развития и особенностей эволюции центральноазиатских оружейных комплексов XVI-XVII вв.

В рассматриваемое время венгерской исследовательницей К. У. Кехальми привлекались для анализа этнографические и лексические материалы о некоторых типах монгольских стрел (Kohalmi, 1953, s. 45-64).

В работе одного из ведущих историков-сибиреведов, С. В. Бахрушина, посвященной истории и культуре енисейских кыргызов в XVII в., были систематизированы сведения письменных источников об их военном деле. По мнению исследователя, непрерывные войны стимулировали развитие у номадов предметов защитного вооружения, и если в начале XVII в. у енисейских кыргызов существовал «исключительно лучной бой», то позднее, «под вли-

янием постоянных войн с цивилизованными народами, появились не только прекрасной работы куяки, бумажники (доспехи), шишаки, наручи булатные, сулемы (сабли), но и огнестрельное оружие» (Бахрушин, 1955, с. 182). Данное утверждение известного исследователя, основанное на анализе письменных материалов, не в полной мере соответствует истории развития средневекового оружейного комплекса жителей Минусинской котловины. Позднесредневековые кыргызские панцири и шлемы, действительно вызывавшие искреннее восхищение русских воинов, сталкивавшихся с кыргызами на поле боя, являлись не иностранным заимствованием, а результатом эволюции многовековой оружейной традиции, берущей свое начало в кыргызском оружейном комплексе раннего Средневековья (Худяков, 1980, с. 118-133; Бобров, 2002 б, с. 99-106).

В работах этнографа Л. П. Потапова были собраны интересные материалы о роли народов Саяно-Алтая в становлении военного дела монгольских кочевников Центральной Азии. Им были обобщены свидетельства о племенах шорцев, плативших дань западным монголам предметами из железа (Потапов, 1953, с. 143-145). На основании систематизированных данных Л. П. Потапов сделал вывод о том, что «северные алтайцы представляли собой базу для снабжения джунгаров и кыргызов военным снаряжением и холодным оружием из железа» (там же, с. 166). Ссылаясь на материалы русских письменных источников XVII в., Л. П. Потапов первым из отечественных исследователей отметил факт существования в армиях Джунгарского ханства отрядов воинов, снабженных разными видами оружия и панцирных комплексов. Л. П. Потапов особо выделил ойратских «пищальных стрелков», «куяшников», «пансырников», «лучников» и «копейщиков». Однако в связи с отсутствием систематизированных вещественных и иконографических материалов по данной теме Л. П. Потапову не удалось реконструировать комплексы вооружения воинов, входивших в состав данных подразделений.

В 1960-х гг. были введены в научный оборот отдельные находки предметов вооружения эпохи позднего Средневековья из Тувы. В работах С. И. Вайнштейна и Л. Р. Кызласова были опубликованы находки тувинских шлемов (Вайнштейн, 1961, с. 16; Кызласов, 1964, с. 83). Эти находки стали в дальнейшем важным источником по истории военного дела кочевников Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья.

В книге И. Я. Златкина по истории Джунгарского ханства, вышедшей двумя изданиями, в 1964 и 1983 гг., внимание автора несколько раз фокусируется на теме ойратского военного дела и военной техники. И хотя И. Я. Златкин не ставил своей целью исследовать вооружение позднесредневековых монголов, но для иллюстрации политических, экономических и культурных процессов им приводятся данные по процессу производства или закупки предметов вооружения джунгарскими и халхаскими нойонами в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (Златкин, 1983, с. 92, 218, 219, 238,239,240,364,366). По мнению И. Я. Златкина, одним из важнейших направлений ремесленной деятельности в Джунгарском ханстве во второй четверти XVIII в. наряду с текстильным делом и производством предметов быта было производство оружия и военного снаряжения. Причем «все известные нам "предприятия" работали на ханскую казну и ставили своей целью обслуживание нужд ханского двора и высшей аристократии. В основе этой промысловой деятельности лежал принудительный труд аратов, отбывавших своеобразную государственную барщину» (там же, с. 365).

Слабая изученность предметов защитного вооружения монголов эпохи позднего Средневековья сказалась на том, что в своем исследовании по защитному оружию стран и народов Востока Х. Р. Робинсон не дал систематического описания средств защиты монгольских номадов, хотя отдельные изображения монгольских воинов в доспехах на персидских и японских миниатюрах, а также находки шлемов, выполненных в «монгольском стиле», были им использованы для характеристики военного дела соседних оседлых государств (Robinson, 1967, p. 159).

К началу 1970-х гг. отсутствие специальных работ по военному делу центральноазиатских номадов эпохи позднего Средневековья стало негативно сказываться не только на работах общеисторического характера, но и на предпринятых попытках исторической реконструкции костюма кочевников этого времени.

Д. В. Сычев в работе, посвященной истории калмыцкого костюма, обобщил описания калмыцких и монгольских панцирей XVIII-XIX вв., приведенные в ряде работ русских путешественников (Сы-

чев, 1973, с. 29-31,62-63,91). Д. В. Сычев одним из первых отечественных исследователей привлек для характеристики вооружения и одежды позднесредневековых кочевников Центральной Азии китайские (минские) миниатюры начала XVII в., изображающие монгольских воинов (там же, с. 103, табл. 3; с. 104, табл. 4). Однако слабая изученность к тому времени данной темы в отечественной исторической науке, отсутствие специальных работ по вооружению и амуниции позднесредневековых кочевников Центральной Азии обусловили появление в работе Д. В. Сычева ряда фактических неточностей и ошибок, связанных с неудачной попыткой реконструкции им панцирного комплекса монголов XVII в. Так, анализируя минское изображение «вооруженного монгола», Д. В. Сычев описал «кожаный, подбитый материей и простеганный панцирь, который поддерживается узким пояском на талии» (там же, с. 12). Однако при знакомстве с данной миниатюрой можно убедиться, что речь идет не о панцире, а об обычном войлочном или тканевом «подпояснике» (кирг. «бельдек»), скроенном в виде корсета. Толстый и широкий бельдек предохранял поясницу и спину воина от холодного ветра в ходе конной скачки. В эпоху Средневековья бельдек был популярным элементом одежды, но не вооружения, не только у кочевников Центральной Азии, но и у жителей Дальнего Востока, в первую очередь — китайцев. Привлеченные Д. В. Сычевым данные о вооружении «татар» (т. е. в данном случае — монголов) из «Энциклопедии сценического самообразования» Ф. Комиссаржевского в действительности относятся не к комплексу вооружения монголов XVI в., как указывает Д. В. Сычев, а к воинам Передней и, возможно, Средней Азии второй половины XVII — XIX в. (там же, с. 29).

В середине 1970-х гг. интерес к отдельным предметам защитного вооружения позднесредневековых монголов стали проявлять и монгольские ученые. Х. Пэрлээ опубликовал описание и рисунок монгольских защитных сапог (Пэрлээ, 1975, тал. 42-45). К сожалению, материалы монгольских музеев, в которых представлены различные предметы вооружения эпохи позднего Средневековья, в этот период оставались практически неизученными.

Важное значение для разработки проблем военного дела номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья в это время имело обращение к анализу этнографического материала, относящегося к культурам тюркских и монгольских народов.

В 1973 г. А. Т. Кайдаров проанализировал и обобщил материалы казахского эпоса, в которых описываются предметы вооружения и доспехи казахских батыров (Кайдаров, 1973, с. 26-27).

В 1978 г. С. В. Иванов в специальной работе разобрал тему влияния средневекового комплекса защитного вооружения на одежду шаманов народов Западной и Южной Сибири (Иванов, 1978, с. 136—160). Автор привлек многочисленные источники и свидетельства современников, подтверждающие его предположение о том, что шаманский костюм «ала куяк» воспринимался его хозяином как элемент защиты «от ударов враждебных шаманов, духов и их оружия» (там же, с. 139). Исследователь отметил и факт участия сибирских шаманов в военных действиях, в ходе которых панцирь использовался по своему прямому назначению, т. е. как защита от ударов оружия противника (там же). Подробно рассмотрены в статье и пластины от ламеллярных и пластинчато-нашивных панцирей эпохи Средневековья, а также их аналоги в шаманском костюме. С. В. Иванов сопоставил крупные металлические диски на одежде шаманов со средневековыми воинскими зерцалами и сделал вывод, что «нагрудные диски (зерцала. — *Авт.)* составляли часть защитной одежды воинов. То же значение они имели, по-видимому, и на шаманской одежде» (там же, с. 153). В связи с этим значительный интерес представляет размещение металлических дисков на одежде шаманов народов степной зоны Южной Сибири и Центральной Азии (бурятов, монголов Внутренней и Внешней Монголии, хакасов, алтайцев), которое было зафиксировано С. В. Ивановым (там же, с. 148-149). Вместе с тем С. В. Иванов не привлек к анализу позднесредневековую иконографию, которая содержит многочисленные изображения воинов с зерцалами. Не рассмотрены в работе и позднесредневековые дальневосточные зерцала, использовавшиеся маньчжурами и их соседями как в качестве элемента защитного панцирного комплекса, так и как оберег против злых духов и оборотней. Однако в целом работа С. В. Иванова стала важным этапом в процессе изучения связи предметов защитного вооружения и позднесредневековых и нововременных оберегов.

В том же году В. П. Курылевым были рассмотрены этнографические материалы о традиционных

видах оружия казахов. Автор подробно описал и проанализировал коллекцию казахского оружия, которая хранится в фондах Музея антропологии и этнографии (Курылев, 1978, с. 4-22).

Систематическое изучение вооружения номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья с привлечением материалов музейных коллекций, изобразительных и письменных источников началось в отечественном оружиеведении в 1970-х гг. Ю. С. Худяковым в процессе исследования комплекса вооружения енисейских кыргызов, относящегося ко времени раннего и развитого Средневековья, на материалах кыргызского оружия была разработана аналитическая модель оружиеведческого исследования, которая включала в себя ряд последовательных процедур, необходимых для сбора, систематизации и классификации вещественных археологических источников и реконструкции комплекса вооружения, структуры военной организации и военного искусства (Худяков, 1980, с. 25-26). В дальнейшем эта модель была успешно применена при характеристике вооружения и военного искусства древних средневековых номадов Южной Сибири и Центральной Азии. Однако для анализа оружия позднесредневековых номадов в тот период не хватало находок из раскопанных и хорошо датированных археологических памятников.

Первая целенаправленная попытка обобщения имеющихся материалов по позднесредневековому монгольскому доспеху и реконструкции на его основе комплекса вооружения в отечественном оружиеведении на современном этапе его развития была предпринята в 1979 г. М. В. Гореликом (Горелик, 1979). Судя по приведенным в работе художественным научно-историческим реконструкциям, автор опирался на материалы российских столичных музеев и сообщения русских путешественников первой половины XVII в. По мнению М. В. Горелика, в процессе эволюции монгольского доспеха в XVI-XVII вв. начинает усиливаться западное (среднеазиатское) влияние: панцири, скроенные в виде «корсет-кирас», уступают место панцирям-«пелеринам», появляются железные наручи, распространяются ранее нехарактерные для Монголии кольчатые доспехи. Подводя итог, автор указывает, что значительный пласт информации по монгольскому защитному вооружению можно почерпнуть из материалов монгольского эпоса (там же, с. 96). Однако небольшой объем данной работы и значительный хронологический охват темы (с XII по XVII *в.*) не позволили автору осветить результаты проделанного анализа позднесредневековых предметов вооружения достаточно подробно. Ряд положений, выдвинутых в данной работе, в том числе об особенностях производства вооружения в этот период, основных типах покроя панцирей, региональных особенностях их оформления, требуют дополнительной разработки. Другие предположения, сделанные М. В. Гореликом в этой статье, нашли свое подтверждение в ходе дальнейших исследований и сохраняют свое значение до настоящего времени.

В 1983 г. М. В. Горелик в статье, посвященной панцирному комплексу монголов эпохи развитого Средневековья, пересмотрел выводы, сделанные А. Д. Грачом по итогам раскопок тайника на горе Ийи-Кулак. Вместо одного панцирного набора М. В. Горелик выделил два самостоятельных панцирных комплекта по 172 и 193 пластины соответственно (Горелик, 1983, с. 251, табл. IV). Первый набор, по мнению М. В. Горелика, состоял из пластин подквадратной, прямоугольной и трапециевидной формы с бортиком по периметру. В реконструированном виде панцирь представлял собой жилет со съемными наплечниками. М. В. Горелик обозначил данный доспех как «усиленный хатангу дегель», т. е. панцирь из мягких органических материалов, подбитый металлическими пластинами (там же, с. 250-255). Вместе с тем словесное описание реконструкции не было дополнено сколько-нибудь развернутым комментарием о расположении пластин различных форм в составе панциря. Второй панцирь, состоявший из 193 пластин, М. В. Горелик реконструировал, опираясь на материалы иранских тебризских миниатюр конца XIV в. По его мнению, 125 прямоугольных пластин с тремя заклепками формировали нагрудную и наспинную часть «кирасы», остальные пластины, со скошенными углами, относились к проймам рукавов и вороту. Доспех был покрыт материей, так что постороннему зрителю были видны лишь ряды заклепок и две нагрудные пластинки с латунными чеканными накладками. Плечи воина, носившего такой панцирь, прикрывали полусферические наплечники с ламинарными сегментами, защищавшими предплечье. По аналогии с панцирями, изображенными на иранских миниатюрах конца XIV в., М. В. Горелик дополнил реконструкцию тувинского

доспеха ламинарными набедренником, передником и накрестником (там же, с. 254, табл. V, рис. 3).

В 1986 г. М. В. Горелик несколько подкорректировал сделанные ранее выводы о направлениях развития позднесредневекового монгольского доспеха. Согласно классификации, предложенной им в статье «Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в Древности и Средневековье», период XV-XVIII вв. отнесен к шестому этапу, времени «распада единства военного дела кочевников». На данном этапе М. В. Гореликом фиксируется: «Усиление влияния на них (номадов. *— Авт.)* военного дела оседлоземледельческих центров, особенно в вооружении: Турции (и России) — на крымчаков и ногайцев; среднеазиатских центров и Ирана — на туркмен, казахов, киргизов, кочевых узбеков; Китая и маньчжуров — на монголов и ойратов. Последняя вспышка интегрирующего воздействия со стороны джунгар. Интеграция кочевников в военную систему оседлых государств, при сохранении ими специфических, традиционных способов ведения боя» (Горелик, 1986, с. 23). Специальные исследования последних лет подтвердили факт определяющего влияния среднеазиатских городских ремесленных центров на формирование оружейной паноплии казахов и киргизов и Цинской империи на племена южных и восточных монголов. Однако влияние «Китая и маньчжур» на эволюцию вооружения западных монголов (ойратов) до середины XVIII в. не подтверждается данными известных позднесредневековых источников (Бобров, 2003 а, с. 79-88).

В 1980-х гг. для анализа позднесредневекового вооружения и военного искусства номадов Южной Сибири и Центральной Азии стали шире привлекаться фольклорные источники.

В работе В. Я. Бутанаева были рассмотрены названия предметов вооружения воинов тюркоязычного населения Минусинской котловины. В своей первой работе, посвященной изучению военного дела позднесредневековых енисейских кыргызов и зависимых от них племен кыштымов («хакасов»), В. Я. Бутанаев дал интерпретацию хакасских терминов, обозначающих различные предметы кыргызского вооружения, в том числе и защитного (Бутанаев, 1981, с. 188-189). Среди прочих были упомянуты кожаный панцирь («хуус хуях»), латы из мелких пластинок («куме хуях»), поддоспешная рубаха («чаргах»), забрала («тумага»). На основании данных хакасского эпоса была предпринята попытка реконструкции тактики боя позднесредневековых кочевников Южной Сибири (там же, с. 195). Некоторые сведения по военному делу позднесредневекового населения Среднего Енисея содержатся в других работах, посвященных публикации и анализу исторических и фольклорных источников по истории енисейских кыргызов XVII-XVIII вв. (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995; Бутанаев, Худяков, 2000; Бутанаев, Бутанаева, 2001).

В дальнейшем тема реконструкции военного дела кочевников Центральной Азии по материалам героического эпоса тюркских и монгольских народов получила свое развитие в монографическом исследовании Р. С. Липец (Липец, 1984, с. 63-213). Р. С. Липец дала широкий обзор эпических произведений кочевых народов азиатской части евразийского континента. При этом центральное место в работе Р. С. Липец занял анализ сведений из эпоса, монгольских и тюркских этносов, связанных с описанием предметов вооружения средневековых степных богатырей. Р. С. Липец систематизировала данные из якутского, монгольского, алтайского, калмыцкого, киргизского, казахского, каракалпакского, узбекского эпоса и других фольклорных источников по оружию воинов эпических произведений и сделала выводы, касающиеся времени его появления и распространения среди номадов Центральной Азии. Однако другие виды источников по позднесредневековому вооружению кочевников в этой работе практически не привлекались.

В те же годы вышел в свет ряд исторических работ, в которых были освещены события, касающиеся военной истории телеутов и ойратов эпохи позднего Средневековья и Нового времени. В книге А. П. Уманского были рассмотрены события войн, в которых принимали участие русские, телеуты и джунгары (Уманский, 1980, с. 92). В работе В. А. Моисеева освещены исторические события, относящиеся к истории Джунгарского ханства и завоевательной политике маньчжурской империи Цин в Центральной Азии и Саяно-Алтае (Моисеев, 1983, с. 30-41).

В начале 1980-х гг. материалы из раскопок позднесредневекового шаманского погребения на могильнике Ортызы-Оба, исследованного Ю. С. Худяковым в долине р. Табат, стали основой для изучения комплекса вооружения и реконструкции защитного доспеха кочевого населения Минусинской котловины.

В 1984 г. была опубликована статья Ю. С. Худякова и М. В. Карпекиной, в которой на основании анализа археологического материала из памятника Ортызы-Оба была осуществлена реконструкция панциря позднесредневековой шаманки (Худяков, Карпекина, 1984, с. 98). За основу данной реконструкции была взята созданная ранее реконструкция кыргызского панциря эпохи развитого Средневековья из памятника Абаза. По мнению Ю. С. Худякова и М. В. Карпекиной, панцирь из Ортызы-Оба представлял собой пластинчатый нагрудник из двух рядов пластин, дополненный короткими рукавами и наплечниками, нашитыми на органическую основу. Нагрудник формировали широкие прямоугольные пластины. Из них пять вертикально расположенных пластин во втором нижнем ряду, одна пластина посередине верхнего ряда из трех пластин, а также пластины со скругленным углом, расположенные вертикально боковые пластины в верхнем ряду нагрудника. Узкие пластины составляли два ряда вертикально расположенных пластин по две пластины в ряд и прикрывали рукава доспеха (Худяков, Карпекина, 1984, с. 98, 100, рис. 2, 6). Исследователи предположили, что пластины могли нашиваться как на сам «шаманский» плащ, так и на органическую основу отдельно носимого панциря (там же, с. 98). Подробная публикация материалов раскопок этого погребения и всех находок, в том числе предметов наступательного и защитного вооружения, была осуществлена Ю. С. Худяковым и С. Г. Скобелевым в 1985 г. (Худяков, Скобелев, 1985, с. 159-162). Данные материалы позволили уточнить хронологию пластинчатых панцирей — куяков, находки которых до этого связывались с предмонгольским и монгольским временем в пределах эпохи развитого Средневековья.

В 1987 г. Ю. С. Худяковым и А. И. Соловьевым были систематизированы известные на тот момент археологические находки панцирных пластин с территории Западной и Южной Сибири и Центральной Азии III—XVIII вв. н. э. В данной работе были уточнены датировки различных типов пластин от пластинчато-нашивных панцирей. Так, экземпляры из Монголии и Минусинской котловины со смешанной клепано-нашивной системой соединения пластин с органической основой были датированы XII—XVIII вв., эту же датировку получили пластины со срезанным верхним краем (Худяков, Соловьев, 1987, с. 153, рис. 8). Пластинчато-нашивные панцири были разделены на два основных типа: «куяки» и «бригандины». По мнению исследователей, «куяк» представлял собой «панцирь в виде рубахи с широким воротом, оплечьями, рукавами, коротким подолом. Состоял из широких пластин, крепившихся заклепками к подкладке. Возможно, панцири имели наружное матерчатое покрытие» (там же, с. 155). Сложнее было реконструировать в точности покрой «бригандины» из-за отсутствия целиком сохранившихся панцирных комплексов данного типа. Было сделано предположение, что панцирь «включал покрытие груди и торса». Судя по определению «бригандины», данному исследователями, ее основное отличие от «куяка» заключалось в оформлении пластин — «выступающие ряды по периметру пластин», т. е. ребристая поверхность, в наличии внешнего органического покрытия и особенностях покроя — панцирь без рукавов и подола. При этом к «бригандинам» были отнесены позднесредневековые пластины из Минусинской котловины и Причулымья, а также два панцирных набора из тайника Ийи-Кулак (там же, с. 153, 155: рис. 8). Время бытования пластинчато-нашивных «куяков» было определено в пределах XII—XVIII вв., а «бригандин» — XIV-XVIII вв. (там же, с. 159). Эта работа показала, что, опираясь на типологические особенности пластин, можно получить возможность реконструкции на их основе самих доспехов и определения их места в эволюционном ряду развития защитного вооружения.

В 1990-х гг. было продолжено изучение военной истории центральноазиатских номадов на основе сведений письменных исторических источников. Ряд работ, посвященных военному делу ойратов и их взаимоотношениям с казахами и народами Саяно-Алтая, был опубликован В. А. Моисеевым и А. П. Уманским.

В 1990 г. В. А. Моисеевым была опубликована статья, посвященная военному делу и войнам Джунгарского ханства (Моисеев, 1990, с. 67-82). В отечественной историографии эта работа стала первой попыткой обобщения всех имеющихся на тот момент исторических сведений по военной истории позднесредневековой Западной Монголии. В данной статье В. А. Моисеев, опираясь на материалы письменных источников, в первую очередь сообщения русских послов и торговцев, посещавших Джунгарию в первой половине XVIII в., предпринял

попытку реконструировать особенности военного искусства западномонгольских воинов XVII — первой половины XVIII в. Автор подчеркивает высокий уровень военного дела позднесредневековой Ойратии: «Войны Джунгарского ханства с Цинской империей являются свидетельством не только высокого военного искусства ойратских воинов и полководцев, но и прекрасной организации военного дела в этом кочевом государстве» (Моисеев, 1990, с. 69). По мнению В. А. Моисеева, отличительной чертой джунгарской военной системы были высокий уровень дисциплины в войсках и наличие жесткой властной вертикали: «Преимущество высокой военно-политической централизации у ойратов наглядно сказывалось в ходе их войн с казахами. Каждый в отдельности казахский воин не уступал своему противнику в воинской выучке и мужестве, однако их предводители — ханы, султаны, батыры — действовали... несогласованно, вследствие чего и терпели поражения» (там же, с. 71). Отмечая роль иностранных специалистов в становлении военного дела ойратов, автор указывает на вклад русских мастеров в этот процесс (там же, с. 71-72). В. А. Моисеев — один из первых российских исследователей, кто подчеркивает факты использования джунгарскими ханами в качестве вспомогательных отрядов, наряду с покоренными уйгурами и киргизами, казахов и алтайцев (там же, с. 71). Исследователь также приводит примеры переселения алтайских мастеров-оружейников в джунгарские кочевья (там же). Вместе с тем отмечаемый В. А. Моисеевым процесс «поступательного развития военного дела Джунгарского ханства» (там же, с. 82) фиксируется им исключительно распространением среди ойратов ручного огнестрельного оружия и артиллерии (там же, с. 71, 82). Эволюция холодного и защитного вооружения в статье не прослеживается. Вообще защитному вооружению в статье уделено мало внимания. Панцири и воины-панцирники упоминаются лишь в контексте цитат из широко известных исторических памятников XVII—XVIII вв. Исключением является интересное свидетельство главы российской дипломатической миссии в Джунгарии 1719 г. И. Чередова, касающееся численности воинов-панцирников в джунгарской армии этого периода: «контайши военного люда собирается... со сто тысяч и больше, в том числе с пятьдесят тысяч латников и пансырников». Комментируя данный эпизод, В. А. Моисеев определяет западномонгольских «латников и пансырников» как воинов «тяжелой кавалерии» (там же, с. 70), однако данных о применении конского доспеха у джунгар исследователь не приводит. Отказ от привлечения иных видов источников кроме письменных вынуждает автора дать лишь поверхностное описание джунгарского оружейного комплекса. Узость используемой источниковой базы предопределила невозможность более детального разбора защитного и наступательного вооружения джунгарских воинов XVII — первой половины XVIII в. По мнению В. А. Моисеева, «вооружение джунгар состояло из луков со стрелами, сабель, мечей, копий, железных или медных защитных доспехов-панцирей, лат, кольчуг, шлемов, поясов» (там же, с. 71).

А. П. Уманским были прослежены основные события истории телеутских улусов, в ходе которых были выявлены характерные особенности взаимоотношений телеутов с другими народами, жившими на территории Западной и Южной Сибири (Уманский, 1995 а, с. 67,99,106; Уманский, 1995 б, с. 8).

Некоторые этнографические материалы, связанные с особенностями военной организации и характерными чертами походной жизни и быта у казахов, были рассмотрены в работах В. П. Курылева и Н. Ж. Шахановой (Курылев, 1990, с. 3-9; Шаханова, 1990, с. 79-88).

В 1990-х гг. учеными разных стан было продолжено изучение оружиеведческих реалий героического эпоса тюркских и монгольских народов.

В 1990 г. выдающийся немецкий монголист В. Хайсиг посвятил специальную работу выявлению исторических реалий монгольского средневекового эпоса (Хайсиг, 1990, с. 17-21). По его мнению, фольклорные исследования и археологические раскопки в Европе подтверждают достоверность сведений, содержащихся в европейских эпических произведениях, «анализ монгольского героического эпоса приводит к пониманию того, что и в нем содержатся аналогичные упоминания о реалиях очень древнего происхождения» (там же, с. 17). К числу достоверных реалий монгольского эпоса («реальным историческим предметам»)в области защитного вооружения номадов В. Хайсиг относит упоминания о железных панцирях и шлемах монгольских богатырей и сведения о «фигурах людей и животных, украшавших верхнюю часть шлема»

монгольских воинов (Хайсиг, 1990, с. 19). Появление в эпосе одинарных и двойных дубинок с шипами «волчьи зубы» В. Хайсиг связывает с влиянием «китайских рыцарских преданий "Бэнсэн улигер"» (там же, с. 19).

В 1994 г. В. И. Соеновым, на основании изучения материалов алтайского героического эпоса, был дан обзор оружия и военного искусства кочевников Алтая эпохи позднего Средневековья (Соенов, 1994, с. 177-185).

Ряд интересных сведений о вооружении и военном искусстве ойратских воинов по материалам эпических сказаний привел в своей работе А. Г. Митаров (Митаров, 1998, с. 52, 54).

Период конца 1980 — первой половины 1990-х гг. стал периодом значительного повышения интереса жителей национальных республик и автономий в составе Российской Федерации к истории коренного населения своего региона. В это время был опубликован ряд монографий, посвященных материальной культуре отдельных центральноазиатских и южносибйрских этносов. Недостаток сведений о предметах защитного вооружения воинов этих территорий был отчасти компенсирован данными этнографических исследований и анализа уже опубликованных письменных и фольклорных источников, в том числе относящихся к истории других тюркских и монгольских народов.

В 1987 г. Р. Д. Бадмаева опубликовала монографию, посвященную бурятскому народному костюму, где систематизировала материалы русских и иностранных путешественников XVIII в., касающиеся одежды, и привлекла некоторые сведения об оружии бурят (Бадмаева, 1987, с. 20-21).

Изучение бурятского вооружения продолжила работа В. А. Михайлова (Михайлов, 1993). По мысли автора, исследование должно было охватить эволюцию вооружения северомонгольских этносов с Древности и до конца XVIII в., однако в связи с тем, что основным видом источников автор выбрал письменные свидетельства и материалы эпоса, основная масса приведенных им данных относится к эпохе позднего Средневековья. Несмотря на вполне достаточный объем книги, в ней почти отсутствуют описания реальных предметов вооружения, в том числе музейных экспонатов и археологических находок, которые хранятся в нескольких музеях страны, а большая часть эмпирического материала взята из работ М. В. Горелика и Ю. С. Худякова, относящихся в основном к эпохе раннего и развитого Средневековья. В работе приведены фотографии «бурятов в доспехах» начала XX в. (Михайлов, 1993, с. 61, 64). Значительное внимание В. А. Михайлов уделяет описанию «мягких» панцирей из органических материалов, которые он. вслед за русскими служилыми людьми XVII в., именует «бумажниками» (там же, с. 44). По его мнению, бурятские стеганые «бумажники» отличались от монгольских наличием внешнего тканевого покрытия из «фанзы» или «дабы» «для придания им большего внешнего эффекта и в целях их маскировки, так как матерчатое покрытие подразумевало не боевое, а обычное одеяние степняков» (там же, с. 46).

В работе М. М. Батмаева (Батмаев, 1992) приводятся сведения, связанные с процессом производства железных изделий и развития металлургии у калмыков (там же, с. 147, 149-151). Батмаев отмечает, что «в материалах за XVII—XVIII вв. нет описания ни внешнего вида (панцирей ("куяк") и лат ("убчи"). *— Авт.),* ни процесса изготовления их». По мнению автора монографии, предметы защитного вооружения «в XIX в. вообще вышли из употребления» (там же, с. 147).

Защитное вооружение калмыков эпохи развитого и позднего Средневековья в числе прочих предметов вооружения рассмотрено в монографии А. Н. Басхаева (Басхаев, 2000, с. 7-10, 59-62). По его мнению, и в XVI, и в XVII в. монголы применяли стеганые на вате «улбо». По мнению А. Н. Басхаева, это была «разновидность тягиляя», пластинчато-нашивные куяки, кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири — юшманы и бехтерцы, наручи, «поножи-батарлыки», в то время как конские доспехи и щиты «почти полностью вышли из употребления» (там же, с. 59-61). Слово «бехтерец» А. Н. Басхаев возводит не к персидскому «бехтер» (как большинство современных исследователей), а к монгольскому «бех— прочный» (там же, с. 60-61). Самым популярным видом боевых наголовий позднесредневековых «ойратов (калмыков)» А. Н. Басхаев считает «шапки железные» и миссюрки (там же, с. 61). Подытоживая описание вооружения калмыков XVI-XVIII вв., автор отмечает, что «победы ойратов (калмыков) в столкновениях с многочисленными внешними врагами были обусловлены... использованием разнообразнейшего наступательного и оборонительного оружия. Широкий и бога-

тый выбор оружия отражал уровень развития хозяйственно-экономической жизни кочевого общества ойратов (калмыков) в XVI-XVII вв.» (Басхаев, 2000, с. 62). Для иллюстрации своих выводов А. Н. Басхаев приводит схематичное изображение «ойратского шлема XVI-XVII вв.», без указания времени, места обнаружения и хранения находки, а также фрагмент картины с изображением «ойратской артиллерии и кавалерии XVII в.» (там же, с. 79), основой для которой послужили гравюры иезуита Кастильоне, изображающие цинских воинов середины XVIII в.

В течение 1990-х гг. Ю. С. Худяковым и С. Г. Скобелевым были проанализированы находки предметов вооружения из музейных памятников енисейских кыргызов и кыштымов, исследованных на территории Минусинской котловины.

В 1991 г. Ю. С. Худяковым были опубликованы данные о находке кыргызского шлема из Минусинской котловины и пластин от «куяка» и «бригандины», обоснована их датировка эпохой позднего Средневековья (Худяков, 1991, с. 89,93). В той же статье Худяковым был проведен анализ предметов защитного вооружения кыргызов XVI-XVII вв. на основе археологических, письменных и фольклорных источников (там же, с. 87-99). В отечественной историографии работа Ю. С. Худякова была первым исследованием, в котором для характеристики комплекса защитного вооружения позднесредневековых номадов Южной Сибири и Центральной Азии были привлечены не только письменные источники и средневековые эпические произведения, но и археологические материалы, а также предметы из старых оружейных коллекций.

В 1997 г. в своей монографии, посвященной вооружению кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи развитого Средневековья, Ю. С. Худяков рассмотрел панцири из Ийи-Кулак как элемент комплекса защитного вооружения тувинских воинов XIV в. Он согласился с реконструкцией этих панцирных комплексов, предложенной в статье М. В. Горелика (Горелик, 1983, с. 254, табл. V, рис. 3). По мнению автора, реконструкция М. В. Горелика «представляется вполне обоснованной. Она довольно точно соответствует количеству пластин разной конфигурации в составе выделенного панцирного набора... Вполне возможно, что они были изготовлены по монгольским образцам, однако принадлежали не монголам, а местным кочевникам, поскольку сам обряд сооружения тайников с помещением в них защитного вооружения характерен для кочевников Саяно-Алтая в период развитого Средневековья» (Худяков, 1997, с. 52).

С. Г. Скобелевым была исследована находка лука редкой формы с костяными накладками по всей длине кибити и концевыми вкладышами из позднесредневекового погребения на Среднем Енисее (Скобелев, 1999, с. 177).

В 1999 г. Дональдом Дж. Ларокком была опубликована статья, посвященная анализу различных подходов к изучению оружия и доспехов из Тибета. Детальный анализ (в том числе с применением радиоуглеродного метода) предметов защитного вооружения, привезенных европейскими путешественниками, этнографами и офицерами из Тибета в начале XX в. и хранящихся в музеях Европы и США, позволил Д. Ларокке пересмотреть ряд устоявшихся в научной литературе датировок доспехов из Тибета. Исследователь особо отметил, что эти панцири и шлемы, как правило, не были изготовлены для нужд тибетских солдат XIX — начала XX в., а хранились в буддийских монастырях как подарки знатных феодалов Центральной Азии и Дальнего Востока на протяжении десятков и даже сотен лет и использовались в ходе праздничных церемоний и театрализованных религиозных служб (LaRocca, 1999, s. 113-114, 123-129). Защитное вооружение, представленное в музеях США и Великобритании, Д. Ларокка датирует эпохой позднего Средневековья. Так, конские доспехи, хранящиеся в английских музеях, датированы XV — серединой XVII в. (ibid., s. 118-122), кожаные панцирь и шлем из музея Метрополитен — 1417-1654 гг. (ibid., s. 117), большинство металлических панцирей и шлемов из английских и американских музеев также датированы XV-XVIII вв. (ibid., s. 114, fig. *1,2;* s. 116, fig. 7; s. 118, fig. 10; s. 119, fig. 11-12).

По мнению Д. Ларокки, среди так называемых «тибетских» доспехов, привезенных иностранцами, представляется возможным выделить шлемы и панцири, изготовленные в рамках «монгольской» и «бутанской» военных традиций (ibid., s. 113-114). Вообще, роль монголов, «боровшихся за военный контроль над регионом вплоть до второй четверти XVIII в.», в становлении тибетского панцирного комплекса Д. Ларокка оценивает очень высоко. Исследователь считает, что собственно тибетское

искусство изготовления доспехов активно развивалось до середины IX в., но затем пришло в упадок, а мастера-доспешники оказались на дне социума. В это же время панцири и шлемы, привезенные иностранцами из Тибета, несмотря на то что они несут на себе следы использования на протяжении жизни нескольких поколений, изготовлены все же гораздо позднее расцвета тибетского оружейного искусства. По мнению Д. Ларокка, большинство известных ему под названием «тибетских» панцирей и шлемов изготовлены монгольскими мастерами или тибетцами, взявшими за образец монгольские аналоги. Поэтому в подписях к фотографиям шлемов и панцирей Д. Ларокка часто указывает на спорное происхождение панцирного элемента и определяет его как «тибетский или монгольский» (LaRocca, 1999, s. 114, fig. 1, 2; s. 116, fig. 7; s. 118, fig. 10; s. 119, fig. 11 — 12). Д. Ларокка утверждает, что два из трех типов «тибетских» шлемов имеют монгольское происхождение. Это наголовья из узких пластин и так называемые «юаньские шлемы», т. е. цилиндроконические наголовья, ставшие впоследствии основным типом шлемов в Минском и Цинском Китае. Традиционные для Тибета шлемы из широких пластин, соединенных кожаными ремешками, снабженные плоским навершием со ступенчатой втулкой, ламеллярным обручем и бармицей, Д. Ларокка также относит к наголовьям с сильным центральноазиатским влиянием. Низкие полусферические шлемы с органическими бармицами Д. Ларокка считает бутанскими (ibid., s. 113-116).

Работы Д. Ларокки, связанные с уточнением датировки предметов тибетского и центральноазиатского защитного вооружения из малодоступных для российских исследователей тибетских монастырей, музеев Европы и США, представляют значительный интерес для отечественных археологов и оружиеведов, занимающихся изучением позднесредневекового комплекса вооружения номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Ряд интересных работ, в которых затронуты вопросы военного дела казахов эпохи позднего Средневековья и Нового времени, был опубликован в течение последних лет в Монголии и Казахстане.

А. Дамдинсурэном была издана книга по военному делу древних и средневековых кочевников Монголии. Автор опирался на материалы из опубликованных работ по этой теме, использовал сведения, относящиеся к эпохе позднего Средневековья (Дамдинсурэн, 1990, тал. 164-173). В работе Ж. Базарсурэна привлечены некоторые данные г.с военному делу позднесредневековых монголов (Бгзарсурэн, 2000, тал. 191-195).

Т. К. Алланиязов опубликовал книгу по военному делу кочевников Казахстана в широком хронологическом диапазоне с древних времен до этнографической современности. В ней он использовал материалы, относящиеся к эпохе позднего Средневековья, взятые преимущественно из научной и популярной литературы (Алланиязов, 1998. с. 58-79).

А. К. Кушкумбаев в монографии, посвященной военному делу казахов XVII—XVIII вв., на основании анализа письменных источников предположи.- что «ойратская армия состояла из двух частей, различавшихся по уровню вооружения, — тяжелая и легкая кавалерия, попеременно действовавших в ходе сражения». Вслед за российскими и советскими историками А. К. Кушкумбаев отмечает, что «ойратские воины по степени вооруженности и защиты делились на отряды латников, панцирников. кольчужников и простых воинов» (Кушкумбаев. 2001, с. 116-117). По наблюдениям казахстанского исследователя, «одним из самых распространенных военно-тактических приемов ойратов был принцип двойного удара крыльев». В качестве примера А. К. Кушкумбаев приводит описание действий калмыцкого князя Дондук-Омбо, который, имея 13-тысячную армию, «построился к бою полуциркулем» и «атаковал противника с двух флангов» (там же, с. 116-117). Характерно, что А. К. Кушкумбаев, как и его предшественники, оценивает и реконструирует защитное вооружение казахов, опираясь на данные письменных источников, без привлечения археологических, иконографических памятников и предметов вооружения из старых оружейных коллекций (там же, с. 76-79). Казахстанский исследователь отмечает, что «для такой работы (более глубокое изучение казахского оружейного комплекса. *— Авт.)* требуется сбор всех сохранившихся материальных артефактов, археологических памятников и частных экспонатов. Автор считает, что для такого исследования необходимы группа исследователей (археологов, этнографов, историков), значительные средства и время» (там же, с. 45).

К концу 1990-х гг. сибирскими археологами и оружиеведами был получен в результате целенаправленных поисков и раскопок позднесредневековых археологических памятников в Южной Сибири необходимый объем вещественных источников, который позволил ввести в научный оборот информацию о некоторых видах оружия и приступить к обобщению накопленного материала. Фольклористами и этнографами были проанализированы и изданы информативные описания позднесредневековых воинов, содержащиеся в эпосе тюркских и монгольских народов. Историками были введены в научный оборот и проанализированы новые данные по военной истории центральноазиатских номадов.

В последние годы в изучении военного дела номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья были достигнуты существенные научные результаты.

В 2001 г. Ю. С. Худяков и С. А. Ким в работе, посвященной обзору военного дела средневековых кыргызских кыштымов, дали оценку развитию защитного вооружения кочевников Саяно-Алтая XVII—XVIII вв. Опираясь на находки пластин из памятников Ортызы-Оба и Чердат, исследователи сделали вывод, что «в XVII—XVIII вв., в период агонии кыргызской государственности на Енисее, в военном деле кыштымов произошли радикальные изменения. Наряду с легковооруженными конными лучниками в составе военных отрядов кыштымов появляются панцирные всадники», на вооружении которых наряду с традиционными луками и стрелами находятся кинжалы, мечи, палаши, копья, топоры разных типов, «пластинчатые панцири-куяки и бригандины» (Худяков, Ким, 2001, с. 67-70).

В 2003 г. Ю. А. и А. Л. Петренко были опубликованы фотографии пластин из Абазы, хранящиеся в Минусинском и Абаканском музях, и дана характеристика позднесредневековой традиции «переделки» старых пластин на пластины с новой системой крепления, а боевых наголовий и холодного оружия — в предметы домашнего быта (Петренко, Петренко, 2003, с. 59-65). Исследователями был зафиксирован факт использования на одних и тех же пластинах двух разных систем крепления: архаичной — ременной (три парных отверстия в два ряда) и более поздней — клепаной (две вертикально расположенные заклепки). К такому выводу ученых подтолкнул тот факт, что на ряде пластин полусферические заклепки перекрывают систему отверстий. Ю. А. и А. Л. Петренко предложили две версии переоформления пластин с введением новой системы крепления: «Либо готовый панцирь (набор пластин), нехарактерный для местной оружейной традиции, был экспортирован в ХМК (Хакасо-Минусинскую котловину. — *Авт.)* и переоформлен местным мастером, например в ходе ремонта, либо местная оружейная традиция... была утрачена к моменту переоформления» (Петренко, Петренко, 2003, с. 62). Исследователи также предложили свою интерпретацию ребристой поверхности позднесредневековых пластин: «Одно-два выпуклых ребра по периметру пластины выполняли функцию ребер жесткости и не давали наконечнику копья или стрелы соскальзывать в межпластинчатые щели, т. е. осуществляли антирикошетные функции» (там же). Ими также отмечены факты переделки системы крепления позднесредневековых пластин XVII—XVIII вв. из Минусинской котловины. Так, «фигурные» заклепки на ряде из них были заменены на обычные полусферические, расположенные крестом (там же, с. 63). Ю. А. Петренко и А. Л. Петренко предположили, что, «возможно, мы имеем дело с целой традицией переоформления панцирей-куяков определенного типа, попавших на территорию Минусы как предмет экспорта или военные трофеи и переоформлявшихся местными мастерами в бригандины с йомощью более простой системы крепления» (там же, с. 64).

Определенная работа по изучению защитного вооружения в течение этих лет была проделана Л. А. Бобровым, одним из авторов данной работы. Им были систематизированы и опубликованы совместно с другими исследователями предметы защитного вооружения из музеев Южной и Восточной Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока (Бобров, 2002, с. 89-96; Бобров, Худяков, 2002, с. 106-168; Бобров, Худяков, 2003 а, с. 66-212, 264-271; Худяков, Бобров, 2003, с. 227-236; Бобров, 2003, с. 138-155), осуществлена реконструкция комплексов вооружения позднесредневековых кочевников Монголии и рассмотрены основные этапы эволюции позднесредневековых азиатских паноплий (Бобров, 2000, с. 80-88; Бобров, 2002, с. 99-106; Бобров, 2003 а, с. 79-88; Бобров, 2004 б, с. 85-106; Бобров, Худяков, 2004 а, с. 95-97; Худяков, Бобров, 2004 б, с. 113-128), проведены экспериментальные испытания предметных научно-исторических реконструкций комплексов и отдель-

ных элементов защитного вооружения кочевников XVII—XVIII вв. (Худяков, Бобров, Филиппович, 2004 а, с. 246-251, 341-346), исследованы особенности тактики позднесредневековых центральноазиатских кочевников в целом и панцирной монгольской конницы XVII в. в частности (Бобров, 2001, с. 11-19; Бобров, 2002 а, с. 93-98).

Результаты работы.с боевыми наголовьями, хранящимися в фондах российских и зарубежных музеев, опубликованы. Типологический анализ надежно датированных центральноазиатских шлемов из фондов Оружейной палаты Московского Кремля позволил выделить характерные черты боевых наголовий позднесредневековых кочевников, систему крепления пластин тульи, устройство «коробчатых» козырьков и наверший (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 138-155; Худяков, Бобров, 2003, с. 227-236). Авторами были выделены три типа шлемов. Наряду с традиционными для Центральной Азии сфероконическими наголовьями выделены полусферические и сфероцилиндрические шлемы. На основании системного анализа археологических, иконографических и письменных источников была сделана реконструкция ламеллярной бармицы, проверенная с помощью моделирования. Преподнесенные в дар русским царям монгольские шлемы стали эталонными образцами, что позволило отнести целый ряд наголовий из числа случайных находок и старых оружейных коллекций к эпохе позднего Средневековья и Нового времени (Соенов, 2004, с. 111-115; Войтов, Худяков, 2004, с. 100-106).

Ю. С. Худяковым были обобщены данные по военному делу енисейских кыргызов и кыштымов, а также телеутов, относящиеся к эпохе позднего Средневековья (Худяков, 2002, с. 65-78; Худяков, 2004, с. 308-316). Было изучено защитное вооружение позднесредневековых номадов (ХУДЯКОВ, 2003, с. 119-126).

На основании сопоставления материалов письменных, иконографических и вещественных источников был сделан вывод о процессе «вестернизации», т. е. постепенного замещения старых центральноазиатских форм доспеха новыми переднеазиатскими на огромных пространствах Средней Азии, Южной Сибири и Западной Монголии на протяжении эпохи позднего Средневековья и Нового времени (Бобров, 2004 6, с. 85-106).

Подводя итог анализу основных проблем историографии военного дела номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья, необходимо отметить, что за время изучения этой темы многими учеными, археологами, оружиеведами, историками, этнографами, фольклористами были достигнуты значительные научные результаты. Были изучены археологические памятники эпохи позднего Средневековья на территории Южной Сибири, что позволило выделить в составе их инвентарных комплексов предметы вооружения, характерные для этого периода военной истории. Исследование этих материалов в сочетании с анализом изобразительных и письменных источников позволило выделить предметы вооружения позднесредневековых кочевников в музейных собраниях России и соседних стран. Накопление значительного фонда вещественных, изобразительных и письменных исторических источников, а также применение апробированной методики анализа предметов вооружения, разработанной Ю. С. Худяковым, позволили обобщить и систематизировать весь собранный материал и реконструировать комплекс вооружения и военное искусство номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья.

Давая оценку степени изученности центральноазиатского средневекового доспеха, необходимо отметить ряд ключевых моментов. На протяжении последних 150 лет отдельные элементы панцирного комплекса кочевников Центральной Азии становились объектом исследования историков, археологов, этнографов и лингвистов. До 1990-х гг. XX в. исследование вооружения номадов Центральной Азии носило фрагментарный характер: ученые ограничивались кратким описанием находок, приведением их ближайших аналогий, изредка предпринимая реконструкцию отдельных панцирей и панцирных элементов. Защитное вооружение позднесредневековых кочевников Центральной Азии обычно рассматривалось в контексте изучения материальной культуры, политической, экономической, реже военной истории степняков. Анализ панцирной паноплии не был основной целью исследования, а значит, и проводился поверхностно, на узкой источниковой базе. В большинстве работ приоритет отдавался материалам русскоязычных письменных источников XVII—XVIII вв. С 1980-х гг. для характеристики военного дела кочевников Центральной Азии и Южной Сибири стали привлекаться данные эпоса. Становление сибирской оружиеведческой школы, представители которой

в 1970-1990-е гг. осуществили прорыв в изучении раннесредневековых оружейных комплексов центральноазиатских кочевников (Худяков, 1980, с. 25; Горбунов, 2003, с. 29), способствовало успешному изучению оружейных комплексов номадов XV-XVIII вв.

Появление в последние годы специальных работ по военному делу общего характера, в которых центральноазиатские материалы используются вместе с другими, накопление и публикация новых вещественных материалов в 1990-е гг. создали необходимые предпосылки для проведения комплексного исследования военного дела кочевников XV-XVIII вв., чему и посвящена настоящая монография.

Глава 2
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Материалы по теме исследования представлены вещественными источниками (археологическими материалами и предметами вооружения из старых оружейных коллекций), письменными, изобразительными и фольклорными источниками.

2.1. Вещественные источники

Вещественные источники представлены археологическими материалами с территории Монголии и Саяно-Алтая, а также предметами вооружения из старых оружейных коллекций. Археологические материалы по интересующей нас теме были получены в ходе раскопок и сборов В. В. Радлова, И. П. Кузнецова, А. В. Адрианова, О. Б. Згерского-Струмилло, А. Д. Грача, Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева и др. Эти археологические материалы (значительная часть которых до сих пор не опубликована) хранятся в фондах российских и иностранных музеев. Большая часть археологических артефактов представляет собой случайные находки, датированные на основании типологического анализа и сопоставления с надежно датированными предметами вооружения из старых оружейных коллекций. Авторами были осмотрены предметы вооружения, хранящиеся в фондах музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Омска, Барнаула, Бийска, Тобольска, Томска, Канска, Ачинска, Красноярска, Енисейска, Иркутска, Улан-Удэ, Благовещенска, Кызыла, Горно-Алтайска, городов Монголии, Китая, Казахстана, Кыргызстана.

Предметы вооружения из археологических памятников Сибири и Центральной Азии. Отличительной особенностью процесса изучения позднесредневековых оружейных комплексов является относительно небольшое количество предметов вооружения, полученных в ходе целенаправленных археологических раскопок. Большая часть рассматриваемых в работе целых доспехов и их элементов, а также наконечников копий, сабельных клинков происходит из числа случайных находок (утерянных вещей и кладов) и из старых оружейных коллекций. Всестороннее изучение вооружения центральноазиатских кочевников XVII—XVIII вв. исключительно по археологическим материалам невозможно в настоящее время и вряд ли будет возможно в будущем. Это обусловлено рядом субъективных и объективных причин. К числу последних относится смена духовной и культурной традиции в Монголии в эпоху позднего Средневековья. В течение XVI-XVII вв. большая часть населения Монголии приняла буддизм в его ламаистской форме. Ламаистский обряд погребения часто мог не предусматривать положение трупа в могилу; умершие оставались на поверхности земли или в скальных пещерах без сопроводительного инвентаря (Борисенко, Худяков, 2005, с. 115). Высшие монгольские феодалы активно поддерживали внедрение нового обряда захоронения покойных, который стремительно распространялся в регионе. В конце 70-х гг. XVI в. тумэтский Алтан-хан обнародовал манифест в поддержку буддизма в Монголии: «Прежде, когда монгол умирал, его жена, его личные слуги, принадлежавшие ему кони и вещи приносились в жертву. В будущем запрещаю это. Лошади и скот покойного с обоюдного согласия могут быть отданы ламам и монахам в монастырь... В будущем я запрещаю приносить в жертву животных, жен и слуг для блага усопшего. Все виновные... будут наказаны по закону, а их имущество конфисковано... Короче, эти законы, уже существующие в Уй-Цзан (Тибете. — *Авт.),* должны вступить в силу и в этой стране (Монголии. — *Авт.)»* (Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 108). В эпоху раннего и развитого Средневековья

основная масса предметов защитного вооружения и клинкового оружия происходит из погребений знатных и состоятельных воинов. Учитывая тот факт, что ламаизм был принят в первую очередь представителями центральноазиатской аристократии, вероятность массовых находок предметов защитного вооружения в монгольских погребениях XVII-XVIII вв. невелика.

Что касается археологических памятников Центральной Азии и Южной Сибири, датируемых XV-XVI вв., то в настоящее время они изучены недостаточно. Интересно, что за последние полвека отечественные и зарубежные ученые не особенно продвинулись в этом направлении. Еще в 60-е гг. XX в. российские археологи указывали на слабую изученность позднесредневековых памятников Южной Сибири и Центральной Азии по сравнению с другими историческими периодами. В 1969 г. А. Д. Грач подчеркивал необходимость «преодолеть серьезное отставание в поиске и исследовании погребальных комплексов XI-XVI вв.» на территории Тувы, хотя, по мнению ученого, «это отставание характерно сейчас как для сопредельных с Тувой Алтая, Монголии и Минусинской котловины, так и для более отдаленных территорий» (Грач, 1969, с. 57). Однако за последующие 30 лет серьезного прорыва в изучении позднесредневековых памятников Сибири и Центральной Азии так и не произошло. Еще в начале 90-х гг. XX в. «изучение поздних археологических памятников (XVII-XVIII вв.) в их связи с конкретными этносами, известными по данным письменных источников, а также поиски позднесредневековых памятников» находились «в самой начальной стадии» (Скобелев, 1991, с. 141). По мнению исследовавшего позднесредневековые памятники Южной Сибири С. Г. Скобелева, «в настоящее время в археологии юга Средней Сибири (т. е. фактически юга Приенисейского края), как и большинства других территорий Северной Азии, наиболее неизученной исторической эпохой остается время с начала подчинения данного региона власти Монгольской империи (XIII в.) и до прихода сюда русских людей (XVII — начало XVIII в.)» (там же, с. 166). Слабая изученность позднесредневековых памятников региона XV-XVI вв. обусловлена «почти полным отсутствием письменных источников» (для Сибири) и «малым числом раскопанных археологических памятников, уверенно датируемых поздним Средневековьем» (для Сибири и Центральной Азии). В распоряжении исследователей вплоть до последних лет имелись лишь материалы единичных, обычно случайно раскопанных погребальных объектов этого периода. При этом «целенаправленные поиски их для проведения раскопочных работ, предпринятые некоторыми археологами, были малоуспешны в связи с незначительной степенью внешней заметности указанных объектов из-за небольших размеров погребальных сооружений и специфических условий использования особенностей каждой конкретной местности» (Скобелев, 2000, с. 166). На слабую изученность эпохи позднего Средневековья по материалам археологических раскопок влияет и относительно небольшое количество разведанных позднесредневековых захоронений. Если к началу 90-х гг. XX в. было известно несколько сотен археологических объектов домонгольского времени, то памятники XIV-XVI вв. «исчисляются единицами» (Скобелев, 1991, с. 141). Резкое сокращение числа захоронений в период позднего Средневековья исследователи связывают с угоном населения с мест традиционного проживания на новые территории в монгольскую эпоху (там же). Исследования позднесредневековых памятников (в первую очередь этнокультурное и хронологическое определение памятников) осложняются наличием на изучаемой территории смешанного или разноэтнического населения, использовавшего различные погребальные обряды (трупоположение, трупосожжение или трупообожжение, захоронение на деревьях), а также отсутствием предметов, позволяющих точно датировать погребение, например китайских монет (Скобелев, 2000, с. 166-167).

Железные пластины от пластинчато-нашивных панцирей были обнаружены на территории Айканского селища (Емельяновский район Красноярского края), памятника Ортызы-Оба на р. Табат в Бейском районе Республики Хакасия, в кургане на р. Чердат (Причулымье). Среди инвентаря данных памятников были обнаружены изделия русского производства, что и позволило авторам находок датировать объекты эпохой позднего Средневековья и Нового времени. Чердатские и айканские пластины могут служить эталонными образцами при датировке пластин из числа случайных находок. Возможность привлечения данных материалов к анализу позднесредневекового центральноазиатского доспеха обусловлена наличием аналогов об-

наруженных пластин в материалах Монголии и Саяно-Алтая. Так, практически точные копии чердатских пластин происходят с территории Минусинской котловины, в XVII в. находившейся в вассальной зависимости от государственных образований Северной и Западной Монголии. По мнению ряда исследователей, центр по изготовлению пластин, подобных чердатским, находился на территории Минусинской котловины (Кренке, 1984, с. 141, 143). Близкие по конструкции и оформлению пластины встречаются также в монгольских материалах XVI-XVII вв. Рельефные (ребристые) пластины из Айканского селища имеют точные аналоги среди центральноазиатских панцирных комплексов, хранящихся в ламаистских храмах Тибета. Данные письменных источников подтверждают факт взаимопроникновения оружейных комплексов народов Южной Сибири и Центральной Азии. Кузнецы Саяно-Алтая были одними из основных поставщиков предметов защитного вооружения в монгольские степи (Бобров, 2003 а, с. 82-83), в это же время панцири центральноазиатского производства высоко ценились и покупались проживавшими под Красноярском качинцами и аринцами, русскими служилыми людьми (Бахрушин, 1959, с. 34) и переправлялись в Бурятию (Мясников, 2003, с. 111).

Помимо панцирей из железных пластин, с территории Саяно-Алтая происходят и доспехи из органических материалов. В могильнике Бертек-20 (плато Укок) был обнаружен панцирь, сплетенный из деревянных прутьев (Древние культуры Бертекской долины, 1994, с. 122-123, 127), также датированный исследователями периодом позднего Средневековья.

Слабая изученность центральноазиатских памятников XV-XVI вв. обусловлена обширностью территорий, на которых расселялись кочевники, расположением основных центров государственных образований центральноазиатских кочевников на территории, находящейся за пределами СССР, а затем Российской Федерации.

Предметы вооружения из числа случайных находок с территории Сибири и Центральной Азии. В связи со слабой изученностью позднесредневековых захоронений центральноазиатских кочевников большое значение для изучения позднесредневековых предметов защитного вооружения имеют так называемые случайные находки, которые часто содержат материалы, крайне редко встречаемые во время планомерных раскопок и поэтому представляющие особую ценность для освещения тех или иных вопросов. К таким случайным находкам относятся клады, т. е. преднамеренно спрятанные вещи, а также предметы вооружения, по тем или иным причинам утерянные их прежними владельцами и обнаруженные археологами или гражданами, передавшими их в государственные или частные коллекции.

Случайные находки предметов вооружения представляют особую разновидность вещественных источников, имеющую как сильные, так и слабые стороны. Положительные качества случайных находок заключаются в их лучшей сохранности, позволяющей составить более полное представление о конструкции, декоре, первоначальных параметрах, технологии изготовления того или иного предмета вооружения. Среди случайных находок чаще попадаются изделия, редко встречающиеся в закрытых археологических комплексах. К слабым сторонам случайных находок можно отнести немногочисленность находок таких предметов, возможность переиспользования, быструю утрату связи с местом обнаружения (Горбунов, 2005, с. 44).

К числу случайных находок относятся кольчуги и фитильное ружье, найденные в кладе близ с. Джазатор, кольчатые панцири из бассейна р. Калгуты в Кош-Агачском районе Республики Алтай, сабля из Шебалинского района Республики Алтай, железные пластины от пластинчато-нашивных панцирей с территории Минусинской котловины и Центральной Монголии, шлем из бассейна р. Сымылта в Онгудайском районе Республики Алтай, наголовье с пластинчатым обручем из долины р. Ий в Тодже, сфероконический шлем с резными накладками Дзун-Хемчинского района Тувы, значительное количество клинкового оружия с территории Южной Сибири и Центральной Азии и ряд других предметов позднесредневекового защитного и наступательного вооружения.

Датировать подобные предметы вооружения представляется возможным при наличии сколько-нибудь точных и надежно датированных аналогий, сходных по форме, материалу и особенностям изготовления, принципу соединения панцирных элементов, системе их оформления и декора. Такие аналоги мы фиксируем в материалах старых оружейных коллекций.

Предметы вооружения из старых оружейных коллекций. Наличие многочисленных хорошо сохранившихся предметов вооружения, происходящих из старых государственных и частных оружейных коллекций, является отличительной чертой источниковой базы периода позднего Средневековья и Нового времени.

Все предметы вооружения из старых оружейных коллекций могут быть разделены на две основные группы: 1) посольские подарки, преподнесенные монгольскими светскими и духовными феодалами правителям соседних государств; 2) предметы вооружения из частных и музейных собраний.

1. Посольские подарки, преподнесенные монгольскими светскими и духовными феодалами правителям соседних государств. Предметы вооружения, происходящие из числа посольских подарков, представляют исключительный интерес для исследователя в связи как с хорошей сохранностью, так и с наличием надежной датировки. Так, например, фонды Оружейной палаты Московского Кремля (ОПМК) содержат хорошо сохранившиеся предметы центральноазиатского защитного вооружения. «Описи» ОПМК XVII-XIX вв. фиксируют не только время поступления того или иного предмета вооружения, но даже имя его предыдущего владельца и содержат подробное описание самого предмета, что позволяет реконструировать внешний вид и состояние панциря, шлема или наручей на момент их передачи в арсенал. При датировке предметов защитного вооружения из числа случайных находок или разграбленных погребений панцири и шлемы из старых хранилищ оружия являются эталонными.

Традиция приношения оружия в виде подарка была распространена среди монгольских феодалов еще в период развитого Средневековья. В 1253 г. Хубилай-хан среди прочих даров преподнес своему тибетскому духовному наставнику Пхагпе меч, «эфес которого украшен драгоценными камнями» (Шакабпа, 2003, с. 81). В монастыре Сакья хранится панцирный комплекс, якобы принадлежавший Хубилай-хану.

В XVI-XVII вв. монгольские правители и военачальники включали предметы вооружения в число подарков или дани, отправляемой русским царям, китайским и маньчжурским правителям, ламам Тибета и т. д. Отношение к таким подаркам у иностранных правителей было различным. Так, монархи Российского государства с радостью принимали преподносимые им панцири и шлемы, которые помещались в царский арсенал, а в ходе торжественных выездов использовались членами царской свиты. При маньчжурском дворе присланные предметы вооружения, напротив, воспринимались как вызов. Поэтому монгольским посольствам предписывалось отказаться от подарков в виде панцирей, шлемов, луков, ружей, топоров и т. д. в пользу символических 8 белых лошадей и белого верблюда (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 388). Предметы вооружения, преподнесенные монгольскими феодалами духовным лидерам Тибета, поступали в специальные хранилища, а иногда вывешивались в ламаистских храмах.

Наибольшую ценность для нашей темы имеют предметы вооружения, преподнесенные монгольскими послами русским царям.

На протяжении XVII в. в качестве подарков московским царям передавались шлемы («шишаки», «калпаки» «шеломы»), панцири («куяки», «пансыри»), наручи и другие предметы вооружения. Все подарки фиксировались и вносились в описи Оружейной палаты. Например, в 1619 г. северомонгольский Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи послал в подарок русскому царю «наручи железные» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 50). В 1636 г. наследник Шолоя Алтын-хан Омбо-Эрдени отправил царю Михаилу Федоровичу «куяк с нагрудником и с подпазушники и с подшейником, оправлен серебром и каменьем» (МРМО, 1959, с. 296). В 1644 г. Батур-Хунтайджи переслал в Москву через Тобольск наручи, которые были оценены тобольскими «посацкими людьми» и «бухарцами» в 5 рублей (Миллер, 2005, с. 280). В 1666 г. хошоутский Аблай-тайша передал в дар русскому самодержцу «куяк, покрытый желтым бархатом, да наручи оправлены серебром, да шелом» (МРМО, 1996, с. 126). В 1667 г. от Цаган-тайджи с тобольским сыном боярским А. Ларионовым был послан «куяк, бит на черном бархате, гвоздье железное, да шелом без наушников, по нем травы навожены сусальным золотом, наручи железные, цена 10 рублей» (там же, с. 476). Послы Алтын-хана Дархан и Урал Козины преподнесли в дар от самого Алтын-хана и его вассалов ряд предметов защитного вооружения (МРМО, 1959, с. 243, 245, 286): панцирь (от Алтын-хана), наручи (от Дурал-табуна), «шишак», панцирь и наручи (от

Эрдэни Дайн Мэргэн-ланзы). 26 ноября 1671 г. по царскому указу в «Оружейную верхнюю палату для хранения» были приняты «разные доспехи, и в том числе: десять шишаков худых калмыцких и шолом железный калмыцкий с наушками» (Опись..., 1884, с. 39). Согласно материалам «Описи» 1687 г., в царском арсенале в этот период хранились «восемьдесят шесть шишаков калмыцких сшивных (т. е. клепаных. — *Авт.),* наушники белого железа обложены бархатом червчатым и зеленым и черным...» (там же, с. 38). Авторы «Описи» 1884 г. отмечали, что «калмыцкие шапки и шишаки, составляя вооружение ратных людей конюшенного чину, выдавались для смотров и выездов против иностранных послов, как о том значится в делах Архива Московской оружейной палаты» (там же, с. 39). Впоследствии часть наголовий была утеряна. В «Описях» 1835 и 1884 гг. присутствуют описания лишь восьми «калмыцких шишаков» (там же, с. 37-38). Некоторые предметы вооружения из фондов Оружейной палаты несут на себе следы пожара 1737 г. и «реконструкции» конца XIX в., в ходе которой служащие палаты «подлатали» шлемы, добавив к ним кольчужные бармицы от других наголовий и покрыли шлемы черной масляной краской, предохранявшей их от ржавчины (там же, с. 39). Исключить позднейшие добавления и переделки при анализе можно не только путем визуального осмотра, но и в результате сравнения реального шлема с его описанием в «Описи Московской оружейной палаты», изданной в Москве в 1884 г. (там же). Авторы «Описи» не только дали подробное описание позднесредневековых предметов вооружения, но и привели их описания, сделанные в ходе ревизий в 1687, 1701, 1711, 1727, 1746, 1775, 1808, 1835, 1861 гг.

Письменные источники зафиксировали факты поступления монгольских подарков, содержащих оружие, маньчжурским правителям. В 1636 г. члены первого халхаского посольства(отправленного Цэцэн-ханом) вместе с верблюдами, лошадьми, собольими шкурками и конским убранством преподнесли в дар маньчжурскому монарху «кольчуги (т. е. панцири. — *Авт.)* и мечи» (Ермаченко, 1974, с. 72). Через год посланники Тушэту-хана привезли в императорскую ставку «два золотых лука» (там же, с. 73). В 1638 г. послы из «восточной Халхи» включили в состав подарков «шлем, латы... орлиные перья (для оперения стрел. — *Авт.),* русское ружье, уйгурский лук, колчан и седло» (Мэн-гу-юму-цзи, 1895, с. 388). Столь явная демонстрация вызвала резкую отповедь со стороны маньчжурских придворных чиновников. Был издан специальный указ «ограничиться на будущее время представлением в дань (а именно так маньчжуры воспринимали монгольские подарки. — *Авт.)* одного белого верблюда и 8 белых лошадей» (там же, с. 73).

Особую группу предметов вооружения, преподнесенных в дар центральноазиатскими кочевниками местным правителям, составляют подарки монгольских феодалов, направленные тибетским ламам. В Тибете оружие традиционно хранилось не только в арсеналах «дзонгов» (горных крепостей, являвшихся одновременно и административными центрами), но и в ламаистских монастырях. Оружие преподносилось храмам в память о каком-либо важном событии или в качестве платы за сбывшиеся («вымоленные ламами») мечты просителя. Такое мемориальное оружие выставлялось в монастырских залах на особых местах. Монахи сохраняли информацию о том, кем были поднесены те или иные предметы вооружения. Значительное количество старинного и современного вооружения также хранилось в храмовых арсеналах и использовалось в религиозных церемониях, парадах, учебных маневрах, а иногда и в ходе боевых действий (Горелик, 2004 а, с. 10). Богатейшая коллекция исторического оружия была размещена в резиденции Далай-ламы — дворце-крепости Потала. Традиция преклонения перед старинным и современным оружием сохранялась среди тибетцев вплоть до XX в. П. К. Козлов отмечал: «Как женщины гордятся своими бусами и янтарем, так одинаково, если только не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспехами, в особенности ружьем и саблей, на украшение которых серебром и драгоценными камнями тратится немало денег... Они счастливы, когда располагают хорошим конем и отличным вооружением» (Козлов, 1948, с. 182, 191). Благодаря данной традиции и бережному отношению монахов и мирян к историческому оружию до нас дошли предметы вооружения многовековой давности, находящиеся в хорошем состоянии.

2. Предметы вооружения из частных и музейных собраний. В данном случае мы рассматриваем частные и музейные коллекции вместе, так как большинство частных коллекций XVII-XIX вв. со временем стали частью музейных экспозиций и фондов.

Предметы вооружения из частных коллекций XVII-XIX вв., как правило, имеют отличную сохранность. Их владельцы обычно адекватно оценивали их историческую ценность и создавали удовлетворительные условия для хранения оружия. В результате некоторые предметы вооружения из частных коллекций сохранились даже лучше, чем их аналоги из государственных арсеналов. Так, некоторые предметы защитного вооружения сохранили многочисленные органические (кожаные и матерчатые) элементы, а элементы реконструкции («неродные» бармицы, навершия, козырьки и т. д.) обычно минимальны. Слабым местом предметов вооружения из частных коллекций обычно является отсутствие надежной датировки изготовления/поступления предмета (некоторые предметы вооружения за последние века сменили несколько владельцев), а в худшем случае и указания на регион, из которого они поступили. В последнем случае помочь правильно атрибутировать предмет может только типологический анализ.

Первые русские частные коллекции, содержащие предметы центральноазиатского защитного вооружения, стали формироваться еще в XVII-XVIII вв. Так, у князя В. В. Голицына хранились «наручи калмыцки, ветхие», которые были оценены в «6 алтын 4 деньги» (Бакланова, 1928, с. 72). Как правило, со временем частные собрания пополняли музейные фонды. В XIX в. потомками княжеского рода Кульметьевых в собрание Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, наряду с другими предметами вооружения, были переданы железные сфероцилиндрические шлемы, имеющие аналоги среди «калмыцких» наголовий, хранящихся в фондах Оружейной палаты. При издании каталога предметов из собрания Минусинского музея в 1886 г. Д. А. Клеменцем была описана кольчуга, «сохранившаяся от предков у Д. К. Доможакова киргизского происхождения» (Клеменц, 1886, с. 165). Комплект тибетских или монгольских доспехов (шлем с трехчастной органической бармицей и ламеллярный «халат») XVII-XIX вв., привезенный в 1901-1903 гг. Агван Доржиевым из Тибета, в настоящее время хранится в Музее антропологии и этнографии (Решетов, 1969, с. 128-131). Художественно оформленные предметы вооружения и воинского снаряжения, обменянные или захваченные у центральноазиатских кочевников в качестве трофеев русскими служилыми людьми XVII в., купцами, путешественниками, военными XVII-XIX вв., хранятся в Оружейной палате Московского Кремля, Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже, Бурятском объединенном музее г. Улан-Удэ, Красноярском краевом краеведческом музее, Краеведческом музее г. Абакан, Историческом музее г. Енисейска, Краеведческом музее г. Ачинска, Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова и других музеях России. Предметы из семейных коллекций монгольской феодальной знати хранятся в Центральном государственном музее Монголии, Музее изобразительных искусств и музее-резиденции Богдо-хана в Улан-Баторе и др., а также в музеях Китайской Народной Республики (КНР).

Подлинные предметы защитного вооружения и копии тибетских и монгольских доспехов хранятся в Музее Виктории и Альберта (Великобритания), Королевском Шотландском музее (Великобритания), музее Метрополитен (США) и др. Предметы защитного и наступательного вооружения в массовом порядке стали вывозиться с территории Тибета в начале XX в. как трофеи, добытые в ходе экспедиции британских вооруженных сил под командованием полковника Ф. Янгхазбанда, или как экзотические подарки. Отдельные предметы вооружения были вывезены из Тибета европейскими путешественниками, этнографами и религиозными деятелями. В годы культурной революции в КНР многие тибетские храмы были уничтожены, а вооружение расхищено. В 90-е гг. XX в. значительное число предметов тибетского вооружения, вывезенных из Китая, было выставлено на европейских и американских антикварных рынках и выкуплено частными коллекционерами и представителями западных музеев.

Датировка предметов вооружения из числа случайных находок

В результате типологического анализа (в том числе и с привлечением материалов из старых оружейных коллекций)удалось выявить характерные черты позднесредневековых пластин от пластинчато-нашивных панцирей из археологических памятников, определить особенности их эволюции в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (Бобров, 2005). Важными датирующими признака-

ми позднесредневековых панцирных пластин являются наличие на них бортиков, рельефных ребер жесткости, образующих вписанные друг в друга геометрические фигуры на поверхности пластины, а также характерное расположение и оформление заклепок, соединявших пластины с органической основой (Худяков, Соловьев, 1987, с. 153). Судя по находкам пластинчато-нашивных панцирей XII—XIV вв., их пластины были плоскими или чуть выпуклыми (за исключением сильно изогнутых наплечных пластин), а поверхность — гладкой. Наряду с гладкими и рельефными пластинами на материалах Монголии и Тувы фиксируются пластины с гладкой поверхностью, но с бортиком по периметру. Вероятно, пластины с бортиком по краям были переходной формой от гладких пластин развитого Средневековья к рельефным позднесредневековым (Бобров, 2005). Таким образом, типологический анализ позволяет датировать панцирь из собрания Центрального государственного музея МНР (пластины которого наряду с заклепками еще содержат отверстия для пришивания к органической основе) второй половиной XIV — началом XV в., а доспехи из памятника Ийи-Кулак из Тувы — концом XIV — первой половиной XV в. Эти датировки подтверждаются исследованиями М. В. Горелика, проведшего анализ ийи-кулакского панциря и датировавшего его на основе иконографических источников второй половиной XIV— XV в. (Горелик, 1983, с. 251), а также новейшими находками вороненых полусферических наплечников с ребром жесткости (аналогичных тувинским), украшенных изображением мифического зверя Ци Линя — характерного элемента декоративного украшения юаньского и минского времени (LaRocca, 1999, s. 117, fig. 8).

Выделенные признаки прослеживаются не только по западно- и южносибирским материалам, но и по материалам Восточной Монголии и Дальнего Востока. Так, крупная вороненая пластина с тремя заклепками была обнаружена в 1970 г. в плиточной могиле у с. Загулай (Агинский автономный округ) и опубликована И. В. Асеевым (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 82, с. 177, табл. XXV, //). Абсолютно все ее признаки указывают на то, что она была изготовлена не ранее середины XIV в., а в плиточную могилу попала случайно. На это указал М. В. Горелик, который датировал ее монгольским временем (Горелик, 1987, с. 183). Однако помимо воронения (по сообщениям П. С. Палласа, калмыки «воронят железо по братскому (бурятскому. — *Авт.)* обыкновению»), крупных размеров и полусферических заклепок имеется еще один признак, позволяющий отнести пластину к позднему Средневековью. Это ребра жесткости, образующие прямоугольник, вписанный в плоскость пластины (рис. 123, 7). Похожие пластины в значительных количествах хранятся в фондах Читинского областного краеведческого музея.

Ряд предметов защитного вооружения, сходных по форме, конструкции и системе оформления с центральноазиатскими образцами, происходит с территории Западного Китая, Алтая, Минусинской котловины и Тибета.

Кольчатые панцири, найденные на территории Алтая и Восточного Туркестана, датированные эпохой позднего Средневековья и Нового времени, хранятся в музеях КНР и РФ. Кольчуги из музейных собраний западных районов Китая (Синцзяно-Уйгурский АО) отличаются по своему покрою от кольчатых панцирей, широко распространенных в Минском и Цинском Китае XVI-XVII вв. (рис. 136—142,*4),* и близки своим передне- и среднеазиатским аналогам. Наиболее точный аналог кольчуги из Чжанье происходит из музея г. Уланхома (МНР). Типологические различия между кольчугами (часто обозначенными в экспозициях как «джунгарские» или «уйгурские») из фондов китайских музеев Восточного Туркестана и кольчатыми панцирями востока и юга КНР позволяют нам рассмотреть данные кольчатые панцири в рамках исследования, посвященного центральноазиатскому доспеху эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

В исследовании также проанализирован ряд кольчуг, происходящих с территории РФ. Две кольчуги, найденные в тайнике у с. Джазатор (Горный Алтай), могут быть датированы эпохой позднего Средневековья благодаря особенностям покроя, системе соединения колец и фитильному ружью, найденному в этом же тайнике (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 103-104). Еще четыре кольчуги, также найденные на территории Горного Алтая, были датированы авторами публикации эпохой позднего Средневековья на основании типологического анализа и отнесены к периоду «русской экспансии на восток» (Соенов, Исов, 1999, с. 182-186). На основании сходства кольчуг из Горного Алтая с позднесредневековыми кольчатыми панцирями русского производства некоторые исследо-

ватели отнесли их к предметам вооружения русских землепроходцев (Митько, 2004, с. 178). Кольчатые панцири действительно близки по покрою и системе оформления колец кольчугам, хранящимся в фондах Оружейной палаты Московского Кремля. Однако в эпоху позднего Средневековья покрой кольчуг в виде рубашки с коротким (до середины предплечья или локтя) рукавом, разрезами на подоле, воротом с подполком являлся самым популярным типом покроя кольчатых доспехов не только в России, но и на просторах Азии, от Османской империи и Ирана до Мавераннахра и Западной Монголии (Бобров, 2003 а, с. 83-84; Бобров, Худяков, 2002, с. 123-124). Практически идентичной была и система соединения колец. Таким образом, отнесение кольчатых панцирей из Джазатора к комплексу защитного вооружения русских служилых людей конца XVII — начала XVIII в. не является единственно возможной трактовкой происхождения кольчуг, тем более что ряд элементов покроя горноалтайских кольчуг расходится с традиционной системой оформления кольчатых панцирей, характерной для русских мастеров. Так, ворот двух кольчуг из Кош-Агачского района застегивается слева направо, в то время как ворот большей части русских кольчуг из ОПМК застегивается справа налево (Гордеев, 1954, с. 78). Кроме того, в эпоху позднего Средневековья среди русских кольчатых доспехов численно преобладали так называемые «пансыри», отличавшиеся от кольчуг особенностью соединения колец (не гвоздем, а шипом). Даже в собраниях ОПМК «пансырей» в два раза больше, чем кольчуг (Гордеев, 1954, с. 78-94). Одна из кольчуг с Горного Алтая снабжена стоячим кольчатым воротником, в который пропущен кожаный ремень. Такие кольчуги были широко распространены среди среднеазиатских воинов эпохи позднего Средневековья (Бобров, Худяков, 2002, с. 123) и тибетцев XVI-XVIII вв. (LaRocca, 1999, s. 128, fig. 29; s. 117).

Изготовлять ранее не характерные для региона кольчатые панцири по русским и, возможно, среднеазиатским образцам южносибирские мастера начали не позднее середины XVII в., а, скорее, даже и раньше (Бобров, 2003 а, с. 83). Причем русские наблюдатели отметили, что такими кольчатыми «пансырями» «кузнецкие люди» давали «алман» монголам или обменивали их на скот (там же, с. 82). Фитильные ружья, подобные найденному, вместе с джазаторскими кольчугами стали распространяться среди джунгар («калмыков») со второго десятилетия XVII в. (Богоявленский, 1939, с. 95), а несколько позднее — и среди жителей Алтая, причем у народов Центральной Азии фитильные ружья оставались в широком употреблении вплоть до Этнографического времени и перестали употребляться только в конце XIX — начале XX в. (Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 66).

Таким образом, горноалтайские кольчуги могут быть отнесены не только к комплексу вооружения русских землепроходцев, но и к паноплии центральноазиатских воинов этого же периода. В XVII в. кольчатые панцири были распространены среди джунгар и их южносибирских подданных. Русский посланец Г. Кибирев, непосредственно наблюдавший за действиями джунгарской армии в ходе Ологойской битвы, противопоставил распространенные среди западных монголов «кольчуги» и «пансыри» маньчжурским пластинчато-нашивным «куякам» (Бобров, 2003 а, с. 81). Однако, даже если наиболее «вестернизированные» кольчатые панцири из Джазатора являются изделиями русских мастеров, скорее всего они находились на вооружении местных жителей. На это указывает факт находки предметов вооружения в специальном тайнике, заваленном камнями, т. е. в схроне, характерном для аборигенного средневекового населения региона (Худяков, 1997, с. 52). Кроме того, рассматриваемая территория[1] вплоть до середины XVIII в. находилась под властью Джунгарского ханства. Когда в начале второй половины XVIII в. (после разгрома Джунгарии) сюда пришли русские солдаты и казаки, они уже давно не носили кольчатых панцирей. Закладка в тайник русскими служилыми людьми вполне пригодного для использования оружия на враждебной территории и по традиции, присущей местному населению, представляется практически невероятным событием. Это позволяет нам рассмотреть джазаторские кольчуги в рамках комплекса защитного вооружения, использовавшегося центральноазиатскими воинами XVII-XVIII вв. К такому же выводу пришли и Д. В. Черемисин, И. В. Октябрьская., И. Ю. Слюсаренко, которые совершенно справед-

[1] В настоящее время село Беляши (Джазатор) находится в южной части Республики Горный Алтай, в нескольких десятках километров от современной монгольской, китайской и казахской границы.

ЛИБО провели параллель между фитильным ружьем из тайника и алтайскими ружьями, описанными В. В. Радловым, и связали джазаторские находки с «военными действиями в зоне влияния Джунгарского ханства» (Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 66).

Значительное количество предметов вооружения из числа случайных находок происходит с территории Минусинской котловины. Енисейские кыргызы и их кыштымы были включены в политическую орбиту монгольских государственных образований еще в начале XIII в., когда кыргызские князья добровольно признали над собой власть Чингиз-хана (Худяков, 1997, с. 24). Основным условием подчинения было обязательство поставлять войска для проводимых монголами военных операций. Кыргызы принимали активное участие в войнах, карательных экспедициях и междоусобных войнах монгольских ханов. Кыргызские войска в период правления династии Юань несли охрану Каракорума, участвовали в войнах между Хубилаем и Хайду, расселялись в качестве военных поселенцев в Маньчжурии и Китае. После падения Юаньской империи кыргызы продолжали поддерживать постоянные политические и экономические контакты с монгольскими государствами Центральной Азии. В XVII в. кыргызы и их кыштымы входили в состав государства северомонгольских Алтын-ханов, а затем были подчинены Джунгарским ханством. Енисейские кыргызы принимали активное участие в войнах и набегах на стороне джунгар. Ойратские ханы в качестве дани взимали с жителей Минусинской котловины предметы защитного и наступательного вооружения. Комплекс вооружения енисейских кыргызов и их кыштымов в эпоху позднего Средневековья был глубоко интегрирован в центральноазиатский оружейный комплекс и, несмотря на известную региональную специфику, являлся его локальным вариантом. Сходство покроя панцирей, формы шлемов и даже особенностей оформления различных элементов защитного вооружения у кочевников Монголии и Минусинской котловины неоднократно подчеркивалось исследователями. Этот факт, в неменьшей степени, чем политическое подчинение енисейских кыргызов монгольским народам Центральной Азии, позволяет рассматривать оружейный комплекс жителей Минусинской котловины в рамках комплекса защитного вооружения Центрально-Азиатского региона.

В музеях РФ, США и Великобритании хранится большое количество предметов защитного вооружения, вывезенных европейскими колонизаторами и путешественниками из тибетских монастырей в начале XX в. По мнению некоторых зарубежных исследователей, значительная часть этих доспехов была преподнесена в подарок тибетским ламам монгольскими феодалами (LaRocca, 1999, s. 114, fig. 1, 2; s. 116, fig. 7;s. 118, fig. 10; s. 119, fig. 11-12). Эта точка зрения не противоречит многочисленным письменным свидетельствам, указывающим на большую роль монголов в политической и военной истории Тибета XVI-XVIII вв. Широкое проникновение монголов в Тибет началось еще в эпоху развитого Средневековья и продолжалось вплоть до XVIII в. Наряду с отдельными семьями в Тибет переселялись целые монгольские роды, родовые группы и племена. В 1610 г. отдельные отряды монголов участвовали в борьбе тибетских буддийских сект «красношапочников» (Сакьяпа) и «желтошапочников» (Гелугпа). И уже в начале 20-х гг. XVII в. тибетские правители и духовные лица были вынуждены считаться с возросшей военно-политической ролью центральноазиатских кочевников в регионе и «могуществом монголов-милостынедателей». С этого периода в Тибете господствующей силой стали различные монгольские племена. В 1637 г. вторгшиеся в Тибет войска хошоутского Торо-байху, известного впоследствии под именем Гуши-хана, разгромили тумэтов и халха-монголов Цогту-тайджи и сохраняли контроль над Тибетом вплоть до 1717 г., когда регион стал объектом экспансии Джунгарского ханства. В 40-е гг. XVII в. на Кукуноре оформилось ханство хошоутов. В 1697 г. они окончательно «заняли Тибет» и вместе с местным населением вошли в состав Цинской империи (Чернышев, 1990, с. 51).

Монголы и тибетцы на протяжении столетий жили рядом друг с другом. Неудивительно, что два народа активно перенимали друг у друга элементы материальной культуры, в том числе и оружейные комплексы, а также тактику ведения боя. Близость воинских комплексов монголов и тибетцев фиксировалась исследователями еще в XIX-XX вв. Путешествовавший по Восточному Тибету П. К. Козлов отметил, что предметы вооружения и амуниции жителей Тибета имеют точные аналогии в вооружении цайдамских монголов, «вооружение которых вообще близко подходит к вооружению тибетцев» (Козлов,

1948, с. 182). Типологическая близость тибетского и монгольского позднесредневекового оружия позволила западным ученым ввести в широкий научный оборот термин «монголо-тибетский доспех» или «монголо-тибетский стиль» (LaRocca, 1999, s. 114, fig. 1,2; s. 116, fig. 7; s. 118, fig. 10; s. 119, fig. 11-12). По мнению ряда исследователей, тибетцы заимствовали у монголов и жителей Средней Азии традицию дистанционного лучного боя, а также вооружение и тактику тяжеловооруженной копейной конницы. Так, по мнению Ю. Н. Рериха, «вопрос о применении панциря для тибетского воина и его коня требует детального исследования, но несомненно, что и в этой области Тибет испытывал влияние своих северо-восточных соседей — иранцев,хуннов, монголов, постоянно теснивших пограничные тибетские племена». Как показали специальные исследования, тибетский оружейный комплекс XVII-XVIII вв. является региональным вариантом центральноазиатского позднесредневекового оружейного комплекса (Бобров, Худяков, 2006, с. 232). К сожалению, на настоящем этапе исследования не представляется возможным выделить из общего массива тибетских материалов предметы вооружения, использовавшиеся монгольскими кочевниками, проживавшими в Тибете. Материалы по тибетскому защитному вооружению, за небольшим исключением, не рассматриваются в данной работе в качестве самостоятельного объекта изучения, но привлекаются в качестве аналогов монгольского панцирного комплекса. К анализу привлечены некоторые предметы наступательного и оборонительного вооружения тибетцев (саадаки, древковое, клинковое, ударно-рубящее оружие), имеющие аналоги в монгольском оружейном комплексе.

Характерные элементы оформления позднесредневековых шлемов разобраны нами в специальной работе (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 138-155). Важными датирующими признаками шлема являются форма и структура бронирования купола шлема в сочетании с «коробчатым» козырьком и сложным фигурным навершием с трубкой-втулкой для плюмажа.

2.2. Письменные источники

Письменные источники представлены произведениями монгольских, русских, китайских, маньчжурских, мусульманских авторов XV-XVIII вв. Монгольские источники включают в себя исторические хроники, своды степных законов и отдельные надписи. Массив русских письменных источников формируют сообщения русских послов, путешественников, пленных, побывавших в монгольских кочевьях в XVII-XVIII вв., а также «расспросные» речи послов центральноазиатских народов и записи путешественников, чиновников и этнографов XVIII—XIX вв. По степени достоверности наибольшую значимость представляют материалы, собранные российскими подданными и путешественниками-иностранцами, непосредственно побывавшими в центральноазиатских кочевьях. Несколько менее информативны и оригинальны сообщения, полученные при «расспросах» иностранных послов или от третьих лиц (жителей Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии). Цинские письменные источники представлены сводом законов «Цааджин бичиг», разработанным маньчжурскими властями для монгольских племен, принявших сюзеренитет империи в XVII в., а также сообщениями цинских полководцев о ходе военных действий с монгольскими народами (в первую очередь с джунгарами) во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Мусульманские письменные источники представлены в основном историческими хрониками и сообщениями путешественников.

Монгольские письменные источники

Монгольские письменные источники XVI-XIX вв. по интересующей нас тематике представлены историческими хрониками, юридическими памятниками и отдельными надписями.

Сведения о предметах защитного и наступательного вооружения, а также тактике центральноазиатских воинов содержатся в исторических хрониках и преданиях, написанных монгольскими авторами в период позднего Средневековья и Нового времени: «Шара Туджи», «Алтан Тобчи», серия рассказов о жизни и подвигах Даян-хана, «Эрдэнийн эрихэ», «Сказание о дэрбэн-ойратах» Батур-Убаши-Тюменя. Последние произведения, хотя и написаны несколько позднее рассматриваемого нами периода, содержат материалы из ранних монгольских источников, не дошедших до нас (Златкин, 1983, с. 8-9).

«Шара Туджи» («Великая желтая история происхождения монгольских ханов») анонимного ав-

тора является важным-источником по изучению военного дела кочевников Центральной Азии периода позднего Средневековья. На основании специального анализа, проведенного выдающимся монголоведом И. Я. Златкиным, было установлено, что данное произведение было написано не позднее середины XVI в. (там же, с. 7). «Шара Туджи» содержит описания поединков монгольских и ойратских богатырей, способы ведения конного боя. В тексте упоминаются усиленные специальными «лопатами» (пластинами-накладками) «двойные» и «тройные» куяки, двойные шлемы на подкладках и другие элементы защитного и наступательного вооружения (Шара Туджи, 1957, с. 144-145).

Панцири и шлемы упоминаются в рассказах о Даян-хане (Монгольские источники..., 1986, с. 40, 52, 74, 75).

Сведения об отдельных элементах военного искусства позднесредневековых ойратов до образования Джунгарского ханства содержит анонимное сочинение «Алтан Тобчи», написанное в первой трети XVII в. и переведенное на русский язык ламой Галсаном Гомбоевым (Златкин, 1983, с. 6; Базарова, 2006, с. 25). Данное произведение содержит уникальное описание боя между монгольскими племенами; в тексте приведены названия и основные принципы построений центральноазиатских армий XVI-XVII вв., описан ход степного сражения этого периода (Лубсан Данзан, 1973, с. 286). Известный интерес представляют комментарии Ц. Ж. Жамцарано к данному произведению, уточняющие и устраняющие некоторые неточности, допущенные при переводе текста Г. Гамбоевым (Жамцарано, 1936, с. 58-59).

Данные о военном деле кочевников Центральной Азии содержит летопись «Алтан Тобчи», написанная в 50-х гг. XVII в. Лубсаном Данзаном.

Калмыцкая летопись «Краткая история калмыцких ханов» («История калмыцких ханов») была написана неизвестным автором во второй половине XVIII в. Летопись представляет собой краткую историю откочевавших на запад ойратов, ставших известными позднее под именем волжских калмыков. Описываемый период охватывает время от прибытия ойратов в Россию до откочевки части из них в Цинский Китай в 1771 г. Летопись рассказывает о деятельности крупнейших феодалов Волжской Калмыкии: Хо Урлюка (Хо Орлюка), Шукур Дайчина, Пунцука, Аюки, Дондок Норбо, Дондук-Омбо, Дондок Даши, Убаши и др. «Краткая история калмыцких ханов» содержит информацию о военных предприятиях волжских калмыков в XVII — первой половине XVIII в. Автор произведения упоминает переговоры Б. Н. Голицына и хана Аюки в 1697 г., в ходе которых было достигнуто соглашение о снабжении калмыцких армий русскими пушками, порохом и свинцом в случае военных столкновений с жителями Мавераннахра, казахами и каракалпаками. В тексте летописи отмечаются факты использования калмыками ручного огнестрельного оружия.

Позднейшим источником по нашей теме, в котором упоминаются предметы защитного вооружения и воины-латники, является произведение, известное в научной литературе под названием «Эрдэнийн эрихэ» (полный заголовок «Летопись под названием "Драгоценные четки"»). Автором «Эрдэнийн эрихэ» является халхаский тайджи Галдан, занимавший пост тусалакчи (помощника) владетельного князя одного из хошунов Тушетухановского аймака. По мнению И. Я. Златкина, данная летопись была закончена в 60-х гг. XIX в. Первый издатель «Эрдэнийн эрихэ» Ц. Насанбалджир отмечал, что труд Галдана представляет собой весьма ценный и богатый материал по истории Халхи XVII-XVIII вв., опирающийся на произведения, восходящие к XVII в. (Базарова, 2006, с. 25). «Эрдэнийн эрихэ» содержит сведения по истории Джунгарского ханства (Златкин, 1983, с. 7), в частности в летопись включен рассказ о том, как «пять тысяч витязей дербен-ойратов, одетых в латы и крепко вооруженных», принесли победу западным монголам в их противостоянии с халхаским Мухур-Мучжиком.

Известный интерес наряду с монгольскими представляют и калмыцкие исторические произведения, созданные выходцами из «среды феодальной аристократии калмыков, обосновавшихся в XVII в. в низовьях Волги» (Златкин, 1983, с. 8). В первую очередь это «Сказание о дербен-ойратах», написанное в 1819 г. калмыцким владетельным князем Батур-Убаши-Тюменем, который опирался на монгольские позднесредневековые источники, не дошедшие до нашего времени, в частности на упоминаемую другими авторами летопись Унзат-Алдар-Габжи (там же, с. 8-9).

Другой разновидностью монгольских письменных источников являются юридические памятники,

датированные концом XVI — XVIII в. В число крупнейших сборников законодательных актов этого периода входят: «Восемнадцать степных законов» (приняты на съездах крупнейших князей Халхи в конце XVI — первой половине XVIII в.), «Их-Цааз» («Великое уложение» — принято на съезде восточно- и западномонгольской знати в 1640 г.), «Цааджин бичиг» (свод маньчжурских законов для монголов на 1627-1694 гг.), «Халха Джирум» (основные законы, регламентирующие жизнь трех северных халхаских хошунов за 1709-1770 гг.), «Уложения Китайской палаты внешних сношений» (первое издание — 1,789 г.), «Улан хацарт» (сборник судебных решений Шабинского ведомства с 1820 по 1913 г.). К собственно монгольскому правотворчеству относятся «Восемнадцать степных законов», «Их-Цааз», «Халха Джирум». «Цааджин бичиг» будет рассмотрен нами в разделе, посвященном маньчжурским письменным источникам, затрагивающим тему военного искусства монголов.

«Восемнадцать степных законов» были приняты на съездах крупнейших князей Халхи в конце XVI — первой трети XVII в. По мнению исследовавшего эти юридические документы А. Д. Насилова, «Восемнадцать степных законов» являются уникальным документом для изучения истории, языка и быта монголов конца XVI — начала XVII в.» (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 8). В тексте законов упоминаются различные типы оружия ближнего и дистанционного боя, а также предметы защитного вооружения: луки, стрелы, сабли, копья, простые и «серебряные» шлемы, панцири. По объему штрафов за кражу различных предметов вооружения можно, с некоторой долей условности, выявить их стоимость по отношению друг к другу. Так, закон № XVI, принятый в «году обезьяны» (1620 или 1632 г.), отмечает высокую стоимость панциря по отношению к другим предметам вооружения. Если за кражу сабли, лука, стрел, топора, шлема с провинившегося брали 1-3 «девятка», то за кражу панциря — 10 «девятков» (там же, с. 56-57). Характерно, что огнестрельное оружие в тексте законов не упомянуто.

Важным источником первой половины XVII в. является «Великое уложение» («Их-Цааз») — сборник монголо-ойратских законов, принятых на съезде джунгарской и халхаской знати в 1640 г. «Великое уложение» было результатом первого этапа кодификации халхаского права, начавшегося во второй половине XVI в. (Абидуев, 1989, с. 7-8). Несмотря на то что «Их-Цааз» являлось результатом совместной деятельности джунгарских и халхаских феодалов, в нем преобладали статьи, заимствованные из памятников восточномонгольского права (там же, с. 7-8). В частности, основным письменным источником для составления «Великого уложения» стали «Восемнадцать степных законов» (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 10). В «Их-Цааз» упоминаются различные категории монгольских воинов-панцирников, приводятся названия элементов центральноазиатского оружейного комплекса и сравнительные оценки различных предметов вооружения по отношению друг к другу и к общим оценочным эквивалентам (Их-Цааз, 1981, с. 14, 15, 19, 20, 21, 28).

Сборник законов «Халха Джирум» представляет собой свод установлений, регулирующих внутреннюю жизнь трех северных халхаских хошунов. Сборник содержит все основные законы и постановления, принятые на крупнейших съездах монгольской знати за период с 1709 по 1770 г. и действовавшие на территории Халхи вплоть до провозглашения в 1911 г. автономии Внешней Монголии. Основным законом в сборнике является уложение 1709 г. Последующие документы представляют собой дополнения и исправления этого уложения. Базовые положения «Халха Джирум» были сформулированы через 18 лет после принятия халхаскими правителями подданства Цинской империи (съезд монгольской знати в мае 1691 г. в местности Циси у оз. Долон-нор). Последующая четверть века прошла в ожесточенной борьбе Джунгарии и Цинской империи за обладание Халхой, поэтому военная тематика занимает в «Халха Джирум» видное место. Особый интерес представляют попытки халхаских и цинских феодалов улучшить оснащение халхаских воинов предметами защитного и наступательного вооружения. В частности, в уложении 1709 г. каждому сомону вменялось в обязанность приобрести не менее 10 панцирей. За неисполнение требования виновный наказывался суровым штрафом, те же, кто закупал большее, чем требовалось, количество панцирей, награждались конем (Халха Джирум, 1965, с. 82). В уложении 1718 г. (в разгар II Джунгаро-цинской войны, 1715-1723 гг.) вводились специальные наказания для военнообязанных, которые скрыли, продали или «передали другому» свое оружие. Штраф налагался на

тех, у кого фиксировалась недостача лука, стрел, наконечника и древка копья, сабли, фитиля, пороха и пуль (Халха Джирум, 1965, с. 85). В том же уложении каждому воину вменялось «сделать себе к белому месяцу года мыши (1720 г.) мягкий панцирь. У кого нет сабли, то пусть к этому сроку достанет ее» (там же, с. 86). В целом «Халха Джирум» является важным источником по изучению военного дела кочевников Халхи первой половины XVIII в., которые сохранили некоторые элементы традиционной монгольской военной культуры даже после вхождения в состав Цинской империи.

Кроме материалов исторических хроник и сводов законов, известный интерес представляют отдельные надписи на монгольском языке, в которых упоминаются оружие, доспехи монгольских воинов и их боевых коней. Так, предметы защитного вооружения, в частности конский доспех, упоминаются в так называемой «Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи» на территории аймака Тушету-хана. Эта надпись была зафотографирована и передана осенью 1925 г. в АН и Русское географическое общество П. К. Козловым; впоследствии была переведена на русский язык Б. Я. Владимирцовым (Владимирцов, 2002, с. 222). Сообщение, в котором упоминается конский доспех, датировано автором надписи «двадцать первым числом первой осенней луны года белой курицы», т. е. 1621 г. (там же, с. 226).

Тибетские письменные источники

К монгольским письменным источникам примыкают исторические материалы тибетских позднесредневековых хронистов. В этот период Тибет был вовлечен в политическую орбиту монгольских племен, рассматривавших этот регион не только как духовный центр, но и как объект экспансии. Закономерным итогом данного процесса стал длительный политический и военный контроль кочевников (сначала тумэтов и халха-монголов, затем ойратов-хошоутов и, наконец, чоросов — правителей Джунгарского ханства) над Тибетом, что оказало значительное влияние на развитие военного искусства обоих народов. В связи с этим значительный интерес представляют сведения о начале продвижения монгольских родов на территорию Тибета и о «монгольских войнах» в Тибете, содержащиеся в произведении «Пагсам джонсан», составленном буддийским иерархом монгольского происхождения из Амдо Сумба-Хамбо Ешей-Бальджором (1704—1788). Данный труд, законченный в 1748 г. (т. е. почти через 30 лет после оккупации Тибета Джунгарским ханством), представляет собой важный источник по изучению военного дела монголов в Тибете и монголо-тибетских отношений в период позднего Средневековья и Нового времени.

Информацию об участии монголов в военных операциях на территории Тибета содержит и «Дэбтэр-чжамцо» Браггона-Шабдруна-Гончок-Дамба-Рабжая. Это произведение (завершенное в 1865 г.) посвящено истории монголов Кукунора в XVI-XVIII вв. — в период правления тумэтских князей, халхаского Цогту-тайджи (Цогт-тайджи), хошоутского Гуши-хана и его потомков. По мнению монгольского академика Ш. Бира, в этом произведении история центральноазиатских кочевников в Тибете описана значительно более подробно, «чем в какой-либо другой известной нам работе тибетского автора» (Дугаров, 1983 а, с. 4).

На основании анализа средневековых тибетских рукописей написана работа известного тибетского историка Ванчуг Деден Шакабпы (1907-1989). Благодаря тому, что он занимал один из высших государственных постов в Тибете — пост цепона — с 1930 по 1950 г., он имел доступ к ранее не публиковавшимся и не переводившимся на европейские языки средневековым тибетским письменным источникам, хранящимся в архивах тибетского правительства и Национальной ассамблеи. По словам американского профессора Туррелла Уили, Шакабпа в своей работе «использовал пятьдесят семь подлинных тибетских источников» (Шакабпа, 2003, с. 8).

Русские и западноевропейские письменные источники XVII—XIX вв.

Важной разновидностью письменных источников, содержащих информацию о вооружении и военном искусстве позднесредневековых жителей Центральной Азии, являются свидетельства, оставленные русскими служилыми людьми, купцами и посланцами, а также западноевропейскими специалистами на русской службе. В начале XVII в. ойратские кочевья «вплотную приблизились к землям, находившимся в сфере наблюдений воевод и приказных людей сибирских городов Тобольска,

Томска, Тары и Тюмени, а также Уфы и поволжских городов: Астрахани, Царицына, Саратова и Самары. Имея под боком грозную и многочисленную силу калмыков, воеводы не могли не заинтересоваться своими опасными соседями, вступили с ними в дипломатические и торговые сношения и результаты своих сношений и наблюдений излагали в своих отписках в Москву» (Богоявленский, 1939, с. 50). В фондах российских архивов содержатся статейные списки почти всех русских посольств к джунгарским ханам, донесения в Москву русских пограничных властей об их связях с ойратскими правителями, «расспросные речи» русских служилых и иных людей, ездивших в Джунгарию, записи дипломатических переговоров. Кроме ойратов, российские власти проявляли значительный интерес к военному потенциалу северомонгольского государства Алтын-ханов, правители которого нередко оказывали содействие своим вассалам — енисейским кыргызам, совершавшим набеги на подконтрольные Российскому государству земли. Монгольские государства Центральной Азии в разные периоды рассматривались Москвой то в качестве потенциального противника, то в роли вассала или союзника в противостоянии с другими государствами региона. Специальные исследования показали, что отличительной чертой этих документов являются «реализм и достоверность», позволяющие «говорить об их высокой научной ценности» (Мирзоев, I960, с. 76). По мнению В. Г. Мирзоева, «в своих донесениях землепроходцы стремились к наивозможной точности сообщаемых сведений» (там же, с. 78), так как многие из них могли иметь прикладное значение. Информация о боевых возможностях джунгар, халха-монголов и жителей государства Алтын-ханов относилась к сведениям подобного рода и поэтому находилась в зоне пристального внимания русских наблюдателей на протяжении всей истории отношений Российского государства и степных народов Центральной Азии. Особый интерес представляют «отписки» русских посланников, находившихся в ставке джунгарских правителей и непосредственно наблюдавших западномонгольские армии в действии. Так, казак Г. Кибирев находился в ставке Галдана Бошоктухана в ходе Ологойской битвы, а сын боярский Д. Вяткин «с сотоварищи» был взят на битву с джунгарами телеутским князем Кокой Абаковым 27 июня 1658 г. (Уманский, 2001, с. 13).

Первое крупное военное столкновение русских и монголов (точнее, западных монголов — ойратов) в период позднего Средневековья произошло в 1560 г., когда астраханские стрельцы «пленили калматцких людей многих» в низовьях Яика, т. е. более чем через 300 после похода Бату на Русь. В последующие 40 лет пути двух народов почти не пересекались. До служилых людей в Сибири доходили туманные слухи о перекочевках масс кочевников на запад, южнее линии новых российских владений за Уралом. Эти сведения были зафиксированы в Есиповской, Ремезовской, Строгановской летописях в 70-90-х гг. XVI в. Крупных военных конфликтов между монголами и русскими в этот период не было. Поэтому к тому моменту, когда русские казаки и стрельцы столкнулись с монголами государства Алтын-ханов в Южной Сибири, а с ойратами в Южной Сибири и Поволжье, их сведения о кочевниках Центральной Азии базировались в основном на информации, собранной соседями монгольских номадов.

Первые подробные сведения об особенностях вооружения и военного дела ойратов были добыты казаком И. Куницыным и служилым тобольским литвином Т. Петровым, которые посетили ставку ойратского Далай-Батур-тайши в 1616 г. (МРМО, 1959, с. 54). Российские посланцы подробно описали защитное и наступательное вооружение ойратов, отметили наличие в западномонгольских отрядах огнестрельного оружия, проследили источники поступления пороха к степнякам: «А бой де у колматцких людей лучной и копейной и сабельной, и пищали есть же, а пороху де у них мало. Только и пороху у них живет в те поры, как погромят бухарцев (в данном случае жителей Средней Азии вообще. — *Авт.),* и они порох емлют у них». Дипломаты особо подчеркнули преобладание среди ойратских воинов пластинчато-нашивных панцирей, защитные свойства которых служилые люди оценили достаточно высоко: «А на бой ездят в куяках в железных да в шишаках, а в куяках доски железные шириною в пол-ладони, стрела из лука и сабля не имеет (т. е. не пробивает. — *Авт.)*». Большой интерес представляют сведения о тактике ойратов начала XVII в., основным элементом которой был принцип «трех напусков» (трех фаз боя) — обстрел противника из луков, копейная атака, конная рубка с использованием клинкового оружия: «А напуск де у них на боех живет по 3 ж:

первой напуск с луки, другой с копьи, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей нибудь не сломят, и они отходят прочь» (МРМО, 1959, с. 54).

Сведения о военных предприятиях джунгар содержатся в материалах, представленных российским посланцем Г. Ильиным тобольскому воеводе Куракину в феврале 1644 г. Ильин посетил ставку джунгарского Батур-Хунтайджи и собрал сведения о военной кампании этого ойратского правителя против казахов, важным событием которой была знаменитая Орбулакская битва.

Упоминания о защитном вооружении и тактике позднесредневековых монголов (в первую очередь ойратов) содержат труды хорватского священника Юрия Крижанича, приехавшего в Москву в 1661 г. и отправленного в ссылку в Тобольск, где он и оставался до 1676 г. В своих записках он неоднократно обращался к теме вооружения монголов, в том числе защитного вооружения, сравнивая его с хорошо знакомым ему европейским панцирным комплексом первой половины XVII в. Даваемые им описания военного искусства калмыков основываются на рассказах очевидцев и личных впечатлениях. Интересно, что Ю. Крижанич не только описывает конных монгольских панцирников, но и дает советы по борьбе с ними и «татарскими латниками и копейщиками», против которых он предлагает использовать спешенных «пищальников» и драгунов (Крижанич, 1965, с. 429).

Ко второй половине XVII в. относятся свидетельства нидерландского путешественника и ученого Николааса Корнелиуса Витзена (1641-1717 гг.). В 1664 г. он отправился в Москву вместе с членами голландского посольства. В течение года он жил в Москве, а в последующие десятилетия продолжал собирать сведения о Сибири у своих российских и центральноазиатских информаторов. Результаты многолетних исследований были обобщены им в труде под названием «Северная и Восточная Татария», который был впервые издан в Амстердаме в 1692 г. (Борисенко, Худяков, 2005, с. 47-48). Сведения о кочевниках Южной Сибири и Центральной Азии Витзен черпал от своих европейских и азиатских информаторов. Значительный интерес представляют сведения Витзена, собранные им в ходе бесед с жителями Центральной Азии, среди которых были пленный калмыцкий «тайджи», монголы из состава Великого посольства России в Нидерландах и др. Большое впечатление на Н. К. Внтзеяа произвела стрельба из монгольского сложносостш-ного лука, которую продемонстрировал ему 20-летний Сайме — сын южномонгольского или халхзского Костри-Тархана. Известный интерес пре; . -. -. ляют собранные Витзеном данные о вооружении бурят, стрельбе из лука, прическе и плюмажах западных монголов и др. По мнению некоторых исследователей, при описании бурят И. Э. Идее опирался на данные, собранные Н. К. Витзеном (Хамарханоз. 1988, с. 145).

К первой половине XVIII в. относятся материалы, собранные членами российских посольств, посещавших ставку джунгарских ханов (Ургу). Одном из задач русских дипломатов этого периода был сбор данных о военном потенциале ойратов. Для получения наиболее достоверной картины собранные послами сведения сопоставлялись с данными «расспросов» центральноазиатских посланников, показаниями русских и монгольских пленников, бежавших из «калмыцкой неволи», представителей ойратских родов, откочевывавших в российские пределы, и т. д. Комплексный подход, применяемый русскими чиновниками при обработке этих данных, сугубо утилитарный характер самих материалов предполагают высокую степень достоверности получаемых в результате сведений.

28 июня 1719 г. майор лейб-гвардии Семеновского полка И. М. Лихарев, совершивший неудачную попытку проникнуть с экспедиционным корпусом в Восточный Туркестан, отправил в Джунгарию посланником И. Д. Чередова с письмом для хунтайджи Цеван-Рабдана. 11 октября того же года посольство прибыло в Ургу. Экспедиции И. М. Лихарева (1720) и И. Д. Бухгольца (1716) были восприняты ойратскими феодалами как агрессия против Джунгарского ханства, поэтому посла ожидал крайне холодный прием. Члены посольства были размещены «в двух верстах от Урги на чистой степи, на безводном и бездровном месте». Кроме того, российские офицеры и чиновники были лишены снабжения со стороны джунгарского правительства. Только 20 ноября посольство было принято Цеван-Рабданом. В последующие дни Чередов регулярно встречался с Цеван-Рабданом и обсуждал вопросы о границе, тему строительства на территории Джунгарии русских крепостей и добычи полезных ископаемых. Обстановка на джунгаро-цинском фронте становилась все более тяжелой, и

Цеван-Рабдан всерьез обсуждал возможность принятия российского подданства. В числе встречных требований хунтайджи просил «оборонить его от китайцев и от мунгальцов», сохранить за Джунгарией «ясашных людей» Южной Сибири и не принимать беглых ойратов. Интересно, что при этом, даже находясь на грани военного поражения, Цеван-Рабдан не оставлял идею объединения Монголии под своим началом: «И отобрав бы у китайцов мунгалов дать ему, как Аюке (калмыцкому Аюки-хану. — *Авт.)* мангуты (ногайцы) даны». В ходе беседы российский посланник собрал сведения о военных действиях Цинского Китая против ойратов (Моисеев, 1998, с. 36-37). 9 января 1720 г. русское посольство вместе с посланниками джунгарского хана выехало из Урги и в начале июня прибыло в Тобольск. Чередов в своих докладах затронул тему военного искусства Джунгарии (что было неудивительно в условиях недавнего военного конфликта с кочевниками). Чередов оценивал военный потенциал ханства в более чем сто тысяч воинов, из которых около половины были снабжены защитным вооружением — пластинчатыми и кольчатыми доспехами: «Контайши воинского люда собирается... со сто тысяч и больше, в том числе с пять-десят тысяч латников и пансырников» (Моисеев, 1990, с. 70).

25 февраля 1722 г. из Москвы было отправлено посольство во главе с капитаном артиллерии И. Унковским, которое прибыло в Ургу 17 ноября того же года. И. Унковский неоднократно встречался с ойратским правителем и его окружением. Он оставил интересные записи, характеризующие политические взгляды и личные качества представителей высшей джунгарской элиты, им были собраны сведения о вооружении и военном деле ойратов в первой трети XVIII в. И. Унковский отметил факты постепенного замещения центральноазиатского оружейного комплекса его «вестернизированным» («мусульманизированным») аналогом. Согласно данным И. Унковского, комплекс наступательного вооружения джунгар состоял из саадаков, фитильных ружей, длинных копий и сабель: «Оружие у них луки, копья длиною $7\ ^{1}/_{2}$ аршин, и много имеют пищалей, токмо все с жаграми, и сабли имеют; порох делают сами» (Кушкумбаев, 2001, с. 114). Унковский оценил боевой потенциал Джунгарии в шестьдесят тысяч хорошо подготовленных воинов и до ста тысяч при тотальной мобилизации мужского населения ханства: «Войска его, контайшина калмыцкого, доброго около шестидесяти тысяч, а всего во время нужды уповается, что около ста тысяч собраться может, все конные» (Моисеев, 1990, с. 70). Таким образом, российским послом были собраны ценные сведения о военном деле Джунгарского ханства, однако главная цель миссии И. Унковского — приведение джунгарского хунтайджи в российское подданство — успехом не увенчалась, так как в конце декабря 1722 г. цинский император Канси умер, а новый император Иньчжэн, занявший трон, чувствовал себя на нем не особенно уверенно и фактически свернул активные боевые действия против джунгарского хана. В октябре 1723 г. И. Унковский вместе с джунгарским посланником Доржи отъехали в Москву (прибыли в начале апреля 1724 г.).

В 1725 г. из Тобольска в Джунгарию с письмом от сибирского губернатора М. В. Долгорукова был послан сержант Данила Ильин, который прибыл в Ургу вскоре после смерти Цеван-Рабдана. Напряженная ситуация в Урге, связанная с воцарением на джунгарском престоле Галдан-Церена, не позволила Ильину провести полноценную дипломатическую миссию. Тем не менее он пробыл в Джунгарии до 1727 г. и лишь в декабре возвратился в Тобольск вместе с джунгарским посланником Боджиром. Помимо прочих сведений Д. Ильин отметил факт налаживания в Джунгарии собственного ружейного производства. Согласно собранным.Д. Ильиным данным, ойраты «делают ружья, порох и пули, добывают селитру, медь и железо...» (Эрдниев, 1993, с. 42).

Сибирская администрация попыталась исправить ситуацию год спустя, когда джунгарский посол возвращался на родину. Вместе с Боджиром в Ургу губернатор М. В. Долгоруков отправил переводчика Максима Этыгерова, главной задачей которого было вызволение российских пленных. 16 января 1729 г. миссия покинула Тобольск и 22 июня прибыла в Ургу, располагавшуюся в этот период в урочище Зергес. По пути русские посланцы стали свидетелями нападения казахов на ойратский разъезд. Этыгеров был дважды удостоен приема у нового хунтайджи Галдан-Церена (23 июня и 26 июля). Хунтайджи отказался отдать захваченное под Ямышевской крепостью русское имущество, но пообещал вернуть русских пленных. Этыгеров составил подробную записку, в которой отразил многие сто-

роны жизни джунгарского общества. В частности, он упомянул о том, что на правом берегу Или, у р. Цаган-Чун, «имеются пахоты контайшина владения бухарцов и калмыков». Вместе с Этыгеровым в Санкт-Петербург отбыли джунгарские послы — ойрат Цой-Намкы и уйгур Айтбага Давлетбаки, которые 26 июня 1730 г. посетили канцлера Г. И. Головкина.

5 июня 1731 г. из Москвы в Джунгарию было отправлено посольство во главе с майором Леонтием Дмитриевичем Угримовым. Основными задачами посольства были прекращение сбора ясака джунгарами с «ясачных людей» Южной Сибири, возвращение русских пленных и имущества, захваченного джунгарами в ходе ямышевских событий 1716 г., заключение договора о торговле. Посольство прибыло в Ургу (урочище Хаджигир на левом берегу р. Или) 24 апреля 1732 г., в самый разгар III Джунгаро-цинской войны. 27 апреля Л. Д. Угримов был приглашен на встречу с Галдан-Цереном. Вторая встреча состоялась 30 апреля, после чего начались длительные переговоры, в которых принимали участие члены государственного совета — «Зарго», члены ханской семьи, высшие феодалы ханства, а также мусульманские беки Восточного Туркестана и князцы енисейских кыргызов. В ходе встреч хунтайджи рассказал российскому посланнику о причинах и ходе Джунгаро-цинской войны. Сообщения Угримова содержат подробные и красочные описания быта ханской ставки, включая описания одежды и внешнего вида джунгарских феодалов, охраны и прислуги. Большое внимание Угримов уделил военному делу Джунгарского ханства. Особенно его привлекала джунгарская артиллерия. Собирая сведения о ее численности и составе, Угримов беседовал не только с джунгарскими чиновниками, но и с русскими пленными. Исключительный интерес представляют беседы Л. Д. Угримова с «отцом-основателем» джунгарской артиллерии шведом И. Г. Ренатом, в ходе которых затрагиваются вопросы пушечного производства, ход первых сражений III Джунгаро-цинской войны (1729-1740 гг.), особенности военного искусства ойратов этого времени. Собранные Л. Д. Угримовым сведения заслуживают пристального внимания со стороны современных исследователей еще и по той причине, что, будучи профессиональным военным, он хорошо разбирался в различных видах вооружения и критично относился к сведениям своих джунгарских информаторов, пытаясь проверять их по независимым источникам. Миссия Угримова в Ургe была завершена 19 марта 1733 г.. и 22 марта российское посольство отбыло на родину. Вместе с Л. Д. Угримовым в Россию выехали джунгарское посольство во главе с Зундуй-Замсо и И. Г. Ренат со свитой. 26 июня 1733 г. посольство прибыло в Тобольск. Интересно, что даже после возвращения в Россию Л. Д. Угримов продолжал сообщать сведения по интересующей нас теме. Так. в записке, направленной в Коллегию иностранных дел 25 января 1734 г., Л. Д. Угримов сообщал, что прибывшие с ним в Россию джунгарские послы и торговцы «продают уже с самого приезду бес позволения и покупают ружья, и пансыри, и сабли своеволством и тайным образом».

В 1742-1743 гг. Джунгарию посетило российское посольство, во главе которого стоял К. Миллер. Главной задачей посольства была попытка остановить агрессию Джунгарии против казахских жузов. принявших российское подданство. Обратно русское посольство возвращалось через земли Южного Казахстана, находившегося под жестким военным и политическим контролем Джунгарии. К. Миллер вел походный журнал, в котором достаточно подробно осветил основные события своего путешествия в Западную Монголию и Среднюю Азию.

Непрекращающиеся войны, которые вела Джунгария, привели в середине 40-х гг. XVIII в. к известному кризису промышленности, в том числе и военной. Ойратские ополченцы и дружинники в этот период часто просто не успевали отремонтировать собственное оружие и пополнить боеприпасы. Эту ситуацию красочно описал в своем походном журнале поручик Ф. Аблязов, который проезжал через джунгарские степи в 1745 г.: «Копейные ратовища (древки. — *Авт.)* без копей (т. е. без наконечников. — *Авт.),* а для виду на концах обстроганы и обожжены, и стрел у многих же чириков (воинов) в сайдаках весьма мало, а именно толко по пяти, по семи и по десяти. А огненного ружья недоволно ж, також на оные пороху и пуль помалу, а у других же почти и нет. И как видно, что ружьем они неисправны, да и лошадей довольного числа не имеют» (Моисеев, 1998, с. 121).

Среди материалов российских дипломатов первой половины XVIII в. следует выделить отчеты И. Унковского (посольство 1722-1724 гг.) и Л. Д. Угримова (посольство 1731-1733 гг.). Буду-

чи профессиональными военными, они в своих отчетах уделили особое внимание вопросам военного дела в Джунгарском ханстве.

Однако данные о вооружении, тактике и военных предприятиях джунгар поступали в Санкт-Петербург не только от российских дипломатов. Важные и интересные сведения поставляли российские и иностранные пленные, купцы и путешественники.

Занимательные свидетельства об организации оружейного производства в Джунгарии на начальном этапе процесса производства пушек оставил дворянин г. Кузнецка И. Сорокин. В 1716 г. И. Сорокин был взят в плен джунгарами, жил среди них 14 лет, а затем был отпущен на родину.

Важную информацию о военно-политической ситуации в Джунгарии российские власти извлекали из сведений, собранных мусульманскими торговцами, посещавшими регион в первой половине XVIII в. В конце 40-х гг. ценные данные о джунгарском пушечном производстве, военных закупках и военных предприятиях западных монголов российским властям передавал кашгарский купец Айтбага Баймуратов (Айтбачи Бахмуратов).

Поездка приказчика Усеина Сеюшева в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1752-1759 гг. была подробно описана им в специальной записке, поступившей в распоряжение профильных служб российских властей. Сеюшев прожил в регионе почти семь лет и был очевидцем многих событий, связанных с падением Джунгарии и оккупацией Восточного Туркестана цинскими войсками.

Интересные зарисовки по военному искусству кочевников Центральной Азии и Южной Сибири оставили российские исследователи, путешественники и этнографы XVIII-XIX вв.

Сведения о военном искусстве волжских калмыков содержит исследование статского советника Василия Бакунина «Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев», которое было завершено в 1761 г. В. Бакунин прекрасно знал разговорный и письменный калмыцкий язык и в 1720 г. был назначен губернатором Волынским переводчиком с калмыцкого языка. Ценность сведений, собранных Бакуниным, заключается в том, что он видел калмыцкую армию «изнутри». В 1722 в. в Дербентском походе он находился «в команде при калмыцких войсках». В 1726 г. В. Бакунин был назначен секретарем по «калмыцким делам». Он часто бывал в ойратских улусах и имел «возможность изучать обычаи и быт калмыков». Им зафиксированы оригинальные сведения о тактике и особенностях военного искусства волжских калмыков первой половины XVIII в. В тексте встречаются упоминания об использовании кочевниками малокалиберной артиллерии. Наибольшую ценность для нашей темы представляют сведения, собранные В. Бакуниным начиная с 20-х гг. XVIII в., о событиях, которые автор мог наблюдать сам или описывать, опираясь на свидетельства современников и участников этих событий.

В XVIII в. описание вооружения северных монголов составил штурман второго ранга капитан Михаил Татаринов. Особый интерес представляют подробные описания панцирей из органических материалов и лучного боя бурят (Татаринов, 1958, с. 26-27). Данные о вооружении бурят зафиксированы в «Описании бурят, или, как зовут их русские, братских, подвластного русским татарского народа...» (1774 г.) швейцарцем Ренье, приехавшим в Иркутск во второй половине 60-х гг. XVIII в. (Зиннер, 1968, с. 185-198).

В императорском указе от 1784 г. иркутскому губернатору было предписано организовать работу по сбору информации по истории и культуре «племен иноверцев», «живущих в вверенных ему губерниях». Систематизация поступающих с мест материалов была поручена Францу Лангансу. Работа над рукописью продолжалась с перерывами более пяти лет и была закончена в 1789 г. В труде Ф. Ланганса «Собрание известий о начале и происхождении различных племен и иноверцев, в Иркутской губернии обитающих, о преданиях, между ними сохранившихся, о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их» содержится информация о военном деле бурят. В частности, отмечается выдающееся мастерство конных и пеших бурятских воинов в стрельбе из луков и ружей, приводится описание разновидностей стрел, фиксируется факт широкого использования бурятами предметов защитного вооружения (Ким, 1962, с. 156).

Подробное описание фитильных ружей и ружейной амуниции, использовавшихся жителями Горного Алтая («горными калмыками») во второй половине XIX в., оставил известный путешественник и исследователь В. В. Радлов.

Особый раздел русскоязычных письменных источников составляют «расспросные речи» центральноазиатских послов. На протяжении всего XVII в. и первой половины XVIII в. русские служилые люди, дьяки московских приказов, а впоследствии представители губернских и имперских властей, чиновники и военные детально фиксировали на бумаге информацию, полученную в ходе продолжительных, часто доверительных бесед, и снабжали текст своими пространными комментариями. Естественно, что центральноазиатские дипломаты были объективно заинтересованы в том, чтобы преувеличить военную мощь своих сюзеренов, поэтому уже начиная с XVII в. русские специалисты активно сверяли сведения, полученные от монгольских посланцев, с данными, поступившими из других источников. Для современного исследователя «расспросные речи» и комментарии к ним могут стать (при соответствующем подходе) исключительно важной разновидностью письменных источников по интересующей нас тематике.

Наибольшую ценность при изучении предметов вооружения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири для нас представляют сообщения русских послов и путешественников XVII — первой трети XVIII в. В этот период в русском языке существовала достаточно стройная система терминов, обозначавшая различные виды и типы вооружения. В «скасках» и «отписках» послов и путешественников этого периода термины, обозначающие различные типы панцирей, клинкового, древкового, огнестрельного оружия, как правило, никогда не смешиваются, а подчас и противопоставляются друг другу (МРМО, 2000, с. 385). Свое название имели не только панцири, различающиеся структурой бронирования (например, кольчато-пластинчатые панцири в зависимости от размеров и числа пластин именовались «бехтерцами», «юшманами», «колонтарями», пластинчато-нашивные — «куяками», стеганые «мягкие» панцири — «бумажниками» и т. д.), но и панцири, различающиеся системой крепления составных элементов. Например, доспехи, сплетенные из колец (кольчатые доспехи), различались по принципу клепки колец и делились, соответственно, на «кольчуги» и «пансыри». Интересно, что зафиксировать различия в клепке можно обычно только при детальном осмотре кольчатой брони. При беглом осмотре разница между «кольчугами» и «пансырями» для современного наблюдателя практически незаметна. Существовали и исключения. Аналогом современного слова «панцирь» (т. е. корпусное защитное вооружение вообще) было слово «куяк». Последнее могло употребляться как в узком (пластинчато-нашивной доспех с внешним матерчатым или кожаным покрытием), так и в широком смысле (панцирь вообще). Определить, в каком значении употреблено слово «куяк», обычно можно из контекста. Таким образом, большое значение в процессе анализа русских письменных источников имеет правильная расшифровка средневековых терминов, обозначающих ту или иную часть доспеха или холодного оружия. В «отписках» и «скасках» XVII — первой трети XVIII в. из вооружения центральноазиатских воинов упоминаются предметы защитного вооружения («шишаки», «шеломы», «шапки железные», «колпаки», «миссюрки», «куяки», «кольчуги», «пансыри», «бехтерцы», «бумажники», «наручники» («наручи»), «наколенки», «щиты», конские «доспеси и приправы»), клинковое оружие («сабли», «сулемы»), древковое («копья», «рогатины»), огнестрельное оружие («пищали», «винтовки», «турки калмыцкие») и т. д. Сопоставив данные «описей», «скасок» и «отписок» с реальными предметами защитного вооружения, хранящимися в российских музеях, представляется возможным увязать названия XVII в. с их реальными прототипами.

В XVIII в. по мере исчезновения из военного быта предметов защитного вооружения средневекового образца грань между различными терминами становится все более условной. Если в первой половине века еще делались различия между «шлемами» и «миссюрками», «куяками» и «кольчугами» (Сычев, 1973, с. 62), то позднее преобладают общие выражения типа «панцири», «латы» и т. д., при этом «кольчугами» русские и иностранные путешественники и этнографы конца XVIII — XIX в. стали называть практически любые виды железного панцирного вооружения, так что понять, что имеет в виду автор текста — пластинчато-нашивной, ламеллярный или кольчатый доспех, — можно только по описанию или контексту. Особенно ярко эти недостатки проявляются при переводе текстов иностранных авторов. Так, А. Уоддель (точнее, переводчик его книги), описывая защитное вооружение тибетцев, отмечает: «Некоторые еще носят железные шлемы и кирасы типа, знакомого нам по средневековой литературе: кольчуги состоят из маленьких узеньких пластинок, похожих на лис-

тики ивы, около 1,5 дюйма длины и соединенных кожаной основой. Некоторые также надевают кольчуги из цепей» (Уоддель, 1906, с. 130). Здесь переводчик называет словом «кольчуга» два совершенно разных типа корпусного защитного вооружения: ламеллярный доспех «из маленьких узеньких пластинок», которые соединялись между собой кожаными ремешками, и собственно кольчатый панцирь (кольчугу), состоящий из «цепей», т. е. колец.

Во избежание путаницы мы будем избегать трактовок и интерпретаций терминов XIX — начала XX в. (в данном случае нам важен сам факт употребления кочевниками панцирей и шлемов), а термины XVI-XVII вв. будем принимать в соответствии с трактовкой (расшифровкой), принятой современными оружиеведческими школами.

Пинские письменные источники

В начале XVII в. Южная Монголия вошла в состав Цинской империи, ачахарские ополчения были включены в состав «восьмизнаменных» войск, причем часть монголов была перемешана в знаменных отрядах с маньчжурами, а другая часть составила отдельные роты («нюру») и «знамена» в составе основных сил имперской армии (Кычанов, 1992, с. 54, 56, 61).

Важным маньчжурским источником по вооружению монголов является «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение»), представляющее собой свод цинских законодательных актов для монголов на 1627-1694 гг. Окончательный вариант уложения появился лишь в 1696 г. (Цааджин бичиг, 1998, с. 3,18). «Цааджин бичиг» — первый официальный свод законов для монголов, подготовленный цинским правительством. Он был вызван включением в состав Цинской империи сначала южных, а затем и северных (халха) монголов. При составлении свода письменных законов для центральноазиатских кочевников цинское правительство исходило из реального положения дел в позднесредневековой Монголии, поэтому данные, извлеченные из «Цааджин бичиг», представляют известный интерес при изучении военного дела чахаров и их соседей в XVII в. «Цааджин бичиг» содержит информацию об условиях поставки вооружения (в том числе и защитного) в монгольские степи с территории Маньчжурии и Китая, составе и системе оформления панцирей и шлемов монгольских воинов, включенных в состав цинской «восьмизнаменной армии» (Цааджин бичиг, 1992, с. 67), а также о тактике южномонгольской конницы этого периода. В XVIII в. требования, предъявляемые цинским правительством к снаряжению монгольских (халхаских) воинов, были обобщены в своде законов «Халха джирум».

Данные о военном искусстве халха-монголов и джунгар содержатся в письмах, отчетах и докладах цинских офицеров, принимавших участие в военных кампаниях против монгольских кочевников в XVII — первой половине XVIII в. Цинские офицеры и полководцы обычно дотошно описывали ход сражений, вооружение и тактические уловки противника, что делает эту разновидность цинских письменных материалов ценным источником по изучению военного дела халхасцев и джунгар рассматриваемого времени. Часть этих сведений обобщена в цинских документальных сборниках, составленных по следам событий и призванных продемонстрировать мощь императорской армии и военные таланты цинских правителей. Данные о включении в состав Цинской империи Халхи и I Джунгаро-цинской войне содержит «Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюэ» («Составленные по высочайшему повелению описания похода императора по усмирению северных пустынных земель»). В сочинении собраны цинские документы, охватывающие период с 1677 по 1699 г. Императорские приказы, доклады Цзюньцзичу, сообщения военачальников, чиновников, связанные с подготовкой и ходом завоевания Джунгарского ханства, систематизированы в труде «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе» («Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар»).

Мусульманские письменные источники

Мусульманские письменные источники представлены в основном материалами исторических хроник.

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» («История Абул-Хайр-хана») была написана Масудом Бен Усман Кухистани в 40-х гг. XVI в., в период правления сына героя данной хроники — Абул-Хайр-хана (1412-1469 / 70) Абдал-Латиф-хана (1540-1551). По мнению В. В. Бартольда, произведение было завершено в 1543-1544 гг. Автор данной хроники, Масуд Бен Усман Кухистани, сделал карьеру при дворе наследников Абул-Хайр-хана. Он служил секретарем у сына Абул-Хайр-хана Суйунч-ходжа-

хана, а после смерти последнего продолжил службу в ставке другого сына Абул-Хайр-хана Абд ал-Латиф-хана (МИКХ, 1969, с. 135-136). Несмотря на витиеватый вычурный текст, щедро разбавленный стихами, отступлениями и повторениями, сложными стилистическими оборотами,«значение его трудно переоценить, так как он в значительной мере уникален» (там же, с. 136-139). В своей работе Кухистани опирался на труды Джувайни, Джузджани, Бенакети, Шараф ад-Дина Али Йазди и др. Исследователи также предполагают, что он пользовался «не дошедшими до нашего времени государственными документами» (там же, с. 136). Заключительная часть произведения, представляющая интерес для нашей темы, была создана с использованием информации, собранной Кухистани от непосредственных участников и очевидцев событий и, прежде всего, сына Абул-Хайр-хана Суйунч-ходжа-хана (там же, с. 136). Центральная часть произведения Кухистани посвящена деятельности правителя «государства кочевых узбеков» Абул-Хайр-хана. Автор достаточно подробно описывает походы, сражения и осады, в которых принимали участие воины восточной части Дешт-и-Кипчака. Особое место в списке военных предприятий занимает неудачная военная кампания Абул-Хайр-хана против ойратов в начале второй половины XV в. (Юдин, 2001, с. 47). Кухистани фиксирует интересные особенности ведения боевых действий «калмаками Уз-Тимур-тайши»: взаимодействие действующей армии и следующего за ней обоза с «женами и домочадцами», использование ойратами «литавр и труб», различных типов оружия и т. д. В «Рассказе о битве хакана небесной (сферы) с падишахом калмаков» дается описание неудачной для тюрков битвы в «местности Кук-Кашане», недалеко от Сыгнака. Кухистани сравнивает построенные для боя ойратские войска с «железной горой» и фиксирует основные этапы сражения. Подводя итоги кампании, автор отмечает, что «воины хана калмаков... разграбили окраины Туркестана, Шахрухии и жителей окрестностей Ташкента... После заключения мира Уз-Тимур-тайши направил поводья решимости и могущества через Сайрам, в сторону реки Чу, где находились его обоз и домочадцы... Оттуда со всем войском направился в сторону (страны) Калмак, которая являлась наследственным уделом его» (МИКХ, 1969, с. 168-170). Достаточно сложно определить, насколько точно Кухистани смог передать детали военного дела ойратов описываемого им времени, так как текст «Тарих-и Абул-Хайр-хани» был написан почти через сто лет после «битвы у Кук-Кашане». Есть основания полагать, что при описании военного искусства кочевников Западной Монголии Кухистани мог обращаться и к более близким ему по времени источникам. Таким образом, сведения об ойратах, содержащиеся в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», могут быть экстраполированы не только на середину XV в., но и на вторую половину этого столетия, а возможно, и на начало XVI в.

«Хроника» османского историка Сейфи Челеби написана в промежутке между 1582 и 1590 гг. Данное историческое сочинение существенно отличается от традиционных османских хроник и напоминает географическое произведение. Оно содержит краткое описание областей мусульманского Востока, Центральной Азии и сопредельных территорий, дополненное историческими и этнографическими сведениями (Султанов, 2005, с. 254-255). Высказываются различные версии того, как было написано данное сочинение. По мнению К: Шефера, Сейфи Челеби совершал поездки по Центральной Азии, а в 1543 г. направился в Китай. Ему возражает Ж. Матуз, который утверждает, что автор «Хроники» не путешествовал по тем странам, о которых он пишет, а при составлении текста Сейфи Челеби опирается исключительно на устные рассказы купцов и путешественников. В. В. Бартольд отметил, что некоторые положения «Хроники», «вероятно, заимствованы из более ранних письменных известий». Разбирая текст «Хроники», Т. И. Султанов выделил значительное количество неточностей и ошибок, допущенных Сейфи Челеби в своем произведении (там же, с. 254-256), что фактически подтверждает предположение Ж. Матуза о том, что автор «Хроники» не смог ознакомиться с ситуацией непосредственно на месте. Вместе с тем «Хроника» содержит интересные сведения о вооружении и тактике ойратов («калмаков»), минских китайцев, казахов, тибетцев и киргизов. В главе «Рассказ о предводителе калмаков и стране Тибет» зафиксирована информация о войнах монголов и тибетцев с китайцами и ойратов с казахами. Эти данные дополняют относительно немногочисленные центрально- и восточноазиатские письменные свидетельства о военном искусстве народов региона в XVI в.

«Хроника» Шах-Махмуда ибн мирзы Фазил Чураса, завершенная в 1676-1677 гг., является логическим продолжением труда Мухаммада-Хайдара Дуглата «Тарих-и Рашиди», написанного в первой половине XVI в. (Чурас, 1976, с. 12). Первая часть произведения представляет собой компиляцию «Тарих-и Рашиди», зато вторая содержит ценные оригинальные сведения о военном искусстве Могулии (Кашгарии), казахов, киргизов и ойратов XVII в. Автор «Хроники» родился в Кашгарии в 20-х гг. XVII в. (там же, с. 53). Будучи представителем знатного рода военно-кочевой феодальной знати, Шах-Махмуд Чурас принимал активное участие в политических интригах при Яркендском дворе и поддерживал тесные контакты с представителями черногорских ходжей и вассалом джунгарского хана, выходцем из Кашгарии Эрка-беком, по повелению которого и была написана «Хроника» (там же, с. 154). Предки и ближайшие родственники Шах-Махмуда обычно выбирали военную карьеру и добивались подчас высокого положения в военно-административной иерархии Могольского государства (там же, с. 36, 39-43). Так как Шах-Махмуд писал свой труд уже в зрелом возрасте, есть основание полагать, что в молодости он также пытался реализоваться в качестве военного. Но, даже если в силу родовой травмы или болезни он не смог добиться сколько-нибудь серьезных успехов в этой сфере, он оставался человеком компетентным в военных вопросах, что нашло свое отражение в его описаниях столкновений могольских армий с узбеками, казахами, киргизами и ойратами (названными в «Хронике» «калмаками»). Особый интерес для нашей темы имеют описания сражений «отборных богатуров» джунгарского правителя Сенге с кашгарскими «испытанными в боях эмирскими сынами, одетыми в броню и кольчуги» (там же, с. 232-233). Ценность сведений Чураса заключается еще и в том, что многие из описываемых им походов и сражений происходили при его жизни и Шах-Махмуд мог опираться на рассказы их непосредственных участников. Последние годы «Хроники» совпадают по времени с пиком джунгарской экспансии в Восточный Туркестан. Пройдет еще несколько лет, после того как Шах-Махмуд Чурас закончит свой труд, и джунгары полностью подчинят себе Могольское государство, превратив его ханов-правителей в своих вассалов. Не удивительно, что военным операциям «калмаков» в Восточном Туркестане в последних главах «Хроники» уделено столь значительное внимание.

Отдельные сведения о военном искусстве джунгар содержатся в произведениях кашгарских историков Восточного Туркестана второй половины XVIII в. Они представляют значительный научный интерес, так как большую часть первой половины XVIII в. города Восточного Туркестана входили в состав Джунгарского ханства. Бурные военные события последних десятилетий существования Джунгарии проходили перед глазами кашгарских летописцев, причем некоторые из них даже принимали в них непосредственное участие. Наибольший интерес для нашей темы представляют «Исламнаме», написанная муллой Абд ал-Алимом (Шаир Ахунд) в 1767 г. (подругой версии в 1756 г.), «Тазкира-йи ходжаган» (Тазкира-и азизан) Мухаммада Садыка Кашгари, составленная в 1768-1769 гг., «Асар ал-футух» Мухаммада Имина Садра Кашгари, написанная между 1780 и 1790 гг. в Самарканде. Наиболее раннее из этих произведений, «Исламнаме», содержит сведения о междоусобной войне в Джунгарии после смерти Галдан-Церена в 1745 г.: «Мола Абд ал-Алим сообщает любопытные подробности об участии казахов в джунгарских междоусобицах. Некоторые из этих его сообщений не дублируются никакими другими источниками, а потому представляют особую ценность. Будучи в целом отрывочными, они тем не менее удачно налагаются на сообщения русских источников и казахские предания» (МИКХ, 1969, с. 423).

Мусульманские письменные источники, содержащие информацию о вооружении центральноазиатских кочевников, изучены еще в недостаточной степени. Сведения о вооружении монголов (в первую очередь джунгар) носят фрагментарный, эпизодический характер. Среднеазиатские хроники достаточно скупо описывают предметы материальной культуры кочевников, однако в бухарских и кашгарских летописях, автобиографических текстах среднеазиатских правителей встречаются упоминания монгольских (как правило, ойратских) панцирей (Мукминова, 1976, с. 117, 124; Бабур-наме, 1958, с. 131). В поздних произведениях описываются вооружение (в том числе огнестрельное оружие) и тактика джунгар. В целом, мусульманские письменные источники дополняют и уточняют сведения русских и цинских письменных материалов периода позднего Средневековья и Нового времени.

В тюркской терминологии монгольское языковое наследие (наследие политического господства) очень значительно: «хуяг» (монг.) — «куяк» (тюрк.), «дуулга» (монг.) — «тувулга» (тюрк.), «халха» (монг.) — «калкан» (тюрк.) и т. д. Интересно, что среди казахских терминов, обозначающих боевые наголовья, согласно исследованиям А. Т. Кайдарова, только монгольский термин «дуулга» обозначает собственно «железный шлем» (Кайдаров, 1973, с. 28). В работе Р. Г. Мукминовой упоминается «калмыцкая джиба» («джибасси»), т. е. дословно «железный панцирь» (но не кольчуга, которая называлась «савут») (Мукминова, 1976, с. 117).

Некоторые термины, обозначающие доспехи кочевников, извлеченные из среднеазиатских и в меньшей степени маньчжурских и китайских текстов, часто вызывают сомнения в точности перевода. Например, в «Бабур-наме» встречается следующая фраза: «Стрела пробила двойной лист моей калмыцкой кольчуги». Неясно, что имел в виду переводчик. Если стрела пробила именно кольчугу, то тогда она «прошила» кольчужные кольца, а не «листы» (т. е. металлические пластины), ведь ими бронировался пластинчато-нашивной панцирь («куяк») — совершенно другой тип доспеха.

2.3. Изобразительные источники

В отличие от периода развитого Средневековья (Горелик, 1983, 1987) в нашем распоряжении находится относительно небольшое количество иконографических памятников. Прежде всего это юаньская живопись, графика и скульптура XIV в., минские миниатюры, живопись и скульптура конца XIV — начала XVII в., маньчжурские миниатюры и живопись XVII—XVIII вв., гравюры русских путешественников XVIII — начала XIX в., петроглифы Горного Алтая, в меньшей степени монгольская и тибетская историческая и буддийская живопись и скульптура этого же периода.

Изобразительные источники периода Юаньской и Минской империй (XIV—XVII вв.)

Большое количество изображений монгольских воинов содержится в произведениях юаньских художников и скульпторов XIV в. Юаньские изобразительные материалы, фиксирующие монгольских воинов, представлены в основном графическими миниатюрами и скульптурами. Конный монгольский лучник в панцире, стреляющий «варварским способом», изображен на страницах юаньской энциклопедии «Шимин гуян ци». Полководцы, спешенные панцирники и китайские ополченцы приведены в другой юаньской военной энциклопедии XIV в. Характерно, что их защитное вооружение во многом совпадает с изображениями шлемов и панцирей демонов-варваров на минских картинах XV-XVI вв. Терракотовые статуэтки монгольских воинов обнаружены в захоронениях Северного Китая. Всадники одеты в стеганые панцири из органических материалов и вооружены палашами, луками и стрелами. Кающиеся юаньские полководцы изображены на настенной росписи китайского монастыря Баонин. По данным изображениям можно судить о внешнем виде монгольских воинов в эпоху падения династии Юань и первые десятилетия после изгнания кочевников за Великую стену.

Минская живопись унаследовала от сунской и юаньской художественных школ подчеркнуто детализированный и достоверный способ отображения одежды, оружия и доспехов изображаемых персонажей, сопоставимый по подробности в передаче деталей со знаменитой манерой художественных школ Тебриза XIV-XVI вв. и Герата XV в. Поэтому произведения минских живописцев XV-XVII вв. представляют для нас исключительный интерес. Однако на исторических картинах китайских художников этого периода монгольские воины изображаются достаточно редко. Гораздо чаще они предстают в виде персонифицированных представителей Мирового Зла. Традиция изображать демонов и злых духов в виде воинственных «северных варваров», характерная для средневекового Китая, сохранилась и в Минскую эпоху. «Демоны-варвары» отличаются от остальных персонажей подчеркнуто темным цветом кожи, густой растительностью на лице, длинными косами и серьгами. Как правило, их одежда и оружие отличаются от одежды и оружия положительных героев, снаряженных по китайскому образцу.

Маньчжурская графика несколько более схематична и условна, чем минская. Изображения монгольских воинов-лучников содержатся в маньчжурских «Иллюстрированных "правдивых записях" о маньчжурах» («Маньчжоу-шилу»), работа над которыми была закончена в 1635 г. Книга представ-

ляет собой описание военных подвигов создателя маньчжурского государства Нурхаци. Впервые в истории жанра «правдивые записи» сопровождались иллюстрациями, посвященными военным предприятиям Нурхаци (Доронин, 2002, с. 63). Большая часть маньчжурских миниатюр XVII в. помимо повествовательной несет в себе еще и идеологическую нагрузку. Например, в «Маньчжоу-шилу» прекрасно вооруженным «восьмизнаменным» войскам Цинской империи противостоят (а гораздо чаще спасаются бегством) легковооруженные лучники (монголы) и пехотинцы (китайцы).

Живопись и графика европейских иезуитов XVIII в., пинских художников, работающих в европейском стиле

Важной, хотя и специфической, разновидностью изобразительных источников являются картины, выполненные европейскими иезуитами, работавшими в Китае в XVIII в., а также их цинскими последователями, воспринявшими традицию европейских художественных школ. Изготовленные ими живописные картины и офорты, а также их копии хранятся в Государственном Эрмитаже, китайских, французских и американских музеях.

Основная масса этих картин была изготовлена в период правления императора Цяньлуна (1736-1795 гг.). В большинстве случаев на батальных изображениях зафиксированы победоносные для цинских войск сражения с джунгарами, мусульманскими войсками Восточного Туркестана и казахами. На ряде изображений приведены сцены поединков цинских полководцев с воинами Центральной и Средней Азии, портреты цинских военачальников.

Кроме известных офортов и гравюр, передающих ход военных кампаний цинских войск в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1754-1759 гг., в число произведений данной группы входят работы европейских и восточноазиатских художников, созданные в первой половине XVIII в. Ярким примером таких произведений являются живописные полотна, изготовленные неизвестным китайским художником XVIII в. с соблюдением европейских художественных норм. Два свитка с изображением батальных сцен времени Джунгаро-цинских войн хранятся в фондах Государственного Эрмитажа (кат. 194-195). Европейское влияние прослеживается в развертывании действия слева направо (а не справа налево, как это принято в китайской живописи), линейной перспективе, пластической моделировке форм. В конце одного из свитков стоит печать известного цинского художника Цзяо Бинчженя (работал в 1680-1720 гг.). По мнению современных исследователей, «приписывать их (свитки. — *Авт.)* кисти Цзяо Бинчженя нет оснований». Косвенным подтверждением этого является изображение на одном из свитков трофейных джунгарских пушек, которые ойраты стали применять против маньчжуров в начале 30-х гг. XVIII в. Скорее всего на свитках зафиксирован эпизод III Джунгаро-цинской войны (1729-1738 гг.) или одно из сражений времен вторжения цинских войск в Джунгарию в 50-х гг. XVIII в., а сами картины были выполнены в 30-50-х гг. XVIII в.

По степени достоверности и информативности данные материалы могут быть разделены на три основные группы.

К первой группе относятся живописные малофигурные композиции и портреты, предположительно выполненные Д. Костильоне, его европейскими коллегами и их маньчжурскими и китайскими помощниками. Отличительной особенностью данных работ является исключительная, практически фотографическая точность в передаче деталей доспехов, оружия и одежды изображаемых персонажей. Хорошей иллюстрацией этой группы изобразительных материалов является известный портрет императора Цяньлуна, изображенного на коне и в доспехе. Оценить качество данной работы можно, сопоставив изображение панциря и шлема с дошедшим до нас подлинным императорским доспехом, хранящимся в музее Пекинского императорского дворца. Подробностью и вниманием к деталям отличаются живописные свитки, изображающие цинских полководцев в мирное время и в ходе военных кампаний середины XVIII в. По картинам данной группы можно составить впечатление не только о регламентированных формах одежды, но и о том, какие изменения они претерпевали в походных и боевых условиях. Значительный интерес представляют портреты южномонгольских, халхаских и джунгарских военачальников, перешедших на сторону Цинской империи. Точность в отображении деталей относится в первую очередь к изображениям цинских правителей, полководцев и солдат. Однако и центрально- и среднеазиатские послы,

купцы и воины изображены достаточно подробно. Предметы их вооружения и одежды находят аналоги среди вещественных и письменных источников.

Ко второй группе источников относятся работы неизвестного цинского художника, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (кат. 194-195), и ряд других произведений первой половины XVIII в. Они отображают события одной из Джунгаро-цинских войн первой половины XVIII в. На первом свитке из ГЭ последовательно изображены лагерь цинских войск, наведение моста, ряды наступающей конницы, цинский полководец в окружении подчиненных, бой с ойратской или восточнотуркестанской армией. Второй свиток содержит изображение построенной цинской армии, наступление цинской конницы, стычки с ойратами (кашгарцами?) ойратской (кашгарской?) засады. По наблюдению специалистов Эрмитажа, «организующим элементом свитков является пейзаж, написанный явно китайским художником. Однако художник знаком с некоторыми приемами европейской перспективы и фигуры людей вдали изображает маленькими» (Пчелин, Меньшикова, Арапова, 2003, с. 189). Свитки содержат множество интересных деталей центральноазиатского военного искусства: отступающую джунгарскую (?) пехоту, вооруженную пиками; верблюдов с груженными на них пушками; отряд всадников, ведущих с коня стрельбу из огнестрельного оружия по наступающим цинским отрядам, и т. д. Фигуры воинов переданы достаточно реалистично. Однако в глаза бросается некоторое упрощение в передаче деталей. Так, одежда ойратов (кашгарцев?) исключительно однообразна. Все воины одеты в халаты с косым запахом и длинными рукавами, практически одинаковые шапки с меховым околышем. Халаты и шапки отличаются друг от друга, как правило, лишь цветом ткани. Только в некоторых случаях можно предполагать наличие на всаднике панциря-«куяка», который изображен в виде халата, покрытого рядами заклепок. Складывается впечатление, что художник изображал монгольских воинов на основании виденных им самим простых аратов-кочевников или охотников, которых для соблюдения антуража он снабдил пиками, саблями и ружьями. Достоверность же тактических особенностей ведения боя достигнута за счет точного и талантливого переноса на бумагу свидетельств непосредственных участников боевых действий.

К третьей группе относятся картины и гравюры, выполненные европейскими мастерами середины XVIII в. и посвященные военным кампаниям цинской армии против джунгар, мусульман Восточного Туркестана и казахов в 1754-1759 гг. Увлекающийся батальными офортами Георга Филиппа Ругендса-старшего император Цянлун приказал изготовить офорты с картин, прославляющих победоносные кампании цинских войск второй половины 50-х гг. XVIII в. В письме иезуита Галлерштейна, служившего при императорском дворе, говорится: «Наш император (т. е. Цяньлун. — Лет.) желает, чтобы в Европе 16 картин, на которых изображены события войны, которую он последовательно вел против элеутов (джунгар. — *Авт.),* татар и их соседей и ранее усмиренных мусульман, были выгравированы и напечатаны». Авторам известны несколько вариантов картин, на которых повторяется один и тот же сюжет. Картины различаются между собой стилистически и существенно разнятся в передаче деталей одежды, в меньшей степени — вооружения изображенных персонажей. Офорты с картин Д. Кастильоне, Ж-Д. Аттире, И. Шикельпарта, С. Дамаскина были изготовлены французским гравером по меди И. Хельманом. В 1765 г. Д. Кастильоне и его коллеги сделали с крупных полотен рисунки небольшого формата. Последние были посланы генерал-губернатору Гуанчжоу для отправки в Европу вместе с эдиктом императора. В настоящее время они хранятся в Национальном архиве Парижа. Кроме парижского комплекта, существует еще несколько комплектов аналогичных офортов. Так, в 1786 г., в год 50-летия правления императора Цяньлуна, иезуиты преподнесли ему альбом из 24 офортов с посвящением и пояснением на китайском и французском языках, изготовленный все тем же Хельманом в 1784 г. Основой для альбома послужили картины Д. Кастильоне, Ж-Д. Аттире, И. Шикельпарта, С. Дамаскина, выполненные в основном в первой половине 60-х гг. XVIII в. В настоящее время этот альбом хранится в коллекции Государственного Эрмитажа (кат. 196). Альбом содержит 24 офорта, из которых 15 посвящены военным победам цинской армии над джунгарами, кашгарцами и казахами, а 9 — «изображениям дворцовой жизни маньчжурских императоров». В числе батальных сцен — разгром джунгарского лагеря «у горы Хурунгуй», артиллерийский удар по отступающей армии ойратов у «реки Черной (1755 г.)»,

взятие «крепости Тунгузлук», захват джунгарского лагеря «у Гэдэн-Ола» и «у Орой-Ялату», «битва при Курмэне», разгром ойратов и казахов «при Кос-Кулаке», победы над мусульманскими армиями «двух ходжей» в сражении «при Езиль-Коль-Нор (1759)», «крупное кавалерийское сражение при Кашгаре (август 1759)» и битва «у Аркуля» («битва 1 сентября 1759 г. в горах Пулюк-куль и Иссыл-куль и у города Бадахшан») и др.

Выполненные европейскими художниками и их дальневосточными последователями гравюры дают обширную панораму центральноазиатских сражений середины XVIII в. На них встречаются изображения джунгарской «верблюжьей артиллерии», конных ойратских, казахских и кашгарских копейщиков и стрелков, пеших пикинеров и «мушкетеров», укрывающихся за спинами лошадей, и т. д. Однако в европейских гравюрах третьей группы еще в большей степени, чем в батальных картинах второй группы, прослеживается упрощенность в передаче одежды и оружия противников цинской армии. На раскрашенных европейских гравюрах практически все джунгары одеты в одинаковые светло-синие или серые халаты и желтоватые колпаки с черным (меховым или тканевым) околышем[2]. Более того, на гравюрах западные монголы, мусульмане Восточного Туркестана и казахи одеты и вооружены практически одинаково. Даже при учете факта длительного соседства этих народов такая унификация их внешнего вида кажется несколько натянутой. На наш взгляд, причин такого упрощенного взгляда на военную реальность несколько. Главная из них заключается в том, что большинство авторов картин (с которых затем были сделаны офорты) работали над ними, не выезжая из Пекина. Информацию для них собирали другие миссионеры-иезуиты, которые действительно посещали места военных кампаний 1754-1759 гг. Некоторые из них даже принимали участие в военных действиях. Так, например, молодые португальцы д'Эспинья и да Роша проводили разведку местности и картографирование. Иезуиты также «занимались обучением артиллеристов и практическим ведением прицельного артиллерийского огня из орудий европейского образца» (Пчелин, Меньшикова, Арапова, 2003, с. 189). Упомянутый выше д.'Эспинья «руководил группой иезуитов и офицеров императорской армии в Джунгарской кампании 1755-1759 гг., которая производила рекогносцировку и фиксирование происходящих событий для Цянлуна» (там же, с. 185). Информируя художников-иезуитов о ходе военных кампаний, их осведомители естественным образом делали акцент на ходе конкретных сражений, тактике действий цинских, джунгарских, кашгарских и казахских армий, оригинальных маневрах и результатах битв. Поэтому на картинах эти моменты отображены с особой тщательностью. Что же касается деталей вооружения, то здесь художники соблюли лишь некоторые общие принципы, изобразив кочевников и кашгарцев с тем оружием, которое упоминали в своих рассказах осведомители. Так, у джунгар, воинов Восточного Туркестана и казахов встречаются характерные ружья с длинным стволом и изогнутым прикладом, пики, сабли, а у казахов еще и их традиционные топоры на длинных рукоятях. Различия в одежде и защитном вооружении, вероятно, не показались информаторам достаточно значительными и поэтому не были зафиксированы художниками. Традиции европейских художественных школ лишь усугубили ситуацию. Западноевропейские баталисты в данный период особое внимание уделяли самому действию, в то время как детали (одежда, вооружение) играли второстепенную роль. Единообразное одеяние ойратов и казахов не должно было смутить европейского зрителя, который к середине XVIII в. успел давно привыкнуть к относительному однообразию европейской военной униформы. Кроме того, рассматривая европейские гравюры, изображающие сражения с участием цинских войск, не стоит забывать цель, с которой они создавались. Иезуиты стремились польстить Цяньлуну и поэтому изобразили на картинах в рядах цинских войск почти исключительно маньчжуров, хотя основную массу экспедиционных войск составляли подвластные империи воины монгольских племен. Не удивительно, что внешний вид маньчжурских воинов прописывался художниками более тщательно, в то время как их противники на гравюрах во многом выполняли роль «фона».

Таким образом, европейские гравюры третьей группы являются исключительно важным источ-

[2] Хотя изредка встречаются достаточно правдоподобные изображения широкополых шляп и низких стеганых шапок с меховой опушкой. Интересно, что головные уборы джунгарских воинов на картинах обычно снабжены традиционными для западных монголов плюмажами из узких матерчатых ленточек красного цвета — «улан зала».

ником для изучения тактики цинских, джунгарских, восточнотуркестанских и казахских войск середины XVIII в. Выполненные вскоре после завершения военных кампаний 1754-1759 гг., они существенно дополняют данные письменных источников о военном искусстве народов региона. Однако при анализе вооружения джунгарских, казахских и кашгарских воинов изображения на гравюрах должны использоваться вместе с массивом других изобразительных, вещественных и письменных источников.

Российские изобразительные источники

Большинство изображений воинов Центральной Азии и Южной Сибири, выполненных русскими художниками и путешествующими по России иностранцами, относятся к концу интересующего нас периода. Русские художники XVIII — первой половины XIX в. неоднократно выбирали героями своих произведений кочевников Средней, Центральной Азии, жителей Южной Сибири. Не удивительно, что в первую очередь их интересовали подданные Российской империи — буряты и волжские калмыки.

Среди произведений русских художников, изображавших кочевников Южной Сибири, наибольший интерес представляют работы Е. М. Корнеева (1780-1839), который в качестве художника при экспедиции Е. М. Сперенгпортена в 1802 г. выполнял «военно-стратегический осмотр Азиатской России». На одной из своих гравюр он изобразил «братского татарина» (бурята. — *Авт.),* одетого в пластинчато-нашивной панцирь, вооруженного сложносоставным луком. Несмотря на то что рисунок был сделан в самом начале XIX в., изображенный на нем панцирь можно экстраполировать на XVIII в.; по покрою он близок к маньчжурским аналогам, но отличается рядом специфических черт. Особенности покроя данного панциря будут рассмотрены в соответствующем разделе монографии. Значительный интерес представляет изображенный Е. М. Корнеевым традиционный бурятский колчан, имеющий широкий круг аналогий среди подлинных колчанов бурят Прибайкалья периода позднего Средневековья и Нового времени.

Изображение калмыцкого воина на коне, выполненное неизвестным автором второй половины XVIII в., опубликовано Г. Прозрителовым в его книге «Военное прошлое наших калмыков», вышедшей в Ставрополе в 1912 г. Калмык одет в длиннополый подпоясанный халат, низкую коническую шапку с меховой опушкой и мягкие сапоги. Вооружение всадника состоит из саадака и длинной пики. Следует отметить, что внешний вид калмыка на этой картине очень близок к изображениям джунгар на цинских картинах середины XVIII в.

Из произведений европейских художников XVIII в. можно выделить гравюру Х. Гейслера «Калмык на коне», на которой изображен оголенный по пояс всадник в шапке с меховой опушкой и кистью «улан зала», вооруженный сложносоставным луком (последний изображен достаточно схематично). Интересно, что калмык на гравюре Гейслера не имеет саадачного пояса и носит колчан со стрелами на спине. Изображения калмыцких воинов начала XIX в. также содержатся на гравюрах и картинах российских и европейских художников эпохи Наполеоновских войн.

Известный интерес для нашей темы представляют картины российских и европейских художников XVIII—XIX вв., изображающие среднеазиатских противников Джунгарии — казахов и киргизов. К 30-м гг. XVIII в. относятся рисунки Дж. Кэстля, отражающие события в ставке казахского хана Абулхаира. Его перу принадлежат и изображения представителей казахской знати и рядовых казахских воинов этого же периода. Большой тщательностью в передаче деталей одежды и вооружения казахских воинов отличаются картины российских художников Р. Сергеева (XVIII в.) и А. О. Орловского (начало XIX в.). Подробные этнографические прорисовки оружия казахов Старшего жуза выполнены художником П. Кошаровым в XIX в. Казахское оружие «древних времен» привел в своей работе известный путешественник и исследователь Ч. Ч. Валиханов.

В целом изобразительные источники, выполненные русскими мастерами и европейскими художниками, путешествовавшими по России, отличаются точностью в передаче деталей и имеют высокую научную ценность. К сожалению, большинство этих работ датируется временем, когда традиционное оружие степняков стало стремительно выходить из обихода, а картины XVIII в. обычно изображают кочевников не в боевых условиях, а в моменты отдыха, охоты, перекочевки и т. д. В результате на

картинах этого времени часто встречается оружие, используемое в повседневной жизни и на охоте (ножи, сабли, луки, ружья), в то время как предметы вооружения с узко военной специализацией (копья, панцири, шлемы) обычно отсутствуют.

Буддийская живопись и скульптура Тибета, Монголии и Южной Сибири XVII—XIX вв.

Специфической разновидностью изобразительных источников являются произведения тибетских, монгольских и, в меньшей степени, бурятских мастеров XVII-XIX вв., изображающие небожителей и героев буддийского пантеона.

Изобразительное искусство Тибета представлено живописными иконами на свитках — танка (thankha), настенными росписями, скульптурами. В XVII в. Тибет становится полем противоборства крупных монгольских феодалов, которые обосновались в Кукуноре и в степных районах Центрального Тибета и использовали их как базы для проникновения в глубь других регионов «Страны снегов». Соперничавшие тибетские религиозные школы опирались на вооруженные силы различных монгольских правителей. В начале 40-х гг. XVII в. победителем из длительной междоусобной борьбы вышел лидер религиозной школы «желтошапочников» (Гелугпа) Далай-лама V, власть которого в Тибете во многом держалась на военной мощи его союзника — ойратского князя Торо-байху (Гуши-хана). «Опираясь на его войска, Далай-лама стал полновластным духовным и светским правителем страны. К этому времени и относится создание наиболее замечательных произведений тибетского искусства, и в первую очередь шедевров живописи» (Священные образы Тибета, 2002, с. 3). Монгольская религиозная живопись XVIII-XIX вв. во многом продолжает и развивает тибетские художественные традиции, которые послужили образцом для степных мастеров. Несмотря на внешнюю схожесть тибетских и монгольских живописных икон и скульптур, центральноазиатские произведения имеют ряд существенных отличий, проявляющихся в первую очередь в деталях (Цултэм, 1982, с. 90-103).

Согласно распространенному мнению, данные произведения не могут служить надежным источником по изучению материальной культуры жителей Тибета периода позднего Средневековья и Нового времени в связи с жесткой регламентацией и каноничностью изображений. Отчасти это действительно так. Средневековыми религиозными деятелями были разработаны жесткие правила написания святых и легендарных персонажей, в меньшей степени — исторических деятелей. Эти правила строго определяли основной сюжет картины, физиологический облик персонажа, его основные атрибуты. Для сохранения характерного облика божества использовались специальные «прориси» (тиб. «tshags-pat») — контурные изображения фигуры, нарисованные или отпечатанные на куске ткани или бумаги. Их накладывали поверх полотна будущей иконы и прокалывали контур иглой. Через проколы наносили сухую краску на полотно, постукивая по «прориси» мешочком из ткани редкого плетения, в который насыпали сажу или порошок охры. На «прорисях» иногда обозначалась и цветовая композиция будущего произведения. Иконографические образцы были широко распространены в Тибете, что позволяло длительное время сохранять в живописи верность историческим прототипам. Значение «прорисей» «было столь велико, что в прошлом они составляли важную часть военной добычи или являлись объектом длительных переговоров» (Сергеева, 2002, с. 10).

При таком подходе изображение современных художнику исторических реалий на танка, казалось бы, исключается вовсе. Однако при внимательном анализе тибетской и монгольской живописи позднего Средневековья и Нового времени становится очевидным, что если в изображении основных персонажей танка каноничность обычно действительно скрупулезно соблюдена, то в изображении иных, менее важных с точки зрения обрядовой практики, деталей художники обладали известной свободой. Особенно отчетливо это явление прослеживается на предметах вооружения, одежды и конской сбруи. Несмотря на общую каноничность изображений, на них присутствуют элементы, привнесенные художником из современной ему повседневной жизни. Среди традиционных буддийских атрибутов на танка встречаются изображения тибетских мечей, палашей и сабель XVIII-XIX вв., монгольских саадаков этого же времени, ламеллярных панцирей и даже фитильных ружей и пушек. Так, например, на монгольской картине начала XIX в., хранящейся в Государственном Эрмитаже, «Бог войны Далха» конные воины его свиты вместо традиционных палиц, мечей и копий держат в руках фитильные ружья. Ружья и пушки

изображены и на других танка, датированных XVIII-XIX вв. Эти изображения существенно различаются по степени детализации. Некоторые из них исключительно точно передают конструкцию и особенности оформления дошедших до нас тибетских, монгольских и китайских ружей этого периода.

Изображенное на танка клинковое оружие делится на две основные группы: «легендарное» (клинки, несущие в оформлении элементы буддийской символики; таким оружием, как правило, вооружены персонажи буддийского пантеона) и «историческое». В последнем случае речь идет о клинках, имеющих аналоги среди подлинных тибетских, китайских, монгольских мечей, палашей, сабель, кинжалов и ножей, дошедших до нашего времени. В значительной части случаев достоверно переданы элементы саадака (лук, стрелы, налуч, колчан). Есть основание полагать, что прообразом для них выступили подлинные экземпляры саадаков, использовавшихся центральноазиатской и дальневосточной знатью XVII-XIX вв. Несколько сложнее определить достоверность изображения длиннодревкового, в особенности комбинированного, оружия. На танка оно представлено в больших количествах. Причем среди традиционных алебард, клевцов, глеф и секир встречаются оригинальные наконечники, совмещающие в себе несколько копейных остриев, укрепленных на одной втулке, наконечники с причудливо изогнутыми остриями, и т. д. Реальных аналогов данным наконечникам нами не обнаружено. Возможно, что самые оригинальные и необычные из них являются плодом фантазии художника. В это же время изображения наконечников копий, а также полотнищ флагов, как правило, имеют высокую степень достоверности, что подтверждается изображениями в цинской исторической живописи рассматриваемого периода.

С большой долей достоверности передано корпусное защитное вооружение воинов. Ламеллярные «кирасы», «жилеты», «халаты» на танка имеют точные аналоги среди панцирей, хранящихся в европейских, азиатских и американских музеях. В этой связи характерно, что на произведениях монгольских художников (или на тибетских произведениях, выполненных для монгольских феодалов) XVIII-XIX вв. традиционные для Тибета доспехи с ламеллярной структурой бронирования часто заменены на характерные (и привычные) для монголов данного периода пластинчато-нашивные доспехи (рис. 129), что лишний раз подтверждает факт использования в оформлении тибетских изобразительных произведений предметов вооружения из исторических реалий, окружавших художника. Гораздо менее информативны в этой связи изображенные на танка шлемы (особенно «мягкие шлемы»: ламеллярные, стеганые, чешуйчатые «башлыки», «колпаки» и т. д.). В ряде случаев в них можно усмотреть стилизованное изображение характерных для кочевников Центральной Азии головных уборов и клепаных шлемов. Однако большинство из них не имеют аналогов среди подлинных предметов вооружения XVII-XIX вв. Зато подобные «башлыкообразные» наголовья широко представлены на изобразительных источниках периода раннего и развитого Средневековья, которые являлись непосредственными предшественниками позднесредневековой центральноазиатской религиозной живописи. Причем в VI—XII вв. подобные шлемы встречаются не только на мифических персонажах (как на миниатюрах и скульптурах XVII-XIX вв.), но и на исторических деятелях, офицерах и рядовых панцирниках центральноазиатских и дальневосточных армий и т. д. Объяснить изображение «башлыкообразных» наголовий на позднесредневековых и нововременных картинах можно действительным существованием в Тибете и Монголии подобного рода боевых наголовий в этот период (косвенным подтверждением чего являются изображения панцирного «башлыка» с округлым налобником и султаном на страницах энциклопедии «Ду шу цзи чжэн», датированной началом XVII в. (Робинсон, 2006, с. 175, рис. 73). Однако более вероятно, что появление ламеллярных и чешуйчатых «башлыков» на танка XVII-XIX вв. связано с особенностью изображения религиозных персонажей в буддийском изобразительном искусстве, когда к оговоренным каноном рамкам подгонялось не только лицо персонажа, но и его головной убор, социальное значение которого у жителей Азии на протяжении всего периода Средневековья было очень велико. Таким образом, лицо и головной убор (в данном случае шлем) героя изображения выполнялись в рамках разработанного в период раннего и развитого Средневековья канона, в то время как в основе корпусного защитного вооружения в ряде случаев лежал подлинный, современный (а значит, и хорошо известный художнику) доспех.

Высокой степенью достоверности отличается и ряд изображений конской упряжи. Так, некоторые из них в деталях копируют реальные оголовья, седла и стремена, изготовленные цинскими и монгольскими мастерами XVIII-XIX вв. и хранящиеся в настоящее время в российских, монгольских и китайских музеях.

На основании анализа предметов вооружения, встречающихся в тибетском и монгольском изобразительном искусстве XVII-XIX вв., можно выделить две основные группы изображений: «легендарное» вооружение (не использовавшееся в XVII-XIX вв., являющееся переложением оружия более ранних эпох или плодом фантазии мастера) и «историческое».

К «легендарному» вооружению, встречающемуся на танка тибетских и монгольских мастеров, можно отнести большую часть ламеллярных, чешуйчатых «башлыков» и «колпаков», некоторые разновидности парных нагрудных ламеллярных зерцал, короткие четырехчастные ламеллярные и чешуйчатые нагрудники, свисающие до земли пластинчатые («клиновидные») панцирные «передники», некоторые разновидности комбинированного длиннодревкового и клинкового оружия.

К «историческому» оружию относятся предметы, имеющие реальные исторические прототипы: различного покроя ламеллярные, пластинчато-нашивные панцири, мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи, ударное и огнестрельное оружие.

На сегодняшний день, к сожалению, не удается выделить «наиболее и наименее достоверные» в плане изображения оружия тибетские художественные школы, а также отдельных мастеров, наиболее скрупулезно передающих исторические реалии своего времени. Каждую миниатюру необходимо анализировать индивидуально, сопоставляя изображения с дошедшими до нас подлинными предметами вооружения. С известной долей условности можно отметить, что в целом наибольшей достоверностью отличаются тибетские и монгольские изобразительные источники XVIII — первой половины XIX в., наименьшей — изобразительные источники второй половины XIX — начала XX в. По мере вытеснения тех или иных предметов вооружения из военного обихода их изображения становятся все более схематичными. В результате на танка второй половины XIX — начала XX в. доспехи нередко «срисовываются» с более ранних произведений. Причем в ряде случаев художники явно не понимают, что они изображают, что приводит к предельной условности самого рисунка и отсутствию целого ряда значимых деталей.

При использовании тибетских и монгольских изобразительных материалов XVII-XIX вв. мы должны учитывать известную условность и каноничность изображения, характерную для всей буддийской живописи эпохи Средневековья и Нового времени. В целом тибетские, монгольские и южносибирские изобразительные источники по степени достоверности уступают произведениям цинской придворной исторической живописи. Однако благодаря работам тибетских и монгольских мастеров становится возможным уточнить особенности покроя и оформления центральноазитских панцирей рассматриваемого периода, конструкцию и оформление древкового, клинкового оружия, а также саадаков и огнестрельного оружия. В процессе реконструкции вооружения, одежды тибетских и монгольских воинов, а также убранства их коней буддийские изобразительные источники XVII-XIX вв., вкупе с данными вещественных и письменных источников, могут сыграть исключительно важную роль.

2.4. Фольклорные источники

Еще одним видом источника эпохи позднего Средневековья являются материалы эпических произведений народов Центральной Азии. Исследователи монгольских улигеров отмечают: несмотря на то что значительная часть сюжетных линий эпических сказаний сложилась в эпоху раннего и развитого Средневековья, большинство исторических реалий, упоминаемых в улигерах, относится к периоду позднего Средневековья и Нового времени. На это указывает факт использования степными героями, наряду с традиционными копьями, саблями, луками и стрелами, палицами и кинжалами, ручного огнестрельного оружия (Липец, 1984, с. 83). По мнению исследователя центральноазиатского эпоса Р. С. Липец, «описание оружия и доспехов или простое упоминание о них в эпосе позволяет заключить об аналогичных исторических реалиях» (там же, с. 63). По данным И. И. Соктоевой, «костюмы воинов в эпосе в основе своей вполне реалистичные, в то же время опоэтизированы народной фантазией»

(Соктоева, 1988, с. 44). Действительно, несмотря на характерную гиперболизацию и мультипликацию предметов вооружения былинных богатырей (традиционные для большей части евразийских эпических произведений), материалы народного фольклора содержат информацию, которую невозможно получить при анализе других видов источников. В частности, благодаря данным центральноазиатского эпоса, представляется возможным реконструировать последовательность одевания позднесредневековым воином поддоспешной одежды и самого доспеха, расшифровать значение декоративных деталей на панцирных комплексах позднесредневековых кочевников, уточнить названия и варианты покроя предметов защитного вооружения и т. д. Материалы эпоса также содержат описания характерных обычаев и военных традиций эпохи Средневековья. Например, согласно данным эпоса, степные богатыри накануне боя «свертывали» и прятали под бармицей шлема длинные, заплетенные в косы волосы (Липец, 1984, с. 67).

К сожалению, большая часть эпических монгольских повествований были переведены не как исторические, а как литературные произведения со всеми присущими им условностями и упрощениями. Термины, которые использовали русские переводчики («панцирь», «доспех», «куяк»), как правило, не несут историко-информативной нагрузки и не могут служить основой для полноценной интерпретации. В таких произведениях (переводах) нам важны сам факт наличия защитного доспеха и его эпическое описание, а не те конкретные термины, которыми переводчик обозначил монгольские панцири.

В эпосе набор защитного вооружения перечисляется обычно в двух эпизодах: при получении батыром собственного оружия в связи с первым выездом из дома в поход (статическое описание) и при применении сменного оружия в ходе единоборства с другим воином (динамическое описание). Для средневевековых сказителей и их слушателей предметы вооружения и снаряжения богатырей представляли большой интерес, поэтому в монгольских эпических произведениях описания шлемов, панцирей, копий, сабель, луков и стрел могли «достигать подряд почти сотни стихов» (Липец, 1984, с. 63).

Подробное описание вооружения ойратских и халхаских латников XVII в. (в том числе шлемов и панцирей) приведено в образцах монгольского эпоса «Бум-Эрдени» и «Дайни-Кюрюль» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 62,63,112,113). Очень часто «куяки», «пансыри», «шеломы» упоминаются в многочисленных вариантах: «Джангариады» и «Гесериады» (см., например: Джангар. 1990, с. 243, 258, 285, 314, 362; Джангар..., 1999. с. 95, 97; Гесер, 1988, с. 26, 42, 260, 261 и др.). Описания воинов монгольского происхождения, являющихся противниками основных героев повествования, содержатся в киргизском эпосе «Манас» (История Киргизской ССР, 1968, с. 216-218). В числе джунгар («калмаков») исследователи выделяют Чонгмыша, Чонги, его сына Джолоя (главного врага Манаса), Калшу или Конгур-бая. В эпосе подробно описываются вооружение и снаряжение джунгарских противников Манаса, которые представляют значительный интерес для нашего исследования.

ЧАСТЬ II

ОРУЖИЕ ДИСТАНЦИОННОГО И БЛИЖНЕГО БОЯ

Глава 3

С А ААА К (ЛУКИ, СТРЕЛЫ, НАЛУЧИ, КОЛЧАНЫ)

Несмотря на постепенное распространение в XVII-XVIII вв. среди кочевников фитильных и кремневых ружей, на протяжении большей части рассматриваемого периода лук и стрелы являлись основным видом дистанционного оружия номадов Южной Сибири и Центральной Азии.

В отечественной и зарубежной историографии наблюдаются известные противоречия в терминах, обозначающих предметы, предназначенные для ведения дистанционного боя. В российской исторической литературе «саадаком» именуются как колчан для стрел, так и весь «лучной набор» (в состав которого входят «саадачный пояс», лук, стрелы, налуч и колчан)[1]. Во избежание путаницы оговоримся, что мы используем второе значение данного термина, в то время как элементы саадака в тексте приводятся под принятыми в современной науке терминами («колчан», «налуч» и т. д.) или под традиционными названиями, под которыми они были известны у народов Центральной Азии и Южной Сибири.

К сожалению, до нашего времени дошло относительно небольшое количество полных саадачных комплексов. Большинство рассмотренных в данной главе предметов представляют собой отдельные элементы саадаков. Наименее часто встречаются так называемые «саадачные (стрелковые) пояса», к которым подвешивались налучи и колчаны. Уже в период развитого Средневековья кочевники Центральной Азии носили два кожаных пояса: «саадачный» и для клинкового оружия. Однако некоторые народы региона (в частности, кидани) могли подвешивать оба оружейных набора на одном поясном ремне. На сегодняшний день не выявлены признаки, позволяющие выделить из общего массива позднесредневековых кожаных поясов их специализированные «саадачные» варианты. Поэтому мы не выносим в отдельный раздел тематику стрелковых поясных ремней, а рассматриваем их вместе с подвесными элементами — налучами и колчанами.

В состав позднесредневекового центральноазиатского саадака XV-XVIII вв. кроме «саадачного пояса» входили лук (монг. «нум», бурят, «номо», кырг. «чаачах, ухчаа»), налуч (монг. «хот-нумун», «хормого», бурят, «хоромсого»), стрелы (монг. «сумун») и колчан (монг. «хот-сумун», «сагадак», бурят, «хаадак», кырг. «хурлух») (рис. 1, /-//; 2; 3;4).

Монгольский эпос сохранил подробное описание всех элементов позднесредневекового саадака: «Принимает он (Бум-Ердени. — *Авт.)* затем тридцать белых стрел, а главная стрела — самая быстрая, белая бешеная стрела. Тысячи перьев на них, золотые у них развилинки, как горные перевалы; синие стальные наконечники, с древками из легкого дерева. Берет их Бум-Ердени и закладывает в богатый сагадак (в данном случае термин употребляется в значении "колчан". — *Авт.),* величиной с мех для кумыса. Вытянул затем дядюшка Ак-сахал и пожаловал могучий пестро-желтый лук. На крыльях его вырезаны бодающийся баран и козел, на подставочках два рысящих борова, черный и желтый, на ухватах были вырезаны схватившийся тигр и дракон, на наставных же концах были вырезаны бьющие крылами ворон и гусь. Для того чтобы был он могучим, поставлена обшивка из жил лихих коней и богатырей; чтобы был он удобен, внутренняя сторона была обложена рогом пятисот девяти хайнаков; а чтобы был он крепок, был поставлен стержень из камыша реки Хатун. Взял его Бум-Ердени и прицепил за спину к богатому сагадаку

[1] В монгольском эпосе «саадаком» («сагадаком») может поочередно именоваться то налуч, то колчан.

величиной с мех для кумыса (точнее вложил в "богатый сагадак", в данном случае под "сагадаком" понимается налуч. *—Авт.)»* (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 63).

Рассмотрим источники поступления саадаков в монгольские армии, особенности конструкции и оформления центральноазиатских и южносибирских луков, стрел, налучей и колчанов XV-XIX вв.

3.1. Источники поступления саалаков и их элементов в войска кочевников Центральной Азии

Большая часть саадаков, использовавшихся ойратскими и халхаскими воинами XVI-XVIII вв., изготавливалась непосредственно в монгольских степях. Феодальная знать также применяла импортные луки преимущественно средне- и восточноазиатского производства.

Сложносоставные луки изготавливались специальными мастерами — «модны дархан», которые пользовались большим уважением среди соплеменников. При производстве стандартных луков, как правило, использовалось местное сырье. Когда именитые мастера брали заказ у знатного и богатого феодала, материалы могли заказываться из отдаленных регионов и даже из-за границы. На вооружении рядовых кочевников кроме монгольских были луки южносибирского производства, конфискованные у местного населения в ходе военного набега или полученные в качестве дани (алмана). Например, в 1724 г. джунгарский зайсан Дюрен, находясь в кочевьях кузнецких ясачных людей, «луки и сайдаки собрал все без остатку» (Моисеев, 1998, с. 49). Подобная политика была обусловлена не только необходимостью пополнения ханских арсеналов, но и высокими боевыми характеристиками луков южносибирского производства. Подтверждением этого служат не только их вещественные остатки, но и свидетельства письменных источников XVII—XVIII вв., указывающих на факты приобретения южносибирских луков не только жителями Восточной Сибири, но и русскими служилыми людьми. Так, красноярские казаки охотно выкупали у подгородных татар саадаки и использовали их в ходе боевых действий и на охоте. Причем на вооружении одного служилого человека могли находиться и пищаль, и лук со стрелами (Бобров, Худяков, 2005, с. 273). Археологические находки подтверждают данные письменных источников. Так, на территории русского Саянского острога, построенного в 1718 г., исследователями были обнаружены костяные и железные наконечники стрел с костяными свистунками, которые имеют точные аналогии в памятниках коренного населения Южной Сибири (Скобелев, 1998, с. 74; Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 150). Луки и стрелы центральноазиатского производства привозились на продажу в российские и «ясачные» поселения Южной Сибири, где пользовались известным спросом. Например, в 1752 г. в одну из русских крепостей джунгарские, «бухарские» и алтайские купцы привезли на продажу 53 лука и 1060 стрел (Модоров, 1996, с. 113). Практика использования русскими сложносоставных луков русского производства сохранялась даже в первой половине XIX в. Енисейский губернатор А. П. Степанов в первой трети XIX в. писал о том, что русские крестьяне на охоте используют наряду с винтовками луки местного производства. Причем, стреляя, якобы бьют зверя на выстрел винтовки, а иногда и на более дальнее расстояние. Бурятские луки и стрелы выменивались служилыми на пушнину у тунгусов (Миллер, 2005, с. 180).

Железные наконечники стрел изготавливались как профессиональными оружейниками, так и рядовыми номадами. Однако последние нередко предпочитали приобретать железные наконечники у шорцев-«кузнецов» и насаживать их на самостоятельно изготовленные и снабженные оперением деревянные древки. Значительная часть стрел изготавливалась степными дарханами по заказу монгольских феодалов. Накануне боевых действий эти стрелы передавались рядовым ополченцам. На протяжении XVII—XVIII вв. центральноазиатская аристократия настойчиво пытались переложить ответственность по изготовлению стрел на своих вассалов (мелких степных феодалов и рядовых кочевников) и одновременно наладить их массовое производство на территории своих личных владений. В наибольшей степени это удалось правителям централизованного Джунгарского ханства. Накануне военных походов ханские чиновники рассылали зайсанам директиву по нормам обеспечения ополченцев необходимым количеством

предметов вооружения, в число которых входили стрелы. Таким образом, изготовление стрел становилось для аратов особой разновидностью государственных повинностей. Подобная практика складывалась на протяжении второй половины XVII — первой трети XVIII в. Особый размах она приобрела в 30-40 гг. XVIII в., в период ожесточенного противостояния Джунгарского ханства и Цинской империи, кочевых племен казахов и каракалпаков и мусульманских государств Средней Азии. Например, накануне военной кампании против Коканда зимой 1744-1745 гг. каждый джунгарский воин должен был изготовить двадцать стрел. Весь зимний период джунгары «ковали копья» и готовили стрелы «довольное число» (Моисеев, 1991, с. 167). Параллельно джунгарские хунтайджи предпринимали усилия по налаживанию -производства стрел на территории своего личного домена.

Для обеспечения процесса массового бесперебойного производства в ханскую ставку (Ургу) свозили мастеров с вассальных территорий. Эти оружейники приписывались к специальным мастерским, находившимся под контролем ханских чиновников. Зимой 1744 г. телеуты сообщали российским властям, что их оружейники, «умеющие кузнечного мастерства, забраны во владение ево (Галдан-Церена. *— Авт.)* Зенгорское и делают на оного зенгорского владельца ружье и стрельные железца (наконечники стрел. *— Авт.)*... и за туде их работу дается им от помянутого зенгорского владельца жалованья». Для ускорения производственного процесса была расширена практика взимания с народов Южной Сибири дани («алмана»), в состав которой включались «полуфабрикаты», необходимые для изготовления стрел: железные наконечники, древки и орлиные перья. Все они свозились в Ургу, где джунгарские мастера собирали из них традиционные стрелы— «сумун». Сведения об этом процессе сохранились в русских письменных источниках и фольклорных произведениях народов Южной Сибири. Чиновники и офицеры сибирских гарнизонов неоднократно фиксировали факты изъятия джунгарскими сборщиками податей железных наконечников стрел («железцов стрельных») у жителей Горного Алтая. В шорских преданиях сохранились сведения о поставке в Джунгарию особым образом изготовленных древков дальнобойных стрел («казырган»). Подобная практика широко распространилась в Джунгарии в первой половине XVIII в., однако и за сто лет до этого ойратские феодалы активно взимали со своих соседей «стрелковое сырье». Еще в 1641 г. джунгарский Батур-Хунтайджи требовал с барабинских татар (являвшихся на тот момент российскими подданными) «алман» по одному орлиному перу «с каждого юрта». Путешествовавший по Сибири в XVIII в. Г. Ф. Миллер прокомментировал это сообщение русских служилых следующим образом: «Орлиные перья высоко ценятся в Сибири, потому что они более всего пригодны для оперения стрел. В другом месте сказано, что калмыки брали с каждого двора по орлиному хвосту» (Миллер, 2005, с. 18). Монголы Халхи пытались выстроить подобные механизмы изъятия «полуфабрикатов» для стрел у своих южносибирских соседей. Так, в конце XVII в. монголы добивались выплаты ясака наконечниками стрел у бурятских родов (Мясников, 2003, с. 113).

Бронебойные стрелы применялись для пробивания металлических доспехов и наголовий (рис. 5, 6).

Изготовленные из кожи и покрытые металлическими накладками, центральноазиатские и южносибирские налучи и колчаны имели оригинальный покрой и отличались от синхронных им западно- и восточноазиатских аналогов. Некоторые образцы монгольских, тибетских и бурятских налучей и колчанов, изготовленных местными мастерами для представителей степной аристократии, являются настоящими произведениями искусства.

Отличительной чертой южносибирских саадаков было оформление их верхней плоскости, которая почти полностью закрывалась железными накладками различных форм и размеров, поверх которых наклёпывались тонкие серебряные пластины. В отечественной историографии бытует мнение, что эта традиция сложилась в XIX в., однако известные материалы указывают на ее более раннее происхождение. Письменные, вещественные и даже фольклорные источники периода позднего Средневековья и Нового времени неоднократйо_указывали на эту особенность оформления южносибирских (в первую очередь бурятских) квлчанов. В бурятском варианте монгольского эпоса «Гесер» постоянно подчеркивается серебряная отделка саадака:

Перехватил (Гесер. — *Авт.)* свою тал'ию
Поясом (с набором) серебряным.
И вслед за тем
На правом боку прикрепил
Колчан (с отделкой) серебряной,
На узкую долину похожий.
На левом боку прикрепил
Тонкий (узкий. — *Авт.)* налучник (с отделкой) серебряной.

(Абай Гесер Могучий, 1995, с. 240)

«Колчан в отделке серебряной» является эталоном, с которым сравнивается блестящая поверхность железных пластин ламеллярного панциря: «Защитился (Гесер. — *Авт.)* доспехами — они, как колчан (с отделкой серебряной), блистали» (Абай Гесер Могучий, 1995, с. 241).

Сверху себя он прикрыл
Воинскими доспехами —
Они, как серебро, сверкали;
Прикрыл себя доспехами —
Они, как солнце, блистали;
Прикрыл себя доспехами —
Они, как листва колыхались;
Прикрыл себя доспехами —
Они, подобно луне, сияли,
Они, подобно колчану, блистали
(курсив наш. — *Авт.)*.

(Абай Гесер Могучий, 1995, с. 279)

Сведения о существовании традиции украшать кожаные налучи и колчаны металлическими накладками с серебрением фиксируются письменными источниками XVII в. Причем уже в первой трети столетия эта традиция упоминается как «древняя». Так что время ее появления следует отсчитывать как минимум с XVI в.

Путешественники XVII—XVIII вв. неоднократно упоминали живописные «серебряные» накладки на налучах, колчанах, поясах и конской сбруе южносибирских номадов. Описание технологии изготовления подобных «серебряных» накладок бурятскими мастерами рассматриваемого периода оставил Г. Ф. Миллер: «Основанием для отправки (отряда русских служилых людей в бурятские владения в конце 20-х гг. XVII в. — *Авт.)* послужила общая молва о богатстве бурят; она, в свою очередь, основывалась на том, что у бурят видели серебро, которое, однако, не родилось на их родине, а получалось ими от монголов, приобретавших его путем торговли с китайцами и даурами. Буряты хвалились этим серебром, а так как некоторые из них знали кузнечное дело, то они украшали им свои стрелы, колчаны, седла и уздечки, как это делали и некоторые другие восточные народы. Однако для этого требовался небольшой запас серебра. Серебро расплющивалось в очень тонкую пластинку, накладывалось на железные листы с мелкой крестообразной насечкой и набивалось молотом на неровное железо, которое от этого приобретало вид серебра» (Миллер, 2005, с. 45). Этот же художественный прием у забайкальских бурят зафиксировал И. Георги: «Работы свои производят так же проворно, как и тунгусские кузнецы, однако несколько совершеннее. Железные их вещи с серебряной насечкой славны по всей России под именем братской работы. Они разбивают самое чистое китайское... серебро в весьма тонкие листы и по сделанным из бересты образцам вырезают из оных птиц, зверей, цветы, двухглавых орлов и другие разные изображения. Ежели железные наборы к уздам, седлам, колчанам, а также огнива и прочее хотят этим украсить, то разжигают в горнах огонь и потом накладывают серебряные вырезки и насекают оные молотками с шероховатыми бороздкаминаподобие терпугов, а чрез то серебро с железом как будто сваривается и пристает так крепко, что никогда не отваливается. Напоследок сию работу воронят чрез огонь и выглаживают морены угольем». Пораженный искусством бурятских кузнецов, И. Г. Гмелин восторженно заметил, что они «умеют делать по железу серебряные и оловянные насечки так хорошо, что их работа не уступает дамасской». Похожая технология в XVII в. существовала и у народов Саяно-Алтая. По сообщениям русских наблюдателей этого времени, в «кыргызской, и в тубинской, и в алтырской, и в керетской землях... серебряных мастеров, которые из китайского серебра узды делают и по железу набивают, добре много» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 160).

Кроме отделки лицевой поверхности налучей и колчанов металлическими пластинами центральноазиатские и южносибирские мастера активно использовали другие способы декоративного оформления: аппликацию, накладной кант, вышивку,

рисунок и т. д. Например, поверхность тех же бурятских колчанов обшивалась однотонным сукном или плотной тканью и украшалась тиснением, вышивкой, чеканными бляшками из цветных металлов и сплавов. Иногда они дополнялись мелким бисером и красным кораллом. Орнамент выполнялся с применением узоров «хусын эбэр» («бараний рог»), «уулэн хээ» («обласный узор») и др.

Основными потребителями импортных (среднеазиатских, русских, маньчжурских и китайских) луков в Центральной Азии XVII в. были представители высшей феодальной аристократии Монголии. «Желтый бухарский лук» упоминается в эпосе «Гесер» (Абай Гесер Могучий, 1995, с. 240). В 1637 г. халхаские феодалы преподнесли в подарок маньчжурскому императору «уйгурский лук» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895,с. 388), вероятно, восточнотуркестанского производства. Факты использования луков, изготовленных мастерами мусульманских городов Мавераннахра и Восточного Туркестана, представителями центральноазиатской аристократии, безусловно, не указывают на то, что стандартный «бухарский» или «уйгурский» лук по своим боевым характеристикам превосходил монгольские сложносоставные луки. Речь идет об элитном оружии, в том числе и о так называемых «золотых луках» («каман-и тиллакари»), которые активно импортировались не только степными феодалами, но и феодальной знатью Ирана и Московского государства.

Феодалы Северной Монголии использовали луки русского или западноазиатского производства, преподнесенные в качестве дипломатических подарков или «жалованья» российскими посланцами. В начале XVII в. московские власти послали в подарок северомонгольскому Алтын-хану Шолою Убаши-хунтайджи лук, предположительно российского производства (Международные отношения..., 1989, с. 47, 49). Преподнесенный лук, видимо приглянулся «Золотому хану», который попросил прислать еще один экземпляр. Москва откликнулась на просьбу Алтын-хана, и в 1620 г. в Северную Монголию был переслан «лук ядринской» (там же, с. 50).

С начала XVII в. в Южной Монголии, а с конца столетия и в Халхе монгольские феодалы начинают все чаще применять саадаки маньчжурского (цинского) производства или выполненные по цинским образцам. Причина этого крылась не только в высоких характеристиках восточноазиатских сложносоставных луков, но и в попытках имперских властей регламентировать комплекс вооружения своих подданных.

Стоимость саадака существенно разнилась в зависимости от его характеристик, времени изготовления, репутации мастера. В своде монгольских законов «Их-Цааз» в особую категорию выделяются «хороший лук и колчан с десятью стрелами» (за его кражу с вора брали 27 голов скота), «колчан и лук среднего качества» (штраф за кражу — 9 голов скота) и, наконец «плохие колчан и лук» (за них с вора брали только «козу с козленком»).

3.2. Луки

Лук стал неотъемлемым элементом комплекса вооружения кочевников уже в эпоху Древности. Конные степные лучники были опасным противником для легко- и тяжеловооруженной пехоты и кавалерии противника. При описании тюркских и монгольских номадов летописцы земледельческих народов в первую очередь подчеркивали высокие боевые характеристики степных всадников, вооруженных мощными сложносоставными луками. Именно на их массовом применении базировалось военное искусство хуннов, тюрок, киданей, монголов. Не удивительно, что сложносоставной лук неизменно входит в число предметов излюбленного оружия богатырей центральноазиатского эпоса и его южносибирских дериватов. Степные сказители сочно и со знанием дела описывали особенности изготовления и применения «богатырского лука»:

Попробовал натянуть желтый
Бухайрский лук
Из маральих рогов —
(И словно) затрещали деревья таежные,
А двухлетний пестрый изюбр
Замер, оглушенный (этим треском).

(Абай Гесер Могучий, 1995, с. 240)

Технология изготовления луков «монгольского» типа отличалась значительной сложностью и требовала от оружейника высоких технологических навыков. «Мастера лучного дела» — «модны дар-

хан» — обладали глубокими знаниями свойств всех составных материалов, из которых изготавливался «нум»: различных пород дерева, рога, кости, сухожилий, бересты, клея, лаков и т. д. Хорошие луки стоили достаточно дорого. Некоторые мастера зарабатывали на жизнь исключительно тем, что изготавливали и продавали соседям сложносоставные луки: «И жил де он в табунатах з детьми своими у Заб Ирдиния-зайсана и кормился около своих сродичей и работою своею — делал луки» (МРМО, 2000, с. 165). По сведениям Л. Б. Ермолова, в Центральной Азии техника производства сложносоставных луков достигла такого совершенства, что при их выделке учитывались климатические особенности районов, где они будут применяться, а также индивидуальное сложение лучника. В зависимости от этих факторов определялись соотношение и качество составных частей лука, длина, ширина, величина изгиба и форма кибити. От конструктивных особенностей и формы лука очень сильно зависели его мощность, величина усилия, прилагаемого для его натяжения и удержания в натянутом состоянии.

Окончание изготовления лука сопровождалось специальной церемонией «открытия лука», включавшей произнесение «пожелания-благословения», в котором хвала луку соседствовала с пожеланиями удачи его хозяину. После этого конец лука кропился перебродившим кобыльим молоком («айраг») и обвязывался шелковой лентой («хадак»). С луком у монголов был связан целый ряд предписаний, распространенных впоследствии на ружья. Так, через лук нельзя было перешагивать, а в случае промаха, для повышения смертоносных свойств «нума, надо было омыть его кибить кровью хищных животных» (Ермолов, 1987, с. 153-155).

В конце XVI — первой трети XVII в. в Халхе существовала практика отъема лука за совершение противоправных действий. Интересно, что отъем лука считался меньшим наказанием, чем, например, изъятие панциря. Лук отнимался у номада за относительно небольшие проступки, как, например, временная задержка государственных гонцов («элчи») даже в результате незапланированного обеда (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 45, 53). Лук, стрелы и колчан изымали также у того, кто «нечаянно убьет из лука горного козла» (там же, с. 56). Эти факты, с одной стороны, свидетельствуют о более низкой стоимости лука по сравнению с панцирным комплексом, а с другой — указывают на широкое распространение этого вида дистанционного оружия среди кочевников.

Кибить монгольского лука состояла из нескольких основных элементов: дерева («мод»), кости («яс») или рога («эвэр») и клея. Тетивы луков («сур») изготавливались из тонких, плотно свитых бычьих жил. Стоимость хорошей тетивы была достаточно высока. За украденную тетиву преступник, согласно закону, принятому халхаскими нойонами в 1620 г., должен был отдать коня (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 57) (рис. 1, /).

По мнению Л. Б. Ермолова, до XIX в. монгольские луки покрывались змеиной кожей, а их рукоять обматывалась кожаными ремешками. Позднее поверхность лука стала покрываться краской и лаком, а рукоять — цельным куском кожи (Ермолов, 1987, с. 154). Однако собранные нами сведения опровергают данное предположение. Наиболее распространенной формой покрытия внешней стороны лука на протяжении всего рассматриваемого периода была обмотка из бересты. Этот способ оформления поверхности кибити в период позднего Средневековья и Нового времени был абсолютно преобладающим в Южной Сибири и Монголии, а также был широко распространен на территории Цинской империи. Берестяная обклейка дополнительно фиксировала составную основу кибити лука, защищала его от влаги и температурных колебаний. Что касается лакового покрытия, то оно встречается на сложносоставных луках центральноазиатского и особенно часто — восточноазиатского производства уже в XVII в. Поверхность внешней стороны лука могла при этом дополнительно украшаться растительным и геометрическим орнаментом, а также изображением реальных и мифических зверей, птиц, легендарных персонажей (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 63).

В азиатских, европейских и американских музейных коллекциях хранятся полностью сохранившиеся кибити монгольских луков. В отличие от луков предшествующих эпох, которые известны преимущественно по находкам роговых накладок из раскопок археологических памятников, рассматриваемые экземпляры сохранились практически полностью, включая деревянную основу кибити, роговые накладки, обклейку из кожи или бересты, оплетку из сухожилий и тетиву. Однако конструкция некоторых экземпляров прослеживается не во

всех деталях, поскольку они находятся в полностью собранном состоянии. Поэтому о форме составляющих кибить деталей не всегда можно судить с полной определенностью. Важными источниками по изучению позднесредневековых луков могут служить также их изображения на рисунках европейских и китайских художников, описания луков в письменных источниках и эпических произведениях. При сопоставлении имеющихся этнографических материалов с данными о монгольских луках предшествующей эпохи (периода раннего и развитого Средневековья) представляется возможным выделить конструктивные особенности и общую линию развития центральноазиатских луков в период позднего Средневековья и Нового времени (рис. 7; 8; 9; 10, *19, 20;* 11, *1,2).*

Что касается луков южносибирского производства, то они представлены как в виде целиком сохранившихся экземпляров, датированных Новым временем, так и в виде их остатков из археологических памятников периода позднего Средневековья. У народов Южной Сибири усиленные роговыми накладками и обклеенные берестой сложносоставные луки были самым распространенным видом оружия дистанционного боя в XVI—XVIII вв. В первой четверти XVIII в. Д. Г. Мессершмидт особо подчеркивал, что, например, аринцы в качестве сопроводительного оружия укладывали в могилу лук и стрелы (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 131-133). Так же поступали и их ближние и дальние соседи, придерживавшиеся языческой погребальной обрядности. На основании материалов раскопок позднесредневековых погребений Южной Сибири, этнографических материалов, а также изобразительных и письменных источников представляется возможным реконструировать основные типы луков народов, проживавших и на этой территории.

По конструкции кибити все рассматриваемые нами позднесредневековые центральноазиатские луки относятся к группе сложносоставных. По количеству составных частей и костяных накладок среди них выделяются 5 типов.

Группа I. Сложносоставные.

Тип 1. Сложносоставные луки со срединной фронтальной накладкой.

Центральные веслообразные роговые накладки традиционно относятся к лукам «монгольского» типа и являются их наиболее ярким признаком. В период развитого Средневековья в Южной Сибири преобладали центральные накладки со слабовыраженными, относительно короткими лопастями. Веслообразные накладки из погребений XVII — начала XIX в., напротив, имеют ярко выраженные, четко выделенные лопасти значительной длины (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 151-152).

Вариант 1. Сложносоставные луки с центральной веслообразной накладкой и берестяной обклейкой.

Включает 5 экз. из курганов 2 и 3 могильника Высокое на левом берегу р. Качи (левый приток Енисея), недалеко от места ее впадения в Енисей, на территории Емельяновского района Красноярского края, могильника Чегерак I на севере Минусинской котловины, на левом берегу ручья Чегерак (левый приток Енисея), на территории Новоселовского района Красноярского края, могильников Оты и Хазыл-аал на левом берегу р. Абакан (на юге современной Хакасии) (рис. 10, */ -3, 8, 9, 16).*

Погребенный лучник из кургана 2 могильника Высокое был положен в деревянное гробовище без торцевых стенок. У черепа фиксируются остатки головного убора, изготовленного из коричневой кожи, бересты, шелка. Возможно, к нему же относится и найденная поблизости металлическая накладка. Воин был одет в шелковый халат (?) и кожаные сапоги с короткими голенищами. У левого плеча погребенного лежала русская серебряная монета, у левого колена — костяная свистунка от стрелы.

Слева от костяка зафиксированы остатки лука и берестяной обклейки. Лук имел деревянную кибить (не сохранилась), усиленную симметричной веслообразной роговой накладкой с ярко выраженными лопастями. По центру накладка плавно расширяется и сужается лишь у самых лопастей. Внешняя сторона накладки — выпуклая, внутренняя имеет плоскую поверхность, покрытую ромбовидной штриховкой (для лучшего сцепления с плоскостью кибити лука). Внешняя сторона накладки была обклеена берестой, причем волокна шли не поперек, а вдоль линии накладки. Береста была нарезана длинными узкими полосами, что, вероятно, было вызвано тем, что берестяная обмотка помещалась на луке волокнами вдоль его линии. Кроме внешней обклейки, береста использовалась в качестве прокладки между отдельными элементами деревянной основы. Авторы находки выдвинули предположение, что общая длина лука составляла от 1 до 1,4 м (Нечи-

поренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 141). Погребение уверенно датируется по русской серебряной монете XVII в. — 20-ми гг. XVIII в. (там же).

Воин из кургана 3 могильника Высокое был положен в гробовище из трех деревянных плах, головой на запад. Он был одет в одежду из ткани. На груди фиксируется железная 8-образная пуговица. Центральная веслообразная накладка, выполненная из рога, находится справа от костяка. Она имеет классическую симметричную форму с ярко выраженными лопастями. Внешняя сторона накладки — выпуклая и гладкая, внутренняя — плоская. Штриховка на внутренней стороне отсутствует. Ее функцию отчасти выполняет шероховатая пористая роговая поверхность. Кибить лука была обклеена полосами бересты.

Сложносоставной лук с центральной веслообразной накладкой положен в могильную яму кургана 6 могильника Чегерак I, вместе с четырьмя плоскими черешковыми наконечниками стрел, колчанным крюком, фрагментами удил. Длина накладки — 18 см, ширина — более 3 см. Данное изделие отличается от своих описанных выше аналогов широкими массивными лопастями, плавно переходящими в центральную часть. Кибить лука была обклеена берестой. По особенностям погребального обряда и составу инвентаря захоронение может быть датировано второй половиной XVIII — первой половиной XIX в.

Центральные веслообразные накладки из могильников Оты и Хазыл-аал на левом берегу р. Абакан (на юге современной Хакасии) выделяются своими внушительными размерами (20 и 33 см соответственно). Накладка из могильника Оты отличается особенно крупными лопастями. Возможно, лук, которым усиливалась данная накладка, имел большие размеры, чем у описанных выше экземпляров с юга Красноярского края. Автор раскопок А. Н. Липский датировал погребения, в которых были обнаружены остатки луков, XV-XVII вв. (рис. 10, *19).*

Тип. 2. Сложносоставные луки с фронтальными плечевыми накладками.

Вариант 1. Сложносоставные луки с плечевыми накладками, берестяной обклейкой.

Включает 2 экз. из «Монгольской коллекции» МАЭ (№ 3697) и фондов областного краеведческого музея г. Благовещенска (рис. 7; 8, /, *2).*

Длина кибити лука из МАЭ с внешней стороны — 1,68 м, с внутренней — 1,74 м. Расстояние от кончика лука до тетивы — 25 мм. Кибить лука имеет узкую, обтянутую кожей, овальную в сечении рукоять («бариул»). Длинные уплощенные «плечи», к которым с обеих сторон приклеены четыре длинные роговые накладки, снабжены круто загнутыми составными концами («рогами») с арочными вырезами для надевания петель тетивы («онь»). На концах «рогов», в месте их перехода в «плечи», ремешками прикреплены костяные подставки-предохранители («овоо»). В боевом положении они служат опорой для узла тетивы. Сами концы являются составными. Они укреплены на специальных внутренних вставках, представляющих собой роговые стержни. Кибить лука обклеена «молодой, тонкой и эластичной берестой», предварительно проваренной и в мокром состоянии наклеенной на плоскость лука с внешней стороны (рис. 7). Внутренняя поверхность лука покрыта черным лаком. На основании наличия на поверхности лука краски и лака он датирован Л. Б. Ермоловым XIX в. По мнению исследователя, в более ранний период монгольские луки покрывались змеиной кожей (Ермолов, 1987, с. 153). Нам уже приходилось отмечать, что подобная абсолютизация противоречит известным фактам. С одной стороны, в музеях КНР хранятся десятки маньчжурских, монгольских и китайских луков, покрытых лаком и надежно датированных XVII—XVIII вв. С другой — луки некоторых монгольских феодалов продолжали снабжаться полосами из змеиной кожи вплоть до середины XIX в. Тем не менее XIX в. может быть принят нами как возможный верхний период изготовления лука. Нижним является конец XVII — XVIII в. Наиболее близким по конструкции и оформлению к луку из МАЭ является «монгольский» лук цинского императора Цяньлуна (1735-1795 гг.), хранящийся в фондах императорского дворца Гугун (рис. 9, /).

В областном краеведческом музее г. Благовещенска хранится так называемый «лук князя Гантимура», представляющий собой сложносоставной лук «монгольского» типа, усиленный роговыми накладками (рис. 8). Согласно семейной легенде, он принадлежал знаменитому князю Гантимуру из Дуликагирского рода эвенков-нелюдов, проживавших в Маньчжурии, а во второй половине 60-х гг. XVII в. переселившихся в российское Приамурье. Лук переходил от отца к сыну на протяжении нескольких поколений, пока в 1938 г. амурский казак Алексей Катанаев (дальний потомок Гантимура)

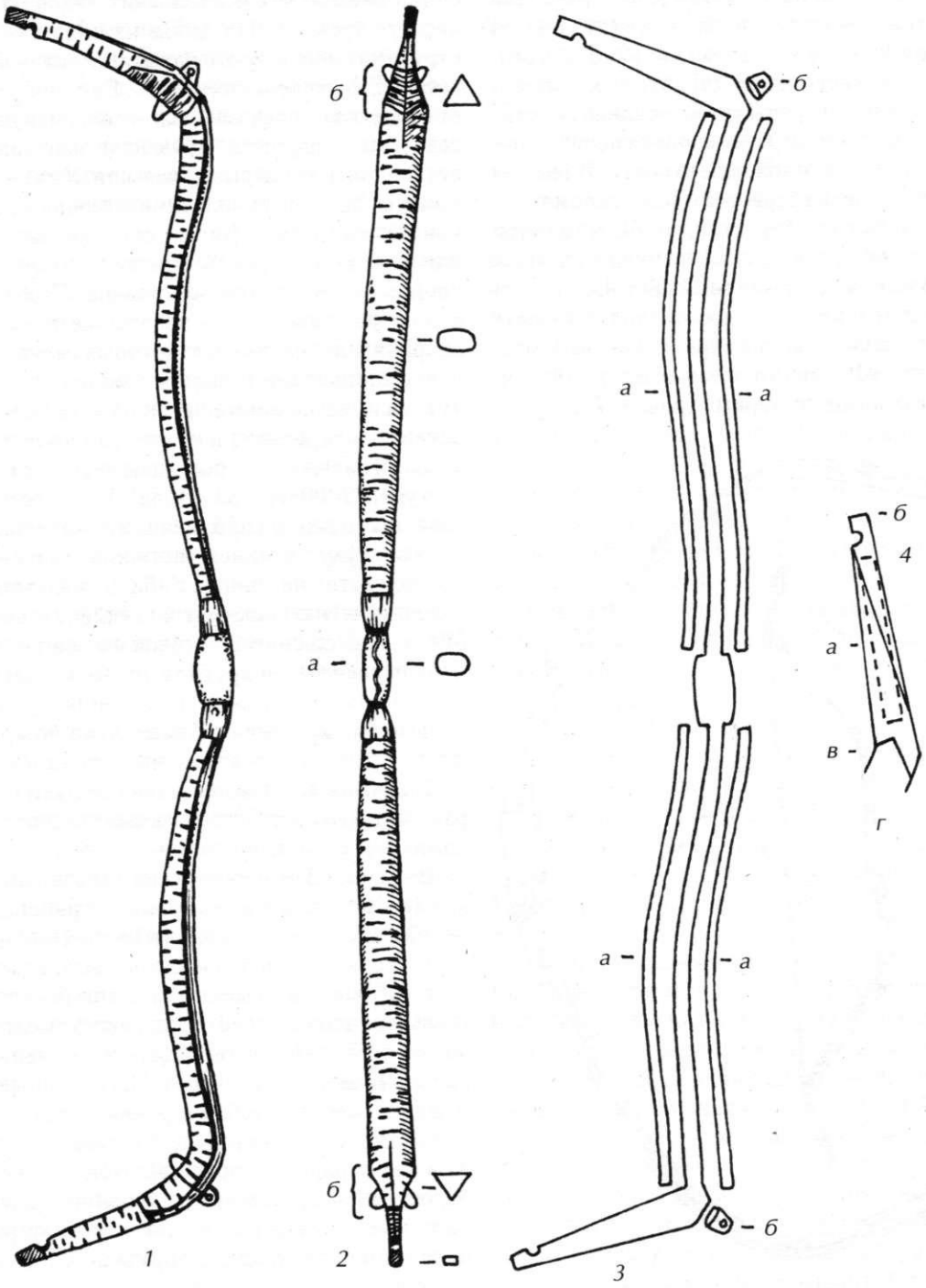

Рис. 7. Монгольский сложносоставной лук с плечевыми накладками и берестяной обклейкой. Хранится в «Монгольской коллекции» МАЭ (№ 3697).

не передал его в музей. Общая длина лука (по «спинке») — 1,75 м. Согласно расчетам А. Р. Артемьева в боевом положении (с натянутой тетивой) он имел в длину 1,3-1,4 м (Артемьев, 1990, с. 155). Лук состоит из нескольких деревянных элементов. С внутренней стороны «нум» обклеен роговыми пластинами, которые размещены в специальные углубления на деревянной поверхности. Внешняя сторона лука обклеена берестой. Рукоять обмотана сухожилиями, оклеена берестой, покрыта змеиной и лисиной кожей. Концы лука (начиная с вырезов для тетивы) выкрашены в черный цвет. Если история о первом хозяине лука достоверна, то «нум» мог быть изготовлен в конце первой — начале второй половины XVII в. монгольскими, маньчжурскими или тунгусскими мастерами (рис. 8, *1*, *2*).

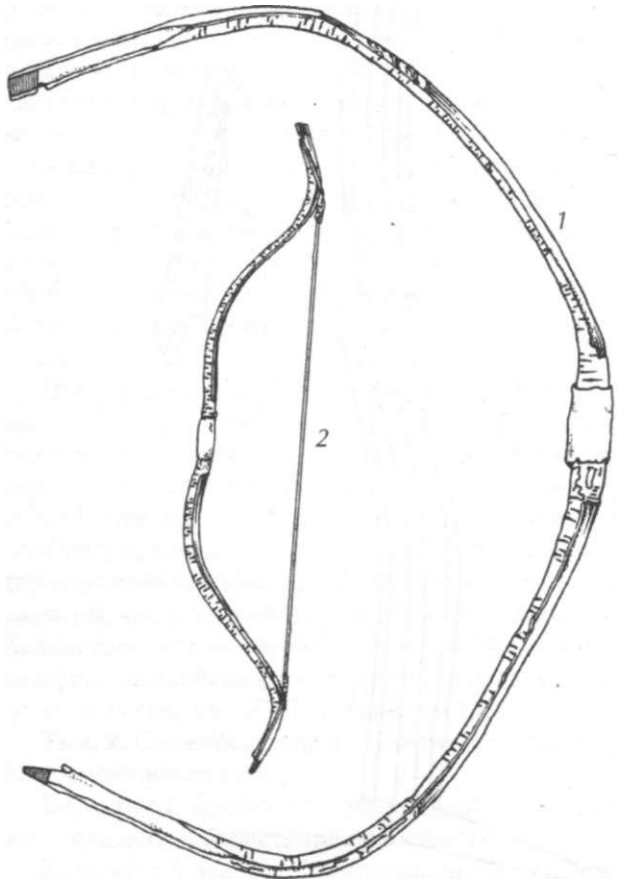

Рис. 8. Позднесредневековый сложносоставной лук XVII в. с плечевыми накладками (так называемый «лук князя Ганитимура») (*1*) и его реконструкция (*2*). Хранится в областном краеведческом музее г. Благовещенска.

В работе С. Б. Ж. Базарсурэна приведены рисунки нескольких монгольских луков Этнографического времени. На одном из них показана конструкция кибити лука с натянутой тетивой. Кибить состоит из нескольких частей. Ее основу состав.-=-ет середина с «плечами», изготовленная из цельной деревянной заготовки. В развилки окончания «плеч» вставлялись концевые вкладыши. У луков с плечевыми накладками на «плечи» наклеивались костяные или роговые детали. Кибить обклеивалась берестой или выделанной кожей. Внешняя поверхность обклейки богато орнаментирована. Под тетиву на концах устанавливались небольшие подставки-предохранители, с помощью которых регулировалась равномерность натяжения с обоих концов лука. Тетива имеет двойные петли на концах и полоску-вставку в середине, в месте, где производились захват и натяжение с помощью «ушка» стрелы (Базарсурэн, 2000, зур. 53, 54, 55). У одного из использованных в данной публикации луков можно выделить оплетку в средней части кибити и своеобразные покрытия на концах. Кибить с надетой тетивой имела заметную асимметрию «плеч» (там же, зур. 59). У лука со снятой тетивой выделяются расширенная середина и круто загнутые концы (там же. зур. 61).

Тип 3. Сложносоставные луки со срединной фронтальной и плечевыми накладками.

Вариант 1. Сложносоставные луки с веслообразной центральной и плечевыми роговыми накладками, берестяной обмоткой.

Включает 3 экз. из кургана 1 могильника Высокое (юг Красноярского края), погребений 2 и 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье).

Лук обнаружен под насыпью-выкладкой кургана 1 могильника Высокое на левом берегу р. Качи (левый приток Енисея), недалеко от места ее впадения в Енисей, на территории Емельяновского района Красноярского края. Погребенный был положен в гробовище без торцевых стенок головой на запад (с некоторым отклонением к северу). На черепе сохранился фрагмент головного убора из бересты с прошитым краем. В районе пояса найдена сильно корродированная железная рамчатая пряжка прямоугольной формы со скругленными углами.

Лук находился слева от погребенного. Остатков деревянной основы не прослеживается. Положение лука в погребении фиксируется по роговым наклад-

кам и фрагментам истлевшей берестяной обмотки. Общая длина лука — не менее 1,4 м. Лук был снабжен центральной веслообразной и плечевыми роговыми накладками. Две плечевые накладки прямоугольной формы с округлым внешним (?) краем расположены близко к концам лука на одинаковом расстоянии от центральной веслообразной накладки. Между прямоугольными накладками с округлым верхним (нижним) краем фиксируются фрагменты более мелких плечевых накладок подпрямоугольной формы и берестяная обмотка. Последняя покрывала не только внешнюю сторону лука, но и роговые накладки, в частности центральную веслообразную накладку и часть плечевых накладок. Но обклейка лука берестой не была сплошной. Береста покрывала внешнюю плоскость лука и роговые накладки с его внутренней стороны, но между ними сохранялся зазор, в который был виден не заклеенный берестой деревянный «шов». Тонкая однослойная береста наклеивалась волокнами под углом к линиям длинных сторон лука, т. е. наискосок.

Изделие из кургана 1 могильника Высокое реконструируется в виде традиционного М-образного сложносоставного лука, усиленного центральной веслообразной и плечевыми роговыми накладками. Концевые накладки-вкладыши отсутствуют, что указывает на то, что концы лука с отверстиями для крепления тетивы были вырезаны из дерева. Лук почти полностью покрыт берестяной обкладкой, которая клеилась к плоскости кибити наискосок. Незаклеенным оставался лишь узкий шов между внешней плоскостью лука и накладками с его внутренней стороны. Общая длина лука была не меньше 1,4 м.

Данное захоронение датировано авторами раскопок, по аналогии с другими погребениями комплекса, концом XVI — началом XVIII в. В этническом плане оно отнесено к «проживавшим тогда смешанно в Красноярском лесостепном районе качинцам и аринцам» (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 131-133).

Роговые усилители луков из погребений 2 и 41 старобурятского могильника Усть-Талькин в Южном Приангарье представлены центральными веслообразными накладками и двумя парами плечевых накладок (рис. 11, *4-9)*. Центральная веслообразная накладка из погребения 2 (длина — 24,5 см, ширина — 3 см) имеет длинные массивные лопасти, плавно переходящие в суженную центральную часть. Обе выгнутые плечевые накладки (длина — 24,5 см, ширина — 3 см) имеют вытянутую форму, приостренную на одном конце. Центральная веслообразная накладка из погребения 41 (длина — 20 см, ширина — 3 см) имеет более короткие подтреугольные лопасти, плавно переходящие в суженную центральную часть. Плечевые накладки имеют вытянутую трапециевидную форму. Одна из них имеет слабо, а другая сильно изогнутую поверхность, повторяющую форму кибити лука в месте наложения накладки. В. С. Николаев, вслед за А. П. Окладниковым, отказался от предложенной Е. Ф. Седякиной датировки данных захоронений (XII-XIV вв.) и предложил датировать их XVI — началом XVII в., т. е. «временем расселения бурятских племен на территории Приангарья» (Николаев, 2003, с. 343-346). На наш взгляд, верхней датой захоронения можно считать начало XVIII в. Безусловно, поздним элементом в обоих захоронениях является бронзовая трубка «ганза» на длинном мундштуке (рис. 11, *4-9)*.

Вариант 2. Сложносоставные луки с составной (двухчастной) веслообразной центральной накладкой, роговыми накладками нижнего плеча, берестяной обмоткой.

Включает 1 экз. из одиночного погребения Солонцы на левом берегу р. Качи (левый приток Енисея) на юге Красноярского края (рис. 10, *5)*.

В могильную яму без деревянных стенок был положен вооруженный луком подросток, обутый в сапоги из черной кожи с короткими голенищами. На его груди фиксируется свинцовый амулет в кожаной подвеске.

Отличительными чертами лука из погребения Солонцы являются конструкция центральной накладки и расположение плечевых накладок.

Центральная веслообразная накладка состоит из двух частей. Верхняя (длина — 8,7 см) выполнена из прямой, а нижняя (длина 9,3 см) — из изогнутой роговой пластины. Внешняя поверхность обеих накладок — выпуклая, а внутренняя — плоская, покрытая, для лучшего сцепления с кибитью, ромбовидной штриховкой. Обе части накладки плотно подогнаны друг к другу и обклеены берестой (волокна проходят вдоль оси накладки). Плечевыми накладками снабжено только нижнее «плечо» лука. Обе накладки, как и их аналоги, по центру лука были подогнаны друг к другу и обклеены берестой.

По расчетам авторов находки общая длина лука составляла около 1,4 м. По их мнению, погребение может быть датировано периодом позднего Средневековья — началом Нового времени (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 144-146).

Тип 4. Сложносоставные луки с центральной, плечевыми и концевыми накладками.

Вариант 1. Сложносоставные луки с центральной, плечевыми и концевыми накладками, берестяной обмоткой.

Включает 2 экз. из «Монгольской коллекции» МАЭ и Королевского музея г. Эдинбурга (Великобритания).

Лук из МАЭ вместе со стрелами, налучем с поясом и колчаном составляет полный комплект для ведения лучного дистанционного боя — саадак (№ 507, 4274-1-2, 5982-12). Данный «нум» имеет сложносоставную конструкцию. Поверх тонких проклеенных полос дерева обернут тонкими пластами бересты. «Костяные накладки расположены на середине выгиба лука и на его концах. Тетива сделана из узких прочных крученых ленточек тонкой кожи» (Викторова, 1980, с. 109-111).

Весьма близкими по своим конструктивным особенностям к монгольским были бурятские луки, а также луки жителей Минусинской котловины.

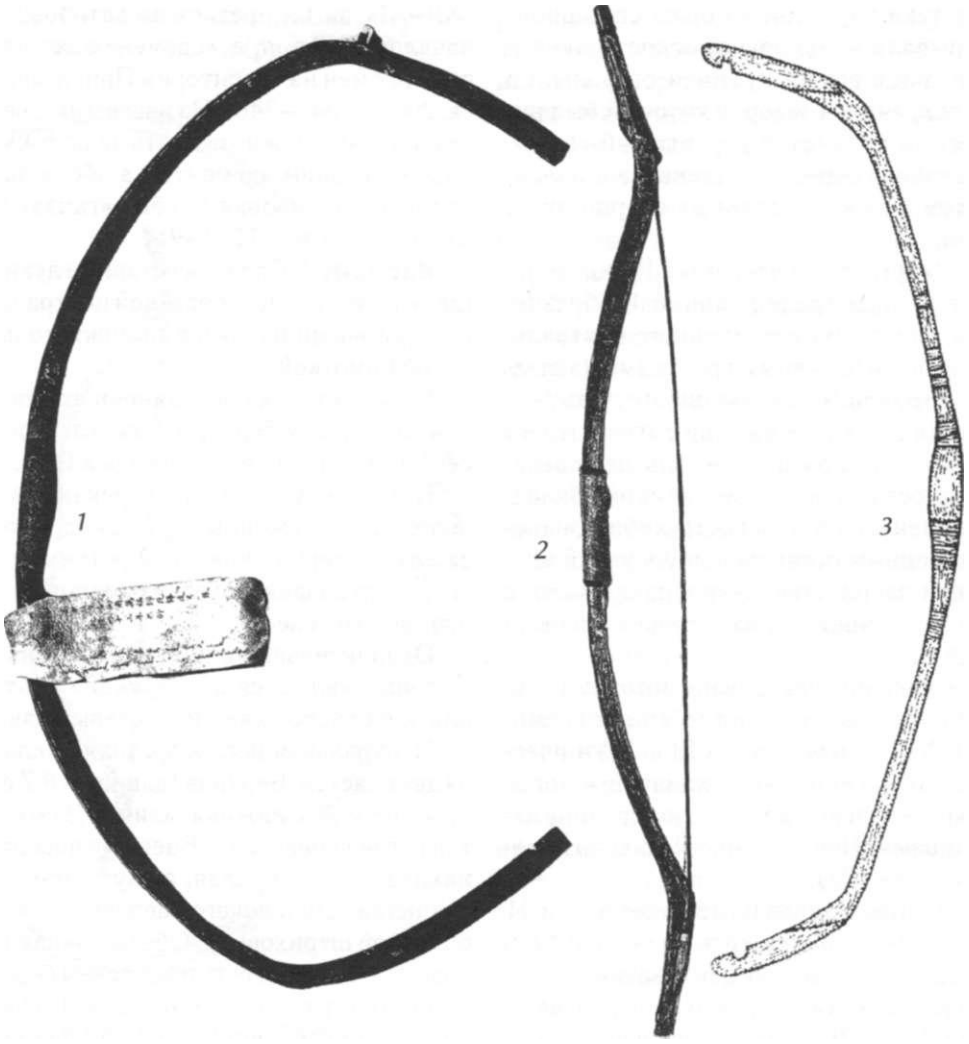

Рис.9. Сложносоставные луки иентральноазиатского производства (7 — цинский,2 —тибетский второй половины XVIII — XIX в., *3* — монгольский XVII-XIX в.).

Они известны по сохранившимся этнографическим материалам, археологическим находкам, описаниям и рисункам.

Бурятский лук, опубликованный Р. Карутцем, отличается слабо выгнутой по направлению стрельбы серединой и полого загнутыми «плечами» и концами. Кибить состоит из деревянной основы с наклеенными на нее с внутренней стороны плечевыми и срединной накладками. Середина дополнительно обмотана оплеткой. На обоих концах имеются концевые накладки. На «плечах» при переходе к концам, укреплены подставки-предохранители (Karutz, 1925, s. 64).

Похожие по конструкции луки с плавным изгибом кибити и загнутыми концами описал в своей работе В. А. Михайлов (Михайлов, 1993, с. 12). На приведенных иллюстрациях изображены луки с утолщением в средней части, симметрично плавно изогнутыми «плечами» и круто загнутыми по направлению стрельбы концами. На концах были укреплены подставки-предохранители, благодаря которым регулировалось натяжение тетивы (там же, с. 59, 60).

Луки с концевыми вкладышами, срединной (центральной) и фронтальной плечевыми накладками получили распространение у кыштымов енисейских кыргызов в период позднего Средневековья (Худяков, 1997, с. 28). Согласно данным эпических произведений луки кочевников Минусинской котловины были «трехсоставными». Они усиливались накладками из «рога горного козла». Тетива изготавливалась из «крученых ремней воловьей кожи и овечьих кишок» (Худяков, 2002, с. 67).

Сложносоставной лук из Королевского музея г. Эдинбурга (Великобритания) выполнен из нескольких деревянных элементов и усилен роговыми накладками. Общая длина лука — 122,9 см. Кибить обмотана сухожилиями. Рукоять обернута куском мягкой кожи (рис. 9,*2)*. Британские исследователи определили лук как «китайский или тибетский» и датировали его XIX в. К сожалению, установить место приобретения данного лука не удалось. По своим конструктивным особенностям он близок к цинским лукам XVIII-XIX вв., а также их более ранним центральноазиатским аналогам.

Вариант 2. S-образный лук с центральной веслообразной, плечевыми и концевыми накладками.

Включает 1 экз. с юга современного Красноярского края.

Необычный S-образный сложносоставной лук обнаружен в могиле № 2 могильника Монашка на левом берегу р. Качи (левый приток Енисея), недалеко от места ее впадения в Енисей, на территории Емельяновского района Красноярского края. Погребенный был уложен на спину, вытянуто, головой на запад-юго-запад. Около черепа обнаружены детали головного убора, предположительно цилиндрической формы (каркас из бересты с остатками кожи черного цвета).

Лук лежал на дне ямы вдоль костяка, почти повторяя своей формой линию левого бока погребенного. Все его сохранившиеся детали находились в естественном положении и не были потревожены (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 133, 157, рис. 1). Лук был изготовлен из деревянных деталей. Общая длина изделия — 1,4 м. С тыльной стороны лука при помощи клея крепились «мощные роговые накладки» (там же, с. 134). Лук был снабжен 8 роговыми накладками: центральная веслообразная, 5 плечевых, 2 концевых вкладыша с вырезами для крепления тетивы. Все детали тщательно выполнены из рога и кости. Центральная веслообразная накладка в продольном сечении зеркально-асимметрична и имеет в проекции S-образную форму (рис. 10, *6, 7, 10-15, 18)*. Общая длина накладки — 20,6 см. Ширина верхней лопасти — 2,6 см, нижней — 2,4 см. Тыльная сторона верхнего «плеча» лука была усилена 2 костяными накладками: длинной и короткой. Длинная накладка верхнего «плеча» лука представляет собой выгнутую узкую пластину, один конец которой обломан. Общая длина накладки (без учета изгиба) — 26,7 см, ширина обломанного конца — 2,2 см, сохранившегося конца — 3 см. Короткая накладка представляет собой прямоугольник: длина — 5,9 см, ширина — 3 см. Тыльная сторона нижнего «плеча» лука была усилена 3 костяными накладками: одной длинной и двумя короткими — прямоугольными. Сохранившиеся концы плечевых накладок имеют ровные обрезы, для обеспечения «уверенного стыка между ними». Характерно при этом, что плечевые накладки не стыковались непосредственно с центральной веслообразной накладкой и находились «на заметном расстоянии от него» (там же, с. 133). Несмотря на то что число накладок верхнего «плеча» меньше, чем число накладок нижнего «плеча», общая длина этих элементов примерно одинакова. Часть накладок (центральная накладка, 3 плечевые накладки)

снабжены неглубокой штриховкой, выполненной ножом или другим острым предметом. Штриховка имеется только на тыльной стороне роговых деталей, что указывает на то, что она служила для обеспечения лучшей склейки с деревянной основой лука.

На концах лука размещались концевые вкладыши. Последние были вставлены в деревянную основу лука и жестко фиксировали его концы. С внешней, вогнутой, стороны вкладыша сделаны вырезы для тетивы. Длина верхнего вкладыша — 10 см, ширина в верхней части — 1,4 см, в нижней — 1,5 см. Длина нижнего вкладыша — 10,2 см, ширина в нижней части — 1,6 см, в верхней — 1,7 см.

Вся внешняя поверхность лука частично, поверх накладок с тыльной стороны, и нижняя часть концевых вкладышей тщательно обклеены полосами тонкой однослойной бересты. Последняя плотно фиксировала конструкцию, создавала дополнительную прочность и эластичность, защищала лук от влаги и резких температурных колебаний.

Форма лука — необычна. Он имеет оригинальную форму в виде вытянутой буквы «S», что подтверждается как формой центральной накладки, так и расположением лука в погребении (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 134-135).

Данное захоронение датировано авторами раскопок, по аналогии с другими погребениями комплекса, концом XVI — началом XVIII в. Причем «могила № 2 (в которой и был найден лук. *— Авт.),* возможно, является самой ранней в составе этого могильника». В этническом плане оно отнесено к «проживавшим тогда смешанно в Красноярском лесостепном районе качинцам и аринцам» (там же, с. 131-133).

Тип 5. Сложносоставные деревянные луки.

Вариант 1. Сложносоставные луки с оплеткой кибити из сухожилий.

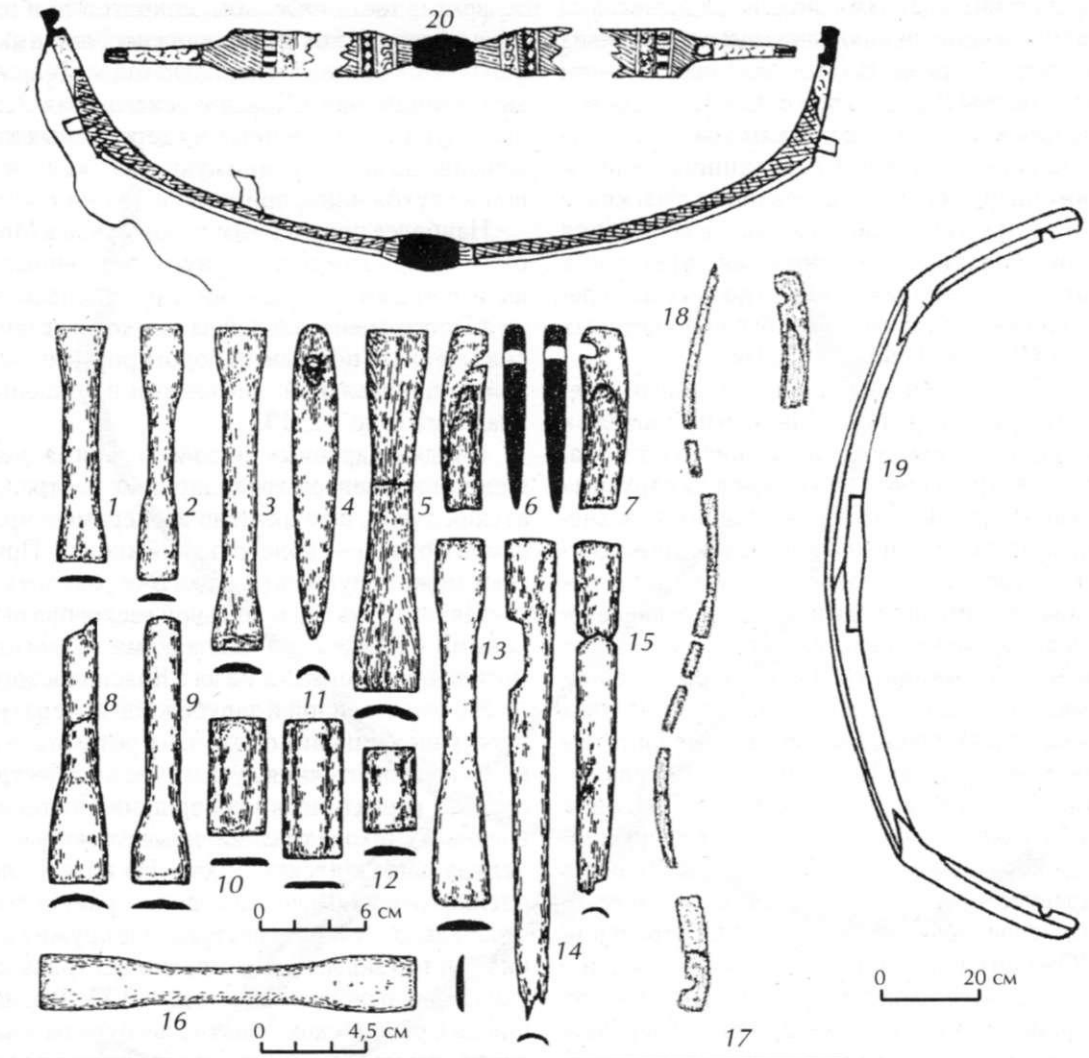
К данному варианту сложносоставных деревянных луков без костяных накладок можно отнести «нум» из Улангомского музея (г. Улангом, МНР). Длина кибити лука со снятой тетивой — около 1 м. Кибить лука имеет расширенную, овальную в сечении, середину, уплощенные, плавно выгнутые «плечи» и составные, круто загнутые концы с арочными вырезами для надевания петель тетивы. Середина кибити с обеих сторон оплетена сухожилиями. Оплетка имеется в двух местах на верхнем и в одном месте на нижнем «плече» кибити (Худяков, Бобров, 2004, с. 116) (рис. 9, *3).*

Деревянный лук без костяных накладок обнаружен в могиле № 8 могильника Монашка на левом берегу р. Качи (левый приток Енисея), недалеко от места ее впадения в Енисей, на территории Емельяновского района Красноярского края. Погребенный находился в деревянном гробовище, образованном деревянным дном с перекрытием из полотнищ бересты с четырьмя не соединенными между собой деревянными стенками. Погребенный уложен на спину, вытянуто, головой на запад (с незначительным отклонением к северу). По всей площади гробовища встречались фрагменты истлевшей ткани и кожи. На ногах обнаружена деревянная основа седла, имеющая насыщенный красный цвет.

Плохо сохранившиеся остатки лука (2 фрагмента: верхний — 16 см, нижний — 45 см, ширина — 4,5-3,0 см, максимальная толщина — 2 см) лежали с левой стороны от погребенного, между костями туловища и левой рукой. Предположительно лук из могилы № 8 был изготовлен из черемухи или рябины. В погребение лук был уложен со спущенной тетивой, плашмя, внешней стороной вверх и, видимо, поверх левого плеча погребенного, из-за чего верхнее «плечо» лука сохранилось хуже. В сечении изделие имеет вид трапеции со скругленными углами. Плохая сохранность деревянных деталей не является исключительной особенностью данного погребения. В других могилах данного района (например, в кургане 1 могильника Высокое) деревянные детали не сохранились вовсе, а о размерах и форме лука можно судить по расположению роговых накладок и берестяной обмотки.

Изделие из могилы № 8 могильника Монашка реконструируется в виде традиционного М-образного лука, целиком изготовленного из деревянных деталей, с зауженной, но утолщенной средней частью и широкими, но более тонкими «плечами», выгнутыми наружу. Костяные детали и берестяная обмотка отсутствуют. По мнению авторов находки, максимальная длина лука не превышала 1,5 м (Нечипоренко, Панькин, Скобелев, 2004, с. 136—137).

Данное захоронение датировано авторами раскопок, по аналогии с другими погребениями комплекса, концом XVI — началом XVIII в. В этническом плане оно отнесено к «проживавшим тогда смешанно в Красноярском лесостепном районе качинцам и аринцам» (там же, с. 131-133).

ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ	КОЛ - ВО	ТЕРРИТОРИЯ	ПЕРИОД
I	1	102	5	АЧА МИНУСА	XIII - XVIII
	2	–	1	МИНУСА	XIII - XIV
	3	–	1	МИНУСА	XIII - XIV
	4	135	1	АЧА	XVII - XVIII

Рис. 10. Сложносоставные луки южносибирского (*1–19*) и казахского производства (*1–19* — по Ю. С. Худякову, *20* — по К. С. Ахметжану).

Кроме костяных накладок позднесредневековые мастера использовали накладки, выполненные из твердых пород дерева. В скальном захоронении второй половины II тыс. н. э. у с. Ело (Горный Алтай) вместе со стрелами, кожаным колчаном, железным ножом, остатками деревянного седла и стремени обнаружены «два деревянных фрагмента накладок на лук. На плоскостях накладок имеются характерные штриховые линии для скрепления накладок с кибитью лука... Вероятно, он был деревянным, сложносоставным, без обычных костяных накладок»(Кочеев, 1983, с. 155, 160).

Появление и распространение ручного огнестрельного оружия среди кочевников не привело к полному вытеснению луков из военного обихода. Напротив, центральноазиатские «модны дарханы» приняли вызов русских, среднеазиатских и дальневосточных мастеров «ружейного дела». Даже беглое знакомство с центральноазиатскими и южносибирскими луками периода позднего Средневековья и Нового времени свидетельствует о богатстве их форм и конструкций. На закате «эры кочевников» номады активно использовали различные типы сложносоставных луков, являвшихся результатом почти двухтысячелетней эволюции этого вида дистанционного оружия. Мастера XVII—XVIII вв. в своей работе опирались на достижения своих хуннских, тюркских и монгольских предшественников эпохи Древности, раннего и развитого Средневековья. Позднесредневековые стрелки Центральной Азии и Южной Сибири применяли весь спектр известных в регионе сложносоставных луков — от составленных из мягких и твердых пород дерева и обмотанных сухожилиями до почти целиком покрытых роговыми пластинами (рис. 9, *1-3;* 10, *19, 20;* 11, *1,2).*

Самым популярным типом луков среди жителей Южной Сибири были сложносоставные луки с центральной веслообразной роговой накладкой, кибить которых оклеивалась полосами бересты. Этот тип лука распространился по евразийской степи в период великих монгольских завоеваний. Так же популярны были луки с плечевыми накладками. Последние существенно усиливали рефлекторные свойства кибити. Это принципиальное технологическое усовершенствование, получившее широкое признание уже в период развитого Средневековья и основанное на использовании гибкости и упругости кости как материала, позволило повысить эффективность стрельбы, сократив при этом общую длину кибити. Кроме сложносоставных «нум», усиленных роговыми накладками, жители Алтая и юга современного Красноярского края использовали луки, составленные из деревянных деталей. Близкие по конструкции луки, снабженные обмоткой из сухожилий, применяли и воины Халхи.

Наиболее популярным типом луков в Монголии были сложносоставные «нум», усиленные плечевыми роговыми накладками. Также использовались их аналоги с центральной накладкой и экземпляры, снабженные полным набором роговых усилителей — центральной, плечевыми и концевыми накладками (рис. 12, 13).

«Модны дарханы» не только занимались улучшением элементов традиционных центральноазиатских луков, но и активно экспериментировали с самой формой — конструкцией кибити. Примером тому может служить находка S-образного сложносоставного лука с центральной веслообразной, плечевыми и концевыми накладками из могилы № 2 могильника Монашка на юге Красноярского края.

В отечественной и зарубежной литературе распространено мнение о том, что в результате столетнего «противостояния лука и ружья» огнестрельное оружие «практически совершенно вытеснило из военного обихода традиционные сложносоставные центральноазиатские луки». На наш взгляд, эта оценка грешит известной односторонностью. Действительно, ручное огнестрельное оружие достаточно быстро завоевало симпатии центральноазиатских и южносибирских номадов. В XVIII в. находившиеся в российском подданстве буряты и алтайцы стали весьма активно применять ружья российского производства, в то время как в Джунгарском ханстве было создано собственное ружейное производство. Однако этот процесс не привел к окончательному исчезновению «лучного боя». Конструктивные недостатки ручного огнестрельного оружия, а также сложности с его доставкой привели к тому, что многие номады продолжали использовать в ходе боевых действий и особенно часто на охоте традиционные сложносоставные луки. Покрытые берестой и усиленные роговыми накладками «номо» широко применялись в Южной Сибири даже в первой половине XIX в. В 20-х гг. XIX в. енисейский губернатор А. П. Степанов дал описание все того же «старого, доброго» сложносоставного лука, использовавшегося как южносибирскими охотника-

ми, так и русскими промысловиками: «...упругий лук, длиной в 2 аршина, стянутый тетивой из толстой, как бечева, струны, имеет обыкновенную форму. Он оклеен сверху берестой и обложен внизу роговой накладкой».

Во второй половине XVII — XVIII в. широкое распространение получила практика включения в один оружейный комплекс как ручного огнестрельного оружия, так и саадака. Мобилизованные в цинскую армию монгольские кочевники продол-

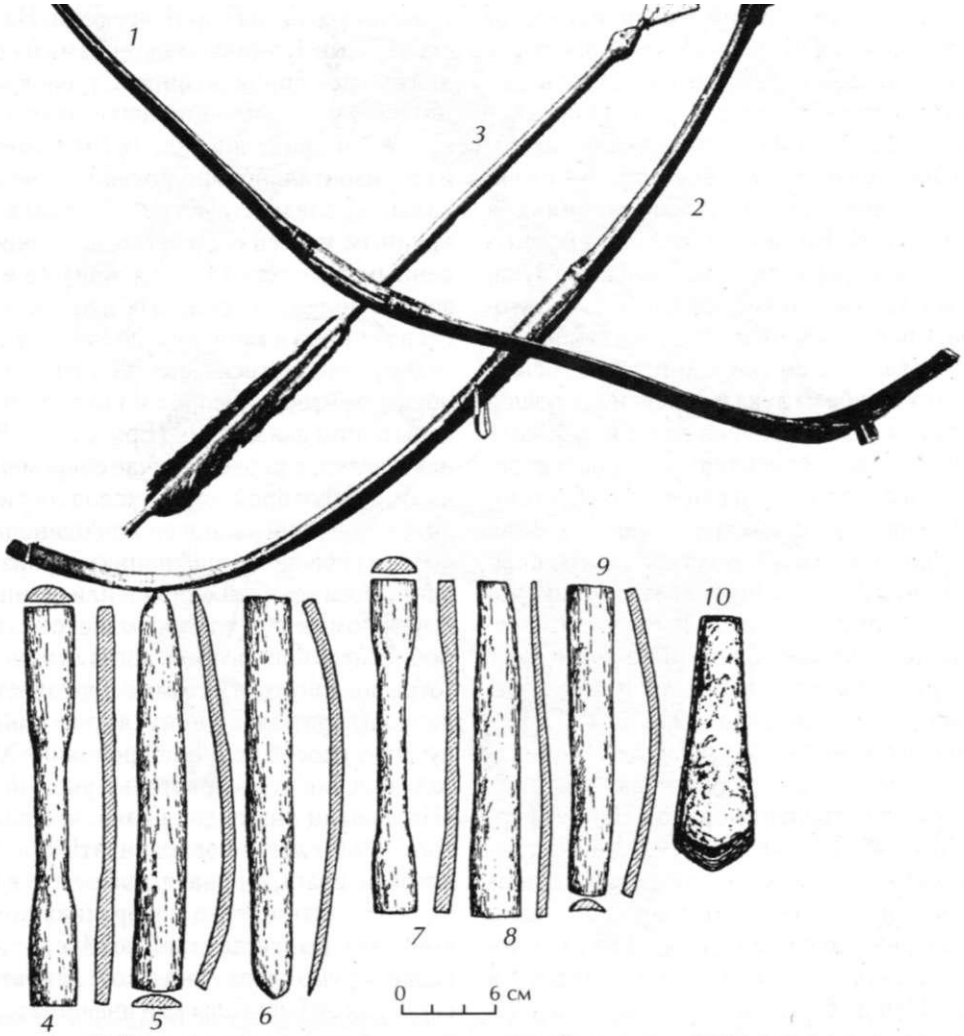

Рис. 11. Бурятские луки и стрела периода позднего Средневековья и Нового времени.

жали применять традиционные сложносоставные луки даже во второй половине XIX в. В настоящее время они используются в ходе ежегодных народных празднеств. Бурятские охотники-«промысловики», вооруженные «номо», позируют на фотографиях конца XIX — начала XX в. Подлинные луки этого периода хранятся в сибирских музеях. В Тибете сложносоставные луки местного и импортного (китайского, монгольского, бутанского) производства, усиленные роговыми накладками, применялись на протяжении всего XIX в. Ими были вооружены тибетские лучники, ведшие стрельбу по солдатам британского экспедиционного корпуса в 1903-1904 гг. Исчезновение сложносоставных луков из комплекса вооружения тибетских солдат пришлось на первую половину XX в. В настоящее время в ходе народных гуляний и спортивных состязаний используются так называемые «простые» луки, представляющие собой изогнутую ветвь дерева с натянутой тетивой (рис. 9, *2, 3;* 11, /, *2).*

Стрельба кочевников из сложносоставных луков производила неизгладимое впечатление на европейских исследователей и путешественников XVII—XVIII вв. Н. К. Витзен писал о своем центральноазиатской информаторе: «Стрельба из лука, которую усвоили, как он говорил, у них (монголов. — *Авт.)* все мужчины, среди китайцев не принята; он сказал, что он уже с детства, с восьми лет, научился стрельбе из лука и с десяти лет пошел на войну со своим отцом, где убил своими стрелами много врагов. Он умел удивительно хорошо стрелять из лука, попадал в голубя в моем присутствии и редко промахивался, он выстреливал стрелу так далеко и высоко в воздух, что она терялась из поля зрения, и так умел рассчитывать время, что, когда выстреливал вторую стрелу после первой, обе стрелы падали одновременно, очень близко друг от друга. Поистине я бы не поверил этому, если бы я этого не видел» (Хамарханов, 1988, с. 153). Искусство лучного боя не было утрачено кочевниками даже в то время, когда среди них активно распространялось огнестрельное оружие. Например, в 80-х гг. XVIII в. Ф. Ланганс с восхищением отзывался о бурятских лучниках: «...особливо же луком владеют весьма искусно, во всем конском скаку попадают в воткнутую в землю стрелу, и так пробежав сажен десять, исправляются и попадают в другую месту. Пешие бьют в месту сажен с пятнадцати и по двадцати, а на перестрел,,т. е. в высоту, выбрасывают стрелы сажен по сту и более» (Ким, 1962, с. 156).

Монгольскими кочевниками периода позднего Средневековья практиковались различные приемы стрельбы из лука с коня и в пешем положении. При стрельбе с коня преобладающей была классическая стрельба «влево-вбок» и «влево-назад». Спешенные лучники вели стрельбу прямо перед собой, причем активно использовалась навесная стрельба. Значительный интерес в этой связи представляют дошедшие до нашего времени соревнования монгольских лучников, проводимые в рамках народного праздника «надам». Стрельбы проходят в несколько этапов, которые представляют собой адаптированные к современности варианты стрельбы, бытовавшие в Центральной Азии в период позднего Средневековья и Нового времени. На первом этапе спешенные лучники имеют время на относительно длительное прицеливание. Стрелок медленно поднимает лук, постепенно натягивая тетиву и одновременно прицеливаясь. В тот момент, когда лук из горизонтального положения переходит в вертикальное, следует выстрел. Сначала стреляют по крупным мишеням, а затем по специально оговоренным отметкам (когда лучник не может использовать более 8 стрел). На втором этапе стрелок стоит спиной к мишени и должен по сигналу судьи резко развернуться и выстрелить навскидку таким образом, чтобы поворот и выстрел были произведены одним движением (Ермолов, 1987, с. 155). На наш взгляд, в первом случае современными лучниками с некоторой долей условности воспроизводится традиция залповой или одиночной стрельбы по наступающему противнику, производимой обороняющимися спешенными или конными воинами. Во втором случае отрабатывается стрельба в ходе мобильного конного боя, когда лучник должен быть готов повернуться в седле и произвести выстрел по неожиданно появившемуся из-за спины противнику. Этот способ во второй половине XVII в. описал голландский исследователь и ученый Н. К. Витзен: «На лошади они сидят низко, что они делают для того, чтобы легче поворачивать лук; когда они целятся во врага, они натягивают лук в направлении от врага, затем резко поворачиваются к нему для выстрела, но всегда стреляют вверх так, что стрела падает прямо сверху вниз, когда имеет наибольшую силу, как он (монгольский информатор Н. К. Витзена. — *Авт.)* мне наглядно показал и как это мате-

Рис. 12. Изображения юаньских (*1–4*), центральноазиатских и южносибирских (*5–6*, *8*), среднеазиатских (*7*) и восточноазиатских (*9*) луков и лучников.

матически обосновывается. При спуске стрелы он держал оба глаза открытыми, он почти никогда не промахивался и попадал либо в цель, либо немного ниже или выше, и очень редко стрела отклонялась в сторону» (Хамарханов, 1988, с. 154).

Кыргызские воины вели стрельбу с коня или в спешенном положении. В последнем случае наряду со стрельбой в полный рост практиковалась стрельба с колена (Бутанаев, 1981, с. 194).

Перед стрельбой центральноазиатские лучники надевали на большой палец правой руки кожаный «наперсток» («эрхийвч»). Указательный палец иногда также предохранялся кожаной обмоткой «хамгаалалт», крепящейся ремешком к запястью. «В момент выстрела большой палец правой руки находится на тетиве, прикрытый указательным пальцем» (Ермолов, 1987, с. 155),

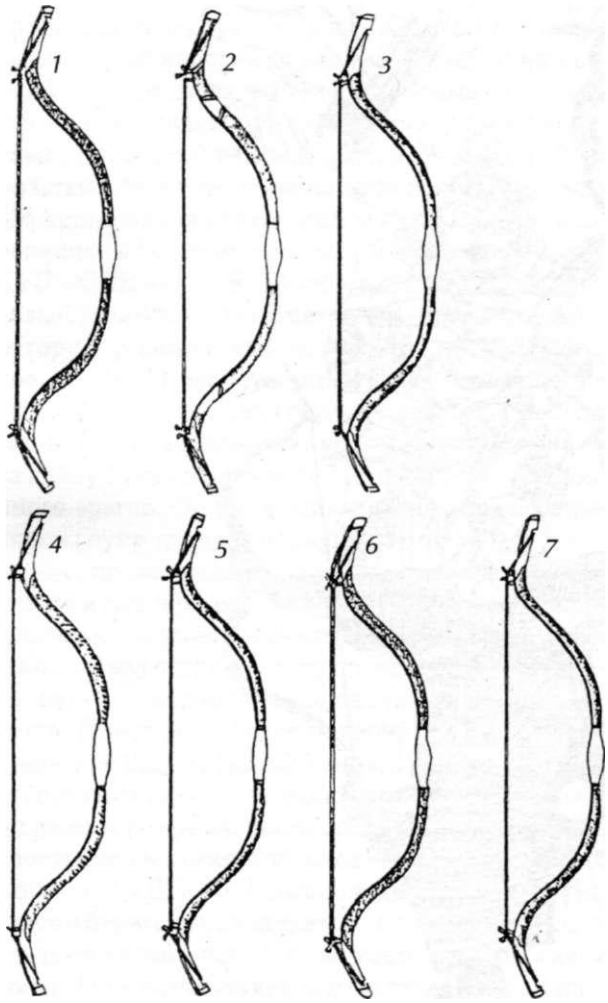

Рис. 13. Изображения цинских луков периода позднего Средневековья и Нового времени. 1_1инская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1 759 г.).

Большой интерес представляет вопрос о дальности полета стрелы, выпущенной из монгольских сложносоставных луков. На современных народных праздниках «надам» мишень устанавливается на расстоянии 70-75 м от стрелков. Согласно данным письменных источников XVII—XVIII вв. монгольские лучники могли посылать стрелы на расстояние в несколько сотен метров. Дальность стрельбы зависела от мощности лука, физической подготовки и опыта стрелка.

Значимость лучного боя для монгольских кочевников периода позднего Средневековья и Нового времени подчеркивается тем фактом, что вплоть до наших дней стрельба из лука остается одним из любимых традиционных развлечений монголов и наряду с национальной борьбой и скачками играет существенную роль в ежегодном народном празднике «надам». Лучшим стрелкам на таком празднике присваивается титул «мерген» (там же, с. 155).

Тактика конных и пеших лучников в ходе полевых сражений и осад будет разобрана нами в разделе, посвященном военному искусству позднесредневековых номадов. Здесь же кратко рассмотрим один из ее элементов — применение «огненных стрел» при осаде деревянных укреплений противника. Снабженные горючим веществом стрелы применялись кочевниками Центральной Азии еще в эпоху Древности и раннего Средневековья. Этот простой и действенный способ создания угрозы для вражеских укреплений, выполненных из дерева, сохранял свою актуальность вплоть до Этнографического времени. Позднесредневековые кочевники Халхи не обладали необходимым набором осадных приспособлений для взятия русских острожков Южной Сибири, поэтому старались «сжечь их, пуская стрелы огненные». Надо отметить, что русские служилые люди (в целом уверенные в эффективности своих деревянных крепостей) относились к этой угрозе с особым вниманием. По донесению томского конного казака Зиновия Мутимцова, в 1657 г. сын Алтын-хана Лубсан заметил: «Буду де, в Киргиской земле стоять и жить 3 годы. И хвалитца идти на Томской город войною. Да то у Алтанова сына есть, что скованы у всяково чело-

века по 4 стрельные железца, чем зажигать русские городы» (МРМО, 1996, с. 29). При штурме Селенгинска «мунгальские люди приступали и пускали огненные стрелы, и хотели тем город и слободы зажечь», «и после тою в генваре месяце пришли под Селенгинской и Удинской мугальские многие люди с войною, и Селенгинской и Удинской и московских стрельцов осадили, и боями приступали накрепко, и из мелково ружья и из луков стреляли, и в Селингинской огненные стрелы пускали» (МРМО, 2000, с. 150-151, 172).

3.3. Стрелы

Основным средством поражения противника на расстоянии у монгольских воинов в эпоху позднего Средневековья и Нового времени были стрелы с железными наконечниками.

Наконечники. Для повышения эффективности лучной стрельбы монгольские мастера изготовляли специализированные типы наконечников. Одни из них предназначались для стрельбы по легковооруженным противникам, другие — по воинам, облаченным в железные (кольчатые, пластинчатые) и кожаные панцири, третьи — по не защищенным броней коням. Европейские путешественники XVIII в., знавшие об искусстве стрельбы из лука лишь из исторических хроник, настойчиво пытались выделить из общего массива стрел кочевников «боевые» и «охотничьи». Причем критерием в этих гипотетических классификациях, как правило, служил размер наконечников. Неудивительно, что подобный абсолютизированный подход приводил к известной путанице. Так, академик П. С. Паллас считал стрелы с крупными наконечниками «боевыми», а их аналоги с узкими долотовидными остриями — «охотничьими»: «Стрелы употребляют калмыки разного вида, а именно: короткие... с шишкою на конце, еще легкие стрелы с узкими железными копейцами... на долотцо похожие, а большие военные стрелы с большими остроконечными копейцами». Голландский исследователь Н. К. Витзен, ссылаясь на сведения своего центральноазиатского информатора, также выделял две разновидности монгольских стрел, однако в его интерпретации небольшие наконечники были «боевыми», а их аналоги с широким пером — «охотничьими»: «В войне они употребляют небольшие легкие стрелы с мелкими острыми концами (наконечниками. — *Авт.*), для дичи у них стрелы с широкими железными остриями» (Хамарханов, 1988, с. 154). Очень похожее описание бурятских боевых стрел второй половины XVIII в. оставил Ф. Ланганс. По его данным, буряты «для военного дела имеют стрелы с тоненькими круглыми копьями» (Ким, 1962, с. 156). В действительности в ходе боевых действий центральноазиатские и южносибирские кочевники использовали и стрелы с узкими граненными квадратными и ромбовидными в сечении остриями, предназначенными для стрельбы по панцирникам противника, и наконечники с широким пером, которые наносили страшные рваные раны легковооруженным воинам и не защищенным броней коням.

С территории Монголии и Забайкалья происходит значительное количество находок железных наконечников, которые по своим типологическим характеристикам могут относиться к эпохе позднего Средневековья и этнографической современности, однако большинство из них являются случайными находками или входят в состав старых оружейных коллекций. Они представлены в музейных собраниях Института истории АН Монголии в г. Улан-Баторе, в музеях г. Мурэна и г. Улангома (МНР), музее искусств Метрополитен г. Нью-Йорка (США), в Королевском музее г. Эдинбурга (Великобритания), в МАЭ, Бурятском историческом, Иркутском, Кяхтинском, Читинском краеведческом и других музеях России (Худяков, 1985, с. 103-107; Худяков 2001, с. 78-85). Все эти наконечники относятся к классу железных и отделу черешковых. По сечению пера они делятся на несколько групп (рис. *1,2-11).*

К первой группе относятся наконечники стрел с плоским в сечении пером. Такие стрелы были предназначены для поражения преимущественно не защищенного металлическим доспехом противника при скоростной стрельбе на короткие и средние дистанции. Возможно, что некоторые из них (например, описанные ниже «боеголовковые» наконечники) также применялись против противника, снабженного защитным вооружением. Стрелы с плоским пером были наиболее просты в изготовлении и широко распространены по территории степной Евразии со времени монгольских завоеваний до этнографической современности. По форме пера среди них выделяется несколько типов.

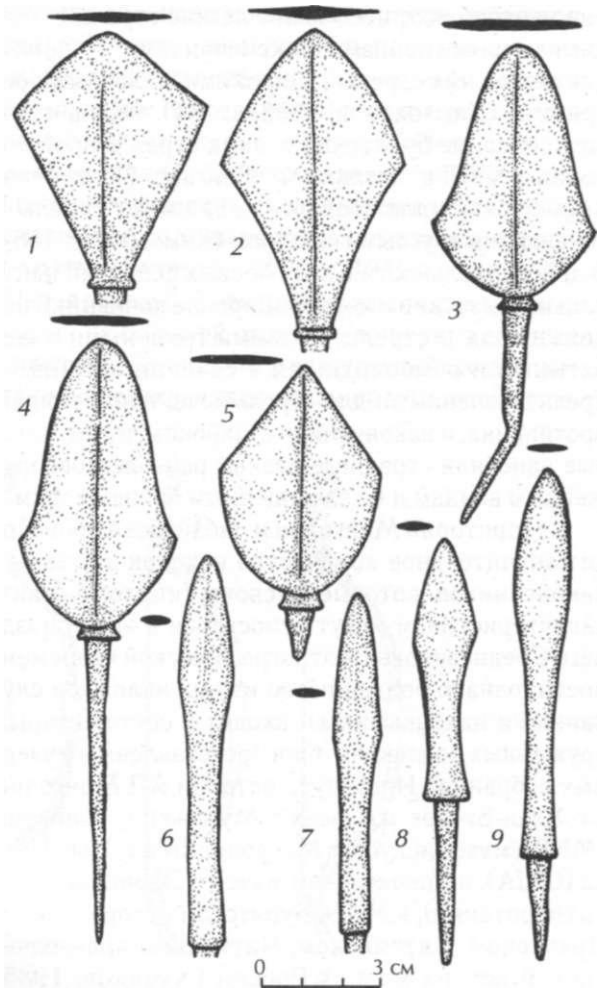

Рис. 14. Наконечники стрел с территории Монголии:
1, 2, 4, 6-9 — наконечники стрел из собрания Института истории Монгольской академии наук; *3,4* — наконечники стрел из музея г. Мурэна.

Группа 1. Наконечники стрел с плоским сечением пера.

Тип 1. Асимметрично-ромбические (рис. 1, *3).* К данному типу относятся 25 экземпляров из собрания Института истории АН Монголии, памятника Тополевка в Читинской области, погребения у с. Ело (Горный Алтай), Хоринска и Кяхтинского музея в Бурятии, из кургана 3 на горе Чинге-Даг в долине р. Уюк, из мужских погребений Бай-Даг и Ак-Дуруг в Туве.

Длина пера — 7-8 см, ширина пера — 4,5-5 см, длина черешка — 5 см. Наконечники с тупоугольным острием, пологими «плечиками», упором. У некоторых экземпляров перо сварено из двух половин, подобно зигзагообразным стрелам. Размеры пера сильно варьируют от крупных, широколопастных до мелких наконечников. Некоторые, наиболее крупные, наконечники снабжены костяными шариками-свистунками с горизонтально расположенными овальными и подпрямоугольными отверстиями (рис. 14, /, *2;* 15, /, *2;* 16, /; 17, /). Ярким примером данного типа наконечников стрел являются пять однотипных наконечников из погребения у с. Ело (Горный Алтай), датированного на основании анализа обряда захоронения и инвентаря II тыс. н. э. «Железные наконечники стрел плоские черешковые, секторовидные. Режущая часть пера округлая (но при этом приостренная. — *Авт.).* Длина пера 73-80 мм, ширина 45-53 мм. Черешок снабжен свистунками — полыми костяными шариками с двумя прямоугольными отверстиями на выпуклой части» (Кочев, 1983, с. 153-156).

Первоначально подобные наконечники относительно небольших размеров стали применяться кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири для военных целей еще в хуннское время (Коновалов, 1976, с. 174; Худяков, 1985, с. 104). Однако массовое использование подобных стрел в степном поясе Евразии приходится на эпоху монгольских завоеваний (Худяков, 1991, с. 105). В это время стали применяться асимметрично-ромбические наконечники средних и крупных размеров, хотя продолжали широко использоваться и стрелы с небольшими наконечниками. Такие же стрелы сохранились в арсенале средств ведения дистанционного боя у монгольских воинов в эпоху позднего Средневековья и этнографической современности. Близкие по форме наконечники стрел входили в стрелковые комплекты монгольских и маньчжурских воинов цинской армии XVII—XVIII вв. (рис. 20, /).

Тип 2. Боеголовковые наконечники (рис. 1, *2).* К этому типу относятся 6 стрел из собрания Института истории АН Монголии, памятника Тополевка в Читинской области, Цырик-Нарасун в Агинском национальном округе, Читинского музея, а также 8 стрел из Королевского музея Эдинбурга (Великобритания). Длина пера — 8 см, ширина пера — 1,5 см, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой «головкой», удлиненной «шейкой» с упором (рис. 14,*6*-9; 15,9; 16, *3,* 7; 17, *4).* Боеголовковые наконечники получили широкое распространение в кочевом мире

Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья (Худяков, 1985, с. 105). Они продолжали широко применяться центральноазиатскими номадами в период позднего Средневековья. У некоторых кочевых народов в это время они стали ведущим типом небронебойных стрел (Худяков, 2001, с. 256), которые в случае необходимости могли использоваться и против вражеских воинов, одетых в панцири из органических материалов. Интересно, что в бурятских этнографических материалах данный тип наконечников перечисляется в ряду «бронебойных». Он именуется «гурбалжин шубгэ»: «Наконечник "гурбалжин шубгэ" был предназначен для того, чтобы насквозь (нэбтэ) пробивать панцирь. Его также делали из булатной стали (Нацов, 1987, с. 33).

Боеголовковые стрелы сохранились в арсенале номадов Саяно-Алтая до этнографической современности (Дьяконова, 1966, с. 357).

Данный тип стрел на протяжении всего описываемого периода оставался одним из самых популярных в стрелковом комплексе воинов Цинской империи (рис. 21, *9-11).*

Тип 3. Овально-крылатые наконечники (рис. 1,5). К этому типу относятся 5 экземпляров стрел из музея г. Мурэна в Монголии, Читинского краеведческого музея в России, музея Метрополитен в США. Длина пера наконечников из Мурэнского и Читинского собраний — около 7 см, ширина пера — около 4 см, длина черешка — около 5 см. Наконечники с овальным острием, выступающими крыльями, округлыми «плечиками» и упором. По продольной оси пера проходит сварной шов, как у зигзагообразных наконечников (рис. *14,3,4;* 17, *5, 7).* Такие наконечники стали применяться кочевыми воинами в Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья (Худяков, 1985, с. 106). Они продолжали использоваться номадами и в период позднего Средневековья и Нового времени. У монголов подобные стрелы с костяными шариками-свистунками применялись вплоть до этнографической современности (Kohalmi, 1953, s. 52, fig. 4).

Такую же форму имеет монгольский или тибетский наконечник с длинным четырехгранным черешком, датированный американскими исследователями XVII—XVIII вв. Он отличается от описанных выше аналогов из монгольских и российских музеев размерами, особенностями конструкции и

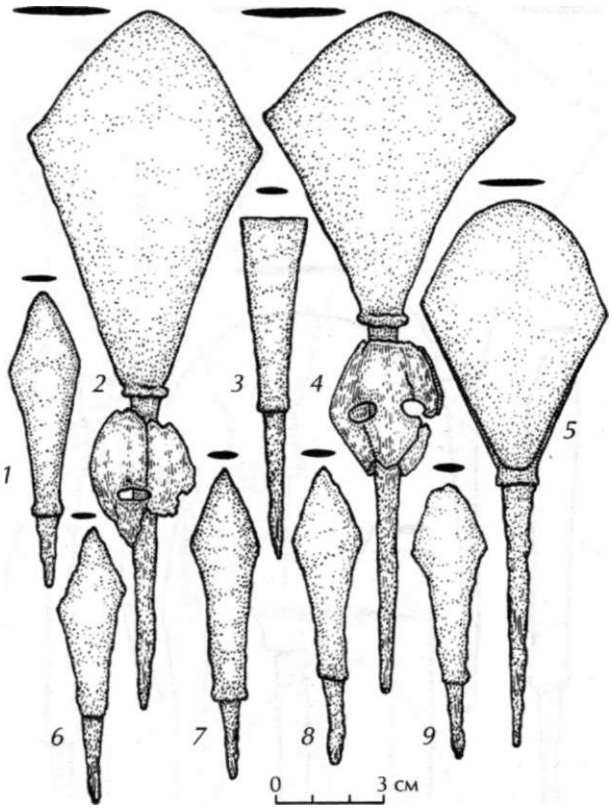

Рис. 15. Наконечники стрел из Забайкалья. Тополевка, Читинская область.

оформления. Общая длина наконечника — 16,5 см. Наконечник снабжен каплевидной свистункой, выполненной из железа, с четырьмя симметрично расположенными отверстиями. Перо и свистулька украшены золотой насечкой, выполненной в виде стилизованного мотива «пылающие облака» (рис. 18, *31).*

Данный тип наконечников стрел в XVII—XVIII вв. был широко распространен среди кочевников Монголии, жителей Тибета, подданных Цинской империи. Изображения цинских наконечников данного типа приведенены в «Хуанчао лицзи тушу» («Иллюстрированное описание обрядов и утвари августейшей династии»), составленном в 1759 г. (рис. 21, *1-2).* В 1891-1892 гг. Уильям Рокхилл приобрел стрелу, снабженную подобным наконечником (но без свистунки), как элемент комплекса вооружения цинского лучника. Он определил данный наконечник как «китайский», но отметил, что подобные стрелы «используются в Китае, Тибете, Монголии».

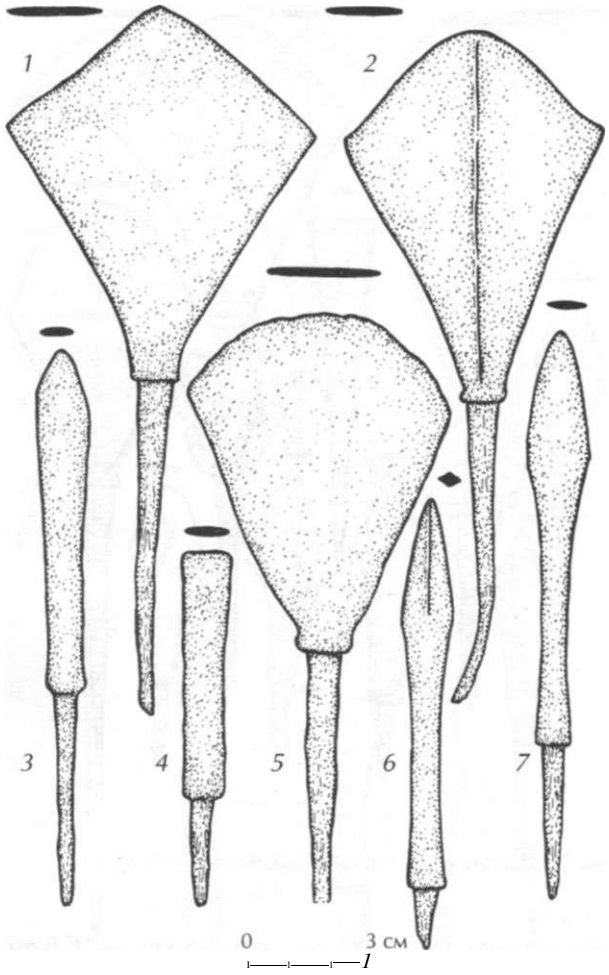

Рис. 16. Наконечники стрел из Забайкалья:

1,4 — Хоринск; *2,6,7* — 1_1ырик-Нарасун, Агинский округ; *3,5* — наконечники стрел из Бурятского музея.

Тип 4. Полуовальные наконечники с остроугольным острием (рис. 1, *б)*. К данному типу может быть отнесен один экземпляр из музея г. Мурэна в Монголии. Длина пера — 6 см, ширина пера — 4 см, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием и полукруглыми «плечиками» и упором (рис. 14, *5)*. Подобные наконечники встречаются редко. Они известны у кочевников Центральной Азии в эпоху развитого и позднего Средневековья (Худяков, 1985, с. 107).

В музейных коллекциях, собранных на территории Монголии, другие формы плоских железных наконечников стрел, которые по типологическим особенностям можно было бы отнести к эпохе позднего Средневековья, не зафиксированы. Однако по этнографическим материалам известны и другие типы плоских стрел, судя по которым, спектр типологического разнообразия небронебойных стрел у монгольских воинов в позднем Средневековье должен был оставаться довольно разнообразным. 8 материалах, собранных К. У. Кохальми, представлены плоские наконечники ярусного типа с обособленным бойком, овально-крылатые, секторные, шестиугольные, полуовальные с вогнутым острием. Все эти наконечники были снабжены костяными шариками-свистунками с округлыми, овальными или трапециевидными отверстиями (Kohalmi, 1953, fig. 1-8). Монгольским исследователем С. Б. Ж. Базарсурэном опубликована стрела с наконечником овально-крылатой формы и выступающим зубцом под одним из крыльев из Краковского музея, которая считается монгольской (Базарсурэн, 2000, зур. 59).

В музейных собраниях России находятся железные плоские наконечники еще нескольких разных типов, которые относятся к традиционной культуре бурят.

Тип 5. Секторные наконечники (рис. 1, *7)*. К этому типу можно отнести 6 экземпляров из памятника Тополевка в Читинской области, Цырик-Нарасун в Агинском национальном округе и из Западного и Восточного Забайкалья, которые хранятся в Бурятском историческом, Кяхтинском и Читинском краеведческих музеях. Длина пера — 7 см, ширина пера — 6,5 см, длина черешка — 9 см. Наконечники с округлым острием, широким пером, пологими плечиками и упором. На черешке одного из наконечников сохранился массивный костяной шарик-свистунка с наклонно расположенными овальными отверстиями (рис. 15, *4, 5;* 16, *2, 5;* 17, *3, 8)*. Секторные наконечники употреблялись кочевниками монгольского времени в Южной Сибири и Центральной Азии (Худяков, 1985, с. 107). В дальнейшем они продолжали использоваться номадами, в том числе монголами и бурятами, в позднем Средневековье и этнографической современности.

Тип 6. Томары (рис. 1, *8)*. К этому типу относятся 2 экземпляра из памятника Тополевка в Читинской области и Хоринска в Бурятии, хранящиеся в Бурятском историческом и Читинском краеведческом музеях. Длина пера — 6 см, ширина пера — 1,5 см, длина черешка — 3,5 см. Наконеч-

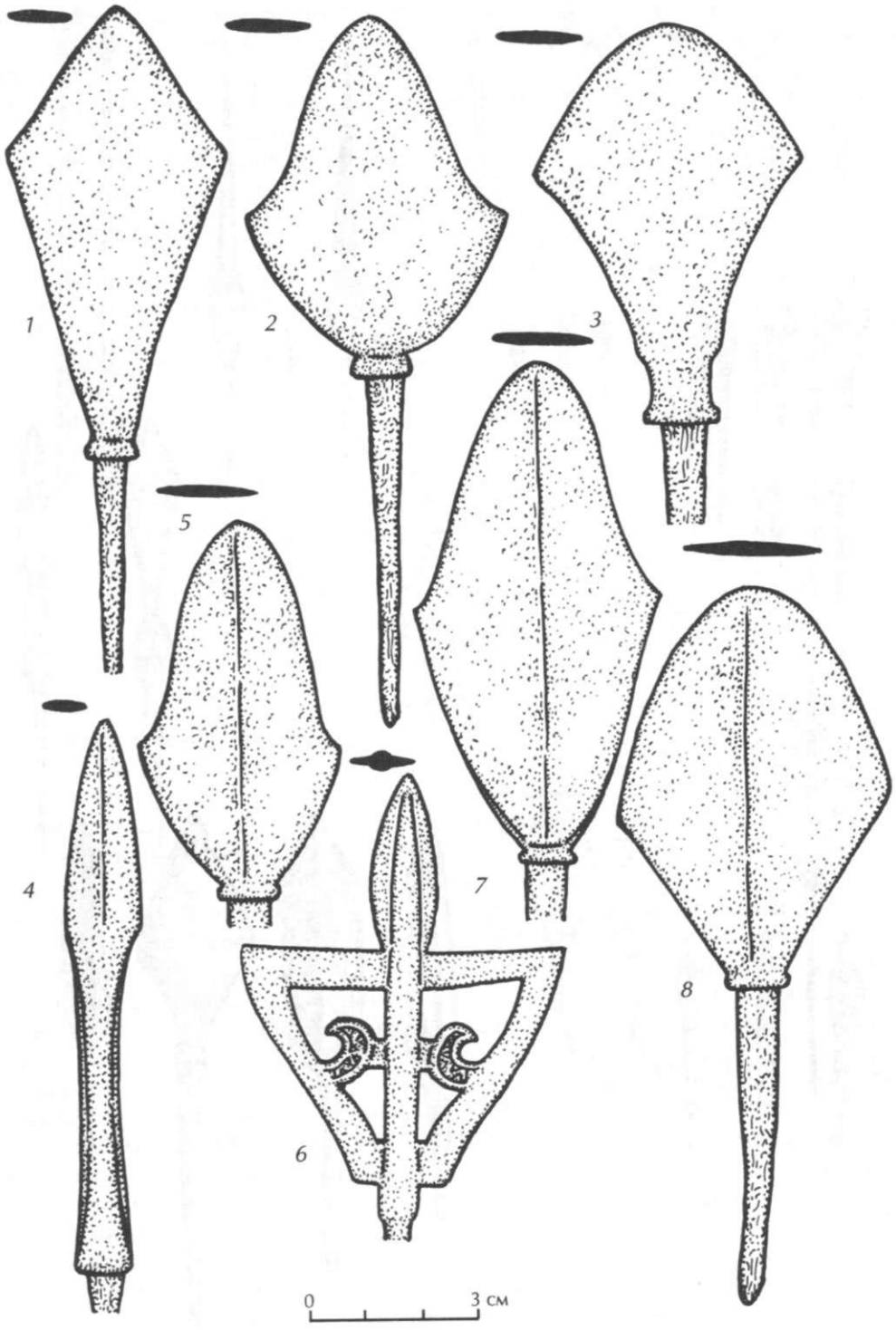

Рис. 17. Наконечники стрел из Забайкалья:
1–3 — наконечники стрел из Кяхтинского музея; *4–8* — наконечники стрел из Читинского музея.

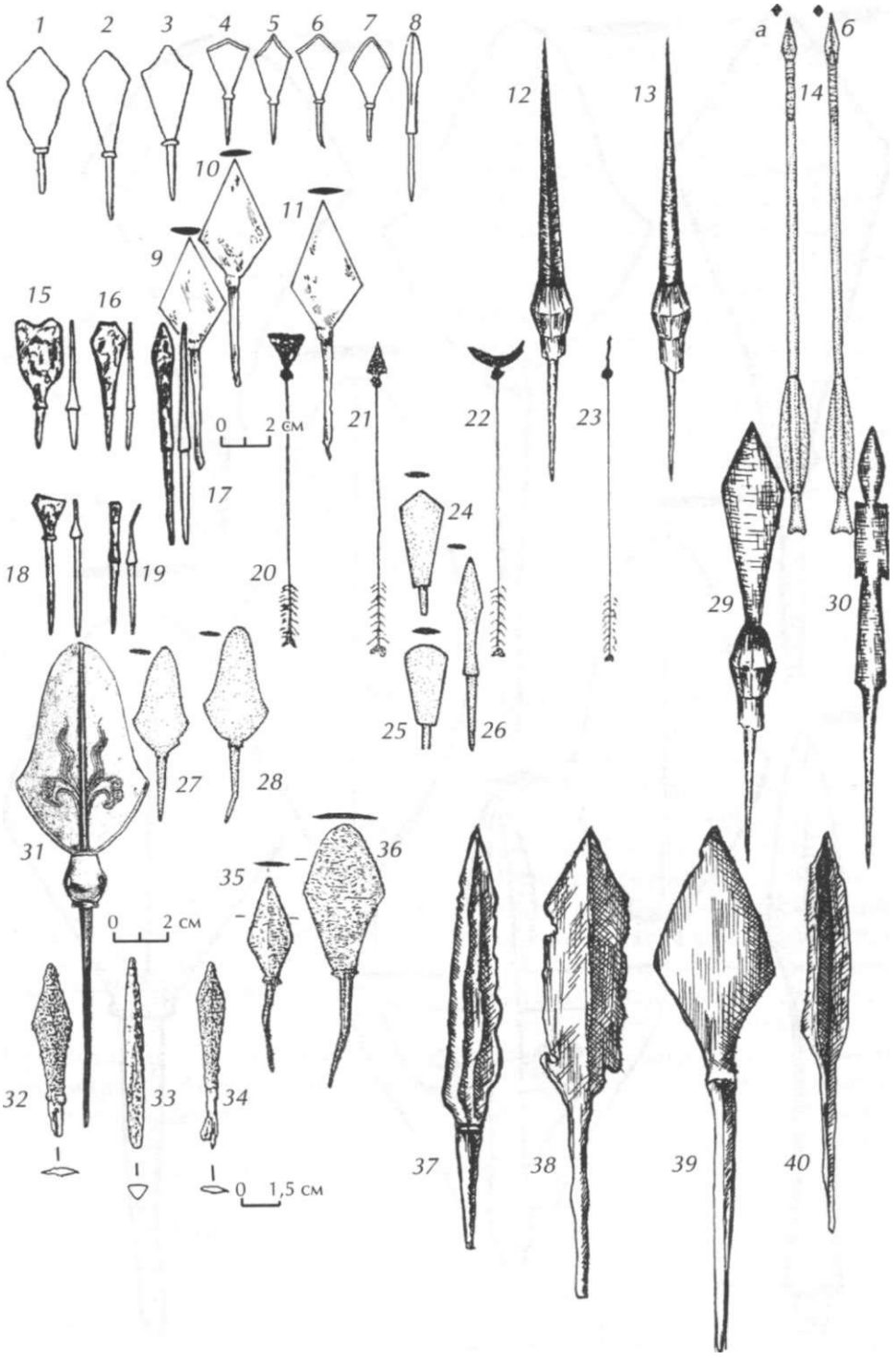

Рис. 18. Наконечники стрел и стрелы с территории Тувы (/-8), Внутренней Монголии *{9-11),* Бурятии *(12-13, 15-19, 29-30),* Нейтральной и Западной Монголии *(14, 24-28),* Тибета *(31),* из погребений в низовье р. Тары *(32-34),* Шории *(35-40).* Изображения бурятских стрел, сделанные Г. Д. Наиовым по этнографическим материалам *(20-23).*

ники с тупым острием, узким пером, пологими «плечиками» и упором (рис. 15, *3;* 16, *4).* Наконечники с тупым острием получили достаточно широкое распространение среди кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья (Худяков, 1985, с. 107). Они продолжали использоваться и в последующие периоды позднего Средневековья и этнографической современности. Наряду с относительно мелкими наконечниками применялись также крупные стрелы с широким массивным пером. Интересно, что бурятские информаторы Г. Ц. Нацова, описывавшие различные типы «древних» бурятских стрел, отнесли томары («сабшуур зэбэ») к числу бронебойных: «"Сабшуур зэбэ" имеет плоское (тэбхэр) лезвие для того, чтобы полностью (таса) пробивать булатный панцирь. Такой наконечник, говорят, делали из булатной стали» (рис. 18, *20).* В это же время крупные вогнутые месяцевидные наконечники «саран зэбэ», судя по контексту, использовались для стрельбы по бездоспешному противнику: «Наконечник "саран зэбэ" имел специальную форму, чтобы им можно было прострелить воину шею (Нацов, 1987, с. 33) (рис. 18, *14).*

В период позднего Средневековья центральноазиатские номады для поражения противника, защищенного металлическим доспехом, применяли стрелы с гранеными бронебойными наконечниками. В одном из музейных собраний Монголии сохранились стрелы, которые по сечению пера могут быть отнесены к группе четырехгранных. По форме пера они выделяются в один тип.

Группа 2. Наконечники стрел с четырехгранным в сечении пером.

Тип 1. Удлиненно-ромбические наконечники (рис. 1,*10).* К этому типу относятся 2 экз. из Улангомского музея. Длина пера — 4,5 см, ширина пера — 1 см. Длина черешков не прослежена, поскольку они находятся внутри деревянных древков. Наконечники с остроугольным острием, покатыми «плечиками» и упором (Худяков, Бобров, 2004, с. 117). Наконечники подобной формы находились на вооружении номадов Центрально-Азиатского региона в течение длительного исторического периода, начиная с хуннского времени (Худяков, 1986, с. 31). Они продолжали использоваться вплоть до Этнографического времени.

Группа 3. Наконечники с ромбическим в сечении пером.

На северо-восточной периферии расселения монгольских народов, в Восточном Забайкалье, лучники использовали для стрельбы по защищенным доспехом противникам стрелы с ромбическим в сечении пером, которые могут быть отнесены к самостоятельной группе и выделены в один тип.

Тип 1. Боеголовковые наконечники. К этому типу относятся 2 экз. — из Цырик-Нарасун в Агинском национальном округе, который хранится в Бурятском историческом музее, и из кургана 24 на горе Шанчиг в Туве. Длина пера — 9 см, ширина пера — 1,5 см, длина черешка — 1,5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой «головкой» и удлиненной «шейкой» с упором (рис. 16, *6).* Данный тип наконечников известен у киданей и монголов в эпоху развитого Средневековья (Худяков, 1991, с. 75,114). Они продолжали использоваться и в позднем Средневековье.

В Южной Монголии, Тибете, Халхе, Бурятии и на других территориях региона также употреблялись длинные узкие наконечники с квадратным и округлым (пулевидным) в сечении пером (рис. 18, *12-13).* В зависимости от размера и массивности они могли применяться против врагов, одетых в панцири из органических материалов, кольчуги и пластинчатые металлические доспехи. В Бурятии такие стрелы были известны под названием «шубгэ зэбэ». «"Шубгэ зэбэ" представлял собой шарик с острой иглой-навершием (хурса узуур). Наконечник такой формы (рис. 18, *23)* делали для того, чтобы стрела пронзала (тело) через отверстие панциря (ходо харбаха)» (Нацов, 1987, с. 33).

В Восточном Забайкалье был найден железный наконечник стрелы редкой формы с двухлопастным сечением острия и прорезными лопастями. Он может быть выделен в отдельный тип в составе группы двухлопастных стрел.

Группа 4. Двухлопастные наконечники стрел.

Тип 1. Ярусные наконечники (рис. *1,11).* К данному типу можно отнести единственный экземпляр наконечника из Читинского краеведческого музея. Длина пера — 7 см, ширина пера — 6,5 см, длина черешка — 4 см. Наконечник с выступающим обособленным двухлопастным бойком, ярусными, расширенными, прорезными крыльями с фигурными завитками внутри, украшенными чеканенным серебренным геометрическим орнаментом (рис. 17, *6).* Аналогий в других кочевнических культурах данный наконечник не имеет. Наличие в оформле-

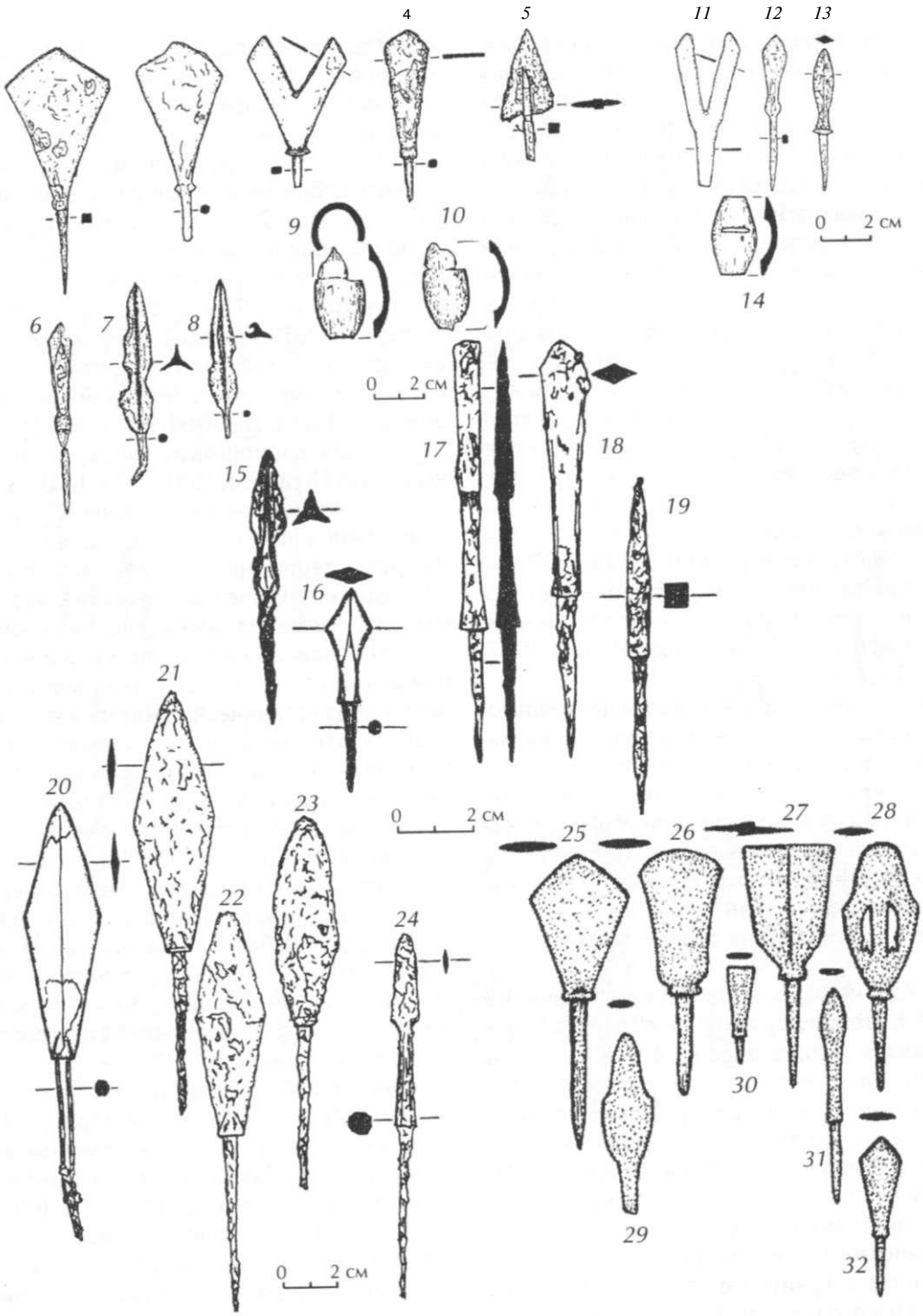

Рис. 19. Наконечники стрел (*1–8, 11–13, 15–32*) и свистунки (*9–10, 14*) енисейских кыргызов, их кыштымов, жителей Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени. *1–10, 15–24* — по С. Г. Скобелеву, *11–14* — по С. Г. Скобелеву и П. В. Мандрыке, *25–32* — по Ю. С. Худякову.

нии наконечника, в ущерб его боевой функции, декоративных деталей может свидетельствовать о том, что он использовался в качестве знака особых полномочий, подобно пайцзе (Худяков, 1982, с. 137), или в ходе особых светских и религиозных церемоний. В период позднего Средневековья и Нового времени стрела имела многочисленные символические значения. Так, церемониальные стрелы («даллага» — Зов Счастья) использовались на свадьбах, наконечники старинных стрел («тэегэрийн Сум» — Стрелы Неба) считались талисманами, предохранявшими их владельца от грома и молнии (Ермолов, 1987, с. 155). Роль стрел в культуре монгольских кочевников отразилась в употреблении слова «сум» (стрела) в различных значениях. Им называются административная единица, боковой шов монгольского платья, основная часть пут лошади и т. д. (там же, с. 155).

Помимо стрел с железными наконечниками монголы и буряты имели в своем распоряжении стрелы с костяными наконечниками. Однако они использовались преимущественно для стрельбы во время охоты и для боевых целей в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, судя по всему, массово не применялись (Михайлов, 1993, с. 17-18). В стрелковый набор алтайских лучников конца развитого — начала позднего Средневековья могли входить стрелы как с железными, так и с костяными наконечниками. Например, в погребении у с. Ело (Горный Алтай), датированном второй половиной II тыс. н. э., наряду с железными были найдены «костяные наконечники стрел двух типов: трехгранные в сечении длиной пера 45-65 мм, шириной 15 мм. И трапециевидные в сечении, изготовленные из трубчатых костей животных, на широкой плоскости видны следы костно-мозговой полости. Наконечники эти отличаются массивностью, размеры их составляют — длина пера от 51 до 90 мм, ширина 19-25 мм» (Кочеев, 1983, с. 154). Возможно, что подобные наконечники стрел в экстремальных случаях могли использоваться против противника, не имевшего металлического защитного вооружения. Как показали результаты эксперимента, «костяные наконечники, независимо от формы, хорошо пробивают органические системы защиты. На кожаном панцире они дали результат, сравнимый с результатом воздействия узкоперых и бронебойных наконечников». Однако против панцирников, облаченных в железные доспехи, стрелы с костяными наконечниками были бессильны: «При контакте с железными пластинами панцирей происходит разрушение наконечника, проникающее и ударное действие снаряда сводится к нулю» (Петренко, Петренко, 2004, с. 109).

Зафиксированный у монголов, бурят, тибетцев в период позднего Средневековья и Нового времени спектр группового и типологического разнообразия стрел с железными наконечниками, видимо, не в полной мере отражает реально применявшийся воинами этих народов набор средств ведения дистанционного боя. Если судить по результатам типологического и сравнительного анализа, то по сравнению с эпохой развитого Средневековья у монголов значительно сократилось количество типов небронебойных и особенно бронебойных стрел. В эпоху существования Монгольской империи на вооружении у монгольских воинов-лучников были трехлопастные и плоские небронебойные стрелы, подразделявшиеся в общей сложности на двадцать различных типов наконечников. Бронебойные и универсальные стрелы делились на пять групп и десять типов (Худяков, 1991, с. 123, рис. 63). По сравнению с периодом крупномасштабных завоеваний в эпоху позднего Средневековья набор небронебойных стрел у монгольских воинов сократился более чем в три раза, а бронебойных — в пять раз. Конечно, такое несоответствие является в первую очередь результатом неравномерной изученности комплексов средств ведения дистанционного боя в каждом из изучаемых периодов.

Однако в какой-то мере сокращение группового и типологического разнообразия и изменение количественного соотношения между наконечниками разных типов в эпоху позднего Средневековья по сравнению с предшествующим периодом действительно имели место. Это произошло потому, что в комплексе средств дистанционного поражения противника появилось новое для Центрально-Азиатского региона, огнестрельное, оружие, применение которого существенным образом изменило тактику боя и военное искусство в целом (Худяков, Бобров, 2004, с. 124). Обладая высокой пробивной способностью, ручное огнестрельное оружие особенно заметно потеснило «бронебойные» стрелы, типовое разнообразие которых сократилось в наибольшей степени. Также нельзя не отметить тенденцию повышения значимости наконечников стрел, применение которых могло носить универсальный ха-

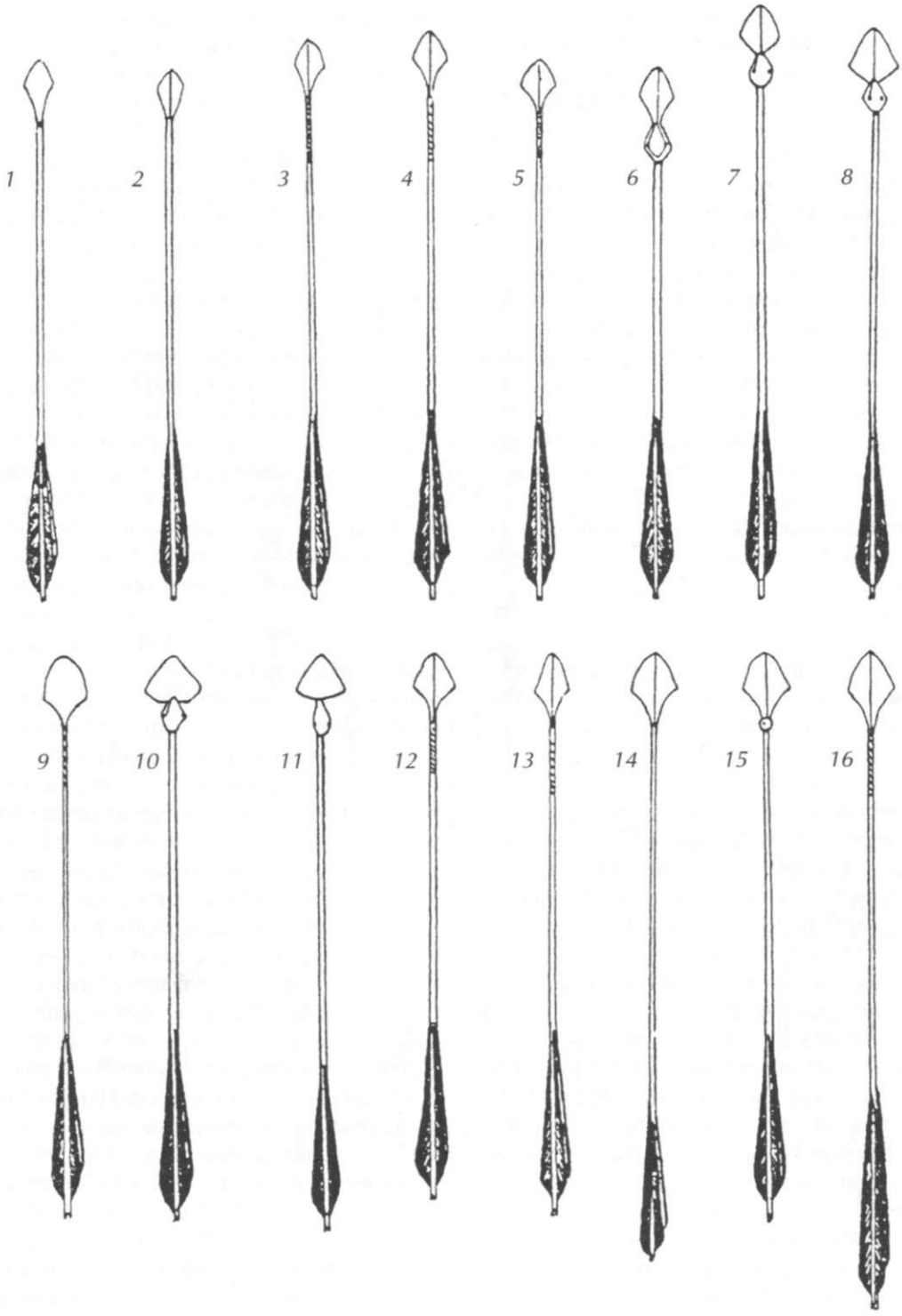

Рис. 20. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

рактер. Так, например, плоскими боеголовковыми наконечниками можно было поражать как легковооруженных, так и панцирных воинов противника, одетых в доспехи из мягких органических материалов (Петренко, Петренко, 2004, с. 106, 109). Это качество вкупе с простотой изготовления плоских стрел (что имело большое значение при их поточном массовом производстве), безусловно, повлияло на рост их популярности среди номадов. Не удивительно, что именно эта разновидность стрел получила широкое распространение в XVII—XVIII вв. Этот же процесс мы наблюдаем также в Западной Азии и Восточной Европе, где плоские боеголовковые наконечники становятся преобладающим типом наконечников стрел уже в XVI в.

Древки. Помимо наконечников, в музейных собраниях Монголии, России, КНР, США, Великобритании и других стран хранятся монгольские, бурятские и тибетские стрелы с сохранившимися деревянными древками. В Улангомском музее экспонируются стрелы с деревянными древками. Древки представляют собой длинные, округлые в сечении, деревянные стержни длиной 65 см. Торцевые части древков, в которых укреплены черешки железных наконечников, оплетены витой полоской обклейки черного цвета. Длина оплетенной части древков составляет 9-10 см. В нижней части древков к ним, симметрично с двух сторон, прикреплено двухлопастное оперение длиной 22-23 см. Для оперения выбирались перья хищных птиц орлиной породы. Нижний конец древков, от оперения до «ушка», длиной 5 см, обтянут змеиной кожей. В нижних торцах древков выпилены арочные вырезы — «ушки», в которые вставлялась тетива лука (Худяков, Бобров, 2004, с. 117) (рис. 18, *14).*

Все наконечники черешковые. Стрелы с широкими плоскими ромбовидными наконечниками вместе с луком, колчаном и налучем с поясом хранятся в МАЭ. Длина стрел составляет $^{2}/_{3}$ длины лука. Примерно $^{1}/_{4}$ древка стрелы занимает оперение. Некоторые стрелы снабжены костяным шариком-свистункой (Викторова, 1980, с. 109-111). Наконечники стрел из погребения у с. Ело (Горный Алтай) «вставлены в расщепленное древко и закреплены дополнительной обмоткой из сухожильных ниток. Диаметр округлых в сечении древок 10 мм, сохранившаяся длина 34-38 см» (Кочеев, 1983, с. 154). В книге С. Б. Ж. Базарсурэна опубликована церемониальная стрела, древко которой не имеет оперения, но снабжено обклейкой несколько ниже наконечника и ленточками в средней части (Базарсурэн, 2000, зур. 59). Бурятские стрелы были снабжены длинными отполированными древками с двухлопастным оперением из птичьих перьев, обклейкой вокруг нижней части от оперения до «ушка» и узким арочным вырезом для натягивания тетивы — «ушком» (Цултэм, 1987, рис. 9). По данным В. А. Михайлова, оперение у бурятских стрел приклеивалось к древку с трех или четырех сторон на равном расстоянии друг от друга. Для его изготовления использовались перья хищных птиц, орлов, соколов, ястребов. У бурят считалось, что для того, чтобы стрела летела, не вращаясь, нужно изготавливать оперение из хвостовых перьев птиц; чтобы стрела вращалась вправо, по ходу солнца, нужно использовать передние перья правого крыла, а влево, против хода солнца, — передние перья левого крыла (Михайлов, 1993, с. 17).

Стрелы могли снабжаться индивидуальными метками, по которым стрелок после боя, охоты или соревнований мог найти свою стрелу среди других. Этот факт вызвал удивление у нидерландского исследователя второй половины XVII в. Н. К. Витзена: «Весной этот народ (имеются в виду буряты. — *Авт.)* обычно устраивает общую охоту, называемую облавой, для чего собираются целыми селениями и верхом окружают дичь, которую загоняют вместе и убивают стрелами... Странно, что по окончании охоты каждый может узнать свои стрелы» (Хамарханов, 1988, с. 150).

Свистунки. На позднесредневековых стрелах кочевников Центральной Азии и Южной Сибири достаточно часто встречаются костяные свистунки округлой формы (рис. 15, *2, 4;* 18, *12-13, 29-30;* 19, *9-10, 14).* По сведениям информаторов Н. К. Витзена, костяные свистунки во второй половине XVII в. использовались командирами подразделений кочевников для ободрения воинов и указания направления атаки: «Стрелы у него были с утолщенным передним концом, сделанным из кости, на них три или четыре свистульки (т. е. отверстия. — *Авт.),* которые в воздухе очень громко свистят, что забавно слышать. Он рассказывал, что у них начальники военных отрядов выстреливают такие свистящие стрелы через головы своих отрядов, чтобы возбудить в них храбрость, а также для того, чтобы этим звуком в зависимости от направления, в котором

Рис. 21. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Иинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

10

Рис. 22. Изображения иинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. 1Линская энциклопедия «Хуанчао лиши тушу» (1759 г.).

они стреляют, отдавать приказы» (Хамарханов, 1988, с. 153) (рис. 19,9, *10, 14).*

Описывая стрелы бурят второй половины XVIII в., Ф. Ланганс отметил на некоторых из них костяные свистунки. Интересно, что, по данным Ланганса, свистульками снабжались стрелы, предназначенные для охоты: «Есть у них стрелы, называющиеся Кибири, у коих копейца весьма широки и остры, а с верьху копейца косточка с дырочками, от коих стрела на лету визжит, теми кибирями зверей пристреливают они на сквозь» (Ким, 1962, с. 156).

Стрелы с костяными свистунками применяли и енисейские кыргызы и их кыштымы. Бронебойные стрелы, снабженные свистунками, известны в местном эпосе под названием «сырых». Стрелы «сырых» имели четырехгранный железный наконечник и снабжались костяными свистульками. По мнению хакасских сказителей, при полете «сырых» «слышится ноющий свист стрелы, слышится непрерывный звук стонов и плача» (Бутанаев, 1981, с. 192—193).

В Тибете XVII—XVIII вв. стрелы со свистульками применялись достаточно широко. Для их обозначения использовались два основных термина «Icags mda га сап» (дословно «железная стрела со звуком») и «Icags sfaibs сап» (дословно «железная стрела с полым местом»). Традиция ведения стрельбы «свистящими стрелами» сохранялась в Тибете вплоть до Этнографического времени. По сообщениям европейских путешественников начала второй половины XX в., «до последнего китайского вторжения в Тибет, монахи в Шигацзе занимались стрельбой из лука, стреляющего свистящими стрелами». Тибетские, монгольские и цинские стрелы (рис. 20-23) могли снабжаться не только костяными, но и металлическими свистульками. Так, же-

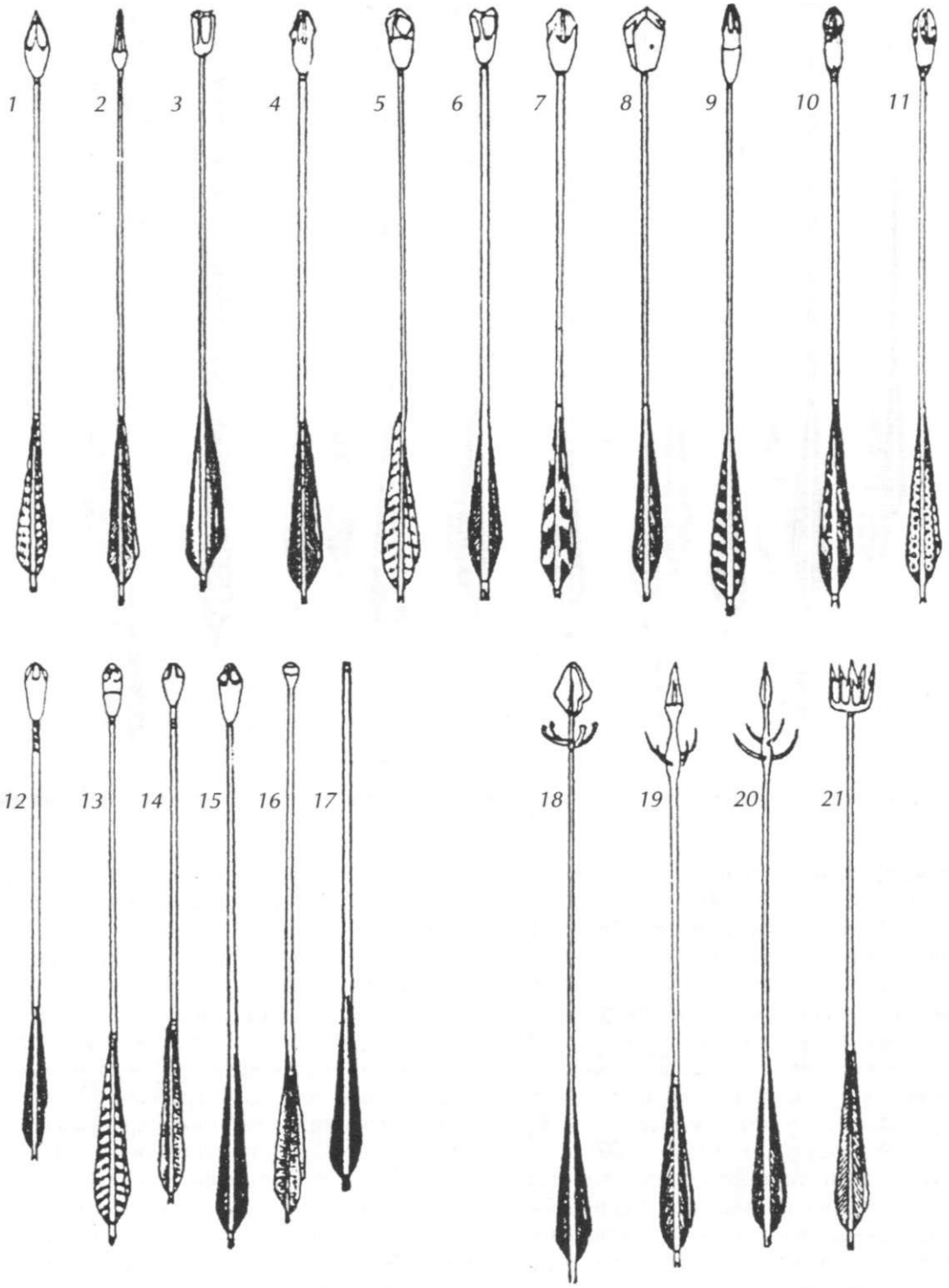

Рис. 23. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

лезной свистулькой каплевидной формы снабжен описанный выше наконечник стрелы из музея Метрополитен США. Судя по наличию золотой насечки на плоскости наконечника, стрела, в которую он вставлялся, использовалась знатным феодалом, а возможно, применялась в ходе религиозных церемоний.

3.4. Налучи

Изготовленные из кожи или материи и украшенные накладками, аппликацией и вышивкой средневековые центральноазиатские налучи (монг. «хоромсого», бурят, «хормого») служили для транспортировки и хранения луков (рис. 2).

Налучи (как и колчаны) изготовляли специально обученные мастера. Подобранную для них кожу («булиг») подготавливали особым образом. Кожу замачивали на 7-10 дней в деревянной бочке с соленой водой («арьс ганд огех»), затем чистили щеткой, растягивали и разминали до нужного состояния. Вероятно, беднейшие кочевники могли изготавливать налуч самостоятельно из кожи, шкур или материи (рис. 24).

По наблюдениям Л. Б. Ермолова, налуч изготавливался из одного куска кожи (Ермолов, 1987, с. 154). Нами также зафиксированы образцы, изготовленные из нескольких сшитых между собой кожаных сегментов.

Абсолютно преобладающим типом центральноазиатских налучей XV-XVIII вв. были /-образные футляры, повторявшие нижнюю половину лука в натянутом положении (рис. 2, *1а, б, в, г, е)*. Монгольский «хоромсого» обычно изготавливался из кожи и имел широкий горловой вырез и прорезь на днище, в которую свободно входил нижний конец лука. Лицевая часть налуча украшалась выделанной кожей, аппликацией, металлическими накладками различных форм и размеров (рис. 2). Излюбленными элементами оформления тибетских налучей были геометрический и растительный орнаменты, а также буддийские символы, выполненные черным цветом на красной, красно-коричневой или желтой плоскости налуча. Налуч «хоромсого» носился на левом боку в наклонном положении устьем вперед. К верхнему углу налуча крепились специальные кольцо или петля, посредством которых налуч подвешивался к поясу. Лук обычно вкладывался в «хоромсого» в натянутом (боевом) состоянии таким образом, что кибить оказывалась сверху, а тетива снизу. Такой способ ношения налуча — «хоромсого» максимально удобен для кавалериста при передвижении и ведении конного боя. В момент опасности всаднику (в поле зрения которого постоянно находилась кибить) надо было просто протянуть левую руку, выхватить лук и легким движением кисти развернуть его тетивой к себе, после чего можно было наложить стрелу, натянуть тетиву и произвести выстрел. Весь этот процесс занимал несколько мгновений. Перма-

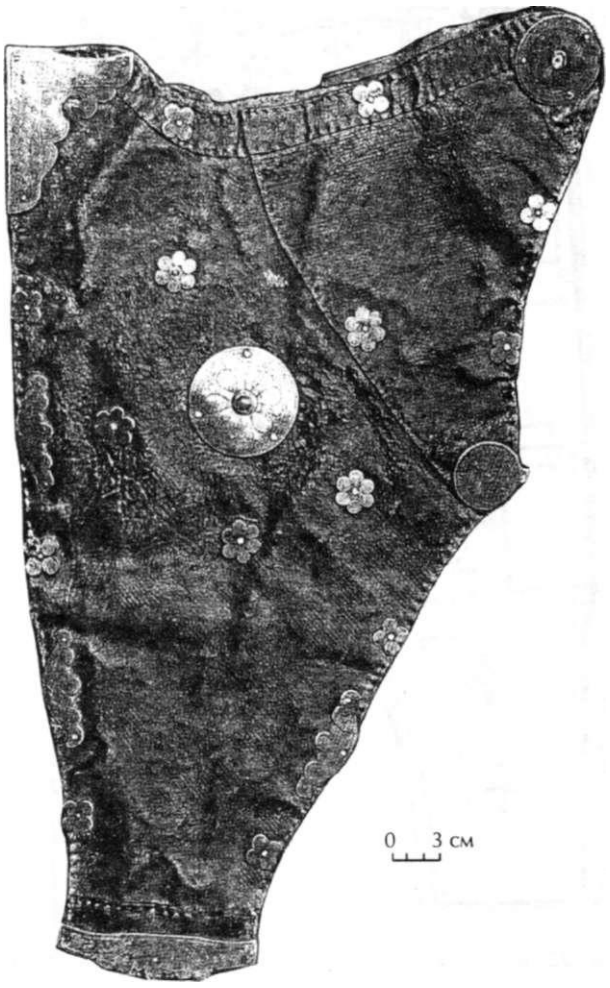

Рис. 24. Бурятский или монгольский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв. с «центральным диском» с коралловой вставкой, вырезными накладками, 4- и 6-лепестковыми бляшками. Хранится в фондах Музея истории Бурятии.

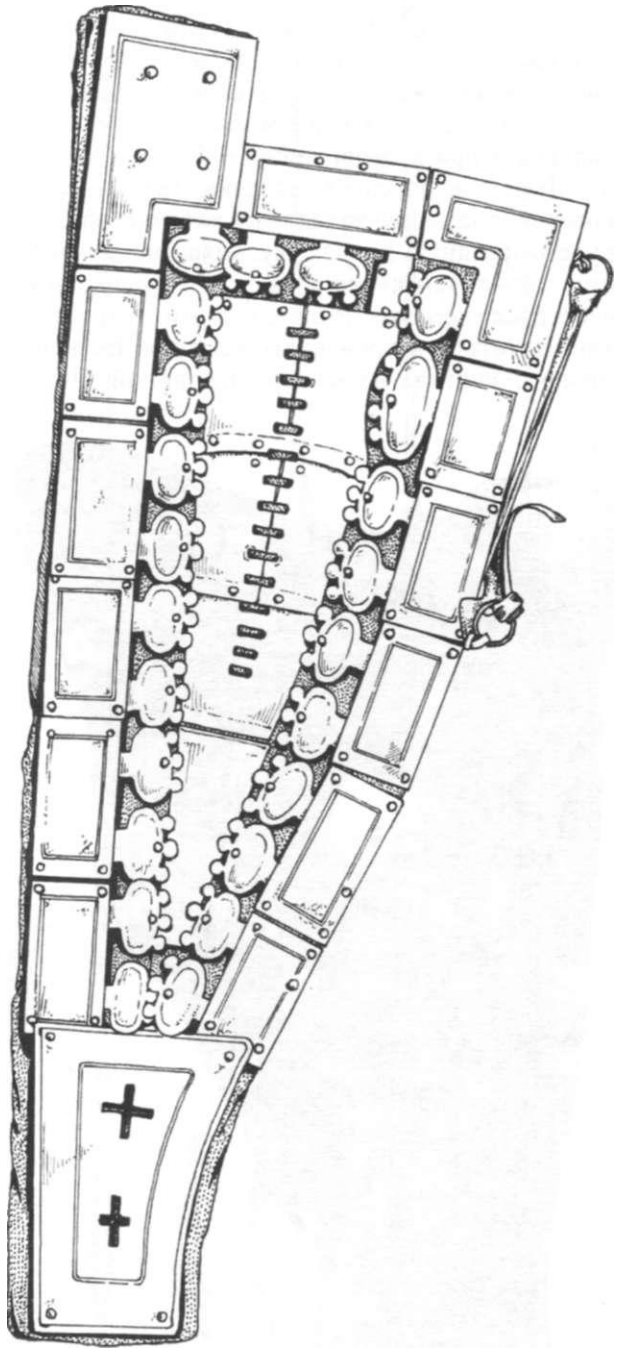

Рис.25. Бурятский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв. с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, красным тканевым покрытием лицевой части, металлической пластинчатой обкладкой по периметру, вырезными накладками с прорезными крестами. Хранится в Музее антропологии и этнографии (МАЭ).

нентная боеготовность лука с натянутой тетивой в У-образном «хоромсого» выгодно отличала налуч-«футляр» от его раннесредневекового аналога — чулкообразного налуча, в котором лук хранился со снятой тетивой. Не удивительно, что уже в период развитого Средневековья налучи-«футляры»были исключительно популярны на огромных просторах Евразии от мусульманской Испании до Кореи.

Тип 1. К-образные налучи-«футляры».

Вариант 1. Кожаный У-образный налуч-«футляр» с металлической пластинчатой обкладкой по периметру, «центральным диском» с косым («Андреевским») крестом, вырезными накладками с прорезными крестами и вставками-«ваджрами».

Включает 1 экз. из Музея истории Бурятии (инв. ОФ 7266). Налуч был приобретен в 1935-1936 гг. С. П. Балдаевым в ходе экспедиции по Иркутской области. Традиционное бурятское налучье известно в специальной литературе под названием «хормого» (рис. 28).

Налуч представляет собой чехол, сшитый из двух кусков кожи. По форме он повторяет нижнюю часть лука с натянутой тетивой. Налуч снабжен достаточно широкой составной металлической обкладкой по периметру. Она сформирована из железных пластин и полос, точно повторяющих форму края колчана. Поверх железных накладок методом ковки нанесены тонкие серебряные пластины и растительный орнамент, выполненный волоченой проволокой.

Металлическая обкладка сохранилась не полностью — отсутствуют 1-2 сегмента на нижней части «спинки» налуча. Внутренняя поверхность «хормого» заполнена железными накладками различных форм и размеров. В их оформлении прослеживаются христианские(кресты), буддийские(ваджры) и традиционные бурятские мотивы (орнаменты «бараний рог», «виноградная лоза», луки и стрелы в переплетениях растительного орнамента и т. д.). В нижней части «хормого» приклепана крупная железная прорезная пластина подтреугольной формы, представляющая собой стилизованное изображение бурятского колчана. Один из прорезов на ее поверхности выполнен в форме креста, между лучами которого расположены изображения луков со стрелами в окружении растительного орнамента. Выше подтреугольной пластины расположен «центральный диск», представляющий собой на-

кладку округлой формы с округлой нижней и трехлепестковой верхней вставками. Поверхность диска украшена изображением косого («Андреевского») креста в зубчатом ореоле. Интересным элементом оформления «центрального диска» являются три (изначально было четыре) бляшки-вставки, выполненные в форме буддийской «важдры», напоминающей стилизованную корону или пряжку с «язычком». Такими же бляшками отделана вся внутренняя сторона металлической обкладки (сохранились не все). В самом верху налуча расположена прямоугольная пластина, на которой вновь присутствует изображение креста с зигзагообразной окантовкой.

Налуч был выполнен мастерами бурят-эхиритов с верховьев рек Лены и Куды (Предбайкалье) в XVIII-XIX вв.

Вариант 2. У-образный кожаный налуч с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, металлической обкладкой по периметру, тремя прорезными дисками с лучами-«ваджрами», дисковидными бляшками.

Включает 1 экз. из МАЭ (№ 1926-8).

Футляр «хоромсого» сшит из нескольких кусков кожи. «Спинка» налуча вытянута и образует широкий прямоугольный выступ. Днище имеет традиционную прямоугольную форму. Лицевая плоскость налуча обтянута тканью.

Обкладка «спинки» представляет собой серию из пяти пластин прямоугольной формы в обрамлении стилизованных округлых фестонов и бляшек. Подъем «спинки» покрыт массивной прорезной Лобразной накладкой. Такая же накладка несколько меньшего размера, снабженная лопастью в виде буддийского символа «ваджры», выполняет роль крепежной пластины, за которой скрывается бляшка с кольцом и ремешком для подвешивания налуча к поясному ремню. Обкладка горловины и правой вырезной части налуча представляет собой комбинацию из подпрямоугольных сотовидных накладок. Обкладка днища представляет собой массивную Л-образную пластину, снабженную двумя рядами прямоугольных прорезей.

Внутреннее поле налуча украшено тремя вертикально расположенными дисками (самый крупный — вверху, самый мелкий — внизу). Два верхних диска снабжены по периметру четырьмя сквозными прорезями. Четыре исходящих из диска луча заканчиваются изображениями «ваджры», а четыре других расклепаны в виде округлых бляшек. Нижний диск не имеет прорезей и снабжен только тремя лучами-«ваджрами». «Спутниками» дисков являются четыре металлических умбона — 3 в верхней и 1 в нижней части колчана (рис. 26).

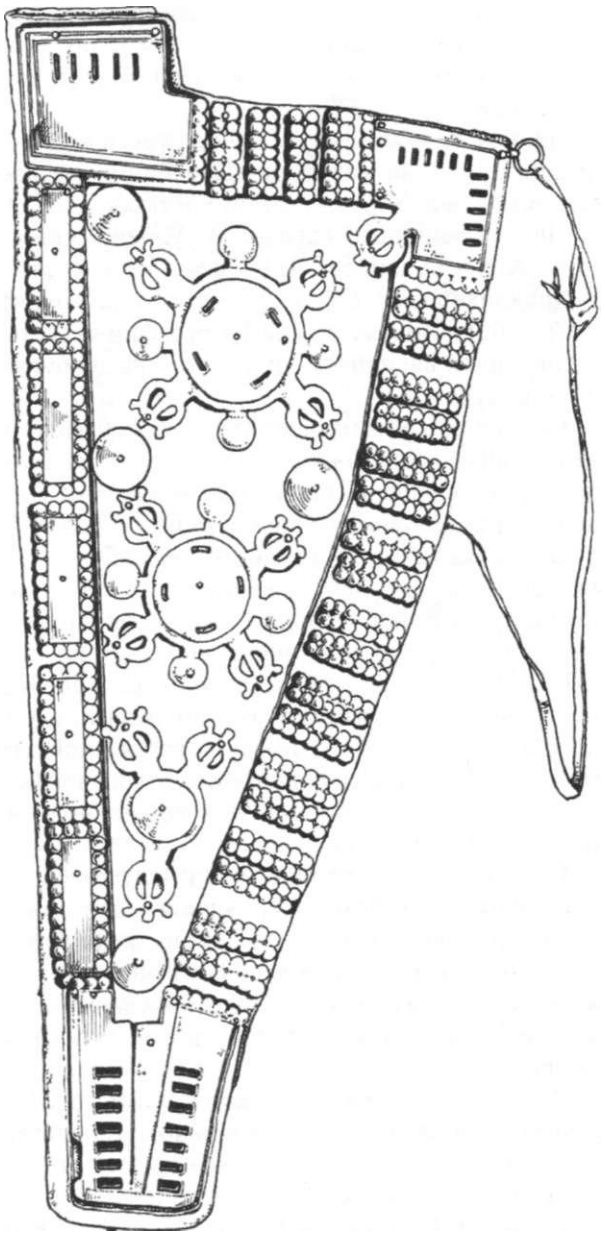

Рис. 26. У-образный кожаный налуч с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, металлической обкладкой по периметру, тремя прорезными дисками с лучами-«ваджрами», дисковидными бляшками. Хранится в МАЭ (№1926-8).

Налуч отнесен сотрудниками МАЭ к культуре прибайкальских бурят. Наличие буддийских мотивов, а также форма металлических накладок на поверхности «хоромсого» позволяют датировать его XVIII-XIX вв.

Вариант 3. У-образный кожаный налуч с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, металлической обкладкой по периметру, прорезным «центральным диском», полукруглой луновидной накладкой.

Данный вариант налуча фиксируется на фотографии бурятского охотника Предбайкалья, одетого в меховой «промысловый костюм» (рис. 36, *8)*. Фотография была сделана Л. А. Венюковым в конце XIX в. (Бадмаева, 1987, фото 5; Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят, 2002, с. 62). «Хоромсого» на фотографии является упрощенным вариантом описанного выше бурятского налуча.

Футляр «хоромсого» предположительно сшит из нескольких кусков кожи. «Спинка» налуча вытянута и образует широкий прямоугольный выступ. Днище имеет традиционную прямоугольную форму.

Обкладка «спинки» представляет собой серию из горизонтально расположенных и подогнанных друг к другу прямоугольных пластинок. Подъем «спинки» покрыт массивной Г-образной накладкой. Обкладка днища представлена трапециевидной пластиной с квадратными прорезями вдоль верхнего края. Установить форму крепежной пластины, а также конструкцию обкладки правой (вырезной) стороны «хоромсого, к сожалению, не представляется возможным.

Верхняя часть внутреннего поля налуча украшена «центральным диском» с четырьмя прорезями по периметру, напоминающим верхние диски бурятского «хоромсого» из МАЭ, но без лучей-«ваджр». «Спутником» «центрального диска» является полукруглая (луновидная) накладка с двумя С-образными прорезями.

Данный налуч, вероятно, был изготовлен в XIX в. С большой долей вероятности можно предполагать бытование подобных «хоромсого» среди предбайкальских бурят и в более ранний период.

Вариант 4. Кожаный У-образный налуч-«футляр» с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, красным тканевым покрытием лицевой части, металлической пластинчатой обкладкой по периметру, вырезными накладками с прорезными крестами.

Включает 1 экз. из МАЭ. Налуч отнесен смотрителями музея к культуре кудинских и верхоленских бурят (№ 2098-96).

Налуч («хормого») представляет собой «плоский чехол, сшитый из двух кусков выделанной кожи» (Павлинская, 1980, с. 90). Наружная сторона налуча обтянута шерстяной тканью красного цвета. Однако последняя почти невидна из-за металлических пластин — «таб», покрывающих почти всю наружную плоскость «хормого». Расположение пластин и их форма подчинены форме покроя самого налуча. Широкая металлическая обкладка состоит из подогнанных вплотную друг к другу крупных пластин прямоугольной (боковые стороны), трапециевидной и вырезной формы. Пластины «спинки» венчает большая вырезная накладка, приклепанная к поверхности налуча с помощью четырех симметрично расположенных заклепок. Верхний правый угол прикрыт обратной Г-образной накладкой. В нижней части «хормого» расположена накладка вытянутой трапециевидной формы, украшенная парой прорезных вертикально расположенных крестов. Пластины обкладки настолько плотно подогнаны друг к другу, что создается впечатление сплошной металлической полосы. Боковые и верхние пластины обкладки снабжены декоративными пластинками-вставками, образующими второй ряд обкладки. Эти пластины выполнены в виде более или менее вытянутых овалов с тремя (в одном случае с четырьмя) округлыми лучами, обращенными к центральной части налуча. Последняя покрыта четырьмя металлическими листами, расположенными друг над другом. Три верхних листа выполнены в виде трапеций, нижний имеет вытянутую подтреугольную форму (рис. 25).

Форма и система оформления налуча указывают на то, что он мог быть изготовлен в Южной Сибири в XVIII-XIX вв.

Вариант 5. У-образный налуч-«футляр» с кожаной обкладкой, вырезными пластинами и 4-лепестковыми бляшками, тремя дисками с умбончиками в обрамлении 3-лепестковых бляшек, *Л-об*разными крепежными пластинами.

Включает 1 экз. с территории Бурятии.

Налуч вместе с колчаном, саадачным поясом и набором стрел входит в состав саадака.

Налуч имеет классическую У-образную форму. Он сшит из нескольких кусков выделанной кожи и снабжен кожаной обкладкой. Налуч не имеет

вытянутой «спинки» — срез у горловины ровный. Верхний левый угол «хормого» украшен *Г*-образной металлической накладкой. К кожаной основе обкладки приклепаны 4-лепестковые бляшки. Крепежные пластины имеют Л-образную форму и напоминают стилизованное изображение летящей птицы. Похожими пластинами несколько меньшего размера отделан саадачный пояс. Центральное поле налуча снабжено тремя круглыми металлическими дисками с маленькими полусферическими умбончиками по центру. Диски снабжены по периметру 3-лепестковыми бляшками — «спутниками». Самый крупный (верхний) диск имеет — 8 бляшек, диск по центру — 6, малый (нижний) диск — 3 бляшки. Интересно, что расположение металлических дисков на колчане зеркально отличается от их места на поверхности «хормого» (самый крупный — внизу, самый мелкий — в верхней части) (рис.27, /).

Учитывая особенности оформления налуча и колчана, можно предположить, что саадак был изготовлен бурятскими мастерами Забайкалья XVII-XIX вв.

Вариант 6. Кожаный У-образный налуч-«футляр» с прямоугольным днищем, тремя дисками с умбончиками, Г-образной крепежной пластиной, накладками подпрямоугольной формы.

Данный налуч фиксируется на фотографии всадника, одетого в «традиционный костюм охотника хоринских бурят Забайкалья» (рис. 36, *9).* Фотография сделана в начале XX в. (Михайлов, 1993).

От предыдущего экземпляра данный «хоромсого» отличается простотой отделки, отсутствием лепестковых бляшек, вырезных крепежных пластин. Возможно, он входил в состав саадака менее состоятельного кочевника. Налуч имеет классическую У-образную форму. Как и в предыдущем случае, он лишен вытянутой «спинки» — срез у горловины ровный. Верхний левый угол «хоромсого» украшен небольшой подпрямоугольной металлической накладкой. Г-образная крепежная пластина повторяет форму выреза правого верхнего угла «хоромсого». Несколько ниже крепежной пластины расположена металлическая накладка подпрямоугольной формы. Центральное поле налуча снабжено тремя круглыми металлическими дисками с маленькими полусферическими умбончиками по центру. Самый крупный диск приклепан в верхней части налуча, самый мелкий — в нижней.

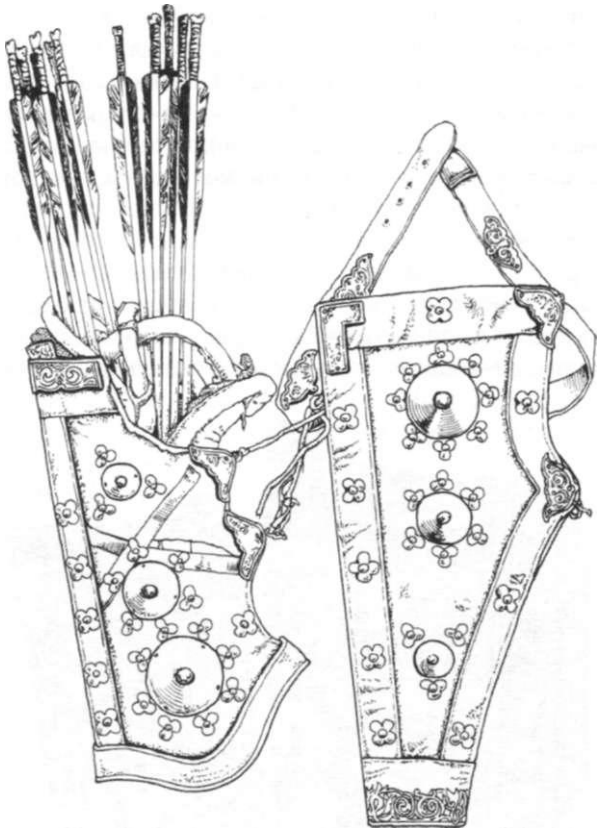

Рис. 27. Саадак забайкальских бурят XVII-XIX вв.

Учитывая особенности оформления налуча и колчана, можно предположить, что саадак был изготовлен бурятскими мастерами XVIII-XIX вв.

Вариант 7. Кожаный У-образный налуч-«футляр» с «центральным диском», с коралловой вставкой, вырезными накладками, 4- и 6-лепестковыми бляшками.

Включает 1 экз. из Музея истории Бурятии.

Данный налуч представляет собой плоский чехол, сшитый из трех кусков выделанной кожи. Размеры налуча — 55,5 х 38 см. Горловина «хормого» и его нижний вырез снабжены дополнительной окантовкой из кожи. Налуч не имеет сплошной металлической обкладки по периметру. Ее заменяют ряд вырезных пластин-накладок и 4-лепестковых бляшек. Верхний левый угол налуча занимает характерная Г-образная пластина, повторяющая внешний контур «хормого». Обращенная к центру налуча сторона пластины имеет фигурный край. Вырезные накладки, напоминающие стилизованное

изображение натянутого лука, расположены вдоль «спинки» (2 накладки) и в нижней части правой стороны налуча (1 накладка). Близкая по форме накладка, но несколько более крупных размеров окаймляет нижний вырез «хормого». Между накладками по периметру налуча размещены 4-лепестковые бляшки. Крепежные пластины выполнены в виде дисков. Декоративное оформление на их поверхности представляет собой 6-лепестковый цветок, в центре которого находится гнездо с кораллом (сохранился лишь на верхней крепежной пластине). Таким же образом оформлен «центральный диск»,

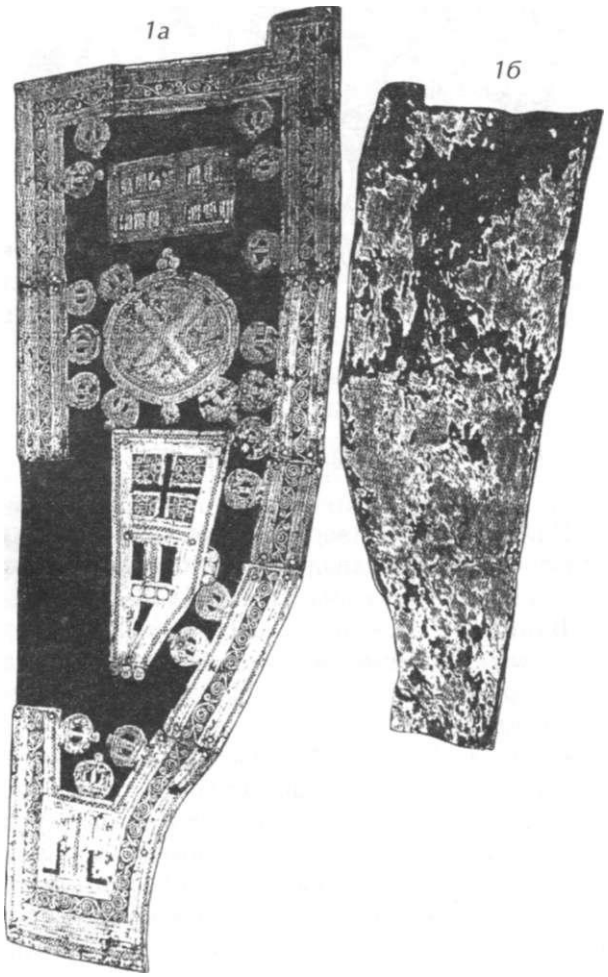

Рис.28. Бурятский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв. с металлической пластинчатой обкладкой по периметру, «центральным диском» с косым («Андреевским») крестом, вырезными накладками с прорезными крестами и вставками-«ваджрами». Хранится в фондах Музея истории Бурятии (инв. ОФ 7266).

приклепанный к кожаной поверхности «хормого» с помощью трех металлических заклепок. Его спутниками являются пять 6-лепестковых бляшек. Все металлические элементы на лицевой поверхности налуча выполнены из железа, поверх которого набиты тонкие серебряные листы (рис. 24).

Рассматриваемый налуч по своему оформлению отличается от «хормого», выполненных мастерами предбайкальских бурят XVIII-XIX вв., лицевая поверхность которых почти целиком покрыта металлическими накладками различных форм и размеров. Возможно, данный экземпляр был изготовлен бурятскими мастерами из других районов региона. Мы не исключаем также возможность, что налуч был выполнен центральноазиатскими мастерами. Практически идентичные крепежные пластины и «центральный диск» присутствуют на «горбатом» колчане из Монгольской коллекции ГЭ. Близкие по системе оформления налучи применялись монгольскими кочевниками в XVI—XVII вв. Данный экземпляр может быть датирован XVIII-XIX вв.

Вариант 8. Кожаный У-образный налуч-«футляр», украшенный аппликацией, снабженный «центральным диском» с 8 изогнутыми лучами, образующими «мальтийский крест», металлическими прорезными накладками.

Включает 1 экз. из Монгольской коллекции МАЭ (рис. 34, /). Вместе с луком, колчаном, стрелами и поясом составляет полный комплект для ведения лучного дистанционного боя — саадак (№ 507, 4274-1-2, 5982-12).

Налуч («хоромсого») и колчан выполнены в одной стилистической манере и из одного материала. Чехол налуча обтянут черной тисненой кожей («булгари») с фигурными прорезями, под которые подложена красная ткань типа бязи. Орнамент по краям прошит темной нитью, которой материя прикреплена к коже. Для большей жесткости кожа и материя проклеены. Сочетание черной кожи и красной ткани дополнено серебряными накладками, выполненными в стиле «эрхи угалз» (Викторова, 1980, с. 110-111).

Плоские прорезные металлические накладки расположены в верхних углах налуча. Правая из них выполняет роль крепежной пластины. Она снабжена специальным отверстием, в которое пропущен кожаный ремешок, соединяющий налуч с поясным ремнем. В центральной части «хоромсого»

находится выпуклая бляшка круглой формы — «центральный диск». Шесть исходящих из нее тонких изогнутых лучей образуют стилизованный «мальтийский крест» с загнутыми концами. «Спутниками» «центрального диска» выступают 8 полусферических заклепок. Металлическая бляшка, выполненная в виде трехлепесткового бутона с уплощенными лепестками, размещена в верхней части «хоромсого» вблизи крепежной пластины.

Налуч снабжен кожаными петлями и металлическими кольцами, с помощью которых он подвешен к поясу. Последний изготовлен из черной кожи, нашитой на более плотную сыромятную прокладку, обтянутую материей. Плоскость пояса покрыта серебряными бляшками, имеющими форму чередующихся круглых бляшек и прорезных накладок, покрытых орнаментами типа «ульзий» и «хамар угалз». Пояс фиксируется на талии с помощью крючка и петли из металла (Викторова, 1980, с. 111).

Форма и система оформления налуча указывают на то, что он мог быть изготовлен в Халхе в конце XVIII — XIX в.

Вариант 9. Кожаный У-образный налуч-«футляр», украшенный накладным кантом, снабженный «центральным диском», вырезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками.

Включает 1 экз. из музея г. Улан-Хабу (КНР).

Налуч представляет собой кожаный чехол, повторяющий нижнюю половину лука с натянутой тетивой. Он изготовлен из кожи насыщенного коричнево-красного цвета. Налуч не имеет донца, поэтому нижний рог лука свободно проходит сквозь вырез, а кибить плотно прилегает к передней стенке налуча. Лицевая поверхность налуча украшена накладным кантом и медными накладками. В центре налуча расположена центральная пластина округлой формы, снабженная выпуклым орнаментом. Вокруг диска были расположены 13 полусферических металлических заклепок (сохранились 13). Центральная пластина дополнена 6 лепестками V-образной формы, образованными накладным кантом. Верхние углы налуча снабжены медными накладками подтреугольной (левый угол) и трапециевидной (правый угол) формы. Обращенная к центру налуча сторона накладок снабжена полукруглыми фестонами. В правом верхнем углу налуча укреплено медное кольцо, представляющее собой стилизованное изображение полумесяца и пяти звезд (бляшки округлой формы с фестончатым краем) (рис. 32, /;34, *2)*.

В целом налуч, как и идущий с ним в комплекте колчан, выполнены в «имперском» стиле и представляют собой пример синтеза монгольской и маньчжурской оформительских традиций. Яркими элементами последней являются кольцо в верхнем углу налуча и характерный орнамент, образованный кантом на его поверхности. Саадак входил в состав комплекса вооружения одного из феодалов Южной Монголии или Халхи и был изготовлен монгольскими или маньчжурскими мастерами в конце XVII — XIX в.

Вариант 10. Кожаный У-образный налуч-«футляр», снабженный «центральным диском» в виде умбона с выпуклыми лепестками, прорезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками.

Рис. 29. Монгольский кожаный У-образный налуч-«футляр» конца XVII — XIX в., снабженный «центральным диском» в виде умбона с выпуклыми лепестками, прорезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками. Хранится в фондах Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Включает 1 экз. из Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР) (рис. 34, *3*).

Налуч представляет собой кожаный чехол, повторяющий нижнюю половину лука с натянутой тетивой. Длина «хоромсого» — 93 см. Лицевая поверхность налуча украшена аппликацией (мотив «бараний рог»), накладным кантом и медными накладками. В центре налуча расположен полусферический умбон «центрального диска» с шестью выпуклыми лепестками. «Центральный диск» окружен кольцом из полусферических заклепок-«спутников». Верхний правый угол налуча снабжен крепежной пластиной, выполненной в виде трехлепесткового бутона, обращенного лепестками в центр колчана. Плоскость крепежной пластины снабжена декоративными прорезями в стиле «бараний рог». Кроме того, сквозь плоскость накладки проходит кожаный ремешок, соединяющий налуч с поясным ремнем. Несколько ниже накладки, ближе к центру налуча, укреплено металлическое кольцо, представляющее собой стилизованное изображение полумесяца и пяти звезд (4 бляшки округлой формы с фестончатым краем, в центре — бляшка ромбовидной формы).

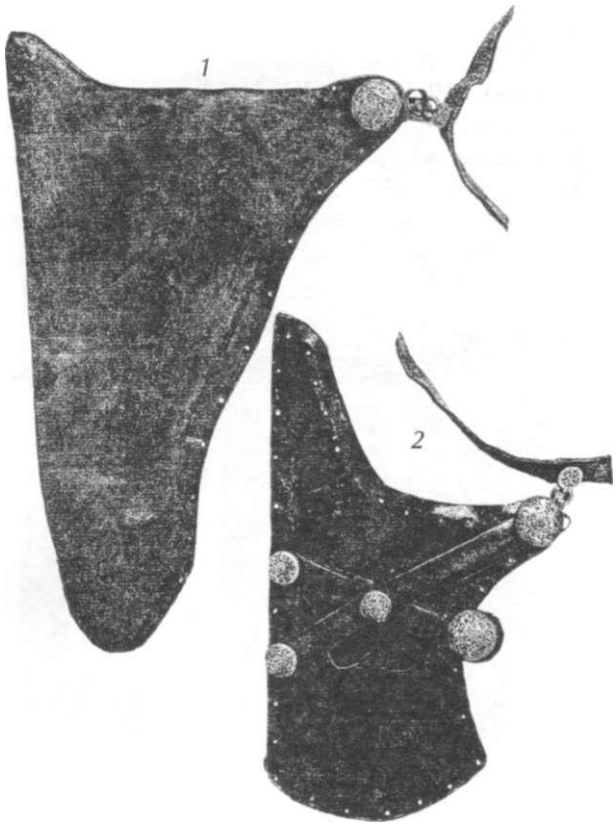

Рис. 30. Тибетский или монгольский саадак второй половины XVII — первой половины XVIII в. Саадак состоит из кожаного Y-образного налуча-«футляра» с заостренным днищем с прорезью, полусферическими заклепками по правому краю, прорезной позолоченной крепежной пластиной, черным геометрическо-растительным узором на красном фоне и трапециевидного колчана с карманом, слабовыпуклым днищем, вытянутой заостренной «спинкой», позолоченными прорезными полусферическими крепежными пластинами и ременными накладками, полусферическими заклепками по периметру, черным геометрическо-растительным узором на красном фоне. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Пояс снабжен металлическим крючком. Лицевая поверхность ремня покрыта бляшками округлой формы с изображением свастик и подпрямоугольными накладками.

Как и рассмотренный выше налуч, данный «хоромсого» выполнен в «имперском» стиле и представляет собой пример синтеза монгольской и маньчжурской оформительских традиций. Ярким элементом последней является кольцо в верхнем углу налуча. «Хоромсого» входил в состав комплекса вооружения одного из феодалов Южной Монголии или Халхи и был изготовлен монгольскими или маньчжурскими мастерами в конце XVII — XIX в.

Вариант 11. Кожаный У-образный налуч-«футляр» с заостренным днищем с прорезью, полусферическими заклепками по правому краю, прорезной позолоченной крепежной пластиной, черным геометрическо-растительным узором на красном фоне (рис. 30, /).

Включает 2 экз. — из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) и из частной коллекции. Входит (наряду с колчаном и саадачным поясом) в состав саадака, который был преподнесен в дар музею Артуром Салберджером.

Длина налуча из музея Метрополитен — 63,5 см, ширина — 41,9 см. Кожаный налуч имеет традиционную У-образную форму с немного приподнятой «спинкой». Особенностью данного налуча является оформление днища, которое имеет не обрубленную прямоугольную или трапециевидную (как на большинстве монгольских и южносибирских налучей), а вытянутую заостренную форму. Плоскость налуча украшена малым количеством металлических накладок, отсутствие которых отчасти компенсируется густым рисунком на его поверхности, что в целом характерно для тибетских налучей «gzhu shubs» и колчанов «mda shubs» XVII-XIX вв.

Металлические накладки представлены рядом мелких железных заклепок по правому краю налуча и позолоченной крепежной пластиной. Последняя выполнена в виде прорезной полусферы, в центре которой расположено изображение дракона в зарослях. Крепежная пластина снабжена специальным штырем с кольцом, с помощью которого колчан подвешивается к поясному ремню. Прорезная бляшка, к которой подвешивается колчан, имеет округлую форму. Ее плоскость украшена прорезным растительным узором.

Характерным элементом оформления налучей и колчанов Центрального Тибета периода позднего Средневековья и Нового времени является густой геометрический и растительный рисунок, нанесенный на красно-коричневую поверхность колчана тонкими черными линиями. Подобное оформление лицевой поверхности колчанов встречается уже на колчанах-«коробах» «bse dong» XV-XVII вв. К сожалению, шеллак на поверхности налуча потемнел от времени, что сделало художественное оформление трудночитаемым. Налуч снабжен изображением двойной «псевдообкладки». Внешняя полоса покрыта ромбовидном орнаментом, внутренняя — рядами ограненных свастик и розеток. Поле колчана заполнено сотовидным узором. В верхней части поля налуча (там, где у монгольских «хоромсого» размещается металлический «центральный диск») помещено изображение заполненного орнаментом круга, в центре которого различается нечеткий образ (предположительно дракон). Под диском мастером намечены контуры сходящихся туч с летящими фениксами. Три угла налуча снабжены изображениями трехлепестковых бутонов, заполненных цветочным орнаментом.

Американские ученые датируют саадак XV-XVII вв. На наш взгляд, важным датирующим признаком может служить изображение скрывающегося в зарослях дракона, появление которого на тибетском колчане может быть связано с усилением в регионе военного и культурного влияния Цинской империи. В связи с этим более точным временем изготовления колчана следует признать вторую половину XVII — первую половину XVIII в. Особо хочется отметить, что близкие по форме налучи использовали и монгольские воины XVII в. На минском рисунке XVII в. конный монгольский лучник носит на поясе У-образный кожаный колчан, снабженный по периметру полусферическими заклепками. Лицевая поверхность «хоромсого», как и описанного выше реального налуча, покрыта растительным орнаментом. Отличия заключаются в отсутствии у монгольского «хоромсого» крепежной пластины, а также в оформлении нижней части налуча. На рисунке она обрубленная, прямоугольная, а на «gzhu shubs» — приостренная.

Налуч из частной коллекции очень близок по форме и системе отделки к описанному выше налучу из музея Метрополитен. Он имеет традиционную У-образную форму с заостренным днищем и сильно выделенным «ушком». Главное отличие заключается в приподнятой «спинке» «хоромсого» и более бедном орнаменте лицевой поверхности. Правая (вырезная) сторона налуча снабжена рядом полусферических металлических заклепок. По центру верхней части футляра нанесено изображение заполненного орнаментом диска, под которым находится каплевидная эмблема.

Американские и британские ученые относят данный налуч к комплексу вооружения монгольских воинов периода позднего Средневековья. На наш взгляд, налуч имеет тибетское происхождение. На это указывают приостренное днище и характерное оформление лицевой поверхности. Налуч может быть датирован по аналогии XVII—XVIII вв.

Вариант 12. У-образный налуч-«футляр» с заостренным днищем, вытянутой «спинкой» и «ушком», выпуклыми 8-лепестковыми накладками, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами (рис. 31, *1*).

Включает 1 экз. из музея г. Хух-Хото (КНР). Вместе с колчаном входит в состав саадачного набора, преподнесенного посланцем ойратов-торгоутов цинскому императору Цяньлуну. Об этом свидетельствуют прикрепленные к налучу и колчану кусочки пергамента с надписью «Торгоуты Даши (имеется в виду торгоутский правитель Убаши-хан. — *Авт.),* с уважением дарят футляр для лука и колчан для стрел на 21 году правления Куанлонг».

Длина налуча — 62 см, ширина — 29 см. Общий покрой данного футляра принципиально отличается от описанных выше центральноазиатских аналогов. «Ушко» калмыцкого налуча расположено с левой, а «спинка» — с правой стороны (у монгольских, бурятских, тибетских налучей соответственно наоборот). Подобный покрой обусловлен способом ношения налуча. Центральноазиатские

«хоромсого» носились в наклонном положении горловиной вперед, в то время как в Западной Азии и Восточной Европе налучи традиционно крепились горловиной назад. Отличительными чертами налуча являются также вытянутая фигурная «спинка» и ярко выраженное ушко, необычное для Центральной Азии оформление лицевой поверхности.

Поле налуча снабжено черным фланелевым покрытием с окантовкой из золотой парчи по периметру. Внутреннюю обкладку колчана формируют мелкие бляшки и бусины, нашитые на его поверхность и соединенные между собой железной цепочкой. Полусферическая крепежная пластина выполнена в виде 8-лепесткового цветка и снабжена кольцом, к которому крепится ремешок, соединявший футляр с поясным ремнем.

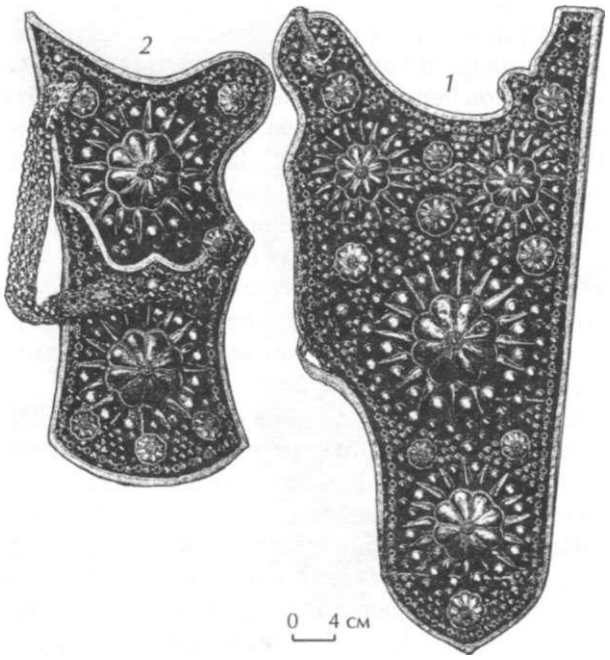

Рис.31. Калмыцкий (торгоутский) саадак конца XVII — первой половины XVIII в., состоящий из Y-образного налуча-«футляра» с заостренным днищем, вытянутой «спинкой» и «ушком», украшенный 8-лепестковыми накладками, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами, и 8-образного колчана с карманом, слабовыпуклым днишем, вогнутой приподнятой «спинкой», ярко выраженным полукруглым верхним и подтреугольным нижним «ушком», выпуклыми 8-лепестковыми накладками и крепежными пластинами, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами, ремнем из трех металлических цепочек. Хранится в фондах музея г. Хух-Хото (КНР).

По центру налуча расположен «центральный диск», выполненный в виде выпуклого 8-лепесткового цветка в обрамлении каплевидных накладок (лучей), перемежающихся полусферическими медными (?) бляхами. Подобные композиции меньшего размера расположены в нижней части налуча, а также у «ушка» и «спинки». Остальное пространство лицевой поверхности футляра заполнено 8-лепестковыми и полусферическими бляхами и бусинами. Расположение последних отнюдь не хаотично. Большинство из них сгруппированы по 6 штук в виде треугольника, другие служат спутниками крупных металлических накладок.

Покрой, а также общий принцип оформления лицевой поверхности налуча указывают на его принадлежность к западноазиатской военно-культурной традиции. Практически точно такую же форму покроя имеет налуч царя Алексея Михайловича, изготовленный турецкими мастерами Стамбула в 1656 г. Очень близки к калмыцкому аналогу налучи турецкого, российского, иранского производства, датированные XVII — началом XVIII в. (Государева Оружейная палата, 2002, с. 214-223). Преподнесенный в дар императору Цяньлуну саадак был изготовлен западноазиатскими мастерами или их калмыцкими коллегами по западноазиатским образцам в конце XVII — первой половине XVIII в. Наличие данного саадака на вооружении представителей калмыцкой знати подтверждается данными письменных источников об использовании калмыками предметов вооружения западноазиатского и восточноевропейского образцов (рис. 35).

Тип 2. Трапециевидные налучи без донца.

Данный тип налучья фиксируется на поздних тибетских материалах второй половины XVIII — начала XX в. От описанных выше У-образных «хормого» и «хоромсого» он отличается не только формой «футляра», но и конструкцией. Первое отличие — длина. В длину трапециевидные налучи обычно составляют около 20-25 см. Такие малые размеры обусловлены конструкцией и предназначением налуча данного типа. Трапециевидные налучи не имеют донца, благодаря этому «футляр» покрывает лишь центральную часть лука, в то время как большая часть «плеч» и «рогов» лука выходят по обе его стороны (рис. 2, *1д*). Форма налуча напоминает покрой трапециевидных колчанов. Возможно, что первоначально в качестве трапециевидных налучей использовались кожаные колчаны с

вырезанным донцем. Большинство известных на сегодняшний день налучей без донца имеют приподнятую «спинку», выпуклое днище, кожаную обкладку и пару округлых крепежных пластин. Учитывая конструкцию и форму налуча можно предположить, что он использовался в основном для транспортировки луков, но не для их хранения. В случае непогоды «плечи» лука должны были подвергаться известному воздействию стихии. Если в У-образных налучах верхнюю (открытую) часть лука в подобных случаях можно было покрыть специальным чехлом, то закрыть нижнюю часть лука, помещенного в налуч без донца, достаточно проблематично. Таким образом, в погоне за декоративным эффектом были во многом утеряны функциональные свойства традиционных центральноазиатских налучей. Появление налучей без донца мы связываем с постепенным вытеснением саадаков из военного обихода и ростом значения ручного огнестрельного оружия на поле боя.

Вариант 1. Трапециевидные налучи без донца, с приподнятой «спинкой», приостренным днищем, кожаной обкладкой, округлыми крепежными пластинами, «центральным диском», накладным кантом, граненными бляшками.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) и 7 экз. из монастырских собраний Тибета.

Налуч из музея Метрополитен имеет приподнятую «спинку», приостренное днище и пару «ушек», к которым приклепаны округлые металлические крепежные пластины. По периметру (кроме «спинки») налуч снабжен кожаной обкладкой, покрытой полосой из граненых сходящихся на конус квадратных в основании бляшек. Внутреннюю обкладку формируют два кожаных канта. В центральной части колчана помещен «центральный диск», выполненный из органических материалов. В нижней части налуча размещена сердцевидная нашивка, выполненная тонким кантом (рис. 34, *4)*. Данный экземпляр налуча был предположительно изготовлен в XIX в.

Таким образом, У-образные налучи были абсолютно преобладающим типом налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири на протяжении большей части позднего Средневековья и Нового времени. Их изображения фиксируются уже на иконографических памятниках III—IV вв. В результате длительного противоборства с чулкообразными налучами (в которых луки хранились со снятой тетивой) в период развитого Средневековья У-образные «хормого» и «хоромсого» одерживают убедительную победу. Вероятно, решающим фактором стала высокая скорострельность луков, помещенных в У-образные налучи (они хранились в них с натянутой тетивой). Что касается остроты конкуренции с чулкообразными аналогами, то она была скорее всего обусловлена конструктивными особенностями раннесредневековых луков. Однако эта тема продолжает оставаться дискуссионной в связи с невозможностью проведения соответствующих научных экспериментов (Горелик, 1995, с. 380).

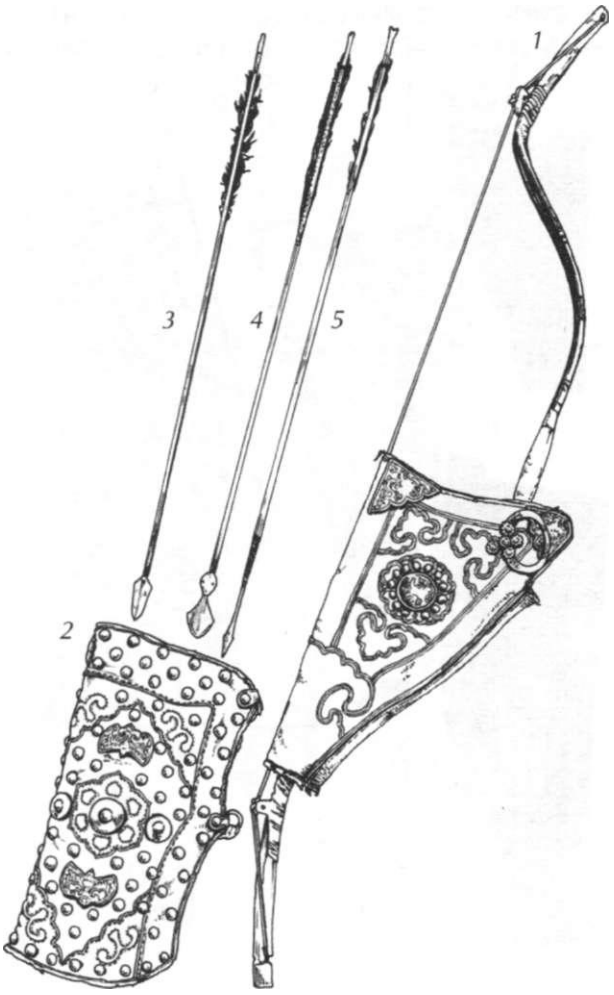

Рис. 32. Южномонгольский (пинский) саадак конца XVII — XIX в.

Проанализированный материал позволяет выделить несколько характерных оформительских традиций (и соответственно типов), использовавшихся позднесредневековыми кочевниками различных районов Центральной Азии и Южной Сибири при изготовлении кожаных У-образных и трапециевидных налучей. С некоторой долей условности их можно определить, как: «тибето-монгольская», «центральноазиатская», «предбайкальская», «забайкальская», «позднетибетская» (рис. 2, /).

Отличительными чертами налучей «тибетско-монгольского» типа (рис. 2, *1а)* были небольшое количество металлических накладок на лицевой поверхности налуча (на которой нередко сохранялись лишь крепежные пластины и заклепки), кожаная обкладка «футляра» и густой геометрическо-растительный орнамент, покрывающий его верхнюю часть. Этот способ оформления налуча — один из самых древних в серии. Он восходит к монгольским налучам периода развитого Средневековья. В период позднего Средневековья он широко использовался лучниками Тибета, а также кочевниками Южной и, вероятно, Восточной и Западной Монголии. На это указывают изображения монгольских «хормого» XVII в. (рис. 36,*6)* и дошедшие до нашего времени подлинные тибетские кожаные налучи (рис. 30, /). Отличительной конструктивной особенностью последних является приостренное днище (у монгольских колчанов оно преимущественно прямоугольной формы), а также красно-золотое поле, покрытое буддийскими символами, геометрическими фигурами и растительным орнаментом, нанесенными черным цветом.

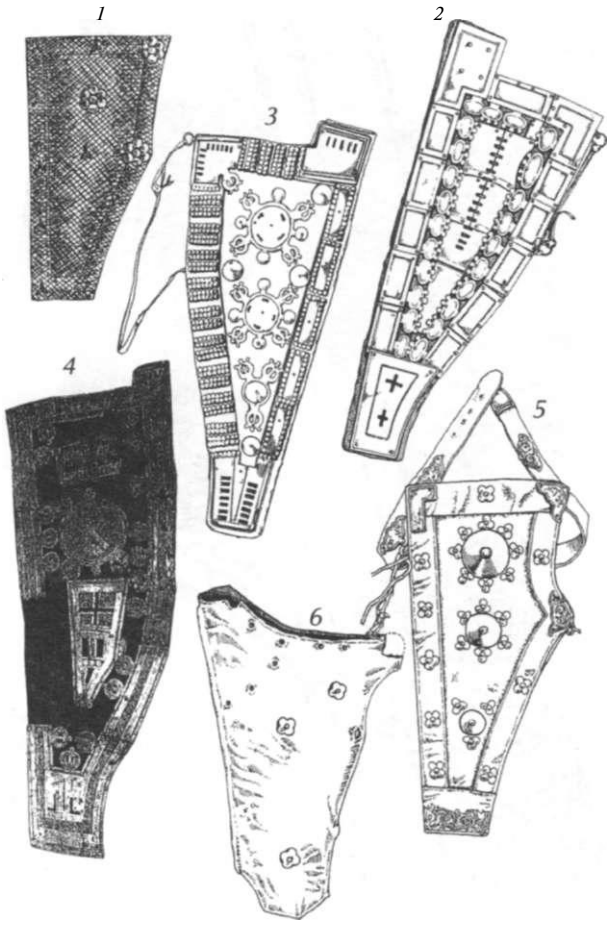

Рис. 33. Южносибирские налучи периода позднего Средневековья и Нового времени: 7-5 — бурятские; 6 — кыргызский (?).

«Центральноазиатский» тип оформления налучей (рис. 2,*16)* был преобладающим на территории Монголии и значительной части Южной Сибири на протяжении большего периода позднего Средневековья и Нового времени. Отличительной чертой данного типа оформления являлось наличие в верхней или средней части «хормого» так называемого «центрального диска» — плоской или выпуклой пластины округлой формы, по мнению некоторых ученых символизировавшей солнце, а также относительно небольшого количества других металлических накладок. Обкладка налучей «центральноазиатского» типа могла быть кожаной или (реже) металлической. Частым дополнительным элементом были вырезные металлические накладки на днище, многолепестковые металлические бляшки, полусферические заклепки. Крепежные пластины на налучах периода позднего Средневековья имеют преимущественно округлую форму. Поздние экземпляры характеризуются крепежными пластинами, выполненными в форме прорезной плоской накладки подтреугольной формы, покрывающей правый угол «хормого». Лицевая плоскость налуча могла также украшаться аппликацией, накладным кожаным или матерчатым кантом. Характерными элементами оформления центральноазиатских колчанов и налучей периода позднего Средневековья и Нового времени являются украшения в виде сгруппированных по 3-5 штук полусферических заклепок или накладок в виде 3-5-лепестковых «цветков», в центре которых размещается заклепка. По мнению некоторых исследователей,

подобные украшения появились достаточно поздно — в конце XVIII — XIX в., однако данные иконографии опровергают его. Украшения в виде компактно расположенных заклепок или цветкообразных накладок встречаются на монгольских иконографических памятниках XVII в. (рис. 36, *I -2, 7)* и на тибетских танках на протяжении всего XVIII в. (рис. 36, *II*). Налучи «центральноазиатского» типа стали широко применяться монгольскими кочевниками не позднее периода развитого Средневековья. Если тибето-монгольский принцип оформления налучей восходит к периоду развитого Средневековья, то изображения налучей, выполненных в центральноазиатской стиле, датируются IX-X вв. (Горелик, 1995, с. 376, табл. 46, рис. 20). Близкие по конструкции и оформлению налучи использовали чжурчжэньские воины времен Цзиньской империи (Бобров, Худяков, 2003, с. 172, табл. 3, рис. 3). Достаточно развитые варианты налучей «центральноазиатского» типа демонстрируют нам юаньские и хулагуидские изобразительные источники XIV в. (Горелик, 2002, с. 60, рис. 9, 11, 12). Классические варианты, украшенные «центральным диском», вырезными накладками, лепестковыми бляшками и заклепками, фиксируются на монгольских иконографических памятниках XVII в. В период позднего Средневековья и Нового времени данный тип оформления налучей имел широчайшее распространение в Чахаре, Халхе, Джунгарии, Северной Монголии, Бурятии, а также, вероятно, на Алтае и в Минусинской котловине. Близкое оформление имели и маньчжурские (впоследствии цинские) позднесредневековые налучи. Однако их «центральный диск» был гораздо мельче, верхний правый угол был снабжен металлическим кольцом, выполненным в виде полумесяца со звездами (рис. 2, *1е*\ 37-38).

Отличительной чертой налучей «предбайкальского» типа (рис. 2, *1в)* является традиция закрывать лицевую плоскость налуча металлическими накладками различных размеров и форм. Налучи данного типа обычно имеют широкую металлическую обкладку, составленную из пластин подпрямоугольной формы, Г-образных, Л-образных и трапециевидных угловых накладок. Внутреннее поле «хоромсого» покрыто железными листами, полусферическими умбонами, вырезными накладками, под которыми почти скрывается органическая основа налуча. На поздних экземплярах характерным мотивом являются изображения религиозных и культовых символов: крестов (обычных и «косых» — «Андреевских»), буддийских «ваджр», стилизованных языческих «небесных» саадаков. Поверх железных полос и листов набиты тонкие серебряные пластины, покрытые густым (преимущественно растительным) узором. Вероятно, традиция покрывать плоскость налуча металлическими листами получила распространение среди предбайкальских бурят еще в начале периода позднего

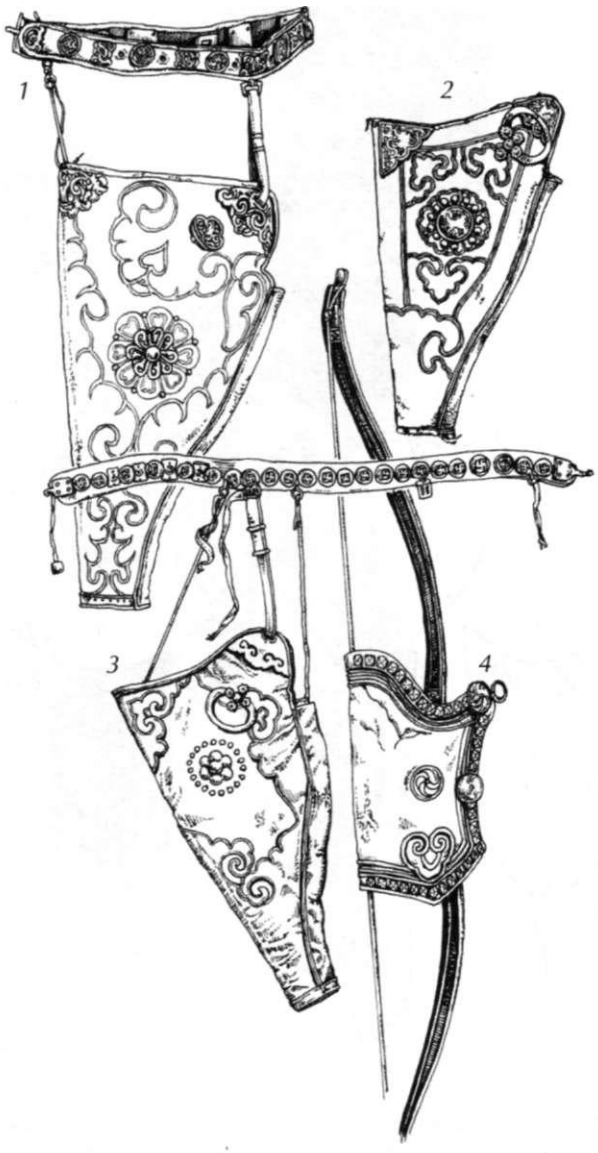

Рис. 34. Центральноазиатские налучи XVIII–XIX вв., выполненные в «имперском» стиле (*1–3* — монгольские, *4* — тибетский).

Средневековья. Позднесредневековые бурятские эпические произведения и русские письменные источники XVII в. неоднократно упоминают эту особенность отделки бурятских налучей и колчанов. Наиболее богато отделанные металлом экземпляры относятся к концу интересующего нас периода — XVIII-XIX вв.

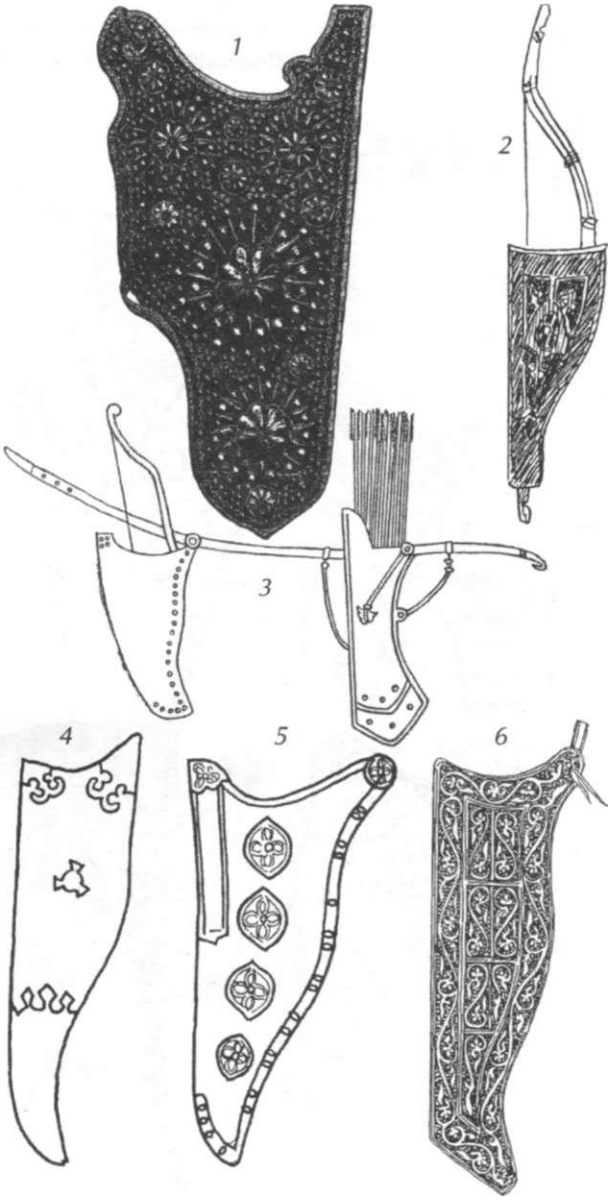

Рис. 35. Калмыцкий налуч «западноазиатского» типа конца XVII — первой половины XVIII в. (?) и казахские налучи периода позднего Средневековья и Нового времени (2,*4-6* — по К. С. Ахметжану; *3* — по Ч. Ч. Валиханову).

Традиционным элементом украшения налучей «забайкальского» типа (рис. 2, /г) является комбинация из трех вертикально расположенных дисков с умбончиками. Самый крупный из дисков обычно располагается в верхней части «хоромсого», а самый мелкий — в нижней (интересно, что при оформлении колчанов применяется обратный принцип — самый крупньГй диск внизу, а самый мелкий вверху; этот факт был обусловлен формой покроя налучей и колчанов соответственно). «Хоромсого» рядовых кочевников кроме трех дисков обычно снабжались кожаной обкладкой по периметру, небольшим количеством вырезных металлических накладок (по углам) и крепежной пластиной. Налучи знати имели обкладку, составленную из металлических пластин подпрямоугольной формы. Углы налуча покрывались массивными (иногда прорезными) накладками Г-образной, Л-образной и трапециевидной формы. Три диска в центральной части украшались вставками в виде «ваджр» или округлых бляшек, их «спутниками» выступали более или менее выпуклые металлические умбончики, вырезные накладки различных размеров и форм. Установить точное время появления и распространения данного типа «хоромсого» на сегодняшний день не представляется возможным. Ясно лишь, что в XVIII — начале XX в. они были исключительно популярны среди забайкальских, в меньшей степени предбайкальских бурят. На наш взгляд, начальный этап эволюции налучей «забайкальского» типа приходится на период позднего Средневековья. Образцом для забайкальских мастеров послужили классические «хормого» «центральноазиатского» типа, снабженные «центральным диском» и крупными вырезными накладками.

«Позднетибетские» налучи имеют не У-образную, а трапециевидную форму, напоминающую форму позднесредневекового колчана «хаадак», что позволило нам отнести их в отдельный тип (рис. 2, *1д).* Отличительной особенностью данного типа налучей была не только форма «футляра», но и его конструкция. Большинство «позднетибетских» налучей не имели донца. Фактически налуч покрывал лишь центральную часть лука, в то время как его «плечи» и «рога» выходили за пределы «футляра». Данный тип налучей получил известное распространение в Тибете во второй половине XVIII — начале XX в. Он был также известен в Бутане, Непале и Северной Индии.

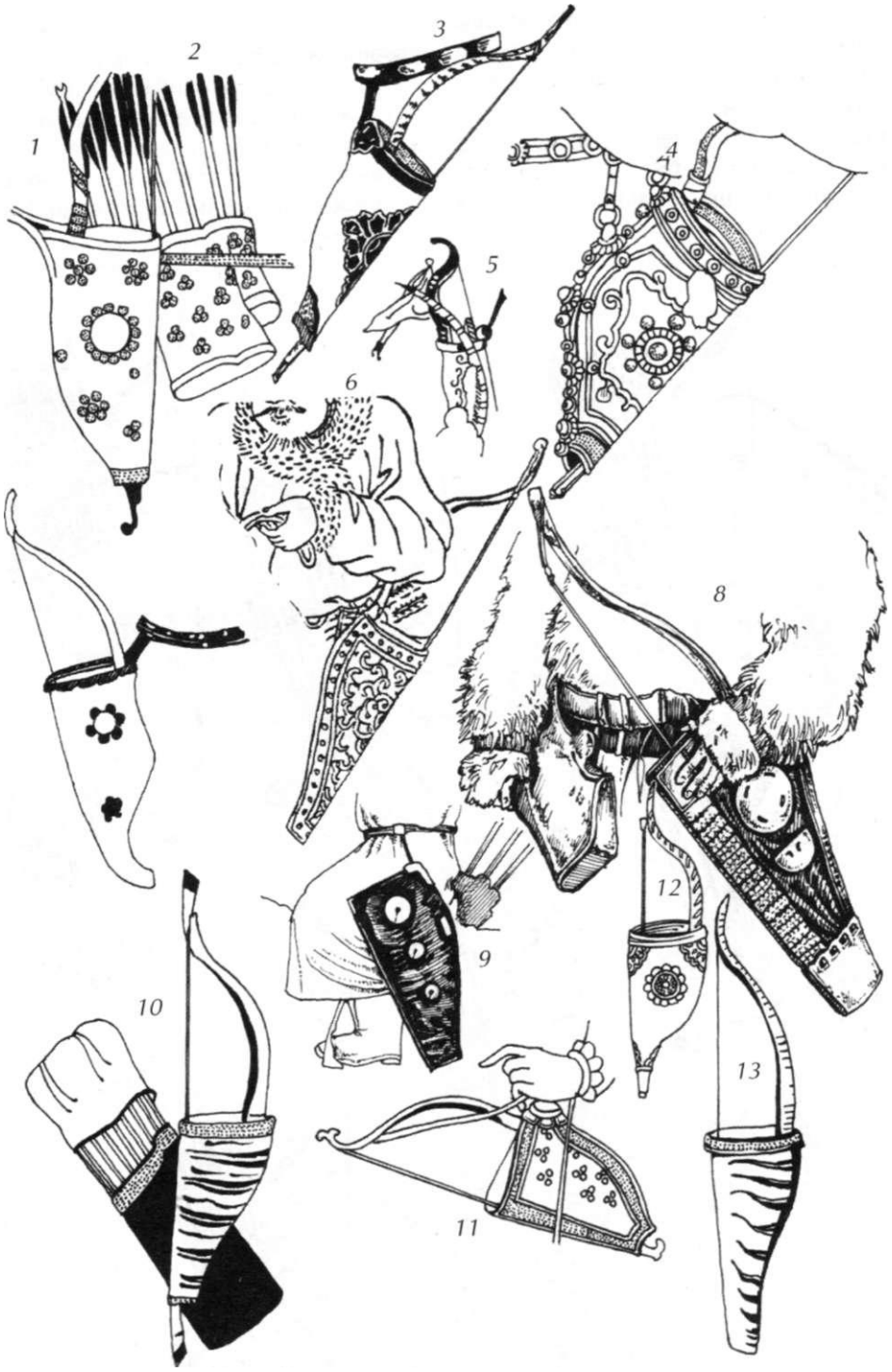

Рис 36. Изображения центральноазиатских и южносибирских налучей и саадачных наборов XIV-XIXВВ *(1-2 5-7* -монгольские XV-XVII вв.; *3-4* - юаньские второй половины XIII — первой половины XIV в.; *8-9* -бурятские; *10-11, 13* —тибетские XVIII-XIX вв.; *12* -монгольский XVIII-XIX вв.).

В завершение еще раз подчеркнем, что в названия оформительских типов налучей вынесены регионы, где их употребление имело преимущественный или преобладающий, но не абсолютный характер. Это означает, что, например, в Тибете могли употребляться не только «тибето-монгольские» налучи, но и «хормого» «центральноазиатского» типа с «центральным диском». С большой долей уверенности можно утверждать, что, например, «центральноазиатский» тип налучей кроме монгольских употреблялся также бурятскими, маньчжурскими и тибетскими лучниками. А «забайкальские» и «предбайкальские» «хоромсого» встречались на вооружении не только бурятских, но и

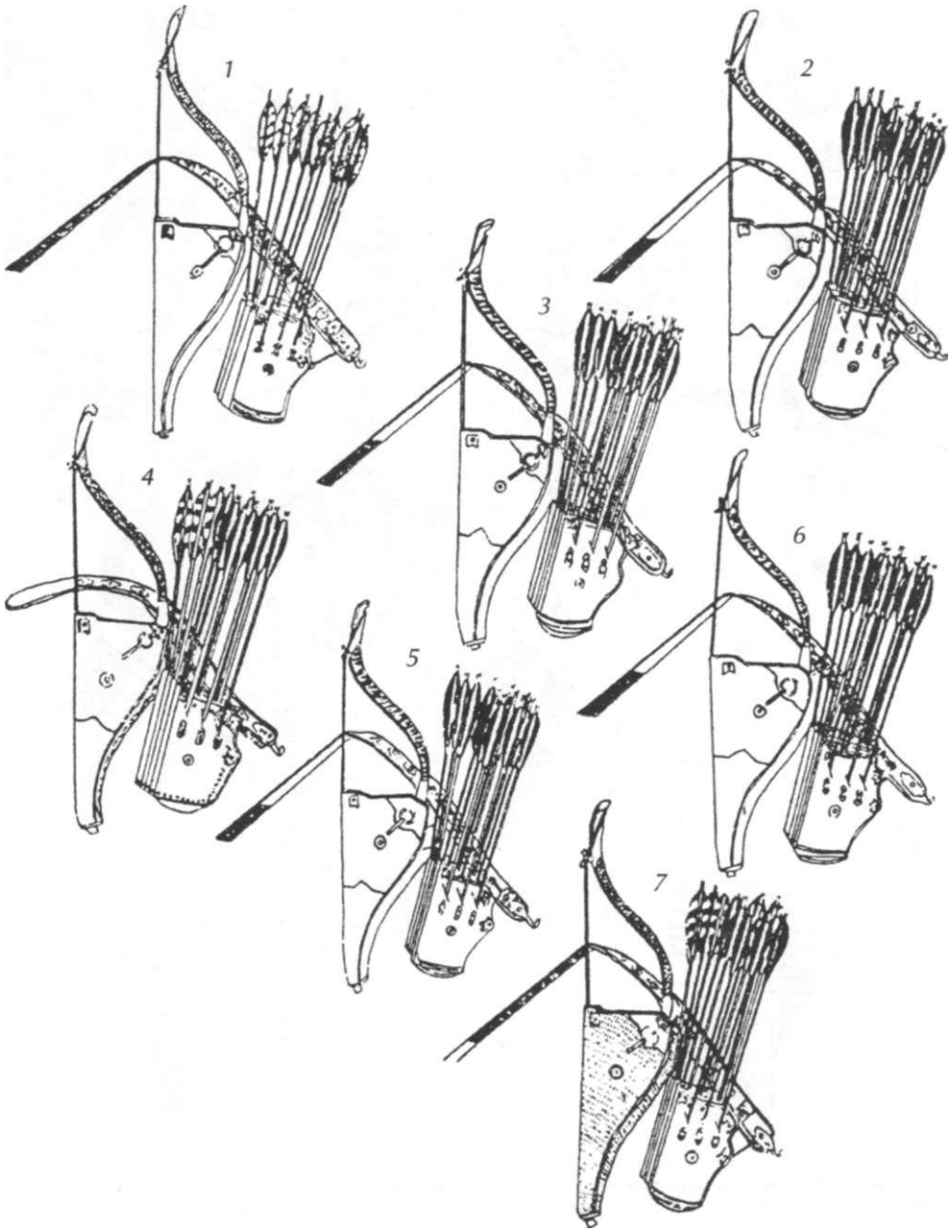

Рис. 37. Изображения цинских налучей и колчанов. 1_1инская энциклопедия «Хуанчао лиизи тушу» (1759 *г.)*

северомонгольских стрелков. На стыках основных типов создавались различные комбинированные варианты.

По мере включения монгольских и тибетских государственных образований в состав Цинской империи в оформлении центральноазиатских налучей начинают все чаще встречаться восточноазиатские элементы (металлические угловые кольца, выполненные кантом накладные узоры, «центральные диски» в виде миниатюрных умбончиков и т. д.) (рис. 29), в то время как в Южной Сибири, вошедшей в состав Российской империи, продолжали развиваться традиционные для региона способы оформления налучей. В западном анклаве центральноазиатского кочевого мира — Калмыцком ханстве во второй половине XVII — XVIII в. наряду с типичными монгольскими типами налучей и колчанов получают распространение саадаки западноазиатского и восточноевропейского образцов.

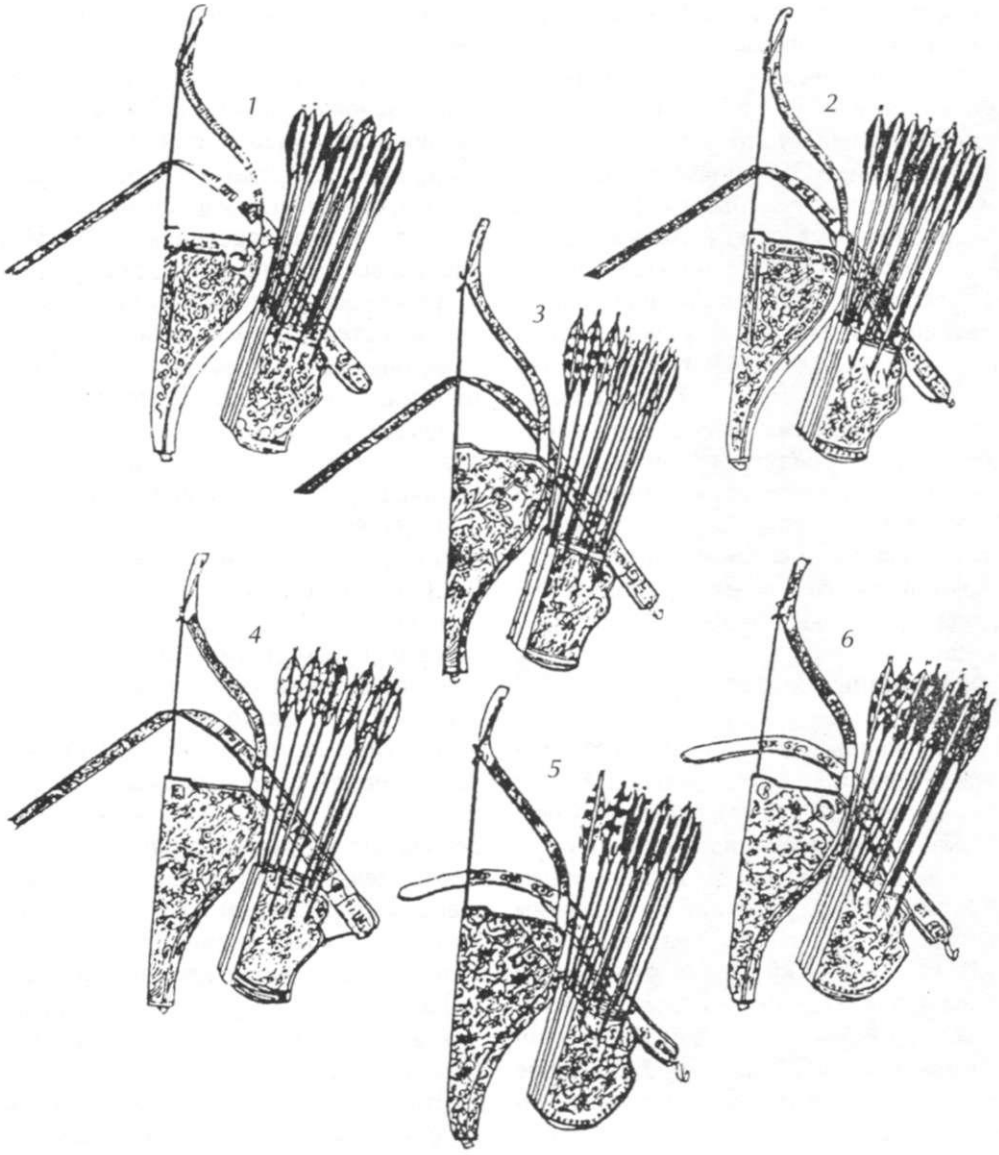

Рис. 38. Изображения цинских налучей. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

3.5. Колчаны

В период позднего Средневековья и Нового времени кочевники Центральной Азии и Южной Сибири использовали два основных вида колчанов: колчаны-«короба» и колчаны-«футляры» (рис. 3).

Первый вид колчанов представлял собой длинный, вытянутый «короб», выполненный из бересты или кожи, на каркасе из деревянных реек или железных прутьев. Внутреннюю стенку «короба» делали плоской, а внешнюю (лицевую) — выпуклой. Характерным элементом оформления данных колчанов было расширяющееся устье, выполненное в виде стоячего воротника с округлым или веерообразным (подпрямоугольным) верхом, образованного вытянутой «спинкой» и боковинами колчана или являвшегося отдельным элементом его оформления (рис. 3, /). В такой колчан стрелы клали наконечниками вверх, поэтому, чтобы не помять их оперение, «короб» расширяли у днища. Колчаны-«футляры» изготавливали из нескольких кусков кожи. Они представляли собой достаточно узкий футляр подпрямоугольной формы, в который стрелы помещались наконечниками вниз, а оперением вверх (рис. 3,*3-6)*. Чтобы не перепутать различные типы стрел, колчан снабжался специальными мягкими матерчатыми жгутами, которые делили внутреннее пространство «хаадака» на секции. Лицевая плоскость колчанов-«футляров» покрывалась декоративными накладками различных форм и размеров.

Колчаны-«короба»

Данный вид колчанов имел широчайшее распространение среди кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период раннего и развитого Средневековья. Колчаны-«короба», изготовленные из бересты и кожи, использовали енисейские кыргызы (Худяков, 1980, с. 112-117), древние тюрки, воины раннесредневекового Восточного Туркестана, монголы XIII—XIV вв. Данный вид колчанов известен в основном по изобразительным материалам и находкам колчанов и их деталей в средневековых погребениях. Тем большее значение имеют дошедшие до нас практически в не поврежденном виде тибетские или монгольские колчаны-«короба», датированные на основании углеродного анализа концом XIII — началом XV в. (рис. 39, 40, 41).

Тип 1. Колчаны-«короба» из тростника и кожи на металлическом каркасе, с ребром жесткости и «воротником».

Вариант 1. Колчаны-«короба» из тростника, крытого кожей, на металлическом каркасе, с ребром жесткости и «воротником» типа «замочная скважина», подтреугольным в сечении днищем, металлическими накладками (рис. 39, /).

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США). Был передан в музей Артуром Салзберджером.

Общая длина колчана — 82,6 см. Он представляет собой вытянутый, расширяющийся книзу короб с выпукло-треугольной лицевой частью и плоской тыльной стороной, снабженный в верхней части «воротником» округлой формы. Корпус колчана выполнен из тростника или расщепленного бамбука, покрыт кожей и снабжен металлическим каркасом (состоит из «воротника», обкладки, усилителя ребра жесткости по центру короба).

Обкладка по периметру колчана представляет собой систему из нескольких железных полос, украшенных металлическими заклепками с полусферическими шляпками. Полоса на левой стороне «короба» снабжена двумя железными петлями, сквозь которые продевался кожаный ремешок, соединявший колчан с поясным ремнем.

Верхняя часть колчана снабжена стоячим «воротником», выполненным в виде замочной скважины. Обод «воротника» сделан из медного сплава и украшен полусферическими заклепками и невысоким выпуклым бортиком. В качестве материала для тыльной стороны «воротника» используется вырезанный кусок толстой кожи.

Верхняя часть лицевой стороны «короба» колчана имеет выпуклую, полусферическую в разрезе форму. Она украшена горизонтальными рядами декоративных округлых заклепок различных размеров. Центральная и нижняя части «короба» снабжены осевым ребром жесткости, благодаря которому днище колчана имеет подтреугольную форму. Верхняя часть ребра жесткости (по центру колчана) дополнительно усилена двускатной железной накладкой. Центральная часть колчана облицована черной кожей.

Нижняя треть колчана снабжена продольными деревянными ребрами (по 6 с каждой стороны от осевого ребра жесткости), покрытыми тонкой кожей светло-коричневого цвета. Благодаря этому

элементу плоскость колчана имеет «играющую» поверхность из чередующихся полос черной и желто-коричневой кожи.

Плоская тыльная сторона колчана обклеена простой коричневой кожей.

Воин носил колчан на правом боку под углом, горловиной вперед. Стрелы в нем хранились наконечниками вверх. Открытая, снабженная «воротником» горловина колчана позволяла воину выбрать стрелу именно с тем наконечником, который был востребован в данный момент боя (бронебойный, для стрельбы по бездоспешному противнику и т. д.). Выверенные, изящные и при этом сугубо функциональные конструкция и форма колчана указывают на то, что он является результатом эволюции древней оружейной традиции, берущей свое начало в период раннего Средневековья и достигшей высшей точки своего развития на границе развитого и позднего Средневековья.

21 марта 2005 г. колчан прошел тестирование в Аналитической лаборатории радиоуглеродного датирования (США), которое показало (с вероятностью 95%), что колчан был изготовлен во временном промежутке с 1290 по 1410 г. Учитывая, что значительную часть данного периода Тибет находился под политическим и военным влиянием монголов, можно предположить, что автором колчана мог быть как монгольский, так и тибетский оружейник.

Тип 2. Цельнокожаные колчаны-«короба» с ребром жесткости, полукруглым в сечении днищем и «воротником».

Главное отличие данного типа колчанов от описанного выше заключается в том, что при его изготовлении не использовались металлические элементы (каркас, накладки и т. д.).

Вариант 1. Колчаны-«короба» из кожи, с осевым ребром жесткости, полукруглым в сечении днищем, «воротником» типа «замочная скважина» и декоративными кожаными накладками.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США). Был передан в музей Артуром Салзберджером (рис. 3, *I*; 39, *2)*.

Общая длина колчана — 78,1 см. Он представляет собой вытянутый, расширяющийся книзу короб, с выпукло-треугольной лицевой частью и плоской тыльной стороной, снабженный в верхней части «воротником» округлой формы. Корпус колчана выполнен из коричневой кожи и снабжен кожаными накладками. Единственным некожаным элементом конструкции колчана является небольшая деревянная пластина, расположенная на внутренней стороне колчана.

Вытянутый «воротник» колчана выполнен из кожи, выгнутой в форме замочной скважины. Собственно «короб» изготовлен из нескольких кусков кожи. Его лицевая поверхность визуально делится на две части. Верхняя часть «короба» имеет своеобразное ребро жесткости, образованное вертикальным внутренним швом, проходящим по оси колчана. Выпуклые перекрещивающиеся кожаные ребра образуют на поверхности верхней части «ко-

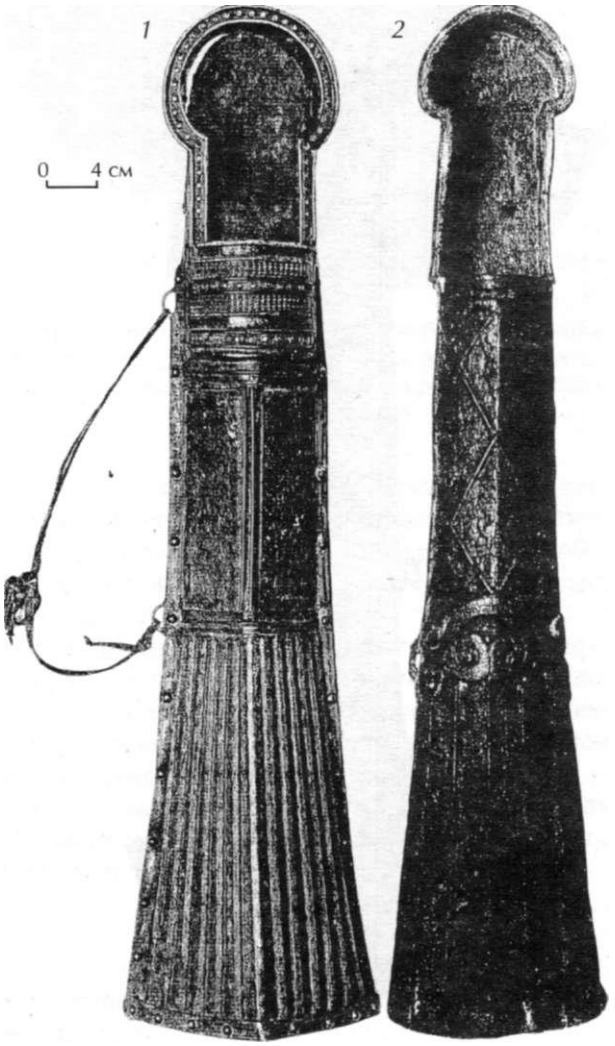

Рис. 39. иентральноазиатские (монгольские или тибетские) колчаны типа «короб» конца XIII — начала XV в. Хранится в музее Метрополитен (Нью-Йорк, США).

роба» ромбовидный узор. Нижняя часть колчана не имеет ярко выраженного осевого ребра, поэтому его днище представляет собой слабовыпуклую полусферу. Декоративным украшением нижней плоскости «короба» являются пять продольных выпуклых накладных кожаных полос, имитирующих описанные выше деревянные ребра. В центре колчана расположена вырезная кожаная накладка. В ее оформлении прослеживаются мотивы исключительно популярного в Южной Сибири и Центральной Азии узора, известного как «бараний рог». На поверхности накладки фиксируются следы золотой краски.

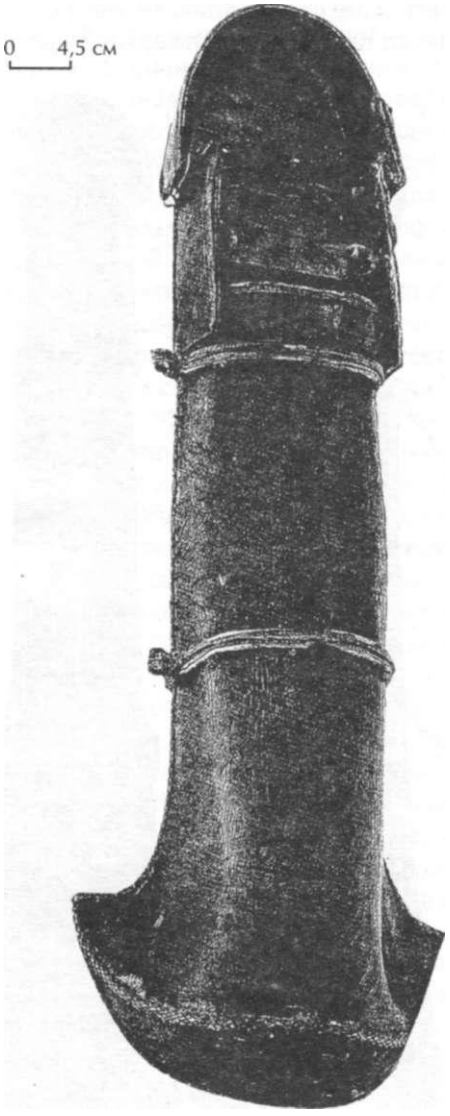

Рис.40. иельнокожаный тибетский колчан-«короб» «bsedong» XV-XVII вв. с месяцевидным днишем и «воротником». Хранится в фондах Королевского музея оружия (Лидс, Великобритания) (XXVIB.141).

На левой стороне колчана сохранилась кожаная петля, через которую пропускался ремешок, соединявший колчан с поясным ремнем. Вторая петля не сохранилась. Имеющиеся на поверхности «короба» отверстия указывают на то, что она была размещена в районе горловины.

По аналогии с описанным выше колчаном с металлическими накладками данный экземпляр может быть датирован концом XIII — XV в.

Тип 3. Цельнокожаные колчаны-«короба» «bse dong» с месяцевидным днищем и «воротником».

Название «bse dong» происходит от слов «bse» (обозначающего декорированную кожу) и «dong» (полый сосуд цилиндрической формы). Колчаны данного типа обычно составлялись из 6-7 стандартизированных элементов, выполненных из выделанной кожи и сшитых между собой кожаными шнурами. Выразительным элементом конструкции «bse dong» были ярко выраженные С-образные (месяцевидные) днища. Главным украшением «bse dong» был рисунок, нанесенный на лицевую часть «короба» (рис. 3, *2*\ 40-41). На известных нам колчанах данного типа металлические каркасы, усилители, декоративные накладные украшения (как и их аналоги из лакированной кожи) отсутствуют.

Вариант 1. Цельнокожаные колчаны-«короба» «bse dong» с месяцевидным днищем и «воротником».

Включает 2 экз. из Королевского музея оружия (Лидс, Великобритания) (XXVIB. 141) и музея Метрополитен (Нью-Йорк, США). «Bse dong» из Лидса дошел до нас практически в неповрежденном виде (рис. 3, *2;* 40). От колчана, хранящегося в музее Метрополитен (передан в дар музею Кеннетом и Вивиан Лама), сохранился только «короб» («воротник», кожаные обоймы отсутствуют) (рис. 41).

Общая длина колчана из Лидса — 79,4 см. Колчан сшит из 7 выгнутых сегментов кожи: 7-образных плоской тыльной и более короткой выпуклой лицевой частей, ромбовидного днища, выгнутого «навеса» и пары боковин, вместе со «спинкой» формирующих «воротник» колчана. Боковины «воротника» стягивает кожаный ремешок. Все элементы связаны между собой с помощью тонких шнурков, в свою очередь, переплетенных между

собой. На некоторых участках кожаные сегменты дополнительно скреплены медными заклепками с длинными стержнями и 4-лепестковыми шляпками (рис. *3,2;* 40).

В центральной части колчан перехвачен двумя кожаными ремешками, снабженными петлями для подвешивания «короба» к поясу.

Кожа колчана имеет характерный красно-коричневый оттенок. Лицевая поверхность «короба», а также «воротник» покрыты сплошным детально выписанным орнаментом, выполненным черным цветом.

«Короб» от колчана из музея Метрополитен имеет в длину 47 см. Он сшит из 3 сегментов кожи: ***Т***-образных плоской тыльной и более короткой выпуклой лицевой частей, а также ромбовидного выпуклого днища. Все элементы связаны между собой с помощью тонких шнурков, дополнительно переплетенных между собой «крест-накрест» (рис. 41).

Вся лицевая поверхность «короба» покрыта перемежающимся геометрическим и растительным орнаментом. По изяществу и тщательности исполнения рисунка данный колчан может быть отнесен к числу лучших произведений центральноазиатских мастеров, выполненных в стиле «bse dong». Орнаментальное поле «короба» формирует узор из сцепленных колец, переходящий у горловины в сотовидный узор, в каждую ячейку которого вписан 6-лепестковый цветок. Выгнутая лента из сцепленных свастик визуально делит лицевую поверхность колчана на верхнюю (цилиндрическую) и нижнюю (месяцевидную) часть. Ключевыми элементами оформления верхней части «короба» являются три больших 4-лепестковых «медальона» округлой формы. В самый крупный из них вписано изображение «снежного льва» между лотосом и пионом. В два других — распустившийся пион и «пламенеющие облака» соответственно. На таких же цветках меньшего размера в нижней части «короба» изображены символы счастливой судьбы: «восемь благоприятных символов» (лотос, белая раковина, зонт, бесконечный узел, золотые рыбы, колесо, стяг победы и ваза) и «семь драгоценностей» (бивни слона, рога носорога, серьги правителя, серьги правительницы, кораллы, слиток и книга). Декоративную «псевдообкладку» колчана по периметру формирует полоса Лобразного орнамента. Все изображения выполнены черным цветом на красно-коричневом и золотом фоне.

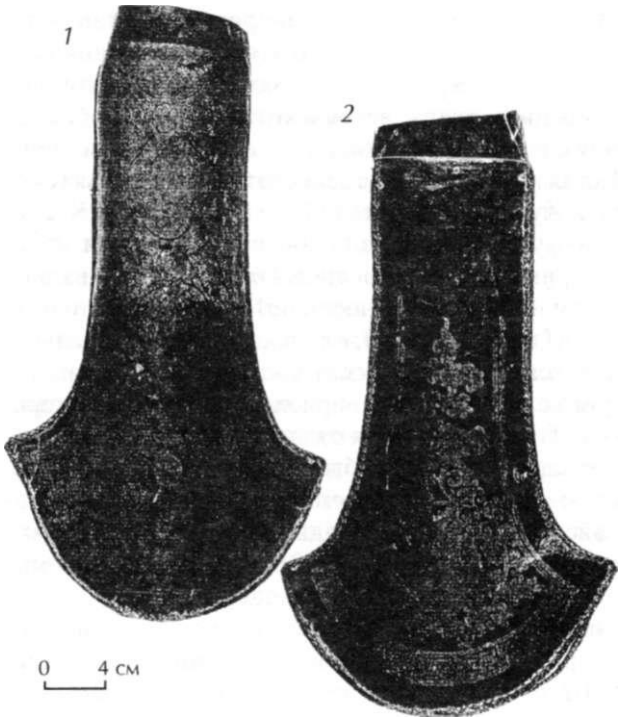

Рис. 41. Нижняя часть цельнокожаного тибетского колчана-«короба» «bse dong» XV-XVII вв. (7 — лицевая сторона, *2* — тыльная сторона). Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Тыльная сторона колчана имеет черный цвет, по которому красной краской нанесено изображение большого лотоса в окружении цветущих побегов, обрамленных полосой из сцепленных свастик и Г-образного орнамента.

Оба колчана, выполненных в стиле «bse dong», датируются английскими и американскими исследователями XV-XVII вв. и связываются с комплексом вооружения монгольских и тибетских воинов периода позднего Средневековья.

Постепенное вытеснение колчанов-«коробов» из военного обихода являлось следствием роста популярности кожаных колчанов-«футляров».

Колчаны-«футляры»

Кожаный колчан-«футляр» не развился из берестяного колчана-«короба» посредством трансформы через колчан-«полукороб», как полагают некоторые исследователи. Он представляет собой самостоятельную линию развития хранилища для

стрел. По древности своего происхождения он не уступает колчанам-«коробам». Изображения колчанов-«футляров», в которых стрелы хранились оперением вверх, встречаются уже на изображениях воинов сяньбийских государств Северного Китая на заре периода раннего Средневековья (Бобров, Худяков, 2005, с. 111, 181, рис. 16, *2)*. Колчаны-«футляры», выполненные из кожи или меха, в период раннего Средневековья использовались (хотя и не особенно активно) воинами Восточной Азии (там же, с. 111), в то время как в центральноазиатских степях абсолютно преобладающим типом колчанов в этот период были колчаны-«короба». Тем не менее для отдельных народов региона колчаны-«футляры» были основной разновидностью колчанов. Например, на средневековых китайских картинах колчаны киданей изображены в виде плоских футляров подпрямоугольной формы, в которые стрелы вложены остриями вниз, оперением вверх. «Подвешивался такой колчан дном вперед и шился почти всегда из меха» (Горелик, 2002, с. 11). Близкие по конструкции колчаны (наряду с колчанами-«коробами») также использовались чжурчжэньскими, татарскими и, вероятно, монгольскими воинами XH-XШ вв. (там же, с. 58). Впоследствии колчаны-«футляры» стали завоевывать все большее признание среди народов, вошедших в состав Великой монгольской империи и государств Чингизидов (там же, с. 59, рис. 2,16,17). В XV в. многовековой спор между колчанами-«коробами» и колчанами-«футлярами» окончательно разрешился в пользу последних, которые стали доминировать на огромных просторах Евразии от побережья Атлантики до Желтого моря.

Кроме основных типов колчанов встречались промежуточные варианты, совмещавшие в себе признаки обоих разновидностей хранилищ стрел. Например, в той же киданьской империи Ляо и, возможно, у чжурчжэней империи Цзинь некоторое распространение получили трубкообразные колчаны, обтянутые леопардовой или тигриной шкурой, которые носились горлом назад. Стрелы в них размещались оперением вверх (Бобров, Худяков, 2003, с. 172, табл. 3, рис. 4).

Доминирование колчанов-«футляров» над своими аналогами в период позднего Средневековья обусловлено целым рядом причин. Открытые монгольские позднесредневековые колчаны-«футляры» отличались от своих раннесредневековых коробообразных предшественников целым рядом функциональных и эстетических преимуществ. Так как стрелы в колчане размещались оперением вверх, их наконечники в значительно меньшей степени подвергались воздействию внешней среды. В это же время оперение не мялось при вытаскивании стрел из колчана. Колчан был разделен на несколько отсеков, отделенных друг от друга отрезками толстого жгута, иногда обтянутого красным или белым сукном (в период развитого Средневековья для этих целей применялись хвосты леопардов, тигров, барсов и иных представителей семейства кошачьих). В разные отсеки помещались стрелы с различными типами специализированных наконечников. В ходе дистанционного боя воину не нужно было визуально или на ощупь определять нужный наконечник (как в берестяных колчанах-«коробах» периода раннего Средневековья), достаточно было вытащить стрелу из нужного отсека. Кроме того, сам процесс вытягивания стрелы из колчана-«футляра» на полном скаку был значительно проще, чем из колчана-«короба». Мягкая органическая основа колчана позволяла позднесредневековым мастерам активно экспериментировать с различными видами украшений, соединяя в разных комбинациях выпуклые и плоские металлические, костяные и деревянные накладки, декоративные заклепки, коралловые вставки, аппликации, вышивки. Сложная вырезная форма колчана предопределила не только разнообразие материалов, из которых изготавливались накладки, но и их оригинальные формы. Фоном для накладок служила матерчатая или кожаная, как правило однотонная, обтяжка колчана. Иногда, для достижения декоративного эффекта, футляр обтягивался цветной тканью или кожей в два слоя, причем в верхнем слое делались фигурные вырезы, сквозь которые зрителю была видна поверхность нижней обтяжки, гармонировавшей по тону с верхней. Кроме того, колчаны-«футляры» были более просты в изготовлении, чем их коробообразные аналоги. Каркас колчана-«футляра» представлял собой две деревянные дощечки, соединенные между собой деревянной «рамой». Поверх каркаса натягивалась кожа. Лицевая плоскость футляра могла дополнительно обтягиваться тканью и украшаться накладками. Колчан мог снабжаться дополнительными отсеками и карманами.

По сравнению со своим раннесредневековым аналогом, позднесредневековый колчан имел один

существенный недостаток — он не отличался особой компактностью. Чем меньше был колчан, тем более внушительно смотрелся «веер» из помещенных в него стрел. Эту особенность колчанов-«футляров» активно обыгрывали в своих произведениях позднесредневековые сказители:

И вслед за тем
Девяносто пять стрел
(В колчан свой Гесер) вложил торчком;
Семьдесят пять стрел
(В колчан свой) вложил пучком.

(Абай Гесер Могучий, 1995, с. 240)

Чтобы древки не мешали воину управлять конем и вести дистанционный и ближний бой, колчаны-«футляры» подвешивали к поясу с правой стороны под углом, горловиной назад. Чтобы стрелы не выпадали из подвешенного таким образом колчана, его образованный «спинкой» задний угол часто делали выше переднего или снабжали специальной выемкой подпрямоугольной формы.

Общие принципы конструкции и способы ношения колчанов у народов Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья и Нового времени были во многом схожи. В связи с этим необходимо прояснить некоторые спорные моменты, связанные со способом ношения колчана и хранения в нем стрел, которые в последние десятилетия вызывают дискуссию в научной среде.

По сведениям В. А. Михайлова, буряты носили колчан на правом бедре, «для чего портупея перекидывалась через левое плечо» (Михайлов, 1993, с. 26). По мнению исследователя, именно наличием наплечной портупеи (которая к тому же якобы выполняла роль «дополнительных доспехов») бурятский колчан отличался от своих монгольских аналогов. Не отрицая возможность ношения бурятскими воинами колчанов на наплечной портупее, все же отметим, что на большинстве изображений и фотографий бурятских воинов и охотников (в том числе приведенных в работе В. А. Михайлова) буряты носят колчан подвешенным к поясу (там же, с. 60, 62-63). Таким же образом носили колчан воины и охотники других народов Южной Сибири и Центральной Азии. Что же касается плечевой портупеи, то ее иногда использовали и монгольские воины периода позднего Средневековья и Нового времени (Ермолов, 1987, с. 154). Мнение В. А. Михайлова о том, что в бурятские колчаны стрелы складывались острием вниз (в отличие от тюркских, в которых стрелы лежали острием вверх), является ошибочным. Положение стрел в колчане зависело не от национальности воинов, а от вида колчана («короб» или «футляр»). В период позднего Средневековья в колчаны-«футляры» и у тюркских народов Средней Азии, и у монголов, и у бурят стрелы складывались оперением вверх.

Конструкция монгольских, тибетских, тувинских, бурятских, кыргызских, алтайских колчанов-«футляров» была во многом схожей, однако колчаны различных районов региона могли различаться между собой по форме покроя и системе оформления лицевой поверхности. Рассмотрим основные типы покроя и варианты оформления центральноазиатских и южносибирских колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени.

Тип 1. «Горбатые» колчаны с вытянутым днищем и высокой «спинкой».

Отличительной особенностью «горбатых» колчанов являются ярко выраженное вытянутое (выпуклое) днище («горб») и высокая, постепенно сужающаяся кверху «спинка», (рис. 3, *3)* В этническом плане «горбатые» колчаны обычно соотносятся с комплексом вооружения предбайкальских бурят периода позднего Средневековья и Нового времени. Однако подобные колчаны использовались также воинами и охотниками других кочевых народов Центральной Азии, в частности монголами и некоторыми племенами Южной Сибири.

Вариант 1. «Горбатый» колчан с металлической обкладкой по периметру, «центральным диском» с фестончатым краем, крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками.

Включает 1 экз. из эхиритских улусов верховьев р. Лена и р. Куды (Предбайкалье). Органическая основа колчана не сохранилась. Расположение пластин на поверхности колчана реконструировано по аналогии с хорошо сохранившимися предбайкальскими экземплярами XVIII-XIX вв. Согласно сведениям музейных работников, на заключительном этапе своего использования данный колчан являлся атрибутом всадника, участвующего в свадебном обряде (рис. 42).

Судя по форме и размерам пластин, данный экземпляр имел традиционную для бурятских колча-

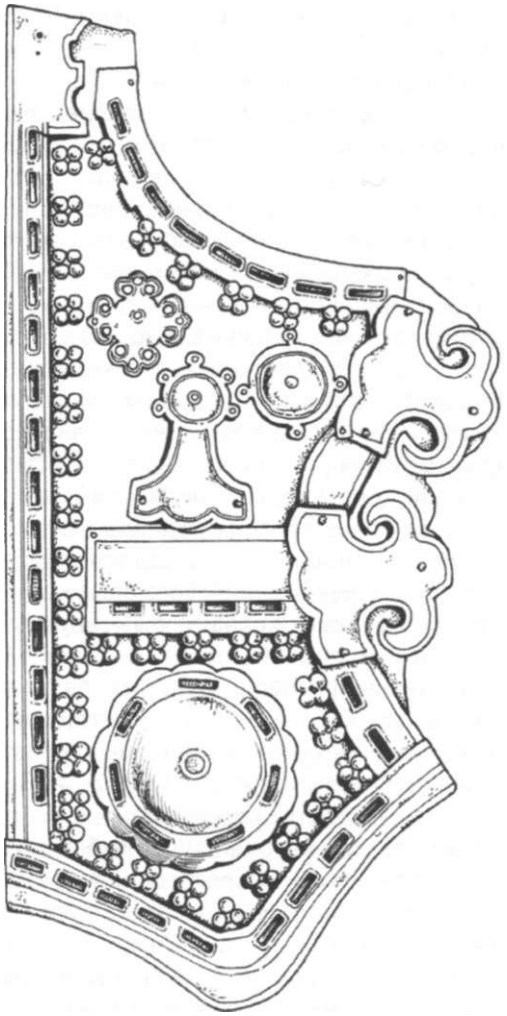

Рис.42. Бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. Происходит из эхиритских улусов верховьев р. Лены и р. Куды (Предбайкалье).

нов вырезную форму с вытянутым «горбатым» днищем, высокой «спинкой» и с ярко выраженными лопастями для крепежных пластин («ушками»). Предполагаемые размеры колчана — 55,5 * 38 см.

По всему периметру колчан был снабжен составной металлической обкладкой из достаточно широких железных полос, снабженных прямоугольными прорезями. Крепежные пластины выполнены в характерном стиле «бараний рог» и напоминают по форме стилизованную линию.

Внутренне поле колчана заполнено пластинами различных форм и размеров. Визуально оно разделено на три основных яруса. Нижний состоит из прорезного «центрального диска» с фестончатым краем. Средний представлен прямоугольной горизонтально расположенной пластиной с прямоугольными прорезями. Верхний ярус состоит из так называемой «кометы» (вырезной пластины с дисковидной «головкой» и расширяющимся трапециевидным «хвостом») и двух круглых бляшек-«спутников». По мнению бурятских искусствоведов, пластины округлой формы символизируют солнце и луну, которые у бурят-шаманистов олицетворяли «высших божеств — тэнгриев». В данном случае подобное «изображение солнца и луны связано с пожеланием удачи в бою, на охоте» (Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят..., 2002, с. 106). Почти вдоль всего внутреннего края металлической обкладки приклепаны мелкие 4-лепестковые бляшки и декоративные полусферические заклепки.

На железные накладки различных форм и размеров путем ковки нанесены тонкие серебряные пластины и украшения из серебряной проволоки.

Форма и система оформления колчана указывают на то, что он мог быть изготовлен эхиритскими мастерами Предбайкалья в XVIII-XIX вв.

Вариант 2. «Горбатый» колчан с двойной металлической обкладкой «спинки», «центральным диском», крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками.

Включает 2 экз. из Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и Музея истории Бурятии (МИБ). Оба колчана выполнены в одной стилистической манере и относятся к культуре кудинских и верхоленских бурят-эхиритов (Предбайкалье).

Колчан из МАЭ (№ 2202-46А) представляет собой классический вариант «горбатого» колчана: имеет ярко выраженное вытянутое днище и высокую, несколько сужающуюся кверху «спинку». «Хаадак» имеет деревянный каркас, обтянутый грубой кожей. По периметру колчан снабжен обкладкой, которую формируют достаточно широкие прямые и выгнутые полосы металла. Отличительной особенностью данного колчана является конструкция металлической обкладки «спинки». Она состоит из двух вертикально расположенных металлических полос, между которыми мастер оставил неширокий зазор, заполненный вырезными бляшками. Нижнюю часть колчана покрывает сильно выгнутая пластина, повторяющая контур «гор-

батого» днища. Правую сторону обкладки составляют пластины подпрямоугольной формы, которые перемежаются двумя крепежными пластинами (в месте крепления колчана к ремешкам пояса), выполненными в стиле «бараний рог». Верхний периметр колчана обозначает выгнутая металлическая полоса, снабженная вырезными бляшками-вставками в виде овалов и дисков с тремя округлыми лучами.

Внутренне поле колчана заполнено пластинами различных форм и размеров. Визуально оно разделено на три основных яруса. Нижний состоит из «центрального диска» с парой круглых бляшек-«спутников». Средний представлен прямоугольной горизонтально расположенной пластиной с вырезанными нижними углами. Верхний состоит из «кометы» и двух вертикально расположенных круглых бляшек-«спутников». Вдоль нижнего и боковых краев обкладки и у нижней кромки подпрямоугольной пластины среднего яруса приклепаны мелкие 4-лепестковые бляшки (рис. 43).

По мнению искусствоведа Л. Р. Павлинской, «сложный характер декоративного оформления контура колчана, загруженность его разными орнаментальными сюжетами уравновешивается менее напряженной композицией центральной части. Композиционное решение здесь сводится к заполнению заданного пространства пластинами различной формы. Свободное расположение металла делает более активным в цветовом отношении фон — кожаную основу предмета, что безусловно усиливает его декоративное звучание. Однако при всей сложности орнаментальной структуры функциональная подчиненность ее форме предмета остается ведущей» (Павлинская, 1980, с. 90).

Колчан из МИБ (инв. ОФ 2797) был приобретен в 1935-1936 гг. С. П. Болдыревым в ходе экспедиции по Иркутской области. Размеры этого колчана — 57,5 х 30 см. Он имеет такую же конструкцию, как описанный выше колчан из МАЭ. Его основу формирует деревянный каркас, поверх которого натянута грубая кожа. Лицевая сторона колчана обтянута тканью черного цвета. На данном экземпляре сохранились разделительные жгуты, изготовленные из конопляной пеньки, крытой шерстяной тканью грязно-оранжевого цвета. Различия двух колчанов заключаются в основном в оформлении элементов декоративных металлических пластин на поверхности «хаадака». Конструкция

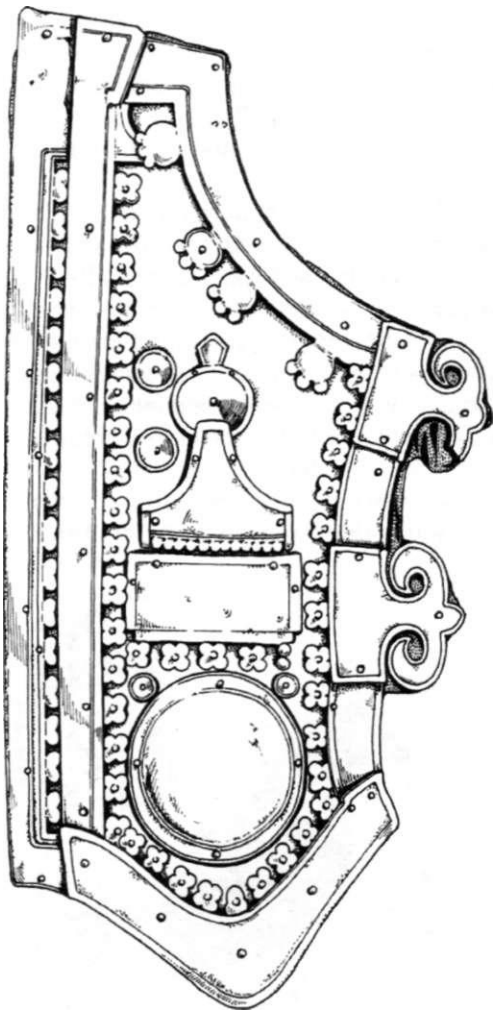

Рис. 43. Бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. Хранится в Музее антропологии и этнографии (МАЭ, № 2202-46А).

двойной металлической обкладки и состав пластин на колчане во многом повторяют металлические накладки колчана из МАЭ. Центральная пластина снабжена четырьмя полукруглыми «ушками», в которые вбиты заклепки, фиксирующие диск на поверхности колчана. Поверхность центральной пластины снабжена четырьмя узкими прорезями и орнаментом-окантовкой в виде бус или четок. «Комета» в верхней части колчана снабжена дополнительной железной лопастью, прикрывающей верхний левый угол «хаадака». Благодаря этой лопасти, а также внутренней прорезной обкладке и четырехлепестковым бляшкам, металл покрывает большую часть лицевой поверхности колчана.

Все металлические накладки выполнены из тонкого железа «с насеченной поверхностью, куда путем ковки нанесен узор из серебряной фольги волоченой проволоки» (Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят, 2002, с. 107) (рис. 44).

Форма и система оформления колчанов указывают на то, что они могли быть изготовлены эхиритскими мастерами Предбайкалья в XVIII-XIX вв.

Вариант 3. «Горбатый» колчан с металлической обкладкой, //-образными крепежными пластинами, центральным диском с лучами, вырезными накладками, 3-7-лепестковыми бляшками.

Включает 1 экз. из эхиритских улусов Предбайкалья. Размеры — 64 х 31 см.

Колчан представляет собой достаточно плоский кожаный футляр на деревянном каркасе, лицевая часть которого обтянута темно-коричневым плисом. Данный «хаадак» имеет все признаки классических бурятских «горбатых» колчанов: удлиненное днище, высокую «спинку», ярко выраженные лопасти под крепежные пластины, множество разнообразных металлических накладок, закрывающих почти всю лицевую часть колчана (рис. 45).

Колчан отличается богатством отделки металлических накладок и разнообразием их элементов.

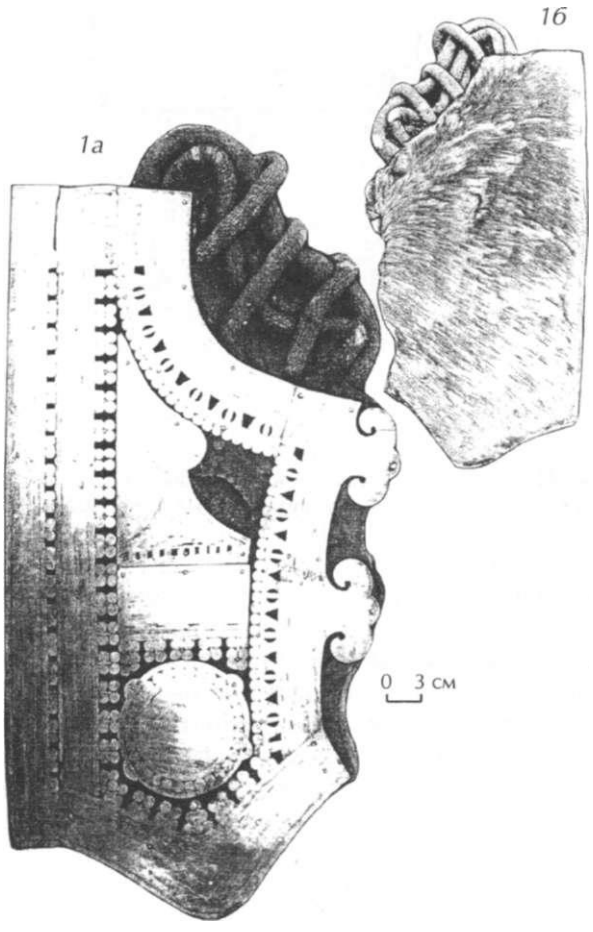

Рис.44. Бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. Хранится в фондах МИБ (инв. ОФ 2797)

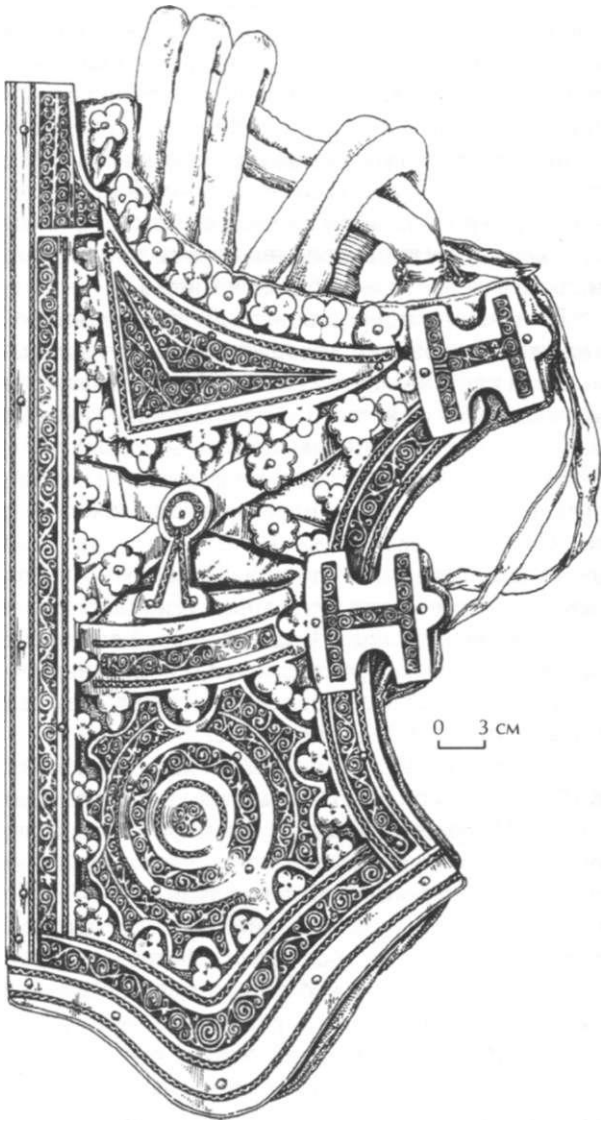

Рис. 45. Бурятский (предбайкальский) «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в.

По своему периметру колчан снабжен обкладкой, которую формируют достаточно широкие прямые и выгнутые полосы металла. Обкладка проходит по всему периметру лицевой части колчана за исключением горлового выреза. В качестве крепежных пластин используются железные накладки оригинальной //-образной формы. Своеобразную внутреннюю обкладку колчана формирует ряд 3- и 4-лепестковых (вдоль горловины) бляшек.

Центральное поле колчана визуально разделено на три основных яруса. Нижний состоит из «центрального диска» с короткими (узкими и широкими) лучами трапециевидной формы. По мнению бурятских исследователей, эта металлическая накладка округлой формы символизирует «солнечный диск» (Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят..., 2002, с. 106). Средний ярус представлен выпуклой прямоугольной горизонтально расположенной пластиной и «кометой», фиксирующей перекрещивающиеся кожаные ремни. Поверхность этих ремней покрыта рядом 7-лепестковых бляшек. Верхний ярус представлен широкой выпуклой пластиной подтреугольной формы.

Железные накладки покрыты листовым серебром и волоченой проволокой. Их поверхность испещрена густым растительным орнаментом из вьющихся побегов виноградной лозы и орнаментом на тему «бычий рог». На плоскости подтреугольной пластины, в верхней части «хаадака», в виноградную растительность «вплетено» стилизованное изображение лука и стрел.

Данный колчан был изготовлен оружейниками бурят-эхиритов Предбайкалья в XVIII — начале XIX в.

Вариант 4. «Горбатый» колчан с двойной металлической обкладкой «спинки», 8-угольными крепежными пластинами округлой формы, центральным диском с лучами, вырезными накладками, 3-4-лепестковыми бляшками.

Включает 1 экз. из эхиритских улусов Предбайкалья. Размеры — 64 * 31 см. Внешне он напоминает описанный выше колчан, но отличается от него составом и формой деталей металлических накладок на лицевой стороне (рис. 46).

Колчан представляет собой достаточно плоский футляр из грубой кожи на деревянном каркасе, лицевая часть которого обтянута черным плисом. К фигурным вырезам — лопастям, предназначенным для крепежных пластин, приклепаны железные кольца, сквозь которые пропускался кожаный ремень, соединявший колчан с поясом. Данный «хаадак» имеет все признаки классических бурятских «горбатых» колчанов: удлиненное днище, высокую «спинку», большое количество разнообразных металлических накладок, закрывающих почти всю лицевую часть колчана.

По своему периметру колчан снабжен обкладкой, которую формируют достаточно широкие прямые и выгнутые полосы металла. Обкладка проходит по всему периметру лицевой части колчана за исключением горлового выреза. Отличительной особенностью данного колчана является конструкция металлической обкладки «спинки». Она состоит из двух вертикально расположенных металлических полос, состыкованных впритык. В качестве крепежных пластин используются 8-угольные железные бляхи округлой формы. Своеобразную внутреннюю обкладку колчана формирует ряд 3- и 4-лепестковых (вдоль горловины) бляшек.

Центральное поле колчана визуально разделено на три основных яруса. Нижний состоит из «центрального диска» с короткими (узкими и широкими) лучами трапециевидной формы. Средний ярус представлен выпуклой прямоугольной горизонтально расположенной пластиной с широкой прямоугольной лопастью и «кометой», фиксирующей перекрещивающиеся кожаные ремни. Поверхность этих ремней покрыта рядом 4-лепестковых бляшек. Верхний ярус представлен широкой выпуклой пластиной подтреугольной формы с трапециевидными фестонами по левому краю. Таким образом, нижняя и верхняя части колчана почти полностью закрыты металлическими накладками различных форм и размеров. Эффект сплошного покрытия создают мелкие 3-лепестковые бляшки, приклепанные в прорези, образованные лучами — фестонами больших пластин.

Железные накладки покрыты листовым серебром и волоченой проволокой. Их поверхность испещрена густым растительным орнаментом из вьющихся побегов виноградной лозы и орнаментом на тему «бычий рог». На плоскости подтреугольной пластины, в верхней части «хаадака», в виноградную растительность «вплетено» изображение лука и стрел со свистульками.

Данный колчан был изготовлен оружейниками бурят-эхиритов Предбайкалья в XVIII — начале XIX в.

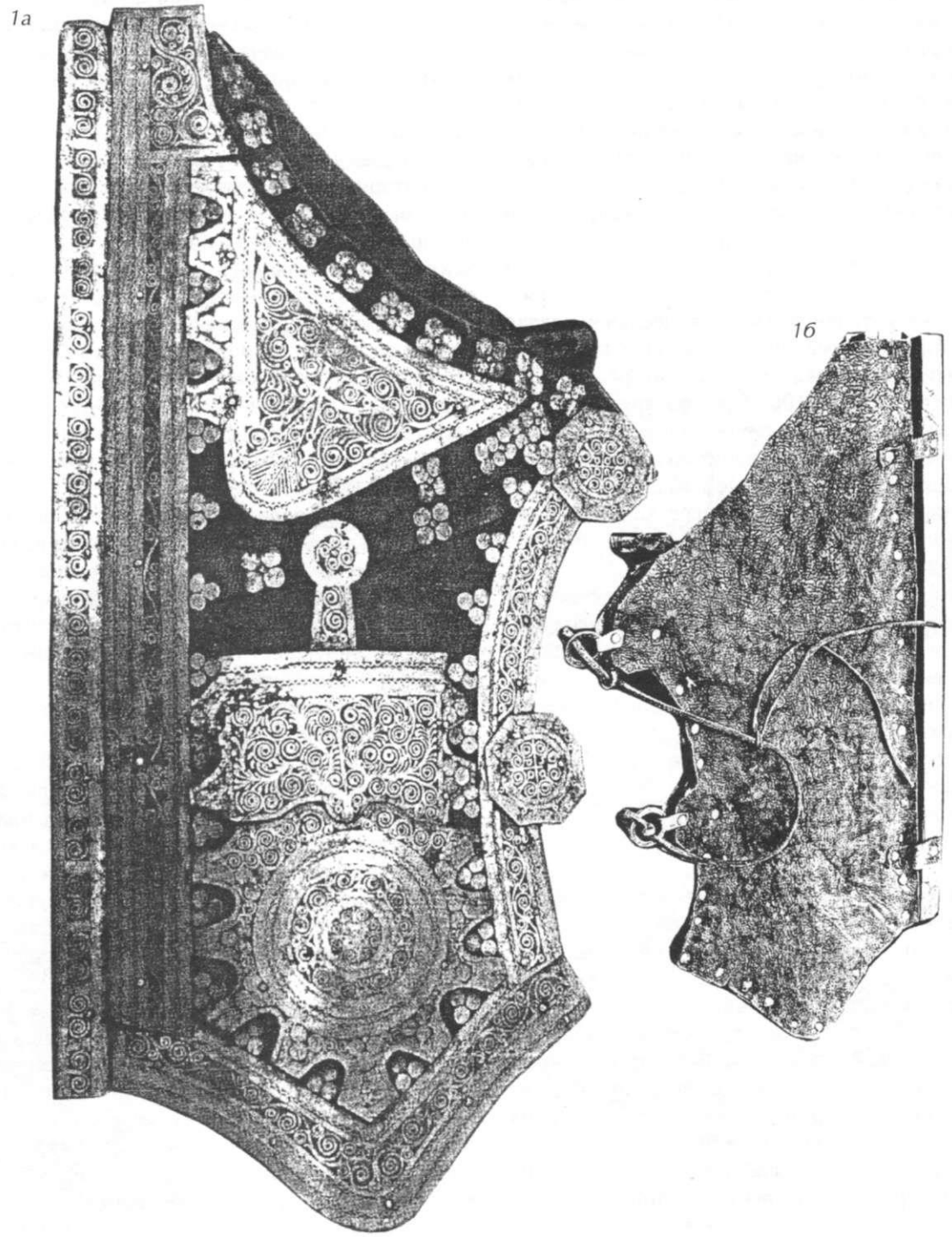

Рис. 46. Бурятский (предбайкальский) «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. Был изготовлен мастерами эхиритских улусов Предбайкалья.

Вариант 5. «Горбатый» колчан с прорезной обкладкой, дисковидными пластинами крепления, Г-образной накладкой-фиксатором, «центральным диском», украшенными вставками коралла, 4- и 6-лепестковыми бляшками.

Включает 1 экз. из Этнографического музея культуры и быта народов Забайкалья Министерства культуры Республики Бурятия (рис. 54, *2*).

Конструкция и состав металлических накладок данного колчана почти в точности соответствуют описанному ниже «хаадаку» из ГЭ. Отличия заключаются в основном в различном оформлении декоративных элементов.

Колчан представляет собой кожаный футляр с карманом на деревянном каркасе с характерным вытянутым приостренным днищем («горбом») и высокой «спинкой». На внутренней поверхности колчана сохранились матерчатые разделительные жгуты. Металлические элементы имеют традиционную для южносибирских колчанов структуру — поверх железных накладок набиты тонкие серебряные пластины, покрытые растительным орнаментом.

Части металлической обкладки имеют различное оформление. Обкладка «спинки» и днища — прорезная. Обкладка «спинки» представляет собой прямую железную полосу, внутренняя плоскость которой вырезана в виде цветочных бутонов. Венчает обкладку «спинки» 8-образная пластина. Прорезной рисунок У-образной обкладки днища представляет собой ряд сцепленных между собой ромбов. На острие обкладки помещено стилизованное изображение парящей птицы.

Обкладка по правой (вырезной) части колчана представляет собой сплошные (без вырезов) вогнутые полосы металла, густо покрытые растительным орнаментом. Металлическая обкладка по горловине отсутствует, ее заменяет окантовка из мягкой кожи, к которой были приклепаны бляшки с «лепестками». Крепежные пластины выполнены в виде дисков. Декоративное оформление на их поверхности представляет собой 6-лепестковый цветок, в центре которого находится полусферический умбончик. Таким же образом оформлен «центральный диск» в нижней части колчана. Его «спутниками» являются четыре 6-лепестковые бляшки. По центру колчана находится Т-образная накладка, образованная овальной покрытой орнаментом накладкой-фиксатором (в месте перекрещивания ремней), соединенной с горизонтальной пластиной, с двумя 3-лепестковыми «бутонами» и вырезной пластиной в виде распускающегося цветка по центру. Ремни на поверхности колчана украшены лепестковыми бляшками.

Конструкция, форма и система оформления колчана сближают его с «хаадаком» «братского татарина» на знаменитой гравюре Е. М. Корнеева, изготовленной в начале XIX в. Причем лилия на ***Т****-образной* накладке по центру колчана на рисунке почти в точности повторяет свой реальный аналог на поверхности «хаадака».

Колчан может быть датирован XVIII — началом XIX в. и отнесен к бурятскому комплексу вооружения.

Вариант 6. «Горбатый» колчан с прорезной обкладкой, дисковидными пластинами крепления, накладкой-фиксатором, «центральным диском», украшенными вставками коралла, 4- и 6-лепестковыми бляшками.

Включает 1 экз. из Монгольской коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 47).

Колчан представляет собой кожаный футляр с карманом на деревянном каркасе с характерным вытянутым днищем («горбом») и высокой «спинкой». Лицевая сторона «футляра» имеет темно-коричневую поверхность. На колчане сохранились разделительные жгуты красно-бордового цвета и остатки кожаного ремешка, с помощью которого колчан подвешивался к поясу. Металлические элементы имеют традиционную для южносибирских колчанов структуру — поверх железных накладок набиты тонкие серебряные пластины, покрытые растительным орнаментом. Большинство накладок (за исключением мелких бляшек) снабжены гнездами, в которые вставлены кусочки красного коралла.

Части металлической обкладки имеют различное оформление. Обкладка «спинки» и днища — прорезная. Она снабжена трапециевидными вырезами, образующими перемежающиеся подтреугольные лопасти с вырезным краем и 3-лепестковые «бутоны». Каждая лопасть снабжена гнездом, в которое вставлен кусочек коралла, а каждый «бутон» — заклепкой. Обкладка по правой (вырезной) части колчана представляет собой сплошные (без вырезов) вогнутые полосы металла, густо покрытые растительным орнаментом, с двумя гнездами под кораллы. Металлическая обкладка по горловине

отсутствует, ее заменяет окантовка из мягкой кожи, к которой были приклепаны четыре 4-лепестковые бляшки (сохранились две). Крепежные пластины выполнены в виде дисков. Декоративное оформление на их поверхности представляет собой 6-лепестковый цветок, в центре которого находится гнездо с кораллом. Таким же образом оформлен «центральный диск» в нижней части колчана. Его «спутниками» являются пять 6-лепестковых бляшек. По центру колчана находится Т-образная накладка, образованная овальной покрытой орнаментом накладкой-фиксатором (в месте перекрещивания ремней), соединенной с горизонтальной пластиной с тремя 3-лепестковыми «бутонами». Т-образная накладка снабжена пятью гнездами с кораллами. Конец ремня на поверхности колчана украшен 4-лепестковой бляшкой и накладкой-углом. В верхней левой части колчана имеются сквозные отверстия, в которые вставлялись металлические пластины (предположительно лепестковые бляшки).

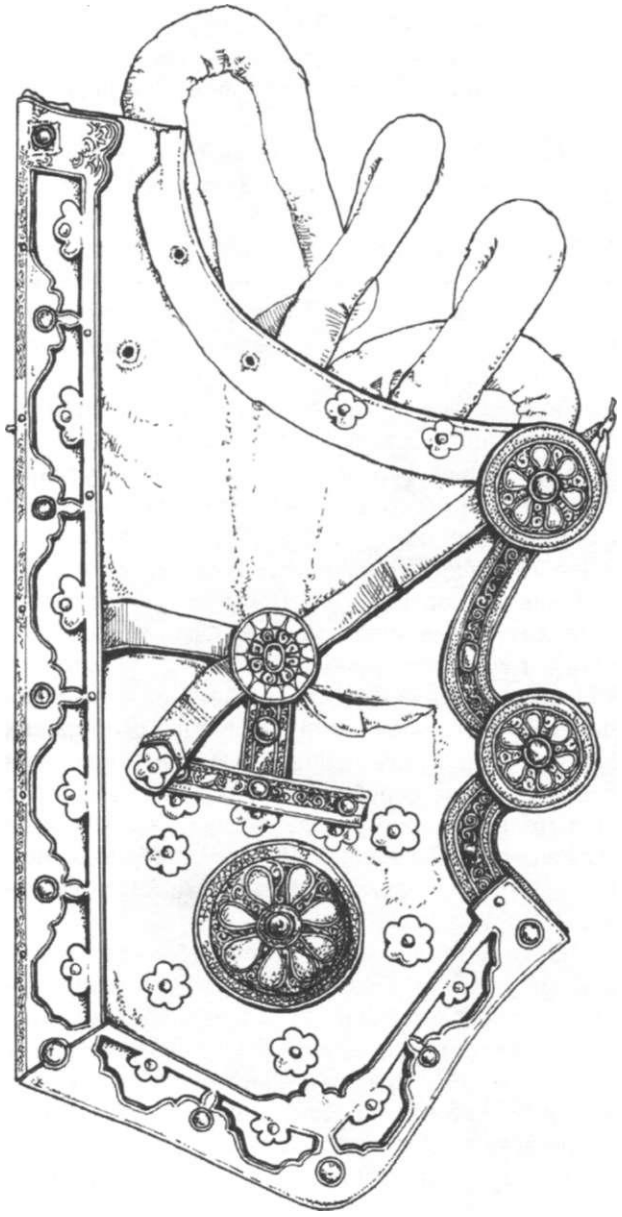

Рис. 47. Монгольский или бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. Хранится в фондах Монгольской коллекции Государственного Эрмитажа.

Ближайшие аналоги данного колчана происходят с территории Бурятии. Конструкция, форма и система оформления колчана сближают его с «хаадаком» «братского татарина» на знаменитой гравюре Е. М. Корнеева, изготовленной в начале XIX в. Здесь мы видим те же перекрещивающиеся кожаные ремни, круглые крепежные пластины и «центральный диск», в которые вписаны многолепестковые «цветки» или «звезды». В центре колчана на гравюре Е. М. Корнеева расположена округлая накладка-фиксатор с «подвеской», напоминающей по форме лилию. Вероятно, таким способом художник изобразил Т-образную накладку с конструкцией, с которой он не смог детально ознакомиться. «Хаадак» на гравюре Корнеева снабжен металлической обкладкой, но не прорезной (как на колчане из ГЭ), а сплошной. Практически точной копией «центрального диска» и крепежных пластин колчана из ГЭ являются центральный диск и крепежные пластины налуча из Музея истории Бурятии (инв. ОФ 7266), датированного XVIII-XIX вв. Сходство настолько близкое, что дает основание предположить, что оба предмета были изготовлены оружейниками из одной династии или даже одним и тем же мастером. Однако колчан из ГЭ отнесен сотрудниками музея не к бурятской, а к монгольской части коллекции. Причины этого нам, к сожалению, установить не удалось. Представляется возможным выдвинуть две основные версии происхождения колчана. Первая: колчан был изготовлен бурятскими мастерами или монголами по бурятскому образцу и использовался впоследствии центральноазиатскими кочевниками. Вторая версия: колчан был изготовлен и использовался жителями бурятских

улусов и был отнесен к составу монгольской коллекции ошибочно. В любом случае колчан может быть датирован XVIII — началом XIX в.

Вариант 7. «Горбатый» колчан с прорезной металлической обкладкой, дисковидными пластинами крепления и накладкой-фиксатором.

Включает 1 экз. из Музея истории Бурятии (инф. обм. ф. 1165). Колчан был приобретен в 1935-1936 гг. С. П. Балдаевым входе экспедиции по Иркутской области. Размеры колчана из МИБ — 57 х 27 см (рис. 48).

Колчан представляет собой кожаный футляр на деревянном каркасе с характерными для бурятских колчанов вытянутым днищем («горбом») и высокой «спинкой». Лицевая сторона футляра покрыта синим плисом. В отличие от большинства рассмотренных выше бурятских колчанов, на лицевой стороне данного экземпляра размещено относительно небольшое число металлических накладок. Возможно, часть из них была утеряна в ходе использования или в период хранения. Железная обкладка «спинки» и днища выполнена в виде полосы с треугольными прорезями, к которой прикреплены мелкие бляшки округлой формы. Обкладка на фигурной стороне колчана (сохранился один сегмент, но было как минимум два) — сплошная. Металлическая обкладка горловины отсутствует. Крепежные пластины выполнены в виде дисков. Точно такую же форму имеет пластина, фиксирующая кожаный ремень по центру «хаадака». Железные полосы обкладки украшены зигзагообразным орнаментом из серебряной проволоки. Все круглые пластины имеют на своей поверхности изображение цветка с шестью лепестками в обрамлении того же зигзагообразного орнамента.

Судя по системе оформления обкладки, форме крепежных пластин и пластины-фиксатора, колчан был изготовлен предбайкальскими бурятами в XVIII — начале XIX в.

Сотрудники музея определили данный колчан как «женский», снабдив данное утверждение знаком вопроса (Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят..., 2002, с. 107). Сложно сказать, чем руководствовались авторы, делая подобное предположение. По своим размерам данный экземпляр практически не уступает описанным выше аналогам, а относительная бедность оформления не может являться надежным указателем на половую принадлежность его хозяина. Возможно,

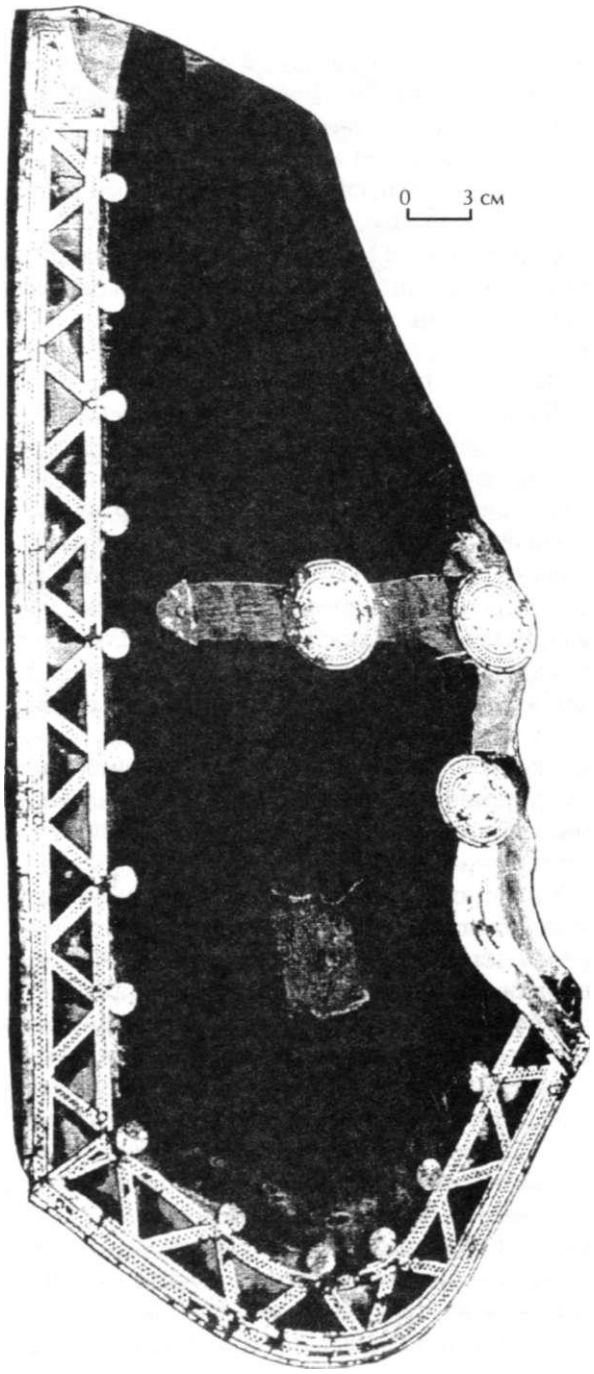

Рис. 48. «Горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. Хранится в фондах Музея истории Бурятии (инф. обм. ф. 1165).

что в распоряжении исследователей находились данные о фактах использования этого колчана женщинами в рамках свадебных обрядов. Однако эти сведения относятся к Этнографическому времени (в данном случае к началу XX в.), т. е. к тому времени, когда колчан уже почти не использовался по прямому назначению. Иные материалы, свидетельствующие о существовании неких особых «женских» колчанов нам неизвестны. Таким образом, вопрос о лицах, использовавших данный колчан, остается открытым.

Вариант 8. «Горбатый» колчан с металлической обкладкой по периметру, круглыми крепежными пластинами с умбончиками, тремя дисками с умбончиками, вырезными пластинами.

Включает 1 экз. из Музея истории Бурятии.

Лицевая плоскость колчана выполнена из черной кожи, поверх которой наклепаны металлические накладки различных форм и размеров. «Хаадак» имеет широкий, массивный подъем «спинки», ярко выраженные «ушки», к которым приклепаны накладки с петлями для подвешивания колчана к поясному ремню. По центру колчана пересекаются два кожаных ремешка. В отличие от большинства описанных выше «горбатых» колчанов днище данного экземпляра выдается относительно слабо.

Отличительной чертой оформления колчана являются полусферические заклепки-умбончики, которые набиты на поверхность металлических накладок и приклепаны к органической основе футляра.

Колчан снабжен обкладкой из четырех металлических полос, окаймляющих «спинку», днище и правую (вырезную) сторону «хаадака». Обкладка «спинки» выполнена в виде прямой полосы металла с бортиком. Верхняя часть полосы снабжена Я-образной лопастью с ровным верхним и вырезным нижним краем. Обкладка «спинки» украшена пятью полусферическими заклепками — умбончиками. Снабженная бортиком выгнутая пластина-обкладка днища повторяет контур «горба» колчана. В ее центральной части расположена заклепка-умбончик. Обкладка правой стороны колчана состоит из двух С-образных пластин с ровным внешним и вырезным внутренним краем. Горловина колчана свободна от металлической обкладки. Ее заменяют две декоративные полусферические заклепки.

Крепежные пластины выполнены в виде двух дисков с умбончиками по центру, в обрамлении шести нанесенных резцом декоративных «лепестков». Таким же образом оформлены три пластины в центральной части поля колчана. Самая крупная из них (нижняя) имеет вырезной, а две другие — ровный край. Верхний ремень на поверхности футляра украшен подтреугольной пластиной с обрезанными углами и дисковидной бляшкой. Оба элемента украшены декоративными заклепками-умбончиками. Дополнительными элементами украшения плоскости колчана являются вырезные пластины в нижней и центральной частях «хаадака». Все металлические накладки покрыты стилизованным растительным орнаментом.

По совокупности признаков колчан может быть датирован XVIII-XIX вв. и соотнесен с комплексом вооружения забайкальских бурят.

Вариант 9. «Горбатый» колчан с кожаной обкладкой «спинки» и металлической обкладкой днища, Л-образными крепежными пластинами, тремя дисками с умбончиками в обрамлении 3-лепестковых бляшек-«спутников», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками по периметру.

Включает 1 экз. с территории Бурятии.

Колчан, вместе с налучем, саадачным поясом и набором стрел, входит в состав саадака.

«Хаадак» сшит из нескольких кусков кожи на деревянном каркасе. На внутренней стороне колчана сохранились мягкие разделительные жгуты белого цвета. Колчан имеет ярко выраженную и при этом достаточно широкую «спинку». В отличие от большинства «горбатых» колчанов, днище данного экземпляра имеет не столько заостренную, сколько полукруглую форму. Лицевая поверхность «хаадака» снабжена кожаной обкладкой, поверх которой приклепаны металлические полосы и пластины. Так, нижняя часть колчана отделана изогнутой железной пластиной, повторяющей изгиб днища. Металлическая накладка с ровным верхним и вырезным нижним краем расположена в верхнем левом углу колчана. Кожаная обкладка «спинки» украшена 4-лепестковыми бляшками. Еще одна такая бляшка приклепана к правой стороне обкладки. Крепежные пластины имеют Л-образную форму и напоминают стилизованное изображение парящей птицы. Похожими пластинами несколько меньшего размера отделан саадачный пояс. Центральное поле колчана покрыто тремя круглыми металлическими дисками с маленькими полусферическими умбончиками по центру. Диски снаб-

жены по периметру 3-лепестковыми бляшками-«спутниками». Самый крупный (нижний) диск имеет 8 бляшек, диск по центру — 6 бляшек (3 из них, включая бляшку-фиксатор, расположены на ремнях), малый (верхний) диск — 3 бляшки. Интересно, что расположение металлических дисков на колчане зеркально отличается от их места на поверхности налуча-«хормого» (самый крупный — вверху, самый мелкий — в нижней части) (рис. 27; 55, б).

Учитывая особенности оформления налуча и колчана, можно предположить, что саадак был изготовлен бурятскими мастерами XVII-XIX вв.

Тип 2. Трапециевидные колчаны с выпуклым днищем и поднятой «спинкой».

Данный тип колчана являлся самой популярной формой кожаных колчанов, использовавшихся монгольскими и тибетскими воинами в период позднего Средневековья и Нового времени. Он представлял собой кожаный футляр на деревянном каркасе со слабовыпуклым днищем (рис. 3, *4).* Трапециевидную форму колчану придавал подъем «спинки», обычно плавный уплощенный у монгольских «хаадаков» и ярко выраженный заостренный у тибетских «mda snubs*.

Вариант 1. Трапециевидные колчаны с тремя отделениями, карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», округлыми крепежными пластинами и накладками, полусферическими заклепками, образующими геометрические фигуры (кресты и круги).

Включает 1 экз. из Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Высота — 37 см. Колчан выполнен из кожи коричневого цвета и имеет характерную трапециевидную форму с невысокой уплощенной «спинкой». Он имеет три отделения, стянутых по «спинке» ремешком с пряжкой. На лицевой поверхности «хаадака» сделан карман, в котором могли храниться запасная тетива, плеть, напильник для заточки стрел и т. д. По периметру колчан снабжен полусферическими бляшками. На вырезной (правой) части колчана бляшки сгруппированы по пять и образуют три расположенных друг над другом креста, два подобных креста расположены горизонтально вдоль днища «хаадака». Вдоль горлового выреза футляра заклепки размещены в два ряда. Верхний состоит из одинарных крупных заклепок полусферической формы, нижний — из более мелких заклепок, сгруппированных в форме круга (одна заклепка в центре, семь

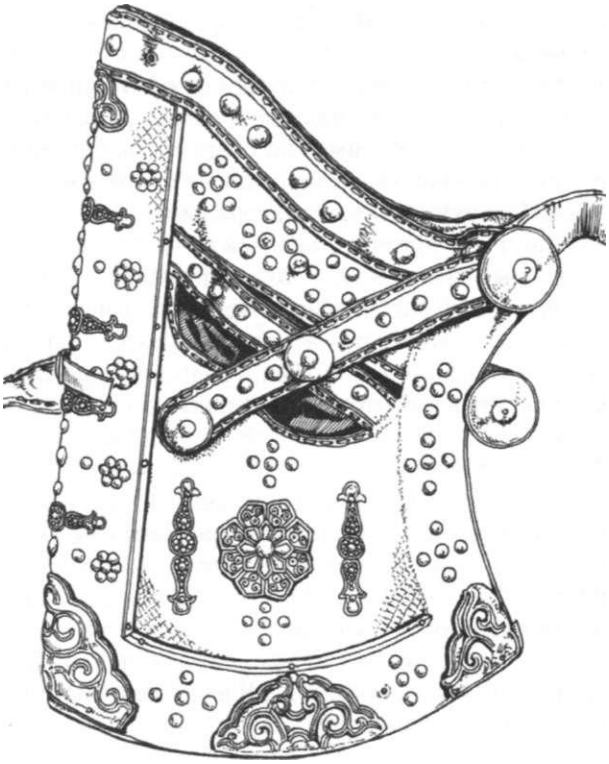

Рис. 49. Монгольский трапециевидный колчан XVII—XVI11 вв. Хранится в Монгольском историческом музее (г. Улан-Батор, МНР).

по кругу). Левая часть колчана (у «спинки») украшена мелкими 6-лепестковыми бляшками. Сама «спинка» покрыта четырьмя вырезными накладками, выполненными в виде маленького диска с двумя каплевидными пластинками-«крыльями» с бутонообразными концами. Между вырезными накладками размещены полусферические крестообразно расположенные заклепки. Они же украшают «спинки» двух других отделений колчана. Верхнюю часть «спинки» лицевого отделения колчана покрывает выпуклое изображение 3-лепесткового бутона.

Крепежные пластины выполнены в виде дисков с выпуклыми полусферическими умбончиками по центру. Таким же образом оформлены пластина-фиксатор (по центру перекрещивающихся ремней) и ее аналог, размещенный на конце верхнего ремня. Поверхность самих кожаных полос покрыта рядом полусферических заклепок.

Внутренняя плоскость «хаадака» снабжена узкой рамой-обкладкой. Последняя сохранилась не полностью — отсутствует вогнутая сторона на пра-

вой части колчана. В центре композиции — «центральный диск», выполненный в виде 8-лучевой звезды или цветка округлой формы. «Спутниками» «центрального диска» являются две накладки с бутонообразными концами (по бокам) и полусферические заклепки, сгруппированные по пять в виде креста (сверху и снизу от центральной пластины). Нижняя часть футляра снабжена тремя пластинами с вырезным краем, на поверхности которых размещен выпуклый растительный орнамент (рис. 49).

Колчан может быть датирован по характерным элементам оформления. Так, традиция украшать поверхность элементов саадака полусферическими заклепками получила широкое распространение в Монголии в период позднего Средневековья. Сгруппированные в виде круга (6 заклепок) и треугольников (три заклепки) фигуры встречаются на изображениях монгольских и тибетских колчанов и налучей XVII—XVIII вв. Наиболее близкое к рассматриваемому экземпляру изображение происходит с настенной росписи из монастыря Эрдэни-Дзу (Халха), выполненной в XVII в. Интересно, что приведенный на росписи колчан, так же как и его реальный аналог, имеет несколько отделений. Что же касается традиции расположения заклепок на поверхности в виде креста, то она также была распространена в Центральной Азии и Южной Сибири в XVII в. Именно так сгруппированы заклепки на поверхности пластин от панцирей «куячного типа», происходящих из Минусинской котловины, р. Чердат (Причулымье), Западная Монголия.

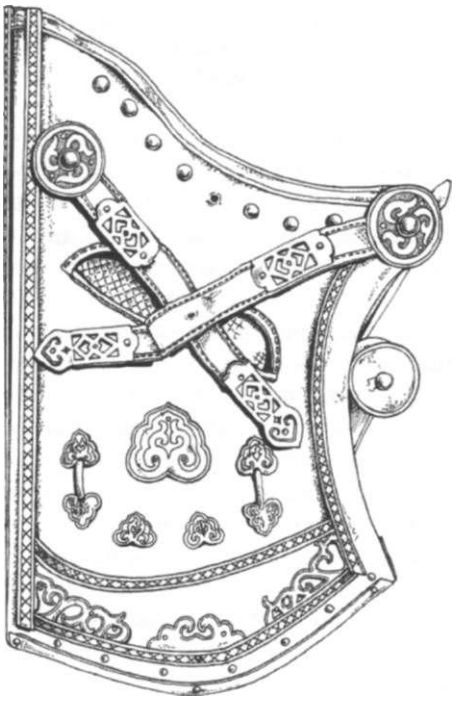

Рис. 50. Монгольский трапециевидный колчан XVII — начала XIX в. Хранится в Государственном центральном музее МНР (г. Улан-Батор, МНР).

Таким образом, данный колчан может быть датирован XVII—XVIII вв. и отнесен к комплексу вооружения кочевников Центральной Азии периода позднего Средневековья — начала Нового времени.

Вариант 2. Трапециевидные колчаны с карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», тонкой внутренней обкладкой, округлыми крепежными пластинами с 3-лучевой свастикой, металлическими накладками вырезной формы.

Включает 1 экз. из Государственного центрального музея МНР (г. Улан-Батор, МНР).

Колчан представляет собой традиционный кожаный футляр трапециевидной формы с невысокой уплощенной «спинкой». Примерно посередине лицевой плоскости «хаадака», поверх кармана, пересекаются два кожаных ремня.

Внутренняя плоскость колчана снабжена узкой обкладкой, покрытой орнаментом из косых («андреевских») крестов. Обкладка «спинки» выполнена в виде узкой прямой полосы, обкладка правого (вырезного) края — в виде вогнутой полосы, обкладка днища состоит из двух вогнутых полос, поле между которыми заполнено металлическими накладками в виде растительных побегов. В это же время горловина колчана лишена сплошной обкладки, которую заменяют кожаная окантовка и ряд из 8 полусферических заклепок (сохранилось 7). Крепежные пластины выполнены в виде металлических дисков с выпуклыми полусферическими умбончиками. Поверхности крепежных пластин, а также пластины-фиксатора левого ремня украшены изображением 3-лучевой свастики с раздвоенными лучами. Кожаные ремни на лицевой поверхности «хаадака» снабжены парой прорезных накладок подпрямоугольной формы. Концевые накладки снабжены стреловидным навершием с сердцевидными прорезями. В местах перекрещивания ремней находилась пластина-фиксатор, не сохранившаяся до настоящего времени.

Роль «центрального диска» выполняет сердцевидная накладка с вырезным краем, поверхность которой покрыта вариацией орнамента «бараний

рог». «Спутниками» «центрального диска» выступают 6 мелких сердцевидных бляшек, две из которых расположены в нижней части колчана, а другие попарно соединены металлическими скобами справа и слева от «центрального диска» (рис. 50).

Колчан датирован сотрудниками музея XVII в. На наш взгляд, время изготовления колчана можно продлить до конца XVIII в. и даже до начала XIX в.

Вариант 3. Трапециевидные колчаны с карманом, дополнительным отделением, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», металлической обкладкой, крестообразным «центральным диском», округлыми, месяцевидными, /-образными металлическими накладками, декоративными заклепками.

Включает 1 экз. из Монгольского музея изобразительных искусств (МНР) (Худяков, Бобров, 2004, с. 115, рис. 1, *16, с.* 117-118).

Колчан представляет собой традиционный кожаный футляр трапециевидной формы с приподнятой «спинкой», слабовыпуклым днищем. Примерно посередине лицевой плоскости «хаадака», поверх кармана, пересекаются два кожаных ремня.

Колчан снабжен по периметру вырезной металлической обкладкой. Горловина окаймлена рядом из 4 полусферических декоративных заклепок. Внутренняя плоскость колчана покрыта металлическими накладками различных размеров и форм. Роль «центрального диска» выполняет крестообразная пластина с умбончиком. «Спутниками» «центрального диска» являются месяцевидная накладка и ее аналог меньших размеров. Пластина-фиксатор (в месте пересечения ремней) выполнена в виде 6-лепестковой бляхи с умбончиком по центру. Оригинальным образом оформлена концевая пластина верхнего ремня. Она представляет собой округлую бляшку с Г-образными «крыльями», благодаря которым вся конструкция имеет /-образную форму (рис. 56, *4).*

Конструкция и оформление лицевой поверхности «хаадака» указывают на то, что он был изготовлен монгольскими мастерами в XVII-XIX вв.

Вариант 4. Трапециевидные колчаны с выпуклым днищем, поднятой «спинкой», тонкой внутренней обкладкой, полусферическими бляшками по периметру, округлой крепежной пластиной с «мальтийским» крестом, пластиной-фиксатором «двухлопастной пропеллер», металлическими накладками вырезной формы.

Включает 1 экз. из Западной Тувы (рис. 56, *5).*

Колчан представляет собой традиционный кожаный футляр трапециевидной формы с невысокой уплощенной «спинкой». На поверхности «хаадака» фиксируется один кожаный ремень. Его аналог не сохранился, однако на то, что изначально колчан был снабжен парой ремней, указывает полусферическая ременная пластина на «спинке». Отличительными особенностями «хаадака» являются наличие лишь одного «ушка» (и соответственно одной крепежной пластины), а также оригинальное оформление лицевой плоскости.

Внутренняя плоскость колчана (днище, «спинка», правая вогнутая сторона) снабжена узкой обкладкой. По периметру колчан отделан полусферическими бляшками. Вдоль днища бляшки идут в два ряда, вдоль «спинки» — в один. Горловина колчана украшена бляхами несколько большего размера. Крепежная пластина выполнена в виде слабовыпуклого диска, поверхность которого украшена изображением «мальтийского» креста с раздвоенными лучами. Пластина-фиксатор по центру «хаадака» имеет оригинальное оформление. Она представляет собой умбон с парой изогнутых каплевидных накладок, благодаря которым вся конструкция напоминает двухлопастной пропеллер. Нижняя часть «хаадака» снабжена «центральным диском» в виде округлой пластины с «мальтийским» крестом в обрамлении вырезных накладок. «Спутником» «центрального диска» выступает пара сердцевидных бляшек, соединенных между собой металлической скобой. С большой долей вероятности можно предположить, что еще одна пара сердцевидных бляшек, соединенных металлической скобой, располагалась симметрично в правой части колчана.

«Хаадак» из Западной Тувы близок по оформлению к описанному выше халхаскому колчану из Государственного центрального музея МНР. Оба имеют сходную конструкцию и форму покроя, а также состав декоративных украшений (тонкая внутренняя обкладка, дисковидные крепежные пластины, вырезные накладки, соединенные скобой сердцевидные бляшки). Этот факт может указывать как на близость военно-культурных традиций халхасцев и урянхайцев (что подтверждается вещественными материалами и данными письменных источников), так и на возможность монгольского происхождения данного «хаадака». Л. Р. Павлин-

екая датировала колчан из Западной Тувы XIX в. (Павлинская, 1994, с. 56-57). Учитывая время изготовления «хаадака» из Государственного центрального музея МНР, мы считаем возможным датировать данный экземпляр XVII-XIX вв.

Вариант 5. Трапециевидные колчаны с двумя отделениями, карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», кожаной обкладкой по периметру, округлыми крепежными пластинами и вырезными месяцевидными накладками, декоративными кожаными нашивками, имитирующими полосы тигриной шкуры.

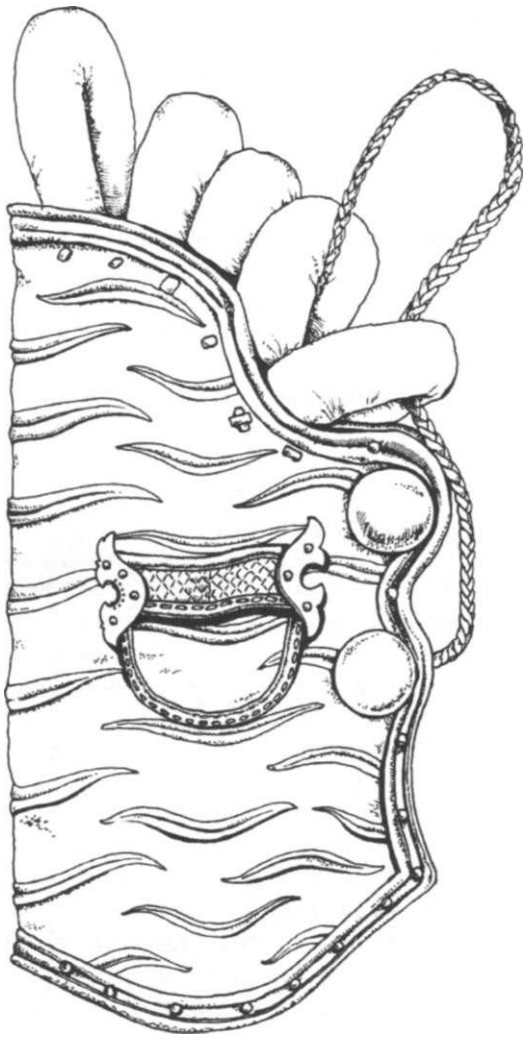

Рис. 51. Монгольский трапециевидный колчан XVII—XVI11 вв. Хранится в фондах Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Включает 1 экз. из Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Высота — 44 см. Колчан выполнен в светло-коричневых (почти желтых)тонах и имеет характерную трапециевидную форму с невысокой уплощенной «спинкой». Кроме основного отделения для стрел, колчан имеет дополнительное отделение-карман на тыльной стороне чехла. Однако в отличие от описанных выше экземпляров второе отделение не повторяет форму первого, а представляет собой его уменьшенную копию. Из дополнительных элементов колчан сохранил пять толстых мягких разделительных жгутов и кожаный плетеный ремешок.

Колчан снабжен окантовкой по периметру, но не из железа, а из кожи, закрепленной на поверхности «хоромсого» полусферическими заклепками. Крепежные пластины выполнены в виде полусферических умбонов с гладкой поверхностью. В центре «хаадака» находится горизонтальная кожаная полоса из тисненой кожи — «булгари», которая фиксируется по бокам двумя металлическими накладками в виде полумесяца с расщепленными «рогами».

Интересным образом оформлена поверхность «хаадака». Она покрыта узкими прорезными полосками кожи, имитирующими полосы на шкуре тигра. Колчаны, крытые тигровой шкурой, достаточно часто встречаются на тибетских и монгольских танка XVII-XIX вв. (рис. 51).

По совокупности признаков колчан может быть отнесен к комплексу вооружения кочевников Центральной Азии и датирован XVII—XVIII вв.

Вариант 6. Трапециевидные колчаны с карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», костяными накладками вырезной и дисковидной формы.

Включает 1 экз. из Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Высота — 34 см. Колчан выполнен из кожи светло-коричневого цвета шерсткой наружу и имеет характерную трапециевидную форму с невысокой уплощенной «спинкой». Примерно посередине лицевой плоскости «хаадака» пересекаются два кожаных ремня. Из дополнительных элементов колчан сохранил толстые мягкие разделительные жгуты и часть ремешка, с помощью которого он подвешивался к поясу. По периметру колчан снабжен кожаной окантовкой.

Отличительной чертой данного «хаадака» являются накладки, которые выполнены не из металла, а из кости. Крупная костяная пластина в нижней части колчана выполнена в подражание традиционным металлическим обкладкам днища. Она имеет ровный выпуклый нижний край, повторяющий изгиб днища, и вырезной верхний. Последний оформлен полукруглыми вырезами, образующими треугольные и трапециевидные выступы. Правая часть костяной обкладки оформлена в виде стилизованной головы барана. Еще две крупные костяные накладки расположены вдоль «спинки» колчана. Верхняя имеет прорезную 8-образную, нижняя — подпрямоугольную форму. Последняя накладка снабжена неглубокими вырезами по верхнему и нижнему краю и прямым осевым разрезом по центру. Между двумя накладками расположена круглая выпуклая костяная накладка-умбон. Семью такими же костяными умбонами отделан горловой вырез колчана. Крепежные пластины выполнены из круглых костяных дисков разного диаметра. Несколько ниже центральной части футляра расположена композиция из трех костяных накладок: в центре расположена пластина подпрямоугольной формы с вырезами с верхнего и нижнего края и месяцевидными прорезами по центру. Справа и слева от пластины размещены вертикальные стреловидные накладки, увенчанные с обоих концов наконечниками — трилистниками, с уплощенными боковыми лепестками. Верхний ремень украшен полусферическими костяными умбонами на конце и в месте пересечения с нижним ремнем (рис. 52).

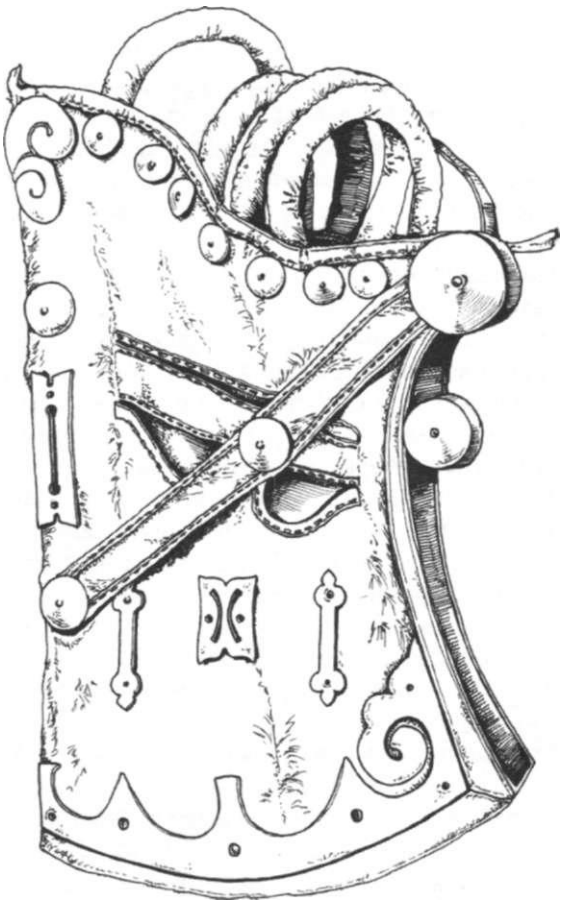

Рис. 52. Монгольский трапециевидный колчан XVIi—XVI11 вв. Хранится в фондах Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

По совокупности признаков колчан может быть отнесен к комплексу вооружения кочевников Центральной Азии и датирован XVII—XVIII вв.

Вариант 7. Трапециевидные колчаны с дополнительным отделением, карманом, выпуклым заостренным днищем подтреугольной формы, поднятой «спинкой», позолоченными накладками вырезной и дисковидной формы.

Включает 1 экз. из фондов Императорского дворца Гугун (Пекин, КНР).

Кожаный колчан имеет характерную трапециевидную форму с невысокой уплощенной «спинкой» и выпуклым заостренным днищем. Примерно посередине лицевой плоскости «хоромсого» пересекаются два кожаных ремня. По периметру чехла и по краю кармана колчан снабжен узкой обкладкой.

Несмотря на кажущееся сходство с другими колчанами серии, данный «хаадак» обладает рядом оригинальных элементов оформления. Так, колчан имеет два «центральных диска». Один из них расположен в нижней трети колчана. Он представляет собой слабовыпуклую круглую позолоченную пластину, «спутниками» которой являются пять фигурных блях, выполненных в виде парящих соколов, обращенных клювами к пластине (этот мотив повторяется на налуче, входящем в состав саадака). Другой «центральный диск», с вырезным краем, приклепан примерно посередине колчана, прямо под перекрещенными ремнями. Последние также отделаны полусферическими позолоченными бляхами, две из которых расположены у «спинки», а еще одна — в месте пересечения ремней,

украшенных фигурными накладками. Крепежные диски представляют собой крупные полусферические позолоченные умбоны, покрытые растительным орнаментом. Горловой вырез колчана и карман оторочены рядом мелких полусферических бляшек с умбончиками. Объемная позолоченная накладка с вырезным краем расположена в верхнем левом углу колчана.

По сведениям китайских историков, данный колчан входил в состав императорского саадака, однако он сильно отличается от дошедших до нас маньчжурских колчанов, имеющих прямоугольную форму и плоское или слабовыпуклое днище. Скорее всего этот «хаадак» был частью так называемого «монгольского убора», который цинские императоры (считавшие себя правопреемниками монгольской Юаньской династии) надевали на некоторые официальные церемонии. В этом случае колчан изготовлен по образцу традиционных южномонгольских позднесредневековых «хаадаков» с добавлением некоторых маньчжурских элементов. Его авторами могли быть как собственно монгольские, так и маньчжурские мастера. Судя по особенностям конструкции и элементам оформления, колчан был изготовлен в XVII—XVIII вв.

Вариант 8. Трапециевидные колчаны с карманом, слабовыпуклым днищем, вытянутой заостренной «спинкой», позолоченными прорезными полусферическими крепежными пластинами и ременными накладками, полусферическими заклепками по периметру, черным геометрическо-растительным узором на красном фоне.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис. 30,*2)*. Входит (наряду с налучем и саадачным поясом) в состав саадака, который был преподнесен в дар музею Артуром Салберджером.

Длина колчана — 30,8 см, ширина — 29,2 см. Кожаный колчан имеет трапециевидную форму со слабо выпуклым днищем и характерную для тибетских позднесредневековых колчанов вытянутую приостренную «спинку». Примерно посередине лицевой плоскости колчана пересекаются два кожаных ремня, под которыми находится вырезной карман. Плоскость колчана украшена малым количеством металлических накладок, отсутствие которых отчасти компенсируется густым рисунком на его поверхности, что в целом характерно для тибетских колчанов «mda shubs» и налучей «gzhu shubs» XVII-XIX вв.

Металлические накладки представлены рядом мелких железных заклепок по периметру колчана и позолоченными крепежными и ременными пластинами. Крепежные пластины выполнены в виде прорезных полусфер, в центре которых расположен 4-лепестковый цветок, вокруг которого свернулся укрывшийся в зарослях дракон. Крепежные пластины снабжены специальным штырем с кольцом, с помощью которого колчан подвешивается к поясному ремню. Прорезная бляшка, к которой подвешивается колчан, имеет округлую форму. Все три ременные пластины (включая пластину-фиксатор на пересечении ремней) выполнены в одном стиле. По форме они напоминают крепежные пластины, но имеют меньшие размеры. В центре ременных пластин находится трехлучевая свастика «dsa khyi» в обрамлении растительного орнамента. Изображение дракона на них отсутствует.

Характерным элементом оформления колчанов Центрального Тибета периода позднего Средневековья и Нового времени является густой геометрический и растительный рисунок, нанесенный на красно-коричневую поверхность колчана тонкими черными линиями. Подобное оформление лицевой поверхности колчанов встречается уже на колчанах-«коробах» «bse dong» XV-XVII вв. К сожалению, шеллак на поверхности колчана потемнел от времени, что сделало художественное оформление трудночитаемым. Поле колчана заполнено сотовидным узором, перемежающимся рядами свастик и полосами растительного орнамента. В нижней части поля (там, где у монгольских колчанов размещается металлический «центральный диск») помещено изображение заполненного орнаментом круга.

Американские ученые датируют саадак XV-XVII вв. На наш взгляд, важным датирующим признаком может служить изображение скрывающегося в зарослях дракона, появление которого на тибетском колчане может быть связано с усилением в регионе военного и культурного влияния Цинской империи. В связи с этим более точным временем изготовления колчана следует признать вторую половину XVII — первую половину XVIII в.

Вариант 9. Трапециевидные колчаны с карманом, слабовыпуклым окованным железом днищем, вытянутой заостренной «спинкой», позолоченными прорезными крепежными пластинами £)-образной формы, округлыми и вырезными ременными накладками, полусферическими заклепками по пери-

метру, желтым геометрическо-растительным узором на черном фоне.

Включает 1 экз. из Королевского музея (Эдинбург, Великобритания). Колчан был захвачен в Тибете капитаном 40-го полка Далмахой в ходе экспедиции Янгхазбанда, а затем передан в музейное собрание г. Эдинбурга (рис. 53).

Длина колчана — 47 см, ширина — 27 см. Кожаный футляр имеет трапециевидную форму со слабовыпуклым днищем и характерную для тибетских позднесредневековых колчанов вытянутую приостренную «спинку». Примерно посередине лицевой плоскости колчана пересекаются два кожаных ремня, под которыми находится вырезной карман. Особенностью конструкции чехла является наличие Я-образной железной пластины, которой подбито днище. Плоскость колчана украшена малым количеством металлических накладок, отсутствие которых отчасти компенсируется густым рисунком на его поверхности, что в целом характерно для тибетских колчанов «mda snubs* и налучей «gzhu shubs* XVII-XIX вв. Колчан подвешен с помощью железных петель к кожаному поясу коричневого цвета. Последний снабжен на конце пластиной с крючком и металлическими бляшками с кольцами.

Металлические накладки представлены рядом мелких железных заклепок по периметру колчана и позолоченными крепежными и ременными пластинами. Прорезные крепежные пластины имеют оригинальную D-образную форму. В центре крепежных накладок помещено стилизованное изображение дракона в зарослях. По периметру D-образные пластины снабжены рядом бусин голубого цвета. Сочетание золота накладок с голубыми бусинами и черно-желтой поверхностью чехла придает колчану исключительно нарядный вид. Ременные пластины представлены двумя экземплярами: пластиной-фиксатором (в месте перекрестия ремней) и верхнеременной пластиной. Обе они выполнены в виде слабовыпуклых круглых бляшек, украшенных изображением 4-лепесткового цветка, в центре которого находится 3-лучевая свастика. Нижний ремень снабжен фигурной вырезной накладкой в виде стилизованного дракона.

Черное поле колчана богато орнаментировано желтым геометрическим и растительным орнаментом. По периметру и краю кармана колчан снабжен

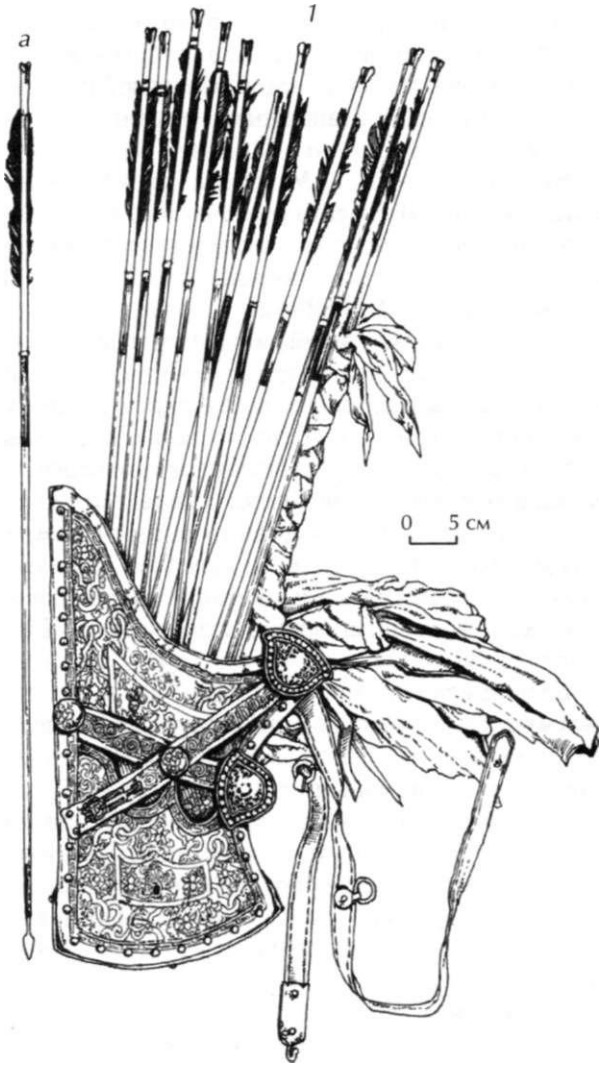

Рис. 53. Тибетский трапециевидный колчан XVI 1-XVI11 вв. Хранится в фондах Королевского музея (Эдинбург, Великобритания).

«псевдообкладкой» из полосы Г-образного узора. Внутреннее поле украшено изображением цветков лотоса и листьев.

В нижней части футляра имеется сквозное отверстие, вероятно, служившее для крепления металлического «центрального диска» «монгольского» типа, который затем был удален с поверхности колчана.

Английские ученые датируют колчан XVII-XVIII вв. Учитывая конструкцию колчана и систему его оформления, представляется возможным согласиться с данной датировкой.

Вариант 10. Трапециевидные колчаны с рельефным 3-лепестковым днищем, вытянутой отогнутой «спинкой», металлической обкладкой по периметру, прорезными крепежными пластинами и накладками,

Включает 1 экз. из Монгольской коллекции МАЭ (рис. 57, *3).* Вместе со стрелами, луком, налучем и поясом составляет полный комплект для ведения лучного дистанционного боя — саадак (№ 507, 4274-1-2, 5982-12).

Мастер, изготовивший данный «хаадак», утрировал элементы покроя, характерные для традиционных монгольских колчанов-«футляров». Вытянутая «спинка» колчана не просто далеко вынесена за пределы горловины, но и подчеркнуто отогнута назад, а выпуклое днище имеет 3-лепестковый рельеф. Изнутри колчан выстлан красным сукном, из которого изготовлены и гнезда для стрел. «Хаадак» снабжен петлями из кожи и металлическими кольцами, которыми они крепились к поясу воина (Викторова, 1980, с. 111).

Колчан и входящий с ним в саадачный комплект налуч оформлены в одной стилистической манере. Чехол «хаадака» обтянут черной тисненой кожей («булгари») с фигурными прорезями, под которые подложена красная ткань типа бязи. Орнамент по краям прошит темной нитью, кожаная основа и матерчатая подкладка еще и склеены между собой.

Сочетание черной кожи и красной ткани дополнено серебряными накладками, выполненными в стиле «эрхи угалз» (там же, с. 109-111). По периметру колчан снабжен обкладкой из кожи и тонких изогнутых железных полос, повторяющих форму кромки футляра. Днище и углы футляра покрыты фигурными металлическими листами с прорезным растительным орнаментом. Крепежные пластины выполнены в виде 4-лепестковых блях с умбончиками в центре. Украшенный серебряными бляшками горизонтальный кожаный ремешок с металлическими фиксаторами делит плоскость футляра на две части. Нижняя украшена тремя горизонтально расположенными прорезными бляхами с умбончиками. Такая же бляха меньшего размера приклепана в верхнем левом углу «хаадака».

Форма и система оформления колчана указывают на то, что он мог быть изготовлен в Халхе в конце XVIII — XIX в.

Вариант 11. Трапециевидные колчаны из кожи с деревянной обкладкой.

Включает 1 экз. из погребения у с. Ело (Горный Алтай). Найден в скальном захоронении с трупоположением вместе с 13 стрелами (5 — с железными наконечниками, 7 — с костяными), луком и деревянным седлом. На основании анализа обряда захоронения и инвентаря оно было датировано второй половиной II тыс. н. э. (Кочеев, 1983, с. 153—156).

От колчана сохранилась лишь его задняя часть. Судя по изображению, приведенному в статье В. А. Кочеева, он представлял собой «расширяющийся книзу кожаный футляр» (там же, с. 155). Каркасной основой «футляра» служила деревянная дощечка длиной 40 см с 8 отверстиями для крепления. Дощечка «внутренней стороной вшита в стенку колчана, внешняя ее сторона выступает наружу». Днище прошито ремешками. Боковые стенки колчана сшиты из сложенной в четыре слоя кожи. Стрелы в колчане хранились наконечниками вниз.

В. А. Кочеев реконструировал колчан в виде кожаного кувшина с широким дном и узким горлышком округлой формы. На наш взгляд, более вероятной выглядит реконструкция колчана в виде традиционного для позднего Средневековья узкого трапециевидного колчана со «спинкой» и выпуклым днищем. На это указывают характерный высокий задний угол колчана, препятствовавший выпадению стрел из него, а также деревянная дощечка — сохранившийся элемент обкладки, шедшей по периметру колчана. В этом случае перед нами упрощенный вариант колчанов «хаадак», вероятно находившийся на вооружении беднейших воинов Горного Алтая периода позднего Средневековья. В пользу последнего говорят и отсутствие металлических накладок, и материал бортика (дерево вместо железа, бронзы и серебра), а также большое количество стрел с костяными наконечниками.

Тип 3. Колчаны прямоугольной формы с плоским или слабовыпуклым донцем (рис. 3, 5).

Колчаны прямоугольной формы с плоским или слабовыпуклым донцем, с практически не выделенными «ушками» для крепежных пластин являются основным типом маньчжурских позднесредневековых колчанов, а впоследствии унифицированной формой кавалерийских колчанов Цинской империи (рис. 37; 38, *1-4).* Некоторые разновидности прямоугольных колчанов снабжены удлиненной «спинкой» подчеркнуто прямоугольной формы.

Вариант 1. Колчаны прямоугольной формы с прорезным покрытием, тремя округлыми медными пластинами, бляшками в виде сокола и декоративными полусферическими заклепками.

Включает 1 экз. из фондов музея г. Улан-Хабу (КНР) (рис. 32; 58, *Г*).

Чехол колчана обтянут темно-коричневой тисненой кожей с фигурными прорезями. Орнамент по краям прошит темной нитью. Колчан имеет не очень характерную для традиционных монгольских «хаадаков» форму прямоугольника. Места крепления ремней колчана к поясу («ушки») практически не выделены. В центральной части колчана на одном уровне горизонтально расположены три медные пластины округлой формы, снабженные полусферическими умбончиками. Пластина, расположенная в центре, несколько крупнее своих боковых аналогов. По периметру она снабжена шестью прорезными кожаными «лепестками», изготовленными способом аппликации. В верхней и нижней части колчана расположены медные накладки, выполненные в виде парящих соколов, обращенных к центральной пластине. Вся лицевая поверхность колчана покрыта полусферическими металлическими заклепками. Крепежные пластины представляют собой небольшие медные бляшки 8-образной формы.

Колчан, как и входящий в комплект с ним налуч, выполнены в рамках «имперской» (цинской) традиции и совмещают в себе монгольские и маньчжурские элементы оформления. Так, форма колчана и мотивы декоративных вырезов аппликации сближают его с маньчжурскими колчанами XVII-XIX вв., а наличие многочисленных полусферических заклепок указывает на родство с их позднесредневековыми центральноазиатскими аналогами. Данный саадак демонстрирует пример эволюционного развития налучей и колчанов центральноазиатского региона после его включения в состав Цинской империи. Саадак входил в состав комплекса вооружения одного из феодалов Южной Монголии или Халхи и был изготовлен монгольскими или маньчжурскими мастерами в конце XVII — XIX в.

Тип 4. 8-образные колчаны (рис. 3, *б*).

Отличительной чертой данных колчанов был их покрой. Футляр имел широкую горловину, сужался в центральной части и вновь расширялся у плоского, приостренного или слабовыпуклого днища. «Спинка» 8-образных колчанов обычно была вогнутой и немного поднятой над плоскостью горловины. «Ушки» (особенно верхнее) имели ярко выраженную форму. Данный тип колчанов является характерным элементом саадачных комплексов народов Западной Азии и Восточной Европы XVI-XVIII вв.

Вариант 1. 8-образный колчан с карманом, слабовыпуклым днищем, вогнутой приподнятой «спинкой», ярко выраженным полукруглым верхним и подтреугольным нижним «ушком», выпуклыми 8-лепестковыми накладками и крепежными пластинами, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами, «ремнем» из трех металлических цепочек.

Включает 1 экз. из музея г. Хух-Хото (КНР). Вместе с налучем входит в состав саадачного набора, преподнесенного посланцем ойратов-торгоутов цинскому императору Цяньлуну. Об этом свидетельствуют прикрепленные к налучу и колчану кусочки пергамента с надписью «Торгоуты Даши (имеется в виду торгоутский правитель Убаши-хан. — *Авт.),* с уважением дарят футляр для лука и колчан для стрел на 21 году правления Цяньлуна» (рис. 3,6; 58, *2).*

Длина колчана — 42 см, ширина — 21 см. Поле колчана снабжено черным фланелевым покрытием с окантовкой из золотой парчи по периметру. Такой же окантовкой снабжен и фигурный вырезной карман. Внутреннюю обкладку колчана формируют мелкие бляшки и бусины, нашитые на его поверхность и соединенные между собой железной цепочкой. Полусферические крепежные пластины выполнены в виде 8-лепесткового цветка.

Сверху и снизу от кармана расположены округлые пластины, выполненные в виде выпуклого 8-лепесткового цветка в обрамлении каплевидных накладок («лучей»), перемежающихся полусферическими медными (?) бляхами. 8-лепестковые пластины меньшего размера обрамляют днище (три пластины), карман (две пластины), «спинку» (одна пластина). Фигурный вырез кармана также снабжен полусферической накладкой. Остальное пространство лицевой поверхности футляра заполнено полусферическими бляхами и бусинами. Расположение последних отнюдь не хаотично. Большинство из них сгруппированы по 6 штук в виде треугольника, другие служат «спутниками» крупных металлических накладок. Дополнительным элементом оформления колчана является

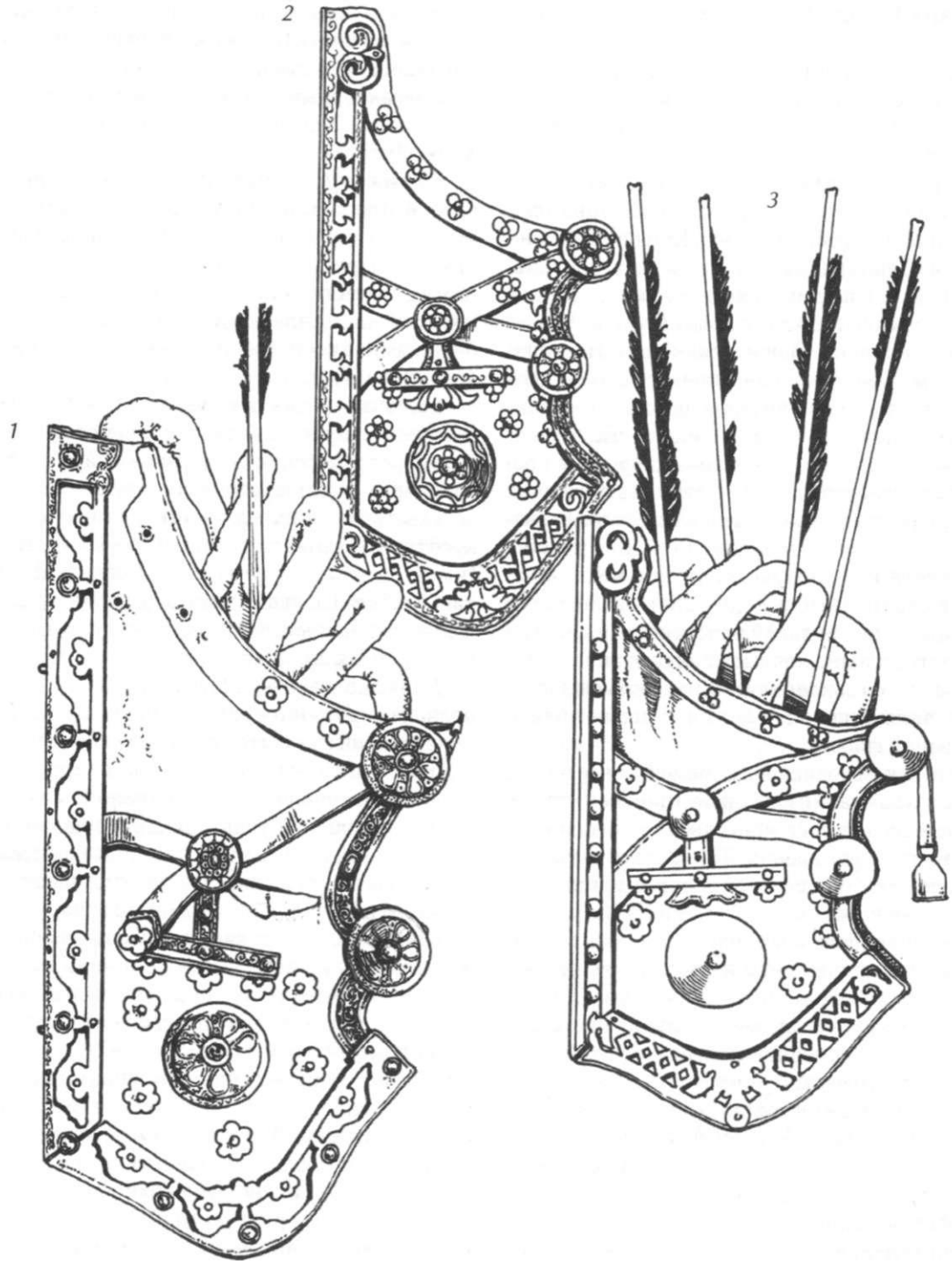

Рис. 54. Группа «горбатых» колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени:
/ — монгольский или бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в.; *2*— бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в.; *3* — Бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в.

«ремень» из трех металлических цепочек, соединенных в верхней части футляра у «спинки» и у нижнего «ушка».

Покрой, а также общий принцип оформления лицевой поверхности колчана указывают на его принадлежность к западноазиатской военно-культурной традиции. Близкие по форме 8-образные колчаны в период позднего Средневековья и Нового времени использовали лучники государств Восточной Европы, Османской империи, Ирана, государств Средней Азии. Преподнесенный в дар императору Цяньлуну саадак был изготовлен западноазиатскими мастерами или их калмыцкими коллегами по западноазиатским образцам в конце XVII — первой половине XVIII в. Наличие данного саадака на вооружении представителей калмыцкой знати подтверждается данными письменных источников об использовании калмыками предметов вооружения западноазиатского и восточноевропейского образцов.

Таким образом, в начале рассматриваемого периода кочевники Центральной Азии использовали два основных вида колчанов: колчаны-«короба» и колчаны-«футляры». В XV в. последние стали абсолютно преобладающим видом колчанов и практически совершенно вытеснили из широкого военного обихода своих коробообразных предшественников. Этот процесс не является иллюстрацией «эволюционного развития средневековых колчанов» от колчанов-«коробов» к колчанам-«футлярам». Обе разновидности колчанов были известны жителям Азии еще в начале раннего Средневековья. На протяжении длительного периода оба вида колчанов сосуществовали. Окончательная победа колчанов-«футляров» была обусловлена целым рядом факторов: функциональными преимуществами, относительной простотой изготовления, военной модой и т. д.

В отличие от налучей (среди которых абсолютно преобладающим типом покроя на протяжении всего периода позднего Средневековья и начала Нового времени были F-образные «футляры»), в различных районах рассматриваемого региона использовались колчаны, имевшие различный покрой, но единую в своей основе конструкцию. На основании анализа колчанов-«футляров» с территории Центральной Азии и Южной Сибири нами выделено два основных типа покроя: «горбатые» и трапециевидные колчаны. Позднее (начиная с XVII в.) среди монгольских кочевников начинают распространяться колчаны прямоугольной, а среди волжских калмыков — 8-образной формы.

«Горбатые» колчаны с ярко выраженным вытянутым днищем («горбом») и высокой узкой (или, напротив, массивной) «спинкой» характерны для кочевников Южной Сибири, в частности бурят. У «хаадаков» предбайкальских бурят днище, как правило, имело заостренную, а у их забайкальских «сородичей» — уплощенную форму. Местная военно-культурная традиция требовала богато украшать лицевую поверхность колчанов металлическими пластинами различных форм и размеров. Широко распространенным элементом оформления бурятских колчанов были металлическая (сплошная или прорезная) обкладка по периметру и так называемый «центральный диск» — крупная железная пластина округлой формы, которая обычно (в отличие от налучей) располагалась не в середине, а в нижней трети колчана. Особым богатством и пышностью отличались «хаадаки» предбайкальских бурят. Их лицевая поверхность покрывалась десятками накладок различных форм и размеров, за которыми иногда почти скрывалась кожаная основа «хаадака». Пластины обкладки снабжались фигурными прорезями. На одной поверхности могли сочетаться различные типы мелких лепестковых бляшек и крупные вырезные пластины причудливых форм. Разнообразием отличается форма крепежных пластин: численно преобладают накладки округлой формы с ровным и угловатым краем, пластины «бараний рог» (напоминающие по форме геральдическую лилию), также встречаются крепежные пластины подтреугольной и оригинальной Я-образной формы. Путем ковки на железные накладки набивались тонкие серебряные пластины и волоченая проволока. В густой растительный узор в виде побегов виноградной лозы «вплетался» излюбленный бурятами оформительский мотив «бараний рог» в сочетании со стилизованными изображениями солнца, луны, лука, стрел и т. д. Под лучами солнца серебряные пластины блестели и переливались, создавая впечатление цельнокованой поверхности.

Излюбленным мотивом оформления колчанов забайкальских бурят были три вертикально расположенных металлических диска с умбончиками. Самый крупный из них размещался в нижней (широкой) части хаадака, а самый мелкий — в более узкой верхней части.

«Горбатые» «хаадаки» были основным типом колчанов бурятов, но встречались и у их южных соседей — монгольских кочевников Халхи. Вероятно, использовали их и джунгарские воины, через посредничество которых с «горбатыми» колчанами познакомились казахи (рис. 58,*6)*. На наш взгляд, широкое распространение данного типа колчанов началось в период позднего Средневековья, а в первые столетия Нового времени он стал преобладающим у бурятских племен. Богато отделанные колчаны использовались не только по своему прямому назначению, но и в ходе праздничных церемоний, в частности свадебных торжеств (рис. 59).

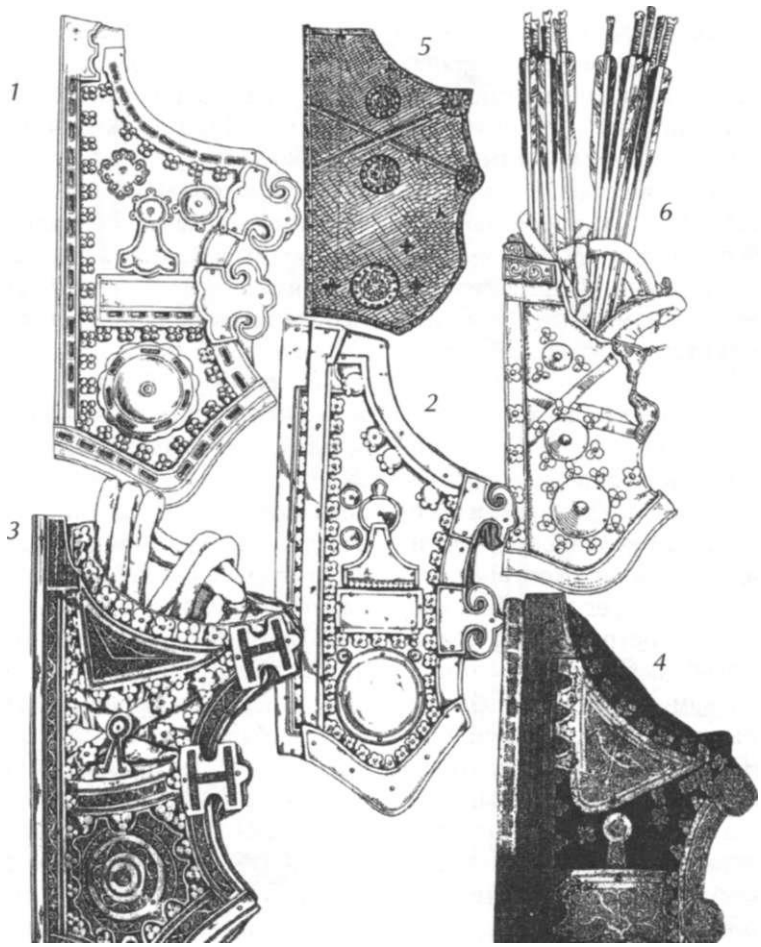

Рис. 55. Группа бурятских «горбатых» колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени (5 — по А. А. Бадмаеву):

/ — бурятский XVIII-XIX вв.; *2* — бурятский XVIII-XIX вв.; *3* — бурятский (предбайкальский) XVIII — начала XIX в.; *4* — бурятский (предбайкальский) XVIII — начала XIX в.; 5 — «горбатый» колчан агинских бурят Нового времени (по А.А. Бадмаеву); 6 — бурятский «горбатый» колчан с кожаной обкладкой «спинки» и металлической обкладкой дниша.

Традиционной формой покроя монгольских позднесредневековых колчанов был футляр трапециевидной формы с вытянутой или приподнятой и уплощенной «спинкой», выпуклым днищем. По периметру колчан снабжался металлической или кожаной обкладкой. Крепежные пластины обычно имели округлую форму. В нижней части футляра помещался «центральный диск» в окружении вырезных накладок-«спутников», многолепестковых бляшек и полусферических заклепок. «Дисками» центральные накладки на монгольских колчанах часто можно назвать лишь условно. Позднесредневековые мон-

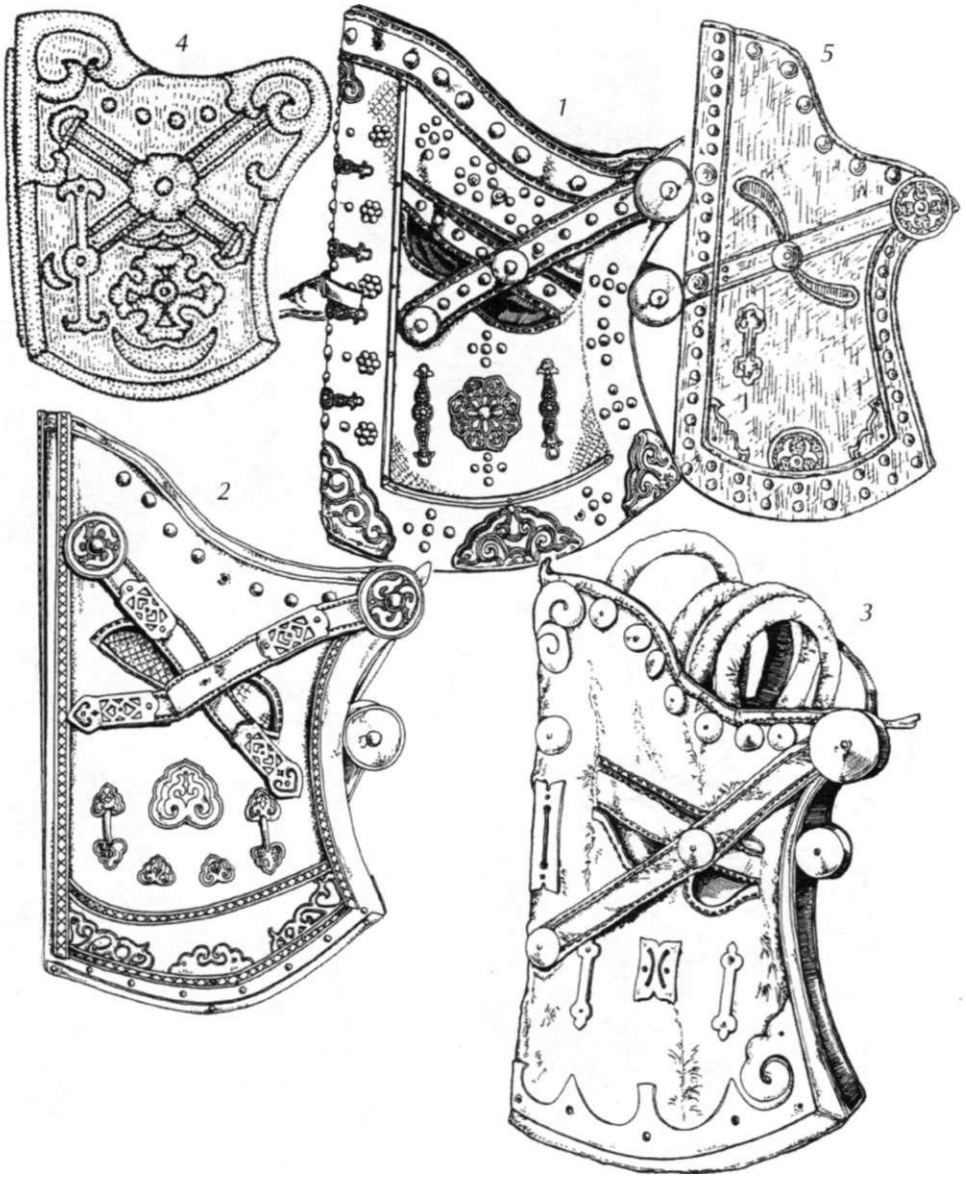

Рис. 56. Группа центральноазиатских и южносибирских трапециевидных колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени:

1 — монгольский XVII—XVIII в.; *2*— монгольский XVII — начала XIX в.; *3* — монгольский XVII-XVIII вв.; *4* — монгольский XVII-XIX вв.; 5 — тувинский (?) XVII-XIX вв.

гольские мастера нередко замещали традиционные полусферические умбоны накладками сердцевидной и подпрямоугольной формы (рис. 3, *4)*. Тибетские трапециевидные колчаны выделялись высокой заостренной «спинкой» и почти полным отсутствием на своей поверхности металлических накладок (за исключением крепежных пластин и заклепок), которые замещались густым геометрическим и растительным орнаментом. Монгольские колчаны, относящиеся к концу периода, выделяются гипертрофированным подчеркиванием традиционной формы покроя. Их «спинка» не просто вытянута вверх, но

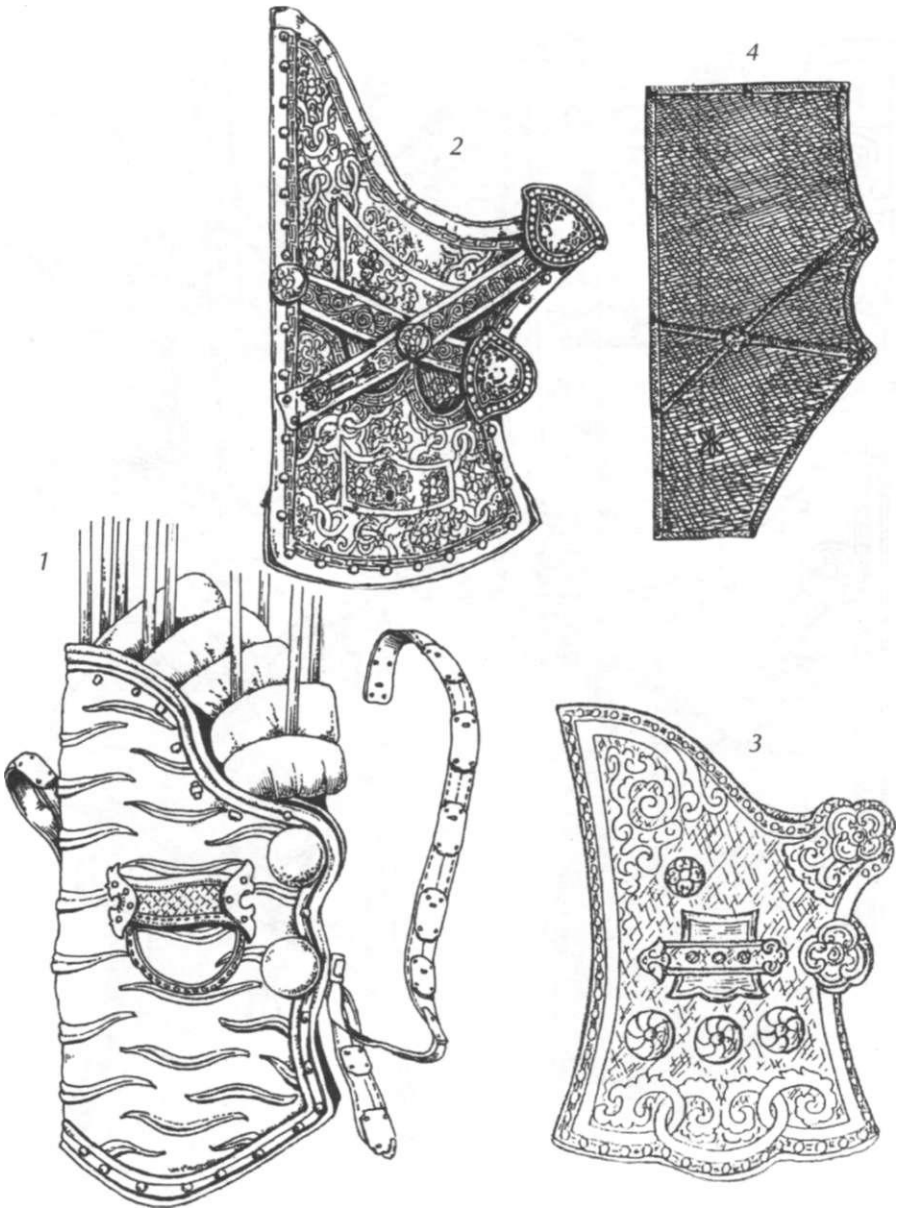

Рис. 57. Группа центральноазиатских *(1-3)* и южносибирских (4) колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени *(4* — по А. А. Бадмаеву):

1 — монгольский трапециевидный колчан XVII—XVIII вв.; *2* —тибетский трапециевидный колчан XVII—XVIИ вв.; *3* — монгольский трапециевидный колчан конца XVIII — XIX в.; *4* — бурятский (агинский) колчан Нового времени (по А. А. Бадмаеву).

Рис. 58. Колчаны западноазиатского и восточноазиатского («имперского») образцов, казахские саадачные наборы и колчаны периода позднего Средневековья и Нового времени *{3-4,* 6 — по К. С. Ахметжану; 5 — по Ч. Ч. Валиханову):

/ — монгольский колчан конца XVII — XIX в., выполненный в подражание цинским позднесредневековым прямоугольным колчанам; 2 — калмыцкий (торгоутский) 8-образный колчан, выполненный в западноазиатском стиле; *3-6* — казахские колчаны, саадачный набор (4) и обкладка днища (6а) «горбатого» казахского колчана (6) периода позднего Средневековья и Нового времени.

и отогнута назад, а днище имеет не просто выпуклую, но даже рельефную 3-лепестковую форму (рис. 57,*3*). Позднесредневековые монгольские колчаны-«футляры» являются результатом развития центральноазиатских колчанов-«футляров» периода развитого Средневековья.

Распространение среди номадов Центральной Азии прямоугольных колчанов с плоским или слабовыпуклым днищем и практически невыделенными «ушками» под крепежные пластины связано с влиянием маньчжурской (впоследствии цинской) военно-культурной традиции. По мере того как монгольские государственные образования входили в состав Цинской империи, колчаны «цинского» типа получали все большее распространение сначала среди степной знати и ее окружения, а затем и среди рядовых кочевников.

В Калмыцком ханстве уже в XVII—XVIII вв. известное распространение получили традиционные для Западной Азии и Восточной Европы 8-образные колчаны. Процесс распространения подобных колчанов среди жителей Калмыкии укладывается в процесс постепенной «вестернизации» («мусульманизации») оружейного комплекса откочевавших на берега Волги западных монголов.

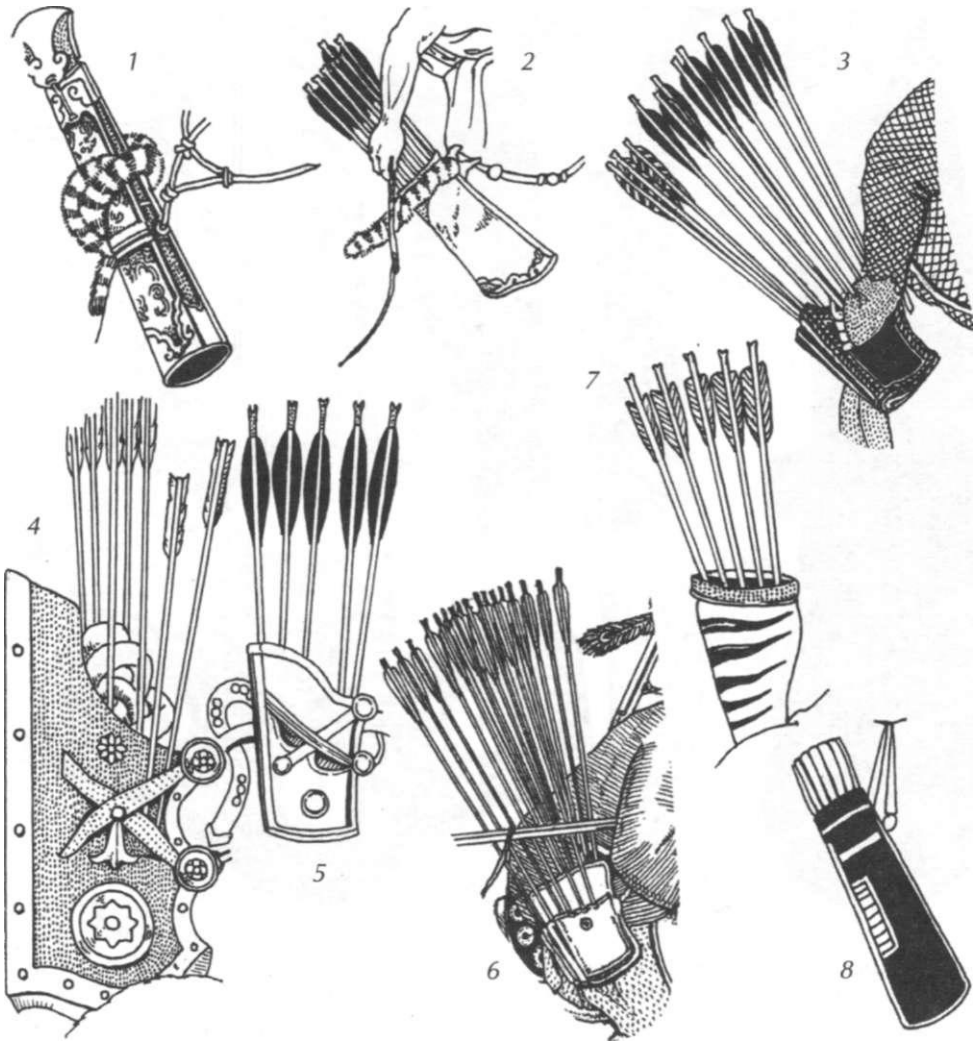

Рис. 59. Изображения юаньских *(1,8),* монгольских *(2),* джунгарских или цинских *(3, 6),* бурятских (4), тибетских (5, 7) колчанов конца XIV —XIX в.

Глава 4

РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И РУЖЕЙНАЯ АМУНИЦИЯ

Позднесредневековые монголы смогли познакомиться с действием ручного огнестрельного оружия и артиллерии еще в XV — начале XVI в. в ходе вооруженных столкновений с минскими китайцами и народами Средней Азии. Однако в этот период еще малочисленное и не особенно надежное огнестрельное оружие не произвело должного впечатления на центральноазиатских полководцев. Участь степных сражений по-прежнему решала копейная панцирная конница, действовавшая в тесном контакте с легковооруженными лучниками.

Стремительная эволюция огнестрельного оружия на протяжении XVI в., улучшение боевых характеристик фитильных ружей, начало их массового производства в государствах Средней Азии и в Китае не могли не привлечь внимание монгольских военачальников. Во второй половине XVI — начале XVII в. номады стали все более активно предпринимать попытки приобрести новейшие экземпляры ручного огнестрельного оружия. Однако ни Китай, ни впоследствии Россия не собирались делиться с кочевниками монополией на производство и массовое использование огнестрельного оружия. Оседлыми государствами был установлен жесточайший запрет на продажу кочевникам ружей и пушек. Попадавшие в руки номадов в качестве трофеев, контрабандных товаров или дипломатических подарков ружья были не многочисленны и не могли оказать значительного влияния на ход степных сражений. Фитильные ружья конца периода позднего Средневековья — начала Нового времени были еще очень несовершенны. Низкая скорострельность, малая дальность, а также оставлявшая желать лучшего точность попадания в цель (вкупе с мораторием на ввоз ружей в степи) становились непреодолимой преградой в распространении ручного огнестрельного оружия в монгольских государственных образованиях. Если в Европе, Средней Азии и Китае технологические недостатки позднесредневековых ружей частично нивелировались за счет их массового применения и ведения стрельбы залпами, то в Центральной Азии этот способ ведения боя был невозможен в силу дефицита огнестрельного оружия. Москва и Пекин делали все возможное, чтобы до минимума свести вероятность контрабандной продажи степнякам мушкетов и пищалей. В результате даже в первой трети XVII в. только отдельные номады могли похвастать трофейными или обмененными у русских, бухарцев или китайцев ружьями и амуницией к ним. Такие воины, в силу своей малочисленности, не оказывали решающего воздействия на ход полевых сражений, но их участие в дистанционном бою позволяло современникам отмечать факт наличия в монгольских кочевьях «огненного боя». В результате наметилось характерное диалектическое противоречие: в первой половине XVII в. импортированные за сотни километров ружья русского, среднеазиатского и китайского производства стоили в Монголии меньше качественно сделанных металлических панцирей местного производства: 9 и 5 голов скота соответственно (Владимирцов, 2002, с. 463). Ситуация начала существенно меняться лишь во второй половине XVII — начале XVIII в.

Источники поступления огнестрельного оружия в монгольские армии различных районов Центральной Азии существенно разнились, что отражалось на уровне оснащенности огнестрельным оружием воинов монгольских государств региона. Поэтому имеет смысл рассмотреть источники поступления ружей в войска кочевников Халхи, Южной, Северной Монголии и Джунгарии по отдельности.

4.1. Огнестрельное оружие в войсках кочевников Южной Монголии иХалхивХУМ-ХУШвв.

Согласно данным письменных источников, в рассматриваемый период кочевники Южной Монголии и Халхи использовали огнестрельное оружие,

изготовленное преимущественно в мастерских государств Дальнего Востока. Однако китайское и маньчжурское огнестрельное оружие, добытое в качестве трофеев или вследствие контрабанды, было представлено в монгольских войсках XVII в. очень небольшим количеством экземпляров. Характерно в этой связи, что в текстах так называемых «Восемнадцати степных законов», принятых на съездах халхаской знати в конце XVI — первой трети XVII в., в ряду предметов вооружения монгольских воинов, за кражу которых взыскивался штраф, огнестрельное оружие вообще не упомянуто (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 56). Минская, а впоследствии и Цинская империи делали все возможное, чтобы не допустить попадания не только огнестрельного, но и любого другого оружия в руки кочевников. Еще в конце 90-х гг. XIV в. в Общеимперском своде законов были прописаны наказания за вывоз железа и оружия за пределы Поднебесной: за торговлю оружием контрабандист получал сто палок, носильщики понижались на один ранг, оружие и транспорт безвозмездно передавались в казну. Доносительство поощрялось. Информатору полагалось 30% от объема конфискованного имущества (Бокщанин, Непомнин, 2002, с. 61). Позднее запрет на продажу оружия иностранцам неоднократно повторялся в различных имперских законодательных актах, причем наказания становились все более суровыми. В марте 1498 г. минскими чиновниками было обнародовано специальное постановление, под страхом смертной казни запрещавшее продажу оружия жителям других государств: «Чиновникам, солдатам и простолюдинам разрешается торговать с ними (иностранцами. — Лет.) лишь блестящим белым шелком, рами, нитками, тафтой, полотном, одеждой... и не разрешается торговать любым оружием, а также запрещенными для вывоза медью, железом и т. д. Осмелившихся нарушить данный указ всех арестовывать и наказывать смертной казнью. Быть по сему!» В Цинской империи также существовал строжайший запрет на продажу вооружения «северным варварам», что нашло свое отражение в своде законов «Цааджин бичиг»: «Объявлено о запрещении продавать латы, шлемы, луки, стрелы, другое оружие ойратам и халхасцам» (Цааджин бичиг, 1998, с. 90). За продажу оружия главного зачинщика полагалось удавить, а его сообщников подвергнуть телесным наказаниям и крупным штрафам. Потенциал контрабандной торговли огнестрельным оружием в Китае изначально был невелик, так как основные производственные мощности находились за Великой стеной и для того, чтобы перевезти ружья на север, нужно было преодолеть целый ряд густо населенных районов и пройти серию проверок на границе. Поэтому для кочевников Южной Монголии и Халхи важными источниками пополнения запасов огнестрельного оружия были военные трофеи, а также официальные поставки со стороны оседлых союзников (маньчжуров и китайцев).

Наибольшими возможностями для приобретения и использования огнестрельного оружия цинского производства по логике должны были обладать кочевники Южной Монголии, правители которой присягнули на верность маньчжурским императорам еще в первой трети XVII в. Однако, судя по косвенным данным, этими возможностями южные монголы сумели воспользоваться далеко не в полной мере. Во всяком случае, в своде законодательных актов «Цааджин бичиг» (1627-1696 гг.), составленном маньчжурскими чиновниками для кочевников Южной Монголии и Халхи, при перечислении вооружения монгольских воинов цинской армии огнестрельное оружие отсутствует (Цааджин бичиг, 1998, с. 57,65,67,90). Попытки решить проблему за счет привлечения иностранных солдат, вооруженных огнестрельным оружием, как правило, также не увенчивались успехом. Например, в 1625 г. монголы-харачины обратились с просьбой к Нурхаци прислать им «одну тысячу пищальников» для ведения боевых действий против чахарского Лигдэн-хана, однако маньчжурский правитель отрядил в помощь своим союзникам лишь «4 послов» и «8 инструкторов». По мнению А. М. Пастухова, эти специалисты должны были научить воинов харачинского тушэту-эфу Уубы эффективно использовать уже имеющееся у него огнестрельное оружие, предположительно восточноазиатского производства. Однако прямых указаний на факты обучения маньчжурскими специалистами монгольских воинов искусству владения ружьями в этот период в доступных письменных источниках нами не зафиксировано. Вероятно, на вооружении южных монголов XVII—XVIII вв. находилось некоторое количество разнотипного и разнокалиберного огнестрельного оружия маньчжурского и китайского производства: многоствольные ручницы, аркебузы типа «наоцян», фитильные и кремневые мушкеты

и т. д., однако внедрение новых видов вооружения не привело к кардинальным изменениям в тактике южномонгольских армий XVII в.

В халхаских армиях XVII в. кроме китайского и маньчжурского огнестрельного оружия использовалось некоторое количество ружей русского производства. Последнее попадало к монгольским кочевникам в качестве подарков русских правителей и трофеев (добытых в ходе столкновений со служилыми людьми сибирских острогов). Полученные таким способом русские пищали считались элитарным оружием и включались в состав посольских даров, преподносимых венценосным особам других государств региона. Так, например, в 1637 г. халхаские феодалы отправили в дар маньчжурскому правителю вместе с «уйгурским луком» и «армазским топором» «русское ружье» (Мэн-гу-ю-муцзи, 1895, с. 388). При этом общее число пищалей русского производства, использовавшихся халхасцами в XVII—XVIII вв., было очень незначительно. Необходимо отметить, что русское огнестрельное оружие высоко ценилось не только среди монгольских кочевников, но и в Цинском Китае. Согласно данным российского посланника в Китай Н. Н. Спафария, цинские военачальники «к пищалям нашим... весьма охоту имеют и приказывают с бухарцами, чтобы они промышляли из Руси, и за одну пищаль дают по сто рублей, и привыкают стрелять из них, и сказывают о нынешнем хане (т. е. «богдыхане», цинском императоре. *— Авт.),* так стреляет гораздо, что и птицу на воздухе убивает» (Спафарий, 1860, с. 223).

Централизованные поставки ручного огнестрельного оружия и, возможно, мелкокалиберной артиллерии цинского производства в войска Халхи начались в 80-х гг. XVII в. В этот период Цинская империя сумела вовлечь ряд халхаских феодалов в военные действия против русских в районе Забайкалья. По сообщениям русских служилых людей, в 1687 г. в монгольские войска поступили ружья и пушки цинского производства: «А с теми де мунгальскими людьми были в обозе пушки и мелкое огненное ружье многое, а прислано им от китайцев для опасности в прошлом (1687) году» (МРМО, 2000, с. 141). В ходе осады Селенгинска и Удинска монгольские войска применили цинское огнестрельное оружие. Однако объем поставок был невелик. В этот период цины не были заинтересованы в усилении своих пока еще самостоятельных северных соседей, поэтому посылаемое халхасцам огнестрельное оружие должно было повысить боеспособность монгольских частей, действовавших против русских, но ни в коем случае не изменить сложившийся баланс вооруженных сил в регионе. Неудивительно, что к отправляемой артиллерии были приписаны китайские специалисты, а большинство монгольских воинов продолжали использовать холодное оружие: «И по ево де Карай-жаргуча(иву) выбо(ру) посланы под селенгинские остроги в осень мунгальские многие люди. А ручной де бой у них лучной да копейщики...» (МРМО, 2000, с. 144).

После включения Халхи в состав Цинской империи в конце XVII в. объем поставок огнестрельного оружия в степи должен был возрасти. Дополнительные партии огнестрельного оружия цинского производства могли поступить в халхаские войска уже в 1690-1691 гг., после официального согласия Пекина на продажу оружия монгольским феодалам, сражавшимся с Галданом Бошокту-ханом (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 192). В документе, датированном 1718 г. и входящем в состав уложения «Халха Джирум», среди предметов вооружения халхаских воинов, наряду с копьями, саблями, луками и стрелами, упоминаются ружейные боеприпасы — «порох на тридцать выстрелов», «тридцать штук пуль да фитиля три сажени» (Халха Джирум, 1965, с. 85).

О том, как выглядели ружья, использовавшиеся монгольскими кочевниками XVIII-XIX вв., можно судить по дошедшим до нас фитильным ружьям из старых ружейных коллекций, хранящихся ныне в частных собраниях и музейных фондах МНР и КНР. Судя по особенностям конструкции и оформления данных ружей, большинство из них были изготовлены китайскими и маньчжурскими оружейниками. Цинские ружья рассматриваемого периода обычно имели фитильный замок, достаточно длинный, расширяющийся у дула ствол, узкий слабоизогнутый и дополнительно сужающийся к концу приклад. Частым добавлением была пара загнутых на конце сошек (рис. 63, *5-8;* 73, *10, 12-15).* Известное распространение имели также фитильные ружья, снабженные резко отогнутой вниз «пистолетной рукоятью» (прикладом) (рис. 79, *9, И).* При ведении стрельбы приклады таких ружей не прижимались к плечу, а удерживались на весу. Сила отдачи, за счет небольшого калибра, была

относительно невелика. Цинские ружья с «пистолетной рукоятью» редко снабжались сошками. Очень близкие по конструкции ружья использовались в соседней Японии.

В коллекции музея г. Чифын (пров. Внутренняя Монголия, КНР) хранится фитильное ружье, датированное периодом господства в Монголии маньчжурской династии Цин. Общая длина ружья — 148,5 см. По конструкции замка ружье может быть отнесено к разряду фитильных. Граненый железный ствол имеет расширение у дула. Его поверхность покрыта декоративными украшениями: выпуклым серебряным растительным орнаментом, перемежающимся геометрическими фигурами и кольцами. Ствол фиксируется на ложе с помощью четырех металлических обойм, две из которых расположены в казенной части и по одной в центральной части ствола и у дула. Отличительной чертой ружья является длинный, достаточно узкий, но при этом массивный, немного сужающийся к концу приклад. Ружье снабжено парой деревянных сошек, облегчавших прицельную стрельбу. Судя по длине сошек, их применяли при стрельбе с колена. К центральной части ружья прикреплена длинная веревка, на конце которой привязана небольшая роговая пороховница конусовидной формы с затравочным порохом.

Фитильные ружья употреблялись в Халхе исключительно долго. После поставок огнестрельного оружия в XVIII — первой половине XIX в. цинское правительство, по-видимому, прекратило сколько-нибудь массовые поставки огнестрельного оружия в Монголию. По сообщению ротмистра Заамурского округа Барановского в начале XX в., «из положенных по штату 150 всадников вооружение имеют только 50, на которых оружие было прислано в старину Китаем. Оружие огнестрельное негодное, старинных образцов» (Материалы по Маньчжурии и Монголии, 1906, с. 22).

На протяжении всего XVII в. ружья в Халхе были востребованным, но мало распространенным видом оружия дистанционного боя. Минский Китай, впоследствии Цинская империя и Россия, объявившие мораторий на продажу огнестрельного оружия в монгольские государственные образования, сумели не допустить перевооружения халхасских армий. Ограниченные поставки огнестрельного оружия цинского производства были редки и четко увязаны с участием монгольских отрядов в военных предприятиях маньчжурской династии. В результате даже в конце XVII в. ружьями были вооружены лишь немногие халхаские воины. В то время как русские, цинские и джунгарские армии активно перевооружались и разрабатывали новые тактические схемы ведения боя, военное искусство монголов Халхи было искусственно законсервировано практически на уровне развитого Средневековья. Огнестрельное оружие в этом регионе так и не получило преобладающего значения и оставалось одним из многих способов ведения боя. Стагнация военного искусства, вызванная в том числе нехваткой огнестрельного оружия, привела к военному разгрому Халхи в ходе Джунгаро-халхаской войны 1688-1690 гг. и потере государственной независимости Восточной Монголии. Но и вхождение Халхи в состав Цинской империи не изменило ситуацию в корне. Судя по данным письменных источников, в конце XVII — XVIII в. в Южной Монголии и Халхе так и не было налажено собственное масштабное ружейное производство. Значительное количество ружей, использовавшихся халхаскими воинами в этот период, являлось импортом из ремесленных центров Восточной Азии. Большинство ружей, поступавших из-за границы, были изготовлены в мастерских Цинской империи, которая контролировала как объем поставок, так и общий уровень вооружения и оснащения войск Внутренней и Внешней Монголии.

4.2. Огнестрельное оружие в войсках североллонгольского государства Алтын-ханов (XVII в.) и народов Южной Сибири (XVI 1-XVIII вв.)

Кочевники Южной Сибири были отрезаны от городов Средней Азии владениями джунгарских правителей, а от Китая — кочевьями халхаских феодалов. Естественным, а для некоторых сибирских этносов и единственным источником приобретения огнестрельного оружия длительное время были гарнизоны и мастерские сибирских городов и острогов. Уже вскоре после включения жителей «Кузнецкой земли» в число подданных Российского государства сибирские воеводы попытались организовать производство огнестрельного оружия из сибирского железа. Уже осенью 1624 г. была

предпринята попытка добычи железа в окрестностях Томска, которая закончилась неудачей (добыча и производство «томского» железа оказались чрезмерно дорогим занятием). После прекращения добычи железа в Томске присланные кузнецы были переведены в Верхотурье «железную руду варить, и железо плавить. И пушки и всякое железное дело делать». Несмотря на прекращение добычи железа, в Томске и других сибирских городах продолжали работать мастера, способные починить или изготовить огнестрельное оружие. В 1636 г. в Томске из «порченых стволов» были «заделаны 73 пищали и розданы томским служилым людям и в Кузнецкий острог посланы». Впоследствии местным специалистам было дано указание отремонтировать все имеющееся на хранении огнестрельное оружие (не только ружья, но и пушки) или же «отлить новое, если ремонт невозможен» (Башкатова, 1981, с. 133-138). В конце XVII — начале XVIII в. в арсеналах сибирских городов и острогов хранились тысячи единиц огнестрельного оружия, которые представляли значительный интерес для аборигенного населения Южной Сибири.

Приобретение русского огнестрельного оружия облегчал тот факт, что многие племена южносибирских кочевников признали себя подданными русского царя и перешли на положение «ясашных (подгородных) татар». Пользуясь статусом подданных Российского государства, «подгородные» татары (несмотря на многочисленные запреты царской администрации) стали активно выменивать у служилых людей их пищали и винтовки. Ружья обменивались на предметы защитного вооружения центральноазиатского производства, скот, промысловые шкуры (Кушкумбаев, 2001, с. 71). Произведенный красноярским воеводой в 1653 г. сыск показал, что у подгородных качинских и арийских татар хранится «много русского оружия». Так, качинский татарин Кула приобрел у пятидесятника Родиона Кольцова винтовку, отдав за нее «наручи мугальские». Служилый человек Андрей Сокин обменял ружье на коня, томский служилый человек Юшка Шадрин — на корову, бобровую и соболью шкурки, тобольский сын боярский Иван Астраханцев отдал свою пищаль за быка и две соболиные шкурки. В 1696 г. сын боярский Конон Самсонов и атаман Михаил Злобин были обвинены в продаже «винтовальных ружей» «винтовок с 20» в «Канскую и Камасинскую землю» (Бахрушин, 1959, с. 132). Приобретенные таким образом ружья впоследствии иногда обращались против своих прежних владельцев. Например, в 1692 г. в ответ на предложение русских служилых людей начать переговоры укрепившиеся в своем лагере тубинцы «ответили стрельбой из луков и пищалей» (Александров, 1964, с. 57). Однако частный характер сделок препятствовал широкому распространению огнестрельного оружия среди «подгородных татар», разделенных на отдельные роды и племена.

Канун и начало Северной войны совпали с началом создания на Урале и в Сибири крупных предприятий по производству огнестрельного оружия. В 1699 г. после трехлетних подготовительных работ началось строительство первых казенных уральских заводов (Каменского и Невьяновского), на которых предполагалось выпускать пушки, гаубицы и мортиры. Оружейный двор (производство фузей для нужд действующей армии) должен был быть построен в Сибири. Сначала местные власти планировали разместить его на речке Аремзянке в Тобольском уезде, где для поставленной задачи имелось все необходимое. Однако тобольский воевода, опасаясь, что вдали от основного административного центра будет сложно осуществлять контроль за производством и хранением новейших ружей, принял решение разместить Оружейный двор непосредственно в Тобольске. Уже в 1701 г., после поступления первых партий уральского железа, Оружейный двор начал свою работу. Для изготовления ружей в Тобольск были присланы оружейники из Суздальского уезда, Тулы, Тюмени и Верхотурья. Перед мастерами была поставлена амбициозная задача выпускать по 100 фузей и мушкетов в неделю (5-6 тыс. ружей в год). Для осуществления столь масштабного проекта набранных специалистов не хватало, поэтому производственные мощности вводились в работу постепенно. Сибирская администрация предприняла исключительные меры по предотвращению попадания ружей нового образца в руки южносибирских кочевников. Руководителям производства было предписано держать «мастеровых» и «работных людей» на оружейном дворе круглосуточно и отпускать к семьям только по большим праздникам и воскресным дням. Послабления делались для «добрых» и семейных мастеров, которых отпускали ночевать домой, но категорически запрещали «брать работу на дом»: «А буде которые мастера люди добрые и

живут домами своими з женами и з детьми, и похотят ночевать ходить в домы свои, и тех мастеров добрых людей в домы их ночевать отпускать, а только работать им фузеи и всякие снасти держать на том же деловом дворе во всякой бережьбе, а з двора без указу ничего носить им не велеть, и к тому двору надзирателя приставить радетельного доброго и верного человека» (Копылов, 1977, с. 50-53). Неизвестно, удавалось ли городским властям удерживать мастеров на Оружейном дворе и ночью, но режим контроля за производством и хранением огнестрельного оружия был существенно ужесточен. В самом начале XVIII в. была создана система учета огнестрельного оружия в сибирских острогах. В 1701 г. вышел царский указ о клеймении ружей (Митько, 2000, с. 90). Ружейным мастерам сибирских острогов разрешалось брать в починку ружья только у русских служилых людей. В случае попадания фузей к «подгородным татарам» было приказано бить провинившихся «нещадно и смертно» (Копылов, 1977, с. 53). Эти и другие меры привели к тому, что хотя продажа ружей аборигенному населению продолжалась, но ее масштабы были существенно ограничены. Главное, чего удалось добиться сибирским властям, это минимизировать возможность попадания в руки южносибирских кочевников новейших образцов русского огнестрельного оружия.

Ружья российского производства, незаконно приобретенные у служилых людей «ясашными татарами» Южной Сибири, исчислялись десятками (в отдельные периоды, возможно, сотнями) и были распределены между аборигенными жителями, проживавшими разрозненно на обширной территории. В результате в ходе военных столкновений лишь немногие «подгородные татары» использовали огнестрельное оружие.

Остатки огнестрельного оружия на территории Тувы найдены в двух мужских могилах в Бай-Даг и Ак-Дуруг. В первом случае обнаружены железный ружейный ствол, расширяющийся в дульной части, пять шаровидных железных пуль и кусок кремня. Интересно, что в этом же захоронении были обнаружены наконечники стрел, т. е. в комплекс вооружения, положенного в могилу воина, входило как огнестрельное оружие, так и саадак. В другой потревоженной могиле фиксируются остатки деревянного приклада ружья (ствол был из могилы украден) и кожаный мешочек с 12 свинцовыми пулями шаровидной формы. Оба захоронения датированы Л. Р. Кызласовым XVIII—XIX вв. (Кызласов, 1964, с. 83, 89).

Появление огнестрельного оружия в войсках государства Алтын-ханов и енисейских кыргызов относится к XVII в. Согласно данным письменных источников, все огнестрельное оружие, применяемое в этот период северными монголами и енисейскими кыргызами, было импортировано из-за рубежа. Основная масса ружей была изготовлена русскими мастерами и попала в руки северных монголов в качестве подарков или военных трофеев или была приобретена в ходе торгово-обменных операций.

Огнестрельное оружие в войсках северомонгольского государства Алтын-ханов

Кочевники северомонгольского государства Алтын-ханов были первыми номадами Восточной Монголии, с которыми установили связь русские служилые люди в Сибири. Осенью 1616 г. русский посол Василий Тюменц посетил ставку основателя державы Алтын-ханов Шолоя Убаши-хунтайджи. С этого времени Москва начинает постоянные дипломатические контакты с северными монголами. При расспросах северомонгольских дипломатов русские служилые не без удовлетворения отмечали: «А бой у мугальских алтыновых людей луки, копья, сабли, а вогненного бою нет» (РМО, 1959, с. 286). Зная интерес монгольских правителей к огнестрельному оружию, русские власти иногда включали в состав посольских даров ружья и боеприпасы к ним. Так, уже вскоре после первых контактов с Алтын-ханом Шолоем Убаши-хунтайджи ему были присланы две пищали русского производства. Ружья вместе с другими предметами вооружения были отправлены из Москвы весной 1617 г. В грамоте царя Михаила Федоровича от 24 апреля 1620 г. был подтвержден факт получения монголами царского «жалованья»: «И мы, великий государь, любя тебя, тех твоих послов (Скаян Мергена и Кичен-бакшея. *— Авт.)* приняли милостивно и, пожаловав нашим жалованьем, отпустили к тебе, а с ними прислали к тебе 3 судна серебряных, да 2 пищали, да саблю, да лук, да 2 однорядки, и то до тебя дошло» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 47, 49).

Убедившись в высоких боевых характеристиках русских пищалей, Алтын-хан Шолой обратился в Москву с просьбой прислать в его ставку «мастеров, которые делают пищали и порох». В ответном послании российские власти предпочли просто не заметить эту просьбу «Золотого хана». Вместо ожидаемых ружейных мастеров в Северную Монголию были посланы ткани, серебряная утварь и «лук ядринский» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 50). В 1635 г. новый северомонгольский правитель Алтын-хан Омбо Эрдени-хунтайджи решил повторить попытку предшественника и вновь обратился в Москву с просьбой прислать ему русские пищали и помочь наладить ружейное производство в Монголии: «...и для того велел я великому государю бити челом о людех и о ружье вогнянном, чтоб великий государь пожаловал меня... Великий государь, еще пожалуй меня (присылкой)... пищального мастера и чтоб умел наводить на пищали золотом и серебром...» Лично для себя Алтын-хан просил «пансырь», «саблю» и «пищаль о многих зарядах» (там же, с. 80-81). Российское правительство решило проигнорировать и эту просьбу. Налаживание кочевниками собственного производства ружей и боеприпасов угрожало интересам России в регионе. Поэтому о посылке мастеров или крупной партии ружей не могло быть и речи. Однако Москва всерьез рассчитывала на включение государства Алтын-ханов в состав Российской державы и поэтому продолжала слать на восток единичные подарки, призванные подчеркнуть расположение «Белого царя» к местным правителям. Среди даров, переданных послом Зиновием Литосовым Алтын-хану Лубсану в 1663 г., снова фиксируются «пищаль да пансырь» (Шастина, 1949, с. 392; МРМО, 1996, с. 93). В дополнение к пищали в начале 60-х гг. было прислано «винтовое ружье» (винтовка) (МРМО, 1996, с. 459). Такие подарки, конечно же, не могли повлиять на рост боеспособности северомонгольских войск, зато демонстрировали Алтын-ханам доверительное покровительство «Белого царя».

Гораздо большее значение для северных монголов имели контрабандные закупки огнестрельного оружия на русской территории. Некоторое количество огнестрельного оружия приобреталось послами Алтын-ханов в ходе поездок в сибирские города и европейскую часть России. Например, во время обыска северомонгольских посланников в 1636 г. в посольских возах было обнаружено 9 самопалов. Однако, несмотря на все ухищрения, ружей все равно не хватало. В 1665 г. (за два года до крушения своей державы) Алтын-хан Лоджан, ссылаясь на нехватку огнестрельного оружия, просил русского царя прислать «куяк да пищаль, а у меня того нет» (РМО, 1996, с. 124). По сведениями. П. Шастиной и Л. Ш. Чимитдоржиевой, «Алтан-хан, убедившись, что он не может свободно приобретать огнестрельное оружие в Москве или в сибирских городах, стал насильно отбирать его у русских послов» (Чимитдоржиева, 2002, с. 177).

Огнестрельное оружие русского производства, переданное в качестве подарков или трофеев (захваченных северными монголами и их южносибирскими вассалами), было немногочисленно, но, вероятно, применялось в ходе боевых действий с южными степными соседями. При описании сражения воинов Алтын-хана с халхасцами в 60-х гг. XVII в. русские служилые люди отмечали: «А бой де у них (северных монголов и халхасцев. — *Авт.)* с неприятели был лучной да пищальный да сабельной, а пушек де у них нет» (МРМО, 1996, с. 96).

После разгрома государства Алтын-ханов джунгарами в 1667 г. Москва продолжала слать лояльным северомонгольским феодалам ружья русского и иностранного производства. Например, в 1691 г. в подарок тайдже Мерген Ахаю были присланы «пищаль винтовальная з замком, ствол вороненой, мерою аршин 6 вершков, у запала и на середине и на дуле насечены травы серебром, ложа клеймовая с пером, врезаны кости на перетравы, и скобы и шонпур з ботиком и фурма» (РМО, 2000, с. 368).

Огнестрельное оружие в войсках енисейских кыргызов

Данники державы Алтын-ханов (а впоследствии Джунгарского ханства) — воинственные енисейские кыргызы быстро оценили преимущества огнестрельного оружия и стали активно применять его против служилых людей сибирских острогов. Сведения о приобретении енисейскими кыргызами огнестрельного оружия русского производства относятся к 20-м гг. XVII в. (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 76). В 1634 г. енисейские кыргызы захватили у русских служилых огнестрельное оружие, которое служилые смогли отбить у степняков только в 1635 г. (Александров, 1964, с. 46). В августе 1642 г. в сражении на р. Туачак «киргизы, укрепив-

шись на горе, не без успеха обстреляли казаков из пищалей» (Александров, 1964, с. 50). Большинство свидетельств о применении кыргызами огнестрельного оружия относятся к последней трети XVII в. В этот период кыргызы князца Ереняка Ишеева вели стрельбу по русским казакам «из турских пищалей, из мушкетов, из винтовок и из луков...» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 166). Согласно памяти Сибирского приказа от 27 января 1680 г. «киргизские, алтырские, езерские воинские люди» «да новые изменники кизыльские татаровя» под общим командованием кыргызского князца Ереняка Ишеева «Красноярской осадили, и отъезжие караулы скрали... их Красноярскому приступали и бились трои судки безпрестанно, а бой де у них был пищальной и лучной» (РМО, 1996, с. 361). Входе другого столкновения с отрядом Ереняка кыргызские воины стреляли «из турских пищалей, из мушкетов, из винтовок и из луков...» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 166). В 1704 г. группа енисейских кыргызов переправилась через Обь и нанесла удар по русским ясачным людям, проживавшим в Кондомской волости. Высланный против кочевников отряд кузнецких служилых людей и казаков (250 чел.) разгромил «находников». По сообщению воеводы Б. Синявина от 20 сентября 1704 г., «и на том бою киргиз побито 78 человек, в полон взяли 95человек... 15 пищалей, 84 лука стрелебных» (Абдыкалыков, 1968, с. 91). По мнению С. В. Бахрушина, «в начале XVII в. бой у них (кыргызов. — *Авт.)* был исключительно лучный, но позднее, под влиянием постоянных войн с более цивилизованными народами, появились у них не только прекрасной работы куяки, бумажники (доспехи), шишаки, наручники булатные, сулемы (сабли), но даже огнестрельное оружие, и в конце столетия они выезжали в бой "с ружьем, и с пищалми, и с копьи, и с сайдаки, и с сабли, в пансырях, и куяках, и иных воинских доспехах"» (Бахрушин, 1959, с. 182). Применение огнестрельного оружия кочевниками Минусинской котловины нашло свое отражение в местных фольклорных произведениях. Например, в хакасском эпосе ружья фигурируют под названием «мылтых» (Бутанаев, 1981, с. 194).

Енисейские кыргызы добывали огнестрельное оружие в ходе столкновений с русскими служилыми людьми или в ходе незаконных торгово-обменных операций. Особенно кыргызам удавалось поживиться при захвате русских острожков и разграблении обозов: «А тот де вор Ереняк Ишеев с воинскими людьми, оманув служилых людей в Удинском острожке, из острожка выехал и великого государя казну, порох и свинец и пушечные ядра... и всякую рухлядь поймал» (РМО, 1996, с. 163). Письменные источники фиксируют факты нелегальной продажи русскими служилыми людьми своих пищалей енисейским кыргызам (Митько, 2000, с. 90). Иногда подобные сделки становились известны сибирской администрации, и тогда вспыхивал большой политический скандал. В 20-х гг. XVII в. сибирским властям поступили жалобы от томских служилых людей И. Широкова и М. Чернова. Последние утверждали, что во время торга в Минусинской котловине енисейские кыргызы насильно забрали у них пищали. Однако в ходе посольства Д. Черкасова в Минусу (1628 г.) выяснилось, что служилые не только добровольно отдали свои пищали, но и получили за них солидное вознаграждение. По версии князя Ишея, «служилые люди у на(с) бывал(и) и пищал(и) нам свои продавал(и). А за те свои пищали имали у нас зверем, соболми и бобрами и иною всякою рухлядью большею дорогою ценою. А в Томской город приехав сказывали на нас воеводам, что мы у них пищал их отнимаем силно. Да за то по их ссора воевод на нас и войною посылает. А купили де мы пищалы у томских служивых людей, у конных казаков, у Ивашка Широкова пищал, у Максимка Чернова пищал же. А силно ни у ково ничево не отнимывали. И тем они на нас воеводам ненавист наводили» (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 76). Факты нелегальной продажи огнестрельного оружия кочевникам Хонгорая повторялись на протяжении всего XVII в. В начале 90-х гг. XVII в. в «Киргизскую землю для торговли» красноярским воеводой был послан Якушка Аргамачка, который впоследствии был обвинен в контрабанде. В частности, ему вменялась в вину продажа енисейским кыргызам «заповедных» товаров — пороха и свинца. Можно предполагать, что в конце XVII — начале XVIII в. енисейские кыргызы использовали огнестрельное оружие джунгарского производства.

Огнестрельное оружие в войсках жителей Саяно-Алтая

Прославленные мастера по железу — жители «Кузнецкой земли» к моменту прихода русских в Южную Сибирь не умели изготавливать огнестрель-

ное оружие. Прибывший в «Кузнецкую землю» в 1622 г. Евдоким Баскаков, перечисляя длинный список предметов вооружения, производимого шорцами, особо оговорился, что последние не умеют изготавливать «пищали» (Башкатова, 1981, с. 132). Однако интерес жителей Алтая к огнестрельному оружию был очень велик. А, как известно, спрос рождает предложение. Уже в XVII в. некоторое количество огнестрельного оружия для продажи стали привозить на Алтай среднеазиатские купцы, проживавшие в сибирских городах (Уманский, 2001, с. 14). В 1696 г. российский посланец Н. Прокофьев, будучи в улусе Табуна Кокина, встретил там «бухарцев» (мусульманских купцов) из г. Тары. «Бухарцы» Атыкожа, Боянка и Мергенка продавали алтайцам различные виды товаров, причем «особым спросом» пользовались «пищали, порох, свинец», тайно привезенные купцами на Алтай (Модоров, 1996, с. 110). Ручное огнестрельное оружие кочевникам Южной Сибири продавали и русские служилые люди. Например, в 1680 г. «инородцы Секира и Алтыка» в ходе «расспроса» заявили,что имеющееся у них оружие они в разное время приобрели у томского служилого человека Юшки Шадрихина и тобольского сына боярского Ивана Астраханца. Предметы вооружения были обменены на корову, двух быков, три соболиные и одну бобровую шкурки (там же). Факты применения алтайцами огнестрельного оружия в ходе боевых действий XVII—XVIII вв. подтверждаются иконографическими материалами и данными письменных источников: «Немирные земли Араптана контайши люди, Киргизы, Телеуты, Черные Калмыки... приходят многолюдством, воровски, человек тысячи по три и болши и менши, с ружьем, с пищалми, с копьи, и с сайдами (саадаками. — *Авт.),* и с саблями, в пансырях и куяках и иных воинских доспехах, и чинят всякое разорение» (Башкатова, 1981, с. 130). В первой половине XVIII в. ружья джунгарского производства («турки калмыцкие») на Алтай привозили западномонгольские и кашгарские купцы (Модоров, 1996, с. 112-113). В середине XVIII в. алтайские воины достаточно широко применяли ручное огнестрельное оружие. Весной 1755 г. сформированный десятью алтайскими зайсанами воинский отряд нанес поражение цинскому корпусу, вторгшемуся в Горный Алтай. Дружинники и ополченцы алтайских зайсанов были вооружены «ружьями, сайдаками и копьями» (там же, с. 67).

Самостоятельно изготавливать ручное огнестрельное оружие алтайские мастера начали, вероятно, еще в XVIII в. Этот промысел сохранялся у них даже во второй половине XIX в. (Радлов, 1989, с. 160). Во второй половине XVIII — XIX в. в Южной Сибири происходят важные и во многом противоречивые процессы, связанные с распространением среди местного населения огнестрельного оружия российского производства. С одной стороны, продолжает расти число мужчин, использующих на охоте и в военных столкновениях огнестрельное оружие, с другой — законченный цикл изготовления ружей становится уделом лишь очень немногих «подлинных мастеров», в то время как большая часть кузнецов занимается лишь переделкой ружей русского производства (меняя затворы, приклады, прилаживая сошки и т. д.). Этот процесс был вызван не только прекращением крупных войн, в которых участвовало местное аборигенное население, но и самой возможностью легального приобретения охотничьих и солдатских ружей русского производства. Торговля ружьями с аборигенным населением стала распространенным явлением после того, как исчезла опасность отпадения Саяно-Алтая от России и данный регион прочно вошел в состав Российской империи. По сообщению В. В. Радлова, во второй половине XIX в. «самой трудной работой является для (алтайского) кузнеца изготовление ружей. Новых ружей не производят почти никогда, так как лишь небольшому числу подлинных мастеров удается изготовить ствол в примитивных условиях алтайской кузницы. Обычно алтайские кузнецы покупают у русских купцов старые солдатские ружья, сбивают с них затворы и приковывают новые — конической формы. Эта приковка требует особой ловкости, так как здесь нельзя употреблять соединительных материалов. Кузнец располагает ствол и затвор таким образом, чтобы тонкий язычок раздутого пламени раскалил добела и край ствола, и край затвора, и, как только температура дойдет до точки плавления, соединяет их вместе сильными ударами молота» (Радлов, 1989, с. 160). Во второй половине XIX в. ружья получили широчайшее распространение среди жителей Алтая. По сведениям путешественников, посещавших этот регион, каждая алтайская семья имела по одному, а то и по два ружья: «В каждой юрте найдешь одно-два ружья, чаще всего это алтайские винтовки, рассчитанные главным образом на крупную дичь.

Винтовки с очень толстым стволом и маленького калибра — для пушной охоты — встречаются здесь редко» (Радлов, 1989, с. 156-157).

В этнографический период жители Алтая (и в первую очередь охотники) перешли на использование капсульных ружей. Их отличительным элементом был «специальный замок, курок которого имел боек, ударяющий в затравочное углубление, в виде чашки, куда клали капсуль или пистон. Капсуль при ударе об него курка через затравочное отверстие воспламенял заряд в канале ствола» (Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 67). Капсульные ружья обладали большой скорострельностью. Кроме того, такой замок не боялся влаги (там же).

Огнестрельное оружие в войсках бурят

Судя по данным русских письменных источников первой половины XVII в., огнестрельное оружие в этот период не получило сколько-нибудь широкого распространения среди бурят («брацких людей»), хотя они и захватывали русские ружья и ружейную амуницию в качестве трофеев. Русские служилые люди в 1636 г. сообщали в Москву: «...брацкие князцы Кошугун да Котогур со своими улусными людми енисейских служилых людей пятидесятника Дунайка Васильева с товарыщи пятдесят двух человек побили и наши пищали и их зелье брацкие люди, поймали» (Миллер, 2005, с. 235). Согласно легенде, захваченное русское оружие было сожжено вместе с трупами служилых людей, так как пользоваться им буряты еще не умели (Мясников, 2003, с. 114). К последней трети XVII в. относится свидетельство И. К. Витсена о наличии небольшого количества ружей у селенгинских бурят, являвшихся подданными халхаского Тушету-хана: «Они ходят всегда вооруженными луком и стрелами. Там встречается, хотя и редко, огнестрельное оружие» (Хамарханов, 1988, с. 149). Однако со временем бурятские воины не только стали активно приобретать огнестрельное оружие, но и прославились среди русских и сибирских народов как превосходные стрелки из ружей. По сообщениям Гмелина, у планировавших восстание бурят и эвенков в 30-х гг. XVIII в. «было найдено огнестрельное оружие и порох в количестве, превышающем то, какое полагалось иметь туземцам». Русские и европейские путешественники XVIII в. подчеркивали искусную стрельбу бурят из ружей. По замечанию М. Татаринова, «братские из винтовок весьма цельно стреляют» (Описание о братских татарах, 1958, с. 27). Ф. Ланганс, опираясь на донесения с мест, отмечал в 80-х гг. XVIII в.: «Обыкновенное оружие их, кроме белого (т. е. холодного оружия ближнего боя. — *Авт.),* лук и стрелы, а у некоторых и винтовки, употребление коих на вышней степени совершенства...» (Ким, 1962, с. 156). Со временем ружья стали все активнее вытеснять луки как боевое и охотничье оружие. В 70-х гг. XIX в. старейшины бурятских родов жаловались, что «состязания по стрельбе из лука стали редки, а лук и стрелы исчезают» (Мясников, 2003, с. 114).

Огнестрельное оружие поступало в войска кочевников Северной Монголии в 30-60-х гг. XVII в. как подарки русских царей, военные трофеи и контрабанда. В 60-х гг. XVII в. русские пищали использовались воинами государства Алтын-ханов в сражениях с халха-монголами и, возможно, ойратами. Изготовленные российскими мастерами ружья попадали в руки кочевников Южной Сибири в качестве трофеев уже в первой трети XVII в. Однако большинство свидетельств, фиксирующих использование огнестрельного оружия енисейскими кыргызами, относятся к середине — второй половине XVII в., «подгородными ("ясашными") татарами» Южной Сибири — ко второй половине XVII в., бурятами — к XVIII в. Благодаря налаживанию системы государственного контроля за хранением огнестрельного оружия, сибирским властям удалось не допустить его широкого распространения среди кочевников Южной Сибири и Северной Монголии. Общая численность импортного (русского) оружия в северомонгольских, кыргызских, алтайских и бурятских войсках была невелика и, вероятно, исчислялась сотнями экземпляров, рассредоточенных среди воинов различных родов и племен, населявших степные и горные районы Саяно-Алтая и северо-запад современной МНР. Приобретенное в ходе обменов и контрабандной торговли, русское огнестрельное оружие не привело к коренным изменениям в традиционной тактике степняков Южной Сибири, а лишь дополнило существующий оружейный комплекс. Как и в армиях кочевников Халхи, огнестрельное оружие у номадов Южной Сибири XVII — начала XVIII в. стало одним из способов ведения дистанционного боя.

4.3. Огнестрельное оружие в войсках ойратов первой половины XVII в., Джунгарского и Калмыцкого ханств второй половины XVII — первой половины XVIII в.

Огнестрельное оружие в войсках ойратов первой половины XVII в.

Свидетельства письменных источников об использовании ойратами (западными монголами) ручного огнестрельного оружия относятся к началу XVII в. Зафиксированные путешественниками ружья выменивались или захватывались западными монголами у земледельческих народов. Порох кочевники также добывали у своих оседлых соседей. Посетившие в 1616 г. ставку ойратского Далай-Батур-тайши астраханский казак И. Куницын и служилый тобольский «литвин» Т. Петров сообщали в Посольский приказ: «А бой де у колматцких людей лучной и копейной и сабельной и, пищали есть же, а пороху у них мало. Только и пороху у них живет в те поры, как погромят бухарцев, и они порох емлют у них...» (МРМО, 1607-1636, 1959, с. 54).

Проникнувшие в волжские степи ойраты-торгоуты Хо-Урлюка быстро оценили все преимущества огнестрельного оружия. Захваченные в столкновениях с русскими служилыми людьми пищали немедленно обращались против своих недавних хозяев. По сведениям, полученным русскими от приехавших из ойратских улусов татар, в конце 20-х гг. XVII в. из 7 тыс. воинов-номадов на Эмбе (6 тыс. ойратов, 1 тыс. татар-алтыульцев) 800 имели на вооружении ружья (Богоявленский, 1939, с. 65). Зимой 1629/30 г. в ходе осады казачьих городов на р. Яик ойраты применяли огнестрельное оружие. Казаки докладывали в столицу: «А приступали де к ним те калмыцкие люди к Соленому городку с щитами и с приметы, и вогненной де, государь, бой у них есть» (Батмаев, 1993, с. 123). Ойраты очень быстро стали соединять традиционные степные военные хитрости с возможностями ручного огнестрельного оружия. 22 апреля 1633 г. трехтысячный ойратский (калмыцкий) отряд вступил в сражение с русскими стрельцами у р. Большой Узень (между Волгой и Уралом): «Калмыки подожгли камыш, ветер дул прямо в лицо русским, так что дым и пыль мешали им заряжать свои пищали; калмыки же, обладавшие огнестрельным оружием, спокойно расстреливали русских» (Богоявленский, 1939, с. 65).

В отличие от южных монголов и халхасцев западные монголы, по-видимому, не применяли огнестрельное оружие дальневосточного производства в сколько-нибудь широких масштабах. На протяжении XVI — первой трети XVII в. ойратские кочевья были отделены от Китая и Маньчжурии широкой полосой монгольских и тибетских владений. Первые длительные контакты западных монголов с маньчжурским двором фиксируются только в конце 30-х гг. XVII в., когда ойраты-хошоуты начали полномасштабную военную экспансию в Тибет. В 1646 г. Пекин посетил покоритель Тибета, вождь ойратов-хошоутов Торо-байху (Гуши-хан). Среди преподнесенных ему маньчжурскими властями подарков были предметы вооружения, но в числе их не было огнестрельного оружия (Санчиров, 1987, с. 118). Контакты хошоутов и маньчжуров были во многом вызваны тем, что новые владения Гуши-хана граничили с оккупированным маньчжурами Китаем. Основные ойратские владения были расположены на значительном отдалении от границ империи, и в последующие четыре десятилетия ойраты Джунгарского ханства имели лишь эпизодические контакты с маньчжуро-китайским государством, которые осуществлялись через немногочисленные и нерегулярные посольства. На полях сражений джунгары столкнулись с цинами только в самом конце XVII в. И в этот период у них на вооружении уже было значительное количество ручного огнестрельного оружия, изготовленного мастерами некитайского происхождения.

Основная масса ружей, использовавшихся ойратами в первой половине XVII в., была изготовлена в мастерских Российского государства и ремесленных центрах Средней Азии. Русское оружие захватывалось ойратами в качестве трофеев в ходе многочисленных стычек с русскими служилыми людьми в Южной Сибири и в Поволжье. Характерно в этой связи, что наибольшее количество огнестрельного оружия среди ойратских племен в рассматриваемый период фиксируется именно у тех из них, кто откочевал на запад к границам России и поддерживал контакт с государствами Средней Азии. К ойратам, оставшимся в Западной Монго-

лии, оружие попадало в результате торговли с мусульманскими владетелями Средней Азии, в качестве военных трофеев и дипломатических подарков. Ойраты восточных областей, входивших в состав владений Батур-Хунтайджи, проявляли живейший интерес к русскому огнестрельному оружию. В 1642 г. посланный к Ямышеву озеру для получения подарков русского царя ойратский феодал Кула из окружения Батур-Хунтайджи настойчиво просил русского посланника Якова Бугалакова продемонстрировать русское огнестрельное оружие в действии: «Да Кула ж колмак говорил ему, Якову, чтоб велел русским людем огненну стрельбу из наряду и из легкого ручного орудья оказать. И Яков Бугалаков служилым и торговым людем из наряду и из мелкаго ручного ружья стрелять велел...» (Миллер, 2005, с. 263). Однако создать значительные запасы огнестрельного оружия отдельным ойратским тайшам (как и их восточным собратьям) не удавалось; для этого просто не хватало средств, связей и соответствующей производственной базы. Создание централизованного Джунгарского ханства существенно изменило сложившуюся ситуацию.

Повышенный интерес к огнестрельному оружию проявлял уже основатель Джунгарского ханства Батур-Хунтайджи. Будучи по натуре реформатором, дальновидный и деятельный джунгарский правитель стал активно развивать в своей стране земледелие, строить укрепленные поселения, приобретать для западномонгольской армии новые виды вооружения. В ходе военной кампании или торговой операции ему даже удалось приобрести несколько малокалиберных орудий, которые были размещены в укрепленном городке, где находилась его ставка. В джунгарских войсках в этот период продолжали применяться ружья среднеазиатского и русского производства, захваченные в качестве трофеев или приобретенные в ходе торгово-обменных операций. Однако их число было относительно невелико. Письменные источники рассматриваемого периода не фиксируют у ойратов сколько-нибудь крупных подразделений, вооруженных ружьями. Ими были вооружены отдельные воины, сражавшиеся в общем строю с лучниками. Иметь ружье было престижно, но его применение вне общего строя было не особенно эффективно. Поэтому фитильные ружья, по сравнению с металлическими предметами защитного вооружения, стоили относительно дешево, что и было зафиксировано «Великим уложением» («Их-Цааз») в 1640 г. Повысить эффективность применения ружей можно было, только резко увеличив число воинов, снабженных огнестрельным оружием. Батур-Хунтайджи неоднократно обращался к русскому правительству с просьбой прислать ему ружья и боеприпасы к ним. Отдельные пищали, конечно же, не решали проблему перевооружения армии, зато придавали политический вес джунгарскому престолу перед лицом соседних степных владетелей. Кроме того, переданные ружья могли послужить образцом для начала собственного производства огнестрельного оружия. Наконец, поставки оружия могли стать первым шагом к началу полномасштабного военного сотрудничества, важнейшим элементом которого должна была стать присылка российских специалистов в Ургу.

В 1639 г. джунгарский хунтайджи, через своих послов Уруская и Ноеду (Нойенду), обратился к русскому царю Михаилу Федоровичу с просьбой прислать пищаль и некоторое количество свинца (Миллер, 2005, с. 252). Необходимость присылки пищали Батур-Хунтайджи объяснял тем, что у него «есть сын, который будет пользоваться им на охоте» (там же, с. 16): «...бита челом тебе, государю, чтобы ты, государь, ево Контайшу, пожаловал, велел к нему прислати пансырь доброй, да пищаль, да свинцу не ото много для тово, что де у него, у Контайши, ездит за птицою сын...» (Международные отношения в Центральной Азии..., с. 1989, с. 99). Однако московские власти, не желавшие поощрять своего беспокойного степного соседа, предпочитали затягивать процесс, пересылая в подарок джунгарскому хунтайджи домашних животных, посуду из драгоценных материалов и ткани. Просьба о присылке «пищали ручной, да свинца не ото много» была рассмотрена в 1640 г. и... проигнорирована московскими властями (Миллер, 2005, с. 251-253). В 1641 г. «о трех пищалех да о свинцу, сколько государь пожалует», русскому царю «бил челом» джунгарский Чокур-тайша. Но вместо ожидаемых ружей степной феодал получил только «сукна червчатые да лазоревые» (там же, с. 255-256). В 1643 г. Батур-Хунтайджи снова обратился в Москву с просьбой прислать винтовку. Однако просьба снова осталась неудовлетворенной. Послов даже не пропустили в Москву (Бичурин, 1991, с. 422).

Пока ДЛИЛИСЬ препирательства дипломатов, Батур-Хунтайджи смог в очередной раз наглядно убедиться в сокрушительной мощи массового применения огнестрельного оружия, находящегося на вооружении спешенных воинов, занимающих укрепленные оборонительные позиции. В том же 1643 г. 300 казахских стрелков с «вогненным боем», выкопавшие «шанцы меж каменем» в горном проходе, сдержали натиск наступающей джунгарской конницы и тем самым весьма поспособствовали победе объединенной армии среднеазиатских народов надойратами в Орбулакской битве (Миллер, 2005, с. 278). Очень похожую тактику в борьбе с ойратскими войсками, действовавшими в Восточной Европе (волжские калмыки), применяли ногайцы и воины Северного Кавказа. Согласно сведениям Эвлия Челеби, кабардинцы и ногайцы заманили калмыков в горы. Ногайские стрелки, находившиеся в засаде, расстреляли из ружей калмыцкую конницу и довершили разгром, используя холодное оружие. В результате этой победы якобы пало 20 тыс. ойратов, а еще столько же калмыцких воинов попало в плен. В другой раз кабардинцы и ногайцы укрылись в ущелье и залпами из ружей уничтожили почти всю калмыцкую армию (Аствацатурян, 2004, с. 73).

В этот период преимущество армий, вооруженных огнестрельным оружием, было уже очевидно для современников. По едкому замечанию Н. Я. Бичурина, «он (ойратский правитель. — *Авт.)* увидел, что лучшие места в Сибири уже твердо заняты Россиянами и что он с своими стрелами не в состоянии даже с вероятным успехом действовать против огнестрельного оружия...» (Бичурин, 1991, с. 37). Однако массовое производство ручного огнестрельного оружия в степях Ойратии в тот момент было невозможно в силу неразвитости производственной базы молодого государства и отсутствия высококвалифицированных специалистов. Попытки решить вопрос с помощью привлечения русский оружейников успехом не увенчались. Просьба Батур-Хунтайджи в 1650 г. прислать к нему «два кузнеца, два бронника», а также «пищаль винтовую и свинец» (так же, как и просьба о присылке «пищали стрельной» в 1644 г.) осталась без ответа (джунгарских послов снова не пропустили в Москву) (Бичурин, 1991, с. 42; Миллер, 2005, с. 21, 28). В ответной грамоте, присланной хунтайджи, прямо указывалось на то, что его просьба была передана в столицу и оружие не присылается в Ургу в связи с отсутствием царского разрешения на его отправку: «И царского величества стольник и воеводы Василей Борисович Шереметьев с товарищи писал о... кузнецах, и о бронниках, и о пищале, и о пансыре, и о свинце к царскому величеству о указе. А как царского величества указ о том будет, и к нему с тем для ведома пришлют нарочно, царского величества посланников. А без указу царского величества к Москве послов ваших отпустить и к тебе, Контайше, государева жалования... мастеровых людей, и пищали, и пансыря, и свинцу послать было нельзя» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 123).

По мере того как среднеазиатские армии все активнее снабжались огнестрельным оружием, тема перевооружения джунгарских войск выходила на первый план. Главный вопрос заключался в том, кто станет основным импортером огнестрельного оружия в Джунгарию.

Огнестрельное оружие в войсках Ажунгарского ханства второй половины XVII в.

ДЛЯ джунгар середины — второй половины XVII в., отрезанных от Китая полосой владений халхаских и кукунорских феодалов, существовали два потенциальных источника массового импорта огнестрельного оружия — государства Средней Азии и Россия. Джунгарские ханы воспользовались ими обоими.

Уже в конце 60 — начале 70-х гг. XVII в. русские служилые люди стали отмечать наличие в джунгарских отрядах значительного количества воинов, вооруженных огнестрельным оружием. В 1672 г. тобольский воевода И. Б. Репнин отписал в Москву, что путь русского отряда, отряженного за солью, преградили кочевники «конные и пешие с ружьем и с кобьи, и с луками, и с пищальми...» (МРМО, 1996, с. 245). Вельможи джунгарского правителя Сенге (1630-1670) Манжи-табун и Кожечи-тайши приходили под Красноярск «с калмыцкими воинскими людьми с огненным боем, с пушечками, и с мушкеты» (там же, с. 254). Сам Сенге применил огнестрельное оружие (предположительно крупнокалиберные ружья или малокалиберную артиллерию) в сражении с Аблай-тайшой в 1661 г. В 60 — начале 70-х гг. огнестрельное оружие у

центральноазиатских кочевников упоминает проживавший в это время в Сибири Ю. Крижанич, по сведениям которого «монголы носят на коне пищаль», а «пищали их подобны мушкетам, но поджигаются не прутом, не кремнем и не фитилем, а некой особой зажигалкой» (Крижанич, 1997, с. 99). По мнению А. М. Пастухова, под «зажигалкой» Ю. Крижанич имеет в виду «азиатский ружейный замок» (фитильный замок «восточного» типа), который действительно внешне сильно отличался от традиционных европейских фитильных замков XVII в. Скорее всего под «пищалями» Ю. Крижанича скрываются фитильные ружья среднеазиатского производства, которые в рассматриваемый период широко использовались центральноазиатскими кочевниками. В последней четверти XVII в. произошло то, чего больше всего опасались русские цари и китайские императоры: монополия земледельческих государств на массовое применение огнестрельного оружия была нарушена. По значимости для позднесредневековой Азии это событие можно сравнить с расширением клуба ядерных держав в наши дни за счет государств-«изгоев». Распространение «огненного боя» в Джунгарии в корне изменило весь облик центральноазиатских войн в конце Средневековья — начале Нового времени.

Рассмотрим особенности процесса импорта огнестрельного оружия из России и Средней Азии в Джунгарию подробнее.

Русское правительство никогда не приветствовало продажу холодного, а уж тем более огнестрельного оружия кочевым народам, которые в любой момент могли повернуть его против русских служилых людей и «ясашных татар». Первые указы, запрещающие продажу оружия центральноазиатским кочевникам, увидели свет в начале 20-х гг. XVII в., т. е. уже через несколько лет после установления первых контактов сибирской администрации с монгольскими номадами. В царском указе, датированном 1623 г., содержался запрет на продажу ойратам «самопалов и сабель и рогатен и копий и топоров и ножей и сайдаков и стрел и иново никаково ружья и железа». Однако, несмотря на запреты, русские купцы и служилые люди сумели наладить контрабандную продажу огнестрельного оружия центральноазиатским кочевникам в частном порядке. Свои пищали и самопалы обменивали и продавали номадам Южной Сибири и Центральной Азии нерадивые служилые люди из сибирских острогов, что зафиксировано данными письменных источников (Бахрушин, 1955, с. 132). Некоторые дельцы умудрялись продавать свое оружие противнику даже в период боевых действий: «Были случаи, когда из Томска "всякие люди" привозили кыргызам огнестрельное оружие и меняли на товары даже в то время, когда те вели военные операции против русских» (Митько, 2000, с. 90).

Активными участниками контрабандной торговли огнестрельным оружием были среднеазиатские купцы, проживавшие и торговавшие в сибирских городах. Некоторые из них не только продавали пищали русского производства заезжим ойратским торговцам, но и сами отправлялись в Южную Сибирь, где реализовывали ружья, выменянные в сибирских городах и острогах. Яркой иллюстрацией этого процесса являются «ружейные экспедиции» «бухарцев» Тары в «Телеутскую землицу» (Горный Алтай), где оборотистые купцы продавали местным князцам «заповедный товар» — пищали, порох и свинец (Уманский, 2001, с. 14). Процесс проведения таких частных сделок облегчало отсутствие строгой системы учета огнестрельного оружия, находившегося на вооружении служилых людей. Царский указ о клеймении ружей в целях предотвращения их продажи «таким людям, которым продавать-то не велено», был обнародован только в 1701 г. (Митько, 2000, с. 90). Наибольшую опасность представляли оптовые закупки оружия, которые делали в русских городах монгольские послы и торговцы. Поэтому в 30-х гг. XVII в. был обнародован запрет на перевозку центральноазиатскими посланцами русского огнестрельного оружия. В 1636 г. эта норма была апробирована на послах северомонгольского государства Алтын-ханов: «По государеву указу и по грамоте велено им у алтыновых послов, которые пойдут от государя в свою землю, осматривать и обыскивать, что не привозили пищалей и самопалов, да что сыщут, и то у них велено имати». Интересно, что за конфискованное оружие монголам возмещали его стоимость в денежном эквиваленте. Так, тем же послам Алтын-хана была выплачена компенсация в размере 3 рублей за каждое ружье (МРМО, 1959, с. 289).

Неудивительно, что на просьбы правителей Центральной Азии прислать к ним мастеров ружейного дела Москва неизменно отвечала отказом. Например, в 1651 г. царь Алексей Михайлович отказал джунгарскому Эрдени Батур-Хунтайджи в

присылке специалистов-оружейников. Несмотря на многочисленные просьбы, русское правительство включало огнестрельное оружие в состав дипломатических подарков ойратским правителям очень неохотно. Однако, вопреки запретам, во второй половине XVII в. с мест стали поступать частые сигналы о появлении у степняков русских пищалей. По сведениям осведомителей и московских дьяков, продажей оружия инородцам занимались служилые люди из сибирских городов и острогов: «...от города Уфы в дальних местах, объявились у многих Башкирцов пищали винтовки многие, да и по городовую де сторону Уфы у Башкирцов пищали есть же, и пищальной де стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули; а те де пищали и порох привозят в Уфинский уезд, и продают им Башкирцом, и ружьем наполнивают из Сибирских городов, а преж де сего пищалей у Башкирцов не бывало». 14 марта 1675 г. была составлена тайная царская грамота, адресованная верхотурскому воеводе Федору Хрущеву, в которой в категоричной форме запрещалось продавать степнякам предметы вооружения и амуниции: «По нашему Великого Государя указу и по грамотам, в Сибири, всяких чинов Русским людям, пороху и свинцу, и пищалей, и никакого ружья и ратные сбруи продавать и променивать Калмыком и никаким иноземцом не велено». Составители грамоты, опасаясь дополнительных осложнений, особо подчеркивали, что вводить этот строжайший запрет следует втайне от кочевников: «И ныне мы Великий Государь указали: по прежнему нашему Великого Государя указу, в Тобольск, в Томск и Тобольского и Томского разряду в городах, и на Лене в Якуцком, в Илимском, в Даурах, и тех городов и острогов в уездах, учинить заказ крепкий, тайно, чтоб Русские тайных чинов люди, и служивые и ясачные и всякие иноземцы, пороху и свинцу, пищалей, сабель, копей, бердышов, ножей, топоров, пансырей, лат, шишаков, наручей, и никакого ружья и ратные сбруи, Калмыком и Мунгалом и Китайским людем и Бухарцом и Башкирцом и всяким иноземцам нигде не продавали, и ни на что не променивали... А никому про то не объявлять, чтобы им про то ведома не было, и того смотреть и беречь накрепко, чтобы впредь однолично того было неведомо» (Акты исторические..., 1842, с. 541-542). Опасаясь, что центральноазиатские мастера начнут копировать русские ружья, московское правительство запретило служилым людям в Сибири даже демонстрировать аборигенам свои пищали: «...служилым людям накрепко, чтоб оне иноземцам пищалей рассматривать не дали и стрельбы пищальной не смогли» (Митько, 2000, с. 90). Конечно, в тайне приказ сохранить не смогли. Местные чиновники ретиво взялись за его исполнение, пресекая возможность свободного приобретения пищалей и боеприпасов в сибирских острогах, но полностью перекрыть торговлю оружием царским властям не удалось. Более того, именно во второй половине 70-х гг. XVII в. источники фиксируют массовые поставки огнестрельного оружия российского производства в Джунгарию.

Как же ойраты добились поставок огнестрельного оружия из России, правители которой строжайше запрещали продавать номадам даже сабли и копья? Обойти ограничения, наложенные царским правительством на продажу оружия кочевникам, джунгарам удалось благодаря посредничеству среднеазиатских купцов («бухарцев»), русских служилых людей, «ясашных татар», туземных сибирских «князцов», а также многочисленных центральноазиатских посланцев, которые кроме исполнения дипломатических функций тайно покупали и отправляли в Джунгарию целые караваны, груженные огнестрельным оружием. Размах контрабандной торговли даже сейчас поражает воображение. По сообщениям сибирских властей, вплоть до начала 80-х гг. XVII в. в Джунгарию регулярно отправлялись «по 30 и больше возов» с огнестрельным оружием (МРМО, 1996, с. 357). Подобная схема не могла быть реализована без ведома русских служилых людей в Сибири. Возможно, в нее были вовлечены и представители высшего командного состава сибирских острогов.

Одним из первых «забил в набат» воевода Родион Павлов, который сообщил в Москву, что прибывающие из столицы товары азиатских «посланцев» не досматриваются сибирской администрацией: «А с Москвы де те же посланцы привозят с собою многое ружье и порох и свинец...». Таможенные «головы» с Верхотурья не только подтвердили факты контрабанды, но и объяснили причины, по которым она стала возможной. По их словам выходило, что посланцы ойратских феодалов ездят в Москву в сопровождении русских служилых людей из Тобольска, сибирских татар и бухарцев на «государевых подводах». Возвращаясь обратно, они «возят с собою многие товары, и ружье и порох и свинец,

а товары провозят служилых людей и татар и приезжих бухарцев, а осматривать не дают же, а без указу де великого государя тех посланцев и якутских князцов осматривать не смеет же». Таким образом, прикрываясьдипломатической неприкосновенностью, высоким социальным положением и статусом торговцев, ойраты и помогавшие им сибирские татары, русские служилые люди, якутские и остяцкие «князцы», нанявшиеся к ойратам в «провожатые», фактически наладили вывоз из России «заповедного» огнестрельного оружия прямо под носом у царской администрации. В дополнение к этим данным в Сибирский приказ поступил сигнал от стрелецкого пятидесятника Ганьки Прянишникова, который узнал от кайгородских ямщиков, что «едут де с Москвы в Сибирь калмыцкие посланцы, и у них де возы тяжелы, а везут ружье, пищали и порох, и свинец, и иные многие товары».

Информация, поданная Р. Павловым, таможенными «головами» Верхотурья и Г. Прянишниковым, была обработана и систематизирована думным дьяком Григорием Богдановым, который 1 января 1680 г. представил ее в специальном докладе на имя царя Федора Алексеевича. Сообщения с мест вызвали переполох в Москве. Уже 2 января 1680 г. Боярская дума приняла «Приговор о запрещении ойратским и монгольским посланцам, едущим в Москву, покупать оружие». Обнаруженное в посольских подводах русское оружие подлежало немедленной конфискации без возмещения его стоимости: «А что будет у них, послов, объявитца на Верхотурье на осмотре ружья и пороху, и свинцы, и сабель, и копей, и то ружье, и порох, и свинец, и сабли, и копья имати у них в ево великого государя казну безденежно и безповоротно». В «Приговоре» особо оговаривался запрет на торговлю оружием с кочевниками в сибирских городах и острогах: «А на Москве в рядех и в городех, через которые те калмыцкие и мугальские и иных земель посланцы к Москве ездят, учинить заказ крепкой, чтоб одно лично тем калмыцким и мугальским и иных земель посланцом ружья и порох, и свинцу, и сабель, и копей не продавали. А будет хто тем калмыцким и мугальским и иных земель посланцом ружье и порох, и свинец, и сабли, и копья продаст, и тем людем бытии в жестоком наказанье» (МРМО, 1996, с. 358). Посольский приказ в срочном порядке должен был разослать данное правительственное решение в «ведомы городы, через которые те посланцы ездят, послать памяти, а в Сибирь в Тоболеск и на Верхотурье свои великого государя грамоты». Ретивые чиновники Сибирского приказа уже 8 января 1680 г. попытались применить новый указ на практике по отношению к возвращающемуся из Москвы послу джунгарского Галдана Бошокту-хана. Согласно памяти Сибирского приказа, «а приходят де те посланцы к Москве не для посольства — для торгу. И, испродав де они свои товары, на Москве покупают де ружье и порох и свинец и отвозят в свою землю...» (МРМО, 1996, с. 361). Тобольскому воеводе П. В. Меньшому Шереметьеву было предписано: «Будет тот посланец до сего нашего великого государя указу в Тобольск не приехал, послать к нему навстречу ис Тобольска сына боярского с служилыми людьми и велеть его на дороге осмотреть. А будет он в Тобольску, и ево потому ж в Тобольску осмотреть. А что по осмотру у того посланца объявитца ружья и пороху, и свинцу, и сабель, и копей, и то все взять в нашу великого государя казну без остатку» (там же, с. 357-359).

Но никакие запреты и наказания не могли остановить нечистоплотных сибирских чиновников от попыток быстрого обогащения, пусть и посредством совершения откровенно противоправных действий. Причем контрабандной торговлей оружием не гнушались заниматься даже сибирские воеводы. В 1696 г. иркутский воевода Афанасий Савелов, известный среди сибирских служилых чрезмерным корыстолюбием, отправил своего посланника Гавриила Коноплева к находящемуся в Северной Монголии джунгарскому Галдану Бошокту-хану. Согласно официальным бумагам, Коноплев вез с собой подарки и товары для джунгарского правителя, который в это время вел войну против Цинской империи. Никто и не заметил бы подвоха, если бы не селенгинские служилые люди. Последних воевода лишил денежного жалованья, и селенгинцы, в качестве компенсации, решили ограбить воеводского посланца. Когда Коноплев проезжал через Селенгинск, «селенгинские, и ильинские,и кабанские служилые люди» захватили перевозимые им товары и поделили их между собой согласно выпавшему жребию. К удивлению казаков, кроме разрешенных товаров в поклаже посланца оказались «5 пищалей да пороху пуда с полтора». Зная, что продавать кочевникам огнестрельное оружие «не велено», служилые люди ружья и порох «по

себе разделили и продали», а на занимавшегося контрабандой воеводу Савелова отписали в Москву: «Афанасий де Савелов отпускал с людьми своими в Китай (казаки спутали Джунгарию и джунгар с Цинской империей и китайцами, которые в этот период владели большей частью Халхи, где находился Бошокту-хан. — Лет.) товары и огненные ружья и порох продавать китайским людям, и они де сказали: тот порох и ружья взяли для того, что чинится ево воеводская явная великому государю измена». Известие о злоупотреблениях воеводы подняли служилых Удинского, Селенгинского, Ильинского и Кабанского острогов на борьбу с иркутскими властями. В том же 1696 г. Иркутск был осажден забайкальскими казаками. Следствие по челобитным на А. Савелова подтвердило большинство обвинений в адрес воеводы. С Савелова было взыскано 4 тыс. рублей, а его брат, Нерчинский воевода Антон Савелов, и вовсе был бит кнутом в Енисейске и отправлен в Якутск «в казачью службу».

Русские письменные источники последней трети XVII в. отмечают многочисленные факты нелегальных поставок огнестрельного оружия в Джунгарию. Московские и сибирские власти прилагали значительные усилия по пресечению основных каналов поставок ружей и боеприпасов в ойратские кочевья. Однако наладить более-менее эффективную систему контроля удалось лишь в конце XVII — начале XVIII в., когда прекращение массовых поставок огнестрельного оружия из России уже не могло повлиять на ход перевооружения джунгарской армии.

Количество огнестрельного оружия, привезенного из России в Джунгарию во второй половине XVII в., было значительным, однако большая часть ружей, использовавшихся джунгарскими воинами в конце XVII в., имела среднеазиатское происхождение. Производство огнестрельного оружия в городах Средней Азии в середине XVII в. имело почти полуторавековую историю. Уже в начале XVI в. в армиях среднеазиатских Тимуридов использовались пушки различных типов и ручное огнестрельное оружие. В армии Бабура, продвигавшейся по территории Афганистана в 1519 г., уже были отряды ружейных стрелков-«туфакандазов» (Мукминова, 1976, с. 115). Ключевую роль в становлении пушечного и ружейного производства в Средней Азии сыграли иранские, хорасанские и малоазиатские специалисты. Впечатляющие победы Бабура в Индии были во многом достигнуты благодаря умелому использованию потенциала «огнестрельных» родов войск (Белоницкий, 1949, с. 26-33). В течение XVI в. среднеазиатские мастера добились значительных успехов в изготовлении огнестрельного оружия. Войска городов Мавераннахра использовали различные типы пушек и ружей. В середине XVI в. отряд удельного правителя Бухары Сайд Бурхан-хана был вооружен ружьями с медными стволами. Ружьями с железными стволами были снабжены стрелки — «румийцы». Огнестрельным оружием были вооружены воины наемных отрядов правителя Самарканда Шейбанида Науруз Ахмед-хана (Барак-хана) и его сына Баба Султана. «Туфакандазы» (стрелки из ружей) и «аташбазы» (воины, «мечущие молнии») неоднократно упоминаются Хафизом Танышем в составе войск узбекских султанов (Мукминова, 1976, с. 118-120). Согласно данным письменных источников, фитильными ружьями были вооружены не только воины, спешивавшиеся во время боя, но и латники, действовавшие в конном строю (Белоницкий, 1949, с. 35), что подтверждается данными иконографии.

Русские письменные источники XVI-XVII вв. фиксируют успехи «бухарцев» в изготовлении огнестрельного оружия. В отчете о боях иранских и среднеазиатских войск под Гератом российский посол князь Григорий Васильчиков писал царю Федору Ивановичу: «А как Бухарский (Абдулла-хан II) был под Ерью (Гератом) и шах ходил против его в Хорасан, и был в Хорасане половину лета, и под Ерь людей своих посылал, и Ери не учинил ничего, потому что у шаха вогненного бою нет никоторого, а у бухарских людей вогненный бой, пушки и пищали есть» (там же, с. 33).

Основные производственные мощности по изготовлению оружия на протяжении большей части XVI в. размещались в Самарканде. В последние десятилетия того же столетия (после переноса столицы узбекского государства) начался бурный рост оружейного дела в Бухаре, где был создан большой пороховой склад «дару-хана» (Мукминова, 1976, с. 122-123). Во второй половине XVII в. мусульманские государства Мавераннахра были основными поставщиками ручного огнестрельного оружия во владения казахских, туркменских и киргизских кочевников. В конце XVII в. русские служилые люди так характеризовали вооружение номадов казахской степи: «А бой де у них лушной и копей-

ный, а пушек де нет и мелкого, а длинного огненного де ружья и порох и свинец и луки привозят из Большой Бухарин...» (Кушкумбаев, 2001, с. 46). Представитель Российского государства в казахских улусах Василий Кобяков в 1692 г. отмечал: «Ружья они, каракалпаки и Казачьей орды люди, покупают в Бухарах...» (там же, с. 70). Однако продажа ружей среднеазиатским номадам носила во многом мелкооптовый или розничный характер. Могущественные джунгарские ханы обладали возможностями для массовых закупок огнестрельного оружия. Продажа ружей ойратам среднеазиатскими городами не являлась тайной для соседей. Русские служилые люди прямо указывали на то, что основная масса огнестрельного оружия во второй половине XVII в. поступала в джунгарскую армию «от бухарцев» (РМО, 2000, с. 181).

Одним из ключевых поставщиков огнестрельного оружия в западномонгольские армии были города Восточного Туркестана, которые в последней трети XVIII в. стали вассалами Джунгарии. На протяжении значительной части XVI-XVII вв. огнестрельное оружие не имело широкого распространения среди городских ополчений Яркенда, Кашгара, Аксу и других городов региона. Однако впоследствии местные оружейники сумели организовать массовое производство фитильных ружей. В конце XVII — первой половине XVIII в. ручное огнестрельное оружие было широко распространено среди воинов восточнотуркестанских ходжей, что зафиксировано цинскими письменными и изобразительными источниками. После включения Восточного Туркестана в состав Цинской империи массовое ружейное производство было почти повсеместно свернуто. Однако навыки изготовления огнестрельного оружия не были утеряны. При помощи среднеазиатских и афганских инструкторов ходже Валихан-тюре в середине XIX в. удалось даже создать литейный завод, на котором «в короткое время отлили восемь орудий». Интересно, что в качестве сырья для производства пушек использовалась медная посуда, изъятая у местных жителей и иноземных купцов. По требованию ходжи «все годные мастеровые были заняты выделкой оружия, изготовлением одежды и снаряжения» (Куропаткин, 1879, с. 157-158). В период господства в Восточном Туркестане Якуб-бека «ручное оружие, преимущественно фитильное, доставлялось ему (Якуб-беку. — *Авт.)* частию из независимых ханств, частию изготовлялось в местных мастерских». Заводы по производству ружей были открыты в Кашгаре, Аксу и Курля и, возможно, в Яркенде. Наряду с индусами и «калмыками» изготовлением ружей на этих предприятиях занимались местные мастера (Куропаткин, 1879, с. 160, 197—198).

Благодаря поставкам огнестрельного оружия из России и, особенно, из городов Средней Азии, джунгарский военачальникам удалось снабдить значительную часть своих воинов московскими пищалями и «бухарскими» «туфаками» и «милтиками», создать значительные запасы ружейной амуниции и боеприпасов.

Сам по себе факт применения кочевниками огнестрельного оружия неудивителен (вспомним, как быстро и успешно усвоили монголы Чингиз-хана чжурчжэньскую и китайскую осадную технику), поражает размах перевооружения. Современники называли цифры в 20 и даже 30 тыс. стрелков с «огненным боем» (МРМО, 2000, с. 335, 338, 385). Последнее, при общей численности действующей джунгарской армии в 40-50 тыс. человек (Бичурин, 1991, с. 48), для конца XVII в. маловероятно, но сам факт широкого применения ойратами огнестрельного оружия неоспорим. Русские летописцы и осведомители настойчиво подчеркивают данную особенность ведения боя западными монголами, причем это становится особенно заметно, когда джунгар начинают сравнивать с их восточными соплеменниками: «И калмыки (джунгары) в военном деле гораздо мунгалом (халхасцев. — *Авт.)* сильны и много имеют огненного боя (т. е. огнестрельного оружия. — *Авт.)* от бухарцев» (РМО, 2000, с. 181); «...калмыцкий Бушухту-хан, собрався с войски своими и со многим огненным боем, мунгальского Ачароя-хана и Кутухту с улусы их, разбив без остатку, и с породных земель согнал, також де и иных многих мунгальских тайшей розбил» (там же, с. 193); «... калмыцкий Бошохту-хан с людьми своими со многим огненным боем мунгальского хана... разбил» (там же, с. 303); «и на Бушухту-ханову де сторону не пало войска ничего, только де убили у них Шарабу-батура да Ял Кашку, а мугальские де силы подронили на том бою множество... калмыки, пехотою из-за их мугальского валу били их, мунгал, из огненного ружья к озеру...» (там же, с. 335); «а он де Бушукту-хан в тех числех стоял на Кулюруне (Керулене. — *Авт.)* во множестве ратных людей с огненным ружьем и лучным

боем...» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 197); «...з Бушухту ханом де, силы бойца с огненным ружьем было болши двадцати тысяч» (там же, 1989, с. 207) и т. д.

Важную роль в перевооружении джунгарской армии сыграл один из самых известных джунгарских правителей Галдан Бошокту-хан (1671-1697). По свидетельству русских служилых людей, «контайши (хунтайджи Галдан Бошокту-хан. — *Авт.)* у бухарских отложившихся владельцев (феодалов Восточного Туркестана) несколько городов взял и богатым местом завладел, в нынешнее время передо всеми народами разсеянными между Индиею, Китаями, Сибирью, Россиею и Персиею силняе стал и ружья и пороху довольно и хлеб заводит, чего никогда у них не бывало» (Моисеев, 1991, с. 49); «...з Бушухту-ханом де силы бойца с огненным ружьем было больши двадцати тысяч» (РМО, 2000, с. 335).

Чтобы более наглядно продемонстрировать тот огромный шаг, который сделало Джунгарское ханство в развитии своих вооруженных сил, приведем пример из военной истории другого воинственного государственного образования номадов — Крымского ханства. В 1547 г. крымские татары организовали масштабный поход на Астрахань. Была объявлена тотальная мобилизация всех боеспособных мужчин в возрасте от 15 до 70 лет. За уклонение от похода полагалась смертная казнь. Путем максимального напряжения сил крымским полководцам удалось собрать огромную армию. Только хан выставил в поле около 10 тыс. воинов. Племенное ополчение достигало якобы 250 тыс. человек. В это же время «тюфенкчей» (стрелков, вооруженных огнестрельными ружьями турецкого типа «тюфенк») насчитывалось всего от 200 до 1 000 чел. Характерно, что при этом именно артиллеристы и «тюфенкчи» сыграли ключевую роль во взятии Астрахани (Зайцев, 2004, с. 140). Хотя турецкие правители регулярно снабжали своих крымских вассалов огнестрельным оружием, число передаваемых османских ружей редко переваливало за тысячу (там же, с. 97).

Таким образом, благодаря массовому импорту фитильных ружей из Средней Азии и России джунгарским правителям в последней четверти XVII в. удалось существенно изменить традиционный состав родов войск номадов. В армии появились многочисленные подразделения стрелков, вооруженных ручным огнестрельным оружием. Причем благодаря наращиванию поставок из мусульманских государств доля «огнестрельной ездящей пехоты», относительно других родов войск джунгарской армии, постоянно возрастала.

Рассмотрим основные типы импортного огнестрельного оружия, использовавшегося джунгарскими и монгольскими воинами в XVII в.

Русское ручное огнестрельное оружие XVII в.

Стрелецкие ружья, или самопалы, имели кованый граненый ствол длиной 800-1200 мм и калибром 12-20 мм. Ствол крепился к деревянному ложу, которое обычно изготавливалось из березы или клена. Русские ружья имели длинное цевье, доходившее почти до дульного среза. Самопалы снабжались прикладами двух основных типов — «многопрофильным» (прямой приклад) или «мушкетным» (расширяющийся к концу приклад). Левая сторона приклада была плоской, а правая снабжалась вырезанным «ящиком» для ружейных принадлежностей (Золотой век..., 1993. с. 27). Деревянные детали стрелецких ружей в начале XVII в. покрывались краской. По свидетельству Г. Г. Паерле, виденные им в 1606 г. стрельцы «имели длинные ружья с красными ложами» и белые перевязи с зарядцами на груди (Летин, 2001, с. 16). Для воспламенения заряда служил фитильный замок — «жагры» — российского или иностранного производства. С начала XVII в. на пехотных ружьях все чаще стал применяться ударно-кремневый замок русского или карельского типа. До середины XVII в. стрельцы вооружались ружьями преимущественно русской работы.

С начала 30-х гг. XVII в. ручное огнестрельное оружие стали в значительных количествах закупать за границей. В течение 30-х гг. было куплено 5 014 мушкетов, в том числе 3 648 экземпляров с фитильными замками, а остальные с кремневыми. В 1647-1652 гг. из Оружейного и Ствольного приказов в армию поступило 10 172 мушкета с фитильными и 21 922 с кремневыми замками (Летин, 2001, с. 16-17). Более чем двукратный перевес кремневых ружей над фитильными указывает на постепенное вытеснение из военного обихода фитильных ружей. Старые фитильные ружья переделывались в кремневые. Начало этому процессу было поло-

жено еще в начале XVII в. Так называемые «троицкие» пищали, изготовленные мастерами Троице-Сергиева монастыря еще в конце XVI — начале XVII в., подверглись модернизации: фитильные замки были удалены, а к старым стволам были присоединены кремневые замки (Золотой век..., 1993, с. 26).

Однако процесс замещения фитильных ружей кремневыми в стрелецких подразделениях в Российском государстве шел относительно медленно. Стрельцы (в отличие от солдат «полков нового строя») плохо принимали «немецкие» мушкеты и считали их менее надежными, чем фитильные аналоги. Стрельцы постепенно отказались от самопалов, но сменили их не на кремневые ружья, а на фитильные мушкеты. Вплоть до конца XVII в. стрельцы (как и джунгарские стрелки XVII — первой половины XVIII в.) предпочитали огнестрельное оружие с «жаграми» ружьям с кремневыми замками (Летин, 2001, с. 17).

Исходя из приведенных выше данных, можно предположить, что основная масса ружей, купленных средне- и центральноазиатскими купцами для джунгар во второй половине XVII в. в России, имела фитильные, а меньшая — кремневые замки. Подавляющая часть контрабандных ружей была изготовлена русскими мастерами. При этом не стоит исключать возможность использования джунгарами и некоторого количества кремневых ружей западноевропейского производства, приобретенных в России или захваченных в качестве трофеев у казаков и стрельцов в Сибири.

Среднеазиатское ручное огнестрельное оружие XVII-XVIII вв.

В XVII в. фитильные ружья были господствующим видом ручного огнестрельного оружия на просторах восточной части евразийского континента. Преобладающими типами фитильных ружей были ружья с «восточным» и «западным» фитильными замками. Большинство среднеазиатских ружей XVII в. имели фитильный замок «восточного» типа.

В стандартном варианте фитильный замок состоял из двухплечевого (змеевидного) рычага, задний конец которого представлял собой спусковой крючок, а передний, раздвоенный на конце — фитильный курок, в котором защемлялся кусок тлеющего трута или фитиля. При давлении на спусковой крючок курок с фитилем наклонялся вниз, на полку, и воспламенял затравочный порох. Отличительной чертой фитильного замка «западного» типа являлся курок с фитилем, который опускался в сторону стрелка. Кроме того, в «западном» фитильном замке вся спусковая система была прикреплена к «замочной доске» с внутренней стороны таким образом, что постороннему наблюдателю были видны металлическая пластина замка («замочная доска»), пороховая полка с крышкой и курок («жагра»). В «восточном» фитильном замке весь механизм был упрятан в толщу ложа, из которой виднелись лишь металлический спуск и верхний конец курка («жагра») с фитилем. В отличие от «европейского» курка, жагра «восточного» фитильного замка опускается не к стрелку, а по направлению к дулу. Таким образом, «западный» и «восточный» фитильные замки, использовавшие один конструктивный принцип, тем не менее внешне сильно отличались друг от друга. В XVII в. «западный» фитильный замок был распространен в европейских государствах и в России. Фитильный замок «восточного» типа был широко употребляем в Османской империи, государствах Средиземноморья, а также в Передней, Средней Азии и в Индии. Причем в Средней Азии и Индии фитильный замок «восточного» типа употреблялся на протяжении большей части XIX в. В Восточном Туркестане даже во второй половине XIX в. фитильные ружья являлись наиболее распространенным типом ручного огнестрельного оружия (Куропаткин, 1879, с. 157,169-170, 191). По мнению Н. И. Соболева и В. А. Ермакова, исследовавших привозное огнестрельное оружие арсеналов Московского Кремля, «восточный тип фитильного ружья вследствие тяжести и неудобства приклада был мало распространен на Руси в XVII веке» (Соболев, Ермаков, 1954, с. 390-392).

Кроме фитильных ружей, в среднеазиатских государствах использовались и ружья с кремневым замком. Однако последние численно уступали своим фитильным аналогам. По сообщениям российских посланников, даже в войсках восточнотуркестанского ходжи Валихан-тюри в конце 50-х гг. XIX в., «наулучше вооруженные (воины) в пехоте и кавалерии имели фитильные ружья и в небольшом числе кремневые». Почти два десятилетия спустя «большая половина ружей, имевшихся в

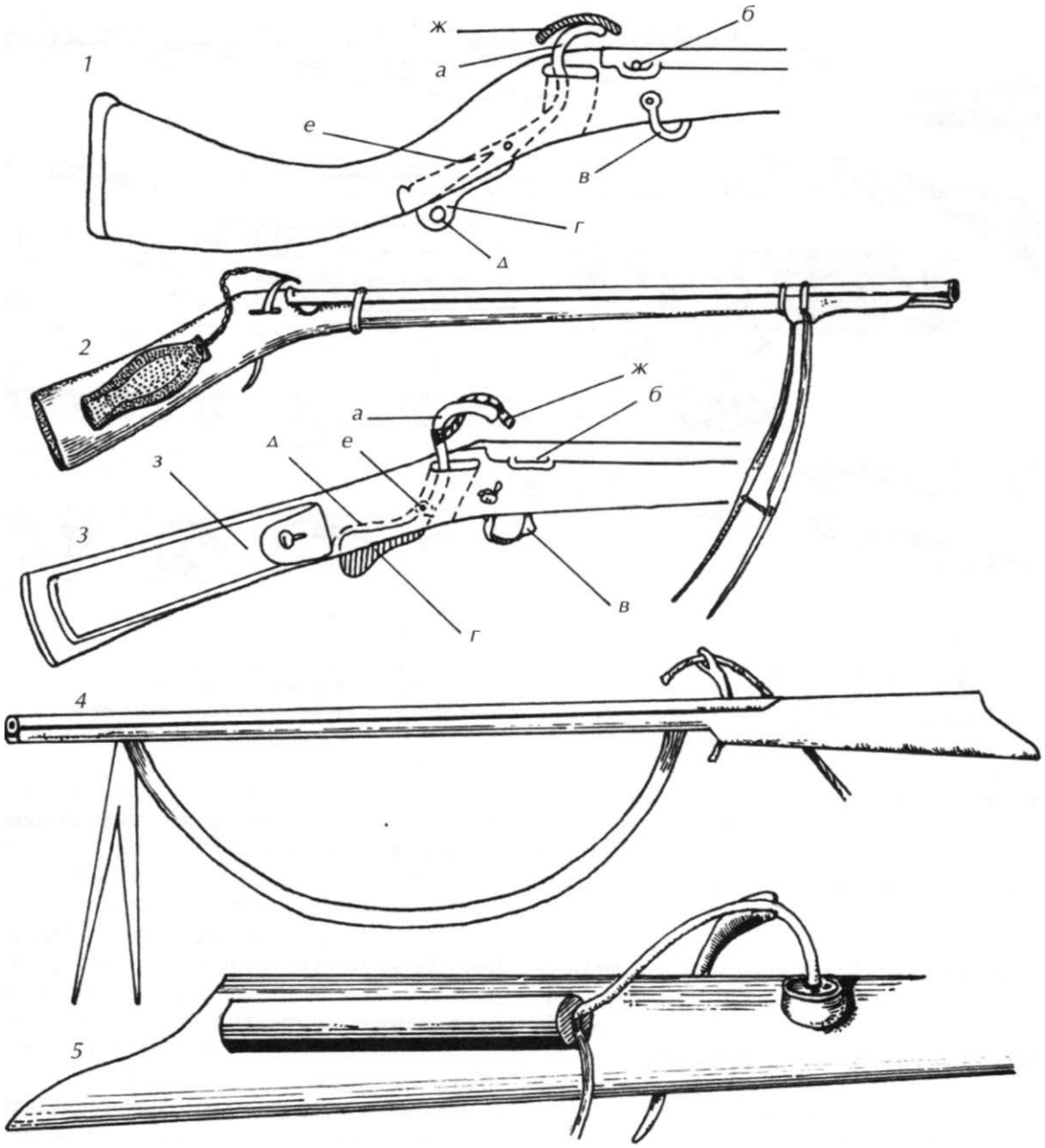

Рис. 60. Фитильные ружья Средней Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени:
1 — «азиатское фитильное ружье с пружинным замком» (по В. Е. Маркевичу): а — курок; *б* — полка и затравка; *в* — железная антабка на цевье для ремня; г — спуск; *д* — отверстие для предохранительной чеки; е — пружина; *ж* — фитиль. Курок, спуск и пружина сделаны из одного куска стали; *2* — фитильное ружье казахов Старшего жуза. Прорисовка с картины П. Кошарова «Оружие казахов Старшего жуза»; *3* — «сибирское фитильное ружье с пружинным замком» (по В. Е. Маркевичу): а — курок; *б*— полка и затравка; в — заменяющее антабку кожаное «ушко» для ремня; г — спуск («хвост») курка; д — пружина курка; е — ось курка («шпилька»); ж — фитиль; з — кожаный карман для фитилей; *4* — фитильное ружье «горных калмыков» (жителей Горного Алтая). Прорисовка с изображения В. В. Радлова «Ружье с сошками»; 5 — элемент фитильного ружья «горных калмыков». Прорисовка с изображения В. В. Радлова «Приклад ружья с запалом».

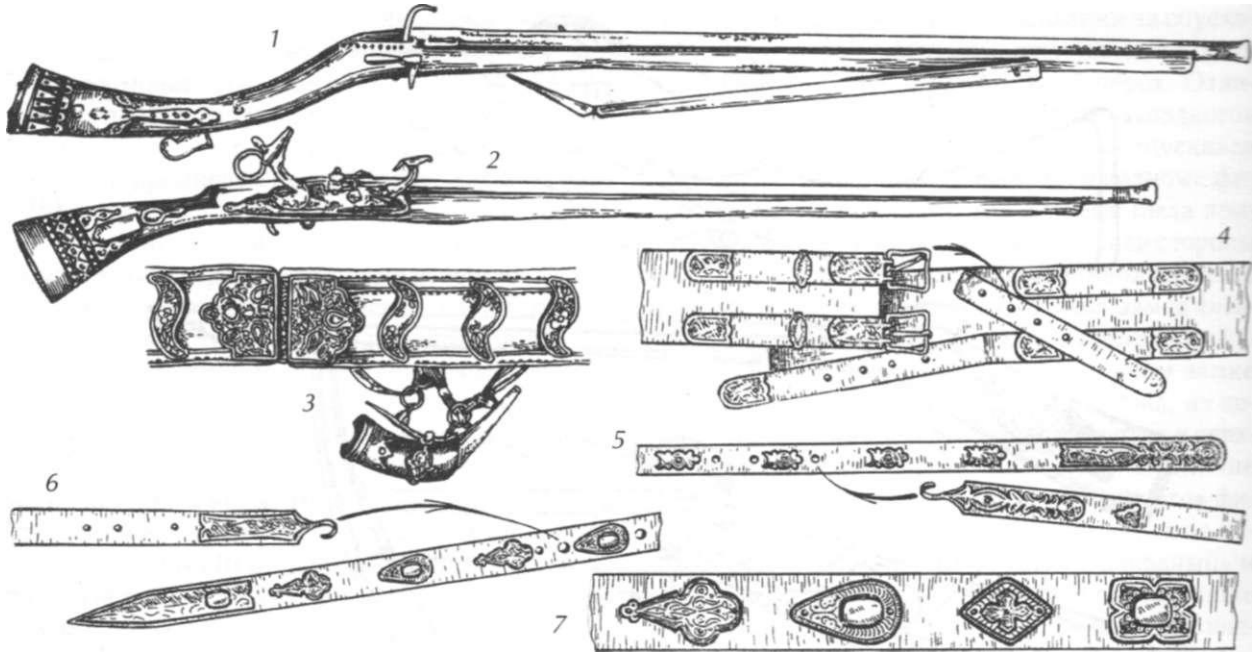

Рис. 61. Среднеазиатские ружья, ружейные принадлежности и казахские пояса Нового времени:

1 — среднеазиатское фитильное ружье XVIII в. (ГИМ, № 76197/705); *2* — кремневое ружье XVIII в. (ГИМ, № 68257/8706); *3* — среднеазиатская «трубкообразная» натруска на ружейном поясе XIX в. (ГИМ, № 82647/15391); 4— широкий казахский пояс конца XVIII в. с двумя пряжками (по В. П. Курылеву) (МАЭ, № 403-8); 5 — узкий казахский пояс Нового времени с застежкой в виде крючка (по В. П. Курылеву) (МАЭ, № 403-10); 6-7 — казахский ружейный пояс середины XVIII в. (по В. П. Курылеву) (МАЭ, № 439-15!

войсках Якуб-бека (правителя Восточного Туркестана. — *Авт.)*, были фитильныя, разных величин и калибров. Они, равно и незначительное число кремневых ружей, имевшихся в войсках, были вообще малокалиберны, тяжелы...» (Куропаткин, 1879, с. 157, 169).

Характерной чертой среднеазиатских фитильных ружей были длинные стволы, узкие изогнутые (иногда S-образные) приклады и парные сошки. По наблюдениям советских исследователей, «большинство из сохранившихся (среднеазиатских. — *Авт.)* ружей имеют деревянные вилки-подсошки (сошки. — *Авт.),* прикрепленные к ложам, позволяющие стрелять сидя, с земли. Подобные ружья с подсошками широко бытовали в соседнем Иране» (Денисова, Портнов, Денисов, 1953, с. 144). На протяжении XVIII — первой половины XIX в. конструкция фитильных ружей, применявшихся в регионе, не претерпела кардинальных изменений. По сообщениям современников, кашгарские фитильные ружья XIX в. были «малокалиберны, тяжелы, с подставкою, прикрепленною к ружью для прицеливания, и с железным шомполом. Во многих из них сделано было по несколько прямых нарезов. При заряжании пулю приходилось загонять сильными ударами шомпола. Меткость этих ружей была весьма хороша до 200 шагов, а дальность иногда (в фальконетах) превосходила 1 000 шагов. Неудобства этого рода оружия всем известны. Они состоят в медленности заряжания, в необходимости слезать для выстрела с лошади, в недостаточной дальности и меткости» (Куропаткин, 1879, с. 169—170).

Рассмотрим наиболее характерные типы среднеазиатских ружей на конкретных примерах.

Группа I. Фитильные ружья («мултук»).

Тип 1. Фитильные ружья без пружины.

Вариант 1. Фитильное ружье с узким S-образным (инкрустированным белой костью и черным рогом) прикладом и сошками.

Включает 1 экз. из Государственного исторического музея (ГИМ, № 76197/705). Датировано сотрудниками музея XVIII в. (Денисова, Портнов, Денисов, 1953, с. 154) (рис. 61, /).

Общая длина ружья — 154,2 см, калибр — 12 мм. Ствол ружья (длина — 120 см) выполнен из стали и снабжен прямыми нарезами. Поверхность ствола украшена золотой насечкой. Жагра простая, без пружины. Узкий приклад имеет характерную S-образную форму. Его плоскость украшена геометрическим орнаментом, который формируется белой костью и черным рогом. Ружье имеет наборный затыльник. Сошки представляют собой пару деревянных планок, заканчивающихся железными сошниками.

Группа И. Кремневые ружья.

Кремневые ружья встречались в Средней Азии периода Нового времени реже фитильных. Русские и западноевропейские кремневые (а впоследствии и капсульные) ружья, попавшие в Среднюю Азию, часто подвергались переделке: металлический затыльник снимался, а широкий толстый приклад часто выстругивался до приобретения описанной выше тонкой изогнутой, S-образной, формы. Кремневые ружья в Средней Азии имели в основном так называемые «восточные» («испано-мавританские») замки. Хотя встречались и западноевропейские замки, вплоть до «поздних ударно-кремневых систем», например «французско-батарейный замок» (Денисова, Портнов, Денисов, 1953, с. 154).

Тип 1. Кремневое ружье с «нидерландским» замком.

Вариант 1. Кремневое ружье с узким (инкрустированным костью, рогом и перламутром) прикладом и сошками.

Включает 1 экз. из ГИМ (№ 68257/8706). Датировано сотрудниками музея XVIII в. (там же) (рис. 61,2).

Общая длина ружья — 145 см, калибр — 14,5 мм. Ствол ружья (длина — 110 см) выполнен из стали и имеет утолщение в дульной и казенной частях. Поверхность ствола украшена «обронным геометризованным растительным орнаментом с золотыми и серебряными накладками... замок нидерландский, резной с гравировкой» (там же, с. 155). Деревянное ложе инкрустировано костью, рогом и перламутром.

На протяжении рассматриваемого периода ойратские воины, в своей массе, обычно не подвергали сколько-нибудь значительным переделкам доставшиеся им ружейные стволы. Большинство существенных добавлений заключалось в «усовершенствовании» органических элементов ружья. Местные мастера нередко выстругивали приклад, крепили к ложу сошки из деревянных планок или сайгачих рогов. Интересно, что и столетия спустя южносибирские мастера нередко переделывали доставшиеся им иностранные ружья, сохраняя ствол, но существенно изменяя приклад: «Алтайские ружья, часто переделаны из старых русских солдатских, так как алтайские оружейники при своем примитивном оборудовании не в состоянии выковать хороший ствол» (Радлов, 1989, с. 157).

Джунгарские воины достаточно быстро овладели искусством стрельбы из огнестрельного оружия. Палили из фитильного ружья обычно в сидячем положении — опустившись на одно или на оба колена. Также практиковалась стрельба стоя и лежа. Проживавший в ссылке в Тобольске Юрий Крижанич отмечал, что «монголы носят на коне пищаль». Возможно, что уже в это время некоторые кочевники практиковали стрельбу из ружья с коня. Однако данных, подтверждающих массовое использование такого способа стрельбы во второй половине XVII в., нами пока не найдено.

Огнестрельное оружие в Волжской Калмыкии конца XVII — XVIII в.

Как уже отмечалось выше, откочевавшие на запад племена ойратов достаточно быстро оценили преимущества ручного огнестрельного оружия. На протяжении XVII в. калмыцкие воины широко использовали трофейные русские пищали, а также захваченные или купленные в Средней Азии фитильные ружья. Однако импортное вооружение не удовлетворяло все возрастающих нужд калмыцкой армии, и торгоутские правители стали предпринимать активные действия по налаживанию собственного ружейного производства. Масштабное производство фитильных ружей в Волжской Калмыкии было начато примерно в то же время, что и в Джунгарии, или даже несколько раньше. Согласно сведениям русских письменных источников, относящимся к 1692 г., в ожидании нападения башкиров «в улусах у него, Аюкая (Аюки-хана), к воинскому делу делают огненное ружье непристанно, чтобы на два человека было по одной пищали». Ружейных мастеров в Калмыкии было немного. Вероятно, на начальном этапе «штат» ружейных мастеров комплектовался из числа пленных или нанятых специ-

алистов из южных районов России, Северного Кавказа и Средней Азии. Впоследствии значительную роль в организации процесса производства ружей и обучении калмыцких специалистов искусству изготовления ручного огнестрельного оружия стали играть оружейники, прибывшие на Волгу из Джунгарии. Так, в 20-х гг. XVIII в. был широко известен «калмык, именем Гунга-дархан, который в прошлых годах, выехал из Сибири из орды черных калмык (Джунгарского ханства), и обучает тому мастерству, по повелению владельца Доржи, других ево улуса калмык... и что зделают ружей и оное отдают оному владельцу Дорже, а он роздает своего улуса калмыком для обучения стрельбе... а железо на дело тех ружей покупают в городех Астрахане и в Царицыне у разных купецких людей... а порох покупают они на Яике у казаков» (Батмаев, 1993, с. 124). Калмыцкие ружейные мастера были востребованы и за пределами калмыцких улусов. Например, в конце 40-х гг. XVIII в. ружейный мастер «Шикир с двумя сыновьями, люди добрыя и к воинским случаям весьма надежныя, к тому же весьма умеют стрелять и порченые ружья исправлять и приводить к мишени, и имеют к тому подобные инструменты, и могут оные исправлять и в поле будучи», отъехал к донским казакам (Батмаев, 1993, с. 124). Таким образом, можно предположить, что при изготовлении ручного огнестрельного оружия мастера волжских калмыков брали за образец русские, среднеазиатские и джунгарские ружья.

Значимость огнестрельного оружия в оружейном комплексе калмыков в этот период заметно возросла. Интересно, что это нашло свое отражение даже в исторической памяти калмыков. Согласно сведениям анонимного автора «Краткой истории калмыцких ханов», именно из ружья был ранен сын Аюки-хана: «Гунчжаб, любимый сын Аюки, дав слово убить своего старшего брата, в темную ночь подослал к своему брату злонамеренного человека, который выстрелил в Чакдарчжаба из ружья, заряженного двумя пулями (зарядами), и ранил». Эти сведения дополняет сообщение В. Бакунина, датированное 1761 г.: «...а четвертый Аюкин сын... подсылал нарочного зайсанга Некая, который, в ночное время подъехав к Чакдоржаповой кибитке и сквозь оную по нем, Чакдоржапе, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями...» (Бакунин, 1939, с. 198—199). Однако столь широкого распространения, как в Джунгарии, огнестрельное оружие среди калмыков не получило. Основной причиной этого была не столько нехватка мастеров, сколько зависимость калмыков от поставок сырья для производства ружей и боеприпасов извне.

Достоверно неизвестно, удалось ли калмыцким ханам наладить масштабное производство ручного огнестрельного оружия в конце XVII в., так как кочевавшие на Волге ойраты испытывали перманентную нужду в порохе, железе и свинце. Во второй половине XVII в. калмыки играли важную роль в защите южных границ России от набегов крымских татар, поэтому в этот период российские власти время от времени позволяли кочевникам приобретать «заповедные товары». В январе 1686 г. ойратский правитель Аюка извещал астраханского воеводу, что ему «надобно железа». В ноябре того же года его купцы ездили за этим металлом в Астрахань. Сын Аюки Арабтан обращался к воеводе Мусину-Пушкину с просьбой, чтобы русские «торговые люди» продали ему «довольно железа и свинца». В одной из статей договора, подписанного в 1697 г. главой Казанского приказа (согласно ойратской летописи «История калмыцких ханов» второй половины XVIII в. — лично князем Б. М. Голицыным) и Аюкой, предусматривалось выдавать калмыкам ежегодно 20 пудов пороха и 10 пудов свинца (Шовунов, 1992, с. 21): «Русский великий хан Петр (Петр I. — *Авт.)* уехал в чужие западные государства для того, чтобы, изучив там искусство и науки, научить им потом своих подвластных. Он поручил Аюки хану охранять, в бытность свою за границею (где пробыл 1697 и 1698 гг.), русское государство от южных внешних врагов; вследствие чего кн. Борис Матвеевич Голицын в году Галл Укер (1697) имел свидание с Аюки ханом при р. Шара Цеке. Они в договорных статьях постановили: "Если Аюки хан будет воевать бухар, харакалпаков, хасаков (киргиз), то русские должны дать ему пушки; также давать ему ежегодно по 20 пуд пороху и 10 пуд свинцу"».

Однако уже в первой трети XVIII в. центральные власти стали все более жестко ограничивать поставки боеприпасов в калмыцкие кочевья. В результате местные ойратские правители (как их восточные собратья в XVII в.) были вынуждены организовывать нелегальные линии поставок металлов, пороха и свинца (в основном с территории той же России). В 1726 г. тайша Дондук-Омбо закупил у саратовского сотника Якова Нечаева значительное

количество пороха и свинца. В улусе этого ойратского феодала было также налажено собственное («подпольное») производство пороха (Шовунов, 1992, с. 21). В 40-х гг. XVIII в. изготовлением пороха в калмыцких улусах занимались мастера Омолонго и Харта Мерген. Для них калмыки организовывали специальные закупки серы у русских промышленников.

Собственные производственные мощности не могли решить вопрос перевооружения калмыцких войск, поэтому наряду с налаживанием ружейного производства в степях калмыцкие феодалы продолжали стимулировать контрабандные поставки огнестрельного оружия из южнороссийских городов. Значительное количество ружей вывозилось в калмыцкие улусы из Саратова. Посредниками обычно выступали ногайцы, казанские и астраханские татары, а также среднеазиатские купцы. Российский посланник Флория Беневени, находясь в Бухаре, в 1722 г. сообщал в Санкт-Петербург: «Много же товару, сказывали мне, из Саратова к калмыкам и татарам приносится, и при том товаре юков (вьюков) по десяти, по двадцати бывает вдруг курков и винтовочных стволов, которых ныне в Хиве тьма продано от ногайцев». Будучи в Хиве, Ф. Беневени попытался лично конфисковать привезенные ногайцами и татарами «заповедные товары»: «Пред приездом моим велик нагайской караван был здесь, которой, опасаясь меня, как скорее мог распродал свой товар и поехал. По приезде моем также караван большой в Хиву прибыл, и с того каравану верблюдов с триста товару сюда привезено, а именно сукна... олова и стволов на фузеи целые три верблюжные юкки (вьюка). И я хотел отобрать такой заповедный товар...». Однако попытка Ф. Беневени оказалась неудачной. Купцы (по версии Беневени, — казанские и астраханские татары) объявили себя «степными татарами мангуцкого (т. е. мангытского) рода» и, дав взятку («подарок») местному аталыку, обезопасили себя от притязаний российского посланца (Посланник Петра I на Востоке, 1986, с. 71-72).

Зависимость калмыцких правителей от поставок сырья для производства огнестрельного оружия из российских губерний, мораторий на поставки ручного огнестрельного оружия российского производства, недостаток квалифицированных специалистов существенно тормозили процесс распространения ружей среди волжских калмыков, что в конечном счете сказывалось на уровне оснащенности огнестрельным оружием калмыцких войск. Посещавший калмыцкие улусы во второй половине XVIII в. П. С. Паллас отмечал, что основная масса кочевников вооружена копьями и саадаками, а огнестрельным оружием снабжены в основном «зажиточные» калмыки (Сычев, 1973, с. 63).

Ружейное производство в Джунгарии в конце XVII — первой половине XVIII в.

Зависимость Джунгарии от поставок огнестрельного оружия из-за границы представляла угрозу национальной безопасности страны, поэтому в конце XVII — начале XVIII в. джунгарскими правителями были предприняты экстраординарные меры по налаживанию его производства в степных условиях. Залогом успешности данного предприятия была централизация политической власти в руках джунгарских правителей — хунтайджи, которым удалось провести ряд военных и экономических преобразований, в результате которых экономика ханства была предельно милитаризована. В Джунгарии были созданы крупные оружейные мастерские, на которых трудились сотни местных и иностранных мастеров. Кузнецы были объединены в специальный «оток» (территориальную, социальную и хозяйственную единицу, насчитывавшую в среднем около 4 тыс. человек), названный Улутэ: «Улутэ являлись теми ремесленниками, которые производили оружие, осуществляли железоплавильные, железоделательные и кузнечные работы». Отоком Улутэ управляли 4 зайсана. Три тысячи ружейников (а впоследствии и артиллеристов) были приписаны к отоку Джахачин (оток пограничной стражи). Процесс изготовления ружей (впоследствии — ружей и пушек) был отнесен к ведению специальных чиновников — «баоцинаров» (от «буучин» — ружье). Все джунгарские отоки были административно-хозяйственными единицами удельных (личных) владений хунтайджи (Кычанов, 1997, с. 240-241; Чернышев, 1983, с. 91). Приглашенные в Ургу (ставку хунтайджи) оружейники расселялись в ее окрестностях и заносились в специальные списки. Кричное железо и медь приобретались за счет средств государства и поступали в оружейные мастерские. Трудившиеся в них мастера изготовляли предметы вооружения для нужд ойратских армий и получали за это вознаграждение от хунтайджи.

Благодаря содействию русских и, вероятно, среднеазиатских мастеров, в Джунгарии было налажено собственное производство фитильных ружей и ружейной амуниции. Возможно, что изготовление огнестрельного оружия в Джунгарии началось еще при жизни Галдан Бошокту-хана (1671-1697). Однако достоверные сведения о функционировании в ханстве «мастеровых ружейного дела» относятся к периоду правления его племянника Цеван-Рабдана (1697-1727). «Памятники сибирской истории» сообщают, что русский слесарь Зеленовский в самом начале XVIII в. завел у Цеван-Рабдана «ружейное дело»(Златкин, 1983,с. 219). Сведения о налаживании собственного ружейного производства в Джунгарии привез вернувшийся в 1727 г. из Западной Монголии российский посланец Д. Ильин. Он прожил в Урге более года и, будучи профессиональным военным, уделял особое внимание сбору информации о военном искусстве центральноазиатских кочевников. Согласно собранным Д. Ильиным данным, ойраты «делают ружья, порох и пули, добывают селитру, медь и железо...» (Эрдниев, 1993, с. 42). Возвратившийся в 30-х гг. XVIII в. из джунгарского плена И. Сорокин отмечал, что «турки» (т. е. ружья) и другое оружие в окрестностях оз. Тексел джунгары «издревле» изготовляют сами: «...много имеют пищалей, токмо все с жаграми... порох делают сами... Порох же у них всякой, кому надобно, сам делает, к чему у них селитры довольно» (Моисеев, 1990, с. 72; Кушкумбаев, 2001, с. 114).

На протяжении первой половины XVIII в. ружья, как правило, изготавливались специальными мастерами и передавались в войска, а порох и свинец джунгарские «цирики» должны были приобретать самостоятельно. По наблюдениям прапорщика Подзорова, находившегося в ойратских кочевьях зимой 1744/1745 г. (накануне очередной кампании против Коканда), рядовым джунгарам было приказано: «каждому готовить по сто турочных (ружейных) зарядов, да по дватцать стрел, а порох и свинец приказано всякому про себя готовить» (Моисеев, 1991, с. 167).

В период правления хунтайджи Галдан-Церена руководители ружейного производства в Джунгарии добились значительных успехов. Российские власти оценивали боевой потенциал ойратской армии в 30-х гг. XVIII в. в 80 тыс. стрелков, вооруженных огнестрельным оружием. В одном из указов Российского правительства от 1 мая 1734 г. отмечалось, что Галдан-Церен «есть между прочими всеми тамошними народами сильный и войск своих имеет до 80 000 тыс. человек с огненным ружьем, и не так как киргиз-кайсацкие ханы нал подданными безвластны, но оный зенгорский владелец власть над подданными имеет подобно самодержавной» (Моисеев, 1975, с. 175). Основную массу огнестрельного оружия джунгарские мастера изготавливали непосредственно на территории Западной Монголии. Значение импорта в этот период несколько снизилось. Однако его продолжали приобретать «при случае» джунгарские купцы и посланники, ездившие с дипломатическими и торговыми миссиями в города Российской империи. Вернувшийся из дипломатической миссии из Джунгарии Л. Д. Угримов отмечал в письме от 25 января 1734 г., что приехавшие с ним ойратские послы «продают уже с самого приезду бес позволения и покупают ружья, и пансыри, и сабли своеволством и тайным образом». В 1744 г. в доме джунгарского посла в Москве было обнаружено 38 пищалей (Моисеев, 1998, с. 97, 105).

В конце рассматриваемого периода огнестрельное оружие было настолько широко распространено даже среди рядовых кочевников Джунгарского ханства, что состязания по стрельбе из ружей стали одной из народных забав и важным элементом народных гуляний наряду с традиционной стрельбой из лука и конскими скачками. Накануне восшествия на престол хунтайджи Цеван-Доржи (1746 г.) среди номадов было распространено предписание явиться в Ургу, где «для увеселения владельца их и будет де из ружья пальба, из луков и на конях беги, також и разными потехами (будут) увеселять» (Моисеев, 1984, с. 147). Изготовленные джунгарскими мастерами ружья в 40-х гг. XVIII в. не только поступали в войска, но и экспортировались за границу. Исключительный интерес представляют сведения о фактах продажи ружей джунгарского производства в русских городах и острогах Южной Сибири. Если во второй половине XVII в. западномонгольские правители использовали все возможные способы приобретения русского огнестрельного оружия, то в 40-х гг. XVIII в. джунгарские купцы сами приезжали в российские крепости, где наряду с традиционным товаром кочевников — скотом выставляли на продажу ружья западномонгольского производства. Судя по тому, что факты

торговли джунгар ружьями встречаются в письменных источниках этого периода неоднократно, «турки калмыцкие» пользовались известным спросом у ясачного населения, а возможно и у русских переселенцев. Например, в 1747 г. в Семипалатинскую крепость прибыли «17 калмык зенгорской стороны» во главе с башлыком Бабаем Яметовым. К досмотру были предъявлены 217 «зверей вьючных и простых, 35 лошадей вьючных, 157 лошадей под седлами и простых, 462 вьюка других товаров». Особое внимание русские чиновники уделили привезенному на продажу огнестрельному оружию: 28 «турок калмыцкого дела», порох, свинец «на 10 турок по 100 зарядов, а на 18 турок — пороху и свинца по фунту на каждую». Летом 1752 г. в одну из российских крепостей джунгарские, «бухарские» и алтайские купцы привезли на продажу 98 «турок» и «свинцу — по 20 выстрелов на каждую турку». Вместе с ружьями торговцы предлагали русским и «ясашным» 3 панциря, 45 сабель, 53 лука и 1 060 стрел (Модоров, 1996, с. 112-113). В ходе натурального обмена с казахами джунгарские феодалы также расплачивались ружьями. Например, в 1753 г. за пригнанные по приказу казахского султана Аблая табуны лошадей и верблюдов Амурсана передал казахам ружья, ковры среднеазиатского производства и пленных, добытых в ходе военной кампании: «И по той его, Амурсанаевой, просьбе требуемое число лошадей, да сот до семи верблюдов киргис-кайсаками пятью тысячами человек было и пригнато, и им за то по договорной цене платил он, Амурсана, бухарскими лутчими коврами и ружьем, и напоследок всех полоненных у Дебачи кюрютов и кубитов мужеского и женского пола и с малолетными детьми отдал...» (Златкин, 1958, с. 296).

В середине XVIII в., в период гибели Джунгарского ханства, огнестрельное оружие использовалось западномонгольскими воинами исключительно широко. Этот факт неоднократно отмечали цинские военные и гражданские чиновники, принимавшие участие в военных кампаниях имперских войск в Джунгарии. На цинских картинах этого времени конным маньчжурским и монгольским лучникам императорской армии противостоят джунгарские пехотинцы и всадники, вооруженные фитильными ружьями. Однако говорить о поголовном вооружении джунгарских воинов ружьями все же не приходится. Непрекращающиеся войны приводили к кризису экономики, в том числе и к остановке ряда оружейных производств. Например, в середине 40-х гг. XVIII в. был закрыт медный завод в Яркенде, продукция которого использовалась для отливки пушек. Перебрасываемые с одного театра военных действий на другой, джунгарские воины не редко не имели возможности вовремя отремонтировать оружие и пополнить запасы стрел, пороха и пуль. В наихудшем положении находились дружинники и ополченцы из окраинных районов Джунгарии. Проезжавший по ойратской степи в конце 1745 г. русский представитель поручик Ф. Аблязов отмечал недостачу различных видов оружия у джунгарских «чириков». Упомянув о копьях, лишенных наконечников, и неполных колчанах, в которых находилось всего от 5 до 10 стрел, поручик отметил, что некоторые западномонгольские воины имеют малый запас боеприпасов, а некоторые и вовсе лишены огнестрельного оружия: «А огненного ружья недоволно ж, також на оные пороху и пуль помалу, а у других же почти и нет» (Моисеев, 1998, с. 121). Разгром Джунгарии и уничтожение значительной части населения Западной Монголии положили конец массовому производству ручного огнестрельного оружия в регионе. Относительно крупные ружейные мастерские сохранились частично лишь в городах Восточного Туркестана. Однако мощный импульс, данный джунгарскими мастерами, еще более ста лет сохранялся в кустарных мастерских народов Южной Сибири, которые еще длительное время продолжали выпускать ружья «джунгарского» типа.

К сожалению, на сегодняшний день в российских и иностранных музеях нами не зафиксированы целиком сохранившиеся и дошедшие до нашего времени фитильные ружья, которые могут быть уверенно отнесены к числу «турок калмыцких». Поэтому при реконструкции джунгарских ружей мы опираемся на археологические и этнографические материалы, а также на данные изобразительных и письменных источников.

Письменные источники XVIII в. подчеркивают такой характерный элемент оформления джунгарских ружей, как длинный ствол. Длина ствола некоторых азиатских ружей этого периода доходила до 140 см. Вместе с прикладом, в вертикальном положении, фитильное ружье с сошками могло превышать рост стрелка. Ствол вкладывался в деревянное ложе и плотно стягивался металлическими кольцами-фиксаторами,проволокой или специ-

альными кожаными петлями. Судя по южносибирским аналогам XVIII—XIX вв., джунгарские «турки» имели длинные узкие приклады из неполированного легкого дерева. На правой боковой стороне приклада крепилась специальная фитильная сумка, из которой стрелок тянул постепенно сгоравший фитиль, вставленный в раздвоенный конец курка. Судя по изображениям на петроглифах с р. Чаган и позднейшим аналогам, ойратские ружья часто снабжались сошками из железа, сайгачьих рогов или деревянных планок. Сошки прикреплялись к верхнему концу ложа металлическим шарниром, позволявшим им складываться. При изготовлении капсульных ружей в этнографический период приклад вырезали из тальника, сошки — из барышника. При сборке использовали «мягкое крепление» (Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 67). Возможно, деревянные части некоторых джунгарских ружей окрашивались в черный цвет. В казахских исторических преданиях XVIII в. упоминаются «калмыцкие черные ружья». Практически все типы ружей были снабжены приспособлением для крепления кожаного ремня, позволявшего носить ружье в наклонном положении за спиной. Иногда для этой цели использовались специальные кожаные и меховые чехлы, в которые вкладывались ружья. «Алтаец, отправляющийся на охоту верхом, носит ружье на ремне за спиной, из-за вилки, торчащей вверх, оно выглядит довольно нескладно» (Радлов, 1989, с. 159).

В. В. Радлов оставил подробное описание процесса подготовки и ведения стрельбы алтайцами второй половины XIX в., фитильные ружья которых восходили к джунгарским «туркам» XVIII в.: «У алтайских ружей — длина обычных мушкетов и длинный, очень узкий приклад из неполированного легкого дерева. Примерно в пяти дюймах от начала приклада прикреплена на шарнирах деревянная вилка (сошки. — *Авт.),* которую можно отгибать вперед, к стволу... Собираясь стрелять, охотник сначала отгибает вилку (сошку. — *Авт.)* назад, вертикально по отношению к стволу, втыкает ее нижней подпоркой в землю, опускается на правое колено и кладет конец приклада на правое плечо. Сбоку на прикладе помещается фитильная сумка. Неподалеку от фитиля в прикладе имеется простой курок, который движется по продольной оси ружья вокруг металлического стержня, расположенного внутри приклада в поперечном направлении. Нижний конец курка служит спуском (без предохранителя), а верхний — представляет собой небольшой вилкообразный отросток. Чтобы выстрелить, на вилку курка кладут горящий конец фитиля, тянущийся из фитильной сумки, и, нажимая указательным пальцем правой руки на спусковой крючок, медленно подвигают горящий конец фитиля к полке, наполненной порохом» (Радлов, 1989, с. 157)

Источники подчеркивают, что вплоть до крушения Джунгарского ханства ойраты предпочитали кремневым ружьям их фитильные аналоги. И дело здесь не в мифическом «изначальном консерватизме» кочевого сообщества, а в том, что номадам удалось максимально эффективно использовать преимущества данного типа огнестрельного оружия. Побывавший в джунгарской плену житель г. Кузнецка И. Сорокин отмечал, что джунгары «турки (ружья. — *Авт.)* же употребляют... без замков, а палят фитилями, понеже то за удобное признавают...» (Моисеев, 1990, с. 72). Вопреки расхожим стереотипам, при наличии необходимой подготовки, стрелять из них можно было даже с большей скоростью, чем из ударных ружей. Путешественники XIX в. отмечают, что алтайские охотники, вооруженные фитильными ружьями, «обращаются со своими ружьями очень ловко и умело, заряжают и стреляют очень быстро, гораздо быстрее, чем это возможно с ударным ружьем, так что фитильные ружья для них не так уж плохи...» (Радлов, 1989, с. 157). По свидетельству современников, при наличии зажженного фитиля, приготовленных пулях и порохе алтайские охотники могли совершать до 3 выстрелов в минуту. Иностранных путешественников поражала быстрота, с которой номады вели огонь из «примитивных» фитильных ружей: «Беглый огонь осуществляется следующим образом: охотник кладет в рот много пуль, поднимает дуло ружья к груди, снимает затем большим пальцем правой руки пробку патронной трубки, висящей на его груди и схваченной остальными пальцами, слегка подняв правую руку, сыплет порох из трубки в ствол, одновременно посылает в него пулю изо рта, опускаясь на колено, опускает ружье, пока оно не обопрется на вилку, поднимая в то же время приклад на правое плечо, и ссыпает остаток пороха на полку, мизинцем прихватывает конец фитиля, кладет его на вилку курка и молниеносно нажимает на курок. По описанию все эти манипуляции могут показаться очень длительными, на самом же деле

они совершаются с молниеносной быстротой, и охотник настолько к ним привык, что может делать два-три выстрела в минуту, если зажженный фитиль, порох и пули у него наготове»(Радлов, 1989, с. 157, 159).

Вероятно, важным фактором «исторического выбора» джунгарских мастеров в пользу фитильных ружей с замками «азиатского» типа являются также технологические и конструктивные особенности этого типа оружия. «Азиатский» тип фитильного замка прост в изготовлении, надежен в использовании, легко заменим и ремонтируем. В условиях кочевого общества эти качества, по всей видимости, играли крайне важную, если не определяющую роль.

Меткость стрельбы из фитильных ружей достигалась за счет парных сошек, которые перед выстрелом втыкались в землю. «Стрельба была очень меткая. Точную наводку облегчала штативная рогатка, приделанная к середине ружья (рогатка употреблялась и у русских казаков). С лошади так стрелять нельзя. Поэтому перед тем, как пустить в ход ружья, всегда старались спешиваться и устанавливать опорные рогатки, и тогда, говорят, выстрелы становятся действительно опасны для противника» (Прошлое Казахстана..., 1997, с. 235).

Кроме стандартных фитильных ружей джунгары использовали и их дальнобойные аналоги. Казахские исторические предания XVIII в. содержат упоминания о дальнобойных джунгарских ружьях, поражавших цель на огромных расстояниях. В рассказе о подвиге Ильчибек-батыра упоминается ойрат, использовавший «знаменитое черное ружье», из которого он стрелял по сайгакам, пасшимся на другом берегу Иртыша. Согласно легенде, это ружье раньше якобы принадлежало казахскому султану Ондану, погибшему от руки джунгар в XV в. (Валиханов, 1984, с. 219, 386). Эти фантастические рассказы указывают на вполне реалистичный факт — эффективность джунгарских ружей, использовавшихся ойратами против казахов в столкновениях первой половины XVIII в. Подобные дальнобойные ружья изготовлялись также в Средней Азии. Приобрести такое «чудо-оружие» могли лишь представители местной и кочевой феодальной знати. По сообщению Ч. Ч. Валиханова, «у некоторых султанов были среднеазиатские шамгалы (т. е. самкалы), длинные и тяжелые ружья, которые бьют на 700 шагов» (Валиханов, 1961, с. 466).

Кроме ружей с сошками, джунгарские мастера выпускали фитильные ружья, из которых можно было вести стрельбу, не слезая с коня. По аналогии с русскими карабинами XVII в., можно предположить, что главными отличиями кавалерийских ружей были укороченный ствол и отсутствие сошек. Цинские художники второй трети XVIII в. на своих картинах неоднократно фиксировали джунгарских всадников, ведущих огонь по противнику на полном скаку. Особенности алтайских фитильных ружей XIX в., предназначенных для стрельбы с коня (укороченный ствол и приклад), подметил В. В. Радлов: «У алтайцев есть, кроме того, и ружья поменьше, которыми они стреляют с лошади» (Радлов, 1989, с. 159). Судя по дошедшим до нас экземплярам тибетского ручного огнестрельного оружия XVIII—XIX вв., существовали и «универсальные» варианты ружей с укороченными стволами и съемными сошками, из которых можно было вести стрельбу как с коня, так и в пешем порядке.

Железо и свинец использовались джунгарскими и калмыцкими мастерами для изготовления пуль, которые обычно имели шарообразную форму. Пули такой формы продолжали употребляться кочевниками Южной Сибири и во второй половине XIX в. «Алтайцы употребляют пули, выкованные из железа, несколько меньшие, чем этого требует калибр ствола; при зарядке ружья они попадают в конический затвор и благодаря силе тяжести скатываются до тех пор, пока не закрывают довольно точно канал ствола. Но между пулей и порохом все-таки остается небольшое пространство, и поэтому при выстреле возникает такой сильный толчок, что, если его не ожидать, ружье чуть ли не вырывается из рук» (Радлов, 1989, с. 157). Казахские пули, по сообщению Ч. Ч. Валиханова, изготовлялись из свинца (Валиханов, 1961, с. 466).

Главный недостаток фитильных ружей кочевников, отмеченный европейцами, заключался в невозможности пользоваться ими «при сырой погоде», а также в том, что много времени уходило на первоначальную подготовку, в частности на зажигание фитиля. По сведениям Н. П. Рычкова, знакомого с ойратскими и казахскими фитильными ружьями, «при дождливой погоде, их ружья были не пригодны, так же как и стрельба с лошади. Не только сырел фитиль и принимался тлеть очень туго, но терял силу и самый заряд, от сырости, проникавшей в порох через отверстие и дуло» (Куш-

кумбаев, 2001, с. 73). По замечанию В. В. Радлова, «недостаток их (фитильных алтайских ружей. — *Авт.)* лишь в том, что много времени занимает первоначальная подготовка — зажигание фитиля, а кроме того, ими совершенно нельзя пользоваться при сырой погоде» (Радлов, 1989, с. 157). Еще одной особенностью фитильных ружей были осечки, вызванные нагаром на тлеющем конце фитиля. Казахские исторические предания XVIII в. сохранили интересное описание поединка джунгарского стрелка и конного казахского сабельщика, одолевшего своего противника, используя «знание о тлеющем фитиле»: «В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок с знаменитым тогда корама (легендарным дальнобойным. — *Авт.)* черным ружьем (калмык из него стрелял сайг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке сыргелинец Ильчибек-батыр и отправляется на калмыка мелкой рысцой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился (на джунгара. — *Авт.),* калмык приложил фитиль — осечка и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром. Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: "Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что, пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку". У киргиз (после этого случая. — *Авт.)* вошло в пословицу — фитиль с нагаром курунова черного ружья» (Валиханов, 1984, с. 219).

При чтении негативных отзывов о медлительности и малой эффективности степных стрелков, вооруженных фитильными ружьями, не стоит забывать, что почти все эти литературные зарисовки сделаны в XIX в., когда ручное огнестрельное оружие с фитильными замками было уже явным анахронизмом. Но в начале XVIII, а уж тем более в XVII в. фитильные ружья практически на равных соперничали с кремневыми аналогами и продолжали пользоваться популярностью во многих государствах азиатского континента.

В XVIII в. «турки калмыцкие» имели большой спрос у кочевников евразийских степей. Изготовленные ойратами ружья покупали казахи, киргизы и другие народы Средней Азии и Южной Сибири. Причем использовались эти ружья исключительно долго. Изготовленные калмыками ружья упоминаются Ч. Ч. Валихановым во второй половине XIX в.: «Встречаются в степи еще ружья этой работы и большей частью бьют хорошо, все они имеют продольные полосы по стволу и медные мушки и прицел» (Валиханов, 1961, с. 466).

Собственное массовое производство огнестрельного оружия выгодно отличало джунгар от их кочевых соседей, использовавших в основном ружья иностранного производства. Казахские воины XVIII в. также широко использовали фитильные ружья, некоторая часть которых была изготовлена местными оружейниками. Однако производство ружей в Казахстане не получило системного оформления и не было поставлено на поток. Правителям враждующих между собой казахских жузов не удалось создать необходимую материально-техническую базу для их массового производства, собрать значительное количество специалистов, обладающих необходимыми технологиями и знаниями, для решения данной задачи. Поэтому, несмотря на массовые поставки в казахские войска огнестрельного оружия из оседлоземледельческих центров Средней Азии, казахи в первой трети XVIII в. значительно уступали по огневой мощи своим западномонгольским противникам. У союзников казахов — киргизов огнестрельное оружие получило еще меньшее распространение. Джунгария оказалась единственным кочевым государством в Центральной Азии, наладившим массовое производство ручного огнестрельного оружия в степных условиях.

К сожалению, подлинных образцов фитильных ружей, которые можно соотнести с данными о «турках калмыцких», на сегодняшний день известно немного. Но имеющиеся материалы позволяют составить некоторое представление о джунгарских фитильных ружьях XVIII в. и проследить эволюцию данной разновидности огнестрельного оружия в XIX в.

Тип 1. Фитильные ружья с пружинным спусковым механизмом.

Включает 1 экз. из оружейного клада, обнаруженного на юго-восточной окраине с. Джазатор (Горный Алтай). Предметы клада переданы в музей Института археологии и этнографии СО РАН (ИАиЭ СО РАН). Остатки ружья представлены железным стволом и спусковым механизмом. Органические элементы (приклад, ремень, сошки) не сохранились. Длина круглого в сечении ствола — 113 см. Калибр ствола — 14,5 см, толщина стенок

у дульного среза — 6 мм, вес — 2,95 кг. На конце ствола у дульного среза имеется небольшое расширение, отделенное от остального ствола рельефным «валиком». У дульного среза припаяна мушка. На казенной части справа приварена фигурная полка с полукруглой выемкой для затравочного пороха. Изначально, вероятно, полка закрывалась крышкой, от крепления которой сохранилось отверстие в передней части полки. Затравочное отверстие, просверленное над полкой, имеет диаметр 2 мм. На верхней части ствола, у самого края приварен прицел с треугольной прорезью (рис. 62, /).

На казенной части ствола в 11 см от края, с боков, имеется по две бороздки, которые, возможно, являются следами крепления ствола к ложу. Подобная же бороздка, опоясывающая весь ствол, расположена в 11 см от дульного среза. Надписей или клейма на стволе нет.

Спусковой механизм представляет собой змеевидно изогнутый железный двухплечевой рычаг общей длиной 21 см. В Лобразный раздвоенный конец вставлялся фитиль. Противоположный конец рычага имеет расширение для лучшего «сцепления с пальцем». Посередине рычага расположен полукруглый плоский выступ с отверстием для закрепления спускового механизма в ложе ружья. К рычагу приклепана узкая и тонкая пластина длиной 15 см, игравшая роль пружины.

В обычном состоянии пружина упиралась свободным концом в ложе и отводила от нее нижний конец спускового рычага; при этом головка рычага с зажатым в ней тлеющим фитилем приподнималась кверху. При прижимании хвоста рычага к ложу пружина сжималась и головка с фитилем опускалась на затравочную полку с порохом, что вызывало выстрел. При отпускании рычага пружина возвращала его на место, опять отводя головку с фитилем вверх от полки (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 102-103).

Фитильные замки, использовавшиеся в XVII в. русскими служилыми людьми, имели несколько иную конструкцию, чем замок из Джазатора. Как совершенно верно отметили И. Ю. Слюсаренко и Д. В. Черемисин, исследовавшие находки из Джазатора, найденное фитильное ружье относится к ружьям с «азиатским (восточным) фитильным замком». А точнее, к их разновидности, получившей в специальной литературе название «сибирского фитильного ружья с пружинным замком» (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 104; Маркевич, 1994, с. 68, рис. 99). В сибирских музеях хранится значительное количество фитильных ружей с пружинными замками, практически в точности повторяющими спусковой механизм из Джазатора. Эти ружья, снабженные деревянными сошками и узкими прикладами, активно использовались туземными охотниками в XVIII-XIX вв. Наличие в тайнике у с. Джазатор кроме ствола и спускового

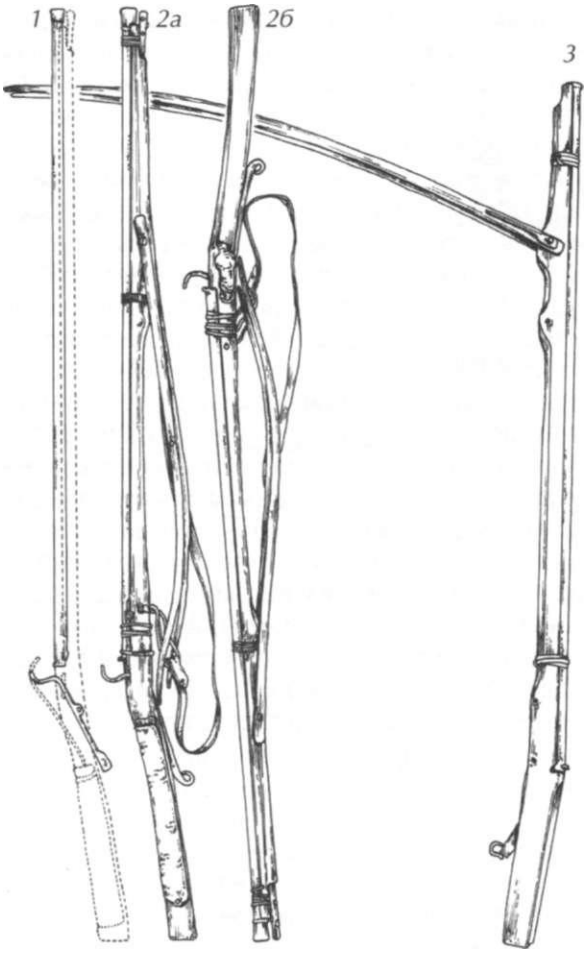

Рис. 62. Уентральноазиатские и южносибирские ружья:

/ — фитильное ружье джунгарского или южносибирского (алтайского) производства первой половины XVIII в. (реконструкция) из оружейного клада у с. Джазатор (Горный Алтай); *2* — «сибирское» фитильное ружье периода позднего Средневековья и Нового времени (Тобольский историко-краеведческий музей-заповедник); *3* — «сибирское» фитильное ружье (Минусинский региональный краеведческмй музей). Датировано сотрудниками музея XIX в.

механизма кольчатых панцирей указывает на то, что джазаторское ружье было изготовлено несколько раньше большинства своих аналогов, включенных в этнографические коллекции сибирских музеев.

Учитывая особенность находки ружья — тайник на склоне горы, наличие в нем двух кольчуг и кольчужного пояса, конструкцию пружинного замка, представляется возможным датировать тайник у с. Джазатор периодом позднего Средневековья — начала Нового времени и связать его в этническом плане с жителями Горного Алтая или джунгарами. В конце XVII — первой половине XVIII в., как отмечалось выше, джунгары наладили массовое производство ручного огнестрельного оружия. Образцом для «турок калмыцких» послужили русские и «бухарские» фитильные ружья с так называемым «азиатским фитильным замком» (отсюда конструктивное сходство спускового механизма «сибирских» ружей со среднеазиатскими и, в меньшей степени, русскими аналогами). Авторы русских письменных источников первой половины XVIII в. неоднократно подчеркивали, что джунгарские воины, использовавшие ружья, предпочитали носить именно кольчатые доспехи. Например, по сведениям капитана Унковского (начало 20-х гг. XVIII в.), присутствовавшие на религиозном празднике джунгарские воины, одетые в кольчатые «пансыри», были вооружены саблями и ружьями, а латники в пластинчато-нашивных куяках имели на вооружении копья и клинковое оружие (Бобров, 2003, с. 81). По сообщениям Л. Д. Угримова, во время праздника Цагаан Сар в окрестностях ставки Галдан-Церена на р. Или в 1733 г. «кругом оной процессии сидело калмыков в военном убранстве в латах и в кольчугах с копьями и ружьем по сорок человек на стороне, а между оными было шесть верблюдов с пушками». Проникший за Телецкое озеро в 1745 г. рудоискатель Петр Шелегин встретил на р. Башкаус отряд джунгар численностью около пятисот человек. По его сообщениям, каждый из ойратов кроме «сайдака» имел «турку» (ружье). Шелегин насчитал в отряде 47 «кольчужников» (Косымбаев, 1986, с. 47).

Таким образом, ружье найденное в тайнике у с. Джазатор в Горном Алтае, является одним из первых известных образцов «сибирских фитильных ружей с пружинным замком», разновидностью джунгарского фитильного ружья («турки калмыцкой»). Если наше предположение верно, то становится понятным феномен быстрого распространения данного типа ружей среди народов Южной Сибири за относительно короткий период времени. Правители централизованного Джунгарского ханства конца XVII — первой половины XVIII в. сумели наладить массовое производство фитильных ружей по среднеазиатскому образцу. В данный период этим искусством овладели подвластные джунгарам народы Южной Сибири, которые продолжали воспроизводить известную им разновидность огнестрельного оружия на протяжении второй половины XVIII в. и почти всего XIX в. За это время традиция стала настолько устойчивой, что туземные мастера стали переделывать доставшиеся им русские ружья с ударными системами в фитильные, по «сибирскому» образцу.

В сибирских музеях хранятся десятки экземпляров стрелкового оружия, использовавшихся аборигенным населением Сибири в XVIII-XIX вв. Большинство из них представляют собой подвергшиеся модернизации солдатские и охотничьи кремневые ружья российского производства (рис. 65-66). Наряду с ними встречаются и «сибирские фитильные ружья», различающиеся особенностями оформления и конструктивными решениями. Согласно данным описей, большинство таких ружей поступили в частные коллекции и музейные собрания в XIX в. Некоторые из них могут быть датированы интересующим нас периодом.

В фондах Тобольского историко-краеведческого музея-заповедника хранится фитильное ружье. Общая длина ружья — 153,8 см (в том числе ствол — 113,8 см, приклад — 40 см). Диаметр ствола — 2,5 см. Длина сошек — 80,5 см. На конце ствола у дульного среза имеется небольшое расширение, отделенное от остального ствола рельефным «валиком». У дульного среза припаяна мушка. На казенной части справа приварена полка с выемкой для затравочного пороха. Ствол фиксируется в ложе у курка, в центральной части ружья и у дула с помощью обмотки из узких кожаных ремешков. Фитильный замок выполнен в виде двухплечевого (змеевидного) рычага, задний конец которого представляет собой согнутый в кольцо спусковой крючок, а передний — раздвоенный на конце фитильный курок. Ружье имеет плавно изогнутый приклад. На правой стороне приклада с помощью гвоздей, выполняющих функции заклепок, закреплен длинный и узкий кожаный «кошель», служивший для

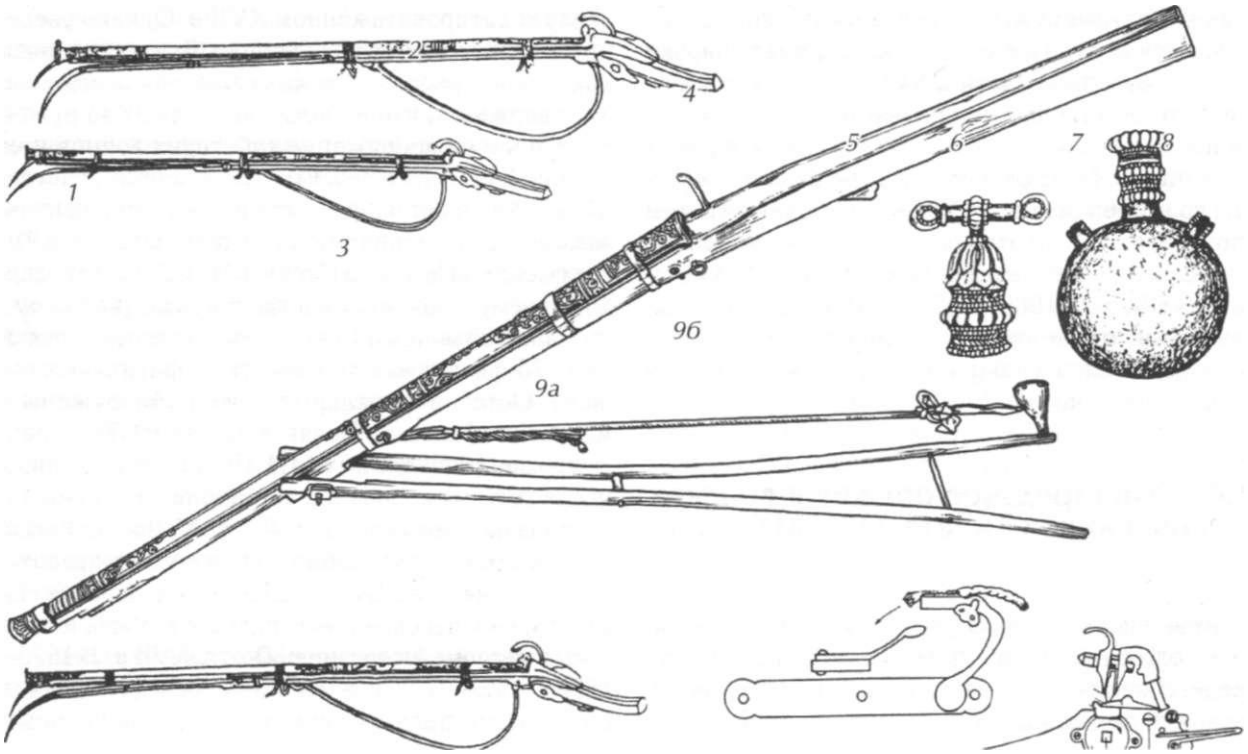

Рис.63. Фитильное ружье, использовавшееся кочевниками Халхи в XVIIt—XIX вв. (7), ружейные замки цинских ружей Нового времени (2-4), изображения цинских ружей из цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.) *(5-8),* цинская пороховница второй половины XVIII — XIX в. (9).

хранения фитиля. Перед стрельбой конец фитиля вытягивался из «кошеля» и закреплялся на конце раздвоенного курка. По мере того как фитиль сгорал, его постепенно вытягивали из «кошеля» на прикладе. Ружье снабжено парой складывающихся деревянных сошек, деревянным шомполом и кожаным наплечным ремнем (рис. 62, *2).*

Южносибирские ружья более позднего времени имели массивные и тяжелые ложа. Например, ружье, хранящееся в фондах Минусинского регионального краеведческого музея, датированное сотрудниками музея XIX в., имеет массивное ложе и узкий скошенный вниз прямоугольный приклад. Спусковой крючок этого ружья представляет собой трапециевидную железную пластину, к которой приварено металлическое кольцо. Длинные деревянные сошки позволяют вести стрельбу, выпрямившись в полный рост (рис. 62, *3).*

После разгрома Джунгарского ханства собственное ружейное производство в небольших объемах сохранили некоторые народы Южной Сибири и Дешт-и-Кипчака. Волжские калмыки продолжали использовать высококачественное огнестрельное оружие и после середины XVIII в.: «Не так легко им (казахам. — *Авт.)* нападать и на калмыков... так как те обороняются от противника не палками, а хорошим огнестрельным оружием» (Мейер, 1993, с. 323). В 1784 г. зайсанги Багацохуровского улуса сообщали российским представителям: «Мастеровые ж наши люди делают колчаны и сайдаки, стрелы, слесари делают дротики, сабли, ножи и шилья, а самые лутчие мастера делают ружья» (Батмаев, 1993, с. 122). Во второй половине XIX в. один из трех основных ружейных заводов Восточного Туркестана возглавлял мастер-ойрат: «Заводом в городе Курля управлял калмык, один из выходцев из города Кульджи; завод этот приготовлял весьма хорошие ружья» (Куропаткин, 1879, с. 197).

В течение XIX в. в тех регионах, где местное население освоило процесс производства огнестрельного оружия или имело возможность приобретать его в массовом порядке в оседлых ремесленных цен-

трах, фитильные ружья постепенно вытеснили сложносоставные луки и стрелы. Так, например, широко использовавшие саадаки в XVII—XVIII вв. жители Горного Алтая столетием позже на охоте применяли почти исключительно ружья. На это обратил внимание В. В. Радлов, путешествовавший по Алтаю во второй половине XIX в.: «Сегодня алтайцы употребляют на охоте только огнестрельное оружие, стрела и лук исчезли уже с начала (XIX) столетия» (Радлов, 1989, с. 156). Тот же процесс, выраженный менее ярко, фиксируется и в других регионах Южной Сибири, вошедших в состав Российской империи.

4.4. Огнестрельное оружие в войсках кочевников Тибета XVII-XIX вв.

Время появления огнестрельного оружия в Тибете долгое время вызывало дискуссии в научной среде. Значительная часть исследователей полагала, что появление фитильных ружей в Тибете следует датировать концом XVII в. Однако введение в научный оборот «Хроники Ладакха» и ряда находок из археологических памятников позволяет утверждать, что небольшое количество ружей поступило на вооружение тибетских воинов уже в конце XVI — начале XVII в. В письменных источниках указывается, что фитильные ружья использовались дружинниками правителя Западного Тибета Сенджа Намгьела (1590-1640). В число подарков своему духовному наставнику Намгьел кроме 25 копий, 25 мячей и 15 комплектов доспехов включил «25 фитильных замков» (т. е. фитильных ружей). Остатки фитильных ружей обнаружены в монастыре Пхиянг в Ладакхе и в руинах Тзапаранга в Нгари (Западный Тибет). По мнению западных исследователей, верхней временной границей последних находок являются 30-е гг. XVII в. (LaRocca, 2006, s. 200). Согласно биографии первого правителя объединенного Бутана Шабдранга Ксоанга Намгьела, европейское огнестрельное оружие появилось в регионе в середине 30-х гг. XVII в. В 1635—1636 гг. португальские эмиссары преподнесли в дар бутанскому правителю «мушкеты с фитильным

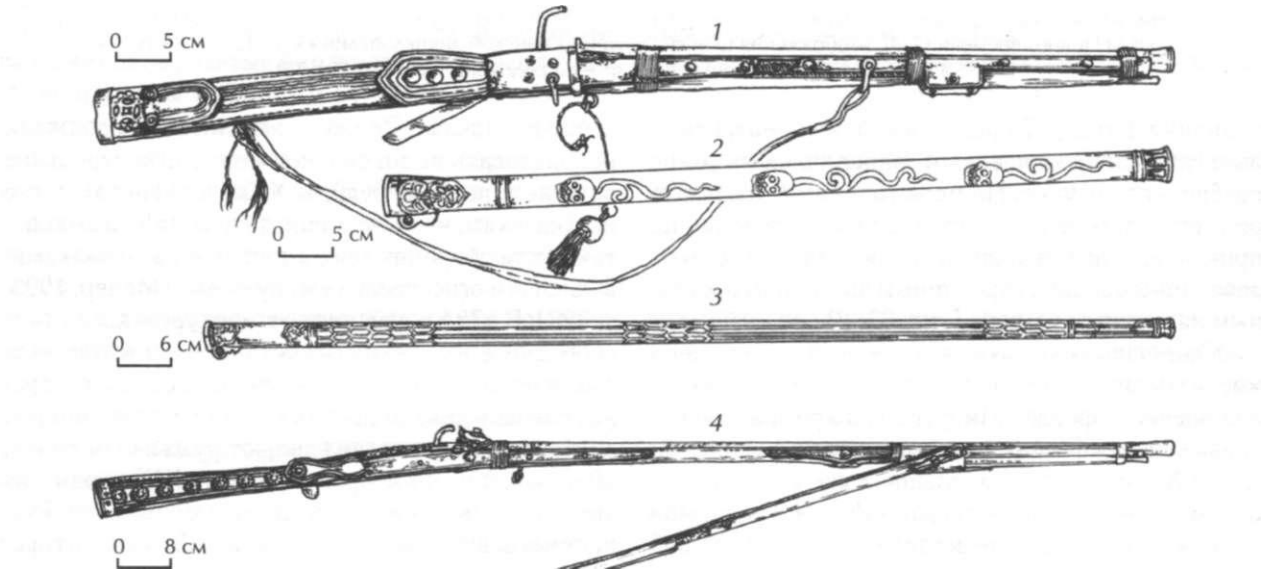

Рис. 64. Фитильные ружья, использовавшиеся тибетскими воинами в XV) 11—XX вв.:

7 — тибетское фитильное ружье с укороченным стволом XVI11—XIX вв. (Метрополитен, г. Нью-Йорк, США); *2* — укороченный ствол фитильного ружья конца XVII — XIX в., украшенный изображениями «пламенеющих черепов» (Метрополитен, г. Нью-Йорк, США); *3* — ствол фитильного ружья тибетского производства XVIII—XIX вв. с «сотовидным» узором; 4 — тибетское фитильное ружье XVIII—XIX вв. (Королевский музей оружия, Аиде, Великобритания, XXVIF.227).

затвором, порох и пушку». Эти европейские дары, по мнению авторов биографии, «способствовали дальнейшим военным победам» Намгьела (LaRocca, 2006, s. 200). Таким образом, огнестрельное оружие (в частности, фитильные ружья, ружья и пушки европейского производства) стало известно в Тибете не намного позднее, чем в других государствах Средней, Восточной и Центральной Азии. Однако широкого распространения в Тибете в этот период оно не получило. В отличие от государств Средней Азии и Китая, в Тибете XVII в. не было организовано собственное массовое ружейное производство. Поэтому подавляющее число ружей, использовавшихся тибетцами в этот период, являлись импортом из других государств региона. На протяжении XVI-XVII вв. тибетские воины в своем большинстве предпочитали привычные сложносоставные луки дорогим и крайне немногочисленным ружьям китайского, индийского и среднеазиатского производства (рис. 63, 64).

Начало относительно широкого распространения огнестрельного оружия среди тибетских воинов совпадает с периодом господства в регионе ойратов-хошоутов. На фресках зала V Далай-ламы во дворце Потала в Лхасе изображены показательные выступления конных воинов, стреляющих в цель из фитильных ружей на религиозном празднике в 1694 г. Изображения фитильных ружей достаточно часто встречаются на тибетских танка конца XVII — XVIII в. (ibid.). В начале XVIII в. в Тибете была известна используемая джунгарами тактика оборонительного боя, в ходе которого вооруженная ружьями пехота занимала укрепленные позиции за полевыми укреплениями или на склонах холмов, а ее фланги прикрывала легковооруженная и панцирная кавалерия. В ходе боевых действий конца XVII — первой половины XVIII в. тибетцы сумели по достоинству оценить преимущества нового вида оружия и стали все более активно использовать в сражениях ружья иностранного производства. В XVIII — начале XIX в. в Тибете наряду с китайскими и индийскими использовались также «монгольские» ружья. В ходе генерального сражения с турками в 1792 г. наступление непальских войск было остановлено огнем пеших тибетских воинов, использовавших ружья монгольского производства или восточноазиатские ружья, привезенные из Монголии (Бобров, Худяков, 2006, с. 226). Косвенным подтверждением монгольского влияния на эволюцию тибетского огнестрельного оружия является тот факт, что даже в начале XX в. тибетский термин, обозначающий фитильное ружье, «мимда», использовался далеко не повсеместно. В округах Дэрге, Хор, Лин-гузэ провинции Кам этот вид огнестрельного оружия на протяжении длительного времени продолжал именоваться монгольским термином «бу» (Козлов, 1948, с. 182).

Длительное время отечественные и зарубежные исследователи считали, что в Тибете вплоть до Этнографического времени так и не было налажено собственное ружейное производство и все огнестрельное оружие являлось импортом из Индии, Китая, Монголии и даже Ирана. Однако материалы, введенные в научный оборот из старых оружейных коллекций, опровергают данное утверждение. На стволах некоторых ружей, изготовленных в XVIII—XIX вв., стоит тибетское клеймо «dbu сап», которое дословно переводится как «выкован в Тибете» (LaRocca, 2006, s. 208). Судя по форме и особенностям оформления стволов, они были изготовлены проживавшими в Тибете индийскими мастерами или тибетскими оружейниками, работавшими по индийским образцам. Практика привлечения иностранных, в первую очередь индийских, специалистов существовала и позднее. Л. А. Уоддель в своих записках отмечал, что в лхаском арсенале XIX в. хранились ружья, изготовленные мусульманскими ремесленниками из Индии, проживавшими в Лхасе. Захваченные англичанами в начале XX в. «современные ружья лхаского производства» были изготовлены мусульманскими мастерами из Индии, которые незадолго до этого были приглашены на работу в Тибет (Уоддель, 1906, с. 130). Ружейный порох изготовлялся в основном в области Конгбу в нижней долине Цангпо, «откуда он вывозился в громадных количествах». Свинец для пуль привозился из китайской провинции Сычуань и из Непала. Сами пули отливались и «выковывались» на месте (там же, с. 131). Однако немногочисленность ружейных мастеров, постоянно проживавших в стране, отсутствие развитой производственной базы, ограничения, наложенные на ввоз иностранных изделий (в том числе ружей) в Тибет, привели к тому, что на протяжении XIX в. ружья новых модификаций так и не вытеснили из военного обихода традиционные сложносоставные луки. Даже в начале XX в. значительная часть тибетских воинов была вооружена фитильными ружьями и луками.

Исследовавший тибетские ружья Д. Ларокка делит их на «боевые» и «церемониальные». Последние, по его мнению, использовались для подношений храмам и в ходе религиозных церемоний. На наш взгляд, многие украшенные буддийской символикой «церемониальные» ружья могли использоваться в ходе боевых действий (рис. 64). Они выкованы из хорошего железа, имеют соответствующие техническим требованиям размеры и отличаются от своих «боевых» аналогов лишь наличием насечки и гравировки на стволе, рисунками, накладками на прикладе. Тем более, что сам Д. Ларокка отмечает, что «даже образцы оружия, находящегося в широком употреблении, имеют некоторую степень украшения» (LaRocca, 2006, s. 208).

Известные тибетские ружья XVIII-XIX вв. (te mda, букв, «огненная стрела») по своей конструкции близки к своим центральноазиатским и восточноазиатским аналогам. В подавляющем большинстве случаев используется традиционный «азиатский» фитильный замок (тибетские названия — «te scam», «te mdai scam»). По мнению Д. Ларокки, тибетские фитильные ружья на протяжении почти двух столетий изменились крайне незначительно (ibid., s. 198). Несколько расширяющиеся у дула стволы с гладким каналом вложены в длинные изящные деревянные ложа с узким слабоизогнутым и граненым прикладом. Ствол фиксируется в ложе с помощью скоб и обмотки из кожаных ремешков, железной, медной или серебряной проволоки. Железный ствол ружья имеет мушку, выполненную в виде декоративного листа (tsha kha, так kha), и полку rna mchog (букв. «ухо»). Последняя при транспортировке прикрывалась специальной накладкой из кожи или материи. Важным элементом конструкции тибетских ружей были деревянные сошки с металлическими или роговыми наконечниками. Большинство тибетских ружей рассматриваемого периода снабжено приспособлениями для ношения за спиной.

Отличительной чертой тибетских ружей XVIII-XIX вв. является богатое декоративное оформление их деревянных элементов, в первую очередь ложа и приклада. Ложа некоторых ружей снабжены серебряными, медными и железными накладками. Их форма и размеры существенно варьируются — от небольших сегментов металла подпрямоугольной формы до сложных изогнутых конструкций, которые могут почти целиком закрывать собой деревянные элементы ружья (рис. 64, /). Несколько реже ложа инкрустируются костью или покрываются краской и разрисовываются цветными изображениями. «Кошельки» («кисеты»), прикрепленные к прикладу и служившие для хранения фитильных шнуров, а также крышки запальных лотков часто снабжены аппликациями из цветной кожи или ткани, декоративными железными, медными или серебряными заклепками и орнаментом. Ружейные стволы на этом фоне выглядят достаточно «аскетично». Большая их часть лишена украшений, за исключением «валиков» и рифления у дула. Однако некоторые из ружейных стволов, напротив, богато украшены золотой и серебряной насечкой, накладками и гравировкой. В МАЭ хранятся два тибетских фитильных ружья рассматриваемого периода. Стволы имеют индийское происхождение. Они несколько расширяются к дулу и имеют мушку и прицельный выступ с разрезом. Чуть ниже прицельного выступа, сбоку ствола, находится фигурная пороховая полка в форме полукруглого углубления, в которое и засыпался затравочный порох. Ложа ружей выкрашены в красный цвет. На них имеются отверстия для крепления сошек. Уплощенный приклад снабжен отверстием для хранения шомпола. Общая длина первого ружья — 174,5 см. В том числе длина ствола — 124 см (Решетов, 1969, с. 132).

Выделить из общего массива тибетского ручного огнестрельного оружия ружья, использовавшиеся кочевниками, на сегодняшний день не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что среди номадов Центрального Тибета и Кукунора преобладали фитильные ружья с укороченными стволами, короткими сошками или вообще без них, позволявшие вести стрельбу с коня. Некоторая часть номадов, вероятно, использовала стандартные фитильные ружья с длинными сошками, из которых можно было вести огонь в спешенном положении.

Тибетцы использовали различные способы стрельбы из ружей: с колена, стоя, с коня. Традиция стрельбы из фитильных ружей с коня, зафиксированная в Тибете европейскими наблюдателями, возможно, связана с военным искусством позднесредневековых кочевников Центральной Азии. Согласно требованиям своих командиров тибетские кавалеристы должны были одинаково хорошо владеть и луком, и фитильным ружьем. Г. Ц. Цыбиков оставил подробное описание показательных стрельб на празднике

Монлам в начале XX в.: «По одному краю площади была вырыта прямая неглубокая канавка, на протяжении около 100 сажен, в направлении с юго-запада на северо-восток... Подле вышеупомянутой канавки, саженях в 50 друг от друга, были повешены мишени, состоящие из мягкого круга около И аршина в диаметре. Выезжают всадники к юго-западному концу канавки по пяти человек, затем скачут по очереди, по одному. Всадник пускает лошадь в галоп. Около первого круга он снимает из-за плеч ружье, до следующего круга снимает лук, вынимает из колчана стрелу и пускает ее во вторую мишень. Это же самое проделывают и последующие». Однако выучка тибетских воинов была все же несопоставима с монгольской. Если джунгары с успехом использовали луки и фитильные ружья при стрельбе с коня в ходе полевых сражений, то у тибетцев с этим возникали серьезные проблемы даже в ходе показательных выступлений: «Несмотря на то что в мишени приходится стрелять почти в упор, многие промахиваются, и стрелы вонзаются в землю на площади. Кроме этого, бывает много неудач: некоторые падают с лошади, некоторые не успевают проделать второй стрельбы, некоторые, вместо того, чтобы надеть ружье, роняют его за спину, и т. п., но лошади всегда пробегают безошибочно по канаве, со свойственным тибетской породе смирением» (Цыбиков, 1919, с. 212-213).

Подводя итог обзору ручного огнестрельного оружия Тибета периода позднего Средневековья и Нового времени, необходимо отметить его близость центральноазиатским, цинским и североиндийским аналогам. Хотя огнестрельное оружие появилось в Тибете еще в конце XVI — начале XVII в., тибетские правители не смогли организовать его массовое производство на месте. Вплоть до начала XX в. значительная часть ружейных стволов и боеприпасов ввозилась с территории Индии и Китая. Лишь небольшая часть ружей изготавливалась индийскими и, возможно, местными мастерами непосредственно в самом Тибете (рис. 73, 74). В конце XVII в. число воинов, использовавших фитильные ружья, по сравнению с предыдущим периодом, несколько возросло, однако отсутствие собственной производственной базы естественным образом тормозило процесс перевооружения тибетских войск. В результате даже в конце XIX — начале XX в. значительная часть тибетских воинов предпочитала ружьям традиционные центральноазиатские луки.

4.5. Ружейная амуниция кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в XVII-XIX вв.

Материал по ружейной амуниции кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XVII-XIX вв. ни разу не становился объектом специального исследования. При описании ружейной амуниции мы будем опираться на данные, собранные российскими и зарубежными путешественниками, военными, историками и этнографами с территории Казахстана, Южной Сибири, Монголии и Тибета, а также материалы из музеев РФ, РК, КНР, МНР, Великобритании и США. Основная масса материалов по данному разделу происходит с территории Казахстана, Южной Сибири и Тибета. В рассматриваемое время в этом огромном регионе преобладали сходные комплексы ружейной амуниции, хотя и отличавшиеся друг от друга особенностями оформления и составом формирующих их элементов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют рассмотреть детально процесс развития собственно центральноазиатской ружейной амуниции, но дают возможность проследить общее направление эволюции ружейной амуниции у монголов, их ближайших соседей и подданных — жителей Тибета, кочевников Восточного Казахстана, жителей Горного Алтая и т. д. При сопоставлении этих материалов с относительно немногочисленными монгольскими источниками представляется возможным отметить некоторые особенности ружейной амуниции воинов центральноазиатского региона в интересующий нас период.

Главное отличие центральноазиатской ружейной амуниции от европейской заключалось в том, что в Европе комплект из пороховых зарядов («пороховых мерок»), «кошелек» для пуль и фитиля крепился к кожаной перевязи (бандельеру), которую носили через плечо, в то время как в Центральной Азии сумка с огнивом, кремнем и фитилем, мешочки для пуль и часто пороховница подвешивались к поясу. Обе традиции были достаточно устойчивы. В Западной Европе и России бандельеры широко использовались до 80-х гг. XVII в. В результате распространения кремневого замка и введения бумажного патрона европейские солдаты отказались от фитиля и бандельера и стали носить патроны в специальной патронной суме или подсумке на пор-

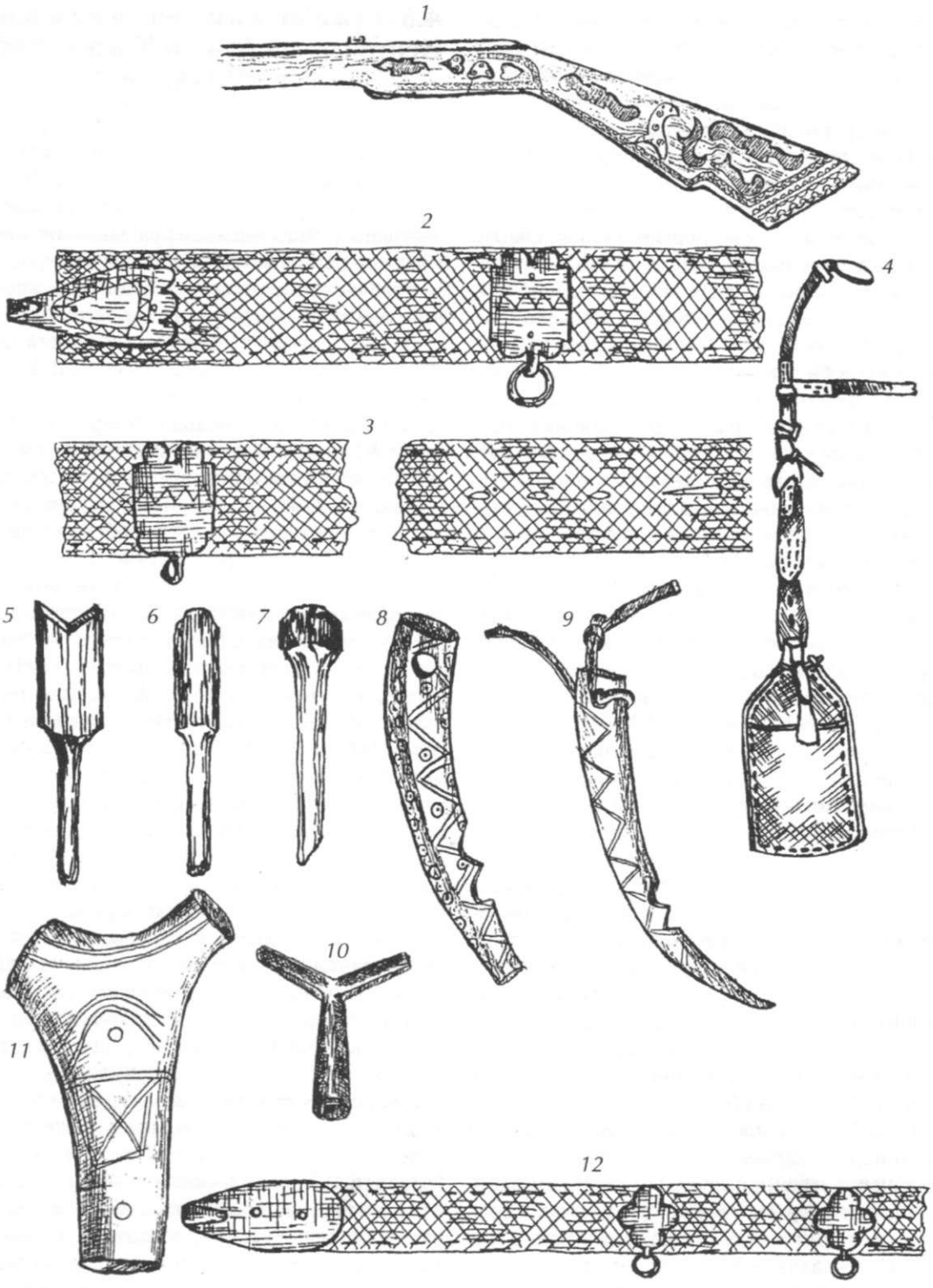

Рис. 65. Примеры оформления ружей и ружейной амуниции жителей Сибири в Новое время.

тупее. МОНГОЛЫ, казахи и алтайцы продолжали носить большую часть ружейной амуниции на поясе в течение XVIII и XIX вв. Данная особенность обусловлена азиатской военной традицией (предусматривавшей ношение ружейной амуниции на поясе), а также значительной социальной ролью воинского пояса, который на протяжении столетий не только служил для подвешивания оружия, но и указывал на социальный статус владельца. Присоединенная к поясу ружейная амуниция очень быстро приобрела дополнительные социальные функции. Сумки, пороховницы и мешочки для пуль стали украшаться металлическими накладками, бирюзовыми вставками, вышивкой, аппликацией и т. д. Наиболее богато отделывались ружейные пояса знати. Элементы ружейного пояса настолько быстро и настолько прочно вошли в поясную гарнитуру степных феодалов, что даже после того, как мешочки-патронташи и ружейные сумки стали выходить из военного обихода, знатные кочевники продолжали носить на поясе их копии-муляжи (Курылев, 1989, с. 93).

Полный ружейный пояс состоял из кожаного ремня, застегивавшегося спереди на крючок, пряжки и завязывавшейся ремешками или веревками ружейной сумки (в ней хранились огниво, кремень, фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница), двух мешочков для пуль, пороховницы и ножен. Все элементы подвешивались к ремню с помощью кожаных ремешков. Исследовавшие казахские пояса И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева считают, что «их расположение и форма были совершенно однотипны, что говорит о древности этого типа пояса» (там же, с. 92). Соглашаясь с тем, что в период позднего Средневековья в восточной части евразийской степи были распространены близкие по конструкции и составу ружейные пояса, все же отметим, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что в различных районах Средней и Центральной Азии употреблялись ружейные пояса, подвесные элементы которых отличались друг от друга не только составом, формой покроя, системой оформления, но и местом размещения на поясном ремне. Кроме полных вариантов ружейных поясов существовали и их упрощенные аналоги. Иногда некоторые элементы ружейного пояса носились отдельно от основной поясной гарнитуры. По мере распространения среди жителей региона ружей новых типов менялся состав предметов, размещавшихся на поясах (Куропаткин, 1879, с. 169).

Среднеазиатские и центральноазиатские пояса периода позднего Средневековья и Нового времени обычно изготавливались из сшитой из двух (реже трех) ремней или сложенной вдвое и прошитой жильными нитками кожи.

В. П. Курылев выделяет два основных типа казахских поясов — широкие и узкие. Широкие пояса снабжались пряжками (иногда двойными), а узкие — крючками (Курылев, 1989, с. 86-87). Численно преобладали узкие пояса шириной 2,5-3 см с крючками-застежками. Длина таких поясов обычно колебалась от 130 до 200 см. Значительная длина пояса была обусловлена не только тем, что он носился поверх верхней одежды и панциря, но и спецификой фиксации пояса. Правый конец поясного ремня завершался металлической бляшкой с крючком, который вдевали в отверстие или кольцо на другом конце ремня. Левый конец пояса снабжался округлым или остроконечным наконечником. Отверстия, в которые вдевался крючок, находились дальше наконечника, поэтому последний свободно свисал спереди (рис. 61,5-6). Если левый конец ремня заканчивался бляшкой с металлическим кольцом, в которое вставлялся крючок, длина пояса была значительно меньше — около 1 м (там же, с. 86-87, 89, рис. 3).

Другим способом фиксации ремня были пряжки. В МАЭ хранится широкий (7,5 см) пояс (№ 403-8), изготовленный в 1793 г., снабженный двумя пряжками, расположенными одна наддругой (рис. 61, *4*). Это дало основание В. П. Курылеву предположить, что все широкие пояса снабжались пряжками (Курылев, 1989, с. 86-89, 95). Вероятно, в Центральной и Средней Азии существовали разные варианты фиксации различных типов поясов. Причем наряду с основными существовали и более редкие разновидности, в частности узкие пояса с пряжками.

Третьим способом фиксации пояса были узкие ремешки, тесемки или веревки, пришитые к концам кожаного ремня. При одевании пояса они завязывались между собой в узел, а при снятии расплетались. Этот самый простой способ фиксации поясов встречается на казахских поясах даже в XIX в. (там же, с. 88-89, рис. 4).

Поверхность поясов украшалась бляшками — накладками различных форм и размеров. Особо

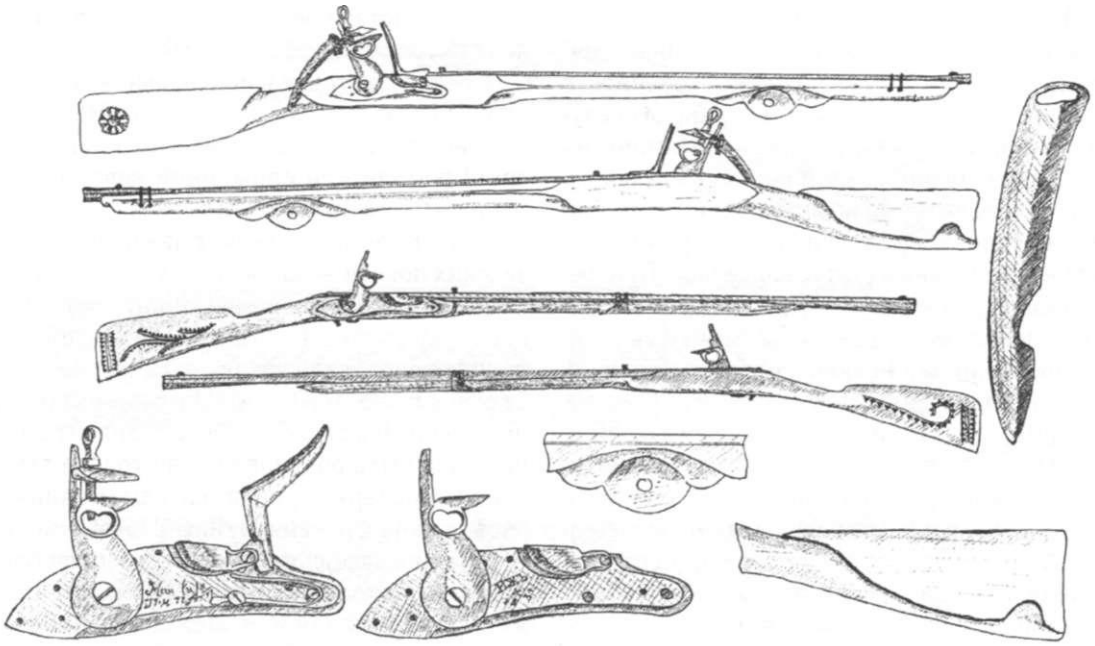

Рис. 66. Ружья российского производства XIX в., подвергшиеся переделке жителями Сибири. Из коллекции Новосибирского краеведческого музея (рисунок А. О. Пронина).

богатое оформление имели узкие пояса с крючками. Эта степная традиция сохранилась в Центральной и Средней Азии до конца XIX в. (рис. 68, 69).

Ружейная сумка

Важным элементом ружейной амуниции у жителей Южной Сибири, кочевников Средней и Центральной Азии была ружейная сумка, носившая у тюркских народов название «kica» (киса). О значимости данного элемента в поясной ружейной амуниции говорит хотя бы тот факт, что название самой популярной разновидности казахского пояса периода позднего Средневековья и Нового времени («киса») восходит к термину «kica» в значении «кошель, мошна» (Курылев, 1989, с. 85-86) (рис. 67, *1-3, 5;* 68).

В. В. Радлов сообщает, что kica — «кожаная сумка, носимая на поясе, в которой носят порох и патроны...» (там же). Не отрицая возможность использования ружейной сумки для хранения пуль и пороха, заметим, что, по данным других источников, в ней обычно размещались «огниво, кремень, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля» (Валиханов, 1961, с. 468). Данные Ч. Ч. Валиханова о раздельном ношении пуль, пороха и дополнительных принадлежностей для стрельбы подтверждаются сообщением М. И. Муравина и Д. В. Гладышева: «...а на оных поясах набиты железные бляшки, и к бляшкам прибиты кожаные сумки для кладки пулек и лядунка для пороха, на оных бляшках одни ремешки и *большая сумка, в которую кладут кремни к огниву и протчее, что им потребно...»* (курсив наш. — *Авт.)* (Курылев, 1989, с. 92). Согласно сведениям российских посланников, воины Восточного Туркестана (который в конце XVII — первой половине XVIII в. входил в состав Джунгарского ханства) «подпоясывались широкими ремнями из сыромятной кожи с серебряными бляхами. На поясе висело несколько всегда одинаковой формы сумок: *на правом боку небольшая сума для носки мелочи: ниток, иголок, шила, ножа и т. п.;* на левом боку кожаная пороховница, сумка для пуль, сумка для капсулей, три патронные сумки, каждая по пять патронов, и рог с бараньим салом для смазки оружия» (Куропаткин, 1879, с. 169).

По конструкции ружейная сумка представляла собой большой, достаточно плоский «кошель» с клапаном-крышкой, который подвешивался к по-

ясному ремню с помощью двух или трех ремешков. Известные нам «кисы» отличаются формой, размерами, системой оформления, а иногда и месторасположением на поясном ремне. Рассмотрим основные варианты ружейных сумок, бытовавших в Средней, Центральной Азии и Южной Сибири в конце периода позднего Средневековья и в Новое время.

Тип 1. Ружейная сумка-«кошель» с клапаном-крышкой.

Вариант 1. Ружейная сумка-«кошель» полукруглой формы с клапаном-крышкой.

Встречается на изображениях казахских воинов, сделанных Д. Кэстли в 30-х гг. XVIII в. (рис. 73, *20)*. Данный вариант «кисы» (рис. 67, *1*) был описан и зарисован Ч. Ч. Валихановым. Исследователь увидел ее на казахском поясе «самой древней формы» (Валиханов, 1961, с. 468). Российский художник этого же времени П. Кашаров привел изображение данного варианта «кисы» (рис. 67, *3)* среди прочих предметов вооружения казахов Старшего жуза. Ружейная сумка-«кошель», аналогичная казахским, зафиксирована В. В. Радловым у алтайцев XIX в. («горных калмыков»). Учитывая наличие практически аналогичных ружейных сумок у казахов Старшего жуза и «горных калмыков», можно предполагать их бытование и у «черных калмыков» (т. е. джунгар), которые в первой половине XVIII в. длительное время контролировали степи Восточного Казахстана и боролись с Российским государством за контроль над Алтаем.

Ружейные сумки-«кошели» имеют форму полукруга или полуовала, что позволило Ч. Ч. Валиханову сравнить их с «пирогом» (там же), а точнее с «куском (половиной) пирога». Ружейные сумки отличаются друг от друга размерами клапанов-крышек и системой оформления их поверхности. Так, казахская «киса», зарисованная Ч. Ч. Валихановым, и алтайская ружейная сумка, зафиксированная В. В. Радловым, имеют короткий клапан, закрывающий в первом случае около половины, а во втором — около $^{2}/_{3}$ поверхности ружейной сумки. На рисунках Д. Кэстля и П. Кашарова «киса» имеют большие клапаны, закрывающие почти всю внешнюю плоскость сумки-«кошеля». Судя по изображениям, крышки ружейных сумок казахских воинов часто украшались металлической пластиной-накладкой, вышивкой или аппликацией, которая обычно находилась в центре клапана (рис. 67, *3, 5)*. Очень похожая по форме округлая бляшка с «ажурным» (фестончатым) краем была размещена в центральной части «охотничьей» теленгитской сумки, изготовленной в южных районах Горного Алтая (рис. 67, *4)*. Прошитый край крышки-клапана нередко снабжался тиснением, кожаной или матерчатой обкладкой и (или) рядом округлых металлических заклепок. Последний элемент присутствует и на алтайских ружейных сумках (рис. 67, *2)*. Подробное описание казахской «кисы» полукруглой формы дал в своей книге «Путешествие по Джунгарской киргизской степи 1826 г.» К. А. Мейер: «...верхняя одежда или в холодное время года шуба подпоясывается кожаным поясом, украшенным латунными или медными бляхами, на котором висят нож в ножнах и кожаная сумка. Эта сумка — плоская, вверху обрезанная по прямой, ширина ее восемь-десять дюймов, внизу она имеет форму полуокружности. Сумка унизана медными или латунными бляхами; киргизы (в данном случае имеются в виду казахи. — *Авт.)* носят в ней разную мелочь, например трубку, огниво, трут и т. д.» (Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 321).

В большинстве случаев «киса» подвешивалась к поясу на правом боку воина и была крайним правым элементом поясной ружейной гарнитуры (рис. 67, *1-2, 5)*. Ч. Ч. Валиханов в своей статье, посвященной вооружению казахов, отмечает факт подвешивания ружейной сумки с левой стороны (хотя на оригинальном рисунке сумка подвешена справа). Это позволило А. К. Кушкумбаеву дать в своей монографии «зеркальную» репродукцию рисунка Ч. Ч. Валиханова (Валиханов, 1961, с. 468; Кушкумбаев, 2001, илл.). Однако в данном случае, вероятно, имеет место недоразумение. В примечании к статье Ч. Ч. Валиханова указывается, что упоминание о том, что сумка подвешивается слева, — описка. Это подтверждают как рисунок автора, так и отмеченная исследователями устойчивая традиция размещения металлической накладки с крючком на правом конце поясного ремня (Курылев, 1989, с. 88), что позволяет уверенно идентифицировать сторону, на которой подвешена «киса» на рисунке Ч. Ч. Валиханова, как правую. На изображениях XVIII—XIX вв. видно, что воины-кочевники обычно удерживали ружье левой рукой, в то время как правую можно было запустить в сумку и взять фитиль, огниво или роговую пороховницу. Сумка при этом находилась на передней части бед-

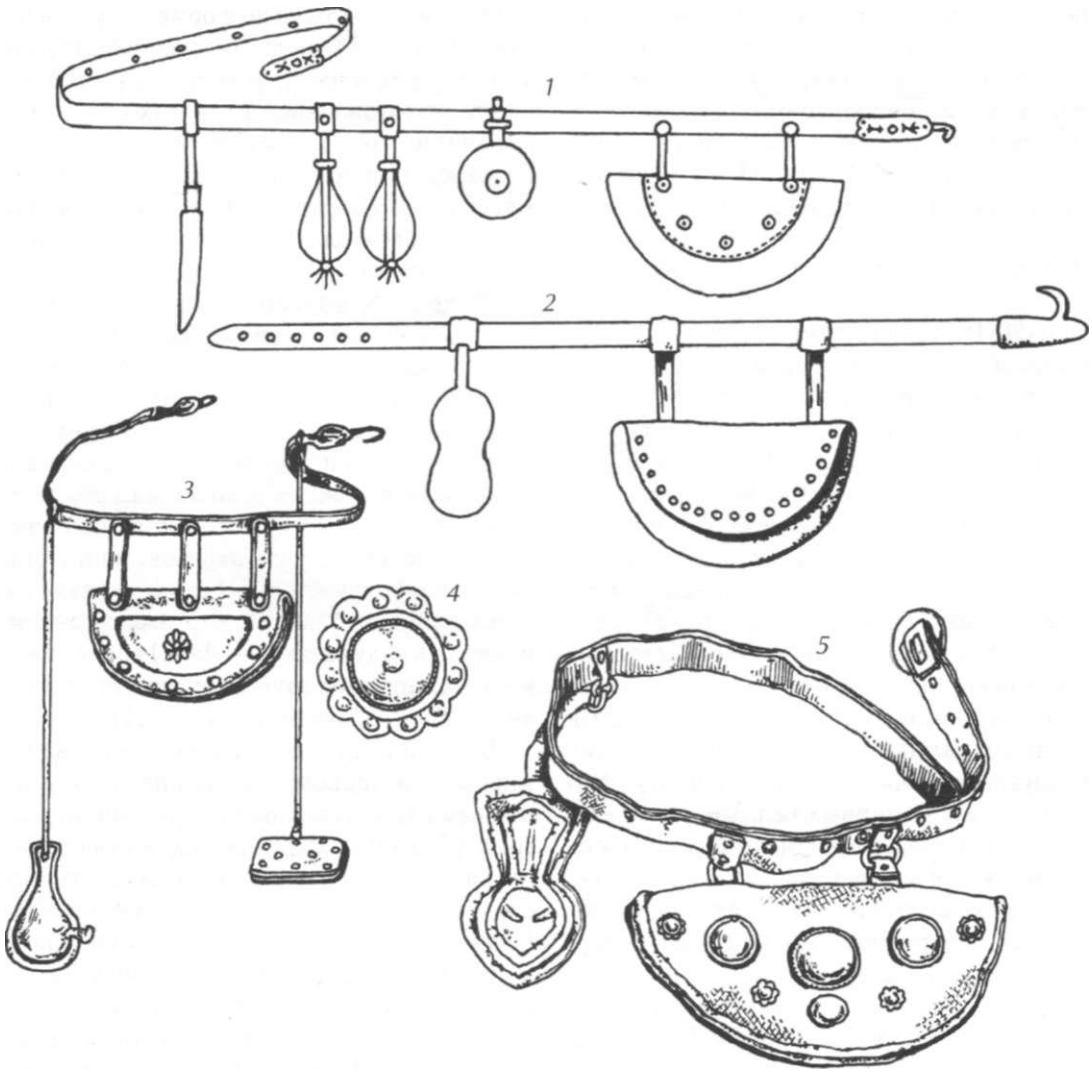

Рис. 67. Ружейные пояса Средней и Нейтральной Азии, Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени:

1 — казахский ружейный пояс. Воспроизводится по Ч. Ч. Валиханову; *2*— горноалтайский ружейный пояс Нового времени. Воспроизводится по В. В. Радлову; *3* — казахский ружейный пояс Нового времени. Прорисовка с картины П. Кашарова; *4* — округлая бляшка с «охотничьей» теленгитской сумки из южных районов Горного Алтая; *5*— горноалтайский ружейный пояс Нового времени. Хранится в фондах Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея (ГАРКМ).

ра или на боку стрелка(рис. 73, *20)*. Однако говорить о существовании унифицированных вариантов оформления и ношения оружия и амуниции у кочевников XVII-XIX вв. не приходится. Факт широкого распространения традиции ношения ружейной сумки справа сам по себе не исключает возможности подвешивания ее слева, например в случае, если стрелок был левша. Кроме того, зафиксированы случаи, когда сумка подвешивалась немного правее крестца. Такое расположение «кисы» на ремне зарисовал П. Кошаров при осмотре оружия казахов Старшего жуза. Характерно, что в данном случае ружейная сумка не является крайним правым предметом поясной ружейной амуниции. Ее место занимает огниво на длинном ремешке (рис. 67, *3).*

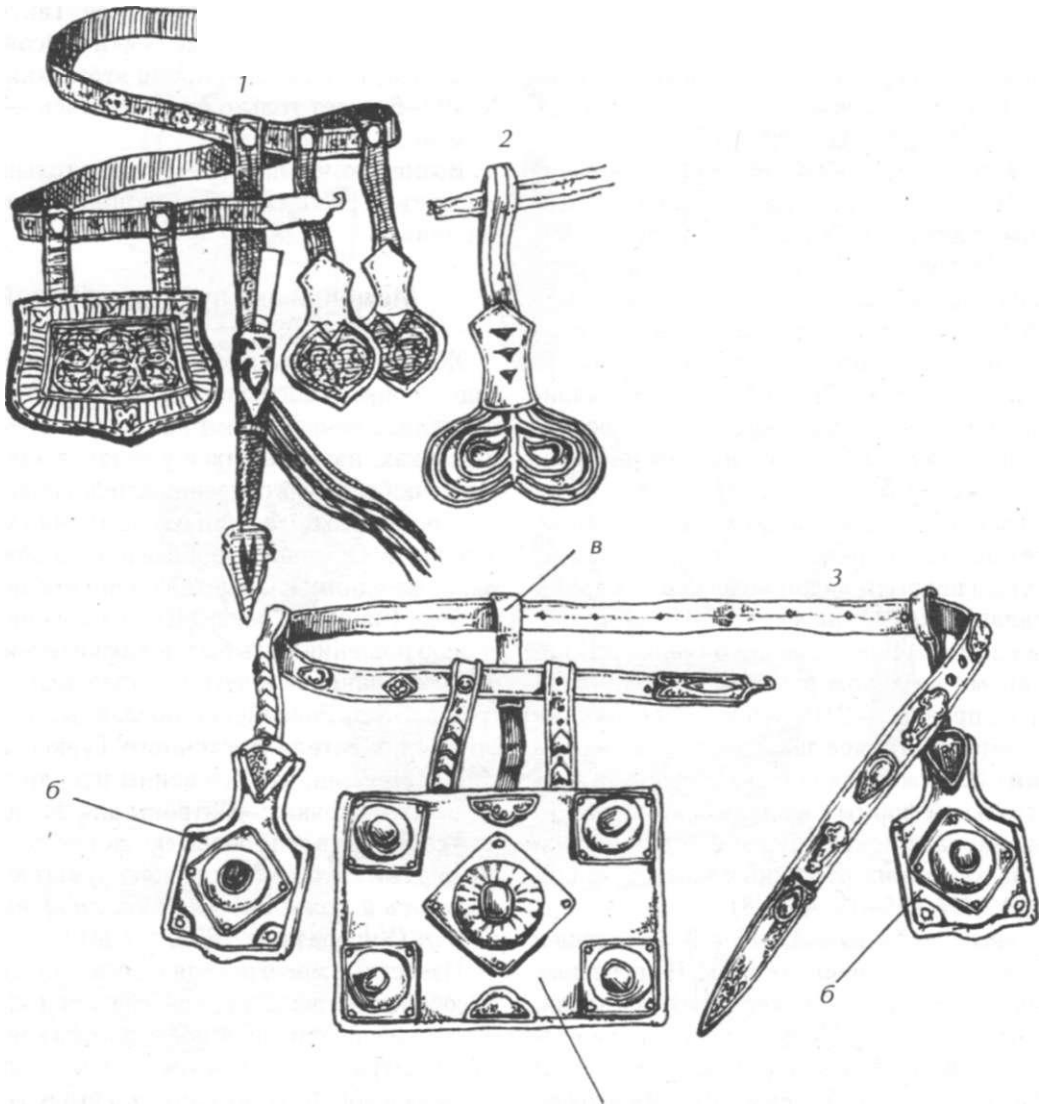

Рис. 68. Казахские ружейные пояса XVIII-XIX вв.:

7 — казахский ружейный пояс Нового времени. Состоит из ремня, ружейной сумки («киса»), пары мешочков для пуль стреловидной формы («окшынтай») и ножа в кожаных ножнах (воспроизводится по К. С. Ахметжану); *2*— «псевдоокшынтай»(имитация «окшынтай») вырезной «сердцевидной» формы; *3* — казахский ружейный пояс середины XVIII в. (МАЭ, № 439-1 5).

Казахские ружейные сумки полукруглой формы крепились к поясному ремню 2-3 узкими ремешками. Крепление могло быть стационарным (металлические заклепки) или подвижным (петли). В последнем случае ружейная сумка могла сдвигаться по ремню по желанию владельца.

Вариант 2. Ружейная сумка-«кошель» прямоугольной формы с клапаном-крышкой.

Данный вариант покроя ружейной сумки фиксируется на казахском ружейном поясе, хранящемся в МАЭ (№ 439-15) (рис. 68, *3).* На пластинке, расположенной на конце ножен, и правой ременной пластине с крючком указана дата изготовления пояса — 1755/56 г. и имя его первого владельца — Кадырбай. Кроме сумки (рис. 68, *3а)* поясной ремень снабжен парой мешочков для пуль (рис. 68,

36) и ножнами (рис. 68, *3в)*. Все элементы ружейного пояса оформлены в одной манере.

Ружейная сумка («киса») скроена в виде прямоугольного «кошеля» с клапаном-крышкой, которая закрывает почти всю внешнюю плоскость сумки. Края сумки обшиты зеленой шагреневой кожей. Поверхность клапана украшена по углам четырьмя квадратными бляхами (7 х 7 см), в центре каждой из них — заключенный в оправу сердолик. В центре клапана-крышки расположена крупная пластина-ромб. Ее выпуклая часть выполнена в форме цветка, в центре которого помещен большой сердолик в двойной оправе. Две небольшие металлические накладки вырезной подтреугольной формы расположены сверху и снизу от накладки-ромба, остриями к нему. Сумка подвешивается к поясному ремню с помощью двух кожаных ремешков, которые также обшиты шагренью. С внешней стороны ремешки были покрыты рядом подогнанных друг к другу металлических бляшек подтреугольной формы. На каждом ремешке было по 5 бляшек. В настоящее время на левом ремешке сохранилось 4 бляшки, на правом — 2. Ремешки плотно закреплены на ременном поясе заклепками.

Вариант 3. Ружейная сумка-«кошель» вырезной пятиугольной формы с клапаном-крышкой.

Данный вариант покроя ружейной сумки фиксируется на казахских ружейных поясах, хранящихся в МАЭ (№ 439-14, 493-8).

Клапан-крышка «кисы» пояса № 439-14 украшен тисненым растительным орнаментом. В прорезные треугольные отверстия подложены кусочки парчи, красной и зеленой кожи. По периметру сумки пропущен двойной выпуклый кожаный кант. Кожаный ремень этого пояса, кроме ружейной сумки, снабжен также ножнами и парой кожаных подвесок, имитирующих мешочки для пуль. Последний элемент указывает на то, что пояс был изготовлен достаточно поздно, вероятно в конце XVIII — XIX в. На данном поясе фиксируется подвижная система крепления ружейных элементов к ремню. Кожаные петли, к которым крепятся ремешки с сумкой, парой подвесок («псевдомешочков») и ножнами, свободно движутся по ремню (Курылев, 1989, с. 89, рис. 4; с. 95). «Киса» пояса № 493-8 «имеет форму вытянутого пятиугольника».

Данная ружейная сумка имеет небольшое конструктивное отличие от описанных выше экземпляров. Она разбита на два отделения: меньшее, внутреннее, и большее, наружное. Такую же конструкцию имеют ружейные сумки поясов № 438-4 (Курылев, 1989, с. 93). Кроме этого, «киса» пояса № 493-8 имеет только один мешочек — для пуль (там же, с. 92).

Возможно, что прообразом пятиугольных «кисы» послужили европейские патронные сумки Нового времени.

Мешочки для пуль («окшынтай»)

Железные и свинцовые пули, выполненные в виде шариков небольшого диаметра, а также дробь хранились кочевниками на поясе в специальных мешочках, называвшихся у казахов «окшынтай». Мешочки для пуль подвешивались к поясному ремню с помощью более или менее длинных кожаных ремешков. Обычно ружейный пояс снабжался двумя, реже одним «окшынтай». Они могли носиться на боку (на обоих боках) или на пояснице. Такой способ ношения пуль был исключительно популярен и сохранялся в регионе вплоть до последней трети XIX в. Российские посланцы, посещавшие ставку правителя Восточного Туркестана Якуб-хана, отмечали, что его воины носили пули в отдельных мешочках: «Патроны для фитильных ружей содержат в себе большею частию только заряд, обернутый грубою сартовскою бумагою; *пули же носились в кожаном мешочке, подвешенном к поясу*» (Куропаткин, 1879, с. 198).

Известные мешочки для пуль различаются между собой размерами, формой, системой оформления и, в меньшей степени, особенностями конструкции. Для Центральной и Средней Азии характерными являются «окшынтай» сложной вырезной формы, выполненные из кожи или материи.

Вариант 1. «Окшынтай» вырезной каплевидной (грушевидной) формы.

Данный вариант мешочка для пуль зафиксирован Ч. Ч. Валихановым и П. Кашаровым у казахских кочевников. «Окшынтай» выполнен в виде груши или капли, обращенной острием вверх. Мешочки на рисунке Ч. Ч. Валиханова подвешены к поясному ремню с помощью коротких ремешков, пропущенных через всю внешнюю поверхность «окшынтай» и зафиксированных в верхней части специальной петлей. Судя по изображению, «окшынтай» имеют подвижное крепление благодаря металлическим петлям (?) на ремне. На рисунке оба ме-

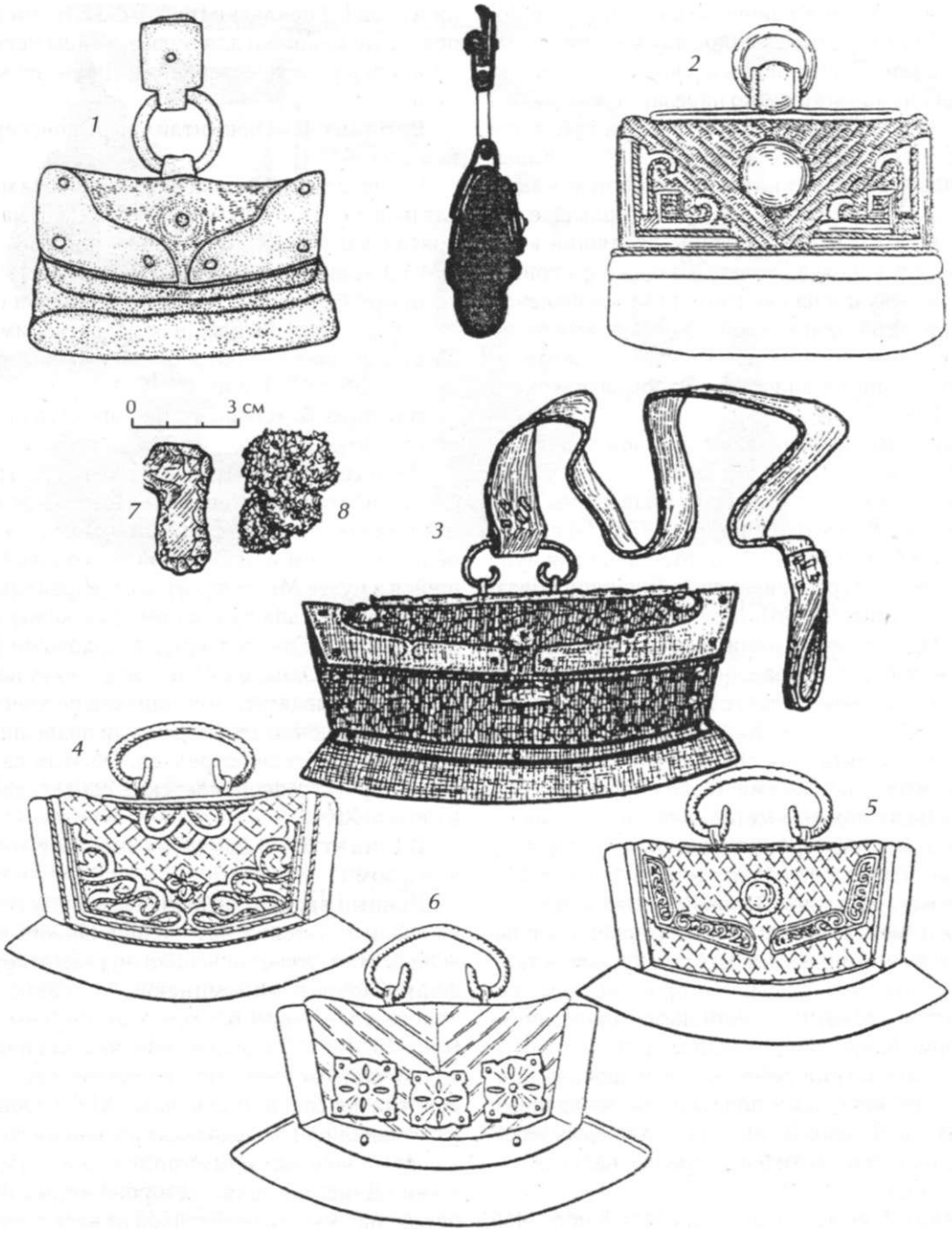

Рис. 69. Южносибирские огнива «оттук» периода позднего Средневековья (7) и Нового времени *(2-8):*

7 — огниво из позднесредневекового кургана №1 Чоба-Баш (Горный Алтай) (по Ю. С. Худякову); *2, 4-6* — западнотувинские огнива Этнографического времени (по С. И. Вайнштейну); *3* — шорское огниво «оттук» Нового времени. Хранится в фондах Омского государственного объединения исторического и литературного музея (по С. Н. Третьякову); *7-8* — трут (шор. «каба») и кремень (шор. «оттукаж»). Хранятся в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея.

шочка висят рядом в районе левого бока или поясницы. Поверхность мешочков не имеет накладок и аппликаций. Единственным украшением является пучок из коротких узко нарезанных кожаных ленточек (?), прикрепленных к узелку или бляшке в нижней части ремешка (рис. 67, /). У П. Кашарова «окшынтай» висит на очень длинном кожаном ремешке, который зафиксирован на горлышке мешочка (рис. 67, *3)*. «Окшынтай», входящий в состав ружейного пояса, использовавшегося воинами Старшего жуза, снабжен по периметру кожаной или матерчатой окантовкой. Очень похожие по форме мешочки для пуль использовались жителями Южной Сибири вплоть до Этнографического времени (рис. 71, *5)*.

Вариант 2. «Окшынтай» вырезной трапециевидной формы.

Трапециевидные «окшынтай» подвешены к ружейному поясу, изготовленному в 1755/56 г., хранящемуся в МАЭ (№ 439-15). Мешочки для пуль имеют вырезную трапециевидную (кувшинообразную) форму (рис. 68, *3б)*. В отличие от большинства рассматриваемых нами «окшынтай», данные экземпляры богато украшены, что указывает на высокий социальный статус их первого владельца — феодала Кадырбая. Как и ружейная сумка из этого же комплекта, они снабжены по периметру окантовкой из зеленой кожи. В центре каждого «окшынтай» расположены металлические накладки, выполненные в виде ромба с выпуклой покрытой гравировкой и чеканкой пластиной, в центре которой находится сердолик. В нижних углах мешочков приклепаны мелкие бляшки подтреугольной формы. «Окшынтай» крепятся к ремню с помощью коротких кожаных ремешков, внешняя сторона которых покрыта подтреугольными пластинками, аналогичными по форме бляшкам на ремешках ружейной сумки. Места крепления ремешков и мешочков прикрыты более крупными пластинами-накладками подтреугольной формы. Мешочки для пуль находятся на правом и левом боку стрелка, надевающего данный пояс.

Вариант 3. «Окшынтай» вырезной 8-образной формы.

Данный вариант мешочка для пуль зафиксирован В. В. Радловым у алтайцев («горных калмыков»). «Окшынтай» выполнен в виде цифры «8». Он лишен украшений и подвешен к ремню с левой стороны при помощи короткого ремешка и металлической (?) накладки (рис. 67, *2)*. Возможно, что подобные мешочки для пуль алтайцы использовали и в период существования Джунгарского ханства.

Вариант 4. «Окшынтай» вырезной сердцевидной формы.

О существовании подобного варианта мешочков для пуль можно судить по их имитациям на поздних поясах казахских кочевников (рис. 68, *2)*. Так, в МАЭ хранится ружейный пояс (№ 439-14), к которому с помощью кожаного ремешка прикреплена сердцевидная кожаная подвеска, имитирующая вышедшие из употребления «окшынтай» (Курылев, 1989, с. 89, рис. 4; с. 93).

Вариант 5. «Окшынтай» вырезной стреловидной формы.

Данный вариант мешочка для пуль встречается среди тибетских материалов Нового времени. Он представляет собой кожаный «кошелек» с заостренным донцем и зауженной горловиной. Хранящийся в музее Метрополитен стреловидный тибетский мешочек для пуль с помощью кожаного шнура подвешен к бандельеру с пороховыми мерками (рис 72,*10)*. Однако с большой долей вероятности можно предполагать, что близкие по конструкции и форме мешочки для пуль могли подвешиваться и к поясам тибетских стрелков. Об этом свидетельствуют фотографии тибетских солдат, сделанные в начале XX в.

Вариант 6. «Окшынтай» вырезной топоровидной формы.

Данный вариант мешочка для пуль встречается среди тибетских материалов Нового времени. «Окшынтай» имеет оригинальную асимметричную форму покроя, напоминающую лезвие боевого топора с коротким обухом и оттянутым лезвием (рис. 70, *3, 8)*. Подобные мешочки для пуль достаточно часто встречаются в составе тибетских ружейных поясов, датированных XIX в. Обычно они изготовлялись из нескольких кусков жесткой кожи и украшались вырезными аппликациями из мягкой кожи. Днище и правая сторона «окшынтай» нередко снабжались окантовкой из нескольких полос материи или мягкой кожи, а прорезная аппликация нашивалась на верхнюю часть мешочка и горловину. При сжатии с боков горловина «окшынтай» раскрывалась, позволяя достать хранящиеся в нем свинцовые пули. При диаметре последних в 14 мм в мешочке помещалось не менее 12 пуль сфериче-

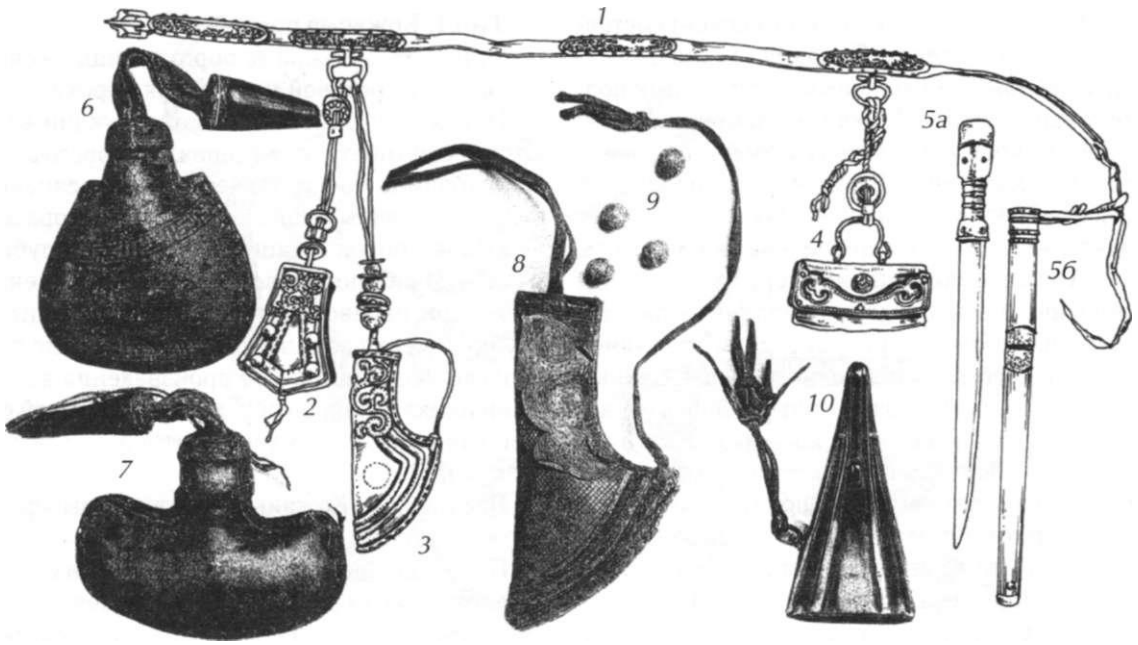

Рис. 70. Тибетский ружейный пояс Нового времени (7-5) и ружейные принадлежности (музей Метрополитен, г. Нью-Йорк, США):

7-5 —тибетский ружейный пояс Нового времени; 6— кожаная пороховниua-«фляга» XVIII—XIX вв. с роговой меркой для пороха; 7— кожаная тибетская пороховница месяиевидной формы с роговой меркой для пороха; *8-9* — тибетский мешочек для пуль вырезной топоровидной формы *(8)* и пули (9); 7*0* — тибетская роговая пороховница для затравочного пороха подтреугольной формы.

ской формы (рис. 70, *8-9).* К ружейному поясу топоровидные мешочки для пуль подвешивались с помощью двойного кожаного ремня.

Временем широкого употребления среднеазиатских «окшынтай» следует считать XVII—XVIII вв. и первую половину XIX в. В том же XIX в. мешочки для пуль стали выходить из широкого употребления, что было, вероятно, следствием распространения среди казахов патронов европейского типа. Однако за то время, пока «окшынтай» был важным элементом ружейной амуниции, он настолько прочно вошел в состав ружейного пояса «киса», что после его исчезновения из военного обихода казахи еще длительное время продолжали носить на поясе специальные кожаные подвески — имитацию «окшынтай». Это явление прослеживается как по соответствующим сообщениям XIX в., так и по вещественным источникам этого времени. Исследовавший оружие казахов Ч. Ч. Валиханов отметил, что «нынче делают мешочки ("окшынтай". *—Авт.)* только для вида» (Валиханов, 1961, с. 468). В фондах МАЭ из 10 кожаных поясов 2 (№ 403-10, 439-14) имеют кожаные подвески, имитирующие «окшынтай». Кроме того, пояс № 403-10 снабжен не только имитацией мешочка для пуль, но и имитацией ружейной сумки (Курылев, 1989, с. 93). Что касается тибетских мешочков для пуль сложной вырезной формы, то они продолжали применяться в регионе вплоть до начала XX в.

Огниво («оттук»)

Отличительной чертой некоторых разновидностей монгольских, южносибирских и тибетских ружейных поясов Нового времени была традиция крепления огнива (шор. «оттук») непосредственно к поясному ремню. Для этого кресало, имевшее вид стальной пластины изогнутой полусерповидной формы с прямо срезанными краями, вставлялось и фиксировалось в кожаном футляре, имевшем вид кошелька прямоугольной формы. Футляр обычно изготавливался из двух кусков кожи, один из которых был в два раза шире другого. Широкий кожаный сегмент сгибался пополам и формировал

крышку футляра, а выгнутый узкий сегмент составлял его переднюю стенку. Боковые стенки формировались небольшими кожаными элементами подпрямоугольной формы. Кожаные элементы футляра и кресало крепились между собой с помощью металлических заклепок. В футляре хранились трут (шор. «каба») и кремень (шор. «оттукаж»). Лицевая поверхность футляра богато украшалась металлическими (обычно железными, серебряными или посеребренными) накладками различных форм и размеров, в гнезда которых иногда вставлялись кусочки кораллов, полудрагоценные и драгоценные камни. В верхней части огнива размещалось металлическое кольцо (реже — несколько колец), в которое пропускался ремешок (или цепочка), соединявший огниво с ремнем. Ремешок мог быть очень длинным, благодаря чему огниво оказывалось на уровне колен или даже середины голени стрелка. Для того чтобы достать огниво, воину или охотнику нужно было потянуть за ремешок. Огниво использовалось для высекания огня путем удара кремня о кресало и последующего поджога трута (рис. 69).

В Монголии, Южной Сибири и Тибете на протяжении эпохи Нового времени использовались схожие по конструкции и системе оформления огнива.

Пороховницы

В Средней Азии роговые пороховницы обычно укладывались в специальные ружейные сумки. Отдельно на поясе носились натруски западноазиатского типа, выполненные в виде изогнутого рога. Так, в ГЭ хранится среднеазиатская Лобразная натруска (ГИМ, № 82647/ 15391), выполненная из темного рога, покрытая серебряными с чернью накладками. Натруска снабжена железным механизмом запирания порохового отверстия. Общая длина натруски — 19 см, длина пояса — 88 см, ширина пояса — 9,5 см. Согласно данным сотрудников музея, натруска была изготовлена в одном из государств Средней Азии в XIX в. (рис. 61, *3)*.

Вотличие от мусульманских государств региона, в Монголии и Тибете кожаные пороховницы часто носились отдельно на поясе. Наряду с большими пороховницами использовались пороховницы для затравочного пороха.

Тип 1. Кожаные пороховницы.

Вариант 1. Кожаные пороховницы месяцевидной формы с роговой меркой для пороха.

Пороховницы подобной конструкции встречаются среди тибетских материалов Нового времени. Пороховница представляет собой месяцевидную флягу с выпуклым донышком и узким горлышком. Горлышко пороховницы соединяется трубкой из мягкой кожи с пороховой меркой, выполненной из рога. При переворачивании пороховницы через трубку в мерку засыпается ровно столько пороха, сколько необходимо для произведения выстрела. Один из экземпляров пороховниц подобной формы хранится в фондах музея Метрополитен (США) (рис. 70, *7)*.

Вариант 2. Кожаные пороховницы-«фляги» с роговой меркой для пороха.

Пороховницы подобной конструкции соотносятся с комплексом вооружения тибетцев и монголов эпохи Нового времени. Пороховница представляет собой немного расширяющуюся к донцу фляжку с узким горлышком. Данная форма пороховниц одна из самых распространенных в Центрально-Азиатском регионе. В музее Метрополитен хранится пороховница-«фляга», снабженная (как и в предыдущем случае) роговой меркой, соединенной с пороховницей трубкой из мягкой кожи. Поверхность пороховницы позолочена и покрыта лаком. Плоскость пороховницы горизонтально пересекается лентой из сцепленных между собой свастик. Пороховница датирована американскими исследователями XVIII-XIX вв. и соотнесена с комплексом вооружения монгольских и тибетских воинов Нового времени (рис. 70, 6).

Тип 2. Пороховницы для затравочного пороха.

В настоящее время известно относительно небольшое число центральноазиатских пороховниц для затравочного пороха. Большинство из них происходит с территории Тибета и датируется эпохой Нового времени. Пороховницы для затравочного пороха отличаются от обычных пороховниц меньшими размерами, более твердой поверхностью (обычно при изготовлении в качестве материала используется не кожа, а рог), подтреугольной или конусовидной формой.

Вариант 1. Роговые пороховницы для затравочного пороха подтреугольной формы.

Пороховницы подобной конструкции встречаются среди тибетских материалов Нового времени.

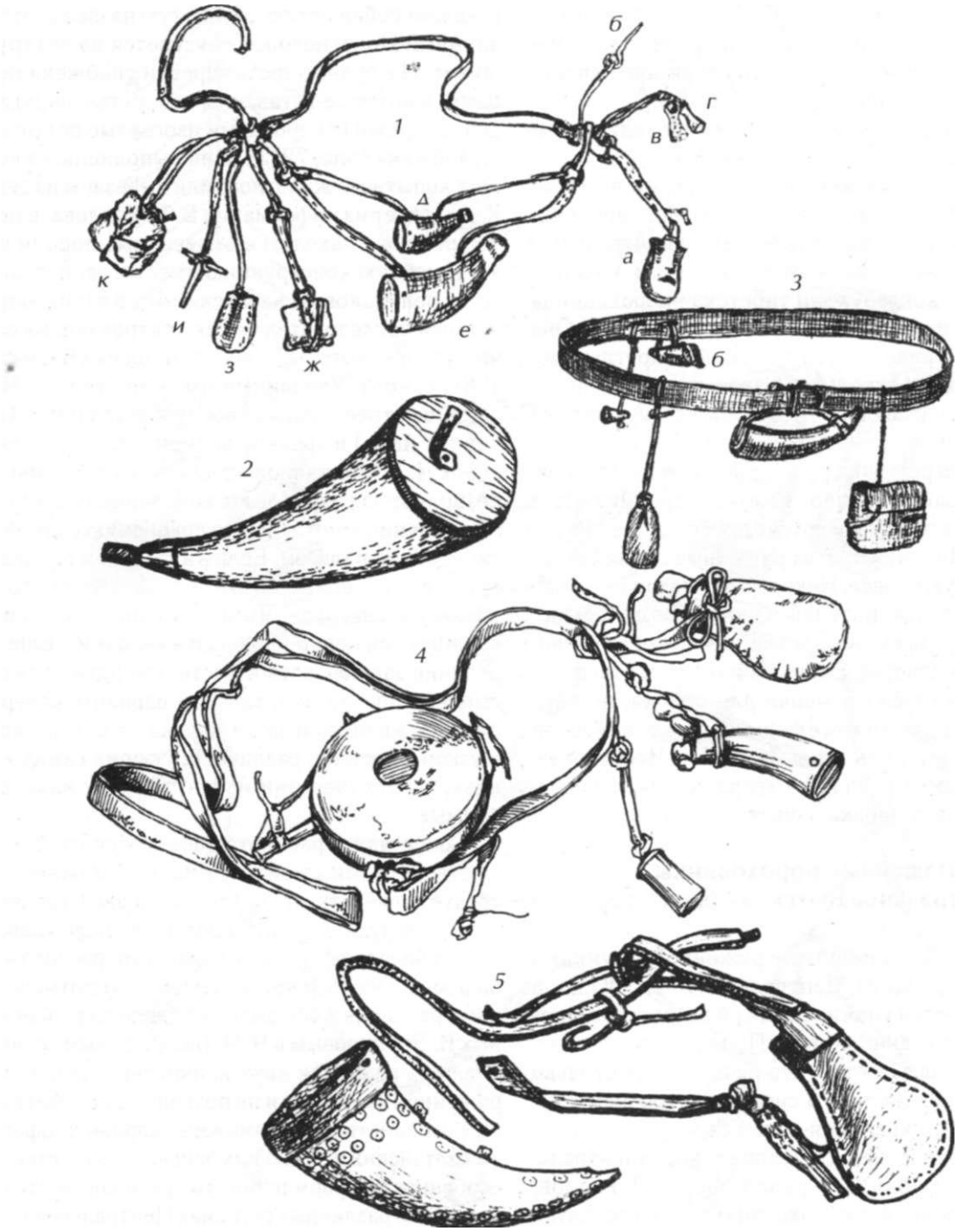

Рис. 71. Южносибирские ружейные пояса:

7 — шорский ружейный пояс Этнографического времени (КМАЭЭ, 18/9); *2*— шорская роговая пороховница Этнографического времени (МЭП, 54); *3* — шорский ружейный пояс XIX в. (КОКМ, 411); *4* — ружейный пояс южносибирского производства (ИАиЭ СО РАН); 5 — шорский ружейный пояс эпохи Нового времени. Хранится в фондах Омского государственного обьединенного исторического и литературного музея.

Одна из них хранится в музее Метрополитен. Пороховница выполнена из рога и твердой кожи, имеет подтреугольную форму. Ее лицевая поверхность снабжена вертикальными накладками.

Вариант 2. Роговые пороховницы для затравочного пороха конусовидной формы.

Пороховницы подобной конструкции встречаются среди тибетских материалов Нового времени. Одна из них хранится в музее Метрополитен и входит в состав тибетского бандельера, датированного XIX в. По конструкции тибетская пороховница напоминает цинские аналоги этого же периода. Она выполнена в виде конуса с плоским округлым донышком. Перед стрельбой узкое горлышко пороховницы раскрывалось и стрелок ссыпал мелкий затравочный порох на полку.

Иногда на ремешки ружейного пояса «выпускались» не только огниво, ножны, пороховница и мешочки для пуль, но и другие приспособления для стрельбы. На таких поясах ружейные сумки нередко отсутствуют вовсе. Некоторые дошедшие до нас охотничьи пояса жителей Южной Сибири Этнографического времени снабжены множеством свисающих ремешков, к которым привязаны отвертки, мешочки для пыжей, мерки для пороха, ножны, пороховницы различных форм и размеров, мешочки для дроби и пуль и т. д. (рис. 71). Чтобы разобраться с такой ружейной «гирляндой», требовалась немалая сноровка и опыт.

Нашейные пороховнииы («иентральноазиатский» бандельер)

Интересным элементом ружейной амуниции кочевников Средней, Центральной Азии и Южной Сибири является упоминаемый рядом авторов «патронташ из сайгачих рогов». При ближайшем рассмотрении оказывается, что речь идет не столько о патронташе, сколько о системе «пороховых мерок», принцип хранения которых напоминает европейский бандельер. Описание такого «центральноазиатского» бандельера оставил В. В. Радлов, зафиксировавший его у охотников Горного Алтая XIX в.: «Отправляясь на охоту, стрелки надевают кожаный пояс с патронташем и сумкой для пуль, а на шею повязывают шнур, на котором прикреплены заткнутые пробками рожки с порохом» (Радлов, 1989, с. 159). В. В. Радлов приводит изображение алтайского варианта бандельера. Он представляет собой петлю, затянутую на шее охотника, длинный конец которой спускается на его грудь и живот. Нагрудная часть веревки снабжена петлицами, в которые вставлены заткнутые округлыми деревянными (?) пробками изогнутые полые внутри «рожки» (рис. 72, *3).* Они выполнены из кости, рога копытного животного или вырезаны из дерева. Как следует из информации В. В. Радлова, в полости «рожков» находятся отмеренные порции пороха. Похожую конструкцию имеет и зарисованный Ч. Ч. Валихановым казахский «бир атар», определяемый исследователем как «патронташ из сайгачих рогов», который «носят на шее» (Валиханов, 1961, с. 468). Увиденный им «бир атар» Ч. Ч. Валиханов отнес к числу «вооружения киргиз (казахов. — *Авт.)* в древние времена» (рис. 72, /). Рисунок Ч. Ч. Валиханова несколько схематичен, но позволяет зафиксировать некоторые особенности оформления «бир атар» по сравнению с его южносибирским аналогом. Если в алтайском бандельере «рожки» закреплены один поверх другого, то к кожаному (?) нагрудному шнуру «бир атар» они подвешиваются попарно, образуя «елочку». Еще одно отличие заключается в месте отверстия для пересыпания пороха. В алтайском варианте отверстия пробиты в широкой части «рожка», а в казахском — в узкой. Наконец, различается форма самих «рожков», у алтайцев они изогнутые, а у казахов — прямые.

Сопоставляя рассмотренные российскими путешественниками алтайские и казахские бандельеры, следует отметить, что последние позволяют прикрепить к нагрудному шнуру большее число «рожков» за счет более эффективного (парного) расположения на ремне. Особо хочется отметить, что отмеченные нами различия в оформлении бандельеров, описанных В. В. Радловым и Ч. Ч. Валихановым, фиксируют лишь различия двух конкретных экземпляров ружейной амуниции и не позволяют рассматривать их как единственно возможные варианты оформления алтайских и казахских бандельеров. Установить особенности оформления этой разновидности пороховницы в различных регионах Центральной и Средней Азии представляется возможным, лишь проанализировав сколько-нибудь значительный объем дошедших до нас степных бандельеров из старых оружейных коллекций. Для нашей темы гораздо большее значение имеет тот факт, что и в Саяно-Алтае, и в степях Казахстана использовались очень

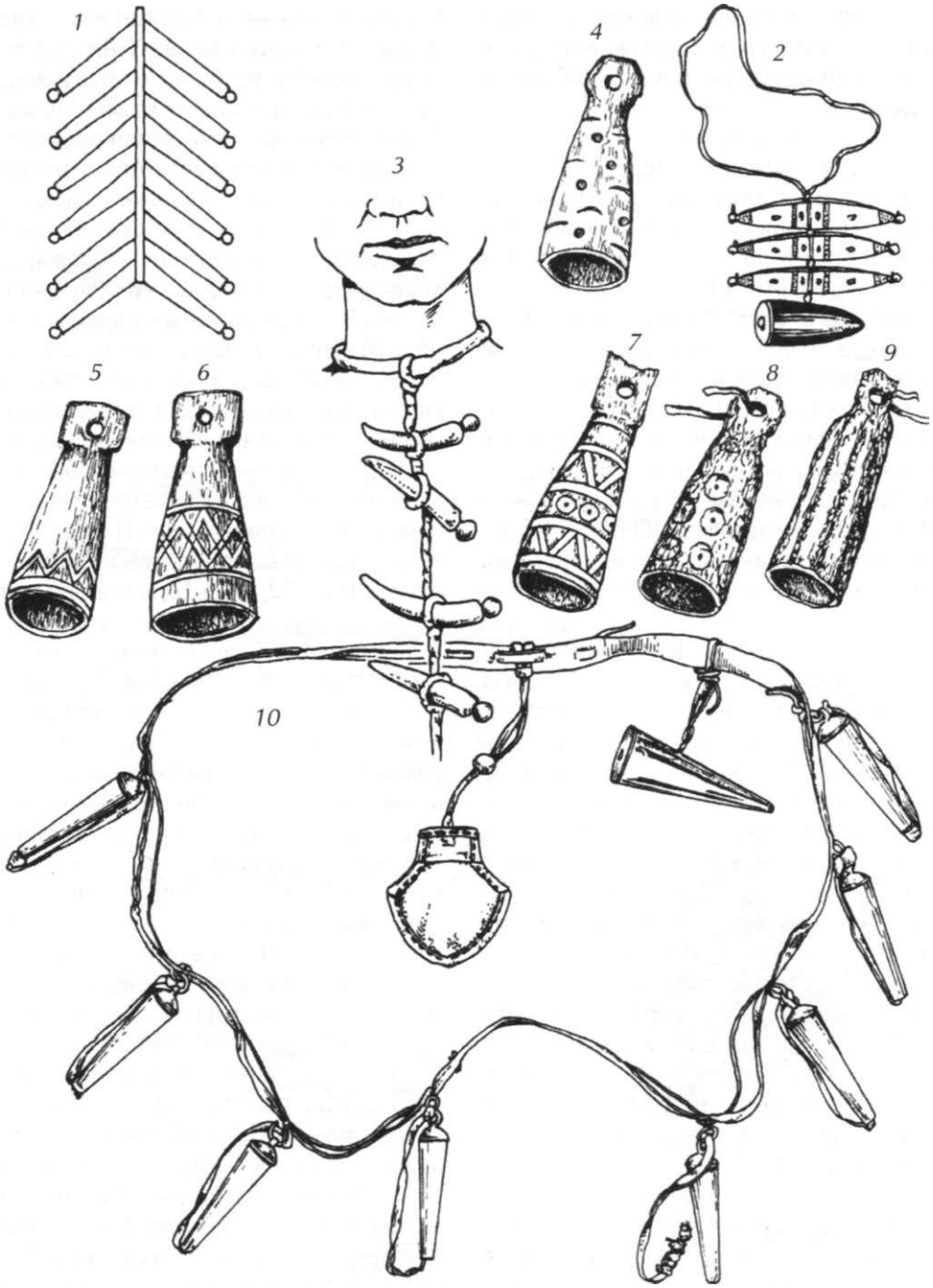

Рис. 72. «Азиатские» бандельеры, их элементы:

У — казахский вариант «азиатского» бандельера («бир атар»). Воспроизводится по Ч. Ч. Валиханову; *2* — казахский вариант «азиатского» бандельера» («бир атар»). Прорисовка с картины П. Кашарова; *3* — горноалтайский вариант «азиатского» бандельера. Воспроизводится по В. В. Радлову; 4-9 — мерки для пороха «малыг пталгы»; 70 — тибетский вариант «азиатского» бандельера (музей Метрополитен, г. Нью-Йорк, США).

близкие по конструкции нашейные пороховницы. Это дает основание полагать, что похожие конструкции бытовали и у непосредственных соседей казахов и «горных калмыков» — джунгар.

Косвенным подтверждением этого факта является наличие системы пороховых мерок, выполненных из кости, рога и металла у другого народа региона, не имевшего общих границ с кочевниками, населявшими Дешт-и-Кипчак и степи Южной Сибири, но зато тесно взаимодействовавшего с ойратами. Речь идет о жителях Центрального Тибета периода Нового времени. По сообщению А. Уодделя, тибетцы хранили порох в «закупоренных костяных бутылочках» (Уоддель, 1906, с. 130), которые, судя по их изображениям и фотографиям, являются аналогом патронташей из сайгачьих рогов, использовавшихся кочевниками Центральной и Средней Азии, а также народами Южной Сибири. В этой связи исключительный интерес представляют дошедшие до нашего времени тибетские бандельеры Нового времени. Один из них хранится в фондах музея Метрополитен (США) (рис. 72, *10)*. Основу бандельера формирует кожаная перевязь, которой с помощью медных колец подвешены 8 вытянутых конических мерок для пороха, также выполненных из меди. Горлышко каждой мерки заткнуто специальной матерчатой пробкой, которая дополнительно крепится к кольцу с помощью специального кожаного ремешка. Каждая из мерок вмещает в себя объем пороха, необходимого для произведения выстрела. Кроме мерок в состав бандельера входят кожаный мешочек для пуль стреловидной формы и роговая пороховница для затравочного пороха. Данный бандельер (как и некоторые его аналоги, зафиксированные на фотографиях первой половины XX в.) носился через плечо. Но несомненное сходство со среднеазиатскими и южносибирскими бандельерами указывает на то, что мог использоваться нашейный способ ношения бандельеров.

В Южной Сибири пороховые мерки входили в комплект охотничьего снаряжения вплоть до Этнографического времени. В российских музеях хранятся мерки для пороха «малыг пталгы», использовавшиеся охотниками Южной Сибири в XIX — начале XX в. (Шорцы, 1999, с. 31, 34-36, 38-42, 44, 48, 51-53, 125). Большая часть мерок была собрана в ходе этнографических экспедиций конца XIX — начала XX в. В настоящее время они хранятся в собраниях Музея антропологии и этнографии, Музея археологии и этнографии Томского университета. Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, Музее археологии, этнографии и экологии Кемеровского государственного университета и др. «Малыг пталгы» являются вариацией пороховых мерок, входивших в состав средне- и центральноазиатских бандельеров XVIII-XIX вв. На это указывают их форма, особенности конструкции и материал изготовления. Все известные мерки «малыг пталгы» имеют близкую конструкцию. Материалом для их изготовления послужили кость или рог. Деревянные пробки не сохранились. По форме мерки напоминают граненый или округлый в сечении бокальчик, оканчивающийся плоским ушком с круглым отверстием для продевания ремешка, с помощью которого мерка подвешивалась к нашейному или поясному ремню. Поверхность мерок часто покрывалась затейливым геометрическим орнаментом (рис. *72,4-9)*. В состав одного набора могли входить как орнаментированные мерки, так и мерки без орнамента. Стандартные размеры мерок Этнографического времени: длина — около 5 см, размер отверстия — около 1,7 см, хотя нередко встречаются и более мелкие экземпляры: длина — около 3 см. диаметр — 1,5 см. В целом «малыг пталгы» несколько мельче мерок, изображенных на рисунках путешественников XIX в. Судя по сохранившимся охотничьим поясам (датированным Этнографическим временем), они обычно подвешивались не к нашейному, а к обычному поясному ружейному ремню (рис. 71, *1в, г, з)*. Однако конструкция мерок указывает на возможность их соединения по принципу «бандельер», аналогичного южносибирским и казахским «бир атар» XVIII-XIX вв.

Подводя итог, следует отметить, что в конце позднего Средневековья и начале Нового времени в Центральной и Средней Азии сложился во многом близкий по составу и оформлению комплекс ружейной амуниции. Его отличительными особенностями являются размещение ружейной сумки, мешочков для пуль, огнива (в Центральной Азии и Южной Сибири) и иногда пороховниц на специальном ружейном поясе, а также характерное оформление самих элементов ружейной амуниции. Интересным добавлением к ружейному поясу являлся азиатский вариант бандельера — носимая на шее (в Тибете чаще через плечо) пороховница, состоявшая из пороховых мерок, выполненных из кости, рога или

металла. Однако, несмотря на известное сходство ружейных поясов Казахстана, Монголии и Алтая говорить об их универсальности и совершенной однотипности не приходится. В рассматриваемое время в Средней и Центральной Азии использовались многочисленные вариации ружейного пояса, который с некоторой долей условности можно назвать «ружейным поясом среднеазиатского типа». В различных районах региона существовали местные особенности оформления одних и тех же элементов ружейной амуниции. А наряду с полными вариантами ружейных поясов воины даже одного отряда, по своему желанию, могли использовать их упрощенные варианты.

Рис. 73. Изображение казахских (/, *18-20)* (воспроизводится по К. С. Ахметжану), центральноазиатских и южносибирских *(2-8)* ружейных стрелков (прорисовка Д. В. Черемисина с петроглифов с поверхности мореной глыбы в бассейне р. Чаган в Горном Алтае), цинских фитильных ружей *(9-11, 12-15)* («Хуанчао лиизи тушу», 1759), центральноазиатских (?) фитильных ружей на тибетских танка «Канцан Ямы», XVIII в. (ГМВ, инв. №4493-1) (/6), «Юха 1_1огчигма», XIX в. (ГМВ, инв. №12313-111) *(17).*

Глава 5

АРТИЛЛЕРИЯ

В научной литературе считается общепризнанным фактом наличие в джунгарской армии собственной артиллерии. Однако вопрос о том, что представляла собой эта артиллерия, остается открытым — в лучшем случае, констатируется факт того, что ключевую роль в создании пушечного производства в Джунгарии сыграл плененный в 1716 г. воинами Церен Дондобы (Цэрэн Дондова) шведский сержант Иоганн Густав Ренат (1682—1744). Эта неопределенность дает почву недобросовестным спекуляциям о том, что Джунгария якобы получала современные военные технологии от России и Китая для того, чтобы вести агрессивные войны против своих соседей — Казахского ханства и государств Средней Азии. При подобной постановке вопроса, безусловно, легко сформировать заказную политизированную версию о том, что Россия и Китай постоянно пытались заставить окружающие Джунгарское государство народы вступить в свое подданство, но делали это не путем прямой агрессии, а натравливали на них джунгар. К сожалению, подобные попытки в последнее время участились. К счастью, серьезных научных изысканий они не касаются, но именно популярная форма подачи подобных «сведений» формирует сознание значительной части молодежи в Казахстане и Средней Азии, где даже появился своеобразный термин «русская/китайская версия истории» как синоним искаженной истории народов Казахстана и Средней Азии. Однако версия о сознательной передаче джунгарам военных технологий со стороны России и империи Цин (1636-1912) не основывается на каких-либо письменных свидетельствах источников, а исходит из общего положения о наличии артиллерии на вооружении джунгарских войск. Таким образом, исследование темы появления в джунгарских войсках артиллерии имеет не только научное, но и важное международное политическое значение.

Необходимо отметить, что в советской, а впоследствии в российской историографии затрагивались вопросы появления в войсках Джунгарского ханства артиллерийского парка. Характерно в этой связи, что уже в исторических исследованиях XVIII в., написанных «по горячим следам», ключевая роль в этом процессе отводилась И. Г. Ренату. «Отец сибирской истории» Г. Ф. Миллер писал по этому поводу: «Среди этих пленных (русских и шведских военнопленных, захваченных джунгарами в 1716 г. у Корякова Яра на Иртыше. — *Авт.)* был шведский штик-юнкер Иоганнес Ренат, который впоследствии научил калмыков плавить железную руду, отливал пушки и бомбы, вел, как главнокомандующий, калмыцкие войска против китайцев и, захватив неисчислимые сокровища, в 1733 г. через Сибирь и Россию вернулся в свое отечество». Впоследствии фигура И. Г. Рената приковывала к себе внимание российских и советских историков, часто в ущерб другим вопросам, связанным с развитием артиллерийского парка Джунгарии после отъезда Рената на родину. Вне поля внимания историков оказалась и проблема наличия пушек в войсках западномонгольских правителей до середины 20-х гг. XVIII в.

И. Я. Златкин в своем фундаментальном труде «История Джунгарского ханства» затронул проблему происхождения и развития джунгарской артиллерии 20-40-х гг. XVIII в. Ключевое место в профильном разделе занимает исследование личности и деятельности И. Г. Рената. На основании анализа письменных (преимущественно русских) источников исследователь описывает процесс добычи железной руды на оз. Тексел, начальные этапы создания джунгарской артиллерии. Ссылаясь на свидетельство И. Сорокина, И. Я. Златкин пред-

[1] Данная глава подготовлена на основе статьи: *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Ойратская артиллерия XVII—XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 170-247.

полагает, что «пушечное производство было создано в Джунгарии в середине 20-х гг. XVIII в. еще при жизни Цэван-Рабдана» (Златкин, 1983, с. 239). Оценка артиллерийского парка Джунгарии в начале 30-х гг. XVIII в. основывается на данных, сообщенных И. Г. Ренатом российскому посланнику Л. Д. Угримову в ходе беседы в сентябре 1732 г. Проблеме эволюции джунгарской артиллерии во второй половине 30-40-х гг. XVIII в. уделено значительно меньше внимания. И. Я. Златкин отмечает, что значительную роль в отливке пушек в этот период играли пленные русские мастера и рабочие, бежавшие с сибирских заводов (там же, с. 240).

В 1977 г. вышла статья В. А. Моисеева, посвященная теме пребывания в джунгарском плену шведского «штык-юнкера» И. Г. Рената от момента пленения в 1716 г. до отъезда на родину в 1733 г. и смерти в 1744 г. (Моисеев, 1977, с. 208-212). Особое внимание В. А. Моисеев уделил выяснению места И. Г. Рената в военной и политической иерархии Джунгарского ханства и внедренным им инновациям (открытие школ, суконного, пушечного производства, обучение джунгарских воинов европейским способам ведения боя). На основании анализа русских письменных источников была восстановлена картина начального этапа развития артиллерийского производства в Джунгарии. Вместе с тем в статье не были рассмотрены вопросы конструкции и тактических особенностей применения джунгарской артиллерии. К анализу не были привлечены изобразительные материалы. Во многом это обусловлено тем, что работа В. А. Моисеева была посвящена в первую очередь личности И. Г. Рената, а вопрос пушечного производства в Джунгарии был затронут лишь в связи с его деятельностью в данном направлении. Тем не менее вплоть до сегодняшнего времени статья В. А. Моисеева является наиболее полным изложением начального этапа развития джунгарской артиллерии в XVIII в. Ее основные выводы были повторены В. А. Моисеевым в статье «О военном деле и войнах Джунгарского ханства», а также в ряде монографий, посвященных джунгаро-российским и джунгаро-казахским отношениям. По мнению В. А. Моисеева, «джунгарская армия... располагала собственной артиллерией и обученным контингентом артиллеристов. Этим ойраты были обязаны беглым русским мастеровым и солдатам Колывано-Воскресенских рудников, а также шведскому сержанту И. Ренату, прожившему у них 17 лет» (Моисеев, 1990, с. 72). Согласно сведениям письменных источников, собранных В. А. Моисеевым, в джунгарской армии «разделения по родам войск, в сущности, не было, если не считать артиллерийских команд, которые обычно шли позади основных сил под усиленной охраной. Пушки перевозились на верблюдах. Когда нужно было стрелять, животных клали на землю, и зачастую прямо с них открывали огонь» (там же, с. 76).

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе господствующим является мнение о том, что артиллерия появилась в Джунгарии благодаря деятельности И. Г. Рената и его сподвижников только во второй половине 20-х гг. XVIII в., а в последующие годы изготовлением орудий в Западной Монголии занимались преимущественно беглые русские мастеровые и военнопленные. Попытки проанализировать тактико-технические характеристики джунгарских орудий и тактические особенности их применения на поле боя в известных нам научных исследованиях не предпринимались.

В данной главе на основании анализа письменных и изобразительных источников авторы представляют общую картину эволюционного развития артиллерии в войсках ойратских правителей XVII—XVIII вв., уточняя сроки появления пушек в армиях кочевников Западной Монголии и их конструктивные особенности. Особое внимание уделено путям проникновения артиллерийского вооружения в Центральную Азию, уровню развития артиллерии и особенностям ее применения в государственных образованиях западных монголов (ойратов) XVII-XVIII вв.

5.1. Артиллерия в войсках кочевников Центральной Азии и Сибири в XV-XVI вв.

Предшественниками огнестрельного оружия в государствах Евразии были различные типы огнеметных орудий. Собственно огнестрельное оружие стало распространяться среди народов континента в период развитого Средневековья. Одним из первых образцов огнестрельного оружия на мусульманском Востоке была арабская пушка-самопал «мидфэ», представлявшая собой длинную желез-

ную трубку, снабженную запальным отверстием и укрепленную на деревянной рукояти. Для стрельбы использовались небольшие ядра, пули «бундука» и порох «баруд» (по арабской технологии соотношение серы, селитры и древесного угля — 1:6:2, по индийской — 1:5:1). Зарядив оружие, стрелок подносил к запальному отверстию раскаленный металлический прут, порох вспыхивал и «мидфэ» производила выстрел. Металлический прут быстро остывал, поэтому время от времени его надо было нагревать в огне костра. Несмотря на низкую скорострельность, «мидфэ» получила некоторое распространение в мусульманских армиях Индии, Ирана, Средней Азии, Закавказья и т. д. Через испанских мусульман огнестрельное оружие стало известно европейцам (Шамгунов, 2004, с. 197). Впоследствии произошла дифференциация огнестрельного оружия на ручное (стрелковое) оружие и артиллерию. Однако на протяжении XIII—XIV вв. огнестрельное оружие так и не получило сколько-нибудь широкого распространения среди собственно воинов-кочевников, составлявших основу армий государственных образований Чингизидов в Восточной Европе и Западной Азии. Степная знать с пренебрежением относилась к новому виду вооружения, а рядовые номады не могли позволить себе приобрести дорогое оружие, преимущества которого в тот период для конного воина были далеко не очевидны. Исключение составляли города, обладавшие материальными и техническими ресурсами не только для приобретения огнестрельного оружия за границей, но и для начала его производства на месте (там же, с. 197-198).

Со второй половины XIV в. на страницах хроник начинают все чаще мелькать упоминания об использовании артиллерии гарнизонами мусульманских городов и крепостей Восточной Европы, Малой и Передней Азии. Например, в 1376 г. отряды суздальцев, штурмовавших Булгар, столкнулись не только со стрелами из луков и арбалетов, но и с выстрелами из огнестрельного оружия (там же, с. 198). Однако поступательное развитие огнестрельного оружия в мусульманских городах Поволжья было приостановлено нашествием Тимура.

В конце XIV в. крупнейшие ремесленные центры улуса Джучи были разгромлены, часть горожан перебита, часть переселена в другие регионы. В ходе похода на Москву в 1408 г. татарский полководец Едигей, не имея собственной артиллерии, пытался использовать «пушки и тюфяки» своих русских вассалов, однако последние так и не доставили орудия под московские стены, чем «в немалой степени способствовали снятию осады» (Шамгунов, 2004, с. 198). В течение XV в. (особенно во второй половине столетия) артиллерия активно развивалась в Османской империи, несколько медленнее процесс эволюции артиллерийского парка шел в других мусульманских государствах региона.

По мнению современных историков КНР, распространение пушек в китайских войсках началось уже в период господства в Поднебесной монгольской династии Юань (1271-1368). Не отвергая в принципе возможность использования монгольскими и китайскими воинами XIV в. ранних вариантов артиллерийских орудий, все же отметим, что многие стволы, выставленные в китайских музеях в качестве иллюстрации юаньского артиллерийского парка, в действительности были изготовлены гораздо позднее — в XV-XVII вв. История развития собственно юаньской артиллерии требует специального исследования. Опираясь на данные письменных источников конца периода правления династии Юань — начала правления династии Мин (1368-1644), можно сделать вывод, что на протяжении большей части XIV в. артиллерия продолжала оставаться для китайских полководцев экзотическим родом войск. Однако с конца столетия упоминания о пушках все чаще встречаются на страницах минских хроник. В ходе сражения армии мятежного принца Чжу Ди с правительственными войсками 9 января 1401 г. последние применили «дальнобойные самострелы и пушки» и остановили атаку северян. В бою при Сяхэ 5-6 апреля 1401 г. полководцы Юга вновь применили против войск Чжу Ди «пушки, арбалеты», а также «огненные повозки». Однако на этот раз повлиять на исход сражения артиллерия не смогла. Характерно в этой связи, что Чжу Ди по достоинству оценил новый вид оружия, и уже в сражении при Линби 28-29 мая 1402 г. пушки применялись обеими сторонами, участвовавшими в гражданской войне. Минская артиллерия стремительно эволюционировала и в первой половине XV в. уже играла важную роль в ходе полевых сражений и особенно при обороне городов и крепостей.

Западные монголы смогли в полной мере ощутить на себе мощь китайской гарнизонной артиллерии в ходе Ойрато-минской войны 1449-1450 гг.

Разгромив в полевом сражении войска Минской династии и захватив в плен китайского императора (1449 г.), ойраты осадили Пекин. Однако ожесточенные штурмы не дали результатов. Немаловажную роль в отражении атак кочевников сыграли артиллерийские орудия, которыми были снабжены башни и стены китайской столицы. По данным А. А. Бокщанина и О. Е. Непомнина, именно «интенсивный пушечный огонь» вкупе с атакой китайской кавалерии с тыла позволил отбить ожесточенный ночной штурм, предпринятый номадами 31 октября 1449 г. (Бокщанин, Непомнин, 2002, с. 77). На протяжении последующего столетия китайские полководцы неоднократно применяли пушки в борьбе с кочевниками Центральной Азии.

По мере совершенствования артиллерии она стала все чаще применяться не только при осадах и обороне городов, но и в ходе полевых сражений. Искусство «пушечного боя» стремительно распространялось среди земледельческих народов Евразии. На западной окраине Великой степи артиллерию различных калибров против кочевников не без успеха применяли воины Московского государства, Османской империи и Ирана. На Востоке этим преимуществом широко пользовались китайские полководцы. В войсках среднеазиатских Тимуридов пушки различных типов стали активно использоваться уже в начале XVI в. Ключевую роль в становлении пушечного производства в Средней Азии сыграли иранские, хорасанские и малоазиатские специалисты. Впечатляющие победы Бабура в Индии были во многом достигнуты благодаря умелому использованию потенциала нового для региона рода войск (Белоницкий, 1949, с. 26-33). В течение XVI в. артиллерийское производство в государствах Средней Азии стремительно развивалось (там же, с. 33).

На этом фоне попытки кочевых владетелей XVI в. поставить себе на службу новый тип вооружения не выглядят слишком убедительными. Упоминания фактов использования степными правителями пушек в этот период немногочисленны и противоречивы. В значительном числе случаев использование артиллерии не приносило ощутимого преимущества армии номадов. Характерна в этой связи история, рассказывающая о попытке хана Кучума использовать пушки против казаков Ермака. Согласно «Ремезовской летописи» перед сражением на Чувашском мысу среди построений сибирских татар были размещены два артиллерийских орудия. По Витзену, эти чугунные пушки имели в длину около двух аршин (1,4 м) и стреляли «сорокапудовыми ядрами». По мнению Г. Ф. Миллера, эти две пушки были доставлены в Сибирь из Казани, куда, в свою очередь, они попали в качестве трофеев, захваченных казанскими татарами у русских. Версию о среднеазиатском происхождении пушек Миллер отвергает на том основании, что «нельзя предположить также, что он (Кучум) получил их из Бухары, где в то время также не знали пушечного дела». Последнее утверждение противоречит данным письменных источников, указывающих на достаточно широкое распространение артиллерии в среднеазиатских государствах во второй половине XVI в., которое фиксировалось, в том числе, и российскими современниками. Уже в 1525-1529 гг. отливкой пушек в войсках тимурида З. Бабура занимался мастер Али-Кули. В последующие десятилетия в Бухаре и Самарканде над изготовлением артиллерийских орудий трудились литейщики-«рихтагары». Согласно сведениям письменных источников, в середине XVI в. в Бухаре работали несколько «рихтагаров», которые получали «пушечный металл» из сплава меди и олова. По словам ХафизаТаныша, в конце XVI в. мастерами «пушечного дела» было одновременно отлито семь артиллерийских орудий. По данным русского посланника Григория Васильчикова, среднеазиатские войска Абдулла-хана II при взятии Герата активно использовали пушки (Мукминова, 1976, с. 122). Учитывая эти факты, а также тесные контакты Кучума с бухарской феодальной знатью, версия о среднеазиатском происхождении «пушек Искера» кажется более предпочтительной. Однако вне зависимости от места изготовления орудий воспользоваться ими Кучум не смог. Согласно легендам сибиряков, зафиксированным «Ремезовской летописью», пушки якобы «заговорили казаки». Однако в реальности (если факт нахождения пушек в армии Кучума действительно имел место) дело было скорее всего в неисправности орудий или в отсутствии подготовленных канониров. Так или иначе, но «кучумовские» пушки не произвели ни одного выстрела и по приказанию хана были сброшены в Иртыш. По версии Витзена, одна из этих пушек была позднее поднята со дна реки казаками и переправлена в Тобольск. С ним не был согласен Г. Ф. Миллер: «Этому нет ни малейшего подтверждения ни в летописи,

ни в архивных делах, ни в преданиях местных жителей, ни в наличном составе имеющейся в настоящее время в Тобольске артиллерии» (Миллер, 2005, с. 225-226).

Кочевники Южной и Восточной Монголии на протяжении XVI в. неоднократно сталкивались с китайскими войсками, на вооружении которых находились артиллерийские орудия различных типов. Однако факты использования номадами Центральной Азии пушек в этот период нами не зафиксированы. Минское правительство наложило строжайший запрет на продажу кочевникам не только огнестрельного, но даже холодного оружия. В начале XVII в. южномонгольские феодалы присягнули на верность маньчжурской Цинской империи, а их отряды были включены в состав маньчжурской «восьмизнаменной армии». В цинских войсках первой половины XVII в. использовались различные типы артиллерийских орудий, однако обслуживающий персонал комплектовался в основном из маньчжуров и китайцев, в то время как монгольские воины несли службу в кавалерийских частях. Феодалы Северной Монголии (Халхи) на протяжении XVII в. неоднократно пытались приобрести огнестрельное оружие у своих оседлых соседей. Однако жесткое эмбарго, введенное Российским царством и Цинской империей на продажу оружия кочевникам, препятствовало приобретению не только пушек, но даже ружей и боеприпасов к ним. Централизованные поставки ручного огнестрельного оружия и, возможно, мелкокалиберной артиллерии цинского производства в войска Халхи начались только в 80-х гг. XVII в. В этот период Цинская империя сумела вовлечь ряд халхаских феодалов в военные действия против русских в районе Забайкалья. По сообщениям русских служилых людей, в 1687 г. в монгольские войска поступили ружья и пушки цинского производства: «А с теми де мунгальскими людьми были в обозе пушки и мелкое огненное ружье многое, а прислано им от китайцев для опасности в прошлом (1687) году» (МРМО, 2000, с. 141).

В конце XVII — XIX в. монгольская конница неоднократно (и нередко достаточно эффективно) взаимодействовала с артиллерийскими подразделениями. Но нам неизвестно ни одного случая, когда последние были укомплектованы исключительно монгольскими канонирами и действовали под командованием монгольских офицеров. В многонациональной армии Цинской империи артиллерийскую «прислугу» набирали в XVII в. почти исключительно из числа подготовленных маньчжурских и китайских солдат.

5.2. Артиллерия в войсках ойратских правителей Джунгарии и Кукунора XVII —начала XVIII в.

Ажуигарская артиллерия в 40-х гг. XVII — первой четверти XVIII в.

Согласно распространенному в исторической литературе мнению западные монголы (ойраты, джунгары) стали применять пушки только во второй половине 20 — начале 30-х гг. XVIII в. Однако письменные источники XVII в. фиксируют факты использования ойратами малокалиберных пушек еще за 76 лет до пленения И. Г. Рената.

Наиболее раннее из известных на настоящий день упоминаний об использовании джунгарами малокалиберной артиллерии содержится в русском архивном документе 1640 г. — описании ставки Эрдэни Батур-Хунтайджи, направленном тобольским воеводой П. И. Пронским в Сибирский приказ. Согласно этому документу джунгары применяли пушки для защиты своих крепостей, построенных китайскими и монгольскими мастерами: «И кон, де, государь, тайша и ево контайшины колматцкие люди повыше Ямыша-озера в урочище Кубак-Саре городок каменной поставили. А в стенах де, государь, в том городке деланы жилые избы. А во все де 4 стены тот городок по 50 сажен, а в вышину 2 сажени. А делали ево китайские и мунгальские люди. Да и наряд де, государь, в том городке железные пушечки есть...» (МРМО, 1969, с. 548)[2]. В другом месте уточняются боевые характеристики этих орудий: «...в том городке 4 пушечки железных, длиною по 4 пяди, ядром чают по фунту (т. е. примерно по 450 г. — *Авт.)...*» (Эрдниев, 1993, с. 41). Российские посланцы и служилые люди крайне нервно реагировали на факты захвата и использования кочевниками огнестрельного оружия и боеприпасов русского производства.

[2] Урочище Кубаксары (Хобугсаири) располагается на территории современной КНР в верховьях Иртыша и считается ойратами исторической прародиной.

Сибирские власти были готовы вести многолетние тяжбы и раз за разом направлять своих представителей в ставки степных феодалов с целью вернуть утраченное оружие. Отписки русских служилых людей в региональные центры и в Москву фиксируют захваты номадами не только пищалей, но и пороха, пуль, ядер и даже отдельных стрелецких и казацких «лядунок». Учитывая тот факт, что российские посланцы «не признали» размещенные на стенах «железные пушечки» за русские, последние не являлись трофеями, взятыми джунгарами в южносибирских острогах. Говорить о собственном производстве малокалиберной артиллерии в Джунгарии в этот период также не приходится. Таким образом, наиболее вероятной версией представляется импортное происхождение малокалиберных орудий Кубак-Саре.

Потенциальными экспортерами этого вида вооружения могли выступить военачальники китайских гарнизонов Северо-Западного Китая или среднеазиатские государства. Последний вариант кажется более предпочтительным, так как в конце 30 — начале 40-х гг. XVII в. джунгарские феодалы не имели постоянных торговых и военных контактов с Поднебесной, в то время как в Среднюю Азию они совершали регулярные набеги. Однако и исключать полностью «китайский след» все же не стоит. В конце 30-х гг. XVII в. Китай переживал период острой политической нестабильности. В стране бушевала гражданская война, в 1635 и 1638 гг. китайские земли подвергались опустошительным набегам маньчжуров. В этих условиях выгодную сделку могли провернуть пограничные китайские чиновники, практиковавшие контрабандную торговлю в период ослабления «властной вертикали». Косвенным подтверждением данной возможности являются утверждения русских служилых людей о том, чтоджунгарский «городок каменной» строили «китайские и мунгальские люди». В рассматриваемый период и в Средней Азии, и в Китае изготавливались малокалиберные орудия, имевшие в длину около 1 м и вес ядер около 400-500 г. Таким образом, достоверно установить авторов пушек Кубак-Саре в настоящее время не представляется возможным. Однако для нас принципиально важным является другой момент. Русские письменные источники недвусмысленно указывают на факт использования джунгарами легких артиллерийских орудий уже во второй половине 30-х гг. XVII в. Знаменитый джунгарский реформатор Батур-Хунтайджи (которого некоторые исследователи именуют «западномонгольским Петром I») не только строил каменные «городки», поощрял земледелие и предпринимал попытки привлечь в Джунгарию русских «ружейных мастеров», но и сумел обеспечить свою ставку некоторым количеством малокалиберных пушек.

Наследники Батур-Хунтайджи продолжали использовать малокалиберную артиллерию в ходе боевых действий, в частности в ходе осады укрепленных поселений противника и полевых сражениях. Так, вельможи джунгарского правителя Сенге (1630-1670) Манжи-табун и Кожечи-тайши приходили под Красноярск «с калмыцкими воинскими людьми с огненным боем, с *пушечками* (курсив наш. *— Авт.),* и с мушкеты» (МРМО, 1996, с. 254).

Сам Сенге в 1661 г. открыл сражение в местности Далан Тургэн[3] «стрельбой из пушек» по войскам Аблай-тайши (?—1672 г.), что вкупе с внезапной кавалерийской атакой с тыла повергло в панику воинов последнего. Об этой битве свидетельствует джунгарский лама Раднабхадра в своем сочинении «Саран гэрэл» («Лунный свет»), посвященном жизни Зая-пандита Намкайджамцо (1599—1662): «Той ночью обе стороны, укрепившись, заночевали, а в предрассветных сумерках Сенге (атаковал) сзади и, стреляя из пушек, произвел смятение (в армии Аблай-тайши)». В другом варианте перевода сказано: «Утром Сэнгэ, установив пушки, произвел смятение...»[4]. Однако это сообщение не кажется нам заслуживающим безоговорочного доверия как свидетельство применения именно крупнокалиберных артиллерийских орудий. Употребленное в оригинальном ойратском тексте «Лунного света» словосочетание arasani buii tabilan[5] мы переводим как «стреляя (tabilan) [из] ружей (buii), имеющих (asani) нарезы (ar)». Скорее всего здесь имеется в виду крупнокалиберное ружье, имеющее нарезной ствол[6].

[3] На берегу р. Эмель на территории современного Синцзяно-Уйгурского автономного округа КНР.

[4] В переводе Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина, сделанном с ойратского языка, сказано: «Утром Сэнгэ, установив пушки, произвел смятение...» (Раднабхадра, 1999, с. 77).

[5] В транслитерации ойратского текста стоит термин arasani buii. См.: там же, транслитерация текста, л. 18Ь, с. 30.

[6] Наличие прямых нарезов в канале ствола не является чем-либо особенным для огнестрельного оружия XVI-XVII вв. Повышая кучность боя, такие нарезы не давали большого выигрыша с точки зрения дальнобойности и пробивной силы снаряда.

Таким образом, как русские, так и монгольские письменные источники отмечают факты применения джунгарами 40-60-х гг. XVII в. крупнокалиберных ружей и малокалиберных пушек, что в значительной степени корректирует наше представление о времени появления артиллерии в джунгарских войсках. Тем не менее в середине — второй половине XVII в. применение малокалиберных пушек и крупнокалиберных ружей джунгарами носило эпизодический характер. Судя по контексту, они использовались не только (а возможно, и не столько) как оружие дистанционного боя, но и как «оружие устрашения», оказывающее мощное психологическое воздействие на неподготовленного противника.

Причина слабого распространения артиллерии в Джунгарии во второй половине XVII в. крылась в отсутствии в ханстве хорошо подготовленных мастеров и пушкарей, а также необходимой производственной базы. Кроме этого, для дистанционного поражения неприятеля на данном этапе вполне хватало ружейного огня и стрельбы конных и пеших лучников. Сказывалось и относительно слабое распространение артиллерии у ближних соседей джунгар. Кочевники Средней Азии, хотогойты государства Алтын-ханов, подданные халхаских правителей Восточной Монголии в 30-70-х гг. XVII в. практически не использовали пушки в ходе полевых сражений. Артиллерийский парк мусульманских городов Восточного Туркестана был относительно малочислен, да и применяли его местные правители без особого успеха. Единственным исключением в этом ряду являются русские служилые люди, с которыми джунгары сталкивались в Южной Сибири. Однако русские «дети боярские», стрельцы и казаки использовали пушки преимущественно в качестве гарнизонной артиллерии, а в ходе военных экспедиций обычно брали с собой лишь несколько легких орудий. Факты захвата джунгарами и их южносибирскими вассалами пушек и боеприпасов российского производства крайне не многочисленны. В большинстве случаев в результате военной операции или после более или менее длительных переговоров трофеи возвращались российской стороне. Так, в 1666 г. находившийся в вассальной зависимости от джунгар кыргызский князь Ереняк Ишеев взял штурмом Удинский острог, захватив при этом крепостную артиллерию. Однако в результате похода атамана Елисея Тюменца пушки у кыргызов были отбиты. В 1673 г. воины того же Ереняка Ишеева сожгли Ачинский острог, причем отступавшему в Мелесский острог гарнизону пришлось закопать орудия, чтобы не отдать их кыргызам. В 1679 г. удачный набег на Ачинский острог был повторен, после чего одним из предметов переговоров в 1680 г. между русскими властями и кыргызами являлась выдача двух захваченных русских пушек. В результате пушки были возвращены. Таким образом, говорить о сколько-нибудь крупном артиллерийском парке, сформированном джунгарами из трофейных русских пушек в 60-70-х гг. XVII в., не приходится. При этом джунгарские полководцы были хорошо осведомлены о преимуществах применения гарнизонной артиллерии, но, видимо, слабо представляли себе потенциал массового использования крупнокалиберных орудий в ходе полевых сражений.

В полной мере оценить мощь артиллерийского огня в ходе полевого сражения ойраты смогли только в ходе I Джунгаро-цинской войны (1690-1697). В сражении при Улан-Бутуне (1690) цинская артиллерия не без успеха громила выстроенный джунгарами «верблюжий вагенбург». Иркутский воевода Л. К. Кислянский сообщал в отписке: «И после того у китайских людей с Бушухту-ханом всчался бой великой с обеда раннего да до самой ночи, а Бушухту-хан де бился с ними, с китайскими людьми, из-за скота для того, что у китайских людей из войска по Бушухту-хановым людем со всех сторон ис пушек стрельбы было много, и на правой де стороне у него, Бушухту-хана, войска, также и скота, китайские люди ис пушек подронили. А китайских людей побито многое число... А поутру де он, Бушухту-хан, с войски своими от китайских людей с того бою пошел прочь, а иного де бою с ними никакова не учинил. И они де, китайские люди, за ним Бушухту-ханом, с войски ходили в погоню ходу в 3-х днях, и никакова у них напуску не было. А он де, Бушухту-хан, против тех погонщиков также бою не дал для того, что де у него, Бушухту-хана, з бою скота осталось малое число. И как де он, Бушухту-хан, пошел прочь в свою Калмыцкую землю, и у него де в войске за скудостию скота учинился великий голод, и которые де скотные люди безскотных розметали по степе для того, что учинились у них меж собою много грабежу, и розбрелись де они порознь» (МРМО, 2000, с. 349).

Интересно, что захваченные в этом сражении цинские пушки Галдан Бошокту-хан велел не отпра-

вить в обоз, а «изломать». По словам джунгарских послов на приеме у иркутского воеводы Л. К. Кислянского (1691 г.), в сражении при Улан-Бутуне джунгарами были захвачены 17 цинских орудий. Однако использовать их в последующих боевых операциях Галдан не стал: «...и ушли те богдойцы ночью бегом, а где стояли богдойцы обозом, покинули свои семнатцать пушек да пороху, а сколко того пороху, того де он (джунгарский посол. — *Авт.)* сказал, не упомнит, и те де пушки Бушухту-хан их велел изломать» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 202). По данным русского посла казачьего десятника Г. П. Киберева, сообщенным им в «сказке», поданной Л. К. Кислянскому, захваченных джунгарами цинских пушек было не 17, а 3: «а бою де с ним, Бушухту-ханом, было с половина дни да темные вечерние зари. И после того бою ночью китайские убрались в обоз. И тое ж де ночи та богдойская сила и Очирой-хан и Кутухта[7] от него, Бушухту-хана, расклав огни, бежали и снаряд-пушки с собой увезли, только покинули 3 пушки большие, да обметные рогатки, да пороху тулунов[8] з двадтцать. И Бушухту-хан де те пушки велел изломать и покинуть на том же месте, а порох велел взять к себе, а за ними (цинскими войсками. — *Авт.)* в тыл гоняться не велел, потому что де ему да него, богдахана, дела нет, а когда де будет время, будет де дело и с ним, богдаханом, а с пушками де ему, богдохану, за ним, Бушухту-ханом, не нагонятца» (МРМО, 2000, с. 130).

Отказ от использования трофейных пушек был, вероятно, обусловлен не только сложностями их транспортировки в условиях степной маневренной войны, но и отсутствием подготовленных канониров, имевших навыки обращения с китайскими «хунъи пао»[9] и «да цзяньцзюнь пао»[10]. Еще более правдоподобной выглядит версия, что джунгарам просто не удалось удержать захваченные ими пушки. Инициатива в сражении при Улан-Бутуне принадлежала имперской армии, которая непрестанно атаковала обороняющиеся джунгарские войска, основная масса которых была сконцентрирована в грандиозном «верблюжьем вагенбурге», составленном из тысяч стреноженных верблюдов, поверх которых джунгары положили деревянные щиты с амбразурами. Захватить цинские пушки джунгары могли лишь в ходе контратак, которые (судя по сведениям письменных источников) были относительно не продолжительны и отбивались цинами. Возможно, в какой-то период боя или (если верить джунгарским послам) в ходе ночного рейда джунгарами были действительно захвачены имперские пушки, но, не имея возможности отстоять их или увезти в тыл, джунгары просто заклепали их. Именно так в схожих ситуациях поступали европейские солдаты XVII-XIX вв.

Отказ от использования тяжелых крупнокалиберных цинских орудий не означает, что в войсках Галдана Бошокту-хана совершенно отсутствовали малокалиберные пушки и крупнокалиберные ружья, напоминавшие те, что применялись в войсках его предшественников — Батур-Хунтайджи и Сенге. Некоторые советские и российские исследователи прямо указывают на факты применения джунгарами пушек в ходе военных кампаний конца 70 — начала 90-х гг. XVII в. Так, в книге Е. И. Кычанова «Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане» без указания источников упоминается о нескольких орудиях в войсках Галдана Бошокту-хана в 1679 г., во время похода в Восточный Туркестан, и двух пушках в ходе сражения при Улан-Бутуне в 1690 г. (Кычанов, 1999, с. 74, 132, 150). Безусловно, данное произведение является научно-популярным трудом, но авторитет Е. И. Кычанова не позволяет нам усомниться в том, что эти сведения были почерпнуты им из неких'исторических источников. Происхождение этих орудий, их тип и конструктивные особенности остаются неизвестными. Однако мы можем предположить, что это могли быть как крупнокалиберные ружья, типа примененных Сенге в бою против Аблай-тайши, так и трофейные малокалиберные пушки среднеазиатского или восточнотуркестанского производства. Последнее не кажется чем-то невероятным. В 1681-1684 гг., накануне похода в Халху (1688 г.), армии Галдана Бошокту-хана овладели богатыми городами Южного Казахстана (в том числе Сайрамом), а в конце 70 — начале 80-х гг. XVII в. в результате серии успешных военных экспедиций

[7] Ундур-гэгэн Дзанабадзар, братТушэту-хана, глава ламаистской церкви Монголии, талантливый скульптор и литейщик.

[8] От монг. «тулам» — кожаный мешок из шкуры, снятой целиком.

[9] 20-40-фунтовые дульнозарядные орудия европейского образца, отливавшиеся в Китае с конца династии Мин (с 1622 г.).

[10] Наиболее мощные дульнозарядные орудия китайского образца — калибр до 160 мм.

под власть джунгарского хунтайджи попали ремесленные центры мусульманского Восточного Туркестана. Однако, даже если в армии Галдана Бошокту-хана и были пушки иностранного производства, их число было крайне не велико и они не сыграли большой роли в ходе основных сражений I Джунгаро-цинской войны 1690-1697 гг. Косвенным подтверждением этого является тот факт, что цинские военачальники и чиновники, детально излагавшие ход военных действий в специальных докладных записках, не уделили джунгарский пушкам сколько-нибудь значительного внимания.

После разгрома и смерти Галдана Бошокту-хана (1697 г.) вся полнота власти в Джунгарии оказалась сосредоточена в руках его племянника Цеван-Рабдана. Взошедший на престол хунтайджи в результате конфликта со своим дядей, Цеван-Рабдан первое время старался поддерживать мирные отношения со своими соседями и, особенно, с Цинской империей. Вероятно, уже в конце XVII в. для джунгарских военачальников стало очевидно, что в ходе современной войны наличие в войсках артиллерийского парка является важным фактором военной победы. Боевые возможности артиллерии были наглядно продемонстрированы западным монголам в ходе военных конфликтов с русскими в Южной Сибири и, особенно, в ходе I Джунгаро-цинской войны 1690-1697 гг. Но отсутствие квалифицированных специалистов и соответствующей материально-технической базы не позволяло джунгарам организовать собственное пушечное производство. Однако это не означает, что в первой четверти XVIII в. в джунгарских войсках совершенно не было артиллерии. Вероятно, в этот период артиллерийский парк Джунгарии был представлен трофейными орудиями русского и среднеазиатского производства.

В XVIII в. джунгарам трижды удавалось уничтожить русские крепости: летом 1710 г. под ударом войск джунгарского дзайсана Дугара пал Бикатунский острог, гарнизон которого насчитывал 200 человек при 7 малокалиберных орудиях, 60 уцелевших защитников (вся артиллерия попала в руки победителей); 28 апреля 1716 г. 700 уцелевших защитников Ямышевской крепости, срыв все построенные укрепления и погрузив уцелевшее имущество и артиллерию на дощаники, были вынуждены покинуть берега Ямышева озера по договору с джунгарский нойоном Церен Дондобой; в мае 1744 г. внезапным набегом джунгарской конницы была разрушена Чагырская крепость. Бригадир Андрей Беэр сообщал, что джунгары «построенную крепость пожгли и шахту засыпали». О захвате джунгарами орудий в Чагырской крепости ничего неизвестно. В любом случае крепостная артиллерия в этой крепости не могла быть очень значительной и существенно превосходить огневую мощь стратегически важного Бикатунского острога". Следовательно, в виде военных трофеев за всю первую половину XVIII в. джунгары могли захватить не более двух десятков русских пушек малого калибра далеко не самых новых систем. На основании этого можно сделать вывод, что вклад трофеев, захваченных западными монголами в ходе столкновений на русско-джунгарской границе, в создание джунгарского артиллерийского парка нельзя признать решающим.

Артиллерия ойратов-хошоутов Кукунора

Уже в первой трети XVII в. монгольские феодалы стали все активнее вмешиваться в столкновения различных религиозных школ Тибета. В первой половине 30-х гг. XVII в. войска халхаского Цогту-тайджи оккупировали Кукунор и стали угрожать интересам «желтошапочной» буддийской школы Гелугпа в Центральном Тибете. Лидер «желтошапочников» Далай-лама V призвал на помощь своих союзников — ойратов. Главной ударной силой вторжения была армия ойратов-хошоутов под командованием Торо-байху (Гуши-хана). В походе также принимали участие джунгарские отряды Батур-Хунтайджи, ойраты-торгоуты, ополчения ряда восточномонгольских племен. В ходе военных кампаний 1637-1642 гг. Гуши-хан последовательно разгромил халхасцев Цогту-тайджи, правителей Западного Тибета, «красношапочников» провинции Цанг и объявил Далай-ламу V верховным правителем объединенного Тибета. Однако фактически военный и политический контроль над регионом находился в руках Гуши-хана и его потомков на протяжении почти 70 лет.

Сведения об использовании артиллерии ойратами-хошоутами в Тибете отличаются известной противоречивостью. Поданным, собранным, Е. И. Кы-

" Даже в 1720-х гг. артиллерия воссозданного на новом месте Бикатунского острога состояла всего из 6 полевых орудий.

чановым и Б. Н. Мельниченко, в начале XVIII в. ойратские воины внука Гуши-хана Лхасанг-хана применяли «пушки» при осадах горных крепостей и монастырей. В частности, в 1706 г. они «подступили» к монастырю Дрепунг «с пушками и угрожали разрушить монастырь до основания» (Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 137). О каком типе артиллерийских орудий идет речь, сказать сложно. «Пушками» в равной степени могли оказаться и крупнокалиберные фитильные ружья, и достаточно большие орудия, приспособленные для транспортировки в горной местности китайского, индийского, а возможно и европейского, производства. Последнее кажется наименее вероятным, хотя следует отметить, что артиллерия западноевропейского типа появилась в регионе еще в середине 30-х гг. XVII в. Согласно биографии первого правителя объединенного Бутана Шабдранга Ксоанга Намгьела в 1635-1636 гг. португальские эмиссары преподнесли в дар бутанскому правителю «мушкеты с фитильным затвором, порох и пушку». Эти европейские дары, по мнению авторов биографии, «способствовали дальнейшим военным победам» Шабдранга Ксоанга Намгьела (LaRocca, 2006, s. 200). Огнестрельное оружие могло попасть в руки хошоутов через их тибетских союзников. Известно, что в ходе военных кампаний Гуши-хана в Центральном Тибете «желтошапочники» регулярно поставляли в его войска различные предметы вооружения, в том числе осадные орудия. Так, при осаде «красношапочной» цитадели Шигацзе тибетские мастера изготовили «огромные катапульты» (Бобров, Худяков, 2006, с. 199). Не стоит также исключать возможность военных поставок с территории Цинской империи, которая уже во второй половине XVII в. становится союзником, а затем и сюзереном хошоутов Кукунора.

Изображения тибетских пушек XVIII в. встречаются на буддийских танка рассматриваемого периода. На танка «Канцан Ямы», датированной XVIII в., приводится изображение пушки, которая представляет собой достаточно короткий стянутый металлическими кольцами или фризами расширяющийся к дулу ствол (рис. 75, *3)*.

В целом артиллерия в войсках ойратов-хошоутов была крайне малочисленна и не оказывала существенного влияния на тактику монголо-тибетских армий второй половины XVII — первой четверти XVIII в.

5.3. Артиллерия в войсках волжских калмыков в коние XVII — первой половине XVIII в.

Переселившиеся на берега Волги в начале XVII в. ойратское племя торгоутов и ряд хошоутских родов уже в первой половине XVII в. признали себя подданными Российского государства. Одним из условий вхождения западной группы ойратов в состав России было оказание военной помощи со стороны последней в действиях против тюркских кочевников Дешт-и-Кипчака, наседавших на калмыцкие кочевья с востока. Со своей стороны, калмыки взяли на себя обязательство защищать юго-восточную границу России и на протяжении почти двухсот лет играли важную роль в укреплении позиций Российского государства в регионе. Логично было бы предположить, что в этих условиях калмыки могли рассчитывать на поставки огнестрельного оружия российского производства, в том числе пушек и боеприпасов к ним. Однако на практике сотрудничество двух народов в данной сфере носило эпизодический характер. Пытаясь регулировать процесс перевооружения калмыцкой армии, царское правительство стремилось взять продажу оружия, боеприпасов и сырья для его изготовления под жесткий контроль. Местные администрации предпринимали усилия по сворачиванию частной торговли «запретными товарами» и сырьем для их производства (в первую очередь металлом), приравнивая частные сделки к контрабандной деятельности. Централизованные поставки сырья (в первую очередь металла) в Калмыкию усиливали зависимость калмыцких правителей от имперских властей. Это отчетливо понимали обе стороны, поэтому калмыцкие феодалы искали возможности для налаживания контрабандных поставок боеприпасов и оружия с территории России и создания собственного оружейного производства, а российские губернаторы пытались не допустить это и сохранить существующий статус-кво. Не удивительно, что в этих условиях периоды военного сотрудничества сменялись временем негласного (а иногда и открытого) эмбарго на поставку в Калмыкию артиллерийских орудий и боеприпасов к ним.

Письменные источники XVII—XVIII вв. фиксируют договоры между представителями России и калмыцкими феодалами, в которых рассматривал-

ся вопрос поставок в калмыцкие войска артиллерийских орудий и боеприпасов российского производства. Согласно «Краткой истории калмыцких ханов», написанной анонимным ойратским автором во второй половине XVIII в., в 1697 г. хан Аюка подписал договор с российским представителем князем Б. М. Голицыным, одна из статей которого предусматривала передачу ойратам русских пушек, а также пороха и свинца (ежегодно по 20 и 10 пудов соответственно) для отражения набегов на российские границы казахов, каракалпаков и «бухарцев». Эти сведения подтверждаются данными русских письменных источников. В изложении Н. Я. Бичурина решение о возможности передачи калмыкам артиллерии и боеприпасов Петр I принял перед своим отъездом в Голландию. Хану Аюке была поручена охрана юго-восточных границ России. Российские власти брали на себя обязательство «в случае похода против бухарцев, каракалпаков, киргиз-казаков снабжать хана Аюки артиллериею с достаточным количеством ядер и бомб... Ежегодно давать хану Аюки по 20 пудов пороха и по 10 пудов свинца». В последующие годы вопрос передачи калмыкам артиллерийских орудий регулярно поднимался на встречах российских чиновников и калмыцких феодалов. Некоторые источники указывают на факты использования калмыками русских пушек, которые приобретались степными феодалами у чиновников и военных южнорусских губерний. Так, в 1726 г. тайша Дондук-Омбо приобрел у саратовского сотника Якова Нечаева «две пушки», а также «пороху и свинца на сумму 50 рублей». Еще две русские пушки выкупил у комиссара Ахтубинских селитренных заводов Михаила Молоствова калмыцкий феодал Галдан-Данжи (Шовунов, 1992, с. 20). Однако широкого распространения такая практика не получила. Представители местной российской администрации часто не доверяли калмыкам и опасались, что переданные степнякам орудия могут быть использованы против российских гарнизонов. Кроме того, имевшийся в крепостях юга России артиллерийский парк был невелик. Значительную его часть составляли пушки устаревших типов, не приспособленные к маневренной войне в приволжских степях. Поэтому российские офицеры и чиновники под различными благовидными предлогами отказывали калмыцким правителям в запрашиваемых орудиях и предлагали им прикочевывать к стенам русских крепостей, под защиту гарнизонной артиллерии, которую обслуживали российские канониры. Нередко именно такой подход спасал калмыцкие роды от уничтожения и рабства. Например, в январе 1724 г. отряд каракалпаков, совершивший ночное нападение на калмыцкие кибитки у стен Гурьева, был отбит «из города из пушек, из мелкого ружья стрельбою» (Материалы по истории каракалпаков..., 1935, с. 178). В апреле того же года каракалпаки повторили нападение, и вновь калмыков спасли русские пушки: «А как оные каракалпаки ворвались в калмыцкие кибитки, и в то де время из города многою пушечною стрельбою тех каракалпаков отбили» (там же).

Однако победить в маневренной степной войне (впрочем, как и вести кочевое хозяйство) исключительно в непосредственной близости от русских городов калмыки, конечно же, не могли. Необходимость наличия в войсках крупнокалиберной артиллерии заставляла степных правителей раз за разом обращаться к российским властям, которые реагировали на эти требования крайне неохотно. В начале марта 1726 г. калмыцкий правитель Церен-Дондук, опасаясь нападения со стороны каракалпаков обратился к майору В. П. Беклемишеву с просьбой выслать к нему пушки и боеприпасы к ним: «...и ежели тебе возможно дать казенные две или три пушки, то дай, а ежели оное трудно, то ты, сыскав сам, с порохом и свинцом дай». В конце апреля того же года Шакур-Лама жаловался Беклемишеву на астраханского губернатора, который отказался прислать требуемые орудия: «...а ныне де он, Лама, посылал к Астраханскому губернатору Фон-Менгдину, чтоб дал им пушек и ружья и в том де им губернатор отказал, отговариваясь, что он (их) не имеет и будто у него, чтоб калмыкам пушек давать, указу нет...» Отказы местных властей передавать «калмыцким владельцам» «пушки» и «ружье» вынуждали кочевых правителей обращаться «за правдой» в Санкт-Петербург. Церен-Дондук писал в столицу: «Получили ведомости, что каракалпаки пятнадцать тысяч человек идут на нас войной. И по тому известию мы о том троекратно к губернатору Волынскому предлагали, но он причитая то за лож и войск и пушек нам не дал, токмо немного дал пороху и свинцу...» (там же, с. 187, 189, 192). Конфликтная ситуация дошла до князя Голицына, который рекомендовал Верховному тайному совету выделить две пушки, но не кал-

мыкам, а в непосредственное подчинение майору В. П. Беклемишеву, который мог использовать их по своему усмотрению, как для защиты калмыцких кочевий от казахов и каракалпаков, так и для устрашения самих калмыков: «...ис Царицина, Самары, Камышенки и Черного Яру и ис протчих тамошних ближних городков... по их калмыцкому желанию дать две полковые пушки из тамошних гарнизонов с амуницыею, которые б в случае нужды, всегда по приказом маеора Беклемишева... могли быть для охранения (калмыцких кочевий) в готовности и к тому ж им калмыцким владельцам по их лехкомыслиям и своеволствам в страх...» (Материалы по истории каракалпаков..., 1935, с. 191).

Настойчивость, с которой калмыцкие правители стремились приобрести русские пушки, объяснялась тем, что главные противники калмыков — казахи и каракалпаки не имели собственной артиллерии и в столкновениях с ними наличие пушек нередко обеспечивало победу калмыкам. Не удивительно, что не находя понимания у российских властей, калмыцкие князья стали изыскивать возможности для создания собственного артиллерийского производства.

В первой половине 20-х гг. XVIII в. в калмыцких улусах начали изготавливать первые орудия. Сведения об организаторах пушечного производства в Калмыкии крайне не многочисленны. Скорее всего ими были российские или среднеазиатские специалисты — военнопленные или работавшие по найму. Согласно российским сведениям в начале 20-х гг. XVIII в. в отрядах Доржи Назарова были малокалиберные орудия, не имевшие традиционного европейского колесного лафета и транспортировавшиеся на верблюдах: «...а собственные пушки у Доржи Назарова были самые малые, которые они (калмыки. — *Авт.)* возят без станков на верблюдах» (Бакунин, 1939, с. 212). Эти малокалиберные орудия Доржи Назаров активно использовал в боях с казахами и каракалпаками уже в первой половине 20-х гг. XVIII в. Победа над среднеазиатскими кочевниками в сражении в урочище Узени в 1724 г. была во многом достигнута именно благодаря калмыцкой артиллерии. Ко второй половине 20-х гг. XVIII в. относятся сведения о русских мастерах, втайне от официальных властей помогавших калмыкам изготавливать орудия. Согласно донесению В. П. Беклемишева (1727 г.) калмыки «по научению некоторого (Симбирского уезда села Воскресенского, которое выше Саратова у р. Волги) котельника, зачинают пушки лить». Такие «инициативы снизу» вызывали серьезное беспокойство у местных властей (Батмаев, 1993, с. 124). К 20-30-м гг. XVIII в. относятся сведения о появлении в калмыцких улусах «мастеров пушечного дела» из числа местных оружейников. Например, в улусе одной из жен Аюки-хана Дармы-Балы работал мастер Санджи Дархан.

Параллельно с организацией пушечного производства отдельные калмыцкие феодалы налаживали производство боеприпасов, в первую очередь пороха. Кроме того, порох и свинец нелегально приобретались на территории России. Особую активность в середине 20-х гг. XVIII в. проявлял тайша Дондук-Омбо, который в массовом порядке закупал у российских офицеров порох и свинец. В улусе этого ойратского феодала было также налажено собственное(«подпольное»)производство пороха. Готовый порох он секретно перевозил на десяти специальных верблюдах. Согласно подсчетам К. П. Шовунова эти верблюды единовременно перевозили до 2-2,5 т пороха. В 40-х гг. XVIII в. изготовлением пороха в калмыцких улусах занимались мастера Омолонго и Харта Мерген. Для них калмыки организовывали специальные закупки серы у русских промышленников (Шовунов, 1992, с. 21).

Российская администрация стремилась не допустить развития пушечного производства в Калмыкии, справедливо опасаясь нарушения сложившегося баланса сил в регионе и самоуправства трудно предсказуемых «калмыцких владетелей». Успешность действий российского правительства основывалась на нехватке у калмыцких феодалов необходимого количества ресурсов (в первую очередь металла) для изготовления орудийных стволов, а также на дефиците кадров (квалифицированных мастеров по отливке стволов и обученных артиллеристов). За металлом и боеприпасами калмыки были вынуждены обращаться все в те же города Южной России. Однако официальные поставки были ограничены, а возможности контрабандной торговли относительно не велики. Особенно остро стоял вопрос о профессиональных мастерах «пушечного дела». К работе привлекались мастеровые смежных профессий, не знавшие всех тонкостей артиллерийского производства. В результате количество калмыцких пушек было не велико, а по качеству исполнения они уступали российским. Так,

изготовленные калмыцкими и иностранными мастерами пушки, находившиеся на вооружении Дондук-Омбо, не всегда обладали похвальной надежностью. Российские письменные источники свидетельствуют о фактах разрывов калмыцких пушек при произведении выстрела: «А потом Дондук-Омбо, паки построясь с своим войском, и с бугра из одной пушки его учинен по российской команде выстрел, но ту их пушку разорвало, и от того розрыву несколько колмыкпобито и ранено» (Бакунин, 1939, с. 252). Изучение деятельности упомянутого выше Санджи Дархана также показало относительно низкое качество отливаемых орудий и крайне длительный процесс их изготовления: «...льет медные малые пушки, токмо де чисто не выливает, и чрез два де года только вылил три пушки» (Шовунов, 1992, с. 21).

Таким образом, артиллерия собственного производства появилась и стала использоваться в войсках волжских калмыков несколько раньше, чем у их собратьев с берегов Или. Однако зависимость калмыков от поставок металла и, отчасти, боеприпасов из городов юга России, правительство которой не приветствовало создание собственного пушечного производства в Калмыкии, существенно ограничивала возможности по расширению артиллерийского парка, в то время как отсутствие квалифицированных специалистов влияло на качество отливаемых орудий. В результате в Калмыкии получили распространение мелкокалиберные пушки без традиционных европейских лафетов, перевозившиеся на верблюдах. Их общее количество было не велико, а по своему качеству они уступали российским аналогам. Тем не менее в противостоянии с казахами и каракалпаками, не имевшими артиллерии, калмыцкие пушки играли важную роль и нередко способствовали победе калмыцких воинов.

Примерами эффективного использования малокалиберной калмыцкой артиллерии в боях со среднеазиатскими кочевниками изобилуют сражения воинов ханства с казахами и каракалпаками в 20-х гг. XVIII в. В военных столкновениях этого периода калмыки обычно использовали не российские пушки, а малокалиберные орудия собственного производства. Перед началом военных действий калмыки обращались к местным губернским властям с просьбой прислать им пушки российского производства. Однако в большинстве случаев получали прямой или завуалированный отказ. Его причина часто имела объективный характер. Дело в том, что в ближайших российских гарнизонах иногда просто не оказывалось полковых орудий, которые можно было быстро перебросить на театр боевых действий. Например, в 1724 г. Доржи Назаров отправил просьбу губернатору Волынскому прислать «пушек и войск» для отражения набега казахов и каракалпаков. В это время в Саратове «пушек полковых и одной не было». Опасаясь, с одной стороны, показать свою слабость, а с другой — вызвать гнев ойратов, губернатор приказал драгунам переправиться через Волгу, чем продемонстрировать калмыкам готовность российской стороны оказать ожидаемую военную подмогу. В это же время калмыки Лубжа и Доржи дали казахскому отряду бой «в урочище Узенях» (Узени) и наголову разгромили его. Причем решающую роль в победе, судя по данным письменным источников, сыграли калмыцкие пушки: «А между тем 24-го августа присланной от Доржи Назарова калмык Бибичь (губернатору) Волынскому словесно объявил, что киргис-касак на Лубжин улус нападало 757 человек, которых Лубжа с войски своими, догнав, атаковал в урочище Узенях, куда и Доржи с войсками же своими приспел, и, соединяясь, их киргисцев доставали приступом и из пушек своих по ним стреляли и так многих из них побили и несколько взяли живых, и только из них ушло три человека...». В качестве наглядного подтверждения победы Бибичь привез в Саратов подарок российскому губернатору — 415 правых ушей, отрезанных у убитых казахских и каракалпакских воинов. Российские чиновники также зафиксировали высокую эффективность калмыцкой артиллерии в сражении «в урочище Узенях». В «Журнале [по] калмыцким делам» появилась запись, датированная 24 августа 1724 г.: «...соединясь де они (калмыцкие феодалы. — *Авт.)*, их, каракалпак, *штурмовали из пушек* (курсив наш. — *Авт.)*, где де их, каракалпак, побито многое число и несколько взято живых» (Материалы по истории каракалпаков..., 1935, с. 181; Бакунин, 1939, с. 212). В 1726 г. Шакур-Лама рассказывал В. П. Беклемишеву об умелых действиях калмыцких пушкарей, которые вынудили сдаться занявших оборону каракалпаков: «...прошлого де году в осеннее время приходили на калмык войною десять тысяч человек и напали на улус Доржина сына и несколько кибиток и скота взяли и взяв возвратились и калмыцкие де владельцы собрався угнали их и был бой и каракалпаки принуждены сесть в осаду и кал-

мыцкие владельцы привезши пушки свои по них стреляли, чего де для каракалпаки принуждены мириться...» (Материалы по истории каракалпаков..., 1935, с. 189).

5.4. Лжунгарская артиллерия второй половины 20-50-х гг. XVIII в.

Деятельность И. Г. Рената и создание собственного артиллерийского производства в Джунгарии

В ходе борьбы с империей Цин выяснилось, что джунгарской армии в ходе полевых сражений все сложнее противостоять противнику, активно использующему полевую артиллерию. Значительные трудности джунгары испытывали и при осаде укрепленных городов и крепостей. Там, где маньчжурские, русские и мусульманские полководцы прибегали к помощи пушек, ойратам приходилось делать ставку на неожиданное нападение, длительную осаду или ожесточенный штурм[12]. На повестку дня встал вопрос о создании собственной артиллерии. Для этого было необходимо, чтобы правительство Джунгарии проявило политическую волю и выделило необходимые средства для развития собственного литейного производства. Четких письменных свидетельств о том, что хунтайджи Цеван-Рабдан имел такие намерения, нам неизвестно. Вряд ли подобное решение было однозначно сформулировано хунтайджи и зафиксировано его писцами в каком-либо документе. Поиски в данном направлении не представляются перспективными. Тем не менее ряд косвенных свидетельств говорит в пользу того, что идея создания собственной артиллерии уже давно носилась в воздухе и что хунтайджи Цеван-Рабдан пришел к ней самостоятельно.

Однако при организации собственного производства артиллерийских орудий возникли проблемы чисто технического характера — подвластные джунгарам народы Центральной Азии не обладали достаточными техническими навыками для производства артиллерийских орудий. Такими технологиями располагали лишь главные противники Джунгарии — Россия и империя Цин. Однако обе державы, справедливо усматривая в джунгарах потенциальную опасность для своих границ, ввели строгий запрет на продажу в Джунгарию оружия и материалов, которые могли быть использованы в военных целях[13].

Тем не менее джунгарскому правительству удалось успешно решить поставленную задачу. Если передача военных технологий из империи Цин была практически невозможна по причине удаленности основных промышленных центров Китая и эффективного пограничного контроля со стороны цинских властей, то на северной границе Джунгарии сложилась совершенно иная обстановка: бурное развитие горнорудной промышленности в Сибири и строительство многочисленных заводов в непосредственной близости от государственных границ создавали предпосылки как для насильственного захвата военных специалистов, так и для приема мастеров, сбежавших с русских заводов.

Предположительно в 1726 г. в Джунгарии (в районе Иссык-Куля) был построен первый завод по производству пушек. Организовать работу завода было поручено «штик-юнкеру» (сержанту) шведской армии Иоганну (Юхану) Густаву Ренату (1682-1744). Последний был взят в плен русскими солдатами под Полтавой (1709 г.), а затем переправлен в Тобольск (1711 г.). В 1716 г. он вместе с другими работниками и солдатами обоза, шедшего в осажденную Ямышевскую крепость, был вторично взят в плен, на этот раз джунгарами. Некоторое время Рената использовали на тяжелых физических работах. Он ломал и возил камни, заготавливал дрова, копал землю. Однако вскоре толковый швед был замечен джунгарскими чиновниками. Через полтора года после пленения Ренат открыл суконное производство и школу для ойратских детей. Цеван-Рабдан пообещал Ренату свободу и щедрую награду в обмен на организацию пушечного производства

[12] Неудивительно, что в большинстве джунгарских военных операций, связанных с осадой крепостей, важную роль играли отряды ойратских союзников из числа местных жителей, имевших опыт ведения осадных работ.

[13] В России подобный запрет был введен еще в начале XVII в. В Китае законодательство, запрещающее продажу огнестрельного и прочего оружия монголам, действовало уже в эпоху правления династии Мин (1368-1644). Ряд политических и военных конфликтов России с Джунгарией в первой половине XVIII в. делал любые попытки долговременного сотрудничества между обоими государствами в любой сфере, кроме внешней торговли, практически невозможными.

в Ойратии. По сообщениям Черепановской летописи, «шведа Ягана Рената, да другова оружейного мастера сибиряка Зеленовского, контайша обещанною им своею милостию и немалыми награждениями склонил их на свою сторону». Для обучения пушечному мастерству Ренату были даны 20 оружейников и 200 рабочих. Кроме того, несколько тысяч человек назначались на подсобные работы. Русские купцы, посещавшие Джунгарию, отмечали, что Ренат «начал лить медные пушки, також чугунные маджеры, бомбы и ядра и тех канонеров тому обучать и указывать стрелять и как чинятся ядра» (Моисеев, 1977, с. 211). Все работы велись под грифом строжайшей секретности: «русских людей (имеются в виду не рабочие-военнопленные, а посланники и торговцы. — *Авт.)* до заводов не допускают и контайшинцы в тайне содержат. А волжских калмыков не токмо к тому ничем не употребляют, но ниже ничего знать не дают».

Современных исследователей не должно сбивать с толку относительно невысокое воинское звание И. Рената, которое якобы указывает на его «невысокую компетентность» в вопросах литейного производства. Напротив, швед относился к числу военнопленных, обладавших необходимыми навыками специалиста по вопросам пушечного производства, и его появление в составе русского экспедиционного корпуса было далеко не случайно. Еще в 1714 г. в указе подполковнику И. Д. Бухгольцу о строительстве Ямышевской крепости Петр I особо отметил, что перед началом похода необходимо «сыскать несколько человек из шведов, которыя искусстныи инжинерству, артиллерии, и которые в минералех разумеют, которых с воли губернаторской взять» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 232). Иоганн Ренат был включен в эту группу как специалист, имеющий навыки пушечного производства, способный лить и ремонтировать пушки и боеприпасы.

Следует отметить, что до появления в ставке хунтайджи Цеван-Рабдана И. Г. Рената джунгарам вряд ли была знакома технология литья чугуна: большинство народов региона использовали для получения ковкого железа технологию кричного передела, когда железо восстанавливается из руды (обычно — окислов железа) путем нагрева без доступа воздуха в «примитивных печах». Сталь получали многократной проковкой крицы на открытом огне, в процессе которой происходило науглероживание металла до нужной степени. Отковать ствол из полос такой стали возможно, но его тактико-технические характеристики будут гораздо хуже, чем у стволов, полученных литьем с последующей дополнительной механической обработкой канала ствола. Умением очистить и обогатить железную руду, а потом добиться температуры, необходимой для ее плавления $t_{плавления\ Fe} = 1539\ ^{\circ}C$, но для железных руд, представляющих собой соединения железа с иными химическими элементами, имеющими более низкую температуру плавления, эта величина несколько снижается), монгольские народы не владели. После затяжных феодальных междоусобиц, приведших к упадку ремесленного производства в городах Восточного Туркестана и Средней Азии, среднеазиатские и восточнотуркестанские мастера также во многом утратили секреты литья крупных изделий. Зато подобные технологии успешно применялись как русскими, так и китайскими мастерами. И. Г. Ренату пришлось, во всей видимости, обучить местных мастеров искусству плавить железо из руды, доводя металл до жидкого состояния.

Подобная технология требует соблюдения многих условий — наличия специальных печей, топлива, знания особенностей местных руд и т. д. Безусловно, все это нельзя было создать в течение короткого времени. Для одного только ознакомления с образцами руд Восточного Казахстана и Рудного Алтая И. Г. Ренат должен был произвести несколько серий пробных плавок с использованием руд, добытых в разных местах Джунгарии. Учитывая сложность транспортировки руды на большое расстояние, И. Г. Ренат должен был отыскать необходимые по химическому составу руды неподалеку от ставки джунгарского хунтайджи. Однако в нашем распоряжении нет документов, однозначно указывающих на местонахождение первого джунгарского чугунолитейного завода. Скорее всего в период работы И. Г. Рената в Джунгарии основная масса железной руды добывалась в окрестностях оз. Тексел и перерабатывалась там же. Известно, что одним из первых мероприятий И. Г. Рената по совершенствованию производственного процесса стало строительство на оз. Тексел дощаника, который перевозил руду к плавильным печам и кузнечным мастерским на другом берегу озера[14].

[14] Ранее для этих целей приходилось везти руду вокруг озера (Златкин, 1983, с. 238-239).

Помимо выбора руды, строительства плавильных печей и организации добычи руды и топлива (в случае, если для плавки металла применялся древесный уголь, необходимо было сначала организовать его массовую заготовку и бесперебойную поставку на завод), требовалось достичь необходимой культуры литейного производства. В процессе литья необходимо было добиться равномерного и одновременного распределения расплавленного металла по форме, чтобы избежать образования внутренних полостей; отлитый ствол требовалось отшлифовать изнутри, чтобы добиться точной калибровки и устранить литейные недостатки, ведущие к ухудшению обтюрации при выстреле, и т. д. Отливка чугунного ствола надлежащего качества требует высокого уровня литейного производства, и добиться результата с первого раза И. Г. Ренат, естественно, не мог. Поэтому единоличное участие И. Г. Рената в создании литейного производства в Джунгарии является, по меньшей степени, преувеличением, создавшимся в результате поверхностного отношения к данному вопросу.

Решить стоявшие перед ним технологические и организационные проблемы И. Г. Ренат мог при помощи мастеров достаточно высокой квалификации, какими являлись китайские и русские пленные и беглые с сибирских заводов. Важную роль играла и позиция хунтайджи, готового финансировать дорогостоящие эксперименты. Здесь мы вплотную приближаемся к самой интриге рассматриваемого вопроса — свидетельствам готовности хунтайджи к созданию собственной артиллерии до момента пленения И. Г. Рената.

Все свидетельства являются косвенными, однако их следует принимать во внимание. Во-первых, джунгары уже достаточно давно использовали кованые малокалиберные орудия / фальконеты и имели некоторый опыт их применения. Во-вторых, джунгары имели некоторое количество трофейных русских и китайских дульнозарядных орудий с литыми стволами и могли сравнить качество традиционных кованых и литых стволов. В-третьих, джунгары были знакомы с разрушительной мощью китайской и русской артиллерии. В-четвертых, изменившиеся условия войны, в частности необходимость штурмовать укрепленные города и противостоять полевой артиллерии противника, заставляли джунгар интересоваться новыми военными технологиями. В-пятых, Цеван-Рабдан достаточно быстро принял решение об использовании шведского пленника в работах по созданию собственной джунгарской артиллерии. Серьезная политическая и экономическая поддержка, оказанная Цеван-Рабданом И. Г. Ренату на протяжении всего подготовительного периода, растянувшегося на несколько лет, свидетельствует о том, что джунгарский хунтайджи был готов к такому повороту событий. Таким образом, джунгарская правящая элита понимала, что для получения положительного результата необходимо произвести неоднократные опытные плавки, что требовало как длительных затрат времени, так и крупных финансовых вложений. Единоличная неограниченная власть хунтайджи и экономическое могущество его домена[15] позволили обеспечить необходимое финансирование этого грандиозного проекта. О безоговорочной поддержке проекта со стороны хунтайджи, знавшего, что необходимо получить в результате, косвенно свидетельствует месторасположение второго известного нам завода — медно-литейного, введенного в строй в 1742 г. стараниями русских беглых мастеров И. Михайлова и М. Билдяги. Завод был расположен на урочище Таван Темирлиг на р. Темирлик — притоке р. Или, в непосредственной близости от ставки хунтайджи. При заводе работали 3 000 человек и 4 000 быков. Близость к воде, месторождениям руды, источникам топлива и, что немаловажно, расположение в пределах непосредственного контроля со стороны самого хунтайджи Галдан-Церена свидетельствуют о том, что производству орудий придавалось огромное значение на самом высоком уровне. При этом у нас нет оснований усматривать радикальные различия в отношении к литейному производству со

[15] Если предположить, что 30 000 воинов, постоянно находившихся в окрестностях ставки хунтайджи и проходивших военное обучение, согласно свидетельству толмача С. Фролова от 1742 г., были воинами, набранными по одному человеку с кибитки личного улуса хунтайджи, то в улусе хунтайджи насчитывалось не менее 30 000 кибиток только джунгар, не считая насильственно переселенных кыргызов, уйгуров и казахов. Таким образом, хунтайджи контролировал около $^1/_3$ населения всей Джунгарии в качестве непосредственного сюзерена. По мнению Н. Я. Бичурина, хунтайджи контролировал до $^1/_2$ населения Джунгарии. Степень централизации в Волжской орде и Хошоутском ханстве на Кукуноре была гораздо ниже — личный улус калмыцких ханов из династии Хо-Орлога не превышал 20 000 кибиток, а улус потомков Гуши-хана был и того меньше.

стороны Галдан-Церена и Цеван-Рабдана. Ведь именно политическая воля Цеван-Рабдана и его нацеленность на конечный результат позволили его преемнику расширить производственные мощности, выдавшие первую продукцию оборонного назначения во второй половине 20-х гг. XVIII в.

Работа велась Ренатом по четырем основным направлениям:

1. Создание материально-технической базы для пушечного производства;

2. Изготовление пушек, мортир и боеприпасов к ним;

3. Обучение канониров из числа подданных хунтайджи;

4. Обучение ойратских мастеров искусству изготовления и починки артиллерийских орудий и боеприпасов к ним.

Особое значение имела деятельность по обучению ойратских оружейников и воинов навыкам артиллерийской стрельбы и пушечного производства. Согласно данным письменных источников, основную массу джунгарских канониров начала 30-х гг. XVIII в. составляли ойраты, прошедшие обучение у Рената. Тщательно проинструктированные шведом, артиллеристы не только наводили орудия на цель и вели пальбу, но и умели провести починку боеприпасов. Ойратов-артиллеристов было не много, поэтому потеря каждого из них воспринималась довольно болезненно. В конце октября 1731 г. Ренат показал российскому посланнику майору Л. Д. Угримову письмо одного из ойратских артиллеристов, который сообщал, что в ходе неудачного для ойратов сражения на территории Халхи из 10 артиллеристов, бывших в корпусе Церен Дондобы, трое убиты, двое ранены, а трое взяты в плен. Кроме того, были потеряны пушка и три мортиры (Златкин, 1983, с. 244). Однако в целом подготовленные Ренатом джунгарские пушкари показали себя с лучшей стороны. Воспитание «мастеров пушечного дела» и канониров из числа местных жителей позволило не только сохранить, но и приумножить джунгарский артиллерийский парк уже после отъезда Рената на родину. Факты обучения ойратов «артиллерийскому делу» не остались незамеченными иностранными наблюдателями. Так, вернувшиеся из Западной Монголии купцы сообщали о том, что Ренат не только льет орудия и изготавливает боеприпасы, но предпринимает усилия для того, чтобы «тех канониров (джунгар. — *Авт.)* тому обучать и указывать (как) стрелять и как чинятся ядры» (Моисеев, 1977, с. 211).

Сведения об участии российских специалистов в организации пушечного производства в Джунгарии во второй половине 20-х гг. XVIII в. отличаются известной противоречивостью. Ясно одно: ни имперские власти, ни сибирская администрация не оказывали помощи Джунгарии в налаживании артиллерийского производства и не присылали в Джунгарию инженеров, литейщиков и пушкарей. Если российские специалисты и принимали участие в отливке пушек во второй половине 20 — начале 30-х гг. XVIII в., то это были беглые рабочие с сибирских заводов, военнопленные или наемные работники, действовавшие на свой страх и риск. Откуда же тогда взялась легенда о «русском следе» в истории создания джунгарской артиллерии? При анализе документов этого периода становится ясно, что сведения о присылке в Джунгарию пушек и канониров из России распространяли сами ойраты. Для этого существовала благоприятная почва. Появление в джунгарских войсках артиллерии стало полной неожиданностью для цинского командования уже в ходе первых сражений II Джунгаро-цинской войны. Во время одного из весенних боев 1731 г. джунгары обстреляли цинские позиции ядрами и бомбами. Маньчжурские офицеры не могли поверить своим глазам. Галдан-Церен рассказывал российскому посланнику Л. Угримову, что один из них «велел одну бомбу принести перед себя посмотреть, думал, что от нее ничего не родитца, то токмо перед него оную принесли, то тот час он и при нем другие без голов явились... думали, что тем играются». Появление пушек у западных монголов вызвало панику у цинского командования, опасавшегося, что орудия джунгарам могли быть присланы из Российской империи. Попавших в плен западных монголов настойчиво спрашивали: «Откуда де вы получили артиллерию, чего де у вас николи не бывало», на что «один калмычанин имянем Ланду объявил, оные де пушки и мартиры присланы к нам из России от е. и. в. (ее императорского величества. — *Авт.),* и при них де прислано искусных людей сто человек» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 285). Распространяемые джунгарами сведения должны были убедить цинское командование в том, что за спиной хунтайджи стоит Российская

империя. Власти Поднебесной ожидали подвоха со стороны Российского государства еще в период I Джунгаро-цинской войны (1690-1697). Не удивительно поэтому, что данные сведения были восприняты китайским командованием некритично и были включены в официальные реляции, отчеты, а в последущие столетия — ив учебные пособия, пока не стали «общеизвестным фактом».

Оценивая результаты деятельности И. Г. Рената, отечественные и зарубежные исследователи обычно доверяют данным, приведенным им в разговоре с российским посланником майором Л. Д. Угримовым 14 мая 1732 г. По словам Рената, он «всех пушек зделал токмо четырехфунтовых 15, да малых 5, да мартир десятифунтовых з 20...». При этом современными историками игнорируется тот факт, что сам Угримов не доверял этим цифрам, считая их заниженными. Основанием для этого послужили беседы майора с российскими пленниками, которые уверяли его, что Ренат отлил большее число орудий. Поэтому в тексте докладной записки Угримов снабдил слова Рената отточием (вероятно, предполагая привести точные цифры позднее) и пометкой на полях: «И от других пленников российских было известно, что имеетца де и болше (пушек, изготовленных Ренатом. — *Авт.),* токмо за подлинно числа сказать не знают» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 285). Причина, по которой Ренат пытался приуменьшить свой вклад в развитие джунгарской артиллерии, скорее всего лежит на поверхности. Швед собирался отбыть на родину вместе с миссией Л. Д. Угримова, путь которой лежал через земли Российской империи (там же, с. 287). Представители сибирской администрации вполне могли предъявить бывшему военнопленному обвинения в повышении боеспособности войск «потенциального противника». Таким образом, установить точное число орудий, изготовленных в Джунгарии под руководством Иоганна Рената, достаточно сложно. Ясно лишь, что количество пушек и мортир исчислялось десятками штук, практически все орудия, отлитые И. Г. Ренатом и его учениками, по европейской классификации могут быть отнесены к одной из самых легких разновидностей полевой артиллерии — 3-4-фунтовым пушкам. Отсутствие необходимой промышленной базы (а возможно, и технологических навыков) не позволило джунгарам достичь крупных успехов в отливке орудий большого калибра.

Пребывание И. Г. Рената в Джунгарии продолжалось с 1716 по 1733 г. В сообщениях авторов XVIII в. и работах современных исследователей Ренат предстает в облике уникального специалиста, проявившего себя в самых разных отраслях: артиллерийском производстве, военном искусстве, сфере легкой промышленности, образовании и даже в кораблестроении. Например, по данным Г. Ф. Миллера, Ренат «научил калмыков железную руду плавить, пушки и бомбы выливать; а был главным над калмыцким войском против китайцев предводителем» (Миллер, 2005, с. 486). По мнению В. А. Моисеева, Ренат «организовал в Джунгарии производство пушек и мортир, наладил суконное производство, обучив этому ойратов, и даже устроил в Джунгарии типографию». Есть также сведения о том, что Ренат участвовал в создании для джунгаров флотилии речных судов (дощаников). Томский татарин, захваченный в плен джунгарами по пути от Томска к Ямышеву озеру и бежавший из плена, в своих «расспросных речах» рассказал о том, что «вверху реки Или делают дощеники тому уже другой год... а над ними командир из шведов... И будто на тех дощениках контайша с богатством намерен бежать вниз по реке Или... опасаясь войск российских».

Удивительная разносторонность занятий И. Г. Рената послужила основой для оживленной научной дискуссии о его подлинных заслугах. Особый интерес исследователей вызывала деятельность Рената в качестве джунгарского командующего. Автор «Сибирских писем» Э. Лаксман, развивая мысль Г. Ф. Миллера о полководческих талантах Рената, даже именует его «калмыцким генерал-фельдмаршалом» (Зиннер, 1961, с. 9). К мнению авторов XVIII в. присоединяется Ш. Б. Чимитдоржиев («Следует добавить, что И. Г. Ренат служил в джунгарской армии, где занимал высокую должность и участвовал в сражениях против маньчжуро-китайских войск» (Чимитдоржиев, 1976, с. 191)), не приводя, однако, никаких других доказательств этого факта. Мнение об участии И. Г. Рената в военных действиях джунгарских войск против цинской армии разделяет В. А. Моисеев (Моисеев, 1990, с. 72).

Противники данной версии вообще отрицают возможность появления И. Г. Рената в восточных областях ханства, где шли военные действия. Когда в 1881 г. была обнаружена карта Джунгарии со

шведскими надписями[16], в переводе оригинала которых с ойратского языка на русский язык принимал участие известный русский калмыковед XVIII в. В. М. Бакунин, в журнале «Вокруг света» по этому поводу писали следующее: «Ренат, пробыв в Джунгарии 17 лет (с 1716 до 1733 года), научил джунгар плавить железные руды, делать пушки и ядра, завел типографию с подвижными шрифтами, словом, был так полезен джунгарам, что они, отпуская его с почетом в отечество в 1733 году, одарили его очень щедро... Ренат, очевидно, не только не начальствовал джунгарскими войсками, но и не принимал никакого участия в войнах джунгар с китайцами. Наиболее важные события этой войны, а именно: истребление джунгарскими засадами китайских войск в ущельях Тянь-Шаня, между Турфаном и Урумчи, происходили в 1713 г., до прибытия Рената в Джунгарию. Да и по его карте очевидно, что на восточной окраине Джунгарии он никогда не был и составлял эту часть карты по весьма неточным расспросам. По характеру же местностей, особенно тщательно и верно нанесенных на карту, очевидно, что Ренат заведывал рудными и заводскими, а может быть и строительными, делами в Джунгарии, что на него возлагались некоторые административные поручения и что разъезды его были весьма многочисленны» (Вокруг света, 1886, с. 507-509).

Данная точка зрения уязвима для критики. Во первых, основные события II Джунгаро-цинской войны приходятся не на 1713, а на 1717-1719 гг., когда джунгарские войска оккупировали Тибет и противостояли цинским армиям в Восточном Туркестане. Мы не можем с уверенностью судить о том, командовал ли Ренат всей джунгарской артиллерией в ходе войны с цинами в начале 30-х гг. XVIII в., однако есть все основания предполагать, что в этот период он не только обучал джунгарских артиллеристов, но и командовал отдельными отрядами джунгар (в состав которых входили артиллерийские подразделения) как минимум в ходе военной кампании летом 1731 г., во время III Джунгаро-цинской войны. Об этом И. Г. Ренат прямо заявил российскому посланнику Л. Д. Угримову в 1731 г. В частности, он рассказал Угримову, что летом 1731 г. пятитысячный джунгарский корпус, в котором «и я был с неболшею артиллериею», бы.: атакован у г. Любчин 15-тысячной цинской армией В бою западные монголы потеряли 400 человек убитыми, «а досталных уже я выручил», — отмечал Ренат (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 284).

В связи с этим представляется возможным утверждать, что, хотя Ренат и не был «ойратским фельдмаршалом», он принимал участие в боевых действиях против цинских войск в качестве командира достаточно крупных воинских соединений.

Известно, что швед неоднократно обращался к Галдан-Церену с просьбой отпустить его на родину, однако хунтайджи под различными предлогами оттягивал решение данного вопроса. Еще одной стороной, заинтересованной в возвращении Рената, были российские власти, которые были хорошс осведомлены о деятельности шведа по созданию джунгарской артиллерии и расценивали ее как враждебную по отношению к российскому государству. Зная об этом, Ренат сообщил российским дипломатам, что, хотя он и развивал пушечное производство в Джунгарии, «в том де он вины своей не признает, понеже шведские полоненики чинили в России тому подобное ж, а он штик-юнкер не токмо российской, но и контайшин пленник и служб в России не принимал» (Моисеев, 1977, с. 212). Этот спор мог затянуться надолго, однако отъезд Рената мог повлиять на сворачивание инновационных оружейных программ в Джунгарии, поэтому Санкт-Петербург решил гарантировать шведу безопасность в случае его отъезда на родину. Отправлявшиеся в Ургу дипломаты имели особое предписание вывезти Рената из Джунгарии. Российский посланник майор Л. Д. Угримов в 1732 г. писал сибирскому губернатору А. Л. Плещееву: «Также и штык-юнкор Ренат надеюся со мною в Россию выедет, о чем мне особливо велено от государственной Коллегии иностранных дел старатца» (там же. с. 287). Прибыв в Ургу в апреле 1732 г., Л. Д. Угримов уже вскоре после первых встреч поставил вопрос о выдаче пленных шведов, однако получил отказ со стороны джунгарских переговорщиков. Последние заявили: «Шведы не ваши подданные, их де за что вам отдать, они де у вас были в полону». Угримов, хотя и соглашался со статусом пленных скандинавов, тем не менее указывал, что во время похода И. Д. Бухгольца шведские специалисты «находились в службе российской и чрез Россию вам

[16] Фрагменты карты И. Г. Рената были опубликованы Лео Багровым (см.: Багров, 2004, с. 234).

достались», и по Ништадтскому мирному договору 1721 г. они должны быть возвращены на родину. Выполняя обещания, данные Ренату, и уступая давлению русской стороны, Галдан-Церен принял решение отпустить шведа домой. На наш взгляд,' это решение было вызвано в первую очередь тем, что Ренат сумел передать свои знания местным оружейникам, на что прямо указывают письменные источники. Кроме того, Галдан-Церен рассчитывал на то, что вместо Рената царское правительство пришлет в Джунгарию новых «мастеров пушечного дела». Судя по косвенным данным, Санкт-Петербург дал понять Ренату, что в случае его отъезда в Швецию через Россию ему не будут чиниться никакие препятствия, гарантом этого должен был стать джунгарский посол Зундуй-Замсо, ехавший вместе со шведом. Ренат отбыл в Россию вместе с императорским послом Л. Д. Угримовым и Зундуй-Замсо весной 1733 г., 26 июня они были в Тобольске, а 19 декабря — в Москве. Последнюю услугу шведу джунгары оказали уже в России, когда послы Галдан-Церена настояли на немедленной отправке Рената в Стокгольм, несмотря на попытки русских чиновников задержать его отплытие. Новый, 1734, год И. Г. Ренат встретил уже в Швеции. Остаток жизни он провел в Стокгольме, где служил в королевском арсенале. Умер Ренат в 1744 г. в возрасте 62 лет (Моисеев, 1977, с. 212).

Ажунгарская артиллерия в 30 — первой половине 40-х гг. XVIII в.

Отъезд И. Г. Рената на родину (1733 г.) и передача пушечного производства в руки джунгарских и русских управляющих положили начало новому этапу в истории развития джунгарской артиллерии. Пост главного инженера Джунгарского государства не должен был оставаться вакантным — Галдан-Церен оценил важность инженерных знаний и искал замену освобожденному им шведу. Окрыленный успехом джунгарской артиллерии на полях сражений второй Джунгаро-цинской войны и по достоинству оценивший мастерство Рената, Галдан-Церен решил развить успех за счет привлечения к процессу изготовления орудий мастеровых Российской империи. В марте 1733 г. через Л. Д. Угримова и своих послов он обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой «прислать для обучения ко мне на время артилерных нескольких мастеров, которые б умели пушки и мортиры делать и научили б наших людей стрелять... которые по обучении тому ево людей паки в Россию возвратятся». Подобные попытки не могли увенчаться успехом, так как Российская империя не была заинтересована в военном усилении своего юго-восточного соседа. Отказ императрицы в отправке в Джунгарию русских офицеров-артиллеристов в качестве военных инструкторов и инженеров в значительной степени сорвал планы подготовки Галдан-Цереном собственных кадров для джунгарской артиллерии с помощью российских специалистов, что, впрочем, не помешало ему привлечь к пушечному производству беглых русских рабочих и обученных И. Г. Ренатом ойратов. Заложенные шведом основы артиллерийского производства давали свои плоды на протяжении еще полутора десятков лет.

В 30-40-х гг. XVIII в. становление артиллерийского производства в Джунгарии шло по трем основным направлениям: развитие производственной базы, формирование системы управления пушечным производством, увеличение численности артиллерийского парка.

Ключевую роль в развитии производственной базы в Джунгарии в 30-40-х гг. XVIII в. сыграли русские мастера. В период правления Галдан-Церена в бассейне р. Или и в Восточном Туркестане были созданы «медные заводы», на которых трудились сотни мастеров. По сообщению купца А. Баймуратова, «людей в Урге и Ыркене (Яркенде) в работе при заводах ("медных" и "серебреных". — *Авт.)* употреблялось по тысяче человек и по тысяче волов с переменою» (Моисеев, 1984, с. 151). Пик производственной активности пришелся на конец 30 — первую половину 40-х гг. В этот период производственная база постоянно совершенствовалась: по сообщению побывавшего летом 1745 г. в джунгарских улусах поручика Ф. Аблязова, в 1742 г. на урочище Таван в бассейне р. Темирлик (приток Или)[17] стараниями беглых русских мастеров Ивана Михайлова и Михаила Билдяги (имена еще двоих русских мастеров, принимавших участие в строительстве завода и производстве продукции, остались неизвестными) был создан меднолитейный завод, на котором применялись водяные колеса и

[17] По нашему мнению, само название реки Темирлик (по-тюркски означает «Железная») может являться отражением создания там плавильного производства.

работали 3 ООО человек. Второй меднолитейный завод был построен Михаилом Билдягой в Яркенде (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 9).

Изготовление пушек в Джунгарском ханстве в период правления Цеван-Рабдана и Галдан-Церена считалось важнейшей государственной задачей. Джунгарские хунтайджи лично контролировали ход создания артиллерийского парка. Руководить процессом пушечного производства были поставлены сразу две группы государственных чиновников, получивших специальные должности. Чиновник, заведовавший производством пушек и ружей, именовался «баоцинар» («баоцинаэр»). Чиновник, занимавший должность «баоцина» отвечал исключительно за орудия («особливо управлял артиллерией») (Чернышев, 1990, с. 91). Подобное разделение могло быть обусловлено как политическими, так и сугубо технологическими причинами. В последнем случае в ведении «баоцинаров» находились вопросы, связанные с производством ручного .огнестрельного оружия и крупнокалиберных ружей («походных пушек»), а «баоцины» отвечали за производство и хранение 3-4-фунтовых пушек и мортир.

На протяжении второй половины 30-х гг. XVIII в. парк артиллерийских орудий джунгарской армии был существенно увеличен. При этом ойраты не забывали, кому они обязаны самим фактом появления артиллерии в их войсках. Ойратский посол Дюринг в 1741 г. говорил русским чиновникам, что у джунгар «имеется оружие огненное и пушки, а оные пушки прежде начал у них, зенгорцев, делать бывший у них в плену немчин Иван (т. е. Иоганн Ренат. — *Авт.)*... а ныне они, зенгорцы, те пушки и к ним ядра, а также мортиры *сами делают* (курсив наш. — *Авт.)* из меди, чугуна и железа, а ядра и из олова, к чему оную медь, чугун и железо и олово сами ж делают» (Моисеев, 1990, с. 72). По сведениям джунгар, крупнокалиберные ружья, перевозимые на верблюдах в начале 40-х гг. XVIII в., исчислялись тысячами, а малокалиберные орудия и мортиры — десятками. В ходе беседы с русскими чиновниками Дюринг сообщил последним, что в джунгарской армии «имеется пушек походных, которые на верблюдах возят, три тысячи, ломовых пятьдесят, мартир тридцать, при них артиллерийские служители из их же зенгорских калмык» и это благодаря тому, что «штик-юнкер их зенгорцев ту артиллерию делать и некоторых своему языку обучил и книги артиллерийской науки им оставил» (Моисеев, 1977, с. 212). Через год эти сведения нашли подтверждение в сообщениях русской разведки. Ездивший в 1742 г. в Малый жуз для выяснения взаимоотношений между казахами и джунгарами поручик оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев докладывал в секретной записке: «Ныне в зюнгорском владении действительно имеется пушек походных, которые на верблюдах возят — три тысячи, ломовых — пятьдесят, мортир — тридцать, при них артиллерийския служители из них же, зюнгорских калмык. Оную артиллерию прежде в зюнгорском владении начал заводить взятой зюнгорцами в плен от Ямышевской крепости иноземец-капитан (имеется в виду сержант И. Г. Ренат. — *Авт),* который и самих их, зюнгорцев, ту артиллерию делать, и некоторых своему языку обучил и книги артиллерийской науки им оставил, по которым они во учреждение той артиллерии и поступают» (КРО, 1961, с. 194).

Сложно сказать, насколько точными были сведения российской стороны о численности джунгарской артиллерии. В обоих приведенных выше случаях информация была получена от джунгарских послов (Дюринга и Кошку-зайсанга), которые были объективно заинтересованы в преувеличении джунгарской военной мощи. То, что оба посла назвали практически одинаковые цифры, вероятно, свидетельствует о том, что оба они имели точные инструкции на этот счет. Однако, даже если ойратские посланники и преувеличили число орудий в джунгарской армии, оно тем не менее было весьма значительным, особенно на фоне других кочевых народов Центральной и Средней Азии, практически не имевших артиллерийских орудий и так и не сумевших организовать свое собственное пушечное производство. Косвенным подтверждением многочисленности джунгарской артиллерии является и тот факт, что российские посланники поверили своим западномонгольским коллегам и передали сведения о численности ойратской артиллерии как достоверную информацию.

Если принять на веру цифры, приведенные в 1732 г. И. Г. Ренатом и в 1741 г. Дюрингом и Кошку-зайсантом, то в абсолютных величинах численность джунгарских 3-4-фунтовых пушек за 9 лет увеличилась более чем в 2 раза (с 20 до 50 шт.), а количество мортир возросло на треть (с 20 до

30 шт.). В реальности разрыв, вероятно, был более существенным, так как часть орудий, изготовленных И. Ренатом, была захвачена цинскими войсками в сражении у Эрдени-Цзу в 1731 г.

Если в некоторых государствах Средней Азии пушки даже в середине XVIII в. во многом оставались элементом психологического воздействия на противника, то джунгары уже в начале 30-х гг. XVIII в. активнейшим образом использовали артиллерию как на восточных, так и на западных границах. В 30 — первой половине 40-х гг. XVIII в. джунгары применяли пушки в сражениях против цинских войск в Монголии и казахов, киргизов, жителей Мавераннахра в Средней Азии. В ходе боевых действий весной 1731 г. джунгары обстреливали цинские позиции из пушек и, возможно, мортир. Причем наряду с ядрами использовались бомбы. Некоторым количеством пушек и мортир был снабжен джунгарский корпус, действовавший против имперских войск в районе г. Любчин летом 1731 г. Армия Церен Дондобы, отправленная в поход на Халху, была также снабжена артиллерийским парком. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев отмечал в журнале политических событий за 1744 г., что к джунгарской армии, посланной в поход против Карасакала (представлявшегося джунгарский полководцем Шоно-Лоузаном) и союзных с ним казахских старейшин, были приписаны «несколько пушек» (Моисеев, 1984, с. 203).

Судя по данным письменных источников, джунгарские пушки неплохо зарекомендовали себя в ходе полевых сражений, однако в столкновениях с Кокандом малокалиберные орудия не могли помочь джунгарам. Не рискуя противостоять им в поле, кокандцы отступали в город и укрывались за его мощными стенами, которые оказались «не по зубам» джунгарской артиллерии.

Ажунгарская артиллерия во второй половине 40 — первой половине 50-х гг. XVIII в. и упадок артиллерийского производства в Ажунгарии

Как мы убедились выше, процесс пушечного производства требовал серьезного напряжения сил Джунгарского государства и во многом являлся результатом настойчивой последовательной политики Цеван-Рабдана и Галдан-Церена. Неудивительно, что военное перенапряжение, экономический кризис и ослабление центральной власти после смерти Галдан-Церена в 1745 г. привели к постепенному свертыванию трудоемкого производства в Восточном Туркестане, а затем и в Урге. Первым встал медеплавильный завод в Яркенде. Причем произошло это еще при жизни Галдан-Церена. Остановка производства была вызвана настойчивыми требованиями местных властей и мусульманского населения, изнемогавшего под налоговым гнетом и трудовыми повинностями. Недовольство горожан, нехватка тягловых животных, финансовых средств, а также ослабление центральной власти — все это сыграло свою роль в прекращении обработки руды для нужд джунгарской армии в Восточном Туркестане[18].

Однако, вопреки расхожему мнению, закрытие «медного завода» в Яркенде первоначально не означало мгновенного и полного свертывания пушечного производства в Джунгарии, которое некоторое время сохранялось в Урге, на территории личного домена джунгарского хунтайджи. Отливкой пушек в этот период занимались как джунгарские, так и иностранные (в том числе русские) мастера. В 1744-1745 гг. джунгарами были предприняты действия по привлечению к работе по добыче и обработке металлов и отливке пушек пленных русских мастеров и солдат. Отряд зайсана Омбо взял в плен русских горнорудных мастеров из Тары. Вместе с работниками были захвачены и их инструменты. Посетивший Джунгарию в 1745 г. поручик российской армии Левашев сообщал, что взятому в плен

[18] В городах Восточного Туркестана сохранялось некоторое количество орудий. Сложно сказать, были пушки изготовлены в период нахождения Кашгарии в составе Джунгарского ханства либо они были отлиты позднее. Согласно сведениям мусульманских письменных источников при осаде Яркенда цинскими войсками местные жители использовали пушки, стрельбу из которых вели английские торговцы (Кутлуков, 1987, с. 75). Пушечное производство в Восточном Туркестане было восстановлено в середине XIX в. ходжой Валихан-тюри, боровшимся против цинских властей. По сообщению российских наблюдателей, «в городе Кашгаре, под управлением какого-то авганца, был открыт литейный завод, на котором в короткое время отлили восемь орудий. Недостаток в меди заставил Валихан-тюрю насильственно отобрать для этого завода медную посуду, находившуюся в обращении не только у местных жителей, но и у иностранных купцов. Из отлитых орудий была сформирована батарея, которая, впрочем, весьма плохо действовала» (Куропаткин, 1879, с. 158). В 70-х гг. XIX в. пушечно-литейный завод в Кашгаре был восстановлен Якуб-беком (там же, с. 162).

беглому солдату Малкову «с товарищами» джунгары приказали заниматься выплавкой меди и лить из нее пушки и мортиры. Поручик Ф. Аблязов информировал свое руководство, что уже «второй год на Тюкмулюке работают 3 тысячи человек и такое же количество быков на возке руды». По его данным, в плен к джунгарам попали три русских мастера «медеплавильного дела». По данным Ш. Б. Чимитдоржиева, «все эти люди изготовляли джунгарам оружие» (Чимитдоржиев, 1979, с. 49). В январе 1749 г. кашгарский купец Айтбага Баймуратов (Айтбачи Бахмуратов) рассказал коменданту Усть-Каменогорской крепости полковнику Я. Павлуцкому, что артиллерийский парк джунгарских войск пополнился двумя пушками весом по 6 пудов каждая, отлитыми из меди русским мастером Иваном Михайловым: «...сделано пушек медных две весом по шести пуд, да прежде сделанных шведом чугунных в Урге двадцать, длиною аршина полтора (около 1,4 м. — *Авт.),* например. Ядров один фунт с половиною (около 800 г. — *Авт.),* кои и возятся на верблюдах» (Моисеев, 1990, с. 72). Таким образом, в целом, по сообщению Айтбага Баймуратова, у джунгарских войск, находившихся при ставке хунтайджи Цэвэндорджа Намджила (1732-1750), имелось два новых медных орудия и 20 старых, отлитых еще И. Г. Ренатом. Скорее всего, кроме этих 22 пушек, у джунгар было еще некоторое количество орудий, находившихся за пределами Урги.

Однако качество вновь отливаемых пушек постепенно падало. В 1747 г. изготовленная российским мастером Билдягой (беглым мастеровым с Колывано-Воскресенских заводов Ефимом Вяземским) и его «товарищами» медная пушка «разорвалась при пробе» (Златкин, 1983, с. 240). А еще через три года среднеазиатские купцы зафиксировали кризис военной промышленности Джунгарии: «порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцыри при прежнем владельце Галдан-Чирине (Галдан-Церене. — *Авт.)* делали. А ныне де оное получают из Большой Бухарин, где и мастера их, зенгорцы, имеются» (Златкин, 1983, с. 240).

Политический кризис в Джунгарии, военное и экономическое истощение страны привели к остановке пушечного производства в Урге. Произошло это в период правления наследника Галдан-Церена Цеван-Доржи (1746-1749). Купец Айтбага Баймуратов сообщал российским чиновникам, что в «городе Еркене и в Урге прежде заведенные при владельце Галдан-Чирине медные и серебреные заводы за многою людям тягостию и великим тех городов обывателям разорением и упадком лошадей и неимением прибыли по их прозьбе у владелца в городе Иркене при Галдан-Чирине, а в Урге при нынешнем владельце оставили и ныне без действа» (Моисеев, 1984, с. 151). В 1749 г. эти сведения получили дополнительное подтверждение: «Заводы медные и серебряные, которые де были при владельце Галдан-Чирине ныне де брошены, ибо де прибыли нет, а труда веема много было».

Тем не менее изготовленные в период расцвета Джунгарского ханства орудия продолжали использоваться западномонгольскими военачальниками и во второй половине 40-х, и в первой половине 50-х гг. XVIII в. Так, джунгарский правитель Даваци (Дебачи) применял легкие, перевозимые на верблюдах пушки против мятежных ойратских феодалов, казахов и цинских войск. Согласно «Ислам-наме», в первой половине 50-х гг. XVIII в. артиллерией в войсках Даваци командовал некий «франк (европеец) Анаити»:

> Природные богатыри, бодрые, могучие казахи.
> Собрались они, чтобы обстрелять кюрютов,
> Чтобы уничтожить стрелявших людей.
> Покорившемуся элю будет большая польза.
> Непокорившийся народ будет уничтожен.
> Ударил (из пушек) франк по имени Анаити,
> Этот франк был прославлен среди джунгар.
> Большинство из них бежали, чтобы защитить жизнь,
> Какое место было укрепленным, (там) укреплялись.
> Потом, когда мы разведали, войско их оказалось не столь уж сильным.
>
> *(МИКХ, 1969, с. 428)*

По сведениям кашгарской летописи «Асар алфутух», Даваци применял пушки против маньчжурских полководцев в битве у Кайнуки, в которой на стороне джунгар сражалось ополчение восточнотуркестанских городов: «...от выстрелов пушек и ружей земля пришла в сотрясение. Люди, спустившись с гор и долин, обрушились на неприятеля (маньчжуров. — *Авт.),* как лавина».

Один из последних случаев применения джунгарами артиллерии в полевом бою отмечен в августе 1756 г.: дважды разбитое цинскими войсками

Дарданы, джунгарско-казахское войско под командованием Амурсаны и Кожибергена потеряло более 900 человек убитыми и пушки: «Враги не устояли при первом же столкновении и бросились бежать по всем направлениям в полнейшем беспорядке; изрублено их было до пятисот семидесяти человек; остальные еле смогли спастись бегством. Наши войска (войска империи Цин. *— Авт.)* воспользовались победой для занятия Нулы, где они взяли в плен Чулука. Кодзи Боркен и Амурсана направились к западу с войском, состоявшим из двух тысяч всадников. Преследуемые по пятам нашими войсками, они не могли уклониться от сражения, которое было длительно и кровопролитно; наши враги потеряли в битве знамя, пушки и триста сорок человек убитыми. Амурсана спасся только благодаря переодеванию». Откуда взялись орудия в объединенных войсках Амурсаны и Кожибергена, нам неизвестно. Неизвестен и тип этих орудий. Возможно, это были остатки артиллерийского парка Джунгарии, захваченные Амурсаной и переданные им своим казахским союзникам.

5.5. Конструктивные особенности джунгарской артиллерии XVII — первой половины XVIII в. и особенности боевого применения артиллерии джунгарами в 30-50-х гг. XVIII в.

Современные российские и зарубежные исследователи нередко именуют джунгарский артиллерийский парк «верблюжьей артиллерией». Вопреки расхожему мнению какой-то особенной артиллерии, изготовленной специально для стрельбы с верблюда, в западномонгольских войсках XVII-XVIII вв. не было. Использование верблюдов в качестве транспорта при перевозке пушек было обусловлено в первую очередь особенностями театра боевых действий. На верблюдах перевозились орудия различных типов и калибров. Если следовать этой логике, то большую часть артиллерийского парка Джунгарии можно отнести к «верблюжьей артиллерии».

Письменные источники 40-х гг. XVII в. — 50-х гг. XVIII в. фиксируют значительное разнообразие типов орудий джунгарского артиллерийского парка в рассматриваемый период. В частности, российские служилые люди, путешественники и посланцы упоминают «пушки походные», «пушки ломовые», «мортиры».

Крупнокалиберные фитильные ружья («пушки походные»)

Согласно данным письменных источников «пушки походные» исчислялись тысячами и перевозились на верблюдах. Судя по тому, что данный тип огнестрельного оружия не был упомянут И. Г. Ренатом в числе собственных произведений, речь скорее всего идет о продукции, изготовленной местными азиатскими мастерами. Учитывая общее число таких «пушек» и способ транспортировки, можно предположить, что речь в данном случае идет о крупнокалиберных фитильных ружьях. Характерно в этой связи, что, согласно данным Раднабхадры, крупнокалиберные ружья с нарезным стволом применялись джунгарами уже в период правления Сенге-тайши во второй половине XVII в., а возможно, и раньше.

В XVII—XVIII вв. крупнокалиберные ружья использовались практически всеми ближними и дальними оседлыми соседями Джунгарии. В Китае, Корее, государствах Средней и Передней Азии, а также в России, Северной Индии и Японии существовало огромное количество модификаций крупнокалиберных ружей (рис. 74). В России наиболее распространенный тип крупнокалиберных ружей именовался «ружьями затинными», в Иране — «джазаир», в Китае — «тайфурами». Крупнокалиберные ружья, использовавшиеся в различных государствах региона, отличались друг от друга (подчас весьма значительно) размерами, весом, особенностями конструкции и оформления, способом применения и транспортировки. Однако все их объединяло место в общей иерархии огнестрельного оружия: они занимали промежуточное положение между ручным огнестрельным оружием и артиллерийскими орудиями в европейском смысле этого термина. Большинство крупнокалиберных ружей, использовавшихся в Средней, Центральной и Восточной Азии, по форме более всего напоминали традиционные ружья. От последних они отличались внушительными размерами ствола, массивным ложем и значительно большим калибром, который достигал 23-90 мм (Носов, 2001, с. 119),

что подразумевало их использование с опорой на парапет крепостной стены или же на специальный станок (чаще всего в виде треноги или козел). Наиболее часто крупнокалиберные ружья применялись при обороне крепостей, хотя практика их массового употребления в полевом сражении в Восточном Туркестане и Китае сохранялась даже во второй половине XIX в.

О том, как выглядели крупнокалиберные фитильные ружья, использовавшиеся воинами Джунгарского ханства и его вассалами, мы можем судить по подробному рисунку, приведенному в цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» («Иллюстрированное описание обрядов и утвари августейшей династии») в разделе «Артиллерийские орудия». Данное крупнокалиберное ружье было захвачено цинскими солдатами в ходе военных экспедиций в Восточный Туркестан во второй половине 50-х гг. XVIII в. В 1759 г. оно поступило в экспозицию императорского «Зала Пурпурного Блеска», который в период правления Цяньлуна представлял собой своеобразный музей воинской славы цинской армии.

Как и среднеазиатские аналоги, крупнокалиберное ружье из Восточного Туркестана представляет собой увеличенный в размерах вариант традиционного фитильного ружья. Оно имеет длинный несколько расширяющийся у дула ствол, вложенный в деревянную ложу с сужающимся к концу прикладом, и классический «азиатский» фитильный замок. Общая длина ружья — 1,6 м. Ствол отлит из чугуна и инкрустирован золотом и серебром. Он фиксируется в ложе с помощью 4 кожаных обмоток или металлических колец (рис. 74,*3)*. Судя по тому, что ружье названо в энциклопедии «хуйпао», т. е. «мусульманское орудие», можно утверждать, что оно использовалось мусульманскими воинами Восточного Туркестана, входившего в состав Джунгарского ханства с конца XVII в. Согласно данным письменных источников ружья похожей конструкции имелись на вооружении и собственно джунгарских воинов.

Для транспортировки крупнокалиберных фитильных ружей на спинах животных[19] в первой половине XVIII в. использовались специальные деревянные «седла», которые состояли из двух полок с закругленными концами, скрепленных между собой тремя луками, короткой передней и высокими центральными. Последние имели подтреугольную форму и снабжались вырезами, в которые вкладывали ствол транспортируемого крупнокалиберного ружья. С большой долей вероятности можно предполагать, что близкие по конструкции «седла» для вьючных животных использовались в данный период и кочевниками Центральной Азии.

Рассмотренное выше кашгарское ружье имеет широкий круг аналогий в оружейных комплексах Средней и Передней Азии, Индии и Китая. Наиболее близкими из них по конструкции и системе оформления являются крупнокалиберные ружья среднеазиатского производства, что позволяет предположить, что появление этого вида вооружения в джунгарской армии в XVII в. и его бурное развитие в 30-40-х гг. XVIII в. связано со среднеазиатским влиянием. Косвенным подтверждением этого являются сообщения письменных источников. Согласно выписке Посольского приказа от декабря 1688 г. «и калмыки (зд. джунгары. — *Авт.)*... много имеют огненного бою (т. е. огнестрельного оружия. — *Авт.)* от бухарцов» (МРМО, 2000, с. 181). Возможно, что после создания собственного массового ружейного производства в Джунгарии в конце XVII — начале XVIII в. крупнокалиберные ружья стали изготавливать и джунгарские оружейники.

В № 15 журнала «Нива» за 1873 г. в статье, посвященной оружию среднеазиатских государств, приводится описание крупнокалиберного ружья, называемого крепостным ружьем или фальконетом (рис. 74, *4а):* «Крепостное ружье, фальконет. Тяжелое, безобразное, неповоротливое оружие совершенно ясно и понятно изображенное на нашем рисунке. Тяжелый чугунный ствол, более полутора дюйма в диаметре канала[20], привязан сыромятными ремнями к такой же неуклюжей тяжелой ложе. Ствол этот тоже покрыт неизбежными изречениями из Корана и разным узором, заряжается большой пулей, обвернутой насаленной тряпкою, заряжается очень неудобно, медленно, так что едва только каждые десять минут может делать по одному выстрелу; к нему прилажена железная под-

[19] В сопроводительной надписи в цинской энциклопедии указано, что данное ружье перевозилось на спине коня.

[20] При калибре ствола порядка 32 мм вес свинцовой пули составляет 200 г. При калибре 1,5 дюйма (38 мм) вес пули должен был быть больше, но упоминание источника об обмотке пули пропитанной салом тряпкой позволяет нам предположить, что вес пули вряд ли превышал 200 г, а диаметр ее — 32 мм.

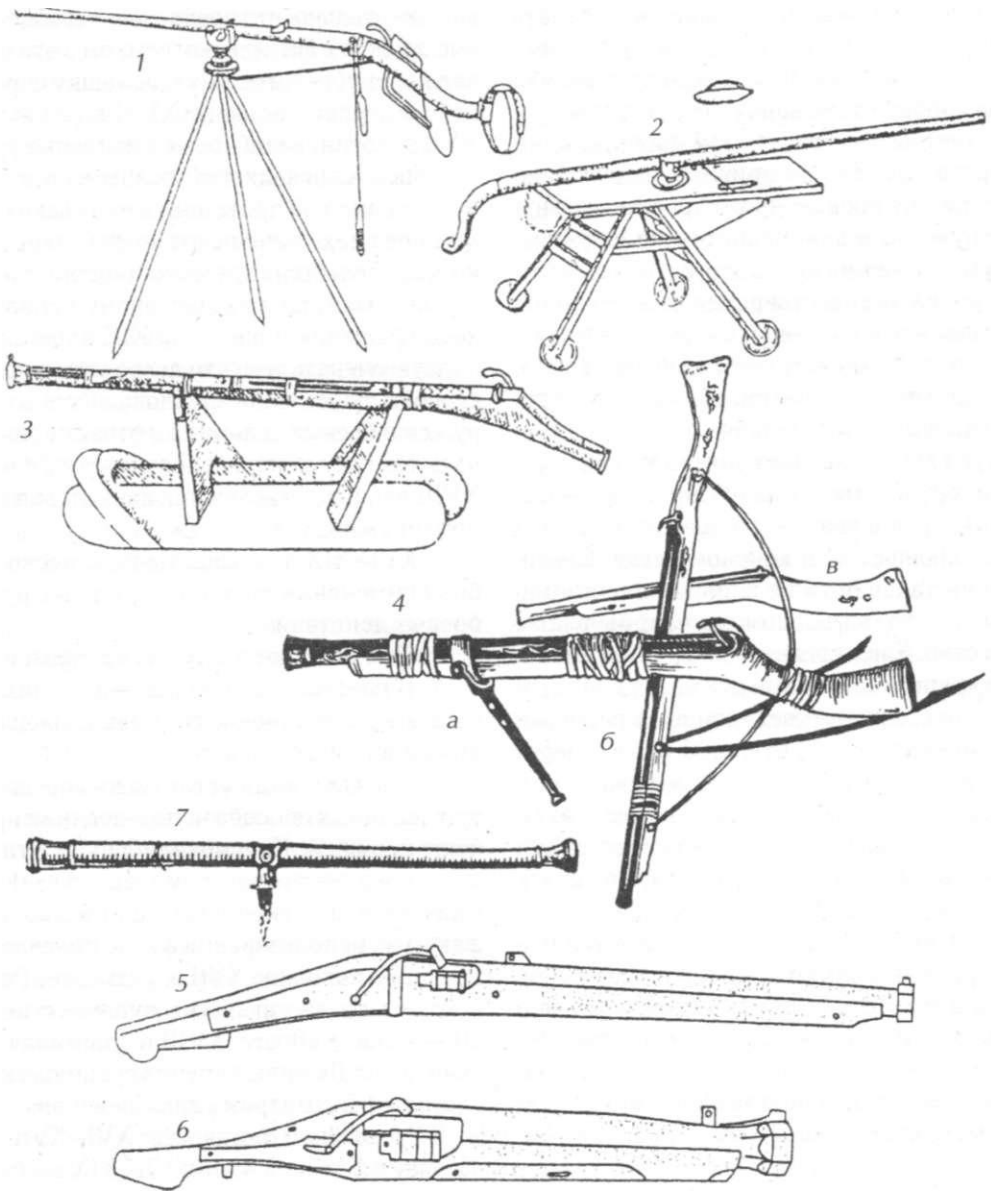

Рис. 74. Крупнокалиберные ружья периода позднего Средневековья и Нового времени:
1,2— иинские крупнокалиберные фитильные ружья первой половины — середины XVIII в. на треножнике (/), на козлах (2). иинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1 759 г.); *3* — кашгарское крупнокалиберное фитильное ружье первой половины — середины XVIII в. на деревянном «ружейном седле» (для перевозки на коне), иинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу». Кашгария (Восточный Туркестан) в конце XVII в. была включена в состав Джунгарского ханства. Мусульманские воины Кашгара, Яркенда и других городов региона принимали активное участие в военных предприятиях джунгарских правителей вплоть до середины XVIII в.; *4* — среднеазиатское крупнокалиберное ружье («крепостное ружье», «фальконет») (4а). Прорисовка с изображения «Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии» (журнал «Нива», N^{y} 15 за 1873 г.). Рядом, для сравнения, показано стандартное среднеазиатское фитильное ружье этого же периода (46), приведенное на той же картине; 5-6 — японские крупнокалиберные ружья «какаэ-дзуиу» (по К. С. Носову); 7 — русская «пишаль затинная» конца XVII в. (по А. П. Бородовскому, Е. Л. Бородовской).

порка, без которой немыслимо было бы ворочать его человеческими руками; страшно отдает при каждом выстреле и даже опрокидывает стреляющего. Огонь сообщается заряду посредством пропитанного селитряным раствором фитиля, один конец которого намотан на приклад, а другой защемлен в развилку проволочного крючка, изогнутого в виде буквы S и двигающегося на шарнире; если потянуть за нижний конец этого крючка, верхний тотчас же клюнет в отверстие заднего конца ствола, насыпанное порохом, и таким образом произойдет выстрел, предшествуемый, обыкновенно, сильною вспышкою из затравки, обжигающей брови и бороду полудикого стрелка».

Существуют также изображения китайских крупнокалиберных ружей (в т. ч. казнозарядных — фоланьцзи пао), предназначенных для транспортировки на верблюжьем или конском седле. Следовательно, если такое оружие широко и не применялось в Китае, то, во всяком случае, было там хорошо известно. Как и среднеазиатские экземпляры, цинские крупнокалиберные ружья первой половины XVIII в. напоминали увеличенные в размерах маньчжурские и китайские фитильные ружья. Перед стрельбой цинские крупнокалиберные ружья устанавливали на специальный треножник (рис. 74, /). Это делалось для повышения меткости стрельбы и избавляло солдата от необходимости удерживать на весу тяжелый ствол. Иногда для этих же целей использовался оригинальный лафет, представлявший собой прямоугольную доску (на которой крепился ствол) и четыре деревянные стойки-распорки, снабженные маленькими колесиками (рис. 74, *2)*. Подобные лафеты, отличавшиеся массивностью и большими размерами, использовались в комплекте с орудиями более крупных калибров (рис. 76, *4-5)*.

Европейские путешественники XIX в., наблюдавшие крупнокалиберные ружья в действии, неоднократно и с удовольствием отмечали их негативные стороны: малую скорострельность, громоздкость, неповоротливость, слабую мобильность и т. д. Однако не стоит во всем безоговорочно следовать за этими красочными, подчас достаточно субъективными описаниями. Не стоит забывать о том, что все они были сделаны в тот период, когда в Европе стремительными темпами развивалась скорострельная артиллерия и были созданы предпосылки для создания пулемета современного типа. Неудивительно, что практически любое огнестрельное оружие с фитильным замком в это время вызывало пренебрежительную усмешку европейца. Однако в первой половине XVIII в., а уж тем более в XVII в. крупнокалиберные фитильные ружья в Центральной Азии являлись грозным оружием, которое производило на противника не только боевое, но и мощное психологическое воздействие. Эффективность стрельбы из крупнокалиберных ружей повышалась благодаря их массовому использованию в ходе сражения. Описания XIX в. ценны для нас в первую очередь тем, что позволяют зафиксировать способы применения крупнокалиберных фитильных ружей в боевых условиях и отчасти реконструировать тактику центральноазиатских воинов XVII—XVIII вв., использовавших данный тип огнестрельного оружия.

В XVI-XIX вв. существовало несколько способов применения крупнокалиберных ружей в ходе боевых действий:

1. При обороне и штурме крепостей;
2. В полевых сражениях — в пеших порядках;
3. Непосредственно со спины стоящего или стреноженного верблюда.

Относительно джунгар можно предполагать все три основных способа использования крупнокалиберных ружей. Крупнокалиберные ружья или малокалиберные пушки упоминаются в 40-х гг. XVII в. в качестве гарнизонной крепостной артиллерии, на факты их использования в ходе полевых сражений во второй половине XVII в. указывает Раднабхадра. О стрельбе джунгар «из пушек» с верблюдов в 30 — начале 40-х гг. XVIII в. упоминают джунгарский посол Дюринг, поручик оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев и др.

В Российском государстве XVI-XVII вв., а также в Иране и Средней Азии XVII-XIX вв. была распространена практика установки крупнокалиберных ружей на стенах крепостей. Ствол ружья при этом закреплялся в специальной «вилке», вмонтированной в стену. Интересно, что одни и те же фальконеты могли использоваться как при обороне крепостей, так и в ходе полевых сражений. К их числу относятся среднеазиатские «занбураки» и иранские «зарбзаны» (Мухаммед-Казим, 1961, с. 54).

Слабыми сторонами крупнокалиберных ружей при их использовании в пеших порядках в ходе полевых сражений были малая скорострельность и маневренность, невысокая меткость и большая от-

дача. Эффективно применять такое оружие можно было лишь в массовом порядке, когда огонь по противнику вели сотни сменявших друг друга стрелков, вооруженных крупнокалиберными ружьями. Это понимали и центральноазиатские полководцы, что, вероятно, объясняет наличие в джунгарской армии тысяч крупнокалиберных ружей. При этом обслуживать каждую «пушку походную» должны были несколько человек, обученных навыкам взаимодействия между собой; а также несколько воинов конных и пеших подразделений должны были обеспечивать прикрытие стрелков. Некоторое представление о тактике спешенных воинов, вооруженных крупнокалиберными ружьями, дают письменные источники XIX в.

Традиция использования огнестрельного оружия, занимающего промежуточное положение между ружьями и пушками, сохранялась в Восточном Туркестане даже в последней трети XIX в. Например, в армии восточнотуркестанского правителя Якуб-бека наряду с пехотой и артиллерией существовали отряды так называемых «тайфурчи», вооруженных крупнокалиберными фитильными ружьями «тайфур». Российские посланцы, побывавшие в Восточном Туркестане, отмечали: «Кроме сарбазов (пехотинцев. — *Авт.)* и джигитов (кавалеристов. — *Авт.),* существовали еще тайфурчи, которые по своему вооружению, состоящему из тяжелых и длинных фитильных ружей (напоминающих наши крепостныя), по одному ружью на четырех, и по своему назначению представляли род войск, ближе подходящий к артиллерии, чем к пехоте... Каждые четыре человека составляли прислугу и живой лафет для тайфуры, большого, около сажени, фитильного ружья, калибром около 8-ми линий. Пять таких тайфур составляли отделение. Каждое отделение имело свое знамя и пять человек прикрытия с обыкновенными фитильными ружьями» (Куропаткин, 1879, с. 163).

Сведения об этническом составе тайфурчи несколько противоречивы. Ясно лишь, что подавляющая их часть комплектовалась из пленных китайцев и дунган, а также детей кашгарцев и китаянок (Куропаткин, 1879, с. 164, 167, 190). «Из четырех номеров, составлявших прислугу каждой тайфуры, у одного был пояс с деревянными патронами, числом около десяти; второй нумер имел банник или шомпол — железный прут с пучком волос на конце, втыкавшийся в землю, рядом с тайфурою; нумер третий и четвертый имели назначением носить тайфуру и составлять лафет для нея при выстреле» (Куропаткин, 1879, с. 191).

Солдаты, обслуживавшие тайфуры, не имели оружия. Поэтому в бою их прикрывали воины, вооруженные фитильными ружьями (ранее эту функцию выполняли лучники и копейщики): «Якуб-бек обратил всех китайских солдат (военнопленных) в магометанство, дал им туземную одежду, и вместо лучников и копейщиков придал к тайфурам стрелков с фитильными ружьями» (там же).

А. Н. Куропаткин наблюдал за учениями, в которых принимали участие расчеты 200 тайфур (800 человек прислуги, 40 воинов со значками отделений, 40 младших командиров, 8 сотников, 200 стрелков, вооруженных фитильными ружьями, 20 человек со значками, всего — 1100 чел.): «Фронт состоял из линии тайфур, числом до двухсот, положенных на сошки и выровненных. Прислуга находилась близ своих тайфур, сидя по два человека с каждой стороны их. Тут же, считая на каждыя пять тайфур по одному, сидели знаменщики, с большими треугольными, из цветных материй, знаменами, тоже выровненными. Ни прислуга у тайфур, ни знаменщики никакого другого оружия не имели. Сзади сидела линия стрелков, по одному на каждую тайфуру, с обыкновенными фитильными ружьями. При них было до 20-ти значков четырехугольной формы. Эти значки предназначались для пугания неприятельских лошадей» (там же, с. 190,193-194). Интересно, что в ходе учений отрабатывались различные маневры и построения, предполагавшие активное передвижение стрелков на поле боя. Под звуки барабана и бубна стрелки поотрядно передвигались, формировали линии и вели огонь. Если было необходимо ускорить шаг, «барабан начинал выбивать дробь» и солдаты переходили на бег. «При движении, каждая тайфура лежала на плечах у двух человек, причем передний держал ее полотенцем, привязанным у дула. Это полотенце не отвязывалось при выстреле и мешало целиться» (там же, с. 192).

Вести стрельбу тайфурчи могли не только в оборонительных позициях, но и в наступлении и даже при отходе. При остановке тайфур вооруженные фитильными ружьями воины выбегали вперед и прикрывали тайфурчи. «При наступлении тайфур с пальбою, головныя тайфуры, останавливаясь на несколько секунд, производили выстрел, затем

стреляли остальные тайфуры, становясь для этого, по очереди, в голову отделения (такая смена рядов обеспечивала почти непрерывный огонь по противнику. — *Авт.).* Двое носящих тайфуру приостанавливались для выстрела, несколько согнув спину и выдвинув одну ногу вперед; первый прижимал тайфуру к своему плечу при помощи полотенца, второй придерживал ее руками за шейку. Несмотря на значительный вес тайфуры, отдача при выстреле все еще весьма чувствительна. Бывали случаи, что выстрел боевым патроном валил с ног живой лафет. Для уменьшения отдачи, уменьшали заряд, при чем конечно уменьшались дальность и меткость. Впрочем, о последней мало заботились, ибо стреляли почти без прицеливания. После нескольких выстрелов нумера менялись. При отступлении с пальбою по отделениям, одна тайфура отступала за другую; каждая тайфура после выстрела бегом уносилась в голову отступающего отделения; стреляла следующая, которая тоже уносилась бегом, и так далее»(Куропаткин, 1879, с. 192-193). Интересно, что кашгарцы относились к «тайфурным войскам» «с презрением» и говорили, что «в хорошем деле они только мешают, потому что не знаешь, куда их поставить, и вредят, потому что первыми дают тыл». По данным российских офицеров, посещавших Восточный Туркестан, Якуб-бек за начальный период своего правления сократил численность тайфур с нескольких тысяч до нескольких сотен штук. По мнению русских военных специалистов, в ходе сражений отряды, снабженные тайфурами, были действительно не очень эффективны, но «за неимением холодного оружия, китайцам нечем будет обороняться» (там же, с. 193, 196).

В этой связи становится очевидным, что наличие в джунгарской армии отрядов пеших и конных копейщиков и лучников, действовавших вместе со стрелками, вооруженными огнестрельным оружием, является не банальным анахронизмом, а осознанной необходимостью, вызванной уязвимостью стрелков и пушкарей перед вражеской кавалерией. Что касается нелестной оценки, данной кашгарцами и русскими относительно «тайфурных войск», то, на наш взгляд, она связана с двумя основными факторами. Первый. Для конца XIX в. актуальные для региона в XVII—XVIII вв. вооружение и тактика явно устарели. И если еще в первой половине XVIII в. подобная малокалиберная артиллерия могла действовать достаточно успешно, то в период правления Якуб-бека прежние тактические схемы уже не работали в силу быстрого технологического развития ручного огнестрельного оружия и артиллерии. Второй фактор заключается в специфическом кадровом составе тайфурных войск. Основную массу тайфурчи составляли военнопленные китайцы, которые не стремились побыстрее умереть за своего нового повелителя и искали возможности уклониться от сражения.

Использование крупнокалиберных ружей, размещавшихся на плечах впереди стоящего солдата, практиковалось и в Тибете. В отличие от восточнотуркестанских аналогов, обслуга тибетских «джингали» состояла не из четырех, а из двух человек. Краткое описание основных принципов стрельбы из «джингали» и «больших мушкетов» привел в своей книге А. Уоддель: «Когда мушкеты заменили луки, тибетцы продолжали называть ружья огненными луками (мендах), таким образом сохраняя название своего старого оружия. Их мушкеты — длинные и тяжелые железные ружья с вилкой на конце дула (т. е. с сошками. — *Авт.),* для того, чтобы во время выстрела утверждать его на земле. У самых больших мушкетов вилки нет; они поддерживаются плечом второго солдата, стоящего спиной к стреляющему. Джингали — маленькие продолговатые пушечки, основаны на том же принципе» (Уоддель, 1906, с. 130).

В Иране XVIII в. существовало несколько разновидностей крупнокалиберных ружей: «джезаир», «зарбзан», «замбурак» и др. «Джезаир» и «зарбзан» использовались иранскими воинами преимущественно в пеших порядках. Первые были одной из наиболее легких моделей крупнокалиберных ружей. Термин «джезаир» исследователи переводят как «ружье большого калибра, мушкет» (Мухаммед-Казим, 1961, с. 189). Мусульманские авторы XVIII в. отделяют «джазаир», с одной стороны, от обычных фитильных ружей, а с другой — от более тяжелых вариантов огнестрельного оружия — малокалиберных пушек и фальконетов «зарбзан». В армии Надир-шаха в 30-40-х гг. XVIII в. (как и в джунгарских войсках этого же времени) насчитывались тысячи стрелков «джезаири» («джазаири», «джазаирчи»), вооруженных огнестрельным оружием типа «джазаир», сведенных в отдельные отряды и взаимодействовавших с пешими ружейными стрелками, артиллеристами и конниками (там же, с. 60,92). Тактика «джезаири» была традицион-

ной: обороняющиеся или наступающие иранские воины, вооруженные крупнокалиберными ружьями, поддерживаемые ружейными стрелками и лучниками, интенсивным огнем расстраивали ряды противника, после чего в бой вступали «рустемоподобные конные воины с острыми мечами и смертоносными копьями» (Мухаммед-Казим, 1961, с. 92, 134). В ходе сражения «джезаири» перемещались в пеших порядках, а в случае необходимости (например, для скорейшей переброски к месту схватки) садились на коней (там же, с. 62, 92). В походе «джезаири» обычно также передвигались верхом (там же, с. 60). Нередко «джезаири» решали участь всего сражения: «...эмир Аслан-хан Кырыклу взял шесть тысяч джезаири и шесть тысяч хоросанских ружейных стрелков... этот высокородный хан спешил всех тех победоносных солдат, и они направились к вершине тех гор. Когда они вступили на верх горы, помянутое племя из самонадеянности в числе пяти-шести тысяч человек преградило путь победоносному войску и занялось стрельбой из ружей и бросанием кусков камня, а с этой стороны славные джезаири стали стрелять из драконоподобных джезаиров и в этой первой атаке вследствие безостановочной стрельбы (у кафиров) не хватило терпения, они обратились в бегство... От присутствовавших в этом бою пришлось слышать, что, если бы государь-мирозавоеватель (Надир-шах) не послал в это великое дело джезаири и вел бой, довольствуясь тем (войском, которое было введено в сражение), все кызылбаши обратились в бегство; но славные джезаири, не боясь ружей и сафпузанов того (могольского. — *Авт.)* войска и действуя храбро, в атаке разбросали и рассеяли нить порядка и сплоченности его, как звезды Большой и Малой Медведиц. Неудачливые индийцы, в это время затрудняя друг другу дело и боясь натиска победоносного войска и пуль джезаиров, свалились в кучу, как щепки...» (там же, с. 60-61, 92-93).

Более тяжелой разновидностью крупнокалиберных фитильных ружей в Иране первой половины XVIII в. были фальконеты — «зарбзаны». В иранских войсках подобные «пушки» активно использовались уже во второй половине XVII в., а в первой половине XVIII в. фальконетообразное огнестрельное оружие, выполненное в подражание иранским «зарбзанам», стали изготовлять и другие государства региона. Интересно, что «зарбзаны» иногда использовались не только в ходе полевых сражений, но и при штурме горных крепостей. Судя по данным Мухаммеда-Казима, во время военной кампании против раджпутов иранские полководцы в ходе штурма активно использовали легкие, перевозимые на верблюдах «зарбзаны», огонь которых поддерживали ружейные стрелки и лучники: «Исполняя приказ благородного царевича, отважные тысячники и сотники с рожками и трубами, наступая на ту горную крепость, занялись стрельбой из громогласных ружей, метанием пронзающих сердце стрел и стрельбой из зарбзанов... Насраллах приказал, чтобы хорасанские стрелки с разных сторон вступили на вершину той горы и приложили полное старание к стрельбе из ружей, самострелов и зарбзанов...» (Мухаммед-Казим, 1961, с. 53, 54-55). Для разрушения стен огневой мощи «зарбзанов», по-видимому, не хватало, их главная задача состояла в том, чтобы вместе с ружейными стрелками «выбивать врагов со стен и башен, которые те построили в горах», т. е. прикрывать воинов, идущих на штурм вражеской цитадели, и отражать вражеские вылазки.

Наиболее необычным способом использования крупнокалиберных ружей является стрельба со спины верблюда. Необходимо отметить, что этот способ ведения стрельбы не был изобретен ойратами и периодически использовался стрелками мусульманских государств Северной Африки, Передней, Средней Азии и Северной Индии на протяжении XVI-XVIII вв. Хотя первоначально, вероятно, верблюды использовались исключительно для транспортировки огнестрельного оружия. Так, например, описанные выше иранские крупнокалиберные ружья-фальконеты типа «зарбзан» перевозились на верблюдах, причем стрелять из них, согласно письменным источникам, можно было «прямо с вьючных седел» (там же, с. 188).

В Средней Азии в первой половине XVIII в. перевозимые на верблюдах фальконеты именовались «замбурак». Крупнокалиберные ружья типа «замбурак» («занбурак») получили известное распространение в государствах Средней Азии уже в период позднего Средневековья — в начале Нового времени. По данным Р. Г. Мукминовой, они применялись воинами Средней Азии уже в XVI в. (Мукминова, 1976, с. 122). Упоминания о «замбураках» иранского типа, находившихся на вооружении бухарской армии, содержат письменные источники XVIII в. Флорио Бенвени отмечал, что в Бухаре «посланник видел с 15 маленьких чугунных пуше-

чек, на кизилбашскую стать именуемых *замбурак*[21] \ которых возят на верблюдах, в станках, подобно кавалет мушкетам, и из них стреляют с верблюдов без никакой регулы» (Посланник Петра I на Востоке, 1986, с. 124).

В войсках Бухарского эмирата «верблюжья артиллерия» продолжала использоваться даже в начале XIX в. Русский военный агент поручик И. В. Виткевич отмечал: «Кроме этого, у хана есть несколько фалконетов, прикрепляемых к седлам верблюдов. Фалконеты эти тонкостенны и, повидимому, кованые; они, должно быть, вывезены из Персии и служат более игрушкой, нежели оружием» (Виткевич, 1983, с. 114)[22] (рис. 75, *2).*

Традиция транспортировки крупнокалиберных ружей и пушек на верблюдах и ведения стрельбы с верблюжьих горбов фиксируется в раджпутских войсках северо-западной Индии в конце периода позднего Средневековья — начале Нового времени: «В поздние средние века в армии они (верблюды) использовались как "лафеты" для артиллерийских батарей: при этом пушки и мушкеты со спины верблюда, как говорят, стреляют только назад, чтобы не повредить верблюду шею (выбирается самый флегматичный верблюд). Поэтому стрелять могли, лишь стоя на месте. Говорят также, что в прежние времена на верблюде сидело по два воина, лицом в разные стороны (вперед-назад), и что верблюды "очень удобны при отступлении". Похоже, что использование верблюдов в качестве передвижного средства для пушек было их главным военным назначением...» (Успенская, 2000, с. 141).

В войсках Великих Моголов «верблюжья артиллерия» — легкие орудия, перевозимые на верблюдах в специальных седлах — активно применялась уже в первой трети XVII в.[23] Во времена правления Аурангзеба (1618-1707) количество таких орудий исчислялось сотнями. По данным Ф. Бернье, «тяжелая артиллерия состояла из семидесяти пушек, большей частью чугунных, не считая 200-300 легких верблюдов, которые несли по небольшому полевому орудию величиной с двойной мушкет; их привязывают к этим животным вроде того, как мы привязывали к лодкам камнеметные машины».

К. С. Носов, описывая «верблюжью артиллерию» Моголов, сообщает: «Легкое орудие или крупнокалиберный мушкет, крепившееся на спине животного, называлось *шатурнал* (верблюд-ствол). Оно представляло собой железный кованый или бронзовый ствол, закрепленный в специальной вилке, позволявшей ему менять угол наводки. Вилка, в свою очередь, крепилась в деревянном седле, которое легко можно было поместить на спину верблюду. Длина стволов и калибр варьировались в значительных пределах. Например, один сохранившийся образец имеет ствол длиной 65 см, диаметр у дульного среза — 7,5 см, калибр — 5,2 см. Но встречались и существенно более длинные образцы. К правлению Аурангзеба относится описание *шатурнала* с длиной ствола 1,75 м. В музее Джайгарха рядом с Амбером автор видел образцы и фотографии как еще более длинных, так и более коротких образцов. Человек, сидевший на спине верблюда позади орудия, легко мог заряжать его и стрелять, не спешиваясь. Однако для прицельного выстрела требовалось, чтобы верблюд встал на колени. При этом его ноги связывали веревкой. Иногда на одном верблюде размещали сразу два орудия. Два орудия помещали и в *хоуде* (слоновье седло. — *Авт.)* слона, где они обслуживались двумя людьми». Калибр 52 мм подразумевает вес сплошного чугунного ядра примерно в 1,5 фунта (573 г). При таком весе ядра заряд черного дымного пороха должен составить около 300 г.[24] Отдача такого орудия легко могла переломить позвоночник верблюду или повредить его чувствительные горбы, после чего животное становилось непригодным для работы[25]. Поэтому сомнительно, что орудия калибра 52 мм могли стрелять непосредственно со спины верблюда: скорее всего его было необходимо снять с вьюка и установить на землю. К. С. Носов считает, что огонь из подобных орудий велся не сплошными чугунными, а пустотелыми бронзовыми ядрами, что снижало вес заряда и уменьшало отдачу. Соответственно,

[21] Согласно одному из толкований, «замбурак» («зембурек») означает вид персидского духового музыкального инструмента.

[22] Интересно, что поручик Виткевич считает стволы бухарских «замбураков» коваными, что резко снижает их качество и делает их менее пригодными для ведения действенного огня по противнику в силу несовершенства кованого ствола по сравнению с литым.

[23] Имеется в виду поход Джахангира против раны Читтора в 1614г.

[24] При весе ядра в 16 *лян* (596 г) вес порохового заряда составлял 8 *лян* (298 г) (Бичурин, 1910, с. 211).

[25] См.: Радлов, 1989, с. 286.

по его мнению, выстрел из орудия такого калибра со спины верблюда был вполне возможен.

В Британской Индии «верблюжья артиллерия» сохранялась вплоть до начала XX в., о чем свидетельствуют многочисленные артефакты и фотоматериалы, хранящиеся в музее Джайгарха.

В завершение обзора еще раз подчеркнем, что принципиальных различий между крупнокалиберными ружьями и орудиями «верблюжьей артиллерии» не существовало. Одно и то же оружие, в зависимости от условия применения, могло являться и крупнокалиберным ружьем, используемым для обороны крепости, и орудием «верблюжьей артиллерии».

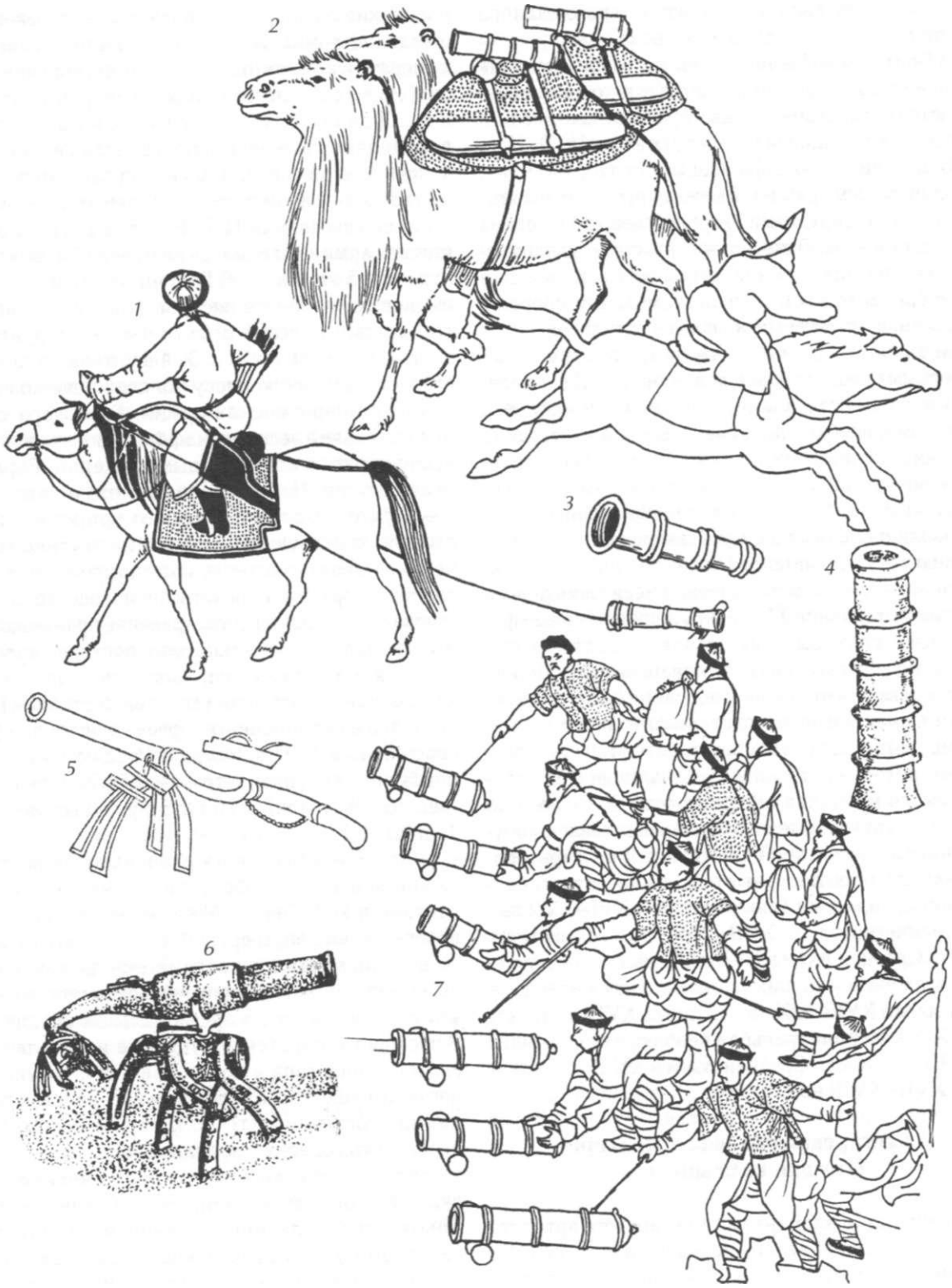
Анализируя данные по джунгарский крупнокалиберным ружьям первой половины XVIII в. в сравнении с их восточными, западными и южными аналогами, необходимо отметить, что джунгарские «пушки походные» ни количественно, ни конструктивно не уступали иранским «зарбзанам», среднеазиатским «занбуракам» и китайским «тайфурам». Их эволюция связана с мусульманской (в первую очередь среднеазиатской) военно-культурной традицией. Вероятно, использовавшиеся джунгарами во второй половине XVII в. крупнокалиберные фитильные ружья были изготовлены в мастерских Восточного Туркестана или Мавераннахра. Можно предполагать, что в первой половине XVIII в. джунгарами, вместе с производством фитильных «турок калмыцких», был освоен и собственный выпуск фальконетов, на что указывает наличие в их войсках тысяч крупнокалиберных ружей. Возможно также, что некоторые из них были изготовлены оружейниками вассальной Кашгарии. Джунгары применяли крупнокалиберные ружья в качестве гарнизонной артиллерии (как русские в XVI-XVII вв., индийские моголы в XVII—XVIII вв., воины государств Средней Азии в XVII-XIX вв.), в ходе полевых сражений в пеших порядках (как китайцы и кашгарцы в XVII-XIX вв., иранцы в XVIII в., тибетцы в XIX в.) и при стрельбе с верблюда (как иранцы в XVIII в., жители Средней Азии в XVIII в., индийцы в XVII-XVIII вв.).

Ажунгарская полевая артиллерия («пушки калмыцкие»)

Важнейшим элементом джунгарского артиллерийского парка являлась полевая артиллерия. Ее упоминают в разговорах и письменных отчетах европейские офицеры и дипломаты — штык-юнкер шведской армии И. Г. Ренат, майор российской императорской армии Л. Д. Угримов, поручик оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев и др. Судя по тому, что в беседах и официальных документах уверенно используется европейская классификация орудий, можно предположить, что джунгарские пушки вполне в нее укладывались. Согласно сведениями. Г. Рената в 1731 г. в джунгарской армии находилось не менее 15 4-фунтовых пушек и 5 «малых». В России «малыми» иногда именовали наиболее распространенный и легкий тип орудий полевой артиллерии — 3-фунтовые пушки. В начале XVIII в. 3-4-фунтовые пушки составляли основную массу полевой и полковой артиллерии европейских армий. Благодаря своей относительной легкости и мобильности они играли важную роль в ходе полевых сражений. Европейские государства использовали различные типы 3-4-фунтовых орудий, имевших при этом в целом схожую конструкцию и основные тактико-технические характеристики. Взаимопроникновению традиций артиллерийского производства способствовало не только распространение производственных технологий, но и массовые поставки артиллерийских орудий из стран Западной, Центральной и Северной Европы в государства Восточной Европы. Одна из крупнейших торговых операций была совершена в 1697 г., когда в Россию из Швеции прибыли 300 пушек, в том числе 150 3-фунтовых (вес 25-28 пудов) и 150 3,5-фунтовых (вес 36-41 пуд).

«Отцом-основателем» малокалиберной артиллерии европейского образца в Джунгарии по праву считается И. Г. Ренат. Маловероятно, что Ренат изобрел новые виды орудий, скорее всего он просто воспроизводил известные ему формы пушек шведской и, возможно, российской армии, но делал это с учетом местной, региональной специфики. В частности, ойратские пушки не имели лафетов европейского типа и колес, так как в Джунгарии почти не существовало дорог (в европейском понимании этого термина), по которым можно было перевозить колесную артиллерию.

Западномонгольские орудия изображены на ряде цинских картин и описаны европейскими и азиатскими посланниками, купцами и путешественниками. Джунгарские пушки представляли собой относительно короткий орудийный ствол (по

1
2
3
4
5
6
7

размерам и форме напоминающий стволы русских 3-фунтовых пушек первой четверти XVIII в.), к передней части которого (недалеко от жерла) крепился деревянный брус, обеспечивавший приподнятое положение дула при стрельбе. Брус крепился перпендикулярно к плоскости ствола, поэтому вся конструкция представляла собой крестовину, в которой брус выполнял функцию короткого горизонтального перекрестья. Диаметр бруса делали не очень большим, чтобы облегчить прицеливание и повысить устойчивость орудия при выстреле (рис. 75, /). В российской полковой артиллерии первой трети XVIII в. 3-4-фунтовые пушки имели длину ствола от 12 до 22 калибров. В 1716 г. Петр I издал указ, в котором установил длину ствола для 4-фунтовых орудий в 22 калибра.

Судя по изображениям джунгарских пушек на цинских картинах, они имели относительно короткий, небольшой в диаметре и несколько расширяющийся в дульной части (в европейской терминологии «дульное возвышение») ствол. Поверхность ствола была перехвачена выпуклыми «поясками» — «фризами» (рис. 75, /, *2).*

Цинские иконографические материалы подтверждаются сообщениями русских и кашгарских очевидцев. В январе 1749 г. кашгарский купец Айтбага Баймуратов описал увиденные им джунгарские «чугунные» пушки, изготовленные еще И. Ренатом, как орудийные стволы «длиною аршина полтора (около 1,4 м. — *Авт.)*... кои и возятся на верблюдах» (Моисеев, 1990, с. 72). В 1733 г. часть артиллерийского парка джунгарского хунтайджи была освидетельствована русским послом Л. Д. Угримовым в ходе праздника Цагаан Сар, проходившего на урочище Гурвалджин в окрестностях ставки Галдан-Церена на р. Или. По словам Л. Д. Угримова, «кругом оной процессии сидело калмыков в военном убранстве в латах и в кольчугах с копьями и ружьем по сорок человек на стороне, а между оными было шесть верблюдов с пушками». На прилагаемом к дневнику посла рисунке можно различить изображения 6 лежащих верблюдов, на спинах которых увязаны короткоствольные орудия. Конструкция станка неясна, поскольку детали рисунка плохо различимы.

В российских письменных источниках 3-4-фунтовые пушки именуются «медными», хотя в реальности они лились из так называемого «артиллерийского металла» — 100 частей меди и 12 частей олова. Вопреки расхожему мнению, при производстве орудий русские литейщики нуждались не в меди (она была как раз в избытке: из 90 тыс. пудов, собранных в 1701 г., было использовано только 8 тыс.), а в добавках. У джунгар, напротив, с оловом проблем не возникало, а вот для налаживания «медных заводов» приходилось предпринимать серьезные усилия.

Стоит остановиться на одной особенности пушечного производства в Джунгарии: количество производимых боеприпасов по вполне естественным причинам должно было существенно превосходить количество производимых единиц артиллерийского вооружения. Однако в условиях Джунгарского государства (практически полное отсутствие дорожной сети и непригодность существующих дорог для использования гужевого транспорта) добыча и транспортировка железной руды были достаточно сложным делом[26]. К тому же большая часть запаса железной руды, по всей видимости, использовалась для изготовления различного вооружения. Выход из создавшегося положения был найден весьма необычным способом: для изготов-

[26] Мы имеем свидетельства о транспортировке на дальнее расстояние лишь готовых железных криц, получаемых джунгарами с кузнецких двоеданцев в виде «алмана».

Рис. 75. Центрально-, южно- и восточноазиатская малокалиберная артиллерия XVIII в.:

7 — изображение маньчжурского всадника, тянушего на веревке трофейную джунгарскую пушку из разгромленного джунгарского лагеря. Прорисовка с картины неизвестного иинского художника 30-50-х гг. XVIII в. (ранее приписывалась цинскому художнику 1Лзяо Бинчженю); *2* — изображение груженных джунгарскими пушками верблюдов, захваченных пинскими солдатами при разгроме джунгарского лагеря. Прорисовка с картины неизвестного иинского художника 30-50-х гг. XVIII в. (ранее приписывалась цинскому художнику Шяо Бинчженю); *3* — изображение ствола пушки. Тибетская танка «Каниан Ямы», XVIII в. (собрание Государственного музея Востока); *4* — изображение орудийного ствола малокалиберной пушки. 1_1инская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); 5 — изображение казнозарядного вьючного орудия «фоланьизи пао»; 6 — изображение орудия индийской (могольской) «верблюжьей артиллерии»; *7* — цинские канониры ведут стрельбу из малокалиберных пушек «худуньпао» по «вагенбургу» кашгарцев, составленному из стреноженных лошадей. Прорисовка с картины середины XVIII в. «Сражение у оз. Ешикуль».

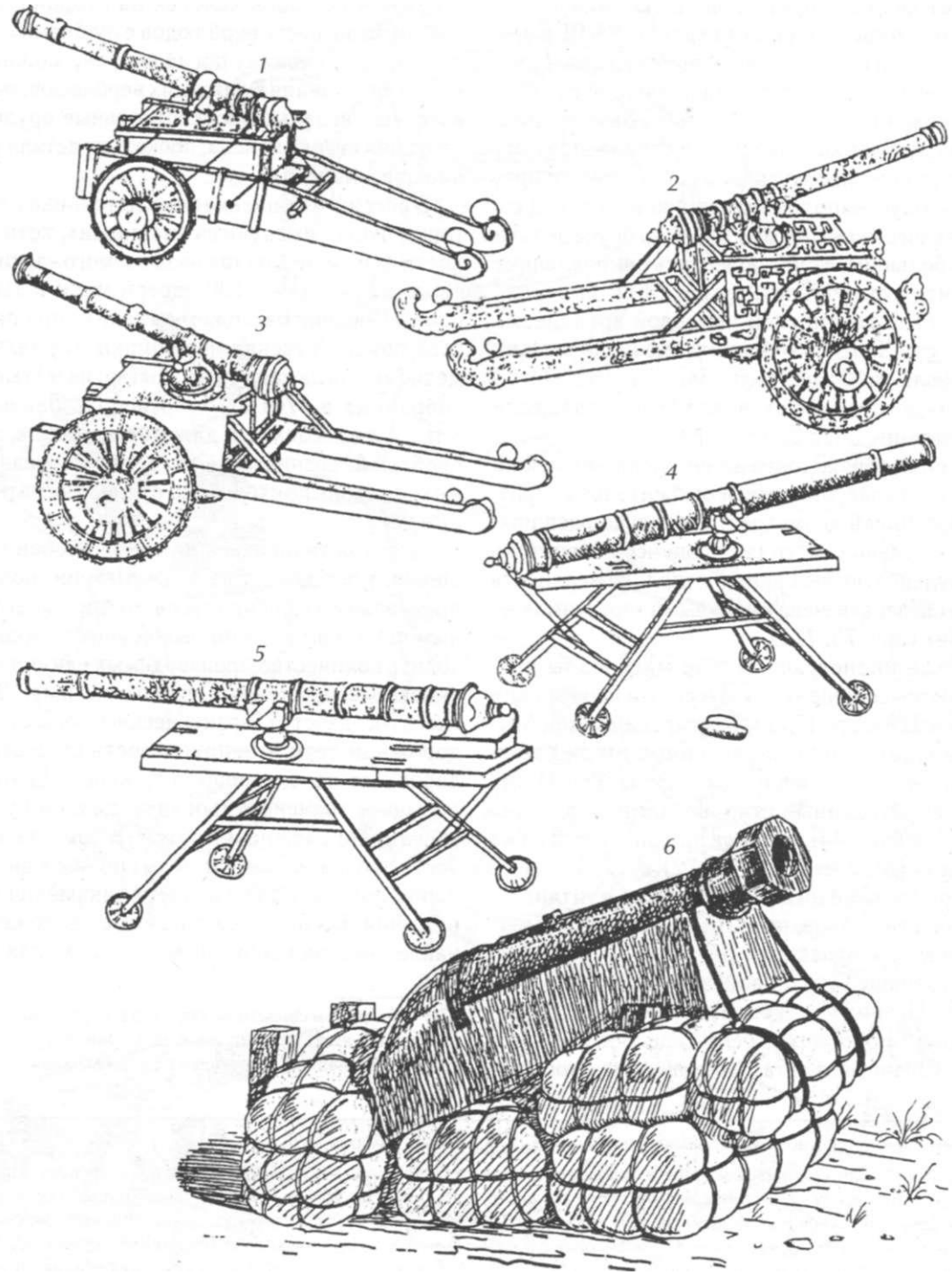

Рис. 76. Дальневосточная артиллерия периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-5 — изображения цинских и минских (2) орудий периода позднего Средневековья и Нового времени: на деревянном лафете с колесами *(1-3)* и на козлах *(4-5)*. Кинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); 6 — японская малокалиберная пушка «тайхо» на деревянном станке (по К. С. Носову).

ления сплошных ядер джунгарские оружейники стали использовать легкоплавкое олово (Sn). При температуре плавления всего 231.9ГС (ср. с температурой плавления свинца РЬ = 327,4°С) олово имеет плотность в 7,295 г/см^3 (ср. с плотностью железа Fe = 7,874 г/см^3). То есть при меньших затратах топлива и существенно меньших трудозатратах джунгарские артиллеристы получали вполне приемлемые по своим боевым качествам снаряды, лишь немного уступавшие чугунным ядрам по весу[27]. Восточный Туркестан богат месторождениями олова, которое и шло на изготовление ядер для джунгарской артиллерии: «А ныне они, зенгорцы, те пушки и к ним ядра, также мортиры сами делают из меди, чугуна и железа, а ядра и из олова» (Моисеев, 1990, с. 72). Точных сведений о боекомплектах и боевых характеристиках джунгарских пушек известные нам письменные источники не содержат. Стандартный боекомплект русской пушки состоял из 120 ядер и 30 зарядов с картечью. Дальность стрельбы 3-фунтовых пушек не превышала 100 саженей (213 м).

При описании боеприпасов нельзя не отметить еще одну технологическую проблему, с которой пришлось столкнуться И. Г. Ренату и его помощникам при создании джунгарской артиллерии. Этой проблемой является порох. Рецептура черного дымного пороха варьируется в очень широких пределах — от дефлагирующего до бризантного состава. Это зависит как от пропорций смешиваемых ингредиентов (горючей серы, селитры и древесного угля), так и от химического состава исходных компонентов. Здесь сильное влияние оказывают: состав селитры — калиевая, натриевая, кальциевая или бариевая; степень ее очистки; уголь — ивовый, березовый или иной; включение в состав пороха иных компонентов, являвшихся данью алхимическим традициям Средневековья. В зависимости от состава пороха менялись его баллистические качества. Это, в свою очередь, требовало изменения в конструкции зарядной «каморы» орудия для достижения оптимальных результатов. Кроме того, важную роль играет форма, в которой выпускается порох: т. н. «пороховая мякоть» (стадиально более ранняя форма пороха) или же гранулированный артиллерийский порох. Гранулированный порох предпочтительнее во многих отношениях, поскольку гранулы позволяют увеличить площадь поверхности частиц пороха по сравнению со слипающейся в комки пороховой мякотью[28]. Увеличение же площади поверхности позволяет добиться более быстрого и равномерного сгорания пороха при выстреле с максимальным выделением пороховых газов.

До середины XVII в. джунгары практически не делали порох самостоятельно, а закупали или захватывали его в Восточном Туркестане или в государствах Средней Азии. Часть пороха получали в качестве дани с жителей присырдарьинских городов (Ташкент, Туркестан и т. д.), временами оказывавшихся в сфере влияния джунгар. Однако все русские путешественники XVIII-XIX вв. свидетельствуют о плохом качестве значительной части черного дымного среднеазиатского пороха[29], а также пороха, изготовленного в кустарных условиях казахскими кочевниками. Поэтому унификация рецептуры и использование единообразных стандартизованных ингредиентов являлись побочной задачей, которую необходимо было решить джунгарам для успешного создания собственной артиллерии. Однако даже в конце правления Галдан-Церена джунгары продолжали собирать дань с населения Старшего жуза порохом для ружей: в 1744 г. послы Галдан-Церена собрали с жителей города Туркестана «пороху ручного и свинцу по осьмидесяти пяти пуд»[30]. По нашему мнению, эти факты, а также отсутствие упоминаний в источниках т. н. «пороховых мельниц» и их аналогов, использовавшихся для производства гранулированного пороха, свидетельствуют о том, что окончательного решения проблемы порохового производства И. Г. Ренату добиться не удалось. Проблема с по-

[27] Безусловно, чугунные ядра являются более удачным боеприпасом для орудий гладкоствольной артиллерии по соотношению вес/твердость, но при меньшей твердости оловянного ядра его вес лишь немного уступает весу чугунного ядра (на 8%). При решении боевых задач, ставившихся перед джунгарскими артиллеристами, оловянные ядра вполне удовлетворяли их потребности в массовом дешевом снаряде, пригодном для поражения живой силы противника.

[28] Единственным преимуществом пороховой мякоти является ее способность к просушке: при намокании такой порох слипается в большой ком, который после просушки можно вновь перетереть в порошок без ухудшения его качеств.

[29] См., например, «Записки о Бухарском ханстве» И. В. Виткевича или «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» И. Г. Андреева.

[30] См.: ЦГАДА. Киргиз-кайсацкие дела. 1744. Д. 4. Л. 116-121.

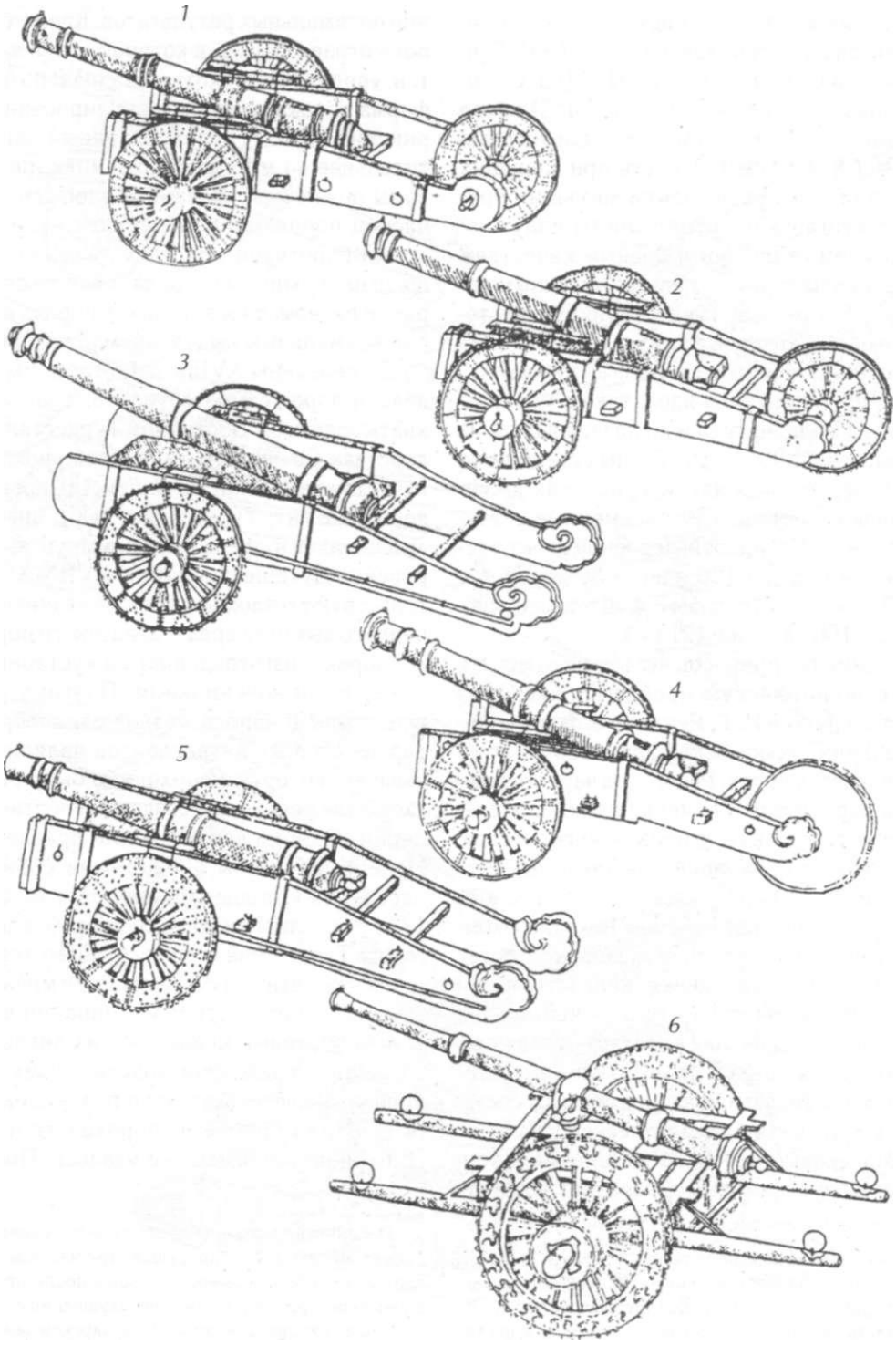

Рис. 77. Восточноазиатская артиллерия периода позднего Средневековья и Нового времени. 1_1ин-ская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

рохом стояла перед джунгарами и впоследствии, что не могло не оказать влияния на боевые качества джунгарской артиллерии.

Для транспортировки европейской пушки на деревянном лафете с колесами требовалось от двух до четырех лошадей. Джунгарские пушки в Центральной Азии перевозили на верблюдах, укрепив стволы в специальные «ясли» на горбах (рис. 75, *2)*. Об этом свидетельствуют как изобразительные, так и письменные источники. Использование верблюдов при транспортировке пушек не было особенностью военного искусства исключительно центральноазиатских кочевников. Театр военных действий как будто бы сам подталкивал полководцев разных стран именно к такой форме транспортировки артиллерии. Отсутствие разветвленной сети мощеных дорог, наличие горных перевалов и стремительных рек вынуждали военачальников прибегать к услугам верблюдов как основного вида транспорта при перевозке малокалиберной артиллерии. Именно этих животных, а также мулов использовали в военных кампаниях в Средней Азии, Афганистане и Индии иранский завоеватель Надир-шах в 30-40-х гг. XVIII в. (Петров, 1965, с. 32), цинские военачальники в ходе военных экспедиций в Джунгарию и Восточный Туркестан, раджпуты северо-западной Индии.

Судя по китайским картинам первой половины XVIII в., при транспортировке пушек на спины верблюдов устанавливалась специальная конструкция, напоминавшая описанное выше «ружейное седло», сочетавшая в себя твердый (деревянный?) яслеобразный каркас (две полки, соединенные длинными рамами с ложем для орудийного ствола) и толстое подбитое соломой или ватой «одеяло» (рис. 75, *2)*. Орудия крепились на горбах параллельно корпусу верблюда и фиксировались специальными веревками и ремнями. В ходе сражения пушки обычно снимали со спин верблюдов и устанавливали на возвышенности. Ряд современников указывают на то, что огонь из малокалиберных орудий мог вестись непосредственно с верблюдов, которые в это время, вероятно, были положены на землю. Описание «верблюжьей артиллерии», оставленное П. Рычковым, дает представление о действительной эффективности такой стрельбы: «...и пушки у них есть, заведенные одним шведом, бывшим в плену во владениях *хунтайджи,* которые во время военных походов возят на верблюдах и, не снимая с них, стреляют, но весьма не действительно, и так употребляются больше для страху, нежели для вреда неприятелям» (Рычков, 1887, с. 26).

Однако невысокая точность стрельбы с верблюжьих горбов отчасти компенсировалась другим немаловажным фактором. «Верблюжья артиллерия» была исключительно мобильна, что имело принципиальное значение для военных кампаний на бескрайних просторах Центральной Азии. Груженные пушками верблюды в ходе военных кампаний следовали вместе с погонщиками за наступающей джунгарской конницей. Благодаря относительно небольшому весу орудий верблюды не слишком отставали от всадников. Если противник принимал бой, то вслед за конницей в сражение в скором времени вступала артиллерия. Пушечные выстрелы имели не только боевой, но и мощный психологический эффект. Непривычные к борьбе с артиллерией казахские ополченцы нередко выходили из боя, только заслышав орудийную пальбу. Взаимодействие копейной конницы и артиллерии в джунгарских войсках середины XVIII в. отметил Мола Абд ал-Алим — автор стихотворной хроники «Ислам-наме» (завершена в 1756 г.).

Преследуя по пятам, он[31] так их (казахов) пронзал (копьем),
Что на дорогах кровь врага стала морем.
Эринджэн с казахами поневоле
Скрылся, бросившись в сторону запада.
Дабаджи неотступно преследовал (их),
Когда настигал — стрелял из пушек
(курсив наш. — *Авт.).*
Нагнал, не дав достигнуть Алтын-Эмеля,
Показал казахам свою джунгарскую доблесть.

(МИКХ, 1969, с. 430)

Стрельба с верблюда не была единственной и даже, по всей видимости, самой популярной формой использования пушек в ходе полевого сражения. Как правило, перед боем орудия снимали с верблюжьих горбов, устанавливали на возвышенности и по возможности маскировали. Легкая джунгарская конница выманивала цинские войска в поле и подводила под удар артиллерии спешенных стрелков. По наступающей пехоте и коннице врага пушки били в упор. Расстроенные ружейными и пушеч-

[31] Дабаджи — джунгарский правитель Даваци.

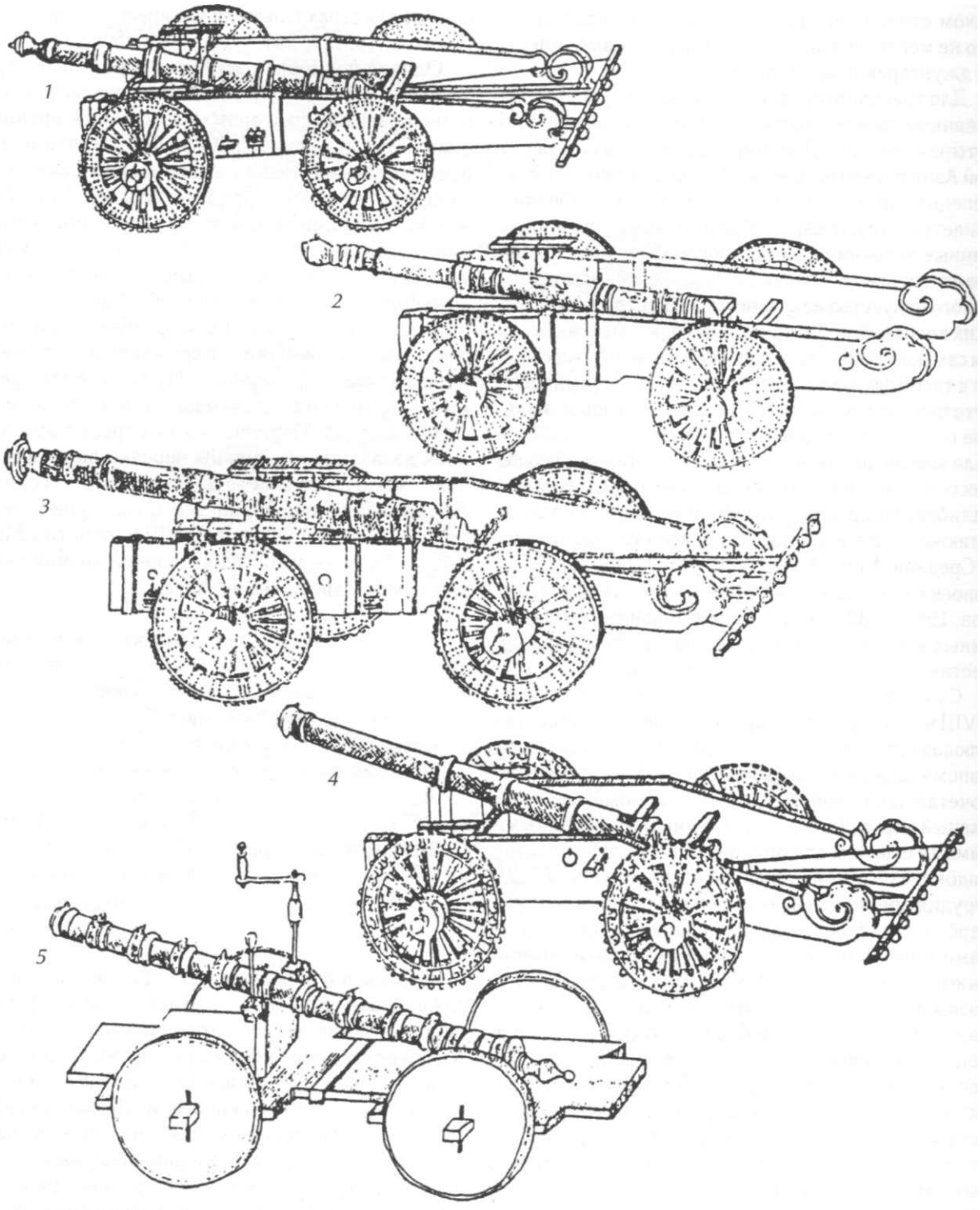

Рис. 78. Восточноазиатская артиллерия периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

ными залпами маньчжурские отряды атаковались конными копейщиками и пищальниками (Бобров, Худяков, 2005, с. 231). Основой тактики по-прежнему оставалась контратака. Л. Ланг докладывал в Петербург, что будто бы Цеван-Рабдан через своих послов объявил в Пекине, «что он всегда готов будет с китайской армией баталию дать, ежели оная к ним придет, для того, что его народы не привыкли китайские ретрейшементы атаковать, а ежели оные от них оставлены будут и пойдут в их собственную землю, то и он за ними вскоре с своею армией следовать будет»(Златкин, 1983, с. 231).

Явным недостатком джунгарских пушек (вызванным не «отсталостью джунгарской военной мысли», а спецификой транспортировки орудия по центральноазиатской степи) было отсутствие колес. Для того чтобы развернуть пушки или скорректировать прицел, необходимо было поворачивать и переносить их на руках. Верблюдов клали в непосредственной близости от пушек, чтобы в случае необходимости быстро положить стволы в деревянные «ясли-седла» и стремительно переместить их на другой участок поля сражения.

Если противник переходил к обороне, спешивался и укрывался за спинами верблюдов, коней, легких полевых щитов и т. д., джунгары стягивали свои пушки к этим полевым укреплениям и под прикрытием пеших стрелков, конных и пеших копейщиков в упор расстреливали их. Точно так же в ходе полевых сражений действовали и артиллерийские подразделения цинской армии, участвовавшие в боевых операциях на центральноазиатском театре военных действий. Насколько эффективным было применение малокалиберных пушек против конских и верблюжьих «вагенбургов», свидетельствует знаменитая картина середины XVIII в. «Сражение у оз. Ешикуль».

Есть основания полагать, что джунгары использовали и трофейные цинские орудия. Так, в ходе сражения с имперской армией в горах Алтая летом 1731 г. джунгары «5 пушек медных у них, китайцев, отбили, которые де веема зделаны регулярно...» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 284). Цинские пушки, использовавшиеся на джунгарской фронте, обычно также были лишены лафетов европейского типа. Их заменяли все те же деревянные брусы. Иногда орудийные стволы снабжались парой деревянных брусков. В этом случае первый брус крепился недалеко от жерла, а второй — у казенной (торельной)части. Стволы орудий часто клали не на землю, а на подстеленный войлок или специальную решетчатую раму (Чжунго гудай бинци туцзи, 1990, с. 265). Цинские пушки перевозились на верблюдах в специальных деревянных «яслях», по конструкции напоминавших свои джунгарские аналоги. На страницах энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу», датированной 1759 г., фиксируются изображения цинских пушек, укрепленных на оригинальном лафете, представляющем собой прямоугольную доску, снабженную четырьмя деревянными распорками с колесами (рис. 76, *4-5).*

Мортиры

Мортиры являются яркой специфической разновидностью европейской артиллерии периода Нового времени. Их появление в джунгарских войсках современники прочно связывали с деятельностью И. Г. Рената. Мортиры и боеприпасы к ним (бомбы) неоднократно упоминаются в сообщениях различных российских посланцев, в том числе профессиональных военных, неплохо разбиравшихся в типах артиллерийских орудий, поэтому сомневаться в факте существования мортир в джунгарской артиллерийском парке не приходится. По сообщениям современников, артиллерийский парк джунгарской армии в начале 30-х гг. XVIII в. насчитывал около 20 мортир, а в начале 40-х гг. XVIII в. — около 30.

Изображений джунгарских мортир нами не зафиксировано. Скорее всего они были изготовлены И. Г. Ренатом и его помощниками по образцу шведских и русских мортир начала XVIII в. Косвенным подтверждением этого являются изображения цинских мортир середины XVIII в. в энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу». Последние отличаются от европейских прототипов в основном лишь наличием декоративных украшений на поверхности ствола и характерным деревянным лафетом, снабженным четырьмя колесами небольшого диаметра (рис. 79,*2-3)*. Причина сходства цинских мортир с европейскими аналогами кроется в том, что ключевую роль в создании данного типа артиллерийских орудий в Китае сыграли все те же европейские специалисты.

Отличительной чертой джунгарских мортир был относительно крупный калибр. Если, например, основную массу легких мортир российской осадной артиллерии в 20-х гг. XVIII в. составляли 6-фунто-

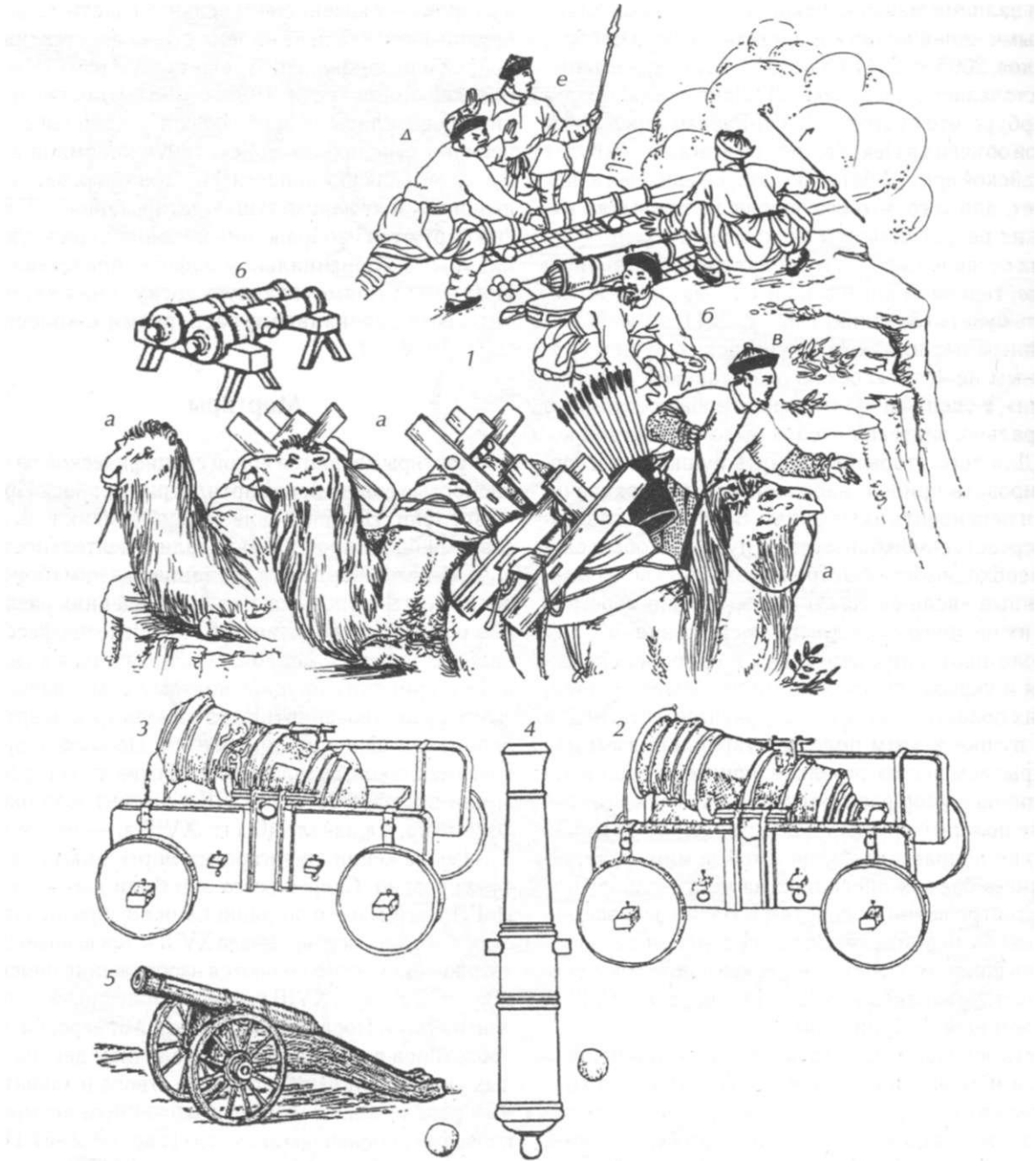

Рис. 79. 1_1инская малокалиберная артиллерия и мортиры, русская полевая артиллерия:

7 — цинские канониры ведут стрельбу из пушек по боевым порядкам восточнотуркестанских войск. Прорисовка с картины середины XVIII в. «Сражение у оз. Ешикуль»; *2-3* — цинские мортиры первой половины — середины XVIII в. 1_1инская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); 4 — изображение ствола трехфунтового артиллерийского орудия российского производства первой половины XVIII в. (по А. К. Станюковичу); 5 — изображение четырехфунтовой пушки «петровского времени, 1700 г., на лафете» (по Н. Г. Павленко); 6 — способ хранения артиллерийских стволов на станках в сибирских острогах (по А. П. Бородовскому, Е. Л. Бородовской).

вые орудия (около 200 шт.), то парк джунгарских мортир состоял из 10-фунтовых экземпляров (около 20 шт.). Однако это сравнение достаточно условно, так как ничего подобного русским 5- и 9-пудовым тяжелым осадным мортирам в джунгарской армии не было.

Если в европейской воинской практике мортиры использовались преимущественно при осаде городов и укрепленных поселений, то джунгары активно применяли их в ходе полевых сражений. Стреляющие бомбами мортиры джунгары использовали в ходе полевых сражений против цинских войск весной и летом 1731 г. К армии Церен Дондобы-старшего, вторгшегося в Халху в 1732 г., было приписано не менее трех мортир (Златкин, 1983, с. 244). Некоторые мусульманские полководцы первой половины — середины XVIII в. также использовали мортиры в ходе полевых сражений. Например, в день знаменитой битвы у Панипата иранские солдаты вели огонь по индийским войскам не только из обычных и крупноколиберных ружей, фальконетов «зарбзанов», пушек, но и из мортир «хумбара» (Мухаммед-Казим, 1961, с. 131).

Появление орудий различных типов и калибров существенно увеличило боевой потенциал джунгарской армии и лишило Цинскую империю монополии на массовое применение артиллерии в Центрально-Азиатском регионе. В начале 30-х гг. XVIII в. джунгарские пушки не раз решали исход полевых баталий. Особо успешно джунгарские канониры действовали под непосредственным руководством И. Рената, о чем он не забывал упомянуть в ходе бесед с российскими эмиссарами. В частности, он рассказал Л. Угримову, что летом 1731 г. пятитысячный джунгарский корпус «с небольшой артиллерией» был атакован у г. Любчин 15-тысячной цинской армией. В бою западные монголы потеряли 400 человек убитыми, «а остальных уже я выручил», — отмечал Ренат(Златкин, 1983, с. 242).

5.6. Джунгарская артиллерия в азиатском военно-политическом контексте 20-50-х гг. XVIII в.

Выше мы рассмотрели процесс эволюции джунгарской артиллерии во второй половине 20-50-х гг. XVIII в. Однако выяснить истинный потенциал западномонгольского артиллерийского парка можно, лишь сопоставив его с артиллерийским парком других государств региона. В рассматриваемый период в Средней, Центральной и Восточной Азии пушки находились на вооружении войск Российской империи, Цинской империи, Бухарского ханства, Хивинского ханства и Ирана. Кроме того, значительный по численности артиллерийский парк имели тюрко-индийские войска империи Великого Могола, но последние не принимали активного участия в военных кампаниях в Центральной Азии и влияли на расстановку сил в регионе лишь опосредованно.

При сопоставлении артиллерийского потенциала Джунгарии и сопредельных государств складывается двоякое впечатление. С одной стороны, налицо подавляющий перевес оседло-земледельческих империй (в первую очередь России, Китая и Ирана) в численном и качественном составе артиллерийского парка. Особенно заметно отставание Джунгарии в сфере осадной и крупнокалиберной артиллерии. Для осады крепостей джунгарские малокалиберные орудия были практически непригодны[32], оказать решающее влияние на ход полевого сражения с армией, имеющей крупнокалиберную артиллерию, джунгарская артиллерия также была не в состоянии. В этом нам позволяют убедиться тактико-технические данные орудий: при длине ствола 1,5 аршина (чуть более 1 м) и весе 6 пудов (96 кг)[33] известный нам максимальный вес сплошного чугунного ядра составлял не более 1,5 фунта. Сравнивая тактико-технические данные цинских, минских, корейских и джунгарских орудий (за исключением дальности стрельбы: этот показатель сильно варьируется в зависимости от качества пороха и используемого снаряда), например калибр, длину и вес ствола, вес ядра и порохового заряда, конструкцию станка, мы можем убедиться, что джунгарские орудия были намного менее совершенны, чем, скажем цинские и даже корейские. Наличие у цинских и корейских артиллеристов орудий на колесных лафетах и орудий с калибром более 1,5 фунта делали джунгарскую артиллерию явным аутсайдером на фоне достижений литейщиков Китая и Кореи.

[32] Ср. с попыткой цинских войск взять штурмом Кумарский острог в 1655 г., применяя пушки калибром 1,5 фунта (РКО, 1972, с. 206-208, док. №80).

[33] Максимальный известный нам вес джунгарского орудийного ствола.

Однако если сравнивать артиллерийский потенциал оседло-земледельческих государств и Джунгарии не механически (сопоставляя общее число изготовленных орудий и их калибр), а в рамках военно-исторического контекста в регионе, то мы увидим несколько иную картину. Джунгарская артиллерия была сконцентрирована на относительно небольшой территории (в основном в районе Урги) и в случае необходимости перебрасывалась в действующую армию, в то время как, например, российская артиллерия была разбросана на огромной территории, а ее основная часть сконцентрирована в европейской части страны. В сибирских городах находилось значительное количество пушек, но большая их часть была изготовлена в XVI-XVII вв. Что касается численного разрыва основных типов русских и джунгарских малокалиберных полевых орудий, т. е. 3-4-фунтовых пушек, то он не так уж значителен, как принято считать. В 1723-1724 гг. в российской полевой артиллерии насчитывалось 80 3-фунтовых пушек, в то время как в Джунгарии в конце 20 — начале 30-х гг. XVIII в. было не менее 20 3-4-фунтовых орудия. Несмотря на то что новая российская артиллерия создавалась на протяжении 20 лет, а джунгарская — около 5, разрыв составляет всего 4 раза. К началу 40-х гг. XVIII в. число джунгарских малокалиберных пушек увеличилось до 50. Учитывая фактор разбросанности русских орудий по огромной территории, можно с большой долей уверенности предположить, что в сфере малокалиберной полевой артиллерии Джунгария в этот период мало в чем уступала российской полевой артиллерии, расквартированной в Южной Сибири.

Похожая ситуация складывалась и в отношении Цинской империи. Одной из главных проблем маньчжурских полководцев была переброска крупного артиллерийского парка с территории Китая через бескрайние просторы Центральной Азии к джунгарской границе. В неудачном для цинов сражении в Монгольском Алтае летом 1731 г. джунгарами было захвачено 5 медных цинских пушек. Судя по тому, что цинский корпус подвергся разгрому и около 7 тыс. имперских солдат попали в плен, джунгарами была захвачена значительная часть находившихся при корпусе орудий. Это дает основание полагать, что в сфере малокалиберной полевой артиллерии преимущество цинской армии хотя и было значительным, но не являлось подавляющим.

При сопоставлении джунгарского артиллерийского парка с артиллерийским парком Бухары и Хивы можно отметить, что в сфере малокалиберной артиллерии джунгары мало в чем уступали среднеазиатским армиям. Согласно сведениям, собранным российским посольством, в начале 20-х гг. XVIII в. в Бухаре находилось 29 малокалиберных пушек, из них 14 «полковых пушек» являлись трофеями, захваченными бухарцами у индийских моголов, еще 15 находились в ханском дворе. Они транспортировались на верблюдах и являлись аналогами иранских малокалиберных орудий. Возможно, некоторое количество пушек находилось в арсеналах других городов ханства, однако российский посланец особо подчеркнул, что, несмотря на все старания, более нигде орудий не заметил (Посланник Петра I на Востоке, 1986, с. 123-124). Что касается Хивы, то там хранились 7 трофейных русских «пушек медных полковых, бывших при князе Черкасском». В отчете русского посланника никаких других орудий не упомянуто (там же). Кроме того, Ф. Беневени особо подчеркивал слабую подготовку среднеазиатских пушкарей: «...бухарцы, как и хивинцы, искусства в пушках не имеют, разве заставят русских пленников из них стрелять, и ядер делать не знают и вместо ядер употребляют камень или каменные ядра» (там же, с. 124).

Таким образом, отставание Джунгарии в сфере малокалиберной артиллерии от Российской и Цинской империй, хотя и было значительным, тем не менее не являлось катастрофическим, а по ряду показателей (в частности, по возможности концентрации артиллерии на направлении главного удара на центральноазиатском театре военных действий) джунгары в 30-40-х гг. XVIII в., возможно, и превосходили многих своих соседей. В отношении среднеазиатских государств вообще стоит говорить о паритете или даже о превосходстве (количественном) джунгарского артиллерийского парка над своими бухарскими и хивинскими аналогами.

Совсем по-другому обстояли дела в сфере крупнокалиберной и осадной артиллерии. Ее у джунгар не было вообще. Трехфунтовые орудия были самым легким типом русской полевой артиллерии. В символической «джунгарской классификации» легким типом пушек, судя по заявлениям джунгарского посланника Дюринга, считались крупнокалиберные ружья, а джунгарские 3-4-фунтовые пушки западномонгольские специалисты относили к раз-

Таблица

Сравнительная таблица артиллерийского парка Российской империи и Джунгарского ханства в 20-30-х гг. XVIII в.[34]

Назначение (тип) артиллерии	Тип артиллерийских орудий	Количество артиллерийских орудий (шт.) в России (1723-1724 гг.)	Количество артиллерийских орудий (шт.) в Джунгарии (1725-1731 гг.)
Полевая артиллерия	3-4-фунтовые пушки	80 (3-фунтовые)	20[35] (15 шт. — 4-фунтовые, 5 шт. — 3-фунтовые)
	6-фунтовые пушки	6	—
	8-фунтовые пушки	12	—
	12-фунтовые пушки	3	—
	1-пудовые гаубицы	4	—
	'^-пудовые гаубицы	3	—
Осадная артиллерия	18-фунтовые пушки	60	—
	24-фунтовые пушки	60	—
	6-фунтовые мортиры	200	
	10-фунтовые мортиры	—	20
	9-пудовые и 5-пудовые мортиры	40	—

ряду «ломовых». Ойратским канонирам было просто нечего противопоставить русским 8-24-фунтовым орудиям, а также 1 -'^-пудовым гаубицам и их цинским аналогам (рис. 77-78) (табл.). В этом кроется главная слабость артиллерийского парка западномонгольского государства.

Для чего же была необходима джунгарам такая «неэффективная» по сравнению с цинскими и русскими аналогами артиллерия? Ответ на этот вопрос кроется в боевой практике центральноазиатских войн XVII—XVIII вв. Как сами джунгары, так и их основные противники широко практиковали в ходе боя создание «верблюжьих крепостей» — полевых укреплений из положенных на землю верблюдов, накрытых мокрым войлоком. Иногда для этих целей применялись стреноженные кони. В ряде случаев для строительства вала вокруг военного лагеря использовались мертвые животные. Кроме того, казахи и монголы в период позднего Средневековья и Нового времени стали все более активно применять различные полевые укрепления — деревянные засеки, земляные валы со рвами, частоколы, баррикады из камней, «шанцы», а также станковые щиты из прутьев и деревянных досок. Такая защита помогала с большей или меньшей степенью надежности прикрыть спешенных стрелков, вооруженных ручным огнестрельным оружием, от мушкетеров, лучников и конников противника. Обстрел «верблюжьей крепости» из ружей и луков не давал нужного эффекта. Еще более сложным представлялось разрушить полевое укрепление из дерева или камней без помощи артиллерии. При этом ядро весом в 600 г (даже оловянное) легко убивало и ранило верблюдов, прикрытых мокрым войлоком, могло разрушить наскоро сложенную без применения раствора стенку из камней, поразить воинов, укрывающихся за засекой из поваленных деревьев. Кроме того, дистанция, с которой возможно вести эффективную

[34] В таблице приведены данные по полевой и осадной артиллерии. На вооружении российских гарнизонов также находились орудия крепостной артиллерии. В 1713 г. в 18 крупнейших городах и крепостях России были размещены 3 486 пушек, 492 мортиры, 37 гаубиц и 213 орудийдругих типов. Значительное число этих орудий было изготовлено в XVI-XVII в. В джунгарской артиллерийском парке не учитываются трофейные русские и цинские артиллерийские орудия, захваченные в ходе военных кампаний первой половины XVIII в.

[35] По сведениям русской разведки, в 1741 г. в Джунгарии насчитывалось 50 «ломовых пушек», 30 мортир и более 3 000 крупнокалиберных ружей («пушек походных»).

стрельбу из 1,5-3-фунтового орудия, существенно превышает дистанцию эффективной стрельбы из ручного огнестрельного оружия[36]. Для этих же целей, вероятно, служили и мортиры, из которых можно было вести эффективную стрельбу по стационарному объекту (тому же «верблюжьему вагенбургу» или укрепленному военному лагерю). Причем гранаты, которыми заряжались мортиры, вероятно, производили мощный поражающий и психологический эффект, разрываясь среди десятков стреноженных животных или попадая в как будто бы неуязвимый центр военного лагеря, где обычно размещались шатры командования, боеприпасы, склады, захваченные трофеи, раненые воины и т. д. Применяя такое оружие, джунгарские военачальники эффективно разрушали организованную систему обороны противника в полевом бою, неся минимум потерь.

Подобные действия были вполне логичны в условиях тотальной войны, которую Джунгария вела против всех своих соседей с самого своего основания: в этих условиях страна, не обладающая достаточными материальными и людскими ресурсами, была вынуждена делать ставку на полководческое мастерство своих военачальников и воинские умения своих солдат. Очень показательны в этом отношении слова Галдан-Церена: «Оные-де надеютца на свое людство, и я-де хотя не столько людей имею, однако с одними ими управитца надеюсь» (Моисеев, 1990, с. 80)[37].

Естественно, успешное применение такого оружия было возможным только в условиях практически полного отсутствия у противника крупнокалиберной дальнобойной артиллерии. С успехом действуя против казахов и войск среднеазиатских владений, джунгары не имели возможности на равных противостоять в длительном фронтальном столкновении цинским войскам, применявшим не только мобильную артиллерию типа худуньпао и цзиньлун пао, но и тяжелые орудия типа хунъи пао и да цзянцзюнь пао. Шок, вызванный использованием джунгарами пушек и мортир, в цинских войсках достаточно быстро прошел. И последующие операции имперское командование планировало уже с учетом новых возможностей джунгарских войск.

Еще более остро уязвимые стороны джунгарской артиллерии проявлялись при осаде больших и хорошо укрепленных вражеских поселений. Эффективные в борьбе с полевыми укреплениями противника, малокалиберные джунгарские пушки оказывались бессильны перед мощными крепостными стенами крупных городов и горных крепостей Средней Азии.

Необходимо признать, что некоторое время западномонгольские полководцы справлялись с городскими стенами и без привлечения осадной артиллерии. Если город нельзя было захватить неожиданным ударом,начиналасьдлительная осада, в ходе которой джунгарские полководцы пытались блокировать поселение и вынудить гарнизон к сдаче. Изредка ойратские военачальники решались на штурм городских стен, но происходило это относительно редко, и еще реже штурм оканчивался взятием цитадели. Значительную помощь в осаде укрепленных городов и горных крепостей джунгарам оказывали местные феодалы, стремившиеся расправиться с соперниками руками западных монголов. Так, например, в осаде тибетских крепостей помощь войскам Церен Дондобы-старшего оказывали отряды местных духовных и светских правителей. При их поддержке после длительной подготовки в ходе ночного штурма в ноябре 1717 г. была взята столица Тибета Лхаса. Однако захватить крепость-дворец Потала, в котором скрывался правитель хошоутов Лхасанг-хан, джунгарам не удалось. Только 3 декабря 1717 г. крепость пала. Это произошло после того', как Лхасанг-хан решился на прорыв и был убит вместе со своими телохранителями (Бобров, Худяков, 2006, с. 203). В ходе операции в Горном Бадахшане помощь джунгарам оказывали местные феодальные правители. Первым по-настоящему серьезным препятствием для джунгарских военачальников стал окруженный мощными стенами Коканд — столица Кокандского бекства. Джунгарские войска раз за разом вторгались на территорию бекства и раз за разом возвращались обратно. Потерпев поражение в полевом

[36] По данным «Артиллерийских инструкций» Эженио Жентилини (1598), эффективная дистанция поражения (point-blank — дистанция, на которой огнестрельное оружие имеет максимальную кучность боя) из мушкета составляла 60 шагов, а из 2-фунтового фальконета — 80 шагов. Шаг в инструкциях Жентилини — мера длины, несколько меньшая, чем 0,91 м (ярд).

[37] Фраза сказана Галдан-Цереном русскому послу Л. Д. Угримову во время беседы в мае 1732 г., когда хунтайджи рассказал о сражении джунгар с цинскими войсками у крепости Кобдо.

сражении, кокандцы отходили под защиту городских стен, взять которых джунгары не могли. Зная беспомощность собственной артиллерии перед кокандской твердыней и опираясь на опыт целого ряда неудачных попыток осады Коканда Галдан-Церен требовал от своих полководцев взять город с помощью военной хитрости, чтобы, прибыв к крепости, «остановились в скрытном месте и послали под оный город из того войска с две тысячи человек с таковым обманом, чтобы к сражению абдакиримцев задать тем причину. И егда они за ними из города выбегут, в то б время оному зенгорскому войску всем корпусом вступить в означенной Абдакиримский городок» (Моисеев, 1990, с. 77). Возможно, интенсивные попытки организовать производство тяжелых пушек с помощью российских мастеров в середине 40-х гг. XVIII в. были вызваны в том числе ожесточенным противостоянием с кокандской твердыней.

Комплексный анализ письменных и изобразительных источников XVII—XVIII вв. позволил по-новому взглянуть на процесс создания и развития ойратского артиллерийского парка в период позднего Средневековья и Нового времени.

Вопреки расхожему мнению джунгарский артиллерийский парк стал формироваться не во второй половине 20-х гг. XVIII в., как считалось ранее, а почти за 85 лет до этого.

Крупнокалиберные фитильные ружья (фальконеты), аналогичные по способу применения (а возможно, и по общим принципам конструкции) русским крепостным «затинным пищалям», западномонгольские воины стали применять уже в период правления основателя Джунгарского ханства и известного реформатора Батур-Хунтайджи. В 1640 г. ими была оснащена крепость, построенная в урочище Кубаксары (Хобугсаири) на Иртыше. Данные экземпляры огнестрельного оружия были предположительно изготовлены среднеазиатскими или китайскими мастерами. В течение второй половины XVII в. джунгарские феодалы активно использовали крупнокалиберные ружья в ходе междоусобных столкновений и во внешнеполитических конфликтах. Можно предполагать, что в первой трети XVIII в. в Джунгарии было налажено собственное производство крупнокалиберных фитильных ружей, число которых к началу 40-х гг. XVIII в. перевалило за 3 тыс. штук. Крупнокалиберные ружья применялись при обороне крепостей и в ходе полевых сражений. Они перевозились на верблюдах и лошадях в специальных деревянных «седлах». Согласно сведениям письменных источников, стрельбу из них нередко вели прямо с верблюжьих горбов.

Собственное пушечное производство среди ойратских племен первыми сумели организовать откочевавшие на берега Волги торгоуты. Доржи Назаров стал изготавливать небольшие артиллерийские орудия уже в начале 20-х гг. XVIII в., т. е. примерно за пять лет до того, как в Джунгарии был запущен первый пушечный завод. Организовать пушечное производство калмыкам помогли беглые русские мастера, военнопленные и вольнонаемные рабочие. Впоследствии к работе по изготовлению пушек подключились и калмыцкие оружейники. Нехватка квалифицированных кадров, дефицит металлов для производства стволов, пороха и свинца существенно тормозили процесс развития пушечного производства в Калмыкии. В результате калмыцкий артиллерийский парк был представлен относительно небольшим количеством малокалиберных орудий, перевозившихся на верблюдах. По своим тактико-техническим характеристикам калмыцкие пушки уступали своим российским аналогам, но были достаточно эффективны в столкновениях с казахами и каракалпаками, не имевшими собственной артиллерии.

Тибетские письменные источники указывают на факты использования переселившимися в Тибет ойратами-хошоутами артиллерийских орудий при осаде горных укреплений и монастырей в начале XVIII в. На тибетских танка XVIII в. встречаются изображения таких пушек. Однако говорить об организации хошоутами в Тибете собственного артиллерийского производства пока преждевременно. С большой долей вероятности можно предполагать, что использовавшиеся хошоутами орудия были изготовлены китайскими мастерами.

Важным шагом на пути становления джунгарского артиллерийского парка стало создание собственного пушечного производства в середине 20-х гг. XVIII в.

Артиллерия создавалась джунгарами самостоятельно: политическая воля хунтайджи Цеван-Рабдана для создания этого рода войск, материальные ресурсы, выделенные им на развитие собственной производственной базы, а также последовательная политика его преемника Галдан-Церена принесли

свои плоды. Важную роль в этом процессе сыграли пленные шведские, русские, возможно, среднеазиатские и китайские мастера, а также беглецы с русских заводов, деятельность которых позволила решить сложные технологические задачи, возникшие в процессе литья орудий. Ключевая роль в этом процессе принадлежит пленному шведскому артиллеристу и инженеру И. Г. Ренату, который, опираясь на своих европейских помощников, сумел не только организовать производственный процесс, но и обучил искусству изготовления и починки орудий и боеприпасов самих джунгар. Никакого содействия Джунгарии со стороны России и Цин для создания собственной артиллерии оказано не было: напротив, со стороны обеих империй имели место жесткие меры, направленные на пресечение контрабандных поставок вооружения в Джунгарию.

Безусловно, побеги мастеров-литейщиков, а также солдат регулярных частей имели место, и неоднократно. Однако говорить о сознательном направлении инструкторов и инженеров в Джунгарию не приходится: узнавать о тех или иных беглецах, нашедших приют при дворе джунгарских хунтайджи, русским властям было весьма затруднительно. Попросту говоря, они имели сведения лишь о том, что с того или иного завода в тот или иной год бежали конкретные лица, а далее судьба их терялась: они могли погибнуть в пути, попасть в плен к казахам и быть проданными в Среднюю Азию, вследствие чего быть использованными на работах, не соответствующих их квалификации. К тому же низкий социальный статус и отсутствие специального образования русских перебежчиков говорят о том, что это были крепостные мастера, бежавшие в Джунгарию по причине невыносимых условий жизни «в заводе». Попавший в плен к джунгарам Иоганн Густав Ренат оказался счастливым исключением: обладая достаточным военным опытом, он также имел хорошие инженерные знания. Лишь объединив его знания с опытом русских беглых мастеров, Цеван-Рабдан смог создать свой первый пушечный завод. Неудивительно, что это событие вызвало крайне негативную реакцию не только в Цинской империи, но и в России. Царское правительство настойчиво добивалось отъезда И. Г. Рената из Джунгарии, а впоследствии — высылки русских мастеров, оказывавших джунгарам содействие в производстве артиллерийских орудий. Все официальные просьбы джунгар о присылке военных советников и специалистов, отправленные в Петербург, остались без ответа.

То, чего смогли достичь И. Г. Ренат, И. Михайлов, Билдяга и другие безымянные мастера, являлось вершиной развития артиллерийского дела у кочевого народа. Большие успехи могли быть достигнуты на заводе в восточнотуркестанском Яркенде, построенном при участии Билдяги, однако экономическое и военное истощение Джунгарии не позволило осуществиться этому плану.

Тем не менее, вопреки расхожему мнению, производство орудий не было свернуто сразу после смерти Галдан-Церена в 1745 г. Некоторое время «пушечное дело» продолжало развиваться «по инерции». Причиной этого, вероятно, было наличие старого бюрократического аппарата, к ведению чиновников которого относилось артиллерийское производство. Важное значение имело и наличие в Джунгарии некоторого количества пленных русских специалистов, обладавших определенными навыками в производстве артиллерийских орудий и боеприпасов. Пушки применялись джунгарскими полководцами даже во второй половине 50-х гг. XVIII в. Факт хранения и использования орудий Амурсаной, даже в течение крайне тяжелого для западных монголов «партизанского периода» войны с Цинской империей, подчеркивает ту значимость, которую придавали этому виду оружия западномонгольские военачальники.

Джунгарская артиллерия являлась ответом джунгарской военной державы на изменившиеся условия ведения войны, однако ответом частным и неполным. Основную часть джунгарского артиллерийского парка составляли перевозившиеся на верблюдах легкие 3-4-фунтовые пушки и 10-фунтовые мортиры. Джунгарская артиллерия была мобильна (что было особенно важно в ходе маневренной степной войны) и эффективна против живой силы противника, легких полевых укреплений и «верблюжьих вагенбургов». Однако она уступала по огневой мощи многочисленной тяжелой полевой и осадной артиллерии Цинской империи и была малоэффективна при осаде хорошо укрепленных вражеских поселений. Орудий, при помощи которых можно было осаждать и брать крепости, джунгары, по всей видимости, так и не создали.

Тем не менее налаживание собственного артиллерийского производства в Джунгарии является уникальным для Центральной Азии примером

адаптации кочевого этноса к стремительно менявшимся военно-политическим условиям. Необходимо подчеркнуть, что все основные противники Джунгарии в кочевом мире — казахи, киргизы, каракалпаки, халха-монголы не только не создали собственного пушечного производства, но и вообще не обладали сколько-нибудь значительным артиллерийским парком. Единственным степным народом, сумевшим наладить собственное пушечное производство, кроме джунгар, были их сородичи, откочевавшие на берега Волги. Однако в силу ограниченности ресурсов волжским калмыкам не удалось создать сколько-нибудь значительное количество артиллерийских орудий. Кроме того, на протяжении большей части XVII — первой половины XVIII в. между калмыками и джунгарами поддерживались союзнические отношения (изредка сменявшиеся периодами политического противостояния). И несмотря на попытки Цинской империи и отдельных джунгарских и калмыцких феодалов втянуть две ветви одного народа в междоусобную войну, западные и восточные ойраты так и не сошлись на полях сражений. Таким образом, Джунгария оказалась единственным государством в Центрально-Азиатском регионе, освоившим масштабное артиллерийское производство. Подобный успех являлся следствием политической воли джунгарского руководства, основанной на сильной центральной власти, милитаризации экономической и общественной жизни джунгарского общества.

Очень короткий срок развития военной промышленности Джунгарии (середина 20 — 40-е гг. XVIII в.), а также скудость материалов поданному вопросу не позволяют выделить четкие тенденции в развитии производственной базы джунгарской артиллерии и проследить ход развития военно-конструкторской мысли в Джунгарии. Однако совершенно очевидно, что появление собственной артиллерии в Джунгарии хорошо укладывается в общий ход развития вооруженных сил в регионе и соответствует основным требованиям, выдвинутым агрессивным, предельно милитаризованным и жестко централизованным государством, ведущим перманентные войны со всеми соседями, к собственным вооруженным силам.

Создание артиллерийского парка существенно повысило боевые возможности джунгарской армии, сделало джунгарскую тактику более гибкой и эффективной. Успешные боевые операции джунгар против армий Цинской империи в ходе III Джунгаро-цинской войны (1731 -1740) и в ходе столкновений с казахами в 30 — первой половине 50-х гг. XVIII в. были достигнуты во многом благодаря именно эффективному использованию мобильной малокалиберной артиллерии.

Глава 6

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

6.1. Клинковое оружие (мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи)

В отечественном и зарубежном оружиеведении бытует мнение, что в период позднего Средневековья и Нового времени клинковое оружие (в первую очередь палаши и сабли) было основным видом оружия ближнего боя кочевников Евразии. Анализ вещественных, письменных и изобразительных источников убедительно свидетельствует о том, что данная точка зрения ошибочна. И дело здесь не только в пресловутой дороговизне сабель, но и в специфических особенностях традиционных оружейных комплексов регионов Евразии. Так, например, излюбленным оружием ближнего боя казахских кочевников (причем не только рядовых номадов, но и состоятельных батыров) были топоры, насаженные на длинные деревянные рукояти. Широкой популярностью пользовались также булавы и палицы различных типов. Что касается сабель, то они являлись оружием преимущественно зажиточных воинов, дружинников и феодалов. Значительная часть сабель, использовавшихся казахскими воинами, была изготовлена в ремесленных центрах Средней Азии и (в меньшей степени) Ирана. Что касается местных изделий, то они были относительно немногочисленны. По мнению казахстанского исследователя А. К. Кушкумбаева, «письменные данные указывают на то, что сабли в своем большинстве завозились в казахскую степь... Производство сабель у казахов не получило достаточно высокого развития, но, несомненно, среди кочевников имелись отдельные мастера-сабельщики, занимавшиеся их изготовлением» (Кушкумбаев, 2001, с. 68). Несколько большей популярностью клинковое оружие пользовалось среди кочевников Восточной Европы — крымских татар и ногайцев. В Крыму было даже налажено производство особой разновидности сабли, получившей в оружиеведческой литературе название «ордынки» или «татарской сабли» (Аствацатурян, 2002, с. 102-103; Пинк, 2004, с. 77). Однако и здесь контингент сабельщиков был относительно небольшим. В его состав входили феодальная знать и ее окружение, использовавшие клинковое оружие местного и османского производства, а также удачливые рядовые воины, вооруженные преимущественно трофейными польскими и казацкими саблями.

На этом фоне комплекс клинкового оружия жителей Центральной Азии выделяется как своей множественностью, так и типологическим разнообразием. Русские,западноевропейские, цинские. среднеазиатские письменные источники содержат многочисленные упоминания об использовании монгольскими, южносибирскими и тибетскими воинами различных видов клинкового оружия. В частности, в русских письменных источниках XVII—XVIII вв. упоминаются калмыцкие, «зюнгорские» (джунгарские), «братские» (бурятские), кыргызские, «кузнецкие» (шорские), «мугальские» (монгольские) сабли, а также «калмыцкие» (ойратские) и «мугальские» палаши — «сулимы». Характерно в этой связи, что рукопашная схватка центральноазиатских и южносибирских кочевников именуется в русских письменных источниках «сабельным боем». Согласно сообщениям русских служилых людей (1622 г.) жители Саяно-Алтая уже в начале XVII в. изготавливали различное вооружение (в том числе сабли) для нужд ойратских армий и передавали его джунгарским феодалам в ходе торгового обмена или в качестве дани (Потапов, 1936, с. 122). Посещавший джунгарские кочевья в начале 20-х гг. XVIII в. капитан российской армии И. Унковский среди основного оружия джунгарских воинов наряду с копьями, саадаками

и ружьями упомянул сабли. Согласно сведениям жителя г. Кузнецка И. Сорокина, взятого в плен джунгарами, ойраты «издревле делали... сабли» в окрестностях о. Тексел (Златкин, 1983, с. 239; Моисеев, 1990, с. 72). На цинских картинах первой половины XVIII в. практически все джунгарские и кашгарские воины носят на боку саблю или палаш[1] (рис. 92). В середине XVIII в. излишки длинноклинкового оружия экспортировались за пределы Джунгарии. Не меньшую активность в обеспечении длинноклинковым оружием своих «цириков» проявляли правители Восточной Монголии. В 1718 г. в вошедшей в состав Цинской империи Халхе было обнародовано специальное уложение, согласно которому каждый(!) подлежавший мобилизации воин должен был к белому месяцу года мыши (т. е. к 1720 г.) приобрести себе саблю: «У кого нет сабли, то пусть к этому сроку достанет ее». На тех, кто появлялся на военном смотре без клинкового оружия, налагался штраф (Халха Джирум, 1965, с. 85-86). Что касается отрядов, скомплектованных из жителей Южной Монголии[2], входивших в состав имперской «восьмизнаменной армии», то здесь клинковое оружие получило особенно широкое распространение. Согласно цинским стандартам, саблями и палашами различных типов должны были быть вооружены не только конные панцирники, но и легковооруженные конные лучники. Широкое распространение клинкового оружия нашло свое отражение в народном фольклоре. «Меч» или «сабля» постоянно фигурируют в качестве оружия положительных героев южносибирского и центральноазиатского эпоса[3]. Так, например, согласно данным алтайского эпоса, на позднесредневековом Алтае применяли различные типы сабель, различавшихся длиной («чолтык улду» — короткая сабля, «узун болот улду» — длинная стальная сабля) и степенью кривизны клинка. Также в ходу были мечи («кылыш») и палаши («кылыш улду») (Соенов, 1994, с. 180).

Однако регионом, в котором клинковое оружие получило, вероятно, наибольшее распространение, следует считать Тибет. В «Стране снегов» мечи, палаши, сабли и длинные кинжалы носили не только профессиональные военные (причем как кавалеристы, так и пехотинцы), но также торговцы, чиновники, стражники и даже рядовые горожане, кочевники и ламы. Многие экземпляры тибетского клинкового оружия, дошедшие до нашего времени, являются настоящими произведениями искусства (Горелик, 2004, с. 7-14).

Однако, несмотря на широкое распространение среди жителей Центральной Азии клинкового оружия, говорить о поголовном снабжении степных воинов саблями и палашами не приходится. Значительная масса легковооруженных всадников из всего комплекса клинкового оружия могла «похвастать» лишь короткими однолезвийными ножами. Тем не менее пропорциональная численность «сабельщиков» в джунгарской или южномонгольской армии в XVII—XVIII вв. была значительно выше, чем, например, в казахских, каракалпакских и киргизских ополчениях. Главным оружием ближнего боя в центральноазиатских армиях были кавалерийские копья и пики, а клинковое оружие, судя по данным изобразительных и письменных источников, уверенно делило второе место с топорами и палицами, а на отдельных территориях даже оттесняло ихйа «третий план»[4].

Источники поступления клинкового оружия в иентральноазиатские армии в период позднего Средневековья и Новое время

На основании данных письменных источников представляется возможным выделить два основных канала поступления клинкового оружия в цент-

[1] Характерно в этой связи, что казахские воины на гравюрах, сделанных европейскими иезуитами примерно в это же время, вооружены топорами.

[2] Значительная часть Южной Монголии была включена в состав Цинской империи уже в начале XVII в.

[3] Интересно, что в алтайском эпосе вооруженные клинковым оружием герои противостоят отрицательным персонажам, основным оружием которых является боевой топор (Соенов, 1994, с. 180).

[4] Единственным, но важным исключением в этом ряду были откочевавшие на берега Волги ойраты-торгоуты. Дефицит железа, с которым столкнулись калмыки на новых территориях, со временем привел к дефициту железного оружия, которое стало в массовом порядке закупаться в России, Хиве, Иране и на Северном Кавказе. Турецкий путешественник Э. Челби, безусловно сгущая краски, писал: «В этой Кыпчакской степи нет никаких рудников, поэтому у них нет серебряных денег. Вследствие того, что нет также и железных рудников, они пользуются одним и тем же ножом, (получая его) по наследству от предков. (Здесь) мало сабель из железных полос, мало железных стремян. А наконечники копий (обычно) из рогов буйвола или быка. Тем не менее (их) копья пронзают кремень...» (Челби, 1979, с. 171).

ральноазиатские армии — импорт и собственное производство.

Наибольшее значение импортное клинковое оружие имело в Южной Монголии. Местные кочевники с начала XVII в. активно использовали клинки восточноазиатского производства, поступавшие из арсеналов их сюзеренов — правителей Маньчжурского.государства (впоследствии Цинской империи). В течение XVII в. типы цинских клинков были в значительной степени стандартизированы, что позволило начать массовый выпуск практически унифицированного оружия. Вплоть до последней четверти XVII в. цинские власти запрещали своим монгольским подданным продавать клинковое оружие своим северным соплеменникам. Однако после включения Халхи в состав Цинской империи на ее территорию хлынул поток клинкового оружия восточноазиатского производства. Интересно, что некоторые халхаские феодалы, подражая своим маньчжурским сюзеренам, переняли у них не только сами клинки, но и способ их ношения (рукоятью назад). В результате цинского влияния в Халхе возникла восточноазиатская традиция ношения в ножнах вместе с коротким клинком (ножом, реже — кинжалом) палочек для еды.

Со второй половины XVII в. в Западной Монголии все большее распространение получают сабли среднеазиатского производства, появляющиеся в джунгарских землях как военные трофеи, дань или результат торгово-обменных операций. Основными потребителями среднеазиатских сабель были представители феодальной знати, воины мусульманских подразделений джунгарской армии, а также джунгарские «цирики», вооруженные и снаряженные по «мусульманскому образцу». Сабли среднеазиатского производства преподносили в дар джунгарским феодалам казахские владетели. Например, в 1749 г. Нуралы послал в качестве подарка молодому джунгарскому правителю Аджа-хану «золотую саблю» (Моисеев, 1991, с. 198). По мере истощения экономики ханства роль импортного среднеазиатского вооружения (в том числе клинкового оружия) неуклонно возрастала. В середине XVIII в. иностранные путешественники отмечали, что если в правление Галдан-Церена (1727-1745 гг.) ойраты «порох, свинец, ружья, турки, *сабли* (курсив наш. — *Авт.)* и панцыри» делали сами, то уже через пять лет после его смерти, в 1750 г., джунгары «ныне де оное (защитное и наступательное вооружение. — *Авт.)* получают из Большой Бухарин» (Златкин, 1983, с.366). Вероятно, часть центральноазиатской знати (в частности, джунгарские и кукунорские феодалы) использовали мечи и палаши тибетского производства. Значительное количество ойратов-хошоутов, поселившихся в Центральном Тибете и Кукуноре в XVII в., также использовали тибетское клинковое оружие.

Некоторое количество клинкового оружия поступало в центральноазиатские степи из Российского государства. Русское правительство регулярно преподносило его в дар монгольским феодалам, в первую очередь сабли российского или западноазиатского производства. Такое оружие воспринималось степными правителями как символ благосклонности «Белого царя». В 1617 г. московские власти послали в подарок северомонгольскому Алтын-хану Шолою Убаши-хунтайджи саблю предположительно российского производства (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 47, 49). В.1619 г. северомонгольский правитель вновь обратился с просьбой прислать ему клинковое оружие (там же, с. 50). В 1635 г. (по другим данным — в 1634 г.) российский посланец Яков Тухачевский преподнес в подарок новому Алтын-хану Омбо Эрдени-хунтайджи «саблю с поясом». Судя по всему, «Золотой хан» остался доволен подношением, так как в ответном письме он просил прислать ему еще одну саблю русского производства (там же, с. 81). В 1691 г. монгольскому тайдже Мерген Ахаю были преподнесены «сабля оправная новая, полоса обоюдыострая, булатная, ножны хоз черной, оправа и крыж серебряные с чернью под золотом на турецкое дело; черен рыбей шедровой, ценою в 17 рублев; да на той же сабле сорочка суконная» (МРМО, 2000, с. 367-368). 17 февраля 1731 г. по указу императрицы Анны Иоанновны калмыцкому Черен-Дондуку (который возводился из наместников в ханы волжских калмыков) в числе прочих подарков была преподнесена сабля (Моисеев, 1998, с. 62). В 1737 г. калмыцкий Дондук-Омбо за победу над кубанскими татарами и в связи со вступлением на ханский престол был награжден саблей и знаменем (Бичурин, 1991, с. 103). Традиция преподносить в дар калмыцкому феодалу, вступающему

в должность правителя Волжской Калмыкии, знамя и саблю российского производства сохранялась и в начале XIX в. Так, в 1801 г. возводимому в достоинство калмыцкого наместника тайше Чучею российские посланцы передали: «знамя, саблю с надписью, соболью шубу и шапку» (там же, с. 115).

Джунгарский хунтайджи Галдан-Церен проявлял значительный интерес к русскому клинковому оружию. Его послы в 1734 г. незаконно приобретали в Москве образцы сабель русского производства. Вместе с этим джунгарский посольством в Россию для обучения «железному делу» были посланы двое джунгарских подданных (ойрат Хурюмши и уйгур Нияз), которые могли бы «во всем железном мастерстве знать силу». Основной упор джунгарские мастера должны были сделать на методах ковки клинкового оружия: «для обучения в деле сабель и других вещах, чтоб гнулось железо или сталь, также калить и наводить глянец и другаго мастерства». Джунгарские послы просили «повелеть искусному учителю оные художествы показать и их тому обучить». Однако царское правительство не собиралось оказывать содействие джунгарам в обучении их оружейников, при этом, чтобы не вызвать дипломатического скандала, местной администрации было указано отдать Хурюмши и Нияза в обучение «неумеющему мастеру». Джунгары быстро и верно оценили обстановку и попытались тайно освоить приемы российских оружейников. Пристав И. Сорокин неоднократно сообщал в Коллегию иностранных дел о том, что джунгары «свели знакомство» со «шпажным мастером» иноземцем Иваном Федоровым, который взялся обучить Хурюмши и Нияза, «как делают шпаги и их калят». После этого российское правительство запретило джунгарам выходить из посольского двора без российских сопровождающих (Моисеев, 1998, с. 99). Не имея возможности провести обучение своих оружейников на месте, джунгарские послы и торговцы начали скупать образцы русского клинкового оружия. В 1744 г. в доме джунгарского посла в Москве была обнаружена 31 сабля (там же, с. 105).

Несмотря на значимость импортного клинкового оружия в оружейном комплексе центральноазиатских номадов, основная масса палашей, сабель, кинжалов и ножей изготавливалась на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Характерно в этой связи, что в центральноазиатской фольклоре монгольские оружейники обычно изготавливают клинок, в то время как иностранные мастера только украшают рукоять, клинок и ножны. В позднесредневековом монгольском эпосе сохранилось подробное описание богатырского меча и ножен к нему: «Затем достал дядюшка Ак-сахал черный стальной меч, покрывающий при одном ударе головы пятисот чертей. Дэрбэтский (дэрбэты — одно из ойратских племен. — *Авт.)* кузнец сорок лет отбивал его на наковальне, китайский кузнец выбил узоры-линии, а русский кузнец обделал искусно, непальский же кузнец выбил мелкие узоры, элетский (джунгарский. — Лет.) дал обделку, а халхаский выбил кружочки. Острие у него из черной стали, обух из твердой стали, резьба из червленого серебра, эфес из яшмы, на острие огонь горит. Чтобы был он крепок, закалили его в озере Тэгрюк (Круглое). Вдвинул старик Ак-сахал со звоном меч в золотые ножны, прикрепил к золотой бабке-застежке и так пожаловал» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 63).

В 20-х гг. XVII в. русские служилые люди отмечали факты поставки сабель в ойратские войска от «кузнецких людей» — жителей Южной Сибири (Потапов, 1936, с. 122). Иностранные наблюдатели отмечали факты изготовления клинкового оружия и собственно центральноазиатскими мастерами. В середине XVIII в. запасы клинкового оружия, сделанные джунгарами в первой половине столетия, не только поступали в войска, но и выставлялись на продажу. Например, летом 1752 г. в одну из российских крепостей джунгарские купцы привезли на продажу 45 сабель (Модоров, 1996, с. 112-113).

Элитные экземпляры монгольского клинкового оружия отличались богатой отделкой. Так, ножны и рукояти ойратских сабель украшались позолотой и драгоценными камнями. В 1771 г. предводитель откочевавших в Китай волжских калмыков Убаши-хан во время аудиенции у цинского императора преподнес ему две сабли, одна из которых была украшена семью драгоценными камнями, а другая — позолотой. Участвовавший в приеме нойон Цебек-Дорджи также подарил повелителю Поднебесной саблю в «золотых» ножнах (Басхаев, 2000, с. 59).

Феномен иентральноазиатского клинкового оружия периода позднего Средневековья и Нового времени

Вещественные материалы, происходящие с территорий Южной Сибири и Центральной Азии, как будто бы не подтверждают данные письменных источников о многочисленности клинкового оружия в монгольских армиях. Сабли и палаши, найденные на этих территориях, относятся в основном к числу случайных находок и атрибутируются как клинковое оружие восточноазиатского производства.

Причины, по которым в нашем распоряжении находится малое число оружия из позднесредневековых захоронений, разобраны нами в части I, в частности это распространившийся в XVII—XVIII вв. ламаистский погребальный обряд (не предусматривавший размещение оружия рядом с покойным), а также немногочисленность раскопанных захоронений более раннего (доламаистского) периода — XV—XVI вв. Поэтому основными объектами нашего исследования являются случайные находки и предметы вооружения из старых оружейных коллекций[5]. Однако, в отличие, например, от защитного вооружения, в нашем распоряжении находится крайне небольшое количество позднесредневековых клинков, которые с уверенностью можно отнести к монгольским. В результате исследователи начинают искать (и находить) аналогии клинкового оружия, происходящего с территории Южной Сибири и Центральной Азии, среди палашей и сабель восточноазиатского производства. Причем в большинстве работ не предпринимается попытка сопоставить данные вещественных источников с иконографическими материалами, фиксирующими собственно монгольское клинковое оружие. В этой связи практически все известное позднесредневековое длинноклинковое оружие с территории Южной Сибири и Центральной Азии атрибутируется в отечественной историографии даже не просто как «восточноазиатское» или «цинское», а как «маньчжурское». Так, к «маньчжурским» или «раннеманьчжурским» отнесены сабли с территории Шебалинского района Республики Алтай, у с. Кабаково, на левом берегу р. Алей (Лесостепной Алтай), пещеры Цаган-Агуй (Гобийский Алтай), палаш из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края, и др. (Горбунов, Тишкин, 2005, с. 45-47; Выборное, Нечипоренко, Скобелев, 2003, с. 55-56; Скобелев, 2006, с. 167-168).

Основанием для отнесения сабель с территории Южной Сибири и Монголии к маньчжурскому комплексу вооружения служат несомненные параллели в их конструкции и оформлении с цинскими саблями XVII-XIX вв. В качестве характерных элементов последних называются округлые (круглые, овальные, каплевидные) гарды, полусферические или трапециевидные навершия, слабоизогнутые клинки, часто снабженные парой неглубоких дол вдоль «спинки». Действительно, маньчжурские солдаты (панцирники и легковооруженные воины) в XVII-XIX вв. исключительно широко применяли клинковое оружие, имевшее все вышеперечисленные признаки. Однако делать на основании этого вывод, что найденные в Южной Сибири и Монголии сабли были изготовлены маньчжурскими мастерами, было бы неверно по следующим причинам.

Данный тип сабель появился и получил широкое распространение в Китае и Монголии задолго до основания маньчжурского государства Хоу Цзинь и уж тем более Цинской империи. Одним из наиболее ранних известных образцов является сабля минского полководца и военного чиновника Ци Цзигуана (1528-1587) (рис. 81,2). Он служил на юге страны, где принимал участие в боевых действиях против японских пиратов, а в 1568 г. был переведен на северную границу, где командовал округом Цзичжоу и участвовал в реконструкции Великой китайской стены. На клинке сабли Ци Цзигуана имеется надпись, что она была передана на хранение в арсенал в 1582 г. Общая длина сабли — 89 см (в том числе рукоять — 16 см). Слабоизогнутый клинок сабли снабжен двумя долами (как кабаковская и цаган-агуйская сабли), под гардой располагается обойма с вырезным «язычком» (форма которого практически в точности повторяет форму «язычка» на кабаковской сабле). Обмотанную кожей деревянную рукоять венчает немного выпуклое трапециевидное навершие (как на палаше из могильника Коя III и цаган-агуйской сабле). На той же рукояти (у гарды) находится дополнительная железная обойма, которая также фик-

[5] Возможно также, что часть клинкового оружия из числа случайных находок, которое традиционно относится к периоду развитого Средневековья, в действительности датируется XV-XVIII вв.

сируется на кабаковской и цаган-агуйской саблях. Наконец, гарда сабли Ци Цзигуана представляет собой округлый диск, снабженный по периметру выпуклым бортиком (такой же бортик имеют шабалинская, кабаковская, цаган-агуйская сабли). О том, что сабли данного типа были широко известны и использовались в Китае XVI в., свидетельствуют их многочисленные изображения на минских картинах этого периода. Таким образом, распространение сабель, аналогичных так называемым «маньчжурским», в Китае приходится как минимум на XVI в. На наш взгляд, подобные сабли стали популярны в регионе еще в эпоху правления монгольской династии Юань — в начале Мин (середина XIV — начало XV в.). Об этом свидетельствуют подлинные сабельные клинки, извлеченные из северокитайских погребений, датированных этим временем. В частности, в музее Внутренней Монголии хранится сабельный клинок, напоминающий по размерам и форме клинок сабли из Цаган-Агуй. Практически прямой в верхних двух третях, клинок (общая длина, включая рукоять, — 78 см) плавно изгибается в нижней трети и заостряется у острия. Вдоль спинки клинка пропущены долы (рис. 81,*1)*. К сожалению, не сохранились навершие и гарда сабли. Последняя, судя по форме рукояти и юаньским изобразительным источникам, скорее всего имела округлую форму.

Однако сабли рассмотренного выше типа в XVI-XVIII вв. использовали далеко не только китайцы и маньчжуры. Изобразительные источники этого периода содержат достаточно большое количество изображений монгольских сабель. В подавляющем большинстве случаев это все те же слабоизогнутые клинки, с дисковидными гардами с бортиками и трапециевидными или округлыми навершиями. Эти изображения встречаются на картинах художников разных стран, писавших свои произведения в разное время, с разной степенью реализма. Такое единодушие, на наш взгляд, свидетельствует о том, что перед нами не условная передача деталей, а отображенная историческая реальность (рис. 92, *2-3, 11, 16)*.

Таким образом, мы можем выдвинуть предположение о том, что в период позднего Средневековья и Нового времени в Китае, Маньчжурии, Монголии и части Южной Сибири использовались близкие по конструкции и системе оформления сабли, характерными элементами которых были слабоизогнутые и часто снабженные долами клинки, дисковидные гарды (часто с выпуклым бортиком), трапециевидные или округлые навершия. Ранние варианты данного типа клинкового оружия появились в Китае в эпоху Юаньской империи. В XV-XIX вв. они имели широкое распространение в Центральной и Восточной Азии, а также ряде районов Южной Сибири, испытывавших на себе сильное центральноазиатское военно-культурное влияние. Особую популярность они снискали в период правления в Китае Цинской династии, так как данный тип сабель был выбран цинскими военными чиновниками в качестве эталона для производства унифицированного клинкового оружия для нужд «восьмизнаменной армии». В имперской армии такими саблями были вооружены воины не только маньчжурских, но и монгольских и китайских «знамен», о чем неопровержимо свидетельствуют изобразительные материалы, а также подлинные образцы клинкового оружия, принадлежавшие офицерам, монгольского и китайского происхождения. Таким образом, определять данный тип сабель исключительно как «маньчжурский» некорректно.

Скорее всего причина типологической близости центрально- и восточноазиатских сабель и палашей XV-XVIII вв. кроется в том, что и те и другие являются «наследниками» длинноклинкового оружия Юаньской империи, оружейный комплекс которой объединил монгольские, китайские и чжурчжэньские военно-культурные традиции.

В ряду так называемых «маньчжурских» сабель, происходящих из числа случайных находок на территории Южной Сибири и Монголии, только сабля из пещеры Цаган-Агуй может быть с известной осторожностью отнесена к оружейному комплексу Цинской империи. Причем основанием для атрибуции сабли являются не клинок или рукоять, а характерная система крепления ножен, состоящая из двух обойм с трапециевидными фиксаторами, соединенных железной скобой. Этот тип крепежного устройства фиксируется на многих цинских ножнах XVII-XIX вв., изготовленных в ремесленных центрах Китая. Но точно такие же ножны использовали и халхаские и южномонгольские воины XVII-XVIII вв. (рис. 92,*15)*. Характерная форма навершия и клеймо с изображением волка как раз свидетельствуют в пользу того, что хозяином сабли был воин монгольского происхождения. Не стоит исключать и вариант, что данная сабля могла попасть в Гобий-

ский Алтай в качестве военного трофея, взятого джунгарами в ходе одной из Джунгаро-цинских войн первой половины XVIII в.

Среди палашей к числу цинских (но не обязательно маньчжурских) может быть отнесен палаш из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края. Хотя и с ним все далеко не так просто. В цинской энциклопедии середины XVIII в. «Хуанчао лицзи тушу», на страницах которой приведены изображения предметов вооружения, использовавшегося цинскими солдатами во второй половине XVII — первой половине XVIII в., аналогов палашу из Коя III нет. Цинские солдаты и офицеры (в отличие от тех же тибетцев) вообще предпочитали палашам слабоизогнутые сабли. Зато среди изображений монгольских клинков палаши встречаются не намного реже сабель (рис. 92, 7,*8,12)*. Возможно, что палаш из Коя III был изготовлен южномонгольскими или халхаскими мастерами с использованием восточноазиатских оформительских мотивов.

Что касается остальных сабель, происходящих с территории Южной Сибири и Центральной Азии, то большая их часть была, по всей видимости, изготовлена местными мастерами.

Позднесредневековое клинковое оружие представлено мечами, палашами, саблями, кинжалами и ножами.

Мечи

В отечественной и зарубежной историографии широко распространено мнение, что мечи (длинноклинковое обоюдоострое оружие) в период позднего Средневековья и Нового времени не были широко распространены среди жителей Центральной Азии и Южной Сибири. Действительно, основным длинноклинковым оружием воинов региона были однолезвийные палаши и слабоизогнутые сабли, однако вещественные материалы, а также изобразительные и письменные источники свидетельствуют о том, что данный вид длинноклинкового оружия имел своих почитателей практически на всей территории региона: в Тибете, Монголии и Южной Сибири. Основными производителями мечей в Центральной Азии были тибетские оружейники. Монгольские воины использовали мечи иностранного производства. Находки остатков мечей в южносибирских археологических памятниках начала XVIII в. (рис. 81,7) свидетельствуют о том, что местные мастера также были знакомы с этой разновидностью клинкового оружия (Худяков, 2002, с. 81, рис. III, 11). Не стоит исключать возможность, что и ойратские, халхаские, пахарские дарханы в числе прочего оружия изготовляли обоюдоострые клинки.

В позднесредневековом Тибете использовались две основные разновидности мечей, различавшиеся длиной клинка. Достаточно часто в отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных тибетскому клинковому оружию, «мечами» также называют однолезвийные палаши, что противоречит принятой классификации. Поэтому длинноклинковое однолезвийное оружие будет рассмотрено нами в разделе «Палаши».

Группа I. Линзовидные.

Тип 1. Мечи с округлым вертикальным перекрестьем и фигурным навершием.

Данный тип мечей представлен рядом экземпляров длинноклинкового тибетского оружия, датируемого американскими и английскими исследователями XIV-XVII вв.

Вариант 1. Мечи с округлым вертикальным перекрестьем в виде головы мифического чудовища «кирти-мукхи» и 3-лепестковым навершием.

Включает 1 экз. из Королевской оружейной (Лидс, Великобритания) (рис. 80, /).

Общая длина меча — 90,3 см (в том числе клинок — 76,2 см). Меч имеет длинный и достаточно широкий клинок со слабовыраженным ребром жесткости. Рукоять меча, а также обкладка ножен представляют собой настоящие произведения искусства. Металлическая рукоять покрыта позолотой, украшена чеканкой и тончайшим прорезным узором.Зернистая поверхность позолоченной рукояти имитирует кожу ската. Вертикально расположенное перекрестье выполнено в виде головы мифического чудовища «кирти-мукхи», а 3-лепестковое навершие заполнено прорезным растительным узором. Черная органическая основа ножен покрыта решетчатым «каркасом» из позолоченных прорезных полос, накладок, символов «ваджры».

Меч датируется английскими исследователями XIV-XV вв. и связывается с комплексом вооружения тибетских, юаньских или китайских (минских) воинов.

Вариант 2. Мечи с объемным фигурным 3-лепестковым перекрестьем в виде стилизованного

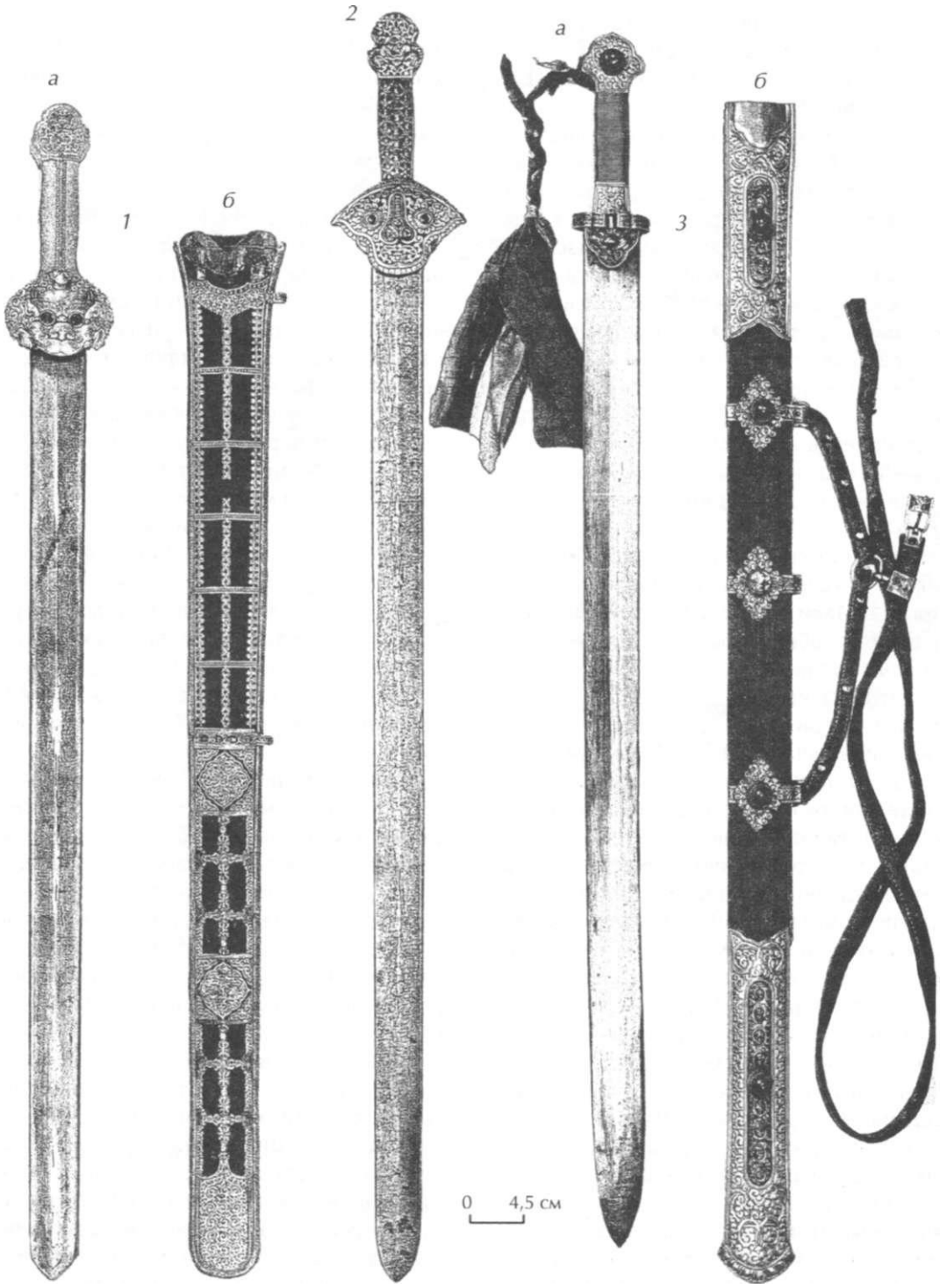

Рис. 80. Центральноазиатские мечи периода позднего Средневековья и Нового времени:
— тибетский (?) меч XIV-XV вв. (Лидс, Великобритания),^ — меч XIV-XVI вв. (музей Метрополитен, г. Нью-Йорк, США); *3* — тибетский меч XVIII-XIX вв. (Музей Виктории и Альберта, г. Лондон, Великобритания).

изображения головы мифического чудовища «кирти-мукхи» и фигурным навершием.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис. 80, *2)*.

Общая длина меча — 88,6 см (в том числе клинок — 74,9 см). Меч имеет длинный прямой клинок. Объемное позолоченное перекрестье состоит из двух пластин — вырезной трехлепестковой, представляющей собой стилизованное изображение головы мифического чудовища «кирти-мукхи» (с лицевой стороны меча), и слабовыпуклой полукруглой (с тыльной стороны). 8-образное вырезное навершие снабжено изображением «клыкастого демона». Рукоять меча украшена серебрением и орнаментом.

Меч датируется американскими исследователями XIV-XVI вв. и связывается с комплексом вооружения тибетских или китайских (минских) воинов.

Тип 2. Мечи с округлой гардой, обоймой рукояти и вырезным (лепестковым) навершием.

Вариант 1. Мечи с округлой гардой с бортиком, обоймой рукояти, обоймой клинка, 3-лепестковым навершием и темляком.

Включает 1 экз. из Музея Виктории и Альберта (Лондон, Великобритания) (рис. 80, *3)*.

Общая длина меча — 84,5 см (в том числе клинок — 71,8 см). Меч имеет длинный и достаточно широкий клинок со слабовыраженным ребром жесткости. Металлические элементы рукояти и ножен покрыты серебрением. Трехлепестковое навершие украшено растительным орнаментом и снабжено гнездом, в котором размещается кусочек коралла. Рукоять меча обмотана металлической проволокой, которую фиксирует трапециевидная обойма. Округлая гарда снабжена высоким массивным бортиком, плоскость которого украшена растительным орнаментом. Вызывает интерес необычная 3-лепестковая форма медной (?) обоймы клинка, украшенной изображением тигра (?). К рукояти прицеплен темляк из трех переплетенных полос красного, зеленого и желтого шелка.

Ножны меча украшены двумя вырезными покрытыми орнаментом серебряными пластинами с гнездами для кораллов. Пластины размещены в верхней и нижней части ножен. В их центральной части прикреплены три вырезные металлические обоймы с гнездами для кусочка бирюзы и двух кусочков коралла.

Меч датируется американскими исследователями XVIII-XIX вв. и связывается с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода.

Вариант 2. Мечи с округлой гардой с узким бортиком, обоймой рукояти и 5-лепестковым навершием.

Включает 1 экз. из фондов Бэйпин Гугун (Пекин, КНР) (рис. 87,*2)*. Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795).

Общая длина меча — 65,7 см (в том числе клинок — 50,7 см, рукоять — 15 см). Меч выполнен в китайском стиле. Однако исследователи КНР настаивают на том, что клинок меча был произведен монгольскими оружейниками во времена Юаньской империи (Чжоу вей чжу, 2005, подпись к илл. 77). Возможно, что клинок действительно был изготовлен монгольскими мастерами, однако вряд ли раньше XV в., так как клинки юаньского времени имеют несколько иную форму и систему оформления. Обмотанная кожей деревянная рукоять меча снабжена медной гардой округлой формы с узким бортиком и медной обоймой. В специальное отверстие пропущен темляк (сохранился частично). Венчает рукоять плоское 5-лепестковое навершие, также выполненное из меди или медного сплава.

Ножны (длина — 71 см), по мнению ученых КНР, выполнены из дерева и обтянуты акульей кожей. Их поверхность в верхней и нижней части украшена медными накладками-обоймами, поверхность которых покрыта растительным орнаментом. Система подвешивания ножен к поясному ремню выполнена в восточноазиатском стиле. Она состоит из двух обойм с трапециевидными фиксаторами, соединенными между собой специальной скобой.

В целом меч выполнен в рамках восточноазиатской традиции и имеет близкие аналогии среди минских и цинских мечей XVI-XVIII в. Скорее всего перед нами военный трофей, захваченный халхаскими или джунгарскими воинами у высокопоставленного китайского офицера в конце XVII — начале XVIII в. и возвращенный «на родину» в качестве подарка цинскому императору в середине XVIII в. Однако не стоит исключать и тот вариант, что перед нами меч центральноазиатского производства, изготовленный по восточноазиатским образцам. В пользу этого свидетельствуют

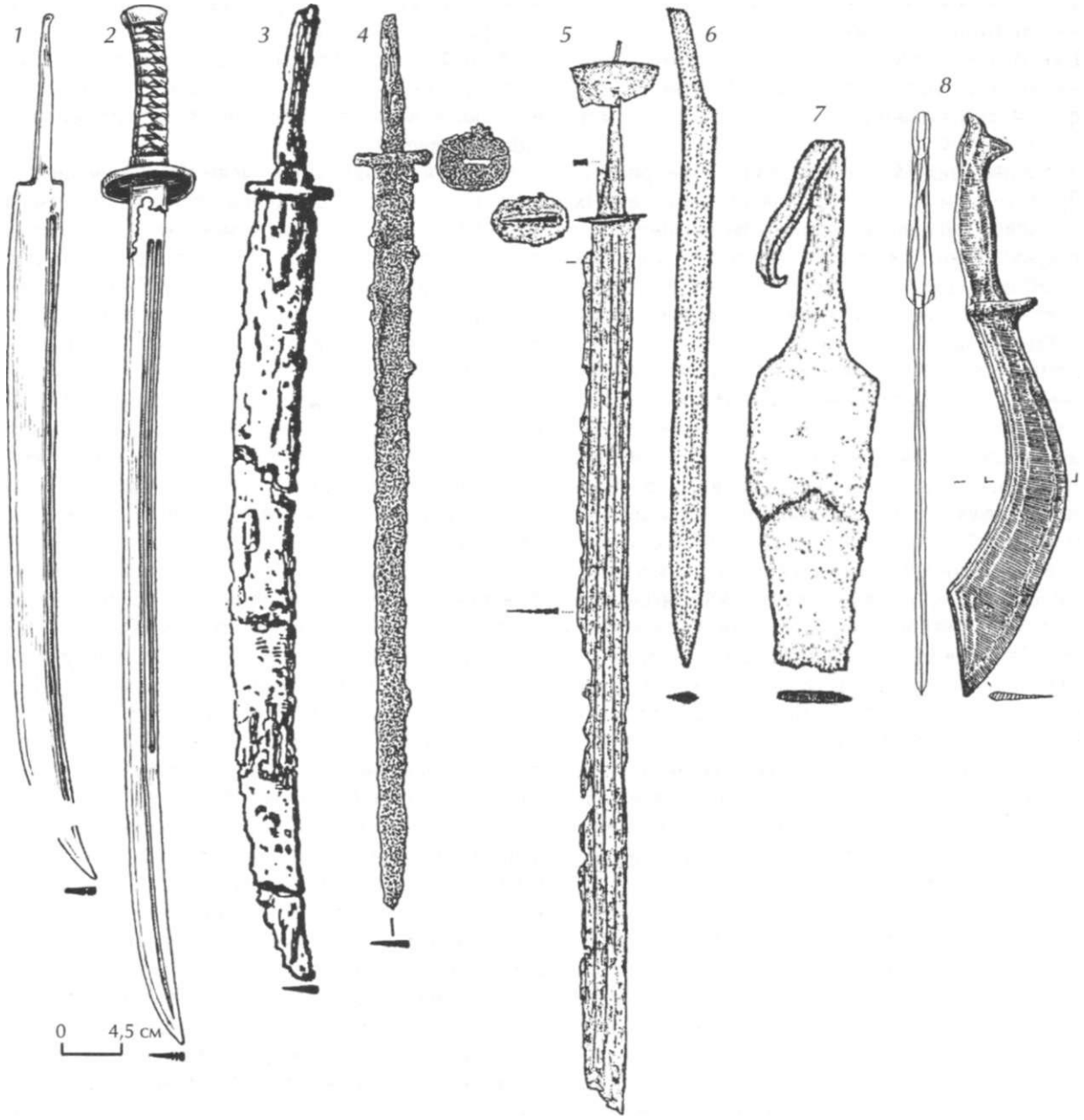

Рис. 81. иентральноазиатские , восточноазиатские и южносибирские палаши и сабли:

7 — железная сабля с долами периода династии Юань (1271-1368) с территории Внутренней Монголии. Музей Внутренней Монголии (КНР); *2* — сабля минского полководца и военного чиновника Ци Шигуана (1528-1587); *3* — слабоизогнутая сабля с обоймой на рукояти и округлой гардой с бортиком из погребения 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье); *4* — палаш центральноазиатского или южносибирского производства с гардой овальной формы с бортиком из могилы 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тара; 5 — палаш с гардой овальной формы и трапециевидным навершием из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края, на правом берегу р. Енисей; 6 — кыргызский (?) позднесредневековый палаш. Данный однолезвийный клинок был найден в местности Большие Сыры в Минусинской котловине; 7 — обломок кыргызского (?) меча из погребения Ортызы-Оба в Минусинской котловине; *8 — ятаган из Алтайского края.*

сведения ученых КНР о монгольском происхождении как минимум клинка меча.

Тип 3. Мечи с узким граненым клинком европейского производства, округлой гардой, полусферическим навершием и вырезной обоймой рукояти.

Включает 1 экз. из фондов Бэйпин Гугун (рис. 87, *г*). Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну. Данный меч представляет собой уникальный пример совмещения элементов военно-культурных традиций народов западной и восточной частей Евразии.

Общая длина меча — 119 см (в том числе клинок — 101,5 см, рукоять — 17,5 см). Особый интерес представляет узкий граненый клинок меча, украшенный у гарды гравировкой, изображающей птиц, всадников и пеших античных воинов, снабженных сопутствующими надписями на латинском языке. Одна из надписей гласит: «Только Бог обладает Славой». Основным персонажем композиции, судя по надписям, является карфагенский полководец Ганнибал. Без сомнения, клинок имеет европейское (скорее всего, западноевропейское) происхождение (рис. 87, *1а, б*). Судя по его форме, стилю гравировки, он был изготовлен в XVI-XVII вв. Рукоять меча оформлена в стиле, характерном для центрально- и восточноазиатского клинкового оружия. Гарда выполнена в виде округлой пластины с узким бортиком. Собственно рукоять обмотана кожаным ремешком и дополнительно зафиксирована у гарды вырезной металлической обоймой. Венчает рукоять украшенное насечкой полусферическое навершие, под которым крепится темляк с кистью.

Деревянные ножны (длина — 104 см) обтянуты кожей и снабжены вырезными накладками в верхней и нижней части (рис. 87, *1в*).

Сложно сказать, как клинок западноевропейского производства попал в Центральную Азию. Возможно, он был приобретен волжскими калмыками у европейских торговцев и переслан в качестве подарка одному из джунгарских феодалов. Возможно, использовался одним из служилых людей сибирских гарнизонов и был захвачен в качестве трофея или выменян все теми же джунгарами. Так или иначе, но клинок оказался в Западной Монголии, где он был снабжен новой рукоятью, выполненной в центральноазиатском или восточноазиатском стиле, и в середине XVIII в. был преподнесен в дар цинскому императору Цяньлуну.

Тип 4. Двуручные мечи с расширяющимся к острию клинком с долами, округлой гардой, вырезной обоймой клинка, обоймой рукояти и трапециевидным навершием.

Вариант 1. Двуручные мечи с расширяющимся к острию клинком с долами, округлой гардой с узким бортиком, 3-лепестковой обоймой клинка, обоймой рукояти, трапециевидным навершием и темляком.

Включает 1 экз. из фондов Бэйпин Гугун (рис. 87, *б*). Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну.

Общая длина меча — 114 см (в том числе клинок — 78,5 см, рукоять — 35,5 см). Значительный интерес вызывает необычная форма клинка меча. И без того широкая покрытая долами полоса клинка начинает расширяться в нижней трети и затем снова сужается у острия. Каплевидное расширение в нижней части клинка, вероятно, выполняло ту же функцию, что и елмань у сабель. Утяжеляя нижнюю часть клинка, оружейники старались таким образом сбалансировать меч, чтобы при нанесении рубящего удара можно было достичь максимального эффекта за счет большей массивности рубящей части меча. По мнению ученых КНР, клинок был изготовлен «по монгольской форме», а рукоять — по «китайской форме» (Чжоу вей чжу, 2005, подпись к илл. 77). Длинная двуручная рукоять выполнена из дерева и оплетена шелковыми нитями. Округлая гарда с бортиком разделяет две обоймы: 3-лепестковую клинковую и обойму рукояти, имеющую традиционную подпрямоугольную форму. Венчает рукоять трапециевидное навершие. Недалеко от навершия в рукояти клинка пробито отверстие, в которое пропущен темляк с кистью (рис. 87, *б*).

Меч имеет центральноазиатское или восточноазиатское происхождение. В последнем случае он был захвачен в качестве трофея или выкуплен центральноазиатскими номадами. В обоих случаях он использовался монгольскими воинами, а в середине XVIII в. был преподнесен в качестве подарка императору Цяньлуну.

Тип 5. Мечи с миниатюрной гардой округлой формы, узкой обоймой рукояти и массивным трапециевидным навершием.

Вариант 1. Мечи с миниатюрной гардой округлой формы с фестончатым краем, узкой обоймой

рукояти и массивным трапециевидным прорезным навершием с ребром жесткости.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис. *82,4)*.

Общая длина меча — 85,7 см (в том числе клинок — 66,7 см). Меч имеет длинный прямой заостренный на конце клинок. Массивная, сужающаяся к центру рукоять снабжена миниатюрным диском гарды с фестончатым краем и объемным прорезным трапециевидным навершием. Под гардой расположена узкая обойма клинка с ребром жесткости.

Черные ножны украшены прорезной позолоченной (?) обоймой в верхней части и прорезной фигурной пластиной в нижней. В оформлении обоих металлических элементов используются растительные мотивы.

Меч датируется американскими исследователями XVI-XVIII вв. и связывается с комплексом вооружения Южного и Восточного Тибета. На наш взгляд, в оформлении меча также прослеживаются декоративные элементы, характерные для бутанского клинкового оружия.

Тип 6. Короткие мечи с дисковидной гардой и фигурным навершием.

Вариант 1. Короткие мечи с дисковидной гардой с бортиком, обоймой рукояти, 3-лепестковым навершием, кожаной обмоткой рукояти.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис.82, /).

Общая длина меча — 69,9 см (в том числе клинок — 50,5 см). Меч имеет короткий прямой заостренный клинок, приспособленный как для рубящих, так и для колющих ударов. Рукоять обернута полоской мягкой кожи коричневого цвета, которая фиксируется прорезной трапециевидной обоймой. Венчает рукоять прорезное 3-лепестковое навершие с гнездом для кусочка коралла, бирюзы или нефрита. Плоская гарда округлой формы снабжена широким бортиком, покрытым вертикальными долами.

Обтянутые черной кожей ножны снабжены в верхней части прорезной обоймой с гнездом, металлической (в нижней части — прорезной) обкладкой по периметру (с гнездом в нижней части), массивной прорезной позолоченной пластиной с тремя крупными гнездами, в которые вставлены два кусочка бирюзы и коралл, покрывающей нижнюю половину ножен.

Меч датируется американскими исследователями XVIII-XIX вв. и связывается с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода.

Вариант 2. Короткие мечи с дисковидной гардой с бортиком, обоймой рукояти, 3-лепестковым навершием, проволочной обмоткой рукояти.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис. 82, *2)*.

Общая длина меча — 61,0 см (в том числе клинок — 41,9 см). Меч имеет короткий прямой заостренный клинок, приспособленный как для рубящих, так и для колющих ударов. Рукоять обернута металлической проволокой, которая фиксируется трапециевидной обоймой. Венчает рукоять 3-лепестковое навершие с гнездом для зеленого камня. Плоская гарда округлой формы снабжена широким массивным бортиком, покрытым вертикальными долами.

Обтянутые черной кожей ножны снабжены металлической обкладкой по периметру (с полусферическим умбончиком в нижней части), массивной посеребренной орнаментированной пластиной с тремя крупными гнездами, в которые вставлены кусочек бирюзы и два кусочка коралла, покрывающей нижнюю половину ножен.

Меч датируется американскими исследователями XVIII-XIX вв. и связывается с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода.

Еще одной разновидностью прямолезвийного клинкового оружия, использовавшегося центральноазиатскими воинами, о которой мы не можем не упомянуть, являются шпаги. В музее Бэйпин Гугун (Пекин, КНР) хранится серия клинкового оружия, преподнесенная в дар цинскому императору Цяньлуну центральноазиатскими феодалами в середине XVIII в. Среди прочего клинкового оружия в данном комплексе представлена и длинная шпага европейского образца, снабженная полукруглой медной гардой, S-образным перекрестьем и парой колец, венчает шпагу сферическое навершие (рис. 87,*5)*. Общая длина шпаги — 98,5 см (в том числе клинок — 83,5 см, длина рукояти — 15 см). Шпага, несомненно, имеет европейское происхождение. Скорее всего она попала в руки центральноазиатских феодалов через посредничество джунгарских послов. Известно, что, например, в первой половине 30-х гг. XVIII в. находившиеся в Москве посланцы Галдан-Церена скупали клинковое оружие, а входившие в состав посольства ойрат Хурюмши и уй-

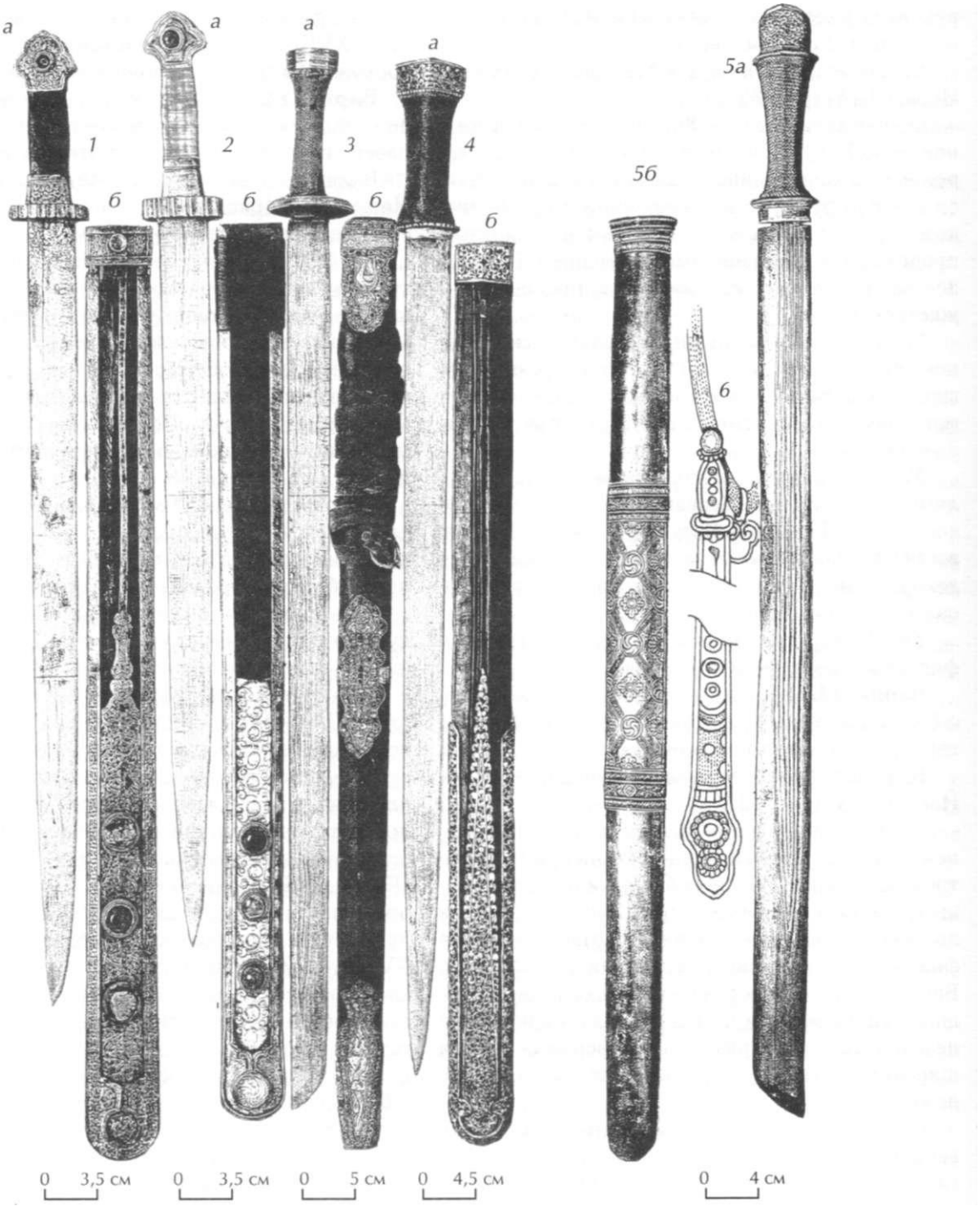

Рис. 82. Тибетские мечи и палаши периода позднего Средневековья и Нового времени (музей Метрополитен, Нью-Йорк, США): *1* — короткий меч XVIII-XIX вв.; *2* — короткий меч XVIII-XIX вв.; *3, 5* — тибетские палаши периода позднего Средневековья и Нового времени; *4* — меч XVI-XVIII вв.; 6 — изображения тибетского меча или палаша в ножнах. Настенная роспись монастыря Тар, г. Синин, пров. Циньхай.

гур Нияз пытались обучиться изготовлению клинков у «шпажного мастера» Ивана Федорова, который взялся обучить Хурюмши и Нияза, «как делают шпаги и их калят». Другим источником поступления шпаги в Джунгарию мог быть ее захват в качестве трофея в ходе столкновений с русскими служилыми людьми в Сибири. Известно, что еще в XVII в. московское правительство закупало значительное количество шпаг для военных нужд в странах Западной Европы (Летин, 2001, с. 17-18). Наконец, шпага могла быть приобретена мусульманскими купцами или калмыками и переправлена в Джунгарию. В любом случае шпага входила в состав комплекса вооружения одного из центральноазиатских (скорее всего джунгарских) феодалов, а в середине XVIII в. была преподнесена в подарок цинскому императору.

Палаши

Прямые однолезвийные клинки — палаши были широко распространены среди позднесредневековых монгольских кочевников и были преобладающим типом длинноклинкового тибетского оружия XVII-XIX вв.

Подлинные палаши встречаются в южносибирских археологических памятниках, среди материалов старых оружейных коллекций. Их изображения фиксируются в цинской живописи, а описания — в русских, китайских, тибетских и монгольских письменных источниках.

Ю. Крижанич (в 1661-1676 гг. находился в ссылке в Тобольске), описывая вооружение ойратов, упоминает прямые однолезвийные клинки — «сулимы», которые по своим конструктивным особенностям могут быть отнесены к палашам: «Они сражаются стрелами и саблями, но короче наших[6] и незагнутыми; их можно сравнить с оружием, называвшимся у римлян "siccae", сами же они называют их сулимами» (Титов, 1890, с. 180). «Сулимы», наряду с саблями, упомянуты Чокур-тайшой в беседе с П. Кульвинским (посещал ойратские кочевья в 1666-1667 гг.) среди предметов вооружения, которыми должны владеть джунгарские воины (МРМО, 1996, с. 154). Н. Н. Спафарий, совершавший поездку в Китай, описал этот вид клинкового оружия, виденный им у цинских воинов: «...и у конных оружие есть сулема, на то подобие, как у нас сабля, только короче сабли и железо худшее...» (Спафарий, 1860, с. 222). Таким образом, отличительной особенностью «сулимов» («сулемов») был короткий, по некоторым данным, прямой однолезвийный клинок. Возможно, что такие клинки именовались в кыргызском фольклоре «хыйрах» («тесак»). Казахским аналогом «сулимов», по всей видимости, были палаши «селебе». По сведениям Ч. Ч. Валиханова, казахи «делали длинные ножи, или лучше полусабли, прямые и называли их селебе или джекеауыз». Согласно Ч. Ч. Валиханову, «селебе» имели прямой немного изогнутый на конце однолезвийный клинок длиной до 1 ми шириной около 5 см (Кушкумбаев, 2001, с. 68-69).

В китайских военных реестрах эпохи династии Мин (1368-1644) наряду с короткими центральноазиатскими палашами упоминаются «используемые монголами длинные мечи — чэндао (changdao)» (Холодное клинковое оружие, 2006, с. 182).

В археологических памятниках Южной Сибири найдены три железных палаша, 29 тибетских палашей хранятся в музейных фондах США, Великобритании, России, КНР и других стран. В данной работе мы подробно рассмотрим подлинные палаши из Южной Сибири, изображения монгольских палашей в минской, цинской и тибетской иконографии и дадим краткую общую характеристику палашам с территории Тибета.

Тип **1.** Палаши с дисковидными гардами.

Вариант **1.** Палаши с гардами овальной формы с бортиком.

Включает 1 экз. из могилы 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тара.

Длина палаша — 62,8 см, в том числе длина рукояти — 10 см, диаметр овальной гарды — 5,6 (длинный) и 4 см (короткий). Палаш имеет длинный узкий заточенный с одной стороны клинок с прямым черенком рукояти. Гарда палаша выполнена в виде овальной железной пластины с подпрямоугольной прорезью для черена и выпуклым бортиком по периметру. На поверхности палаша фик-

[6] Многие европейские авторы отмечают наличие на вооружении воинов Центральной и Восточной Азии «коротких» палашей и сабель. Следует особо подчеркнуть, что речь в данном случае идет не об укороченном оружии, а об особом оружейном стандарте. В целом клинки центрально- и восточноазиатских палашей и сабель XVII—XVIII вв. обычно несколько короче европейских аналогов. Убедиться в этом можно, сопоставив длину азиатского клинкового оружия с длиной стандартных и европейских клинков.

сируются остатки деревянных ножен с бронзовой обкладкой (рис. *81,4)*.

Вместе с палашом в ножнах в могилу были положены другие предметы вооружения: железный топор, обломок железного ножа, железные и костяные наконечники стрел. Характерно, что предметы вооружения были помещены отдельно от предметов бытового назначения (Корусенко, 2003, с. 38).

Палаш может быть отнесен к числу предметов центральноазиатского или южносибирского производства на основании наличия в его оформлении черт, характерных для клинкового оружия этих регионов. В первую очередь речь идет о форме гарды. Последняя имеет ярко выраженную овальную форму, а по ее периметру пущен выпуклый бортик. Именно таким образом оформлены дисковидные гарды монгольских и южносибирских палашей и сабель из позднесредневековых памятников и на изобразительных материалах XVI-XVIII вв. (рис. 92, *7-8, 12)*. В это же время мечи и палаши жителей Западной Сибири обычно имеют крестообразное перекрестье, характерное для клинкового оружия Восточной Европы и Западной Азии. Примером тому могут служить мечи и палаши сибирских татар, хранящиеся в фондах сибирских музеев.

Названное нами погребение датировано концом XVI — XVII в. (Корусенко, 2003, с. 47-48, 108-110). Палаш мог попасть к аялынским тарским татарам в ходе торгового обмена, как военный трофей или мог быть привезен переселенцем с юго-востока. По данным А. И. Багашева, в составе аялынских тарских татар «преобладает южносибирский компонент, характерный для популяций алтае-саянского типа» (Корусенко, 2003, с. 11). В конце XVI — первой трети XVII в. в Южной Сибири и Центральной Азии происходили важные миграционные процессы. Многочисленное племя ойратов-торгоутов и часть ойратов-хошоутов (известных впоследствии как волжские калмыки) откочевали на запад и, пройдя землями Южной Сибири и североказахскими степями, вторглись в Восточную Европу. Возможно, что палаш из могильника Бергамак II первоначально входил в состав комплекса вооружения одного из ойратских воинов, принимавших участие в походе на запад, а впоследствии использовался аялынскими татарами низовьев Тары.

Палаши подобной формы продолжали использоваться в Джунгарии вплоть до середины XVIII в. (рис. 92, *7-8, 12)*.

Вариант **2.** Палаши с гардами овальной формы и трапециевидным навершием.

Включает 1 экз. из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края, на правом берегу р. Енисей, на западном склоне горы Песчанка, в 4,5 км от устья р. Коя (рис. 81, 5; *87,4)*.

Длина палаша — 68,5 см. Длина вытянуто-треугольного в сечении клинка — 57 см, черена — 11,5 см. Ширина клинка — 3,3 см (у острия полотно клинка плавно сужается до 2,5 см). «Спинка» (обух) клинка — прямая (толщина у рукояти — 4 мм, у острия — 2 мм).

Клинок по всей длине и с обеих сторон имеет пять едва заметных продольных углублений, напоминающих узкие долы. По предположению А. В. Выборнова, В. Н. Нечипоренко и С. Г. Скобелева, это «следы стыков пакетов металла, из которых выкован клинок» (Выборное, Нечипоренко, Скобелев, 2003, с. 50). Конец клинка срезан под углом.

Полоса черена сужается к навершию. Последнее имеет трапециевидную форму. Навершие было предположительно изготовлено из трех пластин, две из которых формировали «стенки», а третья представляла собой «крышку» (не сохранилась). На наш взгляд, «крышка» трапециевидного навершия должна была быть выполнена в виде выпуклой пластины подпрямоугольной формы. Именно такие «крышки» имеются у трапециевидных наверший цинских палашей и сабель XVII-XIX вв. (рис. 81,5). Палаш снабжен плоской гардой, выполненной в виде овала (диаметр овала по длинной оси — 5 см, по короткой — 3,7 см, толщина гарды — 2 мм у основания и 0,5 мм у края) с треугольной прорезью под основание черена.

На плоскости черена не прослеживаются отверстия для крепления стандартной двухчастной деревянной или более редкой костяной или роговой рукояти, что позволяет предположить, что она фиксировалась иным способом либо функции рукояти выполняла толстая и плотная кожаная обвязка (обмотка). Последний вариант кажется более предпочтительным, так как на поверхности черена не фиксируется ни древесного тлена, ни фрагментов рога или кости.

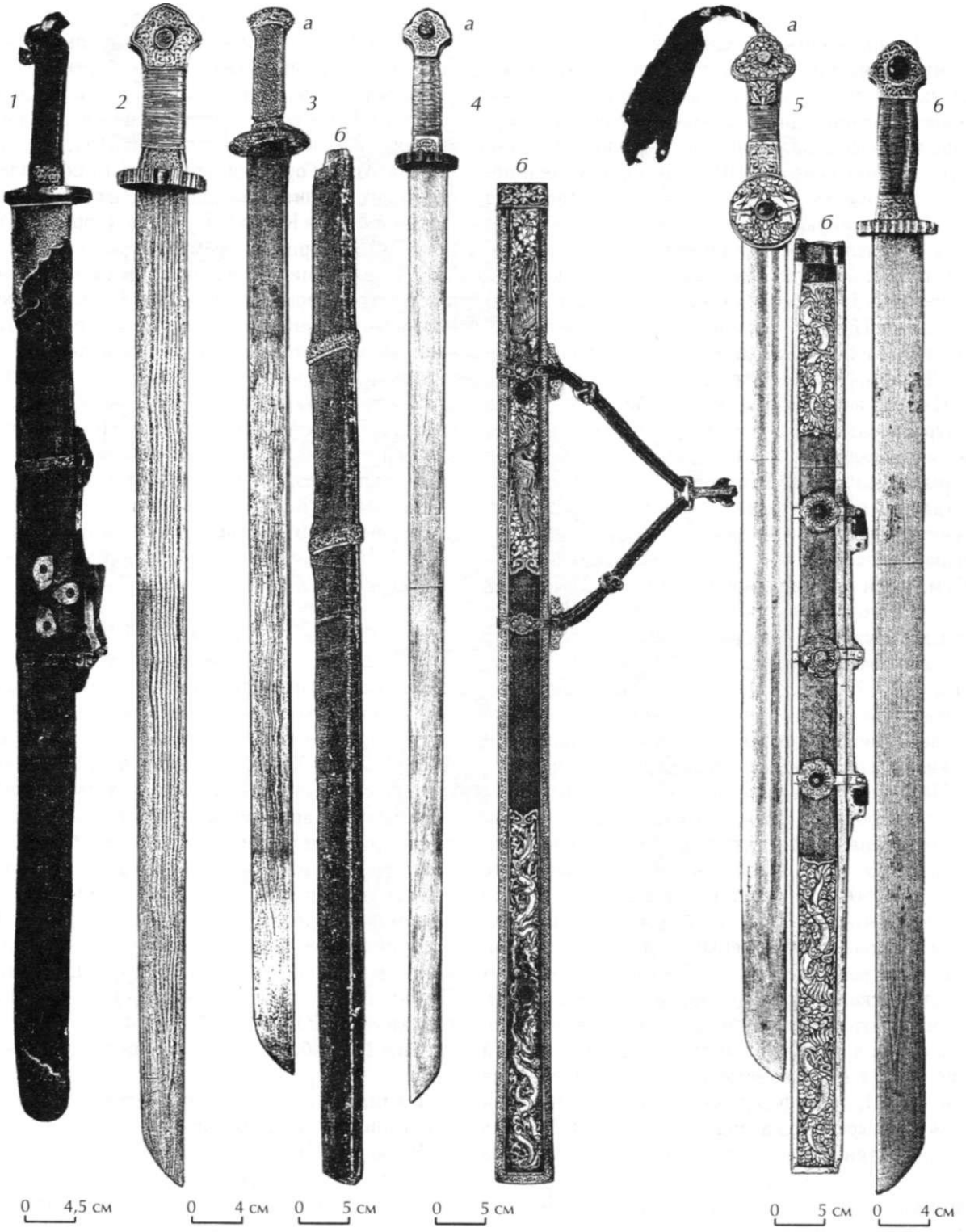

Рис. 83. Тибетские палаши периода позднего Средневековья и Нового времени из музейных собраний Европы и США

Исследовавшие палаш из Коя III А. В. Выборное, В. Н. Нечипоренко и С. Г. Скобелев пришли к выводу, что данный палаш был изготовлен мастерами Цинской империи и находился на вооружении маньчжурского воина одного из цинских отрядов, совершавших разведывательные экспедиции в «Тубинскую землю» в начале XVIII в. (Выборное, Нечипоренко, Скобелев, 2003, с. 55-56). Не отвергая в принципе данную версию, отметим, что в конце XVII — начале XVIII в. клинковое оружие восточноазиатского образца использовали не только маньчжурские, но и монгольские(чахарские,халхаские) подданные Цинской империи, а трофейные дальневосточные клинки находились на вооружении воинов Джунгарского ханства и их союзников.

Палаши использовали южносибирские вассалы центральноазиатских феодалов. В частности, однолезвийный клинок был найден в местности Большие Сыры в Минусинской котловине. Предполагается, что данный палаш входил в состав комплекса вооружения позднесредневековых енисейских кыргызов. Общая длина палаша — 58 см (в том числе клинок — 50см, черен — 8 см), ширина клинка — 2 см. Черен отогнут в сторону лезвия, что, согласно одной из принятых в оружиеведении классификаций, позволяет рассматривать данный клинок и как саблю (Худяков, 2002, с. 70, 79, рис. I, 3). К сожалению, навершие и перекрестье палаша не сохранились. С большой долей вероятности можно предполагать, что для защиты кисти использовалась гарда округлой формы.

Палаши были наиболее распространенным типом длинноклинкового оружия в Тибете XVII-XIX вв. Общая длина тибетских палашей обычно составляет около 80-90 см. Однако встречаются как более короткие (60-70 см), так и более длинные (около 1 м) варианты. Концы их клинков, как правило, срезаны под большим или меньшим углом. Обычно палаш тибетского производства венчается навершием трехлепестковой формы (символизирует «ваджру»), в центре которого находится гнездо для коралла, бирюзы, полудрагоценных и драгоценных камней (рис. 83,*2,4,6),* реже встречаются трапециевидные (рис. 83, *3),* полусферические, пятиугольные или сложные вырезные навершия (рис. 82, *5).* Рукоять обычно обтянута «зернистой» кожей или обмотана проволокой. Широко распространенным элементом оформления рукояти являлись металлические обоймы, размещавшиеся непосредственно на рукояти под гардой. Основным типом гард тибетских палашей являются металлические диски круглой или овальной формы, снабженные выпуклым (иногда достаточно массивным и широким) бортиком, часто покрытым вертикальными «ребрами» и прорезями (долами). Реже встречаются гарды в виде плоских вертикально расположенных дисков (рис. 83,5). По мнению М. В. Горелика, этот элемент оформления тибетских палашей восходит к клинковому оружию Средней Азии и Китая VII—VIII вв. (Горелик, 2004, с. 13-14). Навершия, обоймы, гарды богато украшались. Нарядными выглядели и ножны, кожаная поверхность которых покрывалась металлическими (преимущественно железными и серебряными) накладками, которые иногда занимали до $^{2}/_{3}$ всей поверхности ножен. Металлические элементы обкладки ножен украшались фигурными прорезями, гравировкой, чеканкой, кораллами и бирюзой. Тибетцы носили палаши заткнутыми за пояс спереди (гораздо реже сзади). Однако иногда, следуя моде, привнесенной в регион монголами и китайцами, подвешивали их в горизонтальном положении с помощью поясной или плечевой портупеи (там же, с. 14) (рис. 82, 5; 83, *1-6).*

Сабли

Судя по данным письменных источников, сабли были самым популярным типом длинноклинкового оружия кочевников Монголии и Южной Сибири XVII—XVIII вв. Вещественные и иконографические материалы содержат два основных типа сабель, характерных для региона в рассматриваемый период: слабоизогнутые сабли с округлой гардой и сильноизогнутые сабли с крестообразным перекрестьем. Первый тип был традиционным для региона. Что касается второго, то его распространение мы связываем с иностранным влиянием — среднеазиатским и кашгарским в Джунгарии, кашгарским и индийским — в Тибете, русским — в Южной Сибири.

Тип **1.** Слабоизогнутые сабли с округлой гардой.

Вариант **1.** Слабоизогнутая сабля с елманью и округлой гардой с бортиком.

Включает 1 экз. из Минусинского историко-краеведческого музея им. Мартьянова (рис. 88, *5).*

Длинный массивный клинок начинает плавно изгибаться и расширяться в нижней части сабли, образуя елмань. Последняя сильно отличается от

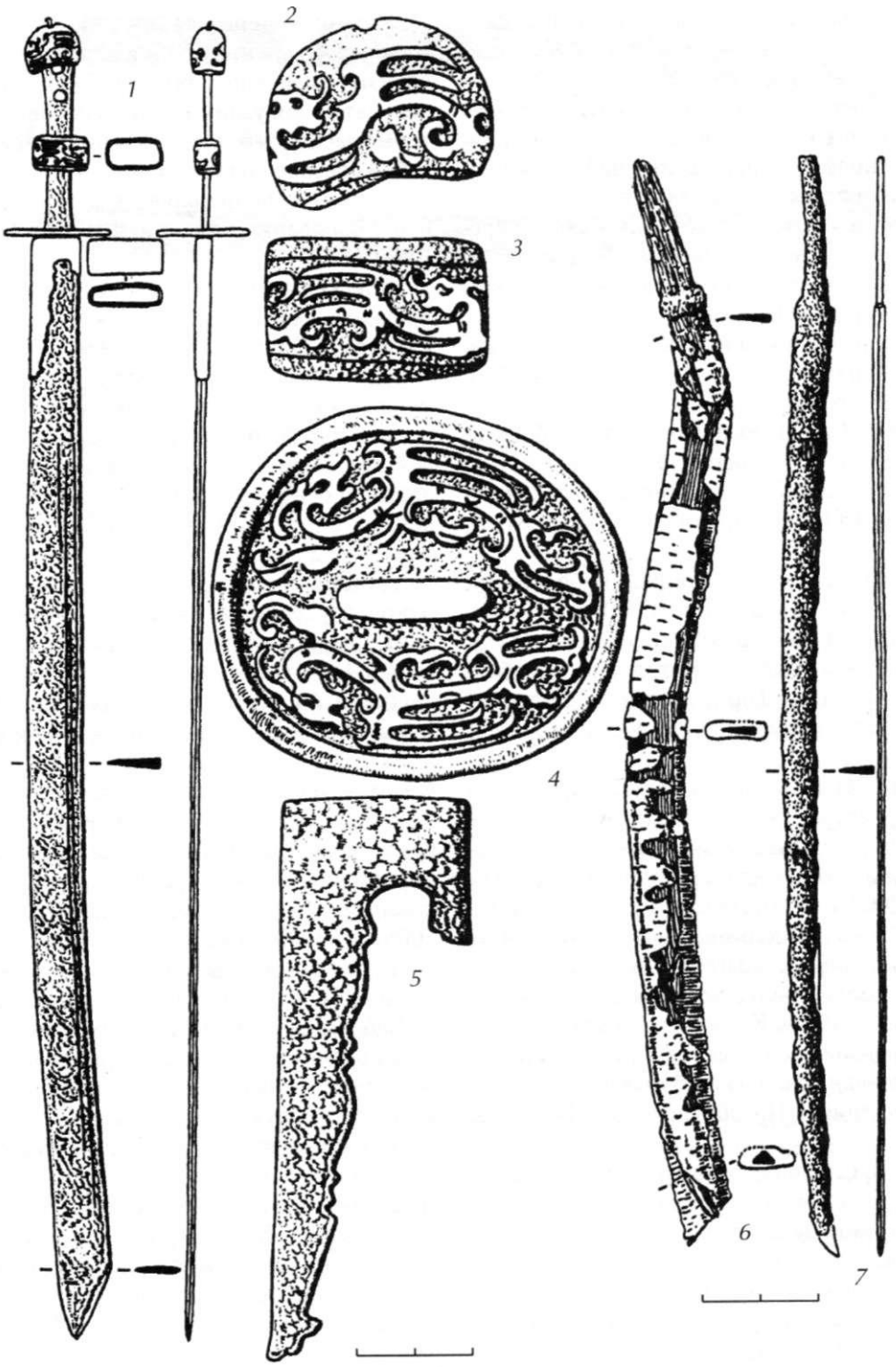

Рис. 84. Слабоизогнутая сабля периода позднего Средневековья и Нового времени. Происходит из числа случайных находок в с. Кабаково на левом берегу р. Алей (Лесостепной Алтай) (*1–5*), с. Кармацкое (*6*) и на Горном Алтае (*7*).

своих западноазиатских аналогов месяцевидной формы, размещаемых на самом конце клинка. Местный вариант елмани выражается в основном в незначительном увеличении веса и ширины почти половины сабельной полосы. Срезанный на конце, плоский и практически прямой черен сабли снабжен в центральной и верхней части двумя заклепками со стержнями-штифтами, с помощью которых к черену крепилась деревянная рукоять. Сабельная гарда представляет собой округлую пластину с массивным широким бортиком. Навершие сабли не сохранилось.

Судя по форме клинка и гарды, сабля была изготовлена центральноазиатскими или южносибирскими оружейниками в XVI-XVIII вв.

Вариант 2. Слабоизогнутая сабля с обоймой на рукояти и округлой гардой с бортиком.

Включает 1 экз. из погребения 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье) (рис. 81, *3;* 88,5).

Сабля отличается относительно небольшими размерами (общая длина — 59 см). Широкий клинок начинает изгиб уже в центральной части сабли. Рукоять сабли была снабжена металлической обоймой подпрямоугольной формы. Гарда представляет собой небольшую округлую пластину с бортиком по периметру.

Погребение 41 могильника Усть-Талькин относится к числу «старобурятских», датируется XVI — началом XVII в. и связывается с «временем расселения бурятских племен на территории Приангарья» (Николаев, 2003, с. 346). На наш взгляд, наличие в погребении бронзовой курительной трубки «ганза» с длинным составным мундштуком свидетельствует в пользу несколько более поздней датировки — XVII — начала XVIII в. Косвенным подтверждением нашего предположения является интентарь погребения, имеющий аналогии в бурятских археологических памятниках Предбайкалья XVII-XIX вв. (там же).

Вариант 3. Слабоизогнутые сабли с елманью, овальной гардой с бортиком, полусферическим навершием, обоймой рукояти, язычковой обоймой и 4 долами на клинке.

Включает 1 экз. из числа случайных находок в с. Кабаково на левом берегу р. Алей (Лесостепной Алтай) (рис. 84, /; 88, *9).*

Общая длина сабли —91,2 см. В том числе длина клинка — 76 см, длина рукояти — 15,2 см. Ширина клинка — 3,8 см.

Клинок и черен сабли выкованы из железа, а оковка навершия, обойма и гарда изготовлены из бронзы (Уманский, 1991, с. 132-133). Клинок снабжен четырьмя узкими долами неравной длины, которые расположены вдоль «спинки» сабли. Острие сабли срезано под углом. Характерным элементом оформления сабли является обойма, расположенная у основании клинка и снабженная вырезным «язычком».

В черене сабли пробито два сквозных отверстия, предназначенных для крепежных стержней с заклепками. Обкладку рукояти дополнительно фиксирует металлическая обойма, первоначально размещавшаяся у гарды. Венчает рукоять уплощенное полусферическое навершие. Сабля снабжена гардой, выполненной в виде овала (диаметр овала по длинной оси — 6,5 см). Края гарды загнуты вниз, образуя бортик по краю перекрестья (толщина бортика — 0,2 см).

Поверхность гарды, навершия и обоймы на рукояти украшены изображениями фантастических крылатых существ (драконов или фениксов) (рис. 84, *1-3).*

Данный клинок проанализирован В. В. Горбуновым и отнесен им к комплексу вооружения воинов кармацкой культуры (XIII—XIV вв.). Появление в этот период на Алтае сабель с елманью, долами на клинке, перекрестьями в виде гарды и обоймами на рукояти В. В. Горбунов связывает с распространением монгольской традиции, «вобравшей в себя дальневосточное и китайское наследие» (Горбунов, 2006, с. 73, 204, рис. 59, *1-5,* 229). Не отвергая в принципе существование подобных сабель на Алтае в XIII—XIV вв., отметим, что, на наш взгляд, сабля из Кабаково была изготовлена несколько позднее этого времени — в конце периода позднего Средневековья — начале Нового времени. На это указывают конструктивные особенности и оформление клинка и рукояти. Вырезная обойма с «язычком» на клинке кабаковской сабли имеет точные аналоги, встречающиеся на минских и цинских саблях и палашах XVI-XIX вв. (рис. 81, *2).* Минские и цинские клинки также имели парные долы вдоль «спинки», округлые гарды и обоймы, что сближает их с саблей из Лесостепного Алтая. Однако большинство цинских сабель с подобной формой клинка имели не полусферические (как в Центральной Азии), а трапециевидные навершия, хотя полусферические навершия также встречались (Мясищев,

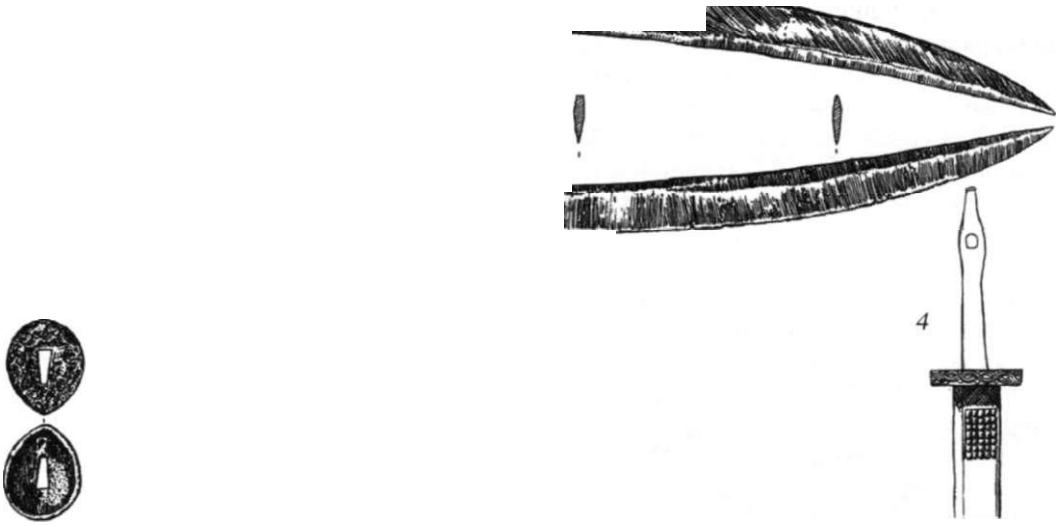

Рис. 85. Слабоизогнутая сабля периода позднего Средневековья и Нового времени. Происходит из числа случайных находок с территории Шебалинского района Республики Алтай (Горный Алтай) (по В. В. Горбунову).

2002, с. 43, тип В). Исходя из этого, можно высказать несколько предположений об авторах кабаковской сабли. Наиболее вероятной выглядит версия, согласно которой сабля была изготовлена центральноазиатскими или южносибирскими оружейниками в XVI-XVIII вв. Близкие по форме и системе оформления сабли фиксируются на изображениях монгольских воинов рассматриваемого периода (рис. 92, //). Согласно другой версии сабля могла быть изготовлена мастерами Цинской империи (скорее всего оружейниками Южной Монголии или Халхи) в конце XVII — первой половине XVIII в. В таком случае сабля из Кабаково — это трофей, добытый алтайскими или ойратскими воинами в ходе боевых столкновений с цинскими отрядами во время одной из Джунгаро-цинских войн конца XVII — первой половины XVIII в.

Вариант **4.** Слабоизогнутая сабля с каплевидной гардой с бортиком.

Включает 1 экз. из числа случайных находок на территории Шебалинского района Республики Алтай (Горный Алтай) (рис. 85; 88, 7).

Общая длина сабли — 72 см. В том числе длина клинка — 60 см (толщина «спинки» — 0,15-0,55), длина черена — 12 см. Ширина клинка (в центральной части) — 3 см.

Однолезвийный клинок на расстоянии 23 см от острия имеет в поперечном сечении почти асимметрично-ромбическую форму, но не имеет заточки с тыльного края. Прогиб «спинки» клинка составляет до 2,2 см. С правой стороны полотна клинка, ближе к его основанию, сохранились остатки орнамента, выполненного техникой гравировки «чешуйчатый орнамент». По мнению В. В. Горбунова и А. А. Тишкина, узор был покрыт серебряным напылением, поскольку имеет белый цвет, хорошо заметный на фоне железа (Горбунов, Тишкин, 2005, с. 45).

Черен клинка имеет уплощенное расширение в верхней части, снабженное сквозным прямоугольным отверстием (0,7 х 0,8 см). Судя по общей длине черена, расширение с отверстием в нем не является сабельным навершием (как на некоторых цинских саблях XVII-XIX вв.). Данное сквозное отверстие скорее всего служило для крепления темляка и находилось под деревянной рукоятью или кожаной обмоткой черена. Изображение таких темляков, пропущенных сквозь рукоять, встречается на изображениях позднесредневековых монгольских сабель (рис. 92,*3)*. В противном случае в отверстие вставлялась заклепка, крепившая к черену деревянную рукоять.

Сабельная гарда имеет каплевидную форму (4,7 х 5,6 см). В ее центре — трапециевидная прорезь под основание черена. Края гарды загнуты вниз, образуя узкий бортик по краю перекрестья (толщина бортика — 0,5 см). Верхняя плоскость гарды укра-

шена орнаментом, напоминающим «облачный узор» (Горбунов, Тишкин, 2005, с. 47). По бортику методом гравировки нанесен орнамент, образованный переплетающимися волнистыми линиями. Навершие сабли не сохранилось.

Сабля совмещает в себе черты, свойственные клинковому оружию Центральной и Восточной Азии периода развитого и позднего Средневековья. Так, каплевидные гарды (но без бортика и орнамента) встречаются на чжурчжэньских палашах XII—XIII вв., утолщения в верхней части черена, снабженные сквозными отверстиями, имеются у некоторых типов цинских сабель XVII-XIX вв. Округлыми гардами с бортиком снабжены монгольские палаши и сабли периода развитого (Горелик, 2002, с. 63, рис. 4-5) и позднего (рис. 92, */ -3,5-8,10-18)* Средневековья. По совокупности признаков можно предложить два варианта датировки сабли: XV-XVII и XVII—XVIII вв. В первом случае сабля была изготовлена мастерами Центральной Азии или Южной Сибири с учетом восточноазиатской оружейной оформительской традиции. Если сабля была изготовлена позднее (в XVII—XVIII вв.), можно предполагать, что ее авторами были центральноазиатские или цинские оружейники.

Вариант **5.** Слабоизогнутые сабли с округлой гардой с бортиком, трапециевидным навершием, обоймой рукояти, обоймой клинка с двумя вырезными «язычками» и двумя долами на клинке.

Включает 1 экз. из монастыря Дрепунг (Тибет). Согласно легенде сабля была преподнесена монахам одним из центральноазиатских феодалов в конце XVI — первой половине XVII в. (рис. 88, *6)*.

Слабоизогнутый сабельный клинок снабжен двумя долами — прерывистым Лобразным (вдоль «спинки») и сплошным (ближе к центральной части сабельной полосы). Характерным элементом оформления сабли является украшенная орнаментом обойма, расположенная у основания клинка и снабженная парой вырезных «язычков» (у лезвия и у «спинки»).

Рукоять оформлена в «тибетском» стиле: она покрыта кожей «с зернистой поверхностью», зафиксированной широкой металлической обоймой, трапециевидное навершие снабжено гнездом для коралла (?).

Скорее всего данная сабля была изготовлена китайскими или монгольскими мастерами, а затем подвергалась переделке в «тибетском» стиле.

Вариант **6.** Слабоизогнутые сабли с елманью, округлой гардой с бортиком, слабовыпуклым прямоугольным навершием, обоймой рукояти и двумя долами на клинке.

Включает 1 экз. из пещеры Цаган-Агуй, расположенной в горной гряде между хребтами Их-Богдо и Бага-Богдо на территории Баянлинг-сомона Баянхонгорского аймака (Гобийский Алтай) (рис. 86; 88, *10)*.

Общая длина сабли — 79,5 см (в том числе длина клинка — 66 см, рукояти — 13 см). Ширина клинка — 3,7 см, в нижней трети клинок расширяется до 4 см (елмань). Максимальный выгиб «спинки» — 1,5 см (на расстоянии 38-45 см от рукояти), максимальный выгиб лезвия — 4,4 см (на расстоянии 47-51 см от рукояти). Толщина обуха у гарды — 8 мм, у острия — 2-3 мм. Клинок снабжен парой дол — широким и узким. В верхней части клинка методом рельефа на углубленном фоне помещено клеймо, изображающее волка.

Венчает саблю слабовыпуклое навершие прямоугольной формы. Черен сабли пропущен сквозь навершие и расклепан. В верхней части черена пробито отверстие, служившее для крепления деревянной рукояти и темляка. По расчетам авторов публикации находки, «судя по внутренним обводам навершия и обоймы, рукоять в сечении была подпрямоугольной, размерами 3 * 1,5 см» (Плотников, Байтсайхан, 1993, с. 214). В нижней части рукояти, непосредственно под гардой, размещалась узкая металлическая обойма. Сабельная гарда представляла собой практически круглую пластину диаметром 7,5 см. По краю гарды был пропущен выпуклый бортик.

Значительный интерес вызывает сохранившаяся система крепления ножен. Она представляет собой две железные обоймы прямоугольной формы, снабженные характерными трапециевидными фиксаторами, соединенные между собой специальной скобой (рис. 86, *1, 4)*. Общая длина конструкции — 26 см. По расчетам авторов публикации сабли, ширина ножен составляла 5 см (там же).

Ю. А. Плотников, З. Байтсайхан сопоставили саблю из Цаган-Агуй с цинской саблей, подаренной Н. Г. Спафарию в Пекине и привезенной им в Москву в начале второй половины 70-х гг. XVII в. Исследователи отметили сходство конструкции не только собственно сабельных клинков и рукоятей, но и системы крепления ножен.

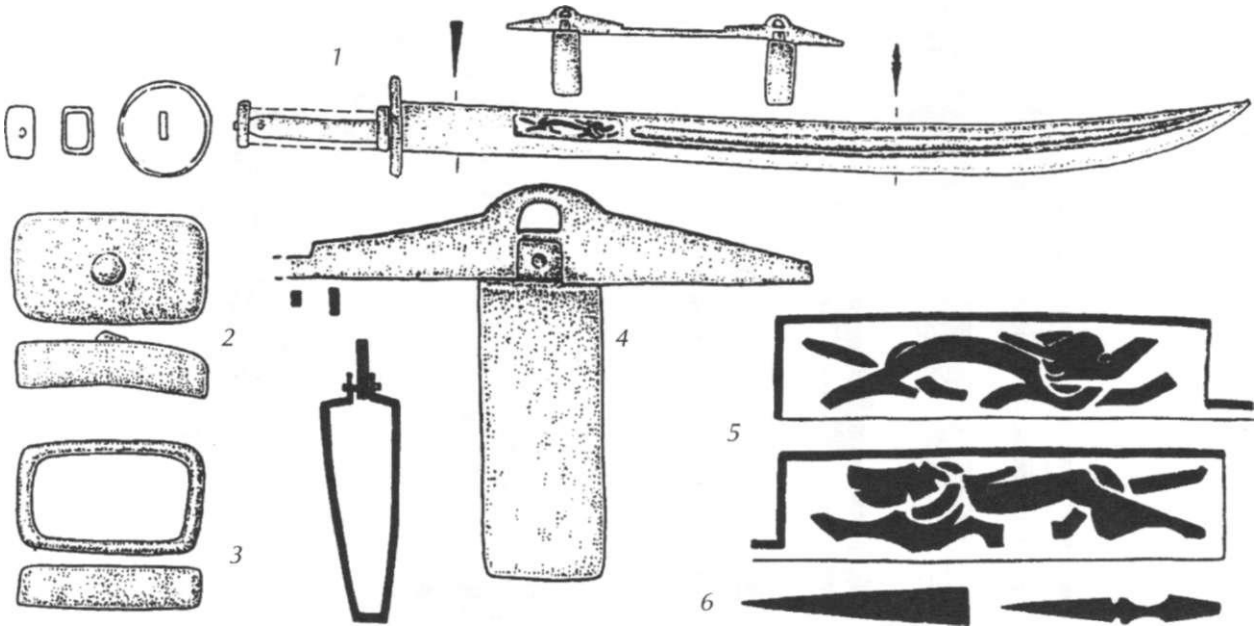

Рис. 86. Сабля с Гобийского Алтая. Происходит из пещеры иаган-Агуй на территории Баянлинг-сомона Баянхонгорского аймака (Гобийский Алтай).

Именно характерная система крепления ножен является ключевым фактором для соотнесения сабли из Цаган-Агуй с цинским оружейным комплексом. Но это оружие совершенно не обязательно было принадлежностью маньчжурских или китайских солдат. Точно такие же ножны использовали халхаские и южномонгольские воины XVII—XVIII вв. (рис. 92,*15)*. Характерная форма навершия и клеймо с изображением волка также свидетельствуют в пользу того, что хозяином сабли был воин монгольского происхождения. Не стоит исключать и вариант, что данная сабля могла попасть в Гобийский Алтай в качестве военного трофея, взятого джунгарами в ходе одной из Джунгаро-цинских войн первой половины XVIII в.

В период Нового времени традиция снабжать сабельные клинки долами, а рукояти дисковидными гардами не только сохранилась на территории Центральной Азии, но и расширила свой ареал. В XVIII-XIX вв. долами и дисковидными гардами стали снабжать сильноизогнутые клинки среднеазиатского образца. Примером такого военно-культурного симбиоза является сабля из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (16479 (2. кп. 10858). В XX в. она была приобретена у кондинских вогулов и передана в музей С. К. Пашкаповым.

Общая длина сабли — 100,5 см. В том числе длина клинка — 87,5 см, длина рукояти — 13,0 см. Ширина клинка в центральной части и у основания — 3,6 см, ближе к острию клинок сужается до 3,5 см.

Плавный изгиб клинка сабли начинается уже в его первой трети. Вдоль «спинки» клинка пропущен узкий и неглубокий дол. Поверх черена сабли одета деревянная рукоять (диаметр — 3,4 см). В верхней части она становится более массивной и имеет небольшой изгиб в сторону лезвия. В верхней части рукояти имеется сквозное отверстие округлой формы, служившее для крепления темляка. Вертикальное отверстие в зауженной горизонтальной плоскости рукояти позволяет предположить, что рукоять могла быть снабжена металлическим навершием.

Интересным элементом оформления гарды является традиционная плоская гарда овальной формы (5,5 х 4,5 см), которая здесь выкована вместе с обоймой рукояти из одной металлической пластины (края гарды у отверстия для черена подняты вверх, образуя бортик).

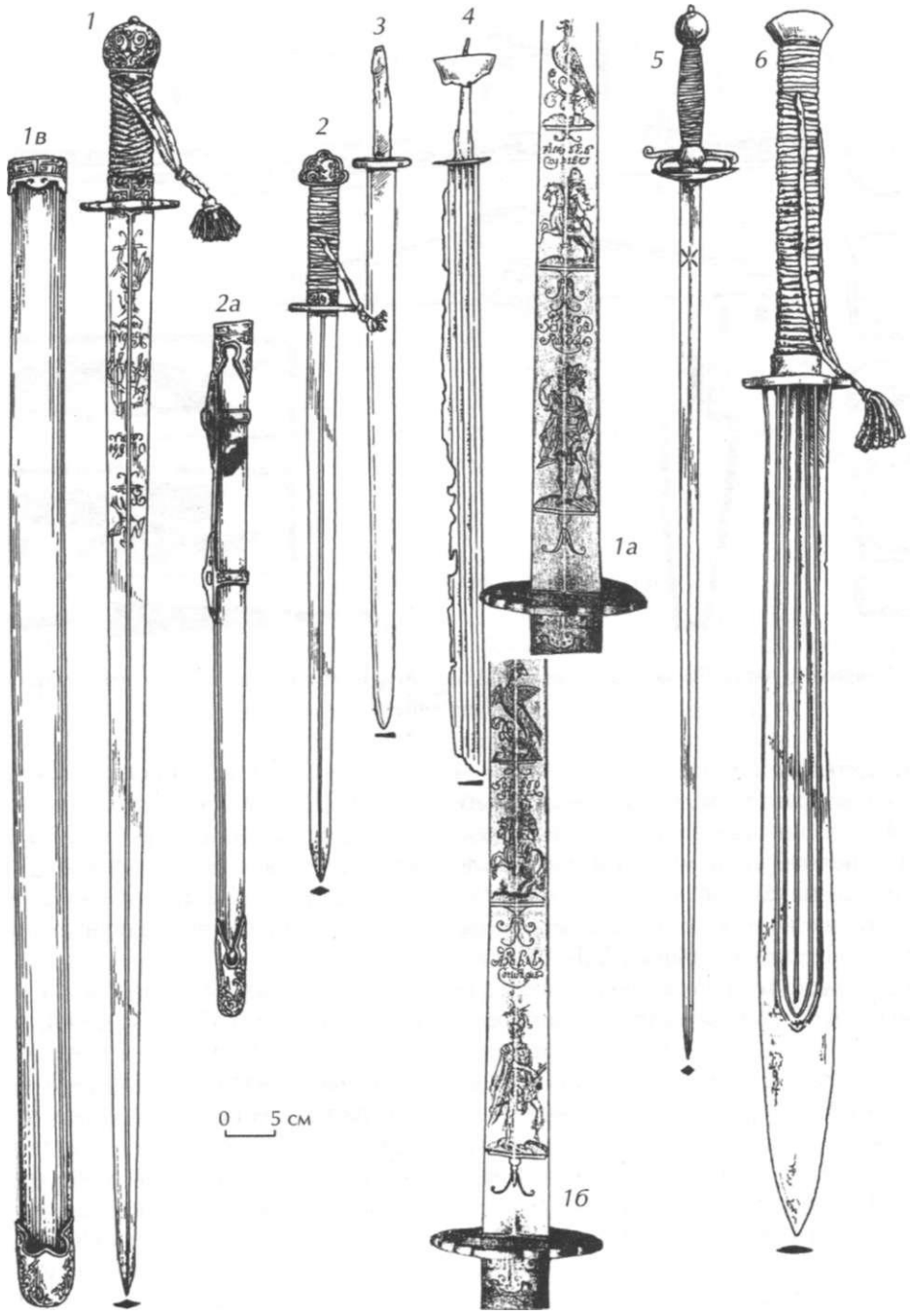

Рис. 87. Длинноклинковое оружие, использовавшееся кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири в XVI—XVIII вв.:

7 — меч с узким граненым клинком европейского производства; 2 — меч восточноазиатского (?) производства.; *3* — палаш центральноазиатского или южносибирского производства конца XVI — XVII в. из низовьев р. Тара; *4* — палаш XVIII в. из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края; 5— шпага европейского образца; 6 — двуручный меч восточноазиатского (?) образца.

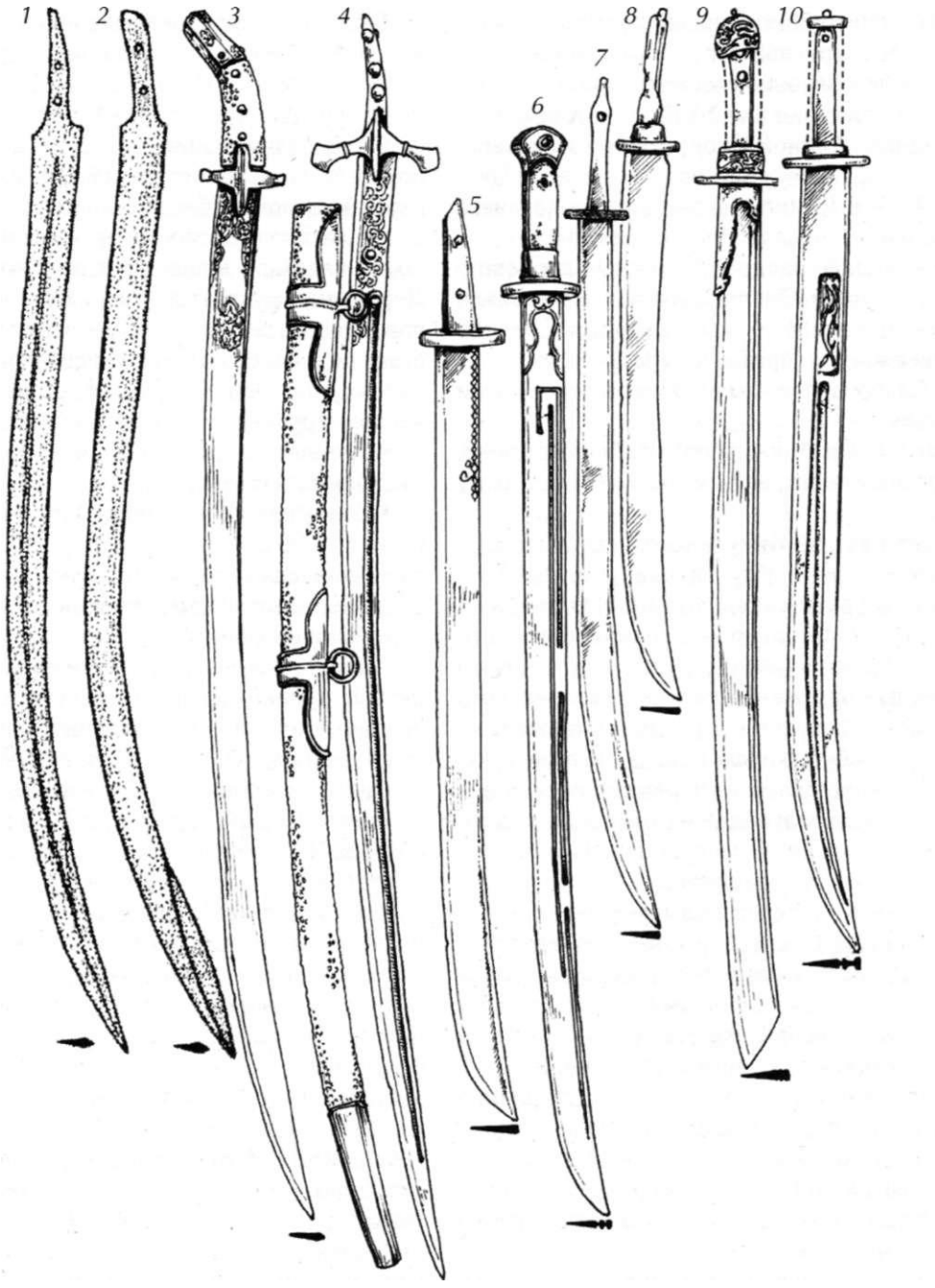

Рис. 88. Сабли периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-2 — кыргызские (?) сабли (Минусинская котловина); *3* — сабля крымско-татарского производства (использовалась калмыками-торгоутами) (Бэйпин Гугун); *4* — сабля с крестообразным перекрестьем (Минусинский историко-краеведческий музей им. Мартьянова); 5— сабля XVI—XVII[вв. (Минусинский историко-краеведческий музей им. Мартьянова); 6 —сабля конца XVI — первой половины XVII в. (монастырь Арепунг, Тибет); 7— позднесредневековая сабля (Горный Алтай); *8* — бурятская сабля (Южное Приангарье); *9* — сабля XVI—XVIII вв. (Лесостепной Алтай); *10*— иинская (чахарская?) сабля XVIII в. (Гобийский Алтай).

Судя по конструкции гарды, форме клинка и сохранившейся деревянной рукояти, данная сабля была изготовлена в конце рассматриваемого периода — во второй половине XVIII — XIX в. мастерами Западной, Южной Сибири или Казахстана. Образцом для оружейников послужили сабли Центральной Азии и Южной Сибири конца позднего Средневековья — начала Нового времени.

Кроме наиболее распространенных дисковидных гард, кочевники Южной Сибири использовали и традиционные для Восточной Европы и Средней Азии сабли с крестообразным перекрестьем.

Тип 2. Слабоизогнутые сабли с крестообразным перекрестьем.

Вариант 1. Слабоизогнутые сабли с долами, крестообразным перекрестьем, загнутым в сторону лезвия.

Включает 1 экз. из Минусинского историко-краеведческого музея им. Мартьянова (рис. 88, *4)*.

Длинный и узкий сабельный клинок снабжен широким, но относительно неглубоким долом. Его поверхность (в основном у перекрестья) покрыта посеребренным орнаментом в виде растительного узора. Между перекрестьем и долом, а также у основания дола пробиты круглые сквозные отверстия. Изогнутый в сторону лезвия черен сабли снабжен тремя массивными полусферическими заклепками, фиксировавшими органическую основу рукояти. Навершие сабли не сохранилось.

Значительный интерес вызывает перекрестье сабли. Оно представляет собой объемную фигурную пластину с отверстием для черена, ребром жесткости по центру и двумя выпуклыми декоративными «поясками». Крестообразное перекрестье выгнуто в сторону клинка, а его концы расплющены.

С некоторой осторожностью можно предположить, что данная сабля была изготовлена оружейниками енисейских кыргызов или их ближайших соседей в подражание русским и среднеазиатским саблям. В этом случае сабля может быть датирована XVII — началом XVIII в.

Сабля со слабоизогнутым клинком и череном, отогнутым в сторону лезвия, происходит с территории Алтая. Возможно, что эта сабля также была снабжена крестообразным перекрестьем (рис. 84, 7).

Вариант 2. Слабоизогнутые сабли с крестообразным перекрестьем и длинным цилиндрическим навершием, отогнутым в сторону лезвия.

Включает 1 экз. из фондов Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных калмыцкими (торгоутскими) феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795) (рис. 88, *3)*.

Общая длина сабли — 105 см (в том числе клинок — 89,6 см, рукоять — 16 см). Узкий слабоизогнутый клинок снабжен на конце слабовыделенной елманью. Его полоса в верхней части украшена золотой насечкой в виде растительного орнамента. Деревянная рукоять изогнута в сторону лезвия. Ее поверхность покрыта кожей с зернистой поверхностью, по мнению китайских исследователей, — кожей акулы[7]. Венчает рукоять длинное цилиндрическое (трубковидное) металлическое навершие. Прямые концы крестообразного перекрестья немного расплющены.

Обтянутые черной кожей деревянные ножны (длина — 96 см) снабжены парой обойм «с крыльями» и кольцами для ремня. Нижней конец ножен усилен специальной металлической накладкой трапециевидной формы.

Характерная форма рукояти и клинка, конструкция оформления крепежной системы ножен — все основные характеристики данной сабли свидетельствуют о том, что перед нами знаменитая «ордынка», или «татарская» сабля, изготовлявшаяся оружейниками крымских татар в XVII в. и, возможно, XVIII в. Четыре такие сабли, датированные этим же периодом, хранятся в фондах ГИМ. Средняя длина клинков этих сабель— 80-90 см. Поверхность одного из них украшена золотой насечкой в виде растительного орнамента. Сабли из ГИМ снабжены характерной отогнутой к лезвию рукоятью с цилиндрическим навершием и крестообразным перекрестьем. Рукоять сабель покрыта кожей ската. Металлические элементы некоторых сабель покрыты позолотой или серебрением. Конструкция ножен сабель из ГИМ практически в точности соответствует ножнам сабли из фондов Бэйпин Гугун (Аствацатурян, 2002, с. 102-103).

Сабля была преподнесена в дар императору Цяньлуну калмыцкими (торгоутскими) феодалами, откочевавшими с Волги на берега Или в начале 70-х гг. XVIII в. Помимо прочего, она свидетельствует о фактах применения калмыцкой знатью

[7] По нашему мнению, в данном случае рукоять сабли все-таки покрыта кожей ската, как на большинстве других образцов данной серии сабель.

трофейного (или приобретенного в ходе торгового обмена) длинноклинкового оружия крымского производства.

Тип **2.** Сильноизогнутые сабли.

Сабли с изогнутым клинком известны по подлинным экземплярам из числа случайных находок, из старых оружейных коллекций, по письменным источникам, иконографическим памятникам и данным эпических произведений кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Например, в кыргызском фольклоре такие сабли известны под названием «ай чалбагы тон молат хылыс» («изогнутая полумесяцем, чисто булатная сабля»), В алтайских эпических произведениях сильноизогнутые сабли фигурируют под названием «ай болот улду» — «сабля, изогнутая как полумесяц», «текенингмуузиндий койрык улду» — «сабля, изогнутая как рог козла» и др. (Соенов, 1994, с. 180).

Две сабли с изогнутым клинком и череном, отогнутым к лезвию, происходят из местности Юдино и из Минусинской котловины (рис. 88, *1-2).* Общая длина сабель — 88 см (в том числе клинок — 81 см, рукоять — 7 см), ширина клинка — 3 см. Обе сабли имеют елмани. Клинок одной из них снабжен долом. В черенах пробиты два отверстия (одно над другим), служившие для фиксации деревянной (?) рукояти и крепления темляка. Считается, что данные сабли входили в состав комплекса вооружения енисейских кыргызов (Худяков, 2002, с. 70, 79, рис. I, 1-2). К сожалению, перекрестья и навершия сабель не сохранились. С большой долей уверенности можно предполагать, что сабли имели трапециевидные или полусферические навершия и крестообразные перекрестья восточноевропейского или западноазиатского образца.

По своей конструкции клинки сабель близки своим среднеазиатским и восточноевропейским аналогам XVI-XVIII вв. Судя по месту их находки, они могли быть изготовлены русскими мастерами или оружейниками шорцев и енисейских кыргызов по русским или среднеазиатским образцам. В обоих случаях наиболее вероятным временем изготовления сабель следует считать XVII — начало XVIII в.

Оригинальная короткая сабля с серповидным клинком с елманью (по размерам клинка ее также можно отнести к длинным изогнутым ножам) происходит из числа случайных находок из лога Соломовка у с. Победа (Верхнее Причумышье). Общая длина сабли — 37 см (в том числе изогнутый клинок — 25,7 см, рукоять — 11,3 см). Максимальный прогиб клинка — 3,5 см. Ширина клинка у основания — 2,4 см, у острия — 4,4 см. Расширяющийся у острия и срезанный на конце клинок образует елмань. Клинок и рукоять выполнены из одного куска железа. Короткая сабля снабжена одночастным перекрестьем, ее навершие раздвоено. По мнению авторов, анализировавших данную саблю, она «происходит из Китая или Джунгарского ханства и датируется XVI-XVII вв.» (Кунгуров, 1997, с. 228). Согласно другой версии, ее появление в Верхнем Причумышье «связано с влиянием мусульманского мира и могло иметь место в период военной активности Джунгарского ханства в XVII — 1-й половине XVIII в. н. э.» (Кунгуров, Горбунов, 2001, с. 125) (рис. 81,5).

Большое количество сабель с изогнутым клинком происходит из музейных собраний городов Восточного Туркестана (в настоящее время Синцзяно-Уйгурский АО КНР). К сожалению, большинство изогнутых сабельных клинков не имеют перекрестий. Скорее всего они были снабжены крестообразными перекрестьями, характерными для «мусульманского» длинноклинкового оружия. Такими саблями были вооружены мобилизованные в джунгарскую армию воины Восточного Туркестана, а также некоторые западномонгольские воины.

Кинжалы

В эпоху позднего Средневековья и Нового времени короткоклинковое оружие было исключительно широко распространено среди кочевников Центральной Азии и Южной Сибири и являлось важным элементом праздничного и повседневного костюма монгольских номадов и жителей Тибета. Помещенные в ножны и подвешенные к поясу с помощью цепочек и кожаных ремешков ножи и кинжалы были практически обязательным элементом внешнего вида мужчины-монгола от ханов до беднейших кочевников-общинников. Причем у последних ножи простых форм нередко являлись единственным видом клинкового оружия, которое они могли себе позволить. Популярность ножей среди номадов объясняется их полифункциональностью. Они были незаменимы в быту, играли важную роль в костюме степняка, а в ходе рукопашной нередко использовались в качестве оружия ближнего боя. Популярность короткоклинкового оружия у кочев-

ников не осталась незамеченной иностранными наблюдателями. Так, турецкий путешественник Эвлия Челеби, явно гиперболизируя, утверждал, что каждый калмык имеет на вооружении несколько десятков ножей: «...на поясе каждого (калмыка) — от 50 до 100 длинных ножей... этими ножами они не дают врагам ни отстрочки, ни пощады» (Басхаев, 2000, с. 59). Популярность короткоклинкового оружия у монголов и тибетцев отмечали русские, среднеазиатские, цинские авторы XVII—XVIII вв., русские и западноевропейские путешественники XIX — начала XX в. Ножи («бычак») активно использовались позднесредневековыми кочевниками Алтая (Соенов, 1994, с. 180). У енисейских кыргызов применялись кинжалы «содан хыйрах» и многочисленные разновидности ножей (Бутанаев, 1981, с. 189).

Короткоклинковое оружие позднесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири представлено кинжалами и ножами.

Кинжалом в оружиеведении считается короткоклинковое обоюдоострое (двухлезвийное) оружие. В XV-XVIII вв. длинные обоюдоострые кинжалы использовались практически на всей территории рассматриваемого региона.

Группа 1. Линзовидные.

Тип 1. Прямолезвийные черешковые кинжалы с вытянуто-треугольным клинком.

Вариант 1. Прямолезвийные черешковые кинжалы с вытянуто-треугольным клинком без перекрестья.

Данный тип кинжалов отличается от ножей (типа 1) двухсторонней заточкой и прямой полосой клинка. Целиком сохранившиеся кинжалы и их обломки происходят с территории Минусинской котловины и датируются периодом позднего Средневековья (рис. 89, /). Общая длина кинжала, входившего в комплекс вооружения енисейских кыргызов, — 26 см (в том числе длина клинка — 20 см, длина рукояти — 6 см), ширина клинка — 4 см (Худяков, 2002, с. 70, 79, рис. I, 21).

Линзовидный черешковый кинжал с вытянуто-треугольным острием происходит из мужского погребения Ак-Дуруг в Туве. Плоский клинок кинжала, широкий у черешка, резко сужается к острию. Кинжал не имеет перекрестья и навершия (рис. 89, *2).* Его черешок, вероятно, вставлялся в деревянную рукоять с округлым сечением и фиксировался в ней. Подобная форма клинка не характерна для традиционных центральноазиатских кинжалов и ножей периода позднего Средневековья и Нового времени. Погребение, в котором был обнаружен кинжал, датируется по сопутствующему инвентарю XVIII-XIX вв. (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 56; с. 89).

Широкое распространение получили кинжалы с вытянуто-треугольным лезвием в Тибете.

Вариант 2. Прямолезвийные черешковые кинжалы с вытянуто-треугольным клинком, с округлой гардой и трапециевидным навершием.

Включает серию из более чем двух десятков кинжалов из музейных собраний и частных оружейных коллекций Великобритании, США, КНР и других стран.

Большая часть экземпляров серии представлена так называемыми «чиновничьими» кинжалами, отделка которых отличается особым изяществом. В длину такие ножи достигают 35-45 см, в ширину — около 3 см. Плоскость многих клинков снабжена долами. Рукоять «чиновничьих» ножей практически целиком покрыта металлическими элементами. Деревянная основа рукояти часто оплетена металлической проволокой и снабжена у гарды специальной обоймой или покрыта посеребренной прочеканенной пластиной. Рукояти обычно снабжались округлой гардой небольшого размера и плоским трапециевидным навершием. Некоторые типы тибетских кинжалов имели рукоять, по конструкции и форме практически в точности повторявшую рукояти мечей и палашей.

Поверхность ножен тибетских кинжалов украшалась металлическими резными накладками или полностью покрывалась металлической (чаще всего серебряной или посеребренной) пластиной, форма которой соответствовала контуру ножен. Вложенные в ножны кинжалы тибетцы носили заткнутыми за пояс (Горелик, 2004, с. 10-12).

Тип 2. Кинжалы с S-образной рукоятью и коротким уплощенным перекрестьем.

Включает 5 экз. из фондов Бэйпин Гугун. Происходят из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795) (рис. 89, *4-5, 6-9).*

Размеры кинжалов существенно разнятся. Самый крупный из них напоминает короткий меч (общая длина — 56 см, в том числе длина клинка — 43 см, длина рукояти — около 13 см). Его рукоять украшена драгоценными камнями и нефритом. Одни кинжалы имеют ромбовидное, другие —

линзовидное сечение. Ножны кинжалов изготовлены из дерева, обтянуты кожей и покрыты металлическими (медными, серебряными, бронзовыми) накладками. Лицевая часть некоторых ножен полностью покрыта выгнутой металлической пластиной, повторяющей контур ножен. Поверхность таких пластин украшена выпуклым геометрическим и растительным орнаментом, насечкой или гравировкой. Все кинжалы объединены такими важными признаками, как двухсторонняя заточка и характерная форма рукояти. Последняя имеет S-образную форму: оттянутое в сторону лезвия навершие снабжено массивным округлым расширением. Рукоять (в ряде случаев выполненная из одного куска нефрита) снабжена коротким уплощенным перекрестьем. Данный тип рукояти характерен для индийских ножей «ханджар», которые в период позднего Средневековья и Нового времени применялись также воинами Ирана, Афганистана, Средней Азии и Кашгарии. Однако большинство дошедших до нашего времени индийских и иранских «ханджаров» имеют не прямой, а изогнутый клинок. Возможно, что рассматриваемые кинжалы были изготовлены мастерами Восточного Туркестана в XVII — первой половине XVIII в. и преподнесены в дар или захвачены в качестве трофеев джунгарскими феодалами.

Ножи

Наиболее распространенным типом ножей Центральной Азии и Южной Сибири в XV-XVII вв. были черешковые ножи с достаточно коротким (обычно до 20 см) прямым или слабоизогнутым однолезвийным клинком. Рукоять таких ножей изготавливалась из дерева, рога, кости и нередко снабжалась кожаной обмоткой. На протяжении рассматриваемого периода все большее распространение в Монголии приобретали ножи с более длинным (до 30 см) прямым клинком и длинной расширяющейся к металлическому навершию рукоятью. Характерным элементом ножей данного типа была металлическая обойма, размещавшаяся на рукояти у самого клинка. Данный тип ножей в XVIII-XIX вв. стал исключительно популярен среди жителей Монголии и прилегающих южносибирских территорий.

Кроме ножей центральноазиатского производства монгольские феодалы использовали импортные ножи, изготовленные в Средней Азии, Кашгарии, Северной Индии и Китае.

Тип **1.** Черешковый нож с прямым или слабоизогнутым однолезвийным клинком и рукоятью из органических материалов.

В силу простоты конструкции данный тип ножей был одним из самых распространенных типов короткоклинкового оружия периода позднего Средневековья и Нового времени. В силу своих конструктивных особенностей черешковые ножи были полифункциональны. Они могли использоваться для бытовых функций, на охоте. В ходе боевых действий их могли применять для добивания раненых воинов противника или в ходе рукопашной схватки.

Вариант **1.** Черешковый нож с прямым или слабоизогнутым однолезвийным клинком и рукоятью из органических материалов.

Включает 17 экз. из археологических памятников Южной Сибири и Центральной Азии и старых оружейных коллекций.

Данный тип ножей отличается небольшими размерами и отсутствием дополнительных конструктивных элементов (навершия, перекрестья, обойм). Приведем несколько примеров находок ножей на территории Южной Сибири и Центральной Азии.

В бурятском погребении 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье), датированном периодом позднего Средневековья — началом Нового времени, был обнаружен однолезвийный нож (общая длина — 24 см) с прямым клинком и длинным черешком (около 11 см). Представляет интерес тот факт, что в данном экземпляре длина черешка (а значит, и рукояти) почти равна длине клинка (рис. 89,2/).

В скальном захоронении второй половины II тыс. н. э. у с. Ело (Горный Алтай), вместе со стрелами, кожаным колчаном, остатками лука, деревянного седла и стремени, обнаружен длинный узкий железный нож с несколько изогнутым клинком. Исследовавший погребение В. А. Кочеев отмечает: «Железный нож однолезвийный, черешковый, треугольный в сечении. Длина ножа 30 см, ширина 18 мм» (Кочеев, 1983, с. 155, 159, рис. 8).

В могильнике Коя III, расположенном на территории Шушенского района Красноярского края, на правом берегу р. Енисей, на западном склоне горы Песчанка, в 4,5 км от устья р. Коя, вместе с палашом был найден однолезвийный треугольный в

сечении нож (общая длина — 17 см). «Спинка» ножа слабоизогнутая, почти прямая. Толщина обуха — от 4 мм у черешка и менее 1 мм у острия. Прямоугольный в сечении черешок ножа немного отогнут в сторону лезвия. Отверстия на черенке, как и древесный тлен, отсутствуют, что позволяет предположить, что в качестве рукояти использовалась толстая, в несколько слоев кожаная обмотка. Нож был обнаружен в захоронении вместе с палашом дальневосточного типа и датирован авторами находки началом XVIII в. (Выборнов, Нечипоренко, Скобелев, 2003, с. 55-56). Нож из Коя III имеет широкий круг аналогов среди ножей с территории Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии. Он мог быть изготовлен как местными, так и восточноазиатскими мастерами.

Ряд ножей был обнаружен при раскопках памятников на территории г. Новокузнецка. В частности, при раскопках поселения Ильинка-5, датированного XVII в., были обнаружены три железных ножа. Самый крупный достигает в длину 21 см. Два остальных — по 13 см (рис. 89, *22-24)*. Еще четыре железных ножа были обнаружены при раскопках поселения Бедаревское. Длина самого большого ножа — 20,4 см. Длина мелких, миниатюрных ножей — 11 см.

Небольшой черешковый нож с прямой «спинкой» и немного искривленным лезвием обнаружен в кургане 24 на горе Шанчиг в Туве. Нож имеет небольшой черешок (примерно $^{1}/_{3}$ лезвия), который вставлялся в рукоять, предположительно изготовленную из дерева. Погребение датируется XVI-XVII вв. (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 21; с. 84-85).

Близкие по форме ножи происходят из памятника Койбалы (курган 2) и с территории Минусинской котловины. Общая длина ножа — 27 см (в том числе клинок — 20 см, рукоять — 7 см), ширина клинка — 3 см (Худяков, 2002, с. 70, 79, рис. 1,22; с. 81, рис. III, 12).

. Разновидностью данного варианта ножей являются однолезвийные ножи с цельнокованой рукоятью. Включает 2 экз. из тувинских погребений XVIII-XIX вв. (рис. 89, *13-14)*. Отличительной особенностью данных ножей является такой конструктивный элемент, как плоская длинная(около половины или даже больше общей длины ножа) рукоять, выполненная из расплющенного массивного черешка, составляющая единое целое с клинком. В верхней части рукояти сделано сквозное отверстие, в которое, у одного из экземпляров, вставлена металлическая цепочка из 8-образных звеньев (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 78-79, с. 89). Железная рукоять таких ножей для удобства могла обматываться кожей или веревкой.

Вариант **2.** Черешковый нож с прямым или слабоизогнутым однолезвийным клинком с полукруглым вырезом и рукоятью из органических материалов.

Включает 1 экз. из Тувы (рис. 89, //).

Прямая «спинка» черешкового ножа снабжена у острия полукруглым вырезом. Нож имеет маленький черешок (примерно $^{1}/_{4}$ клинка), который вставлялся в рукоять, предположительно изготовленную из дерева. Описавший нож Л. Р. Кызласов упоминает о том, что он был вложен в «железный футляр». Однако изображение последнего не приводит. Погребение датируется XVI-XVII вв. (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 22; с. 84).

Промежуточное положение между ножами типа 1 и монгольскими «хэт хутга» занимают ножи позднесредневекового населения Барабы, обнаруженные в могильнике Абрамово-10(Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 71-73). Ножи Барабы, имеющие длину до 20 см, выделяются прямой «спинкой», плавно переходящей в черен, и изогнутым лезвием с ярко выраженным «плечиком» (рис. 90, *1-4)*. В отличие от большинства описанных выше южносибирских ножей их барабинские аналоги снабжены навершиями, а некоторые из них и обоймами рукояти. Рукояти барабинских ножей поддаются реконструкции. В большинстве случаев они изготовлены из дерева и имеют конусовидную (узкую у клинка и расширяющуюся к навершию) форму. Близкие по форме ножи найдены при раскопках поселения Бедаревское-5 (на терр. г. Новокузнецка) (рис. 89, *26-27)* и других позднесредневековых памятников Южной Сибири. Подобные ножи продолжали использоваться селькупами и хантами вплоть до Этнографического времени (там же, с. 71-73).

Ножны барабинских ножей изготавливались из древесины и покрывались кожей. Иногда их целиком делали из кожи и фиксировали по периметру медной проволокой (там же).

Тип **2.** Ножи с прямым клинком, длинной расширяющейся к металлическому навершию рукоятью, металлической обоймой (обоймой-перекрестьем) рукояти.

Рис. 89. Кинжалы и ножи, использовавшиеся кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени. С территории Тувы *(2, 10-14),* из Минусинской котловины (*1, 19, 20-21),* с территорий г. Новокузнецка *(22-28),* Айканского городиша *(29-31),* изготовленные в Индии, Средней или Передней Азии *(4, 5-9, 15-17).*

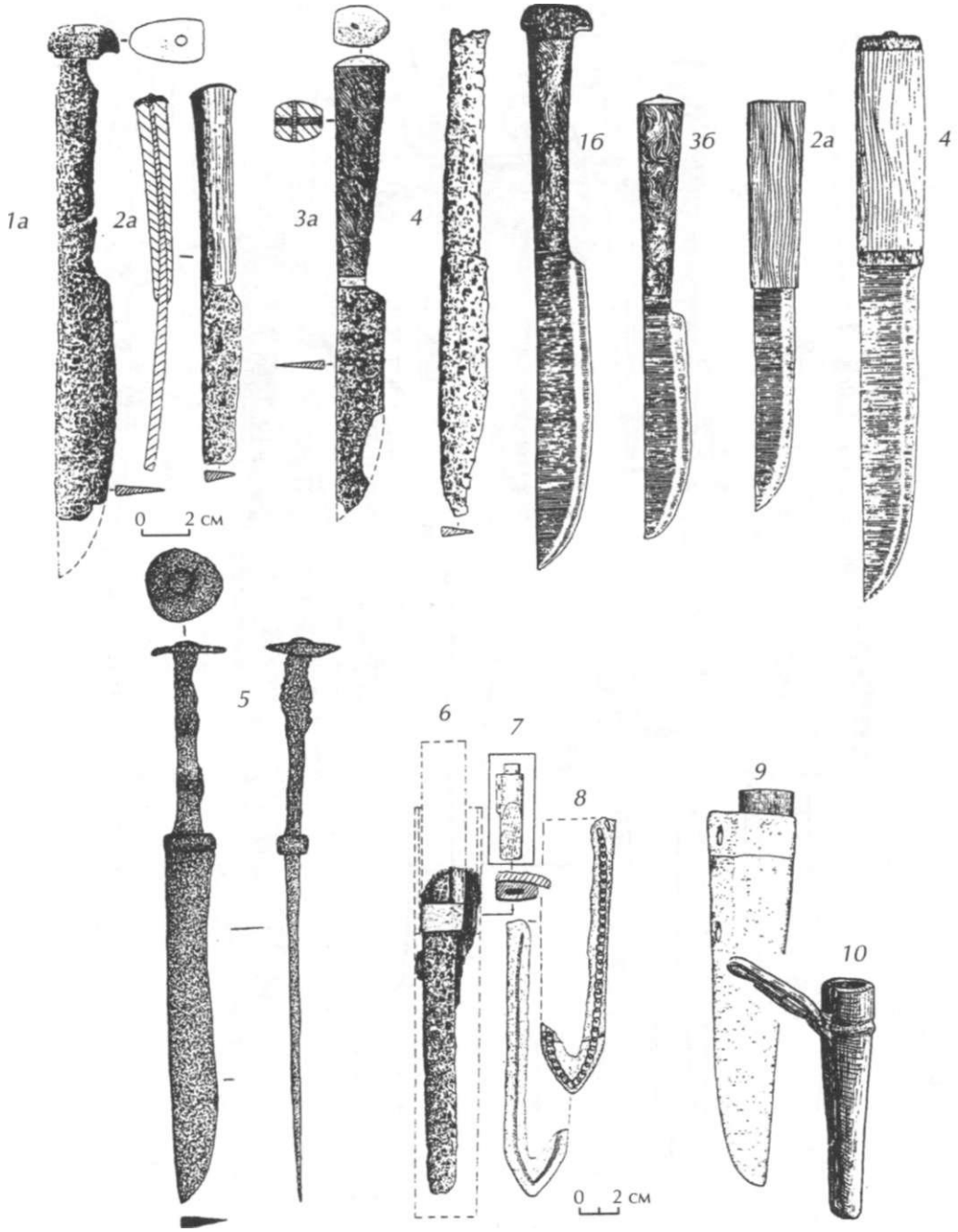

Рис. 90. Ножи и ножны жителей Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени и их реконструкции: ;_4 _ из Барабы (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву); 5 — из Кузнецкой котловины (по А. М. Илюшину); *6-9*— реконструкция ножен барабинских ножей (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву); шорские кожаные ножны XIX в. (воспроизводится по: Народы Южной Сибири..., 1990).

Это основной тип монгольских ножей периода Нового времени, известен под названием «хэт хутга»[8]. Их отличительными признаками являются прямой (иногда снабженный долами) клинок (15-30 см) со срезанным под углом острием, длинная (иногда до *Уг* общей длины клинка) расширяющаяся рукоять с металлическим навершием (в большинстве случаев наперстковидной формы), заменяющая гарду трапециевидная обойма между клинком и рукоятью (рис. 91). Общая длина ножей «хэт хутга» обычно составляла 20-40 см. Некоторые исследователи полагают, что данный тип ножей монголы заимствовали у жителей Восточной Азии. Однако наиболее ранние экземпляры (рис. 91, /) происходят из монгольских погребений у г. Дадарт-уул, у истока р. Хаар-ус, которые датируются XIII-XIV вв., а их изображения встречаются на миниатюрах чингизидского круга периода развитого Средневековья (Горелик, 2002, с. 63, рис. 1). К более позднему периоду относится «хэт хутга» из резиденции Богдо-хана (рис. 91, *5)*. Общая длина — 32, 5 см (в том числе длина рукояти — 13 см, клинка — 19,5 см), ширина клинка — 1,5 см. Рукоять ножа изготовлена из кости, навершие и обойма рукояти украшены гравировкой (Худяков, Бобров, 2004, с. 119, 115, рис. *1,4)*. Широчайшее распространение данный тип ножей получает после вхождения Монголии в состав Цинской империи. Ножи «хэт хутга» «считались непременной принадлежностью мужчины, предметом его гордости и потому украшались с особым тщанием» (Хэт хутга, 1977, с. 25). В настоящее время в музеях МНР и КНР хранятся десятки подобных ножей, рукоять и ножны которых богато украшены серебряными и позолоченными накладками с гравировкой, насечкой, кусочками кораллов, бирюзы, нефрита и т. д. Особой роскошью отличаются экземпляры второй половины XVIII — XIX в. Органическая основа ножен некоторых из них практически совершенно скрыта прорезными металлическими накладками (рис. *91,3-4)*. В этот период, в результате восточноазиатского влияния, широкое распространение получает традиция снабжать ножны специальными отсеками (отверстиями) для хранения палочек для еды («савхи»), реже — для шила, булавок и т. д.

Обычно клинок ножа «хэт хутга» делался значительно короче ножен, поэтому он «утопал» в них таким образом, что посторонний зритель мог видеть лишь навершие и верхнюю часть рукояти ножа.

Интересен способ подвешивания ножа к поясу. К поясному ремню крепилась специальная кожаная петля или металлическая цепочка, заканчивавшаяся плоской прорезной, часто богато оформленной пластиной с металлической пряжкой, в которую пропускались ремешок или цепочка ножен. Общая длина такой «подвески» могла быть значительной, в результате чего в «распущенном» состоянии конец ножен мог спускаться ниже колен. Поэтому обычно ножны носили не навыпуск, а засовывали под матерчатый поясной кушак.

В XVIII-XIX вв. «хэт хутга» в комплекте с табакеркой и огнивом являлся обязательным элементом кожаного пояса монгольских кочевников. Ножи монгольского производства импортировались в Тибет (Горелик, 2004, с. 10-11).

В XVII—XVIII вв. данный тип ножей использовали не только монгольские кочевники, но и народы Южной Сибири, воспринявшие элементы монгольского оружейного комплекса. В частности, ножи рассматриваемого типа были обнаружены в подъемном материале с территории курганного могильника Ишаново, расположенного на территории Кузнецкой котловины в долине ниже течения р. Ур на территории современного с. Русско-урское (Ишаново) в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области.

Общая длина ножа — 24 см. В том числе клинок — 16 см, черен — 8 см. Ширина клинка колеблется от 2 см (в верхней, узкой, части) до 2,3 см. Отличительной чертой данного ножа является форма клинка, которая благодаря сужению полотна клинка у черена имеет слабовыраженную S-образную форму, которая нередко встречается у ножей типа I[9] (рис. 90, *5)*. Нож снабжен обоймой-пере-

[8] Изначально название «хэт хутга» носили клинки, изготовленные «из твердого сплава стали» (Хэт хутга, 1977, с. 25), однако впоследствии это название распространилось на все ножи серии (тип 2).

[9] Близкий по форме к «ишановскому» ножу черешковый клинок S-образной формы был обнаружен в тувинском погребении, датированном XVIII-XIX вв. (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 77; с. 89). S-образный изгиб лезвия прослеживается еще в меньшей степени, чем на предыдущем экземпляре. Перекрестье и навершие отсутствуют. Скорее всего черешок вставлялся и закреплялся в деревянной рукояти округлой в сечении формы.

Рис. 91. Монгольские ножи «хэт хутга» периода позднего Средневековья и Нового времени и их прототипы периода развитого Средневековья.

крестьем в виде уплощенного валика. Венчает нож навершие, выполненное в виде плоской пластины округлой формы с псевдозаклепкой, которую образует расклепанный черен, пропущенный в навершие. Судя по конструкции черена, размерам перекрестья и навершия, нож, как и монгольские «хэт хутга», имел уплощенную деревянную рукоять, узкую у перекрестья и расширявшуюся у навершия. По сведениям, собранным А. М. Илюшиным, нож происходит из кургана, являющегося «культурным наследием "татарского" (аз-кыштымского) населения, некогда проживавшего в этих местах» (Илюшин, 2005, с. 78). Данные сведения позволяют отнести нож из Ишанова к числу предметов вооружения, использовавшегося воинами и охотниками телеутского племени аз-кыштымов, проживавшего на территории, примыкавшей к Салаирскому кряжу в XVII—XVIII вв.

Тип **3.** Черешковые ножи с S-образной рукоятью и коротким перекрестьем.

Включает 2 экз. из фондов Бэйпин Гугун (рис. 89, *15-16).* Происходят из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795). Общая длина первого ножа — 40 см (в том числе клинок — 27,5 см, рукоять — 12,5 см), общая длина второго ножа — 35 см (в том числе клинок — 22,5 см, рукоять — 12,5 см).

Ножи имеют слабоизогнутые снабженные долами клинки (изгиб начинается в середине или нижней трети клинка). Рукоять одного из них выполнена из белого, а другая из голубого нефрита, обе имеют характерную S-образную форму, которую им придает изогнутое в сторону лезвия массивное навершие. Из того же куска нефрита вырезана небольшая уплощенная крестообразная рукоять. Ножны первого ножа выполнены из кожи и украшены медными накладками. Ножны второго покрыты серебряной пластиной.

Данный тип ножей в XVII—XVIII вв. был широко распространен в Северной Индии, использовался в Иране, Афганистане, Средней Азии и Восточном Туркестане. Индийское название таких ножей — «ханджар». Возможно, что данные экземпляры «ханджаров» были изготовлены мастерами Восточного Туркестана в XVII — первой половине XVIII в.

Тип **4.** Черешковые ножи с 3-лепестковым навершием и коротким перекрестьем.

Включает 1 экз. из фондов Бэйпин Гугун. Происходят из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (рис. 89, *17).*

Клинок данного ножа напоминает клинки описанных выше «ханджаров», но он имеет в центральной части плавный S-образный изгиб. Поверхность клинка снабжена длинными вертикальными долами. Рукоять ножа выполнена из цельного куска белого нефрита. Навершие имеет развитую 3-лепестковую форму. В центральной части рукояти — шаровидное расширение. Декоративные лепестки образуют гарду округлой формы.

Судя по особенностям оформления ножа, он мог быть изготовлен в Индии или Восточном Туркестане в XVII-XVIII вв.

Анализ вещественных, изобразительных и письменных источников показал, что в период позднего Средневековья и Нового времени воины Центральной Азии активно применяли различные виды клинкового оружия. Центральноазиатские правители предпринимали целенаправленные усилия для того, чтобы оснастить клинковым оружием как можно большее число своих воинов.

Значительная часть клинкового оружия поступала в ойратские войска в ходе торгового обмена, в качестве дани или военных трофеев с территории Южной Сибири, Восточного Туркестана и Средней Азии. Со временем все большее значение для Джунгарии начал играть импорт с территории Средней Азии. К середине XVIII в. в городах «Большой Бухарин» делались крупные заказы на поставку местных сабель в джунгарские войска. Однако большую часть клинкового оружия центральноазиатские феодалы получали за счет местного производства. Излишки клинкового оружия продавались жителям южносибирских городов. Для повышения профессионального мастерства оружейников ойратские правители посылали их на учебу за границу.

В Южной Монголии и Халхе большое значение имел импорт клинкового оружия из государств Восточной Азии. После включения этих территорий в состав Цинской империи имперское правительство начало массовые поставки клинкового оружия в армии своих монгольских вассалов. В первой трети XVIII в. халхаские феодалы требовали, чтобы все ополченцы, прибывшие на сборные пункты, имели при себе сабли. На тех, кто нарушал это предписание, накладывались суровые штрафы. В результате

к середине XVIII в. значительная (а возможно, и большая) часть халхаских и чахарских цириков была вооружена саблями и палашами как местного, так и цинского производства.

Широчайшее распространение клинковое оружие получило в рассматриваемый период в Тибете, где оно использовалось не только профессиональными военными, но и гражданскими лицами и даже ламами. В целом число воинов, оснащенных длинноклинковым оружием в центральноазиатских армиях в XVII—XVIII вв., было выше, чем, например, в армиях их восточных кочевых соседей: киргизов, каракалпаков и казахов, основным оружием ближнего боя которых были топоры на длинных рукоятях. Наименьшее число сабель, по сравнению с другими народами Центральной Азии, было в войсках переселившихся на берега Волги ойратов-торгоутов (волжских калмыков). Нехватка длинноклинкового оружия была вызвана дефицитом железа. Тем не менее волжские калмыки конца XVII — XVIII в. применяли длинноклинковое оружие как местного, так и персидского, среднеазиатского, российского, крымского и северокавказского производства. Число воинов-«сабельщиков» в калмыцких войсках было вполне сопоставимо с численностью таких воинов в отрядах крымских татар, ногайцев и донских казаков.

Типологический анализ клинкового оружия из числа случайных находок и археологических памятников Центральной Азии и Южной Сибири XVII—XVIII вв. показал, что многие сабли, ранее относившиеся к «маньчжурскому» комплексу вооружения, были изготовлены местными мастерами. В рассматриваемый период основным видом длинноклинкового оружия кочевников Центральной Азии были палаши и сабли со слабоизогнутым клинком, округлой гардой и полусферическим или трапециевидным навершием. Об этом свидетельствуют подлинные экземпляры центральноазиатского оружия из археологических памятников и старых оружейных коллекций, материалы письменных источников и иконографии XVI-XVIII вв. Конструкция центральноазиатского длинноклинкового оружия в целом была близка конструкции палашей и сабель государств Восточной Азии. Скорее всего причина этого заключается в том, что как центрально- так и восточноазиатские сабли и палаши восходят к длинноклинковому оружию Юаньской империи, оружейный комплекс которой объединил монгольские, китайские и чжурчжэньские военно-культурные традиции. В Южной Сибири и Джунгарии известное распространение также получили сабли с сильноизогнутым клинком с елманью и крестообразным перекрестьем. Образцом для их изготовления послужили сабли среднеазиатского, восточнотуркестанского или российского образца.

Наряду с традиционными для региона палашами и слабоизогнутыми саблями центральноазиатские и южносибирские воины в рассматриваемый период применяли мечи как местного (в основном тибетского), так и иностранного (в основном восточноазиатского) производства. Представители знати владели экзотическими для региона видами клинкового оружия: двуручными мечами, русскими саблями и даже шпагами европейского производства. Значительный интерес представляют мечи, у которых европейский клинок дополнен рукоятью центральноазиатского производства.

Короткоклинковое оружие (кинжалы и ножи) в период позднего Средневековья и Нового времени получило широчайшее распространение среди кочевников Центральной Азии и стало важным элементом повседневного и праздничного костюма номадов. В Южной Сибири и Центральной Азии XV-XVIII вв. большой популярностью пользовались черешковые двухлезвийные кинжалы и особенно ножи с прямой «спинкой» и изогнутым лезвием, с одним или двумя «плечиками», деревянной или костяной рукоятью, обмотанной кожаным ремешком. В XVII—XVIII вв. в Монголии их сильно потеснили известные еще с периода развитого Средневековья ножи «хэт хутга». Их отличительными признаками являются прямой (иногда снабженный долами) клинок (15-30 см) со срезанным под углом острием, длинная (иногда до % общей длины клинка) расширяющаяся рукоять с металлическим навершием (в большинстве случаев наперстковидной формы), заменяющая гарду трапециевидная обойма между клинком и рукоятью. Под влиянием восточноазиатской традиции ножны таких ножей стали снабжать отверстиями для палочек для еды («савхи»). Рукояти и ножны «хэт хутга» нередко богато украшались. В XVIII-XIX вв. «хэт хутга» в комплекте с табакеркой и огнивом являлся практически обязательным элементом кожаного пояса монгольских кочевников.

Наряду с кинжалами и ножами местного производства центральноазиатские кочевники применя-

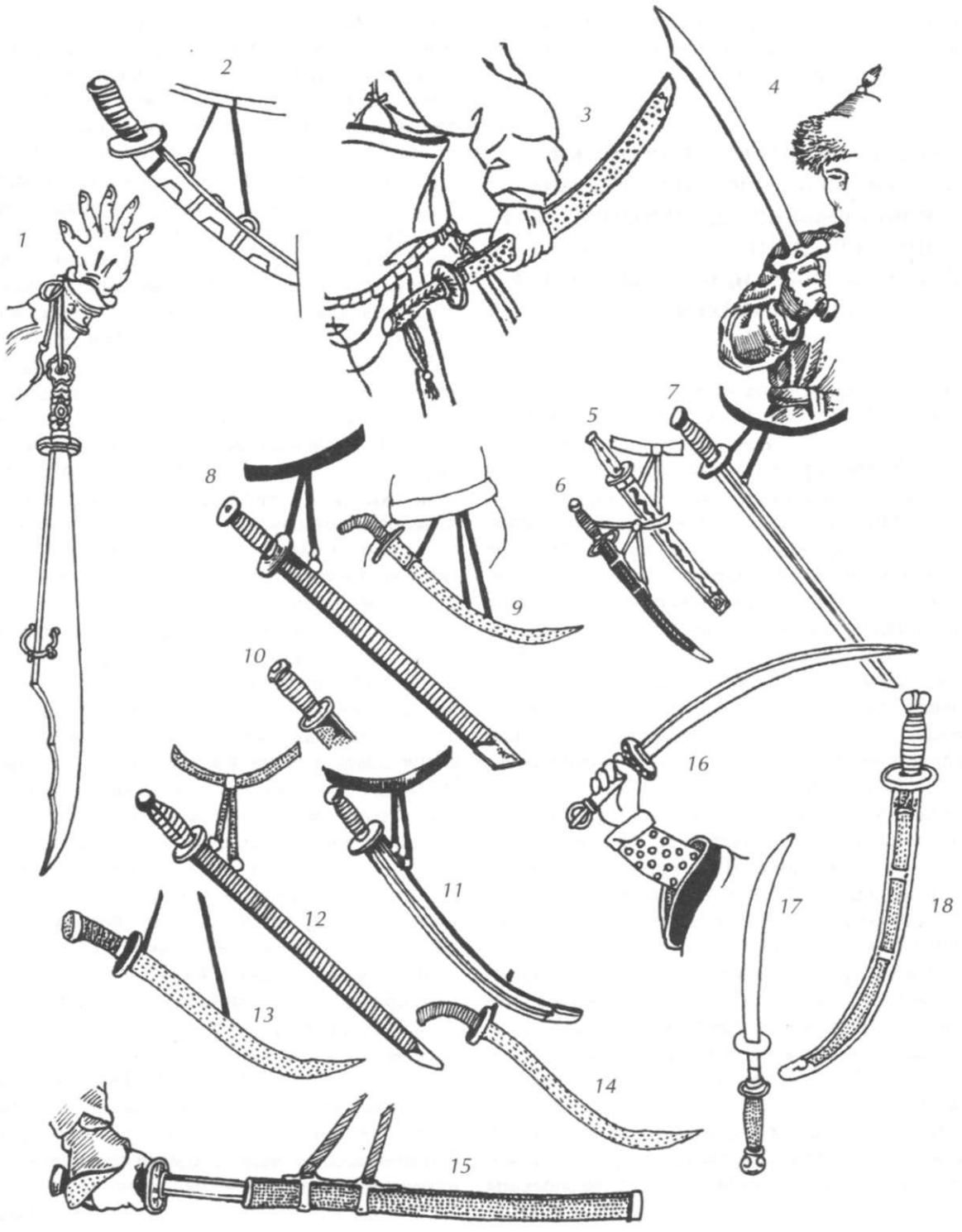

Рис. 92. Изображения юаньского (*1*), центральноазиатского (*2–4*, *7–8*, *10–12*, *16–18*), кашгарского (*5–6*), калмыцкого (*9*, *13–14*) и цинского (*15*) длинноклинкового оружия XIV–XIX вв.

ли импортное (китайское, среднеазиатское, кашгарское, возможно, североиндийское и иранское) короткоклинковое оружие.

6.2. Длиннодревковое оружие (копья, пики, рогатины, пальмы, комбинированное длиннодревковое оружие, дротики) и воинские символы (значки, бунчуки, флаги и знамена)

Основная сложность изучения длиннодревкового оружия центральноазиатского и южносибирского производства периода позднего Средневековья и Нового времени заключается в том, что на сегодняшний день не выделены характерные конструктивные особенности наконечников длиннодревкового оружия XV-XVIII вв. Это является следствием отсутствия специальных работ по данной тематике, которое, в свою очередь, вызвано малым количеством исследованных позднесредневековых памятников, содержащих «эталонные» предметы вооружения вообще и длиннодревкового оружия в частности. В результате огромный массив копейных наконечников из числа случайных находок просто не учитывается в ходе типологического анализа. К числу позднесредневековых отечественные исследователи обычно относят лишь те наконечники, которые не имеют аналогов среди копий более ранних периодов. Что касается остальных, то они распределяются среди оружейных комплексов раннего и развитого Средневековья. При этом не учитывается тот факт, что многие разновидности копейных наконечников (например, линзовидные и ромбические в сечении наконечники удлиненно-ромбической и удлиненно-треугольной формы) существовали на протяжении многих столетий без каких-либо существенных конструктивных изменений.

Что касается целых копий и их наконечников из старых оружейных коллекций, хранящихся в настоящее время в музейных фондах, то здесь мы видим другую крайность. Значительная часть длиннодревкового оружия датируется музейными хранителями по дате поступления копья или дротика в то или иное оружейное собрание. Учитывая тот факт, что большинство таких собраний (коллекций) формировалось на протяжении XIX в., неудивительно, что значительная часть копий и наконечников датирована именно этим временем. При детальном знакомстве с историей того или иного экземпляра нередко выясняется, что наконечник хранился в «татарской», «казахской» или «калмыцкой» семье как семейная реликвия на протяжении нескольких поколений и к моменту передачи в музей его история насчитывала уже не одно столетие. Однако даже зафиксированный факт применения оружия в XIX в. еще совсем не означает, что оно было изготовлено в этот период. Ярким примером тому может служить казахский ружейный пояс (МАЭ, № 439-15), первоначально датированный XIX в. на том основании, что его в первой половине этого столетия использовал один из казахских батыров. В ходе детального осмотра пояса, ружейной сумки «киса» и сумочек для пуль «окшынтай» выяснилось, что он был изготовлен в середине XVIII в., т. е. за сто лет до того, как его начал носить казахский батыр. Об этом свидетельствует специальная металлическая накладка, приклепанная на конце ножен и на ременной пластине с крючком, на которую мастер нанес дату изготовления пояса — 1755/56 г. Характерно, что и в настоящее время данный ружейный пояс, выполненный преимущественно из кожи и недавно отметивший свое двухсотпятидесятилетие, выглядит очень «достойно». Что касается цельнометаллических наконечников копий, то они могли использоваться на протяжении нескольких столетий, нужно было лишь время от времени менять деревянное древко. Многие наконечники среднеазиатских и центральноазиатских копий, хранящихся в музейных фондах и датированных XIX в., в действительности были изготовлены в XVIII в. и даже в XVI-XVII вв.

К сожалению, в данной работе мы можем привлекать к анализу только те наконечники копий, которые либо найдены в археологических памятниках, датированных XV-XVIII вв., либо имеют точные аналогии среди «эталонных» наконечников периода позднего Средневековья и Нового времени. Возможно, со временем, по мере увеличения числа наконечников из позднесредневековых археологических памятников, в результате типологического анализа станет возможным атрибутировать и ввести в научный оборот и те сотни копейных наконечников из числа случайных находок, которые хра-

нятся в российских, монгольских, китайских, казахстанских и иных музеях Евразии. Важными видами источников для нас по данной теме также являются изобразительные и письменные материалы, исторические и эпические произведения, фиксирующие центральноазиатские и южносибирские копья XV-XVIII вв.

По сравнению с периодом раннего и развитого Средневековья в период позднего Средневековья и Нового времени значимость длинных кавалерийских копий и пик в комплексе вооружения центральноазиатских и южносибирских кочевников значительно возрастает. Это является результатом резкого увеличения числа воинов, использующих этот вид вооружения. Если в период раннего и развитого Средневековья длиннодревковое оружие применялось преимущественно воинами панцирной конницы, то с XVI в. их все более активно начинают использовать легковооруженные конные лучники. Формируется новый род войск — легковооруженные копейщики, которые после фазы дистанционного боя вместе с панцирной конницей атаковали построения противника. Расцвет этого рода войск пришелся на XVII-XIX вв.

Письменные и изобразительные источники указывают на исключительно широкое распространение длиннодревкового оружия среди кочевников Центральной Азии и Саяно-Алтая уже в XVI в. В монгольском сказании 1547 г. «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов» все 2 тыс. воинов западномонгольского Сайн Серденге и 4 тыс. воинов хойтского Есельбеина-Сайн-Ка вооружены копьями (Владимирцов, 2002, с. 475; Митаров, 1998, с. 52). Именно этим длиннодревковым оружием Сайн Серденге нанес смертельный удар Убаши-хунтайджи, или, как сказано в песне, «поднес его правой почке копье» (Козин, 1947, с. 103). В XVII в. роль длиннодревкового оружия еще более возросла. Почти все письменные источники подчеркивают значимость копий и пик в вооружении ойратских воинов XVII—XVIII вв. По сообщениям турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челби, «все они (калмыки. — *Авт.)* носят луки, стрелы и копья... непременно требуется, чтобы в руках (воинов. — *Авт.)* были копья. В самом крайнем случае вооружение состоит из (одной только) пики» (Челби, 1979, с. 170-171). Автор «Летописи Самовидца» (1665 г.) описывал ойратов как конных копейщиков: «Люд военный, с копием вседают на коня... справнее умеют вбити копьем». Знаменитый ойратский полководец Галдама в поединке со среднеазиатским Янгир-ханом (зима 1652 г.) заколол его копьем (Митаров, 1998, с. 54). П. С. Паллас, посещавший калмыцкие кочевья во второй половине XVIII в., упоминает копья в качестве основного оружия волжских калмыков: «Калмыцкое оружие состоит по большей части в копьях, стрелах и луках, сделанных из дерева, а собливо из ясени или еще из рога, которые за лучшие и по тому драгоценные почитаются» (Паллас, 1809, с. 477).

Сводвсемонгольских законов «Их-Цааз» (1640 г.) различает «хорошие» и «плохие» копья. За кражу «хорошего» копья вор должен был вернуть хозяину три головы скота, а за кражу «плохого» только лошадь (Их-Цааз, 1981, с. 19-20).

Иногда в походе воины везли с собой по два и более копья. Например, в 1647 г. уфимские татары вели слежку за отрядом «калмытцких людей» из 200 человек, каждый из которых имел «по два копья, а у иных де и по три» (Миллер, 2000, с. 608). Накануне сражения запасные копья передавались воинам, не имевшим собственного длиннодревкового оружия. В результате в ходе крупных боевых столкновений конца XVII в. едва ли не все воины джунгарской армии были вооружены копьями и пиками (МРМО, 2000, с. 385). В джунгарской эпосе красочно описывается наступление масс копейной конницы: «Завиднелись тем часом бунчуки знамен, словно камыши; замелькали копейные острия, словно сахарный тростник» (Липец, 1984, с. 84). Искусно владели копьями в конном бою легендарные богатуры Джангар, Гюмбе, Гесер. Копье наряду с саблей и луком со стрелами было самым популярным оружием центральноазиатских конных латников (там же, с. 80).

В XVII в. письменные источники фиксируют факт широкого применения копий народами Южной Сибири, испытывавшими на себе сильное центральноазиатское влияние. В частности, широко использовали копья енисейские кыргызы. По данным русских служилых людей середины XVII в., копья и пики использовали не только кыргызские панцирники («куяшники»), но и легковооруженные воины: «...садитца их на лошади с копи и в куяках человек с четырехсот, да человеков с пятьсот садитца в саадацах и древками» (Бутанаев, 1995, с. 17). По сообщениям Избранта Идеса и Адама Бранта, входивших в состав российского посоль-

ства в Китай (1692-1695 гг.), «их (енисейских кыргызов. — *Авт.)* оружие состоит из лука и стрел. Киргизы никогда не идут в набег без кольчуги и пик, которые они волочат сбоку от коней почти за острие» (Идее, Брант, 1967, с. 281). Наконечники копий встречаются в захоронениях кыргызских кыштымов и кочевников Тувы рассматриваемого периода (Худяков, 2002, с. 76; Кызласов, 1964, с. 83, табл. I, рис. 6-7).

Копья были основным видом длиннодревкового оружия и у жителей Алтая. В эпосе алтайские богатыри вооружены копьями с «бронзовым или стальным наконечником». Конники «носили его за спиной или прижимая ногой к боку лошади» (Соенов, 1994, с. 181).

В первой половине XVIII в. копья и пики не утратили своей популярности. Судя по цинским гравюрам и картинам этого периода, большая часть джунгарских всадников была вооружена длинными кавалерийскими пиками. Удары по корпусу противника джунгарские воины обычно наносили, удерживая древко двумя руками, хотя практиковался и характерный для Европы «таранный удар», для осуществления которого всадник удерживал копье одной рукой, зажав его под мышкой. Именно такой прием демонстрирует изображенный на цинской картине середины XVIII в. джунгарский феодал Аюши (рис. 141). Копья использовались ойратами и, возможно, алтайцами в пешем строю, что нашло отражение в изобразительных памятниках Южной Сибири и Дальнего Востока (рис. 220). По сведениям капитана И. Унковского, посещавшего ставку джунгарского хунтайджи в начале 20-х гг. XVIII в., ойраты использовали копья длиной «7'/г аршина» (Кушкумбаев, 2001, с. 114)., т. е. около 5,3 м.

В 40-50-х ГГ. XVIII в. копья, луки и, в меньшей степени, ружья были основным оружием рядовых джунгарских воинов. Причем копья, стрелы и ружейные заряды ойратские ополченцы должны были изготовлять самостоятельно, в рамках отработки государственной барщины. По сообщениям прапорщика Подзорова, посетившего джунгарские кочевья зимой 1744/45 г., «в бытность нашу делали себе они, зенгорцы, вновь стрел и ковали копья чрез всю зиму довольное число...» (Моисеев, 1991, с. 167). В кашгарских письменных источниках середины — начала второй половины XVIII в. копья упоминаются в качестве основного оружия ближнего боя джунгарских воинов. Согласно «Ислам-наме», именно копьем Амурсана «пронзил» правителя Лама-Доржи. Преследующие казахские войска воины Даваци «пронзали копьями» бегущих всадников противника.

Постоянные войны в Джунгарии привели к тому, что дружинники и ополченцы нередко не успевали починить или заменить имевшееся у них на вооружении снаряжение. В середине 40-х гг. российский поручик Ф. Аблязов видел джунгарских «чириков», которые вместо копий использовали деревянные древки, концы которых были заострены и обожжены на костре: «Копейные ратовища (древки. — *Авт.)* без копей (т. е. без наконечников. — *Авт.),* а для виду на концах обстроганы и обожжены...». Подобный максимально упрощенный вид длиннодревкового оружия использовали и другие воины Великой степи, в частности казахи и киргизы. Как правило, «копейными ратовищами без копей» были снабжены воины, утерявшие или сломавшие оружие в ходе боевых столкновений и не успевшие его заменить, а также беднейшие ополченцы, не имевшие возможности самостоятельно приобрести железные наконечники.

Популярность копий в период позднего Средневековья и Нового времени была обусловлена целым рядом причин. Прежде всего копья можно было достаточно легко изготовить в условиях Южной Сибири и Центральной Азии. Их производство было предельно ресурсоемким. На наконечники уходило небольшое количество железа, что делало копья доступным оружием практически для всех категорий воинов. Увеличение числа воинов-панцирников в монгольских армиях привело к повышению значимости ближнего боя, начальной фазой которого была атака конных копейщиков. Для увеличения силы удара конных масс копьями стали снабжать не только латников, но и легковооруженных воинов, что повышало их устойчивость в ближнем бою. Кроме этого, копья и пики стали использоваться в пешем строю. Ими были вооружены спешенные «цирики», обороняющие стрелков, вооруженных луками и ружьями.

Подавляющая часть длиннодревкового оружия, использовавшаяся центральноазиатскими и южносибирскими воинами, изготавливалась местными мастерами. Процент импортной продукции был не велик. С территории Цинской империи в войска Южной Монголии, а впоследствии и Халхи пересы-

лались различные виды комбинированного длиннодревкового оружия и, возможно, копья. Длиннодревковое оружие в степные армии поставлялось среднеазиатскими народами и передавалось в качестве подарков российскими посланцами. Однако копья включались русским правительством в число подарков гораздо реже сабель, «пансырей» и «пищалей». Стоимость длиннодревкового оружия обычно была не особенно высока, что фиксировалось в описях подарков. В 1691 г. монгольскому тайдже Мерген Ахаю, в числе прочих подарков, было преподнесено «копье без цены» (МРМО, 2000, с. 314).

Длиннодревковое оружие в армиях кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XV-XVIII вв. представлено экземплярами с одним пером (собственно копья, пики, рогатины, пальмы) и комбинированным оружием, совмещающим в себе несколько перьев, остриев и (или) лезвий.

Длиннодревковое оружие с прямым пером

Рассмотренные ниже наконечники и целые экземпляры длиннодревкового оружия представлены материалами с территории Центральной Азии и Южной Сибири. Значительная их часть происходит с территории Тибета. К сожалению, на данном этапе исследования не представляется возможным выделить из всей группы «тибетских» наконечников XVH-XVIII вв. экземпляры, использовавшиеся переселившимися в этот период в Тибет монгольскими воинами. Учитывая тот факт, что на протяжении большей части XVII в. и значительной части XVIII в. ядро тибетских вооруженных сил составляли центральноазиатские номады (Бобров, Худяков, 2006, с. 195-207,232), мы посчитали возможным рассмотреть эти наконечники в рамках общего типологического анализа.

Подавляющая часть железных наконечников Центральной Азии и Южной Сибири относится к отделу втульчатых. Черешковые наконечники крайне немногочисленны и встречаются в основном на окраинах региона. По сечению пера среди втульчатых наконечников выделяются несколько основных групп.

Группа I. Линзовидные.

Тип 1. Удлиненно-ромбические.

Вариант 1. Удлиненно-ромбические наконечники с конической втулкой.

Включает 2 экз. из захоронения в Ортызы-Оба (курган 2) в Минусинской котловине (рис. 95,*5)* и из захоронения у р. Чердат (Причулымье) (рис. 95,*4)*.

Общая длина наконечника — 20 см, длина пера — 10 см, ширина пера — 4 см, длина втулки — 10 см. Отличительной особенностью чердатского наконечника является несомкнутая втулка. Наконечники соотнесены с комплексом вооружения кыштымов енисейских кыргызов (Худяков, 2002, с. 76). Данный вариант копий широко применялся кочевниками Евразии еще в период развитого Средневековья (Горелик, 2002, с. 66, рис. 3, 14). Близкие по форме копья в период позднего Средневековья и Нового времени использовались некоторыми таежными народами, в частности селькупами (Худяков, 2002, с. 76).

Вариант 2. Удлиненно-ромбические наконечники с тонкой уплощенной «шейкой» и массивной конической втулкой. Включает 1 экз. из могилы 41 могильника Бергамак II в низовьях р. Тара (рис. 95, *9)*.

Общая длина наконечника — 33 см, длина пера — 15,6 см, длина втулки — 17,4 см, диаметр втулки — 5,4 см. Удлиненно-треугольное перо снабжено тонкой уплощенной «шейкой», которая резко переходит в массивную коническую втулку. Могильник Бергамак II датирован концом XVI — XVIII в., а в этническом плане соотнесен с тарскими татарами (Корусенко, 2003, с. 10-12, 109-110).

Вариант 3. Удлиненно-ромбические наконечники с отрожками.

Включает 1 экз. с территории Лесостепного Алтая (рис. 94, 5).

Наконечник имеет вытянутое удлиненно-ромбическое перо с уплощенными «плечиками» и относительно короткую втулку, в верхней части которой пробито округлое отверстие, возможно служившее для крепления гвоздя, фиксировавшего наконечник на деревянном древке. Иногда данный наконечник относят к периоду развитого Средневековья (Горбунов, Тишкин, 1998, с. 264, 265, рис. 36). Однако на его позднесредневековое происхождение указывают загнутые в сторону втулки округлые декоративные отрожки на «шейке». Этот конструктивный элемент связан с русской военно-культурной традицией XVI-XVII вв. (Городцов, 1913, с. 14). Впоследствии он был заимствован центральноазиатскими и южносибирскими оружейни-

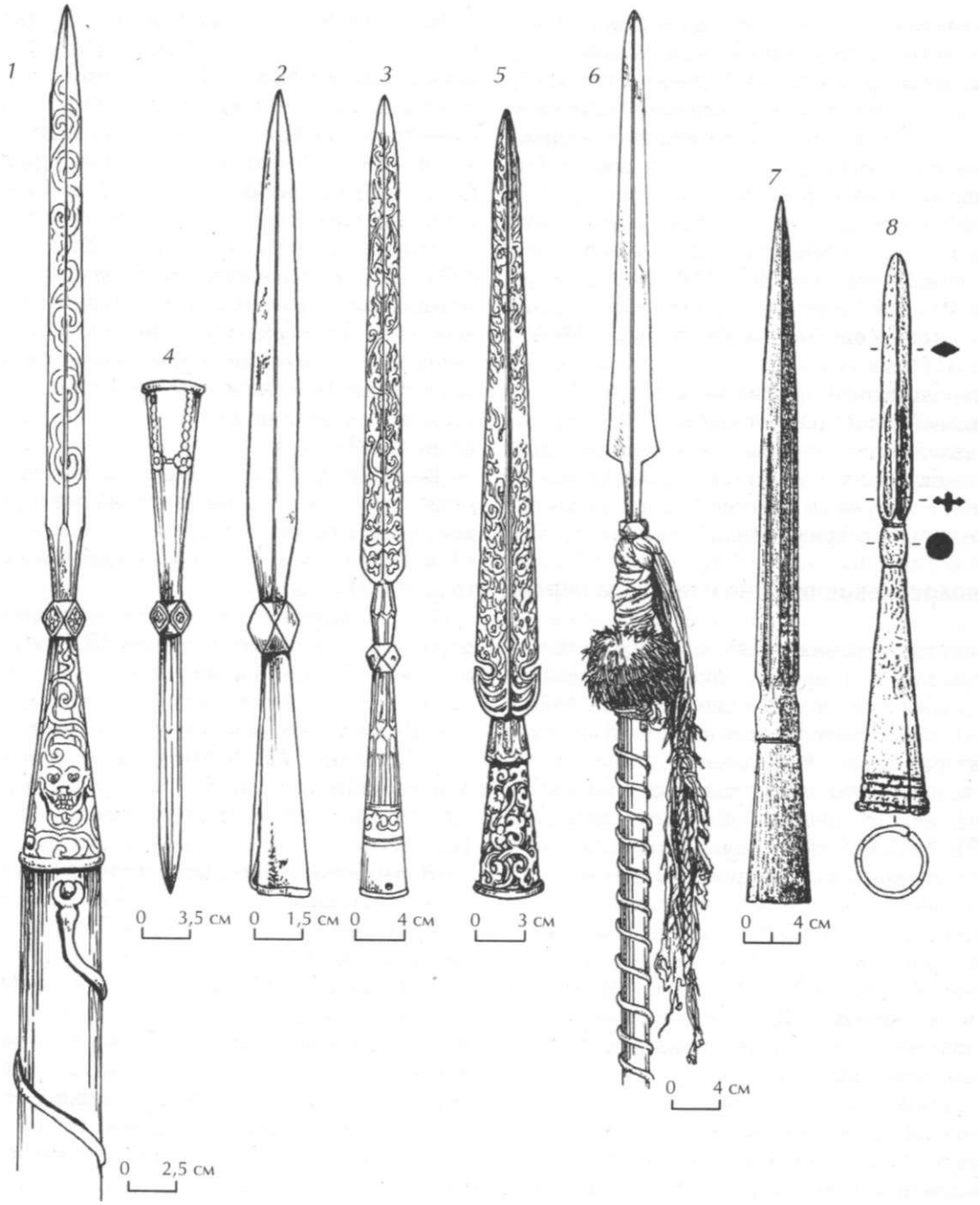

Рис. 93. Наконечники иентральноазиатских (*/, 3, 5-6)* и южносибирских *(7-8)* пик, их миниатюрные модели *(2)* и вток *(4)* периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — тибетский наконечник XVII—XVIII вв.; *2* — тибетский миниатюрный наконечник_ХУИ-Х1Х вв.; *3-4* — тибетский наконечник и вток; 5 — тибетский наконечник XVII—XVIII вв.; 6 — тибетская пика XVIII-XIX вв.; *7* — центрально-, среднеазиатский или южносибирский наконечник с территории Венгеровского района Новосибирской области (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву); *8* — наконечник XVII — начала XIX в. (по В. В. Горбунову).

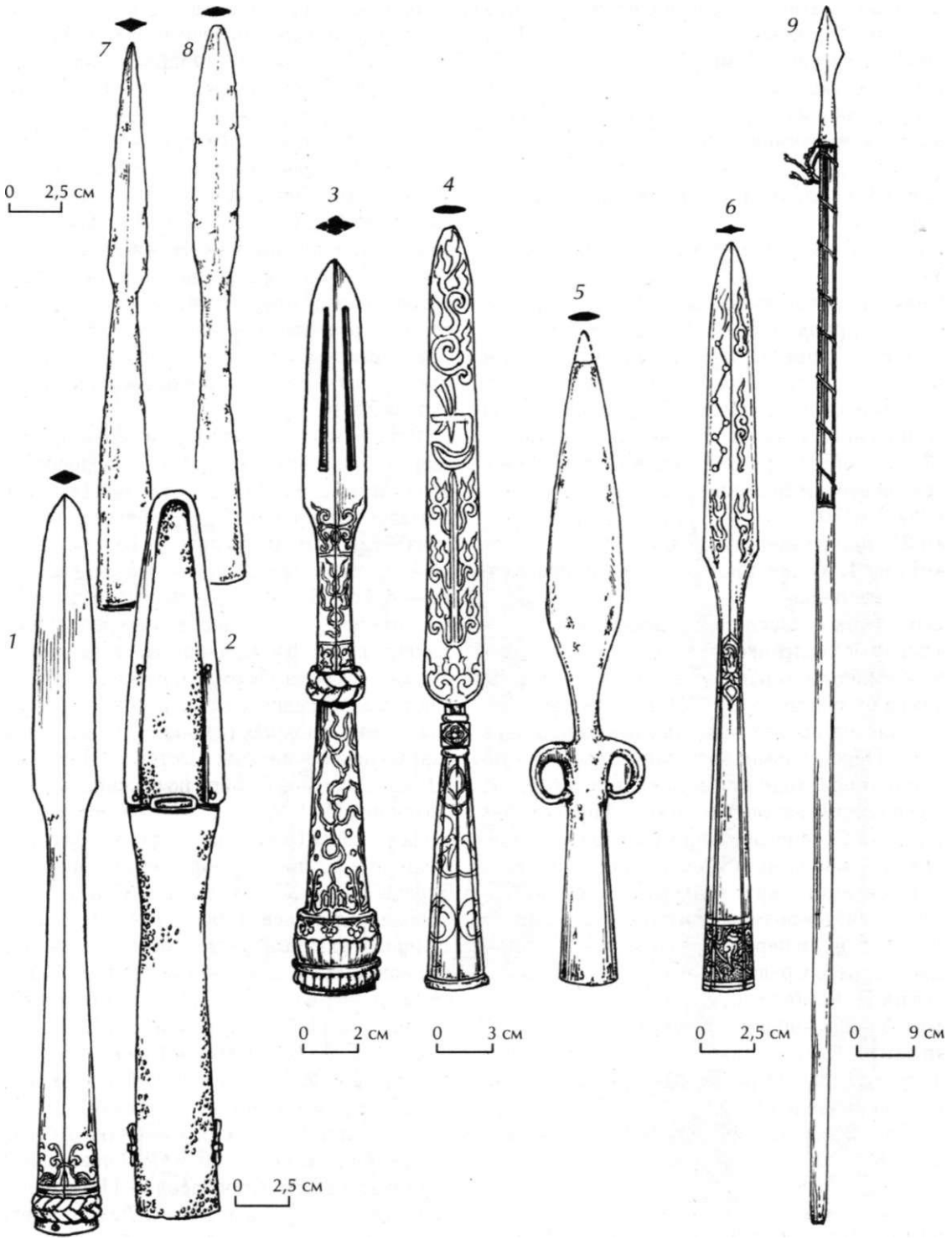

Рис. 94. Наконечники копий, копья (9) и чехол для копейного наконечника *(2)* центральноазиатского *(1-4, 6,* 9) и южносибирского (5, *7, 8)* производства. Из Тибета *(1-4, 6),* Алтая (5), Монголии (7-9).

ками и неоднократно воспроизводился на многих типах длиннодревкового оружия XVII—XVIII вв. В данном случае перед нами изделие местных мастеров. На это указывают сечение и форма пера, качество отделки и оформление втулки[10]. По всей видимости, наконечник был изготовлен не ранее XVII в.

Вариант 4. Удлиненно-ромбические наконечники с шипом.

Включает 1 экз. с территории Минусинской котловины.

Общая длина наконечника — 28 см, длина пера — 9 см, ширина пера — 3 см, длина втулки — 19 см. Листовидное перо снабжено небольшим шипом. Длинная втулка сужается под пером и расширяется в нижней части (рис. 95, /). На основании типологического анализа наконечник датирован периодом позднего Средневековья и соотнесен с комплексом вооружения енисейских кыргызов (Худяков, 2002, с. 70).

Тип 2. Удлиненно-треугольные.

Вариант 1. Удлиненно-треугольные наконечники без «плечиков».

Наконечник с массивной длинной втулкой и узким пером без «плечиков» найден в столице Монгольской империи Каракоруме. Общая длина наконечника — около 25 см (установить точно не представляется возможным, так как конец пера обломан). Перо напоминает узкий плоский кинжал, плавно переходящий в массивную втулку. Близкие по форме наконечники копий происходят с территории Северо-Восточного Китая (г. Бали, уезд Чжадун провинции Хэйлуцзян). Учитывая форму наконечника, круг аналогий и место находки, представляется возможным датировать данный наконечник концом периода развитого — началом периода позднего Средневековья.

Группа И. Ромбические.

Тип 1. Удлиненно-ромбические.

Вариант 1. Наконечники с удлиненно-ромбическим пером со слабовыраженными ребрами жесткости и массивной втулкой.

Включает 2 экз. из Каракорума и Барабинской степи.

Наконечник с массивной длинной втулкой и ромбическим пером найден в столице Монгольской империи Каракоруме. Общая длина наконечника — 28 см (в том числе перо — 12 см). Наибольшая ширина пера — 4,5 см. Диаметр втулки — 4,5 см. Ребра жесткости, придающие наконечнику ромбическое сечение, выделены слабо, благодаря чему он занимает фактически промежуточное положение между наконечниками с линзовидным и ромбическим пером. Учитывая форму наконечника, круг аналогий и место находки, представляется возможным датировать данный наконечник концом периода развитого — началом периода позднего Средневековья и связать с комплексом вооружения монгольских государственных образований XIII — начала XV в.

Второй наконечник данной серии происходит с территории Венгеровского района Новосибирской области (рис. 95, *10).* Он отличается массивным, достаточно широким пером. Общая длина наконечника — 28,5 см, длина пера — 16,5 см, длина втулки — 12 см, ширина пера — 4,5 см, диаметр втулки — 4,3 см. В нижней части втулки пробито округлое отверстие, служившее для крепления гвоздя, фиксировавшего наконечник на деревянном древке. Форма и система оформления наконечника напоминают позднесредневековые русские рогатины и их аналоги из таежных районов Сибири. Возможно, данный наконечник был изготовлен мастерами Южной или Западной Сибири по российским образцам. По мнению В. И. Молодина, В. И. Соболева, А. И. Соловьева, копье (рогатина ?) с данным наконечником входило в комплекс вооружения воина-охотника Барабы конца XVII — начала XVIII в. (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 73-74). Однако точно датировать данный наконечник достаточно сложно, так как копья с наконечниками подобной формы применялись в Южной Сибири на протяжении всего периода раннего и развитого Средневековья (Горбунов, 2006, с. 189-190).

Вариант 2. Наконечники с удлиненно-ромбическим пером и длинной втулкой с бортиком.

Включает 1 экз. из могильника Абрамово-10 (погребение 48) (рис. 95, //). Общая длина наконечника — 29 см, длина пера — 11 см, длина втулки — 18 см, ширина пера — 2,7 см, диаметр втулки — 3,3 см. Отличительной особенностью данного наконечника является длинная втулка, снабженная у кромки выпуклым бортиком. По мнению

[10] В российском оружейном комплексе XVI-XVII вв. отрожками снабжались почти исключительно ромбовидные в сечении рогатины, отличавшиеся массивным граненым пером и длинной втулкой (Городцов, 1913, с. 14-16).

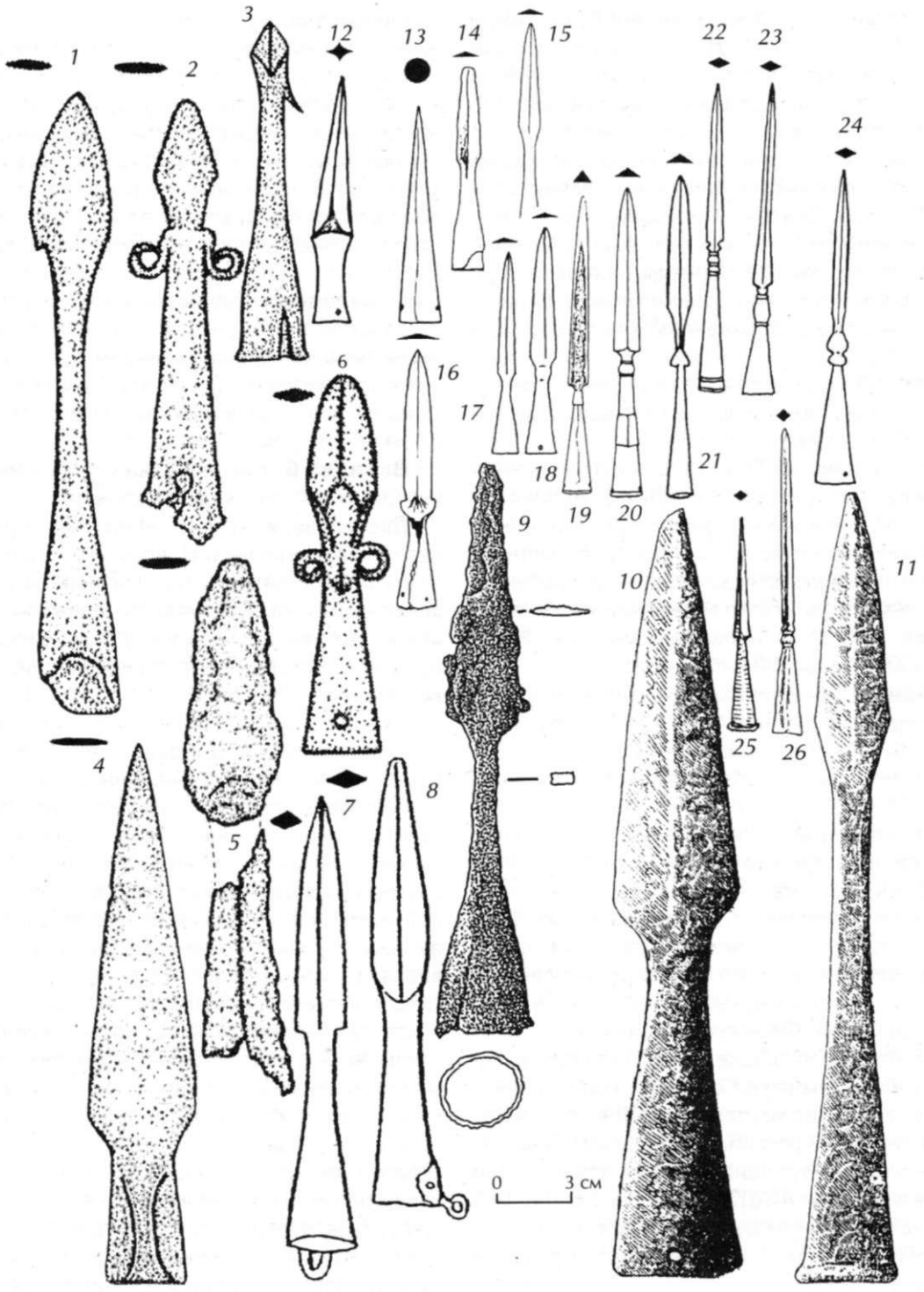

Рис. 95. Наконечники копий (*1*, *4–26*) и дротиков (*2–3*) из Южной Сибири, Центральной Азии и Казахстана, Минусинской котловины (*1–3*, *5*), Причулымья (*4*), Забайкалья (*6*), Тувы (*7–8*), с низовьев р. Тара (*9*), Барабы (*10–11*), Казахстана (*12–26*).

исследовавших данный наконечник В. И. Молодина, В. И. Соболева, А. И. Соловьева, «его датировка не вызывает сомнения. Это типичная позднесредневековая форма, прямые аналоги которой в более ранних материалах пока как будто не известны... Очевидно, такими наконечниками и заканчивается развитие копья как боевого оружия» (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 74-76). По мнению В. И. Молодина, В. И. Соболева, А. И. Соловьева, копье с данным наконечником входило в комплекс вооружения воина Барабы периода позднего Средневековья (там же, с. 73-74) (рис. 95, //).

Вариант 3. Наконечник с удлиненно-ромбическим пером, массивной втулкой с кольцом для подвешивания бунчука.

Включает 1 экз. из Тувы (рис. 95, *8).* Наконечник имеет вытянутое ромбическое в сечении перо листовидной формы. К нижней части втулки приклепана железная пластинка, к которой крепится металлическое колечко, служившее для подвешивания бунчука из конского волоса или матерчатых лент. Наконечник датирован по аналогии XVI-XVII вв. (Кызласов, 1964, с. 83-85).

Вариант 4. Наконечники с удлиненно-ромбическим пером с округлыми отверстиями, отрожками и декоративным «пояском» на втулке.

Включает 1 экз. из Минусинской котловины (рис. 96, //).

Общая длина наконечника — 36 см, длина пера — 24 см, ширина пера — 6 см, длина втулки — 12 см. Длинный и массивный наконечник снабжен четырьмя парами вертикально расположенных округлых отверстий (по четыре отверстия справа и слева от ребра жесткости). «Шейка» наконечника снабжена парой загнутых вниз отрожков и выпуклым «пояском». Форма пера, наличие округлых прорезей, отрожков, общая система отделки наконечника свидетельствуют о том, что он был изготовлен российскими мастерами XVII в. либо местными мастерами по российским образцам. Близкие по размерам, конструкции и форме наконечники хранятся в ГИМ и ОПМК (Городцов, 1913, с. 14-16). По некоторым сведениям, копье с этим наконечником использовалось енисейскими кыргызами (Худяков, 2002, с. 71).

Вариант 5. Наконечники с удлиненно-ромбическим пером с отрожками.

Включает 1 экз. из Восточного Забайкалья.

Общая длина наконечника — 28 см, длина пера — 12 см, ширина пера — 4 см, длина втулки — 16 см. Широкий и относительно короткий наконечник снабжен длинной расширяющейся книзу втулкой с округлым отверстием для гвоздя, фиксировавшего наконечник на деревянном древке. «Шейка» наконечника снабжена парой загнутых в сторону втулки отрожков. Судя по форме и системе отделки, наконечник был изготовлен местными (монгольскими или бурятскими) мастерами. Однако наличие декоративных округлых отрожков свидетельствует о том, что оформление наконечника было выполнено под влиянием русской военно-культурной традиции. Наличие отрожек указывает на то, что наконечник был изготовлен в XVII—XVIII вв. (рис. 95, *6)*

Вариант 6. Наконечники с удлиненно-ромбическим пером,граненым «яблоком».

Данный вариант наконечников в период позднего Средневековья и Нового времени применялся на территории Тибета. Косвенным подтверждением этого является миниатюрный наконечник копья, выполненный по обету для подношения одному из тибетских монастырей. Общая длина наконечника — 17,5 см (рис. 93, *2).* Длинное кинжаловидное перо снабжено ярко выраженными ребрами жесткости и украшено золотой насечкой в виде изображения стилизованного кишечника (изображение сохранилось частично). Непосредственно под пером находится граненое «яблоко» с ромбовидными сторонами. Коническая втулка с двумя округлыми отверстиями для заклепок, фиксировавших наконечник на древке, снабжена выпуклым бортиком. В нижней части втулки выгравировано слово «mchod» (т. е. «подношение»), что свидетельствует о том, что данный наконечник был, в рамках исполнения обета, преподнесен в дар монастырю. Американские исследователи датируют миниатюрный наконечник XVIII-XIX вв. На наш взгляд, предпочтительнее иная датировка —XVII-XIX вв., так как появление и распространение «яблок» данного типа в регионе началось в XVII в. Очень близкий по форме боевой наконечник с кинжаловидным пером, покрытым изображениями стилизованного кишечника, граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами и конической втулкой хранится в музее Метрополитен. Его основное конструктивное отличие от описанного выше экземпляра (кроме размеров) заключается в том, что

его перо имеет удлиненно-треугольную форму (рис. 93, /). Миниатюрный наконечник свидетельствует о том, что тибетскими воинами периода позднего Средневековья и Нового времени также применялись пики и копья с удлиненно-ромбической формой пера и граненым «яблоком».

Тип 2. Удлиненно-треугольные.

Вариант 1. Наконечники с удлиненно-треугольным пером, массивной длинной втулкой и металлической петлей.

Включает 1 экз. из кургана 24 на горе Шанчиг в Туве, датированного XVI-XVII вв. (Кызласов, 1964, с. 83-85). Ромбовидное в сечении перо наконечника имеет вытянутую подтреугольную форму. К нижней части втулки приклепана металлическая петля, служившая для подвешивания бунчука из конского волоса или лент. Возможно, в отверстие мог также вколачиваться железный гвоздь, дополнительно фиксировавший наконечник с древком (рис. 95, *7).*

Вариант 2. Наконечники с широким удлиненно-треугольным пером, длинной втулкой, украшенной золотой насечкой, и «плетеным» кольцом (валиком) в нижней части и кожаным чехлом.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис.94, /).

Длина наконечника — 36,5 см. Широкое перо наконечника постепенно сужается, а затем резко сходится у острия. В своей нижней части перо плавно переходит в длинную, постепенно расширяющуюся втулку. Последняя украшена у края выпуклым позолоченным «плетеным» кольцом (валиком) и золотой насечкой в стиле «гора между бурных волн» («Острова Бессмертных» — символы долголетия).

Длина чехла для наконечника — 39,4 см. Чехол изготовлен из древесины. Его поверхность обтянута черной зернистой шагреневой кожей. Верхняя часть лицевой стороны снабжена медной обкладкой, повторяющей верхний край чехла. В центральной части чехла расположены две медные застежки.

По мнению американских исследователей, наконечник и чехол были изготовлены тибетскими, монгольскими или китайскими мастерами в XVIII в., что в целом соответствует конструктивным особенностям и системе оформления наконечника.

Вариант 3. Наконечники с широким удлиненно-треугольным пером с узкими долами, длинной втулкой, украшенной золотой насечкой с «плетеным» кольцом (валиком) в центральной части и массивными ярусными кольцами в нижней.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 94, *3).*

Длина наконечника — 37,8 см. Широкое массивное перо наконечника с ярко выраженными ребрами жесткости, постепенно сужается, а затем резко сходится у острия. Плоскости пера снабжены узкими неглубокими долами. В своей нижней части перо плавно переходит в уплощенную ромбовидную в сечении «шейку», а затем — в длинную массивную втулку. Между «шейкой» и втулкой расположено необычное «яблоко» выполненное в виде позолоченного «плетеного» кольца(валика). Коническая втулка в нижней части снабжена несколькими выпуклыми рифлеными и плоскими кольцами, расположенными в несколько ярусов. «Шейка» и втулка наконечника украшены золотой насечкой.

Американские исследователи датируют данный наконечник XVII—XVIII вв. и относят к числу произведений китайских оружейников. Если по датировке наконечника у нас особых возражений нет, то его китайское происхождение кажется сомнительным. Основные типологические признаки наконечника (особенно узкие долы на пере) фиксируются на южносибирских, средне- и центральноазиатских материалах (рис. 93, 7, *8),* но почти не встречаются на их восточноазиатских аналогах. Скорее всего данный наконечник копья был изготовлен мастерами Центральной Азии в XVII—XVIII вв. и использовался в качестве боевого оружия.

Вариант 4. Наконечники с удлиненно-треугольным пером с золотой насечкой в виде буддийских и даосских символов.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 94, *6).*

Длина наконечника — 37,8 см.

Удлиненно-треугольное перо со слабовыделенными ребрами жесткости переходит в длинную, достаточно тонкую, постепенно расширяющую книзу втулку. Поверхность пера покрыта изображениями полумесяца, облаков, пламени, созвездий. Верхняя часть втулки украшена изображением лотоса, а нижняя — четырьмя «благоприятными символами» («раковина», «слиток», «монета», «книги»). Совмещение символики буддизма и даосизма, по данным американских исследователей, характерно для восточноазиатского (в частности, китайского) оружия, но встречается и на тибетских ма-

териалах. По их мнению, наконечник может быть датирован XVII-XIX вв. Независимо от места изготовления, копье, на которое был насажен наконечник, применялось тибетскими воинами в ходе боевых действий, о чем свидетельствуют глубокие зарубки на его поверхности.

Вариант 5. Наконечники с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером, с граненым шайбовидным «яблоком», тонкой втулкой, бунчуком из шерсти яка, значком из шелковых лент, обмотанным железной проволокой древком и четырехгранным конусовидным втоком.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 93, *6)*.

Общая длина копья — 189,6 см. Длина наконечника — 53 см. Ромбовидное в сечении перо имеет вытянутые пропорции. В нижней части перо переходит в узкую «шейку», снабженную граненым шайбовидным «яблоком». Ниже «яблока» «шейка» несколько расширяется и переходит в тонкую втулку. Деревянное древко оплетено достаточно толстой железной проволокой (округлой в верхней части и расплющенной в нижней). По мнению американских исследователей, это — случайность, вызванная позднейшим ремонтом. На наш взгляд, такая форма придана проволоке в центральной и нижней части древка преднамеренно, для повышения удобства хвата древка. На нижнюю оконечность древка надет четырехгранный железный вток конической формы. Втулка наконечника обмотана узкими желтыми, красными и зелеными шелковыми лентами. Под ними расположен бунчук «mdung dzar» (тип «воротник») из окрашенной в красный цвет шерсти яка.

Судя по размерам копья, особенностям оформления наконечника и древка можно предположить, что использование данной разновидности длиннодревкового оружия носило универсальный характер. Его мог применять как всадник (преимущественно для нанесения колющего удара, но также, возможно, и для метания на короткие расстояния), так и пехотинец.

Американские исследователи датируют данный наконечник XVIII-XIX вв. и связывают с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода. Представляется возможным согласиться с предложенной американскими учеными датировкой и атрибуцией наконечника. Зафиксированные на фотографиях первой половины XX в. тибетские всадники, снаряженные по образцу XVIII-XIX вв., участвующие в боевых действиях начала XX в. или в празднике Монлам в 30-40-х гг. XX в., используют близкое по конструкции и системе оформления длиннодревковое оружие.

Вариант 6. Наконечники с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером со слабовыраженным ромбовидным сечением, граненым кубовидным «яблоком» с декоративными ободками, втулкой с бортиком, золотой и серебряной насечкой, изображающей «пылающий меч», огонь, символ «kyai», растительный орнамент.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 94, *4)*.

Длина наконечника — 46,4 см. Перо наконечника имеет слабовыраженные ребра жесткости. Уплощенные «плечики» придают ему почти каплевидную форму. Обе боковые стороны пера заточены. «Шейка» наконечника снабжена «яблоком» кубовидной формы в обрамлении двух выпуклых ободков. На каждой из четырех сторон «яблока» помещено изображение 4-лепесткового цветка. Ниже «яблока» «шейка» расширяется во втулку, снабженную выпуклым бортиком по нижнему краю. Поверхность пера и втулки украшена золотой и серебряной насечкой. В нижней части пера расположен традиционный растительный орнамент с 3-лепестковыми головками бутонов, несколько выше выполнены «пылающий меч», символ «kyai» и горящие побеги. Втулка покрыта растительным орнаментом, исполненным методом золотой и серебряной насечки.

Американские исследователи датируют данный наконечник XVIII-XIX вв. и связывают с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода. В целом предложенные датировка и атрибуция не вызывают особых возражений. Возможно также, что наконечник был изготовлен несколько раньше указанного времени. Нанесенные золотой насечкой бутоны в нижней части пера имеют аналоги на монгольских шлемах второй половины XVII — XVIII в., распространение граненых «яблок» на «шейке» наконечников в Центральной Азии также приходится на XVII-XVIII вв.

Вариант 7. Наконечники с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером, граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами, золотой и серебряной насечкой, изображающей «три драгоценности», растительный орнамент, втоком с конусовид-

ной втулкой, граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами и граненым пером.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 93, *3)*.

Длина наконечника — 68,9 см. Перо наконечника имеет ярко выраженные ребра жесткости с широкими, но неглубокими долами. Уплощенные «плечики» придают перу почти каплевидную форму. «Шейка» наконечника снабжена граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами. Между пером и «яблоком» она имеет горизонтальное ребро жесткости. Втулка снабжена выпуклым бортиком и отверстиями для фиксации наконечника к деревянному древку. Поверхность наконечника украшена золотой и серебряной насечкой: в нижней части пера расположены растительный орнамент и пламенеющие «три драгоценности», в центральной и верхней — пламенеющие побеги. «Шейка» и большая часть втулки покрыты перемежающимися золотыми и серебряными псевдодолами. В нижней части втулки размещены изображения 3-лепестковых бутонов. Боковые стороны пера практически не заточены, однако на наконечнике фиксируются следы глубоких зарубок, что свидетельствует о том, что копье применялось в ходе рукопашного боя.

Вток (длина — 34,6 см) представляет собой массивную коническую втулку с бортиком и отверстиями для фиксации втока к деревянному древку. Четырехгранное острие отделяется от втулки граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами, украшенными изображением 4-лепесткового цветка. В отличие от большинства аналогов, данный вток украшен серебряной и золотой насечкой в виде длинных полос, перемежающихся 4-лепестковыми цветками. Конструкция и форма втока указывают на то, что он мог использоваться в качестве второго наконечника копья (рис. 93, *4)*.

Наконечник и вток объединены смотрителями музея Метрополитен в комплект произвольно, на основании значительных размеров обоих. Возможно, что они насаживались на разные древки. Наконечник и вток датированы американскими исследователями XVII—XVIII вв. и соотнесены с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода.

Вариант 8. Наконечники с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером, месяцевидной «шейкой» с «воротником», золотой и серебряной насечкой, изображающей «Меч Мудрости» и растительный орнамент.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 93, *5)*.

Длина наконечника — 47,9 см. Перо наконечника имеет ярко выраженные выпуклые ребра жесткости. Кинжаловидное перо постепенно сужается к острию. «Шейка» наконечника имеет необычную плоскую месяцевидную форму в комбинации с трапециевидным «воротником» с фестончатым краем. Короткая втулка снабжена выпуклым бортиком. Поверхность пера украшена изображением пламенеющего «Меча Мудрости». Втулка покрыта золотой и серебряной насечкой в виде переплетающегося растительного орнамента.

Наконечник датирован американскими исследователями XVII—XVIII вв., что в целом соответствует конструктивным особенностям и системе оформления наконечника.

Вариант 9. Наконечники с позолоченным кинжаловидным удлиненно-треугольным пером с выпуклыми ребрами жесткости, овальной «шейкой», приплюснутым «яблоком», золотой насечкой, изображающей растительный орнамент.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен.

Длина наконечника — 36,2 см. Перо наконечника имеет ярко выраженные выпуклые ребра жесткости. Стороны кинжаловидного пера идут почти параллельно и резко сужаются почти у самого острия. «Шейка» наконечника имеет необычную плоскую овальную форму. Короткая втулка снабжена выпуклым бортиком. Между «шейкой» и втулкой помещено сплющенное «яблоко». Вся поверхность наконечника позолочена и дополнительно украшена растительным орнаментом.

Наконечник датирован американскими исследователями XVII—XVIII вв., что в целом соответствует конструктивным особенностям и системе оформления наконечника.

Вариант 10. Наконечники с удлиненно-треугольным пером с долами, граненым шайбовидным «яблоком».

Включает 1 экз. с территории Венгеровского района Новосибирской области (рис. 93, 7).

Общая длина наконечника — 56 см, длина пера — 39 см, длина втулки — 17 см, ширина пера — 2,7 см, диаметр втулки — 4 см. Плоскости пера снабжены глубокими узкими долами. Полукруглые вырезы разделяют перо и небольшое граненое шайбовидное «яблоко», отделенное неглубокой прорезью от короткой втулки. Судя по диаметру втулки,

пика имела достаточно массивное и, вероятно, длинное древко. В сочетании с длинным граненым острием данная пика была исключительно эффективным оружием всадника. По мнению исследовавших данный наконечник В. И. Молодина, В. И. Соболева, А. И. Соловьева, «наконечник пики из Барабы может быть датирован эпохой позднего Средневековья, едва ли раньше конца XVII — начала XVIII в.» (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 77). Привлечение аналогий с сопредельных территорий позволяет скорректировать датировку и место изготовления наконечника. В археологических памятниках Восточной Европы и Южной Сибири периода раннего и развитого Средневековья изредка встречаются наконечники копий, снабженные долами, и наконечники копий, снабженные декоративными утолщениями «шейки» — «яблоками». Однако нам не известны копья, изготовленные ранее XV в., совмещающие в себе оба этих признака. Зато начиная с XV в. фиксируются десятки (а с XVI в. и сотни) боевых наконечников, перья которых снабжены характерными долами, а «шейки» — «яблоками» различных форм и размеров. Интересно, что этот конструктивный признак фиксируется и на русском, и на крымско-татарском (Городцов, 1913, с. 3-7), и на османском (Аствацатурян, 2002, с. 180), и на среднеазиатском длиннодревковом оружии. Данная разновидность наконечников была исключительно широко распространена в Восточной Европе в XVI-XVII вв., а в Средней Азии пики с такими наконечниками продолжали употребляться даже в XIX в. Появление и распространение подобных наконечников в Центральной Азии и Южной Сибири мы связываем с влиянием оружейных комплексов Западной Азии, ретранслятором которых в регионе выступали среднеазиатские народы. Учитывая тот факт, что широкое распространение данной разновидности пик в Восточной Европе, Западной и Средней Азии приходится на XVI в., можно предположить, что их появление и распространение в Центральной Азии началось не позднее XVII в. Рассматриваемый наконечник пики имеет аналогии как среди среднеазиатских, так и среди южносибирских материалов. Его автором могли быть как южносибирские, так и центральноазиатские или среднеазиатские (казахские?) мастера. Судя по особенностям оформления данного наконечника, он был изготовлен в XVII-XIX вв.

Вариант **11.** Наконечники с удлиненно-треугольным пером с долами, овально-цилиндрическим «яблоком», декоративными «поясками» и выпуклым бортиком по краю втулки.

Включает 1 экз. из Горного Алтая (рис. 93, *8).*

Общая длина наконечника — 23,3 см, длина пера — 10,6 см, длина втулки — 11,7 см, ширина пера — 1,4 см, диаметр втулки — 3,2 см. Плоскости пера снабжены глубокими узкими, но при этом достаточно короткими (занимающими около половины длины пера) долами. Под длинным узким пером размещено слабовыделенное «яблоко» уплощенной овально-цилиндрической формы, которое переходит в коническую втулку. Нижняя часть втулки украшена парой выпуклых декоративных «поясков» и бортиком по краю. Данный наконечник иногда датируют периодом развитого Средневековья (Горбунов, 2006, с. 190, рис. 45, *6).* Однако практически все его конструктивные признаки указывают, что он не мог быть изготовлен раньше XV-XVI вв. С большой долей вероятности можно предположить, что его авторами были оружейники Южной Сибири или Центральной Азии, в этом случае наконечник может быть датирован XVII—XVIII вв. Не стоит полностью исключать и возможность среднеазиатского (казахского?) производства. В этом случае временем изготовления наконечника может быть вторая половина XVI — начало XIX в.

Вариант **12.** Наконечники с удлиненно-треугольным пером с широкими долами, граненым «яблоком»,втулкой с выпуклым бортиком,золотой и серебряной насечкой, изображающей черепа и стилизованный кишечник, с оплетенным железной проволокой массивным деревянным древком.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен.

Общая длина пики — 135,3 см. Длина наконечника — 39,7 см (рис. 93, /).

Узкий граненый наконечник имеет ярко выраженные ребра жесткости, которые дополнительно подчеркивают широкие, но неглубокие долы, придающие перу почти четырехлопастное сечение. Перо снабжено сужающейся книзу «шейкой», из-за которой изначально перо кажется удлиненно-ромбовидным. Между «шейкой» и втулкой расположено граненое «яблоко» с ромбовидными сторонами. На каждой плоскости «яблока» помещено изображение многолепесткового цветка. Сразу под «яблоком» начинается резкое расширение короткой,

но массивной втулки с выпуклым бортиком по краю. Поверхность древка усилена железной проволокой, верхний конец которой расклепан и зафиксирован заклепкой под втулкой. Поверхность наконечника снабжена золотой и серебряной насечкой. В нижней половине втулки помещены изображения клыкастых черепов (символы «стражей») в обрамлении стилизованного кишечника. Изображения стилизованных кишок покрывают и перо наконечника. Поверхность круглого в сечении древка украшена изображением летящего в облаках дракона. Судя по деформации втулки, древко пики несколько раз менялось или укорачивалось, а судя по тому, что голова дракона прикрыта втулкой, изначально древко было несколько длиннее. Возможно, первоначально общая длина пики составляла около 150—180 см.

Пика датирована американскими исследователями XVI-XVII вв. и соотнесена с комплексом вооружения тибетских воинов этого периода. Нижняя дата изготовления пики кажется сомнительной, так как в этот период сложно предполагать бытование в регионе копейных наконечников с долами и граненым «яблоком» данной формы. Скорее всего наконечник был изготовлен в XVII—XVIII вв., а древко — в XVIII-XIX вв. Если данное древко было добавлено к наконечнику позднее, то, вероятно, первоначально пика имела более длинное древко, позволявшее всаднику наносить противнику мощный колющий удар. Возможно, позднее она была снабжена укороченным древком и стала использоваться не только для укола, но и для метания. После завершения своего «боевого пути» пика была передана в один из монастырей и стала применяться в ходе профильных религиозных церемоний.

Вариант **13.** Наконечники с удлиненно-треугольным пером, длинной тонкой втулкой, двумя «поясками» под пером и слабовыраженным «яблоком».

Включает 1 экз. из музея Метрополитен.

Общая длина наконечника — 67,3 см. Общая длина копья (пики) — 186,7 см.

Очень длинное тонкое перо имеет ярко выраженное ромбовидное (близкое к квадратному) сечение. Непосредственно под пером расположены два декоративных «пояска», а несколько ниже — слабовыделенное «яблоко» овальной формы. Длинная втулка расширяется в центральной части и фиксируется на древке полусферическими заклепками. Древко пики усилено металлической проволокой, которая фиксируется заклепкой на втулке. Вероятно, такая разновидность длиннодревкового оружия была известна в Тибете под названием «gsor mdung», т. е. копье с узким лезвием — «копье-шило».

Некоторые исследователи полагают, что подобное длиннодревковое оружие было предназначено не только для ближнего боя, но и могло метаться в противника.

Американские исследователи датируют данную пику XVIII-XIX вв. и соотносят с тибетским комплексом вооружения этого периода. Такие наконечники широко применялись в Тибете уже в начале Нового времени и были популярны даже в конце XIX в. Они также часто встречаются на фотографиях тибетских конных панцирников во время праздника Монлам[11].

В музее Метрополитен хранится втулка от наконечника копья (?), покрытая изречениями на тибетском и монгольском языках. Втулка снабжена выпуклыми «валиками» в нижней, центральной и верхней части, округлыми отверстиями для гвоздей или заклепок, фиксировавших наконечник на деревянном древке. Перо, к сожалению, не сохранилось. Текст, расположенный на втулке, указывает на то, что данный наконечник был преподнесен в дар Далай-ламе IV (1589-1617) монгольским феодалом Соднаму Омбо Тэйджи предположительно в конце XVI — начале XVII в.

На основании типологического анализа длиннодревкового оружия с одним пером представляется возможным выделить три основные группы этого оружия, имеющие характерные особенности конструкции и оформления, свидетельствующие о способах их применения.

К первой группе относится длиннодревковое оружие с широким листовидным (ромбическим, реже — линзовидным в сечении) пером и массивной втулкой. За таким оружием в отечественной исторической литературе (с подачи служилых людей XVII в.) закрепилось название «рогатина». Некоторые исследователи полагают, что в период позднего Средневековья и Нового времени таким оружием пользовались почти исключительно рус-

[11] Большинство этих фотографий сделаны в первой половине XX в.

ские служилые люди сибирских острогов и таежные сибирские аборигены. Однако письменные свидетельства первой трети XVII в. указывают на то, что рогатины находились на вооружении некоторых западномонгольских воинов. В частности, их поставляли в ойратские армии южносибирские мастера «Кузнецкой земли». Об этом прямо свидетельствовал посетивший в 1622 г. г. Кузнецк Евдоким Баскаков (Потапов, 1936, с. 122). В России и таежной части Сибири данная разновидность длиннодревкового оружия применялась в основном пешими воинами и охотниками. Кочевники Центральной Азии предпочитали сражаться в конном строю. Возможно, поэтому рогатины так и не получили широкого распространения в монгольских войсках. Косвенным подтверждением этого является небольшое количество рассмотренного нами длиннодревкового оружия, которое может быть отнесено к числу рогатин. В основном оно представлено трофейным (?) оружием русского производства или выполненным по российским образцам.

Ко второй группе относится длиннодревковое оружие, которое с известной долей условности можно обозначить как «пики». По своей конструкции и оформлению пики являются почти полной противоположностью рогатин. Пики имели длинное узкое ромбическое, квадратное или даже круглое в сечении перо, длинную и относительно тонкую или, напротив, короткую и массивную втулку. В отличие от рогатин, которые обычно имели мощное, относительно короткое древко, пики насаживались на длинное (до 5-6 м) и достаточно тонкое древко. Пики являлись оружием всадника. Они были идеально приспособлены для борьбы с конными панцирниками противника. Сильный удар узкого граненого пера разрывал кольчужное плетение, а при удачном стечении обстоятельств мог пробить и пластинчатое покрытие. Благодаря своим функциональным свойствам пики были широко распространены на территории всего Центрально-Азиатского региона. Большой популярностью граненые пики пользовались и среди казахских воинов, которым нередко приходилось на полях сражений сталкиваться с многочисленной панцирной конницей Хивы, Бухары, Коканда и латниками Джунгарского ханства. Отличительной чертой позднесредневековых пик является наличие на «шейке» между пером и втулкой шаровидного утолщения — «яблока» или более плоского округлого (овального, сердцевидного, цилиндрического) расширения. Такой способ оформления наконечников был известен уже в период развитого Средневековья, но получил особо широкое распространение в XVI-XIX вв. Оригинальной разновидностью центральноазиатского древкового оружия являются тибетские пики-дротики (метательные пики) с относительно длинными древками и пикообразными наконечниками. Последние отличаются очень длинным ромбовидным или квадратным в сечении пером и длинной тонкой втулкой. Деревянное древко обычно оплетено железной проволокой. Данным древковым оружием можно было пользоваться как пикой, а в случае необходимости метнуть в противника, что не без успеха и делали тибетские кавалеристы XVII-XIX вв.

Промежуточное положение между рогатинами и пиками занимали собственно копья. Они совмещали в себе сильные стороны обеих описанных выше разновидностей длиннодревкового оружия. Достаточно широкое линзовидное или граненое перо копий наносило широкие и глубокие раны бездоспешным воинам противника, в то же время ромбические в сечении копья с удлиненно-ромбическим или удлиненно-треугольным пером можно было эффективно использовать как против легковооруженных вражеских воинов, так и против панцирников противника. Неудивительно, что благодаря своему универсальному назначению копья были самой распространенной разновидностью длиннодревкового оружия в период позднего Средневековья и Нового времени.

Длиннодревковое оружие с изогнутым пером и комбинированное длиннодревковое оружие

Наряду с рогатинами, пиками и копьями кочевники Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья и Нового времени применяли длиннодревковое оружие с изогнутым пером и комбинированное длиннодревковое оружие.

Согласно свидетельствам русских служилых людей монгольские воины XVII в. использовали такой оригинальный тип оружия, как пальмы: «И в том де месте ввечеру в сумерках почали те мунгальские люди их, служилых людей, полмамы колоть...» (МРМО, 1996, с. 432). Русские землепроходцы были хорошо знакомы с этим видом оружия, кото-

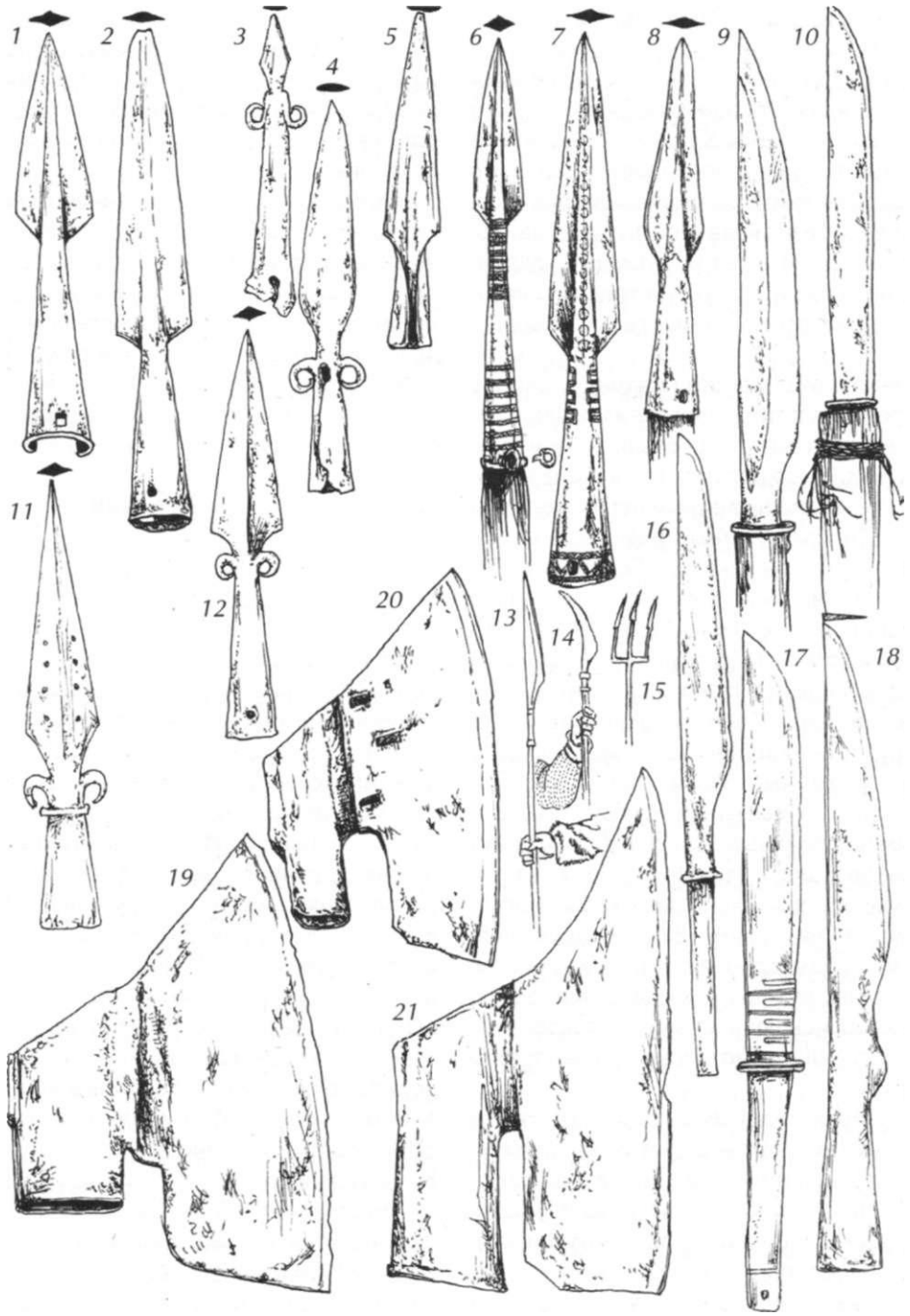

Рис. 96. Русское и сибирское длиннодревковое оружие периода позднего Средневековья и Нового времени. Образец этнокультурного взаимодействия российской и сибирских военно-культурных традиций на примере длиннодревкового оружия. Копья, рогатины, топорки и бердыши русских служилых людей в европейской части России и Сибири *(1-2, 11-12, 19-21);* длиннодревковое оружие енисейских кыргызов и их кыштымов *(3,5);* копейный наконечник с территории Лесостепного Алтая (4); восточносибирские копья, рогатины и пальмы Нового времени *(6-10, 16-18).* Изображения сибирских пальм *(13-14)* и трезубца (75).

рое активно применяли охотники и воины таежной части Сибири. Некоторые казаки и дети боярские даже включали пальмы «якутские» в собственный комплекс вооружения. Можно предполагать, что центральноазиатские воины XVII—XVIII вв. могли применять пальмы двух разновидностей, которые условно можно обозначить, как «сибирские» и «восточноазиатские». Обе разновидности, как правило, использовались для нанесения рубящих ударов, хотя перо «сибирских» и некоторых типов «восточноазиатских» пальм позволяло наносить и колющие удары.

«Сибирские» пальмы имели достаточно длинное деревянное древко, в которое вставлялся однолезвийный слабоизогнутый черешковый, реже втульчатый нож. Близкие по конструкции наконечники со слабоизогнутым однолезвийным пером монгольские и южносибирские воины применяли еще в период развитого Средневековья (Горелик, 2002, с. 66, рис. 6-8). В сибирских музеях хранятся десятки наконечников пальм (рис. 96,*9-10,16-18),* часть которых могут быть датированы периодом позднего Средневековья и Нового времени.

Воины Южной Монголии и Халхи использовали «восточноазиатский» вариант длиннодревкового оружия с однолезвийным изогнутым пером. Последний отличался от своего сибирского аналога более длинным и массивным (почти саблевидным) пером. В Китае большой популярностью пользовались древки, увенчанные очень широкими изогнутыми клинками, по размерам и форме напоминавшими широкие сабли или мечи, насаженные на длинные деревянные рукояти. Этот вид длиннодревкового оружия был исключительно популярен среди панцирных всадников, но также охотно применялся пехотинцами.

Согласно изобразительным материалам, сведениям письменных источников, данным центральноазиатского и южносибирского эпоса, воины региона в период позднего Средневековья и Нового времени применяли различные типы комбинированного длиннодревкового оружия. Копье с несколькими остриями упоминается в алтайском эпосе (Соенов, 1994, с. 181). Изображения монгольских (?) копий с основным пером и двумя дополнительными боковыми остриями встречаются в переднеазиатской иконографии XIV в. (Горелик, 2002, с. 66, рис. 24-25). Некоторое количество комбинированного длиннодревкового оружия восточноазиатского производства находилось на вооружении южномонгольских кочевников XVII—XVIII вв. Распространенной формой длиннодревкового комбинированного оружия являются трезубцы, служившие в качестве наверший монгольских позднесредневековых знамен.

Опираясь на известные вещественные, изобразительные, письменные, фольклорные источники периода позднего Средневековья и Нового времени, представляется возможным утверждать, что в это время комбинированное длиннодревковое оружие не получило широкого распространения в войсках монгольских и южносибирских кочевников. Численно оно значительно уступало своим аналогам с одним пером (в первую очередь копьям и пикам).

Дротики

Период позднего Средневековья и Нового времени в Центральной Азии и Южной Сибири характеризуется резкой актуализацией длиннодревкового метательного оружия (дротиков, метательных копий). На наш взгляд, это вызвано повышением значимости маневренного ближнего конного боя, который требовал от его участников наличия вооружения, способного поражать противника на расстоянии, превышающем длину древка стандартного копья или пики. Интересно, что процесс «реставрации» дротиков и метательных копий в качестве распространенного вида оружия для боя на среднедлинной дистанции происходил на огромных просторах региона (от Южной Сибири до Гималаев) практически одновременно. Вещественные материалы, письменные, изобразительные источники, данные эпоса свидетельствуют о том, что в названный период дротики и метательные копья использовали воины Западной Монголии, кочевники Минусинской котловины, Саяно-Алтая, тибетских провинций Кам, Амдо и др.

По сведениям А. Н. Басхаева, ойратами применялся дротик, называвшийся «АРМ» и достигавший в длину 1,5м(Басхаев, 2000, с. 59). В сражении при Улан-Бутун (1690 г.) укрывшиеся в «верблюжьем вагенбурге» джунгарские «цирики» «бросали крючья и копья, чтобы побивать маньчжурские войска». В героических произведениях жителей Минусинской котловины упоминаются метательные копья и дротики — «чыда», которые «могут поразить врага на расстоянии» (Худяков, 2002, с. 71).

Оригинальные тяжелые дротики с длинными граненными наконечниками были излюбленным оружием кочевников Кама и Амдо (Горелик, 2004, с. 60). Древко таких дротиков изготовлялось из «прочного дерева, ввозимого из Восточного Тибета и Сычуани», и иногда обматывалось металлической проволокой. Некоторые разновидности дротиков снабжались кольцами, сквозь которые пропускался аркан, привязанный к древку. Метнувший такой дротик воин мог, потянув за аркан, вернуть дротик обратно: «Большое металлическое кольцо закреплено на конце древка, а другое кольцо свободно скользит вдоль древка. Для метания к обоим кольцам привязывают веревку. Всадник держит веревку и древко в поднятой руке, а затем отпускает древко и бросает копье, держа в руке конец веревки. Копье летит с дребезжащим звуком, производимым свободным кольцом, скользящим по металлической обвязке древка. После того, как кольцо достигает конца древка, копье падает, и всадник поднимает его обратно в седло. Для метания такого дротика необходима большая сила. Это оружие обычно используется кочевниками Северного и Северо-Восточного Тибета» (Рерих, 1999, с. 265).

Мастерство кочевников в обращении с этим оружием подвигло и знатных тибетцев обучаться владению им. В ходе генерального сражения с сикхами зимой 1841 г. такими дротиками пользовались даже командиры тибетских подразделений. После того как перестрелка сменилась «кровавым рукопашным боем», командир одного из тибетских отрядов, Мигмар, заметил, как знаменитый сикхский полководец Зоравар Сингх садится на коня. Подскакав к противнику поближе, он метнул дротик и «поверг его на землю», после чего обезглавил Сингха и отвез его голову в тибетский лагерь (Шакабпа, 2003, с. 189).

Большая часть подлинных наконечников дротиков происходит с территории Южной Сибири.

Группа I. Линзовидные.

Тип 1. Удлиненно-ромбические.

Вариант 1. Удлиненно-ромбические наконечники с отрожками.

Включает 1 экз. с территории Минусинской котловины.

Общая длина наконечника — 14 см, длина пера — 5 см, ширина пера — 2 см, длина втулки — 9 см. Втулка снабжена отверстием для гвоздя или заклепки для фиксации наконечника на древке. Нижняя часть втулки повреждена. Отличительной особенностью оформления дротика являются характерные загнутые вверх отрожки (рис. 95, *2),* которые представляют собой следствие влияния русского военно-культурного комплекса. На основании типологического анализа наконечник датирован периодом позднего Средневековья и соотнесен с комплексом вооружения енисейских кыргызов (Худяков, 2002, с. 71).

Группа II. Ромбические.

Тип 1. Удлиненно-ромбические.

Вариант 1. Наконечники с удлиненно-ромбическим пером и шипом.

Включает 1 экз. из Минусинской котловины (рис. 95, *3).*

Общая длина наконечника — 24 см, длина пера — 6 см, ширина пера — 1,5 см, длина втулки — 18 см. Под небольшим ромбовидным острием размещен достаточно длинный железный шип. В случае попадания дротика в тело противника или его боевого коня извлечь такой наконечник можно было только с большим куском мяса. Длинная массивная втулка резко расширяется в центральной части. На основании типологического анализа наконечник датирован периодом позднего Средневековья и соотнесен с комплексом вооружения енисейских кыргызов (там же).

Возможно, некоторые типы наконечников дротиков с шипом, найденные на территории Лесостепного Алтая и датированные периодом развитого Средневековья (Горбунов, Тишкин, 1998, с. 264-265, рис. 39), также относятся к позднесредневековому комплексу вооружения.

Несмотря на известную консервативность конструкций и форм средневековых железных наконечников, представляется возможным выделить характерные элементы оформления экземпляров, датированных XVII-XIX вв. В рассматриваемый период происходит некоторое увеличение количества форм наконечников. Наряду с традиционными для региона копейными линзовидными и ромбическими наконечниками удлиненно-ромбической и удлиненно-треугольной формы появляются массивные рогатины русского образца. Все большее распространение получают пики с узким граненым ромбическим или квадратным в сечении острием и длинной относительно тонкой или, напротив, короткой и массивной втулкой. Рост их популярности мы связываем с распространением

в регионе кольчатых панцирей, против которых данный тип вооружения был особенно эффективен. Используются позднесредневековыми кочевниками и пальмы, вероятно сибирского или восточноазиатского образца. В Южной Монголии и, возможно, в Халхе некоторое распространение получает комбинированное оружие восточноазиатского образца. Растет популярность длиннодревкового метательного оружия. В Южной Сибири и Западной Монголии активно используются дротики различных типов. В Тибете популярны их утяжеленные аналоги с длинным граненым острием и не менее длинной железной втулкой, функция которой отчасти напоминала функцию римских пилумов. Обмотанные железной проволокой древки снабжались специальной веревкой, потянув за которую, воин мог притянуть к себе брошенный дротик.

В том же Тибете, наряду с длинными копьями, были популярны и их укороченные варианты, пригодные для боя в пешем строю. Древки пехотных копий сплошь обвивались железной проволокой и снабжались «у основания прочным грубым острием, служащим для втыкания пики в землю». Данную разновидность длиннодревкового оружия следует признать сугубо тибетской. П. К. Козлов особо подчеркивал, что' проживавшие -в Тибете цайдамские монголы, вооружение которых напоминало тибетское, подобных коротких (пехотных) копий не использовали (Козлов, 1948, с. 182).

Анализ наконечников из различных районов региона указывает на то, что в Монголии и Южной Сибири практически одинаково широко применялись наконечники как с удлиненно-ромбическим, так и с удлиненно-треугольным пером, в то время как в Тибете преобладающим вариантом были наконечники с удлиненно-треугольным пером, обычно параллельными сторонами, сужающимися почти у самого острия.

Отличительной особенностью оформления позднесредневековых наконечников является наличие на «шейке» между пером и втулкой шаровидного (иногда граненого) утолщения — «яблока» или более плоского округлого расширения овальной, сердцевидной или цилиндрической формы. Этот элемент оформления наконечников фиксируется уже на копьях периода развитого Средневековья, однако наибольшее распространение получает в XVII-XVIII вв.

Характерным элементом оформления пера наконечников XVI-XIX вв. являются достаточно глубокие вертикальные долы на лопастях. На южносибирских и монгольских наконечниках долы обычно узкие, а на тибетских — широкие. Причем в некоторых случаях долы настолько объемные, что наконечники имеют почти крестообразное (четырехлопастное)сечение.

Поверхность тибетских наконечников нередко покрыта золотой или серебряной насечкой, изображающей буддийские религиозные символы, растительный орнамент, огонь, облака и т. д. По мнению некоторых американских и английских исследователей, большинство этих наконечников использовались не во время боевых действий, а в качестве ритуального оружия в ходе религиозных церемоний. На наш взгляд, данная точка зрения несколько противоречит техническим характеристикам данных тибетских наконечников. По своим параметрам большинство из них практически не уступают своим стандартно оформленным аналогам. Они имеют длинные ромбические в сечении перья, массивные и длинные железные втулки. Отсутствие заточки по краям в целом ряде случаев совсем не означает, что перед нами небоевое оружие. Это лишь указывает на то, что данный экземпляр использовался исключительно для колющих ударов[12]. Более того, некоторые из таких наконечников имеют зазубрины, вмятины и иные повреждения от ударов, что свидетельствует о том, что они применялись в ходе вооруженных столкновений. Многие иранские, среднеазиатские и индийские клинки и наконечники копий также украшены золотой насечкой и гравировкой, но при этом применялись в ходе боевых действий. Практически во всех случаях дополнительные украшения указывают на статус и богатство их владельца. Скорее всего большинство украшенных тибетских наконечников — это боевое или парадное оружие монгольских и тибетских феодалов, которое впоследствии поступило в тибетские монастыри и использовалось в ходе религиозных церемоний.

Некоторые центральноазиатские и особенно часто южносибирские наконечники снабжены на

[12] Некоторые из наконечников периода развитого Средневековья с круглым или уплощенным сечением пера вообще не имеют боковых лезвий (Горелик, 2002, с. 66, рис. 19), но при этом их боевое назначение никто всерьез не оспаривает.

«шейке» характерными кольцевидными завитками — отрожками. В данном случае перед нами прямое заимствование из военно-культурной традиции позднесредневекового русского оружейного комплекса. Русские рогатины начинают снабжаться отрожками, вероятно, еще в XVI в., но особую популярность получают в XVII в. Возможно, первые экземпляры русских наконечников с отрожками попали к южносибирским и центральноазиатским кочевникам (в качестве военных трофеев или в ходе обменно-торговых операций) в конце XVI — начале XVII в. Этот элемент оформления полюбился номадам. И, вероятно, уже в первой половине XVII в. южносибирские и центральноазиатские оружейники, подражая своим восточноевропейским коллегам, начинают снабжать отрожками наконечники собственного производства. Причем в отличие от русских мастеров, которые украшали отрожками преимущественно наконечники рогатин, монгольские и южносибирские дарханы снабжали ими практически все виды длиннодревкового оружия — от рогатин до дротиков. Конструктивные особенности оформления отрожков на русских и азиатских наконечниках обычно совпадают. Однако если русские отрожки практически всегда закручены вниз, в сторону втулки, то среди центральноазиатских и южносибирских экземпляров встречаются отрожки, закрученные вверх, в сторону пера (рис. 96,*3*). В целом монгольские и сибирские отрожки более тонкие и иногда менее симметричные.

Популярность отрожков на центральноазиатских и южносибирских наконечниках, возможно, объясняется тем, что в образованные отрожками круглые отверстия можно было пропускать крепящие ремешки бунчуков из конского волоса или мелко нарезанных шелковых лент, а также упоминающиеся в эпосе «значки» из звериных шкурок (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 63). Все известные центральноазиатские и южносибирские наконечники с отрожками «восточноевропейского» типа могут быть датированы XVII—XVIII вв.

Значки, бунчуки, флаги и знамена

Судя по данным монгольского эпоса, древки копий позднесредневековых богатуров могли окрашиваться в красный цвет и снабжаться бунчуком из крашеного конского волоса или шелковых лент и значком из шкурки (хвоста?) хищного животного: «Следом достал дядюшка Ак-сахал бьющую прямо красную пику; древко ее было из темно-рыжего сандального дерева в сто саженей; острие из каленого железа в шестьдесят саженей, красная кисть на ней величиной с голову жеребенка; окраска на пике — человечья кровь, значок — хорьковая шкура» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 63). В позднесредневековом Тибете копья снабжались бунчуками «mdung dzar» из крашеной (обычно в красный цвет) шерсти яка, разноцветными шелковыми лентами и маленькими флажками-вымпелами «mdung dar»

В ходе сражения знамена и значки играли важную роль. На протяжении всего рассматриваемого периода знамена служили ориентиром для воинов одного отряда или даже целой армии. Под них собирались воины разбитых подразделений, всадники, вернувшиеся из погони или после атаки. Знающий это противник мог воспользоваться захваченным знаменем для привлечения отставших или разбредшихся по полю воинов. Подъезжавшие к своему знамени кочевники безжалостно убивались. В сражении у Далан-Туру, «ордосский Баянцохор-дархан и семь других воинов оказали существенную помощь ханганским войскам. Третий сын хагана Барсболод с сорока воинами врезался во вражеский стан и сражался вместе с ордосскими войсками. Это увидел ордосский Мунгху-Тогучи и пришел к нему на помощь со своим черным знаменем. Потом это знамя спрятали (захватили. — *Авт.*), но ордосские воины, зная, что знамя находилось здесь, пришли на это место и все были перебиты» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 78). В XVIII в. гибель знаменосца и падение знамени иногда приводили к панике и бегству воинов центральноазиатской армии (Валиханов, 1984, с. 219).

«Духу знамени» приносились человеческие жертвы — захваченные в плен враги. В ходе жертвоприношения произносилась специальная «молитва Духу знамени». Сюжетная линия известного западномонгольского эпического произведения «Ойратская историческая песня о походе монгольского Убаши-хунтайджи на ойратов» строится вокруг ойратского «отрока», которого жестокий и коварный халхаский правитель приносит в жертву своему «черному знамени». Иллюстрацией утери традиционного национального самосознания* восточных монголов в произведении служит тот факт, что среди воинов огромной халхаской армии «не на-

шлось... (ни одного воина), умеющего прочитать молитву знамени» (Козин, 1947, с. 100). Традиция принесения человеческих жертв «Духу знамени» сохранялась в некоторых районах Монголии и в начале XX в.

Излюбленным цветом знамен восточномонгольской аристократии был черный. Под черным знаменем сражался ордосский Мунгху-Тогучи (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 78). Под черным знаменем собирался в поход на ойратов в 1587 г. северомонгольский Шолой Убаши-хунтайджи. После того как захватчики были разгромлены ойратами, Шолой Убаши-хунтайджи бежит от преследователей, «волоча свое черное знамя» (Козин, 1947, с. 103). Входе сражения символом победы над монгольскими войсками являлась гибель флагоносцев, несущих черные знамена.

Любовь центральноазиатской знати к черным знаменам иногда приводила к трагическим военным коллизиям в ходе боевых столкновений. Например, в сражении монгольского Даян-хана с барун-тумэтами знамена черного цвета имели сам Даян-хан, союзные ему урянхайцы и военачальники барун-тумэтов, что привело к путанице на поле сражения: «Барун-тумэты бились против знамени урйанханов, говоря: "Это знамя хагана!"... Урйанханы обратились в (притворное) бегство. Когда тумэтские воины погнались за ними, то они (урянхайцы. — *Авт.),* взяв черное знамя хагана, чтобы оно ясно было видно, прекратили отступление и, напав на тумэтов, подавили их. Множество воинов барун-тумэтов ошибались, принимая черное знамя хагана за свое собственное, подходили к нему и были заколоты ножами» (там же, с. 286).

Данные центральноазиатских эпических и исторических произведений подтверждаются монгольскими юридическими документами начала XVII в. Так, «черное знамя» упоминается в «Небольшом законе года огня-дракона» (1616 г.), принятом на съезде монгольской знати Халхи: «Если будет приказ о выступлении, всем собираться под черным знаменем» (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 50). Черное знамя широко использовалось монголами уже в эпоху Чингиз-хана и его преемников: «Конница Чингиз-хана днем следовала за черным знаменем... а ночью путь им указывало знамя белое» (Сычев, 1973, с. 13). Согласно версии, «белое знамя» представляло собой бунчук, к которому «привязывались гривы от девяти белых коней». Оно выставлялось в ставке монгольского правителя в мирное время. «Черное знамя» представляло собой бунчук из грив вороных коней. Оно «символизировало ханскую грозную силу и сопровождало хана в военных походах» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 101). Вероятно, в период позднего Средневековья монгольскими феодалами использовались два вида черных знамен: традиционные монгольские бунчуки из черного конского волоса и собственно знамена — черные полотнища на древке. На минской картине XVI — начала XVII в. изображен монгольский знаменосец, держащий знамя на длинном древке. Полотнище знамени свернуто, поэтому установить его форму не представляется возможным. Край полотнища снабжен фестонами подтреугольной формы. Венчает знамя характерное навершие в виде трезубца с отогнутыми боковыми остриями. Под навершием подвешен бунчук из конского волоса или узко нарезанных шелковых лент (рис. 97, 3).

Особый интерес для нашей темы представляют подлинные ойратские знамена, изготовленные в конце периода позднего Средневековья — начале Нового времени и сохранившиеся до Этнографического времени. В российской армии начала XIX в. калмыцкие части использовали «древние знамена», которые, по легенде, якобы были изготовлены ойратами еще до откочевки из Джунгарии. Полковник князь С. Тюмень дал подробное описание такого знамени, находившегося на хранении во Втором калмыцком полку в ходе Наполеоновских войн. По словам князя, «полк этот имел особенное знамя, учреждение коего относится к весьма отдаленным временам, и именно за 300 и более лет, когда предки еще нынешних приволжских калмыков воевали с ним в Джунгарии. Кроме этого знамени, которое было при полку во время французской войны, есть еще и другие, не менее древния. Знамя это шелковое, темного цвета. Длина его полтора, а ширина два аршина (т. е. 1,1 м * 1,42 м. — *Авт.),* ленты, коими украшены края и средина знамени, красныя, шелковыя, по три аршины длины (т. е. около 2,1м. — *Авт.)* и по ладони ширины (около 8 см. — *Авт.).* Всадник на белом коне, изображенный в средине знамени, представляет святого воина по имени Дайчи-Тенгри, покровителя войны и воинов, помощника в сражении и споспешествователя к победам» (Прозрителев, 1912, с. 27-28). Таким образом, ойратское знамя, изготовленное, по мне-

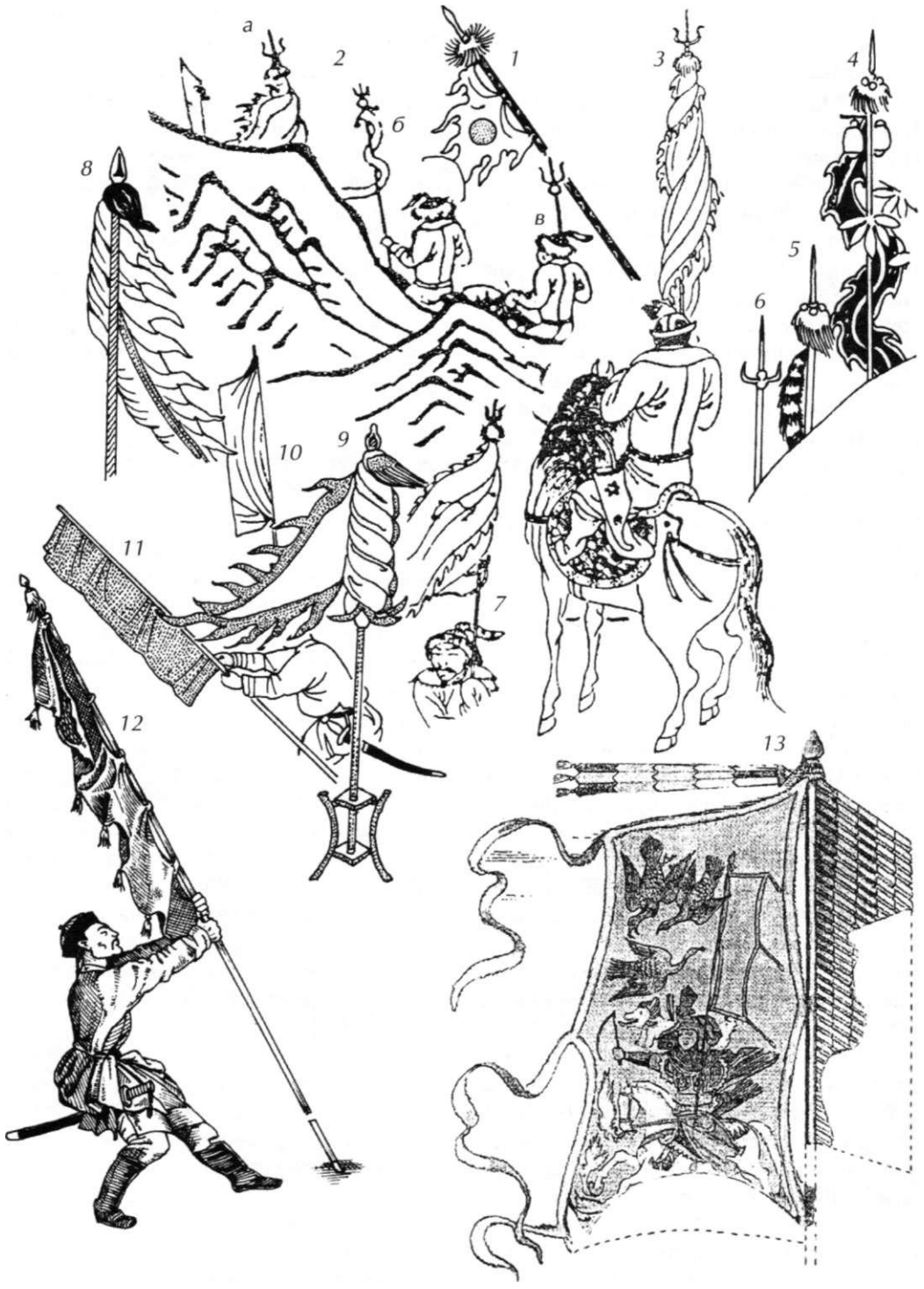

Рис. 97. Изображения иентральноазиатских и кашгарских значков и знамен: юаньских первой половины XIV в. (7), монгольских XVI—XVII вв. (2-7), торгоутских (калмыцких) XVIII в. *(8-9, 13),* джунгарских середины XVIII в. (72), кашгарских (восточнотуркестанских) середины XVIII в. *(10-11).*

нию С. Тюмени, в XVI в. (более вероятно — в первой половине XVIII в.), имело вертикальное прямоугольное полотнище темного цвета, по периметру которого были нашиты длинные красные ленты («языки»). На поле знамени было помещено изображение скачущего всадника на белом коне.

Близкое по форме джунгарское знамя изображено на цинской картине середины XVIII в. На раскрашенной литографии джунгарское знамя темно-синего цвета имеет вертикальное прямоугольное полотнище. На нем нет изображений, а вместо лент по периметру расположены волосяные кисти (рис. 97,*12)*. Древко знамени увенчано позолоченным (?) навершием (возможно, описанной ниже «золотой мельницей») и бунчуком из конского волоса. Темные (синие), красные, зеленые и белые знамена, представляющие собой узкие вертикальные полотнища прямоугольной формы, реют над джунгарскими и кашгарскими (рис. 97, *10-11)* войсками на живописных картинах и раскрашенных цинских гравюрах этого же времени. Некоторые из джунгарских знамен снабжены укрепленными у втулки волосяными бунчуками (рис. 97, *1-5, 7-9, 12)*.

Столь любимые современными художниками и режиссерами джунгарские знамена треугольной формы с драконами и фестонами по периметру в известных нам материалах XVII—XVIII вв. не зафиксированы. Знамена треугольной формы широко использовались среднеазиатскими, китайскими и маньчжурскими военачальниками XVI-XVIII вв. Что касается треугольных знамен с драконами, снабженных цветной каймой с фестонами, то это одна из разновидностей флагов «восьмизнаменной армии» Цинской империи. Увидев такое знамя над халхаскими или джунгарскими воинами, современники с уверенностью могли сказать, что эти номады присягнули на верность маньчжурскому «богдыхану».

Разноцветные (преимущественно красные и желтые) треугольные знамена с фестонами (но в подавляющем большинстве случаев без драконов) стали все чаще изображаться на тибетских танка с первой трети XVIII в., вскоре после того, как Тибет был включен в состав Цинской империи (рис. 98, 7, *9-11, 13)*. Джунгарские правители предпочитали флаги традиционной для Центральной Азии прямоугольной формы «светских» (синих и черных) цветов, совпадавших с расцветкой одежды номадов. Реже применялись знамена «религиозного» (красного и желтого) цвета. Края прямоугольных знамен обычно снабжались лентами и (или) кистями. Треугольные знамена также употреблялись кочевниками, но они не несли на себе изображений драконов. Характерной центральноазиатской традицией оформления знамен было наличие бунчука из конского волоса, который обычно подвешивался в районе втулки навершия.

Древки значков, бунчуков и малых флагов обычно венчали копейные наконечники или характерные монгольские трезубцы (рис. 97, *2а, б, 3-5, 7;* 98, *1-5, 7-14)*. Последние представляли собой *W-об*разный металлический наконечник с тремя остриями. Центральное было прямым и напоминало копейное острие, боковые плавно изгибались вправо и влево от центрального острия. Древки больших флагов и знамен украшались фигурными металлическими навершиями на втулке. Исследовавшая монгольские металлические изделия В. П. Дарбакова именует такие навершия «черенками с головками». Ею даны краткое описание знаменных наверший и их интерпретация: «По заказу нойонов монгольские дарханы изготовляли черенки с головками — навершия знамен нойонов. Головка была массивной, напоминала огромную молитвенную мельницу. По всей вероятности, это сходство не случайно, так как духовенство и светские феодалы всегда охотно находились в тесной связи друг с другом. Молитвенная же мельница выполняет функцию оберега и служит символом отпущения грехов. Позднее фигурное навершие знамени упразднили» (Дарбакова, 1968, с. 20).

W-образные трезубцы, венчавшие бунчуки и знамена монгольских воинов, были известны и любимы центральноазиатскими мастерами уже в период развитого Средневековья(Горелик, 2002,с. 82, рис. 9, 12,21,24). На среднеазиатских изображениях они встречаются вплоть до второй половины XVI в. и даже позднее. Интересно, что под «трехрогими бунчуками» на мусульманских картинах XVI в. изображаются в основном именно воины-кочевники. Таким образом, монгольские трезубцы позднего Средневековья и Нового времени являются наследниками древней военно-культурной традиции, получившей широкое распространение среди кочевников региона не позднее XIV в.

Что касается фигурных вырезных наверший на втулке, выполненных в форме «молитвенных мельниц», то их распространение среди монголов сле-

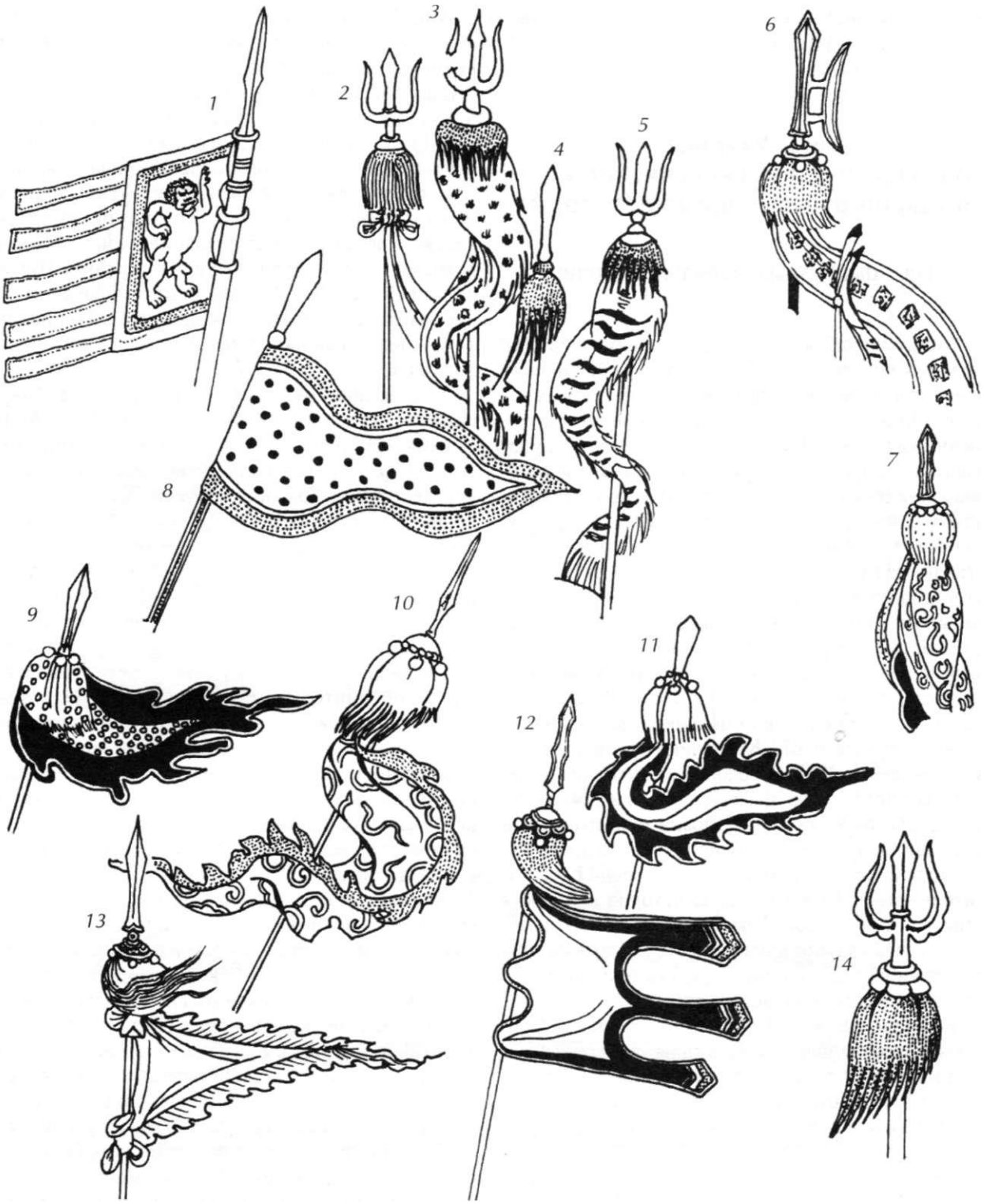

Рис. 98. Знамена и бунчуки в тибетских изобразительных источниках XIV в. (?) и XVII-XIX вв. *(2-14).*

дует, вероятно, связывать с эпохой распространения среди центральноазиатских номадов ламаизма, т. е. XVI-XVIII вв.

6.3. Ударное (палицы, булавы, перначи, кистени) и ударно-рубящее оружие (топоры)

Палицы, булавы, перначи, кистени

Монгольский комплекс вооружения периода Великих завоеваний (XIII в.) вобрал в себя многие элементы оружейных комплексов покоренных народов. Вероятно, в результате цзиньского (чжурчжэне-китайского) и киданьского влияния среди монголов широкое распространение получили булавы «гулда» на длинной (около 50-75 см) деревянной рукояти. Данным оружием были вооружены знатные монгольские воины, их телохранители и отдельные нукеры (Горелик, 2002, с. 20). В XIV в. в государствах Чингизидов применялись различные типы булав (древковое оружие с шаровидной ударной частью), перначей (граненые булавы с ярко выраженными ударными лопастями)[13] и кистеней (оружия, ударные элементы которого подвешены на веревке, ремешке или цепочке к деревянному древку) (там же, с. 67). Кочевники Средней Азии и в XV — начале XVI в. продолжали активно применять палицы и одноручные булавы. А в армиях кочевых узбеков Мухаммад Шайбани-хана это оружие было широко распространено не только среди рядовых воинов и дружинников, но и среди представителей знати (Материалы по истории казахских ханств..., 1969, с. 55,57,63,64,69,75,76). В казахских степях ударное оружие продолжало оставаться одним из излюбленных средств ближнего боя вплоть до Этнографического времени.

Кочевники Южной Сибири и Центральной Азии также применяли различные типы ударного (ударно-дробящего) оружия. На китайском изображении XVII в. монгольский воин вооружен деревянной (?) палицей, представляющей собой дубинку с рукоятью 0,6-0,8 м, резко расширяющейся в верхней части в ударную полусферу (рис. 99, *2)*. Граненая булава или пернач «токнок» упоминается в алтайском эпосе: «Семиколенчатая железная булава лежала рядом наготове» (Соенов, 1994, с. 181). К ударному оружию кыргызских воинов относилась булава «чис тохпах». Ее разновидностью были булавы на коротких рукоятях, целиком изготовленные из металла. Они фигурируют в хакасском фольклоре под названием «чит пуут чис тохпах» — «семипудовая медная булава» (Бутанаев, 1981, с. 190). Однако осмотр дошедших до нас кыргызских булав показал, что материалом для их изготовления могла быть не только медь, но и железо.

Кыргызские «чис тохпах», хранящиеся в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова, целиком выполнены из железа (рис. 99, *10-12)*. Они представляют собой достаточно тонкий железный стержень, увенчанный округлым или эллипсовидным навершием, снабженным округлыми «шипами» и слабовыраженными ударными гранями, благодаря которым «чис тохпах» отдаленно напоминает западноазиатский или восточноевропейский пернач. Другой конец рукояти заканчивается железным кольцом, в который пропускался кожаный или матерчатый темляк. Две булавы снабжены дополнительным кольцом небольшого диаметра, расположенным в верхней части ударного шара или эллипса. Скорее всего данное кольцо предназначалось для крепления кожаного ремешка, служившего для подвешивания булавы к поясу в вертикальном положении. Несмотря на кажущееся сходство с некоторыми типами булав и перначей периода развитого Средневековья, «чис тохпах» из Минусинского историко-краеведческого музея имеет принципиальные конструктивные отличия (металлическая рукоять, эллипсовидная ударная часть с редкими гранями, перемежающимися округлыми «шипами», металлические кольца на ударной части и т. д.). Позднесредневековые среднеазиатские и казахские булавы с приплюснутой шаровидной ударной частью и длинной деревянной рукоятью (рис. 99,*8-9)* также не являются точным аналогом «чис тохпах». Наиболее близкую конструкцию имеют некоторые типы восточноазиатских (минских и позднечжурчжэньских) цельнометаллических булав XVI-XVII вв. Последние состоят из короткой рукояти (часто выполненной из меди или бронзы)

[13] Одна из разновидностей перначей, снабженная шестью ударными гранями — лопастями, именуется в отечественном оружиеведении шестоперами.

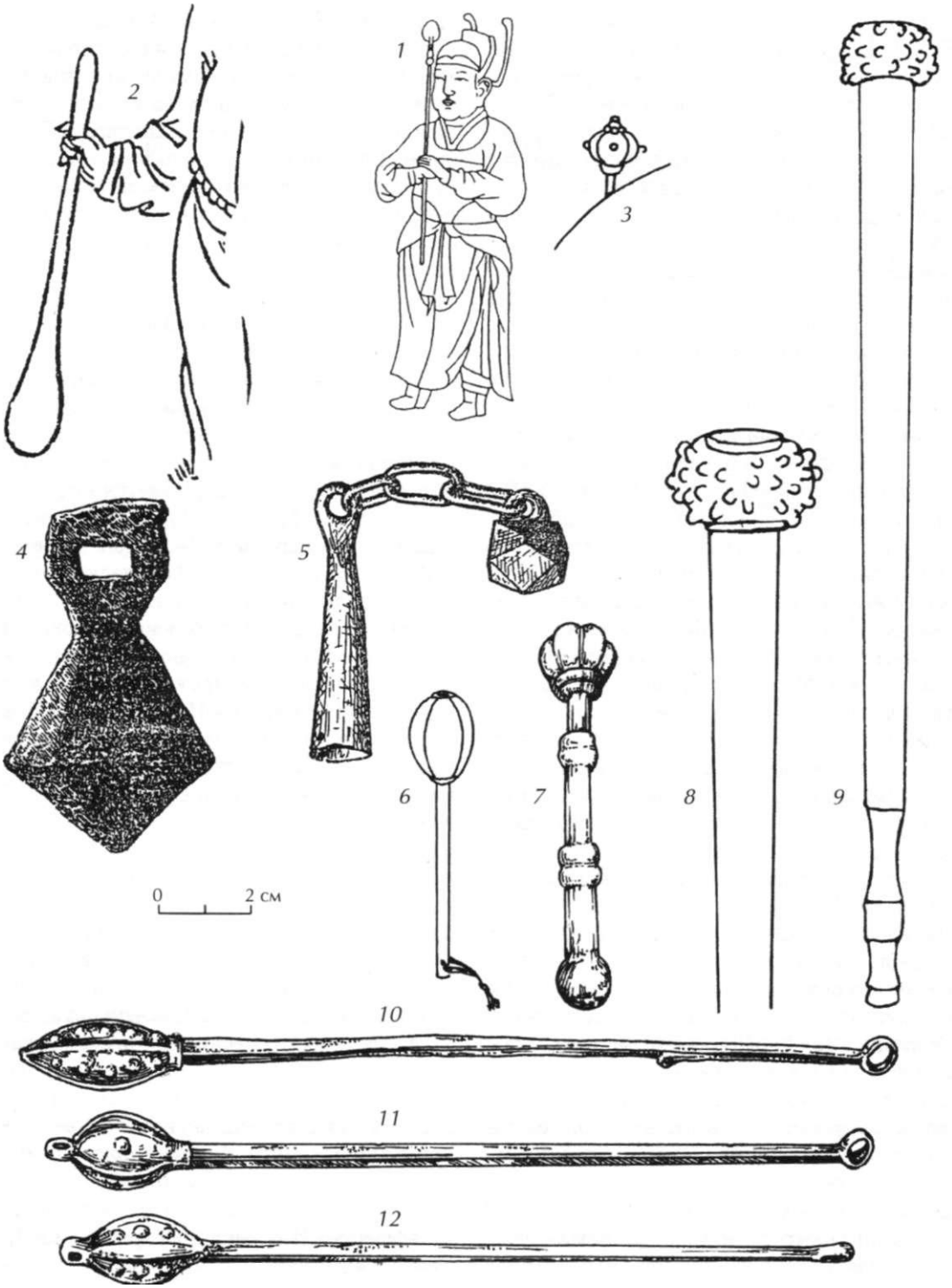

Рис. 99. Ударное оружие воинов Юаньской империи (*1*), иентральноазиатских *(2-3)*, южносибирских *(4-5, 10-12)*, восточно- (6-7) и среднеазиатских *(8-9)* воинов периода позднего Средневековья и Нового времени.

и шаровидной ударной части с выпуклыми гранями (рис. 99, 7). Однако короткие размеры рукояти, форма ударной части, особенности декоративного оформления и отделки не позволяют отнести булавы из Минусинского музея к числу изделий восточноазиатских мастеров. Скорее всего данный тип оружия изготавливался местными (южносибирскими и центральноазиатскими) оружейниками в XVI-XVII вв.

Китайские исследователи традиционно относят к ударному оружию, использовавшемуся южными монголами, длиннодревковые палицы. Последние состояли из достаточно длинного (до 2 м) деревянного или металлического древка, снабженного на конце (иногда на обоих концах) эллипсовидным навершием с множеством прямых или загнутых шипов, расположенных вертикальными рядами.

В кыргызском позднесредневековом фольклоре упоминается кистень, представлявший собой нагайку, — «тобырчых», к концу ремня которой крепился металлический шар «том» (Бутанаев, 1981, с. 190). Кистени применялись в войсках цзиньских чжурчжэней XII — начала XIII в. и в армиях государств Чингизидов XIII—XIV вв. (Горелик, 2002, с. 67, рис. 37-41). Можно предполагать, что позднесредневековые южносибирские кистени продолжали традиции, заложенные номадами периода развитого Средневековья. В сибирских и казахстанских музеях хранятся несколько десятков кистеней, состоящих из деревянной рукояти (иногда снабженной металлической втулкой с кольцом) и шипастой металлической сферы, соединенных между собой кожаными ремешками или цепочками с округлыми или 8-образными железными звеньями. Некоторые исследователи относят их к комплексу вооружения русских казаков, другие — к оружию местного населения. Возможно, что часть из них действительно была привнесена в Сибирь русскими землепроходцами, а другие были изготовлены местными оружейниками по русским образцам.

В целом следует отметить, что в период позднего Средневековья и Нового времени кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири использовались различные виды ударного (ударно-дробящего) оружия: палицы с округлой ударной частью, цельнокованые булавы с шаровидной и эллипсовидной ударной частью, снабженной выпуклыми гранями и уплощенными шипами, кистени и т. д. Большинство типов ударного оружия являлось результатом развития местной оружейной традиции, а некоторые изготовлялись центральноазиатскими и южносибирскими оружейниками по иностранным (русским, средне- и восточноазиатским) образцам. Тем не менее нет оснований предполагать, что ударное оружие получило в монгольских, южносибирских и, особенно, тибетских войсках такое же широкое распространение, как в казахских и киргизских ополчениях, где оно было одним из основных видов оружия ближнего боя.

Топоры

Согласно информации, собранной Плано Карпини, топоры входили в число обязательных предметов вооружения рядовых монгольских воинов XIII в. (Путешествия в восточные страны..., 1956, с. 53). Эта информация подтверждается многочисленными находками боевых топоров на территориях государств Чингизидов XIII—XIV вв. (Горелик, 2002, с. 20, 31, 66, рис. 1-19). В последующие столетия судьба традиционного боевого топора в различных регионах бывшей Великой монгольской империи сложилась по-разному. По-прежнему широко боевые топоры применялись в Волжско-Камской Булгарии (там же, рис. 10-15) и Северном Предкавказье (там же, рис. 16-19). В Дешт-и-Кипчаке боевые топоры набирали популярность на протяжении всего периода позднего Средневековья. В XVII-XIX вв. боевые топоры на длинных топорищах были одним из основных видов оружия ближнего боя у казахских кочевников. Интересно, что для соседей казахов — туркмен эпохи Нового времени «ударное оружие (топоры, палицы, чеканы и т. п.) не было характерно»(Ботляков, Янборисов, 1989, с. 50).

Одетые на длинную рукоять топоры в руках умелых воинов были крайне опасным оружием как для бездоспешных вражеских лучников и копейщиков, так и для панцирников. Эксперименты показали, что боевой топор «легко пробивает органический доспех и наносит серьезнейшие повреждения панцирным покрытиям. Хотя металл пластин и в этом случае не пробивается, ударный эффект близок к эффекту тяжелого копья», т. е. к «ударно-дробящему эффекту» (Петренко, Петренко, 2004, с. 110). Конные казахские «секироносцы» в ближнем бою были опасными противниками для джунгарских панцирных кавалеристов, вооруженных древковым и клинковым оружием.

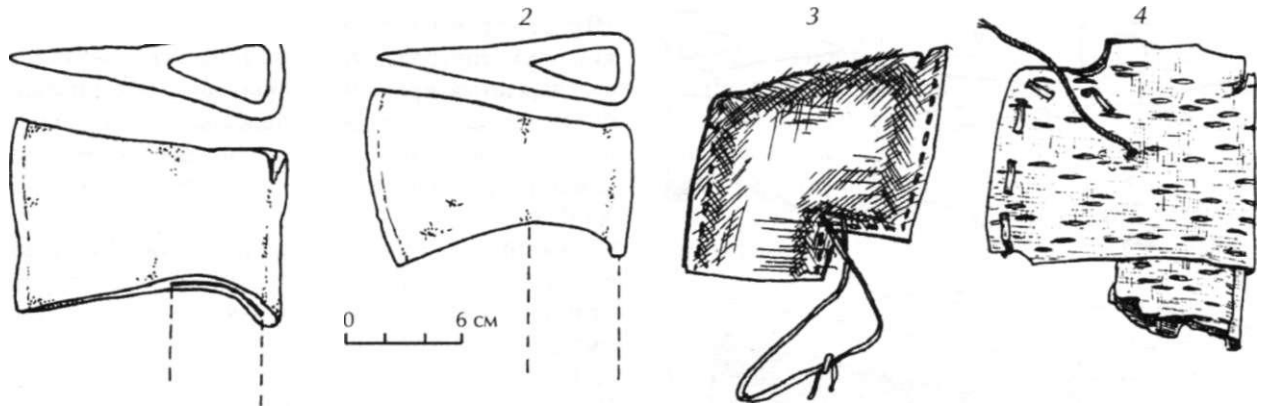

Рис. 100. Плоскообушные широколезвийные топоры без «бородки» из позднесредневековых археологических памятников с территории Южной Сибири и шорские чехлы для топоров Этнографического времени:

1-2 — плоскообушные широколезвийные топоры без «бородки». Происходят из памятников Соян-сее, объект 9 в Минусинской котловине, и Чердат в Причулымье; *3* — шорский кожаный чехол («матагабы») для топора Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в Музее этнографии и природы Горной Шории (505); *4* — шорский берестяной чехол («матагабы») для топора, XIX в. (воспроизводится по: Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, 1990). Хранится в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (№ 1534).

Что касается воинов Центральной Азии и Южной Сибири, то они применяли боевые топоры как местного, так и иностранного производства. Однако, в отличие от своих западных соседей, монгольские кочевники не рассматривали их как основной вид оружия ближнего боя.

Топоры упоминаются среди прочих предметов вооружения монгольских воинов в «Великом законе года обезьяны» (1620 г.), который был принят на съезде халхаской знати, проходившем на берегу р. Таран на территории улуса Тушету-хана. Интересно, что стоимость топоров в этом законе существенно варьируется. Некоторые из них приравнены к саблям, лукам, комплектам стрел, шлемам, которые оценены в 27 голов крупного и мелкого скота. Другие топоры, предположительно отличающиеся от первой группы качеством металла, отделки и т. д., отнесены к группе предметов вооружения (сабли, копья, комплекты стрел, шлемы и т. д.), оцененных в один «девяток» (9 голов крупного и мелкого скота).

Несколько большую роль топоры играли в комплексе вооружения жителей Южной Сибири. Согласно данным южносибирского фольклора, секиры с широким лезвием «в форме полумесяца» («ай палты») имелись на вооружении енисейских кыргызов (Бутанаев, 1981, с. 190).

Все находки топоров из памятников Южной Сибири, датированных эпохой позднего Средневековья и Нового времени, относятся к классу железных, к отделу «проушные». По сечению обуха и клина они делятся на две группы.

Группа I. Плоскообушные топоры с трехгранным клином. В этой группе насчитывается три типа.

Тип 1. Плоскообушные широколезвийные топоры с «бородкой». По форме «бородки» среди них выделяются два варианта.

Вариант 1. Плоскообушные широколезвийные топоры с треугольной «бородкой».

К нему относятся 6 экз. из памятников: Ортызы-Оба, курган 2; Табат-Бельтыры, могила 1 в Минусинской котловине; Улу-Кель, Чердат в Причулымье. Стандартная длина — 13 см, ширина лезвия — 13 см. Лезвие широкое, округлое или прямое, плоский обух, треугольный проух(рис. 101,*1-3)*. Отличительной чертой данного варианта вислообушных топоров является выступающая приостренная «бородка» подтреугольной формы, расположенная под лезвием.

Подобные топоры использовались населением Западной Сибири в XVII-XIX вв.

Вариант 2. Плоскообушные широколезвийные топоры с уплощенной «бородкой».

К нему относятся 4 экз. из памятников: Ус-Оба, могила 2 в Минусинской котловине, Ак-Турук, Шаньчиг, курган 24 в Туве, могила 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тара.

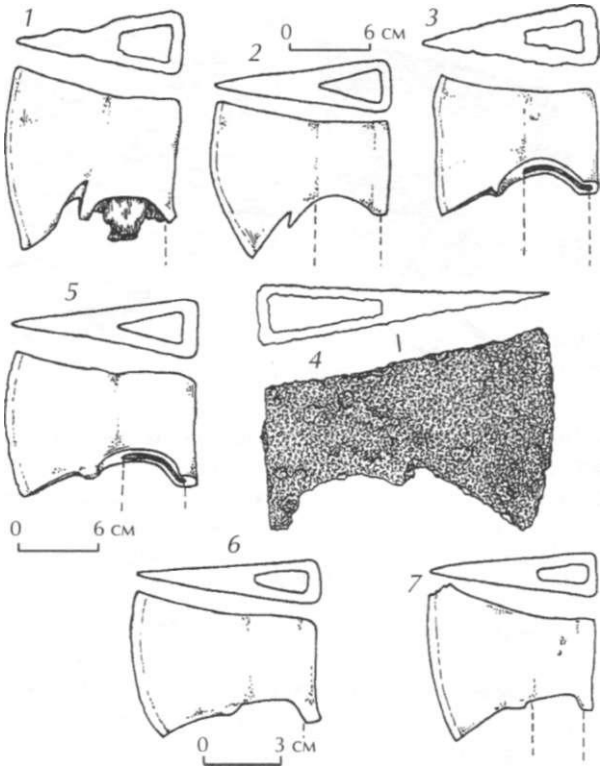

Рис. 101. Плоскообушные широколезвийные топоры с треугольной *(1-3)* и уплошенной *(4-7)* «бородкой» из позднесредневековых археологических памятников с территории Южной Сибири:

1-3 — к плоскообушным широколезвийным топорам с треугольной «бородкой» относятся 6 экз. из памятников Ортызы-Оба, курган 2; Табат-Бельтыры, могила 1 в Минусинской котловине; Улу-Кель, Чердат в Причулымье; *4-7* — к плоскообушным широколезвийным топорам с уплошенной «бородкой» относятся 4 экз. из памятников Ус-Оба, могила 2 в Минусинской котловине; Ак-Турук, Шаньчиг, курган 24 в Туве; могила 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тара (4). Алина — 11,5-14 см, ширина лезвия — 7,5-12 см.

Длина — 11,5-14 см, ширина лезвия — 7,5-12 см. Лезвие широкое, округлое, плоский обух, немного выступающая уплощенная «бородка», треугольный проух (рис. 101, *4-7).*

Подобные топоры характерны для русского и коренного населения Западной Сибири XVII-XIX вв.

Тип 2. Плоскообушные широколезвийные топоры без «бородки».

Включает 2 экз. из памятников Соян-сее, объект 9 в Минусинской котловине и Чердат в Причулымье. Стандартная длина — 13 см, ширина лезвия — 10 см. Лезвие широкое, округлое или прямое, плоский обух, треугольный проух (рис. 100, *1-2).*

Судя по материалам с территории Западной Сибири, подобные топоры использовались коренным населением региона в период позднего Средневековья и практически перестали изготовляться в XVIII в.

В кургане 24 на горе Шанчиг в Туве был обнаружен плоскообушный широколезвийный топорик, отличающийся от описанных выше экземпляров уменьшенными размерами, что дало основание Л. Р. Кызласову определить его как «походный» (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 26; с. 85). Данный экземпляр был предположительно изготовлен мастерами Северной Монголии в XVII в.

Тип 3. Плоскообушные широколезвийные секиры.

К данному типу относится 1 экз. из памятника Айканское селище в Лесостепной зоне Средней Сибири. Длина топора — 19 см, ширина лезвия — 14 см. Лезвие широкое, округлое, плоский обух, узкий клин, треугольный проух (рис. 102, /).

Аналогии топоров данного типа в синхронных памятниках на территории Сибири не известны. Близкие по форме топоры изготавливали в Восточной Европе и Западной Азии в XVII в. (Каргалов. 2002, рис. 5). Возможно, что топор из Айканского селища был изготовлен русскими мастерами или южносибирскими оружейниками по русским образцам.

Группа II. Низкообушные топоры с трехгранным клином. В этой группе фиксируются два типа.

Тип 1. Низкообушная широколезвийная секира. Включает 1 экз. с территории Лесостепного Алтая. Длина — 14 см, ширина лезвия — 19 см. Секира имеет низкий подквадратный обушок, расширенный, округлый проух и широкое, серповидное лезвие (рис. 102, *4).*

Широколезвийные секиры, наряду с другими типами топоров, были распространены в Волжской Булгарии и Золотой Орде в период развитого Средневековья (Горбунов, 2006, с. 85). Однако данных в пользу того, что подобные секиры могли появиться в Сибири уже в этот период, нет (Худяков, 2002. с. 210).

Самым ранним типом из рассмотренных выше является тип 2 (вислообушные широколезвийные топоры без «бородки»). В целом они архаичнее топоров с «бородкой» (тип 1) и обнаружены в памят-

никах, относящихся ко времени, когда процесс присоединения Южной Сибири к России еще не завершился. В.Западной Сибири данный тип топоров мог появиться на основе технологического усовершенствования топоров с нешироким лезвием, которые пользовались большой популярностью у жителей Сибири в период развитого Средневековья. Причиной модернизации бойка могло стать знакомство аборигенного населения с вислообушными широколезвийными топорами с треугольной «бородкой» (тип 1). Такие топоры в специальной литературе иногда называют изделиями «русского типа». Они являются наиболее характерными предметами ремесленного производства. Такие топоры активно приобретались представителями аборигенного населения у русских купцов на протяжении всего периода позднего Средневековья и Нового времени. Типологически они сходны с изделиями, характерными для периода этнографической современности. Топоры с «бородками» (тип 1) появились у коренного населения Саяно-Алтая в XVII в. и продолжали использоваться вплоть до конца XIX в.

Различия между топорами типов 1 -2 и секирами у русских периода позднего Средневековья имеют функциональный характер: топоры были орудием труда, а секиры — оружием. В XVII—XVIII вв. топоры если и использовались в качестве оружия, то почти исключительно крестьянами в ходе народных восстаний. Однако у коренных народов Южной Сибири как топоры, так и секиры пользовались спросом в качестве ударно-рубящего оружия вплоть до Нового времени. Характерно, что топоры были обнаружены в археологических памятниках племен, находившихся на положении кыштымов в кыргызских княжествах. Именно эти племена, обитавшие на северной периферии кыргызских земель, пришли в соприкосновение с русскими раньше кыргызов и стали воспринимать некоторые элементы материальной культуры русского населения. После угона кыргызов в Джунгарию в начале XVIII в. исчезли военная организация и государственность кыргызов. Топоры типа 1 стали использоваться коренными жителями Южной Сибири только для хозяйственных нужд (Худяков, 2002, с. 204-212).

Тип 2. Низкообушные топоры с луновидным (месяцевидным) лезвием.

Такие топоры под названием «айбалта» были широко распространены в период позднего Средневековья и Нового времени в казахских степях, хотя использовались также в Монголии, Южной Сибири и Тибете.

Включает 1 экз. из Тувы (рис. 102, *2).*

Данный экземпляр существенно отличается от топоров «русского» типа, которые также фиксируются в тувинских погребениях XVII-XIX вв. (Кызласов, 1964, с. 83, рис. 24, 80). Топор имеет вытянутое расширяющееся к кромке лезвие луновидной формы и короткий массивный обух. Данный топор датирован Л. Р. Кызласовым XVIII-XIX вв. и отнесен к культурному комплексу тувинцев (там же, рис. 82).

Группа III. Высокообушные топоры.

Тип 1. Высокообушные топоры с луновидным лезвием.

Вариант 1. Топоры с луновидным лезвием и клевцом.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис. 102,3).

Общая длина топора (включая клевец) — 22,9 см. Топор имеет характерное луновидное лезвие. Его обух представляет собой изогнутый массивный ромбический в сечении клевец. Поверхность топора

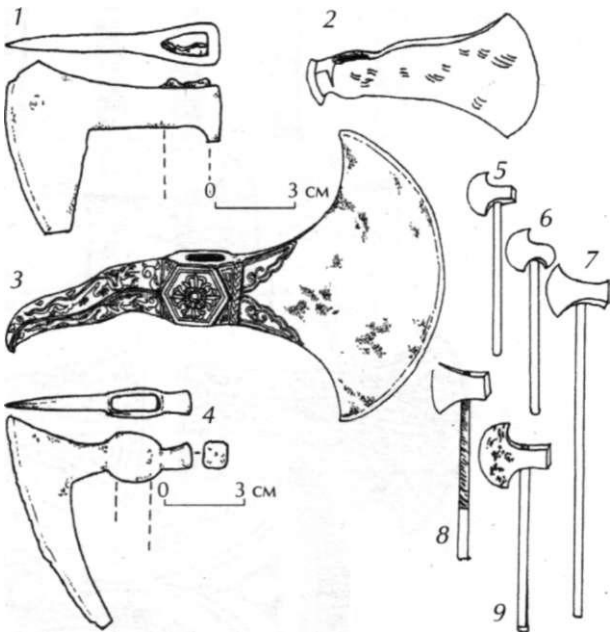

Рис. 102. Боевые топоры и секиры жителей Южной Сибири, Центральной Азии, Восточной Азии (с юга Красноярского края (/), из Тувы (2), Тибета *(3),* Лесостепного Алтая *(4),* из 1_1инской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.) (5-9)).

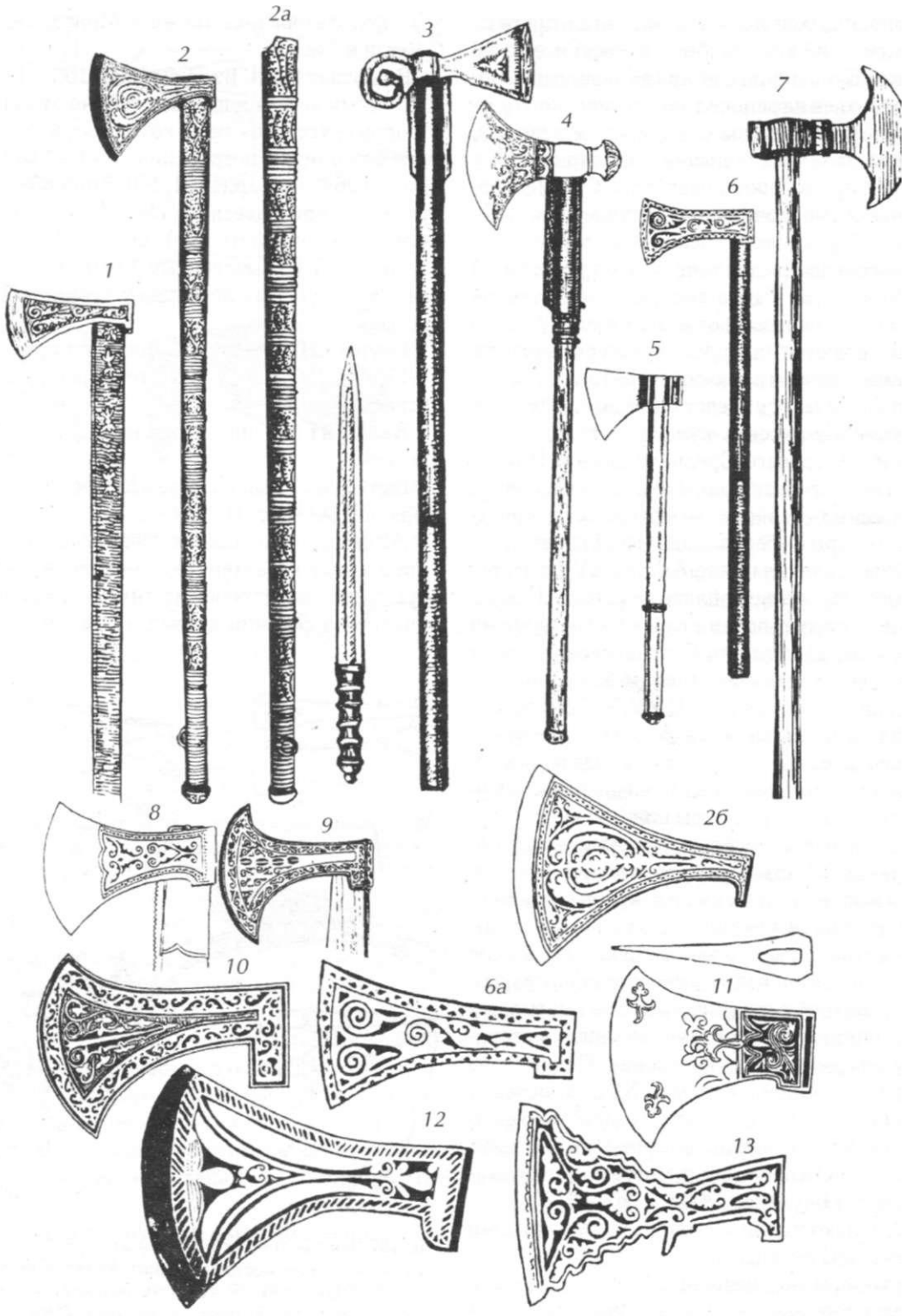

Рис. 103. Казахские топоры периода позднего Средневековья и Нового времени (по К. С. Ахметжану).

Рис. 104. Изображения топоров и алебард периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени. Изображения юаньских алебардистов и алебард второй половины XIII — XIV в. *(1-2, 5-6),* монгольского топора XVI—XVII вв. *(8),* тибетских алебард периода Нового времени *(3-4, 7, 9).*

украшена золотой насечкой. На основании лезвия нанесено стилизованное изображение «пламенеющих туч». Втулка покрыта изображением буддийского символа — перекрещивающейся «ваджры» в шестиугольном щите. На плоскостях клевца извиваются золотые трехпалые драконы.

Судя по среднеазиатским и китайским аналогам, топор одевался на достаточно длинное деревянное топорище. Его можно было эффективно использовать против легковооруженного противника, а также воинов, облаченных в панцири из мягких органических материалов. Против латников, одетых в металлические пластинчатые доспехи, был эффективен граненый клевец, в который мастер превратил обух топора. Как показали современные эксперименты, одетые на длинную рукоять граненые клевцы пробивали даже цельнокованые «готические» и «максимилиановские» латы, что предопределило возрождение этого вида оружия в Европе и Западной Азии в XVI-XVII вв.

Топор датирован американскими исследователями XV-XVIII вв. и отнесен к комплексу вооружения китайских воинов. Действительно, широкие луновидные лезвия были самым популярным видом лезвий китайских топоров периода Цинской империи. Однако последние имели преимущественно плоский или низкий обух. Сложные фигурные обухи, иногда вытянутые в виде молотов или клевцов, более характерны для западноазиатских и индийских топоров периода позднего Средневековья и Нового времени. Наиболее вероятной выглядит версия о тибетском происхождении топора. Этим можно объяснить совмещение в одном предмете как восточноазиатских, так и «индо-персидских» элементов оформления. Косвенным подтверждением данного предположения является украшение втулки золотой насечкой в виде перекрещивающейся «ваджры» в шестиугольном щите. Данный оформительский элемент характерен именно для тибетского декора периода позднего Средневековья и Нового времени. Если наше предположение верно, то топор мог быть изготовлен в XVII-XIX вв. В позднесредневековом Тибете подобные топоры были известны под названием «dgra sta».

Анализ топоров с территории Южной Сибири и Центральной Азии показал, что значительная их часть имеет импортное (преимущественно русское) происхождение. Другие изготовлены местными (сибирскими) мастерами по русским образцам. Большинство этих топоров имеют полифункциональное назначение. С большой долей вероятности можно предположить, что местные жители могли использовать их как для хозяйственных нужд, так и (в случае необходимости) в качестве оружия. Собственно боевыми следует, вероятно, признать тувинский топорик из кургана 24 на горе Шанчиг, широколезвийную секиру из Лесостепного Алтая, тибетский топор с луновидным лезвием и клевцом и некоторые другие.

Несмотря на то что топоры использовались в ходе боевых действий кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири, они никогда не играли столь значимой роли в комплексе вооружения, как, например, у кочевников Средней Азии (в первую очередь казахов). Характерно в этой связи, что в алтайском эпосе боевыми топорами «ай малта» (казах, «айбалта») вооружены исключительно отрицательные персонажи (Соенов, 1994, с. 180).

ЧАСТЬ III

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ВОИНА И БОЕВОГО КОНЯ

Глава 7

ВОИНСКИЙ АОСПЕХ

7.1. Источники поступления предметов защитного вооружения в войска кочевников Центральной Азии в период позднего Средневековья и Нового времени

Едва ли не ключевыми вопросами в научной дискуссии вокруг комплекса защитного вооружения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири являются широта распространения предметов защитного вооружения среди кочевников региона, а также качественный уровень панцирного вооружения, изготовленного степными мастерами. Так, по мнению некоторых исследователей, в силу перманентного дефицита железа в кочевых сообществах и отсутствия крупных ремесленных центров в Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху Средневековья металлическими панцирями и шлемами могли обладать лишь представители кочевой знати и их ближайшее окружение (Храпачевский, 2004, с. 202-204). Согласно альтернативной точке зрения, высказанной М. В. Гореликом, даже до создания Великой монгольской империи более половины монгольских воинов имели на вооружении железные и кожаные панцири (Горелик, 1987, с. 170-171). Благодаря наличию значительного массива письменных свидетельств, представляется возможным выявить основные источники поступления предметов защитного вооружения в армии центральноазиатских государств в эпоху позднего Средневековья, а следовательно, оценить как широту их распространения среди монгольских воинов XV-XVIII вв., так и их тактико-технические характеристики.

Изгнание монголов с территории Китая в конце 60-х гг. XIV в. вызвало не только политические, но и серьезные социально-экономические последствия, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме. В период юаньской монархии основные железодобывающие и железообрабатывающие центры империи были сосредоточены на территории Северного Китая в традиционных городских ремесленных центрах. Потеря этих территорий не могла не сказаться на количестве и качестве металлического наступательного и защитного вооружения, использовавшегося кочевниками Центральной Азии в этот период (Бобров, 2003 а, с. 81), что подтверждает и ряд косвенных свидетельств, зафиксированных китайскими письменными источниками. Так, авторы «Мин ши» прямо указывают на то, что монгольская экономика еще в 40-е гг. XV в. находилась в большой зависимости от китайского земледелия и ремесленного производства. Накануне войны с Минским Китаем противник войны Дайсун-хан восклицает: «Всё — наша одежда и пища даны нам великими минами, как же можно выказывать им такую черную неблагодарность?» (Златкин, 1983, с. 33). Можно предположить, что в первые десятилетия после потери ханьских земель монгольские воины продолжали использовать оружие, произведенное на территории Китая в юаньский период, но уже в первые десятилетия XV в. монгольские ханы должны были найти иные источники поступления вооружения для своих воинов, так как минское правительство всеми силами противодействовало контрабанде китайского оружия в монгольские степи. При этом различные монгольские племена находились в далеко не равных социально-экономических условиях, поэтому развитие комплекса вооружения в Джунгарии, Южной Монголии и Халхе пошло по разным путям.

В наиболее выгодном положении находилось Западномонгольское (Джунгарское, или Ойрат-

ское) ханство. Джунгарский правителям удалось сохранить политический контроль над землями своих алтайских подданных, славившихся как непревзойденные кузнецы-оружейники, а во второй половине XVII в. поставить под свой контроль и земли Южной Сибири. На своей западной границе Джунгарское ханство соприкасалось с землями мусульманской Кашгарии, которая являлась для ойратов своеобразным окном в мир оседлых мусульманских государств Средней Азии. Наконец, на севере ойратские владения сходились с землями, недавно завоеванными Российским государством.

Южная Монголия, граничившая на юге с Минским Китаем, а на востоке с маньчжурами, была вынуждена закупать оружие у своих оседлых соседей (Цааджин бичиг, 1998, с. 90) и развивать собственное производство. Ситуация начала значительно меняться после вхождения южномонгольских хошунов в состав Маньчжурского государства (впоследствии Цинской империи) в начале XVII в.

Оккупировавшие в XVII в. Тибет ойраты-хошоуты стремились обеспечить свои армии необходимыми для производства оружия ресурсами за счет местного населения (Бобров, Худяков, 2006, с. 231).

В наихудшем положении были земли Халхи: Северная Монголия оказалась отрезанной джунгарами от Средней Азии, а чахарами — от Китая, что во многом предопределило консервацию военного искусства халхасцев и медленное развитие их оружейного комплекса в XVI-XVII вв. (Бобров, 2001, с. 11-12).

Письменные материалы XV-XVIII вв. указывают на два источника поступления предметов защитного вооружения в войска позднесредневековых кочевых народов — импорт и собственное производство.

Под импортом мы понимает официальные (легальные) и контрабандные поставки защитного вооружения в Монголию с территорий соседних земледельческих государств и кочевых сообществ. Основными импортерами железных предметов вооружения в монгольские степи в рассматриваемый период были народы Средней Азии, китайцы и маньчжуры. Некоторое количество панцирей поступало в Монголию из Российского государства. Ойраты-хошоуты, проживавшие в Кукуноре, использовали оружейную продукцию тибетского производства.

Импорт из государств Средней Азии и Восточного Туркестана

В XV — первой половине XVI в. говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии среднеазиатского оружейного комплекса на монгольский не приходится, скорее можно зафиксировать обратный процесс. Большую часть этого периода воины Средней Азии продолжали использовать, по сути, локальный вариант центральноазиатского оружейного комплекса, привнесенного в регион еще монголами Чингиз-хана (Бобров, 2003 а, с. 79-80) и воспринятого с известными изменениями Тимуром и его наследниками (Бобров, Худяков, 2002, с. 110-113). Среднеазиатские источники фиксируют наличие в Средней Азии в этот период панцирей («калмыцкая джиба») и щитов, изготовленных ойратскими и монгольскими мастерами (там же, с. 114). На то, что носить доспехи центральноазиатского производства было престижно даже среди высшей тимуридской знати, указывает факт использования кольчатого или пластинчатого «калмыцкого» панциря самим основателем империи Великих Моголов — тимуридом З. Бабуром (там же).

Завоевание Средней Азии узбеками Шейбанихана совпало по времени с началом широкого распространения среди жителей Мавераннахра нового переднеазиатского (кольчато-пластинчатого) защитного панцирного комплекса (Бобров, 2003 а. с. 79-80). Незадолго до этого кольчато-пластинчатый доспех завоевал симпатии воинов Российского государства, Османской империи и Сефевидского Ирана. Высокие боевые характеристики нового типа брони позволили ей стремительно распространиться на восток. Познакомиться с кольчато-пластинчатым доспехом джунгары смогли, вероятно, уже во второй половине XVI — начале XVII в. в ходе столкновений со своими западными соседями-степняками, населявшими Дешти-Кипчак, которые традиционно закупали оружие в городах Мавераннахра (Бобров, Худяков, 2002. с. 114).

Начало массовых поставок вооружения среднеазиатского типа в Джунгарию началось, вероятно, во второй половине XVII в. Влияние мусульманского комплекса защитного вооружения среди джунгар стало особенно заметно после того, как города Восточного Туркестана были включены в состав Джунгарского ханства и производственные

мощности яркендских и кашгарских мастерских стали работать на военные нужды западномонгольских кочевников (Бобров, 2003 а, с. 81).

На протяжении столетий земли Восточного Туркестана играли важное политическое, экономическое и военно-стратегическое значение для народов Средней, Центральной и Восточной Азии. В эпоху Древности и Средневековья в Восточном Туркестане сходились интересы правителей оседлых государств Мавераннахра, центральноазиатских кочевых империй и китайских деспотий. В период позднего Средневековья контроль над Восточным Туркестаном удерживала могольская (могульская) военно-кочевая знать, создавшая на его территории в начале XVI в. собственное государство со столицей в Яркенде. Весь рассматриваемый период ей приходилось вести непрекращающиеся войны со своими могущественными и агрессивными соседями. Во второй половине XVII в. главным источником опасности для могулов становится централизованное Джунгарское ханство, правители которого в этот период перешли от политики скоротечных набегов к планомерной экспансии в регион. Внешние войны проходили на фоне непрекращающихся междоусобиц, которые сыграли немаловажную роль в развитии военного дела народов Восточного Туркестана. В свою очередь, военные традиции Кашгарии оказали заметное влияние на военное искусство соседних кочевых народов — казахов, киргизов, ойратов.

Восточный Туркестан в период позднего Средневековья являлся своеобразным аванпостом мусульманского мира на границе с миром монгольских кочевников Центральной Азии, жители которого в XVI-XVII вв. в качестве основной религии выбрали буддизм в его тибетской (ламаистской) форме. На протяжении столетий моголы и ойраты жили бок о бок, воюя и помогая друг другу. Еще в XV-XVI вв. мусульманские правители Восточного Туркестана поддерживали активные контакты с ойратскими правителями Западной Монголии. Преследуемые у себя на родине семьи мусульманской феодальной знати бежали к ойратам, где им выделялось место для кочевья. Так, в конце первой трети XV в. часть племени байрин и рода чурас, после проигранной войны с Эссен-Буга-ханом (1434—1462), ушла в степи, подконтрольные ойратам Амасанджи-тайши, где проживала до начала XVI в. (Чурас, 1976, с. 25). Эта практика продолжалась и в XVII в. Сын Абд-ар-Рахим-хана, будущий Исмаил-хан, вместе со своим братом Ибрахимом ушел к ойратам Элдан-тайши. Дядя яркендского хана Шах-Шуджа ад-Дина Ахмад-хана (1609-1618), владетель Турфана и Чалыша Абд ар-Рахим в борьбе с племянником попеременно опирался на тюркских и монгольских кочевников — сначала на казахов Искандар-султана и Ишим-хана, а после их ухода — на «калмаков», т. е. ойратов (Чурас, 1976, с. 34-36).

На протяжении всей второй половины XVII в. взаимодействие(в том числе и военное)ойратов и мусульманских народов Восточного Туркестана постоянно усиливалось. Дружины ойратских тайшей выступали в качестве наемников феодалов Могульского государства (Златкин, 1964, с. 165—166). Однако по мере ослабления могулов на фоне объединения ойратских племен в централизованное Джунгарское ханство западные монголы стали оказывать все большее воздействие на внутреннюю жизнь Восточного Туркестана. Ойратские тайши внимательно следили за внутриполитической ситуацией в Могульском государстве. С каждым десятилетием число ойратских набегов неуклонно возрастало. Неспособность могульских феодалов объединиться и оказать достойное сопротивление захватчикам продемонстрировала джунгарам общую военную слабость Могульского государства. Постепенно ойратские тайши осознали, что поставить на яркендский трон своего ставленника из числа местной знати гораздо выгоднее, чем совершать ежегодные грабительские набеги. Озабоченные исходом своей междоусобной борьбы, могульские феодалы с радостью приняли помощь своих новых степных союзников и стали активно приглашать ойратские войска участвовать в своих военных предприятиях. Участие хорошо вооруженных и многочисленных ойратских отрядов в составе армии одного из претендентов на престол подвигало другого на обращение за помощью к конкурирующей ойратской группировке. Вскоре участие ойратов в междоусобных войнах восточнотуркестанских правителей стало обычным делом, а в самой Могулии появились представители духовенства и феодальной знати, ориентированные на Джунгарию. После этого судьба Восточного Туркестана была во многом предрешена. Некоторое время могулов спасало то, что и внутри Джунгарского ханства шла ожесточенная борьба за власть. Но даже

в этот период джунгарские военачальники рассматривали Восточный Туркестан не как равноценного союзника, а как поле для противоборства. Соперничающие джунгарские правители Сенге и Элдан-тайши сделали ставки на различных претендентов на яркендский трон. В результате за спиной каждого из претендентов-мусульман встали соперничающие «калмакские» феодалы. Так, Йулбарс-хан утвердился на ярендском троне с помощью сына Батур-Хунтайджи (1634-1653) Сенге (убит в 1670 г.). За Исмаил-ханом стояла ойратская «группировка Элдан-тайши». Именно ойратская поддержка позволила Исмаил-хану в 1670 г. занять вожделенный престол и зафиксировать победу черногорских ходжей над белогорскими (Чурас, 1976, с. 57-58). Внешне этот исход как будто бы давал шанс на возрождение политического могущества Могульского государства. Но это была лишь иллюзия. Как только власть в Джунгарской ханстве оказалась сосредоточена в руках энергичного и решительного Галдана Бошокту-хана, он сразу продемонстрировал своим западным соседям всю мощь ойратской военной машины. Около 1680 г. его армия вошла в Восточный Туркестан, легко разбила войска Исмаил-хана и вновь вернула власть в регионе белогорцам (Чурас, 1976, с. 59). Вскоре после этого в регионе было установлено политическое господство Джунгарии. Галдан Бошокту-хан фактически подчинил Восточный Туркестан Ойратии, а его племянник Цеван-Рабдан, в начале XVIII в., закрепил вассальное положение мусульманских городов Могулии по отношению к западномонгольскому государству.

Одним из основных родов войск мусульманских армий Восточного Туркестана XVI-XVII вв. была панцирная конница. «Отважные храбрецы и испытанные в боях эмирские сыны, одетые в броню и кольчуги», неоднократно упоминаются в исторических хрониках Восточного Туркестана этого периода (там же, с. 173, 232). Защитное вооружение изготовлялось в ремесленных мастерских городов Восточного Туркестана: Яркенде, Кашгаре, Хотане, Куче и др. Как и в государствах Мавераннахра (Бобров, Худяков, 2002, с. 114-115), изготовлением панцирей и шлемов в ремесленных центрах Восточного Туркестана занимались профессиональные доспешники — «джабатабы». Излишки вооружения продавались представителям кочевых народов Средней и Центральной Азии. Характерно, что искусству изготовлять доспехи обучались не только профессиональные оружейники, но и представители высшей феодальной знати. Некоторые из них, попав в опалу или отойдя от дел, зарабатывали на жизнь изготовлением защитного вооружения. По сообщению Шах-Махмуда ибн мирза Фазил Чураса, известный восточнотуркестанский правитель Абд ар-Рашид-хан, находясь в стесненном материальном положении, зарабатывал на жизнь, продавая изготовленные им самим доспехи: «...поскольку хан был поэтом... чтобы заработать на пропитание дозволенным путем, он изготовлял военное снаряжение» (в тексте источника используется термин «джабе», т. е. «латы», «броня») (Бобров, Худяков, 2002, с. 159, 273). Шлемы, кольчуги, наручи и другие панцирные элементы, изготовленные мастерами «Малой Бухарии», хранятся в музеях России, КНР, государств Восточной Европы и США.

Оружейный комплекс Восточного Туркестана XVI-XVIII вв. развивался в рамках мусульманской военной традиции, ядром которой являлся западноазиатский оружейный комплекс XVI-XVII вв., возобладавший в Малой, Передней и Средней Азии, Северной Африке, Восточной Европе и Индии. Отличительной чертой оружейного комплекса Восточного Туркестана является наличие в нем некоторых элементов центральноазиатской военно-культурной традиции, что было следствием длительного военно-культурного взаимодействия могулов и западных монголов. Оружейный комплекс последних также претерпел значительные изменения под влиянием мусульманских соседей. Кашгарские феодалы, изгнанные из своей страны, захваченные в плен мусульманские мастеровые и восточнотуркестанские «джабатабы» познакомили джунгарских оружейников с передовыми образцами защитного вооружения, распространенными на мусульманском Востоке, что сыграло исключительно важную роль в процессе эволюции комплекса защитного вооружения Западной Монголии в конце XVII — первой половине XVIII в.

В конце XVII — начале XVIII в. письменные источники фиксируют в составе оружейного комплекса ойратов многочисленные среднеазиатские элементы: кольчуги, бехтерцы, миссюрки и т. д. Предметы вооружения «мусульманского» типа покупались у местного населения (Бобров, 2003, с. 82) или изымались в ходе военных набегов (Моисеев,

1990, с. 73). Предметы вооружения западноазиатского образца приобретались не только у жителей Восточного Туркестана, но и в городах Мавераннахра, а также кочевников Средней Азии. Например, обложенные данью племена казахов должны были платить ее предметами защитного вооружения. В начале 40-х гг. XVIII в. джунгарский правитель Галдан-Церен производил «побор пансирями» (т. е. кольчатыми доспехами) с казахов Старшего жуза (Семенюк, 1969, с. 268). Раз в два года «панцыри» и «ружья» джунгарам в качестве дани представляли феодалы Ташкента (Моисеев, 1991, с. 164). Некоторое количество панцирей захватывалось джунгарами в ходе военных кампаний в Средней Азии. Так, в ноябре 1752 г. «прибыл в угру ноен Заин-Белек (участвовавший в военных действиях против казахов. — *Авт.)* из войска и слышно было якоб привез ко владелцу (хунтайджи Лама-Доржи. — *Авт.)* два панциря, три турки и киргиских два малчика и две девки маленьких» (там же, 220). Значительное число иранского, хивинского, северокавказского, российского вооружения попало в Джунгарию вместе с волжскими калмыками «царевича» Санжипа, откочевавшего на берега Или в начале XVIII в. вместе с 60 тыс. своих подданных.

В конце 40-х гг. XVIII в. изнуренная длительными войнами с Цинским Китаем джунгарская экономика начала давать сбои. Не позднее 1750 г. ойратские правители перешли на массовую закупку предметов защитного и наступательного вооружения в государствах Средней Азии (Златкин, 1983, с. 366).

Импорт из государств Дальнего Востока (Минского Китая, Маньчжурии, Пинской империи)

В Южной МОНГОЛИИ ОСНОВНЫМИ импортерами вооружения ЯВЛЯЛИСЬ китайские подданные Минской империи и жители маньчжурского государства Хоу Цзинь (впоследствии Цинской империи). Поставки вооружения из этих регионов являлись для Южной Монголии традиционными. В годы правления Минской династий китайские чиновники пытались предотвратить снабжение «северных варваров» китайским оружием. Уже в 90-х гг. XIV в. статья, запрещающая продажу железа и оружия иностранцам, была включена в Общеимперский свод законов. В ней говорилось: «Всякий, кто, взяв лошадей, волов, изделия из железа, пригодные для военных целей... частным образом вывезет эти товары за границу для продажи или же выйдет с ними в море, получит сто ударов палками, а те, кто станет переносить эти товары с собой или грузить их на своих лошадей, будут понижены в должности на один ранг. Товары эти вместе с кораблями и повозками подлежат конфискации в казну, три десятых от общего количества конфискованного будет выплачиваться в качестве награды тому, кто донесет об этом» (Бокщанин, Непомнин, 2002, с. 61). Однако, несмотря на все старания, контрабандная торговля (хоть и в небольших масштабах) все же не прекращалась. Косвенным подтверждением этого являются законодательные акты XV-XVI вв., повторяющие запреты на продажу оружия номадам и ужесточающие наказания за контрабандную торговлю.

Значительное количество китайского оружия захватывалось монгольскими кочевниками в качестве трофеев в ходе военных кампаний XV-XVI вв. Особенно много минского оружия было захвачено ойратскими и восточномонгольскими воинами под командованием Эсен-тайши в период военной кампании 1449-1450 гг. После разгрома китайских армий у г. Хуайлай 2 сентября 1449 г. в руки кочевников попали десятки тысяч комплектов вооружения, изготовленных мастерами Поднебесной. В их числе был и императорский доспех, который был «содран» с плененного Чжу Цичжэня (там же, с. 77).

Оружие китайского производства в ходе военных действий использовали монгольские воины, оставшиеся после крушения Юаньской империи на территории Китая и присягнувшие Минской династии. Например, монголы-урянхаи были расселены вдоль северо-западной границы империи, где несли пограничную службу. Другие монгольские отряды были расквартированы вдоль северной границы китайского государства. Количество монголов в минских войсках было значительным. На это прямо указывает императорский указ от 31 октября 1403 г. (Бокщанин, 1975, с. 285). Минское правительство пыталось вести политику постепенной ассимиляции монголов. Центральноазиатские кочевники не только получали от императорского двора вооружение и довольствие, но и награждались китайскими фамилиями, военными чинами и званиями. При этом имперские власти не доверяли

своим кочевым вассалам. В специальных указах минские правительственные чиновники специально предупреждались о ненадежности монгольских войск: «Военные люди из местных монголов в Ганьсу в глубине души таят мятежные (чувства)... Местные монгольские правительственные войска подстрекаются к смуте людскими речами. Боюсь, (что они) дезертируют или восстанут» (Бокщанин, 1975, с. 285-286). Необходимо отметить, что подобные подозрения далеко не всегда были беспочвенными. Монголы часто неохотно участвовали во внешнеполитических мероприятиях Минской династии, направленных против их соплеменников, но активно включались во внутрикитайские конфликты. Например, -в 1399 г. урянхайцы перешли на сторону взбунтовавшегося принца Чжу Ди (будущего минского императора, правившего под девизом Юнлэ) и сражались вместе с ним против правительственных войск (Бокщанин, Непомнин, 2002, с. 41). В 1410-1413 гг. взбунтовались монгольские подразделения, расквартированные на северных и северо-западных границах империи. В апреле 1410 г. восстали монголы Ланьчжоу и Юнчана (в провинции Шэньси), в марте 1412 г. в Ганьсу «полыхнул» мятеж Коточи, продолжавшийся до 1413 г., в том же году восстали «инородцы» Нинся, Ланьчжоу и Юнчана (там же, с. 287). Тем не менее монгольские отряды продолжали привлекаться китайскими властями для ведения пограничной службы, ибо реальной альтернативы им так и не было найдено.

Основные кочевья номадов Южной Монголии находились к югу от пустыни Гоби и простирались до Великой Китайской стены. Эта территория была разделена между старшими сыновьями Даян-хана. Сорок девять хошунов Южной Монголии были представлены целым рядом княжеств (Аохан, Найман, Чжаруд, Кэшиктэн, Узумчин, Хучит, Сунит, Тумэт, Ордос и др.). Крупнейшим государственным образованием Южной Монголии было Чахарское ханство (Цааджин бичиг, 1998, с. 3). Внутренняя слабость этих государственных образований привела к тому, что Южная Монголия очень быстро потеряла независимость и была включена в состав маньчжурского государства Хоу Цзинь (впоследствии Цинской империи). В 1624 г. маньчжурский правитель Нурхаци заключил договор «о союзе и дружбе» с княжеством Хорчин. В 1626-1627 гг. к договору присоединились и другие крупные княжества — Чжуруд, Баарин, Аохан и Найман. Они приняли участие в войне против пахарского Лигдан-хана на стороне маньчжуров. Уже в апреле 1629 г. новый цинский правитель Абахай специальным указом обязал своих монгольских союзников поставлять воинов в маньчжурскую армию (Цааджин бичиг, 1998, с. 5), а в 1636 г. съезд 49 князей Южной Монголии возвел Абахая на великоханский престол с титулом богдохан и таким образом оформил подчинение Южной и Восточной Монголии Цинской империи. С этого времени южномонгольские отряды становятся непременным участником всех крупных военных проектов Цинской династии, главным из которых был захват Китая. Монголы были включены в состав маньчжурских войск, действовавших против Минской империи, и в числе прочих инородческих контингентов вступили в 1644 г. в Пекин (там же, с. 7). Вклад монгольских войск в успешное завершение военных кампаний был очень весомым. Южномонгольские отряды составляли значительную часть цинских войск, действовавших в Северном Китае, а в походах на Корейский полуостров численность воинов монгольских контингентов в два раза превосходила число воинов собственно маньчжурских подразделений (Внешняя политика государства Цин в XVII в., 1977, с. 103).

Включение войск южномонгольских правителей в состав маньчжурской «восьмизнаменной армии» предполагало начало массовых поставок предметов вооружения в Чахар из Цинской империи. С 20-х гг. XVII в. защитное и наступательное вооружение в Южную Монголию ввозилось с территории Маньчжурии, а затем и Китая. Однако цинское правительство, опасаясь, что вывозимое из страны оружие будет перепродано чахарами своим северным и западным соседям — джунгарам и халхасцам, установило специальные нормы отчетности по экспортируемому вооружению. Так, согласно «Цааджин бичиг» (Монгольскому уложению 1627-1694 гг.), южномонгольские ваны, нойоны, хошунные тайджи, гуны и простолюдины должны были прибыть в столицу и доложить о предстоящем вывозе купленного в Китае оружия в Палату внешних сношений. Если же это требование не выполнялось, то приобретенное на территории Китая оружие изымалось при обыске на границе у Великой Китайской стены и передавалось в казну. За контрабанду вооружения аристократы штрафовались, а простолю-

дины наказывались плетью (Цааджин бичиг, 1998, с. 90). В том же «Уложении» имперские власти категорически запрещали своим монгольским подданным продавать предметы вооружения южномонгольского, маньчжурского и китайского производства джунгарам и северным монголам: «Объявлено о запрещении продавать латы, шлемы, луки, стрелы, другое оружие ойратам и халхасцам. Если будут пойманы люди... при продаже военного оружия аратам Ойратии и Халхи... то если они окажутся простолюдинами, то зачинщика удавить, а его имущество и скот конфисковать, остальным, сколько бы их ни было, всем дать по сто ударов плетью и оштрафовать тремя девятками бодо» (там же). Таким образом цинское правительство пыталось обеспечить свой контроль над вывозом оружия из Китая. Получить разрешение на экспорт вооружения в саму Южную Монголию могла лишь лояльная Цинской империи чахарская знать. Намеренно усложненная процедура получения разрешения делала выгодными лишь массовые (оптовые) закупки шлемов и панцирей в цинских мастерских, которые легко отслеживались маньчжурскими чиновниками. Розничная торговля вооружением при таком раскладе практически исключалась. Размеры контрабанды не могли быть особенно велики, поэтому можно предположить, что со второй половины XVII в. количество воинов Южной Монголии, использовавших цинские доспехи, постоянно увеличивалось, в то время как во Внешней Монголии и Джунгарии, напротив, сокращалось.

Интересно, что при этом маньчжурское правительство активно снабжало защитным вооружением тех представителей северомонгольских племен, которые переходили на сторону империи. Еще в 1621 г. два тайджи из «пяти халхаских племен» откочевали на земли, подконтрольные маньчжурам. Последние тут же снабдили перебежчиков доспехами, одеждой, жилищем, скотом и пастбищами (Чимитдоржиев, 2002, с. 16). Оружием и предметами защитного вооружения награждались и представители монгольских народов, прибывавшие в Китай для установления дипломатических отношений, что в глазах пекинского правительства выглядело как признание сюзеренитета империи. Так, в 1646 г. в Пекин, якобы «для представления верноподданнейшего доклада и дани», прибыл завоеватель Тибета, правитель ойратов-хошоутов Торобайху (Гуши-хан). Он был первым из ойратских правителей, установившим контакт с новой маньчжурской династией Китая. Гуши-хану «были пожалованы латы, шлем и лук со стрелами» (Санчиров, 1987, с. 118).

Импорт из Российского государства

В ряду защитного вооружения особняком стоят импортные панцири и шлемы, приобретавшиеся для представителей высшей монгольской знати. Хорошие, качественно сделанные доспехи импортного производства стоили очень дорого. Так, русские элитные «пансыри» (кольчатые доспехи) покупались за 20-30 рублей (МРМО, 1996, с. 70-71), немалую сумму для XVII в. В 1695 г. алтайский князец Табун Кокин жаловался российскому посланцу Никифору Прокофьеву, что «томский Толмачев сын Иван Шумилов у Табунова сына Матая взял детину, а хотел Ивашко привести сам или с кем послать пансырь добрый, а по сей день не присылывал...» (Модоров, 1996, с. 51).

Русские «пансыри государевой казны» ценились монголами особенно высоко, так как подарок в виде «доброго панциря» от «Белого царя» расценивался как явный признак благоволения Москвы. В первой трети XVII в. Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи просил российского царя прислать ему «железа, в чем (российские) воинские люди на войну ездят» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 50). Его наследник Алтын-хан ОмбоЭрдени-хунтайджи, пересылая в счет «дани» пластинчато-нашивной «куяк», просил прислать ему взамен кольчатый «пансырь» русского производства (там же, с. 81). Тайджа Цаган через послов настойчиво требовал прислать ему «на устрашение неприятелям доспех доброй — куяк и пансырь, да саблю, да пищаль, да ласиных немецких кож, которых стрельба не возьмет, чтоб ему было в чем против ево государевых супротивников ходить и чтоб, слыша к нему ево государскую милость, супротивники ево государевы покорялись». Как правило, просьбы были достаточно сдержанными, но иногда, попав в тяжелые условия и выпрашивая войска для отражения противника, просящие выглядели достаточно унизительно. Так, блокированный ойратами в Минусе Алтын-хан Лоджан, умоляя о военном союзе, напоминал о своих «прошениях»: «...пожалуйте меня вы, великий государь, мне куяк, да пищаль, а у меня того нет... как вы, великий государь, жа-

луете своих сибирских казаков доспехами и оружием, так пожалуйте вы, великий государь, и моих улусных людей, доспехами и оружием — о том бью челом».

Посылка оружия и одежды от сюзерена (или политического покровителя) вассалу (или младшему партнеру по союзу) со времен первых Чингизидов воспринималась в степи как знак военного покровительства и демонстрация политической поддержки (Почекаев, 2006, с. 179). Зная отношение монголов к таким подаркам-символам, московское правительство достаточно часто включало в «жалование» «пищаль да пансырь» (МРМО, 1996, с. 93), демонстрируя свое покровительство тому или иному степному феодалу. Особенно поощрялось принятие православия. Например, в 1691 г. монгольскому тайдже Мерген Ахаю были преподнесены «две сабли оправленые — одна в 18, другая в 12 рублев, да копье без цены, да из сибирского приказу два пансыря середних» (МРМО, 2000, с. 314). За обладание такими царскими подарками иногда велась настоящая борьба. Тобольский сын боярский Борис Черкасов рассказывал в январе 1662 г. дьякам Посольского приказа, что «у Облая-тайшы драка была з братом ево с Сейкулом за пансырь, который прислан был от великого государя» (МРМО, 1996, с. 83). Тем центральноазиатским феодалам, которые по каким-либо причинам вызывали неудовольствие Москвы, демонстративно отказывали в присылке доспехов. Кольчатого «пансыря» русского производства длительное время добивался первый правитель Джунгарии Батур-Хунтайджи. Еще в 1640 г. он просил русского царя прислать ему «пансырь доброй». Позднее просьба была повторена. Ответ был составлен в лучших традициях отечественного чиновничества: так как особый царский указ на посылку «пансыря» и иных подарков не поступил, то и отправлен доспех в Ургу не будет (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 123).

Традиция преподнесения кочевым владетелям кольчуг и «пансырей» сохранилась и в XVIII в. Одна из последних просьб джунгарских правителей о присылке панцирей прозвучала в ходе визита в Ургу российского посланника Л. Д. Угримова 13 марта 1733 г. В этот день джунгарский хунтайджи устроил в честь отъезжающей на родину российской делегации прощальный пир. Под занавес мероприятия Галдан-Церен поднял вопрос о присылке ему панциря, хранившегося, по его данным, у проживавшего в Томске татарина Кали Бактугулова (Моисеев, 1998, с. 95). Приехавшие вместе с российским дипломатом в Москву джунгарские послы, по сообщению самого Л. Д. Угримова, «тайным образом» покупали «пансыри», а также ружья и сабли (там же, с. 97). Практика нелегальной скупки русских доспехов сохранялась и впоследствии. Например, в 1744 г. в доме джунгарского посла в Москве были обнаружены 18 панцирей (там же, с. 105). Идя навстречу просьбе Галдан-Церена, российские власти постановили отправить ему запрашиваемый железный доспех. Для этого было принято решение разыскать требуемый панцирь или изготовить новый и выслать в Ургу (там же). Похожие подарки в этот период делались и знатным казахским владетелям. В ходе встречи с казахскими феодалами «генерал-лейтенант подарил хану (Абулмамет-хану. *— Авт.)* мех белей хрептовой, пансырь железной; Аблай-салтану — пансырь железной; Джанибек-батырю — пансырь такой же; Тлеке-батырю — пансырь же» (КРО, 1961, с. 167).

Панцири русского производства попадали к кочевникам не только как дары московских правителей или контрабандный товар, но и как военные трофеи. Особенно часто русские кольчуги захватывались енисейскими кыргызами, поэтому со стороны русской администрации на переговорах с жителями Минусы постоянно звучали требования вернуть вместе с пищалями панцири и куяки «побитых людей» (Митько, 2004, с. 177). Трофейные русские кольчатые доспехи, вероятно, использовали и буряты. Так, после захвата становища икережей казаки вместе с 11 куяками, 8 шеломами, 7 наручами местного производства обнаружили «государевой казны пансырь» (т. е. кольчатый доспех), а также «лоскутье пансырное» (т. е. обрывки кольчуги). По предположению служилых людей, «пансырь» и «натруска казачья» принадлежали Семейке Скороходову, Оверке Елизарову с «сотоварищами» и были сняты с убитых казаков бурятами (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 64).

За панцирями, которые, по легендам, обладали магическими свойствами, устраивалась целая охота. «Панциря Ермака» добивались многие монгольские нойоны: по легенде он был «чудотворением, болезненным — исцеление, на войне и на промыслах —

удача» (МРМО, 1996, с. 70-71, 455). В 1660 г. он был послан нойону Аблаю, однако через несколько лет владевший им ранее Бекмамет Кайдаулов, находясь в ставке Аблая, заявил, что «пансырь не его». Видимо, в дороге доспех был подменен. После просьбы сына Аблая Цагана начались поиски панциря, но он исчез бесследно.

По мнению монголов, русскими мастерами был раскрыт секрет «абсолютных» доспехов, которые «не пробивала бы пуля». Вероятно, эта идея получила хождение среди кочевников Южной Сибири и Центральной Азии вследствие простого умозаключения: «Если у русских хорошее огнестрельное оружие, значит, должно быть и средство защиты от него, а если некоторые русские не носят доспехов, то значит, либо "непробиваемые панцири" изготовлены из кожи, либо их носят под одеждой». В середине XVII в. желание заполучить непробиваемые русские панцири стало навязчивой идеей многих монгольских правителей. В 1639 г. прислать ему «панцирь, который не могла бы пробить пуля», через своего посла Уруская просил основатель Джунгарского ханства Батур-Хунтайджи (Миллер, 2005, с. 15). В 1644 г. Батур-Хунтайджи настаивал на включении в число подарков доспеха русского производства (там же, с. 21). В 1645 г. он еще раз повторил свою просьбу, требуя прислать ему «пансырь доброй, чтоб пищаль не взяла» (там же, с. 23). В конце 1669 г. легендарных «лосиных немецких кож, которых стрельба не возьмет», у русского царя домогались Цаган-тайджи и Очюрта-хан (РМО, 1996, с. 214).

Сибирские власти поддерживали заблуждения монголов относительно возможности существования «непробиваемого» доспеха. В 1639 г. русские послы заявили Батур-Хунтайджи, что в Тобольске «панцирей такой доброты, чтобы пуля не пробивала», на данный момент нет и известие о необходимости их привоза сибирские воеводы отписали в Москву (Миллер, 2005, с. 15). Легенда о русском «абсолютном» доспехе оказалась исключительно живучей и даже получила неожиданное продолжение через сто лет после описываемых событий. В 1740 г. в Россию прибыло джунгарское посольство Ламы-Даши. В ходе встреч с представителями царских властей ойратский посол в 1741 г. передал просьбу своего владыки прислать ему панцирь, «который бы ни пуля, ни стрела пробить не могли». В этот период в Российской империи средневековые типы панцирей уже вышли из военного обихода на большей части страны. Тем не менее чиновничья машина закрутилась и местные бюрократы начали поиски «непробиваемого» доспеха. Согласно инструкции, в случае если бы такой панцирь не был найден, его надлежало бы изготовить самим русским мастерам (Моисеев, 1998, с. 105).

Тем временем слух об «абсолютных» доспехах, которые якобы имелись в России, дошел до пограничных, а затем и столичных чиновников Цинской империи. В Китае в этот период защитное вооружение еще входило в состав комплекса вооружения офицеров «восьмизнаменной армии» и специальных ударных подразделений. Поэтому поиск оптимальной системы защиты относился к числу актуальных задач профильных военных ведомств. Слухи о наличии у русских «непробиваемых» панцирей заставили маньчжурских военных чиновников действовать. Зимой 1780 г. на Российский посольский двор в Пекине, где размещалась Русская духовная миссия (1771-1781 гг.), прибыли два маньчжурских офицера, на высокий статус которых указывали «шишки на шапках» и «павлинья золотые перья». В ходе встречи с представителями миссии маньчжуры «между прочими разговорами спрашивали нас, что во время сражения с неприятелем ваши воины какое надевают кожаное платье, что ружейная пуля не берет, и правда ли это? Говорили они, что мы о сем уже неоднократно слыхали, только кожи не видывали, и какая б была такая кожа, которая б могла удерживать пули». Заинтригованные подобными вопросами, русские собеседники не только не развеяли подозрения цинских чиновников, но и, напротив, «подыграли» им: «Мы на их вопрос ответствовали, что наши Российские солдаты, когда выходят на сражение с неприятелем, то как конница, так и вся пехота, всегда за правила имеют надевать оное кожаное платье, потому во время сражения наши солдаты безопасно бьются и не боятся пуль ружейных. При сем спросили они, какого зверя эта кожа и где этот зверь живет? Что мы слыша, едва от смеха удержавшись, говорили им: этот зверь живет в Северном море подо льдом, который временем и на берега выходит, и когда выйдет, тогда его промышленники ловят. Кроме сего еще говорили мы им, этаго зверя кожи по большой части получает наша Империя ежегодно в дань из вновь покоренного вла-

дения, на островах Северного моря, и(з) сего Государства наша Империя не иное, что в дань берет, как только знатную рухлядь да ваши упомянаемые кожи, кои выделав мягко, и шьют на всю армию военные кафтаны». Только через несколько дней русским представителям стало известно, что инициатором выяснения ситуации вокруг «непробиваемых русских доспехов» был императорский двор: «По ответе нашем оные офицеры выпили по чашке чаю и возвратились домой. А чрез несколько дней узнали мы, что Хан чрез кого-то известился о этой коже, а не знал с какого она зверя, и потому секретно посылал тех офицеров и велел им спросить нас о той коже, в таком намерении, что подлинно ль есть такая кожа и где она берется» (Журнал секретных наблюдений, 2003, с. 70-71).

Таким образом, легенда о существовании у русских «непробиваемых» доспехов продолжала бытовать в Центральной и Восточной Азии на протяжении почти 150 лет. Она появилась как результат знакомства центральноазиатских правителей с качественными железными панцирями русского производства. Мужество и самопожертвование русских солдат на поле боя поддерживали эту легенду на протяжении многих десятилетий.

Импорт из Тибета

В эпоху позднего Средневековья и Нового времени города и монастыри Тибета являлись крупными центрами по производству холодного оружия и защитного вооружения в Центрально-Азиатском регионе. В XV-XVIII вв. железные панцири (преимущественно с ламеллярной системой бронирования), шлемы, плетеные щиты, усиленные металлическими накладками кожаные наручи были широко распространены не только среди тибетской аристократии, но и среди рядовых конных дружинников и даже пеших воинов.

Среди центральноазиатских кочевников основными потребителями тибетского защитного вооружения были переселившиеся в Тибет в XIV-XVII вв. племена монголов. Монголы и тибетцы жили по соседству на протяжении нескольких столетий. Неудивительно, что за это время их оружейные комплексы во многом сблизились. Этот факт подмечали многие современники. В настоящее время в американских и европейских оружиеведческих школах даже используется термин «тибето-монгольский стиль», а многие предметы вооружения атрибутируются как «монгольские или тибетские». Причем в ряде случаев речь может идти не о заимствовании конструкции или стиля оформления, а об использовании монголами предметов вооружения, изготовленных тибетскими мастерами. В письменных источниках XVII в. фиксируются факты поставок тибетцами оружия своим монгольским союзникам (Бобров, Худяков, 2006, с. 231-232). Ойраты-хошоуты, составлявшие основу армии наследников знаменитого Гушихана, уже в значительной степени были оснащены тибетским наступательным и защитным вооружением.

Отдельные предметы вооружения и целые оружейные комплексы импортировались за пределы Тибета, в другие государства Центральной Азии. Об этом свидетельствуют находки типичных тибетских предметов вооружения в Западной Монголии и Восточном Туркестане (там же, с. 231).

Носителями тибетской оружейной.традиции в Джунгарии были монгольские и тибетские воины, переселявшиеся из Тибета в Западную Монголию. Так, известно, что вместе с Галданом Бошоктуханом, завершившим обучение в Тибете, на его родину, в Джунгарию, отбыл отряд тибетских телохранителей. В начале XVIII в. в Джунгарию из Кукунора откочевали два ойратских феодала с крупными дружинами, что не осталось незамеченным не только цинскими, но и русскими наблюдателями: «...к немуде, контайше, пришли в подданство два калмыцкие тайши ис Коконорские земли, а с теми де тайши улусных их людей тысяч з десять и больши» (Моисеев, 1991, с. 64). Впоследствии в Джунгарию неоднократно прибывали хошоутские и тибетские феодалы, не сумевшие «найти общий язык» с цинскими наместниками.

С большой долей вероятности можно предположить, что оккупировавшие Тибет в 1717-1719 гг. джунгарские войска Церен Дондобы-старшего также широко использовали изделия местных оружейников.

На основании анализа вещественных, изобразительных и письменных источников представляется возможным утверждать, что предметы вооружения, изготовленные тибетскими мастерами, в XVII—XVIII вв. достаточно широко применялись монгольскими кочевниками Центрального Тибета и Кукунора. Некоторое количество тибетского воо-

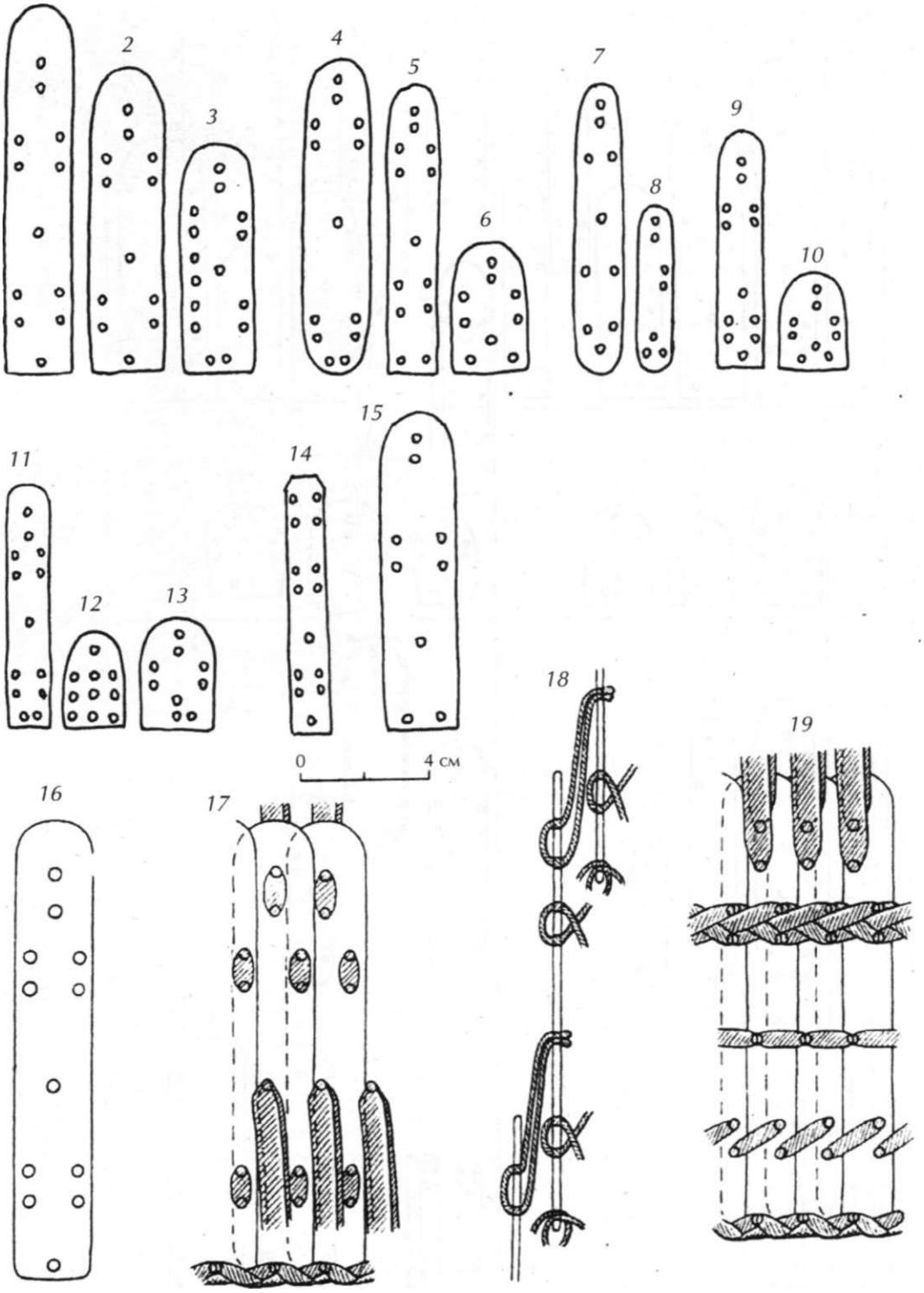

Рис. 105. Пластины от ламеллярных «тибето-монгольских» панцирей XV-XIX вв. из старых оружейных коллекций *(1-16)*, система соединения пластин в тибетском ламеллярном панцире *(17-19)*.

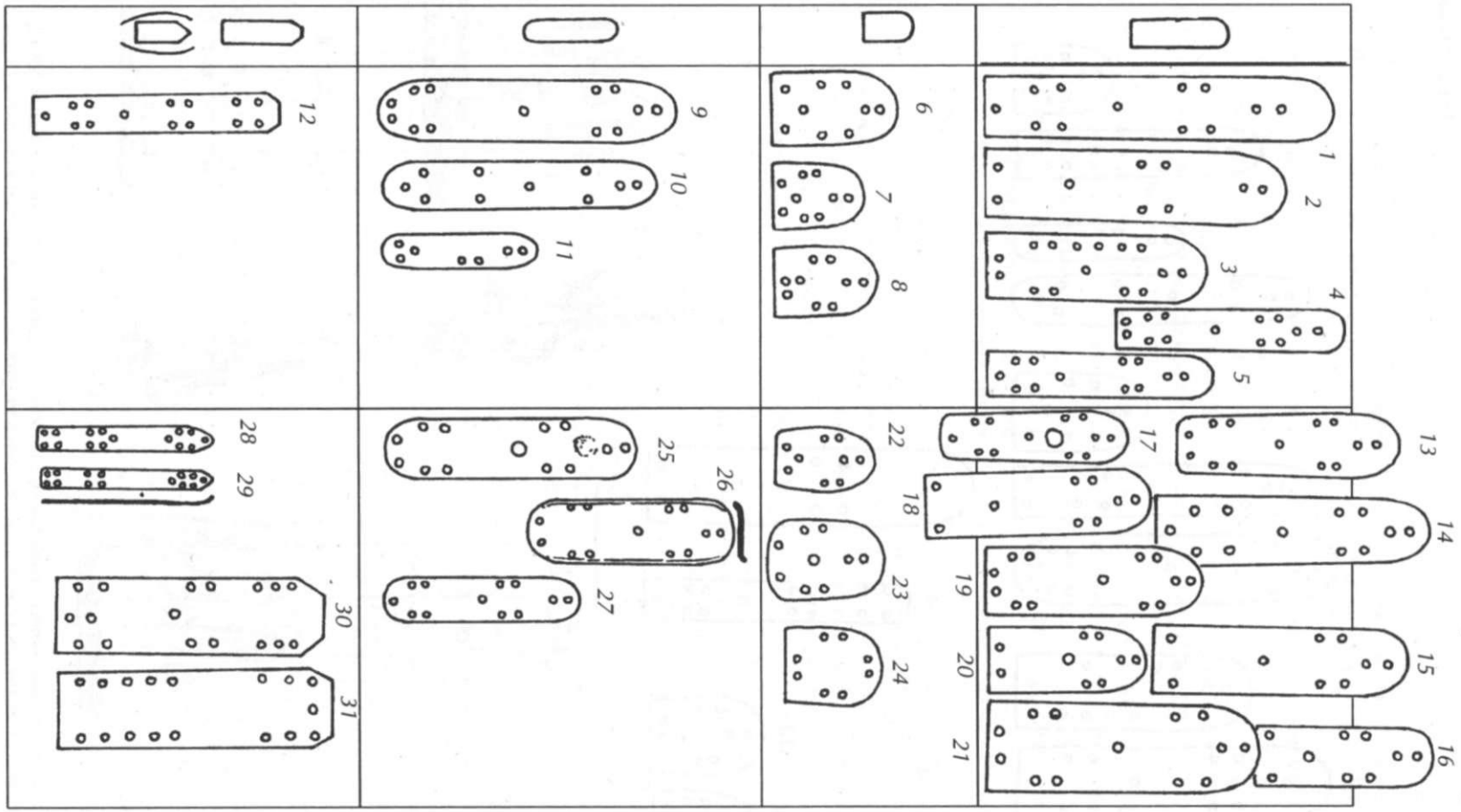

Рис. 106. Пластины от ламеллярных «тибето-монгольских» панцирей XV-XIX вв. *(1-12)* и их центральноазиатские и дальневосточные прототипы периода раннего и развитого Средневековья.

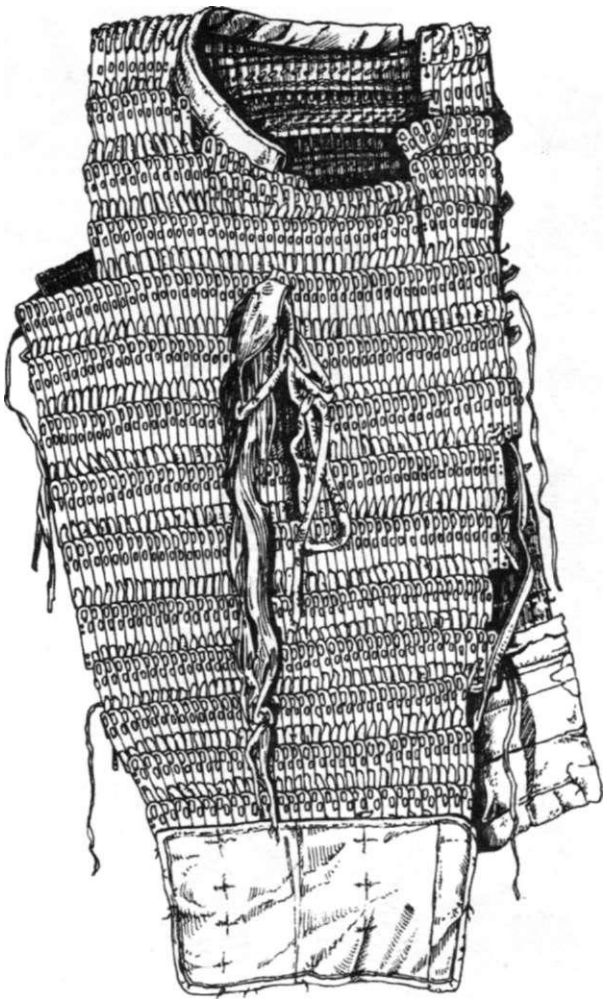

Рис. 107. «Тибето-монгольская» «кираса» (вариант «пончо» с ламеллярными наплечными «ремнями») XVII—XVI11 вв. (Этнографический музей, г. Стокгольм, Швеция).

ружения вывозилась за пределы «Страны снегов», в основном на территорию Джунгарии. Носителями «тибетской» оружейной традиции в Джунгарии были эмигранты из Тибета, тибетские телохранители западномонгольских правителей, отдельные представители феодальной знати. Широкому распространению тибетского оружейного комплекса в Центральной Азии препятствовал известный консерватизм тибетского доспеха. В то время как в Джунгарии господствовала пластинчато-нашивная броня и все большее распространение получали кольчато-пластинчатые доспехи, в Тибете продолжали изготавливать традиционные для региона ламеллярные панцири (рис. 107, 108).

7.2. Производство защитного вооружения в Монголии и на сопредельных территориях, входящих в состав монгольских государственных образований

Собственное производство защитного вооружения в государственных образованиях Южной Монголии и Халхи XVI-XVII вв. базировалось на эксплуатации кочевого населения, отрабатывавшего государственную барщину, включавшую изготовление панцирей, а также на закупке предметов защитного вооружения у профессиональных оружейников. Правители Джунгарского ханства, кроме вышеперечисленных ресурсов, могли рассчитывать на производственные возможности покоренных ими ремесленных центров Восточного Туркестана и продукцию жителей Горного Алтая, в массовом порядке изготавливавших панцири и шлемы.

Производство защитного вооружения на Саяно-Алтае

Одним из основных поставщиков железа и железных изделий в Джунгарию и северомонгольское государство Алтын-ханов в период позднего Средневековья стали племена шорцев и кыштымы енисейских кыргызов из подтаежных районов Южной Сибири.

Экспансия монгольских государств на эти земли началась еще в эпоху развитого Средневековья. В начале XIII в. Алтай был включен в состав Великой монгольской империи, а после ее распада сделался причиной конфликта чагатайских и юаньских монголов. В 1293 г. Саяно-Алтайский регион подвергся нападению юаньских войск под командованием полководца Тутухи. Вместе с монголами в военной экспедиции принимали участие крупные контингента кыргызских и кипчакских всадников (Худяков, 1997, с. 56). В 1309 г. кипчакские и монгольские воины экспедиционного корпуса Юаньской империи устроили на Алтае военные поселения.

В XVII в. дань железными изделиями с жителей Саяно-Алтая собирали Алтын-ханы Северной Монголии, ойратские тайши и обитавшие по Енисею кыргызские князья (Потапов, 1953, с. 165). По мере ослабления власти потомков Чингизидов Алтай

Рис. 108. Позднесредневековый «тибето-монгольский» ламеллярный «халат» и изображения его монгольских прототипов периода развитого Средневековья.

Рис. 109. Позднесредневековый «тибето-монгольский» ламеллярный «халат» и изображения монгольских панцирей конца XIII — начала XIV в. с двухчастным подолом и ранним вариантом трехчастного подола.

Рис. 110. «Тибето-монгольские» ламеллярные паниири покроя «халат»:

1 — «тибето-монгольский» ламеллярный «халат» XVI—XVIII вв. с осевым разрезом, трехчастным подолом, без наплечников. Музей искусств Метрополитен (№ 36.25.53b), Нью-Йорк. Наследство Джорджа С. Стоуна (1935 г.); *2* — паниирный комплекс XVIII-XIX вв. (шлем, ламеллярный «халат» с осевым разрезом и трехчастным подолом, кольчуга, зерцальный доспех, паниирный пояс, шит), вывешенный на колонне Тсуклакханг в зале монастыря Дрепунг (Тибет).

«остался в сфере влияния ойратов» (Худяков, 1998, с. 123).

Большую часть позднего Средневековья жители Алтая жили по соседству с монгольскими племенами. Судя по данным русских письменных источников, в конце XVI — начале XVII в. некоторые ойратские роды кочевали совместно с алтайцами. В 1609 г. томские воеводы В. Волынский и М. Новосильцев сообщали в Москву, что «черные колмаки (ойраты. — *Авт.)* с белыми колмаками (алтайцами. — *Авт.)* кочуют многие заодно...». По мнению Г. Ф. Миллера, в 20-е гг. XVII в. ойраты стали облагать данью коренное население Горного Алтая и бассейна Верхней Оби. На наш взгляд, практика предоставления дани («алмана») железом и предметами вооружения сложилась несколько раньше, так как в начале 20-х гг. XVII в. такие отношения уже существовали и были известны соседям. Факты продажи и передачи в качестве ясака ойратам железа, защитного и наступательного вооружения зафиксировал Евдоким Баскаков, который посетил Кузнецкий острог в 1622 г. (Потапов, 1936, с. 122). Продвижение ойратов на Алтай и в Верхнее Приобье осуществлялось в основном с юго-запада. В этот период ойраты вели ожесточенные войны с северомонгольским государством Алтын-ханов, которые также претендовали на земли Саяно-Алтая и пытались установить долговременные данические отношения с местными жителями. В отечественной историографии утвердилось мнение, что телеуты признали зависимость от джунгарских ханов в 1653 г., хотя продолжали бороться с ойратским владычеством и во второй половине XVII в. Именно в это время ойратское влияние в Саяно-Алтае становится определяющим, а отдельные роды, относительно давно признававшие российское подданство, превращаются в двоеданцев. В 70-80-х гг. XVII в. телеутские князья становятся все более зависимыми от джунгарских правителей. Некоторым из них джунгарские хунтайджи присваивали титулы, доверяли сбор «алмана» и т. д. В 1726 г. казаки И. Ефимов и В. Кузнецов, ездившие по заданию русского посла С. Л. Владиславича-Рагузинского в Туву и на Алтай, сообщали, что до Телецкого озера — «владение Российское, живут народы татарские... За Тележским озером владение Колмацкое». Само Телецкое озеро «большею частию в Зенгорской стороне состоит, ибо по обе стороны от того озера от начатия Бии-реки до Губы-Кули и речки Сабинки имеется россискаго владения Кергеской (Кергежской) двоеданской татарской волости толко двадцать шесть верст». Живущие же в истоках Бии и по берегам Телецкого озера телесы «в подданстве более стоят в Зенгорское владение, дают же оные телесцы волной ясак в город Кузнецк толко по шестьдесят соболей в год и то своею волею, а не положением». Значительная часть Алтая находилась под властью ойратов вплоть до крушения Джунгарского ханства в середине XVIII в.

Широкая добыча железа на Алтае началась еще в эпоху раннего Средневековья (Потапов, 1936, с. 102). В эпоху позднего Средневековья сибирские мастера считались искусными плавильщиками железа далеко за пределами своих земель. Русские землепроходцы, отмечая мастерство местных жителей в работе с металлом, даже прозвали шорцев «кузнецами», а их землю «Кузнецкой»: «Кузнецы же словут, потому, что ясачные люди государские тамо живут по берегу Томи реки и иных тамошних рек трех Терсей, камений берут и жгут, плавят железо и куют вместо наковален на камни ж, а железо то кузнецкое и уклад велми добр, лутше свейского железа и мяго железа, аки свинец. Соболями, железом в казну ясак платят» (там же, с. 103-104; Бокшатова, 1981, с. 130). Впервой трети XVII в. томские воеводы не раз пытались собирать дань с племен, населявших «Кузнецкую землю», но каждый раз встречали ожесточенное сопротивление со стороны кыргызских, ойратских и телеутских феодалов, которые направляли к «кузнецам» своих сборщиков «алмана» (Башкатова, 1981, с. 131).

В начале XVII в. кузнечное дело, «соединенное с умением получать железо из руды», было широко распространено среди жителей Саяно-Алтая. Вместе с тем искусство добычи железа и изготовления из него предметов защитного и наступательного вооружения, а также предметов быта являлось, наряду с охотой, главным занятием северных алтайцев (шорцев, челканцев, тубалар), в то время как южные алтайцы (собственно алтайцы и теленгиты) занимались в основном скотоводством (Потапов, 1953, с. 121-123). Несмотря на большую популярность «железного дела» среди шорцев, последние не превратили его в удел узкого круга специалистов-мастеров, а продолжили развивать в качестве домашнего промысла. Обычно кузнецы

Рис. 111. Изображения монгольских и китайских ламеллярных и ламинарных панцирей покроев «кираса», «катафракта» и «халат» и шлемов в юаньской и минской иконографии XIV-XV вв.

Рис. 112. Изображения монгольских (*1*, *4–5*), тибетских (*6*) и китайских (*2–3*) ламеллярных и ламинарных панцирей покроев «кираса» и «жилет» (*4–6*) и шлемов в юаньской (*4*), монгольской (*5*), тибетской (*6*) и минской иконографии и скульптуре XIV–XIX вв.

Рис. 113. Изображения монгольских ламеллярных и ламинарных паниирei покроя «халат» с косым запахом и шлемов в юаньской иконографии XIV в.

даже не имели специальных мастерских, а работали непосредственно в юрте (Потапов, 1936, с. 101), так же поступали и оружейники Минусинской котловины. Со временем «кузнечное мастерство» стало составлять наследственную профессию отдельных семей и больших семейно-родовых групп. По замечанию С. А. Токарева, «для них кузнечество являлось главным источником существования, поскольку недостатка в заказах не было». Интересно, что на фоне бурного развития «кузнечества» другие ремесла оставались в зачаточном состоянии: «Кроме кузнечного производства, никакое другое не обособлялось у алтайских племен в самостоятельное ремесло» (Токарев, 1936, с. 120-122). Такое несимметричное развитие экономики региона было обусловлено высоким спросом на железные изделия у кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Плавильные печи «хура» сооружались внутри зимних жилищ, железную руду очень мелко толкли в ступах, а затем небольшими порциями сыпали в небольшое верхнее отверстие печи. Двумя мехами постоянно нагнетали воздух и поддерживали высокую температуру горения. За одну плавку получали до полутора килограммов железа (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 160). Подробное описание процесса получения железа жителями Северной Шории оставил И. Г. Георги в своем «Описании народов»: «Плавилье их заведение — едва ли может быть простее. Плавильная печь делается в зимней хижине и состоит в гемисферическом на пядень углублении глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действования двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкою из глины, у которой в самом верху есть отверстие пространством дюйма в два. Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими угольями, какие только сквозь отверстие проходить могут, и оные поджигают. А как они совсем разгорятся, то при безпрестанном раздувании мехами бросают попеременно сквозь отверстие в печь то уголье, то по небольшому количеству истолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трех фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями. Из выплавленного

Рис. 114. Изображения центральноазиатских *(1-3, 5-6* — монгольских, *4* — тибетских) ламеллярных панцирей покроя «халат» со сплошным осевым разрезом.

таким образом железа куют они на каменных наковальнях железными молотами железцы (наконечники. — *Л. П.)* к стрелам и заступы (мотыги. — *Л. П.);* больше же продают невыделанного железа российским кузнецам» (Потапов, 1936, с. 104).

На протяжении последующих столетий кузнецы Саяно-Алтая продолжали развивать собственно металлургическое производство. Технологические новинки быстро включались шорцами в традиционный процесс изготовления железных изделий. Познакомившись с оборудованием российского производства, местные кузнецы быстро приспособили русские инструменты для собственных производственных нужд. Описание процесса производства металлических изделий алтайскими кузнецами во второй половине XIX в. оставил В. В. Радлов: «Оборудована кузница была таким образом. Посередине юрты, на месте очага, глиняная стенка толщиной в 2-3 вершка и высотой с пол-аршина. Задняя стенка была длиной примерно в ¾ аршина, и к ней под тупым углом примыкали две боковые стенки, каждая в аршин длиной. В середине задней стенки находился вертикальный вырез длиной примерно в два вершка, тонкий, как лезвие ножа, в него вставляется кузнечный мех. Пространство, ограниченное этой трехсторонней стенкой, было заполнено очень мелким углем лиственницы. Инструмент кузнеца состоял из двух молотов, двух щипцов и маленькой наковальни (все — русской работы). Пользуясь этим простым приспособлением, он изготовляет вышеуказанные предметы (ножи, мундштуки, огнива, ружья и т. д. — *Авт.),* может быть и не очень изящные, но удобные и прочные. Особо следует упомянуть необыкновенную ловкость кузнеца в приковке и приварке. На моих глазах этот мастер безо всякого соединительного материала приварил сломанную швейную иглу» (Радлов, 1989, с. 159-160).

Исследовавший развитие кузнечного дела на Алтае Л. П. Потапов подчеркивает, что отличительной чертой железоделательного производства на этих территориях уже в эпоху Средневековья было использование собственной «сырьевой базы» (Потапов, 1936, с. 102). Этот факт зафиксировали и русские служилые люди. В наказе кузнецкому воеводе Е. Баскакову от 1622 г. говорится: «А около Кузнецкого острогу на Кондоме и на Брассе (Мрассе. — *Авт.)* реке стоят горы каменные великие и в тех горах емлют кузнецкие ясачные люди каменья, да то каменье разжигают на дровах и разбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просеяв, сыплют понемногу в горн, и в том сливается железо...» (Потапов, 1936, с. 122).

Крупные центры по производству железных изделий располагались по верхнему течению рр. Томь, Мрасса, Кондома, Бия и среднему течению Енисея (там же, с. 166). По данным С. А. Токарева, основные центры кузнечного ремесла в регионе находились в бассейнах Чулышмана и Верхней Томи (Токарев, 1936, с. 121-122). Несмотря на то что железоделательная промышленность шорцев в техническом отношении «была примитивна и носила домашний характер» (Потапов, 1936, с. 122), в силу широкого распространения этого надомного промысла производственные возможности оружейников «Кузнецкой земли» в XVII в. были достаточно велики. По сведениям, собранным Евдокимом Баскаковым, посланным в Кузнецк в 1622 г., «кузнецких людей в кузнецкой земле тысячи три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело». Когда в 1657 г. Алтын-хан Лоджан потребовал от своих кондомских кыштымов единовременно «сделать ему, Лоуджану, 1 000 куяков, а на Мрассе б сделали 1000 куяков», современники восприняли это требование со всей серьезностью. Претензии последнего из рода Алтын-ханов, вероятно, основывались на реальных производственных возможностях мастеров Кондомы и Мрассы, известных не только жителям Центрально-Азиатского региона, но и русским служилым людям, которые дотошно зафиксировали, что, например, в начале 40-х гг. «ясачные люди кондомские и мрасские приготовили на продажу черным и белым калмыкам больше двух тысяч куяков и шапок железных против того же» (Потапов, 1953, с. 125).

Согласно данным письменных источников племена Саяно-Алтая продолжали активно плавить железо и в XVIII в. В этот период промыслом славились племена сойонов и бельтиров, кочевавших по р. Абакану, у которых «издревле ведутся кузнецы, которые плавят и куют железо», абинцев (Северная Шория), плавящих «железные руды, которые находят они в поверхности гор слоями или в болотах своих под дерном», и др. (Потапов, 1936, с. 104).

Эпоха позднего Средневековья — начала Нового времени была периодом наивысшего расцвета

Рис. 115. Изображения ламеллярных панаирей покроя «халат» и шлемов в минской иконографии XVI в.

«кузнечного дела» в Саяно-Алтае. С включением региона в состав Российского государства металлургическое производство стало постепенно приходить в упадок. Если в XVII в. железо и железные изделия изготовляли многие алтайские семьи (что, собственно, и обеспечивало массовый экспорт металлических изделий в Ойратию и Российское государство), то в XIX в. металлургия стала уделом немногих профессиональных мастеров. По мнению В. В. Радлова, из всех ремесел у алтайцев этого времени «шагнуло кузнечное ремесло. Ему обучаются отдельные личности, пользующиеся всеобщим уважением, так как кузнецов очень мало» (Радлов, 1989, с. 159). Однако справедливости ради необходимо отметить, что и эти немногочисленные мастера производили железную продукцию высокого качества, а главное в количествах, позволявших удовлетворить запросы как аборигенного населения, так и русских купцов (там же, с. 157-160).

Наличие залежей железной руды и значительного количества местных мастеров, способных добывать и обрабатывать железо, делали земли

Рис. 116. Изображения ламеллярных и ламинарных панцирей покроев «халат», «жилет» и шлемов в переднеазиатской миниатюре XIV в. (4), минской (*1*, *3,* 5) и цинской иконографии XVI-XVII в., реконструкция цинского ламеллярного «жилета» XVII в. (7), пластины восточноазиатские ламеллярные периода позднего Средневековья (8).

Саяно-Алтая привлекательным объектом военной экспансии со стороны кочевых феодалов Центральной Азии. Неудивительно, что политический и военный контроль над жителями Саяно-Алтая в эпоху позднего Средневековья стал рассматриваться монгольскими правителями как один из важнейших приоритетов внешней политики.

Джунгарами и монголами государства Алтын-ханов использовались различные способы изъятия железной руды и готовых предметов защитного вооружения у местных племен. Самым популярным и малозатратным способом было получение железа и железных изделий через взимание дани («алмана») с вассальных территорий или в ходе торгового обмена. Алтайские шорцы платили «алман» «соболями и железом всяким деланым», южные алтайцы — железом, пушниной и скотом, кумандинцы, тубалары и челканцы — «железом и пушниной», кондомчане — «железом и кожами красными» (Потапов, 1953, с. 143). Повышенный интерес джунгар и их соседей к железному сырью из «Кузнецкой земли» был обусловлен высоким качеством металла, выплавляемого шорцами. По мнению русских служилых людей, «кузнецкое железо» было «лучше свейского» (Потапов, 1936, с. 104). Качественное алтайское железо и изготовленные из него предметы вооружения и быта пользовались спросом у русских людей на протяжении второй половины XVII в. и всего XVIII в. Даже во второй половине XIX в. алтайские кузнецы были известны в Российской империи как превосходные мастера по работе с металлом. По сообщению В. В. Радлова, путешествовавшего по Алтаю, «алтайские кузнецы считаются большими мастерами, их хорошая работа повсюду славится. Они умеют особенно хорошо закалять железо, так что алтайские ножи предпочитают русским. Все русские купцы, разъезжающие по Алтаю, обзаводятся алтайскими ножами... На берегу озера Кенги мне довелось осмотреть алтайскую кузницу, и я был поражен ловкостью работника» (Радлов, 1989, с. 159).

Пользуясь тем, что население Алтая «делает доспехи и железца стрельные» (Потапов, 1953, с. 166), ойраты постарались превратить поселения шорцев в центры по производству различных типов вооружения, призванных покрывать необходимость в нем у западномонгольских владык. Согласно сообщениям русских служилых людей (1622 г.) жители Саяно-Алтая «делают пансыри, бехтерцы,

Рис. 117. Изображения ламеллярных и ламинарных панцирей в передне- и среднеазиатской миниатюре XV-XVI вв.

шеломы, копьи, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей, и те пансыри, и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные ясак дают колмацким людям железом же» (Потапов, 1936, с. 122). При удобном случае западные монголы не гнушались взимать «алман» и с «ясачных татар», находившихся в русском подданстве. В 1718 г. ойраты «во всех ясачных волостях... велели готовить на контайшу алман, всякому человеку по 30 полиц куяшных (панцирных пластин. — *Авт.),* да по 30 стрельных железцов (наконечников стрел. — *Авт.)»* (Потапов, 1953, с. 145). Для взимания «алмана» с покоренных племен в Джунгарии был учрежден разветвленный служебный аппарат. Для ойратских чиновников, собиравших подати, были введены специальные звания: даруга (алт. «тарга»), дэмоци, шуленги (там же,с. 142;Чернышев, 1990, с. 71). Однако наладить регулярную работу этой фискальной структуры удалось далеко не сразу и долгое время «алман» продолжал взиматься спорадически (Уманский, 2001, с. 8).

Монгольские вассалы — кыргызские феодалы Минусинской котловины — также активно взимали со своих кыштымов «железные изделия», кожи, меха и уже готовые предметы вооружения (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 18; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 167).

Влияние поставок в Джунгарию железного вооружения с Саяно-Алтая на военное дело кочевников было настолько очевидно для их соседей, что позволяло строить амбициозные планы по подчинению Ойратии через приобретение политического контроля над родами шорцев. Так, томские казаки настойчиво предлагали своему московскому руководству привести в подданство «многих калмыцких людей», так как ойратам «опричь кузнецкие земли никакова оружья купити не добыть нигде». Уже в 1622 г. в наказе Евдокиму Баскакову было рекомендовано провести переговоры с «кузнецкими людьми» на тему прекращения поставок предметов вооружения западным монголам. Шорцам предлагалась давать ясак в царскую казну «соболями и всякую мягкую рухлядью, и шеломами и рогатинами, и саблями, кому чем мочно ясак государю давать; а калмацким бы людям отсюда ясаку давать не велеть, с калмыцкими людьми торговать им, опричь соболей, железом, шеломами и пансырями и рогатинами и саблями не велеть...» (Сборник князя Хилкова, 1879, с. 193). Однако остановить продажу оружия в 20-х гг. XVII в. не удалось. К этой теме российские власти вернулись через 9 лет. В 1641 г. московское правительство повторно рекомендовало своим местным представителям следить, чтобы шорцы «куяков и шапок железных и копей и рогатин и никакой ратной сбруи и черным (джунгарам) и белым калмыкам (жителям Южного Алтая) и киргиским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли». Однако на предложение русских отказаться от продажи железа и железного вооружения джунгарам шорцы (жители Мрассы и Кондомы) ответили отказом. Причем представители племен подчеркнули важность отношений с Джунгарией для обеих сторон: «...им, ясачным людям, куяки и шапки железные и всякую ратную сбрую черным и белым (калмыкам) и киргиским и саянским людям продавать и на лошадей менять (необходимо), тем-де мы ясачные люди живем» (Потапов, 1953, с. 125).

Роль племен Саяно-Алтая в деле поддержания боеспособности джунгарских армий была настолько значительна, что ойратские феодалы были готовы пойти на открытое военное противостояние со своими соседями, лишь бы не лишиться своих алтайских данников. Неудивительно, что «алтайская проблема» была основной темой и «камнем преткновения» на переговорах Джунгарского ханства с Российским государством на протяжении семидесяти лет. При этом попытки алтайцев освободиться от сюзеренитета «черных калмыков» (восстание князя Абака в начале XVII в., восстание князя Коки Абакова в 50-е гг. XVII в., Ойрато-телеутская война 1669-1670 гг.) жестко подавлялись джунгарскими правителями (Уманский, 2001, с. 13-16).

Другим способом изъятия доспехов у местного населения, наряду с «алманом» и мирной торговлей, были военные набеги. Так, «Алтын-царя сын Лоджан... будучи у киргиз, и у тубинцев, и у алтырцев, и у керетцев... аманаты их пограбил, лошади и рогатой скот и животы, и куяки и шишаки поймал у всех без остатку» (МРМО, 1996, с. 31). Также поступали и енисейские кыргызы, забиравшие у объясаченных татар «куяки и шишаки и всякую збрую»: «...вор Ереняк Ишеев... великого государя казну, порох и свинец, и пушечные ядра и ясачных татар поклажей — куяки и соболи поймал» (там же, с. 43, 163).

Практика взимания ойратами дани предметами защитного вооружения и железными изделиями с

жителей Саяно-Алтая провоцировала кочевников Халхи на попытки установления подобных отношений с другими народами Южной Сибири. Например, в конце XVII в. халхаские правители добивались от бурятов выплаты дани, в состав которой было включено железное сырье (Мясников, 2003, с. 113).

Производство защитного вооружения в государственных образованиях Монголии XV—XVIII вв. и Волжской Калмыкии XVII-XVIII вв.

Несмотря на то что на протяжении XVII-XVIII вв. объемы ввозимого в Монголию импортного защитного вооружения постоянно увеличивались, они не могли удовлетворить существовавший на него спрос. Для решения задачи по увеличению численности воинов-панцирников в своих армиях центральноазиатские правители были вынуждены развивать собственное металлургическое и оружейное производство. Чтобы избавиться от жесткой зависимости от алтайского железа, монгольские правители предпринимали достаточно успешные попытки создания железодобывающих баз на территории самой Монголии. На «расспросе» 1689 г. послы монгольского князя Дайши-зайсана утверждали, что «руды де у них в Мунгалех серебряной и золотой нет... а железной де руды множество и делают куяки и панцири и копья сами» (МРМО, 2000, с. 232).

Наличие железной руды выгодно отличало монгольских правителей Центральной Азии от их сородичей, переселившихся на берега Волги. Турецкие путешественники отмечали дефицит железа и железных изделий у приволжских калмыков: «В этой Кыпчакской степи нет никаких рудников, поэтому у них нет серебряных денег. Вследствие того, что нет также и железных рудников, они пользуются одним и тем же ножом, (получая его) по наследству от предков. (Здесь) мало сабель из железных полос, мало железных стремян. А наконечники копий (обычно) из рогов буйвола или быка. Тем не менее (их) копья пронзают кремень...» (Челби, 1979, с. 171).

Однако и в собственно монгольских землях добыча металлов в XVII в. еще не достигла необходимого для удовлетворения производственных нужд уровня развития. Поэтому металл активно конфисковывался и вывозился монголами с подконтрольных или пограничных с ними территорий (Потапов, 1936, с. 104; Потапов, 1953, с. 143, 145). Железо признавалось степными правителями одним из «стратегических» ресурсов. Русские наблюдатели особенно отмечали, что при нападениях ойратов одним из основных объектов грабежа выступали изделия из железа. Например, в 1642 г. ойраты разграбили застрявший на Волге во льду струг с известью и увезли два железных якоря (Богоявленский, 1939, с. 79). Сын известного князца енисейских кыргызов Ереняка Ишеева Корчин в 90-х гг. XVII в. собирал «алман» с жителей бассейна Верхнего Енисея (в этот период уже являвшихся российскими подданными) «котлами и топорами» (Воронин, 2001, с. 43). Кузнецкий капитан Б. А. Сенявин доносил в 1715 г. сибирскому губернатору М. П. Гагарину, что совершающие набеги на русских ясашных людей джунгары и телеуты «берут с них на контайшу... котлы, таганы и кричное железо» (Моисеев, 1998, с. 17). Такое внимание к этому металлу было вызвано тем, что в экстремальных ситуациях железные предметы быта могли быть перекованы на оружие. Так, те же приволжские калмыки в 20-х гг. XVIII в. вынуждены были переплавить «железные таганы и стремена» на наконечники копий и стрел (Батмаев, 1992, с. 150). Этот факт не является исключением, присущим только ойратам. По сообщению Г. С. Загряжского, киргизы (которые, по его мнению, не умели добывать металл из руды), «однако, знакомы с кузнечным делом и, покупая железо русское, выковывают себе нужные вещи» (Бурковский, 1958, с. 78-79). С 30-х гг. XVIII в. джунгарский правитель Галдан-Церен добивался того, чтобы алтайцы вносили ясак железными «таганами и котлами» (Косымбаев, 1986, с. 47). Вероятно, по этой же самой причине русские власти пытались, напротив, запретить шорцам давать «алман» джунгарам «котлами и таганами», заменив их пушниной. Однако попытка обмануть джунгарских сборщиков податей не удалась (там же, с. 48). Еще более суровые запреты на продажу железного сырья и железных изделий ойратским кочевникам были введены российским правительством в отношении кочевников Волжской Калмыкии. Хан Церен-Дондук жаловался имперским властям, что на местах запрет на продажу железных изделий калмыкам стал внедряться уж слишком рьяно: «низовой... российский народ... из сапогов скобы вынимают и игол не продают» (Батмаев, 1993,

с. 124). Выход из ситуации царское правительство видело в централизованных (а значит, контролируемых) поставках железа в Калмыкию. Калмыцкие тайши с удовольствием получали железо и другие ресурсы по квоте, но контрабандной торговли не прекращали.

Из добытого или привезенного из-за границы или с вассальных территорий железа центральноазиатские оружейники изготовляли предметы защитного и наступательного вооружения. Кроме монгольских и южносибирских мастеров кузнецами работали иностранные специалисты. Среди последних преобладали русские (захваченные в плен или принятые по найму) и восточнотуркестанские оружейники. Калмыцкие князья для этих же целей привлекали кабардинских мастеров (Батмаев, 1992, с. 151).

Однако большую часть предметов из железа, употреблявшихся монголами, изготовляли местные мастера (Дарбакова, 1968, с. 22). Об этом не раз упоминали иностранные путешественники. Так, П. С. Паллас отмечал, что «мелкие к оружию и на другие надобности потребные вещи делают калмыки сами» (Сычев, 1973, с. 63). А по словам И. Георги, изготовленные бурятами «железные вещи с серебряной чеканкой» были «славны по всей России под именем братской работы» (Егунов, 1990, с. 55).

В кочевых средневековых обществах номадов Центральной Азии кузнецы занимали почетное место в племенной социальной иерархии. Это нашло свое отражение в монгольском средневековом фольклоре. В представлении аратов «кузнецы являлись покровителями людей; они способны были предотвратить зло и содействовать установлению на земле счастья и плодородия» (Соктоева, 1988, с. 42). Почтительное отношение степняков к кузнецам отразилось и в мифах о «небесных кузнецах», которые нисходили на землю и приобщали кочевников к работе с металлами (там же, с. 42). Неудивительно, что и феодалы, и рядовые кочевники относились к степным кузнецам с исключительным пиететом. В 1620 г. халхаские нойоны установили огромные штрафы за кражу кузнечных принадлежностей. Так, за кражу наковальни виновный оштрафовывался на три «девятка» скота (27 голов скота), за кражу «малой» наковальни («наковальни для ковки гвоздей»), а также «мехов» и «клещей» штраф составлял один «девяток» (9 голов крупного и мелкого скота) (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 56).

В монгольских улусах над изготовлением оружия трудились кузнецы — «дарханы». В документе 1665 г. упоминаются ойратские «мастера куячной работы», т. е. кузнецы, специализирующиеся на изготовлении доспехов (Батмаев, 1992, с. 147). Это важный момент, так как наличие специалистов говорит о разделении труда в производстве вооружения. Мастера по доспехам существовали в земледельческих государствах: Маньчжурии, Китае, Корее, а в Средней Азии были целые династии «доспешников» — «джабатабов» (Бобров, Худяков, 2002, с. 114). Для повышения профессиональных качеств собственных оружейников могущественные степные правители отправляли своих «дарханов» обучаться искусству изготовления защитного панцирного вооружения к соседям (там же, с. 147).

Наряду с профессиональными «доспешниками» изготовлением панцирей традиционно занимались и простые кочевники. По монголо-ойратским законам 1640 г. ежегодно две из сорока кибиток должны были «делать латы», не справившиеся с этой задачей могли быть оштрафованы на коня или верблюда (Их-Цааз, 1981, с. 19, 47). Таким образом, помимо профессиональных «мастеров куячной работы» (Батмаев, 1992, с. 147), иностранных и местных кузнецов(«дарханов»), к работе по производству защитного вооружения в тех его отраслях, где не требовался высококвалифицированный труд, привлекались и рядовые номады. Труд рядовых аратов активно использовали халхаские нойоны XVII—XVIII вв. В 1718 г. феодалы Халхи потребовали от военнообязанных монголов изготовить или приобрести для них к 1720 г. панцирное вооружение. Учитывая дефицит железа в монгольской степи, можно предположить, что подавляющее число изготовленных рядовыми аратами панцирей было выполнено из органических материалов.

В первой половине XVIII в. письменные источники фиксируют процесс создания крупных оружейных центров в Западной Монголии (Джунгарии). Их появление связано с целенаправленной политикой джунгарских хунтайджи, стремившихся централизовать и поставить под контроль процесс изготовления вооружения, в том числе и защитного. В этот период в Джунгарии были созданы государственные мастерские, размещавшиеся на территории земель, принадлежавших лично хунтайджи. Кузнецы-оружейники были объединены в специальный оток, названный Улутэ. Судя по кос-

венным данным, собранные в Улутэ мастера не были расквартированы в одном месте, а были распределены по нескольким производственным базам. Часть из них располагалась в Урге, а часть в непосредственной близости от мест добычи железа. Одной из таких баз стали окрестности оз. Тексел, где, по сообщению попавшего в плен к джунгарам жителя г. Кузнецка И. Сорокина, ойраты «издревле делали турки (ружья. — *Авт.),* сабли, панцири, латы, шлемы и прочее. И такого дела мастеров было у них близко тысячи человек» (Златкин, 1983, с. 239; Моисеев, 1990, с. 72). Судя по тому, что И. Сорокин возвратился в Россию в 30-х гг. XVIII в., производство вооружения на оз. Тексел было начато не позднее конца XVII — начала XVIII в., однако вряд ли намного раньше этой даты, так как, по сообщениям тех же русских наблюдателей, широкое производство защитного вооружения в джунгарских кочевьях началось именно в годы правления Цеван-Рабдана (1697-1727 гг.). По сообщениям И. Унковского (посещал Западную Монголию в 1722-1724 гг.), в джунгарских землях было найдено немало железной руды: «... в *недавних летах* (курсив наш. — *Авт.)* начали у него (у Цеван-Рабдана. — *Авт.)* оружие делать, а железо у них сказывают, что довольно находится, из которого панцири и куяки делают» (Златкин, 1964, с. 218).

К работе по изготовлению предметов защитного вооружения для джунгарских войск привлекались как местные мастера, так и оружейники с вассальных территорий. Например, в первой половине 40-х гг. XVIII в. в Ургу для изготовления оружия и предметов защитного вооружения были отправлены телеутские оружейники Южного Алтая. Зимой 1744 г. телеуты сообщали российским властям, что их соплеменники, «умеющие кузнечного мастерства, забраны во владение ево (Галдан-Церена. — *Авт.)* Зенгорское и делают на оного зенгорского владельца ружье и стрельные железца (наконечники стрел. — *Авт.),* панцыри и куяки и за ту де их работу дается им от помянутого зенгорского владельца жалованья».

В начале XVIII в. письменными источниками зафиксировано разделение труда (на уровне примитивной мануфактуры) при изготовлении предметов защитного вооружения. По сообщениям И. Унковского, «по всея лета собирают со всех улусов в Ургу к контайше по 300 и больше баб и чрез лето за свой кошт шьют к латам куяки (в данном случае — тканевую основу пластинчато-нашивных панцирей. — *Авт.)* и платье, которое посылают в войско» (Златкин, 1964, с. 218). Пластины (латы) изготавливались профессиональными оружейниками. Судя по данному описанию, железные пластины лат к матерчатой основе «куяков» приклепывались и пришивались мастерами-дарханами уже в полевых условиях. Разделение труда должно было ускорить процесс производства защитного вооружения, унифицировать покрой основной массы доспехов и в конечном счете увеличить число воинов, снабженных подобными предметами защитного вооружения.

На основании рассмотренных выше материалов представляется возможным выделить несколько этапов в развитии производства защитного вооружения в Центральной Азии XV-XVIII вв.

1. В XV — начале XVII в. панцири и шлемы производились степными оружейниками и кузнецами. Возможно, что некоторая часть доспехов (в основном из органических материалов) изготовлялась рядовыми номадами по собственной инициативе или по указанию феодала. Производимого монгольскими мастерами защитного вооружения явно не хватало. Панцири и шлемы стоили дорого, поэтому важную роль играли предметы вооружения, поступавшие из-за границы или с вассальных территорий. Значительное количество готовых предметов вооружения взималось ойратскими и северомонгольскими правителями в качестве дани с народов Саяно-Алтая. Сложно установить, в какой период ойратские правители начали собирать «алман» с жителей Саяно-Алтая железом и предметами защитного вооружения, но к моменту прихода русских в регион данная практика уже существовала. Таким образом, в этот период защитное вооружение, использовавшееся монгольскими воинами, отличалось значительным разнообразием покроя, особенностями оформления и конструкции.

2. В начале 40-х гг. XVII в. правители Джунгарии и Халхи предприняли попытку привлечь к процессу изготовления защитного вооружения широкие слои податного населения. Эта инициатива нашла свое отражение в «Великом уложении» («Их-Цааз») 1640 г., согласно которому двум семьям из каждой общины в 40 кибиток вменялось в обязанность изготовлять панцири. Даже частичное внедрение подобной меры в жизнь должно было существенно увеличить число панцирей, поставля-

емых в войска. Над изготовлением защитного вооружения в монгольских степях во второй половине XVII в. трудились не только рядовые араты, но и оружейники, специализировавшиеся на изготовлении панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей. Народы Саяно-Алтая в этот период продолжали играть важную роль в оснащении центральноазиатских войск предметами защитного вооружения.

3. В первой половине XVIII в. фиксируются важные изменения в процессе производства центральноазиатского защитного вооружения. Причем Джунгария и Халха выбрали разные пути достижения одной цели — увеличение объемов выпускаемого защитного вооружения. В Джунгарии новые тенденции связаны с централизацией производства панцирей и шлемов и разделением труда в процессе производства предметов защитного вооружения. В первой трети XVIII в. в ханстве были созданы крупные железодобывающие и железообрабатывающие базы, организованные по принципу государственных мануфактур, на которых трудились сотни квалифицированных мастеров, собранных из различных уголков коренных земель Ойратии и вассальных территорий (Алтая, Восточного Туркестана). Они расселялись в окрестностях Урги (на землях, входивших в состав личного домена хунтайджи), вносились в специальные списки и получали жалованье от хунтайджи. Кроме специалистов к работе на казенных мануфактурах привлекались рядовые араты, отрабатывавшие государственную барщину. При производстве доспехов на землях хунтайджи применялся принцип разделения труда: кузнецы изготовляли металлические элементы панцирей, а неквалифицированные мастеровые (в том числе женщины) работали с органическими элементами доспехов. Разделение труда должно было привести к известной унификации покроя доспехов, выпускаемых на государственных мануфактурах, и стандартизации их конструкции. В результате создания государственных мануфактур значение производства защитного вооружения в кочевьях отдельных феодалов уменьшилось. Все более важную роль начинает играть централизованное государственное поточное производство.

Роль племен Саяно-Алтая как поставщиков предметов защитного вооружения для джунгарской армии в этот период несколько снизилась. Теперь нередко вместо готовых панцирей и шлемов с жителей региона взимали железное сырье и металлические изделия. Собранное железо, в случае необходимости, могло было быть перековано в предметы вооружения. Частичный отказ от взимания дани в виде защитного вооружения, вероятно, связан с тем, что часть наиболее квалифицированных алтайских мастеров несла отработку государственных повинностей непосредственно в Джунгарии, а уровень качества производимого в Урге вооружения в это время сравнялся (а возможно, и превысил) с уровнем качества вооружения, производимого в Саяно-Алтае. Немаловажным являлся и фактор присутствия в регионе Российского государства, стремившегося не допустить продаж ойратам железных изделий вообще и вооружения в частности. При этом джунгары продолжали взимать дань предметами защитного вооружения с народов Средней Азии, отдававших приоритет производству передовой кольчато-пластинчатой брони.

По другому пути в начале XVIII в. пошли правители Халхи, которая в этот период уже стала частью Цинской империи. Халхаские феодалы и их цинские советники абсолютизировали принцип, зафиксированный в своде «Их-Цааз». Обязанность иметь собственный панцирь была вменена каждому кочевнику Халхи и закреплена серией законов, включенных в сборник «Халха Джирум». В течение нескольких лет каждый воин должен был изготовить или приобрести себе панцирь. Контроль за исполнением данного поручения был возложен на местных чиновников и феодалов, которым также вменялось в обязанность приобретать панцири для своих подчиненных. Значительные объемы защитного вооружения в халхаские и, особенно, в южномонгольские армии поступали в этот период из Цинского Китая.

Качество предметов защитного вооружения нентральноазиатского производства

На протяжении длительного времени в отечественной историографии преобладало скептическое отношение к предметам защитного вооружения, изготовлявшегося кочевниками. Считалось, что в столкновении с оседлыми народами номады одерживали победы благодаря оружию дальнего боя, в то время как в области защитного вооружения они сильно уступали своим противникам-земледельцам. Это мнение во многом основывается на

данных, накопленных российской наукой в XIX в. Посещавшие Монголию в XIX — начале XX в. русские путешественники и военные, ознакомившись с монгольскими «мягкими» панцирями, сформулировали пренебрежительное отношение к монгольскому доспеху вообще и отметили его деградацию в период позднего Средневековья и Нового времени (Материалы по Маньчжурии и Монголии, 1906, с. 22).

Однако знакомство с письменными материалами XV-XVIII вв. позволяет по-иному взглянуть на данную проблему. Наиболее объективными информаторами по данному вопросу являются противники центральноазиатских кочевников, которые сталкивались с ними на поле боя и могли на практике оценить боевые характеристики защитного вооружения номадов. Анализируя среднеазиатские, русские и китайские письменные источники, можно прийти только к одному выводу: мнение о примитивности защитного вооружения, производившегося познесредневековыми номадами Центральной Азии, сильно преувеличено.

Уже после первых столкновений с центральноазиатскими кочевниками русские служилые люди высоко оценили панцири и шлемы, изготовленные сибирскими и монгольскими мастерами. По сообщениям казаков, «брацкие мужики (буряты. — *Авт.)* воинские, многие конные, бывают на боях в куяках и в наручах, и в шишаках, а мы, государь, холопи твои, людишки неодежные, пансырей у нас нет, и с своих худых пищаленок их брацких куяков не пробиваем» (Михайлов, 1993, с. 8). Эти жалобы можно было бы списать на желание казачьих атаманов получить из Москвы дополнительные ресурсы на ведение боевых действий в Южной Сибири. Однако свою готовность приобретать сибирские и центральноазиатские панцири и шлемы сибирская администрация подтвердила конкретными делами. Уже в 1622 г. сибирским воеводам было рекомендовано брать ясак с «кузнецких сибирских людей» «шеломами, и рогатинами, и саблями». При этом объясаченным русскими родам шорцев запрещалось продавать и давать в качестве «алмана» джунгарам стратегические товары, в число которых наряду с пушниной («мягким золотом») попали все те же «шеломы, пансыри, рогатины и сабли» (Потапов, 1953, с. 167). Вообще на протяжении всего рассматриваемого периода мы фиксируем многочисленные примеры уважительного отношения русских служилых к металлическим изделиям народов Саяно-Алтая. Даже после того как земли Саяно-Алтая были включены в состав Российского государства и поток товаров из европейской части России значительно расширился, русские поселенцы продолжали использовать металлические предметы, произведенные «кузнецкими людьми». Алтайское железо и изготовленные из него предметы вооружения вызывали неподдельный восторг как у русских землепроходцев XVII в., так и у их потомков, живших во второй половине XIX в. (Потапов, 1936, с. 104; Радлов, 1989, с. 159).

Судя по данным письменных источников, русские служилые люди считали сибирские пластинчато-нашивные доспехи более практичным видом защитного вооружения, чем их собственные кольчатые «пансыри». Так, по словам участника академической экспедиции И. Г. Гмелина,«они(красноярские служилые люди. — *Авт.)* имели двойные кольчуги (в данном случае панцири вообще. — *Авт.),* которые закрывали все туловище. Одна состояла сплошь из маленьких колец (т. е. собственно кольчатый доспех. — *Авт.),* а другая из тонких железных пластинок (речь идет о подбитом пластинами куяке. — *Авт.).* Последний вид кольчуги, по мнению служилых, легче носить, чем первый. Такой панцирь закрывает, как уже было сказано, все туловище, грудь, живот, всю спину и руки. К тому же носили еще и шапку, сверху покрытую железом» (Зиннер, 1968, с. 159).

Торговля куяками очень быстро стала прибыльным делом. Стоимость обычного пластинчато-нашивного панциря равнялась 5 рублям, что соответствовало стоимости коня (Новгородов, 1955, с. 159), а богато оформленные доспехи монгольского производства обходились покупателю в 10 рублей (Бахрушин, 1955, с. 34). За обладание доспехами, изготовленными сибирскими и центральноазиатскими мастерами, в среде русских служилых даже вспыхивали потасовки. В 1646 г. в отряде Курбата Иванова произошла драка, в ходе которой профессиональные воины — «служилые» были избиты примкнувшими к отряду добровольцами — «охочими» и «промышленными людьми». Ярость добровольцев была вызвана тем фактом, что Курбат взял в казну куяки, захваченные у бурят, причем сами «охочие люди» считали, что командир отряда «отнимает» у них законную добычу (Якутия..., 1953, с. 316). После сражений русские казаки и

стрельцы обходили тела убитых степняков и «сдирали» с них «доспеси и приправы», собирали наручи и шлемы. После боев с кыргызами, тубинцами и алтырцами русские служилые люди «отымали» и «сымали с убитых воров, изменников куяки и шишаки и бумажники» (ДАИ, 1862, с. 176), которые затем передавались на хранение в государеву казну и использовались русскими в ходе боевых действий. Так же поступали и с захваченными в боях «братскими куяками» (ДАИ, 1846, с. 250). В ходе победоносных сражений русским часто доставались и бурятские «шоломы», «отбитые у многих брацких людей с голов» (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 88). Престижным предметом защитного вооружения считались добытые в бою «куяки» кыргызского производства и особенно кыргызские «наручи булатные» (Бутанаев, 1995, с. 17). В первой половине 20-х гг. XVII в. томский воевода Иван Шеховский вымогал у кыргызского князца Исарского улуса Кочабая «булатные наручи», в обмен на которые он обещал отпустить на родину сына Кочабая Уруску (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 55). В 1641 г. Я. О. Тухачевский сообщал в Сибирский приказ: «А убито их, изменников (енисейских кыргызов. — *Авт.),* на бое... человек с семдесят и многих изменников кыргыских людей ранили... и многие лошади, и куяки, и платье служивые люди побрали» (там же, с. 103).

Однако гораздо чаще сибирские и центральноазиатские панцири попадали в руки русских служилых людей в ходе торгового обмена. Казаки Красноярского гарнизона с большой охотой покупали «куяки добрые под сукном» у качинцев и аринцев. Пластинчато-нашивные панцири изготовлялись местными мастерами-качинцами или приобретались у джунгар (Бахрушин, 1955, с. 34). В последнем случае пластинчато-нашивной доспех стоил очень дорого. Обычно «шапки железные», «шишаки», «шеломы», куяки и иные «доспеси» приобретались русскими служилыми людьми за рогатый скот, лошадей, цветные металлы и меха, однако они же могли обмениваться (несмотря на строжайшие запреты) и на предметы вооружения, изготовленные русскими мастерами, в том числе и на огнестрельное оружие. Так, качинский татарин Кула выменял «винтовку» у пятидесятника Родиона Кольцова за пару «мугальских наручей» (там же, с. 132). По сведениям С. В. Бахрушина, панцири и куяки шли в межэтнической торговле в качестве единиц обмена, как у древних греков (Бахрушин, 1955, с. 182). Чтобы заполучить понравившийся доспех, служилым людям приходилось использовать все свое «дипломатическое мастерство». Известный «добытчик куяков» Герасим Никитин, для того чтобы выкупить у кыргызского князца понравившийся ему куяк «с посеребренным гвоздьем» (т. е. с посеребренными панцирными заклепками), ездил к князцу «с пивом и вином» и, входя в доверие, подолгу пьянствовал в юрте, о чем он не преминул сообщить в своем отчете (там же, с. 132).

Слухи о высоких боевых характеристиках сибирских доспехов достигли Москвы. Заинтересовавшись качеством сибирских и центральноазиатских доспехов, московское правительство в 1675 г. потребовало покупать туземные панцири и пересылать их в Москву: «...а пансыри по нашему, великого государя, указу велено в Сибири покупать в нашу государеву казну и присылать к нам, великому государю». Розничная покупка предметов защитного вооружения и их самостоятельный вывоз в европейскую часть России были категорически запрещены: «...и чтоб однолично никто мимо нашей великого государя казны пансырей не продавал и к Руси не вывозили» (ДАИ, 1857, с. 375). Однако, несмотря на строгие запреты, русские служилые продолжали приобретать панцири сибирского и монгольского производства.

В этой связи интересна оценка, которую дал вооружению ойратов (калмыков) хорватский священник Юрий Крижанич, знакомый с доспехами Европы и Московского государства: «Что касается военного дела, то калмыки выходят на бой прекрасно вооруженные, т. е. в шлемах, с копьями и в кольчугах... Калмыки держатся гусарского строя (имеется в виду строй латной "крылатой" конницы польских копейщиков. — *Авт.):* носят копье, лук и саблю и латы и закрывают железом локти и бедра или носят кольчуги» (Титов, 1890, с. 180).

Центральноазиатское защитное вооружение приобреталось российскими подданными даже в середине XVIII в. Например, в 1752 г. джунгарские купцы привезли на продажу в один из российских городов «3 панцыря» (Модоров, 1996, с. 113).

Центральноазиатские доспехи пришлись по вкусу не только русским землепроходцам, но и жителям Средней Азии. Использование ойратских пан-

цирей воинами государств Тимуридов датируется концом XV в. Причем защитное вооружение западномонгольского производства носили представители высшей феодальной знати. В их числе — создатель империи Великих Моголов тимурид З. Бабур (Бобров, Худяков, 2002, с. 114), члены знатных фамилий городов Мавераннахра и Восточного Туркестана. Ойратские доспехи («калмыцкая джиба») и монгольские щиты упоминаются среднеазиатскими хронистами среди предметов вооружения, импортируемого в города Средней Азии. Это тем более удивительно, так как на XIV-XVI вв. приходится расцвет оригинального среднеазиатского доспеха, базирующегося на военно-культурных традициях, заложенных Чингизидами, и дополненного элементами входящих в моду кольчато-пластинчатых доспехов переднеазиатского типа. Это время расцвета тяжеловооруженной конницы, эпоха широкого распространения защитного вооружения среди среднеазиатских воинов. Тем не менее не только представители знати, но и рядовые нукеры активно приобретали центральноазиатские панцири. По наблюдениям Сейфи Челеби, датированным серединой XVI в., после сражений с ойратами жители Ташкента «обирают павших в сражении калмаков и снимают с них латы и доспехи...» (Султанов, 2005, с. 258). В то же время сами ойраты, после одержанных побед, иногда пренебрегали сбором панцирного вооружения убитых в сражении противников, предпочитая ему собственные доспехи: «А по сказке от пойманных богдойских (маньчжурских. — *Авт.)* и мунгальских людей по счету побито... 30 000, а збруи де тех китайских людей, куяков (панцирей. — *Авт.) я* сайдаков, те калмыцкие люди не брали, лежат в степи и до ныне, а на них де, калмыцких людех, збруя — пансыри да кольчуги, а на иных бумажники» (МРМО, 2000, с. 385).

Однако со временем ситуация изменилась и ойраты в массовом порядке стали закупать предметы защитного вооружения в Средней Азии. Это было связано не с падением качества западномонгольского панцирного комплекса, а с распространением в Мавераннахре передового кольчато-пластинчатого доспеха и кризисом производственных мощностей Джунгарского ханства, вызванным почти непрекращающейся пятидесятилетней войной.

В самой Центральной Азии сложились целые традиции по использованию предметов защитного вооружения и уходу за ним. Качественно сделанные доспехи хранились в семьях-десятки лет, на протяжении жизни нескольких поколений. Когда юноша, воспитанный в состоятельной семье, достигал определенного возраста, старшие члены семьи в торжественной обстановке вручали ему панцирь и шлем (Липец, 1984, с. 63). Судя по материалам калмыцкого эпоса, богатыри могли одалживать друг у друга наиболее надежные предметы вооружения, если им предстояли особо трудные испытания (там же, с. 65). Неудивительно, что даже в конце XVIII в. князья приволжских калмыков демонстрировали русским гостям бережно сохраняемые «панцири предков» (Сычев, 1973, с. 30). После смерти знатного врага самый достойный воин брал его жену, а «следующий по доблести за ним» — панцирь (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 75).

Наилучшим качеством отличались панцири, использовавшиеся высшими представителями феодальной знати Центральной Азии. В «Небольшом законе года железа — свиньи» (1611 г.) они названы «личные доспехи нойона», которые упоминаются отдельно от панцирей рядовых воинов (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 46). Высокое качество и стоимость таких доспехов вызывали к ним особое отношение. С этим отчасти был связан обычай давать имена личному оружию (Липец, 1984, с. 63). Доспехи представителей высшей джунгарской и калмыцкой знати носили собственные имена: «Казан», «Бертана», «Бизоу», «Ак-бурчаг», причем их стоимость по средневековым меркам была астрономической. Так, по сообщениям, датируемым серединой XVIII в., доспех «Казан» стоил «не менее десяти тысяч рублей», панцирь «Бертана» был «куплен всем калмыцким народом» и т. д. (Басхаев, 2000, с. 61).

Подводя итог оценке качества защитного вооружения кочевников Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени, необходимо отметить следующее. На протяжении рассматриваемого времени центральноазиатские и южносибирские мастера продолжали изготовлять доспехи, сопоставимые по своим характеристикам со среднеазиатскими и дальневосточными аналогами. По качеству исполнения центральноазиатские доспехи можно разделить на четыре основные категории:

1. Доспехи, изготовленные известными центральноазиатскими и восточнотуркестанскими мастерами. Эти доспехи отличались высоким качест-

вом и соответствующей ценой. Их награждали собственными именами и хранили на протяжении многих лет. Подобными панцирями и шлемами не брезговали даже представители высшей аристократии Средней и Восточной Азии.

2. Доспехи, изготовленные «мастерами куяшной работы» — профессиональными оружейниками и доспешниками. Они пользовались большим спросом как среди самих номадов, так и среди жителей Средней Азии XV-XVI вв., русских переселенцев XVII в., несмотря на то, что стоили дороже аналогичных панцирей и шлемов, изготовленных аборигенными мастерами Северного Алтая. К этой группе, вероятно, примыкают и предметы вооружения, изготовленные мусульманскими оружейниками — «джабатабами» ремесленных центров Восточного Туркестана, входившего в состав Джунгарского ханства.

3. Доспехи, изготовленные кузнецами-шорцами Северного Алтая и переданные в качестве «алмана» или проданные монгольским кочевникам. Кроме жителей Центральной Азии южносибирские панцири активно покупались и изымались русскими служилыми людьми, которые иногда предпочитали их кольчатым панцирям русского производства.

4. Панцири, изготовленные рядовыми номадами в рамках отработки государственной барщины и сданные в ханскую казну. Массовый характер производства подобных доспехов (вероятно, в основном из мягких органических материалов) непрофессиональными мастерами в степных условиях предполагает получение продукции наихудшего (по сравнению с другими категориями) качества. Однако и в этом случае нами не зафиксированы негативные отзывы современников о таких панцирях. Напротив, европейские путешественники XVIII в. оставили подробные описания процедуры изготовления бурятами «бумажников» и отметили, что сквозь них «не может проникнуть никакая стрела» (Михайлов, 1993, с. 44).

Уход за оружием. Центральноазиатские и дальневосточные полководцы требовали от своих воинов бережного отношения к наличному оружию. Латник должен был иметь специальные кожаные чехлы, которые одевались поверх металлических предметов защитного вооружения и защищали их от непогоды при транспортировке и хранении. Согласно «Их-Цааз», за кражу чехла для шлема вору отрубали палец. Для проверки состояния переданных в руки воинов предметов вооружения (в том числе и защитного) маньчжурские чиновники требовали от своих монгольских подданных проводить ежегодные осмотры войск, в ходе которых проводилась проверка исправности лат, луков и стрел (Цааджин бичиг, 1998, с. 67). Все воины, имевшие недостачу или повреждение оружия, платили штрафы скотом. Характерно, что штраф взимали не только за нехватку отдельных предметов вооружения, но даже за отсутствие «бирки с надписью сзади на шлеме и на спине шубы» и «пометки на ремне оружия» (там же, с. 67). Воины, утерявшие оружие в походе или в карауле, наказывались 80 ударами плети (там же, с. 84).

Широта распространения защитного вооружения среди иентральноазиатских кочевников в XV-XVIII вв.

Важным моментом в определении места панцирной паноплии в позднесредневековом комплексе вооружения номадов Центральной Азии является вопрос о широте распространения защитного вооружения среди кочевников региона XV-XVIII вв. Вопреки расхожему мнению о немногочисленности номадов, имевших панцирное вооружение, письменные источники XVII в. фиксируют наличие у монголов отрядов из нескольких сотен и даже тысяч человек, поголовно снабженных защитным снаряжением. В 1635 г. в ходе сражения русских служилых людей под командованием Андрея Просовецкого с кыргызами Изергея на стороне последнего выступал отряд монгольских «куяшников» из 400 всадников (Миллер, 2000, с. 682-683). В 1643 г. русские соглядатаи зафиксировали у Ямышева озера «колмацких людей куяшников ж 2000 человек», которые находились под командованием далеко не самого крупного монгольского феодала — тайши Куйши (там же, с. 479). В 1658 г. тюменские служилые люди видели «на урочище на Каратуне многих татар и калмыков в пансырях и в куяках, стоят полками» (МРМО, 1996, с. 52). Во время похода на Крым калмыцкий Мазан-Батыр вел отряд, состоявший из 300 воинов-латников (Басхаев, 2000. с. 65). В 1688 г. иркутский воевода А. Синявин предписывал своим порученцам взять «братских людей по выбору и развесть в Ыркуцкий сто пятьдесят тотчас с коньми и с ружьем, саадаки, и с куяки, и с панцири» (Михайлов, 1993, с. 42). В халхаских войсках Шидиширн Батур-Хунтайджи, дей-

ствовавшего против русских гарнизонов в Забайкалье во второй половине 80-х гг. XVII в., было не менее 4 тыс. панцирников, сведенных в единый отряд: «...выбрав мунгальских лутчих людей в куяках тысячи с 4 и больши, посылал первой их мунгальский Батур-контайша к морю и за море к Ыркуцкому острогу мимо Ильинскую заимки на брацких людей...» (МРМО, 2000, с. 141).

Большая часть свидетельств о многочисленности конных латников в монгольских армиях относится к XVII в. Однако сведения о широком распространении защитного вооружения среди ойратов мы находим и в более ранних письменных источниках. Так, в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» («История Абул-Хайр-хана») Масуда Бен Усман Кухистани (написана в 40-х гг. XVI в.), повествующей о жизни Абул-Хайр-хана (1412-1469 / 70), построенные для битвы войска ойратского («калмакского») Уз-Тимур-тайши сравниваются с «железной горой» (МИКХ, 1969, с. 169). В другом месте Кухистани поясняет, что он понимает под этим термином: «Поле битвы, (покрытое) латниками и воинами в кольчугах, сделалось подобным железной горе...» (там же, с. 166). В ходе битвы войск Абул-Хайр-хана с ойратами «воздух над полем битвы от шума кольчуг и лат воинов шумел словно кипящее море» (там же, с. 169). Интересно, что клише «железная гора» употребляется Кухистани еще один раз, при описании войск правителя Самарканда — тимурида «царевича Абдаллаха», составленных из дружин и ополчений городов Мавераннахра. Войска Тимуридов этого периода исключительно широко применяли защитное вооружение. Это подтверждается как данными письменных источников, так и изобразительными материалами. Неудивительно, что при описании сражения степняков Абул-Хайр-хана и тимуридских войск защитное вооружение упоминается исключительно часто: «От блеска пик, мечей, шлемов, щитов и их (Тимуридов) разноцветных знамен степное поле сражения украсилось, как небесный простор», «...кольчуги на телах врагов разрывались, как бумага на фонаре» и т. д. (там же, с. 166). Характерно в этой связи, что при описании сражений Абул-Хайр-хана с войсками его степных тюркских противников защитное вооружение упоминается значительно реже, а построения кочевников Дешт-и-Кипчака ни разу не сравниваются с «железной горой».

Широко применяли предметы защитного вооружения и вассалы позднесредневековых монгольских ханств. Так, по сообщениям иностранных путешественников, енисейские кыргызы «все сделаны из железа» (Митько, 2004, с. 176). В конце XVII в. Избрант Идее и Адам Бранд писали, что кыргызы «никогда не идут в набег без кольчуг и пик» (Идее, Брант, 1967, с. 281)[1]. В 1645 г. во время набега на лагерь эхиритов, который покинули ушедшие на войну мужчины, казаки обнаружили в юртах вместе с 30 женщинами и 18 детьми «11 куяков, 8 шеломов, 7 наручей, да государевой казны пансырь, да лоскутье пансырное» (Михайлов, 1993, с. 15). Маловероятно, что бурятские воины ушли в поход, не захватив с собой «доспеси и приправы», а следовательно, оставшиеся в лагере предметы вооружения — 11 панцирей, 8 шлемов, наручи, русский кольчатый «пансырь» и кольчужные элементы — находились «на хранении», в запасах. На широкое распространение защитного вооружения среди кочевников в эпоху позднего Средневековья указывает также факт наличия панцирей и шлемов у южносибирских кыштымов центральноазиатских народов, ранее практически их не использовавших. Панцирные пластины от пластинчато-нашивного куяка найдены в Минусинской котловине в шаманском погребении начала XVIII в. По данным русских письменных источников, «татаровя Картагульского городка Ичейка з детьми приезжают в туринский чертеж... в пансырех, с луками и со стрелами...» (Миллер, 2000, с. 596). В «отписках» русских служилых людей XVII в. «бездоспешные» казаки противопоставляются «доспешным» кыргызам, бурятам и монголам (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 59). При описании военного искусства монголов XVII в. русские источники постоянно подчеркивают наличие у кочевников предметов защитного вооружения: «...а ездят на бой в куяках, и в шеломах, и в наручах, и в наколенках, а у иных де у лучших людей и лошади бывают на боех в железных доспесях и приправах» (МРМО, 1959, с. 286), «...а бой де у колматских людей лучной и копейной, и сабельной... А на бой ездят в куяках железных да в шишаках, а в куяках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля (их. — *Авт.)* не имеет» (там же, с. 54). При

[1] Интересно в этой связи, что если защитное вооружение включено в число непременного вооружения енисейских кыргызов, то при перечислении вооружения сибирских татар оно даже не упомянуто (Идее, Брант, 1967, с. 279).

описании столкновений с бурятами и кыргызами «куяки, шеломы, шишаки, наручи» степного производства фигурируют постоянно.

В эпоху позднего Средневековья в ряде монгольских документов слово «воин» заменялось словом «хуяг» (т. е. «панцирь» в значении «панцирник»). В первом маньчжурском своде законов для южных монголов «Цааджин бичиг» слово «латник» является синонимом для большинства категорий воинов, включая караульных, охранников, высылаемых в погоню преследователей, и т. д. (Цааджин бичиг, 1998, с. 83-84, 92, 103). На широкое распространение защитного вооружения среди монголов указывает и ряд косвенных признаков. Так, доспехи, наряду с традиционным оружием кочевников (луками и саблями), преподносились в дар правителям соседних земель. В 1636 г. халхаские послы Тушэту-хана и Цэцэн-хана поднесли в дар маньчжурскому правителю «золотые луки, панцири и мечи» (Ермаченко, 1974, с. 72-73).

Основными потребителями предметов защитного вооружения в XVI-XVII вв. были представители знати, их окружение, профессиональные военные и состоятельные номады: полководцы — «орлог», знаменосцы — «тугчин», трубачи — «буречин», телохранители — «хя», дружинники монгольских князей и др. Все они составляли «цагаан цэрэг», или «белое войско», противопоставлявшееся «хара цэрэг», т. е. «черному войску», составленному из аратов-ополченцев. Согласно Б. Я. Владимирцову, «хара цэрэг» состояло из нескольких групп населения: «сайн хун» («добрых людей») — зажиточных кочевников, не принадлежавших к нойонству, но имевших материальный достаток и людей в услужении, «дундхун» («средних людей») — простолюдинов, обладавших некоторым достатком, но не имевших слуг, и «энгийнхун» («простых людей») — бедных аратов. Номады, причисленные к «добрым» и «средним людям», использовали панцири различных видов и типов покроя и составляли категории воинов-панцирников: «лубчитэн» (по Б. Я. Владимирцову; «конные гоплиты»), «дуулгат» и «дэгэлэй хуягт». «Энгийн хун» составляли легковооруженную конницу, снаряженную в основном луками, стрелами и длинными пиками («лехкие люди»)[2], которая шла в набег и в бой вместе с «куяшниками» (МРМО, 2000, с. 124). Однако, вероятно, и воины категории «энгийн хун» иногда использовали панцири, которые они могли получить от своих нойонов в канун военной кампании, захватить в качестве трофея или получить в награду за исполнение своих воинских обязанностей. Этот же доспех у арата могли отобрать, если он «сбежит» с поля боя. На возможность наличия панциря у «простолюдина» («qara terigutu») указывают «Восемнадцать степных законов» Халхи конца XVI — первой трети XVII в.: «Если простолюдин, не спросясь у нойона, уйдет (откочует. — *Авт.),* (взять у него) алданги (штраф. — *Авт.):* панцирь, четыре лошади, одного верблюда... Если сбежит простолюдин в панцире, взять у него панцирь и четыре лошади. Если без панциря — взять две лошади» (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 42, 54).

Для обеспечения панцирным вооружением ополченцев и награждения отличившихся в хранилищах монгольских князей и знати находились сотни комплектов доспехов, которые еще по законам эпохи Чингиз-хана выдавались воинам накануне боевых действий (Хара-Даван, 1995, с. 99). Такая же система была введена Тимуром, а затем Шейбанидами в Средней Азии (Бобров, Худяков, 2002, с. 114). Изъятие (награждение) доспеха было одним из основных элементов наказания (поощрения) среди монгольской аристократии и ее нукеров. Норма взыскания с лиц «ханского происхождения» и борджигинов штрафа в сто панцирей встречается уже в тексте «Великого закона года обезьяны» (1620 г.) (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 53, 54) и многократно упоминается в «Великом уложении» 1640 г. Согласно «Их-Цааз», единовременное изъятие у владетельных князей ста панцирей являлось частью наказания за отказ от участия в военных действиях, убийство священнослужителей, укрытие беглых, бегство с поля боя. С невладетельных князей за те же проступки следовало брать по десять панцирей (Их-Цааз, 1981, с. 14-15).

Законы Халхи конца XVI — первой трети XVII в. и «Великое уложение» принятое на съезде халхаской и ойратской знати в 1640 г., выделяют несколько категорий воинов, обладавших доспехами. Помимо князей и их многочисленных родственников, это знаменосцы («тогчин») и трубачи («буречин») — с них в случае провинности брали по пять панцирей; изъятием одного панциря могли наказать командиров сотен («хошучи»), телохранителей («хя»), вои-

[2] Не путать с фразой «идти в поход "лехким делом"», т. е. передвигаться без обозов и артиллерии (МРМО, 2000 с. 382).

нов в железных латах («лубчитен»), «шлемоносцев» («дуулгат») и воинов в стеганых панцирях из органических материалов («дэгеляй хуякт»). Простые воины («хара хун»), не имевшие доспехов, платили штраф конями, луками и стрелами (Их-Цааз, 1981, с. 15). За неявку на военные сборы даже у самых бедных латников панцирь должен был быть немедленно отобран (Насилов, 1989, с. 36). Панцирь убитого врага по законам 1640 г. мог взять его победитель, а «следующий за ним человек» мог выбрать между шлемом и «харабчи». Люди, пришедшие позднее, «должны взять по мере своего прибытия, кто что застанет» (Их-Цааз, 1981, с. 210). За спасение бегущего от неприятеля воина полагалось две лошади и панцирь (там же, с. 21).

Законы строго регламентировали стоимость различных видов доспехов и оружия. Эквивалентом предметов вооружения являлось определенное количество голов скота, объединенного в оценочные единицы, — «девятки» и «пятки». В состав «девятка» входили четыре головы крупного скота и пять мелкого (в основном овцы). В состав «пятка» входили две головы крупного и три головы мелкого скота. При обращении к данным монгольских законов следует помнить, что стоимость предметов вооружения обычно указывается при определении размера компенсации за его кражу. В эту цифру закладывается не только стоимость того или иного предмета вооружения при продаже, но и сумма самого штрафа за совершенное правонарушение. Поэтому подлинная стоимость предметов вооружения была, вероятно, несколько ниже указанной в законах. Кроме того, стоимость предметов вооружения во многом зависела от качества их исполнения, которое могло существенно разниться. Делая соответствующие поправки можно проследить общие контуры колебания цен на отдельные категории вооружения на протяжении XVII в. Так, в 1620 г. украденное копье оценивалось в один «девяток» (9 голов скота), сабля, комплект стрел, топор, шлем — в 1-3 «девятка» (9-27 голов скота). На этом фоне панцирь был более чем в три раза дороже самых дорогих (стандартных) сабель и шлемов и оценивался в 10 «девятков» (90 голов скота). В 1640 г. шлем («дуулга») оценивался, как и ружье, в 5-9 голов скота[3], «мягкий» панцирь и «харабчи» — в 9-27 голов скота. За кражу железного панциря в 1640 г. по-прежнему брали 90 «скотин». Таким образом, в первой половине XVII в. наблюдается постепенное снижение цен на отдельные предметы защитного панцирного комплекса, хотя цена самого корпусного панциря оставалась достаточно высокой. Интересно, что ружье по законам 1640 г. было дешевле металлических доспехов.

Во второй половине XVII в. стоимость панциря значительно уменьшилась. В общей сложности его цена за XVII в. снизилась почти в девять раз. Если в начале XVII в., поданным известного монголоведа Б. Я. Владимирцова, «панцирь (в данном случае имеется в виду панцирь из органических материалов. — *Авт.)* выменивался за девять "скотин", в число которых входил один верблюд, а ружье — за пять "скотин", то в конце XVII — начале XVIII в. за панцирь полагалось давать так же, как и за ружье, — одного взрослого коня». Вероятно, это явление объясняется не только повышением цены на скот вследствие сокращения его поголовья (Владимирцов, 2002, с. 461), но и более широким распространением защитного вооружения, что сделало его более доступным, а значит, и более дешевым. На это указывает и ценовое соотношение панциря и ружья. Если в первой половине столетия панцирь был дороже ружья (являвшегося в тот период популярной, но не особенно эффективной редкостью) почти в десять раз, то в конце века их стоимость не только пропорционально снизилась, но и сравнялась. Это можно объяснить, на наш взгляд, началом массового производства предметов защитного вооружения рядовыми аратами, которое было закреплено в Джунгарии и Халхе «Великим уложением» 1640 г., массовыми поставками защитного вооружения в Джунгарию с территории Саяно-Алтая и другими мерами, предпринятыми ойратскими и халхаскими феодалами в течение второй половины XVII в.

Точную численность панцирников в монгольских армиях определить достаточно сложно. Письменные свидетельства XVII в. позволили некоторым историкам сделать предположение о поголовном снабжении доспехами монгольских позднесредневековых воинов. Так, Н. Я. Бичурин высказал мысль о том, что Хо-Урлюк (в первой половине XVII в.) мог «выставить в поле 30 000 отборного войска и притом в латах, ибо по Степному уложению каждый

[3] Один «пяток» за шлем «дуулга» отдавал зять своему тестю при официальной продаже, за кражу шлема накладывался штраф в «девяток».

калмык-ратник должен был иметь оные» (Бичурин, 1991, с. 79; Сычев, 1973, с. 31). Последнее предположение представляется нам маловероятным. Количество панцирников в монгольских армиях было значительным, однако доспехами (даже кожаными и войлочными) были снабжены не все кочевники. Не случайно авторы законов 1640 г. отделили воинов в «мягких» панцирях («дэгэлей хуякт») от простых аратов-лучников («хара хун»). Русские служилые люди также различали среди монгольских воинов панцирников («куяшников») и легковооруженных воинов («лехких людей»). Иркутский воевода А. С. Синявин писал в январе 1688 г. приказчику Балаганского острога К. Усову: «...де они, тайши, хотят посылать от себя вскоре лехких людей да куяшников на братцкие улусы человек тысячи с полторы» (МРМО, 2000, с. 124). По словам рудоискателя 40-х гг. XVIII в. Петра Шелегина, ойраты снабжали железными доспехами в основном «отборные, лучшие войска» (Косымбаев, 1986, с. 47). Об этом же писал в 1665 г. и автор «Летописи самовидца»: «Люд военный, с копией вседают на коня, а некоторые и сагайдаки и стрелы (имеют. — *Авт.)*... В некоторых и панцири, а иные и наго идут до потреби. Люд отважный» (Басхаев, 2000, с. 56).

Наиболее достоверные сведения, на наш взгляд, о численном соотношении панцирников и легковооруженных воинов можно почерпнуть из донесений русских воевод, послов и соглядатаев, одной из задач которых был сбор сведений о «потенциальном противнике». Так, служилые люди конца 30-х гг. XVII в., отслеживавшие ситуацию в Хонгорае, у енисейских кыргызов, отмечали, что «садитца их на лошади с копи и в куяках человек с четырехсот, да человеков с пятьсот садитца в саадацах и древками». То есть, судя по донесению, из 900 кыргызских всадников 400 были вооружены копьями и носили панцири, а 500 были легкоконными лучниками и копейщиками. К этим сведениям следует отнестись с высокой степенью доверия, так как автор данной отписки Я. О. Тухачевский лично побывал в регионе и смог ознакомиться с особенностями военного искусства енисейских кыргызов, о чем он не преминул упомянуть в отписке: «И землицу, государь, я, холоп твой, Кыргызскую проехал трижды через всее земли идучи в Мунгалы к Алтыну царю и на Краснояр. И тех твоих государевых изменников (енисейских кыргызов. — *Авт.)* всех знаю и бой видел...» (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 91). Глава русской дипломатической миссии в Джунгарии И. Чередов писал в 1719 г., что у «контайши военного люда собирается... со сто тысяч и больше, в том числе с пятьдесят тысяч латников и пансырников» (Моисеев, 1990, с. 70). Сообщения середины 40-х гг. XVIII в. указывают на то, что у ойратов существовали отряды, в которых панцирями были снабжены лишь около 10% воинов. Так, в 1745 г. проникший за Телецкое озеро рудоискатель Петр Шелегин встретил на р. Башкаус отряд джунгар численностью около 500 человек. По его сообщениям, каждый из ойратов кроме «сайдака» имел «турку» (ружье). Шелегин насчитал в отряде 47 «кольчужников» (Косымбаев, 1986, с. 47). Эти данные указывают на то, что наряду с отрядами «куяшников» центральноазиатские полководцы использовали и смешанные подразделения с преобладанием легковооруженных воинов. Большинство свидетельств, относящихся к XVII — первой половине XVIII в., указывают на то, что численность панцирников в армиях кочевников Южной Сибири и Центральной Азии колебалась в пределах от 10 до 50%. Кроме того, существовали специальные «ударные» отряды из нескольких сотен и даже тысяч всадников, целиком укомплектованных панцирниками.

Численность панцирников в различных регионах Центральной Азии при этом сильно разнилась. Количество воинов, использовавших металлическое защитное вооружение, на Западе и Севере Монголии в XVII в. было большим, чем на Востоке, так как джунгары и монголы государства Алтын-ханов могли эксплуатировать производственные возможности шорцев, а ойраты — еще и оружейные мастерские Кашгарского Моголистана. Вероятно, в Южной Монголии, вошедшей в начале XVII в. в состав Маньчжурского государства, латников было еще больше, так как здесь действовали цинские стандарты: примерно 48 панцирников на 90 воинов роты «нюру» (Бобров, Худяков, 2003 а, с. 131-132). Стремясь приблизиться к этим стандартам, Тушетухан уже после вхождения Халхи в состав Цинской империи потребовал в 1709 г. от своих вассалов и чиновников резко увеличить число панцирников в халхаских ополчениях: «...ежегодно каждый сомон должен приобретать по десять панцирей. Если годичного количества панцирей не хватит, то взять с дзанси столько коней, сколько не хватило панцирей. Если кто приобретет панцирь сверх положенного, то пусть нойон наградит его конем старше четырех

лет». В том же постановлении в приказном порядке монгольской знати предписывалось приобрести доспехи, причем в случае отказа с халхаских феодалов мог быть взыскан штраф (конь), который обменивался чиновниками на панцирь, а последний передавался «доброму молодцу» («сайн эрэ»), которому не хватало средств на приобретение защитного вооружения (Халха Джирум, 1965, с. 82). Сложно сказать, были ли реализованы эти меры на практике, так как через девять лет в «Уложении» от 1718 г. власти грозили штрафом не только за отсутствие панциря, но и за отсутствие «пики, сабли, стрел» (там же, с. 85). Тем не менее, согласно новому распоряжению, в течение последующих двух лет (к 1720 г.) каждый военнообязанный монгол должен был сделать себе «мягкий панцирь» и «достать саблю» (там же, с. 86). В этот период повторная агрессия джунгар была очень вероятна (в 1718 г. «колмацкий» корпус захватил Тибет) и меры по перевооружению халхаских армий все-таки были приняты, хотя, вероятно, и не в тех масштабах, в которых предполагалось.

В целом очевидно, что на протяжении XVII — первой половины XVIII в. число панцирников в монгольских армиях неуклонно возрастало. Главной причиной этого была целенаправленная политика джунгарских, халхаских и цинских властей, стремившихся повысить устойчивость своих воинов в ближнем бою.

Панцири продолжали применяться кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири и во второй половине XVIII в. В середине XVIII в. панцирями были снабжены не только дружинники и ополченцы, составлявшие отряды халхаских феодалов, но и степные разбойники, промышлявшие грабежом пограничных с Монголией российских земель. Так, по сообщениям забайкальских казаков, в марте 1756 г. 300 «харацириков» («черных воинов») «в куяках и панцирях» «разбили» Дорогольский караул, взяли в плен 11 казаков и эвенков и отогнали из эвенкийских кочевий около 3 тыс. голов скота (Зуев, 1994, с. 71). По свидетельству Михаила Татаринова, буряты «для военного случая» в XVIII в. имели «панцири, сабли, а особливо много кольчуг и шапок железных; притом есть стеганые бумажники, которые настегаются раз по десяти и покрываются фанзою или дабою, которые бумажники стрела пробить не может». Ф. Ланганс в своей работе, законченной в 1789 г., замечает: «Они (буряты) имеют также панцыри и сабли, а у Селенгинских много кольчуг и шапок железных, сверх того бывают у них стеганые бумажники, которые наставляются раз по десяти, и покрываются фанзою и дабою...» (Ким, 1962, с. 156). По сведениям С. П. Крашенинникова, буряты крайне широко применяли элементы защитного вооружения: *«всякий из них* (курсив наш. — *Авт.)* кольчуги, куяки и панцири имеет» (Михайлов, 1993, с. 43). О том, что *«каждый* (курсив наш. — *Авт.)* вооруженный калмык имеет кольчуги, которые достают они по большей части от торгующих трухменцев», писал во второй половине XVIII в. П. С. Паллас (цит. по: Сычев, 1973, с. 452). В Тибете и Бутане местные воины продолжали использовать предметы вооружения вплоть до XX в.

Рассмотренные выше материалы указывают на то, что после крушения Юаньской империи монголам удалось восстановить добывающие и производственные структуры, служившие для изготовления предметов защитного вооружения в степных условиях. Важным источником поступления панцирей и шлемов, а также сырья для их изготовления для Джунгарского ханства стали племена Саяно-Алтая. Предметы вооружения среднеазиатского производства ввозились в Ойратию из Кашгарии и городов Мавераннахра. Основным поставщиком импортного защитного вооружения в Южную Монголию (а с конца XVII в. — ив Халху) являлся Цинский Китай. На протяжении рассматриваемого периода роль импортного вооружения неуклонно возрастала. В середине XVIII в. значительная часть джунгарских войск имела на вооружении оружие и доспехи среднеазиатского, а кочевники Внутренней и Внешней Монголии — цинского производства. Наряду с оружием, завезенным из-за границы, монгольские воины использовали доспехи местного производства. Над изготовлением панцирей и шлемов в монгольских кочевьях трудились кузнецы — «дарханы». Не позднее середины XVII в. фиксируется процесс специализации кузнецов-оружейников. Среди них выделяются профессиональные «доспешники», так называемые «мастера куяшного дела». В этот же период к работе по изготовлению «лат» были привлечены и широкие слои кочевого населения, в обязанности которому вменялось регулярное изготовление предметов защитного вооружения. В конце XVII — начале XVIII в. на территории Джунгарского ханства были созданы крупные

железодобывающие и оружейные центры, в которых трудились сотни мастеров. Разделение труда привело к созданию простейшего мануфактурного производства, в рамках которого профессиональные доспешники изготавливали металлические элементы доспехов, а согнанные на «государственную барщину» араты (в первую очередь женщины) работали с мягкими органическими материалами. Импорт и начало массового производства предметов защитного вооружения позволили монгольским правителям резко увеличить численность воинов, снабженных предметами защитного вооружения. Из конных латников формировались отдельные («ударные») подразделения в несколько сотен или даже тысяч человек, а в случае необходимости конные панцирники усиливали отряды легковооруженных воинов. Монгольские князья стали формировать собственные оружейные арсеналы, в которых хранились сотни комплектов защитного вооружения, накануне боевых действий выдаваемых рядовым аратам.

Широта распространения и типология позднесредневекового монгольского доспеха позволяют говорить о его значимости в комплексе вооружения центральноазиатских кочевников XV-XVIII вв. и в процессе эволюции панцирной паноплии средневековых номадов Южной Сибири и Центральной Азии.

7.3. **Панцири (зашита корпуса)**

Классификация панцирных пластин и кольчужных колеи

Основное предназначение панциря заключается в защите корпуса воина. Как минимум панцирь прикрывает его грудь, как максимум — весь корпус, включая руки и ноги (Горелик, 1993 а, с. 32).

В археологических памятниках Центральной Азии XV — первой половины XVIII в. обнаружено 17 остатков панцирей. Среди старых оружейных коллекций нами зафиксированы 7 позднесредневековых центральноазиатских и южносибирских панцирей (9 кольчуг, один пластинчато-нашивной, два кольчато-пластинчатых доспеха).

Вещественные остатки панцирей представлены панцирными пластинами (879 экз.) и кольчугами (12 целых панцирей). Сохранность и состав обнаруженных комплексов различны. Преобладают целиком сохранившиеся панцирные пластины, реже — фрагменты пластин. В 9 памятниках обнаружены целые пластинчатые и кольчатые панцири. Из 12 рассматриваемых в работе кольчуг 9 практически не носят следов повреждения, три кольчуги имеют разрывы на подоле и на нагрудной части.

Изображения 38 центральноазиатских воинов в панцирях в маньчжурской, китайской, монгольской и русской иконографии XV-XIX вв. выполнены в реалистичной манере, что позволяет привлекать их для реконструкции вариантов покроя предметов защитного вооружения эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

При системном анализе панцирей нашей серии использовались две классификации: первая — для железных панцирных пластин и колец, вторая — для самих панцирей. Такая методика обусловлена тем, что развитие составляющего единого целого может иметь свои особенности, непосредственно не связанные с общей формой. Так, панцирным пластинам (кольцам кольчуги) как деталям, из которых собирается панцирь, присущи самостоятельные закономерности изменения во времени и пространстве, как правило, не зависящие напрямую от покроя панциря. Это прежде всего система расположения отверстий в пластинах и их форма, система оформления и клепки колец (Горбунов, 2003, с. 32).

Всего нами учтено 716 экз. пластин и нескольких тысяч колец от 10 пластинчато-нашивных, одного кольчато-пластинчатого и 12 кольчатых панцирей. К анализу не привлекались пластины, вшитые в органическую основу центральноазиатского пластинчато-нашивного панциря из ГЭ и пластинчато-нашивного доспеха из монастыря Дрепунг (Тибет). Наличие органической подкладки и внешнего тканевого покрытия не позволило провести типологический анализ панцирных пластин этого доспеха. Пластины от панцирей из музеев Северного Китая также не включены в классификацию, так как вопрос о месте их изготовления остается открытым.

Для классификации использовано 434 экз. пластин от 10 пластинчато-нашивных и 74 пластины от кольчато-пластинчатого панциря. Серию составляют пластины от целых панцирей, их частей, отдельные пластины или фрагменты.

ДЛЯ системного описания панцирных пластин признаки разбиты на 5 уровней: класс, отдел, группа, тип, вариант. Класс выделяется по материалу изготовления; отдел — по системе соединения пластин (колец) между собой и (или) с органической основой (если таковая присутствовала); группа определяет сечение; тип фиксируется формой пластины (кольца) и пропорциями (длиной и шириной); вариант уточняет оформление поверхности пластины (кольца) и наличие дополнительных элементов.

Расположение отверстий и заклепок на поверхности пластины зависело от замысла мастера-оружейника. Особое значение этот факт имеет для панцирей с пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаной) системой бронирования. Представляется возможным выделить два основных принципа размещения заклепок на поверхности пластины:

1. Функциональный. Заклепки и отверстия для фиксации пластины и органической основы расположены по всей поверхности пластины. Расположение заклепок и отверстий обусловлено местом, которое занимает пластина в составе панциря, при этом жесткая универсальная фиксация расположения отверстий отсутствует (рис. 122-125). Дополнительные отверстия и заклепки добавлялись в связи с необходимостью увеличить жесткость соединения пластин между собой и (или) с органической основой, а при необходимости уменьшить жесткость соединения заклепки просто вынимались из гнезд. Как видно на целиком сохранившихся до нашего времени цинских пластинчато-нашивных панцирях, в одном доспехе на пластинах, занимающих одинаковое положение в составе панциря (например, на наплечниках), могло быть разное число заклепок. Вместе с тем необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев отверстия на таких пластинах располагались не в центре пластины, а по ее периметру.

2. Функционально-декоративный. При данном подходе расположение заклепок и отверстий на поверхности пластины диктуется не только функциональной необходимостью, но и стремлением украсить поверхность панциря, декоративно его оформить. Этот эффект достигался двумя основными способами: декоративным оформлением самой заклепки (фигурные заклепки-накладки) и особой системой расположения простых заклепок (фигурно расположенные заклепки).

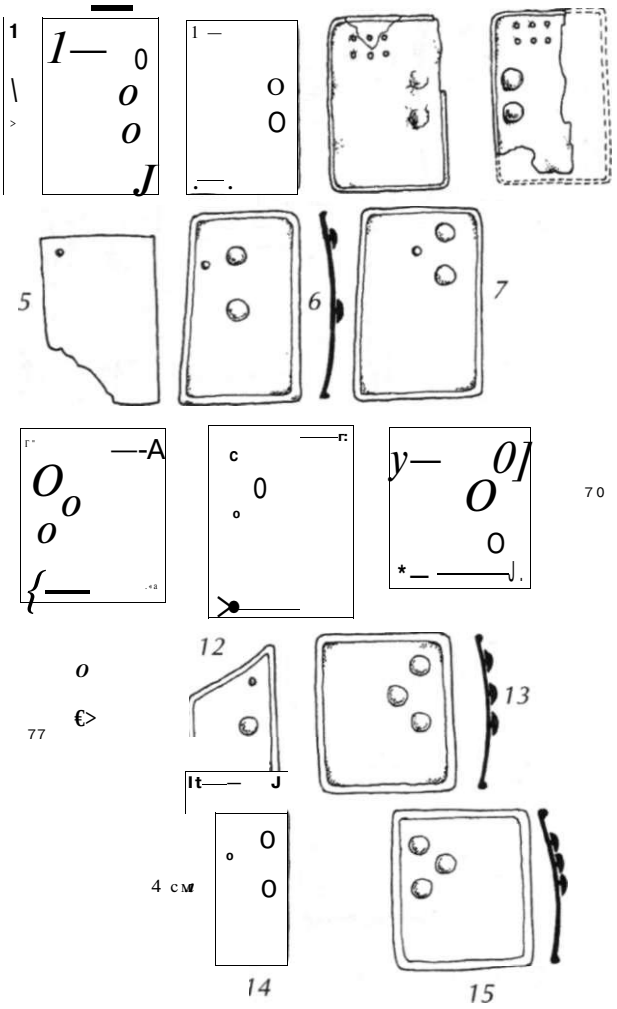

Рис. 118. Пластины от пластинчато-нашивного панциря из Монголии и панциря №1 из Тувы (тайник Ийи-Кулак).

Фигурные заклепки-накладки оформлялись в виде плоских или рельефных металлических пластинок, выполненных в форме многолучевых прорезных «звезд», «цветков», буддийских и языческих символов и т. д. (рис. 120, *10-13;* 121, /-//). Как правило, пластины, оформленные таким образом, фиксировались только одной фигурной заклепкой, расположенной по центру, на углу, в верхней части, реже у бокового края пластины.

Фигурно расположенные заклепки приобретали на пластине вид геометрических фигур — креста (пять заклепок), ромба (четыре заклепки), круга

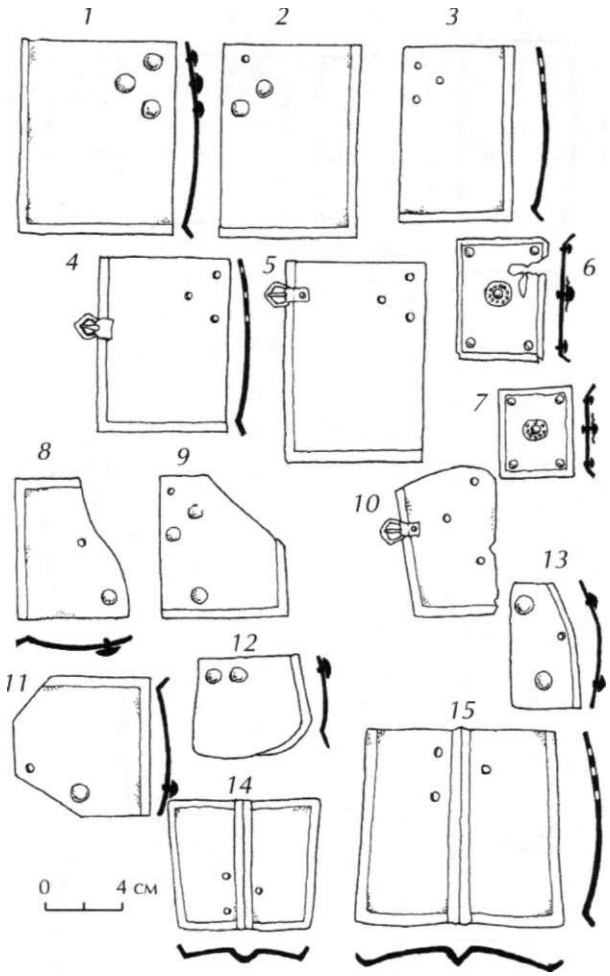

Рис. 119. Пластины от пластинчато-нашивного панциря №2 из Тувы (тайник Ийи-Кулак).

(пять-девять заклепок) и т. д. Группы фигурно расположенных заклепок обычно помещались мастерами в центральной части пластины или у верхнего края.

Промежуточным вариантом расположения заклепок на поверхности пластины являются группы заклепок, составлявших треугольник. В этом случае в оформлении пластины совмещались как сугубо функциональные, так и декоративные элементы (рис. 118,*8-10,13-15;* 119,1-5,*10,13,14,15)*. Пластинами с заклепками, расположенными треугольником, обычно бронировали нагрудник и наспинник пластинчато-нашивной «кирасы» или «халата».

Класс I. Железные. Все пластины и кольца нашей серии изготовлены из кованого железа.

Отдел I. Пластинчато-нашивные (пластинчато-клепаные). Пластины соединены (сшиты или приклепаны) с органической основой (иногда еще и дополнительно между собой) с помощью заклепок или заклепок и ремешков.

Группа I. Плоские с гладкой поверхностью. Пластины имеют гладкую поверхность (рис. 122, *2-13)*.

Тип 1. Прямоугольные. Включает 13 экз. из памятника Ортызы-Оба, Минусинская котловина (рис. 122), размер пластин: 10 х 9-6,5 х 4,5 см; 1 экз. из Монголии (рис. 118,5), размер пластины 8 х 5,5 см (рис. 122); 5 экз. из Айканского селища (Емельяновский р-н Красноярского края), размер пластин: 7,5 х 5,2-5,5 *х* 5,2 см (рис. 123,*1-3, 5-6)*.

Вариант 1. Прямоугольные пластины с функциональным расположением заклепок по поверхности пластины. Отверстия располагаются по всему периметру пластины и фиксируются заклепками в зависимости от функционального назначения пластины в составе панциря. Включает 19 экз. из Монголии, Минусинской котловины и юга Красноярского края.

Тип 2. Квадратные. Включает 1 экз. из памятника Ортызы-Оба, Минусинская котловина. Размер пластины 7х7 см.

Вариант 1. Квадратные пластины с функциональным расположением заклепок по ее поверхности. Отверстия располагаются по всему периметру пластины и фиксируются заклепками в зависимости от ее функционального назначения в составе панциря.

Тип 3. Трапециевидные со срезанным верхним углом. Включает 3 экз. — из памятника Ортызы-Оба, Минусинская котловина (2 экз.) и из Кежемского района Красноярского края (1 экз.) (рис. 122, *14)*.

Вариант 1. Трапециевидные пластины с функциональным расположением заклепок по ее поверхности. Отверстия располагаются по всему периметру пластины и фиксируются заклепками в зависимости от ее функционального назначения в составе панциря (3 экз.).

Группа II. Плоские с бортиком. Пластины имеют гладкую поверхность и снабжены бортиком по периметру. Включает 371 экз. от пластинчато-нашивных (пластинчато-клепаных) панцирей из Монголии, Тувы (памятник Ийи-Кулак).

Тип 4. Прямоугольные пластины размером 10 х 8-4,8 х 4 см.

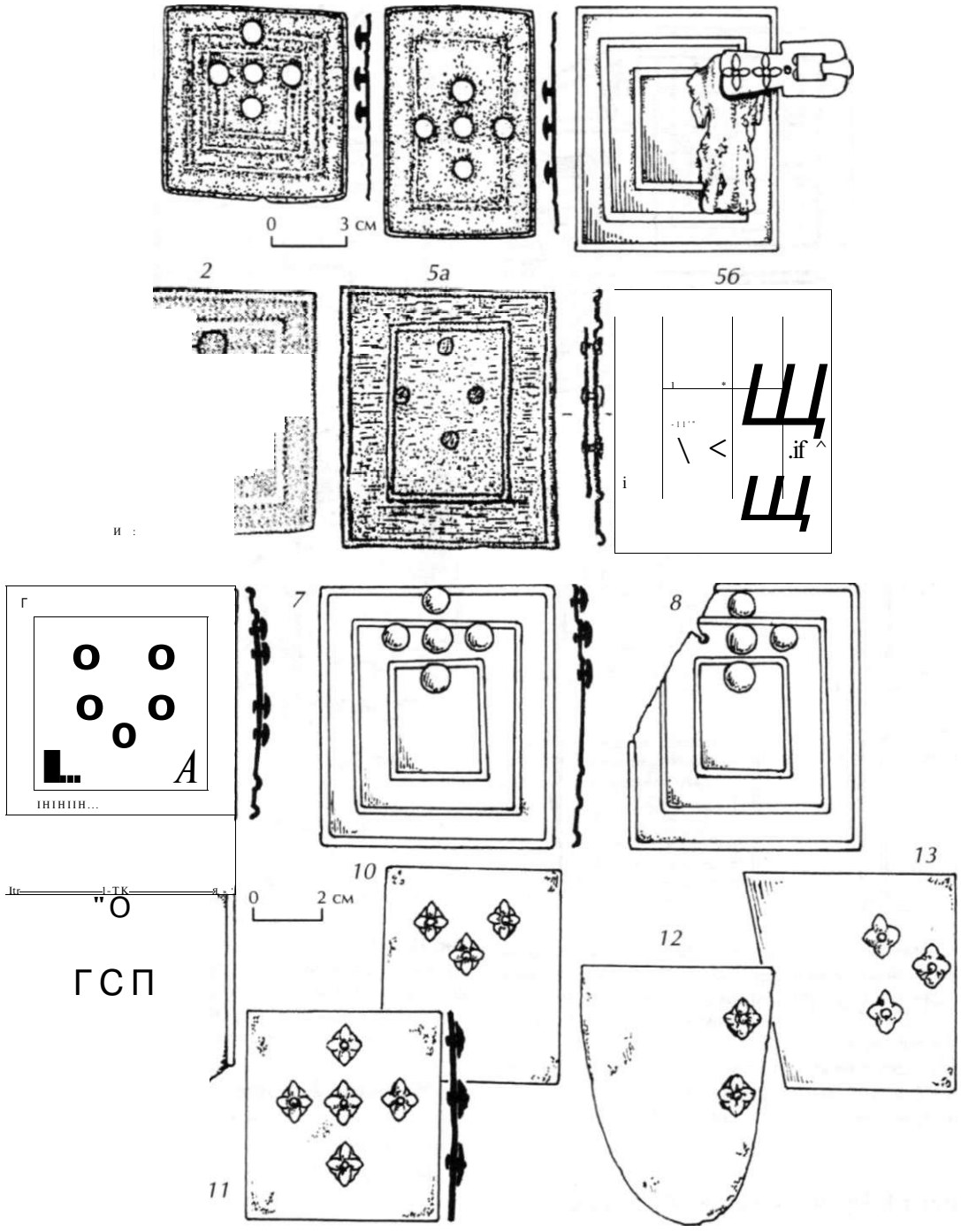

РИС. **120.** Ребристые *(1-9)* и плоские *(10-13)* железные пластины от пластинчато-нашивных панцирей и бармиц кочевников Южной Сибири *(1-5)* и Центральной Азии *(6-13)* периода позднего Средневековья и Нового времени с фигурно расположенными заклепками в виде геометрических фигур — креста *(1-4, 7-9),* ромба *(5),* круга (6) и фигурными заклепками в виде 4-лепестковых «цветков» (70-73). Из Причулымья (7-3), Минусинской котловины (4), с территории г. Новокузнецка *(5),* из Тибета (6), из состава пластинчато-нашивных бармиц джунгарских шлемов (7-73).

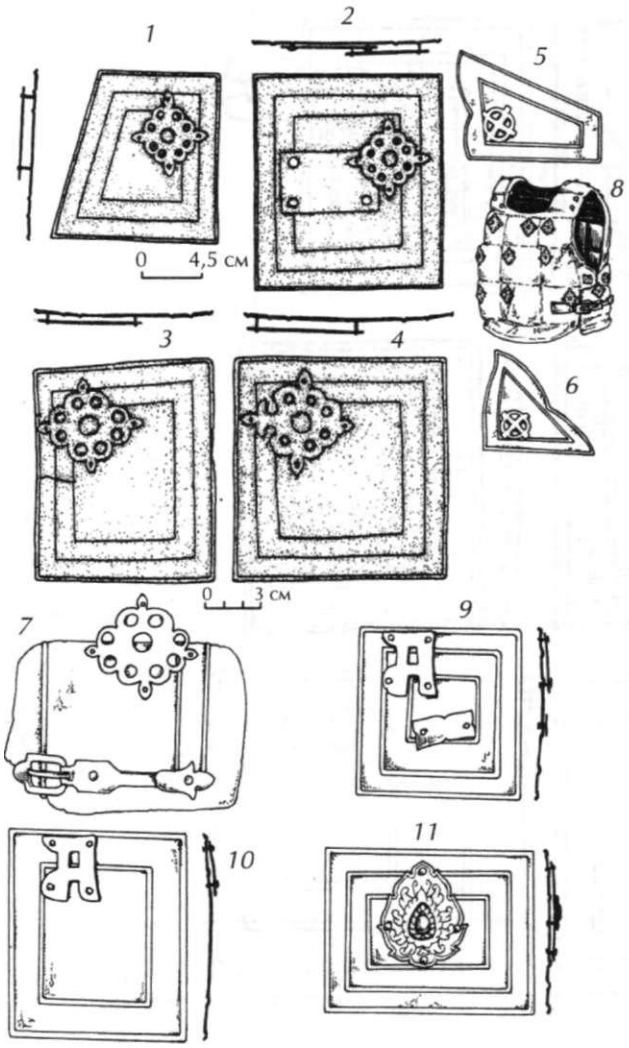

Рис. 121. Ребристые железные пластины от пластинчато-нашивных паниирей кочевников периода позднего Средневековья и Нового времени с фигурными заклепками в виде многолучевой звезды *(1-4,*7), А-образного символа «Ом» (9-70), «пламенеющей жемчужины». Кыргызские из Минусинской котловины *(1-7),* от джунгарского пластинчато-нашивного панциря из фондов МАЭС ТГУ *(9-11).* Вариант реконструкции кыргызского пластинчато-нашивного панциря из Минусинской котловины *(8).*

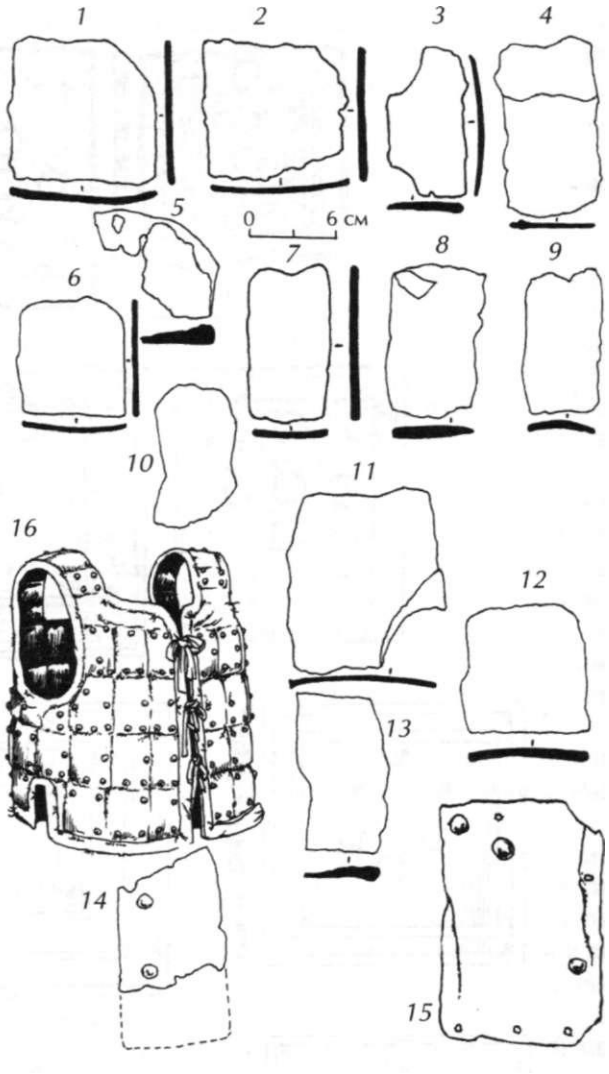

Рис. 122. Пластины от пластинчато-нашивного панциря из Минусинской котловины (Ортызы-Оба) *(1-13),* пластина из Кежемского района Красноярского края (*14),* пластина от пластинчато-нашивного панциря из Парабельской коллекции *(15),* реконструкция панцирного «жилета» из памятника Ортызы-Оба *(16).*

Вариант 1. Прямоугольные пластины с бортиком, функциональным расположением заклепок по поверхности пластины и дополнительными отверстиями для пришивания к органической основе. Включает 2 экз. из Монголии (8 [x] 5,5 см) (рис. 118, *3,4).*

Вариант 2. Прямоугольные пластины с бортиком, функциональным расположением заклепок по поверхности пластины (рис. 118,/, *2).*

Вариант 3. Прямоугольные пластины с бортиком, функционально-декоративным расположением заклепок (3 заклепки скомпонованы треугольником) по ее поверхности (рис. 118, *8-10, 13-15).*

Вариант 4. Прямоугольные пластины с функционально-декоративным расположением закле-

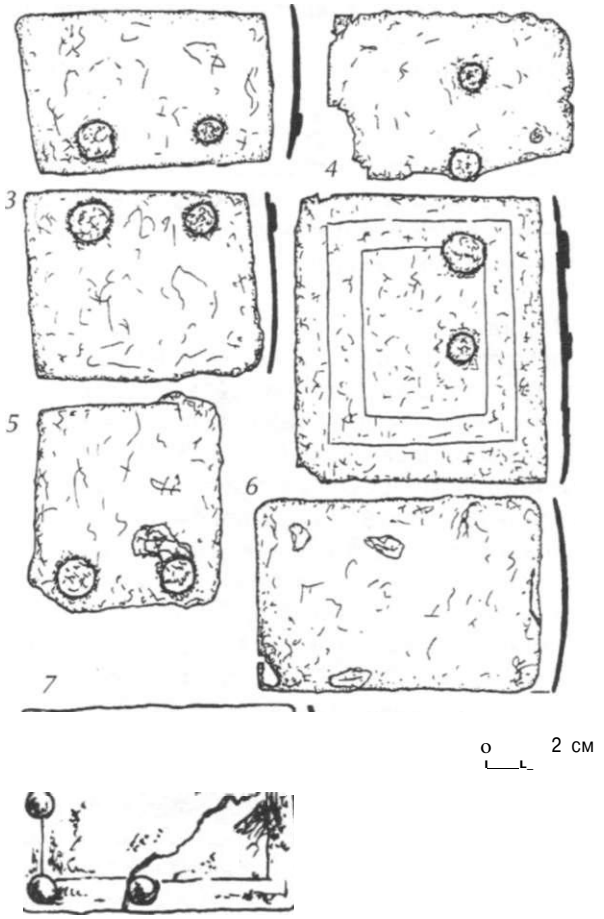

Рис. 123. Пластины от пластинчато-нашивного панциря из Емельяновского района Красноярского края (Айканское селище) (по С. Г. Скобелеву, П. В. Мандрыке) (/-6) и вороненая пластина от пластинчато-нашивного панциря из Забайкалья (7).

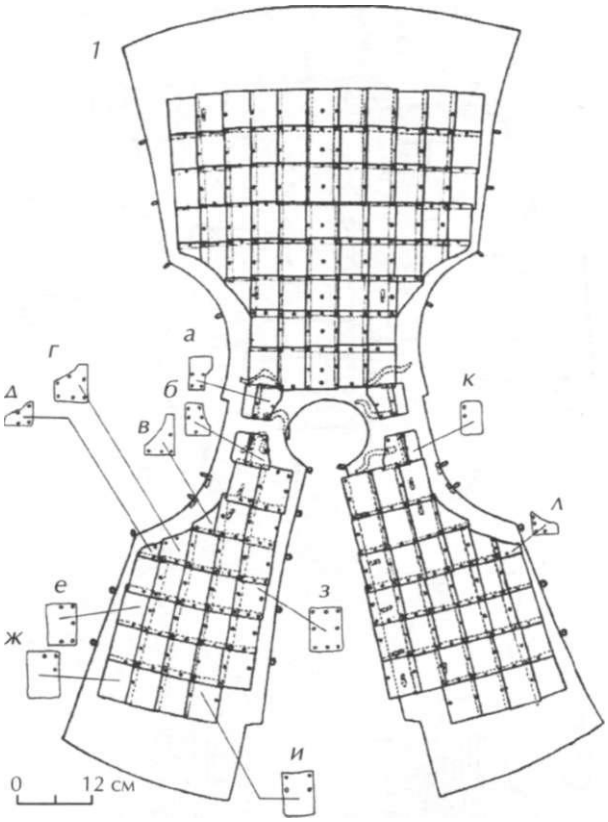

Рис. 124. Система размещения пластин различных форм в составе пластинчато-нашивного панциря (цинский панцирный жилет «магуацзы» конца XVII — XVIII в.) (Этнографический музей, г. Стокгольм, Швеция).

пок (3 заклепки скомпонованы треугольником) по ее поверхности и неполным бортиком (рис. 119, *1-3)*.

Вариант 5. Прямоугольные пластины с неполным бортиком, тремя заклепками и пряжкой для ремешка. Включает 2 экз. от панциря № 2 из клада в Ийи-Кулак (рис. 119, *4, 5)*.

Вариант 6. Прямоугольные пластины с неполным бортиком с функционально-декоративным расположением заклепок (3 заклепки скомпонованы треугольником) по поверхности пластины. Включает 125 экз. от панциря № 2 из клада в Ийи-Кулак.

Вариант 7. Прямоугольные пластины с бортиком и пятью заклепками (четыре в углах, одна — с латунной накладкой в центре). Включает 3 экз. от панциря № 2 из клада в Ийи-Кулак (рис. 119, *6, 7)*.

Тип 5. Трапециевидные.

Вариант 1. Трапециевидные пластины с бортиком, функционально-декоративным расположением заклепок (3 заклепки скомпонованы треугольником) по поверхности пластины (рис. 118, *6)*.

Вариант 2. Трапециевидные пластины с бортиком, срезанным верхним углом, функциональным расположением заклепок по поверхности пластины (рис. 118, *12)*.

Вариант 3. Трапециевидные пластины с неполным бортиком, со срезанным верхним углом, функциональным расположением заклепок по поверхности пластины (рис. 119, *8, 9)*.

Вариант 4. Трапециевидные пластины с неполным бортиком, функционально-декоративным рас-

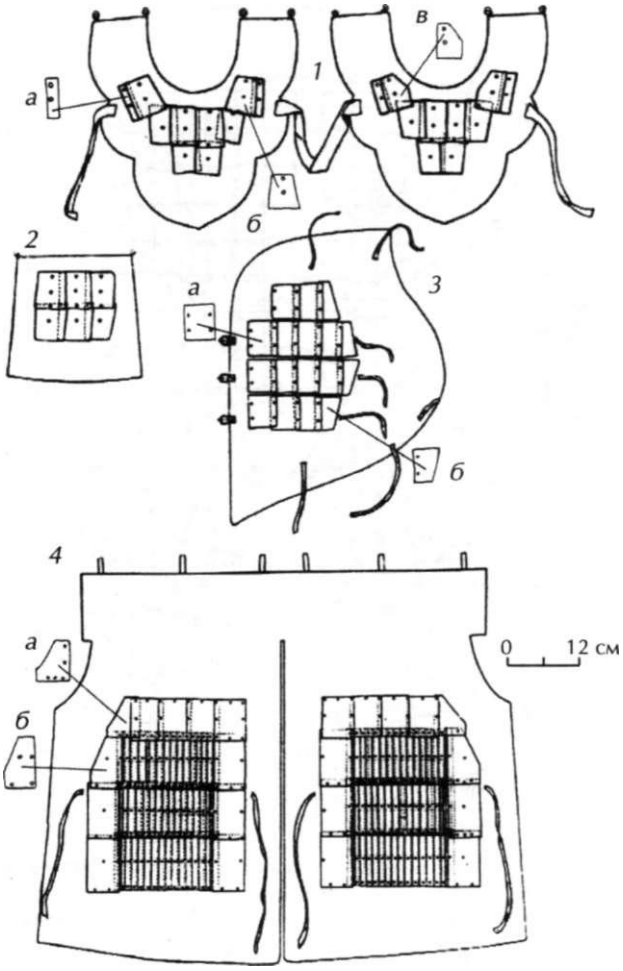

Рис. 125. Система размещения пластин различных форм в пластинчато-нашивных наплечниках, набедренниках, передниках и подмышечниках (панцирные элементы иинского доспеха XVII-XVIII вв.) (Этнографический музей, г. Стокгольм, Швеция).

положением заклепок (3 заклепки скомпонованы треугольником) по поверхности пластины и пряжкой для ремешка. Включает 1 экз. от панциря № 2 из клада в Ийи-Кулак (рис. 119, *10)*.

Вариант 5. Трапециевидные пластины с неполным бортиком, со срезанными верхними углами, функциональным расположением заклепок по поверхности пластины (рис. 119, //).

Вариант 6. Трапециевидные пластины с неполным бортиком и осевым ребром жесткости (рис. 119, *15)*.

Вариант 7. Трапециевидные пластины с бортиком и осевым ребром жесткости (рис. 119, *14)*.

Группа III. Ребристые пластины. Пластины имеют неровную поверхность, снабженную ребрами жесткости и часто бортиком.

Тип 6. Прямоугольные ребристые пластины размером 12x9-11 см.

Вариант 1. Прямоугольные пластины с функциональным расположением заклепок, с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины. Включает 1 экз. из Айканского селища (Емельяновский район Красноярского края) (рис. 123, *4)*.

Вариант 2. Прямоугольные пластины с фукционально-декоративным расположением заклепок в виде треугольника, с ребром, образующим прямоугольник, вписанный в плоскость пластины. Включает 1 экз. из Забайкалья (рис. 123, *7)*.

Вариант 3. Прямоугольные пластины с функционально-декоративным расположением пяти заклепок в виде креста (четыре заклепки образуют ромб, одна заклепка в центре), с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины. Включает набор пластин (общее число пластин в памятнике — 29 экз.) из памятника на р. Чердат в Причулымье (рис. 120, *2)*.

Вариант 4. Прямоугольные пластины с функционально-декоративным расположением 5 заклепок в виде креста (четыре заклепки образуют ромб, одна заклепка в центре), с ребрами, образующими прямоугольник, вписанный в плоскость пластины. Включает 1 экз. из Минусинской котловины (рис. 120, *4)*.

Вариант 5. Прямоугольные пластины с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, и бронзовой пряжкой. Включает 2 экз. из памятника на р. Чердат в Причулымье (рис. 120, *3)*.

Вариант 6. Прямоугольные пластины с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды (рис. 121, *3, 4)*.

Вариант 7. Прямоугольные пластины с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды и пряжкой (рис. 121, *7)*.

Вариант 8. Прямоугольные пластины с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника,

. 126. Варианты покроя и системы размещения пластин в цинских пластинчато-нашивных панцирях XVII–XIX вв.

Рис. 127. Пластины «куячного» типа, варианты покроя пластинчато-нашивных паниирей и их изображения. Русский позднесредневековый «куяк» (/), пластина от пластинчато-нашивного панциря русского или сибирского производства из Алазейского острога (2), комплекс защитного вооружения корейских воинов XVIII в. («Муе тобо тхонджи», 1790 г.) *(3),* корейский пластинчато-нашивной «халат» XVIII-XIX вв. *(4).*

вписанных в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением заклепок в виде ромба (четыре заклепки) и каплевидной заклепкой-накладкой с крестообразной прорезью (рис. 120, *5 а, б).*

Тип 7. Квадратные ребристые пластины размером 7,5 х 7,5 см.

Вариант 1. Квадратные пластины с функционально-декоративным расположением 5 заклепок в виде креста (четыре заклепки образуют ромб, одна заклепка в центре), с ребрами, образующими два квадрата, вписанных в плоскость пластины. Включает набор пластин из памятника у р. Чердат в Причулымье (рис. 120, /).

Вариант 2. Квадратные пластины с бортиком и ребрами, образующими два квадрата, вписанные в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды.

Тип 8. Трапециевидные ребристые пластины размером 13,2 * 10,0-9 х 9 см.

Вариант 1. Трапециевидные пластины со срезанным верхним углом, с бортиком и ребрами, образующими две трапеции, вписанные в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды (рис. 121, /).

Вариант 2. Трапециевидные пластины со срезанными верхними углами, с бортиком и ребрами, образующими две трапеции, вписанные в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды.

Тип 9. Пластины сложной вырезной подтреугольной формы размером 6-7 х 6 см.

Вариант 1. Пластина подтреугольной формы с функционально-декоративным расположением фигурной заклепки в виде креста в круге, с бортиком и ребрами, образующими треугольник, вписанный в плоскость пластины (рис. 121,6).

Вариант 2. Пластина подтрапециевидной формы с функционально-декоративным расположением фигурной заклепки в виде креста в круге, с бортиком и ребрами, образующими трапецию, вписанную в плоскость пластины (рис. 121, *5).*

Отдел II. Ламеллярные. Пластины соединены между собой с помощью кожаных шнуров, ремешков или тесемок. Все пластины происходят от ламеллярных «тибето-монгольских» панцирей из музеев РФ, США, Великобритании, КНР (рис. 105, 106, 107, 108, 109, ПО).

Группа I. Плоские с гладкой поверхностью. Пластины имеют гладкую поверхность.

Тип 10. Вытянутые прямоугольные с закругленным верхним краем размером 13-9 х 2,2-3 см.

Вариант 1. С пятью парами вертикально расположенных отверстий (по две пары вдоль боковых кромок пластин, одна пара — в верхней части пластины), одним отверстием по центру у нижней кромки и одним отверстием посередине пластины. Длина пластин — 4-11 см (рис. 105, /, *2).*

Вариант 2. С пятью парами вертикально расположенных отверстий (по две пары вдоль боковых кромок пластин, одна — в верхней части пластины), парой горизонтально расположенных отверстий у нижней кромки и одним отверстием посередине пластины. Длина пластин — 4-8 см (рис. 105, //).

Вариант 3. С шестью парами вертикально расположенных отверстий (три вдоль левой кромки, две вдоль правой, одна в верхней части посередине), одной горизонтальной парой отверстий (у нижнего края) и одним отверстием в центре пластины (рис. 105, *3)*.

Вариант 4. С тремя парами вертикально расположенных отверстий (две вдоль боковых кромок, одна в верхней части пластины), одной парой горизонтально расположенных отверстий (у нижней кромки пластины), одним центральным отверстием в нижней трети пластины (рис. 105, *15)*.

Тип 11. Короткие (чешуеобразные) прямоугольные с закругленным верхним краем.

Вариант 1. С тремя вертикально расположенными парами отверстий (две вдоль боковых кромок, одна в верхней части пластины), с тремя отверстиями, расположенными треугольником (направленным в центр пластины) в нижней части пластины (рис. 105, *6)*.

Вариант 2. С девятью отверстиями, расположенными квадратом в центре пластины, и одним отверстием в верхней части пластины (рис. 105, *12)*.

Вариант 3. С тремя парами вертикально расположенных отверстий (две вдоль боковых кромок, одна в верхней части пластины) и тремя отверстиями, расположенными треугольником, направленным влево (рис. 105, *13)*.

Тип 12. Вытянутые прямоугольные с закругленными верхними и нижними углами.

Вариант 1. С пятью парами вертикально расположенных отверстий (по две пары вдоль боковых кромок пластин, одна в верхней части пластины), парой горизонтально расположенных отверстий у нижней кромки и одним отверстием посередине пластины. Длина пластин — 4-9 см (рис. 105, *4)*.

Вариант 2. С тремя парами горизонтально расположенных отверстий (в нижней, средней и верхней частях пластины), одной парой вертикально расположенных отверстий в верхней части пластины, одинарными отверстиями в центре и у нижней кромки пластины (рис. 105, *7)*.

Вариант 3. С двумя парами вертикально расположенных отверстий (в верхней части и у правой кромки) и тремя отверстиями, расположенными треугольником, обращенным в центр пластины, в нижней ее части (рис. 105, *8)*.

Тип 13. Вытянутые прямоугольные пластины со срезанными верхними углами.

Вариант 1. С шестью парами вертикально расположенных отверстий, сгруппированных по два в нижней, центральной и верхней части пластины, с отверстием у нижней кромки и отверстием посередине пластины (рис. 105, *14)*.

Отдел III. Ламинарные. Длинные горизонтально расположенные выгнутые пластины, соединенные между собой с помощью кожаных ремешков или заклепок.

Группа I. С гладкой поверхностью.

Тип 14. Выпуклые узкие пластины, соединенные заклепками. Включает 37 экз. из памятника Ийи-Кулак в Туве. Пластины снабжены тремя отверстиями, расположенными у верхней кромки. Два из них размещены по краям, одно в центральной части пластины. В отверстия вставлены полусферические заклепки (рис. 201, *6)*.

Пластины из памятника Ийи-Кулак приклепывались к кожаным ремням, формировавшим ламинарный нарукавник (рис. 201, 7).

Отдел IV. Кольчато-пластинчатые. Пластины соединены между собой с помощью кольчужных колец.

На сегодняшний день известны два практически целиком сохранившихся кольчато-пластинчатых панциря, которые с большой долей уверенности могут быть отнесены к комплексу вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени. Один из них хранится в МАЭС ТГУ, второй — в фондах Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Оба панциря имеют одинаковый покрой и схожее расположение пластин. Ниже приведены размеры пластин от кольчато-пластинчатого панциря из МАЭС ТГУ (рис. 135).

Группа III. Ребристые пластины. Пластины имеют неровную поверхность, снабженную ребрами, образующими геометрические фигуры на поверхности пластины.

Тип 15. Прямоугольные ребристые пластины со сквозными отверстиями по периметру.

Вариант 1. Прямоугольные ребристые пластины с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, неполным бортиком и сквозными отверстиями по периметру. Длина — 11 см, ширина — 9,0-12,0 см.

Вариант 2. Прямоугольные ребристые пластины с ребрами, образующими два прямоугольн-

ника, вписанных в плоскость пластины, неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру и пряжками. Длина— 11 см, ширина— 9,0-10,5 см.

Вариант 3. Прямоугольные ребристые пластины с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, с дополнительной лопастью и фиксатором, со сквозными отверстиями по периметру (три стороны). Длина — от 12,0 до 12,4 см (в том числе ширина лопасти — 4,5-5,0 см), ширина — 11,0 см.

Вариант 4. Прямоугольные ребристые пластины с ребрами, образующими прямоугольник, вписанный в плоскость пластины, неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру. Длина — 7,7, ширина — 4,8 см.

Тип 16. Квадратные ребристые пластины со сквозными отверстиями по периметру, ребрами, образующими два квадрата, вписанных в плоскость пластины, и неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру.

Вариант 1. Квадратные ребристые пластины с ребрами, образующими два квадрата, вписанных в плоскость пластины, и неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру. Размеры пластины — 11,0 х 11,0 см.

Тип 17. Трапециевидные ребристые пластины с ребрами, образующими трапеции, вписанные в плоскость пластины, неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру.

Вариант 1. Трапециевидные ребристые пластины с боковым вырезом, с ребрами, образующими две трапеции, вписанные в плоскость пластины, неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру и накладкой-фиксатором. Длина — 11,3, ширина — 8,5 см.

Вариант 2. Трапециевидные ребристые пластины с обрезанным верхним (нижним) углом, со сквозными отверстиями по периметру, ребрами, образующими две трапеции, вписанные в плоскость пластины, и неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру. Длина — 10,5, ширина (широкой стороны) — 8,3 см.

Вариант 3. Трапециевидные ребристые пластины с вырезным верхним краем, с ребрами, образующими трапецию, вписанную в плоскость пластины, и неполным бортиком, сквозными отверстиями по периметру. Длина — 11,0 (длинная сторона) — 9,0 (короткая сторона), ширина (узкой стороны) — 5,0 см.

Тип 18. Подтреугольные ребристые пластины, с ребрами, образующими треугольники, вписанные в плоскость пластины, неполным бортиком, со сквозными отверстиями по периметру.

Вариант 1. Подтреугольные ребристые пластины с ребрами, образующими треугольник, вписанный в плоскость пластины, неполным бортиком, со сквозными отверстиями по периметру. Длина — 11 см.

В составе доспеха прямоугольные и квадратные пластины формировали нагрудник, наспинник и подол, мелкие прямоугольные пластины составляли наплечные ремни, а также верхние ряды наспинной части панциря; трапециевидными пластинами бронировались проймы рукавов и нижний край вдоль осевого разреза подола (рис. 135).

Отдел V. Кольчатые.

Группа IV. Круглые и уплощенные (овальные, линзовидные) в сечении.

Тип 19. Круглые и уплощенные в сечении кольца диаметром 11-12,5 мм, толщиной 2-2,5 мм. Наиболее мощные — круглые в сечении кольца, из них связывались нагрудные части кольчатого панциря, находившиеся в месте разреза ворота. Присутствуют на кольчугах № 1 и 2, найденных близ с. Джазатор (Горный Алтай).

Тип 20. Круглые и уплощенные в сечении кольца диаметром 11-11,5 мм, толщиной 2 мм. Из таких колец обычно вязались бока, подол, нагрудная и наспинная часть кольчуги. Присутствуют на кольчугах № 1 и 2, найденных близ с. Джазатор (Горный Алтай).

Тип 21. Круглые в сечении кольца диаметром 11-11,5 мм, толщиной 1,5 мм. Самые тонкие кольца в составе кольчуги. Располагались на рукавах, где переплетались с кольцами типа 22. Присутствуют на кольчугах № 1 и 2, найденных близ с. Джазатор (Горный Алтай), на кольчуге № 4 из числа случайных находок на территории Горного Алтая.

Вариант 1. Склепанные на гвоздь с мысообразным выступом на наружной стороне. Присутствуют на кольчуге № 4 из числа случайных находок на территории Горного Алтая.

Вариант 2. Склепанные на гвоздь с мысообразным выступом на внутренней стороне. Присутствуют на кольчуге № 4 из числа случайных находок на территории Горного Алтая.

Тип 22. Уплощенные в сечении кольца диаметром 12,5-13 мм, толщиной 2,5-3 мм. Наиболее

мощные уплощенные кольца; они переплетались с круглыми кольцами типа 20 и формировали рукава кольчатых панцирей. Присутствуют на кольчуге № 2, найденной близ с. Джазатор (Горный Алтай), и на кольчуге № 1 из числа случайных находок в бассейне р. Калгута в Кош-Агачском районе Горного Алтая.

Тип 23. Уплощенные (линзовидные) в сечении кольца диаметром 10-11,5 мм.

Вариант 1. Склепанные на гвоздь с мысообразным выступом на наружной стороне. Присутствуют на кольчуге № 2 из бассейна р. Калгута в Кош-Агачском районе Горного Алтая.

Тип 24. Уплощенные (линзовидные, овальные, квадратные) в сечении кольца диаметром 9,5 мм.

Вариант 1. Склепанные на гвоздь с мысообразным выступом на внутренней стороне. Присутствуют на кольчуге № 3 из числа случайных находок на территории Горного Алтая.

Вариант 2. Сваренные. Присутствуют на кольчуге № 3 из числа случайных находок на территории Горного Алтая.

Группа V. Плоские.

Тип 25. Диаметром 13 мм, шириной 3 мм.

Вариант 1. С желобками по окружности колец, придававшими кольцам необходимую жесткость. Вплетались в нижний край подола. Присутствуют на кольчуге № 2, найденной близ с. Джазатор (Горный Алтай).

В результате систематизации материала выделены: один класс, пять отделов (пластинчато-нашивные, ламеллярные, ламинарные, кольчато-пластинчатые, кольчатые), пять групп (плоские с гладкой поверхностью, с бортиком, ребристые, круглые и уплощенные, плоские кольчатые), 25 типов, дополненных 55 вариантами. Такие признаки панцирных пластин, как толщина, диаметр отверстий, в классификации не рассматривались ввиду их малой значимости для типологического анализа и для большей стандартности (Горбунов, 2003, с. 37).

Все классифицированные пластины и кольца изготовлены из железа. Скорее всего пластины вырезались из прокованных листов необходимой толщины, а затем пробивались отверстия. Каждая пластина делалась индивидуально, на что указывают различия в размерах пластин одного типа от одного панциря и неровность расположения отверстий и заклепок.

Из 11 панцирей, представленных пластинами, для типологического анализа могут быть использованы пластины от 10 экз., включенные в классификацию. Данные об одной находке носят неполный характер и привлекаются нами для общих количественных показателей и в рамках тех сведений, которые о них доступны.

Рассмотрение эволюции панцирных пластин целесообразно начать с наиболее общего и значимого для них признака — материала изготовления. Пластины и кольца всех рассмотренных выше панцирей изготовлены из железа. Наряду с железными пластинами воинами позднесредневекового Тибета, Бутана, Китая и Кореи использовались пластины из твердой лакированной кожи. Вероятно, панцири из таких пластин применяли и монголы. Однако среди материалов, вошедших в классификацию, такие пластины отсутствуют.

Панцири из железных пластин широко использовались воинами Передней Азии, Закавказья и Причерноморья в VIII—VII вв. до н. э.; с VI в. до н. э. они применялись воинами Ахеменидской империи, а с IV в. до н. э. — народами Средней Азии. С III в. до н. э. железные панцири распространялись среди воинов Центральной Азии и Дальнего Востока (Горбунов, 2003, с. 38-39). Кольчатые панцири, сплетенные из железных колец, вошли в широкое употребление у народов Европы и Передней Азии в IV-I вв. до н. э. На рубеже тысячелетий кольчуга была заимствована у римлян сарматами и парфянами, а к III в. н. э. стала известна в Средней Азии, откуда проникла далее на Восток (там же, с. 63). В эпоху Средневековья панцири, изготовленные из железных пластин и колец, получили широчайшее распространение среди евразийских народов. Качество железа, используемого азиатскими народами для изготовления предметов защитного панцирного вооружения, быстро улучшалось. Благодаря специальным наблюдениям, удалось установить, что в конце XII — начале XIII в. по ряду показателей дальневосточные мастера добились превосходства над своими западноевропейскими коллегами (Бобров, 2003, с. 89). Археологические материалы Алтая эпохи раннего Средневековья, а также материалы письменных источников фиксируют использование средневековыми кочевниками панцирей и панцирных элементов, изготовленных из медных пластин, а также из бронзовых пластин и колец (Горбунов, 2003, с. 64). В позднесредневеко-

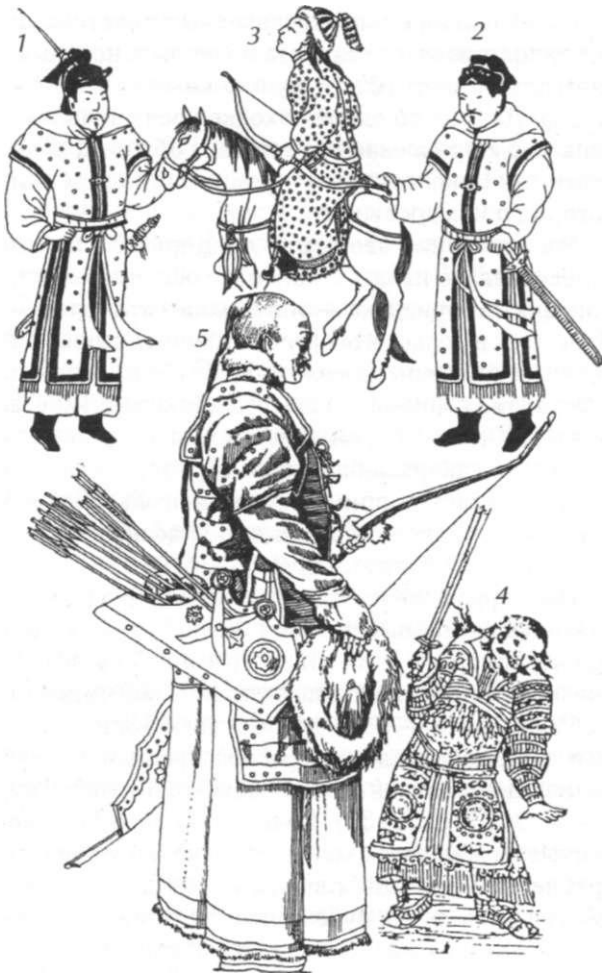

Рис. 128. Изображения минских пластинчато-нашивных панцирей покроя «халат» *(1-2),* монгольских воинов XVI-XVII вв. *(3-4)* и бурятского воина в пластинчато-нашивном панцире с русской гравюры Е. М. Корнеева начала XIX в. (5).

вом алтайском эпосе упоминается панцирь, изготовленный из бронзовых пластин: «Бронзовым куйаком грохоча, ехал рысью Ак-Тайчы» (Соенов, 1994, с. 177). Среди находок юаньского времени с территории Северного Китая присутствуют крупные бронзовые пластины от монгольского или китайского доспеха конца XIII — XIV в. Однако вплоть до Этнографического времени железные панцири абсолютно преобладали среди металлического защитного вооружения номадов Восточной Европы, Центральной и Средней Азии.

Вторым важным признаком панцирных элементов является структура их набора в составе панциря.

Пластинчато-нашивная система бронирования

Отличительной чертой данной структуры бронирования является принцип крепления металлических пластин к органической основе. Бронирование пластинчато-нашивного (пластинчато-клепаного) доспеха проходило следующим образом: панцирные пластины (изготовленные из металла или твердой кожи) приклепывались или подшивались (иногда использовались оба варианта крепления), обычно немного перекрывая друг друга, к плотной органической (кожаной или тканевой) основе с внутренней стороны, так что постороннему наблюдателю были видны лишь ряды головок заклепок. Если пластины взаимно не перекрывались, то мастер пытался подогнать их как можно ближе друг к другу, чтобы до минимума уменьшить зазор между пластинами. Лучше всего характеризует пластинчато-нашивной панцирь присказка позднесредневекового эпоса, что между пластинами панциря не могли проникнуть «ни пуля, ни острие стрелы или пики, даже игла и жало комара» (Липец, 1984, с. 67). Из эстетических соображений панцирные заклепки выковывались из цветных металлов, либо покрывались позолотой, или серебрились. Иногда панцирь имел еще и мягкую матерчатую подкладку, т. е. пластины фактически оказывались вшиты вовнутрь глухого «мешка». Вес такого доспеха колебался в зависимости от количества и частоты крепления пластин.

Пластинчато-нашивные панцири впервые появились в Китае в VIII в. как придворный, парадный военный костюм, в котором роскошь придворного одеяния сочеталась с защитными функциями панциря (Горелик, 1987, с. 183). Однако широкое распространение они получили в период развитого и, особенно, позднего Средневековья. В XIII-XV вв. пластинчато-нашивные панцири были распространены на огромных просторах Евразии от атлантического побережья до Желтого моря и от сибирской тайги до Индийского океана. Возможно, распространению пластинчато-нашивной брони в Переднюю Азию и Европу поспособствовали монголы, у которых на протяжении всего XIV в. пластинчато-нашивная броня постепенно вытесняла традиционный ламеллярный доспех. В Западной Европе пластинчато-нашивные панцири стали известны под названием «бригандина», а на Руси — под тюрк-

Рис. 129. Изображения монгольских пластинчато-нашивных паниирей покроев «халат» с осевым разрезом и «жилет»: *1.* Монгольская танка «Дхармараджа», XIX в. (ГМВ); *2.* Прорисовка портрета иинского полководца монгольского происхождения, губернатора Халхи Цэвдэнджава (1705-1 782); *3-4.* Монгольская танка «Далха», XVIII в.

ским названием «куяк». Конецдоминированию пластинчато-нашивных панцирей в Западной Европе положило дальнейшее развитие цельнокованых доспехов, а в Западной Азии — их кольчато-пластинчатого аналога. В то же время в Центральной Азии пластинчато-нашивные панцири использовались и в XVIII в., а в Китае и Корее они продолжали активно применяться даже во второй половине XIX в. В настоящее время конструктивными «наследниками» пластинчато-нашивных доспехов являются некоторые типы европейских и азиатских бронежилетов.

Вероятно, одним из наиболее ранних вариантов фиксации пластин с органической подкладкой было сшивание с помощью шнуров, ремешков или нитей. Для этого в железных пластинах проделывались специальные (иногда парные) отверстия, через которые и пропускались шнуры. Пластины могли одновременно соединяться как между собой, так и с тканевой или кожаной основой. Так бронировались цзиньские и кыргызские панцири XII — начала XIII в. Однако постепенно в широкий обиход стали входить панцири с комбинированной системой крепления, в которых нашивание пластин на мягкую подкладку совмещалось с фиксацией пластин и органической основы с помощью круглых (обычно полусферических) заклепок (рис. 118, *3^1).* Пластины с комбинированной системой крепления обнаруживаются по материалам монгольского времени. Так, на Абазинском железном руднике в 1968 г. были найдены остатки пластинчато-нашивного панциря, в котором были зафиксированы пластины с отверстиями для пришивания и гнездами заклепок. Памятник был датирован Я. И. Сунчугашевым XIII-XV вв. на основании чугунного котла, лежавшего под каменной насыпью поверх пластин (Сунчугашев, 1979, с. 134). Пластины, в которых совмещены две системы крепления, также фиксируются в Южной Сибири (там же, табл. 18, рис. 4 - 11) и золотоордынских городах и поселениях Волжско-Камской Булгарии XIII-XV вв. (Горелик, 2002, с. 73, рис. 3,9), что позволило М. В. Горелику отнести эти пластины к комплексу вооружения монгольских воинов XIII—XIV вв. (там же, с. 22). В ряде случаев можно говорить не о совмещении, а о замещении нашивной системы крепления клепочной. На ряде пластин из Абазы заклепки прибиты поверх более архаичной системы отверстий для пришивания к органической основе (Петренко, Петренко, 2003, с. 62). В XV-XVIII вв. система соединения пластин и органической основы с помощью заклепок окончательно возобладала.

Численно превалировали полусферические заклепки, выполненные из железа или бронзы. В государствах Дальнего Востока поверхность таких заклепок покрывалась позолотой или серебрилась: например, в маньчжурских войсках позолотой покрывались заклепки у высших офицеров, князей и датунов, серебром покрывались заклепки у конногвардейцев и офицеров среднего звена. Заклепки простых латников изготовлялись из бронзы (Бобров, Худяков, 2003 а, с. 135). Гораздо реже при оформлении пластин использовались заклепки, состоявшие из плоской вырезной пластинки, выполненной в виде вырезной накладки (Л-образной литеры «ОМ», многолучевой звезды и т. д.). Данная традиция прослеживается в основном по материалам Центральной Азии и Южной Сибири (рис. 121) и практически не встречается в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Пластинчато-нашивные (точнее, пластинчато-клепаные) панцири стали настолько популярны в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока, что их изготовителям стали подражать мастера, производившие одежду для гражданского населения (Мшанецкий, 2000, с. 88). Даже когда во второй половине XIX в. панцири цинских офицеров лишились панцирных пластин и стали частью военной униформы, головки заклепок, выполнявшие теперь исключительно декоративную функцию, продолжали нашиваться на их органическую поверхность (Бобров, Худяков, 2003 а, с. 141).

В XVII в. пластинчато-нашивные панцири «куячного типа» были одним из самых популярных видов защитного вооружения у монголов, на что неоднократно указывали иностранные наблюдатели.

Судя по находкам пластинчато-нашивных панцирей XII-XIVВВ., ИХ пластины были плоскими или чуть выпуклыми (за исключением изогнутых наплечных пластин), а поверхность — гладкой. Однако, как показали экспериментальные испытания пластинчато-нашивных панцирей, бронированных плоскими пластинами, такая защита была не особенно эффективна. От нанесенных ударов пластины сильно деформировались, а наконечники стрел и копий соскальзывали в межпластинчатые щели. Открытая (ременная) система крепления

Рис. 130. Изображения кольчато-пластинчатых панцирей и шлемов в передне- и среднеазиатской миниатюре XV–XVII вв.

быстро разрушалась как при прямом попадании, так и при рикошете. Кроме того, тяжелые крупные пластины смещались, перетирая шнуры и увеличивая межпластинчатые щели, делая возможным колющий удар «под пластину» (Петренко, Петренко, 2004, с. 107—108). Неудивительно, что средневековые мастера поспешили усовершенствовать как систему крепления пластин к подкладке (сменив ременное соединение на клепочное), так и конструкцию самих пластин. В государствах Дальнего Востока пластины стали накладываться друг на друга так, что край одной пластины перекрывал край соседней (рис. 124, 125). Защитные свойства таких панцирей существенно повышались, но параллельно с ними увеличивался вес доспеха, а сам панцирь становился менее гибким. По другому пути пошли оружейники Центральной Азии. Во второй половине XIV — начале XV в. пластины стали снабжаться выпуклым бортиком, который сводил к минимуму возможность соскальзывания оружия в межпластинчатые щели, а при попытке проникновения колющего удара под пластину ему противостоял бортик нижней пластины (там же, с. 108). Не позднее второй половины XVI — начала XVII в. пластины наряду с бортиком стали снабжаться специальными ребрами, образующими вписанные друг в друга прямоугольники и квадраты (рис. 120, *1-9)*. По мнению ряда исследователей, выпуклые ребра по периметру пластины выполняли функцию ребер жесткости. Они локализовали место удара и не давали наконечнику копья или стрелы соскальзывать в межпластинчатые щели, т. е. «осуществляли антирикошетные функции» (Петренко, Петренко, 2003, с. 62).

По мнению А. Л. и Ю. А. Петренко, исследовавших позднесредневековые пластинчато-нашивные панцири, «пластина нашивного панциря позднего Средневековья представляет собой сложную самодостаточную конструкцию. Ввиду своей массивности, наличия дополнительных ребер жесткости она способна противостоять и проникающему, и ударному воздействию. Пластина увеличивается в размерах, чтобы эффектно распределять массу удара. Дополнительные элементы ее конструкции, такие как валики, количество рядов которых достигает четырех (в бригандинах), локализуют точку удара. Пластина приобретает антирикошетные свойства» (Петренко, Петренко, 2004, с. 111).

Однако наряду с ребристыми пластинами кочевники Центральной Азии вплоть до Этнографического времени продолжали применять и пластины с гладкой поверхностью. Плохо сохранившиеся пластины с гладкой поверхностью были обнаружены в шаманском погребении XVII-XVIII вв. в Минусинской котловине, в могильнике Ортызы-Оба (Худяков, Скобелев, 1984, с. 110-113), в Центральной Азии (рис. 120, *10-13)*. Среди пластин выделяются две основные формы: 1) широкие подквадратные размерами 10 х 9; 8 * 7; 7,5 * 7; 7 х 7 см; 2) узкие прямоугольные размерами 9,5 х 6,5; 7,5 х 4,5; 6,5 х 4,5 см. Толщина пластин — 0,3—0,6 см. На некоторых пластинах сохранились отверстия для крепления к подкладке. Интересно, что пластины из Ортызы-Оба мало отличаются от пластин из Абазы XП-XШ вв. и датированы благодаря русской утвари XVII-XVIII вв. (там же, с. 116). Вероятно, данные пластины некогда были частью боевых доспехов воинов Минусинской котловины (возможно, кыштымов), а позднее использовались шаманкой в процессе религиозных обрядов. Хотя не стоит исключать возможность использования шаманкой настоящего панциря. Известно, что бурятские шаманы носили «специальные доспехи, во время боевых действий защищавшие от неприятельских стрел и копий».

В одном позднесредневековом панцирном наборе могли соседствовать и рельефные, и гладкие пластины. Так, на территории Емельяновского района Красноярского края в землянке у с. Шивера П. В. Мандрыкой были обнаружены шесть крупных панцирных пластин от пластинчато-нашивного панциря, на пяти из которых сохранились по две заклепки (рис. 123, *1-5).* Пластины были обнаружены вместе с русской и местной утварью, по которой памятник был датирован эпохой позднего Средневековья (Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 201-210). На самой крупной прямоугольной пластине сохранились два ряда ребер, образующих рельеф: пара прямоугольников, вписанных в пластину, которые сближают ее с кыргызскими минусинскими пластинами XVII-XVIII вв. Все остальные пластины имеют гладкую поверхность.

Установить место расположения пластин в составе центральноазиатских пластинчато-нашивных панцирей представляется возможным при сопоставлении их с целиком сохранившимися цинскими и монгольскими пластинчато-нашивными доспеха-

Рис. 131. Изображения минских (*7*, *10–12*) и цинских пластинчато-нашивных панцирей и шлемов в китайской и маньчжурской иконографии XV–XIX вв. (*1–6*, *8*, *9*, *13*).

Рис. 132. Изображения цинских пластинчато-нашивных панцирей и шлемов в иконографии XVII-XIX вв. и прорисовка с фотографии иинского мандарина в доспехе начала XX в.

ми XVIII в. (рис. 124-126). Анализ дальневосточных панцирных комплексов показал, что форма и размеры пластин в пластинчато-нашивном доспехе зависят от их местоположения и функций в составе панциря. Так, пластины, прикрывавшие грудь, спину, центральную часть наплечников и набедренников, обычно имели одинаковые размеры и форму — прямоугольника или квадрата (рис. 124, *Ie,* ж, з, и). Пластины, бронировавшие проймы рукавов и шейного выреза и находившиеся в крайних рядах пластин набедренников и наплечников, имели вырезную трапециевидную форму (рис. 124, /а, б, в, г, д, л). Их размеры также зависели от их месторасположения. Пластины, бронировавшие плечевые лямки и подмышечники, обычно были мельче своих аналогов, приклепанных к нагруднику или набедренникам (рис. 124-125). Стандартизация форм и размеров пластин на Дальнем Востоке, которая прослеживается на материалах Цинской империи, произошла еще в период правления в Китае Минской династии, т. е. в конце XIV — первой трети XVII в. (Бобров, Худяков, 2003, с. 134). По форме все пластины от пластинчато-нашивных панцирей, найденных на территории Центральной Азии, имеют близкие аналоги среди дальневосточных пластин, что указывает на то, что форма пластин определялась не военно-культурной традицией того или иного региона, а функциональными особенностями и техническими характеристиками пластинчато-нашивных доспехов. Отличия центральноазиатских пластин пластинчато-нашивных панцирей от их китайских аналогов заключаются в основном в системе оформления поверхности пластин и заклепок. Среди кочевников Центральной Азии и, вероятно, в Тибете были широко распространены пластины с рельефной поверхностью, с фигурными заклепками-накладками или фигурно расположенными полусферическими заклепками, в то время как в Китае на протяжении всего рассматриваемого периода преобладали стандартизированные пластины с гладкой поверхностью и функциональным расположением полусферических заклепок.

В целом панцирные пластины пластинчато-нашивных панцирей XV-XVIII вв. по разнообразию типового набора не уступают ни одному региону Восточной Азии, а по ряду параметров превосходят их. В отличие от Китая, где производство пластинчато-нашивных панцирей было поставлено на поток, унифицировано, а следовательно, в известной степени упрощено, в Центральной Азии изготовление панцирных пластин (по крайней мере, до первой трети XVII в.) в значительной степени продолжало оставаться индивидуальным занятием. С одной стороны, это существенно снижало численность выпускаемой продукции, но, с другой — позволяло повысить ее качество и внести элементы декоративного оформления. Так, для повышения защитных свойств пластины центральноазиатские мастера стали снабжать ее бортиками и ребрами жесткости. Популярными формами украшения пластин стали функционально-декоративное расположение заклепок в виде геометрических фигур и оформление самих заклепок в виде многолучевых прорезных звезд, буддийских символов и т. д. Попытки джунгарских ханов увеличить число выпускаемой продукции привели к разделению труда в процессе изготовления пластин. Это явление, зафиксированное русскими наблюдателями начала XVIII в., вероятно, сыграло свою роль в распространении менее надежных, но более простых в изготовлении пластин с гладкой поверхностью, фиксируемых по находкам в Южной Сибири конца XVII — начала XVIII в.

Ламеллярная система бронирования

Доспехи с ламеллярной системой бронирования были изобретены гиксосами в XVIII в. до н. э. (Горелик, 1993, с. 116). Впоследствии ламеллярные панцири быстро завоевали популярность у народов Передней, Малой Азии и Закавказья. Другим центром изобретения ламеллярных пластин был Китай, где они были известны уже в середине III тыс. до н. э. (там же, с. 125). С территории Китая ламеллярный доспех проник на Дальний Восток, в Сибирь, Центральную Азию, Южный Урал (Горбунов, 2003, с. 39). В сяньбийскую эпоху (IV-VI вв. н. э.) на территории Северного Китая сложились основные типы ламеллярных пластин и покроя ламеллярных доспехов, которые впоследствии были усвоены центральноазиатскими кочевниками (Бобров, Худяков, 2005, с. 165).

Расцвет ламеллярного доспеха приходится на раннее и развитое Средневековье, когда ламеллярные «корсет-кирасы» и «халаты» были одними из самых популярных видов защитного вооружения не только в Маньчжурии, Сибири, Монголии, Китае, государствах Средней Азии, но и (с XIII в.) в

Рис. 133. Изображения ламеллярных, ламинарных и пластинчато-нашивных панцирей в передне- и среднеазиатской миниатюре XV-XVI вв.

Иране, на Кавказе и в причерноморских степях (Горелик, 1987, с. 172-178). Распространение ламеллярных панцирей на запад в период развитого Средневековья большинство исследователей связывают с монгольской экспансией (там же, с. 201). После крушения государств Чингизидов количество изображений и археологических находок ламеллярных панцирей уменьшается. И если в XIV — первой половине XV в. они еще встречаются, то во второй половине XV в. они постепенно исчезают с миниатюр Ирана (Gorelik, 1979, s. 60-61, fig. 183-196), а с XVI в. и с миниатюр Средней Азии. В XVII в. они продолжают применяться в основном лишь в Китае, Тибете и Монголии (Горелик, 1983, с. 255).

Судя по сообщениям очевидцев, ламеллярные панцири оставались популярными в Монголии вплоть до XVIII в., а в Тибете — до конца XIX — начала XX в. Это было вызвано как древними традициями бытования этого вида доспеха, так и относительной простотой его изготовления.

Ламеллярный тип бронирования достаточно подробно описан Плано Карпини. Это описание часто приводится в трудах современных историков и оружиеведов (Горелик, 1987, с. 172-173). Сам принцип ламеллярного бронирования заключается в том, что пластины (как правило, вытянутой прямоугольной, реже — короткой чешуеобразной формы, иногда с закругленным верхним краем) соединяются через специальные отверстия с помощью ремней или тесемок в длинные полосы, которые затем укладываются друг на друга так, что нижний ряд оказывается сверху (изредка наоборот). На Дальнем Востоке пластины ламеллярных панцирей сравнивали с ивовыми листьями (отсюда китайское название «люи-е-изя» — «панцирь из ивовых листьев»). В кыргызском фольклоре ламеллярные панцири назывались «куме хуях» (доел, «панцирь из мелких металлических пластинок, напоминающих рыбью чешую») (Бутанаев, 1981, с. 188). В монгольском эпосе упоминаются пластинчатые «чешуйчатые черно-синие панцири, сверкающие блеском росы» (Липец, 1984, с. 64). В алтайском героическом эпосе латник, надев «доспехи из пластинок», «блестя от лучей месяца и солнца, поехал. Звон панциря слышен, как будто звон Алтай-Хангая... в течение семи дней» (там же, с. 65). В ойратском эпосе батыры также собираются в поход, «звеня и блистая» пластинчатыми доспехами (там же). Поток (колонна) конных латников сравнивается сказителем с «сереброчешуйчатой змеей» (Липец, 1984, с. 66). Наряду со светлыми блестящими пластинчатыми (ламеллярными) панцирями в эпосе часто упоминаются темные, «черные» или «черно-синие» доспехи. В «Гесериаде» богатыри носят «иссиня-черный панцирь в сто блях» (пластин. — *Авт.)*. Сам Гесер, сойдя на землю, требует у Хормусты-тенгрия дать ему чешуйчатый свой «черно-синий панцирь, сверкающий блеском росы», наплечники, «белый шлем» (там же, с. 64). Это дает основание предполагать, что пластины ламеллярных доспехов могли ворониться. Сохранились сведения о том, что в эпоху позднего Средневековья и Нового времени монгольские и бурятские мастера часто воронили металлические изделия, предохраняя их от ржавчины.

Судя по дошедшим до нас тибетским и южнокитайским панцирям XVIII-XIX вв., позднесредневековые ламеллярные доспехи могли составляться также и из пластин, изготовленных из твердой лакированной кожи.

Иконографические и фольклорные материалы фиксируют наличие у позднесредневековых кочевников Центральной Азии панцирей с ламеллярной системой бронирования. Подлинные ламеллярные пластины в археологических памятниках Монголии и Саяно-Алтая пока не обнаружены. Возможно, некоторые доспехи, вывезенные из Тибета в XVIII-XX вв. европейскими путешественниками и колонизаторами, имеют монгольское происхождение (LaRocca, 1999, s. 114, fig. 1, 2; s. 116, fig. 7; s. 118, fig. 10; s. 119, fig. 11-12). К числу «тибето-монгольских» ламеллярных доспехов зарубежные исследователи относят панцирные «халаты» из музеев РФ, США, КНР и Великобритании. Точное число пластин, составляющих эти доспехи, установить не удалось; речь может идти о нескольких тысячах пластин. Известные материалы позволяют утверждать, что в XV-XVIII вв. на территории Тибета и, вероятно, Монголии продолжали бытовать пластины традиционных для Центральной Азии форм и размеров.

Все пластины «тибето-монгольских» панцирей из российских и зарубежных музеев восходят к пластинам раннего и развитого Средневековья.

Вытянутые прямоугольные пластины с закругленным верхним краем (тип 1) широко применялись воинами сяньбийских государств Северного Китая IV-VI вв. н. э. (Горбунов, 2005, с. 204, рис. 1,

Рис. 134. Изображения пластинчато-нашивных панцирей и шлемов в передне- и среднеазиатской иконографии XV-XVII вв.

4, 7-8,10-13,23-25,28-29, 35-42,56-58). В IV-XIV вв. они использовались в дальневосточных, средне- и центральноазиатских панцирных комплексах. Пластины с закругленным верхним краем также обнаружены в археологических памятниках Сибири и Восточной Европы (Горбунов, 2003, с. 48). Прямоугольные пластины с закругленным верхним краем, происходящие с территории Горного и Лесостепного Алтая, проанализированы В. В. Горбуновым (в классификации В. В. Горбунова — типы 9, 12, 13, 21, 22). По мнению исследователя, распространение пластин этих типов среди кочевников Алтая связано с влиянием сяньбийского комплекса защитного вооружения (Горбунов, 2003, с. 48).

Как показывает сравнительный анализ пластин ламеллярных панцирей эпохи раннего, развитого и позднего Средневековья, традиция их оформления была достаточно устойчивой, что диктовалось функциональными требованиями, предъявляемыми к панцирям с данной системой бронирования. Это подтверждается не только формой пластин, но и расположением отверстий. Так, некоторые варианты ламеллярных пластин с Горного Алтая, из погребений VIII—XI вв. (там же, с. 137, рис. 24,*2)* в точности соответствуют пластинам из ламеллярных панцирных «халатов», датированных XVI-XVIII вв. (рис. 106). Вместе с тем необходимо отметить, что ряд оформительских черт, характерных для раннесредневековых ламеллярных пластин, отсутствует на их позднейших аналогах: ламеллярные пластины «тибето-монгольских» панцирей лишены полусферических умбонов, фиксируемых на пластинах Кушанского царства II—IV вв. н. э., населения Семиречья IV-V вв., кипчаков Западного Казахстана, жителей Горного Алтая VIII—IX вв., Волжской Булгарии и Руси (там же, с. 48, 146, рис. 33).

Короткие (чешуеобразные) прямоугольные с закругленным верхним (нижним) краем пластины (тип 2) известны с III в. до н. э. Они широко применялись в Ханьском Китае, в среде сяньбийских племен И-Ш вв. н. э., хуннов, когуресцев, японцев, согдийцев, самодийцев, кыргызов, чжурчжэней, волжских булгар, кипчаков, тангутов, монголов (Горбунов, 2003, с. 42). Согласно исследованиям В. В. Горбунова, короткие чешуеобразные пластины (в классификации В. В. Горбунова — типы 2-4) продолжали использоваться кочевниками Алтая на протяжении всей эпохи раннего и развитого Средневековья (там же, с. 146). Их появление и развитие на Алтае исследователь связывает с хуннской военной традицией (там же, с. 43). Чешуеобразные пластины употреблялись и монголами эпохи Великой империи и династии Юань (Горелик, 2002, с. 68, рис. 10). Таким образом, традиция использования коротких пластин с закругленным верхним (нижним) краем не прерывалась в Центральной Азии на протяжении всего раннего и раз-

витого Средневековья и была воспринята позднесредневековыми центральноазиатскими кочевниками и жителями Тибета (рис. 106, *6-8, 22-24).*

Прямоугольные пластины с закругленными верхними и нижними углами (тип 3) были также известны кочевникам Центральной Азии еще в эпоху раннего Средневековья (Горбунов, 2003, с. 49). В классификации В. В. Горбунова эти пластины представлены тремя основными типами: 5, 10, 15 (там же, с. 44, 47, 49). По сравнению со своими раннесредневековыми аналогами позднесредневековые пластины с закругленными углами отличаются вытянутыми пропорциями (рис. 106, *9-11).* Как показали результаты экспериментов по изготовлению предметных научно-исторических реконструкций, распространение пластин с закругленными углами было вызвано желанием оружейников не допустить порыва поддоспешной одежды («халатов») об острые края пластин. Для этих же целей в панцирях, в которых применялись стандартные пластины с острыми углами, по нижнему краю панцирной полосы пускалась кожаная или тканевая обкладка.

Вытянутые прямоугольные пластины со срезанными верхними углами (тип 4 по нашей классификации) были практически не известны кочевникам Центральной Азии вплоть до монгольского времени. Эволюция данного типа пластин связана с дальневосточным мохэско-чжурчжэньским панцирным комплексом (Бобров, Худяков, 2003, с. 92). Пластины со срезанными верхними углами были одним из самых популярных типов чжурчжэньских ламеллярных пластин эпохи империи Цзинь (XII — начало XIII в.) (рис. 106,*30-31)*. После завоевания «Золотой империи» чжурчжэней монголами последние стали использовать цзиньские панцири, состоящие изданного типа пластин.

В целом типологическое разнообразие позднесредневековых пластин ламеллярных доспехов достаточно значительно (рис. 106, *1-12).* Численно преобладают традиционные для Центральной Азии прямоугольные пластины с округлым верхним краем и короткие чешуеобразные пластины. Характерно, что система соединения позднесредневековых ламеллярных пластин между собой также достаточно консервативна. «Типично архаический» способ плетения пластин «по-тохарски» (III в. н. э.), с помощью двойного переплетения пластин через верхний край, фиксируется и у монголов XIII—XIV вв., и на некоторых «тибето-монгольских» доспехах XVII-XIX вв. (Горелик, 1987, с. 173). Соединение в ленты на основе тройных ремней наличествует у аваров VII в., монголов XIII в. и у позднесредневековых нивхов (там же). Однако даже достаточно консервативный центральноазиатский ламеллярный доспех заметно эволюционировал на протяжении позднего Средневековья. Так, среди рассмотренных нами материалов отсутствуют пластины самой простой и популярной в эпоху Древности и раннего Средневековья прямоугольной формы. Наряду с характерными для региона ламеллярными пластинами овальной и чешуеобразной формы в военный обиход входят и оригинальные дальневосточные пластины со срезанными углами.

Судя по дошедшим до нас «тибето-монгольским» ламеллярным «халатам» XVI-XVIII вв., последние представляли собой достаточно сложную конструкцию, совмещающую в себе такие требования, как безопасность, эластичность и комфорт. Особое внимание уделялось эластичности доспеха. По мысли позднесредневековых оружейников, панцирь не должен был стеснять движения всадника. Для этого в составе одного доспеха использовались пластины различных форм и размеров. Обычно из самых крупных пластин (типы 1, 3) составлялись подол, а также нагрудная и наспинная части доспеха. Причем поясной ряд пластин, располагавшийся вокруг талии воина, делали немного вогнутым, что создавало эффект приталенности панциря и способствовало его более плотной фиксации на корпусе воина. Эта деталь оформления была известна азиатским мастерам еще в период раннего Средневековья (Горелик, 1993, с. 150, рис. *1,4, 10,12, 21, 26;* с. 153, рис. 3, */ -3,17).* Короткими чешуеобразными пластинами (тип 2) бронировались широкие и длинные плечевые ремни, подмышечники, короткие воротники, а также ламеллярные бармицы. Иногда для этой же цели использовались уменьшенные варианты пластин типа 1. Наплечники состояли из пластин различных размеров. Численно преобладали пластины вытянутой прямоугольной формы с закругленным верхним краем (тип 1), представлявшие собой уменьшенную копию пластин, составлявших корпусный панцирь. Самые крупные из них размещались в верхней (плечевой) части наплечника. В районе предплечья использовались пластины меньшего размера. Из самых мелких пластинок состоял нижний узкий край наплечника, находившийся в месте локтевого сгиба. Пластины «тибето-монгольских» панцирей соединялись с

помощью ремешков и шнуров, изготовленных из оленьей замши или конской кожи. В случае необходимости гибкость доспеха повышалась за счет ослабления шнуровки пластин. Если нагрудная часть панциря сошнуровывалась, как правило, достаточно жестко, то в местах сочленений (талия, плечи), а также в набедренниках пластины могли просто висеть на ремешках, позволяя всаднику спокойно сгибаться и поворачиваться в седле. Чтобы предотвратить порыв краями пластин поддоспешной одежды, края наплечников и подола оторачивались широкой тканевой (иногда богато украшенной вышивкой) полосой.

Ламинарная система бронирования

Ламинарная броня формируется из сплошных горизонтальных пластин-полос, соединенных между собой с помощью ремешков или заклепок.

Кожаный (?) ламинарный доспех с ременным соединением фиксируется на юаньском иконографическом материале XIV в. (рис. 113, *1)*. Ламинарное бронирование с клепочным соединением представлено находками железных пластин-полос от ламинарного нарукавника из памятника Ийи-Кулак в Туве (рис. 201,6-7).

Ламинарная структура бронепокрытия известна с середины II тыс. до н. э. Однако панцирные ламинарные сегменты в этот период не составляли цельного панциря, а формировали подол, нарукавья и наплечники. Первыми, кто стал использовать целый доспех, изготовленный ламинарным способом, были сяньби Северного Китая (Горбунов, 2003, с. 60-61). В эпоху раннего и развитого Средневековья ламинарные доспехи широко применяли тюрки, народы Средней Азии и Дальнего Востока. Особенно популярны ламинарные и комбинированные (ламеллярно-ламинарные) панцири были у кочевников Центральной Азии в период создания Великой монгольской империи и существования династий Чингизидов (Горелик, 2002, с. 69, рис. 2,4,6-9; с. 71, рис. 1-18). Судя по китайским миниатюрам XIV в., ламинарные панцири использовались и воинами Юаньской империи (рис. 131, 132).

В XV в. иранские оружейники предприняли попытку усовершенствовать ламинарный доспех с помощью введения новой системы соединения панцирных полос: ременная система была заменена на клепочную (Бобров, Худяков, 2002, с. 111).

В течение второй половины XV — XVI в. ламинарный и ламеллярно-ламинарный доспех был вытеснен с территории Ирана и Средней Азии технологически более совершенным кольчато-пластинчатым доспехом. Однако отдельные изображения ламинарных «кирас» и ламинарных конских доспехов продолжают встречаться на среднеазиатских миниатюрах до конца XVI в. (рис. 117).

После изгнания монголов из Китая минский доспех сохранил отдельные элементы ламинарного бронирования (ламинарные наплечники, нарукавья, «кирасы» и т. д.). Судя по находке ламинарного нарукавья в памятнике Ийи-Кулак, панцирные элементы, содержащие ламинарную систему бронирования, продолжали употребляться кочевниками Центральной Азии как минимум до середины XV в.

Кольчато-пластинчатая система бронирования

Как и кольчуга, кольчато-пластинчатый доспех не является традиционным центральноазиатским видом защитного вооружения. «Бехтерцы» (от перс, «бехтер») и «юшманы» (от перс, «джавшан») в своем классическом виде появились в Иране и Османской Турции в XV в.[4] и благодаря своей нарядности, эластичности и надежности быстро завоевали популярность у представителей феодальной знати Северной Африки, Восточной Европы, Средней Азии (где практически совершенно вытеснили панцири с центральноазиатской системой бронирования — ламеллярные и, в меньшей степени, пластинчато-нашивные) и, видимо, во второй половине XVI в. достигли монгольских степей (рис.130-134).

Остатков панцирей с кольчато-пластинчатой системой бронирования в захоронениях на территории Монголии археологами пока не обнаружено. Однако на их бытование среди номадов указывают письменные источники и целиком сохранившиеся кольчато-пластинчатые панцири южносибирского или центральноазиатского производства из старых оружейных коллекций. Так, русские хронисты

[4] Видимо, несколько раньше в Восточной Европе, Передней и Малой Азии стали известны кольчато-пластинчатые доспехи, известные в Российском государстве под названием «каланчарь».

утверждают, что среди прочих предметов вооружения ойраты приобретали у «русских ясачных людей» «бехтерцы», т. е. классические кольчато-пластинчатые доспехи (Потапов, 1953, с. 166). Те же «бехтерцы» были крайне популярны у представителей кашгарской и среднеазиатской знати, которые принимали активное участие в походах западномонгольских владык.

Кольчато-пластинчатые доспехи упоминаются и в позднесредневековом центральноазиатском эпосе, причем материалы героических преданий не только указывают на факт бытования этого вида защитного вооружения у монголов, но и отмечают особенности оформления монгольских «калантарей», «бехтерцев» и «юшманов». Судя по данным монгольских улигеров, поверхность пластин в кольчато-пластинчатом панцире могла покрываться изображениями, носившими сакральный смысл. В монгольском эпосе «Бум-Эрдени» есть подробное описание такого панциря: «А затем... достал Аксахал и пожаловал черную, как сера, бронзовую, огненную кольчугу. На вороте у нее насажены схватившиеся слон и лев, на части, прикрывающей живот, парящий самец гаруда; на части, прикрывающей горло, насажено изображение Хоншимбодисатвы, на плечах набито изображение двадцати одной Дара-еке, на спине насажен ужасный черный мангус вниз головой, на подоле — все вредоносные вниз головой. Имела она сорок четыре пряжки, четыре тысячи привесок и четыре тысячи пуговиц. Принял ее Бум-Эрдени, встряхнул так, что засверкал огонь семи цветов, набросил, прямо покрывая блеск своих широких лопаток, и надел кольчугу» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 62-63). Даже делая скидку на определенную условность описания деталей в эпосе, необходимо отметить, что единственный вид доспеха, в котором совмещались все перечисленные качества — кольчужное плетение, железные пластины с гравировкой или насечкой, пряжки и пуговицы, — это кольчато-пластинчатый панцирь. Судя по тем же «пряжкам», «застежкам» и «пуговицам», он имел разрез, а следовательно, по покрою был близок к описанному доспеху из коллекции Кузнецова-Красноярского, в настоящее время хранящемуся в МАЭСТГУ (рис. 135).

По принятой в отечественном оружиеведении классификации кольчато-пластинчатый панцирь из МАЭС ТГУ (рис. 135) может быть отнесен к

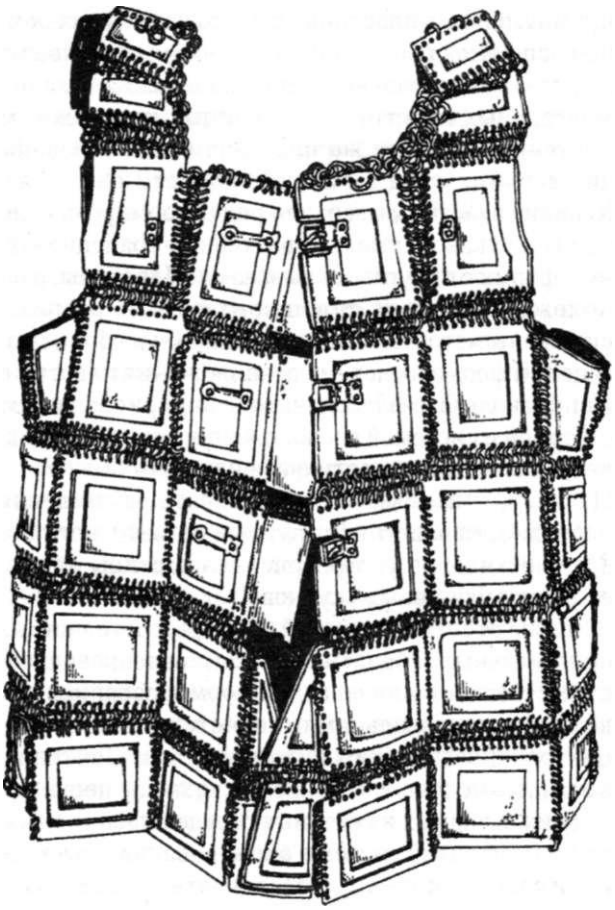

Рис. 135. Кольчато-пластинчатый доспех южносибирского производства XVII-XVIII вв. Происходит из коллекции Кузнецова-Красноярского. В настоящее время хранится в МАЭС ТГУ.

«калантарям». Он составлен из крупных пластин подпрямоугольной формы (в отличие от «бехтерца», который «сплетался» из достаточно мелких и узких горизонтально расположенных пластинок). При этом соединенные кольчужными кольцами пластины покрывают не только нагрудную часть, осевой разрез и наспинную часть панциря (как в «юшмане»), а всю его поверхность. Пластины панциря выполнены в традиционной для Южной Сибири манере и снабжены ребрами, образующими две вписанные друг в друга геометрические фигуры, соответствующие форме пластины (т. е. прямоугольники, квадраты, трапеции). Составлявшие панцирный жилет пластины расположены в пять рядов: два нижних ряда — крупные пластины квадратной и прямоугольной формы, три верхних ряда — более мелкие вертикально расположенные

прямоугольные пластины. Вместо наплечных ремней использовались панцирные лямки, состоявшие из ряда горизонтально расположенных малых прямоугольных пластин, соединенных кольчужным плетением (такими же пластинами бронированы два верхних ряда в наспинной части панциря). Крайние пластины в верхнем ряду (формировавшие проймы рукавов) имели характерную трапециевидную форму с округлыми вырезами. Пластины, расположенные вдоль сплошного осевого разреза, снабжены металлическими пряжками и обоймами. В целом форма и система расположения пластин в данном кольчато-пластинчатом панцире совпадают с формой и системой расположения пластин в позднесредневековых пластинчато-нашивных доспехах. На это же указывают и особенности оформления поверхности пластин (выпуклый рельеф), которые в точности копируют ребристые пластины от пластинчато-нашивных «куяков».

Кольчато-пластинчатый панцирь, состоящий из оригинальных ребристых пластин трапециевидной, прямоугольной и квадратной формы, соединенных кольчужными кольцами, является самобытным центральноазиатским видом доспеха. Центральноазиатские и южносибирские кузнецы переняли у своих западных и северных соседей идею кольчато-пластинчатой системы бронирования, но в ходе изготовления кольчато-пластинчатых доспехов использовали традиционные для региона ребристые пластины, также употреблявшиеся для бронирования пластинчато-нашивных (пластинчато-клепаных) панцирей.

Кольчатая система бронирования

Помимо панцирей, набранных из пластин, с территории Центральной Азии происходят и панцири, «сплетенные» из колец. По составу и способу крепления они представлены кольчугами, в которых кольца склепаны заклепкой-гвоздем, выходящим на обе стороны кольца. В составе кольчатых доспехов склепанные кольца могли применяться как самостоятельно, так и в сочетании с цельными сварными кольцами.

Кольчатые доспехи вошли в широкое употребление у народов Европы и Передней Азии в IV-I вв. до н. э. На рубеже тысячелетий кольчуга была заимствована от римлян сарматами и парфянами, а к III в. н. э. стала известна в Средней Азии, откуда проникла далее на Восток (Горбунов, 2003, с. 63). В эпоху развитого и позднего Средневековья государства Средней Азии являлись крупными центрами по изготовлению кольчатого защитного вооружения в регионе.

В Синьцзяне и Прибайкалье кольчуга известна с середины I тысячелетия н. э. Самые ранние кольчатые панцири с территории Алтая датируются III в. н. э. (там же). Алтайские кольчуги составлены из колец разных размеров, причем разные по диаметру кольца совмещены в составе одного панциря. Исследовавший эти кольчужные фрагменты В. В. Горбунов отметил, что предположение А. Н. Кирпичникова о том, что «одновременное употребление колец разной величины... свойственно кольчугам позднего Средневековья», не подтверждается собранным с территории региона материалом (там же, с. 64).

Широкое распространение кольчатых панцирей среди монгольских воинов периода развитого Средневековья связано с началом завоевательных походов Чингиз-хана и его наследников на территорию Средней и Передней Азии.

В Центральной и Восточной Монголии XV-XVI вв. кольчуга хотя и использовалась, но не была широко употребительна. Новый всплеск популярности кольчатого панциря среди кочевников Центральной Азии связан с распространением его среди ойратов (рис. 136, 137).

В сообщениях путешественников XVII—XVIII вв., описывавших вооружение степняков, кольчуги упоминаются достаточно часто, причем наибольшее количество свидетельств относится к XVIII в. Кольчатые панцири были особенно популярны в землях Западной Монголии, непосредственно граничивших с государствами Средней Азии. Судя по материалам письменных источников, уже в конце XVII — начале XVIII в. ойратские воины предпочитали «пансыри да кольчуги» восточномонгольским и маньчжурским пластинчато-нашивным «куякам» (МРМО, 2000, с. 385; Косымбаев, 1986, с. 34). Об употреблении кольчуг джунгарами писал во второй половине XVII в. Ю. Крижанич. П. С. Паллас в XVIII в. привел подробное описание калмыцких кольчуг, которые покупались или выменивались степняками у жителей Передней и Средней Азии (Паллас, 1809, с. 477-478).

Широко использовали кольчатые панцири и народы, населявшие северную окраину Великой сте-

пи. И. Идее и А. Брант, посещавшие Китай в 1692-1695 гг., описывали енисейских кыргызов как народ, широко применяющий кольчуги: «Это воинственный народ, крепкий, высокий и плосколицый, одевается он по калмыцкой моде... Их оружие состоит из лука и стрел. Киргизы никогда не идут в набег без кольчуги и пик, которые они волочат сбоку от коней почти за острие». В XVIII в. кольчуги, находившиеся на вооружении бурятов, регулярно упоминались путешественниками, посещавшими земли «братских людей». Швейцарец Ренье, служивший гувернером в доме губернатора фон Бриля в г. Иркутске, заострял внимание читателей на том, что вооружение бурят в XVIII в. состояло «обычно из лука и стрел, сабли на боку и кольчуги» (Михайлов, 1993, с. 35). Михаил Татаринов, описывая вооружение «братских татар» середины XVIII в. отмечал, что они «для военного случая имеют панцири, сабли, а особливо у забайкальских много кольчуг и шапок железных» (Описание о братских татарах..., 1958, с. 127).

Кольчуги поступали в ойратские армии и из-за границы, в первую очередь от народов Средней Азии. Путешественник и писатель И. Потоцкий в конце XVIII в. описал увиденные у хошоутовского владельца Тюмень-Джиргала панцири калмыцких правителей. Наряду с «латами» из узких железных пластинок им были упомянуты «кольчатые» доспехи и панцири «из цепочек». По сообщению А. Терещенко, также знакомившегося с собранием оружия Тюмень-Джиргала, эти панцири до калмыков принадлежали крымскому хану Тохтамышу-Гирею, арабскому шейху Мухаммеду и другим передневосточным и среднеазиатским правителям (Сычев, 1973, с. 30). Калмыки XVIII в. покупали кольчатые панцири у туркмен, жителей Ирана и Хорасана (Паллас, 1809, с. 477-478). Вероятно, некоторое количество кольчатых доспехов для джунгарских воинов изготавливалось и мастерами мусульманской Кашгарии, включенной в состав Джунгарского ханства в конце XVII в. В начале 40-х гг. XVIII в. джунгарский правитель Галдан-Церен производил «побор пансирями» (т. е. кольчатыми доспехами) и с казахов Старшего жуза (Семенюк, 1969, с. 268). Русские письменные источники указывают на то, что кольчатые панцири были самым популярным типом металлического защитного вооружения у казахов в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (там же, с. 264). Судя по данным эпоса, казахи использовали различные типы кольчуг: «ак сауыт» («белая серебряная кольчуга»), «бадана» (т. е. «байдана» — кольчуга из крупных плоских колец), «жаланкат» (кольчуга, одеваемая под пластинчатый панцирь) и т. д. (Кайдаров, 1973, с. 27-28). По данным А. К. Кушкумбаева, для повышения защитных свойств кольчатого доспеха казахи надевали одну кольчугу поверх другой (Кушкумбаев, 2001, с. 78).

Представители кочевой знати носили также кольчатые доспехи русского производства, которые передавались монгольским правителям в качестве подарков, выменивались или захватывались степняками в ходе военных набегов (рис. 138, 139, 140).

Кольчужные кольца рассмотренных нами кольчуг представляют практически полный спектр известных на тот период форм, типов и систем соединения колец. Как и русские и среднеазиатские аналоги, центральноазиатские кольчуги состоят из колец, имеющих различные размеры и толщину; клепаные кольца центральноазиатских кольчуг так же перемежаются цельносварными. Вместе с тем необходимо отметить, что на центральноазиатских материалах не фиксируется ряд популярных нововведений, распространенных в восточноевропейском и среднеазиатском кольчатом доспехе. Так, кольца центральноазиатских кольчатых доспехов соединены с помощью специального «гвоздя», в то время как в XVII в. в Российском государстве преобладающим был более простой способ соединения колец— «на шип», носивший название «пансырного соединения». Не фиксируется на центральноазиатском материале и популярное в Средней Азии двойное плетение, когда в одно кольцо вставлялось не 4, а 6 соседних. Однако, несмотря на ряд архаичных черт, кольчатый доспех позднесредневековой Центральной Азии по основным параметрам практически не уступал своим западным аналогам.

Информация, которую дает типологический анализ панцирных пластин, может быть существенно дополнена рассмотрением развития панцирей как цельной конструкции. Для их системного описания ввиду редкости полных панцирных комплексов привлечены изобразительные материалы, степень подробности которых позволяет судить об общем устройстве основных частей этого вида защиты, описания центральноазаитских доспехов, сделанные современниками и этнографами XVII-XIX вв.,

а в ряде случаев — и материалы центральноазиатского эпоса.

Тип **1.** «Кираса».

Вариант **1.** Двухстворчатая «кираса».

Панцирь, скроенный в виде двухстворчатой «кирасы», состоял из двух панцирных сегментов — нагрудника и наспинника, которые соединялись с помощью кожаных ремешков с пряжками или панцирных лент на плечах и стягивались, а затем фиксировались на боках веревками или ремешками (рис. 5, *1-3)*. Покрой панциря в виде «кирасы» мог иметь ламеллярную, ламинарную, пластинчато-нашивную и кольчато-пластинчатую структуру бронирования.

Еще в эпоху Древнего мира, во II тысячелетии до н. э., панцири покроя «кираса» употреблялись воинами Египта и Китая. На территории Центральной Азии ламеллярные «кирасы» из костяных пластин использовались уже в раннем железном веке (Горбунов, 2003, с. 58). Исключительно широко были распространены двухстворчатые ламеллярные и гомогенные (из твердой толстой кожи) «кирасы» в сяньбийских государствах Северного Китая (Бобров, Худяков, 2005, с. 127-128). В раннем и развитом Средневековье панцири покроя «кираса» употреблялись тюркскими, киданьскими, чжурчжэньскими (Бобров, Худяков, 2004, с. 94-96) и монгольскими (Горелик, 2002, с. 69) воинами.

Покрой панциря в виде «кирасы» был самым популярным типом покроя корпусного защитного вооружения воинов Юаньской империи. «Кирасы» обычно состояли из нагрудника и наспинника, соединенных на плечах и боках (боку) кожаными ремешками (рис. 5, /). Многие из юаньских панцирей данного типа покроя имели удлиненный нижний край, который прикрывал крестец и гениталии воина (рис. 5, *4)*. Этим элементом оформления юаньские «кирасы» отличались от большинства панцирей, изготовленных в государствах Чингизидов в Передней и Средней Азии, имевших преимущественно ровный нижний край (Горелик, 2002, с. 69, рис. 8-9; с. 71, рис. 5)[5]. Такой вариант покроя «кирас» юаньские оружейники унаследовали от своих киданьских, чжурчжэньских и китайских предшественников XI—XIII вв. (Бобров, Худяков, 2003, с. 94-96, 169, табл. 1, рис. 6-7, 13; с. 171, табл. 2, рис. 6).

В Юаньской империи ламеллярные «кирасы» носили и знатные монгольские воины, и рядовые китайские ополченцы. Командиры подразделений и всадники использовали «кирасы» в комплекте с длинными «кавалерийскими» набедренниками (доходившими до середины голени) и наплечниками. Последние могли быть малыми или большими лопастевидными. Лопастевидные наплечники имели значительную длину и ширину. Они прикрывали не только плечо и предплечье, но и верхнюю часть груди и руку до локтя или даже ниже. Для удобства использования лопастевидные наплечники резко сужались в нижней части, образуя характерный вырез. Этот эффект достигался путем резкого сокращения числа пластин в ряду. Каждый наплечник, кроме традиционных ремешков на предплечье, был снабжен длинным (иногда двойным) ремнем, пропускавшимся под мышкой другой руки (реже за шеей). Пара ремней перекрещивалась на груди и спине. Наплечники такой формы, как и способ их ношения, использовались киданями периода Ляо (там же, с. 169, табл. 1, рис. 6-7) и сунскими китайцами, а затем были усвоены чжурчжэнями и монголами. В Юаньский период наплечники и набедренники могли иметь идентичную или альтернативную «кирасе» структуру бронирования. Так, ламеллярные «кирасы» использовались в комплекте с кольчатыми или чешуйчатыми наплечниками и набедренниками (рис. 112, /), которые оторачивались полосой меха, цветной ткани или расписной мягкой кожи с ровным или вырезным фестончатым краем. Нижний край юаньских «кирас» снабжался матерчатой или кожаной обкладкой и украшался фестонами, бубенцами и подвесками. Конные лучники нередко носили панцири с длинными набедренниками, но без специальной защиты плеч и предплечья. Пешие юаньские солдаты использовали «кирасы» без дополнительных панцирных элементов (рис. 125) или с короткими (до середины бедра или до колен) «пехотными» набедренниками (рис. 111, *2,4)*. Иногда такие короткие набедренники носили и всадники. На это указывают их изображения на терракотовых статуэтках монгольских воинов из юаньских погребений (рис. 144, *4, 5)* и находка подлинной ламеллярной «кирасы» с короткими набедренни-

[5] Изображения «кирас» с удлиненным нижним краем в переднеазиатской иконографии относительно не многочисленны. Они иллюстрируют процесс постепенного затухания восточноазиатской военной традиции на западных землях потомков Чингиз-хана (Горелик, 1987,с. 174,рис. 10-11).

ками в погребении, датированном XIII в. (Горелик, 2002, с. 69, рис. 13).

После крушения Юаньской династии центральноазиатские кочевники продолжали использовать панцири покроя «кираса». Они встречаются на рисунках минских художников, изображающих монгольских воинов, их воспевали позднесредневековые степные сказители.

Двухчастный панцирь, состоявший из нагрудника и наспинника, упоминается в центральноазиатском эпосе. Характерно, что степные богатуры сначала надевают наспинную часть доспеха, а только затем нагрудник: «...бронею покрыл себе спину, булатной железной бронею он мозг свой спинной запаял, да бронею покрыл себя спереди, грудь запаял он кремнево-железной броней... Так бронею покрыл, что сверкала она словно солнце. Он бронею покрыл себя так, что листвой развевалась она. Он бронею покрыл себя так, что луною сияла броня» (Михайлов, 1993, с. 46). Воины в эпосе «угольно-черный куяк прилаживают», «булатного железа куяк на спину натягивают» (там же, с. 41), «железно-черные доспехи на спине закрепляют» (Ге.сер, 1988, с. 15,42).

О конструкции центральноазиатских «кирас» периода позднего Средневековья и Нового времени можно судить по дошедшим до нас образцам, изготовленным тибетскими или монгольскими мастерами XVI-XIX вв.

Ламеллярные «тибето-монгольские» «кирасы» встречаются среди старых оружейных коллекций Великобритании, США, КНР, Швеции (рис. 107). Ламеллярные «кирасы» также выставлены среди подарков, преподнесенных монастырям Сэра и Дрепунг монгольскими и тибетскими феодалами XVI-XVIII вв.

Среди известных нам образцов преобладают панцири, состоящие из нагрудника и наспинника, соединенных между собой на плечах ламеллярными лентами. Панцирь надевается через голову и стягивается на боках специальными ремешками (рис. 5, *3)*. На некоторых фотографиях тибетцев начала XX в. он носится свободно — без завязывания ремешков и без подпоясывания. Эту разновидность «кирасы» иногда называют ламеллярным «пончо». Большинство панцирей имеют удлиненный и постепенно сужающийся нижний край, отороченный широкой полосой ткани или мягкой кожи.

Ламеллярная «кираса-пончо» хранится в Этнографическом музее г. Стокгольма (Швеция). Панцирь изготовлен из прямоугольных пластинок с закругленным верхним краем, соединенных между собой кожаными ремешками. Нагрудник состоит из 12 рядов пластин. С 7-го ряда (при счете сверху) -начинается постепенное сокращение числа пластин в ряду, благодаря чему нагрудник в своей нижней части сужается почти на треть. К нижнему ряду пластин пришита широкая матерчатая полоса (рис. 107). Панцирь надевается через голову и фиксируется на боках кожаными ремешками.

Наряду с ламеллярными «кирасами» воины Центральной Азии (в первую очередь монголы) использовали и их пластинчато-нашивные аналоги. Пластинчато-нашивные панцири, пластины от которых найдены на территории Южной Сибири и Монголии, могут быть реконструированы в виде «кирас» (рис. 121,5) или «жилетов».

В XVI-XVII вв. ламеллярные, ламинарные и пластинчато-нашивные панцири покроя «кираса», пользовавшиеся такой популярностью в период раннего и развитого Средневековья, постепенно выходят из употребления в Передней, Средней и Восточной Азии. В мусульманском мире створчатые «кирасы» центральноазиатского типа с ламинарной и ламеллярной системами бронирования были практически повсеместно вытеснены кольчато-пластинчатым доспехом в течение XVI в. Однако вплоть до конца этого столетия мавераннахрская миниатюра фиксирует изображения воинов в ламинарных и комбинированных ламеллярно-ламинарных «кирасах», иногда снабженных осевыми ребрами жесткости и дополнительными нагрудными панцирными вставками (рис. 117, *6, 7)*. Место ламеллярных и ламинарных «кирас» в Иране, Средней Азии и Индии занимают зерцальные доспехи и кольчато-пластинчатые «кирасы» — «бехтерцы». Такие безрукавные «бехтерцы» с боковым разрезом были популярны в XVII в. и в Российском государстве. В Цинской империи «кирасы» были заменены панцирными «жилетами» с осевым разрезом, в которых удлиненный нижний край был замещен на трапециевидный, прямоугольный или квадратный «передник» (Бобров, Худяков, 2003, с. 139). Таким образом, в конце рассматриваемого периода «кирасы» продолжали широко употребляться в основном лишь на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Пластинчато-нашивные «кирасы» были

широко распространены в Монголии XVI—XVIII вв., а в Тибете их ламеллярные аналоги сохраняли свою популярность вплоть до начала XX в. (Уоддель, 1906, с. 133).

Тип **2.** «Жилет».

Вариант **1.** «Жилет» со сплошным осевым разрезом.

Панцирь, изготовленный в виде жилета, не имел рукавов, кроился из одного куска брони (броневого покрытия) и имел сплошной осевой разрез, стягивающийся на груди с помощью ремешков, крючков или пуговиц (рис. 5, *4)*. В цинском доспехе конца XVII — XVIII в. к «жилету» нередко присоединяли длинные панцирные рукава. У панциря покроя «жилет» могла быть пластинчато-нашивная, ламеллярная, ламинарная, комбинированная (ламеллярно-ламинарная), кольчатая, кольчато-пластинчатая структура бронирования.

Панцири, скроенные в виде жилета с осевым разрезом и коротким подолом, применялись монголами еще в эпоху развитого Средневековья (рис. 116, *4),* однако широкого распространения они в этот период не получили и численно уступали створчатым двухчастным «кирасам». В эпоху позднего Средневековья панцири этого покроя стали исключительно популярны. В Маньчжурии, а затем и в Цинском Китае пластинчато-нашивной «жилет» — «магуацзы» со сплошным осевым и короткими боковыми разрезами, повторяющий покрой верхней жилетообразной одежды, становится самым популярным вариантом покроя пластинчато-нашивных панцирей (Бобров, Худяков, 2003, с. 135-137). Изобразительные источники XV-XVIII вв. фиксируют изображения ламеллярных и пластинчато-нашивных, а вещественные — кольчато-пластинчатых «жилетов». В ламеллярные «жилеты» одеты монгольские и маньчжурские воины на терракотовых изображениях и картинах минского времени (рис. 112, *4).* Также «жилеты» использовались и в цинских армиях XVII в. (рис. 116, *2, 6).* Изображения ламеллярных панцирных «жилетов», дополненных наплечниками, встречаются в монгольской буддийской живописи XVIII-XIX вв. (рис. 112, *5-6).* Бурятский воин на гравюре Е. Корнеева (XIX в.) одет в пластинчато-нашивной доспех, состоящий из подбитого железными пластинами длиннополого «жилета» цинского типа (или «халата» с коротким подолом), стянутого на груди ремешками, наплечников и набедренников(рис.128,*5)*.

Вероятно, именно в форме пластинчато-нашивного «жилета» с полусферическими наплечными пластинами (наплечьями) и ламинарными нарукавниками был скроен и панцирь № 2 из тайника Ийи-Кулак (рис. 119). На это указывает и общее количество пластин в составе доспеха, и наличие трех пластин с пряжками, как и в предыдущем случае служившими для стягивания и фиксации краев сплошного осевого разреза.

В виде кирасы с боковым или жилета с осевым разрезом кроились и пластинчато-нашивные панцири с крестообразно расположенными заклепками из Причулымья и Минусинской котловины, а также минусинский панцирь «куячного» типа с заклепками в виде многолучевой звезды (рис. 121,5).

Подлинные монгольские или южносибирские кольчато-пластинчатые панцири также скроены в виде жилетов без рукавов со сплошным осевым разрезом. На сегодняшний день нам известны два кольчато-пластинчатых панциря типа «жилет». Один из них происходит из коллекции Кузнецова-Красноярского и в настоящее время хранится в МАЭС ТГУ, другой — из фондов Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Рассмотрим панцирь из МАЭС ТГУ подробнее.

Кольчато-пластинчатый панцирь скроен в виде безрукавного жилета со сплошным осевым разрезом и коротким подолом (рис. 135). Согласно принятой в отечественной науке классификации кольчато-пластинчатых доспехов данный панцирь может быть отнесен к «калантарям». Панцирь формируют 72 пластины различных форм и размеров, соединенных между собой полосами кольчужного плетения (шириной в три, в ряде случаев в два ряда колец).

Нагрудная часть панциря состоит из пяти горизонтальных рядов пластин (всего 24 пластины), разделенных осевым разрезом на правую и левую полу. Два нижних ряда пластин формируют подол панциря.

Правая пола нагрудной части панциря состоит из 12 пластин. Нижний ряд формируют три пластины, две из которых имеют характерную для пластин нижнего ряда прямоугольную форму и размеры 11,0 х 12,0 см. Третья пластина (крайняя в ряду, расположенная у осевого разреза) имеет форму трапеции со скошенным верхним углом (10,5 * 8,3 см). Поверхность пластин покрыта выпуклыми ребрами, образующими две геометрические фигуры, вписанные в плоскость пластины. Образован-

ные ребрами фигуры повторяют (в меньшем масштабе) форму самой пластины, т. е. прямоугольники и квадраты соответственно. Нижний край всех пластин нижнего ряда, а также внешний (выходящий к осевому разрезу) боковой край трапециевидной пластины не имеют отверстий, их замещает невысокий выпуклый бортик.

Второй снизу ряд правой полы состоит из трех пластин: двух квадратных (10 * 10 см) и одной треугольной (у осевого разреза).

Третий снизу ряд правой полы состоит из двух пластин: стандартной пластины прямоугольной формы (11 х 10,2 см) и необычной выпуклой пластины большого размера (11 х 12,3 см). Последняя представляет собой традиционную прямоугольную пластину, снабженную дополнительной лопастью (ширина — 4,5 см), назначение которой мы рассмотрим ниже. Три стороны пластины снабжены отверстиями, в которые вставлены кольчужные кольца, четвертая сторона, обращенная к осевому разрезу и заканчивающаяся лопастью, имеет гладкую (не ребристую) поверхность. Отверстия на ней отсутствуют. Немного выше центра пластины приклепана узкая горизонтальная накладка — фиксатор.

Четвертый снизу ряд правой полы состоит из двух пластин, аналогичных по форме пластинам третьего ряда, т. е. прямоугольной пластины и пластины с лопастью и фиксатором (12,3 х 11,0 см).

Пятый (верхний) ряд правой полы состоит из прямоугольной пластины с лопастью и фиксатором, аналогичной пластинам третьего и четвертого ряда, и трапециевидной пластины с неглубоким боковым вырезом (11,3 х 8,5 см). Появление последнего вызвано тем, что пластина формирует рукавную пройму панциря. Три края пластины снабжены отверстиями для крепления кольчужной ткани. Обращенная к пройме вырезная сторона пластины не имеет отверстий, а ее край снабжен невысоким выпуклым бортиком. К поверхности пластины приклепана короткая вертикальная накладка.

Левая пола нагрудной части панциря представляет собой практически точное, зеркальное отражение правой полы. Единственное важное отличие заключается в конструкции и оформлении крайних (осевых) пластин трех верхних рядов. Они не имеют дополнительных лопастей, а вместо фиксаторов к их поверхности приклепаны пряжки с язычками.

Для чего же служила дополнительная лопасть на трех верхних пластинах с фиксаторами, расположенных у осевого разреза? Ответить на этот вопрос можно, ознакомившись с конструкцией доспеха в целом. Дело в том, что, судя по размерам и форме панциря, он надевался поверх стеганого на вате «мягкого» доспеха или толстой поддоспешной одежды, размеры и толщина которой могли существенно варьироваться. В этой ситуации, при стягивании пол жилета, между ними могла образоваться щель, что делало панцирь уязвимым для колющих ударов по осевому разрезу. Эту самую щель осевого разреза и закрывали лопасти пластин. При стягивании ремешков левая пола с пластинами, снабженными пряжками, оказывается сверху, а лопасти пластин с фиксаторами благодаря выпуклой форме свободно заходят за нее и наглухо перекрывают щель осевого разреза, образуя двойной слой брони.

Ряд особенностей оформления панциря указывает на то, что его конструкция заранее тщательно продумывалась оружейником. Так, выпуклый бортик расположен не по всему периметру пластин (как у пластинчато-нашивных панцирей), а только по их внешним краям, не имеющим отверстий для крепления кольчужных колец. Такое конструктивное решение обусловлено сугубо функциональными причинами. Авторы данного кольчато-пластинчатого панциря не опасались соскальзывания оружия противника в межпластинчатые щели, так как пространство между пластинами было заполнено достаточно плотным кольчужным плетением. Что касается бортиков на внешних сторонах пластин (свободных от кольчужных колец), то они выполняли двойную функцию. С одной стороны, они не позволяли вражескому оружию соскальзывать на потенциально незащищенные участки тела (предплечья, подмышечные впадины, бедра). С другой — предохраняли поддоспешную одежду от повреждений, а конечности воина от пореза об острые края пластин. Характерно в этой связи, что отверстия в пластинах пробиты строго в тех местах, где предполагалось крепление кольчужных сегментов. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что конструкция панциря и форма панцирных пластин тщательно продумывались мастером еще до начала сборки доспеха.

Значительный интерес представляет конструкция панцирного подола. Панцирные ряды, образующие переднюю часть подола, состоят не из четырех пластин (как ряды нагрудной части панциря),

а из шести (по три справа и слева от осевого разреза). Добавленные пластины имеют трапециевидную и подтреугольную форму. Причем более крупные трапециевидные пластины формируют нижний ряд подола, благодаря чему полы панциря сходятся в нижней части, частично перекрывая друг друга. Это простое конструктивное решение позволяет справиться с проблемой, возникающей у конного воина, использующего панцирь с подолом. У находящегося в седле всадника, опирающегося на короткие стремена, стандартный короткий подол пластинчатого панциря оттягивается назад, обнажая бедро. Благодаря наличию дополнительных трапециевидных и треугольных пластин эта проблема перестает быть актуальной — вырезной подол надежно предохраняет бедра всадника от рубящего удара клинковым оружием. В спешенном положении воина пластины подола прикрывают низ его живота и гениталии двойным слоем брони. Отсутствие центральной пластины по нижнему ряду наспинной части панциря делает нахождение всадника в седле более комфортным.

Таким образом, кольчато-пластинчатый панцирь из МАЭС ТГУ, несмотря на кажущуюся простоту покроя, имеет достаточно сложную, тщательно продуманную конструкцию. Его элементы выполнены исключительно точно и тщательно подогнаны друг к другу.

Все варианты «жилетов» (как и створчатых «кирас») могли дополняться отдельно надевавшимися наплечниками, набедренниками и подмышечниками, с идентичной или альтернативной системой бронирования. Так, ламеллярные «жилеты» на изображениях носятся в комплекте со стеганными наплечниками и стеганными или пластинчато-нашивными набедренниками (рис. 125). Использовались и комбинированные способы бронирования. Так, в Цинском Китае XVIII в. офицеры носили широкие лопастевидные набедренники, изнутри подбитые металлическими пластинами, а с внешней стороны покрытые рядами нашитых или приклепанных на мягкую основу узких железных пластинок. Такие комбинированные набедренники в «восьмизнаменной армии» носили название «монгольской юбки» (Бобров, Худяков, 2004, с. 138), что, вероятно, указывает на центральноазиатское происхождение данного панцирного элемента.

Учитывая, что ранние варианты панцирей покроя «жилет» относятся к XIV в., а самые поздние — к XVIII — началу XIX в., можно предположить, что данный вариант покроя использовался монгольскими воинами на протяжении всего описываемого периода. Однако наибольшее распространение он получает в конце XVII — XVIII в. В этот период Халха вошла в состав Цинской империи и монгольские воины стали все чаще использовать панцири маньчжурского типа покроя. В Южной Монголии этот процесс начался еще раньше — в начале XVII в. Исключительный интерес в этой связи представляет портрет цинского полководца монгольского происхождения Цэвдэнджава (1705-1782), демонстрирующий процесс замещения собственно монгольского доспеха его «имперским» (маньчжуро-монголо-китайским) аналогом. Цэвдэнджав происходил из знаменитого рода Борджигинов, из знатной восточномонгольской (халхаской) семьи (его отец был зятем цинского императора). Цэвдэнджав участвовал в военной кампании в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1755—1758 гг., с 1771 по 1773 г. являлся губернатором Халхи. Портрет был написан, вероятно, еще при жизни полководца, предположительно в середине — начале второй половины XVIII в. Он принадлежит к большой группе портретов имперских военачальников, выполненных в реалистичной манере цинскими и европейскими художниками в период правления императора Цяньлуна (1735-1795). Художественная традиция того времени требовала детального и реалистичного отображения не только внешности персонажа, но и его одежды, доспеха и оружия. Комплекс защитного вооружения Цэвдэнджава в целом соответствует общеимперской военной моде. Корпусное защитное вооружение представлено пластинчато-нашивным «жилетом» со сплошным осевым и короткими боковыми разрезами. Интересно, что, демонстрируя лояльность маньчжурской династии и нарушая собственно монгольскую традицию, Цэвдэнджав носит «жилет» неподпоясанным. К жилету пристегнуты подбитые металлическими пластинами панцирные рукава. В отличие от большинства цинских панцирных рукавов, в данном случае отсутствуют характерные маньчжурские копытообразные манжеты. Панцирный комплекс дополняют пластинчато-нашивные наплечники (снабженные желтой матерчатой окантовкой с синим подбоем и усиленные характерными для цинского доспеха железными наплечными пластинами), набедренники, передник и подмышечники.

Доспех крыт материей красного цвета и имеет синий подбой. В целом доспех вписывается в утвержденные цинскими властями параметры защитного вооружения военачальников империи. Из общего ряда выбивается лишь необычное расположение панцирных усилителей. Кроме традиционного полусферического зерцала на нагрудной части «жилета», доспех снабжен еще как минимум четырьмя зерцалами меньшего размера, расположенными соответственно на наплечниках и набедренниках. Каждое такое зерцало снабжено шестью «спутниками» — небольшими полусферическими бляшками, симметрично расположенными вокруг «центрального диска». Судя по цинским сборникам середины XVIII в., такое расположение зерцал не было регламентировано имперскими властями, однако отдельные полководцы продолжали носить усиленные таким образом наплечники и набедренники. Аналогично оформленные наплечники фиксируются также на портрете дутуна Минляна (1736-1822).

Тип **3.** «Катафракта».

Панцирь (рис. 5, *5)* состоит из нагрудника-наспинника с боковым разрезом и двух лопастей, которые являются продолжением нагрудника и закрывают ноги спереди и с боков до колен или до голени включительно (Горбунов, 2003, с. 55). Панцири покроя «катафракта», могли иметь ламеллярную, ламинарную, комбинированную (ламеллярно-ламинарную), пластинчато-нашивную структуру бронирования. Целиком сохранившаяся «катафракта», имеющая пластинчато-нашивную систему бронирования, хранится в ГЭ. Возможно, покрой типа «катафракта» имел панцирь из № 1 из памятника Ийи-Кулак (рис. 118, *6-15).*

Панцири покроя «катафракта» были изобретены мастерами Северного Китая III—V" вв. н. э. По мнению В. В. Горбунова, появление «катафракт» с длинными набедренниками связано с необходимостью усилить защиту конного воина против пешего противника (там же, с. 59). «Катафракты» применялись воинами сяньбийских династий, контролировавших Маньчжурию, Северный Китай и Южную Монголию в IV-VI вв. (Бобров, Худяков, 2005, с. 128—129). Через посредничество племени ашина и, возможно, жужаней «катафракты» стали известны тюркам и другим народам евразийских степей. Так, на Алтае названный покрой продолжал употребляться еще в XIV в. (Горбунов, 2003, с. 59). В Передней Азии в период бытования там центральноазиатского оружейного комплекса (XIV — первая половина XV в.) комбинированные ламеллярно-ламинарные «катафракты», усиленные наплечниками, были широко распространены среди мусульманских воинов региона(рис. 133, /, *2, 11).*

Тип **4.** «Халат».

Является наиболее полным покроем панциря, максимально обеспечивающим защиту корпуса воина. Панцирный «халат» кроился из одного куска брони, имел сплошной осевой разрез или косой запах, а также длинный, разрезанный на лопасти подол, рукава или наплечники. Панцири покроя «халат» могли иметь ламеллярную, комбинированную (ламеллярно-ламинарную), пластинчато-нашивную, кольчатую и, возможно, кольчато-пластинчатую структуру бронирования (рис. 5, *6-9).*

Панцири данного покроя были известны жителям Ассирии и Финикии еще в первой четверти 1тыс. до н. э. (Горелик, 1993, с. 122, табл. 55). С середины I тыс. до н. э. чешуйчатые «халаты» использовались скифами и персами, а с IV в. до н. э. — саками. В Китае покрой панциря типа «халат» фиксируется по материалам изобразительных источников V в. до н. э. В I тыс. н. э. ламеллярные «халаты» входили в комплекс защитного вооружения сяньбийцев Северного Китая, воинов Согдианы, Семиречья, Восточного Туркестана (Горбунов, 2003, с. 59-60). Ламеллярные доспехи данного типа были широко распространены среди сунских китайцев XI—XII вв. и употреблялись чжурчжэнями XП-XШ вв. (Бобров, Худяков, 2003, с. 96-97). Судя по изобразительным материалам XIV в., ламеллярные и комбинированные(ламеллярно-ламинарные) «халаты» были популярны и в среде монгольской знати. Монгольские панцири-«халаты» XIII—XIV вв. имели осевой разрез или косой запах (Горелик, 2002, с. 70), короткие (до локтя или до середины предплечья) рукава или наплечники.

Позднесредневековые панцирные «халаты» фиксируются по изобразительным материалам XVI-XVIII вв. (рис. 114), а также по подлинным монгольским, южносибирским образцам из сибирских музеев и их «тибето-монгольским» аналогам, вывезенным европейскими колонизаторами из Тибета в начале XX в.

Вариант **1.** Ламеллярный «халат» с осевым разрезом, трехчастным подолом и наплечниками. Включает 7 экз. из музеев России, Великобритании и

США. Фиксируется на семи изображениях монгольских и тибетских (рис. 114, *4)* воинов XVIII в.

Рассмотрим особенности ламеллярного «халата» на примере доспеха из фондов МАЭ (рис. 108, /; 109, /).

Ламеллярный «халат», хранящийся в МАЭ, был вывезен из Тибета Агваном Доржиевым в 1901-1903 гг. Доспех состоит из панциря с осевым разрезом и подолом, разрезанным на три части (набедренники и накрестник), и отдельно надевающихся наплечников. Передняя часть панциря соединена с задней с помощью четырех рядов пластин (ряды 6-9), образующих проймы рукавов. Длина задней части панциря (наспинник и накрестник) — 113 см, передней (нагрудник и набедренники) — 102 см; общий вес — 16,4 кг. Правая часть панциря (правая часть нагрудника и правый набедренник) состоит из 15, левая (левая часть нагрудника и левый набедренник) — из 16 рядов пластин (их длина — 9 см, ширина — 2 см). Наспинная часть панциря состоит из 17 рядов пластин, удлиняющихся по мере приближения к подолу. Первый ряд состоит из 25 пластин, второй — из 30, третий — из 22, четвертый — из 37, пятый — из 43, шестой-девятый — сплошные (единые с нагрудником), как отмечалось выше; десятый и одиннадцатый — каждый из 43, двенадцатый — из 47, тринадцатый — из 49, четырнадцатый — из 51, пятнадцатый — из 53, шестнадцатый — из 61, семнадцатый ряд (нижний) содержит 68 пластинок. Полы не имеют застежек. Панцирь опоясывается небольшим плетеным из кожи пояском, который прикреплен к спинке и правому боку, а на левом боку завязывается узлом. Все составные части панциря наверху скреплены полоской кожи шириной 3 см, оформляющей шейный вырез. Наплечники длиной по 49 см состоят из десяти рядов несколько меньших по размеру пластин той же формы, завязываются у локтя и на предплечье длинными кожаными ремешками. Осмотревший этот доспех М. В. Горелик отмечает, что он «одевается легко, без посторонней помощи, вес его, будучи распределен по телу, не очень ощущается даже при отсутствии навыков ношения. Этот панцирь совершенно не сковывает самых сложных и резких движений и поворотов, в чем не уступает кольчуге... пластинки... достигают толщины около 1,5 мм, везде лежат в два-четыре слоя и свободно висят на ремешках» (Горелик, 1987, с. 186).

Очень похожие «тибето-монгольские» ламеллярные «халаты» хранятся в музеях Великобритании и музее Метрополитен (США). Их конструкция практически в точности соответствует панцирю из МАЭС ТГУ. Отличия заключаются в количестве, размерах, особенностях оформления пластин и кожаной обкладки, количестве рядов пластин, наличии/отсутствии наплечников и рукавов(рис. 110).

Вариант 2. Ламеллярный «халат» с косым запахом, двухчастным подолом и длинными рукавами.

Фиксируется на одном изображении монгольского воина эпохи Юаньской империи (рис. 113, *2).* На другой миниатюре, датированной минским временем, «халат» удерживается на плечах с помощью наплечных лямок, а колоколообразный подол сошнурован специальными ремешками (рис. 111,6).

Вариант 3. Ламинарный «халат» с косым запахом, коротким (до колен) подолом и длинными наплечниками-«рукавами». Фиксируется на одном изображении монгольского воина эпохи Юаньской империи (рис. 113, /).

Все типы покроя позднесредневековых центральноазиатских «халатов» восходят к ламеллярный и комбинированным (ламеллярно-ламинарным) «халатам» чингизидского времени. Однако в их конструкцию в XV-XVIII вв. были внесены некоторые изменения. Подол ламеллярного «халата» эпохи развитого Средневековья разрезался сзади от нижней кромки до крестца и образовывал две широкие панцирные лопасти. Этот вариант раскройки подола был не особенно удобен. В ходе конной скачки широкий двухчастный подол съезжал назад и открывал колени всадника (Горелик, 2002, с. 70, рис. 3; с. 71, рис. 6, *8).* Вот почему уже в эпоху Мин подол «халата» стал разрезаться не на две, а на четыре лопасти — пара набедренников и двойной накрестник. Характерно, что в Минском Китае покрой панциря типа «халат» стал одним из самых популярных типов покроя практически для всех видов доспехов. В виде халатов с четырехчастным подолом и осевым разрезом в минскую и цинскую эпохи кроились и ламеллярные (рис. 115; 116, */, 3),* и пластинчато-нашивные (рис. 128, /, *2),* и даже кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири (рис. 142,4).

Передне- и среднеазиатские пластинчато-нашивные панцири также часто кроились в виде халатов

с осевым разрезом или косым запахом (рис. 133,*3, 7, 9, 12)*. Данный тип покроя (как и саму систему бронирования) привнесли в регион центральноазиатские кочевники Чингиз-хана и его преемников.

Характерными чертами монгольских (юаньских) ламеллярных и ламинарных «халатов» были косой запах и длинные панцирные рукава до кисти (рис. 113). Косой запах некоторые типы монгольских «халатов» сохраняли и в XVI в. (рис. 111,6).

Подол дошедших до нас ламеллярных «халатов» из Тибета имеет не две (как у монголов XIV в.) и не четыре (как у минских китайцев), а три лопасти: пара набедренников и длинный накрестник. Эта особенность оформления доспеха связана с эволюцией монгольских панцирей периода развитого Средневековья. Наряду с традиционными (для Китая и Центральной Азии этого периода) ламеллярными «халатами» с двухчастным подолом (разрез от крестца вниз), номады XIII—XIV вв. стали использовать «халаты» с подолом, разрезанным на три части. На наш взгляд, эта традиция стала результатом развития короткого накрестника, крепившегося сзади к восточнотуркестанскому ламеллярному «халату» в VIII—IX вв. (Горелик, 1995, с. 411, табл. 52, рис. 13, 12)[6]. Монгольские мастера воссоздали известную еще с VIII в. гораздо более простую, но от этого не менее эффективную форму защиты крестца (там же, с. 411, табл. 52, рис. 13). Вместо подвешивания к пояснице дополнительной панцирной лопасти, дарханы просто разрезали подол на три части, решив тем самым три задачи: прикрыли крестец воина, спину лошади и перенесли на нее часть веса корпусного доспеха. Как показали экспериментальные испытания копии такого ламеллярного доспеха, оригинал которого хранится в МАЭ, этот вариант покроя является оптимальным. При нахождении всадника в седле накрестник прикрывает круп лошади, при этом вес подола панциря с ног всадника перемещается на коня. В ходе скачки набедренники не съезжают, не открывают колено и голень (как в случае с двухчастным подолом) и не мешают поворачиваться в седле (как в случае с четырехчастным подолом). Сначала такой вариант покроя был опробован монгольскими оружейниками и их преемниками на «халатах» с коротким подолом (рис. 109, *3)* и на «катафрактах» (рис. 109, *2),* а потом и на «халатах» с длинным подолом. Единичные попытки раскройки подола на три части предпринимались восточнотуркестанскими и южнокитайскими мастерами VIII—XII вв. (Горелик, 2002, с. 57, рис. 2), однако тогда они не получили широкого распространения. В период позднего Средневековья покрой ламеллярного «халата» с трехчастным подолом стал преобладающим на территории описываемого региона.

Вероятно, упоминаемая в эпосе панцирная пластинчато-нашивная «шуба» («чапан») также кроилась в виде халата с осевым разрезом и косым запахом: «...панцирный надел чапан, полы плотно застегнул, пуговицы застегнул. А был его чапан таков: не страшен был ему буран, ветра он не пропускал, под дождем не промокал, золотыми сплошь сверкал кружками панцирными (заклепками. — *Авт.),* как тысячами птичьих глаз» (Липец, 1984, с. 66). В китайском военном трактате первой половины XVII в. изображен стеганый на вате панцирь, усиленный металлическими пластинами. Он имеет осевой разрез и настоящие полы (до колен или чуть ниже), рукава панциря выкроены в виде наплечников. Панцири «длиною до колен» часто упоминаются в кыргызском эпосе (Бутанаев, 1981, с. 188).

Вероятно, монгольскими кочевниками применялись и панцирные ламеллярные «халаты», пластины которых изготавливались из толстой твердой кожи. Такие панцири фиксируются на тибетском и китайском материале XVII-XIX вв. В отличие от железных панцирей эти доспехи имели настоящие рукава до середины предплечья, причем верхние ряды пластин в них перекрывали нижние.

Изображения, как и дошедшие до нас «тибето-монгольские» панцири XV-XVIII вв., указывают на то, что центральноазиатские панцирные «халаты» продолжали линию развития, заложенную монгольскими и минскими оружейниками XIV-XV вв. Причем, судя по панцирям из европейских, американских и российских музеев, створки центральноазиатских «халатов» (в отличие от китайских аналогов) вплоть до Этнографического времени продолжали фиксироваться ремешками, тесемками и веревками, а не крючками и пуговицами.

Тип **5.** «Рубаха» с рукавами и коротким подолом.

[6] В монгольском доспехе (а также в доспехах народов, воспринявших центральноазиатский оружейный комплекс) эта деталь сохранялась до XV в. (Горелик, 1983, с. 248, табл. II, рис. 1-2, 5-6).

Панцири, имевшие покрой в виде рубахи с короткими рукавами и подолом, обычно имели кольчатую систему бронирования.

Все дошедшие до нашего времени кольчуги, соотносимые с исследуемым регионом и датированные эпохой позднего Средневековья, имеют покрой в виде рубахи с коротким подолом и рукавами. Варианты выделяются на основе различий в длине рукавов и особенностей оформления ворота и подола.

Вариант **1.** «Рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на подоле и на груди, с подполком, застегивающимся слева направо.

Включает 3 экз. из клада в бассейне р. Калгуты в Кош-Агачском районе Республики Горный Алтай — два кольчатых панциря и кольчугу из клада близ с. Джазатор в Республике Алтай (рис. 136, /).

Кольчуга № 1 из Кош-Агачского района Горного Алтая (рис. 137, /): длина от ворота до края подола — 0,68 м, ширина в плечах с расправленными рукавами — 1,23 м, ширина в талии — 0,57 м, ширина в подоле — 0,61м, ширина рукавов — 0,18 м. Длина правого рукава — 0,21 м, левого — 0,23 м. Ширина горловины — 0,33 м, горловина расположена на 0,05 м ниже уровня плеч. Разрез ворота расположен посередине. Глубина выреза —0,17 м. Ширина подполка — 0,04 м. Спереди и сзади подола имеются разрезы: спереди — клиновидный, сзади — дугообразный. Глубина разрезов — 0,1 м. Вес кольчуги — 9,470 кг. Одинарное кольчатое плетение из овальных и круглых колец. Круглые кольца диаметром 10 мм и овальные кольца диаметром 11-13 мм имеют круглую и овальную форму в сечении. Все кольца склепаны «на гвоздь» и имеют мысообразный выступ на внутренней стороне (Соенов, Исов, 1999, с. 182-183).

Кольчуга № 2 из Кош-Агачского р-на Горного Алтая (рис. 137, *2).* Длина от ворота до края подола — 0,68 м, ширина в плечах с расправленными рукавами — 1,0 м, ширина в талии — 0,51 м, ширина в подоле — 0,68 м, ширина рукавов — 0,19 м.

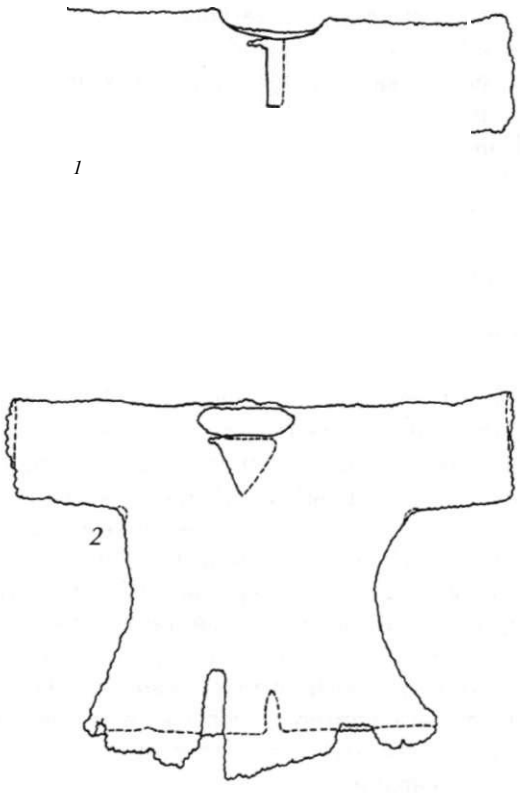

Рис. 136. Джунгарские или телеутские кольчуги из тайника близ с. Джазатор (Горный Алтай).

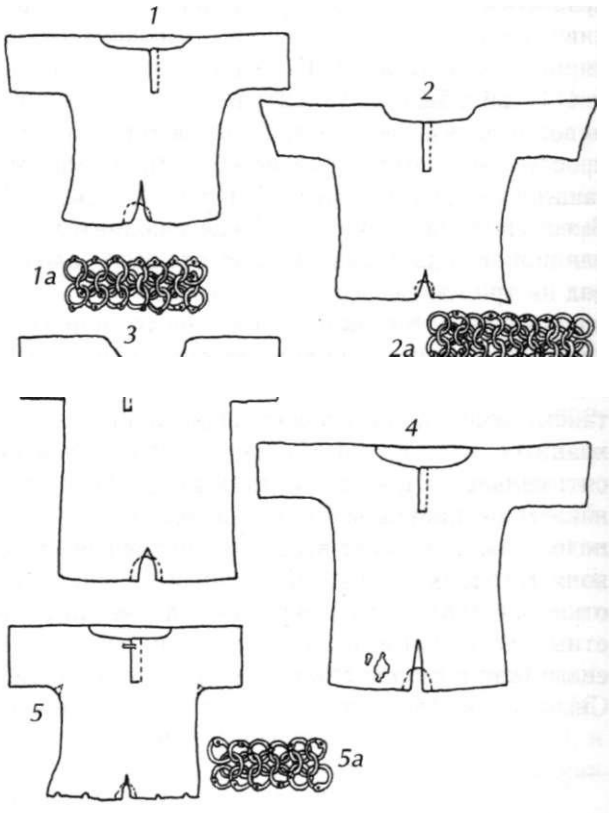

Рис. 137. Кольчатые панцири XVI–XVIII вв. покроя «рубаха» из Горного Алтая (*1–2*), Восточного Туркестана (*3*), Тибета (*4*).

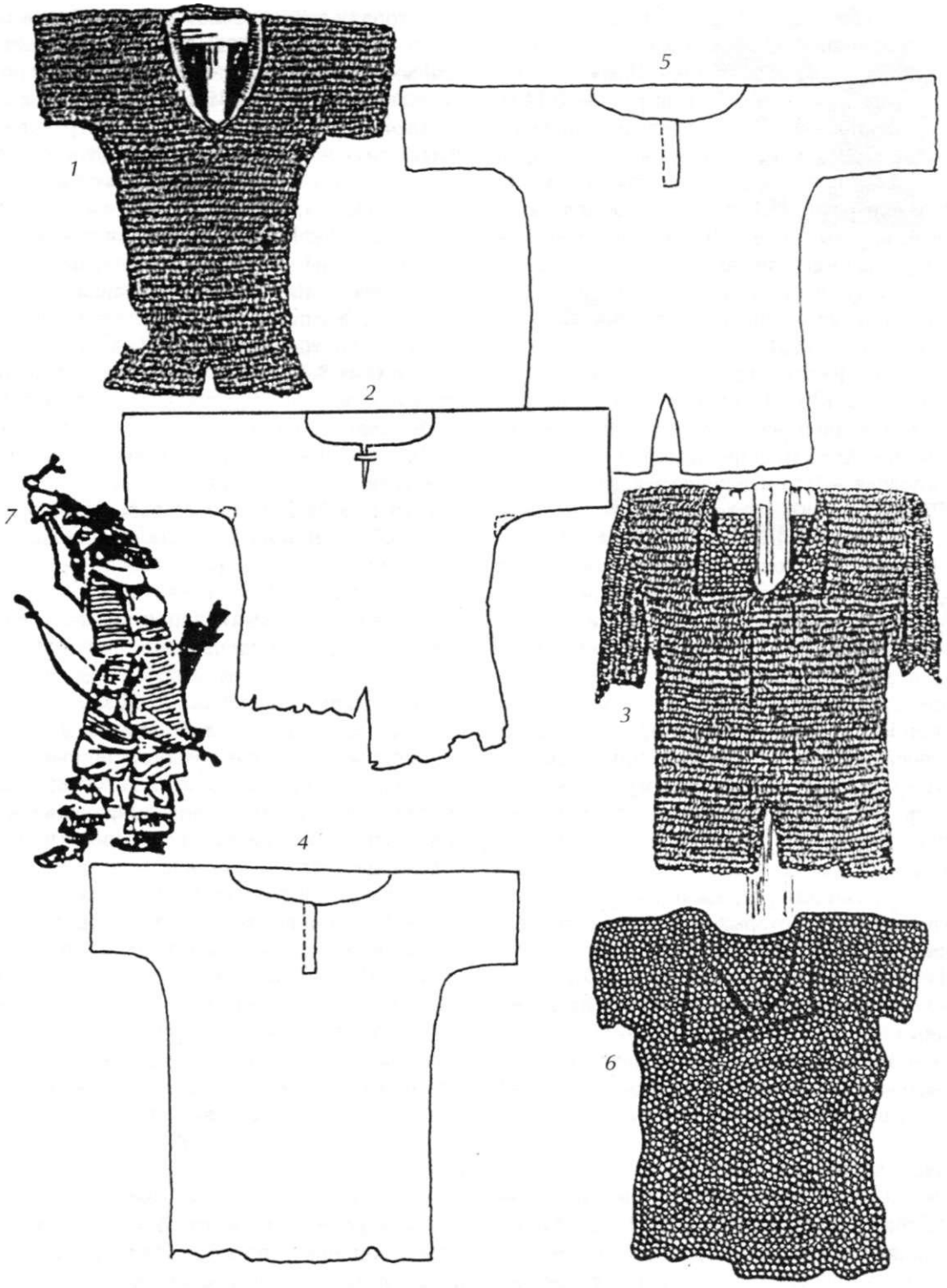

Рис. 138. Кольчуги центрально-, восточно-, среднеазиатского, южносибирского производства XVI–XVIII вв.

Длина правого рукава — 0,19 м, левого — 0,21 м. Ширина горловины — 0,34 м, горловина расположена на 0,05 м ниже уровня плеч. Разрез ворота расположен посередине. Глубина выреза — 0,14 м. Ширина подполка — 0,03 м. Спереди и сзади подола имеются разрезы: спереди клиновидной формы, глубиной 0,17 м, сзади — дугообразный, глубиной 0,12 м. Вес кольчуги — 6,1 кг. Одинарное кольчатое плетение из круглых колец. Диаметр колец — 10-11,5 мм. Кольца имеют линзовидную форму в сечении. Все кольца склепаны «на гвоздь» и имеют мысообразный выступ на внешней стороне (Соенов, Исов, 1999, с. 182-183).

Кольчуга № 1 из тайника близ с. Джазатор (Горный Алтай) (рис. 136, /). Длина от ворота до края подола — 0,58 м, ширина в плечах с расправленными рукавами — 0,83 м, ширина в талии — 0,51 м, ширина в подоле —0,51 м, ширина рукавов —0,22-0,23 м. Разрез ворота расположен посередине, глубина разреза — 0,16 м. Ширина подполка — 0,05 м. С левой (верхней) стороны ворота имеется цепочка длиной 0,03 м, склепанная из тех же колец, что и кольчуга, и выполнявшая роль застежки (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 100-101). Нижний край кольчуги помимо основного выреза имеет небольшие разрезы глубиной 2-2,5 см, расположенные на расстоянии 11,5-12 см друг от друга, что позволило И. Ю. Слюсаренко и Д. В. Черемисину предположить, что край подола был оформлен в виде «широких зубцов», хотя «в некоторых местах подобные неглубокие разрывы могут являться результатами повреждений» (там же, с. 101). Оформление края подола фестонами или разрезами является характерным признаком некоторых сибирских кольчатых «пансырей» (рис. 142, /) и кольчуг чингизидского круга (Горелик, 2002, с. 74, рис. 2). В районе подмышек у основания рукавов кольчатых панцирей проделаны отверстия (с левой стороны 2,5 * 3 см, с правой — 1,7х2 см). Наличие отверстий на уровне подмышечных впадин позволяло воину свободно действовать руками, нанося резкие рубящие удары «с плеча».

Кольца, составляющие кольчугу, — уплощенные, реже круглые в сечении. Диаметр колец — 11 мм. Ширина колец варьирует от 1,5 до 2,5 мм. Самые тонкие кольца формируют рукава кольчуги, а самые широкие располагаются в нагрудной части и формируют левую сторону ворота, которая в застегнутом положении прикрывает разрез и левую сторону ворота, сплетенную из более тонких колец. Кольчуга изготовлена из склепанных и сваренных колец, ряды которых чередуются по горизонтали (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 101).

Вариант **2.** «Рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на груди с подполком, застегивающимся справа налево.

Включает 1 экз. из Улангомского музея. Размеры не установлены. Кольчатый панцирь снабжен короткими рукавами (до середины предплечья) и подолом без разреза. Кольчатое плетение одинарное, из круглых колец. Клепаные кольца имеют мысообразный выступ на внутренней стороне (рис. 138, *6).*

Вариант **3.** «Рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на груди, без подполка, со смещенным разрезом подола.

Включает 1 экз. из клада близ с. Джазатор (Горный Алтай) (рис. 136, *2).*

Кольчуга № 2. Длина от ворота до края подола — 0,7 м, ширина в плечах с расправленными рукавами — 1,05 м, ширина в талии — 0,52 м, ширина в подоле — 0,58 м, длина рукавов — 0,185 (левый) и 0,22 (правый), ширина рукавов — 0,22 м. Нагрудный разрез расположен по центру. Он не имеет подполка и стягивается с помощью специальной кольчатой цепочки (0,025 м), укрепленной на левой стороне ворота. В зависимости от роста человека кольчужные рукава прикрывают руку человека до локтя или даже ниже. Отличительной чертой кольчуги является расширяющийся книзу подол. Нижний край кольчуги неровный, спереди подол оканчивается широким выступом, который служит для защиты нижней части живота и гениталий. Ширина выступа — 20 см, высота — 4 см. Подол снабжен разрезами спереди (19 см) и сзади (11 см). Интересно, что основной (передний) разрез на подоле сделан не по центру кольчужной рубашки, а существенно смещен вправо, имитируя косой запах полы центральноазиатского «халата». В районе подмышек у основания рукавов кольчатых панцирей проделаны отверстия (с левой стороны 1,5 х 2 см, с правой — 2,5х3 см). Вес кольчуги — 8,1 кг.

Кольчуга изготовлена из колец различного диаметра и формы. Диаметр колеблется от 12,5 до 13 мм, ширина — от 1,5 до 3 мм. Самые крупные кольца покрывают нагрудную часть доспеха, самые мелкие — рукава. Кольчуга изготовлена из склепанных и сваренных колец. Кольца, склепанные «на

гвоздь», имеют мысообразный выступ на внутренней стороне (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 102). Усиленная нагрудная часть изготовлена исключительно из склепанных колец, большинство остальных участков кольчуги представляют собой горизонтально чередующиеся ряды сваренных и склепанных колец (там же, с. 101).

Вариант **4.** «Рубаха» с короткими рукавами (до середины предплечья), с коротким подолом без разреза.

Включает 2 экз. из Горного Алтая и музея г. Чжанье (Синьцзяно-Уйгурский АО, КНР).

Кольчуга из Горного Алтая характеризуется плохой сохранностью. Имеются крупные разрывы в нагрудной части и на подоле. Длина от ворота до края подола — 0,67 м, ширина в плечах с расправленными рукавами — 1,09 м, ширина в талии — 0,61 м, ширина в подоле — 0,64 м, ширина рукавов — 0,19 м. Правый рукав — длиной 0,25 м, левый — 0,20 м. Ширина горловины — 0,32 м, расположена на 0,05 м ниже уровня плеч. Вес кольчуги — 4,980 кг. Кольчатое плетение одинарное, из круглых колец. Диаметр колец — 9,5 мм, сечения — линзовидной, овальной и квадратной формы. Кольца частично сварены, частично склепаны «на гвоздь». Ряд сваренных колец чередуется по горизонтали с рядом клепаных колец. Клепаные кольца имеют мысообразный выступ на внутренней стороне (Соенов, Исов, 1999, с. 183).

Кольчуга из Чжанье имеет короткий подол без разреза и круглый ворот (также без разреза). Отличительной чертой кольчатого панциря являются очень короткие рукава, прикрывавшие лишь верхнюю часть предплечья. Кольчатое плетение одинарное, из круглых колец. Все кольца склепаны «на гвоздь» и имеют мысообразный выступ на внутренней или внешней стороне.

Разновидностью данного варианта кольчатого панциря была «рубаха» с коротким подолом с фестончатыми вырезами. Данный покрой фиксируется пока только по материалам иконографии. Он прослеживается по багдадским миниатюрам конца XV в. и изображениям позднесредневековых остяцких лучников (рис. 142, /).

Вариант **5.** «Рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), со стоячим воротником. Представлена 3 экз. из Горного Алтая, Восточного Казахстана и Минусинской котловины.

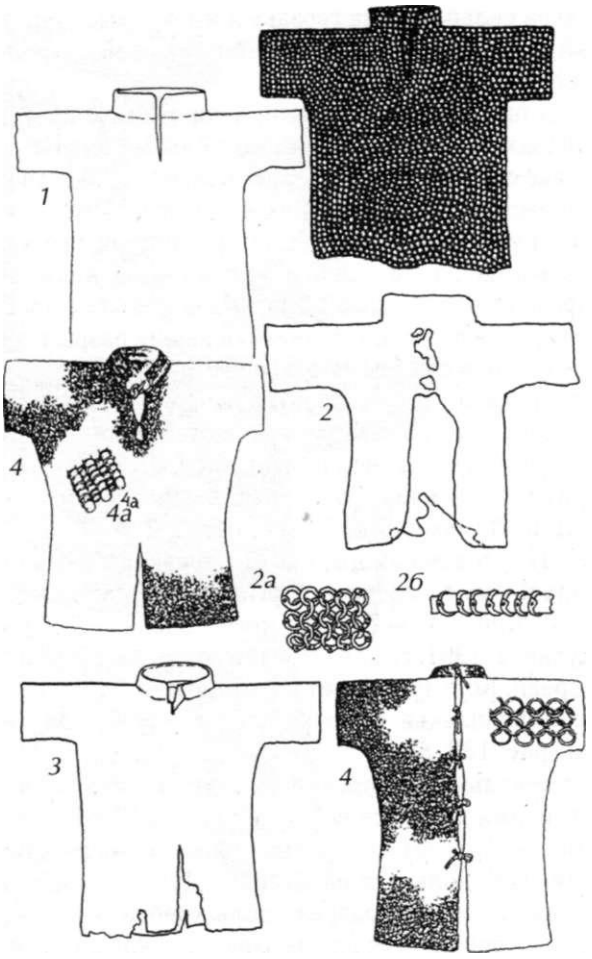

Рис. 139. Кольчуги центральноазиатского (*/, 3),* южносибирского (2, 5) и восточнотуркестанского (4) производства со стоячим воротником.

Кольчуга из Горного Алтая имеет сплошной (без разреза) стоячий воротник, который образуется кожаным ремешком, пропущенным сквозь кольца кольчуги (рис. 139, *2).* Длина от ворота до края подола — 0,72 м, ширина в плечах с расправленными рукавами — 1,06 м, ширина в талии — 0,5 м, ширина в подоле — 0,53 м, ширина рукавов — 0,21 м. Правый рукав — длиной 0,26 м, левый — 0,27 м. Кольчуга имеет выступающий на 0,08 м над уровнем плеч воротник. Ширина горловины — 0,33 м. Установить наличие разрезов на подоле не представляется возможным в связи с крупными разрывами в нижней части панциря. Вес кольчуги — 5,560 кг. Кольчатое плетение — одинарное, из круглых колец. Диаметр колец — 11 мм (сечение круглое). Все

кольца склепаны «на гвоздь» и имеют мысообразный выступ на внутренней или внешней стороне (Соенов, Исов, 1999, с. 183).

От органической вставки в воротник кольчуги из Казахстана остались лишь отдельные сегменты, однако форма стоячего ворота кольчуги позволяет утверждать, что он имел разрез спереди. Похожую конструкцию имеют и кольчатые панцири с воротниками из фондов ОПМК. Установить наличие выреза на подоле кольчуги из Казахстана не представляется возможным ввиду больших разрывов в кольчужном плетении. Кольчуга снабжена короткими рукавами до середины предплечья. Все кольца склепаны «на гвоздь» и имеют мысообразный выступ на внутренней или внешней стороне.

Кыргызская кольчуга, хранившаяся в семействе Д. К. Доможакова, была описана Д. А. Клеменцом. По словам самого Д. К. Доможакова, она «досталась ему от предков киргизского происхождения». Длина от ворота до края подола — 0,79 м (Худяков, 1991, с. 94). Стоячий воротник разрезан спереди. Кольчуга имеет короткие рукава до середины предплечья. Короткий подол снабжен разрезом (рис. 139, *5)*.

Несколько кашгарских кольчуг со стоячими воротниками хранятся в фондах музеев КНР. Некоторые из них имеют оригинальные элементы покроя. Так, кольчуга из музея г. Дуньхуан имеет сплошной осевой разрез вдоль хребта, который стягивается с помощью четырех пар кожаных ремешков (рис. 139, *4)*. Во всем остальном кольчуга практически не отличается от других экземпляров. Она имеет стоячий воротник (три кожаных ремешка продеты в три ряда железных колец), неглубокий стянутый кожаными завязками нагрудный разрез, короткие рукава и подол с разрезом. Появление сплошного разреза по хребту скорее всего было вызвано физическими данными нового хозяина данной кольчуги или его желанием носить кольчатый панцирь поверх толстого стеганого доспеха / поддоспешной одежды.

Вариант **6.** «Рубаха» с длинными рукавами и коротким подолом. Фиксируется по материалам с территории Восточного Туркестана, этнографическим описаниям вооружения калмыков середины XVIII в., среднеазиатской иконографии середины XVII в., цинской иконографии XVIII в.

В музее провинции Шэньси (КНР) хранится целый кольчужный доспех, состоящий из кольчужной «рубашки» со стоячим воротником, длинными рукавами и коротким подолом, кольчатого «пончо» и пары длинных кольчужных набедренников. Кольчужное «пончо» надевалось через голову поверх кольчужной «рубахи», образуя двойной слой брони. Кольчатые набедренники крепились к поясу и в зависимости от роста человека доходили до колен или до середины голени (рис. 140, /).

Русские путешественники XVIII в. зафиксировали у волжских калмыков кольчатые панцири с рукавами до кисти и кольчужной рукавицей, прикрывавшей тыльную сторону ладони. Подробное описание этого типа кольчуг дал П. С. Паллас. По его данным, кольчуги, использовавшиеся калмыками, кроились в виде рубахи «с рукавами, простирающимися до самой кисти, а сию снаружи покрывает особливый кольчужный лоскут с крючками, которые кладутся между пальцами» (Паллас, 1809, с. 477-478). Судя по отзывам современников, такие панцири не изготовлялись калмыцкими мастерами, а импортировались из-за границы, в первую очередь из государств Средней Азии и Ирана: «...каждый вооруженный калмык имеет кольчуги, которые достают они по большей части от торгующих трухменцев. Я видел у них кольчуги персидской работы, которые ценились в 40 лошадей, сделанные из полированной стали. Но есть и простые кольчуги, кои они выменивают на шесть или восемь лошадей». На среднеазиатских миниатюрах XVII в. нами зафиксированы изображения таких кольчуг. Характерно, что длинные рукава на таких доспехах сочетались с классическим коротким подолом, имеющим разрез (рис. 142, *9)*. Однако длиннорукавные кольчуги на миниатюрах лишены кольчужных сегментов, прикрывающих тыльную сторону ладони. Возможно, российский путешественник принял за этот элемент кольчатые рукавицы или перчатки, которыми в этот период часто снабжались железные створчатые наручи, надевавшиеся поверх «халатов» и кольчуг.

В цинских изобразительных материалах кольчужные «рубахи» с коротким подолом и длинными рукавами связываются с комплексом защитного вооружения Восточного Туркестана и Джунгарии. В период военных кампаний середины XVIII в. в Восточном Туркестане такие кольчуги носили некоторые цинские полководцы. В частности, в кольчугах изображены Дуаньцзибу, Сарал, Мацан и Аюши. Характерно, что Сарал и Аюши являлись джунгар-

Рис. 140. Кольчатые панцири с длинными рукавами, кольчатые доспехи восточнотуркестанского или джунгарского производства первой половины XVIII в. и их изображения.

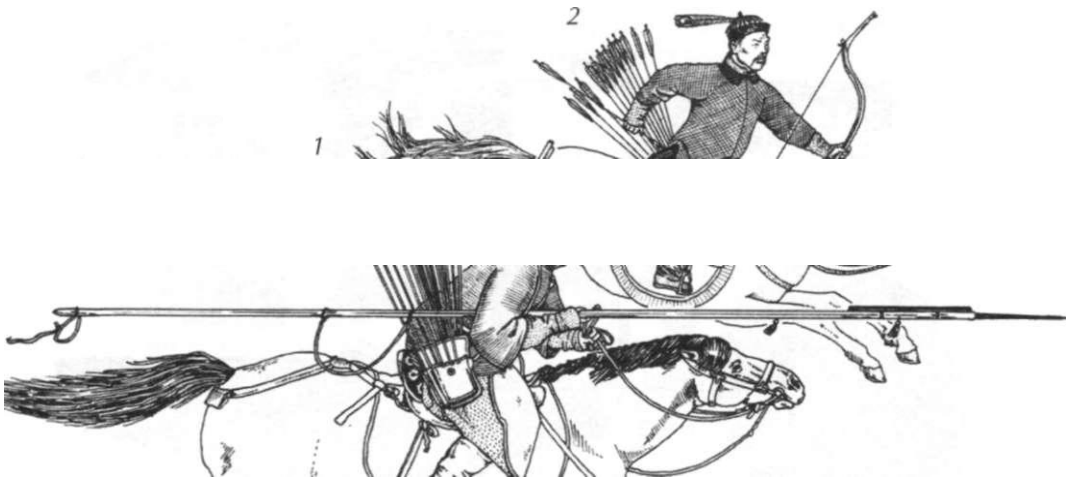

Рис. 141. Прорисовка с портретов джунгарского феодала Аюши, перешедшего на сторону Цинской империи в середине XVIII в., (/) и цинского полководца Мацана (2), участвовавших в боевых действиях в Джунгарии и Восточном Туркестане в 50-х гг. XVIII в. Портреты выполнены европейскими и цинскими художниками в середине — второй половине XVIII в. Данные портреты нередко приписываются кисти Д. Кастильоне.

скими феодалами, перешедшими на службу к Цинам в 50-х гг. XVIII в., а Дуаньцзибу и Мацан (маньчжуры по происхождению) принимали активнейшее участие в военных кампаниях цинских войск в Джунгарии и Восточном Туркестане. В том, что полководцы маньчжурского происхождения используют трофейные джунгарские и кашгарские кольчуги, нет ничего удивительного. Эта практика была узаконена специальным указом Императорского военного совета от 12 февраля 1758 г., в котором цинским офицерам предписывалось «оружие (трофейное), лошадей и верблюдов — обращать на нужды армии» (Кузнецов, 1979, с. 11).

Дуаньцзибу и Сарал облачены в кольчужные «рубашки» с отложными воротниками и коротким подолом без разреза (рис. 140,*4,5)*. Рукава кольчуг доходят почти до запястья. Цинский художник наметил на изображении осевую линию на нагрудной части кольчуги. Однако сложно сказать, что именно имел в виду мастер: осевой разрез или складку (шов), как на изображении обычных халатов с косым запахом. Во всяком случае, следы фиксации осевого разреза (пуговицы, завязки) на рисунке отсутствуют. Кольчуга Мацана снабжена боковыми разрезами, а ее рукава спускаются ниже локтя (рис. 141, *2)*. Очень похожий покрой имеет кольчужная «рубашка» сраженного Мацаном «мусульманского воина» (киргиза или казаха). Данный вариант кольчуги зафиксирован в качестве типичного доспеха воинов Восточного Туркестана на страницах цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» (1759г.). Кольчатый доспех состоит из кольчужной «рубашки» с длинными рукавами и коротким подолом без разреза и кольчатых «штанов» или набедренников(рис. 142, *3)*.

Кольчуга Аюши в этом ряду стоит особняком. Ее рукава имеют значительное расширение к запястью, а сама кольчатая «рубашка» снабжена высоким стоячим воротником. По мнению некоторых исследователей, Аюши одет не в кольчугу, а в «мягкий» подбитый ватой доспех (рис. 141, /).

Уже в эпоху раннего Средневековья кольчатые «рубахи» с коротким подолом и рукавами были основной формой покроя алтайских кольчатых панцирей (Горбунов, 2003, с. 63). Покрой кольчатых доспехов в виде рубахи был преобладающим, но далеко не единственным типом покроя. Тебризские миниатюры периода государств Чингизидов наряду с классическими кольчужными «рубахами» фиксируют изображения кольчужных «халатов» с короткими рукавами и сплошным осевым разрезом или косым запахом (Горелик, 1983, табл. 1,рис. 1; 1987, рис. *9,3)*.

Рис. 142. Изображения кольчатых панцирей в сибирской (7), среднеазиатской (3, *6-12)* и минской *(2, 4-5)* позднесредневековой иконографии.

В XV-XVI вв. через посредничество монголов кольчужные «рубахи» и «халаты» с длинным подолом, сплошным осевым разрезом, короткими рукавами (или вообще без таковых) получили широкое распространение среди китайских воинов Минской империи (рис. 142, *4-5)*. Применяли кольчатые доспехи и маньчжурские воины XVI-XVII вв. (Бобров, Худяков, 2004, с. 146-148). Однако покрой кольчатых доспехов в виде халата в Центральной Азии не прижился. Судя по кольчатым панцирям с территории Восточного Туркестана, Алтая, Монголии, Восточного Казахстана, преобладающим типом покроя кольчатых панцирей в эпоху позднего Средневековья были панцири типа «рубаха».

Характерно, что при сравнении кольчатых панцирей, обнаруженных на территории Центральной Азии, с их восточноевропейскими, передне- и среднеазиатскими аналогами обнаруживается их практически полная идентичность как в особенностях покроя целого панциря, так и в размерах, форме кольчужных колец и системе их соединения между собой. Все известные русские, иранские, среднеазиатские, кыргызские и монгольские кольчуги различаются лишь в деталях и типологически очень близки. Учитывая тот факт, что распространение этого типа доспеха шло с Запада на Восток, можно с большой долей уверенности предположить, что все они являются вариациями единой традиции, берущей свое начало в Западной Азии. Непосредственное проникновение кольчатого доспеха в Ойратию и Халху в эпоху позднего Средневековья мы связываем со среднеазиатским влиянием (рис. 141; 142).

Появление стоячих кольчужных воротников, имеющих органическую вставку, и кольчуги с длинными рукавами до локтя мы также связываем с влиянием оружейной традиции Средней Азии, где такие элементы оформления кольчатых панцирей были широко распространены в эпоху позднего Средневековья (Бобров, Худяков, 2002, с. 124).

В результате систематизации материала нами выделено пять типов покроя железных панцирей, дополненных 12 вариантами.

«Мягкие» панцири из органических материалов

Наряду с железными панцирями позднесредневековыми кочевниками Центральной Азии употреблялись и «мягкие» панцири из органических материалов. Более того, именно «мягкие» доспехи в силу своей дешевизны и доступности были самым распространенным видом корпусного защитного вооружения средневековых номадов. «Мягкие» доспехи из органических материалов шились из полотнищ толстой мягкой кожи, войлока, толстой плотной ткани, зачастую в несколько слоев, вероятно простегиваясь шерстью, волосом, ватой (Горелик, 1987, с. 181).

«Мягкие» панцири («бумажники») часто упоминаются путешественниками, посещавшими Сибирь и Центральную Азию в XVII-XVIII вв. Казак Г. Кибирев отметил «бумажники» среди популярных предметов защитного вооружения джунгарских воинов конца XVII в. Михаил Татаринов, перечисляя бурятское оружие XVIII в., упоминает «стеганые бумажники, которые настегаются раз по десять и покрывают фанзой или дабою, которые бумажники стрела пробить не может» (Описание о братских татарах..., 1958, с. 27). В данном случае речь идет о панцирях из плотной простеганной несколько раз ваты, покрытых сверху цветной тканью (Михайлов, 1993, с. 46). Ренье в XVIII в. особо подчеркивал, что «забайкальские буряты помимо обычной кольчуги, еще особый род панциря имеют, сделанный из своеобразной заплатанной бумажной холстины, которую они не менее 10 раз обматывают вокруг тела, и через которую не может проникнуть никакая стрела» (там же, с. 44). Использование «мягких» панцирей селенгинскими бурятами во второй половине XVIII в. отмечает Ф. Ланганс: «...сверх того бывают у них стеганые бумажники, которые наставляют раз по десяти и покрывают фанзою или дабою» (там же, с. 44-45).

У монголов «мягкие» доспехи помимо обычных названий награждались эпитетами типа «бамбай хуяг», что означает «пухлый, толстый, оттопыренный куяк» (там же, с. 46). В современном монгольском языке слова, ранее обозначавшие «мягкие» панцири, употребляются в значении «тюфяк», «матрац» и т. д. (). Действительно, судя по изображениям, панцири этого типа были достаточно крупными из-за толстого слоя ваты, кожи или ткани и выглядели «пухло». Материалы письменных, иконографических источников и фольклора позволяют нам выделить три основных типа покроя «мягких» панцирей из органических материалов XV-XVIII вв.: «олбок» («улбо»), «дэгэлэй»,

(«дэгэлэй хуяг», «тэгэлэй») и длиннополый кафтан без рукавов (рис. 143; 144; 145; 146).

Тип **1.** Панцирь покроя «олбок». Панцирь типа «олбок» (маньч. «олба») — «куртка стеганая на пеньковой пакле и надеваемая на войне» (Банзаров, 1955, с. 304) — представлял собой распашной, иногда стеганый «халат» со сплошным осевым разрезом (реже с косым запахом), короткими рукавами или наплечниками прямоугольной или листовидной формы (до середины предплечья или до локтя) и подолом (рис. 143, *1-2, 4-5;* 146, /, *3, 7).* Многочисленные изображения монгольских панцирей этого типа содержатся в иранских и японских иконографических материалах XIII—XIV вв. (Горелик, 2002, с. 72, рис. 1-7,9-11, 15), а также китайских (минские и цинские) изобразительных источниках XV-XVIII вв.

В эпоху позднего Средневековья качественно сделанные «улбо» («олбок») были хорошим подарком для воинов. По легенде, мать известного полководца Галдамы, Сулумца-хатум, в награду за доблесть раздавала собственноручно сделанные ватные кафтаны, «чем возбуждала в подвластных охоту повсюду следовать за Галдамою» (Митаров, 1998, с. 54). «Олбок» часто носился самостоятельно, но мог поддеваться под панцирь из железа (Джангар, 1990, с. 462; Джангар, 1999, с. 95). В монгольском эпосе этот способ ношения «мягких» панцирей фиксируется с XП-XШ вв. (Горелик, 1987, с. 181*У.* В «Сказании о походе Убуши Хон-Тайджи на ойратов» упоминается знатный джунгар, который наряду со шлемом и панцирем надевает на бой «броню из пестро-красного шелка» (Митаров, 1978, с. 177), в переводе С. А. Козина — «ватную куртку из шелка — тоджи» (Козин, 1947, с. 97).

Панцири покроя «олбок» употреблялись народами Центральной Азии вплоть до Этнографического времени. На фотографии 1913 г., где запечатлены бурятские всадники в «старинных доспехах» во время одного из национальных праздников (Михайлов, 1993, с. 61), обращают на себя внимание плотные простеганные горизонтально и в косую клетку ватные кафтаны с рукавами до локтя и кисти и коротким подолом (рис. 145, *12-13).*

[7] Видимо, такой способ ношения панцирей получил в монгольском эпосе название «двойных» и «тройных» куяков (Шара Туджи, 1957, с. 144-145).

Рис. 143. Изображения «мягких» панцирей покроев «олбок» и «кафтан» в юаньской и минской скульптуре, тибетской живописи (2-5) и западноевропейской гравюре XIX в. (/).

Тип **2.** Панцирь покроя «дэгэлэй». «Дэгэлэй» (рус. «тягеляй») представлял собой плотный простеганный «жилет» с боковым (реже осевым) разрезом без подола и рукавов (рис. 146,*2).* На стеганую органическую основу панциря указывает этимология слова «дэгэлэй» («тэгэлэй»). Оно происходит от существительного «тэгэл» («шитье, стежка»), образованного от глагола «шить» (Банзаров, 1955, с. 162-163). В современном монгольском языке «дэгэляй» переводится как «камзол, короткое на меху платье без рукавов» (Голстунский, 1938, с. 127). Наиболее ранние изображения панцирей покроя

Рис. 144. Изображения «мягких» центральноазиатских панцирей покроя «дэгэлэй» и их восточноазиатских аналогов *(2, 7)* эпохи правления династий Юань (7, *4-6),* Мин *(2-3),* 1_1ин (7).

«дэгэлэй» относятся к эпохе развитого Средневековья. На юаньских миниатюрах в них одеты воины из свиты Хубилай-хана (Горелик, 2002, с. 72, рис. 13). Похожие панцири носят и монголы на тебризских и японских миниатюрах XIII—XIV вв. (там же, с. 72, рис. 8, *15).* В XIV — начале XV в., а возможно, и позднее «дэгэлэй» мог иногда дополняться отдельно надевавшимися наплечниками (там же, рис. 8), а иногда еще и набедренниками (рис. *144,4-5),* в результате чего принципиальные функциональные различия с «олбок» (имевшим подол, рукава или наплечники, кроившиеся из одного куска органического материала вместе с корпусным панцирем) фактически стирались.

Употребление монгольскими воинами панцирей покроя «дэгэл» зафиксировано фольклорными источниками. Так, латники «Гесериады» носят «мягкий» панцирь «дэгэл из шелка дардам» (Липец, 1984, с. 64).

Наряду с двумя основными разновидностями мягких панцирей, существовали их многочисленные вариации.

Тип **3.** Популярным типом покроя «мягких» панцирей был «кафтан без рукавов», известный нам только по изображениям. Он являлся промежуточным вариантом покроя между панцирями типов «олбок» и «дэгэлэй», имел длинный (до середины голени) подол и боковой (Горелик, 2002, с. 72, рис. 12, 14) или осевой разрез (рис. 143, *3).*

«Мягкие» панцири всех видов покроя берут свое начало в монгольском «мягком» доспехе эпохи развитого Средневековья. В эпоху позднего Средневековья покрой «мягкого» панциря в виде жилета «дэгэлэй» с осевым разрезом был усвоен маньчжурами и стал для них традиционной формой покроя не только панцирей, но и обычной верхней одежды.

«Мягкие» панцири из органических материалов применялись монголами вплоть до конца XIX в. (Банзаров, 1955, с. 163).

Интересно, что по мере того, как крупные внешние войны отходили в прошлое, панцири из органических материалов постепенно вытесняли свои металлическе аналоги. В ноябре 1780 г. в беседе с членами Шестой русской духовной миссии в Китае (1771-1781 гг.) проживавшие на территории Внутренней Монголии солоны отмечали: «...у нас есть обычай надевать панцири, и всем, которые на войну идут, даются, иным железные, иным на бумаге хлопчатой или на шелку толсто стеганные, но что касается до железных, то не всяк их надевает, потому что после сражения болят руки и грудь» (Журнал секретных наблюдений, 2003, с. 76).

В Средней Азии и Кашгарии существовало несколько видов «мягкого» доспеха, простеганных в «клетку» и «в полосу» и имевших разные названия: «чопкут», «купу», «олпок» и др. (рис. 145, 146, *4).* В их основе лежал покрой в виде стеганного на вате распашного кафтана с рукавами, напоминавший монгольский «олбок». В Средней Азии фиксируется и внешнее матерчатое (обычно красное или оранжевое) покрытие стеганых панцирей (аналогичное северомонгольской «фанзе» и «дабе»). Однако среднеазиатские стеганые доспехи имели ряд самобытных черт, отличавших их от центрально-

Рис. 145. Изображение вариантов покроя передне- и среднеазиатских «мягких» панцирей и стеганых халатов периода позднего Средневековья и Нового времени *(1-11),* стеганые бурятские панцири Нового времени *(12-13).*

азиатских аналогов. Так, некоторые типы среднеазиатских стеганых панцирей, «чопкут», «олпок» и др. (как и восточноевропейские «тягеляи»), имели высокий горизонтально простеганный воротник, отсутствовавший на монгольских «олбок» (рис. 145, *7-9, 11).* Аналогичная система покроя и оформления стеганых панцирей Центральной и Средней Азии говорит не столько о прямых заимствованиях, сколько о широте распространения типологически близких панцирей из мягких органических материалов, традиционных для кочевых народов Евразии.

В Маньчжурии и Корее XVII—XVIII вв. также широко применялись панцири из органических материалов. Общеупотребительным был скроенный в виде жилета с разрезом на левом боку и плече «мягкий» панцирь, подбитый хлопком (Асмолов, 2001, с. 21). Судя по миниатюрам из «Маньчжоушилу», раннецинские «мягкие» доспехи по покрою не отличались от пластинчато-нашивных панцирей. Они состояли из жилета или кафтана со сплошным осевым и короткими боковыми разрезами (рис. 144, 7), наплечников и набедренников. Вероятно, похожие доспехи носили южные монголы — подданные Цинской империи.

Экзотическим видом китайских панцирей считались доспехи из лозы. Для их изготовления лоза вымачивалась, высушивалась, а после сушки из нее плели панцирную основу. В конце работы доспех покрывался «тунгусовым маслом, становясь легким и прочным», выкрашивался в красный цвет и лакировался. Панцири из лозы кроились в виде жилетов с боковыми разрезами. Кроме панцирей из лозы таким же способом изготовляли шлемы с полями и небольшие круглые щиты (Чжунго гудай..., 1990, с. 256). Панцирь из прутьев, связанных кожаными шнурами, использовался и позднесредневековым населением Алтая. Сплетенная из прутьев «кираса» обнаружена в позднесредневековом могильнике Бертек-20 на плато Укок (Древние культуры Бертекской долины, 1994, с. 127).

Кроме «мягких» панцирей, из органических материалов степными мастерами изготавливались и доспехи, в которых кожа спрессовывалась и сшивалась в несколько рядов, благодаря чему панцирь терял гибкость, но приобретал дополнительные защитные свойства, что позволило М. В. Горелику рассматривать панцири из твердых кожаных пластин в общем ряду с ламеллярными и ламинарными панцирями из металла. Панцири из кожи изредка упоминаются в письменных источниках и очень часто в эпосе. К сожалению, установить их покрой и даже определить структуру бронирования (отнеся их к «твердым» или «мягким» панцирям из органических материалов) не представляется возможным. Можно лишь констатировать наличие панцирей из кожи у позднесредневекового населения Южной Сибири и Центральной Азии в период позднего Средневековья и Нового времени. В частности, у енисейских кыргызов в XVII в. бытовали кожаные доспехи, которые назывались «хуус хуях» (Бутанаев, 1981, с. 188), у тянь-шаньских киргизов — «шарпылдак» (Абрамзон, 1945, с. 175). Вероятно, под «хуус хуях» следует понимать одну из разновидностей «мягких» панцирей или ламинарный доспех, который монголы широко применяли в период развитого Средневековья (Горелик, 1987, с. 173-178), но по которому отсутствуют свидетельства, относящиеся к XVII—XVIII вв. В алтайском эпосе упоминаются панцири «коо куйак» «из спрессованной особым образом кожи» и «девятислойные куйаки», которые разрубает плеть (Соенов, 1994, с. 177-178). Алтайские богатыри надевают кожаные доспехи под верхнюю одежду («Надел не пробиваемый стрелой кожаный панцирь, обтягивающий грудь, накинул шубу с шестьюдесятью восьмью пуговицами») или поверх нее («Надевает шубу, сшитую из шкур семидесяти лосей. Кожаным панцирем накрывается, восемьдесят восемь застежек (панциря) застегивает») (там же, с. 178).

Изучение покроя позднесредневековых панцирей показало, что часть из них (ламеллярные, ламинарные «кирасы», «катафракты», «халаты») являются развитием раннесредневековой традиции, сложившейся на территории Северного Китая и Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Общий покрой этих типов доспеха остается практически неизменным (за исключением ламеллярных «халатов») на протяжении всего рассматриваемого периода. Ламеллярные и пластинчато-нашивные «жилеты» со сплошным осевым разрезом являются наследниками более поздней (цзиньско-монгольской) военной традиции, окончательно оформившейся в первой половине XIV в. Эволюция пластинчато-нашивных панцирей покроя «жилет» с дополнительными элементами (подмышечниками, прямоугольными наплечниками и набедренниками,

Рис. 146. Реконструкция типов покроя «мягких» панцирей из органических материалов в Центральной *(1-3, 7),* Средней *(4, 8)* и Восточной *(5-6, 9)* Азии XVI—XIX вв.

панцирным передником) в эпоху позднего Средневековья связана с дальневосточной военно-культурной средой. Развитие позднесредневековых центральноазиатских кольчатых панцирей покроя «рубаха» проходило в рамках единой западноазиатской традиции, воспринятой народами Средней Азии, Северной Индии, Тибета и Восточной Европы. Кольчато-пластинчатая структура бронирования также была усвоена центральноазиатскими оружейниками от своих западных «коллег», но покрой и система оформления кольчато-пластинчатых доспехов в виде безрукавных жилетов с осевым разрезом являлись результатом творческого поиска местных оружейников.

7.4. Шлемы и бармицы (зашита головы и шеи)

Шлемы

Шлем предназначался для защиты головы воина и прикрывал как минимум ее лобно-затылочную часть, а как максимум — всю голову. Для последней цели чаще всего служила бармица — лист металлической, кожаной или матерчатой брони, оборачиваемый вокруг шлема и прикрепляемый к нему через отверстие в тулье или обруче. При минимальной защите бармица оставляла открытыми лицо и горло, а при максимальной — только глаза.

В Европе со 2-й четверти I тыс. до н. э. широко применялись глубокие, часто цельнокованые шлемы, прикрывавшие всю голову целиком. С XIII в. так называемые «горшковидные» наголовья, впоследствии «бацинеты»,«салады» и «арметы»,снабженные забралами и назатыльниками (Бехайм, 1995, с. 31-44), стали основной формой защиты головы тяжеловооруженного европейского всадника. В Центральной Азии и на Дальнем Востоке традиционно преобладали неглубокие гетерогенные шлемы, составленные из нескольких пластин-сегментов и снабженные бармицей. Для защиты лица в Европе применялись отдельно крепившиеся полумаски и забрала. В азиатской части Евразии для этой же цели применялись глухие варианты бармиц, а также антропоморфные маски-личины (Горбунов, 2003, с. 65).

Относящиеся к раннему и развитому Средневековью находки шлемов в погребениях кочевников встречаются достаточно редко. Судя по сравнительно многочисленным наголовьям, относимым к позднему Средневековью, количество воинов, использовавших шлемы, в этот период увеличилось. Однако их число было все же несколько меньше числа воинов, имевших панцири. В «Их-Цааз» специально выделяется категория воинов «шлемоносцев» («дуулгат»), которые упоминаются отдельно от панцирников («лубчитен») и «тягеляйников» («дегеляй хуякт»). В монгольском эпосе и сообщениях путешественников и послов о шлемах говорится значительно реже, чем о панцирях и латах. Так, богатырь Гесер, собираясь в поход, надевает двойной панцирь («дэгэл» и железный «хуяг»), а вместо шлема — «соболий пушистый малгай, огромный, словно копна, с кистью величиной с кочку» (Абай Гесер Могучий, 1995, с. 279). Однако выходить на конный сабельный бой без боевого наголовья означало подвергать свою жизнь смертельной опасности. В сражении с Даян-ханом Чэкчэ-богатур, «решив еще раз обойти и напасть, снял шлем и, освободившись от него, с обнаженной головой пустился (на неприятелей). Нападая так, Чэкчэ сказал "Вряд ли я увижу еще такой денек для счастья державы, как этот!" И говоря так, он ринулся рубиться. В этой схватке разрубили голову Чэкчэ, и он упал с коня» (Лубсан Данзан, 1973, с. 286; Жамцарано, 1936, с. 58-59).

Несмотря на то что шлемы в письменных источниках упоминаются реже панцирей, они не были «элитарным» предметом вооружения. В числе военных трофеев, захваченных казаками у кыргызов и «братских людей», постоянно упоминаются «шеломы» и «шишаки»: «у... братцких людей и шеломы многие голов отбили», «...взяли со всем в куяке с наручи, и в шишаке и с саадаком» (Михайлов, 1993, с. 48). В списках подарков, поступавших в Оружейную палату, регулярно встречаются монгольские (халха-монгольские и «калмыцкие», т. е. ойратские) боевые наголовья. В монгольском своде законов начала XVII в. упоминаются «шлемы с козырьком» и «серебряные шлемы». «Серебряный шлем», согласно монгольскому сказанию, носил и ойратский правитель Сайн Серденге (Владимирцов, 2002, с. 475). В кыргызском и монгольском эпосе богатыри «носимый на войне шлем с султаном... одевают по самые плечи», «плотно притягивают к вороту непробиваемого куяка» (Бутанаев, 1981, с. 189).

В представлениях современных жителей Бурятии и Монголии шлемы и панцири четко увязываются с историческим прошлым. Обращаясь к духам предков, буряты взывают к «имеющим черные железные кольчуги, имеющие литые железные шлемы» (Михайлов, 1993, с. 48). Эпитеты, употребляемые вместе с термином «дуулга», в северо-монгольском эпосе таковы: «железный», «булатный», «серебряный», «литой», «пустотелый» (там же). Иногда слово «дуулга» используется вместе с термином, обозначающим броню («хуяг»), образуя словосочетание «шлем с броней» (т. е. шлем с бармицей).

В ойратских эпических произведениях «Бум-Ердени» и «Дайни-Кюрюль» сохранились подробные описания позднесредневековых шлемов, несколько расходящиеся в деталях: «Тогда лучший из табунщиков, старик дедушка Ак-сахал открыл белый со львами ящик, который не двигали десять лет, и достал оттуда бледно-синий серебрёный шлем, а был он точно вершина снежного Хангая. На боковых сторонах (в "Дайни-Кюрюль" — на нависочных пластинах) шлема прибиты десятки тысяч звезд, на козырьке (в "Дайни-Кюрюль" — на налобной пластине) выбиты благодатное солнце и луна, крепко гвозди насажаны, кольца продеты, надето забрало, опущен назатыльник. Когда пожаловал его дядюшка, Бум-Ердени взял тот шлем, встряхнул так, что семь раз сверкнул огонь, и надел на свою черную голову, сдвинул к правой брови». После этого герой «Дайни-Кюрюль» «подкрепляет гвоздики» и «завязывает нащечники» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 62, 113).

Из данного описания можно сделать вывод, что монгольские шлемы могли быть украшены гравировкой, имели козырек и налобную пластину, назатыльник (бармицу), забрало и науши. Данные монгольского эпоса подтверждаются археологическими и иконографическими источниками. «Шишак» с височными пластинами, козырьком и налобником, тульей, покрытой гравировкой, хранится в Государственном Эрмитаже.

В археологических памятниках Центральной Азии целые экземпляры шлемов обнаружены четыре раза. Среди материалов старых оружейных коллекций нами выделено 31 боевое наголовье, датированное XV-XVIII вв. Некоторые из шлемов имеют незначительные повреждения тульи. У семи наголовий утеряны навершия. Изображения шлемов зафиксированы у 27 воинов.

В классификации шлемов использовано 35 целых шлемов и 27 их изображений.

Для системного описания признаки шлема разбиты на пять уровней: класс — отдел — группа — тип — вариант. Класс выделяется по материалу изготовления; отдел характеризует принцип крепления составляющих шлема; группа фиксирует сечение; тип определяется по форме купола — тульи и навершия шлема; вариант фиксирует наличие дополняющих купол шлема элементов, декоративные детали и особенности оформления пластин шлема.

Класс I. Шлемы и их детали изготовлены из железа.

Отдел I. Шлемы с ременным соединением пластин.

Группа I. Овальное сечение.

Тип 1. Сфероконические шлемы с ременным соединением, связанные из узких пластин.

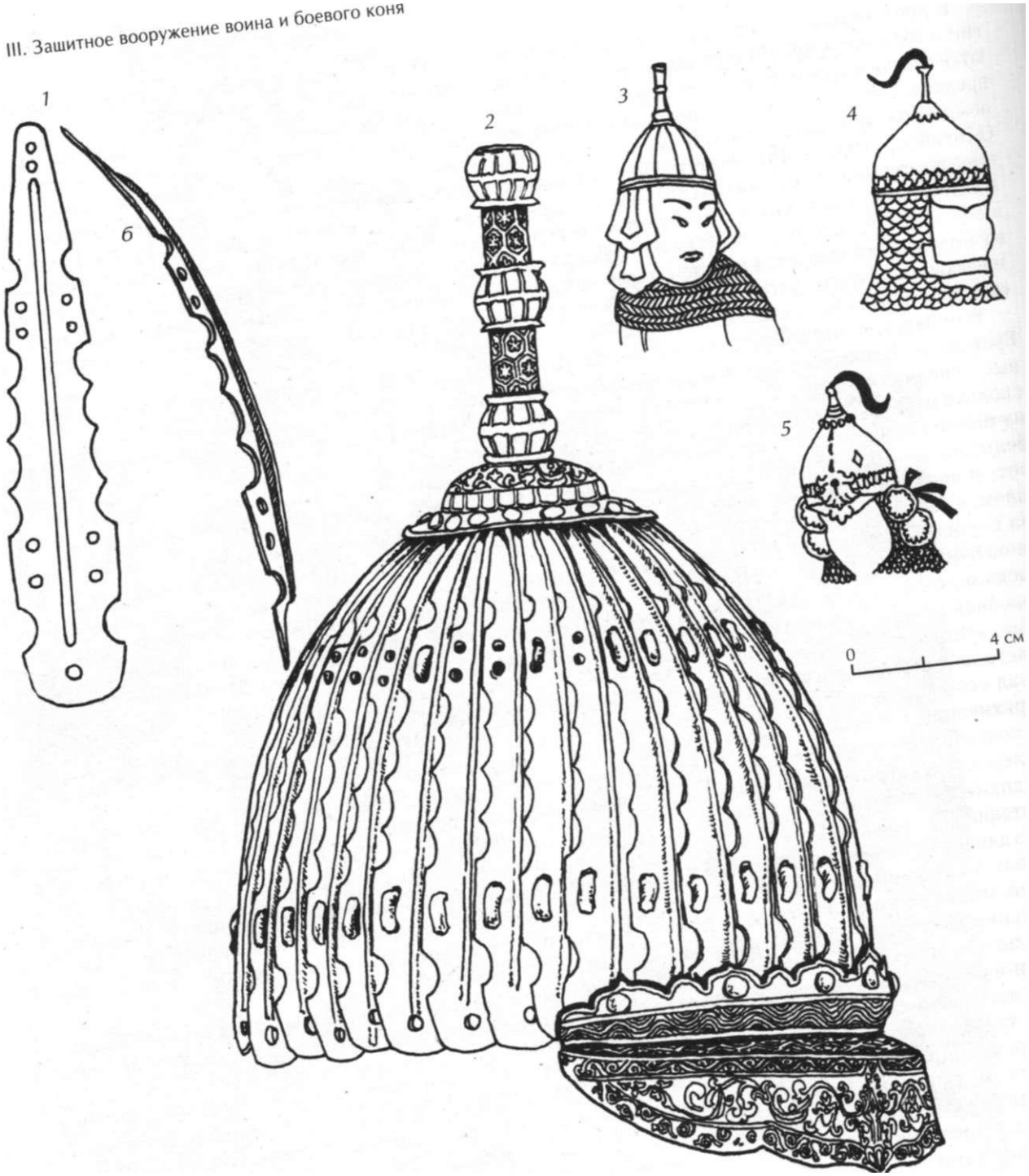
Вариант 1. Сфероконические шлемы с ременным соединением, из узких пластин с вырезным (зубчатым) краем и ребром жесткости, с полусферическим навершием, втулкой с тремя шаровидными утолщениями в нижней, центральной и верхней части и «коробчатым» козырьком с вырезным краем (рис. 147, *2*).

Включает 1 экз. из Королевского музея оружия (Лидс, Великобритания).

Высота шлема — 25,7 см. Точный диаметр наголовья не известен, однако он несколько меньше, чем у большинства аналогичных шлемов. По мнению английских исследователей, шлем принадлежал ребенку или молодому человеку. Нам представляется, что уменьшенный вариант наголовья просто предполагает более тонкий органический подшлемник.

Тулья наголовья выполнена из 42 узких железных пластин, большинство из которых снабжено 10, а несколько пластин— 11 отверстиями (рис. 147, /). Нижний край пластин имеет закругленную форму. Боковые стороны снабжены зубчатыми и трапециевидными выступами. По центру каждой пластины идет вертикальное ребро жесткости. Пластины тульи соединяются между собой с помощью кожаных ремешков и дополнительно фиксируются у навершия полусферическими заклепками, выполненными из меди или медного сплава.

К лицевой части шлема приклепан массивный и богато украшенный козырек. Он представляет

.YV-XV1 BB.cpeweH-
, . конический шлем л* п_2) Изобра-

собой ранний вариант «коробчатых» козырьков, традиционных для позднесредневековых центральноазиатских шлемов. При этом в его оформлении прослеживаются элементы, характерные для налобных пластин шлемов чингизидского круга конца периода развитого Средневековья (в частности, широкая вертикальная плоскость козырька, снабженная характерными вырезами) (рис. 147, *4, 5)*. Поверхность козырька украшена золотой и серебряной насечкой. В центральной части козырька помещено изображение «Меча Мудрости» в цветочных зарослях.

В полусферическую пластину навершия вставлена трубка-втулка с тремя шаровидными расширениями — в нижней, центральной и верхней части. Подобная конструкция втулки характерна для позднесредневековых шлемов Центральной и Восточной Азии и даже фиксируется на западноазиатском материале(рис. 147,*3)*. Поверхность пластины навершия и трубки-втулки покрыта золотой и серебряной насечкой.

Обращает на себя внимание отсутствие характерного для центральноазиатских средневековых шлемов металлического обруча по периметру. Его, по всей видимости, заменяла окантовка из мягкой кожи, которая фиксируется на других узкопластинчатых шлемах серии. Отверстия для крепления бармицы пробиты непосредственно в нижней части пластин тульи. Судя по количеству и системе расположения отверстий, данный шлем был снабжен ламеллярной или пластинчато-нашивной бармицей.

Шлем датирован американскими и европейскими исследователями XV в. Наголовье содержит два позднесредневековых конструктивных элемента ранней формы: «коробчатый» козырек и втулку с шаровидными расширениями, что позволяет в целом согласиться с датировкой, предложенной зарубежными исследователями, — XV-XVI вв.

Наряду с подобными наголовьями в Тибете и Монголии использовались и другие варианты шлемов, составленных из узких железных пластин, соединенных кожаными ремешками. В частности, в XV-XVII вв. были достаточно широко распространены низкие полусферические шлемы с круглой плоской пластиной навершия и их яйцевидные аналоги с длинной трубкой-втулкой для плюмажа, которая придавала наголовью характерный сфероконический силуэт.

Тип **2.** Сфероконические шлемы с ременным соединением, связанные из широких пластин-сегментов.

Вариант **1.** Сфероконические шлемы с ременным соединением, составленные из 4-6 пластин, с широкими двузубчатыми накладками, ярусным навершием, ламеллярным обручем и бармицей.

Включает 17 экз. из музеев США, Великобритании, КНР, тибетских монастырей (рис. 148).

Все шлемы серии практически однотипны и различаются между собой лишь в деталях. Купол шлемов составлен из 4-6 пластин, соединенных с помощью кожаных ремешков. Стыки пластин полусферической или яйцевидной тульи прикрываются широкими накладками с вырезным (обычно дву-

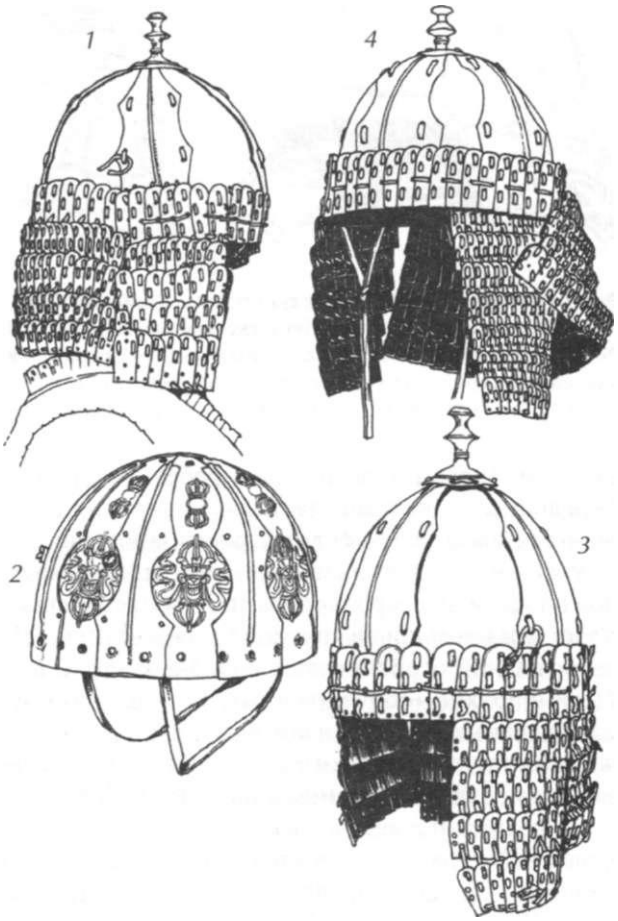

Рис. 148. Тибетские шлемы с ламеллярными обручами XV-XVIII вв.: *1,3* — шлем XVI-XVIII вв. Музей Метрополитен (№ 36.25.53а), Нью-Йорк; *2* — шлем XV-XVII вв. из твердой кожи. Музей Метрополитен, Нью-Йорк; *4* — шлем XVI–XVIII вв. Музей г. Кентербери, графство Кент, Великобритания.

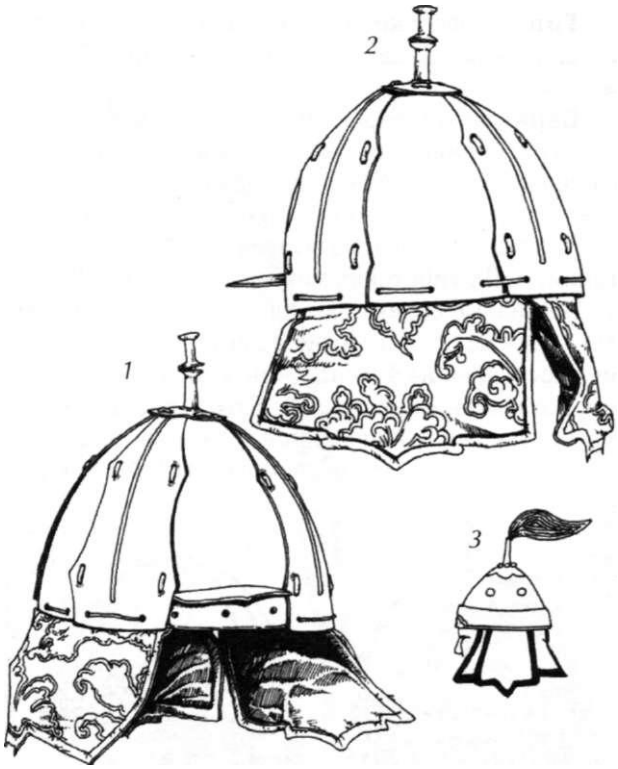

Рис. 149. Четырехпластинчатый тибетский шлем XVI—XVIII вв., подвергшийся переделке в «бутанском» стиле *(1-2)* (МАЭ, № 2563-36). Вид спереди (?) и с левого бока *(2).* Изображение тканевой бармицы на монгольском шлеме начала XIV в. «Джами ат-таварих» Рашид ад-Аина, Тебриз, начало XIV в. *(3).*

зубчатым) краем, дополненными ребром жесткости (в редких случаях сами пластины тульи также снабжены ребрами жесткости). Сфероконический силуэт шлему придает навершие, состоящее из круглой плоской или воронкообразной(конусовидной) пластины навершия и ярусной трубки-втулки. Отличительной особенностью подобных наголовий были широкие «обручи-венцы», составленные из ламеллярных пластин, к которым крепилась одночастная или трехчастная (пара наушей и назатыльник) ламеллярная бармица (рис. 148, */, 3, 4).*

Данный тип шлемов был исключительно популярен в Центральном Тибете на протяжении всего периода позднего Средневековья и значительной части Нового времени. Некоторые шлемы экспортировались за пределы Тибета. Практически все наголовья датируются XV-XIX вв. Разновидностью данного типа шлемов являются клепаные тибетские шлемы с ярусными навершиями, вырезными накладками, ламеллярными обручами и бармицами (см. тип 3, вариант 6). Их главное отличие от описанных выше наголовий заключается в том, что пластины тульи фиксируются между собой не кожаными ремешками, а металлическими заклепками (рис. 165).

Вариант 2. Сфероконические шлемы с ременным соединением, составленные из четырех пластин, с широкими двузубчатыми накладками, ярусным навершием, козырьком, трехчастной матерчатой бармицей.

Включает 1 экз. из МАЭ (№ 2563-36). Шлем был вывезен Агван Доржиевым из Тибета в 1901 — 1903 гг. (Решетов, 1969, с. 131) (рис. 149).

Наголовье составлено из четырех пластин, стыки которых прикрыты широкими накладками с вырезным (двузубчатым) краем и ребрами жесткости. Венчает шлем почти плоская пластина навершия с традиционной двухъярусной втулкой для плюмажа. Все сегменты шлема соединены между собой с помощью кожаных ремешков (рис. 149, *1-2)*. Ламеллярный обруч удален, вместо него к налобной части шлема приклепан козырек. Ламеллярная бармица заменена на бармицу из красной парчи, состоящую из пары наушей и назатыльника, украшенных растительным орнаментом и обшитых по периметру «зеленой кожей» (там же). Интересно, что сложная вырезная форма покроя бармицы практически в точности повторяет покрой некоторых типов монгольских бармиц начала XIV в. из мягких органических материалов (рис. 149, *3).* А цветовая гамма напоминает бармицы ойратских шлемов XVII в., хранящихся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Данный экземпляр представляет собой пример переделки классических тибетских шлемов под влиянием центральноазиатского или бутанского стиля. Место ламеллярного обруча замещает козырек, а пластинчатую бармицу — ее тканевый аналог.

Отдел II. Клепаные. Части шлема соединены металлическими заклепками, образующими жесткое неподвижное крепление.

Группа I. Овальное сечение.

Тип 3. Клепаная сфероконическая форма тульи.

Вариант 1. Сфероконические клепаные шлемы с трехпластинчатым куполом, резными накладками с зубцами и «мишенями», «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием (рис. 150).

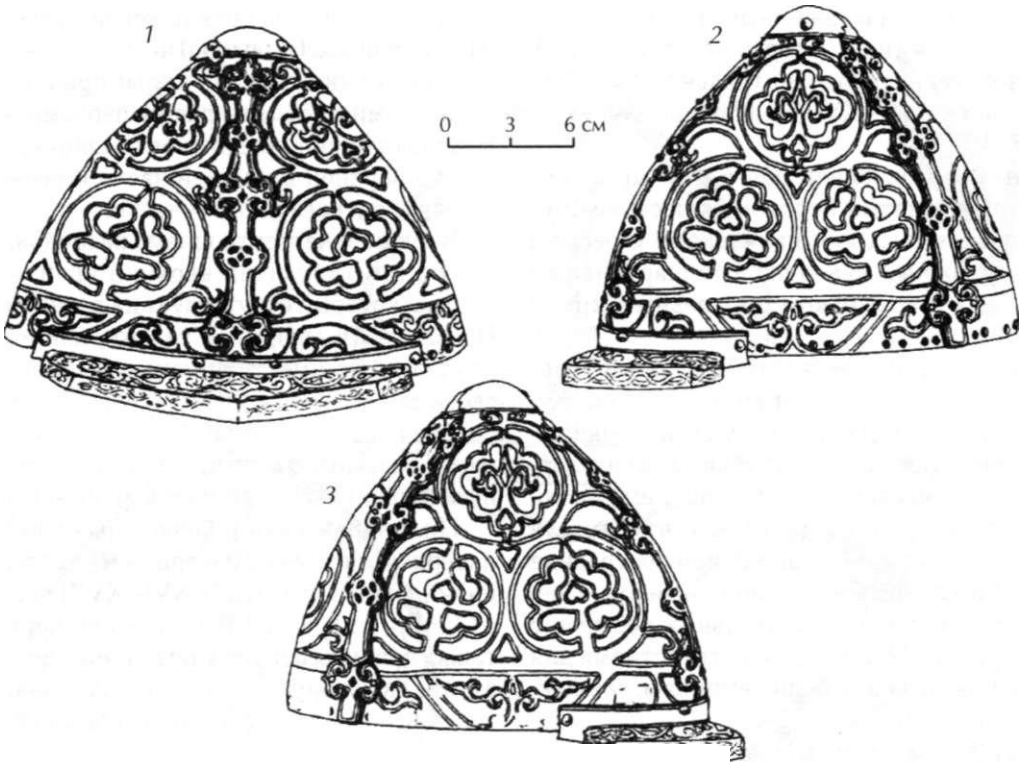

Рис. 150. Пентральноазиатский или южносибирский сфероконический клепаный шлем XV-XVII вв. с трехпластинчатым куполом, резными накладками с зубцами и «мишенями», «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием (ГЭ, инв. № 3657).

Включает 1 экз. из Государственного Эрмитажа (инв. № 3657).

Высота шлема — 18 см (в том числе навершие — 1,5 см), диаметр — 22,5 см, высота «коробчатого» козырька — 0,7 см, длина — 15 см, ширина — 3,5 см.

Купол шлема составлен из трех треугольных пластин-секторов, выполненных из железа. Стыки пластин тульи прикрыты резными накладками, представляющими собой достаточно узкие железные полосы с пятью симметрично расположенными фигурными расширениями («мишенями») с крестообразными вырезами. Венчает шлем простое полусферическое навершие, которое крепится к пластинам тульи с помощью трех полусферических металлических заклепок.

Спереди к нижнему краю купола приклепан пятиугольный «коробчатый» козырек. Последний представляет собой железную пластину, передний край которой отогнут вниз. Вдоль нижней кромки шлема пробиты отверстия, служившие для подвешивания ламеллярнои или пластинчато-нашивной бармицы.

Весь купол шлема, а также козырек покрыты рисунком из перемежающихся геометрических фигур и традиционным для Центральной Азии растительным орнаментом.

Поверхность тульи орнаментирована, по словам Э. Э. Ленца, «широкими разводами набивного серебра в китайском вкусе» (Ленц, 1908, с. 154). На каждом секторе чеканено по три несомкнутых круга. Внутри верхнего круга помещено стилизованное изображение раскрывающегося бутона с ромбообразным вырезом в верхней и «сердечком» в нижней части. Внутри нижних кругов изображены стилизованные 8-лепестковые «цветки» с сердцевидной мишенью в центре. Вдоль нижней кромки шлема мастер поместил изображение вьющихся растений. Поверхность козырька орнаментирована чеканенным узором из переплетающихся побегов виноградной лозы.

Согласно каталогу Э. Э. Ленца шлем был привезен из Сибири (там же). Однако в его оформлении

присутствуют ярко выраженные монгольские и даже тибетские мотивы. Скорее всего шлем был изготовлен на территории Центральной Азии или Южной Сибири в XV-XVII вв. (Бобров, Худяков, 2006, с. 39-40).

Вариант **2.** Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом,классическими вырезными двузубчатыми накладками с ребром жесткости, сложным навершием (с шаровидным расширением) и козырьком с вырезным краем (рис. 151).

Включает 1 экз. из местности Чыргакы в Туве.

Высота купола — 24 см, диаметр — 21 см. Купол шлема склепан из четырех пластин, стыки которых прикрыты резными (двузубчатыми) накладками с ребрами жесткости. Навершие шлема состоит из 4-лепестковой пластины и втулки для плюмажа с шаровидным расширением посередине («яблоком») и уплощенной шайбой наверху. Спереди к шлему приклепан треугольный козырек с вырезным краем. Шлем снабжен отверстиями для пришивания матерчатого подшлемника и, возможно, бармицы (рис. 151,4).

Вариант **3.** Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости, псевдообручем, цилиндрическим (бочковидным) навершием с медными «лепестками», «коробчатым» козырьком.

Включает 1 экз. из музея Алабина г. Самары. Происходит из числа случайных находок. По мнению сотрудников музея, шлем мог попасть в его фонды в период Гражданской войны как предмет из Музея старинного оружия, который передвигался вместе со штабом Туркестанского фронта Михаила Фрунзе. В ходе боевых действий штаб и походный музей были несколько дней расквартированы в Самаре. Вместе с тем местные исследователи не исключают и тот факт, что шлем мог быть найден на территории самой Самарской области.

Купол шлема, склепанный из четырех пластин-сегментов, резко сужается в центральной части (но не образует ярко выраженного ребра, характерного для цилиндроконических шлемов) и фиксируется в верхней части коротким, несколько расширяющимся кверху цилиндрическим навершием. Пластины тульи соединены между собой с помощью полусферических заклепок. При сборке наголовья мастер применил внутреннюю систему крепления, при которой пробитые заклепками полусферические выступы вдоль края пластин тульи вынесены на внутреннюю (тыльную) часть шлема. С внешней стороны стыки пластин тульи прикрыты узкими накладками с ровным краем и ребрами жесткости. Накладки имеют неодинаковую ширину: они сужаются в верхней и нижней части и несколько расширяются в центральной части.

В нижней четверти шлема расположен псевдообруч, имитирующий верхний край подлинного обруча, который отсутствует на данном наголовье. Псевдообруч оформлен так же, как и пластины-накладки, но имеет одинаковую ширину по всей своей длине. В местах пересечения накладок и псевдообруча последний как бы «разбивает» накладку на две неравные части: короткую ивообразную нижнюю и длинную вытянутую верхнюю (рис. 163).

Цилиндрическая («бочкообразная») пластина навершия тяготеет к навершиям ойратских сфероцилиндрических шлемов XVI—XVIII вв. (рис. 173—177; 190; 191, *1-2).* Вее плоской верхней части также пробиты центральное отверстие для трубки-втулки, в которую помещается плюмаж, и четыре дополнительных отверстия для крепления коротких «подверший», одно из которых сохранилось. Оригинальным элементом оформления шлема являются медные «лепестки», выпущенные из-под навершия, по одному на каждую из четырех пластин тульи. До настоящего времени сохранился лишь один «лепесток», остальные обломаны.

К лицевой части тульи приклепан массивный «коробчатый» козырек, состоящий из полукруглой горизонтальной пластины и широкой вертикальной пластины-налобника. Пластины козырька склепаны между собой и прикреплены к тулье с помощью небольших полусферических заклепок. Вертикальная плоскость козырька (налобник) украшена насечкой. Визуально налобник поделен надвое горизонтальной полосой, рассекающей его на две примерно равные части, заполненные растительным орнаментом из вьющихся побегов виноградной лозы.

Шлем имеет сфероконическую форму (которую дополнительно подчеркивала несохранившаяся втулка навершия), но обладает элементами оформления, приближающими его к цилиндроконическим (резкое сужение в центральной части) и сфероцилиндрическим наголовьям (высокая сужающаяся кверху тулья, увенчанная цилиндрическим навершием), что указывает на знакомство мастера с иными типами шлемов.

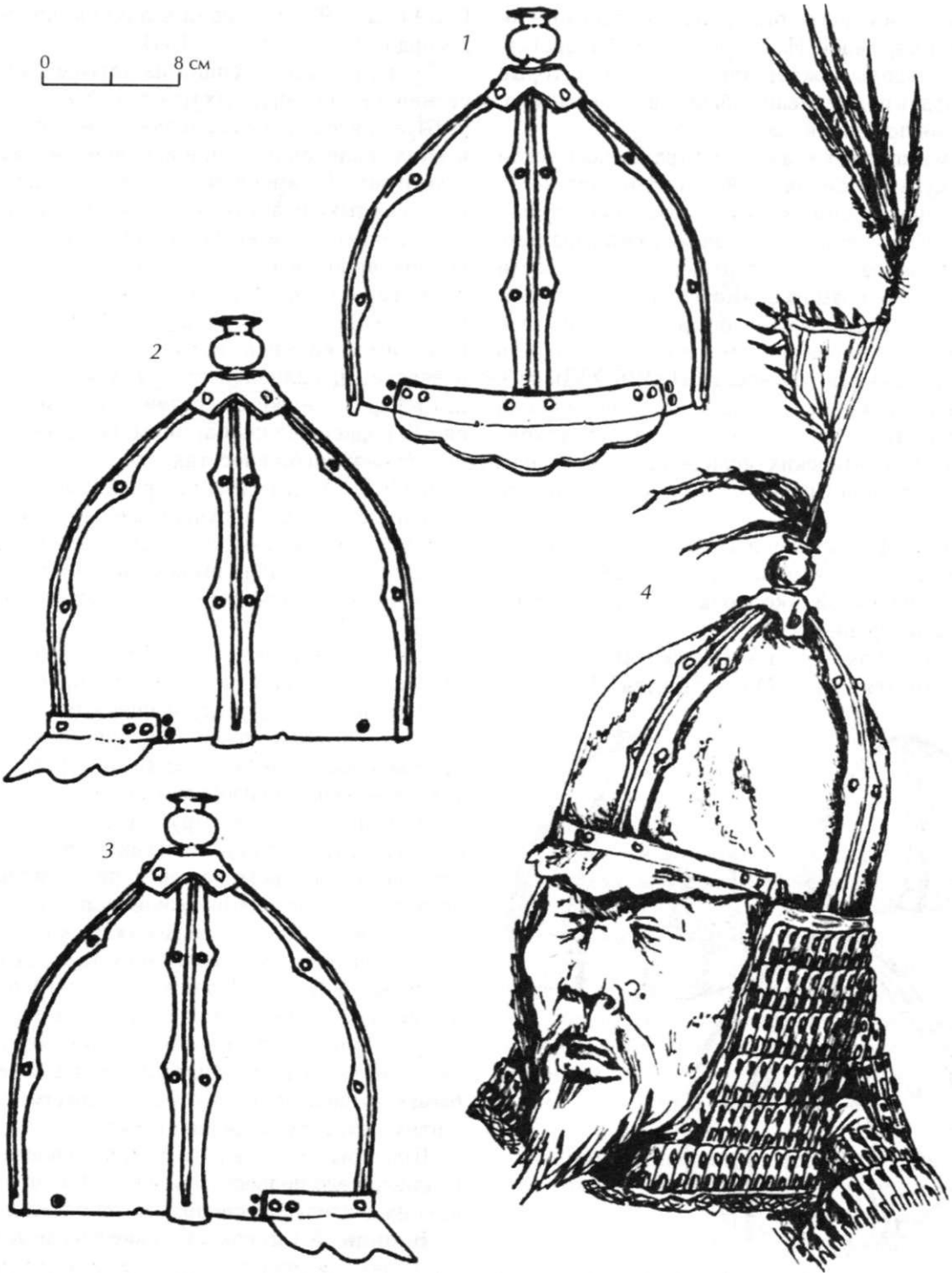

Рис. 151. Монгольский или южносибирский сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, классическими вырезными двузубчатыми накладками с ребром жесткости, сложным навершием (с шаровидным расширением) и козырьком с вырезным краем. Происходит из местности Чыргакы в Туве.

«Самарский» шлем был снабжен пластинчато-нашивной бармицей. На это указывают отверстия, пробитые вдоль нижней кромки тульи, которые служили для подвешивания бармицы и, возможно, крепления подшлемника.

Шлем выполнен в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции. На это указывают конструкция и форма козырька, навершия, тульи, система оформления накладок, а также характерный узор, нанесенный на вертикальной плоскости «коробчатого» козырька. «Коробчатый» козырек, цилиндрическое навершие, оформление накладок позволяют датировать шлем периодом позднего Средневековья и Нового времени (XVII—XVIII вв.), и связать с комплексом защитного вооружения калмыцких (если шлем имеет местное происхождение) или джунгарских (если он был привезен из Центральной или Средней Азии) воинов данного времени.

Вариант **4.** Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, украшенным серебряной насечкой, «коробчатым» козырьком и ярусным навершием.

Включает 1 экз., происходящий из Центральной Азии. Хранится в музее Метрополитен (Нью-Йорк, США). До 1935 г. входил в личную коллекцию Джорджа С. Стоуна (рис. 164).

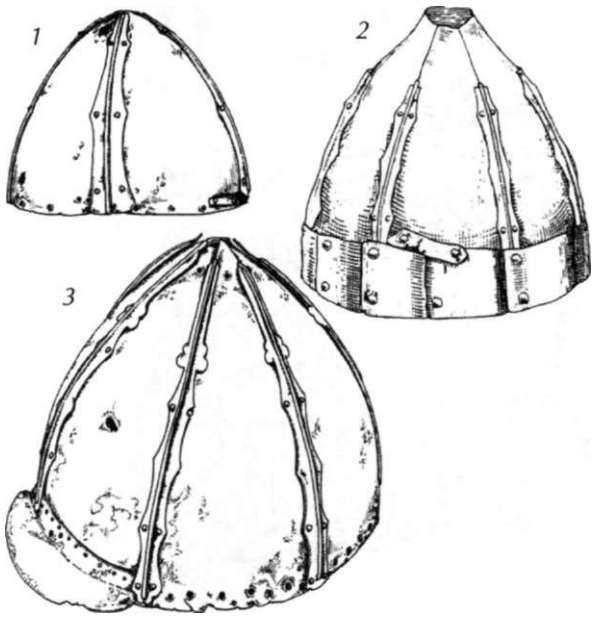

Рис. 152. Сфероконические шлемы кочевников Южной Сибири периода позднего Средневековья — начала Нового времени (*1*, *3* — с территории Минусинской котловины, *2* — из Тувы).

Тулья шлема склепана из четырех пластин-сегментов, соединенных между собой с помощью четырех рядов парно расположенных полусферических заклепок. Обруч и внешние накладки отсутствуют. Их заменяют узкие накладки, прикрывающие стыки пластин тульи с внутренней стороны. Венчает шлем навершие «тибетского» типа, возможно добавленное позднее. Оно состоит из полусферической пластины и ярусной втулки с воронкообразным основанием. Первоначально шлем имел козырек. На это указывают четыре отверстия на налобной части тульи, расположенные на уровне ниже отверстий, предназначавшихся для подвешивания бармицы. Позднее козырек был удален (он был восстановлен, вероятно, только в XVIII в.). Его заменил традиционный тибетский ламеллярный обруч, скрывший серебряную насечку, изображающую свастику в нижней части шлема. Последняя была обнаружена и расчищена учеными относительно недавно (LaRocca, 1999, s. 116).

Серебряная насечка разделяет поверхность шлема на пять уровней-ярусов. Нижний ярус представляет собой ряд из десяти обращенных друг к другу свастик, символизирующих процветание; второй ярус заполнен переплетениями виноградной лозы; третий — украшен изображениями цветущего лотоса; узкий четвертый ярус представляет собой обод из десятков стилизованных жемчужин; наконец, на пятом, самом верхнем, ряду изображены играющие под облаками драконы или волки. В центральной части шлема помещена «Триратна», «Тройная драгоценность», символизирующая три основы буддизма — Будду, Дхарму и Сангху (ibid.). Первоначально шлем имел бармицу, крепившуюся к нему с помощью отверстий вдоль нижней кромки тульи. Судя по числу и расположению отверстий, бармица имела ламеллярную или пластинчато-нашивную структуру бронирования.

Шлем был изготовлен в XVII в. и впоследствии неоднократно подвергался переделке, что указывает на длительный период его использования.

Вариант **5.** Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, резными накладками и узким ободом.

Включает 1 экз. Случайная находка на территории Минусинского района Красноярского края.

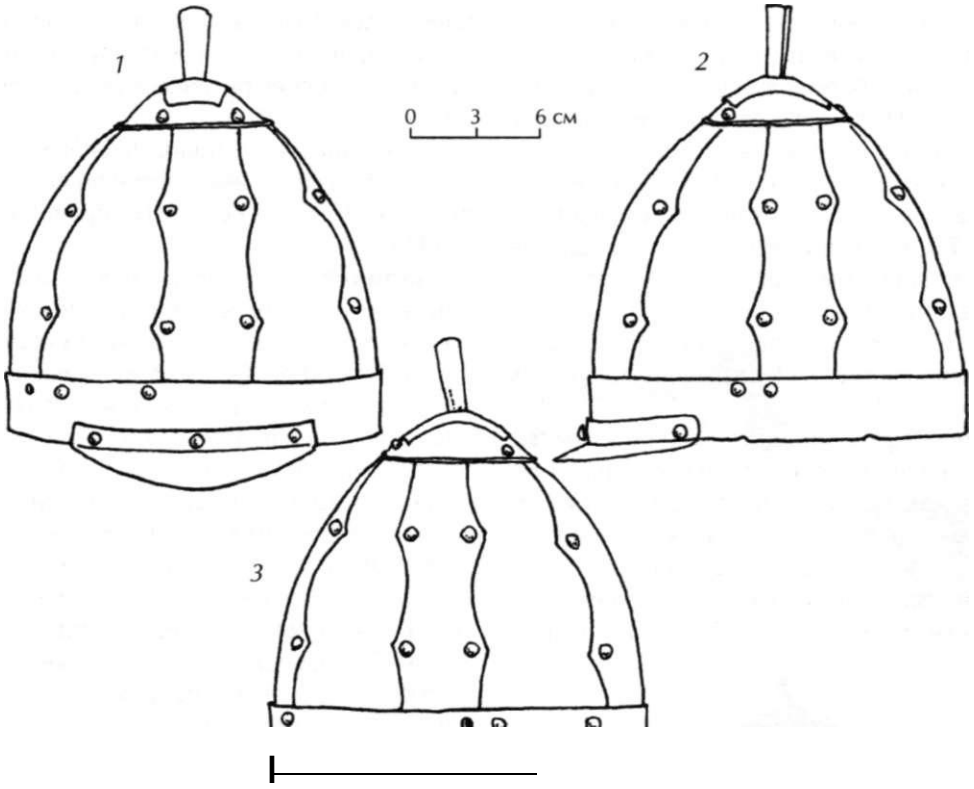

Рис. 153. Пентральноазиатский (джунгарский?) сфероконический клепаный шлем XVII-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, широкими резными накладками и козырьком из Восточного Туркестана. Экспонируется в музее г. Куча в Синьизян-Уйгурском АО (КНР).

Хранится в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова (рис. 152, /).

Высота купола (без несохранившегося навершия) — 21,5 см, диаметр — 20 см. Купол склепан из четырех пластин, стыки которых прикрыты железными накладками с вырезным краем и ребрами жесткости. По нижней кромке шлема фиксируются остатки металлического обручика, характерного для позднесредневековых наголовий.

Вариант **6.** Сфероконические клепаные шлемы с 4-8-пластинчатым куполом, широкими вырезными накладками, ярусным навершием, ламеллярным обручем и бармицей.

Включает 4 экз. из музейных собраний и частных коллекций Великобритании, КНР и США.

Все шлемы серии практически однотипны и различаются между собой лишь в деталях (рис. 165). Клепаный купол шлемов составлен из 4-8 пластин. Стыки пластин полусферической или яйцевидной тульи прикрываются широкими накладками с вырезным (обычно двузубчатым) краем, дополненными ребрами жесткости (в редких случаях сами пластины тульи также снабжены ребрами жесткости). Сфероконический силуэт шлему придает навершие, состоящее из круглой плоской или воронкообразной (конусовидной) пластины навершия и ярусной трубки-втулки. Отличительной особенностью подобных наголовий были широкие «обручи-венцы», составленные из ламеллярных пластин, к которым крепилась одночастная или трехчастная (пара наушей и назатыльник) ламеллярная бармица.

Данный тип шлемов также был очень популярен в Центральном Тибете на протяжении всего периода позднего Средневековья и значительной части Нового времени. Они вывозились за пределы Тибета. В частности, один из них был обнаружен на территории Восточного Туркестана (рис. 165, *4).* Практически все наголовья датируются XV-XIX вв. Разновидностью данного типа шлемов являются

тибетские шлемы с ременным соединением, ярусными навершиями, вырезными накладками, ламеллярными обручами и бармицами (см. тип 2, вариант 1) (рис. 148, *I*, *3,4)*. Их главное отличие от описанных выше наголовий заключается в том, что пластины тульи фиксируются между собой не металлическими заклепками, а кожаными ремешками.

Вариант 7. Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, широкими резными накладками и козырьком.

Включает 1 экз. из Восточного Туркестана. Экспонируется в музее г. Куча в Синьцзян-Уйгурском АО (КНР) (рис. 153).

Шлем имеет сфероконический купол, составленный из четырех пластин, стыки которых прикрыты накладками с вырезным краем и двумя рядами заклепок, сферическую пластину навершия с втулкой для плюмажа (рис. 153). Наголовье стянуто обручем, к лицевой части которого приклепан небольшой козырек (Худяков, 1995, с. 39). Навершие кучаского шлема состоит из полусферической железной пластины, к которой с помощью прямоугольного сегмента приклепана трубка для плюмажа.

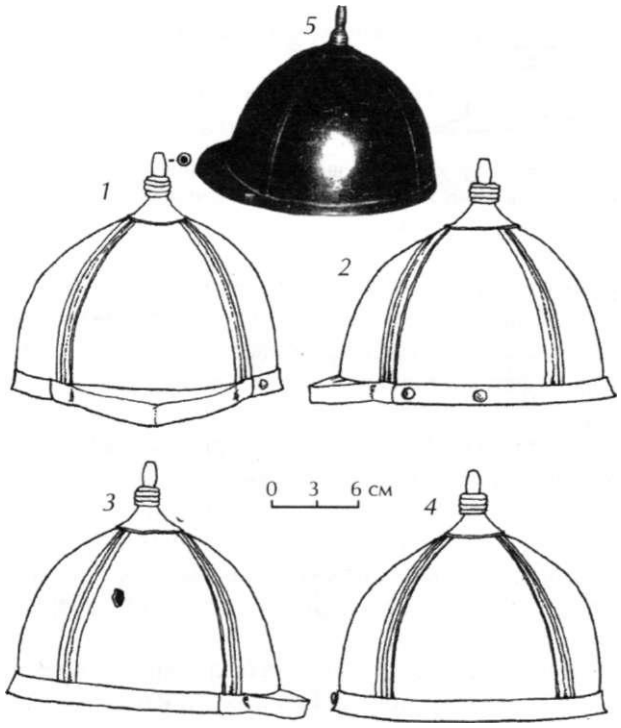

Рис. 154. Сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, стыки пластин которого прикрыты узкими накладками с ребрами жесткости, «коробчатым» козырьком, обручем и воронкообразным навершием с цилиндрическим расширением в центральной части. Происходит с территории Казахстана.

На основании типологического анализа шлем может быть датирован периодом позднего Средневековья и Нового времени (Бобров, Худяков, 2003, с. 141).

Вариант 8. Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, стыки пластин которого прикрыты узкими накладками с ребрами жесткости, «коробчатым» козырьком, обручем и воронкообразным навершием с цилиндрическим расширением в центральной части.

Включает 1 экз. из Казахстана (рис. 154).

Пластины тульи шлема зафиксированы узким обручем с заклепками и навершием. Прикрывающие стыки пластин узкие накладки с ребрами жесткости, в отличие от резных минусинских аналогов, имеют ровный край. Длинный и достаточно широкий «коробчатый» козырек имеет подтреугольную форму и снабжен ребром в центральной части вертикальной пластины. Цилиндрическое (близкое к сферическому) расширение в центральной части втулки покрыто тремя рядами горизонтально расположенных вдавленностей. Трубка навершия снабжена отверстием для волосяного (?) плюмажа.

Форма купола шлема сближает его со среднеазиатскими боевыми наголовьями периода позднего Средневековья и Нового времени, однако характерный «коробчатый» козырек указывает на ярко выраженное центральноазиатское влияние. Скорее всего шлем был изготовлен в регионах, расположенных на стыке «мусульманской» и «центральноазиатской» военно-культурных традиций: в Джунгарии, Восточном Туркестане или Восточном Казахстане — в XVIII в. Возможно, что шлем использовался казахскими воинами и позднее, вплоть до XIX в.

Вариант 9. Сфероконические клепаные шлемы с шестипластинчатым куполом, резными накладками и составным (пластинчатым) клепаным обручем с ободком.

Включает 1 экз. из долины р. Ий в Туве. Найден в районе электростанции колхоза им. Первого мая в Тоджинском районе. Хранится в Кызыльском музее им. Алдан Маадыр (рис. 152, *2)*.

Высота купола — 23 см, диаметр — 22 см. Купол склепан из шести пластин, стыки которых при-

крыты резными накладками с ребрами жесткости и заклепками на выступах. Навершие не сохранилось. По нижнему краю купола приклепан составной обруч из отдельных широких пластин с двумя рядами заклепок. Важным датирующим признаком, указывающим на позднесредневековое происхождение шлема, являются остатки узкого железного ободка по верхней кромке пластинчатого обруча.

Вариант 10. Сфероконические клепаные шлемы с шестипластинчатым куполом, резными накладками и козырьком.

Включает 1 экз. из Минусинской котловины. Хранится в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова.

Высота купола — 29,5 см, диаметр — 21 см. Купол шлема склепан из шести пластин, стыки которых прикрыты фигурно вырезанными накладками с ребрами жесткости (рис. 152, *3).* В эпосе такие наголовья назывались «чалолыг» (Бутанаев, 1981, с. 189). Кналобной части шлема приклепан небольшой козырек. По нижней кромке шлема идут частые отверстия для крепления бармицы. Навершие не сохранилось; вероятно, оно состояло из железной полусферы или конуса с втулкой для плюмажа.

Вариант 11. Сфероконические клепаные шлемы с восьмипластинчатым куполом, обручем, козырьком, навершием с трубкой-втулкой для плюмажа.

Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-48). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Высота шлема — 26 см (в том числе навершие — 9,5 см), диаметр — 19,5 см, ширина обруча — 3,5 см, ширина козырька — 0,8 см (рис. 155).

Козырек выгнут в налобной части обруча; пластины тульи соединены с обручем с помощью заклепок; разрезанный на два сегмента обруч фиксируется на затылке с помощью двух заклепок. Венчает шлем немного выпуклое круглое навершие, приклепанное к тулье с помощью четырех полусферических заклепок. В пластину навершия вставлена длинная расширяющаяся кверху трубка-втулка. Вес шлема (согласно данным «Описи» 1884 г.) составляет «2 фунта 19 золотников», т. е. немногим менее килограмма (около 990 г).

На наголовье фиксируются элементы реконструкции (предположительно XIX в.). К числу позднейших реставраций относится подвешенная с помощью металлического прута к внутренней части обруча

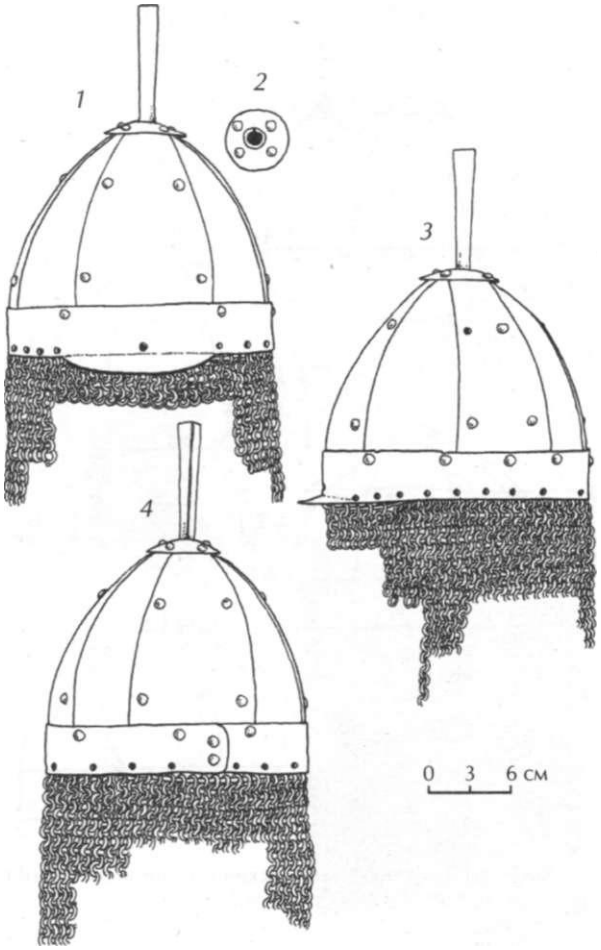

Рис. 155. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. Хранится в фондах ОПМК (ОР 46-48).

кольчатая бармица (длина — 23,5 см) переднеазиатского типа с кольчатым прикрытием лба и глаз.

Вариант 12. Сфероконические клепаные шлемы с восьмипластинчатым куполом, обручем, козырьком и навершием. Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-49).

Высота шлема — 23 см (в том числе навершие — 9 см), диаметр — 23 см, ширина обруча — 4 см, длина козырька — 10 см (рис. 156). Козырек выгнут в налобной части обруча; на козырьке фиксируются сколы и следы от рубящих (?) ударов. Пластины тульи соединены с обручем с помощью заклепок. Разрезанный на два сегмента обруч фиксируется на затылке с помощью трех заклепок, расположен-

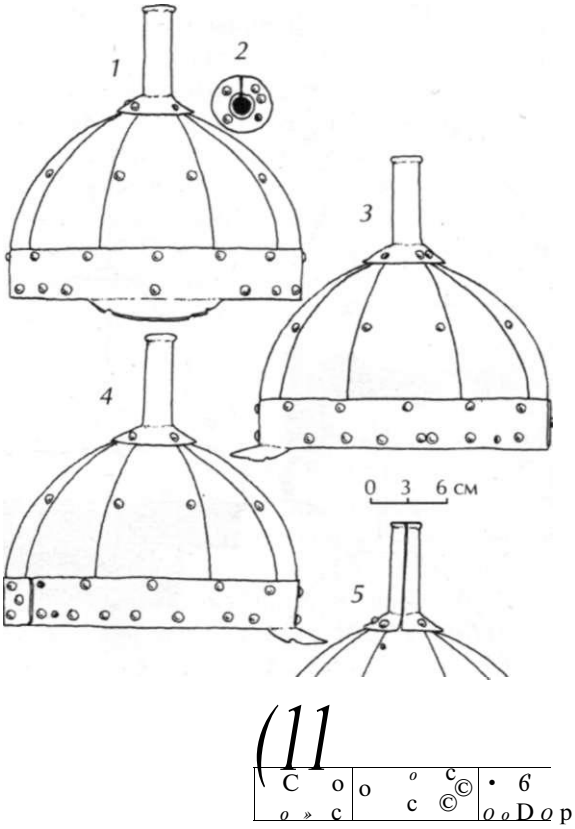

Рис. 156. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. Хранится в фондах ОПМК (ОР 46-49).

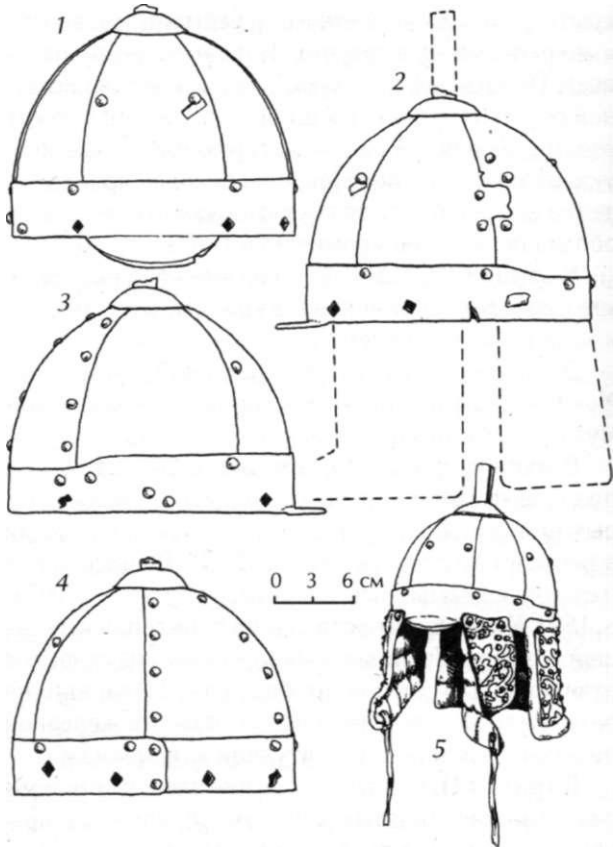

Рис. 157. Ойратскии сфероконический клепаный шлем XVII в. Хранится в фондах ОПМК (ОР 46-26).

ных треугольником. Вес шлема — «2 фунта 8 золотников» (Опись..., 1884, с. 38), т. е. немногим менее килограмма (около 942 г).

На наголовье фиксируются элементы реконструкции (предположительно XIX в.). К их числу относятся заклепки,, вбитые в отверстия для подвешивания бармицы, и подвешенная с помощью металлического прута к внутренней части обруча кольчатая бармица переднеазиатского типа с кольчатым прикрытием лба и глаз (длина — 23,5 см). К новоделам, возможно, относится и навершие, состоящее из круглой воронкообразной пластины и втулки. Однако последние изменения могли быть внесены в конструкцию шлема не позднее середины XIX в., так как в «Описи» 1884 г. «короткая и толстая трубка» приводится в качестве отличительной черты шлема (там же).

Вариант 13. Сфероконические клепаные шлемы с пятипластинчатым куполом, обручем, козырьком, полусферическим навершием с втулкой.

Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-26). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Высота — 16,5 см, диаметр — 21,3 см, ширина обруча — 4,3 см, ширина козырька — 2,5 см, диаметр навершия — 4,5 см (рис. 157). Широкий и короткий козырек выгнут в налобной части обруча. Сам обруч, широкий в налобной части, существенно сужается на затылке. Втулка, вставленная в полусферическое навершие, сломана у основания. Шлем несет следы переделок, предположительно XIX в. К их числу относятся заплатки и заклепки, вбитые в отверстия, служившие для подвешивания бармицы, а также их аналоги на левой части тульи, служащие для дополнительной фиксации пластин, составляющих купол шлема.

Судя по расположению отверстий, шлем имел бармицу, разделенную на пару узких наушников и

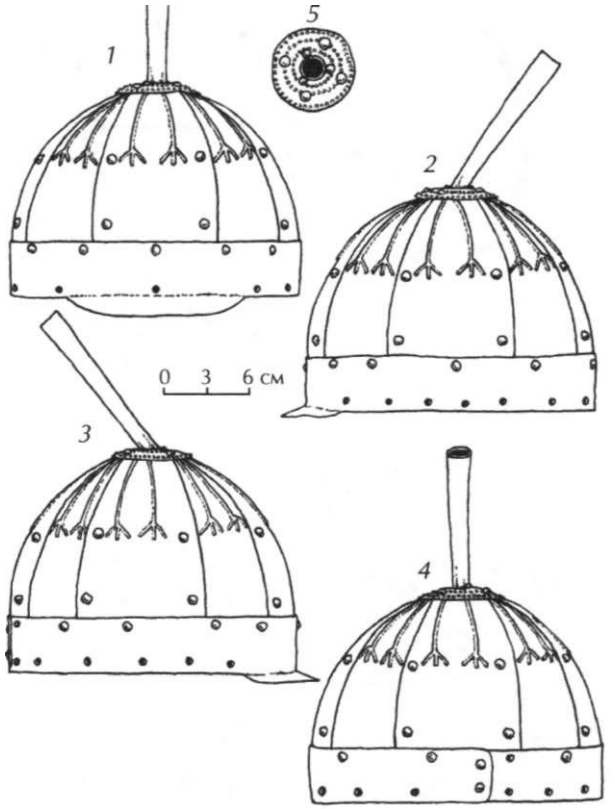

Рис. 158. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом с «лапчатым» орнаментом, козырьком, обручем, полусферическим навершием с отогнутой назад трубкой-втулкой (ОПМК, ОР 46-47). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

широкий назатыльник. Скорее всего бармица изготавливалась из толстой матерчатой основы и подбивалась железными пластинами, т. е. была пластинчато-нашивной (рис. 157).

Вариант 14. Сфероконические клепаные шлемы с восьмипластинчатым куполом, обручем и надвершиями.

Включает 1 экз. из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-24). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Тулья шлема склепана из восьми пластин, соединенных заклепками и стянутых обручем (ширина — 3 см) и низким полусферическим навершием (рис. 160). Высота шлема — 14,9 см, диаметр — 22,3 см. Вес наголовья, согласно данным «Описи», составляет «1 фунт 48 золотников», т. е. около

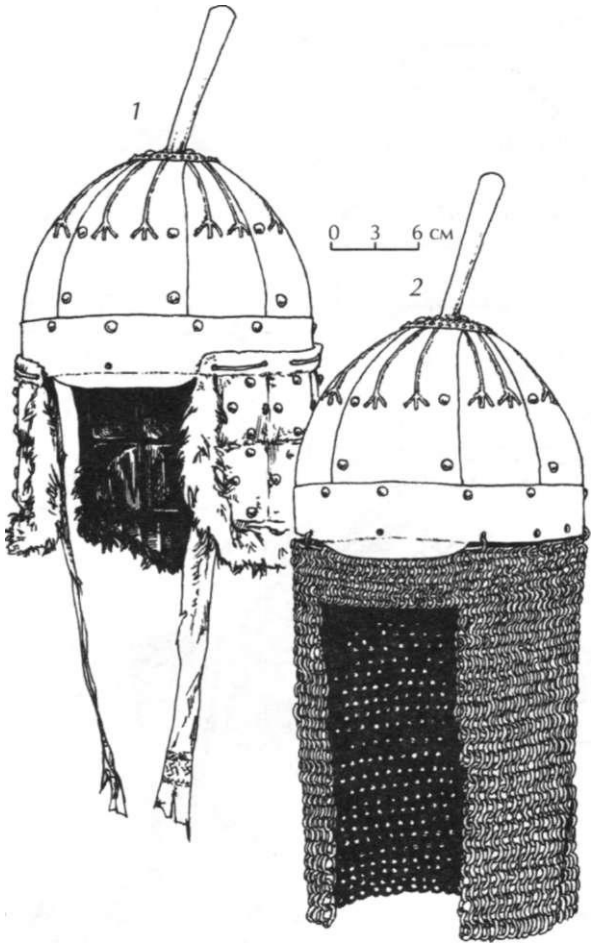

Рис. 159. Варианты реконструкции бармицы ойратского сфероконического клепаного шлема XVII в. (см. рис. 158): 7. Вариант реконструкции шлема с традиционной пластинчато-нашивной бармицей; *2.* Вариант реконструкции шлема, выполненный смотрителями музея в XIX в. (к ойратскому шлему подвешена кольчатая бармица от «индо-персидского» наголовья).

660 г (Опись..., 1884, с. 38). Характерной чертой наголовья являются своеобразные надвершия («прутики»), вставленные в навершие шлема в комбинации с круглой плоской бляшкой. Скорее всего надвершия служили для подвешивания матерчатых или кожаных лент или кистей из конского волоса. Втулка шлема не сохранилась; на ее существование указывает круглое сквозное отверстие в круглой, слегка выпуклой пластине навершия. Судя по расположению отверстий и заклепок по нижней кромке тульи, шлем имел пластинчато-нашивную, кожаную или матерчатую бармицу, разрезанную на три широкие лопасти (рис. 160, *б).*

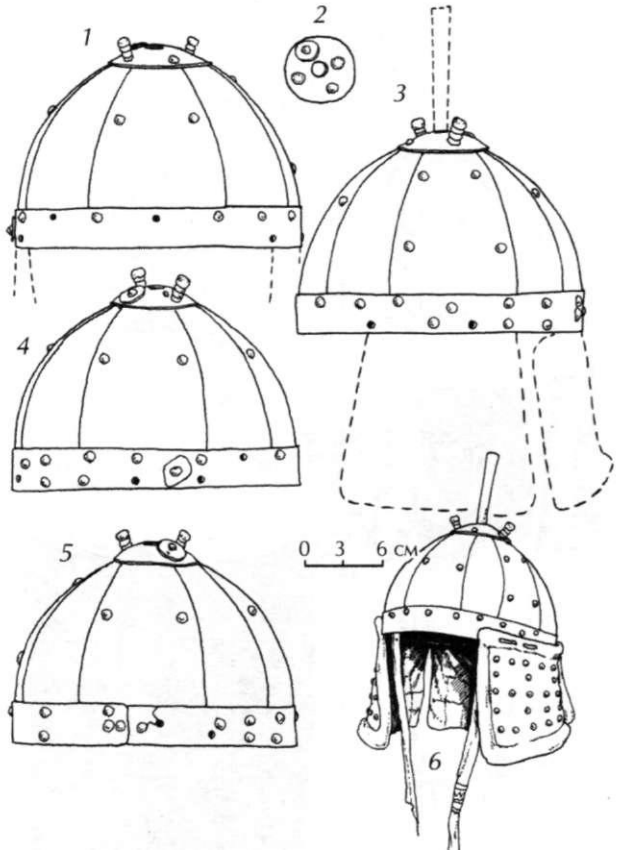

Рис. 160. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом, обручем и надвершиями. Хранится в Оружейной палате Московского Кремля (ОР 46-24).

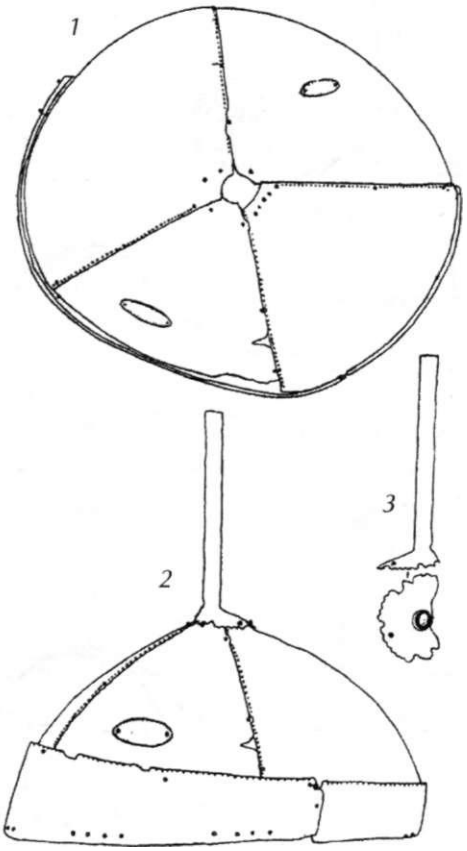

Рис. 161. Южносибирский (телеутский или шорский) сфероконический клепаный шлем XVI—XVII1 вв. с четырехпластинчатым куполом с декоративными «заплатками», обручем и навершием. Случайная находка из устья р. Сымылты (правый приток р. Катуни в Онгудайском р-не Республики Алтай).

Согласно данным «Описи» 1884 г., в момент осмотра шлем был покрыт черной краской (Опись..., 1884, с. 38), удаленной в настоящий момент.

Вариант 15. Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом с декоративными «заплатками», обручем и навершием.

Включает 1 экз. (рис. 161) из устья р. Сымылты (правый приток Катуни в Онгудайском районе Республики Алтай).

Высота шлема — 20,7 см (в том числе втулка — 9,5 см), диаметр — 20 см. Пластины тульи соединены между собой с помощью 12 заклепок, вертикально расположенных по три у кромки каждой пластины. Края пластин тульи снабжены орнаментацией в виде одного ряда мелких бугорков. На височных сторонах шлема приклепаны по одной «заплатке» овальной формы (3,2 х 1,1 см и 2,5 х 1,1 см). Края «заплаток» снабжены мелкой насечкой (Соенов, 2004, с. 111-112). Практически точно такие же «заплатки», только расположенные вертикально, фиксируются на позднесредневековом восточнотуркестанском шлеме из музея г. Курля (КНР) (Худяков, 2001, с. 474, рис. 2, 3). Фестончатая пластина навершия и трубка-втулка выполнены из одного листа железа. Трубка немного отогнута назад. Обруч шлема, расширяющийся к затылку, приклепан к тулье с помощью полусферических заклепок. Вдоль нижней кромки обруча, украшенной насечкой, пробиты отверстия, сгруппированные по четыре (на лобной части по два). Судя по числу и расположению отверстий, а также размерам тульи, шлем, возможно, был снабжен ламеллярный обручем-бармицей. Шлемы такого типа

широко применялись тибетскими и монгольскими воинами периода позднего Средневековья и Нового времени.

Вариант **16.** Сфероконические клепаные шлемы с семипластинчатым куполом, обручем и козырьком.

Включает 1 экз., случайную находку на территории Енисейского района Красноярского края. Хранится в Краеведческом музее г. Енисейска. Высота купола (без несохранившегося навершия) — 17 см, диаметр — 18,5 см. Шлем имеет обруч, лицевая часть которого выгнута в виде небольшого козырька. К пластинам шлема обруч приклепан с помощью крупных полусферических заклепок. По верхнему краю обруча нанесен зигзагообразный орнамент. Такой же, только более крупный узор, перемежающийся вертикальными линиями, выполнен на правой (лучше сохранившейся) части шлема. Нанесенный рисунок сближает шлем из Енисейска с якутскими боевыми наголовьями (Бобров, 2002, с. 95, рис. 7). Однако форма купола, наличие козырька, оформление обруча жестко контрастируют с якутскими аналогами и напоминают кыргызские и монгольские шлемы. Вероятно, шлем был

Рис. 162. Южносибирский (шорский или кыргызский) сфероконический клепаный шлем с семипластинчатым куполом, обручем и козырьком XVI — начала XVIII в. Хранится в Краеведческом музее г. Енисейска.

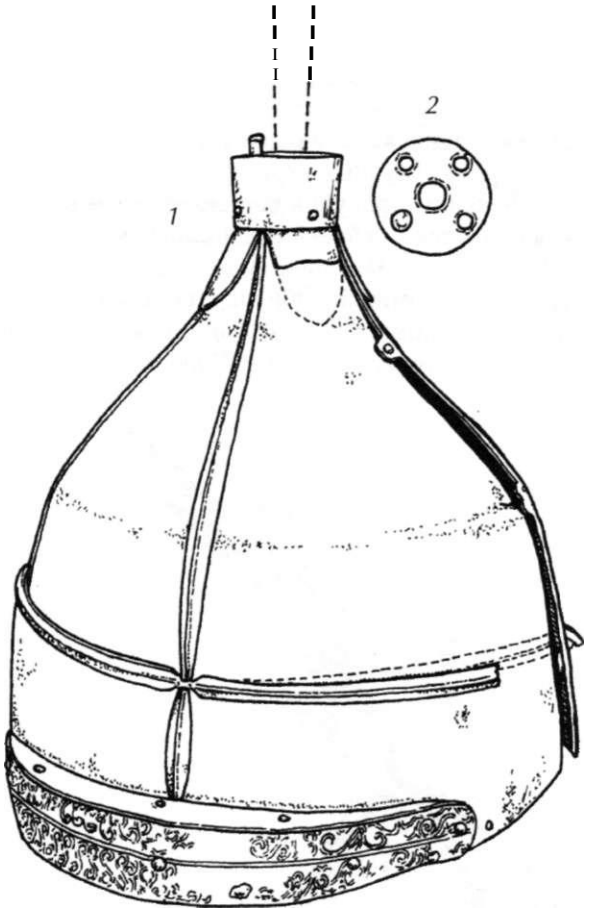

Рис. 163. иентральноазиатский (калмыцкий?) сфероконический клепаный шлем XVII-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости, псевдообручем, цилиндрическим (бочковидным) навершием с медными «лепестками», «коробчатым» козырьком из музея Алабина (г. Самара).

выкован оружейниками Минусинской котловины, а затем был продан или захвачен в качестве трофея северянами, которые и нанесли характерный узор (рис. 162, *1-3)*.

Вариант 17. Сфероконические клепаные шлемы с восьмипластинчатым куполом с «лапчатым» орнаментом, козырьком, обручем, полусферическим навершием с отогнутой назад трубкой-втулкой.

Включает 1 экз. из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-47). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в. (рис. 158).

Высота шлема — 28 см (в том числе трубка-втулка — 13 см), диаметр — 21 см. Ширина обруча — 4 см. Лицевая часть обруча выгнута в виде узкого козырька (ширина козырька — 1,1 см). Четыре из восьми пластин тульи шлема покрыты выпуклым трехпалым «лапчатым» орнаментом, по две «лапки» на одной пластине. Венчает шлем круглое плоское навершие, приклепанное к наголовью с помощью четырех больших и трех малых заклепок. Поверхность пластины покрыта тремя кругами мелких выпуклостей. Длинная, расширяющаяся кверху трубка-втулка отогнута назад. Судя по тому, что на ней не фиксируется следов повреждения, ей было придано такое положение при изготовлении шлема. К наголовью подвешена длинная кольчатая бармица от другого (вероятно, переднеазиатского или индийского) наголовья, добавленная реставраторами XIX в. (рис. 159, *2)*. Судя по расположению 14 сквозных отверстий по нижней кромке обруча и данным «Описи», шлем имел трехчастную бармицу с пластинчато-нашивной структурой бронирования (рис. 159, /).

Вариант 18. Сфероконические клепаные шлемы с двухпластинчатым куполом, навершием, накладками с ребром жесткости и надбровьями.

Данный вариант шлема фиксируется на китайских миниатюрах юаньского времени (рис. 113, *2)*.

Наголовье имело низкий сфероконический купол, склепанный из двух пластин, стыки которых прикрывались накладками с ровным краем и ребрами жесткости. Шлем снабжался металлическими надбровьями, коротким наносником, полусферическим навершием с короткой трубкой-втулкой для плюмажа из конского волоса и широкой ламеллярной бармицей открытого типа.

Вариант 19. Сфероконические клепаные шлемы с четырехчастным куполом, накладками и ламеллярными полями и назатыльником.

Данный вариант шлема фиксируется на китайских миниатюрах юаньского времени (рис. 111, *3, 8)*.

Наголовье имело низкий сфероконический купол, склепанный из четырех пластин, стыки которых прикрывались накладками с ровным краем. Шлем снабжался достаточно широкими ламеллярными полями и ламеллярным назатыльником. Во втулку шлема вставлялся пучок конского волоса.

Вариант 20. Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, накладками с ребрами жесткости, «мишенями» и ламеллярными полями.

Данный вариант шлема фиксируется на китайских миниатюрах минского времени, изображающих позднесредневековых монгольских воинов (рис. 111, б).

Шлем имел низкий сфероконический купол, склепанный из четырех пластин, стыки которых прикрывались накладками с ребрами жесткости и прямым краем. Пластины тульи шлема снабжались выпуклыми металлическими «мишенями». Наголовье имело узкие, немного опущенные вниз ламеллярные поля. Во втулку шлема вставлялся султан из крашеного конского волоса.

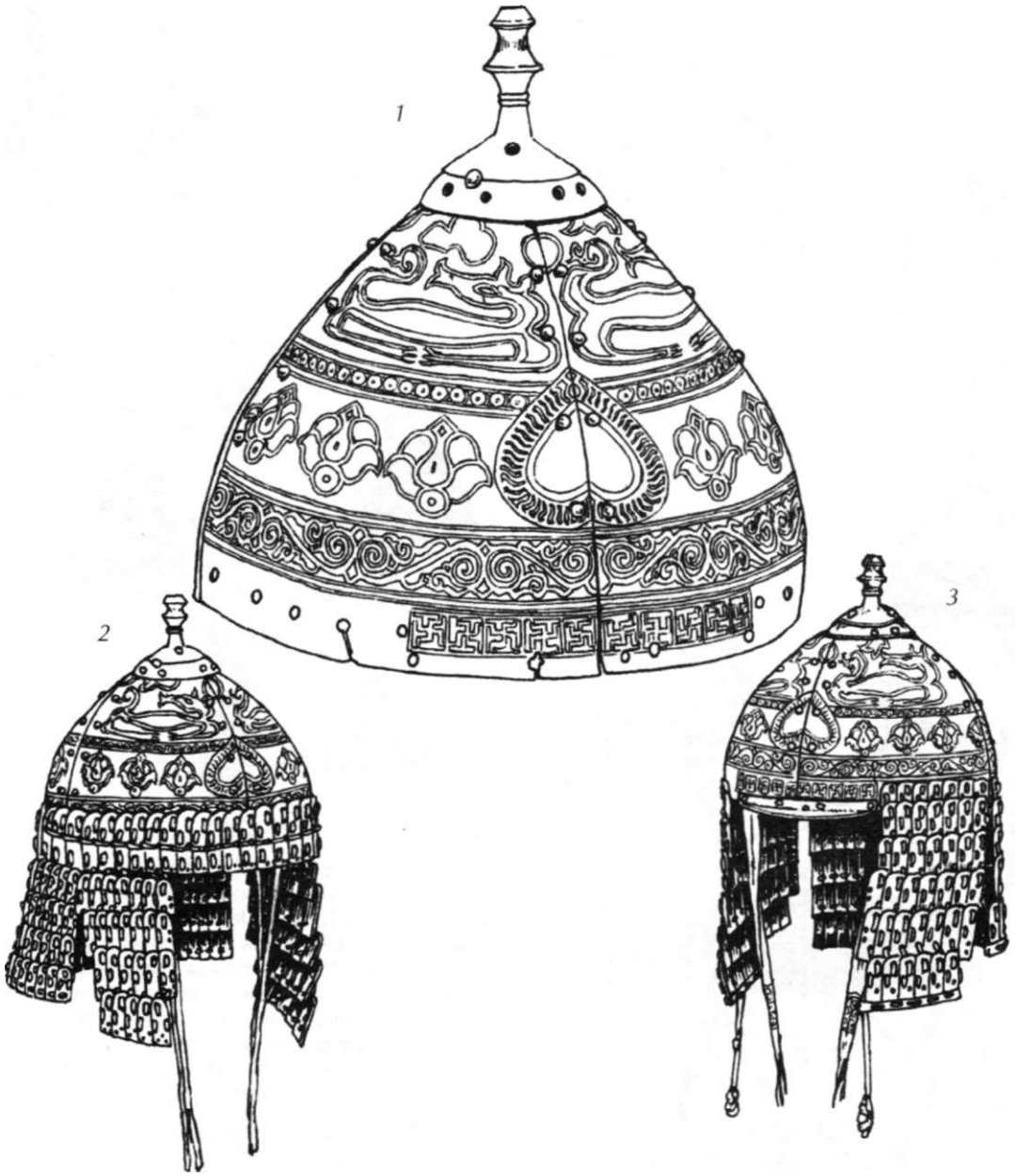

Рис. 164. Четырехпластинчатый центральноазиатский шлем XV-XVII вв., подвергшийся переделке в тибетском стиле (7). Он же. Вариант реконструкции шлема, оформленного в «тибетском» стиле, с ламеллярным обручем и трехчастной бармицей (2). Он же. Вариант реконструкции первоначального вида наголовья (с козырьком и бармицей) *[3]*.

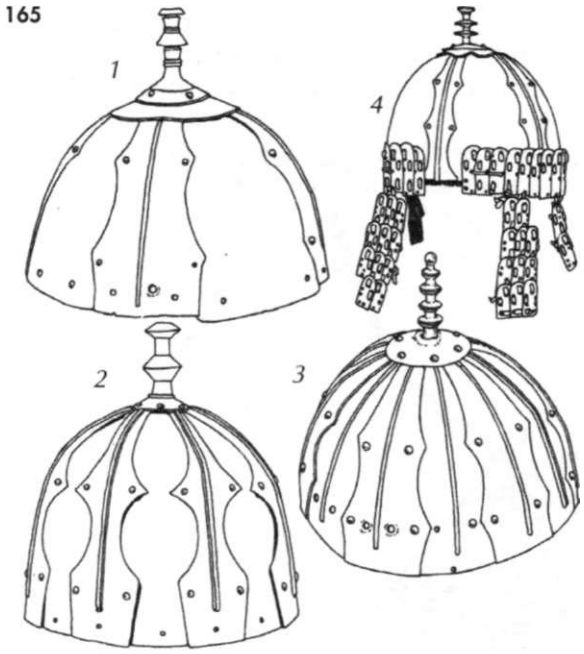
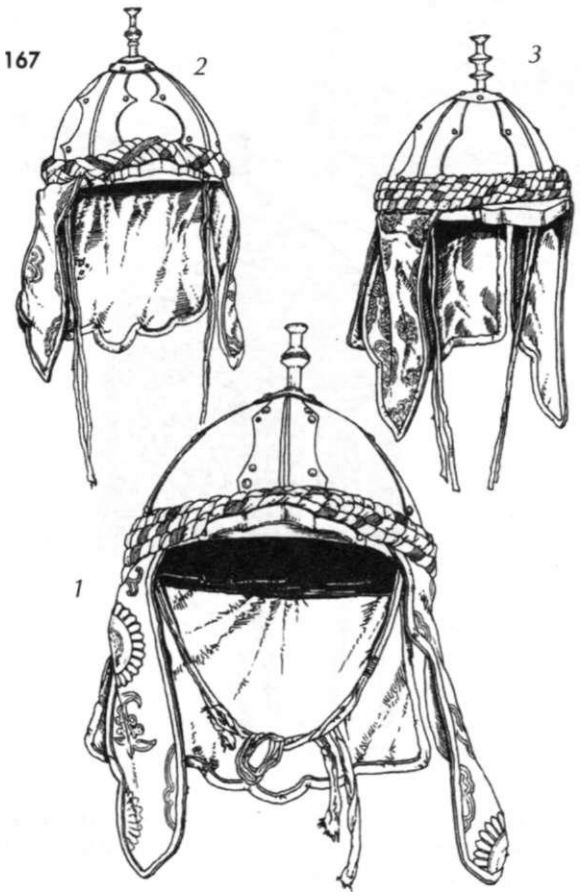

Рис. 165. Тибетские шлемы XVI—XVII1 вв.:

1,2 — шлемы XVI—XVII1 вв. (ламеллярныйобруч ибармиица удалены). Из частной коллекиии; *3* — шлем XVI—XVII1 вв. Музей Метрополитен, г. Нью-Йорк, США; *4* — шлем XVI—XVIII вв. Найден в г. Хами (Восточный Туркестан). Исторический музей Синизян-Уйгурского АО, г. Урумчи, КНР.

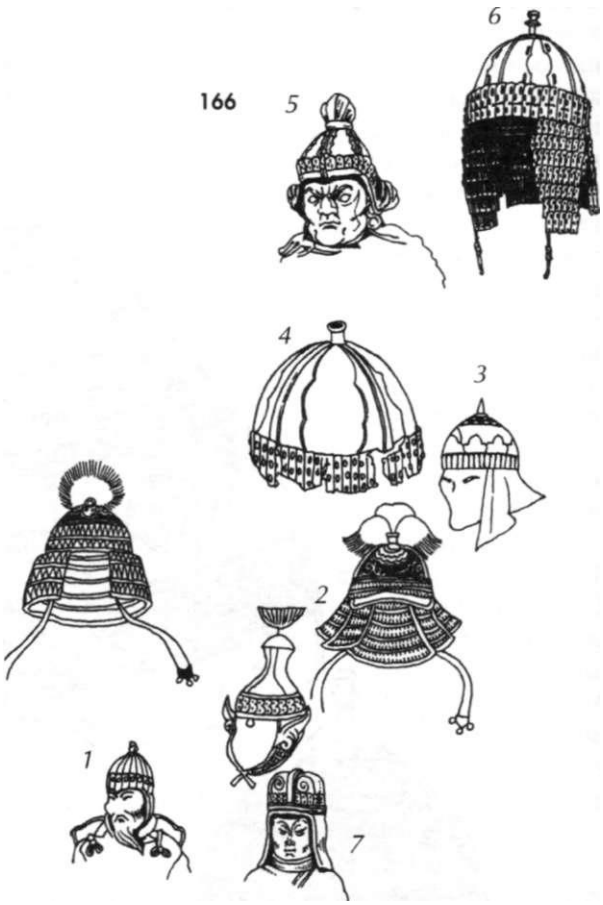

Рис. 166. Эволюция шлемов с ламеллярными обручами VI-XVII вв.:

1,7 — Со статуэток пеших сяньбийских воинов. Северный Китай, VI в.; *2* — Кызыл, «Пешера Майи», VII в.; *3* — с изображения монгольского воина из «Лжами ат-таварих» Рашид ад-Лина, Тебриз, 1306-1307 гг., б-ка Эдинбургского ун-та; *4* — из погребения золотоордынского воина второй половины XIII в. в Южном Приуралье в 8 км от с. Лебедевка (по М. В. Горелику); 5 — с китайской статуэтки XV-XVI вв.; 6 — Тибетский шлем XVI-XVII вв. с ламеллярным обручем и бармицей. Монастырь Дрепунг, Тибет.

Рис. 167. Сфероконические четырехпластинчатые клепаные «бутанские» шлемы XVI—XVII1 вв. с двухзубчатыми резными накладками с ребрами жесткости, «коробчатыми» козырьками, ярусными навершиями, трехчастной тканевой бармицей, украшенные тюрбаном из разноцветных шнуров. Из монастырей г. Тхимпху, Бутан.

Тип **4.** Клепаная полусферическая форма тульи.

Вариант **1.** Полусферические клепаные шлемы с шестипластинчатым куполом, обручем, низким полусферическим навершием и козырьком.

Включает 2 экз. из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-25, ОР 46-27). Оба наголовья преподнесены в дар русским царям ойратскими правителями в XVII в. (рис. 168, 169).

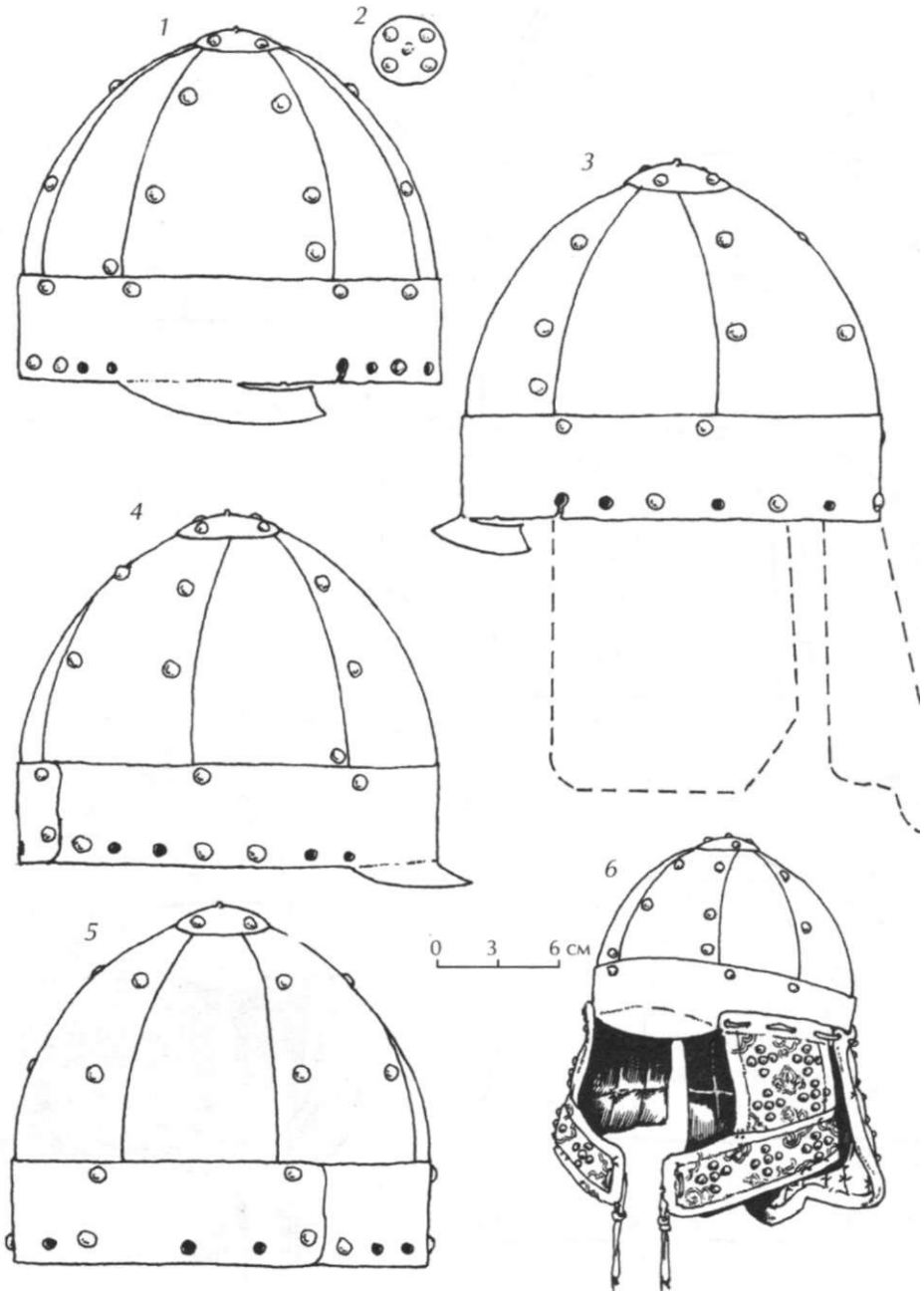

Рис. 168. Ойратский полусферический клепаный шлем XVII в. *(1-5).* Вариант реконструкции шлема в комплекте с трехчастной пластинчато-нашивной бармицей (6). Хранится в фондах ОПМК (ОР 46-27). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

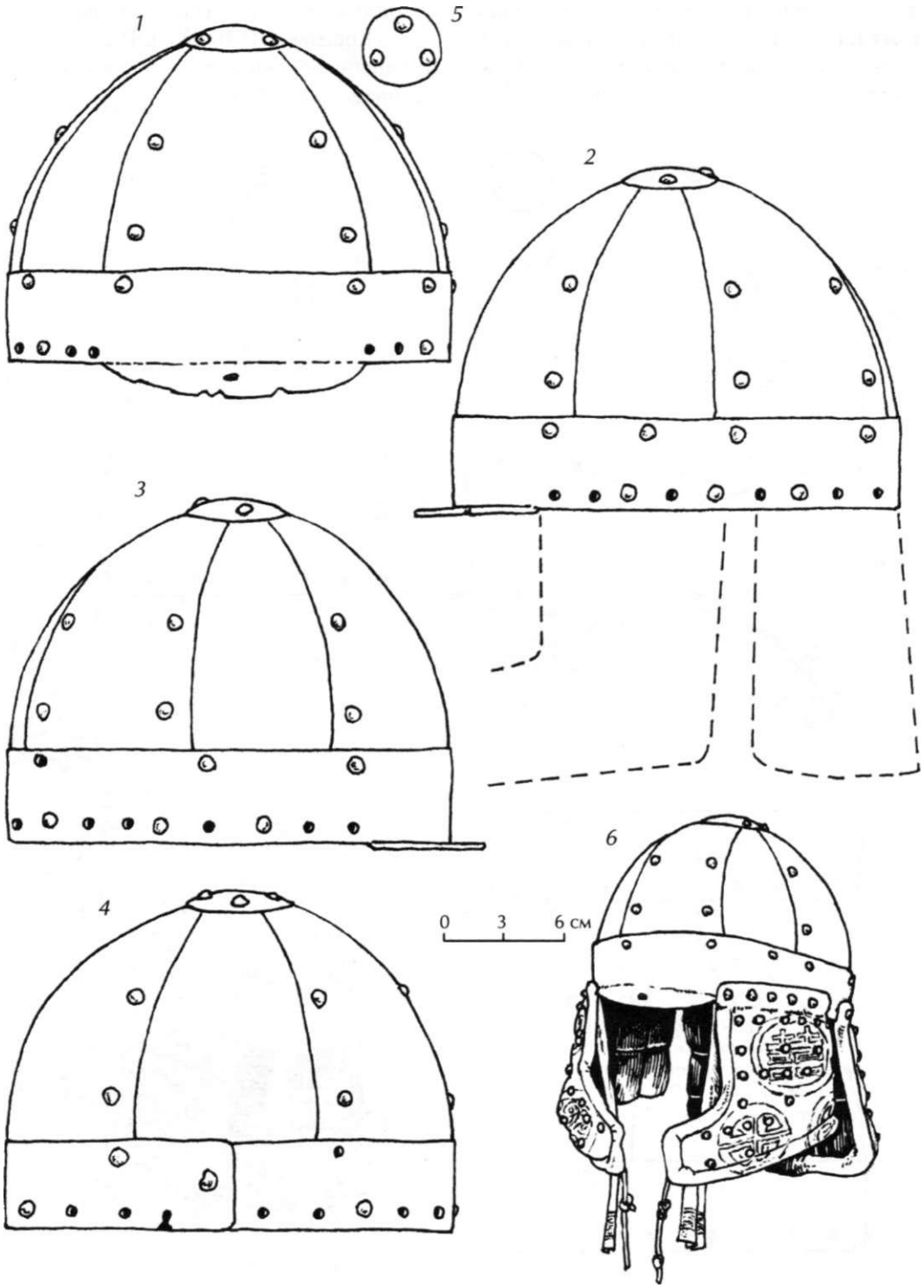

Рис. 169. Ойратский полусферический клепаный шлем XVII в. (1-5). Вариант реконструкции шлема в комплекте с трехчастной пластинчато-нашивной бармицей (6). Хранится в фондах ОПМК (ОР 46-25). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Высота шлема ОР 46-25 составляет 16,5 см, высота шлема ОР 46-27 составляет 17 см, диаметр — 22 и 20,5 см соответственно; ширина обруча шлема ОР 46-25 составляет 4,5 см, ОР 46-27 — 5 см. Лицевая часть обручей выгнута в виде нешироких козырьков. Длина козырька обруча шлема ОР 46-25 составляет 13 см. В центральной части козырька пробито сквозное отверстие. Не исключено, что это просто лишнее отверстие, сделанное мастером на обруче до изгиба козырька. В противном случае шлем мог иметь так называемую «глухую» бармицу, прикрывавшую все лицо, кроме глаз. Длина козырька обруча шлема ОР 46-27 составляет 11 см. Оба козырька повреждены: у экземпляра ОР 46-25 фиксируются следы фронтальных рубящих ударов, козырек наголовья ОР 46-27 прорублен с левого края по месту соединения с нижней кромкой обруча. Наголовья венчают круглые, слегка выпуклые навершия, соединенные с пластинами тульи с помощью трех (ОР 46-25) или четырех (ОР 46-27) заклепок. Согласно данным «Описи Московской оружейной палаты», произведенной в 1884 г., вес шлема ОР 46-25 составил «1 фунт 48 золотников», т. е. около 660 г, а шлема ОР 46-27 — «2 фунта 3 золотника», т. е. около 921 г (Опись..., 1884, с. 38). Оба шлема имеют отверстия для подвешивания пластинчато-нашивной бармицы (Бобров, Худяков, 2003, с. 143).

По наблюдениям авторов «Описи» 1884 г., купол шлема ОР 46-25 для предохранения от ржавчины (Опись..., 1884, с. 38-39) был выкрашен черной масляной краской: «...когда произведена эта окраска, из дел Архива не видно». В настоящий момент наголовье от нее очищено.

Вариант 2. Полусферические клепаные шлемы с шестипластинчатым куполом, пластины которого покрыты двухпалым «лапчатым» узором, обручем, низким полусферическим навершием и треугольным козырьком.

Включает один экземпляр из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-46). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Высота шлема — 16 см, диаметр — 21,5 см. Ширина обруча — 3,8 см. Длина козырька — 13 см. Вес шлема (согласно данным «Описи» 1884 г.) — «1 фунт 70 золотников», т. е. около 755 г.

Все шесть пластин тульи покрыты выпуклым, так называемым «лапчатым» орнаментом. Двухпалые «лапки» (или «путики, соединенные городками», согласно «Описи» 1884 г.) расположены по четыре в ряд и покрывают всю верхнюю треть тульи. Ширина обруча — 3,8 см. Лицевая часть обруча шлема выгнута в виде треугольного козырька. Ширина козырька — 3,8 см, длина — 13 см. Венчает шлем низкое полусферическое навершие, приклепанное к тулье с помощью трех заклепок (рис. 170). Данное навершие, вероятно, было добавлено позднее, так как в «Описи» 1884 г. содержалась информация, что «подвершья и навершья» у наголовья отсутствуют, а в «Описи» 1835 г. отмечалось, что «наверху сего шишака пробита скважина» (Опись..., 1884, с. 37). Вдоль нижней кромки обруча пробиты 16 сквозных отверстий для пластинчато-нашивной бармицы. Некоторые из отверстий забиты полусферическими заклепками.

Согласно данным «Описи» 1884 г. в момент осмотра шлем был покрыт черной краской. Ко времени нынешнего осмотра шлема краска удалена.

Вариант 3. Полусферические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом, широкими накладками с вырезным краем и обручем.

Включает 1 экз. из фондов Государственного музея искусств народов Востока (ГМИНВ) в Москве (рис. 171).

Шлем разломан на две части, навершие не сохранилось. Предполагаемая высота шлема в первоначальном варианте — около 18 см (Войтов, Худяков, 2004, с. 102). Высота сохранившейся части купола — 13 см (в том числе обруч — 3,4 см), диаметр — 23 см. Вдоль нижнего края обруча пробиты частые отверстия, служившие для подвешивания кольчужной бармицы и фиксации кожаных ремешков, стягивавших шлем и органический подшлемник (там же, с. 102-103). Как и на западномонгольских шлемах из ОПМК, обруч шлема склепан на затылке с помощью двух расположенных вертикально друг над-другом полусферических заклепок.

По результатам типологического анализа шлем соотнесен с комплексом вооружения центральноазиатских воинов периода позднего Средневековья (там же, с. 102-103).

Тип 5. Клепаная коническая форма тульи.

Вариант 1. Конические клепаные шлемы с шестипластинчатым куполом, навершием и боковыми петлями.

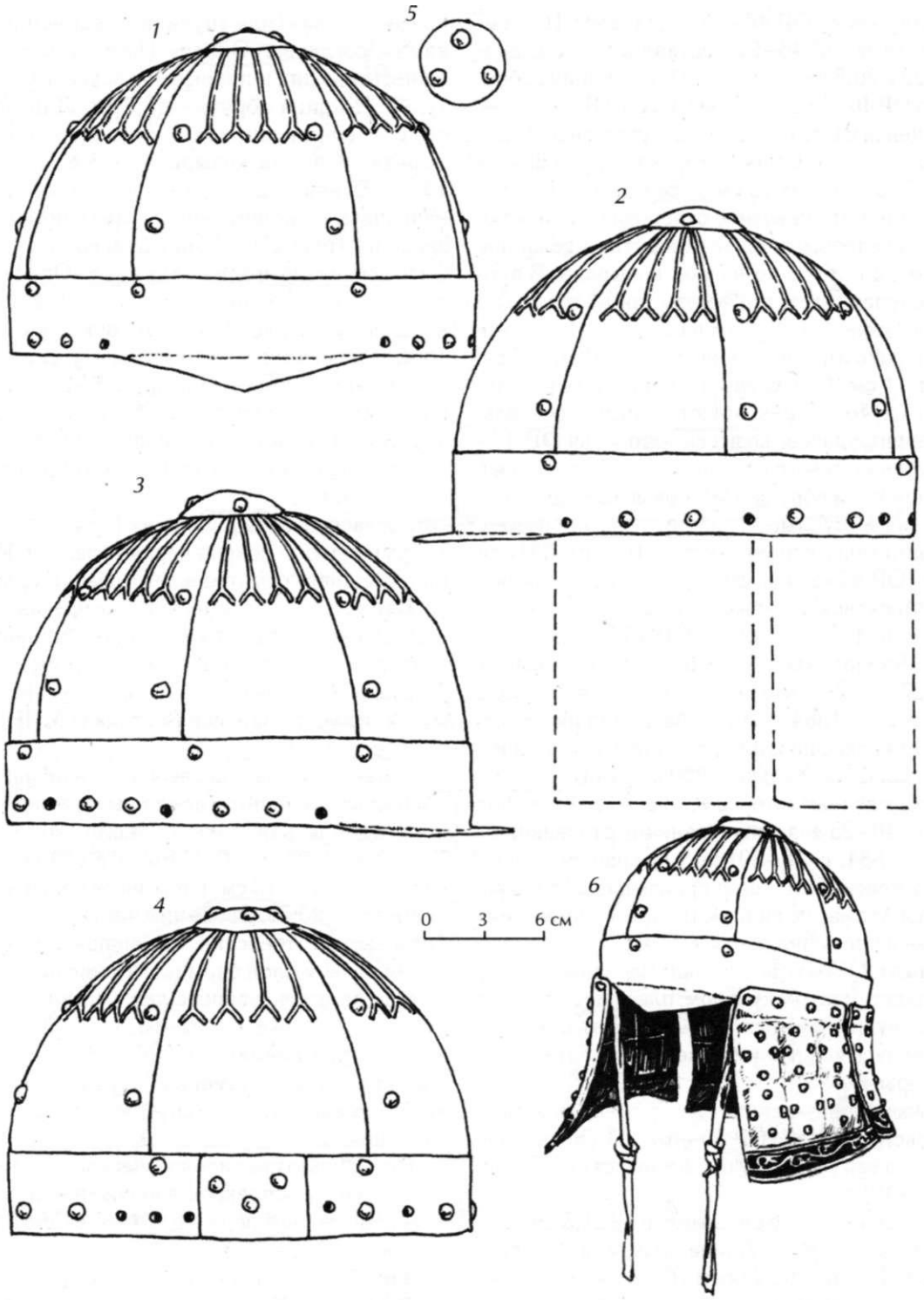

Рис. 170. Ойратский полусферический клепаный шлем XVII в. Хранится в фондах ОПМК (ОР 46–46). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

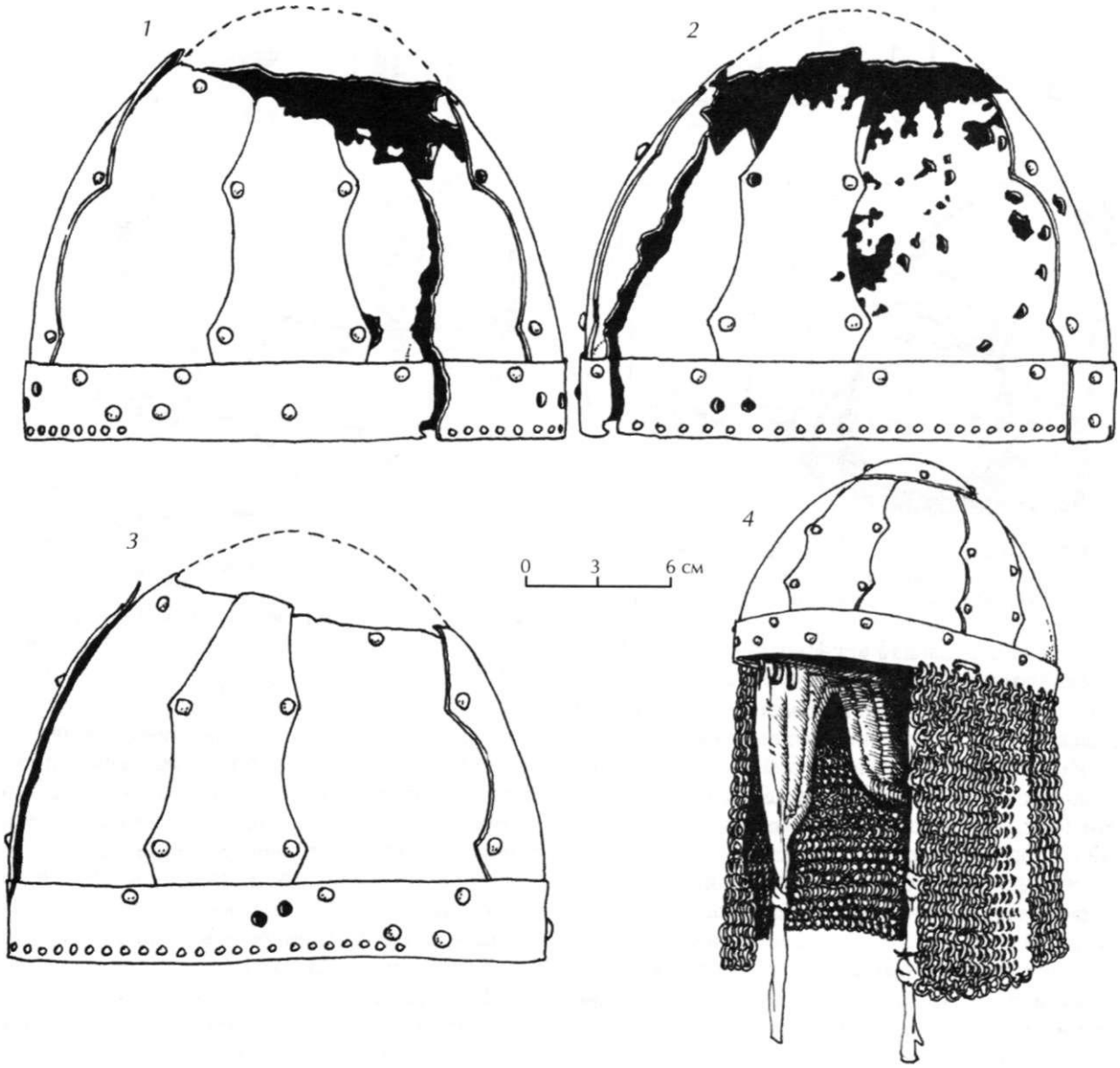

Рис. 171. Пентральноазиатский полусферический клепаный шлем XVI-XVIII вв. *(1-3).* Вариант реконструкции шлема в комплекте с кольчатой бармицей «открытого» типа *(4).* Хранится в фондах Государственного музея искусств народов Востока в Москве.

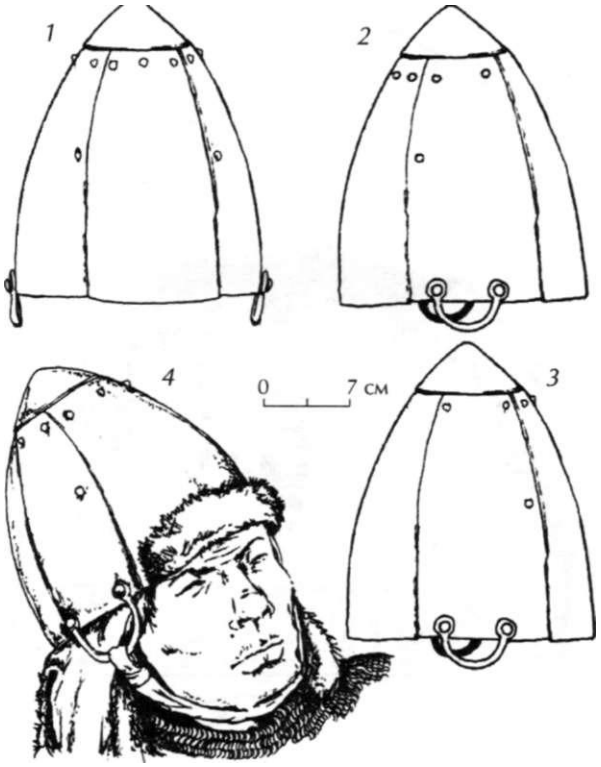

Рис. 172. иентральноазиатский (халхаский?) конический клепаный шлем XVI—XVi11 вв. Найден на территории Убсу-Нурского аймака Монголии. Хранится в музее г. Улангома.

Включает 1 экз. из Убсу-Нурского аймака Монголии. Хранится в музее г. Улангома.

Высота купола — 25 см, диаметр — 22 см. Купол склепан из шести пластин, соединенных заклепками. Имеет коническое воронкообразное навершие и боковые петли, прикрепленные к куполу заклепками (рис. 172). Столь странно выглядящие на первый взгляд петли, видимо, выполняли вполне конкретную функцию. Судя по размерам и форме шлема, он не имел кожаной или войлочной подкладки, к которой крепились подбородочные ремни, а надевался на обыкновенную шапку, возможно, с меховой опушкой. В таком случае обычный способ фиксации шлема на голове становился невозможен, поэтому наголовье было дополнено парой петель, через которые продевались подбородочный ремень или тесьма (рис. 172, *4).*

Тип **6.** Клепаная сфероцилиндрическая форма тульи.

Вариант **1.** Сфероцилиндрические клепаные шлемы с восьмипластинчатым куполом, украшен-

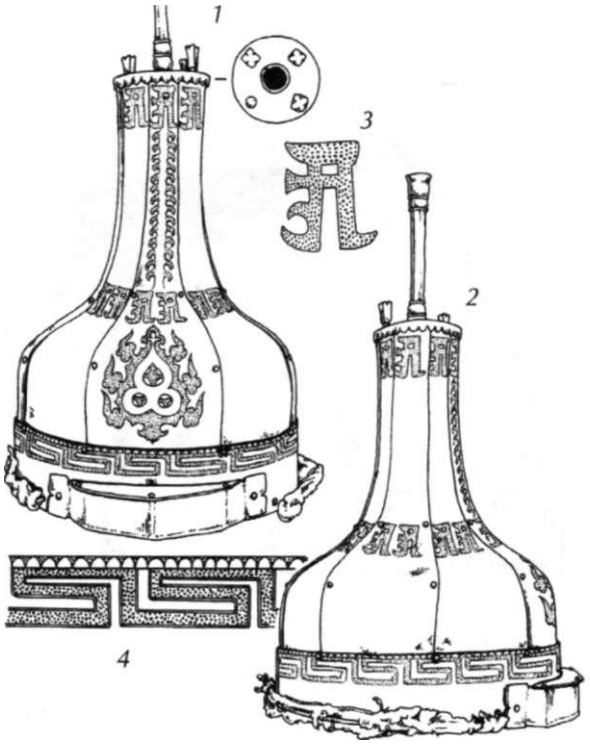

Рис. 173. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем кониа XVI — начала XVIII в. (вид спереди и с правого бока). Хранится в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

ным гравировкой, обручем, плоским фестончатым навершием, с втулкой и четырьмя надвершиями, обручем и двухчастным «коробчатым» козырьком.

Включает 1 экз. из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Общая высота шлема составляет 42,9 см. В том числе купол — 29,4 см, втулка — 13,5 см. Диаметр шлема — 21,5 см (лобно-затылочный) и 20,7 см (височный) (рис. 173, 174).

Шлем склепан из восьми пластин, стянутых обручем и навершием. Четыре верхние пластины приклепаны к нижним с помощью двух пар симметрично расположенных заклепок. Некоторые из них имеют шляпковидную (выпуклую в центре) форму. В центральной части шлема тулья резко сужается и переходит в достаточно узкий цилиндр («трубку»), благодаря чему наголовье приобретает характерный кувшинообразный силуэт.

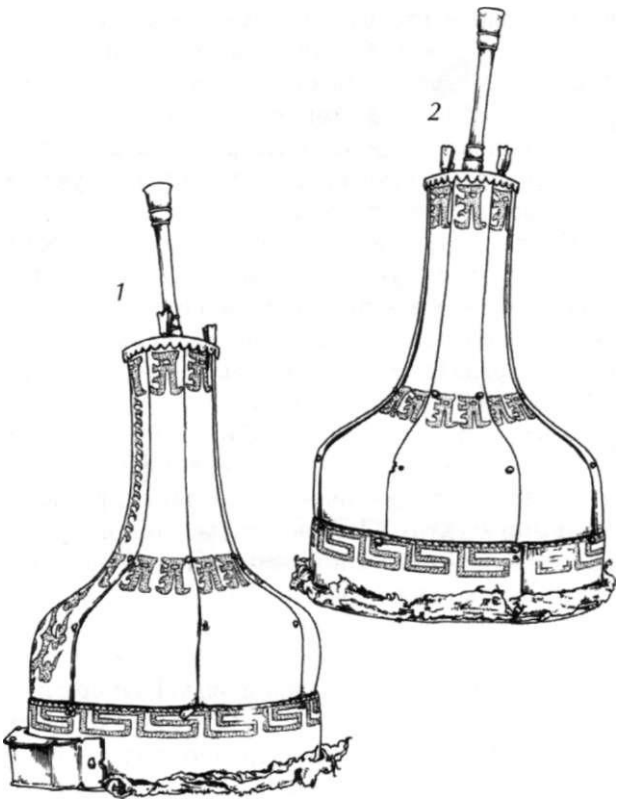

Рис. 174. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. (вид сзади и с левого бока).

В нижней части тульи пластины фиксирует обруч (ширина — 4,6 см), склепанный на затылке с помощью трех вертикально расположенных заклепок (сохранились две).

К лицевой части обруча приклепан «коробчатый» козырек. Последний составлен из двух частей: горизонтального пятиугольного щитка (длина — около 14,5 см, ширина — около 1 см) и выгнутого вертикального налобника (высота — 2,8 см).

Венчает шлем круглая плоская пластина навершия с вырезным краем, состоящим из тридцати фестонов-«лепестков». Пластина навершия снабжена фигурной ярусной трубкой-втулкой и четырьмя надвершиями (сохранились три). Надвершия представляют собой расширяющиеся кверху четырехгранные металлические «бутоны». Втулка — длинная сужающаяся в центре и расширяющаяся кверху трубка с отверстием для плюмажа. В нижней части она имеет три перемежающихся дисками шарообразных утолщения. Еще одно утолщение находится в верхней части трубки, под «бутоном».

Шлем богато орнаментирован. Характерный *Г*-образный геометрический узор опоясывает обруч. Лицевая пластина тульи полностью, а остальные в центральной и верхней части покрыты изображениями буддийских символов. В налобной части лицевой пластины выдавлены «Три драгоценности» в языках пламени. Поток огня «извергается» из пластины навершия и доходит до налобной части пластины, где прерывается рядом Л-образных литер «ОМ» (символизирующих буддийскую молитву «Ом мани падме хум»). Символы «ОМ» опоясывают тулью в месте ее перехода в цилиндр, а также у навершия. Нижний ряд состоит из 16 символов (по два на каждую пластину), а верхний — из 8 символов (по одному на каждую пластину).

Вдоль нижней кромки шлема пробиты 18 отверстий для подвешивания пластинчато-нашивной или органической бармицы. От бармицы сохранились пропущенные в отверстия соединительные ремешки и куски матерчатой основы холодного зеленого цвета. Возможно, бармица данного шлема была подвешена к другому наголовью, также хранящемуся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике и происходящему из коллекции князей Кульмаметьевых (рис. 180; 181; 189,5; 193).

Шлем входит в большую группу сфероцилиндрических шлемов, использовавшихся джунгарской знатью в период позднего Средневековья и Нового времени. Два подобных шлема были преподнесены русскому царю ойратскими послами во второй половине XVII в. Данное наголовье может быть датировано концом XVI — началом XVIII в.

Вариант **2.** Сфероцилиндрические клепаные шлемы с восьмипластинчатым куполом, украшенным чеканкой обручем, навершием с втулкой и четырьмя надвершиями, одночастным «коробчатым» козырьком, трехчастной пластинчато-нашивной бармицей.

Включает 1 экз. из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, в XIX в. был передан в музей потомками княжеского рода Кульмаметьевых.

Высота купола с тульей, навершием и султанами — 23,5 см, в том числе надвершия — 1,7 см. Диаметр — 21 см (лобно-затылочный) и 20,5 см (височный) (рис. 190,*3*). Купол склепан из восьми пластин и имеет высокую сфероцилиндрическую тулью. Нижний край купола стянут обручем (4,9 см), на

поверхности которого выполнен растительный орнамент в виде побегов виноградной лозы. Спереди к обручу с помощью пяти заклепок приклепан пятиугольный «коробчатый» козырек (10,3 см). Его горизонтальный щиток (1,9 см) и налобник (0,8 см) выгнуты из одной железной пластины.

Шлем венчает низкое цилиндрическое навершие с четырьмя короткими декоративными надвершиями (сохранились три), расположенными ромбом. На наличие центральной втулки указывает круглое сквозное отверстие в пластине навершия.

Вдоль нижней кромки обруча пробито 21 отверстие для крепления пластинчато-нашивной бармицы. Последняя состоит из трех частей — пары наушников и назатыльника. Органическая основа бармицы изготовлена из плотной материи красного цвета и снабжена зеленым кантом. Небольшие сохранившиеся куски кожи указывают на то, что ткань, возможно, имела кожаный подклад. Мягкая органическая основа подбита четырнадцатью железными пластинами различных форм и размеров, которые приклепаны к органической основе с помощью выпуклых фигурных металлических заклепок, выполненных в виде 4-лепестковых цветков. Подробно структура бронирования данной бармицы рассмотрена в разделе «Бармицы».

Левый наушник скроен в виде полукруглой сужающейся книзу лопасти с вырезом напротив трапециевидной мышцы. К нижней кромке наушника пришита зеленая кисточка (часть подбородочного ремня?). Наушник подбит четырьмя перекрывающими друг друга железными пластинами. Верхний ряд состоит из двух пластин. Передняя (лицевая) имеет прямоугольную форму (7,2 х 6,9 см), задняя вырезана в форме прямоугольника со срезанным нижним задним углом (высота — 7,2 и 7 см, нижний край — 5,7, верхний — 6,9 см). Нижний ряд состоит из двух пластин прямоугольной формы с закругленным нижним краем (лицевая — 7,8 х х 6,5 см, задняя — 8 х 4,5 см). Форма и размеры пластин обусловлены местом их нахождения в наушнике и формой его покроя. Пластины верхнего ряда наушника приклепаны к органической основе с помощью трех расположенных треугольником заклепок. Нижние пластины приклепаны к матерчатой лопасти с помощью двух вертикально расположенных заклепок.

Правый наушник и назатыльник сохранились гораздо хуже. Об их покрое можно судить лишь весьма приблизительно. На момент осмотра правый наушник состоял из 6 пластин, а назатыльник — из 4. Возможно, сегменты были случайно или намеренно поменяны местами после того, как органическая основа бармицы начала разрушаться, и владельцами шлема были проведены соответствующие «реставрационные работы».

Правый наушник в его сегодняшнем виде состоит из двух рядов прямоугольных пластин, по три пластины в каждом ряду. Нижний ряд пластин несколько перекрывает верхний. Размеры пластин нижнего ряда (от лицевой к затылочной): 6,5 х 5,8, 6,6 х 5,4, 6,7 х 6,2 см. Размеры пластин верхнего ряда (от лицевой к затылочной): 6,5 х 6,6, 6,7 х х 5,7, 7 х 6 см. Затылочные (верхняя и нижняя) пластины снабжены пятью заклепками, расположенными крестом. Остальные пластины имеют по три заклепки, расположенные равнобедренным треугольником в верхней части пластины.

Назатыльник в его сегодняшнем виде состоит из двух рядов прямоугольных и квадратных пластин, по две пластины в каждом ряду. Размеры пластин нижнего ряда — 7,3 х 5,5 (правая), 7,2 х 6 см (левая). Размеры пластин верхнего ряда — 6 х 5 (правая), 6,6 х 6,6 см (левая).

Шлем входит в большую группу сфероцилиндрических шлемов, использовавшихся джунгарской знатью в период позднего Средневековья и Нового времени. Два подобных шлема были преподнесены русскому царю ойратскими послами во второй половине XVII в. Данное наголовье может быть датировано концом XVI — началом XVIII в.

Вариант **3.** Сфероцилиндрические клепаные шлемы с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, обручем и «коробчатым» козырьком.

Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР4645). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Высота — 28 см, диаметр — 20,9 см (рис. 175).

Шлем состоит из восьми изогнутых пластин, стянутых обручем (с семью отверстиями для крепления бармицы) и соединенных между собой с помощью 16 заклепок. Верхние концы пластин тульи загнуты внутрь и снабжены отверстиями для соединения с круглым плоским навершием. От «коробчатого» козырька сохранилась лишь одна налобная пластина (налобник), щиток отсутствует (рис. 175, *2).*

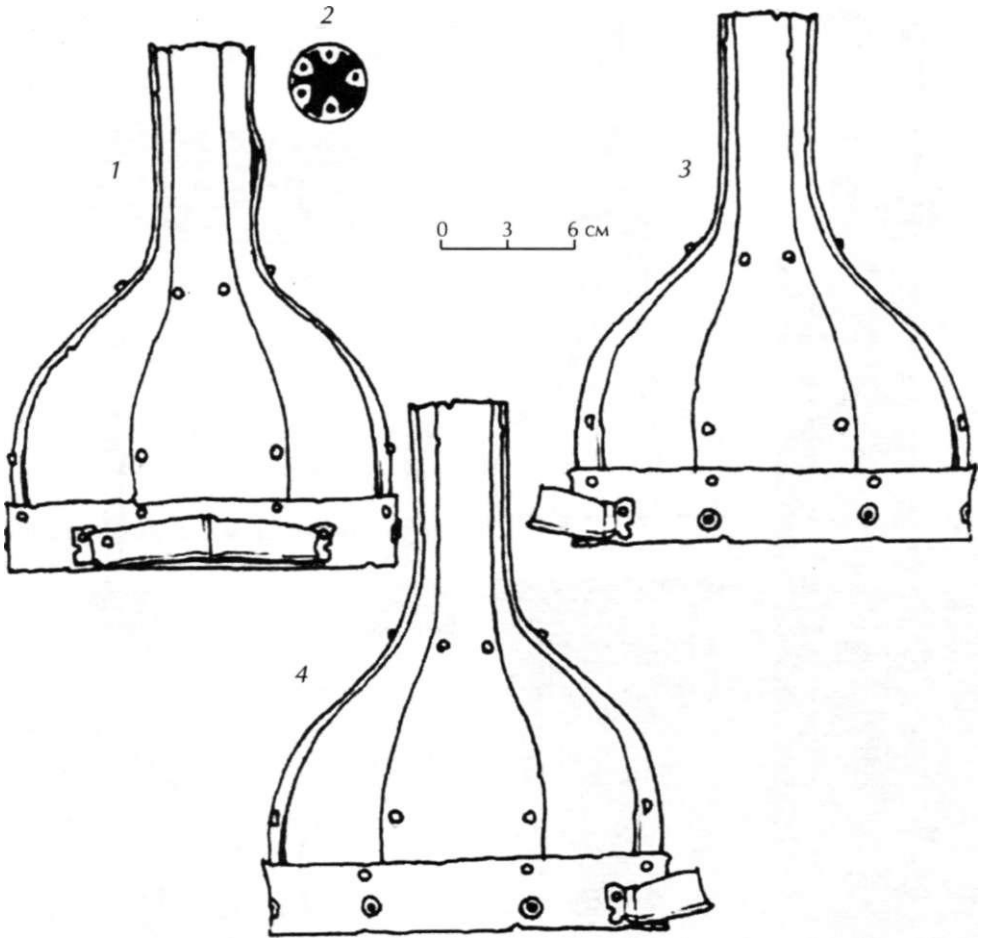

Рис. 175. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — XVII в. Хранится в фондах ОПМК (ОР 4645). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Вариант **4.** Сфероцилиндрические клепаные шлемы с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, «коробчатым» козырьком, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и надвершиями.

Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР2059). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Высота купола шлема с навершием и трубкой для плюмажа — 50 см, диаметр —21,5 см. Восемь сильно изогнутых пластин, составляющих кувшинообразную тулью, стянуты наверху плоским навершием с фестончатым краем, а внизу — широким обручем, украшенным Г-образным узором (рис. 176). Сам обруч (ширина — 5,4 см) фиксируется на затылке парой вертикально расположенных заклепок. В навершие шлема вставлены фигурная трубка (высота — 18 см) с бутонообразной втулкой для плюмажа и две пары надверший без отверстий.

К лицевой части шлема приклепан хорошо сохранившийся «коробчатый» козырек, состоящий из широкого вертикального налобника с ребром жесткости и горизонтального щитка подтреугольной формы.

По нижней кромке обруча пробиты десять отверстий для крепления бармицы. Судя по числу отверстий и их расположению, шлем имел трехчастную пластинчато-нашивную бармицу.

Вариант **5.** Сфероцилиндрические клепаные шлемы с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и четырьмя надвершиями.

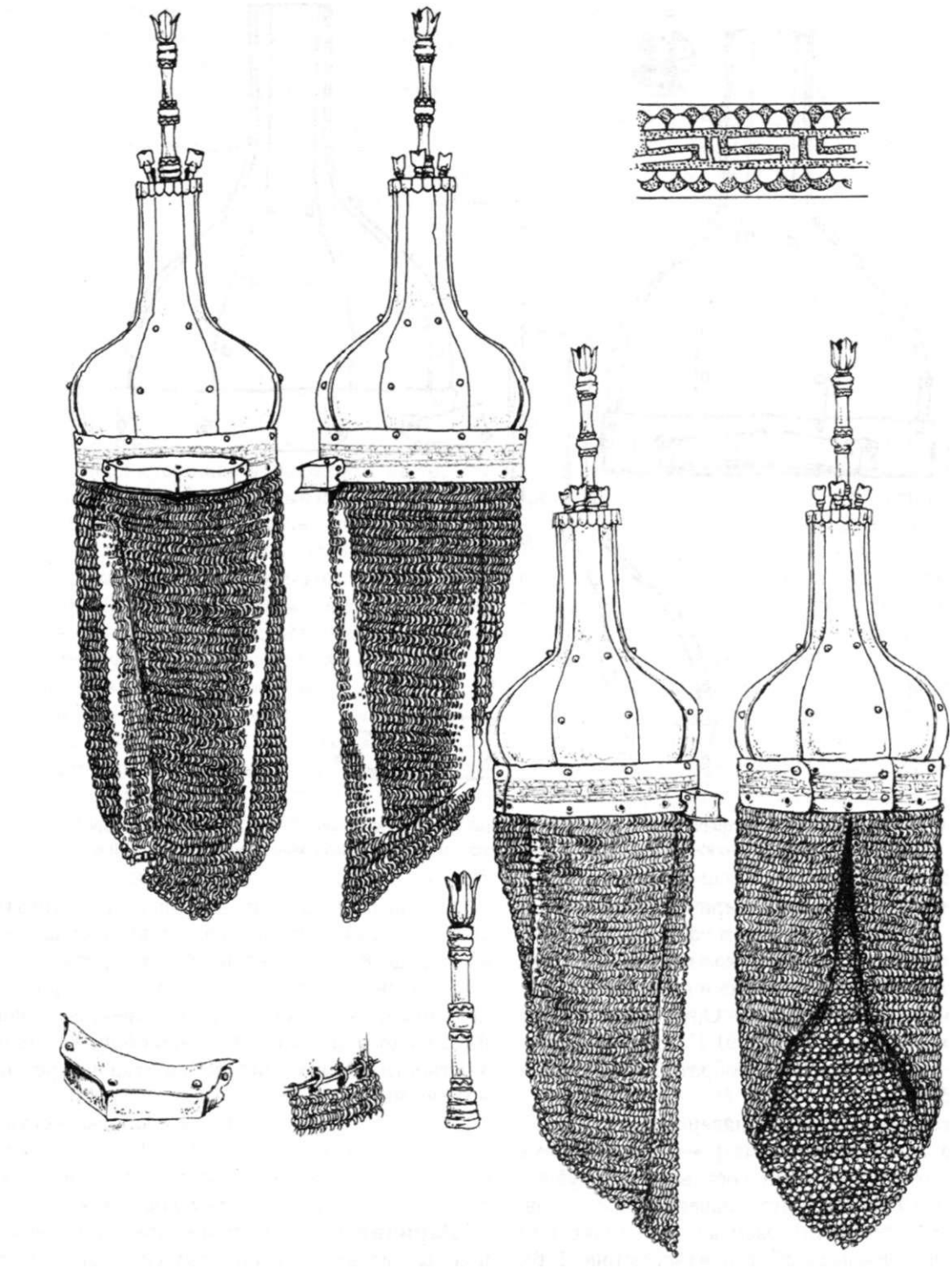

Рис. 176. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI —XVII в. Хранится в фондах ОПМК (ОР 2059). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (США).

Высота шлема — 44,5 см, диаметр — около 20 см (рис. 177; 190, *1*).

Восемь сильно изогнутых пластин, составляющих кувшинообразную тулью, стянуты наверху плоским круглым навершием с фестончатым краем, а внизу — широким обручем. Как и другие шлемы серии, пластины тульи шлема из музея Метрополитен дополнительно соединены между собой двумя парами полусферических заклепок.

В пластину навершия вставлена высокая расширяющаяся кверху трубка-втулка, практически точно повторяющая трубку-втулку джунгарского шлема из коллекции князей Кульмаметьевых. «Спутниками» втулки являются четыре маталлических надвершия.

В настоящее время шлем не имеет козырька. Однако три сквозных отверстия в его налобной части указывают на то, что изначально этот характерный элемент сфероцилиндрических шлемов входил в состав убора наголовья.

По периметру обруча шлема пробиты отверстия, в которые вставлены крупные заклепки-болты ромбовидной (звездообразной) формы — яркий признак того, что наголовье было снабжено бармицей с пластинчато-нашивной системой бронирования (от матерчатой основы сохранились небольшие тканевые элементы вокруг заклепок).

Шлем датирован американскими исследователями XIV-XVI вв. и соотнесен с комплексом вооружения Западного Тибета и Центральной Азии. Мы не можем согласиться с данной датировкой, так как практически все известные сфероцилиндрические шлемы датируются XVI-XVIII в. В настоящее время нет оснований полагать, что данное наголовье было изготовлено двумя столетиями раньше. Что касается места изготовления шлема, то, если он был действительно вывезен с территории Тибета, его хозяином мог быть ойратский феодал, переселившийся в Тибет вместе с армией хошоутского Гуши-хана в первой половине XVII в., или джунгарский офицер армии Церен Дондоба-старшего, оккупировавшей Тибет в 1717-1719 гг.

Еще один сфероцилиндрический шлем был найден на территории Казахстана. К сожалению, авторам не удалось ознакомиться с ним лично. Составить некоторое представление о нем можно лишь по фотографии, данной в одной проекции в книге К. Ахметжана. Наголовье имеет классическую кувшинообразную форму. Тулья составлена из 6 или 8 изогнутых пластин, стянутых внизу широким обручем (склепанным в затылочной части тремя вертикально расположенными заклепками) и зафиксированных в верхней части круглым плоским навершием с отогнутым вниз ровным (не фестончатым) краем. Возможно, что шлем был снабжен простым или «коробчатым» козырьком и бармицей (рис. 190, *4*). Данное наголовье, как и другие шлемы серии, может быть датировано XVI-XVIII вв. и соотнесено с комплексом вооружения западномонгольских воинов.

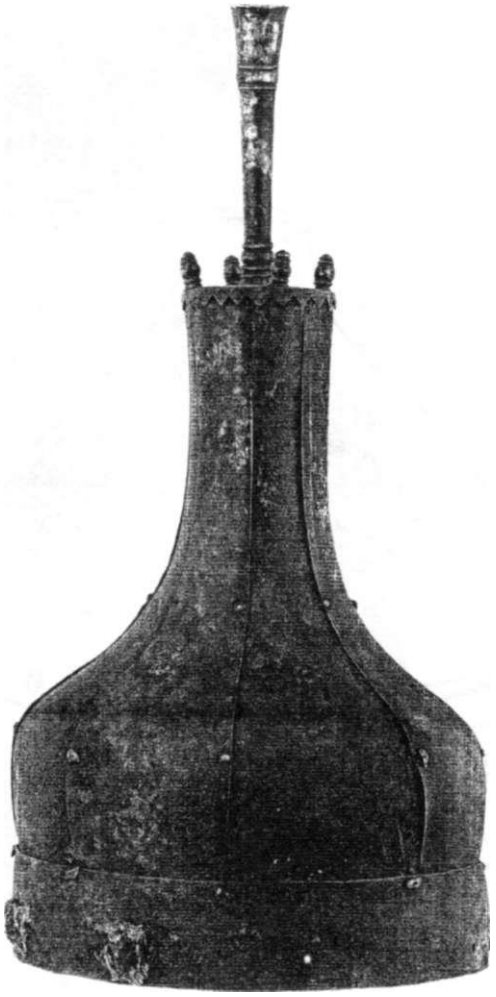

Рис. 177. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и четырьмя надвершиями. Хранится в музее Метрополитен (США)

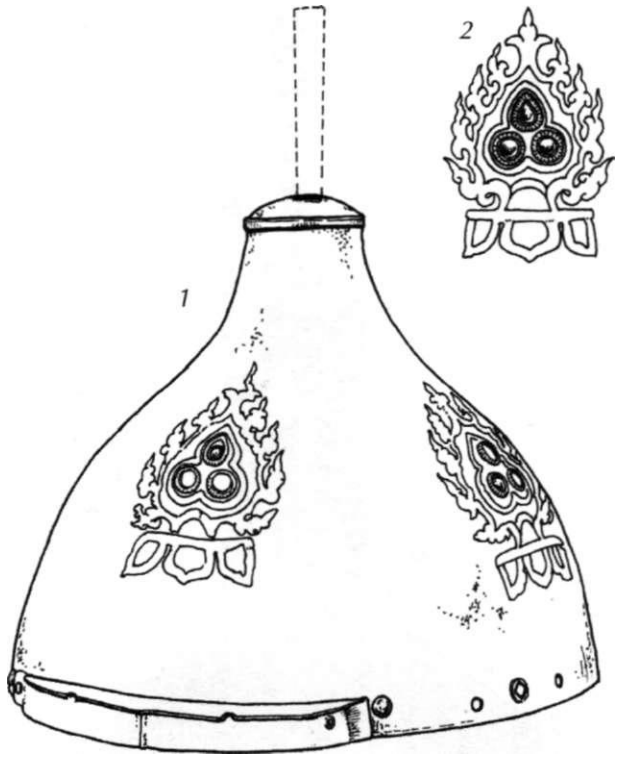

Рис. 178. Ойратский (?) сфероконический цельнокованый шлем XVII–XVIII вв. с «коробчатым» козырьком, слабовыпуклым полусферическим навершием, орнаментом «Три драгоценности». Хранится в фондах Тибетской коллекции музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Отдел III. Цельнокованые шлемы.

Группа I. Овальное сечение.

Тип 7. Сфероконическая цельнокованая тулья.

Вариант 1. Сфероконические цельнокованые шлемы с тульей, покрытой серебряной насечкой, «коробчатым» козырьком.

Включает 1 экз. из Восточного Казахстана (рис. 179). В настоящее время хранится в Центральном историческом музее г. Астаны (Республика Казахстан).

Шлем имеет низкую цельнокованую тулью сфероконической формы. В период своего использования в качестве боевого наголовья шлем подвергался известной модернизации. В настоящее время шлем венчается плоским круглым навершием с деревянной кувшинообразной втулкой, в которую вставлен плюмаж из конского волоса. Особенности их оформления указывают на то, что и плоское круглое навершие, и деревянная втулка являются позднейшими добавлениями. Судя по отверстиям в верхней части шлема, он был снабжен классическим клепаным, вероятно воронкообразным или полусферическим, навершием с железной втулкой для плюмажа.

Цельнокованая тулья шлема покрыта плохо сохранившейся серебряной насечкой, выполненной в виде перемежающихся «проросших» сердец и растительного орнамента. Зубчатая «корона» по нижней части шлема напоминает орнамент на шлеме из Енисейска (рис. 162) и якутских позднесредневековых наголовьях (Бобров, 2002, с. 95, рис. 1, 7). «Коробчатый» козырек состоит из двух пластин подтреугольной формы. Вертикально расположенная налобная пластина (налобник) снабжена в центральной части вертикальным ребром жесткости. Вдоль нижней кромки шлема пробиты отверстия для крепления бармицы. Их число и расположение указывают на то, что бармица имела пластинчато-нашивную или ламеллярную структуру бронирования.

Судя по особенностям конструкции и оформления шлема (характерная форма «коробчатого» козырька, купола, орнамент в виде сердец), он был изготовлен центральноазиатскими (скорее всего, джунгарскими мастерами) в первой половине — середине XVIII в. Впоследствии он, по всей видимости, попал в руки казахов, которые, подвергнув его известной переделке, продолжали использовать наголовье вплоть до XIX в.

Вариант 2. Сфероконические цельнокованые шлемы с «коробчатым» козырьком, слабовыпуклым полусферическим навершием, орнаментом «Три драгоценности».

Включает 1 экз. из «Тибетской коллекции» музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 178).

Высота шлема — 19,1 см. Шлем имеет нестандартную цельнокованую форму тульи — полусферическое основание плавно переходит в короткую постепенно сужающуюся трубку, увенчанную навершием. Таким образом, шлем вобрал в себя черты как сфероконических, так и сфероцилиндрических наголовий и, по ряду показателей, может быть отнесен как к одним, так и к другим. Шлем снабжен круглым, немного выпуклым полусферическим навершием, имеющим отверстие для крепления трубки-втулки. Спереди к шлему приклепан «коробчатый» козырек подтреугольной формы, с узкой вертикальной пластиной-налобником.

Тулья шлема украшена золотой насечкой, представляющей изображения «Трех драгоценностей

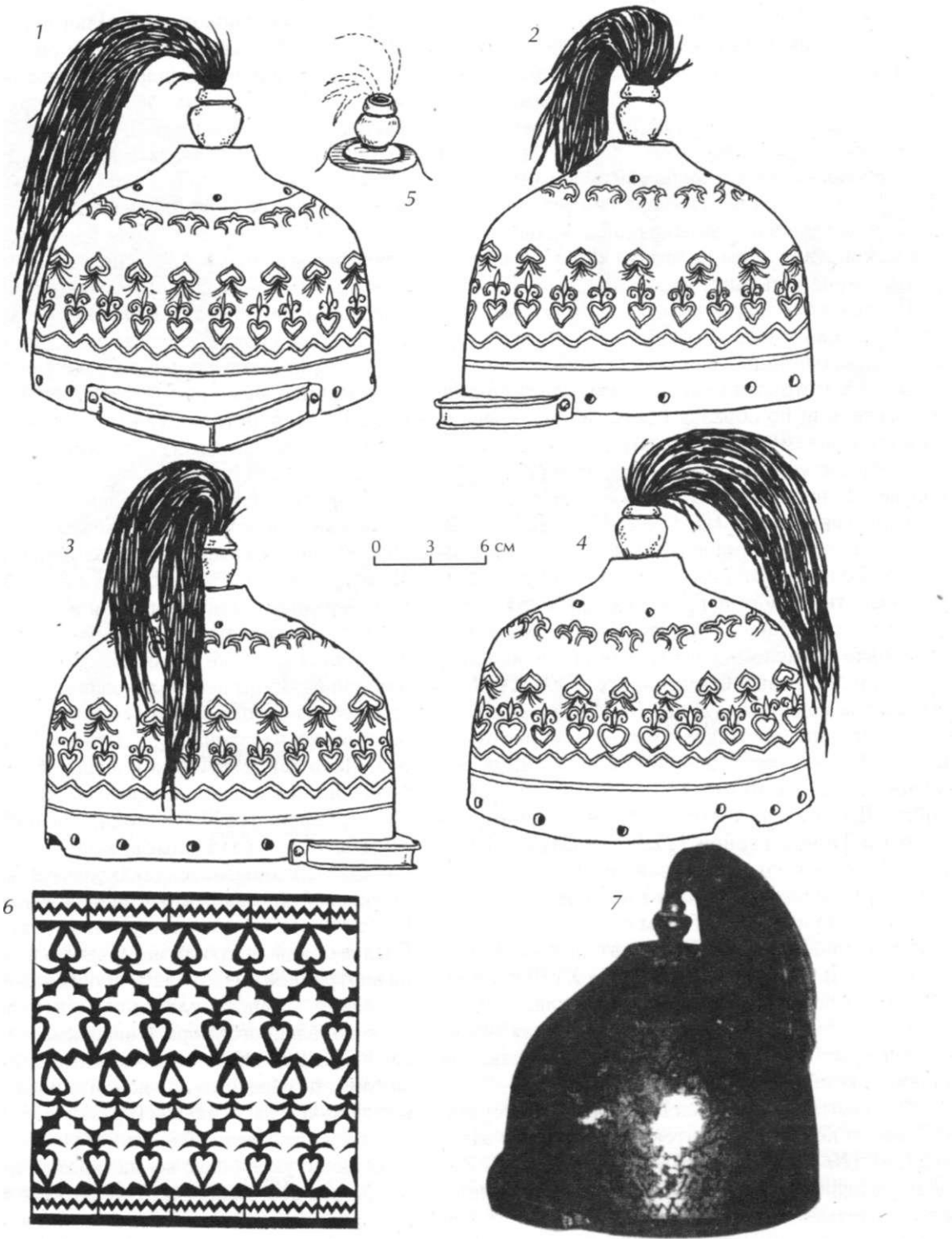

Рис. 179. Цельнокованый сфероконический шлем XVIII в. В настоящее время хранится в Центральном историческом музее г. Астаны (Республика Казахстан).

буддизма» в языках пламени. В центральной части буддийских символов находятся три гнезда для драгоценных камней или бирюзы. Серебряные гнезда расположены треугольником, обращенным вверх. Два нижних гнезда имеют округлую, а верхнее — каплевидную (острием вверх) форму. Вдоль края гнезд пущен выпуклый покрытый рубчиком бортик. Четыре пламенеющих символа симметрично расположены на лобной, затылочной и височных частях шлема (при этом налобная «драгоценность» расположена чуть выше височных).

Вдоль нижнего края шлема пробиты отверстия для подвешивания пластинчато-нашивной или ламеллярной бармицы.

Шлем изготовлен монгольскими или тибетскими мастерами по образцу сфероцилиндрических ойратских шлемов. Придать ему законченную кувшинообразную форму с характерной длинной трубкой, вероятно, не дало желание заказчика получить цельнокованое наголовье. Возможно, мастеру просто технически не удалось вытянуть цельнокованую тулью на необходимую высоту. Так или иначе, но близость данного наголовья к сфероцилиндрическим шлемам несомненна. Шлем может быть датирован временем существования сфероцилиндрических шлемов в Ойратии, т. е. XVI-XVIII вв. Датировка может быть существенно сужена, если учесть, что политическое господство ойратов-хошоутов Торо-байху (Гуши-хана) было установлено в Тибете в начале 40-х гг. XVII в., а оккупационные войска Джунгарского ханства были изгнаны с территории Тибета весной 1720 г. (Златкин, 1983, с. 225), после чего военное и культурное влияние ойратов (и монголов вообще) на тибетцев постепенно пошло на убыль. Таким образом, шлем мог быть изготовлен в период между второй половиной 30-х гг. XVII в. и первой половиной XVIII в. по заказу ойратского или тибетского феодала.

Тип **8.** Полусферическая цельнокованая тулья.

Вариант **1.** Полусферические цельнокованые шлемы с комбинированной бармицей.

Включает 1 экз. из фондов Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (№ 4461, № 5420). Шлем хранился как родовая реликвия у татарских князей Кульмаметьевых в Иртышских юртах Тобольского уезда. Согласно семейной легенде, шлем находился в этом роду начиная с XVII в. В 1908 г. он был передан в музей (рис. 180, 181).

Высота цельнокованой тульи шлема — 9 см, диаметр: лобно-затылочный — 21 см, височный — 18,7 см. Поверхность шлема украшена четырьмя медными бляшками ромбовидной формы. Бляшки расположены соответственно на налобной, затылочной и височных частях наголовья. Налобная и затылочная бляшки находятся на одном уровне, но выше височных. Углы бляшек приострены, а в ряде случаев имеют стреловидную форму. Края бляшек оформлены зубцами. Стандартное число зубцов на каждом крае — 4. На левой височной бляшке с левой верхней стороны мастер вырезал 5 зубцов. Бляшки фиксируются на шлеме с помощью полусферических металлических заклепок. В верхней центральной части наголовья пробито небольшое сквозное отверстие. Судя по его размерам, оно предназначалось не для крепления навершия, а для вентиляции шлема.

Вдоль нижней кромки шлема пробиты частые округлые отверстия для подвешивания бармицы. Последняя представляет исключительный интерес. По структуре ее можно отнести к комбинированным бармицам «закрытого» типа. Она состоит из кольчатого сегмента, прикрывающего верхнюю часть лица, а также трехчастной пластинчато-нашивной бармицы центральноазиатского типа. Органическая основа бармицы подбита рельефными железными пластинами различных форм и размеров. Подробно структура и форма бармицы разобраны нами в разделе «Бармицы». Здесь же отметим, что в рамках одной комбинированной бармицы совмещены две различные военно-культурные традиции: «западноазиатская» (кольчужный элемент на лицевой части шлема) и «центральноазиатская» (пластинчато-нашивные наушники и назатыльник). Следов от кожаного или матерчатого подшлемника на внутренней поверхности шлема нами не зафиксировано. Следовательно, он надевался поверх мягкого головного убора. В зависимости от высоты шапки-подшлемника кольчужный элемент прикрывал лицо до середины или кончика носа или до губ, а наушники и назатыльник (практически при любой разумной высоте подшлемника) полностью закрывали щеки, уши и шею воина (кроме горла).

Скорее всего шлем из Тобольского музея входил в состав комплекса вооружения татарских воинов Западной Сибири XVII в. Однако не стоит исключать, что это наголовье было подарено князьям Кульмаметьевым ойратскими тайшами. Вместе

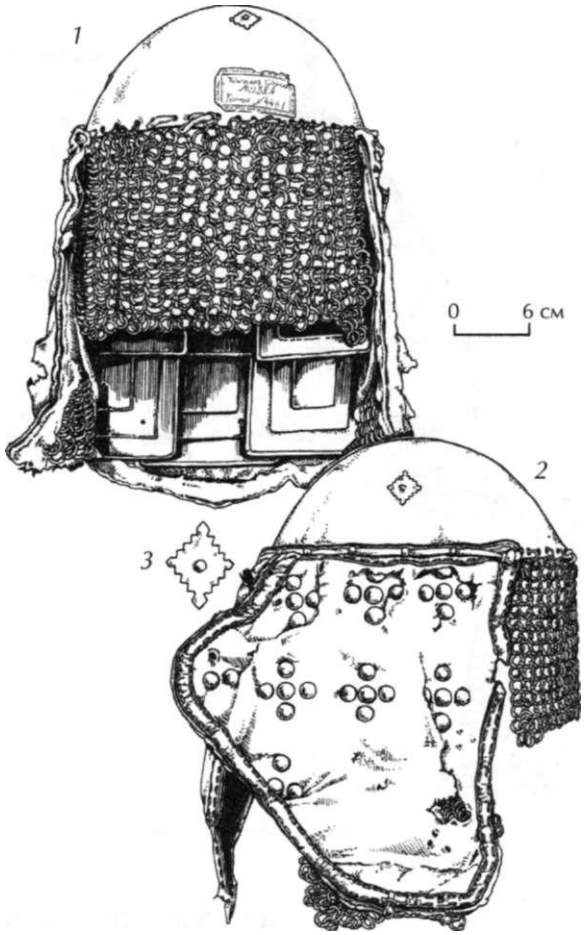

Рис. 180. Сибирский или иентральноазиатский цельнокованый полусферический шлем XVII в. с комбинированной бармицей (вид спереди и с правого бока). Хранится в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (кн. поступлений, № 4461, № 5420).

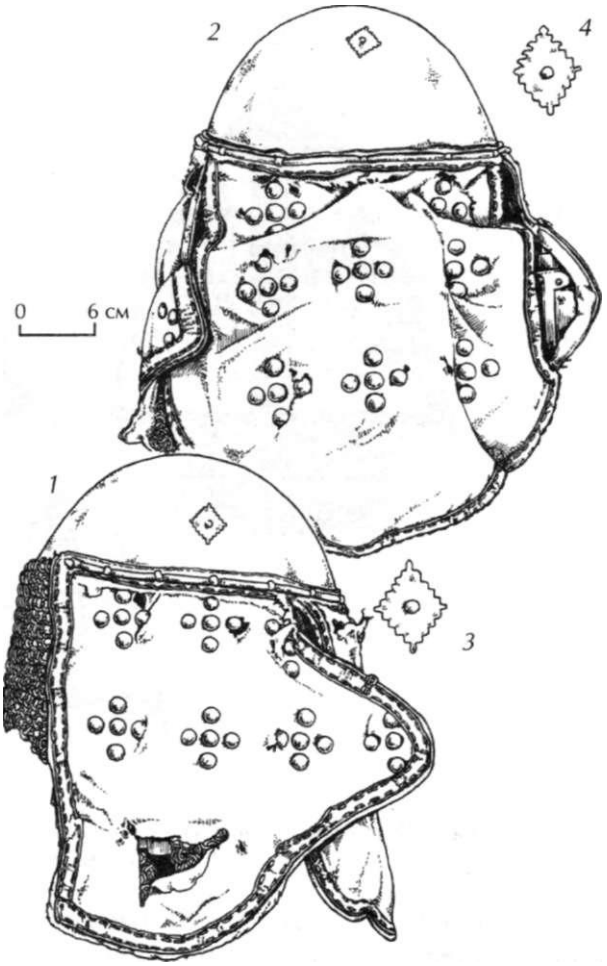

Рис. 181. Сибирский или центральноазиатский цельнокованый полусферический шлем с комбинированной (кольчатой и пластинчато-нашивной бармицей) (вид сзади и с левого бока).

с этим шлемом в Тобольский музей Кульмаметьевыми были переданы и два сфероцилиндрических ойратских шлема конца XVI — XVII в. На возможность использования полусферических цельнокованых шлемов с кольчужными бармицами, прикрывающими верхнюю часть лица, ойратскими воинами XVIII в. указывал П. С. Паллас: «Совершенное ополчение состоит из круглого шишака, от которого вокруг шеи до самых плеч, а спереди до бровей висит железная сетка» (Паллас, 1809, с. 478).

Тип **9.** Коническая цельнокованая тулья.

Вариант **1.** Конические цельнокованые шлемы с «коробчатым» козырьком, налобной пластиной, полусферическим навершием с втулкой.

Включает 1 экз. из Государственного Эрмитажа (инв.№ 2748) (рис. 182).

Высота — 28 см (в том числе втулка — 6 см), диаметр— 19 см, высота «коробчатого» козырька — 1,5 см, ширина — 1,2 см, длина козырька — 13 см, длина налобника — 12,8 см, высота налобной пластины — 3,5 см.

Цельнокованый купол шлема имеет необычную вытянутую форму. Спереди к нижнему краю тульи приклепана широкая налобная пластина, украшенная изображениями противостоящих драконов в зарослях. Изображения драконов покрывают и всю поверхность псевдообруча. «Коробчатый» козырек шлема сплошь покрыт замысловатым узором.

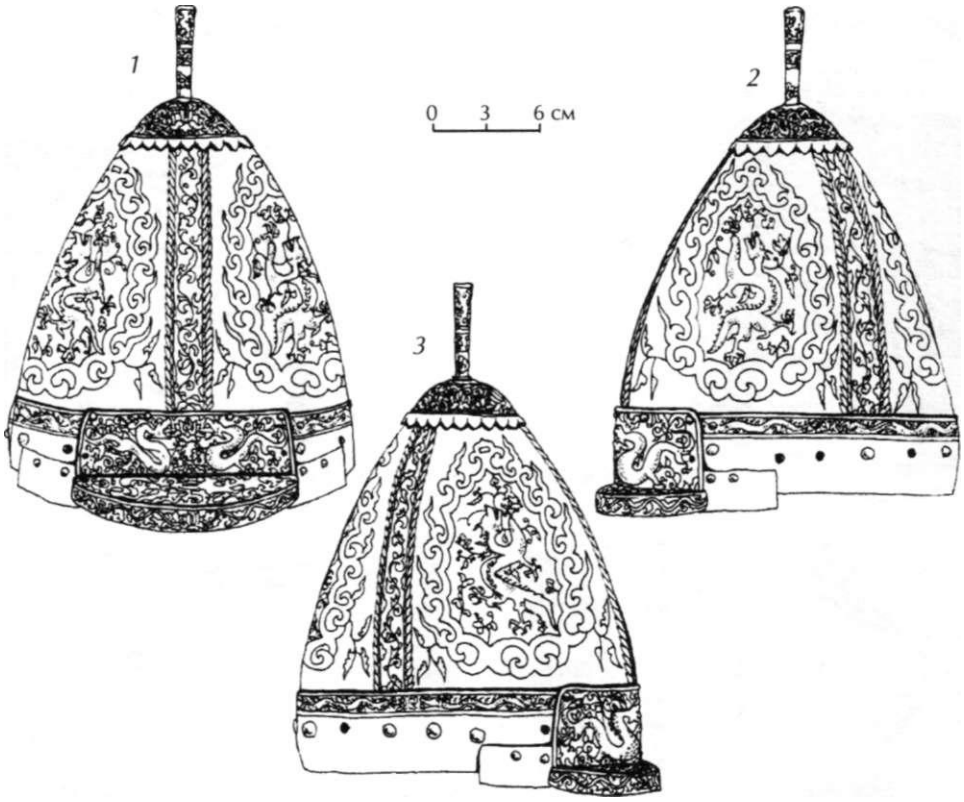

Рис. 182. иентральноазиатский (монгольский) конический цельнокованый шлем второй половины XVII — XVIII в. Хранится в фондах ГЭ (инв. № 2748).

Вороненый купол шлема разделен декоративными изображениями накладок (псевдонакладок) на четыре сектора, в каждый из которых вписаны изображения танцующих золотых драконов в «облаках и пламени», тела которых прорастают «побегами и цветами». Обращенные вверх головы драконов украшены рогами, растопыренные пальцы снабжены длинными когтями, вдоль хребта идет встопорщенный гребень. В нижней части картушей с обеих сторон кольца огня показаны растительные побеги в виде трех листьев, обращенных в разные стороны. Обрамленные зернистой каймой вертикальные полосы, делящие шлем на сектора, орнаментированы стилизованным изображением извивающейся виноградной лозы с отогнутыми листьями и побегами. Венчает наголовье полусферическое богато орнаментированное навершие с фестончатым краем с покрытой орнаментом и расширяющейся кверху втулкой для плюмажа. По нижней кромке шлема пробиты отверстия, в которые вставлены крупные полусферические заклепки, служившие для подвешивания многочастнои пластинчато-нашивной бармицы.

Высказанные исследователями XIX в. предположения о возможности датировки конического шлема с изображениями драконов XIII—XIV вв. и его обнаружения в Великом Сарае в Нижнем Поволжье не подкреплены какими-либо доказательствами (Эрмитаж, 1891, с. 363; Винклер, 1894. с. 303). По наличию таких конструктивных деталей, как цельнокованая коническая тулья, полусферическое навершие с втулкой для плюмажа и особенно «коробчатый» козырек, данный шлем, безусловно, может быть отнесен к числу монгольских позднесредневековых шлемов (Бобров, Худяков, 2003, с. 141). «Шелом, навоженный сусальным золотом», был подарен царю Алексею Михайловичу Цаган Тайджой вместе с дорогим куяком из черного бархата и наручами в 1667 г. (Бобров, Худяков, 2003, с. 141-142). Однако цельнокованая тулья не характерна для центральноазиатских шлемов XV-XVII вв. Вероятнее всего, данный шлем дол-

жен датироваться второй половиной XVII — XVIII в. (Бобров, Худяков, 2006, с. 39).

Тип 10. Цилиндроконическая цельнокованая тулья.

Вариант 1. Цилиндроконические цельнокованые шлемы с «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием.

Включает 1 экз. из Государственного Эрмитажа (инв. № 1274).

Высота шлема с навершием — 19,5 см (в том числе навершие — 4 см), диаметр — 19 см (рис. 184).

Шлем имеет необычную для Центральной Азии конструкцию купола; тулья шлема состоит из двух различных по форме элементов, один из которых выгнут в виде высокого обруча (высота — 7 см), а второй выполнен в форме воронки или шляпы маньчжурского типа с полями. Верхняя часть шлема снабжена по периметру декоративным обручиком, выполненным в виде узкой накладки, снабженной полусферическими выпуклостями.

Полусферическое навершие шлема украшено чеканенным золотом узором в виде переплетающихся растительных побегов, стилизованных листьев и завитков. Навершие окаймлено ободком, разделенным на мелкие дольки, и рядом заклепок. На его вершине располагается многолепестковая розетка с отверстием, в которое вставлялась втулка для плюмажа.

Спереди к тулье приклепан «коробчатый» козырек подтреугольной формы (длина — 11,5 см, ширина — 2,3 см, высота — 1,3 см). Он орнаментирован по всей поверхности растительными узорами в виде извивающихся побегов виноградной лозы (?).

На налобной части верхнего воронкообразного элемента тульи чеканено золотом изображение буддийского хранителя веры — докшита или, по другой трактовке, дхармапалы, с поднятым мечом в правой руке, в окружении языков пламени. Это изображение не просто подчеркивает принадлежность владельца шлема к ламаистской ветви буддизма, но и служит для него своего рода оберегом, внушая уверенность в своей неуязвимости под защитой хранителей праведного вероучения.

Вдоль нижнего края шлема пробиты ряды отверстий, в которые вставлены специальные заклепки, служившие для подвешивания пластинчато-нашивной бармицы.

Этот шлем был приобретен в Сибири неким Варрандом, вероятно, европейцем на российской службе, интересовавшимся древностями. В 1845 г. он был прислан коллекционером в Санкт-Петербург и оказался сначала в Царскосельском арсенале, а затем в Эрмитаже (Ленц, 1908, с. 154). Вероятнее всего, данный шлем принадлежал одному из монгольских князей или полководцев. Нижней границей его изготовления следует считать период утверждения и распространения ламаизма в Монголии. Цилиндроконическая форма тульи шлема сближает его с цинскими наголовьями XVII—XVIII вв., что позволяет установить верхнюю дату времени его создания (Бобров, Худяков, 2006, с. 39). Велика вероятность того, что шлем мог быть изготовлен уже после вхождения Монголии в состав Цинской империи.

Вариант 2. Цилиндроконические цельнокованые шлемы с трубкой-втулкой и «коробчатым» козырьком.

Включает 1 экз. из «Тибетской коллекции» музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (рис. 183).

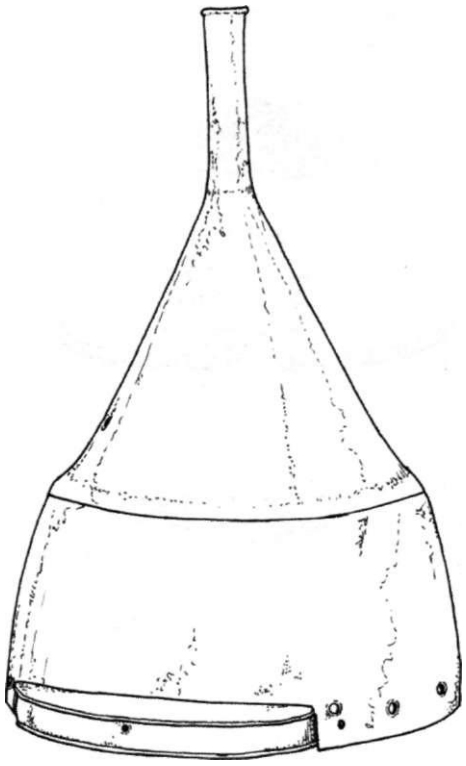

Рис. 183. Монгольский иилиндроконический цельнокованый шлем XVI—XVI11 вв. с трубкой-втулкой и «коробчатым» козырьком. Хранится в составе Тибетской коллекции музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Высота шлема — 29,8 см. Шлем имеет высокую цельнокованую тулью, выполненную из железа. Цилиндроконический силуэт наголовью придает горизонтальное ребро, делящее шлем на цилиндрическую (нижнюю) и коническую (верхнюю) части. Отличительной особенностью шлема является высокая расширяющаяся кверху трубка-втулка, составляющая с тульей единое целое. Спереди к шлему приклепан «коробчатый» козырек, состоящий из полукруглой горизонтальной пластины и узкой вертикальной пластины-налобника. Вдоль нижней кромки шлема пробиты 13 отверстий для крепления бармицы. Судя по их числу и системе расположения, бармица имела пластинчато-нашивную структуру бронирования.

Шлем может быть уверенно отнесен к числу боевых наголовий. На его поверхности фиксируются следы от ударов холодным оружием.

Несмотря на внешнюю схожесть шлема с цилиндроконическими наголовьями Цинской империи и отчасти Передней и Средней Азии, он является оригинальным произведением центральноазиатских мастеров периода позднего Средневековья и Нового времени. В отличие от большинства маньчжурских наголовий, данный экземпляр выкован не из двух, а из одной пластины (как и его передне- и среднеазиатские цилиндроконические аналоги), имеет втулку, составляющую единое целое с тульей, а также иной силуэт (у цинских шлемов цилиндрическая часть тульи обычно гораздо ниже). При этом рассматриваемый шлем отличается и от среднеазиатских образцов той же широкой цилиндрической частью, наличием «коробчатого» козырька и массивной втулкой. Скорее всего шлем был изготовлен в Тибете или в Монголии (а затем завезен в Тибет). Образцом для мастера послужили цилиндроконические среднеазиатские или маньчжурские шлемы, но оружейник существенно усовершенствовал изначальную конструкцию, дополнив ее характерными для Центральной Азии элементами оформления. Шлем может быть связан с халхаской, южномонгольской или ойратской военно-культурной традицией и датирован XVI-XVIII вв.

В результате систематизации материала нами выделены: один класс, три отдела, одна группа, 9 типов, дополненных 38 вариантами.

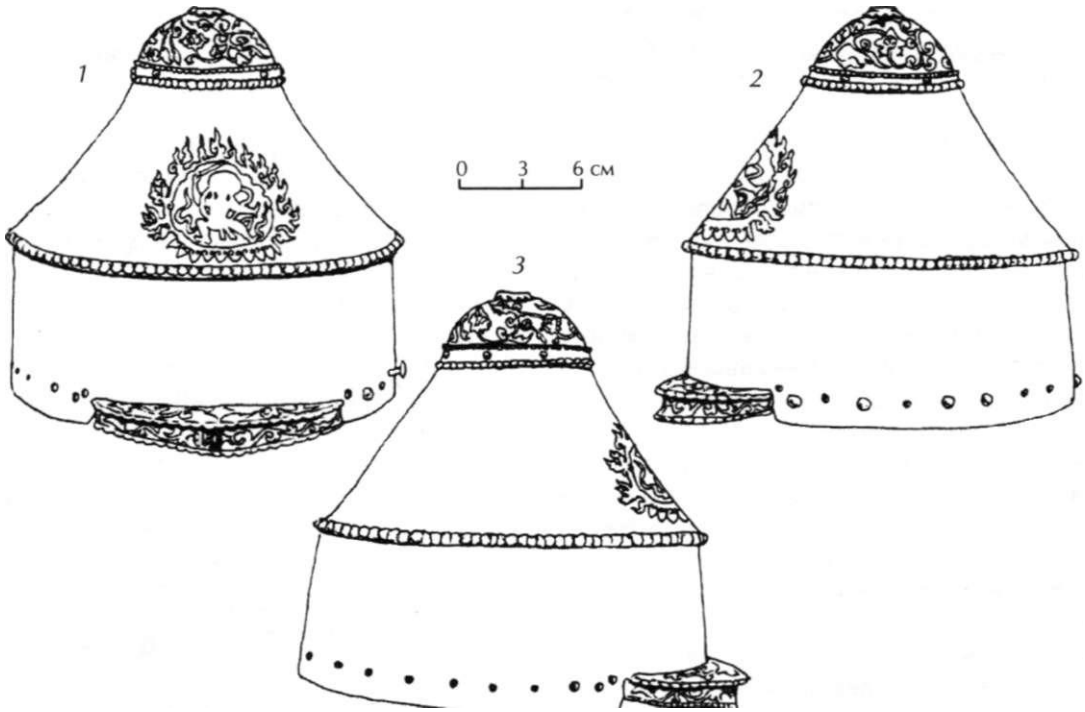

Рис. 184. Монгольский цилиндроконический цельнокованый шлем XVII-XVIII вв. с «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием. Включает 1 экз. из ГЭ (инв. № 1274).

Широкое использование шлемов из железа фиксируется в Передней Азии и Закавказье с VIII в. до н. э., в Китае — с III в. до н. э. На Алтае появление железных наголовий совпадает с эпохой Великого переселения народов, около III в. н. э. (Горбунов, 2003, с. 69).

Шлемы с ременным соединением известны по материалам Ближнего Востока, Малой Азии и Эгеиды 2-й половины II — 1-й половины I тыс. до н. э. В Китае подобные наголовья, изготовленные из пластин твердой толстой кожи, прослеживаются на материалах археологических раскопок с V в. до н. э. С III в. до н. э. их начинают делать из железа. В нашей классификации шлемы с ременным соединением представлены узкопластинчатыми наголовьями.

Шлемы, купол которых набирался из узких вертикальных пластин, образующих один горизонтальный ряд (отдел I), впервые встречаются у гиксосов в XV в. до. н. э. (Горелик, 1993, табл. LX-29-31). Впоследствии они фиксируются у финикийцев и «народов моря» (там же, табл. LX-39, 42). На востоке Азии такие шлемы применяли сяньби Н-Ш вв. н. э. (Бобров, Худяков, 2005, с. 135-136) и, возможно, хунны II—I вв. до н. э. (Горбунов, 2003, с. 70). Широкое распространение узкопластинчатые шлемы с ременным соединением получили в сяньбийских государствах Северного Китая IV-VI вв. Вероятно, именно тюрки племени Ашина познакомили кочевников Центральной Азии с подобными наголовьями. В эпоху раннего Средневековья шлемы отдела I применяли тюрки и авары (там же, с. 67, 70). В развитое Средневековье узкопластинчатые наголовья использовались жителями китайских государств и центральноазиатскими кочевниками. Особенно активно применяли их племена чжурчжэней XI—XII вв. (Бобров, Худяков, 2003, с. 108-111). Судя по материалам средневековой иконографии, узкопластинчатые шлемы с ременным соединением использовались и монгольскими воинами государств Чингизидов (Горелик, 2002, с. 71, рис. 3-4). Похожие наголовья вплоть до Этнографического времени применялись жителями Северо-Восточной Азии (Горбунов, 2003, с. 70).

В эпоху позднего Средневековья шлемы из узких пластин с ременным соединением фиксируются на центральноазиатском и дальневосточном материале(рис. 185,4; 196,*4)*. В Центральной Азии шлемы отдела I представлены двумя типами.

Сфероконическая форма наголовий для узкопластинчатых шлемов с ременным соединением (тип 1) являлась классической начиная с сяньбийской эпохи. Рассмотренный нами центральноазиатский шлем этого типа (рис. 185, *4),* предположительно датируемый XV-XVI вв., продолжает линию развития узкопластинчатых наголовий раннего и развитого Средневековья и является результатом эволюции монгольских узкопластинчатых шлемов с полусферическим навершием XIII—XIV вв. (Горелик, 2002, с. 71, рис. 3-4; с. 76, рис. 22, 24). Однако он содержит ряд нововведений, присущих исключительно позднесредневековой эпохе. Традиционная наборная тулья составлена из оригинальных резных пластин с ребрами жесткости, дополнена «коробчатым» козырьком с вырезным краем и полусферическим навершием с традиционной позднесредневековой трубкой-втулкой с тремя шаровидными расширениями в нижней, средней и верхней части. Данный тип узкопластинчатого наголовья является высшей ступенью развития подобных шлемов. Дальнейшее развитие оружейных технологий привело к постепенному исчезновению узкопластинчатых шлемов, которые были заменены более практичными и менее трудоемкими в изготовлении клепаными шлемами. Узкопластинчатые шлемы с ременным соединением были вытеснены на окраины азиатского мира, где и продолжали бытовать вплоть до Этнографического времени (Бобров, Худяков, 2003, с. 154).

Сфероконические шлемы с ременным соединением, связанные из широких пластин-сегментов (тип 2), представлены в основном наголовьями позднесредневекового Центрального Тибета. Тибетские шлемы этого периода обычно составлены из 4-6 пластин, с широкими двузубчатыми накладками, дополнены ярусными навершиями, ламеллярными обручами и бармицами. Генезис шлемов подобного типа связан с Северным Китаем и Центральной Азией.

Традиция использования ламеллярных обручей также берет свое начало в Северном Китае VI в. и также связана с позднесяньбийской военно-культурной средой (Бобров, Худяков, 2005, с. 185, рис. 19, *16)* (рис. 166). В VII в. ламеллярными обручами снабжались некоторые типы восточнотуркестанских шлемов (Горелик, 1995, с. 420, табл. 54, рис. 14). Наголовья с ламеллярными обручами, к которым подвешивались ламеллярные бармицы,

были известны китайцам времен династий Сун (Бобров, Худяков, 2003, с. 173, табл. 4, рис. 11-12) и Мин (рис. 166,*5)*. Шлемы с ламеллярными обручами использовались монголами XIII — начала XIV в. Это подтверждается как иконографическими материалами (Горелик, 1987, с. 10, 28), так и археологическими находками (Горелик, 2002, с. 80, рис. 1). Примечательно, что наиболее близкий к тибетским наголовьям шлем, снабженный ламеллярный обручем, имеющий низкую сфероконическую (близкую к сферической) форму тульи, набранную из пластин-сегментов, стыки которых прикрыты резными накладками с ребром жесткости, происходит из «монгольского» (золотоордынского) погребения, датированного второй половиной XIII в. (рис. 166, *4)*. Найденные в этом погребении ламел-

Рис. 185. Сфероконические тибетские и монгольские шлемы XV-XVIII вв. с ременным *(1-2, 4-5)* и клепаным *(3)* соединением пластин тульи:

1 — тибетский шлем XVI-XVIII вв.; *2* — шлем XVI-XVIII вв.; *3* — иентральноазиатский шлем XV-XVII вв.; *4* — иентральноазиатский шлем XV-XVI вв.; 5 — шлем XVI-XVIII вв.

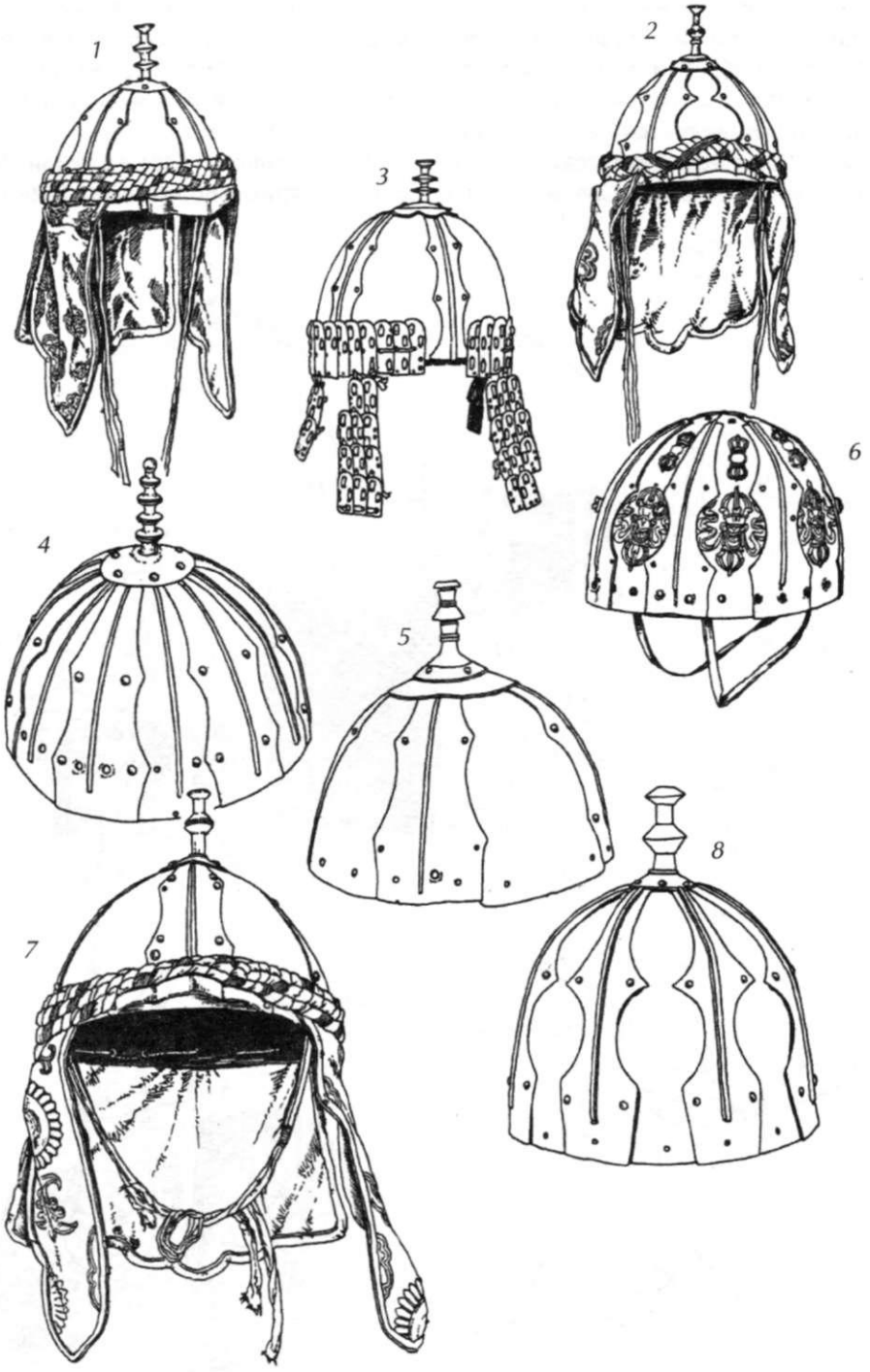

Рис. 186. Тибетские и «бутанские» *(1-2, 7)* шлемы XVI-XVIII вв. с клепаной тульей:

1-2, 7— «бутанские» шлемы XVI-XVIII вв.; *3* — «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв.; 4 — «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв.; 5 — «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв.; 6 — кожаный шлем XV-XVII вв.; *8* — «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв.

лярные пластины имеют точные аналогии среди пластин тибетских ламеллярных бармиц и панцирей XV-XVII вв. Таким образом, эволюция тибетских шлемов с ламеллярными обручами и широкими резными накладками является региональным вариантом эволюции центральноазиатских наголовий периода развитого и позднего Средневековья (рис. 166). Отличительной чертой тибетских шлемов являются ярусные втулки наверший, имеющие одно-два (рис. 165, *1-2, 4)* и более (рис. 165, *3)* уплощенных линзовидных расширений в центральной и верхней части.

Характерно, что если в самой Монголии шлемы с ламеллярными обручами стали выходить из ши-

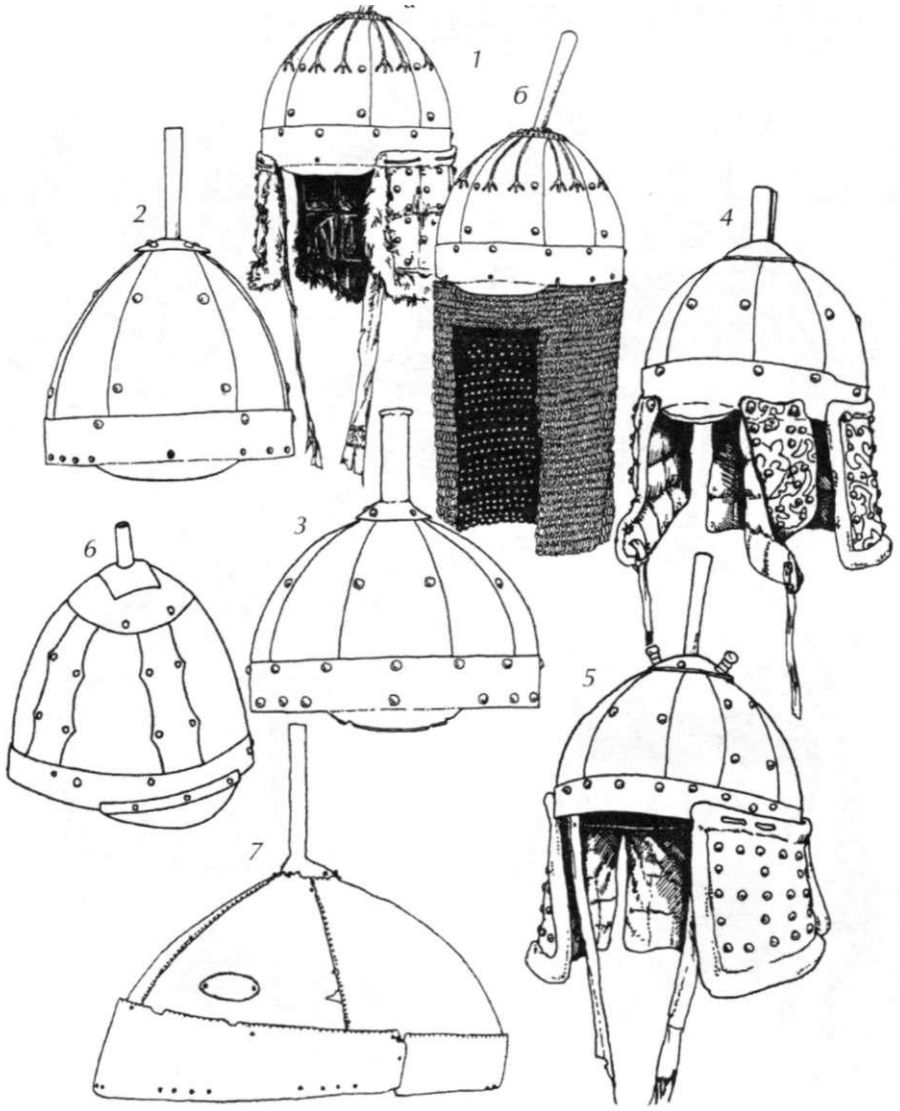

Рис. 187. Клепаные сфероконические шлемы воинов Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени: ойратские XVII в. (*1–5*), джунгарский XVII–XVIII вв. (*6*), алтайский XVI–XVIII вв. (*7*).

рокого употребления в период позднего Средневековья, то в Тибете они продолжали использоваться вплоть до Этнографического времени.

Шлемы из широких пластин-секторов (сегментов) с клепаным соединением (отдел II) были известны на Ближнем Востоке и в Закавказье еще в VIII в., однако широкого распространения они вплоть до I в. до н. э. не получили. Только на рубеже тысячелетий железные клепаные шлемы начинают использоваться парфянами и сарматами, а затем римлянами, германцами и гуннами. Начиная с эпохи раннего Средневековья шлемы с клепаным соединением становятся абсолютно преобладающим видом боевых наголовий на территории всей Евразии, пока в се-

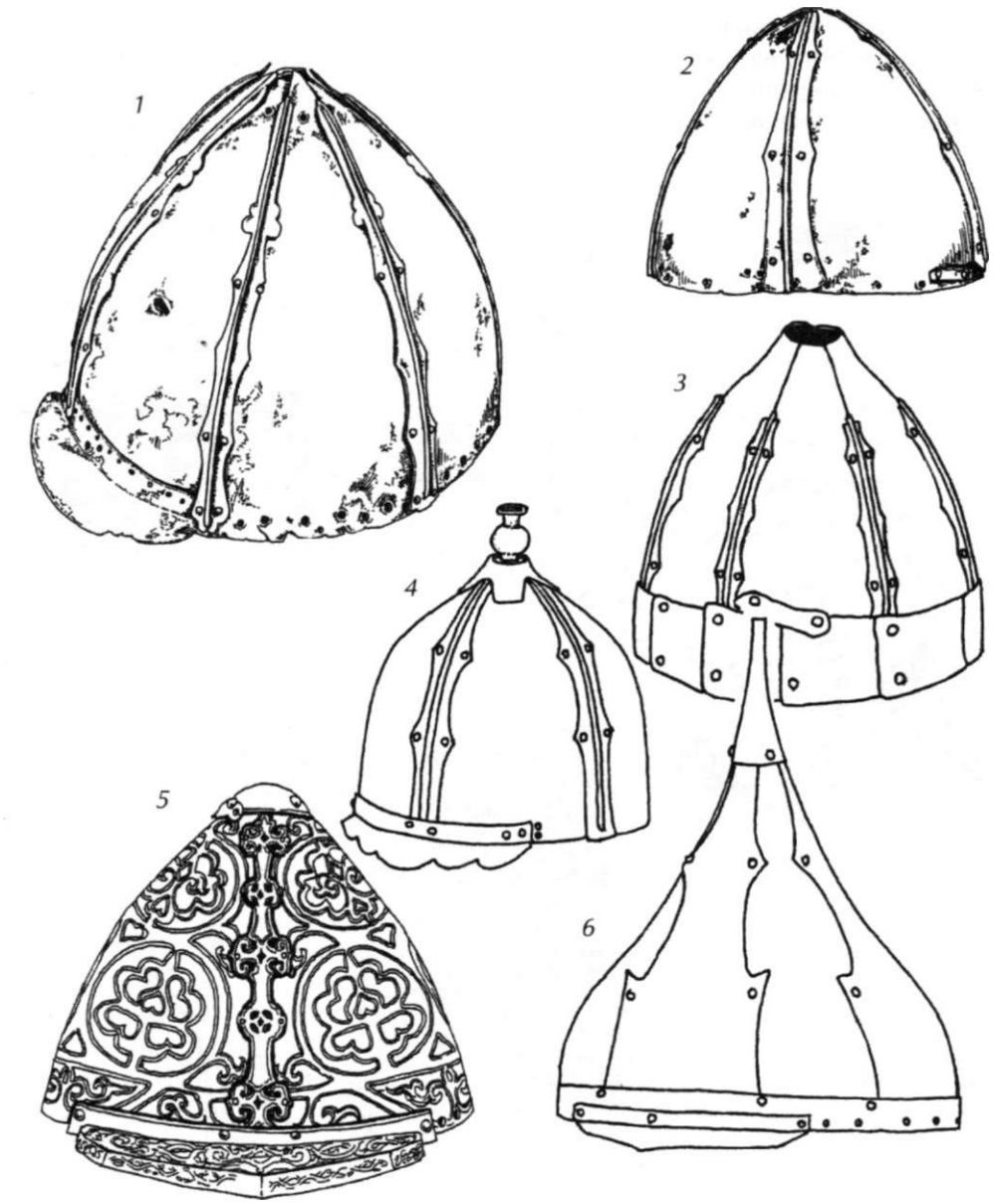

Рис. 188. Клепаные сфероконические шлемы кочевников Южной Сибири и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени. Из Минусинской котловины (7-2), Тувы *(3-4),* Сибири (5), Бурятии (6).

редине II тысячелетия они не были потеснены своими цельнокованными аналогами в Европе и Малой, Передней, отчасти Средней Азии (однако в Центральной Азии клепаные шлемы преобладали вплоть до XIX в.).

В нашей классификации клепаные шлемы представлены четырьмя основными типами в зависимости от формы тульи: сфероконические, полусферические, конические и сфероцилиндрические.

Сфероконические шлемы на протяжении всей эпохи Средневековья оставались самым популярным типом боевых наголовий номадов Центральной Азии. В раннем Средневековье их использовали сяньбийцы северокитайских государств IV-VI вв. (Бобров, Худяков, 2005, с. 139-142), тюрки Алтая, уйгуры, в развитом — кидани и монголы (Горбунов, 2003, с. 72).

Шлемы со сфероконическим куполом представлены значительным количеством вариантов. Судя по позднесредневековым материалам, в этот период были выработаны основные варианты стандартных унифицированных конструкций сфероконических шлемов. Стандартизация форм и системы крепления шлемов позволила начать их массовый выпуск. Все известные позднесредневековые сфероконические шлемы типологически очень близки.

Рис. 189. Клепаные сфероконические шлемы кочевников Южной Сибири и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени. Из старых оружейных коллекиий (7), из числа подарков ойратских феодалов русским правителям XVII в. *(2-4),* из Западной Сибири *(5).*

Основные различия наголовий кроются в объеме купола шлема, наличии (отсутствии) дополнительных усилителей и системе оформления декоративных элементов козырьков, накладок и наверший. Тулья позднесредневековых сфероконических шлемов обычно клепалась из 4-8 (реже 2-3) пластин-секторов, стянутых обручем и плоским или полусферическим навершием с трубкой-втулкой для плюмажа. Стыки пластин иногда прикрывались специальными накладками, обычно с ребрами жесткости и вырезным (реже прямым) краем. Шлемы снабжались «коробчатыми» или простыми козырьками, клепаными или выгнутыми из лицевой части обруча. Изредка обруч выполнялся из ламеллярных или крупных прямоугольных клепаных пластин. Сфероконические шлемы XIV-XVI вв. по старой китайско-чжурчжэньской традиции могли снабжаться ламеллярными полями. Шлемы знати отличались от шлемов простых воинов не столько конструкцией, сколько качеством отделки и декоративным оформлением элементов шлема.

В целом «центральноазиатские» клепаные сфероконические шлемы продолжали линию развития сфероконических наголовий раннего и развитого Средневековья. В XV-XVIII вв. на смену изящным сфероконическим наголовьям XIII—XIV вв. со сложной конструкцией купола, надбровными вырезами и налобниками (Горбунов, 2003, с. 157, рис. 46-47) пришли более простые и практичные шлемы с клепаной сегментной тульей и козырьками, прикрывавшими лицо от секущих сабельных ударов. Высокие боевые характеристики и относительная простота изготовления подобных шлемов обусловили длительность их бытования в Центральной Азии.

Полусферические наголовья с клепаной тульей получили широкое распространение среди сяньбийцев Северного Китая в IV-VI вв. (Бобров, Худяков, 2005, с. 185, рис. 19,*32,33,35-39),* а затем и древних тюрков Алтая в V-VI вв. н. э. (Горбунов, 2003, с. 73). С этого времени они становятся одним из самых популярных типов боевых наголовий китайских государств. В это же время в Центральной Азии полусферические наголовья на протяжении всего Средневековья численно сильно уступали своим сфероконическим аналогам. Средневековые переднеазиатские миниатюры, изображающие воинов армий Чингизидов XIII—XIV вв., фиксируют сотни изображений сфероконических клепаных шлемов, в то время как их полусферические аналоги встречаются лишь на нескольких изображениях (Gorelik, 1979, fig. 40). В позднее Средневековье популярность полусферических наголовий значительно возрастает (рис. 189). В нашей классификации шлемы с полусферическим куполом представлены тремя вариантами. Вероятно, рост популярности полусферических шлемов связан с процессом упрощения конструкции боевых наголовий, принесенной в жертву массовому унифицированному производству. Конструкция пластин тульи и обруча с козырьком у позднесредневековых центральноазиатских полусферических шлемов практически в точности копирует конструкцию этих элементов, фиксируемых на сфероконических шлемах. Основное отличие от сфероконических аналогов часто заключается лишь в отсутствии трубки-втулки навершия, придающей наголовьям сфероконический силуэт.

Клепаные шлемы конической формы — редкая разновидность боевых наголовий кочевников Евразии. Они известны по материалам мусульманских государств Передней Азии и кочевников Восточной Европы VII—IX вв. Возможно, подобные шлемы применялись и жителями средневекового Алтая (Горбунов, 2003, с. 74, 158, рис. 7, 5). В нашей классификации клепаный конический шлем представлен одним вариантом. Наголовье снабжено боковыми петлями для подбородочного ремня и воронкообразным коническим навершием.

Сфероцилиндрические шлемы, представленные в нашей классификации пятью основными вариантами, не фиксируются по археологическим, иконографическим и письменным материалам раннего и развитого Средневековья. Время их появления следует связывать с эпохой позднего Средневековья и Нового времени (XVI — первая половина XVIII в.), а в этническом плане — с западномонгольской культурной средой. Такие наголовья находились на вооружении джунгарской знати XVI — начала XVIII в. (Бобров, Худяков, 2003, с. 144). Генезис сфероцилиндрических шлемов связан с эволюцией центральноазиатских (монгольских) сфероконических шлемов с высокой (вытянутой) сфероконической тульей (Robinson, 1969,fig. 16). Верхняя часть таких шлемов увеличивалась пропорционально с увеличением общего внутреннего объема тульи, позволявшей более успешно амортизировать удар по боевому наголовью. Первые изображения шле-

мов с низкой, близкой к сфероцилиндрической формой купола фиксируются на ширазских миниатюрах 30-40-х гг. XIV в. (Горелик, 2002, с. 76, рис. 33). В эпоху позднего Средневековья в Западной Монголии этот процесс привел к появлению сверхвысокой цилиндрической тульи, ставшей декоративным отличительным элементом шлемов джунгарских феодалов (рис. 190, 191, 192).

Цельнокованые шлемы (отдел III) в нашей классификации представлены сфероконическими (тип 6), коническими и цилиндроконическими (тип 7) боевыми наголовьями.

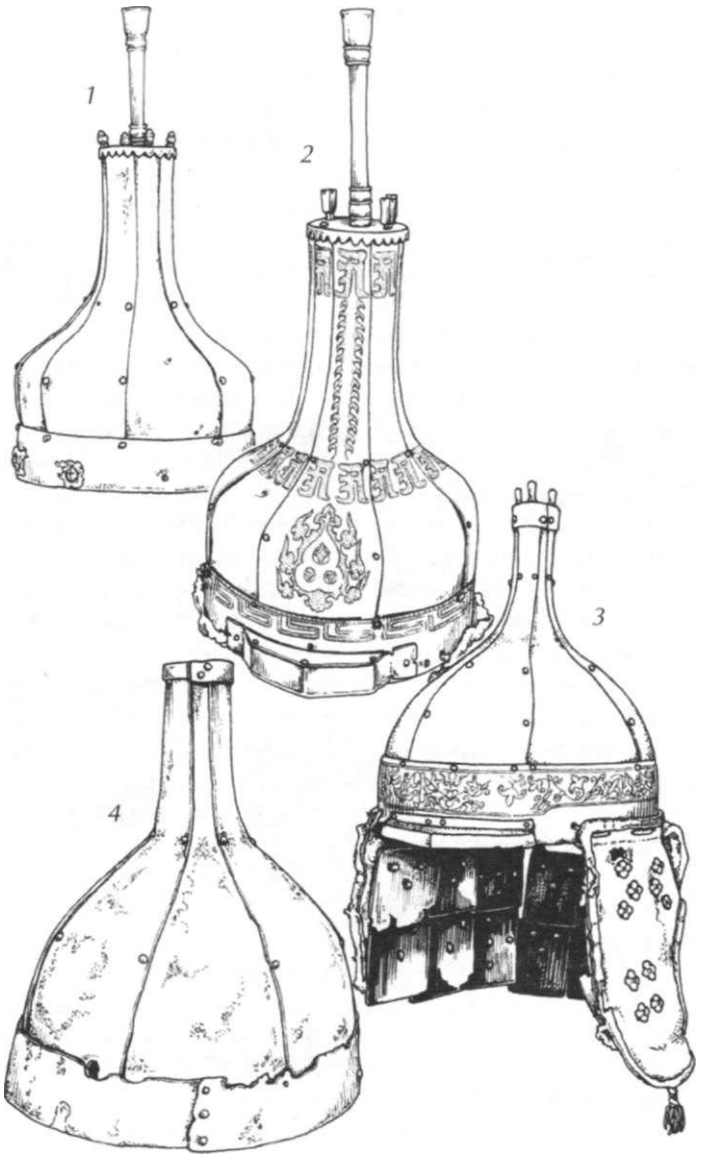

Рис. 190. Сфероцилиндрические западномонгольские (ойратские) шлемы XVI-XVIII вв.:

1 — шлем конца XVI — начала XVIII в. (музей Метрополитен (США)); *2-3* — шлемы конца XVI — начала XVIII в. (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник); *4* — шлем конца XVI — начала XVIII в. (происходит с территории Казахстана).

Цельнокованые сфероконические шлемы не характерны для средневековых кочевников Центральной Азии. Сяньбийцы Северного Китая V-VI вв., китайцы эпохи династии Суй и начала Тан использовали наголовья, изготовленные из одного куска металла или (что более вероятно) толстой твердой кожи, но все они имели полусферическую форму купола (Бобров, Худяков, 2005, с. 185, рис. 19, *44-51).* Исследовавший тюркские шлемы Алтая В. В. Горбунов также не зафиксировал цельнокованые наголовья на вооружении раннесредневековых кочевников Центральной Азии (Горбунов, 2003,

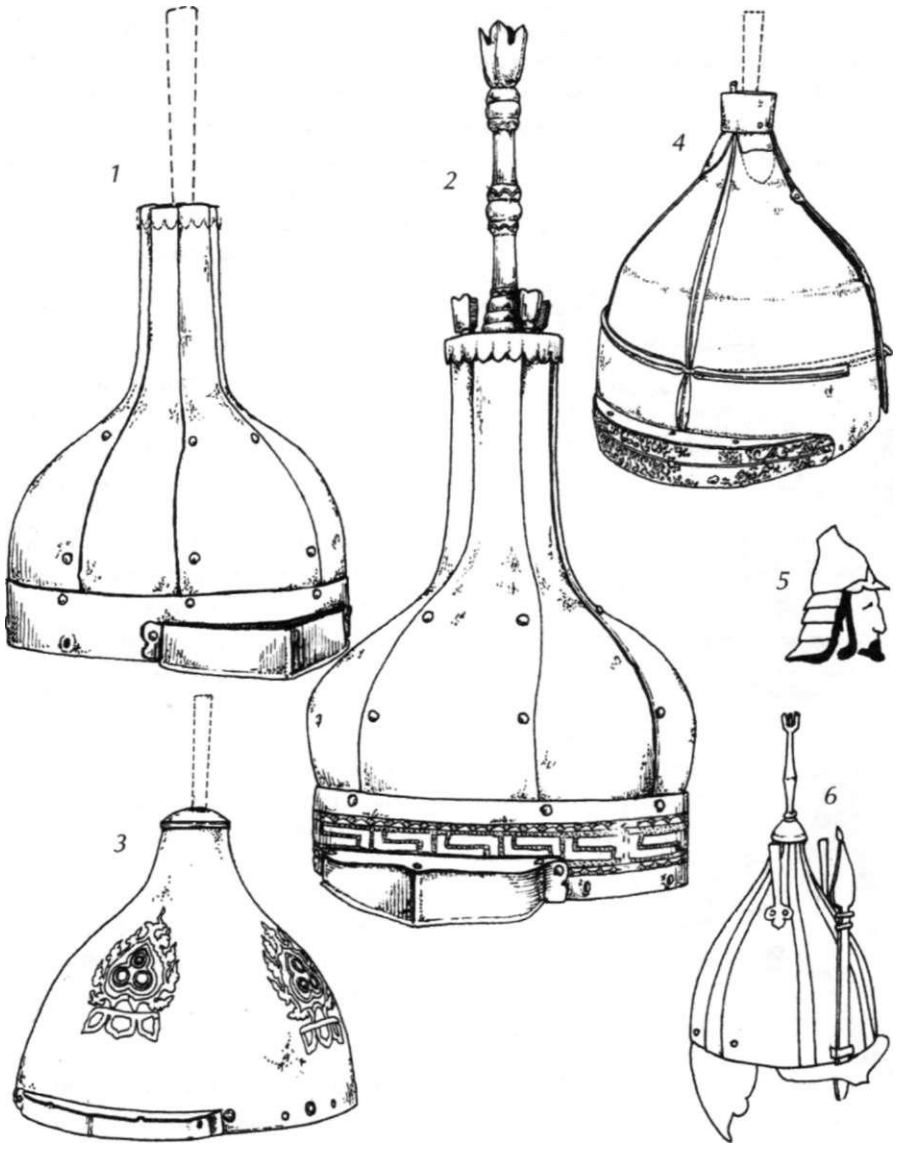

Рис. 191. Сфероцилиндрические западномонгольские (ойратские) шлемы XVI-XVII вв. *(1-2),* их прототипы и дериваты из Тибета *(3)* и Волжской Калмыкии *(4),* Ирана (5), Передней или Центральной Азии (6).

1 — шлем конца XVI — XVII в.; *2* — шлем конца XVI — XVII в.; *3* — ойратский (?) сфероконический цельнокованый шлем XVI1-XVI11 вв.; *4* — иентральноазиатский (калмыцкий?) шлем XVII—XVI11 вв.; *5*— с ширазской миниатюры 30-40-х гг. XIV в.; 6— центрально- или переднеазиатский шлем XIV-XV вв.

65-74). Единичные изображения высоких цельнокованых шлемов со сфероконической формой купола происходят из храмового зала № 11 Безеклыка (Восточный Туркестан) конца VII — начала VIII в. и XI в. (Горелик, 1995, с. 420, табл. 54, рис. 7, *22,29).* Низкие цельнокованые шлемы с налобными пластинами получили широкое распространение в Цзиньском Китае во второй половине XII — начале XIII в. Их массовое производство на территории государства Айсинь Гурунь было обусловлено высоким уровнем развития металлургии у чжурчжэней (Бобров, Худяков, 2003, с. 111-114). Подобные

Рис. 192. Центральноазиатские конические (7) и цилиндроконические *(2-3)* шлемы XVI-XVIII вв., восточноевропейская «шапка бумажная» *(4),* «наследники» центральноазиатских «мягких» шлемов — шапки «юудэн» и «буряяд молгай» (5-6), изображения монгольских плюмажей периода позднего Средневековья *(7-8).*

шлемы использовали в XVI-XVII вв. и потомки чжурчжэней — маньчжуры (Бобров, Худяков, 2003, с. 153-154), а также китайцы Минской империи (рис. 60,*10).* В монгольскую эпоху изображения и находки цельнокованых шлемов номадов встречаются чаще, но практически все они происходят с территорий Восточной Европы и Передней Азии (Горелик, 2002, с. 69, рис. 1, 3, 5, 8-9, 12; с. 71, рис. 1,5,7,9, 12, 15-16; с. 75, рис. 8-9, 11-23, 27; с. 76, рис. 12, 33-34, 47; с. 77, рис. 1-13). Проникновение традиции изготовления цельнокованых наголовий из Европы и Передней Азии в Среднюю и особенно в Центральную Азию шло достаточно медленно. Судя по материалам среднеазиатской иконографии и шлемам из старых оружейных коллекций, несмотря на рост числа цельнокованых шлемов, вплоть до середины XVII в. в Бухаре, Самарканде и Кашгарии преобладали клепаные наголовья (Бобров, Худяков, 2002, с. 132).

В «Описи Оружейной палаты» 1687 г. наряду с 85 «сшивными», т. е. клепаными, «калмыцкими», шишаками упоминается «один шишак целной кованой, задка и наушника и трубки нет, цена по десять алтын» (Опись..., 1884, с. 38). К сожалению, нам не удалось установить, был этот шлем изготовлен степными мастерами или оружейниками оседлых земледельческих государств. Генезис дошедших до нас позднесредневековых центральноазиатских шлемов с цельнокованой сфероконической тульей связан с влиянием военно-культурных традиций мусульманского мира и государств Дальнего Востока. Цельнокованый сфероконический шлем из Восточного Казахстана (рис. 179) имеет низкую тулью, которая сближает его с позднесредневековыми среднеазиатскими, в частности кашгарскими, наголовьями XVI-XVII вв. (рис. 197, /). На центральноазиатское происхождение шлема указывает «коробчатый» козырек, склепанный из двух железных пластин подтреугольной формы.

Конические цельнокованые наголовья представлены одним шлемом из ГЭ (рис. 182). Шлем имеет высокую тулью, украшенную золотой насечкой, козырек и полусферическое навершие с втулкой для плюмажа. Вероятно, единственная, но практически точная аналогия шлема из ГЭ изображена на тебризской миниатюре 30-х гг. XIV в. (Горелик, 2002, с. 76, рис. 47). Прототип позднесредневекового монгольского наголовья лишен длинной втулки и имеет простой одночастный козырек, в остальных

деталях он соответствует шлему из ГЭ. Таким образом, генезис позднесредневековых конических наголовий (как и их сфероконических аналогов) можно связать с эволюцией чигизидских шлемов эпохи развитого Средневековья на территории Передней Азии в первой половине XIV в.

Цилиндроконические шлемы с масками-личинами были известны кочевникам Восточной Европы еще в XIII-XIV вв. (Горелик, 2002, с. 78). Однако происхождение монгольских цилиндроконических шлемов, вероятно, связано не с восточноевропейской или мусульманской, а с дальневосточной оружейной традицией. Появление цилиндроконических шлемов в позднесредневековой Маньчжурии являлось результатом эволюции высоких и объемных сфероконических наголовий. В конце XVI — начале XVII в. эти шлемы получили две дополнительные грани, превратившие сфероконический купол в ступенчатый. Такая конструкция оказалась, вероятно, слишком сложной для массового производства. В XVII в. одна из граней исчезла и наголовье приобрело характерную цилиндроконическую форму. Цилиндроконические шлемы стали самым распространенным типом боевых наголовий Цинской империи вплоть до второй половины XIX в. (Бобров, Худяков, 2003, с. 157-164) (рис. 196,*12, 13, 15, 16, 18, 20-21).* Вероятно, цилиндроконический шлем из ГЭ (рис. 184) был изготовлен не маньчжурскими, а центральноазиатскими оружейниками. На это указывают характерное оформление козырька и оригинальная форма воронкообразной тульи. Таким образом, речь идет о заимствовании идеи конструкции шлема, а не о слепом подражании дальневосточным образцам.

Судя по серебряной насечке на шлеме из Восточного Казахстана, позолоченным накладкам и золотой насечке шлемов из ГЭ, все они входили в состав комплекса вооружения центральноазиатской феодальной знати. По количеству известных цельнокованых наголовий и особенностям их оформления можно предположить, что в эпоху позднего Средневековья они не получили сколько-нибудь широкого распространения среди номадов Центральной Азии и находились на вооружении представителей высшей феодальной аристократии.

Центральноазиатские боевые наголовья достаточно своеобразны и в большинстве своем значительно отличаются от синхронных им среднеазиатских и маньчжурских шлемов (Бобров, Худяков, 2002, с. 127-133; Бобров, Худяков, 2003, с. 153-164). Характерными чертами шлемов центральноазиатских кочевников можно считать сфероконический или полусферический купол, склепанный из 2-8 пластин, стыки которых прикрыты накладками с вырезным краем, небольшие плоские или «коробчатые» козырьки подтреугольной или полукруглой формы, полусферические навершия с расширяющейся трубкой-втулкой для плюмажа. Позднесредневековые сфероконические (узкопластинчатые с ременным соединением и клепаные) шлемы являются результатом эволюции наголовий эпохи раннего и развитого Средневековья. Распространение в Монголии XVII-XVIII вв. цельнокованых сфероконических наголовий мы связываем с влиянием Средней Азии, а их цилиндроконических аналогов — с военно-культурной традицией Дальнего Востока. Исключительно монгольской (видимо, ойратской) формой позднесредневековых боевых наголовий можно считать шлемы со сфероцилиндрической тульей.

Бармицы

Важным элементом защиты головы и шеи воина являются бармицы. Покрой и структура бронирования бармицы, как правило, не зависят от типа шлема, поэтому мы рассматриваем их отдельно от боевых наголовий.

Согласно данным «Описей» российских военных арсеналов XVII-XIX вв. и музеев XIX — начала XX в., большая часть центральноазиатских шлемов, поступавших к ним на хранение, были снабжены бармицами различных типов. Так, северомонгольский Алтын-хан прислал в подарок царю Михаилу Федоровичу среди прочих предметов вооружения «шапочку железную Калмыцкую гладкая з долами, наверху трубочка, у шапки наушки дощатые, железные, пробиваны гвоздем (заклепками. — *Авт.),* подложены ирхою покрыты камкою...» (Опись..., 1884, с. 39). В 1655 г. кузнецкий воевода Баскаков, ссылаясь на царский указ «посылать ис Кузнецкого острогу к тебе ко государю... к Москве шапки железные, которые шапки емлютца в твой государев ясак», отправил в государеву казну «тринадцать шапок железных простых на сукна не набиваны, да 260 шапочных полиц (пластин. — *Авт.),* да 390 гвоздья железных (заклепок. — *Авт.),* чем набивают на ушки шапочные полицы» (Токарев,

1936, с. 122). Согласно «Описи» 1687 г., в Оружейной палате хранились: «Восемьдесят шесть шишаков колмыцких, сшивных, наушники белого железа обложены сверху бархатом червчатым и зеленым и черным» (Опись..., 1884, с. 38). По словам смотрителей, «уши и затылки этих шапок и шишаков обшивались цветным сукном или бархатом; в трубки вставлялись прапорцы из разноцветной тафты, расписанные по золоту красками». По мнению авторов «Описи» 1884 г., органическую основу бармиц центральноазиатских шлемов «уничтожил пожар 1737 г., в котором эти шишаки обгорели...» (там же, с. 39). В ходе реставрации материалов ОПМК к центральноазиатским шлемам были подвешены кольчатые бармицы от переднеазиатских и индийских наголовий XVII-XIX вв.

Восстановить первичный облик центральноазиатских шлемов с бармицами представляется возможным на основании анализа сохранившихся позднесредневековых бармиц из старых оружейных коллекций, иконографических материалов XV-XIX вв., письменных свидетельств послов и путешественников XVII—XVIII вв.

Среди материалов старых оружейных коллекций нами выделено 11 бармиц XVI-XVIII вв. Изображения шлемов с бармицами зафиксированы у 25 воинов.

По структуре бронирования представляется возможным выделить пять основных типов позднесредневековых бармиц: ламеллярные, ламинарные, пластинчато-нашивные, кольчатые и из мягких органических материалов.

Ламеллярные бармицы из железных пластинок, соединенных кожаными ремешками, широко употреблялись сяньбийскими кочевниками П-Ш вв. н. э. и воинами сяньбийских государств Северного Китая IV-VI вв. (Бобров, Худяков, 2005, с. 176, рис. 11, 12, 14; с. 177, рис. 12, *1,3;* с. 180, рис. 15, *4, 7, 14;* с. 185, рис. 19, *6-7, 13-14, 17-18, 19, 24, 41,44).* В эпоху раннего Средневековья ламеллярные бармицы, составленные из металлических или кожаных пластин, использовались многими народами Дальнего Востока и Центральной Азии: тюрками, китайцами периодов Суй и Тан, корейцами, енисейскими кыргызами, уйгурами, киданями, жителями Восточного Туркестана и др. В XII—XIII вв. особенно широко применяли бармицы с ламеллярной системой бронирования чжурчжэни, сунские китайцы и монголы.

Ламеллярные бармицы, снабженные широкой кожаной окантовкой с вырезным краем, носили латники Юаньской и Минской империй. Ламеллярные бармицы из железных пластин имели и «тибето-монгольские» шлемы XV-XVIII вв. (LaRocca, 1999, s. 114, fig. 1; s. 116, fig. 7). Наличие в позднесредневековой панцирной паноплии ламеллярных бармиц фиксирует факт преемственности оружейного комплекса XV-XVIII вв. центральноазиатскому защитному вооружению раннего и развитого Средневековья.

Ламинарные бармицы, состоящие из длинных пластин — полос железа или твердой кожи, соединенных между собой с помощью кожаных ремешков, были известны еще воинам сяньбийских государств Северного Китая (Бобров, Худяков, 2005, с. 185, рис. 19,38). Впоследствии ламинарные бармицы использовали тюрки Алтая (Горбунов, 2003, с. 158—159), жители Восточного Туркестана VII—IX вв. (Горелик, 1995, с. 420, табл. 54, рис. 3, *19, 28, 30).* Достаточно часто ламинарные бармицы встречаются и на переднеазиатских миниатюрах, изображающих монгольских воинов XIII—XIV вв. (Горелик, 2002, с. 71, рис. 1, *8;* с. 76, рис. 23, 30, 33-34, 36-37, 42-43, 58, 60). Единичные изображения бармиц с ламинарной структурой встречаются еще на иранских минитюрах XV в. (рис. 199), однако позднее ламинарные бармицы совершенно вытесняются своими кольчатыми аналогами с территории сначала Передней, а затем и Средней Азии. Для Центральной Азии, для которой данный тип брони являлся традиционным, можно предполагать более длительное бытование ламинарных бармиц. Однако уже в XVI-XVII вв. и бармицы с ламеллярной и ламинарной структурой бронирования численно уступали пластинчато-нашивным бармицам, состоявшим из толстой мягкой органической основы, подбитой железными пластинами.

Пластинчато-нашивная броня практически не употреблялась для формирования бармиц шлемов вплоть до XV в. Однако в эпоху позднего Средневековья она становится самым популярным типом защиты шеи не только в Центральной Азии, но и на Дальнем Востоке. Почти все боевые центральноазиатские наголовья, переданные на хранение в ОПМК, имели бармицу с такой структурой бронирования. Широкое распространение пластинчато-нашивных бармиц совпадает по времени с пиком популярности доспехов «куячного» типа, оттеснив-

ших ламеллярную броню на окраины азиатского мира. Процесс замещения ламеллярной брони ее пластинчато-нашивным аналогом был вызван большей практичностью последней (пластинчато-нашивная броня совмещала свойства «мягкого» стеганого доспеха и пластинчатого панциря, а также предохраняла пластины от сырости), сменой военно-культурной традиции и военной моды. Поверхность бармицы часто обтягивалась цветной узорчатой тканью. Для бронирования мягкой органической основы бармиц использовались укороченные варианты железных пластин практически всех рассмотренных в данной работе типов.

Судя по изображениям бармиц шлемов, происходящих с территории Центральной Азии, кольчужная броня для защиты затылка и горла начинает использоваться здесь не ранее середины — второй половины I тыс. н. э. Кольчатые бармицы из перемежающихся железных и бронзовых колец фиксируются на тюркских шлемах Горного Алтая конца VIII — первой половины IX в. (Горбунов, 2003, с. 71). Редкие изображения шлемов с кольчужными бармицами этого же периода встречаются в восточно-туркестанской иконографии (Горелик, 1995, с. 420, табл. 54, рис. 25). Широкое распространение кольчатых бармиц среди центральноазиатских кочевников начинается в монгольскую эпоху, в период знакомства степняков с оружейными комплексами Передней и Средней Азии (Горелик, 2002, с. 75, рис. 7, *24-27;* с. 76, рис. 3, *16-17, 24, 31 -32, 41, 47, 49,* б/; с. 77, рис. 1, *3).* Через посредничество монголов кольчатые бармицы переднеазиатского типа попадают в Китай, где в минскую эпоху быстро становятся одной из основных форм защиты шеи . Исчезновение кольчатых бармиц из китайского оружейного комплекса связано с завоеванием Минской империи маньчжурами, вернувшими в военный обиход пластинчато-нашивные бармицы. В это же время кольчатые бармицы продолжали оставаться самым популярным видом защиты шеи к западу от бассейна р. Или, в государствах Мавераннахра, Восточного Туркестана и казахской степи (рис. 199, *1-5, 8, 15, 18, 24).*

Наименее трудоемким, а значит и наиболее популярным, видом защиты шеи были так называемые «мягкие» бармицы, состоявшие из толстого слоя простеганной ваты, войлока или мягкой кожи. Широчайшее распространение мягкие бармицы из органических материалов получили еще в эпоху Древности и раннего Средневековья (Бобров, Худков, 2005, с. 167, 173-175, 179-182, 185, 187). Впоследствии они были самым распространенным видом защиты шеи у монголов государств Чингизидов (Горелик, 2002, с. 69-72, 73, рис. 15; с. 76). В позднее Средневековье «мягкие» бармицы продолжали активно применяться в Минском и Цинском Китае, государствах Средней и Центральной Азии, а также в Бутане и Тибете (рис. 149, 167).

По покрою бармицы делятся на «открытые», «закрытые» и «глухие». На нашем материале фиксируются лишь «открытые» и «закрытые» бармицы.

Вид 1. Бармица «открытого» типа.

Бармица «открытого» типа, как правило, кроилась из одного сегмента брони и представляла собой назатыльник, прикрывавший шею и уши воина, но оставлявший открытыми горло, щеки и подбородок. Некоторые типы «открытых» бармиц прикрывали лишь затылок воина. Для бармиц «открытого» типа применялись кольчатая, ламеллярная, ламинарная, «мягкая» (органическая), пластинчато-нашивная структуры бронирования.

Кольчужная бармица с железными наушами была обнаружена в первой половине XIX в. у с. Медведское. Впоследствии она была соотнесена с комплексом вооружения позднесредневековых енисейских кыргызов (Худяков, 1991, с. 95).

Ламеллярная бармица «открытого» типа фиксируется на «тибето-монгольском» шлеме, хранящемся в Британском музее (Лондон, Великобритания) и датированном английскими исследователями XV-XVI вв. Бармица состоит из трех рядов ламеллярных пластин, подвешенных к ламеллярному обручу шлема.

Вид 2. Бармица «закрытого» типа.

Бармица «закрытого» типа кроилась из одной, двух или трех частей и прикрывала затылок, уши, горло, иногда щеки и подбородок воина. По особенностям конструкции представляется возможным выделить два основных способа покроя бармиц «закрытого» типа.

Тип 1. Одночастные бармицы «закрытого» типа.

Бармица кроилась из одного куска брони и имела лицевой вырез. По структуре бронирования одночастные бармицы «закрытого» типа могли быть кольчужными, «мягкими» (из органических материалов), очень редко ламинарными, пластинчато-нашивными или ламеллярными. Как показали экс-

перименты над предметными научно-историческими реконструкциями, в последнем случае бармица обязательно снабжалась боковыми разрезами, без которых использовать ее было исключительно неудобно (Худяков, Бобров, Филиппович, 2004, с. 345).

Тип 2. Трехчастные бармицы «закрытого» типа.

Бармица кроилась в виде трех лопастей: пара наушников и назатыльник (рис. 6, *10)*. Это самый распространенный тип покроя позднесредневековых бармиц. В боевом положении наушники бармицы завязывались под подбородком, а в момент отсутствия опасности фиксировались в поднятом состоянии и стягивались над козырьком. По структуре бронирования трехчастные бармицы «закрытого» типа могли быть ламеллярными, пластинчато-нашивными и «мягкими».

Вариант 1. Ламеллярные трехчастные бармицы «закрытого» типа.

Ламеллярные трехчастные бармицы фиксируются на тибетских шлемах XVI-XVIII вв.

Ламеллярные бармицы тибетских шлемов состояли из пластин, по своим размерам обычно уступавших пластинам, из которых изготовлялось корпусное защитное вооружение. За счет такого простого приема повышалась эластичность поля бармицы. Для этой же цели в составе одной бармицы могли применяться пластины разных размеров. Обычно более крупные пластины размещались в височных и нащечных частях наушников, самыми мелкими (как правило, чешуеобразными) бронировались нижние ряды наушников и верхние ряды назатыльника бармицы. В подавляющем большинстве случаев ламеллярная бармица на «тибето-монгольских» шлемах крепится не к тулье шлема, а к ламеллярному обручу, составленному из крупных пластин (рис. 148, *I, 3, 4)*.

Вариант 2. Пластинчато-нашивные бармицы «закрытого» типа.

Встречаются на татарском или ойратском полусферическом шлеме и сфероцилиндрическом ойратском наголовье XVII—XVIII вв., происходящих из коллекции князей Кульмаметьевых и хранящихся в Тобольском историко-краеведческом музее-заповеднике. Рассмотрим данные бармицы подробнее (рис. 193).

Бармица полусферического шлема является комбинированной по структуре. Она состоит из пары наушников, назатыльника и кольчужного сегмента, прикрывающего лицо воина до губ (длина — 19,2 см, ширина — 8,7 см). Кольчужные кольца верхнего ряда частично крепятся к кожаному шнуру, пропущенному сквозь отверстия вдоль нижней кромки шлема, но некоторая часть из них вставлена непосредственно в гнезда, предназначенные для подвешивания кольчатой бармицы. В нижнюю часть наушников также вплетены кольчужные сегменты (12x6 см). Мы не исключаем вариант, что пластинчато-нашивная бармица не является «родной» для данного шлема, а была подвешена к нему позднее (возможно, еще в XVII в.) для усиления своего кольчужного аналога. Поэтому мы и рассматриваем данную бармицу в разделе, посвященном пластинчато-нашивным вариантам защиты шеи.

Уникальность данной бармицы заключается в том, что она дошла до нашего времени практически без повреждений. По ее конструкции и оформлению можно судить об особенностях изготовления центральноазиатских бармиц периодов позднего Средневековья и Нового времени. Органическая основа бармицы состоит из матерчатого покрытия холодного зеленого цвета, к которому снизу (для придания бармице необходимой плотности) подшита кожаная подкладка, сохранившая грязно-желтый цвет. Элементы бармицы снабжены по периметру прошитым кожаным кантом. Она жестко прикреплена к шлему с помощью толстого кожаного жгута, пропущенного в отверстия в тулье. Наушники и назатыльник имеют сложную вырезную форму, призванную максимально эффективно прикрыть от удара шею воина, но при этом сохранить изящность декоративного оформления. Передняя часть наушников почти прямая, зато задняя имеет вытянутые лопасти (у левого наушника — длинную, у правого — короткую), которые прикрывают отверстия, образованные вырезами назатыльника. Последний имеет форму обращенной вниз лилии с отогнутыми боковыми лепестками. Органические элементы бармицы подбиты рельефными металлическими пластинами с бортиком и ребрами. Поразительно, насколько точно мастер, изготавливавший бармицу, сумел подогнать изначально одинаковые по форме пластины к ее сложному вырезному краю. Для этого ему потребовалось разрезать прямоугольные пластины на несколько кусочков и придать им необходимую форму, которая зависит от местоположения пластины в составе бармицы.

Пять полусферических заклепок сгруппированы в верхней части прямоугольных пластин в виде

креста. Благодаря тому что пластина жестко фиксируется к органической основе лишь в своей верхней части, становится возможным наложить один край пластины поверх другого, т. е. создать двойной, а то и тройной слой брони. Средневековый мастер блестяще воспользовался этой возможностью. В результате прямоугольные пластины взаимно перекрывают друг друга на $^{1}/_{3}$-$^{1}/_{2}$ своей плоскости. Пластины висят свободно, что делает всю конструкцию удивительно эластичной. Всего в состав бармицы входят 23 целых пластины и их фрагмента, в том числе 14 пластин прямоугольной формы, 6 пластин с обрезанным верхним или нижним углом, 3 пластинки сложной вырезной формы. Размеры прямоугольных пластин и пластин с обрезанным верхним (нижним) углом: длина — 8,3-7,5 см, ширина — 7,2-6,7 см. Нижняя пластина в центральном ряду назатыльника имеет размеры 8,7 х 8,0 см. Правый наушник состоит из 8 пластин. В передней (лицевой) части расположены 4 прямоугольные пластины, причем нижний ряд перекрывает верхний (рис. 194). В задней части наушника расположены две прямоугольные пластины: у верхней обрезан левый верхний угол, у нижней — левый нижний угол (рис. 194). Особенности оформления этих пластин обусловлены формой покроя наушника (рис. 193). Крайнее левое положение в наушнике занимает трапециевидная пластинка, снабженная двумя (изначально, вероятно, тремя) заклепками. Ею подбита затылочная лопасть наушника. Еще одна мелкая трапециевидная пластинка расположена в нижней части наушника. Практически всю нижнюю часть наушника с внутренней стороны занимает кольчужный сегмент (12 х 6 см). Эластичная кольчужная броня позволяет свободно сгибать и разгибать нижнюю часть наушника, что играло важную роль в случае, если воин хотел затянуть их под подбородком. Левый наушник составлен из 7 пластин. Конструкция его передней части (4 прямоугольные пластины) повторяет правый наушник. Задняя часть наушника, переходящая в длинную затылочную лопасть, состоит из трех пластин. Две пластины, с обрезанным верхним и нижним углом, размещены практически друг над другом, причем нижняя (с обрезанным нижним углом) перекрывает верхнюю более чем на половину. Конец затылочной лопасти бронирован трапециевидной пластинкой с 4 заклепками. Нижняя часть наушника покрыта кольчужным сегментом.

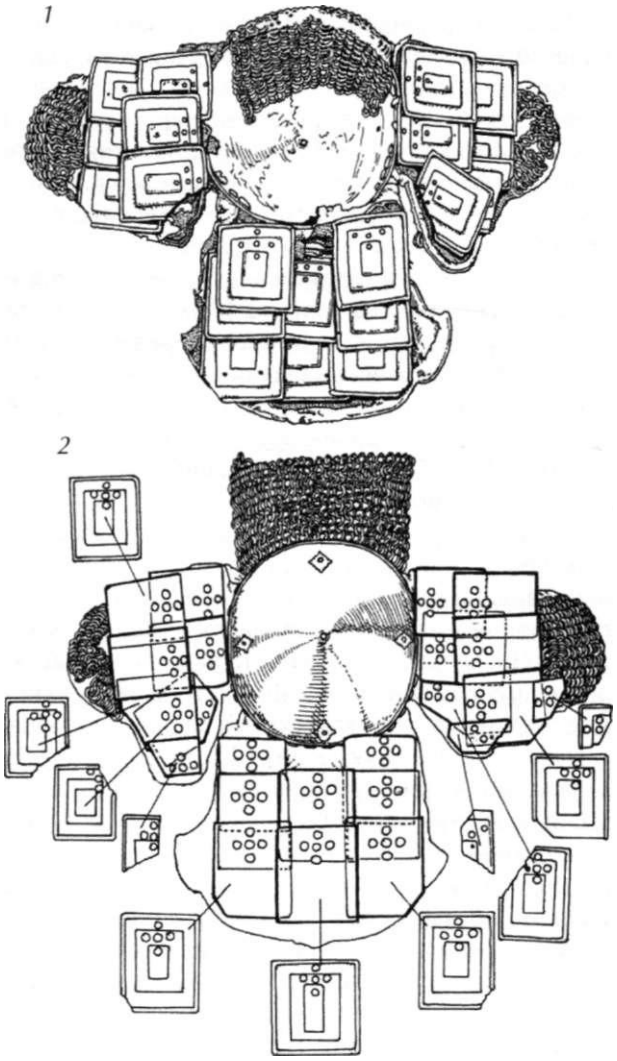

Рис. 193. Трехчастная пластинчато-нашивная бармиица «закрытого» типа с татарского или ойратского полусферического шлема XVII-XVIII вв., происходящего из коллекции князей Кульмаметьевых и хранящегося в Тобольском историко-краеведческом музее-заповеднике.

Назатыльник составлен из 8 пластин. Пластины расположены в три вертикальных ряда (3,2 и 3 пластины соответственно) таким образом, что нижние перекрывают верхние, а пластины центрального ряда заходят на края пластин из боковых рядов. Нижние внешние углы нижних боковых пластин обрезаны почти по кромке внешнего органического покрытия. Характерно, что верхняя пластина в центральном ряду отсутствует, благодаря чему назатыльник свободно сгибается при поднятии лица вверх.

Пластинчато-нашивная бармица сфероцилиндрического шлема из Тобольского историко-краеведческого музея-заповедника сохранилась несколько хуже. Она состоит из трех частей: пары наушников и назатыльника (рис. 190,*3)*. Органическая основа бармицы изготовлена из плотной материи красного цвета и снабжена зеленым кантом. Небольшие сохранившиеся куски кожи указывают на то, что ткань, возможно, имела кожаный подклад. Мягкая органическая основа подбита 14 железными пластинами различных форм и размеров (рис. 120, *10-13)*. К органической основе пластины приклепаны с помощью выпуклых фигурных металлических заклепок, выполненных в виде 4-лепестковых цветков. Подробно структура бронирования данной бармицы рассмотрена ниже.

Левый наушник скроен в виде полукруглой сужающейся книзу лопасти с вырезом напротив трапециевидной мышцы. К нижней кромке наушника пришита зеленая кисточка (часть подбородочного ремня?). Наушник подбит четырьмя перекрывающими друг друга железными пластинами. Верхний ряд состоит из двух пластин. Передняя (лицевая) имеет прямоугольную форму (7,2 * 6,9 см), задняя вырезана в форме прямоугольника со срезанным нижним задним углом (высота — 7,2 и 7 см, нижний край — 5,7 см, верхний — 6,9 см). Нижний ряд состоит из двух пластин прямоугольной формы с закругленным нижним краем (лицевая: 7,8 * х 6,5 см, задняя: 8 х 4,5 см). Форма и размеры пластин обусловлены местом их нахождения в наушнике и формой его покроя. Пластины верхнего ряда наушника приклепаны к органической основе с помощью трех расположенных треугольником заклепок. Нижние пластины приклепаны к матерчатой лопасти с помощью двух вертикально расположенных заклепок.

Правый наушник и назатыльник сохранились гораздо хуже. Об их покрое можно судить лишь весьма приблизительно. На момент осмотра правый наушник состоял из 6 пластин, а назатыльник из 4 пластин. Возможно, сегменты были случайно или намеренно поменяны местами после того, как органическая основа бармицы начала разрушаться, и владельцами шлема были проведены соответствующие «реставрационные работы».

Правый наушник в его сегодняшнем виде состоит из двух рядов прямоугольных пластин, по три пластины в каждом ряду. Нижний ряд пластин несколько перекрывает верхний. Размеры пластин нижнего ряда (от лицевой к затылочной): 6,5 * 5,8; 6,6 х 5,4; 6,7 х 6,2 см. Размеры пластин верхнего ряда (от лицевой к затылочной): 6,5 х 6,6; 6,7 х х 5,7; 7 х 6 см. Затылочные (верхняя и нижняя) пластины снабжены пятью заклепками, расположенными крестом. Остальные пластины имеют по три заклепки, расположенные равнобедренным треугольником в верхней части пластины.

Назатыльник в его сегодняшнем виде состоит из двух рядов прямоугольных и квадратных пластин, по две пластины в каждом ряду. Размеры пластин нижнего ряда: 7,3 х 5,5 (правая), 7,2 х х 6 см (левая). Размеры пластин верхнего ряда: 6 х х 5 (правая), 6,6 х 6,6 см (левая).

Вариант **3.** «Мягкие» бармицы «закрытого» типа, изготовленные из органических материалов.

Данный вариант бармиц фиксируется на «тибето-монгольском» шлеме из МАЭ (№ 2563-36) (рис. 149, /, *2)*.

Вероятно, изначально шлем имел традиционную ламеллярную бармицу, которая крепилась к ламеллярному обручу, однако впоследствии ламеллярная броня была снята и заменена на бармицу из красной парчи, состоящую из пары наушей и назатыльника, украшенных растительным орнаментом и обшитых по периметру «зеленой кожей» (Решетов, 1969, с. 131). Интересно, что сложная вырезная форма покроя бармицы практически в точности повторяет покрой некоторых типов монгольских бармиц начала XIV в. из мягких органических материалов (рис. 149, *3;* 196). А цветовая гамма напоминает бармицы ойратских шлемов XVII в., хранящихся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Тип **3.** Трехчастные бармицы «закрытого» типа с дополнительными лопастями для прикрытия горла.

Эволюция трехчастных бармиц «закрытого» типа привела к появлению специальных горизонтальных панцирных лопастей, пришитых к наушникам и в боевом положении застегивавшихся на пуговицы или стягивавшихся с помощью ремешков в районе горла (рис. 6, *10в)*.

Генезис «открытых», а также одночастных и трехчастных «закрытых» бармиц позднего Средневековья мы связываем с эволюцией защиты шеи в Центральной Азии эпохи развитого Средневековья, т. е. военно-культурной традицией государств Чин-

гизидов. Оригинальные трехчастные бармицы «закрытого» типа с дополнительными лопастями для прикрытия горла являлись заимствованием из дальневосточного позднесредневекового оружейного комплекса (Бобров, Худяков, 2003, с. 161).

Помимо бармиц в качестве дополнительной защиты лица служили традиционные для степной паноплии металлические маски-личины. Сведения о железных личинах содержатся в материалах эпоса народов Монголии и Саяно-Алтая. В кыргызском фольклоре упоминается личина-забрало — «тумага» («...закрыв лицо забралом, вступил в бой») (Бутанаев, 1981, с. 181). В западномонгольском эпосе ойратский богатырь Бум-Ердени, снаряжаясь на бой, «одевает (на шлем. — *Авт.)* забрало» (Монголо-ойратский героический эпос, 1923, с. 62). При описании военного снаряжения калмыков упоминаются забрала, надеваемые вместе с шишаком (Сычев, 1973, с. 91). «Булатная защита для лица» также фиксируется в казахском эпосе (Кушкумбаев, 2001, с. 79).

Под железный шлем всегда надевался подшлемник, амортизирующий удар по боевому наголовью. Знать применяла для этого специальные шапочки из войлока, закрывавшие почти всю голову, простые воины использовали обыкновенные стеганые шапки с низкой тульей.

При транспортировке или в ненастную погоду на шлемы надевались специальные чехлы. Они упоминаются в монголо-ойратских законах 1640 г. (интересно, что за их кражу вору должны были отрубить палец («Их-Цааз», 1981, с. 28)). Судя по корейским аналогам (Асмолов, 2001, с. 22), чехол для шлема представлял собой достаточно высокий кожаный или тканевый колпак, который закрывал шлем целиком (вероятно, высокие сложные плюмажи при этом вынимались из втулок шлема).

Миссюрки и кольчатые наголовья

Помимо шлемов, изготовленных из железных пластин, письменные материалы фиксируют факт применения позднесредневековыми кочевниками Центральной Азии кольчато-пластинчатых миссюрок и кольчатых (кольчужных и «пансырных») наголовий, выполненных из металлических колец.

Кольчато-пластинчатые миссюрки, находившиеся на вооружении джунгарских и калмыцких воинов и состоявшие из плоского или немного выпуклого (полусферического) круглого «наплешника» и кольчужной бармицы (иногда усиливавшейся металлическими пластинами-вставками и наушами), известны в основном по описаниям российских послов и путешественников XVIII в. (рис. 193; 194)

Подавляющее число упоминаний об использовании монгольскими воинами миссюрок относится к комплексу защитного вооружения джунгар первой половины XVIII в. и волжских калмыков того же столетия. Распространение среди ойратов кольчато-пластинчатых наголовий мы связываем с влиянием оружейных комплексов мусульманских государств Передней и Средней Азии. Характерно в этой связи, что миссюрки употреблялись джунгарами в одном комплекте с кольчатыми панцирями и оружием среднеазиатского типа. Это подметили русские посланцы, посетившие ставку джунгарского хана. В ходе проведения буддийского обряда из 75 воинов, окружавших ламу, 45 были вооружены по монгольскому образцу: «в латах и шишаках, с копьями и саблями», а 30 человек — по среднеазиатскому: «в панцирях (в данном случае в кольчугах. — *Авт.)* и миссюрках, с пищалями и саблями» (Сычев, 1973, с. 62).

Наиболее часто миссюрки упоминаются при описании комплекса вооружения волжских калмыков. В описях сына калмыцкого князя Дондук-Омбо, сделанных в 1784 г., вместе с доспехами, наручами и «перчатками пансырными» упоминается миссюрка, входившая в один комплект с панцирем «ботонос». По мнению П. С. Палласа, миссюрки были самым популярным видом защиты головы волжских калмыков второй половины XVIII в.: «Совершенное ополчение состоит из круглого шишака, от которого вокруг шеи до самых плеч, а спереди до бровей весит железная сетка». Такие шлемы и кольчуги поступали в Калмыкию от «торгующих трухменцев и... персов» (Паллас, 1809, с. 478). Вероятно, некоторая часть калмыцких воинов использовала миссюрки северокавказского производства. Черкесские и дагестанские воины широко применяли кольчато-пластинчатые наголовья в XVII-XVIII вв. и даже в первой половине XIX в. (Аствацатурян, 2004, с. 25, 97, 98, рис. 80, б, *в;* с. 99, рис. 81; с. 316).

Кольчато-пластинчатые миссюрки являлись важным элементом комплекса защитного вооружения мусульманских воинов Северной Африки, Западной и Средней Азии, Западной Сибири. А. К. Гейне

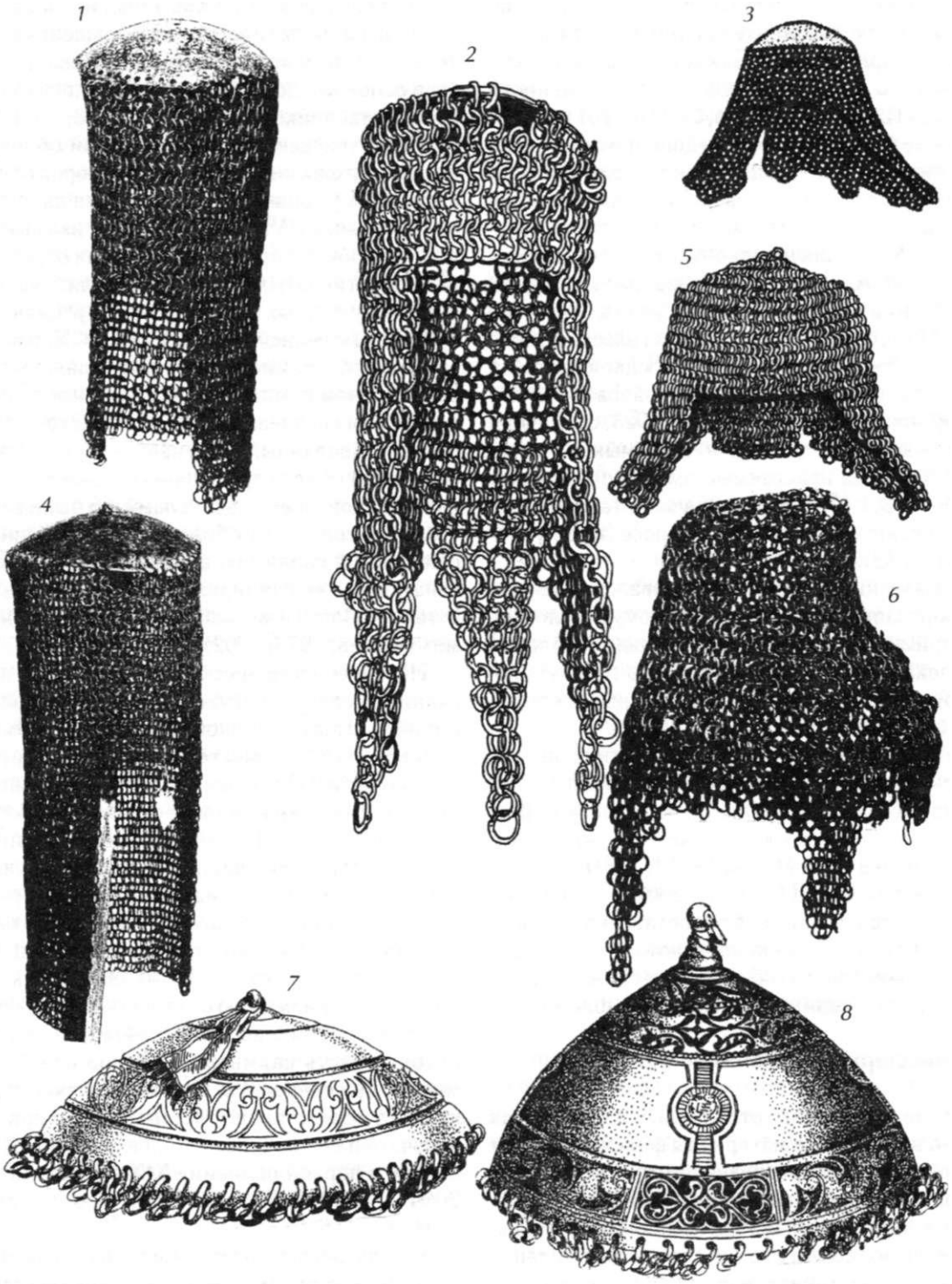

Рис. 194. Миссюрки и кольчатые наголовья с территории Казахстана (*1*, *4*, *6*), Южной Сибири (*2*), Мавераннахра (*3*), Восточного Туркестана (*5*), Северного Кавказа (*7–8*).

1 -<теи. уз»»-

упоминает о миссюрках при описании комплекса вооружения казахских латников: «К военной одежде их принадлежат сделанные из железных колец кольчуги и панцири, из железных же листов плоские шапки» (Гейне, 1897, с. 73). Миссюрка предположительно среднеазиатского производства хранится в фондах музея Нукуса (рис. 194, *3)*. Она представляет собой железный полусферический «наплешник» с кольчужной бармицей, прикрывающей верхнюю часть лица и шею воина. Интересно, что бармица имеет ярко выраженные боковые лопасти (наушники), которые заметно превосходят по длине затылочную часть бармицы (назатыльник). Левый наушник сплетен с назатыльником и составляет с ним единый кольчужный сегмент. Правый отделяется от назатыльника достаточно глубоким вырезом (Бобров, Худяков, 2002, с. 140, 157, рис. 17, *3)*.

Кольчато-пластинчатая миссюрка была найдена в степи в разъезде Горьковское Сибирской железной дороги у поселка Васютинцы Москаленской волости (в настоящее время — территория Омской области). Миссюрка была приобретена сотрудниками Русского географического общества у крестьянина Мосуру в 1914 г.

Миссюрка состоит из круглого немного выпуклого железного «наплешника», снабженного «петелькой» (служила для крепления султана или кожаного ремешка), и кольчатой бармицы. Последняя выполнена из круглых плоских колец, напоминающих по форме кольца, использовавшиеся при изготовлений панциря типа «байдана». Бармица прикрывала лоб, уши, щеки и затылок воина. Отличительной особенностью ее покроя является наличие пяти длинных треугольных кольчатых фестонов («языков») по нижнему краю (рис. 194, *2)*. Такими треугольными фестонами снабжались кольчатые бармицы иранских, среднеазиатских и североиндийских шлемов XVII-XIX в. (рис. 198, *2, 3)*. Судя по месту обнаружения и особенностям оформления «наплешника» и бармицы, миссюрка входила в состав комплекса вооружения казахского или ойратского воина XVII-XVIII вв. Близкие по конструкции миссюрки использовали джунгарские и калмыцкие воины первой половины XVIII в.

Другой разновидностью защиты головы позднесредневековых кочевников Центральной и Средней Азии были панцирные наголовья, составленные исключительно из металлических колец, которые в специальной литературе именуются «кольчатыми наголовьями», «кольчужными чепцами» или «капюшонами». В Минусинском краеведческом музее им. Мартьянова и Историко-краеведческом музее г. Кызыла хранятся кольчужные «капюшоны», напоминающие средневековые европейские кольчужные «чепцы» (Винклер, 1992, с. 90, рис. 168). Они лишены железных наплешников и целиком состоят из кольчужных колец.

Кольчужное наголовье на матерчатой подкладке хранится в фондах Княжеского дворца г. Вуланшабу. Наголовье представляет собой кольчатый «чепец», снабженный специальным сегментом для защиты верхней части лица, парой лопастей-наушников и коротким назатыльником. Наушники отделены от назатыльника неглубокими вырезами (рис. 194,*5)*. Кольчатое наголовье составляет комплект с кольчужной рубашкой со сплошным осевым разрезом, створчатыми наручами с кольчатым соединением и пластинчатым панцирным поясом. Данный комплекс защитного вооружения датируется китайскими учеными периодом династии Цин (1616-1911). Наличие в его составе пластинчатого панцирного пояса позволяет датировать доспех XVIII-XIX вв. Судя по особенностям оформления панцирных элементов, доспех был изготовлен в ремесленных мастерских Восточного Туркестана или по восточнотуркестанским образцам.

В минской миниатюре фиксируются изображения «кольчужных капюшонов», которые, впрочем, все же сохранили небольшие металлические элементы: выпуклые круглые пластины-налобники и конические навершия, в которые вставлялся плюмаж из конского волоса. Вероятно, что монгольские кольчужные наголовья, как и изображенные на миниатюрах минские «капюшоны», имели мягкую подкладку и завязывались под подбородком с помощью лент или ремней. Однако в отличие от китайских аналогов монгольские «капюшоны» нередко носились не самостоятельно, а поддевались под шлем или шапку.

Распространение в Джунгарии и среди приволжских калмыков кольчато-пластинчатых миссюрок западноазиатского типа мы связываем с влиянием мусульманского оружейного комплекса. На это указывает ряд факторов: позднее распространение этого типа боевых наголовий среди монголов (XVIII в.), география употребления миссюрок (в основном Джунгария и Калмыкия, т. е. территории, непосред-

ственно граничившие или находившиеся вблизи границ государств Средней Азии), типологическая близость степных миссюрок с их средне- и переднеазиатскими аналогами.

«Мягкие» шлемы (наголовья из органических материалов)

Даже в оседлых, земледельческих государствах (России, Иране, Османской империи) ввиду относительной неразвитости металлургической промышленности не было возможности оснастить всех воинов металлическим защитным вооружением. В связи с этим простые ратники употребляли не металлические шлемы, а наголовья из органических материалов: толстой ваты, кожи, многослойного сукна. Такие шлемы получили в России название «шапок бумажных» (Винклер, 1992, с. 280, рис. 375) (рис. 192,*4-6)*. Они имели высокую простеганную тулью (амортизирующую удар), науши, назатыльник, иногда железный наносник. В ткань подкладки вшивались металлические пластины и кольчужные сегменты (Винклер, 1992, с. 279). В Средней Азии применялись «шлемы из войлока» (Бобров, Худяков, 2002, с. 133), аналогичные русским «шапкам бумажным». Подобные стеганые шапки, закрывавшие всю голову, кроме лица, известны в Китае начиная с эпохи раннего Средневековья. В период правления в Китае династии Мин в северных и центральных провинциях страны были распространены «мягкие» шлемы, имевшие несколько иной тип покроя. Данные наголовья были снабжены низкой полусферической тульей и широким 1-3-частным назатыльником, прикрывавшим затылок и уши воина. Снижение высоты тульи стало возможно благодаря тому, что в ткань подкладки стали вшиваться металлические пластины квадратной и прямоугольной формы. Наголовья командиров нередко снабжались навершиями, состоявшими из полусферической или воронкообразной пластины навершия с короткой трубкой-втулкой или фиксатором для крепления плюмажа из крашеного конского волоса. Такие пластинчато-нашивные шлемы носили, в частности, китайские воины, расквартированные в провинции Шэньси в первой трети XVII в. (Лю Юнхуа, 2003, с. 173).

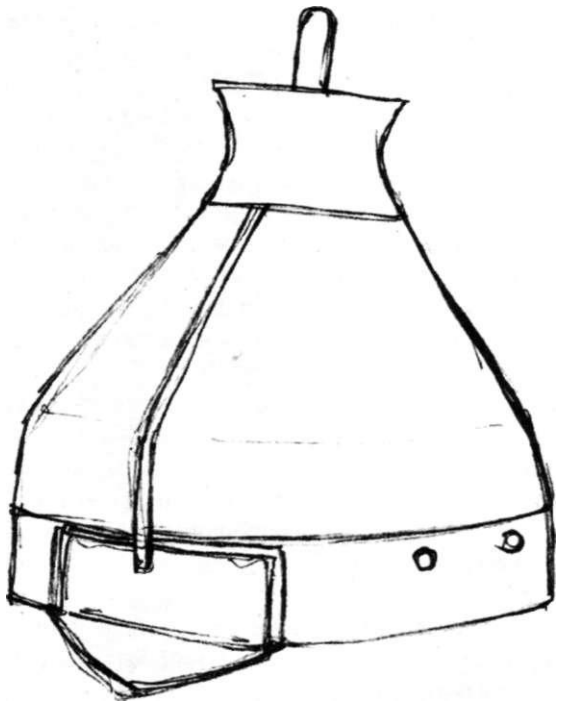

Рис. 195. Маньчжурский шлем из музея в г. Цзюцюан. Сферо-коническое боевое наголовье с цельнокованым куполом, широким обручем, небольшим треугольным козырьком, цилиндрическим навершием с уплошенным верхом и трубочкой для плюмажа.

О применении монголами кожаных шлемов в XIII-XV вв. свидетельствуют письменные источники.

Монгольский вариант стеганого шлема изображен на цинской миниатюре начала XVIII в. Он имеет вид достаточно высокого простеганного колпака с металлическим полусферическим навершием с волосяной кистью, откинутыми и завязанными на затылке наушами и меховой оторочкой лицевой стороны. На настенной росписи в монгольском ламаистском храме изображен другой вариант «мягкого» шлема из органических материалов: башлык с широким, отороченным мехом назатыльником и высоким плюмажем. Возможно, что высокие башлыкообразные головные уборы, изображенные на головах «докшитов» и воинов на тибетских танка, также представляют собой региональный вариант «мягких» шлемов.

До нас не дошли подлинные экземпляры монгольских стеганых боевых наголовий, но об их бытовании среди номадов свидетельствуют письменные и иконографические источники. «Наследниками» монгольских войлочных шлемов можно считать дербентскую шапку «юудэн» и особенно

северомонгольскую «буряяд молгай». Они обладают почти полным набором признаков «мягкого» шлема: высокой простеганной тульей, наушами и назатыльником.

Плюмажи и декоративные украшения шлемов

Средневековые шлемы часто снабжались плюмажами из перьев, матерчатых лент, конского волоса и флажков-яловцов. Особой пышностью отличались шлемы центральноазиатской знати. По оформлению наголовья можно было узнать того или иного феодала. В этой связи примечателен следующий эпизод, связанный с военными действиями монгольского правителя Даян-хана против «предводителя ойратов и уйгуров» Бэгэрсэн-тайши в последней трети XV в.: «...когда Даян-хаган приблизился и напал, то Бэгэрсэн успел скрыться. Узнав об этом, стали его преследовать и когда уже почти догнали, то тот снял свой шлем и надел его на своего слугу — сына тумэдского Тубшин-Сайн-Тулэгэя, чем и ввел в заблуждение преследовавших его... Когда те выстрелили и узнали, что в шлеме был не Бэгэрсэн, а его слуга, то спросили у слуги: "Где же Бэгэрсэн?". Слуга ответил: "Вон там едет"» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 75).

Самым популярным типом плюмажа среди кочевников Центральной Азии и Южной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода был султан из крашеного конского волоса или мелко разрезанных шелковых лент («улан зала»).

Султан из конского волоса являлся традиционным видом плюмажа центральноазиатских кочевников уже в период раннего Средневековья. Предназначенный для плюмажа конский волос стягивался ниткой, иногда склеивался и скреплялся специальным фиксатором из дерева, ткани или кожи, после чего вставлялся в отверстие трубки-втулки шлема. В случае необходимости (например, при транспортировке шлема в чехле) такой султан можно было вынуть из втулки и сложить в сумку. Иногда волосяные кисти предварительно окрашивали, в большинстве случаев — в красный цвет.

Красные кисти из матерчатых лент на шапках и шлемах носили разные монгольские племена, но только в Ойратии ношение таких султанов стало обязательным атрибутом мужчины-воина. В 1437 г. джунгарский правитель Тогон-тайша ввел специальным указом ношение на шапке (шлеме) «улан зала» (Сычев, 1973, с. 10). Этот обычай у некоторых северомонгольских племен сохранился вплоть до начала XX в., когда на стеганых шапках с наушами носили волосяные или ленточные (обычно красные) кисти. Ойраты настолько сроднились с «улан зала», что в глазах остальных монголов красные кисти стали символом джунгарской независимости. Интересно, что после поражения ойратов в 1470 г. от Мандухай-Сайн-Хатун победительница потребовала, чтобы западные монголы «не называли свои дома дворцами, не садились, скрестив ноги и преклонив одно колено, и не носили кисточку на шапке шире, чем в два пальца». Однако этот закон оказался слишком унизительным для ойратской знати и вскоре был отменен (там же, с. 39).

«Улан зала» носился на шлемах, стеганых шапках, войлочных шляпах. Голландский путешественник и исследователь второй половины XVII в. Н. К. Витзен, опираясь на собранные его монгольскими информаторами материалы, сделал вывод о том, что появление «улан зала» у ойратов связано с их религиозными представлениями: «На концах шапок многие из них носят красную кисть, похожую на розу, из суеверия и в память того, что Бог однажды пришел с неба на землю, где наказал человека за его грехи; тогда несколько безумных людей ранили его так, что он истекал кровью. И в честь этой божественной крови они носят на шапке красную кисть либо из сукна, либо из шелка» (Хамарханов, 1988, с. 155).

Султаны из крашеного конского волоса или лент носили и алтайские латники. Красные плюмажи упоминаются в позднесредневековом алтайском эпосе: «Надел черный железный шлем с красным гребнем (султаном)»(Соенов, 1994, с. 178).

Другим видом плюмажа были вставленные во втулку шлема перья. Наиболее часто перьевые султаны использовались на северной периферии степи (Бобров, 2001, с. 106). Они упоминаются в кыргызском эпосе: «Носимый на войне месяцеподобный, с тремя перьями шлем одел по самые плечи» (Бутанаев, 1981, с. 189).

На минских и маньчжурских миниатюрах изображены шлемы со сложными плюмажами, состоящими из «улан зала» и флажка, прикрепленного к длинной трубке, вставленной во втулку (рис. 196, *5, 6, 10).* Иногда конструкция состоит из флажка («яловца») на шлеме и пучка коротких перьев.

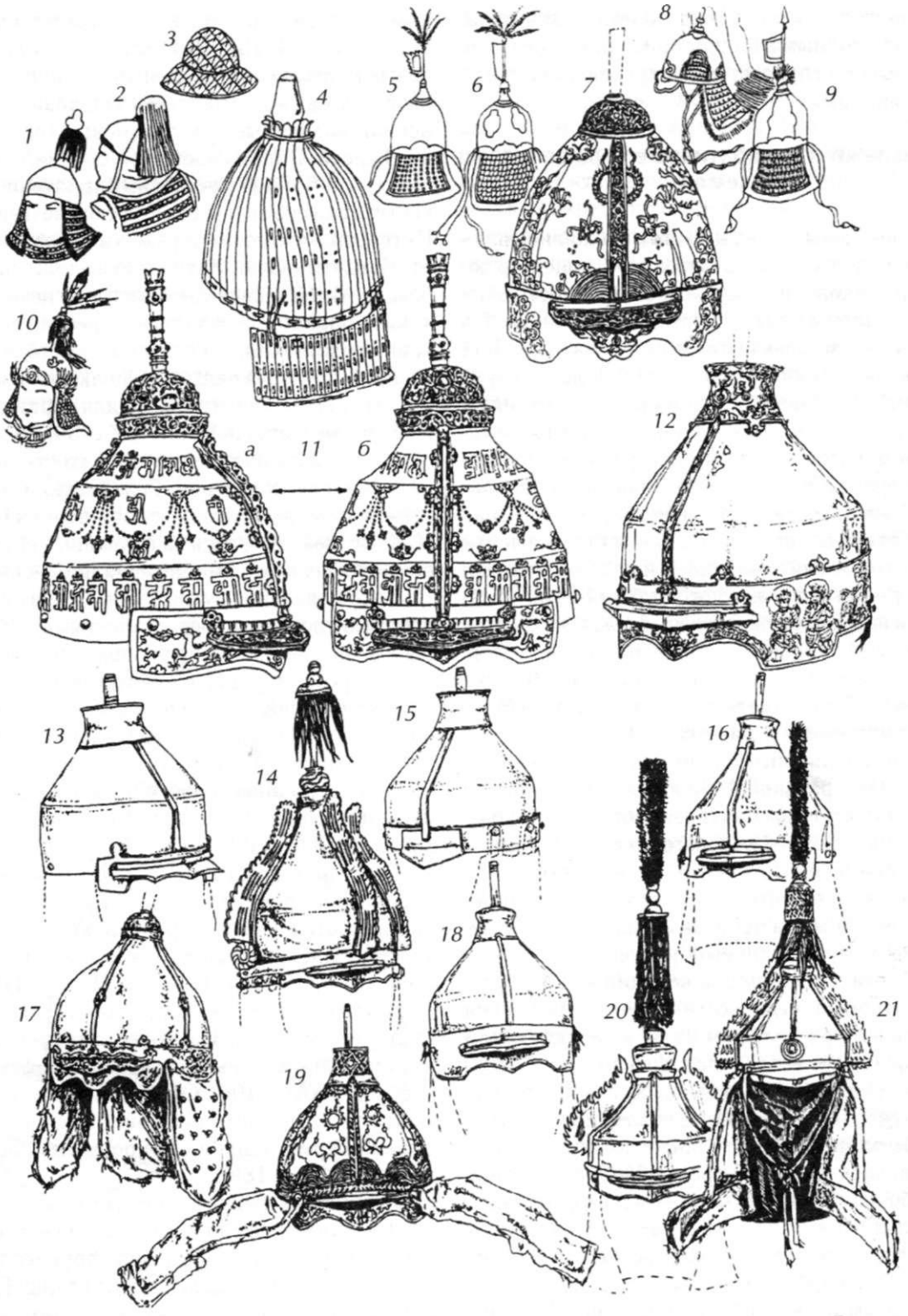

Рис. 196. Шлемы Восточной Азии XV-XIX вв. и их изображения.

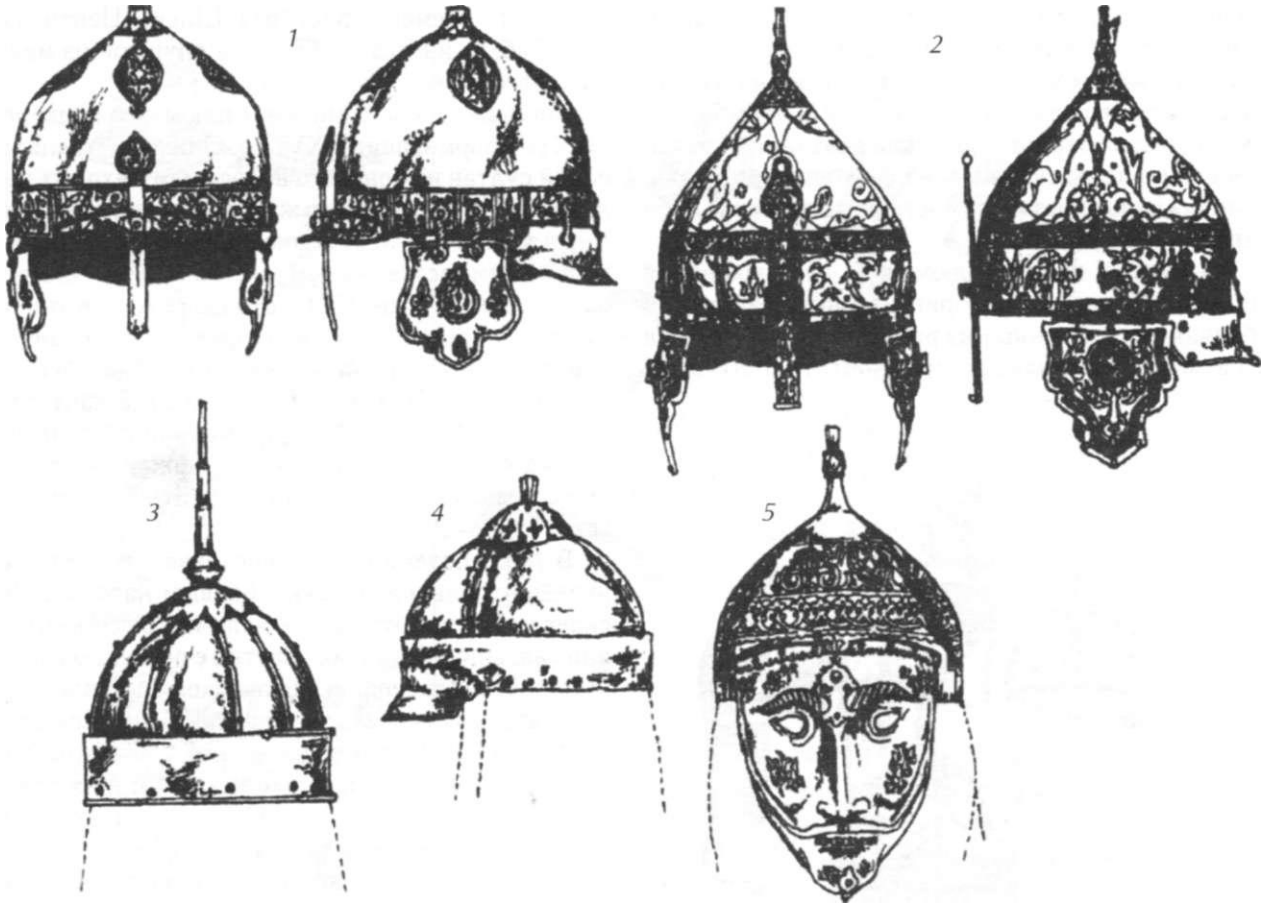

Рис. 197. Шлемы Передней и Средней Азии XV-XVII вв.:

1 — восточнотуркестанский шлем яркендского производства кон. XVI в.; *2* — «шапка кучумовская булатная» XVI в.; *3* — среднеазиатский шлем XV-XVI вв. (случайная находка с терр. Восточного Казахстана); *4* — киргизский (?) шлем XVI-XVII вв.; 5 — шлем с железной личиной XV-XVII вв.

В монгольском эпосе («Гэсэр», «Джангар» и др.) упоминаются фигуры людей и животных, выполненные, видимо, из кожи и дерева и укрепленные на навершиях шлемов.

В Минском Китае использовались экзотические украшения шлемов в виде плавников акул, их поверхность могла выкрашиваться в красный цвет (Чжунго гудай..., 1990, с. 255), в Цинском Китае — в черный (там же, с. 275, рис. 12-66; с. 277, рис. 12-71).

Есть основания полагать, что монгольские воины, с XVII в. проживавшие на территории Тибета, использовали плюмажи, характерные для данного региона. Тибетские шлемы в ходе праздничных мероприятий снабжались роскошными плюмажами из фазаньих, петушиных или павлиньих перьев. Их конструкция представляла собой своеобразный веер, состоящий из прорезной или цельной твердой дисковидной основы с воткнутыми в нее перьями. Размеры и форма таких плюмажей сильно варьировались. Рядовые латники и младшие офицеры носили плюмажи-диски, которые по размерам и форме напоминали круглые, реже сердцевидные зеркала на длинной ручке. Высота султанов высших офицеров доходила до метра. Сами плюмажи состояли из двух дисков, расположенных друг над другом в виде цифры «8». Диаметр большого нижнего диска мог достигать 40 см, благодаря чему плюмаж напоминал скорее не зеркало, а опахало. Иногда вместо дисковидных плюмажей носили сложные конструкции, составленные из богато расшитых флажков треугольной

формы, иногда дополненных перьевыми султанами. В ходе боевых действий или маневров тибетские плюмажи имели менее пышный вид. По сообщениям европейских путешественников начала XX в., в этот период тибетские всадники украшали свои шлемы султаном из петушиных или павлиньих перьев (в зависимости от рода войск) либо красной кистью,

В Бутане, помимо плюмажей, для украшения шлема использовались оригинальные узкие «тюрбанчики», сплетенные из разноцветных лент. Эта традиция сохранилась в стране вплоть до Этнографического времени (рис. 167). Шлемы Центрального Тибета иногда снабжались опушкой из меха снежного барса.

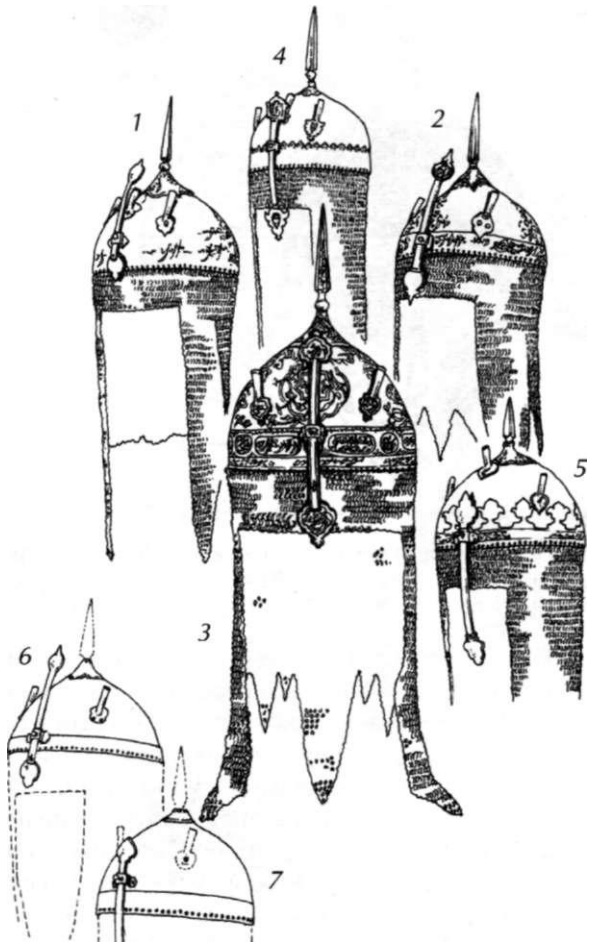

Рис. 198. Шлемы так называемого «индо-персидского» типа XVI-XVII вв. С территории Передней Азии (7-5), Мавераннахра (6-7).

Маньчжурские (цинские) плюмажи подверглись униформизации в XVIII в. Они представляли собой султан из конского волоса или меховых полос, вырезанных из шкур животных и прикрепленных к трубке, с 3-лепестковым или конусовидным навершием, вставленным во втулку (Чжунго гудай..., 1990, с. 275-277). Гораздо реже в Китае и Корее использовались пикообразные навершия и навершия, выполненные в виде трезубца с бунчуком (Бобров, Худяков, 2003, с. 162). В качестве плюмажа в Средней Азии применяли султаны из конского волоса, треугольные флажки — «яловцы», гораздо реже — султаны из птичьих перьев (рис. 199,5-9).

В эпоху позднего Средневековья к традиционным центральноазиатским боевым наголовьям, склепанным из крупных металлических сегментов или связанным из узких пластин с помощью кожаных шнуров, добавились цельнокованые шлемы и кольчато-пластинчатые миссюрки. Широкое распространение получили известные с эпохи развитого Средневековья плоские козырьки и их позднесредневековые «коробчатые» аналоги, которые сильно потеснили (а в отдельных районах и вовсе вытеснили) более ранние формы защиты лица: налобники, наносники, крестообразные забрала, личины и т. д. Наметился процесс упрощения и унификации наголовий со сфероконической тульей, что позволило начать их массовый выпуск. В XVI-XVIII вв. в военный обиход вошли сфероцилиндрические, конические и цилиндроконические шлемы. Большее распространение получили полусферические наголовья. В описываемый период продолжилась и эволюция бармиц. На большей территории Центральной Азии ранее характерные для региона ламинарные и ламеллярные бармицы были вытеснены их пластинчато-нашивными, в меньшей степени — кольчатыми аналогами. Наибольшей популярностью пользовались трехчастные бармицы «открытого» типа, прикрывавшие затылок, уши и горло воина. В целом конструкция шлемов рядовых воинов упростилась, что позволило резко увеличить их производство.

Влияние мусульманского и дальневосточного комплекса защитного вооружения на панцирную паноплию центральноазиатских кочевников на про-

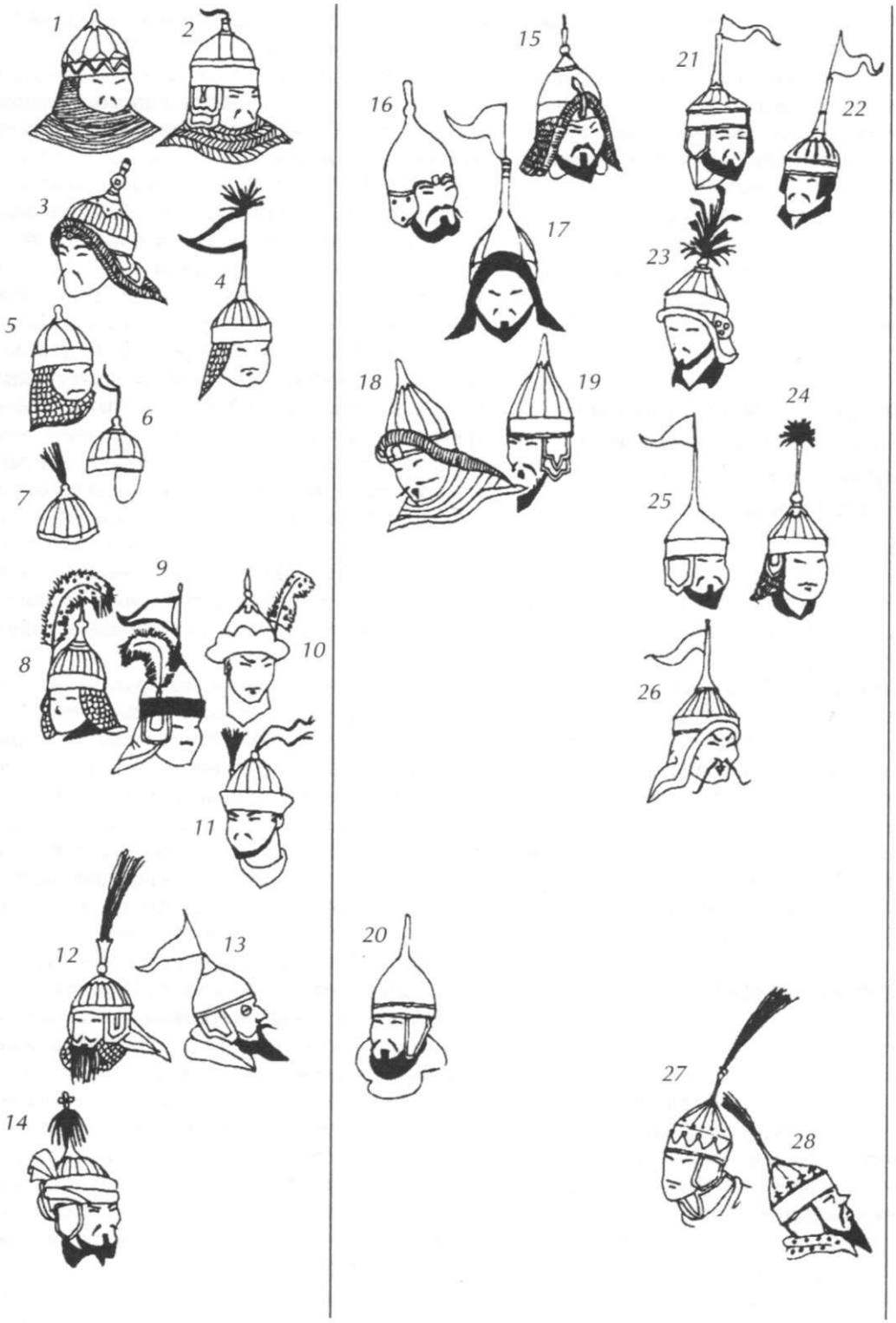

Рис. 199. Изображения передне- и среднеазиатских шлемов XV–XVII вв.

тяжении рассматриваемого периода неуклонно возрастало. Это проявилось в распространении среди монголов низких сфероконических шлемов с цельнокованой тульей, кольчато-пластинчатых миссюрок (характерных для западноазиатского оружейного комплекса), цилиндроконических шлемов, трехчастных бармиц с дополнительными лопастями для защиты горла (оружейный комплекс империи Цин). Однако центральноазиатские оружейники, заимствуя иностранную конструкцию, продолжали применять оригинальные методы оформления шлемов и их усилителей.

7.5. Дополнительные защитные детали: панцирные усилители, панцирные пояса и зашита конечностей

Помимо собственно панцирей и шлемов иконографические, вещественные и письменные источники отмечают наличие в комплексе защитного вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени дополнительных элементов защиты (панцирных усилителей), которые фиксировались на основном корпусном броневом покрытии с помощью ремешков, пуговиц, шарниров и заклепок, пластинчатых панцирных поясов, а также элементов защиты конечностей: нарукавьев, наручей, набедренников, наколенников, наголенников, поножей.

Панцирные усилители

Дополнительными панцирными усилителями могли усиливаться все типы панцирей и бармиц с различной структурой бронирования. Отдельно крепившиеся металлические усилители зафиксированы на пластинчато-нашивных, ламеллярных, кольчатых, кольчато-пластинчатых, «мягких» стеганых панцирях и бармицах. Помимо набедренников и наплечников («харавч», «харабчи»), подмышечников маньчжурского типа («уудам») центральноазиатские панцири могли усиливаться зерцалами («толь»), ожерельями (рус. «подшейник»), панцирными поясами и специальными накладками, прикрывавшими швы доспеха («товсагч»).

Небольшие дисковидные пластины — зерцала, служившие дополнительным защитным элементом доспеха, были известны кочевникам еще в эпоху раннего Средневековья (Худяков, 1980, с. 148, табл. 52). Металлические диски, привязанные к нагрудникам, наспинникам и наплечникам монгольских воинов, встречаются в иранской миниатюре XIII-XIV вв. (Горелик, 1987, с. 176, рис. 5, 7, 8). Небольшие железные зерцала обнаружены в памятнике Дворцы II, погребение 2 в Забайкалье (Худяков, 1997, с. 101, 102, рис. 65, /, *2)*. Круглые, немного выпуклые пластины из ундугунских памятников Забайкалья X - XV вв. были снабжены тремя круглыми отверстиями: на первом зерцале они расположены горизонтально (одно в центре, два по бокам), на втором — треугольником (по периметру). Характерно, что железные зерцала были найдены вместе с набором ламеллярных пластин (там же, с. 100-101). Судя по размеру и расположению отверстий, зерцала стягивались с ламеллярной поверхностью панциря с помощью веревок или ремней.

В позднем Средневековье круглые нагрудные зерцала очень часто изображались передне- и среднеазиатскими художниками надетыми поверх панцирей и халатов воинов (рис. 130, 2; 133, 7). Более крупные диски, прикрывавшие живот и верхнюю часть груди воина, носили маньчжурские офицеры начала XVII в. (Чжунго гудай..., 1990, с. 249). В XVII-XVIII вв. маньчжуры и корейцы усиливали мелкими дисковидными пластинками не только нагрудник, наспинник и набедренники, но и наплечники и даже бармицы (рис. 131, /, *8-9;* 132, /, *9)*. Не позднее первой половины XVIII в. эта традиция была усвоена представителями халхаской знати, признавшей сюзеренитет Цинской империи и стремившейся подражать маньчжурским аристократам (рис. 129, /, *2)*. Столь большое количество зерцал в одном доспехе можно объяснить тем, что круглые пластины несли в себе и охранительные сакральные функции. По старинным китайским поверьям, металлические зеркала — зерцала «цзин» — считались могущественным средством против демонов и оборотней. Демоны якобы теряли силу, увидев себя в зеркале, а оборотни перед зеркалом являлись в настоящем обличье. Круглые железные пластины, которые маньчжуры носили на груди, назывались

«хусиньцзин», т. е. «зеркало, охраняющее сердце». Вероятно, в XVII в. зерцала привязывались к доспеху через специальные отверстия, а позднее стали пристегиваться к доспеху с помощью четырех специальных пуговиц (Бобров, Худяков, 2003 в, с. 150).

Подлинные монгольские зерцала XV-XVI вв. до нас не дошли. Судя по изображениям, они мало чем отличались от зерцал развитого Средневековья.

Круглые дисковидные зерцала часто встречаются на изображениях центральноазиатских воинов XVI-XVIII вв. (рис. 112, *5, 6;* 114,*4, 5, 6;* 129, /, *2;* 143, /, *5;* 144, *3;* 217, *2;* 219, *2).* Все они имеют округлую форму. Судя по цвету зерцал на картинах (желтый, белый, синий), они изготавливались из металлов — меди, бронзы или железа. Возможно, поверхность зерцал знатных воинов покрывалась позолотой или серебрилась. На изображениях монгольских воинов зерцало, как правило, носится в центре груди, в то время как в тибетской скульптуре зерцала носятся по два, симметрично расположенными на правой и левой части груди (рис. 114, *4).* Характерно, что монгольские шаманы XIX в., подражая средневековым латникам, носили на груди два железных диска-зерцала, а их бурятские современники — одно (Иванов, 1978, с. 148, 152).

В XV-XVIII вв. нагрудные дисковидные зерцала использовались монголами Халхи, Ойратии, Чахара и кашгарскими подданными Джунгарии. Вероятно, распределенные по имперским «восьмизнаменным войскам» чахарские латники носили зерцала по маньчжурскому образцу.

В алтайском эпосе упоминается панцирный элемент «корноо щсел». По мнению В. И. Соенова,под ним скрывается зерцало (от алт. «корнош» — «зеркало»), так как и в персидском, и в русском языке зерцало «тоже обозначается понятием "зеркало"» (Соенов, 1994, с. 178).

Относительно центральноазиатских кочевников XVII—XVIII вв. можно предполагать использование двух основных типов зерцал, которые могли носиться самостоятельно или формировать зерцальный доспех. С известной долей условности их можно обозначить, как зерцала «среднеазиатского» и «переднеазиатского» типов.

Отличительной чертой зерцал «среднеазиатского» типа является их округлая форма. В большинстве случаев зерцала представляют собой слабовыпуклые металлические диски, крепившиеся к корпусу с помощью кожаных ремней. Судя по изображениям и подлинным предметам вооружения из старых оружейных коллекций, из зерцал «среднеазиатского» типа достаточно часто формировали зерцальный доспех (рис. 209, /, *4).* Последний, как правило, состоял из 4 зерцал (по одному на грудь, спину и бока), соединенных между собой кожаными ремешками. Способы соединения кожаных ремней между собой и металлическими пластинами в разных доспехах могли существенно различаться, но общий принцип размещения дисков на корпусе воина в подавляющем большинстве случаев оставался неизменным.

В отличие от зерцальных доспехов Османской империи зерцальные доспехи «среднеазиатского» типа не имели дополнительных, прикрепленных с помощью кольчужного плетения, элементов (ожерелий, наплечных пластин, вырезных боковин и т. д.).

Зерцальные доспехи «среднеазиатского» типа использовались знатными воинами Мавераннахра уже в первой половине XVII в., но особое распространение получили в XVIII в. В это время их носили состоятельные казахские, мавераннахрские, индийские, кашгарские воины, тибетцы и, возможно, джунгары. Особую популярность зерцальные доспехи снискали в Тибете, где они стали едва ли не обязательной принадлежностью комплекса вооружения тибетских конных панцирников, которые активно использовали этот защитный элемент даже в начале XX в. В целом конструкция казахских, мавераннахрских и тибетских зерцальных доспехов достаточно близка. Различия заключаются в основном в характере оформления поверхности зерцальных пластин. В Средней Азии преобладает растительный орнамент, в то время как тибетские пластины покрыты буддийскими символами («ваджрами», свастиками и др.) (рис. 209,*5, 6).* В начале массового производства зерцальных доспехов для тибетской «кольчужной» конницы использовались пластины простой конструкции — без выпуклых рельефных элементов, декоративных украшений и нередко без бортика (рис. 209, *3).* Пластины крепились к кожаным ремням с помощью нескольких полусферических заклепок. Из иных особенностей оформления отметим, что некоторые боковые пластины зерцальных доспехов среднеазиатского производства имеют полукруглые подмышечные вырезы, как на переднеазиатских «чар айна» (рис. 209, *4а, 4г).*

Появление и распространение зерцальных доспехов «среднеазиатского» типа среди центральноазиатских воинов мы напрямую увязываем с ростом популярности в регионе кольчужной брони. Эластичные и достаточно легкие, кольчатые панцири нередко не выдерживали популярного в Центральной Азии мощного копейного удара. Внедрение зерцального доспеха должно было повысить защитные свойства панцирного комплекса в целом, сохранив при этом все преимущества кольчатого броневого покрытия. Кроме того, гомогенные железные пластины служили дополнительной защитой против дистанционного оружия противника (камней, стрел, пуль).

В целом «среднеазиатский» зерцальный доспех усиливал панцирный комплекс, но не замещал его (как, например, османский или восточноевропейский зерцальный доспех), так как при его ношении незащищенными оставались плечи, руки и часть корпуса воина. Характерно в этой связи, что тибетские воины XVIII-XIX вв. носили описанные выше зерцальные доспехи не самостоятельно, а надетыми поверх кольчатых или «мягких» панцирей. Кроме того, фиксируются единичные случаи использования зерцальных доспехов в комплекте с ламмелярными и пластинчато-нашивными панцирями (рис. ПО, *2)*.

Помимо дисковидных зерцал среднеазиатские, казахские, кашгарские тяжеловооруженные всадники использовали и зерцала прямоугольной формы. Впервые такие зерцала были зафиксированы в Иране в XIV в, (Горелик, 1987, с. 184, 185, рис. 9-1). Оттуда они в XVI в. проникли и в Среднюю Азию, где в XVII в. стали достаточно популярны (Бобров, Худяков, 2002, с. 125-126). Обычно прямоугольные зерцала носились попарно: одно на груди, другое — на спине. Наспинное и нагрудное зерцала соединялись на плечах с помощью кожаных ремней и фиксировались на поясе специальными лямками. Такие зерцала надевались поверх кольчатых, кольчато-пластинчатых панцирей или «мягких» доспехов из органических материалов (рис. 209, *2а, 2б, 2в)*.

Представители высшей знати вместо зерцал носили зерцальные доспехи «переднеазиатского» типа, известные в оружиеведческой литературе под названием «чар айна» («четыре зеркала»). Последние состояли из четырех прямоугольных пластин, две из которых прикрывали грудь и спину, две остальные — бока. Пластины-боковины, как правило, снабжались полукруглыми подмышечными вырезами. Наспинная пластина иногда имела удлиненный и заостренный верхний край, прикрывавший верхнюю часть спины воина (рис. 209, *2, 7-10)*. Между собой пластины соединялись шарнирами или кожаными ремнями (Бобров, Худяков, 2002, с. 125-126). Панцирь фиксировался на корпусе с помощью плечевых лямок (к которым часто прикреплялись железные полусферические наплечные пластины), нашейной лямки и пояса. В Северной Индии (и, возможно, Кашгарии) наплечные лямки покрывались с внешней стороны кольчужными накладками и имели специальные заклепки для крепления к наспинной части.

«Чар айна» был важным элементом так называемого «индо-персидского» доспеха, вместе с которым он распространился по значительной территории Азии от Ирана до Индии и от степей Казахстана до Индийского океана. Конструкция «чар айна» на этих территориях была практически идентичной и различалась лишь в деталях.

Как и описанный выше «среднеазиатский» зерцальный доспех, его «переднеазиатский» аналог обычно не носился самостоятельно, а надевался поверх кольчатого или «мягкого» панциря. Среди войск центральноазиатских правителей доспехи «чар айна» во второй половине XVII — первой половине XVIII в. могли использоваться знатными воинами из числа кашгарских и среднеазиатских подданных Джунгарии, а также представителями джунгарской аристократии.

Помимо зерцал панцири усиливались специальными железными накладками, которые известны нам как по фольклорным, так и по археологическим материалам. В монгольской летописи «Шара Туджи» (XVII в.) при описании поединка ойрата Гуйличи и монгола Шигустэйа сказано, что последний, надев «двойной куяк», прикрыл грудь специальной железной «лопаткой» (ШараТуджи, 1957, с. 144), в других вариантах текста он «защищает печень железной накладкой» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 52). Такие металлические усилители панциря известны по археологическим материалам. К одной из пластин из Минусинской котловины, входившей в состав нагрудника, приклепан прямоугольный железный сегмент, который должен был, видимо, усилить эту часть панциря (рис. 121,2).

Панцирные пояса

В эпосе «Манас» на ойрате («калмаке») Конурбае надет «широкий панцирный кушак» (Липец, 1984, с. 68). Изображений позднесредневековых монгольских панцирных поясов не сохранилось. Об их внешнем виде мы можем судить по дошедшим до нас панцирным поясам Тибета и мусульманских государств региона (рис. 200).

Анализ тибетских, восточнотуркестанских и казахских панцирных поясов XVIII-XIX вв. указывает на то, что в этот период на значительной территории центральной части Евразии были распространены пояса, выполненные в рамках одной военно-культурной традиции. Основная масса пластинчатых панцирных поясов, использовавшихся в казахских степях, Яркенде, Кашгаре, Центральном Тибете, Бутане и Непале, имеют близкую конструкцию и различаются лишь в деталях. Все они набраны из узких железных (более или менее сильно выгнутых) пластин подпрямоугольной формы, собранных в длинную полосу и зафиксированных между собой с тыльной стороны с помощью кожаных ремешков. При фиксации на корпусе пояс представляет собой достаточно широкий пластинчатый корсет, прикрывающий живот и поясницу воина. Для иллюстрации тезиса о конструктивной близости панцирных поясов из различных районов региона рассмотрим три варианта пластинчатых панцирных поясов из Тибета, Восточного Туркестана и Казахстана.

Вариант **1.** Пластинчатый панцирный пояс с поясообразующей центральной пластиной, составленный из прямоугольных пластин с бортиком.

Включает 3 экз. из «Тибетской коллекции» музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) и фондов г. Вуланшабу (КНР).

Пояс № 1 из музея Метрополитен (36.25.28) изготовлен из вертикально расположенных выгнутых стальных пластин прямоугольной формы, снабженных по периметру бортиком (общая длина пояса — около метра). В набор входит 98 пластин (одна центральная, поясообразующая, 47 пластин формируют левую часть пояса, 50 — правую). Поясообразующей является крупная железная пластина прямоугольной формы. Она почти в два раза шире всех других пластин, составляющих пояс, и снабжена фиксатором с полусферической шляпкой. Узкие пластины перекрывают края центральной пластины и расходятся далее наподобие веера. В каждой пластине проделаны отверстия, в которые вставлены заклепки, с помощью которых пластины крепятся к трем кожаным ремням, пропущенным с тыльной стороны пояса. Крайние ремни проходят не вдоль верхней и нижней кромки пластин, а на некотором расстоянии от нее. Отдельный ремень проходит по центру пояса. Крайняя левая пластина пояса снабжена двумя металлическими пряжками, а крайняя правая — кожаными ремешками для фиксации пояса на корпусе. Пояс датируется сотрудниками музея XVIII-XIX вв. (рис. 200, *1*).

Пояс № 2 изготовлен из 82 (изначально было около 90) вертикально расположенных выгнутых стальных пластин прямоугольной формы, снабженных по периметру бортиком (общая длина пояса в настоящее время — 99,1 см). Поясообразующей является крупная железная пластина подпрямоугольной формы с округлыми верхними и нижними сторонами. Она почти в четыре раза шире всех других пластин, составляющих пояс, и снабжена фиксатором с полусферической шляпкой. Узкие пластины перекрывают ее края и расходятся далее наподобие веера. В каждой пластине проделаны отверстия, в которые вставлены заклепки, с помощью которых пластины крепятся к трем кожаным ремням, пропущенным с тыльной стороны пояса (длина — 99,1 см). Ремни проходят вдоль верхней и нижней кромки пластин, а также по центру пояса. Пояс датируется сотрудниками музея XVII-XIX вв. (рис.200, *5*).

Пластинчатый панцирный пояс из фондов музея г. Вуланшабу (КНР) сохранился не полностью — на его правом конце отсутствуют 2-3 пластины. В настоящее время пояс состоит из 84 пластин (одна центральная, поясообразующая, 43 пластины формируют левую часть пояса, 40 — правую). Первоначально поясной набор состоял из 86-87 пластин. Поясообразующей является крупная железная пластина прямоугольной формы. Снабженные бортиком выгнутые узкие пластины перекрывают края центральной пластины и расходятся далее наподобие веера. В каждой пластине проделаны отверстия, в которые вставлены заклепки, с помощью которых пластины крепятся к трем кожаным ремням, пропущенным с тыльной стороны пояса. Ремни проходят вдоль верхней и нижней кромки пластин, а также по центру пояса. К крайней правой пластине были приклепаны две пряжки с ме-

таллическими язычками (одна из них не сохранилась), в которые пропускались кожаные ремешки, стягивавшие и фиксировавшие пояс на талии. Данный пластинчатый пояс был предположительно изготовлен в Восточном Туркестане в XVIII-XIX вв. (рис.200, *2)*.

Вариант **2.** Пластинчатый панцирный пояс, составленный из прямоугольных пластин с закругленными углами.

Включает 1 экз. из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея (№ 3758).

Пояс (общая длина — 101 см, ширина — 13,1 см) изготовлен из вертикально расположенных стальных пластин прямоугольной формы с закругленными углами (длина — 13,1 см, ширина — 2,1 см, толщина — 0,5 см). Предположительно в набор входило 78 или 79 пластин. В настоящее время одна или две из них утрачены. Пластины частично перекрывают друг друга, создавая двойной слой броневого покрытия. В пластинах проделаны отверстия, в которые вставлены заклепки, с помощью которых пластины крепятся к трем кожаным ремням, пропущенным с тыльной стороны пояса (длина — 101 см). В отличие от описанного выше тибетского панцирного пояса, ремни проходят вдоль верхней и нижней кромки пластин, а также по центру пояса. В качестве заклепок используются короткие металлические стержни, концы которых расплющены и превращены в округлые шляпки диаметром 1,8-2,0 мм (на лицевой части пояса) и 4-6 см (на ремнях). В крайнюю пластину вставлены две пряжки с металлическими «язычками», через которые пропускаются ремешки (47 и 15 см при ширине — 0,9 см).

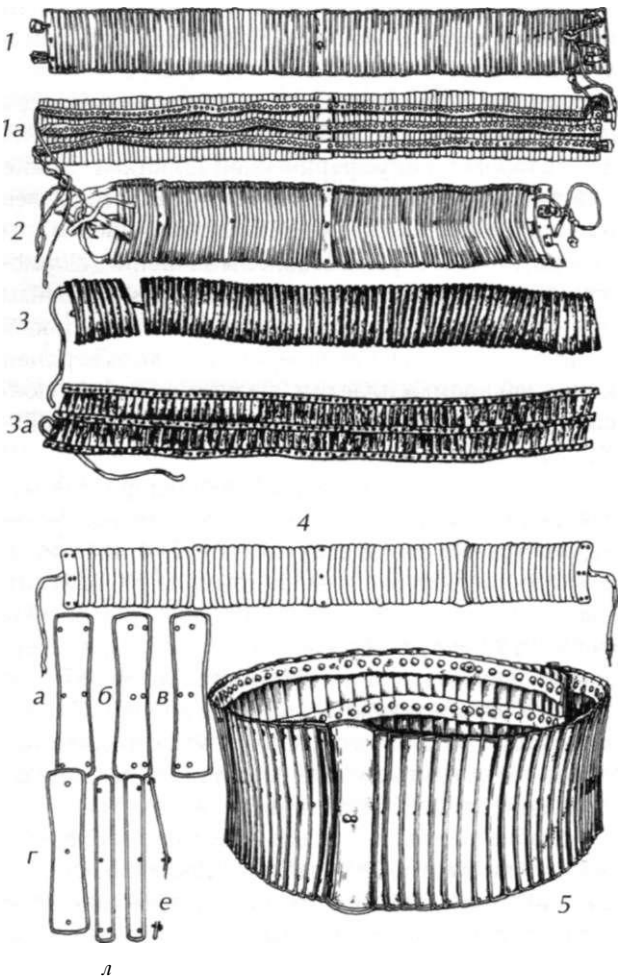

Рис.200. Пластинчатые панцирные пояса из Тибета *(1,5),* Восточного Туркестана *(2-3)* и Казахстана *(4).*

Согласно данным сотрудников музея, этот панцирный пояс был изготовлен уйгурскими мастерами Восточного Туркестана во второй половине XIX в. (рис. 200, *3).*

Вариант **3.** Пластинчатый панцирный пояс с тремя поясообразующими центральными пластинами.

Элементы данного пластинчатого пояса хранятся в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан. Согласно реконструкции К. С. Ахметжана, пояс имел три центральные пластины, выделявшиеся крупными размерами и округлыми верхними и нижними сторонами. От центральных пластин веером расходились узкие железные пластины прямоугольной формы (рис. 200,*4)*. В пластинах проделаны отверстия, в которые вставлены заклепки, с помощью которых пластины крепятся к трем кожаным ремням, пропущенным с тыльной стороны пояса. Ремни проходят вдоль верхней и нижней кромки пластин, а также по центру пояса.

Панцирные пояса с центральной поясообразующей пластиной обычно носились таким образом, что она располагалась в районе поясницы, а пряжки и пропущенные в них ремешки — на животе. Кожаные ремни с ножнами, ружейной амуницией и т. д. могли поддеваться под панцирный пояс, но чаще носились поверх него.

Появление пластинчатых панцирных поясов мы связываем с попыткой мастеров мусульманских государств Средней Азии усилить традиционный кольчатый доспех. В XVII-XIX вв. для этих целей

использовались также округлые и прямоугольные зерцала, металлические наплечники, зерцальные доспехи. Панцирные пояса быстро становились популярными в тех регионах, где кольчатые панцири были широко распространены (Казахстан, Восточный Туркестан). Например, кашгарский (?) пластинчатый панцирный пояс из фондов музея г. Вуланшабу входил в состав комплекса защитного вооружения, состоявшего из кольчужного «чепца», кольчужной рубашки и створчатых наручей с кольчатым соединением. Можно предполагать бытование таких поясов в государствах Мавераннахра и в Северной Индии. В первой половине XVIII в. панцирные пояса могли применяться воинами Джунгарского ханства. В Тибете и Бутане пластинчатые панцирные пояса становятся актуальными по мере того, как конные панцирники все чаще предпочитают кольчатую броню традиционному ламеллярному доспеху. Однако косвенные данные позволяют утверждать, что в Тибете пластинчатые панцирные пояса также использовались в комплекте с ламеллярными доспехами. В монастыре Дрепунг вывешен панцирный комплекс, который наряду с пластинчатым панцирным поясом, шлемом и кольчугой включает в себя ламеллярный «халат» (без наплечников) и зерцальный доспех из четырех пластин округлой формы (рис. 110, *2)*.

Защита конечностей позднесредневековых кочевников Центральной Азии представлена наручами, нарукавьями, набедренниками и поножами.

Наручи

Наруч предназначался для защиты руки воина и прикрывал ее как минимум от запястья до локтя, а как максимум — от локтя до кончиков пальцев. Нарукавье покрывало всю руку воина от плеча до кисти. Под набедренниками в данном случае мы понимаем специальную защиту бедра воина, не являющуюся неотъемлемой частью корпусного панциря. В комплект с позднесредневековыми набедренниками часто входили наколенники и наголенники, крепившиеся к набедренникам с помощью ремней, кольчужных колец или шарниров и составлявшие с набедренниками единое целое. Поножи служили для защиты ноги воина от колена до щиколотки. Поножи могли снабжаться специальным панцирным сегментом для защиты ступни, а также соединяться с набедренником в районе колена.

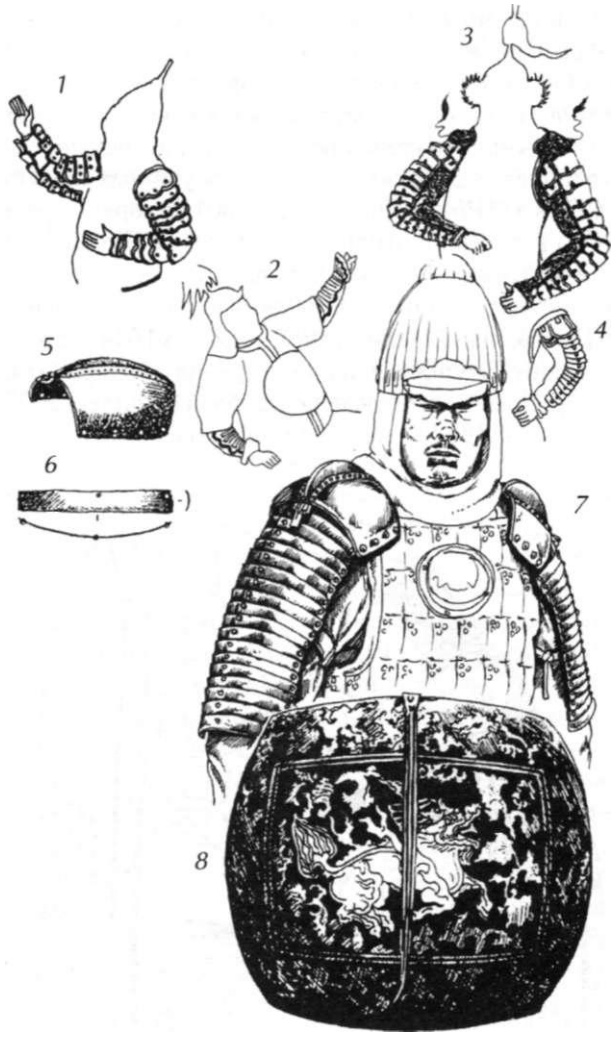

Рис. 201. Разновидности переднеазиатских (/), китайских *(3, 4),* маньчжурских (2) ламинарных и стеганых нарукавий, железный вороненый монгольский (?) наплечник (по М. В. Горелику) (8), кованые наплечники и ламинарные нарукавники (по М. В. Горелику) из памятника Ийи-Кулак (5-6) и их реконструкция (7).

В раннее и развитое Средневековье специальная защита рук и ног не была широко распространена среди рядовых кочевников и оставалась прерогативой знати и тяжеловооруженной конницы. Однако начиная со второй половины XIV в. изображения наручей фиксируются все чаще, что свидетельствует о повышении значимости конного боя с использованием клинкового оружия, в ходе которого основной опасности подвергались руки воина от кисти до локтя. Данные иконографии подтвер-

ждаются материалами письменных источников и образцами из старых оружейных коллекций. В описи Оружейной палаты Московского Кремля упоминаются «наручи мугальские» («наручи куяшные»), «наручи калмыцкие», они же встречаются в «отписках» русских послов и «служилых людей» XVII в. (МРМО, 1959, с. 245, 250). В первой трети XVII в. северомонгольский Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи послал в подарок русскому царю «наручи железные» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 50). В 1644 г. джунгарский Батур-Хунтайджи отправил в подарок «Белому царю» наручи по цене 5 рублей (Миллер, 2005, с. 280). В 1666 г. Аблай-тайша передал в подарок русскому царю в комплекте с пластинчато-нашивным панцирем, покрытым желтым бархатом, и шлемом «наручи оправлены серебром» (МРМО, 1996, с. 126). У князя В. В. Голицына хранились «наручи калмыцки, ветхие», которые были оценены в «6 алтын 4 деньги» (Бакланова, 1928, с. 72). Изготовленные кыргызскими и монгольскими оружейниками «булатные наручи» очень высоко ценились и покупались русскими служивыми людьми. Так, качинский татарин Кула выменял «винтовку» у пятидесятника Родиона Кольцова за пару «мугальских наручей» (Бахрушин, 1959, с. 132). В первой половине 20-х гг. XVII в. томский воевода Иван Шеховский вымогал у кыргызского князца Исар-

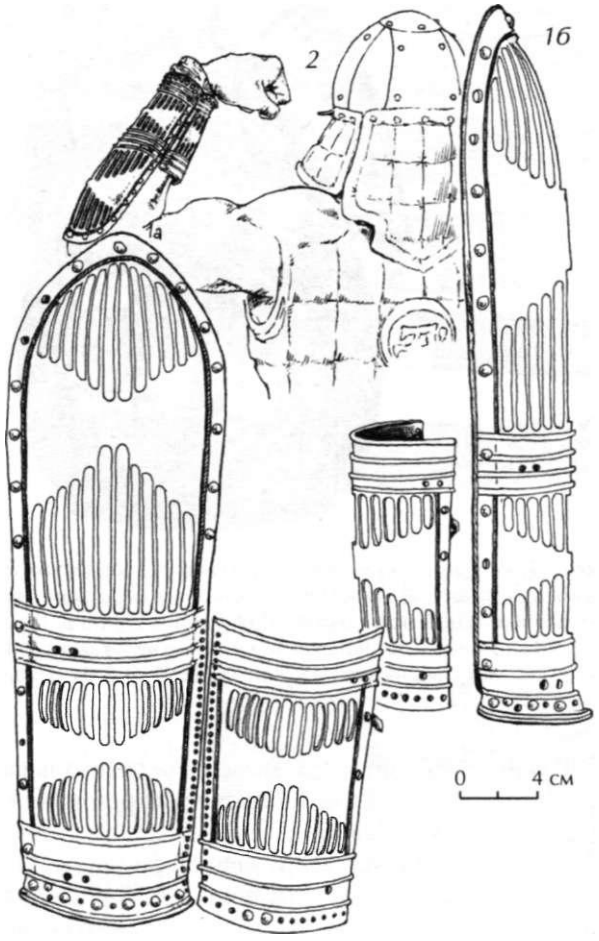

Рис. 202. Двухстворчатый «калмыцкий» наруч с комбинированным кольчато-ременным соединением. Хранится в фондах ОПМК (ОР 4101/3, /4; старая нумерация 4711).

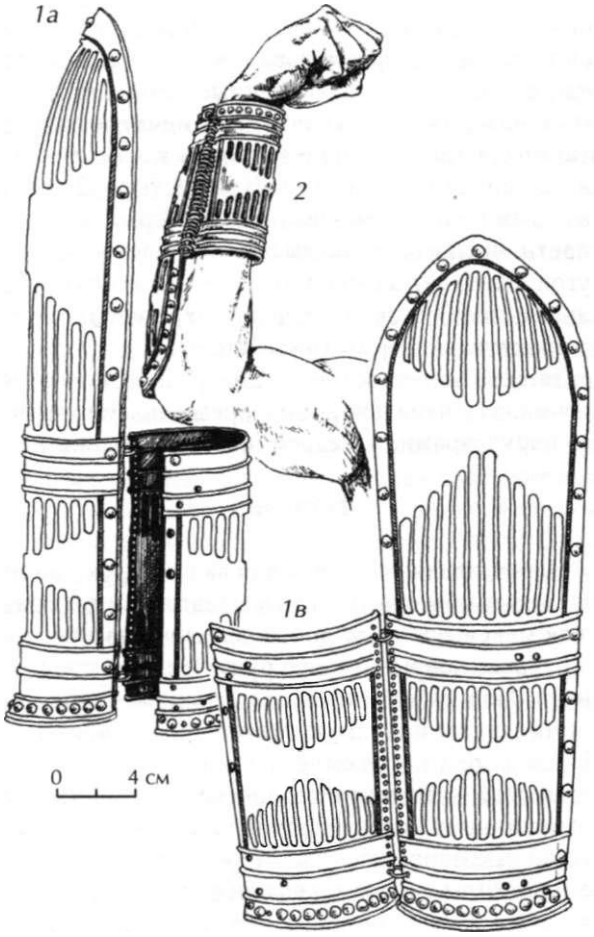

Рис. 203. Двухстворчатый «калмыцкий» наруч с комбинированным кольчато-ременным соединением. Хранится в фондах ОПМК (ОР 4101/3,/4; старая нумерация 4711). Входит в состав комплекта, состоящего из двух наручей (см. рис. 202).

ского улуса Кочабая «булатные наручи», в обмен на которые он обещал отпустить на родину сына Кочабая Уруску: «А сказал (И. Шеховский. — *Авт.)* только де он, Кочебай, привезет к збруе булатные наручи, да камку желтую на золоте, да барса, да ясыря... и он сына ево отдаст и отпустит ево в Кыргызы». Интересно, что если за «барсом» и «камкой» для выкупа Кочабай посылал в Китай, то наручи были изготовлены в самом Хонгорае (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 55). Путешественники XVIII в. особо отмечают, что калмыки использовали наручи, створки которых соединялись кожаными ремнями с помощью пряжек. Так, Паллас писал, что калмыки защищали «наружную сторону руки от локтя до кисти двумя стальными бляхами, которые застегиваются плотно посредством пряжек» (Паллас, 1809, с. 476). В описях наследства полковника и князя Алексея Дондукова (одного из сыновей хана Дондук-Омбо) 1784 г. упоминаются различные виды панцирей в комплекте с защитой рук: 1. Панцирь, «называемый Тараглу яндыковским, при нем наручи и перчатки панцирные»; 2. Панцирь, «называемый Ботонос, при нем мисюлка, наручи и перчатки панцирные»; 3. Панцирь «Алтыншиге с наручами и перчатками» (Басхаев, 2000, с. 61).

Судя по частоте упоминаний железных наручей в числе предметов защитного вооружения позднесредневековых монгольских и кыргызских воинов, они были достаточно широко распространены среди центральноазиатских панцирников XVI-XVIII вв. (рис. 202, 203, 204).

Среди рассмотренных нами материалов остатки наручей представлены 9 экз., изображения наручей выделены у 18 воинов (рис. 205, 206, 207).

Класс I. Железные.

Отдел I. Створчатые с кольчатым соединением.

Группа I. Овальные.

Тип 1. Двухстворчатые наручи с кольчато-ременным соединением.

Вариант 1. Двухстворчатые с комбинированным кольчато-ременным соединением и желобками, образующими «шевроны», обращенные остриями друг к другу, с медными заклепками по периметру (рис. 202, 203).

Включает комплект наручей из 2 экз. из фондов ОПМК (ОР 4101 / 3, / 4, старая нумерация 4711).

Длина створок наручей: длинных — 34 см, коротких — 14,5 см. Ширина длинных створок наручей — 8,5 см (в нижней части), 9 см (в центральной части), 10,5 см (в верхней части). Ширина коротких створок — 8 см (в нижней части), 8,5 см (в верхней части). На одном краю створки соединялись с помощью «пансырных» колец, на другом стягивались кожаными ремешками. Наручи снабжены по периметру плоским бортиком, покрытым рядом полусферических медных заклепок. Бортик и заклепки отсутствуют лишь в нижней трети наруча, где длинная и короткая створки соединяются с помощью «пансырных» колец. Поверхность наручей покрыта рядами желобков («доликов»), образующих четыре клина («шеврона»), обращенных остриями друг к другу. Традиция оформления панцирных элементов рядами желобков в период позднего Средневековья была широко распространена в Западной и Восточной Европе, Северной Африке, Передней, Средней и Центральной Азии. Длинные желобки стали характерным элементом западноевропейского рифленого так называемого «максимилиановского» доспеха XVI в. (Бехайм, 1995, с. 120). Короткими желобками подпрямоугольной формы покрыты зерцальные доспехи, изготовленные в Москве для царей Михаила Федоровича в 1616 г. и Алексея Михайловича в 1670 г. (Государева Оружейная палата, 2002, с. 102-103, 108—109). «Шевронный» рифленый узор, близкий к оформлению рассматриваемых наручей, фиксируется на зерцальном доспехе, изготовленном Никитой Давыдовым в 1663 г., и бутурлуках мастера Григория Вяткина 1664 г. (там же, с. 104-107, 126-127). Узкими длинными желобками покрыты некоторые типы тибетских или монгольских железных наручей, хранящихся в фондах музея Метрополитен (Нью Йорк, США). «Долики» на «калмыцких» наручах выполняют ту же функцию, что и желобки на европейских и русских доспехах. Они уменьшают вес изделия, сохраняя все необходимые защитные функции панцирного элемента, в то время как междольные выпуклости представляют собой дополнительные ребра жесткости.

Судя по оформлению нижней части наручей, они не имели кольчужных или «пансырных» перчаток или рукавиц. Наручи плотно облегают руку и прикрывают ее внешнюю часть от кисти до локтя.

Согласно «Описи» 1884 г., в этот период наручи имели значительные повреждения: отсутствовала подкладка, железные элементы были «поломаны и поржавели» (Опись..., 1884, с. 166). В настоящее

время левый наруч лишен колец и ремешков, скреплявших створки, а правый снабжен лишь двумя кольцами, кроме этого, с левого наруча утеряны многие медные заклепки.

Вариант 2. Двухстворчатые наручи с кольчато-ременным соединением и желобками, образующими «шевроны», обращенные остриями к локтю и запястью, с медными заклепками по периметру.

Включает комплект из 2 экз. из фондов ОПМК (ОР 4101 / 1, /2, старая нумерация 4710).

Запястья наручей украшены выпуклыми медными заклепками полусферической формы («медными репейчатыми гвоздями»). Такие же заклепки покрывают и проходящий по периметру наручей бортик. Вес наручей — «два фунта, шестьдесят девять золотников», т. е. около 1 кг 205 г.

Судя по материалам «Описи Московской оружейной палаты», наручи были дополнительно снабжены кожаными ремешками с медными пряжками, стягивавшими их створки. Согласно переписной книге имения князей Голицыных 1690 г., долы на наручах были позолочены. Наручи имели органическую подкладку из «белой китайки с голубыми цветами». Составителями «Описи» наручи были оценены в «шесть алтын четыре деньги» (Опись..., 1884, с. 166). Судя по оформлению нижней части наручей, они не имели кольчужных или «пансырных» перчаток или рукавиц. Наручи плотно облегают руку и прикрывают ее внешнюю часть от кисти до локтя.

Согласно «Описи» 1884 г., «наручи побиты, помяты, перемычки порваны и многих колец нет; подкладка оборвана...» (там же).

Кроме наручей с кольчато-ременным соединением, воинами Центральной Азии применялись двухстворчатые наручи с шарнирным соединением. В частности, в музее Метрополитен (г. Нью Йорк, США) хранится двухстворчатый наруч, выполненный из двух створок: длинной основной и более короткой запястной, соединенных с помощью шарниров. Основная створка в нижней части имеет форму несомкнутого цилиндра, а в верхней расширяется, прикрывая локоть. Плоскость основной створки усилена тремя вертикальными накладками и обкладкой в верхней локтевой части. Обе створки покрыты рядами горизонтально расположенных декоративных прорезей. Данный наруч может быть датирован периодом позднего Средневековья и Нового времени.

Тип 2. Трехстворчатые наручи с комбинированным кольчато-ременным соединением.

Вариант 1. Трехстворчатые покрытые гравировкой наручи с комбинированным кольчато-ременным соединением, короткими створками запястья и кольчужной рукавицей.

Включает 1 экз. из Омского государственного историко-краеведческого музея.

Наруч состоит из трех железных створок (основная створка, две створки запястья) и кольчужной рукавицы на матерчатой подкладке (рис. 207, *18*).

Основная створка представляет собой изящно изогнутую выпуклую железную пластину, заостренную на одном конце (локтевая часть наруча) и обрезанную под прямым углом на другом (в районе запястья). Общая длина основной створки — 38 см. Ширина существенно варьируется. В локтевой части створка расширяется до 10,3 см, а на запястье сужается до 7,5 см. Поверхность пластины покрыта гравировкой, представляющей собой изображения «шевронов», обращенных острием к локтевой части наруча, что сближает данный наруч с описанными выше «наручами калмыцкими». Однако, в отличие от последних, «шевроны» наруча из Омского государственного историко-краеведческого музея лишь имитируют вдавленности, оставляя поверхность створки гладкой. Промежутки между «шевронами» заполнены растительным орнаментом и надписями на арабском языке. Вдоль левой кромки пластины, в ее нижней части, пробиты 11 отверстий для кольчужных колец, с помощью которых основная створка соединялась со створками запястья. На руке створка дополнительно фиксировалась с помощью кожаных ремешков. Последние продевались в специальные железные обоймы и фиксировались пряжками. Две снабженные «язычками» пряжки расположены у правой кромки створки, в нижней и верхней трети соответственно. На левой стороне створки, в ее верхней трети, приклепана металлическая обойма. Сквозь верхние обоймы и пряжки пропускался кожаный ремень, фиксировавший наруч на руке несколько ниже локтевого сгиба. Последняя, четвертая, обойма находилась на левой пластине запястья. Через нее пропускался ремень, соединявший ее с пряжкой у правой кромки основной створки.

Две створки, прикрывающие запястья, представляют собой небольшие практически плоские пла-

стинки прямоугольной формы (длина — 9,5 см, ширина — 2,7 см). Вдоль их боковых сторон пробиты отверстия для кольчужных колец, соединявших их между собой и с основной створкой. На правой створке запястья с правой стороны пробиты 11 отверстий, с левой — 12. На левой створке запястья вдоль правой кромки пробиты 11 сквозных отверстий. На левой стороне створки отверстия отсутствуют. Их заменяет приклепанная к центральной части створки железная обойма. Поверхность обеих пластин запястья покрыта гравировкой (растительный орнамент).

Наруч снабжен специальной защитой тыльной стороны ладони. Она представляет собой рукавицу, выполненную из кожи и снабженную красной матерчатой подкладкой. С внешней стороны рукавица усилена вшитым кольчужным сегментом, повторяющим форму рукавицы. Длина рукавицы — 17,5 см, ширина — 13,8 см, в том числе длина вынесенного большого пальца — 5 см, ширина — 3,2 см. Интересно, что рукавица соединена кольчужными кольцами со створками запястья, в то время как отверстия вдоль нижней кромки основной створки отсутствуют. Скорее всего кольца, соединявшие рукавицу и основную створку, пропускались через нижние сквозные отверстия основной створки.

В собранном виде наруч прикрывает всю руку от кончиков пальцев до локтя.

До передачи в Омский государственный историко-краеведческий музей наруч входил в состав коллекции ЗСОРГО. Судя по конструкции и системе оформления наруча, он был изготовлен в мастерских государств Средней Азии в XVII-XVIII вв. и мог использоваться казахскими и западномонгольскими воинами этого времени.

Вариант 2. Трехстворчатые наручи с вырезным верхним краем, комбинированным кольчато-ременным соединением, длинными створками запястья.

Включает комплект из двух наручей из фондов музея г. Вуланшабу (КНР).

Наруч состоит из трех железных створок (основная створка, две створки запястья). Створки имеют вырезной верхний край и ровный нижний. Локтевая часть основной створки наруча оформлена в виде трех полукружий (рис. 207,*16)*. Очень похожую форму имеет центральная створка наруча среднеазиатского производства из фондов музея Самарканда (Бобров, Худяков, 2002, с. 141, 157, рис. 17,7). В отличие от предыдущего варианта, в данном случае створки запястья практически не уступают по длине основной створке и доходят почти до локтевого сгиба. Створки запястья крепятся с двух сторон к центральной створке с помощью кольчужных колец, а между собой фиксируются кожаными ремешками, пропущенными через четыре обоймы в верхней и нижней третях боковых створок.

Наручи входят в комплект защитного вооружения, который соотносится с комплексом вооружения воинов Восточного Туркестана XVIII-XIX вв. Подобные наручи могли использовать джунгарские подданные Кашгарии и сами западные монголы в первой половине XVIII в.

Отдел II. Одночастные с ременным креплением.

Группа I. Овальные.

Тип 3. Одностворчатые выпуклые наручи с ременным соединением.

Вариант 1. Одностворчатые наручи с ременным соединением и бортиком по периметру (рис. 207, *15)*.

Включает 1 экз. из Убсу-Нурского аймака Монголии (хранится в музее г. Улангома). Найден вместе с железным шлемом. Наруч представлен центральной створкой, имеющей вид прямоугольной, немного сужающейся к центру железной пластины, с округлым верхним и ровным нижним краем. Следов крепления кдругим своркам не зафиксировано. Вероятно, наруч состоял из одной пластины, которая прикреплялась непосредственно к кожаному нарукавнику и фиксировалась ремнями. Такая форма крепления наручей известна по центральноазиатским изображениям раннего Средневековья, хотя форма наручей VIII—IX вв. была иной (Горелик, 1995, с. 415, табл. 53,4,6,11;Чжунгогудай..., 1990, с. 214). Скорее всего парного комплекта не было и наруч прикрывал правую руку от кисти до локтя, которая в ходе кавалерийского боя на клинковом оружии подвергалась особой опасности.

Отдел III. Ламеллярные.

Группа I. Овальные.

Тип 4. Ламеллярные цилиндрические наручи.

Фиксируются по иконографическим материалам XV-XVI вв. Представляли собой прямоугольный сегмент ламеллярной брони на подкладе, свернутый в виде цилиндра со сплошным разрезом и ремешками для стягивания. Прикрывал руку воина

от запястья до локтя и обычно имел ровный верхний край (рис. 205). На ряде тибетских изображений также фиксируются чешуйчатые наручи (рис. 206, *10).* Иногда ламеллярные наручи могли снабжаться матерчатыми или кожаными чехлами с декоративными отверстиями с вырезным краем, благодаря которым можно было видеть пластинчатое бронирование наруча (рис. 205, *5-8).*

Отдел IV. Пластинчато-нашивные с внешним бронированием.

Группа I. Овальные.

Тип 5. Пластинчато-нашивные цилиндрические наручи.

Фиксируются по иконографическим материалам XV-XVIII вв. Выгнутые узкие пластины — полосы из железа или твердой кожи — нашивались или приклепывались (рис. 206, *1 -9,11 -14,17) к* органической основе панциря горизонтально, так, чтобы их верхний (нижний) край немного перекрывал плоскость соседней пластины. Для предохранения пластин от сырости поверх наруча одевался тканевый или кожаный чехол. Иногда он мог иметь декоративные отверстия с вырезным краем, в которых можно было видеть пластинчатое бронирование наруча (рис. 206, *5-6, 9, 14).*

Класс II. Органические материалы (кожа, ткань).

Отдел V. Створчатые наручи из органических материалов с ременным соединением.

Группа I. Овальные.

Тип 6. Одностворчатые наручи из твердой кожи с ременным соединением.

Вариант 1. Одностворчатые наручи из твердой кожи с ременным соединением, покрытые лаком и украшенные орнаментом.

Включает несколько экземпляров из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (рис. 204, *1-3).*

Наручи имеют в длину около 30 см. Они изготовлены из одного куска выгнутой твердой кожи, имеющей характерную L-образную форму. Нижняя часть наруча, охватывающая запястье, представляет собой несомкнутую цилиндрическую трубку. В верхней части наруч резко расширяется и с запасом прикрывает локоть. Наручи фиксируются на руке с помощью веревок и кожаных ремешков. Одна из створок снабжена в нижней части сквозными отверстиями, возможно служившими для подвешивания элемента защиты кисти (рис. 204, *3).*

Поверхность наручей покрыта богатым густым орнаментом на основе буддийской символики, геометрических фигур, растительных мотивов. Один из наручей украшен изображением дракона в цветочных зарослях. Все оформление выдержано в традиционных черно-золотых и черно-красных тонах.

Все наручи определяются американскими исследователями как «тибетские или монгольские» и датируются XV-XVII вв.

По мнению английских и американских историков и оружиеведов, все известные позднесредневековые наручи из твердой кожи надевались только на левую руку и были одинарными, т. е. не имели пары. На наш взгляд, это несколько противоречит известным сведениям письменных и изобразительных источников, а также материалам с сопредельных территорий. В ходе конного и пешего боя особой опасности подвергалась именно правая рука, в которой воины держали клинковое и ударное оружие. Учитывая тот факт, что многие тибетские панцирники использовали щиты, прикрывавшие левую руку и левую часть корпуса, кажется логичным, что тибетские воины должны были бы в первую очередь позаботиться о своем правом запястье и локте. По нашему мнению, наличие в фондах музеев почти исключительно наручей левой руки, имеет другое объяснение, чем то, которое предложили англосаксонские исследователи. Наручи правой руки принимали на себя основную массу ударов противника и первыми выходили из строя или теряли «товарный вид». Левые наручи сохранялись гораздо лучше и поэтому поступали в длительное хранение. Английские офицеры, грабившие склады старинного тибетского оружия в начале XX в., отбирали предметы наилучшей сохранности, забирая с собой левые наручи и оставляя более потрепанные правые экземпляры. Этой же логикой руководствовались и скупщики старинных вещей в первой половине — середине XX в. В результате в фонды музеев попали почти исключительно наручи левой руки, отличавшиеся хорошей сохранностью и практически не поврежденной поверхностью. Подтверждением нашего предположения служат тибетские изобразительные материалы XV-XIX вв. На тибетских танка конные и пешие панцирники, применяющие защиту рук, в подавляющем большинстве случаев используют не один, а два наруча.

Вариант 2. Одностворчатые наручи из твердой кожи с ременным соединением, усиленные вырезными металлическими накладками.

Рис. 204. Центральноазиатские наручи из твердой кожи периода позднего Средневековья и Нового времени. Хранятся в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

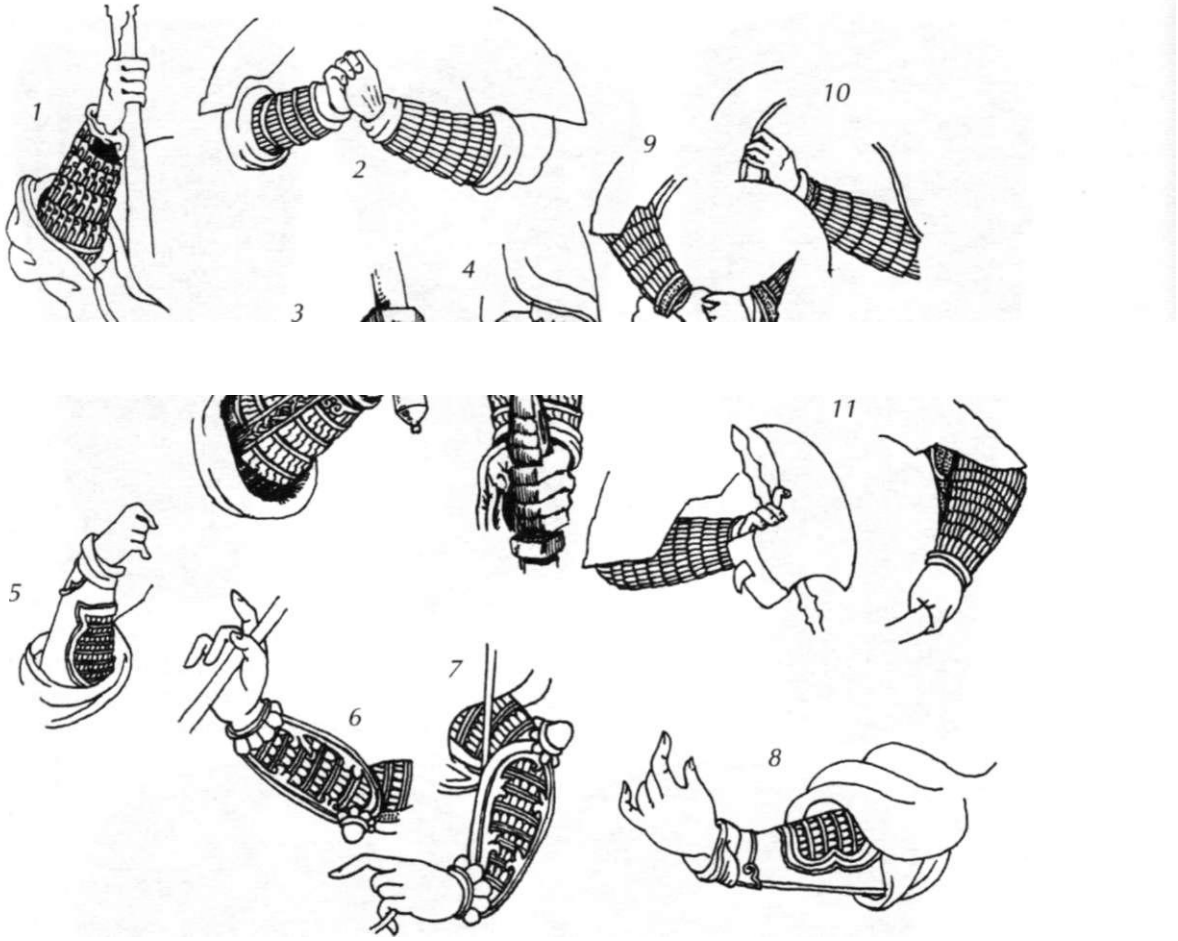

Рис. 205. Изображения юаньских первой половины XIV в. и монгольских второй половины XIV — XV в. *(2, 9-11),* минских *(3-4),* монгольских (?) и тибетских *(5-8)* ламеллярных наручей периода позднего Средневековья и Нового времени.

Включает 1 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Общая длина наруча — 25,4 см. Наруч изготовлен из одного куска выгнутой твердой кожи. Нижняя часть наруча, охватывающая запястье, представляет собой несомкнутую цилиндрическую трубку. В верхней части наруч постепенно расширяется и прикрывает локоть. Отличительной чертой конструкции наруча являются дополнительные металлические накладки, покрывающие его плоскость. По периметру створки пропущена железная обкладка, представляющая собой узкую полосу железа с фестончатым краем. Передняя часть наруча усилена тремя вертикальными железными полосами, снабженными плоскими прорезными пластинами с вырезным краем. Металлические накладки крепятся к кожаной поверхности наручей с помощью полусферических заклепок (рис.204,*4)*.

Американские ученые определили наручи как «тибетские» и датировали XV-XVI вв. Действительно, оформительский мотив, присутствующий на металлических накладках, имеет аналоги в тибетских позднесредневековых материалах, однако он также встречается на монгольских шлемах XV-XVIII вв. (рис. 150). Поэтому нам представляется более корректным атрибутировать данные наручи как «центральноазиатские» и датировать их периодом позднего Средневековья и Нового времени.

Тип 7. Створчатые наручи из плотной ткани или мягкой кожи, усиленные металлическими накладками.

Рис. 206. Изображения полосчатых, чешуйчатых и створчатых наручей восточноазиатского образца (юаньских — *1–5, 8, 11–17*; минских — *6*; цинских — *7*; монгольских — *9*; тибетских — *10*).

Помимо железных наручей в Центральной Азии и на Дальнем Востоке традиционно использовалась защита рук из органических материалов. Енисейские кыргызы использовали деревянные накладки (Бобров, 2001, с. 106), воины империи Сун — кожаные наручи с металлическими усилителями (Чжунго гудай..., 1990, с. 214, рис. 9,*56)*. В позднее Средневековье у корейцев были популярны наручи из плотной ткани. Они прикрывали руку от локтя «до костяшек» (Асмолов, 2002, с. 22), такие же наручи фиксируются и у маньчжуров XVIII в. (Чжунго гудай..., 1990, с. 275, рис. 12,*65)*. На ряде изображений монгольских и китайских воинов XV-XIX вв. можно предполагать наручи из кожи или плотной толстой ткани, уложенной в несколько рядов. Поверх таких наручей нашивались ряды ламеллярных или ламинарных пластинок или металлических накладок вырезной формы (рис. 206, *15,16)*.

Вариант **1.** Одностворчатые наручи из кожи с ременным соединением и сегментом для защиты тыльной стороны ладони, обшитые железными бляшками округлой формы.

Включает 2 экз. из фондов Королевского музея (Эдинбург, Великобритания).

Наручи изготовлены из полосы мягкой кожи, которая первоначально была обтянута тканевым покрытием. У запястья наручи имеют вырезное расширение, прикрывавшее тыльную сторону ладони. Внешняя сторона наручей обшита мелкими округлыми бляшками, которые фиксируются на их поверхности с помощью кожаных ремешков, пропущенных через два шнуровочных отверстия. Значительная часть бляшек в настоящее время утрачена.

Интересно, что данные наручи пришнурованы кламеллярным наплечникам,что позволяет английским и американским ученым трактовать их как «рукава». Не отвергая в принципе возможность жесткой сцепки наручей и наплечников в данном конкретном случае, все же отметим, что в изначальном варианте они скорее всего были разделены либо имели менее жесткое соединение (например, через растянутые в районе локтя шнуры), в противном случае при нанесении рубящих ударов воин испытывал бы известный дискомфорт.

Близкие по конструкции наручи были обнаружены при раскопках Тзапаранга — столицы княжества Гугэ в Западном Тибете.

Наручи (как и весь панцирный комплекс) уверенно датируются XVII в. по результатам углеродного тестирования, обозначившего промежуток между 1630 и 1690 гг.

Таким образом, всего выделено: два класса, одна группа, пять отделов и семь типов позднесредневековых центральноазиатских наручей.

Судя по форме одностворчатого наруча из Монголии, форме и особенностям оформления двухстворчатых «калмыцких» (ойратских) наручей из ОПМК, их ковали мастера, работавшие в рамках среднеазиатской традиции, которая, в свою очередь, восходила к западноазиатским образцам.На это указывают характерная форма наруча (с ровным нижним и полукруглым верхним краем), система соединения створок между собой и кожаной подкладкой, наличие бортика по периметру и желобков на «калмыцких» наручах. Все эти элементы фиксируются на западно- и среднеазиатском материале, но практически не известны на Дальнем Востоке. В Средней Азии железные створчатые наручи, иногда снабженные панцирными перчатками (рис. 207, *1, 2)* и рукавицами, использовались исключительно широко. Их носили воины тяжелой и средней конницы, конные лучники и даже отдельные пехотинцы городского ополчения (Бобров, Худяков, 2002, с. 133, 142). Судя по бухарским и самаркандским миниатюрам XVI-XVII вв. и дошедшим до нас реальным образцам, среднеазиатские наручи состояли из 2-3 пластин, соединенных ремнями или кольчужным плетением (рис. 207,*3-12)*. Верхняя кромка могла выковываться в форме полукружья или острого угла, выходившего за пределы локтевого сустава, и выполнять и защитную, и декоративную функцию. Поверхность наруча покрывалась гравировкой и желобками (рис. 207, *7, 9, 10, 12)*. В целом среднеазиатские наручи почти в точности повторяют формы, существовавшие на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Восточной Европе. Связывать появление таких наручей в Монголии следует с влиянием Средней Азии вообще и Кашгарского Моголистана в частности.

Наручи из органических материалов с нашитыми поверх органической основы металлическими накладками и пластинками, а также ламеллярные и ламинарные наручи мы связываем с восточноазиатской традицией системы защиты рук, восходящей к оружейному комплексу Сунского Китая XI в. и чжурчжэньской империи Цзинь XII — начала

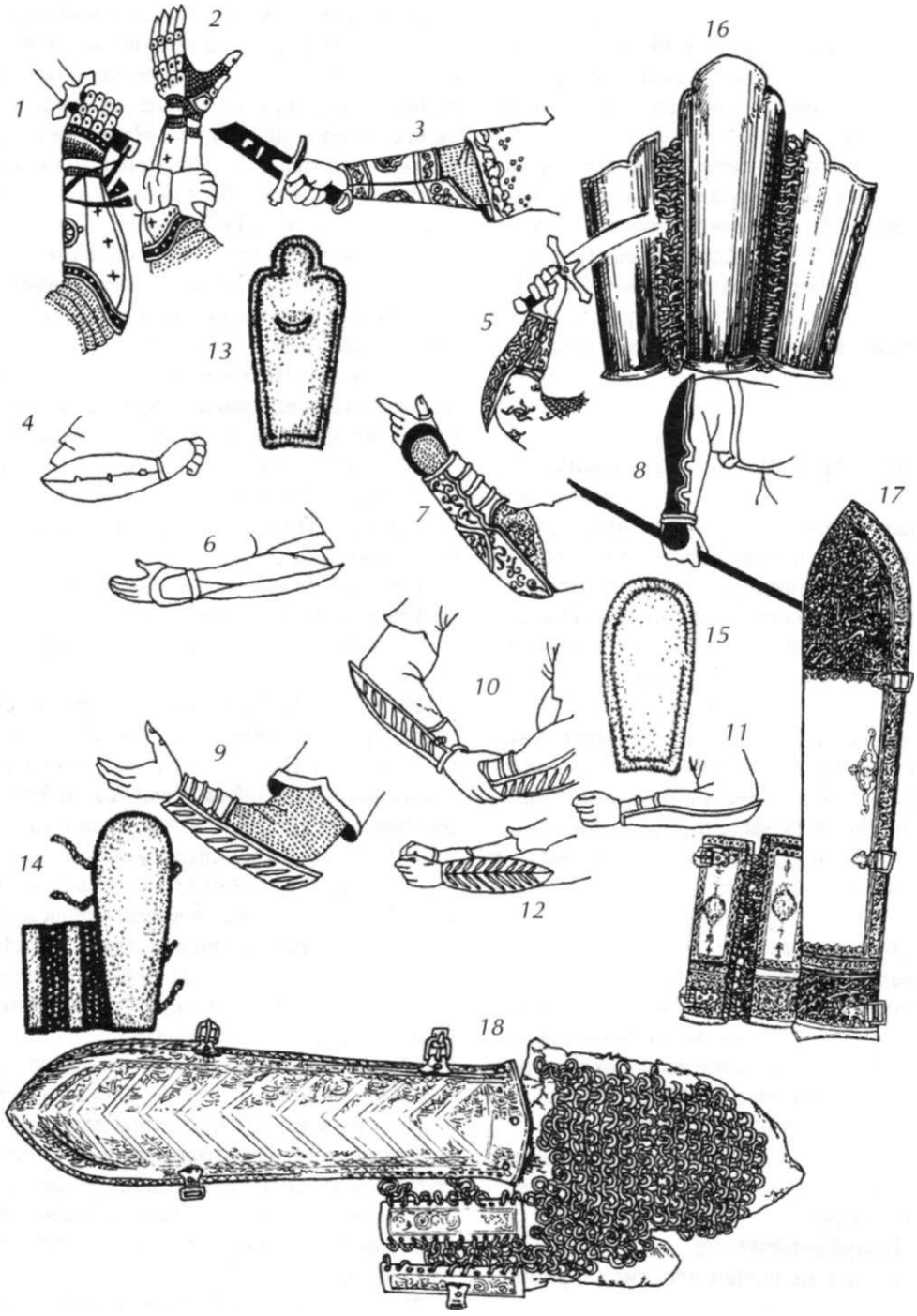

Рис. 207. Створчатые наручи западноазиатского образца: изображения наручей в переднеазиатской *(1-3, 4-8)* и среднеазиатской *(9-12)* иконографии XIV—XVII вв., центральная створка позднесредневекового монгольского наруча *(13)*, западномонгольский *(15)*, восточнотуркестанский *(16)* и среднеазиатские трехстворчатые наручи с комбинированным кольчато-ременным соединением XVII-XIX вв. *(14, 17-18), 13, 15, 17* — по Ю. С. Худякову, *17* — по К. С. Ахметжану.

XIII в. (Бобров, Худяков, 2003 в, с. 169, табл. 1, рис. 7, 9; с. 171, табл. 2, рис. 8). Использование подобных наручей монгольскими воинами является следствием влияния восточноазиатского оружейного комплекса.

В XVII в. створчатые железные наручи среднеазиатского типа практически полностью вытеснили все остальные виды наручей с территории Западной и Северной Монголии. Возвращение «мягких» наручей в центральноазиатские степи в XVIII в. мы связываем с подчинением этих территорий Цинской империи, воинами и офицерами которой такие наручи продолжали применяться вплоть до конца XVIII в.

Панцирные нарукавья и нарукавники

Характерным элементом позднесредневекового центральноазиатского и дальневосточного доспеха были длинные нарукавья, прикрывавшие руку от плеча до запястья или костяшек пальцев. Позднесредневековые нарукавья из твердых материалов состояли из выпуклых наплечников (наплечных пластин) и ламинарных нарукавников.

В археологических памятниках Центральной Азии остатки нарукавий обнаружены лишь однажды, ряд элементов позднесредневековых нарукавников происходит из частных оружейных коллекций, десятки их изображений встречаются в минской, цинской и среднеазиатской иконографии XV-XVIII вв.

Вещественные остатки позднесредневековых нарукавий представлены полусферическими наплечниками с ребрами жесткости и ламинарными выгнутыми пластинами, прикрывавшими руку от предплечья до локтя или запястья. Рассмотрим каждый из двух элементов в отдельности.

1. Наплечники (наплечные пластины).

Класс I. Наплечники (наплечные пластины), изготовленные из железа.

Отдел I. Клепаные.

Группа I. Полусферические.

Тип 1. Выпуклая железная пластина с ребром жесткости.

Вариант 1. Выпуклая железная пластина полусферической формы с вертикальным ребром жесткости, пряжкой и отверстиями для крепления ламинарных нарукавников. Включает 2 экз. из тайника Ийи-Кулак в Бий-Хемском районе Тувы (рис. 201, 5).

Вариант 2. Выпуклая железная вороненая пластина полусферической формы с вертикальным ребром жесткости, украшенная золотой и серебряной насечкой, изображающей мифического зверя Ци Линя (рис. 201, *8).* Наплечник был приобретен исследователем Роджером Фандом и передан на хранение в музей Метрополитен (США) в 1998 г. (LaRocca, 1999, s. 117).

Идентичность наплечников из Тувы и коллекции Метрополитен, отличающихся в основном лишь качеством отделки, несомненна и дает основание предполагать, что подобные наплечники получили известное распространение как среди простых латников, так и среди высшей аристократии Центральной Азии и, возможно, Дальнего Востока конца XIV —начала XVI в.

2. Нарукавники.

Класс I. Пластины нарукавников, изготовленные из железа.

Отдел I. Клепаные.

Группа I. Полуовальные.

Тип 1. Выгнутые пластины прямоугольной формы.

Вариант 1. Выгнутые пластины прямоугольной формы с тремя отверстиями с заклепками (рис. 201, 6"). Включает 37 экз. из клада со склона горы Ийи-Кулак в Бий-Хемском районе Тувы. Вероятно, в кладе находились два нарукавника по 19 и 18 пластин каждый. Узкие горизонтальные пластинки приклепывались на вертикальные кожаные ремни, которые крепились к наплечникам' посредством ремешков с застежками. Нарукавник плотно охватывал предплечье и фиксировался в районе бицепса с помощью специальных завязок (рис. 201, 7).

Прототипом данной системы защиты предплечья М. В. Горелик считает оплечье, состоявшее из округлой выпуклой пластины для защиты плеча и соединенной с ней подпрямоугольной изогнутой по длинной оси пластины для прикрытия предплечья, которая фиксируется по ширазской миниатюре 30-40-ми гг. XIV в. (Горелик, 1983, с. 256,257, табл. 6, рис. 1).

В эпоху позднего Средневековья система защиты рук с помощью нарукавий получила широчайшее распространение в Минском Китае и была известна в Средней и Передней Азии (рис. 201, /). В Китае XV-XVI вв. нарукавники широко использовались конными латниками и гвардейцами, входив-

шими в отряд охраны членов имераторской фамилии (рис. 201, *4)*. Судя по материалам минской живописи XVI в., минские нарукавники набирались из прямоугольных пластинок с прямым или вырезным краем ламинарным способом снизу вверх и соединялись с помощью кожаных ремешков. Помимо основной полосы нарукавий, доходившей до запястья, китайские нарукавники снабжались еще и парой коротких дополнительных полос, размещавшихся справа и слева от основной. Плечо всадника защищали полусферические наплечники, снабженные ребрами жесткости и украшенные гравировкой (рис. 201, *3)*. Интересно, что полный комплект нарукавий, включавший в себя наплечники и нарукавники, носили лишь знатные воины, рядовые же латники довольствовались одними ламинарными нарукавниками. Большая часть пластин минских нарукавников на картинах окрашены в серый цвет, что указывает на то, что они изготовлялись из железа. В это же время на ряде рисунков нарукавья покрыты желтой краской, вероятно, таким образом художник показывал медь или позолоту. Минские воины использовали нарукавья в комплекте с кольчатыми, ламеллярными, чешуйчатыми, «мягкими» и, возможно, пластинчато-нашивными панцирями.

В Передней и Средней Азии известны лишь единичные изображения нарукавий. На гератской миниатюре 90-х гг. XV в. изображены нарукавья из узких пластин с вырезным краем, прикрывающие руку воина от плеча до запястья (рис. 201, /). Пластины набраны сверху вниз и соединены не ремешками (как их минские аналоги), а заклепками (как пластины нарукавника из Ийи-Кулак).

На Дальнем Востоке в цинское время вместо нарукавий, состоявших из железных полусферических наплечников (наплечных пластин) и ламинарных нарукавников, стали применять пластинчато-нашивные рукава со специальными обшлагами, которые в боевом положении прикрывали кисть воина (Бобров, Худяков, 2003 в, с. 151-152). Широкое распространение среди командного корпуса, офицеров и воинов ударных подразделений получили узкопластинчатые нарукавники из множества мелких горизонтально расположенных прямоугольных пластинок (рис. 206, 7) в комбинации с крупными выгнутыми наплечными пластинами подпрямоугольной, трапециевидной или полукруглой формы. Цинские нарукавники рядовых воинов и отдельных офицеров нередко изготавливались не из пластин, а из толстой простеганной ткани (рис. 201, *2)*. Нарукавья цинского типа в XVII-XVIII вв. активно использовались монгольскими феодалами Южной Монголии и Халхи (с конца XVII в.).

Стремительное исчезновение традиционных ламинарных нарукавников и полусферических наплечных пластин из военного обихода народов Дальнего Востока и Центральной Азии связано со сменой военно-культурной традиции народов, населявших этот регион. С середины XVII в. на Дальнем Востоке окончательно возобладал эффективный, но при этом достаточно архаичный цинский панцирный комплекс, в основе которого лежал пластинчато-нашивной доспех. В результате полусферические наплечные пластины с ребрами жесткости и ламинарные нарукавники были вытеснены унифицированными пластинчато-нашивными наплечниками жилетов «магуацзы», бронированными рукавами цинских панцирных курток «цзюньфу», трапециевидными и подпрямоугольными наплечными пластинами и узкопластинчатыми нарукавниками офицерских доспехов. На западе Центральной Азии нарукавья не выдержали конкуренции со створчатыми наручами, которые в сочетании с кольчато-пластинчатой защитой предплечья оказались исключительно эффективной формой защиты руки. Судя по предметам вооружения с территории Тибета, местные феодалы также использовали кольчато-пластинчатые нарукавья североиндийского или среднеазиатского образца, состоявшие из крупных металлических сегментов (наплечников, пластин предплечья, налокотников и т. д.), соединенных между собой кольчужным плетением. Замещение старых форм защиты руки на новые происходило в Джунгарии, вероятно, в конце XV —XVI в. В XVII в. створчатые наручи уже прочно вошли в состав центральноазиатского комплекса защитного вооружения и получили широкое распространение даже среди рядовых панцирников.

Зашита ног

Тип **1.** Панцирные гутулы.

Местным центральноазиатским вариантом защиты голени и ступни можно считать подбитые изнутри металлическими пластинами «панцирные сапоги — гутулы и кадык идиги» (Худяков, 1991, с. 143).

Вариант **1.** Кожаные гутулы с подбитыми железными пластинками голенищами.

Данный вариант панцирных гутул представлен парой монгольских сапог, хранящихся в Государственном центральном музее МНР. Гутулы были приобретены заведующим Архангайским краеведческим музеем Самданом в 1953 г. у члена одной из местных монгольских семей. Согласно семейной легенде эти «гутулы Чингиз-хана» хранились у представителей рода на протяжении 7 поколений. По мнению монгольских и европейских ученых, сапоги были изготовлены около 300-350 лет назад. Предок семьи, где они хранились, являлся военачальником армий одного из центральноазиатских правителей «эпохи малых ханов» XV-XVII вв. (Батбилиг, 1989, с. 36).

Гутулы сшиты из «бурого сафьяна» и снабжены высокими голенищами и «тесьмой для подвязки к поясу». Тонкая подошва гутулов плотно прострочена. Мысы сапог немного загнуты вверх. Осматривавший панцирные гутулы сотрудник Государственного центрального музея МНР С. Батбилиг отметил, что «их кройка напоминает нынешние формы гутулов и, судя по всему, они были предназначены для теплого сезона» (там же).

В голенища сапог вшиты мелкие железные панцирные пластинки прямоугольной и квадратной формы. По мнению сотрудников музея, они являлись «талисманом», «оберегающим воина от всего дурного». На наш взгляд, кроме охранительной функции, вшитые в голенище сапога пластины выполняли и защитную функцию — предохраняли голень всадника от удара клинковым оружием. Десятки изображений подобных панцирных сапог встречаются на иконографических памятниках Восточной и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени. Усиленные железными пластинами гутулы из Государственного центрального музея КНР представляют собой самый простой вариант панцирных сапог. Они удачно соединяют в себе элементы защиты и повседневной обуви. Судя по китайским, тибетским и монгольским изображениям XVII—XVIII вв., существовали и другие формы покроя панцирных сапог. Главное отличие от описанных выше гутулов заключалось в наличии внешних элементов бронирования (настопников, накладок), а также декоративных фигурных прорезей, через которые посторонний наблюдатель мог видеть панцирную защиту голенища. На центрально- и восточноазиатских позднесредневековых изображениях носки сапог снабжены специальными панцирными настопниками из металлических пластин, обычно соединенных между собой ламинарным способом. Голенища сапог с внешней стороны иногда усиливались накладными пластинками. Панцирные пластинки, вшитые в сапоги, видны в декоративных прорезях на голенищах (рис. 208, *13-15).*

Тип **2.** Поножи.

В отличие от усиленных пластинами «панцирных сапог» поножи являются узкоспециализированной формой защиты ног. Отличительной особенностью поножей Восточной и Центральной Азии была слабая связь с панцирными элементами, защищавшими бедро воина. Традиционно поножи региона представляли собой наголенники, к которым в ряде случаев крепились настопники и крайне редко наколенники. Бедра воинов обычно прикрывали длинные (до колен или до середины голени) набедренники, входившие в состав корпусного защитного вооружения.

Со второй половины I тысячелетия н. э. в Средней Азии использовалась специальная защита ног, состоявшая из двухчастных наголенников; на Дальнем Востоке и в Центральной Азии наибольшей популярностью пользовался их одночастный вариант (Горелик, 1983, с. 259). В центральноазиатских степях эпохи развитого Средневековья наголенники применялись в комплекте с полусферическим наколенником. Защита стопы вплоть до XIV в. была представлена панцирным сегментом из узких выгнутых пластинок, часто с вырезным краем. Синтез центральноазиатских и ближневосточных оружейных традиций привел к появлению достаточно совершенных форм защиты ног, отдаленно напоминавших западноевропейские поножи этого же периода. В последней трети XIV — первой трети XV в. в западных областях бывшей империи Чингизидов широкое распространение получают шарнирные двухчастные наголенники (рис. 208, *1—4)* из двух стальных пластин, часто в комплекте с полусферическими наколенниками и прикрытием стопы (там же, с. 258-259). Настопник представлял собой ламинарный или кольчато-пластинчатый панцирный «башмак» из чередующихся выгнутых железных пластинок и кольчужного плетения (рис. 208, *1-4,18).* Однако уже в XV в. данная система защиты ноги уступает место более практичному коль-

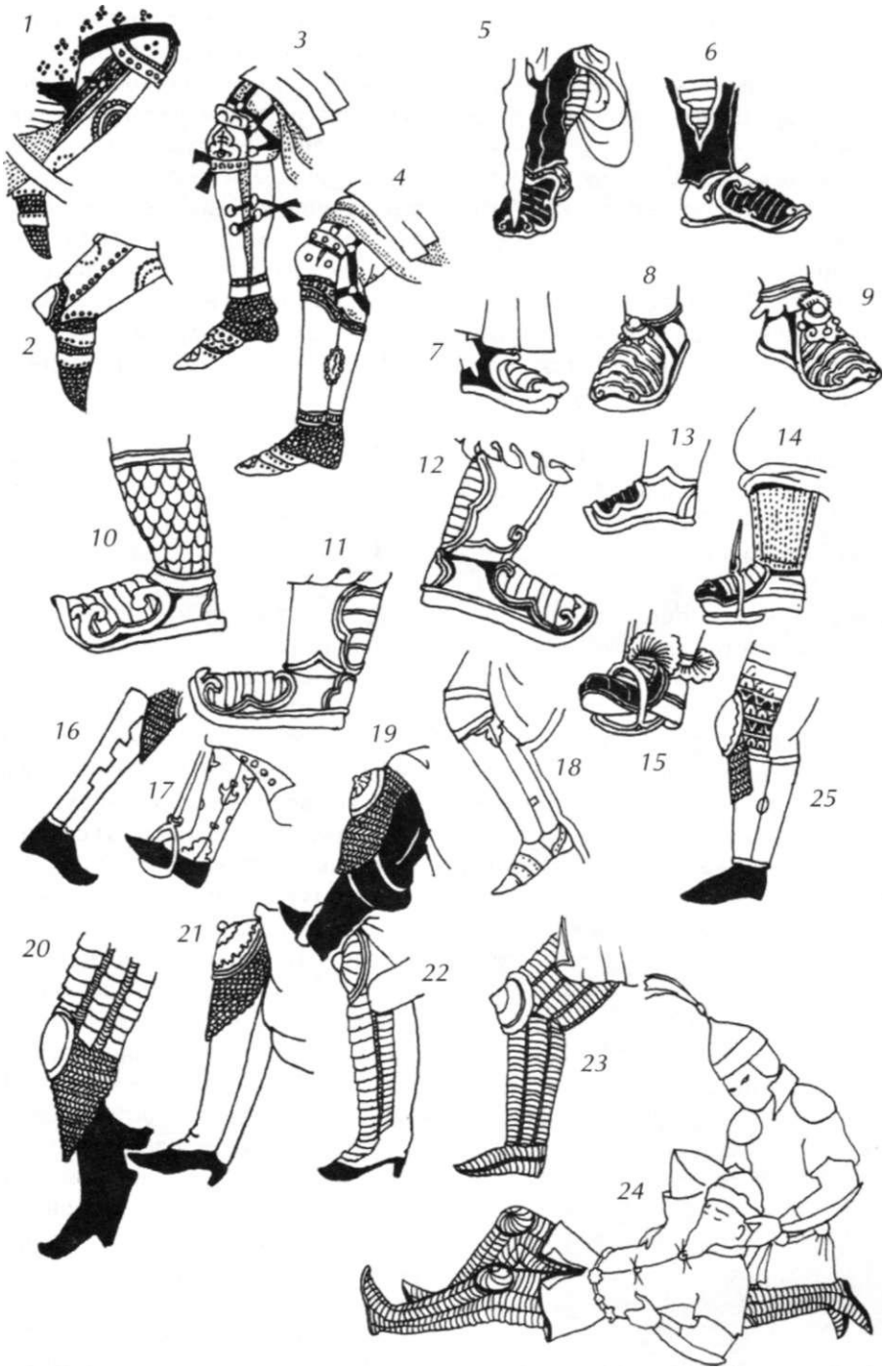

Рис.208. Зашита ног западноазиатского (*1-4, 1Ь-25)(1-4, 16-18,25* —створчатые поножи; *20-24* — кольчато-пластинчатые набедренники «дызлык-бутлук») и восточноазиатского *(5-15)* образца (наголенники с панцирным настопником). Передняя Азия XIV в. *(1-4),* Передняя и Средняя Азия XV-XVII вв. *(16-25),* Минский Китай (5-6, *8-9),* Монголия XVI в. *(7),* Монголия XVIII-XIX вв. (73-/5), Тибет XVIII в. (70-72).

чато-пластинчатому набедреннику «дызлык-бутлук» (рис. 208, *19-24),* состоящему из стального полусферического наколенника и кольчато-пластинчатой защиты бедра и голени (Бобров, Худяков, 2002, с. 134-135).

В Центральной Азии процесс замещения бутурлукообразных систем защиты ног на их кольчато-пластинчатый аналог начался гораздо позднее и фиксируется в основном на материалах наиболее «вестернизированного» Джунгарского ханства.

В большей части Центральной Азии на протяжении всего описываемого периода продолжала бытовать старая система защиты ног. Она фиксируется в основном на китайских, тибетских, в меньшей степени монгольских изобразительных материалах. Понож состоял из голенища-бутурлука и прикрытия стопы (рис. 208, *6-15).*

Вариант **1.** Наголенник с панцирным настопником.

Восточноазиатский наголенник обычно формировали две створки из толстой твердой лакированной кожи, выкрашенной в красный или черный цвет. Кожаная основа панцирного голенища усиливалась прямоугольными, реже круглыми или овальными металлическими накладками. В ряде случаев можно предполагать, что наголенники изготовлялись из узких выгнутых пластинок, покрытых сверху тканевым чехлом с декоративными вырезами (рис. 208, *6, И, 12).* Иногда бутурлук изготавливался из мягкой кожи и обшивался металлическими (?) чешуеобразными пластинками (рис. 208, *10).*

Защита ступни на всех изображениях достаточно однообразна. Она представляет собой панцирный сегмент, плавно охватывающий стопу от носка сапога до щиколотки. Настопник имел органическую (вероятно, кожаную) основу, поверх которой крепились «набегающие» друг на друга горизонтальные выпуклые пластины прямоугольной формы из железа или твердой лакированной кожи (рис. 208, *5—15).* Панцирные голенища соединялись с настопниками с помощью кожаных ремешков в районе щиколоток (рис. 208, *6).*

Описанная выше система защиты голени и ступни встречается на изображениях монгольских и китайских воинов на минских миниатюрах, в тибетской скульптуре, монгольской буддийской живописи (рис. 208, 7). Ее распространение и развитие в XVI-XVII вв. мы связываем с влиянием Китая, с территории которого происходит максимальное число изображений подобных поножей. Архаичность данного типа поножей и слабая распространенность их в центральноазиатской и дальневосточной среде обусловлены особенностями эволюции позднесредневекового панцирного комплекса этих регионов. Длинные набедренники позднесредневековых ламеллярных и пластинчато-нашивных панцирей защищали ноги всадника до колен, до середины голени или даже до пят, что в некоторой степени снижало актуальность дополнительной защиты ног и, безусловно, влияло на широту ее распространения среди монгольских воинов. В Средней Азии и Кашгарии, где с XVI в. доминировали кольчатые и кольчато-пластинчатые доспехи с коротким подолом, защита ног, напротив, развивалась стремительно.

Тип **3.** Кольчато-пластинчатые набедренники «дызлык-бутлук».

Стремление оружейников Западной Азии сделать корпусную защиту воина более надежной, эластичной, не увеличивая при этом общего веса доспеха, привело к быстрому распространению в регионе кольчато-пластинчатых панцирей с коротким (обычно кольчужным) подолом. Внедрение в широкий военный обиход «бехтерцов», «юшманов» и «калантарей» повлекло за собой быструю эволюцию кольчато-пластинчатой защиты ног. Последняя стала актуальна уже в XV в., когда латники региона начали избавляться от длинных ламинарных набедренников, сохраняя лишь створчатые «кирасы». Некоторое время короткие (до колен) ламинарные набедренники конкурировали со своими кольчато-пластинчатыми аналогами, но вскоре уступили им пальму первенства. В Передней Азии XVI в. широкое распространение получили кольчато-пластинчатые набедренники, в специальной литературе называющиеся «дызлык-бутлук». «Дызлык-бутлук» представлял собой кольчато-пластинчатый (в редких случаях кольчужный) набедренник («бутлук») в комбинации с полусферическим наколенником («дызлык») и кольчужным сегментом, прикрывавшим верхнюю часть голени (рис. 208, *20, 21).* Со временем кольчужный наголенник все чаще стал заменяться кольчато-пластинчатой лопастью, которая постоянно увеличивалась в размерах, пока в середине XVII в. не закрыла всю голень и носок сапога (рис. 208,*22,23,24).* Такие «дызлык-бутлук» носили представители бухарской, кашгар-

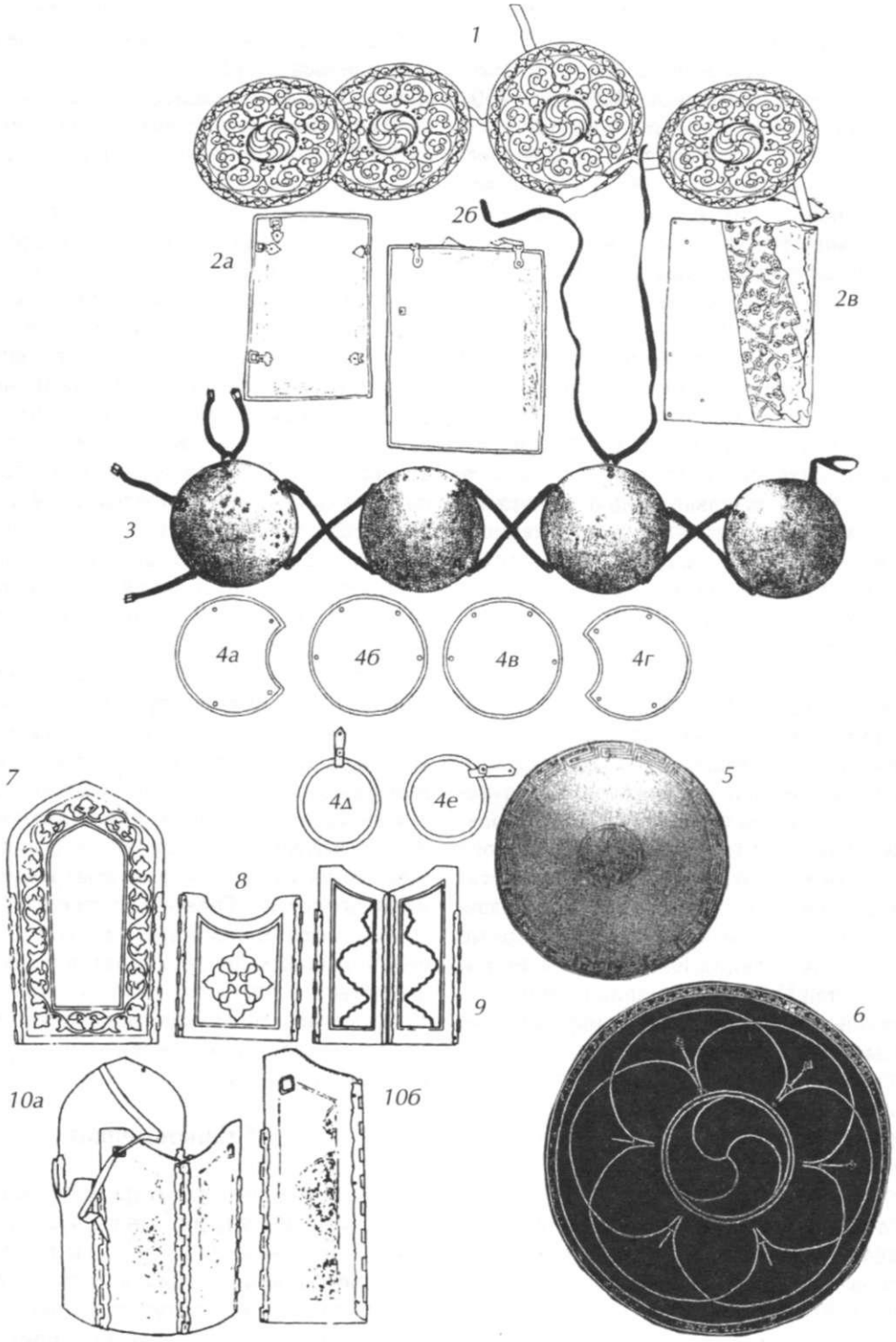

Рис. 209. Среднеазиатские зерцальные доспехи Нового времени (по К. С. Ахметжану — *1–4, 7–10*) и тибетские зерцала XV–XIX вв. (*5–6*).

ской и, возможно, ойратской знати. Вероятно, ее же упоминают в качестве железных «наколенок» и русские летописцы, описывая вооружение латников государства Алтын-ханов (МРМО, 1959, с. 286). Очень похожая кольчато-пластинчатая защита ног применялась в XVI—XVII вв. в Иране, Османской империи, Московском государстве. Судя по среднеазиатским миниатюрам XVII в., кольчато-пластинчатые набедренники держались на ноге с помощью специальных ремней, которые фиксировали «дызлык-бутлук» на поясе, на уровне колен, икр и щиколоток.

В связи со слабым распространением специальной защиты конечностей в центральноазиатской среде периода раннего и развитого Средневековья, влияние оседлых земледельческих (в первую очередь мусульманских) государств в этой области в эпоху позднего Средневековья было особенно заметным. Железные створчатые наручи с ременным и кольчатым соединением, зерцальные доспехи, пластинчатые панцирные пояса, кольчато-пластинчатая система защиты ног были заимствованы центральноазиатскими мастерами из оружейных комплексов мусульманских государств Восточного Туркестана, Средней Азии и Северной Индии. К концу рассматриваемого периода процесс «вестернизации» западномонгольских оружейных комплексов был очевиден как для иностранных путешественников, так и для самих джунгар (Бобров, 2003 а, с. 82-84). На протяжении описываемого периода в Тибете и Монголии применялись оригинальные типы защиты рук, представленные железными и кожаными наручами, и ног (панцирные гутулы). После включения Южной и Северной Монголии в состав Цинской империи на этих территориях стали доминировать восточноазиатские типы защиты конечностей.

7.6. Щиты (обшая зашита)

В период развитого Средневековья щиты были важным элементом комплекса защитного вооружения воинов государств Чингизидов (Горелик, 1987, с. 196-198). Однако по мере распространения эффективных форм защиты конечностей (в первую очередь рук) щиты начали выходить из широкого употребления в Южной Сибири и Центральной Азии, что позволило М. В. Горелику сделать вывод о том, что в Монголии использование щитов завершилось к XVII в.: «Что касается самой Монголии, применение щитов там заканчивается до XVII века. Во всяком случае, письменные источники XVII в. — и монгольские, и китайские, и маньчжурские, и русские — часто и подробно перечисляя виды защитного вооружения у монголов — шлемы, различные типы панцирей, прикрытия ног и рук, конский доспех — никогда не упоминают щитов. Что касается изображений, то щиты показаны лишь на нескольких иконах-танка XIX — начала XX века, и то это — довольно примитивные и неподробные копии с тибетских икон. Никаких вещественных остатков щитов эпохи Средневековья в Монголии пока вообще не обнаружено. Так что, надо полагать, щит в Монголии дожил, самое позднее, до 16 века» (Горелик, 2004, с. 191-192). Согласиться с данным утверждением мы можем лишь отчасти. Действительно, в письменных источниках XVI-XVIII вв. центральноазиатские и южносибирские щиты упоминаются достаточно редко, что, безусловно, свидетельствует о факте их постепенного вытеснения из широкого военного обихода. Тем не менее в русских и среднеазиатских письменных источниках периода позднего Средневековья и Нового времени встречаются упоминания монгольских, калмыцких, кыргызских и бурятских щитов. Кроме того, щиты различных типов вплоть до начала XX в. были относительно широко распространены в южной части рассматриваемого региона, в частности в Тибете и Бутане.

Рассмотрим различные виды и типы позднесредневековых центральноазиатских щитов подробнее.

По своей конструкции и особенностям применения щиты подразделяются на два основных вида: станковые и ручные.

Станковые шиты

Станковые щиты («чапар») сооружались для защиты спешенных воинов (в первую очередь стрелков), участвовавших в осаде или штурме укреплений противника, а также в полевых сражениях. Отличительными чертами станковых щитов были крупные размеры, позволявшие прикрыть значительную часть корпуса пешего воина, и подпрямоугольная форма. Несмотря на внушительные раз-

меры, станковые щиты старались делать не слишком тяжелыми, чтобы их можно было свободно передвигать, в том числе и на пересеченной местности. Поэтому материалом для их изготовления служили укрепленные на деревянном каркасе прутья, деревянные доски и планки, поверхность которых иногда обтягивалась кожей.

Традиция использования больших станковых щитов в Китае берет свое начало еще в эпоху Древности. В раннем Средневековье пешие воины сяньбийских государств Северного Китая использовали плоские или двухскатные щиты, лицевая поверхность которых обтягивалась кожей и расписывалась красками (Бобров, Худяков, 2005, с. 145-147, 188, рис. 21, *14, 24-25)*. Крупные станковые щиты прямоугольной формы с горизонтальным ребром жесткости по центру входили в состав комплекса вооружения воинов Южной Сибири этого же периода (там же, с. 188, рис. 21, *6, 11, 12, 19)*. В последующие столетия традицию использования стационарных щитов подхватили собственно китайские и инородческие династии Северного и Южного Китая. Новый всплеск популярности станковых щитов на востоке Евразии пришелся на период господства в регионе монгольской империи Юань. Одна из популярных разновидностей юаньских станковых щитов представляла собой деревянную раму-каркас прямоугольной формы, плоскость которой формировали сплетенные между собой прутья. Для повышения защитных свойств рама щита снабжалась по центру деревянной доской (осевым ребром жесткости), к которой крепились поперечные деревянные планки. К получившейся крестовине и привязывались прутья. Юаньские воины, укрывшиеся за такими щитами, изображены на знаменитом японском свитке «Сказание о монгольском нашествии» Тоса Накатаки (1292 г.). Именно такой тип «чапара» был рассмотрен М. В. Гореликом в качестве примера монгольского станкового щита конца XIII в. (Горелик, 1987, с. 197, рис. 12-10; с. 198). Однако он не был единственным и, вероятно, даже самым популярным типом юаньских станковых щитов. На свитках того же Тоса Накатаки изображены еще четыре разновидности юаньских «чапаров». Первая из них представляет собой прямоугольный щит, сбитый из узких деревянных досок или тонких стволов молодого бамбука, зафиксированных между собой в верхней и нижней трети парами поперечных планок. Другой разновидностью были предположительно деревянные щиты, лицевая поверхность которых обтягивалась кожей. Верхняя часть таких щитов снабжалась полусферическим умбоном или украшалась растительным орнаментом, рисунком округлой формы. Некоторые щиты данного типа имели прямоугольные или округлые отверстия-амбразуры, через которые укрывшийся за «чапаром» воин мог наблюдать за действиями противника. Кроме щитов прямоугольной формы юаньскими воинами использовались их фигурные аналоги. Так, копейщики и лучники на одном из юаньских кораблей, ведущих морское сражение с японцами, снабжены станковыми щитами подпрямоугольной формы, резко расширяющимися в верхней части. Верхний край таких щитов оформлен парой вырезов, благодаря чему имеет характерную 3-лепестковую форму. Поверхность фигурных щитов могла украшаться изображением свастики или снабжаться прямоугольной амбразурой. Кроме деревянных щитов, юаньскими воинами применялись плетеные щиты без деревянной оси. Каркас таких щитов представлял собой деревянную раму, внутренняя часть которой была заполнена поперечными планками, на которые крепились сплетавшиеся между собой прутья. Картины Тоса Накатаки демонстрируют нам разнообразие приемов прутяного плетения юаньских «чапаров».

После изгнания монголов из Китая кочевники продолжали использовать станковые щиты в ходе осады вражеских укреплений и полевых сражений. Зимой 1629 г. ойраты (калмыки) пытались штурмовать казачьи городки на Яике, «приступая» к ним «с щитами и с приметы». В конце XVII в. джунгарские воины прикрывали деревянными (сбитыми из досок) щитами со специальными вырезами (амбразурами) положенных на землю верблюдов, составлявших своеобразную «живую крепость» («верблюжий вагенбург»). Активно применяли щиты в столкновениях с русскими служилыми людьми кочевники Южной Сибири. Так, по данным С. В. Бахрушина, енисейские кыргызы шли на приступ русских городков «за щитами» (Бахрушин, 1955, с. 183). Согласно отписке казачьего атамана Курбаты Иванова 1645 г., «и в 11-й день братцкие люди икирежи и бунгудай на утренней зоре, собрався большими людьми сот 6, кругом *с щитами* (курсив наш. — *Авт.)* обошли и почали по нас из-за щитов стрелять» (Михаилов, 1993, с. 40). Снять осаяу и вы-

нудить бурят к отступлению русские смогли в ходе вылазки, в результате которой им удалось «повалить» бурятские станковые щиты.

Использование станковых щитов в ходе дистанционного боя не было специфической особенностью центральноазиатского военного искусства. В XVII в. станковые щиты использовали почти все ближние и дальние соседи монголов: маньчжуры (Бобров, Худяков, 2003, с. 164-166, 196, табл. 15, 7-10), минские китайцы (там же, с. 196, табл. 15, 4-6), русские (Бобров, 2006, с. 86-87), жители Средней Азии.

Реальные монгольские станковые щиты до нас не дошли. Вероятно, они (как и в XIII—XIV вв.) были близки синхронным северокитайским (соответственно в позднем Средневековье — минским и особенно цинским) аналогам (Чжунго гудай..., 1990, с. 254, 274). Станковые щиты в Китае XVI-XVII вв. делались из деревянных досок, выстроганных планок или прутьев, покрывались кожей или лаком и расписывались красками (Бобров, Худяков, 2003, с. 165). Китайские авторы выделяют три основные формы щитов. Все они имеют в своей основе прямоугольник. В первом случае щит несколько сужался книзу, а его верхний край имел треугольный вырез. Во втором плоскость щита расширялась в нижней трети. Наконец, третий вариант характеризовался сужением щита посредине. В Цинской империи применялись станковые щиты прямоугольной формы, немного сужающиеся книзу, а также щиты с треугольным вырезом внизу (там же, с. 274). Возможно, что монгольские станковые щиты не разрисовывались (как китайские и маньчжурские) изображениями львов, чудовищ и тигров, а покрывались кожей и расписывались растительным и геометрическим орнаментом. Еще одним видом «чапаров» можно считать так называемые «рамочные» щиты, известные по дальневосточным миниатюрам, изображающим монгольских воинов эпохи Чингизидов. Они состояли из деревянной рамы, поверх которой укреплялись плетеные прутяные сегменты (Горелик, 1987, с. 197, рис. 12-10; с. 198).

Кочевниками Южной Сибири, вероятно, также использовались щиты, изготовленные из деревянных досок (в русских письменных источниках они именуются «щитами дощатыми»). Такие щиты можно было изготовить прямо на месте, непосредственно перед штурмом или полевым сражением. В Средней Азии стационарные щиты, выполненные из дерева и служившие для прикрытия воинов, ведших осаду города или крепости, производились мастерами, следовавшими вместе с войском (Мукминова, 1976, с. 116). Причем осадные щиты, как правило, изготавливались уже в ходе осады на месте.

Что касается использования станковых щитов в бою, то они применялись исключительно пешими (спешенными) воинами, занимавшими преимущественно оборонительные позиции. Свиток Тоса Накатаки дает представление об использовании станковых щитов в ходе полевого сражения. Крупные («рамочные») щиты прямоугольной формы выстраивались в линию, почти вплотную друг к другу, образуя «стену щитов». Судя по среднеазиатским аналогам, вертикальное положение щитов обеспечивали воткнутые в землю деревянные подпорки на их тыльной стороне. За этой импровизированной стеной укрывались спешенные стрелки и копейщики. Станковые щиты в ходе полевого сражения прикрывали воинов от метательного оружия противника, позволяли перегруппироваться, подготовиться к отражению вражеской атаки или переходу к контратаке. Важную роль станковые щиты играли для защиты стрелков, ведущих дистанционный бой с противником. При этом станковые щиты могли использоваться и в ходе наступательного боя. Особенно это было актуально при штурме вражеских укреплений. В этом случае щитоносцы, как правило, не составляли «стену», а формировали небольшие группы, медленно продвигавшиеся к цитадели. Укрывшиеся за ними лучники и ружейные стрелки пытались сбить со стен воинов противника и тем самым максимально сократить потери наступающих при штурме. Под прикрытием деревянных щитов осаждающие могли приблизиться почти вплотную к крепостной стене, а затем ворваться в город. Эффективность такой тактики при осаде небольших сибирских городков была достаточно высокой. Если штурмующим удавалось «придвинуться к острожку за щитами», то осажденные, как правило, шли на мирные переговоры. Не удивительно поэтому, что тактический прием хождения на штурм «за щитами» применяли не только кочевники, но и русские служилые люди. Например, во время осады юкагирского острожка служилые люди собирались «идти за щитами» на приступ, и когда они, сделав 6 щитов, «поделив те щиты

(между собой. — *Авт.),* выкатили те щиты перед острожек блиско», юкагиры пошли на мировую и согласились выплачивать ясак «Белому царю» (Бобров, 2006, с. 86-87).

Интересно, что станковые щиты могли использоваться также и отступающими воинами. На свитке Тоса Накатаки бегущие юаньские солдаты забросили свои «чапары» за спину. Этот факт, зафиксированный японским художником, указывает на еще одну конструктивную особенность азиатских станковых щитов — наличие плечевого ремня. Судя по этому рисунку, такой способ защиты был достаточно эффективен от стрел наступающего противника, хотя и требовал от пехотинца известной физической подготовки и выносливости. Уязвимыми местами пешего воина при таком способе использования станковых щитов были икры и ступни ног.

Ручные шиты

Кроме станковых щитов, позднесредневековые кочевники Центральной Азии и Южной Сибири использовали ручные щиты округлой формы, приспособленные для применения как в пешем, так и в конном строю. По сравнению с периодом развитого Средневековья их численность значительно снизилась, тем не менее в Халхе, Джунгарии, Тибете продолжали применяться щиты как местного, так и иностранного производства. По данным В. А. Моисеева, щиты в джунгарскую армию поставлялись вассалами западномонгольского государства, в том числе оружейными мастерами Алтая (Моисеев, 1990, с. 73). В подвластном Джунгарии Восточном Туркестане использовались щиты преимущественно среднеазиатского образца. При этом щиты собственно центральноазиатского производства были известны далеко за пределами региона. Так, импортные монгольские щиты упоминаются в позднесредневековых письменных источниках Средней Азии (Бобров, Худяков, 2002, с. 114).

В XV-XVHI вв. наибольшее распространение щиты различных типов получили в Тибете. До нас дошли изображения тибетских щитов этого времени, а также реальные экземпляры, датированные XV-XVIII вв. По материалу изготовления и конструкции тибетские щиты делятся на две большие группы: плетеные (sba phub) и кожаные (ko phub).

Плетеные шиты (sba phub)

В мировом оружиеведении данная разновидность щитов известна под названием «калкан». Этот термин, широко распространенный на средневековом мусульманском Востоке, происходит от монгольского названия плетеного щита — «халха» (образовано от «халхасун» — «сплетать из прутьев»). Со временем средневековые авторы стали именовать «калканами» все разновидности щитов (от кожаных до металлических). Однако в современной науке термин «калкан» закрепился именно за плетеными прутяными щитами, получившими широчайшее распространение на огромных просторах Евразии — от Османской империи до Кореи и от Тибета до Сибири. Стремительное внедрение «калканов» в различных государствах континента в период Великих монгольских завоеваний, позволило М. В. Горелику выдвинуть предположение о том, что первоначально данные щиты входили в комплекс вооружения центральноазиатских воинов, а затем были распространены монголами по Евразии. Подтверждением этого служат многочисленные изобразительные и письменные источники периода развитого Средневековья (Горелик, 2004, с. 182-185).

В качестве материала для изготовления прутяных щитов типа «калкан» в период позднего Средневековья и Нового времени использовались достаточно тонкие гибкие прутья (в западных регионах Азии преимущественно инжирное дерево, в восточных — бамбук). Они соединялись между собой сплошной обмоткой (из цветных нитей, узких раскрашенных лент расщепленного тростника и т. д.), образующей узоры на лицевой поверхности щита. Расположение прутьев было концентрическим, что требовало особенно тщательного подбора — калибровки прутьев. Конструктивное решение прутяных «калканов» на западе и востоке азиатского континента, несмотря на внешнее сходство, существенно различалось. Основой турецких и иранских «калканов» был деревянный диск, плоский изнутри и выпуклый снаружи. К его краям крепилась прутяная основа щита, а выпуклая часть усиливалась металлическим умбоном. Центрально- и восточноазиатские щиты, как правило, не имели деревянного диска, и центральный полусферический металлический умбон приклепывался непосредственно к прутяной поверхности. Некоторые разно-

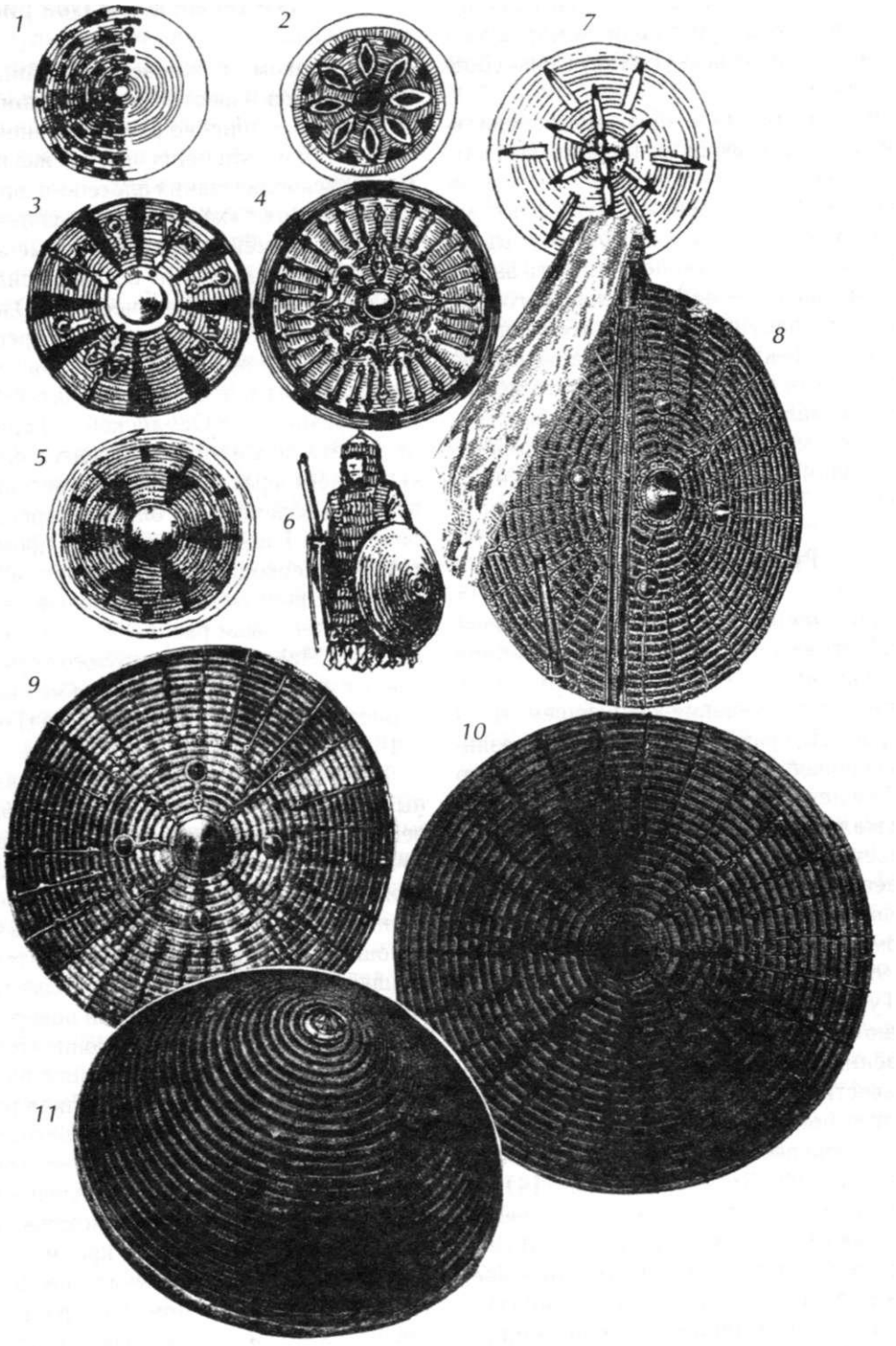

Рис. 210. Центральноазиатские ручные плетеные щиты периода развитого (*7*), позднего Средневековья и Нового времени (*1–6, 8–11*) и их изображения в переднеазиатской (*7*) и тибетской (*1–2*) иконографии. *1–7* — по М. В. Горелику.

видности китайских, маньчжурских и тибетских щитов, сплетенных на конус, вообще не имели умбонов.

Многочисленные изображения, фотографии и реальные экземпляры щитов, известных как «калкан», свидетельствуют о том, что он доминировал в Тибете вплоть до Этнографического времени. Ранние изображения выпуклых плетеных щитов датируются началом XV в. Подробные изображения таких щитов встречаются на тибетских танка XVI-XIX вв. На картинах XV-XIX вв. такими щитами вооружены всадники (преимущественно конные панцирники). Судя по пропорциям, «калканы» на изображениях имеют около 60 см в диаметре, что соответствует размерам дошедших до нас плетеных щитов позднего Средневековья и Нового времени. По наблюдениям М. В. Горелика, «для ранних изображений характерны небольшие умбоны, многоцветный "калейдоскопический" орнамент плетения, множество круглых бляшек, усеивающих всю поверхность щита. На более поздних изображениях щиты показаны с широкой светлой каймой и крупным узором плетения, обычно из чечевицеобразных и подтреугольных элементов, что полностью совпадает с реальными образцами» (Горелик, 2004, с. 190). Побывавший в Тибете в начале XX в. А. Уоддель, описывая вооружение тибетцев, отметил «тяжелые деревянные, плетеные или покрытые железными выпуклостями щиты» (Уоддель, 1906, с. 130). Плетеные щиты запечатлены на фотографиях этого времени: они достаточно крупные (до метра в диаметре), немного выпуклые, с небольшим железным умбоном в центре.

Подлинные тибетские щиты выполнены из ротанга. Толстые (около 12-15 мм в диаметре) побеги ротанга служат прутяной основой, а тонкие молодые отростки (или дратва) заменяют нити. Этот материал, «замечательный по прочности и гибкости», окрашивается хуже пряжи, использовавшейся для обмотки прутьев ближневосточных щитов, поэтому узор их тибетских аналогов «не столь ярок, изощрен и четок, как на прутяно-нитяных калканах» (Горелик, 2004, с. 190). Все известные нам плетеные тибетские ручные щиты имеют округлую форму и диаметр 60-80 см. Они различаются большей или меньшей выпуклостью, наличием или отсутствием, а также формой металлического умбона и накладок на лицевой плоскости. Большинство выпуклых и плоских щитов имели одинарную рукоять на тыльной стороне.

Тип 1. Круглые выпуклые плетеные щиты с умбоном.

Это один из самых простых и распространенных типов тибетских щитов с металлическим усилителем. Наиболее ранние изображения таких щитов относятся к началу XV в. В Центральном Тибете их продолжали использовать вплоть до начала XX в. Щиты данного типа отличаются значительной выпуклостью. По этому параметру они превосходят свои ближневосточные аналоги, но уступают китайским пехотным щитам XVII-XIX вв. (рис. 210; 211).

Вариант 1. Круглые выпуклые щиты с полусферическим умбоном без бортика и стреловидным орнаментом.

Включает 1 экз. из коллекции Р. Хэйла (Лондон).

Представляет собой сплетенный из ротанга круглый щит, к центральной части которого приклепан достаточно крупный полусферический железный умбон (рис. 210,*5)*. Отличительным элементом умбона является отсутствие плоского бортика, поэтому заклепки, обеспечивающие крепление металлической полусферы к плетеной основе щита, расположены непосредственно по краям умбона. Эта система крепления отличает данный вариант умбона от чингизидских аналогов Западной Азии и Восточной Европы периода развитого Средневековья, в которых эту функцию выполняли крестообразные металлические накладки (Горелик, 2004, с. 191). Поверхность щита украшена изображениями шести стреловидных фигур, обращенных остриями к умбону.

Щит датирован британскими учеными XVII-XIX вв.

Вариант 2. Круглые выпуклые щиты со сфероконическим умбоном с бортиком и ромбовидным орнаментом.

Включает 3 экз. из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США), оружейных фондов монастыря Сэра и Дрепунг (Тибет, КНР).

Все щиты имеют ярко выраженную выпуклую форму и диаметр около 60 см. В центре щитов приклепаны небольшие заостренные сфероконические умбоны, снабженные узкими бортиками. Каждый бортик пробит 3-4 заклепками, с помощью которых умбон крепится к прутяной поверхности щита.

Щиты выкрашены в красный цвет, поверх которого черной краской нанесены геометрические фигуры (перемежающиеся черные ромбы и треугольники).

Рассмотрим особенности конструкции и оформления данного варианта щитов на примере экземпляра из музея Метрополитен.

Щит из музея Метрополитен был приобретен, а затем передан в дар музею Артуром Салзберджером (рис. 210, //). Диаметр щита — 61 см. Благодаря выпуклой поверхности, щит имеет форму купола высотой 27,3 см. Плоскость щита сплетена из 25 концентрических прутьев, каждый из которых плотно обтянут узкими полосками-нитями расщепленного тростника. Кроме того, два крайних ряда прутьев покрыты сверху кожаными обкладками. Они формируют кожаную окантовку щита, которая часто изображается тибетскими художниками на позднесредневековых танка. На лицевой поверхности щита, между рядами прутьев, фиксируются стяжки четырех кожаных ремней — остатки несохранившейся рукояти на его внутренней стороне. В центре щита находится железный умбон, приклепанный к плетеной поверхности с помощью трех медных гвоздей с полусферическими шляпками. Умбон состоит из плоского бортика и сфероконической (почти цилиндроконической) граненой и заостренной выпуклости. Последняя украшена золотой и серебряной насечкой, выполненной в виде стилизованных лепестков. Бортик покрыт чеканным узором в китайском стиле. Поверхность щита окрашена в красный цвет, имеющий в настоящее время коричневатый оттенок. Щит украшен геометрическими фигурами, выполненными в виде ромба, в центре которых находится Л-образный символ буддийской мантры «Ом мани падме хум». В промежутках между ромбами размещены треугольники-клинья, «опирающиеся» на внешнюю окантовку щита и обращенные остриями к умбону. Символ «ом» выполнен красным цветом, ромбы и треугольники — черным.

Щит из музея Метрополитен датирован его сотрудниками XV-XVIII в. На наш взгляд, щит несколько моложе. Учитывая дальневосточные мотивы в декоративном оформлении умбона, ярко выраженную выпуклую форму щита, а также хорошую сохранность, мы считаем возможным датировать XVII-XIX вв., т. е. временем усиления влияния в регионе восточноазиатской (в данном случае цинской) военно-культурной традиции. При этом особо подчеркнем, что щиты данного типа исключительно широко употреблялись в Тибете с XV по начало XX в.

Щиты из тибетских монастырей Сэра и Дрепунг отличаются от описанного выше экземпляра отдельными элементами оформления. Так, щит из Дрепунга имеет более широкую кожаную окантовку по периметру, закрывающую не два, а три ряда прутьев. Кроме того, в черных ромбах и треугольниках на его лицевой поверхности изображены не литеры «А», а выполненные желтым цветом «Три драгоценности». Что касается щита из Сэра, то на черной поверхности его геометрических фигур не нанесено никаких символов.

Судя по фотографиям тибетских воинов начала XX в., щиты описанного выше типа могли не покрываться декоративными узорами. В этом случае они имели однотонную (предположительно красную) поверхность.

Тип **2.** Круглые плоские и слабовыпуклые прутяные щиты с умбоном и металлическими накладками.

В отличие от описанных выше щитов с одним умбоном в центре, поверхность щитов данного типа была дополнительно усилена металлическими накладками различных форм и размеров. Усиленные щиты обычно имеют слабовыпуклую или даже практически плоскую поверхность. В отдельный тип плоские круглые щиты, покрытые многочисленными металлическими усилителями, стали выделяться относительно недавно. Они были обнаружены в Тзапаранге в Нгари (Западный Тибет) и в монастырях Ладакха. Благодаря декоративному оформлению данные щиты активно вывозились и вывозятся из Тибета. На сегодняшний день авторам известно 8 подобных щитов, хранящихся в фондах европейских и американских музеев, частных коллекциях, а также в музейных собраниях КНР и залах ламаистских монастырей Тибета. Несмотря на кажущееся разнообразие и сложность декоративных элементов, почти все эти щиты имеют одинаковую конструкцию и схожую систему оформления.

Центральным элементом металлической оковки щита является более или менее крупный умбон заостренной сфероконической (реже полусферической) формы, обычно снабженный бортиком с ровным или фестончатым краем. Вокруг центрального умбона крепятся четыре умбончика меньшего размера, соединенных с ним специальными наклад-

ками с вырезным краем. Таким образом, вся конструкция представляет собой крестовину с дисковидными расширениями (умбонами) в центре и на концах. В промежутки между полосами крестовины приклепаны прорезные железные накладки-пруты, выполненные в виде трезубцев с загнутыми в сторону центрального умбона или края щита боковыми остриями. Крестовина из пяти умбонов, соединенных накладками, и железные пруты-трезубцы между ними формируют основу металлического покрытия центральной части щита.

Периферийную часть поля щита усиливают стреловидные накладки, обращенные остриями к центральному умбону. Обычно число стреловидных накладок колебалось в промежутке от 20 до 30 штук. Концы трезубцев и стреловидных накладок, как правило, расплющены в виде трилистника с уплощенными боковыми лепестками. Еще одно округлое расширение делалось ближе к центру стреловидных накладок и трезубцев. Сквозь эти расширения тибетские оружейники вбивали гвозди с полусферическими шляпками, фиксируя накладки на поверхности щита.

Рассмотрим основные варианты оформления щитов с умбоном и металлическими накладками.

Вариант **1.** Круглые плоские прутяные щиты с центральным сфероконическим умбоном с бортиком, четырьмя умбончиками и трезубцами, стреловидными накладками.

Включает 7 экз. из музеев и частных собраний Великобритании, США и КНР, ламаистских монастырей Тибета.

Рассмотрим данный вариант прутяных щитов с накладками на примере щита из фондов музея Метрополитен (Нью-Йорк, США). Щит был приобретен, а затем передан в дар музею Артуром Салзбердже-ром (рис. 210,*9,10)*. Диаметр щита — 75,9 см, т. е. почти на 15 см больше, чем у описанного выше выпуклого (куполовидного) щита. Плоскость щита сплетена из 25 концентрических прутьев, 24 из которых плотно обтянуты узкими полосками-нитями расщепленного тростника. Самый внешний круг лишен обмотки. Прутяная основа щита выполнена в коричневых и желтых тонах. Основным фоном служит коричневый цвет. Из центра к ободу устремлены пять расширяющихся «солнечных лучей». Пространство между ними заполнено более тонкими лучами и ромбами. Лучи и грани ромбов выполнены желтым цветом. Близкий мотив встречается на прутяных щитах-«калканах» чингизидского круга уже в начале XIV в. (Горелик, 2004, с. 184, рис. 2, 9). На месте импровизированного солнечного диска (по центру щита) приклепан сфероконический умбон с бортиком. Он удерживается на поверхности щита с помощью 8 заклепок с декоративными шляпками, представляющими собой цветки со множеством мелких лепестков. Заклепки симметрично вбиты по бортику умбона. Вокруг центрального умбона расположены четыре сфероконических умбончика с бортиками, соединенных с центральным умбоном вырезными накладками, снабженными сердцевидными (3-лепестковыми) прорезями. К центру каждой накладки прибита специальная заклепка, фиксирующая накладку с поверхностью щита. Центральный умбон, четыре малых умбончика и соединяющие их плоские вырезные накладки составляют крестовину щита.

В промежутках между полосами крестовины приклепаны еще четыре вырезные пластины, напоминающие по форме накладки, соединяющие центральный и малые умбоны, но венчают их не железные диски, а декоративные трезубцы, выполненные из тонких металлических прутов. Центральное острие трезубца — прямое, боковые отогнуты вправо и влево, благодаря чему трезубец напоминает стилизованную лилию. У основания центрального острия трезубца имеется дисковидное расширение, украшенное бронзовой бляшкой в виде цветка с множеством тонких лепестков. Концы трезубца расплющены и вырезаны в виде стрелы со свистулькой. В наконечнике проделано одно, в свистульке — два сквозных отверстия.

Периферийную часть поля щита усиливают стреловидные накладки, обращенные остриями к центральному умбону. Накладки представляют собой железный прут («древко»), увенчанный 3-лепестковым наконечником и дисковидным расширением по центру. Форма наконечников стреловидных накладок повторяет форму навершия трезубцев. Примерно по центру прута стреловидные накладки имеют дисковидное расширение, в которое вбит гвоздь, соединяющий накладку с поверхностью щита (из всех накладок лишь одна имеет оригинальное расширение, снабженное прорезным 3-лепестковым узором). Еще один гвоздь вбит в наконечник накладки между острием и свистулькой. Все стреловидные накладки снабжены на конце специальным крюком, которым они зацеплены за

край щита и жестко зафиксированы на его внутренней стороне дополнительным металлическим креплением. Изначально щит был снабжен 27 стреловидными накладками. В настоящее время на его поверхности сохранилось 23 целых накладки и два их фрагмента.

Для дополнительной защиты органической поверхности щита от рубящих ударов по краю щит снабжен двумя дополнительными железными прутами, выполняющими функцию окладки. На тыльной стороне щита сделаны 4 железных кольца, предназначавшихся для крепления рукояти.

Другие щиты данной серии отличаются от щита из музея Метрополитен не столько конструкцией и составом элементов металлических усилителей, сколько особенностями их оформления. Так, щит из княжества Гугэ (юго-западный Тибет) снабжен 28, а другой щит — 27 стреловидными железными накладками. Кроме того, бортик центрального умбона обоих щитов имеет прорезной фестончатый край, а боковые острия трезубца обращены в сторону края щита, а не к умбону. Стреловидные накладки щита имеют не одно, а два расширения, одно из которых имеет сердцевидную форму.

Щит из музея Метрополитен датирован американскими исследователями XIV-XVI вв. Однако на ранних экземплярах прутяных щитов, изображенных на тибетских танка XV в., характерные пластины-накладки отсутствуют (что указывает на то, что если «усиленные» щиты и употреблялись тибетцами в это время, то не особенно широко). В это же время близкий по конструкции и оформлению щит из столицы княжества Гугэ (юго-западный Тибет) имеет более позднюю датировку. Он был обнаружен китайскими археологами в разрушенной цитадели столицы княжества, которая пала в самом начале XVIII в., что позволяет определить время изготовления — XVII в. Периодом широкого бытования плетеных щитов, усиленных металлическими накладками рассмотренных выше разновидностей, вероятно, следует считать XVI-XVIII вв. Так как на фотографиях начала XX в. у тибетских воинов, облаченных в доспехи XIX в., присутствуют только щиты с центральным умбоном[8] (рис. 210, *6)*.

[8] Плоские и слабовыпуклые щиты округлой формы с центральным умбоном, но уже без дополнительных металлических усилителей продолжали применяться в Тибете вплоть до начала XX в., однако численно они уступали своим выпуклым аналогам.

Эволюцию металлических накладок-трезубцев и стреловидных накладок проанализировал М. В. Горелик. По его мнению, данные элементы металлического усиления щитов были заимствованы монголами у итальянцев во второй половине XIII в. и перенесены на традиционный центральноазиатский плетеный щит. Новый тип щита, таким образом, появился в Западном Прикубанье и в Крыму, а затем распространился на юг, в ильханидский Иран, где он фиксируется по материалам иконографии XIV в. (Горелик, 2004, с. 184, рис. 2,4,12), и дальше на восток, вплоть до Юаньской империи и Тибета, где он начал использоваться уже в XV в. (там же, с. 194). Косвенным подтверждением этой версии является тот факт, что европейские щиты развитого Средневековья, грузинские и курдские щиты Нового времени снабжены пластинами-накладками, сильно напоминающими стреловидные накладки и трезубцы тибетских щитов, что указывает на наличие общего для всей группы прототипа — оформительской традиции (там же, с. 188, рис. 4,*2;* с. 189, рис. 5, */, 2;* с. 192, рис. 8, *3;* с. 193, рис. 9).

Вариант **2.** Круглые слабовыпуклые прутяные щиты с центральным сфероконическим умбоном с бортиком, четырьмя умбончиками и трезубцами.

Включает 1 экз. из коллекции Р. Хэйла (Великобритания, Лондон).

Главными отличиями данного варианта щита являются отсутствие стреловидных накладок и большие размеры центрального умбона. Интересно, что отказ от стреловидных накладок вынудил мастера разорвать крестовидную основу броневого покрытия щита и вынести умбончики с накладками ближе к его краям (рис. 210, *3).*

Щит из коллекции Р. Хэйла датирован британскими учеными XVII-XIX вв., что в целом соответствует данным иконографии и письменных источников. Хотя более вероятной верхней датой изготовления щита, по указанным выше причинам, нам представляется XVIII в.

По замечанию М. В. Горелика, прутяной щит типа «калкан» «представлял собой прекрасное сочетание защитных качеств. Он был очень легок, его достаточно большой стальной умбон при легкости манипулирования всем щитом и умении воина легко отбивал любой прямой удар клинкового, древкового или метательного оружия. Прутяно-нитяная поверхность, благодаря своей исключи-

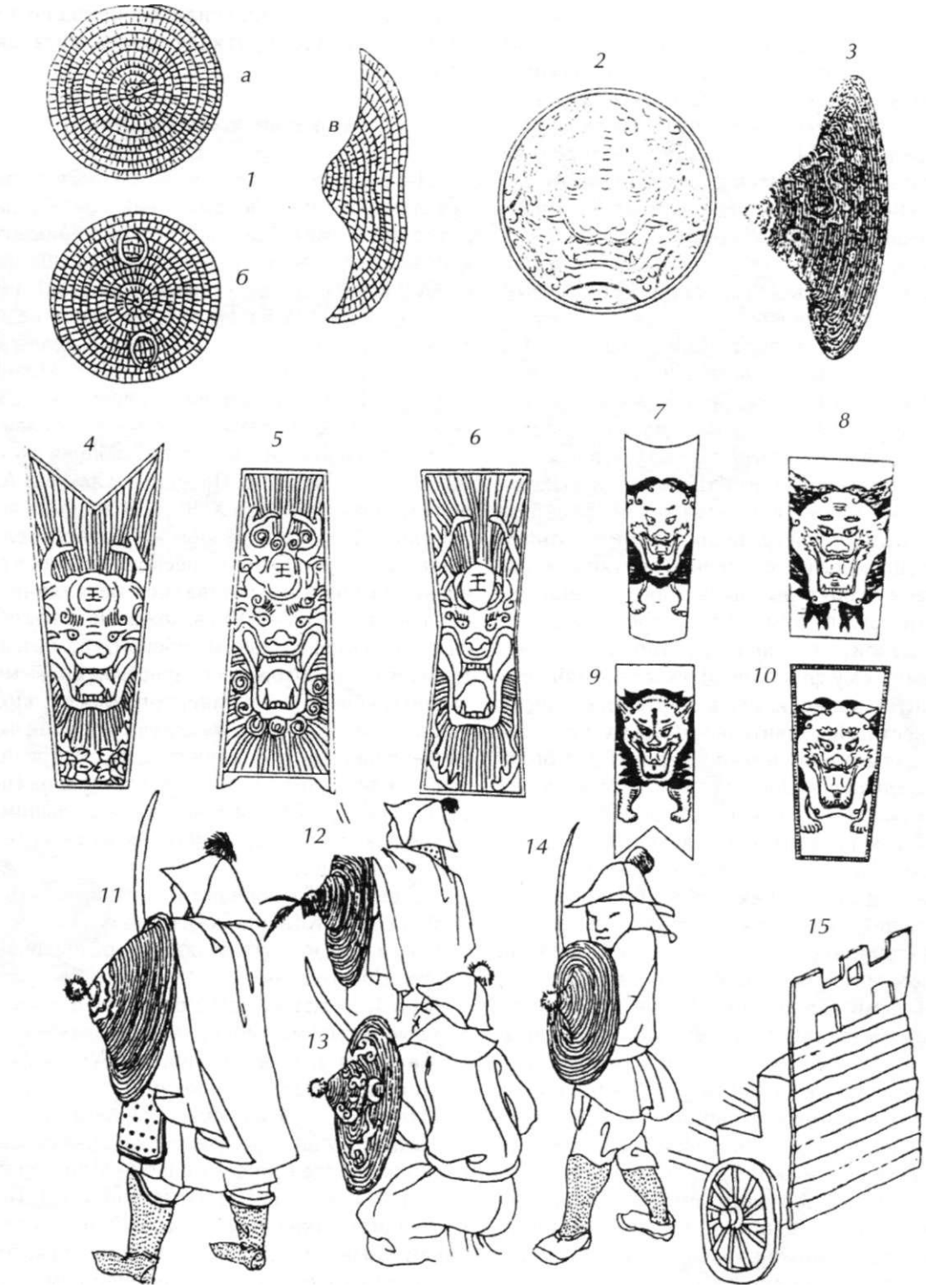

Рис. 211. Изображения минских (/-6), цинских *(7-14)* ручных шитов и передвижного шитообразного полевого укрепления (75).

тельной упругости, просто отбрасывала клинковое оружие — с тем большей силой, чем более сильным был удар. Что же касается стрел, то, пробивая прутяно-нитяную поверхность щита, они в ней застревали. Пробоины легко и незаметно ремонтировались» (Горелик, 2004, с. 183). Данное описание относится к западноазиатским «калканам», но его в значительной степени можно экстраполировать и на небольшие выпуклые тибетские щиты с полусферическим центральным умбоном. Еще большей легкостью и гибкостью отличались тибетские и китайские плетеные щиты без металлических усилителей. Однако называть легкими большие (до 1 м в диаметре) прутяные щиты тибетской панцирной пехоты XVIII-XIX вв. и особенно плоские щиты, усиленные десятками железных накладок, было бы неверно. Что же привело к попыткам усиления традиционного прутяного щита? На наш взгляд, тибетские оружейники стали заложниками популярной военно-культурной традиции, в рамках которой основным типом щитов считались прутяные «калканы». Снабжая прутяные щиты многочисленными железными усилителями, позднесредневековые мастера пытались придать прутяному щиту несвойственные ему функции. Легкость и гибкость в таких щитах приносились в жертву жесткости их поверхности. Не удивительно поэтому, что «усиленные» щиты имеют нехарактерную для большинства «калканов» плоскую или слабовыпуклую форму. Их расцвет пришелся на период позднего Средневековья, когда их использовали как конные панцирники, так и тяжеловооруженные пехотинцы, активно применявшие колющее (копья), клинковое (палаши) и, возможно, ударно-рубящее оружие. Характерно в этой связи, что в XVIII-XIX вв. «усиленные» щиты были вытеснены менее специализированными аналогами с одним небольшим центральным металлическим умбоном и кожаными щитами «мусульманского» типа ко phub. Появление и развитие «усиленных» прутяных щитов демонстрирует пример устойчивости существующей в регионе военно-культурной традиции и ни в коем случае не являются иллюстрацией отсталости центральноазиатского комплекса защитного вооружения от восточных и западных аналогов. Похожий процесс можно проследить и на эволюции прутяных щитов других регионов Евразии. Например, курдские «калканы» слабовыпуклой формы продолжали снабжаться большим количеством металлических усилителей, под которыми почти скрывалась прутяная основа щита, даже в XVIII в.

Кожаные шиты (ко phub)

Щиты из толстой кожи, усиленные четырьмя металлическими умбонами и накладками, на территории рассматриваемого региона применялись воинами Восточного Туркестана (вошедшего в конце XVII в. в состав Джунгарского ханства), а также Тибета XVIII-XIX вв. Их распространение в Центрально-Азиатском регионе исследователи уверенно связывают с влиянием Средней Азии (в первом случае) и Индии (во втором) напрямую или через посредничество Бутана, Сиккима и Непала.

Конструкция щитов из твердой кожи в мусульманских государствах Передней, Средней Азии и полуострова Индостан XVII-XIX вв. была во многом схожей. В подавляющем большинстве случаев щиты изготавливались из нескольких слоев спрессованной кожи и усиливались металлическими накладками. В XV-XVI вв. кожаные щиты обычно снабжались центральным умбоном, который иногда дополнялся некоторым количеством более мелких умбончиков, мелких бляшек-накладок. Позднее широкое распространение получали щиты с четырьмя небольшими умбонами по центру. Традиционные кожаные щиты отличаются выпуклой (подчас сильно выпуклой) поверхностью, небольшими размерами, жесткостью,прочностью и относительной легкостью (рис. 212).

Рассмотрим основной тип щитов, использовавшийся соответственно в Восточном Туркестане и Тибете в конце эпохи позднего Средневековья — начале Нового времени.

Тип **1.** Кожаные щиты округлой формы, снабженные четырьмя умбонами и накладками.

Вариант **1.** Кожаные щиты круглой формы с бортиком и четырьмя умбонами.

Включает 1 экз. из монастыря Хемис в Ладакхе.

Выпуклый щит изготовлен из спрессованной в несколько слоев кожи и снабжен по периметру бортиком с окантовкой из мягкой кожи. Поверхность щита выкрашена в красный цвет и покрыта лаком. По центру щита приклепаны три выпуклых полусферических умбона с фестончатым краем. Их окружают 9 каплевидных фигур, перемежающихся многолучевыми звездами, выполненными золотой

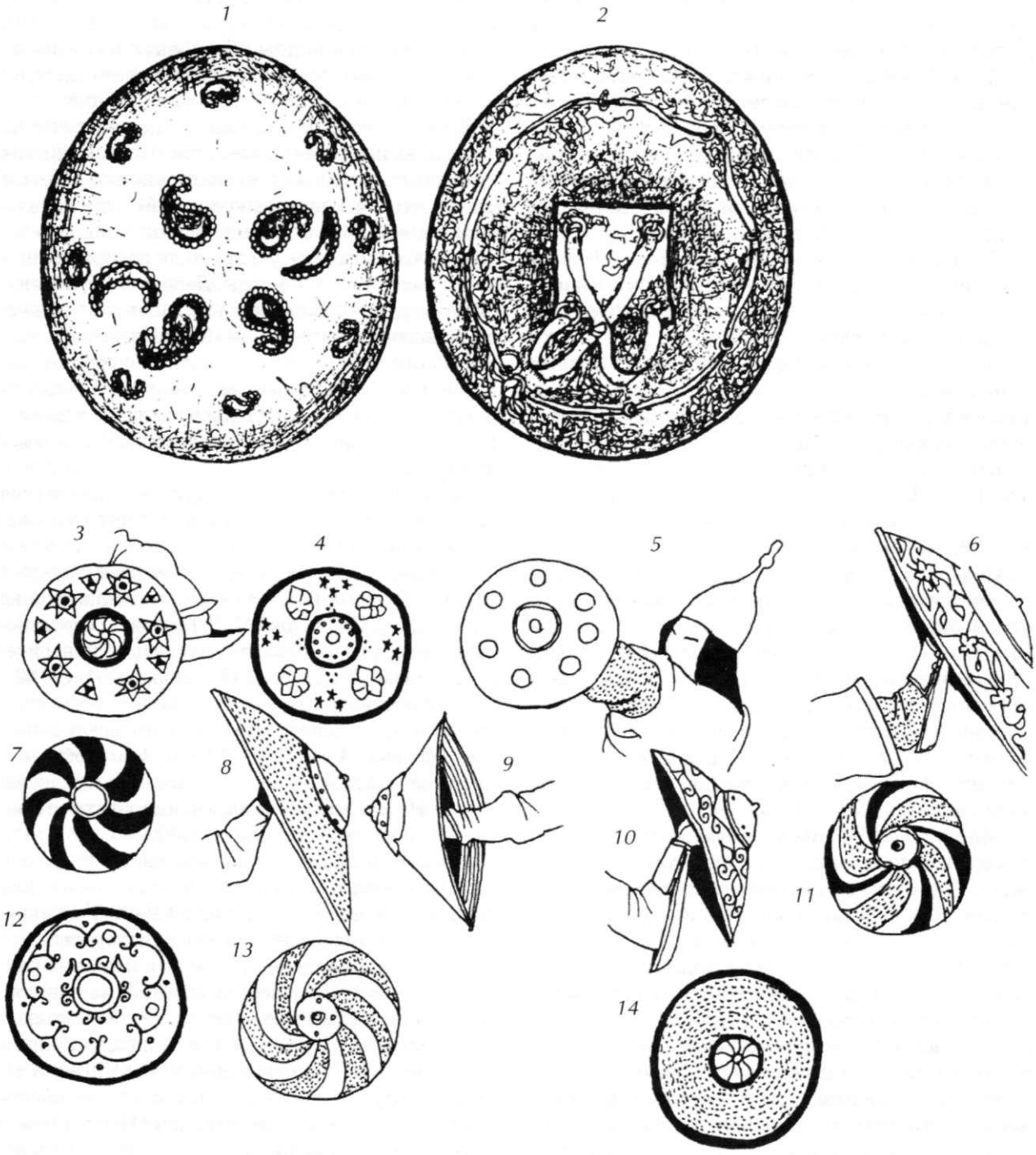

Рис. 212. Кожаные восточнотуркестанские щиты конца XVII — начала XVIII в. (*1, 2*) (по И. Н. Вирронену) и изображения кожаных и деревянных переднеазиатских и среднеазиатских щитов XV–XVII вв. (*3–14*).

краской. Умбоны снабжены специальными металлическими штырями, которые пронизывают плоскость щита насквозь и заканчиваются кольцами, которые используются для крепления кожаных ремешков, служащих рукоятью щита.

Данный экземпляр изготовлен мастерами Северной Индии или тибетцами по индийским образцам. Он служит ярким примером военно-культурных заимствований, характерных для оружейных комплексов Центральной Азии эпохи Нового времени. По аналогии с индийскими и среднеазиатскими щитами он может быть датирован XVIII-XIX вв.

Вариант **2.** Кожаные щиты округлой формы, снабженные четырьмя каплевидными умбонами, двумя месяцевидными накладками и мелкими каплевидными бляшками.

Включает 1 экз. из Омского государственного историко-краеведческого музея. До 1923 г. находился в Музее Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Щит выполнен из дубленой бычьей кожи черного цвета. Он имеет слабовыраженную овальную форму, приостренную на одном конце. Размеры — 59 х 58 см. Толщина — 0,6-0,7 см.

Поверхность щита усилена четырьмя выпуклыми изогнутыми каплевидными умбонами с фестончатым краем и «хвостом скорпиона» (рис. 210, /). Располагаясь по кругу, они представляют собой разорванную в центре свастику. У правого и левого края щита расположены две металлические накладки, выполненные в форме полумесяцев с фестончатым краем. Вдоль края щита приклепаны 8 мелких бляшек, напоминающих уменьшенные копии каплевидных умбонов.

Металлические умбоны и бляшки на поверхности щита служат не только его усилителями, но и основой крепежной системы рукояти. Железные штыри, вбитые в каплевидные умбоны, пронзают плоскость щита насквозь и выходят с его тыльной стороны, где к ним крепятся металлические кольца диаметром 2 см. Два перекрещенных ровдужных ремня, пропущенных сквозь эти кольца, и образуют рукоять щита. Каплевидные бляшки также заканчиваются маленькими колечками, сквозь которые продернут узкий ровдужный ремешок. С внутренней стороны щита, под умбоном, расположена подбитая шерстью подушка (15 * 15 см) — амортизатор ударов, — крытая шерстяной тканью зеленого цвета с подбивкой из хлопчатобумажной ткани.

По мнению российских исследователей, данный щит был изготовлен «уйгурскими» (восточнотуркестанскими) мастерами в XVII — начале XVIII в. (Культура народов зарубежной Азии..., 1997, с. 59). Судя по вдавленностям на умбонах и следам от рубящих ударов на кожаной поверхности щита, он использовался в ходе боевых столкновений.

Кроме плетеных и кожаных щитов в регионе использовались деревянные щиты, плоская лицевая поверхность которых обтягивалась кожей. В Китае такие щиты именовались «туаньпай». Они использовались воинами пехотных подразделений. Некоторые из «туаньпай» украшались изображением оскаленной тигриной морды. Деревянный, обтянутый кожей щит фиксируется по тибетским позднесредневековым материалам (LaRocca, 2006, s. 92-93). О «тяжелых деревянных щитах», использовавшихся тибетскими солдатами, упоминает А. Уоддель (Уоддель, 1906, с. 130). Однако численно деревянные щиты сильно уступали своим плетеным и кожаным аналогам.

Начальный этап эволюции прутяных щитов типа «калкан» связан с комплексом защитного вооружения монгольских воинов периода развитого Средневековья, о чем убедительно свидетельствуют изобразительные и письменные источники конца XIII —XIV в. По мнению М. В. Горелика, «прутяно-нитяные» щиты — «халха» являлись «специфическими щитами» монголов (Горелик, 2004, с. 182—187). Вероятно, близкие по форме и конструкции плетеные щиты использовали и монгольские воины в Центральной Азии в XIV-XVI вв. Таким образом, прутяные «калканы» периода позднего Средневековья и Нового времени являются дериватами монгольского «халха» (там же, с. 188).

В период позднего Средневековья плетеные щиты типа «калкан» активно применяли воины Центрального Тибета. Относительно XV-XVII вв. можно с большой долей уверенности предполагать, что щиты использовали как пешие, так и конные панцирники, в том числе, вероятно, и конные монгольские воины, входившие в состав армий тибетских правителей XV-XVI вв., а также латники ойратского Гуши-хана и его наследников. В XVIII-XIX вв. большие круглые щиты используются в основном тяжеловооруженными пехотинцами Центрального Тибета, на вооружении которых кроме щитов находилось клинковое, древковое и огнестрельное оружие. Судя по косвенным данным, самые бедные

тибетские воины использовали плетеные щиты без металлических усилителей.

Что касается воинов Южной Монголии и Халхи (после включения этих территорий в состав Цинской империи), сколько-нибудь широкое использование ими плетеных щитов восточноазиатского типа маловероятно. В Минском, а затем и Цинском Китае плетеные щиты различных форм и размеров, изготовленные преимущественно из бамбуковых побегов, активно применялись тяжело- и легковооруженными воинами, но почти исключительно пехотинцами (рис. 211, *3, 11-14).* Учитывая тот факт, что чахары и халхасцы были включены в состав конных имперских подразделений, вероятность использования ими пехотных китайских щитов крайне мала. Возможно, что лишь отдельные чахарские и халхаские кавалеристы XVII в. использовали традиционные монгольские щиты «халха» и их восточноазиатские плетеные аналоги. В позднесредневековом Китае употреблялись две основные разновидности плетеных щитов: относительно небольшие шляповидные щиты «тэмпай» с сильно выдающейся центральной частью, напоминающей тулью шляпы, и немного выпуклыми или плоскими «полями» и крупные куполовидные щиты, достигавшие в диаметре 80-100 см. Шляповидные щиты, как правило, обходились без металлического умбона, на месте которого размещались декоративная кисть, помпон или птичьи перья. Поверхность «тэмпай» была иногда украшена замысловатым орнаментом. Большие щиты усиливались полусферическими железными умбонами (преимущественно без бортиков). Поверхность больших щитов часто снабжалась изображением оскалившейся морды льва, тигра или чудовища. В ходе сражения пешие воины, снабженные прутяными щитами обоих типов, взаимодействовали и прикрывали спешенных лучников, копейщиков и ружейных стрелков, отбивающих вражескую атаку, идущих на штурм крепости или полевых укреплений противника (Бобров, Худяков, 2003, с. 164-165). Широкое распространение плетеных щитов в Китае началось вскоре после его захвата войсками Чингизидов, что дало основание М. В. Горелику предположить, что «в Китае плетеные круглые щиты появляются в результате монгольского завоевания» (Горелик, 2004, с. 191).

В джунгарской армии конца XVII — первой половины XVIII в. кожаные и, вероятно, железные щиты среднеазиатского типа использовались мусульманскими воинами Восточного Туркестана, входившими в состав джунгарских воинских соединений. Влияние мусульманского оружейного комплекса на военное искусство западных монголов на протяжении указанного периода неуклонно возрастало, что дает основание предполагать, что подобные щиты могли применять и отдельные джунгарские воины, причем всадники, так как в Средней Азии такими щитами пользовались преимущественно именно кавалеристы.

Щиты круглой формы, выполненные из твердой кожи и усиленные четырьмя полусферическими умбонами, в конце периода позднего Средневековья — начале Нового времени использовали воины южных районов Центрального Тибета и особенно активно — жители пограничных с Индией территорий — Бутана, Сиккима, Непала. Распространение подобных щитов в Тибете следует связывать с индийским, в меньшей степени — среднеазиатским влиянием.

Таким образом, на протяжении XV-XVII вв. происходил процесс постепенного вытеснения ручных щитов из комплекса защитного вооружения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Косвенным подтверждением данного процесса являются материалы центральноазиатских эпических произведений. Если в среднеазиатском эпосе щиты — важная часть военного снаряжения былинных героев, то ситуация с ручными щитами в центральноазиатском эпосе прямо противоположная. Щиты в улигерах практически не упоминаются. Не сохранилось и достоверных изображений монгольских щитов XV-XVIII вв. Тем не менее они служили воинам региона и в XVII, и в XVIII в. В Центральной Азии и Южной Сибири широко применялись станковые щиты, за которыми укрывались пехотинцы, вооруженные оружием ближнего и дальнего боя. На юге региона (в Тибете) прутяные, кожаные и деревянные щиты продолжали употребляться пешими панцирниками даже в начале XX в. Вытеснение ручных щитов из комплекса вооружения центральноазиатских кавалеристов, на наш взгляд, обусловлено развитием защиты рук, повышением качества защитного вооружения, распространением среди кавалеристов ручного огнестрельного оружия.

Глава 8

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ КОНСКИЙ ДОСПЕХ И ПРОБАЕМА ИЗУЧЕНИЯ ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННОЙ КОННИЦЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

В последние десятилетия тема азиатского конского доспеха и тяжеловооруженной конницы центральноазиатских номадов эпохи Средневековья традиционно привлекает к себе пристальное внимание как профессиональных археологов и оружиеведов, так и любителей военной истории. Однако сам конский доспех и тяжеловооруженная конница как самостоятельный род войск редко становятся основными объектами исследования. В подавляющем большинстве случаев они рассматриваются в контексте военного искусства номадов в целом. Вместе с тем не решены многие вопросы, связанные с эволюцией тяжеловооруженной кавалерии в разных районах Центральной и Восточной Азии на различных исторических этапах, не выявлены характерные особенности вооружения и тактики тяжеловооруженных азиатских воинов в сравнении с европейскими и ближневосточными латниками.

Одну из важнейших проблем в изучении центральноазиатской и дальневосточной тяжеловооруженной кавалерии представляет выявление самого факта ее существования как самостоятельного рода войск, действовавшего совместно с легковооруженной и средневооруженной конницей и применявшего особую тактику ведения боя. Напомним, что основное отличие тяжеловооруженного всадника от простого (средневооруженного) панцирника заключается в наличии полного конского доспеха или его облегченного варианта (полудоспеха). Традиционной тактикой тяжелой конницы является атака противника в плотном строю («таранный удар») с использованием древкового и клинкового оружия (Горбунов, 2003, с. 95). Вместе с тем нахождение в армии тяжеловооруженных всадников еще не означает наличие в ней тяжеловооруженной конницы как самостоятельного рода войск. В панцирные попоны могут быть облачены кони военачальников и их приближенных, отдельных богатырей и вельмож. В подобных случаях наличие покрытых броней коней может и не влиять на тактику армии в целом. Так, полководец и его окружение могут следить за ходом сражения издалека, сберегая силы своих коней и не вступая в бой, в то время как богатыри на бронированных лошадях могут действовать самостоятельно, а не в качестве бойцов специальных тяжеловооруженных отрядов (Бобров, Худяков, 2005, с. 96-97). Этот способ применения конского доспеха демонстрируют нам многочисленные изображения периода раннего, развитого и позднего Средневековья (Gorelik, 1979, fig. 44, 46-47). Таким образом, судить о существовании тяжеловооруженной конницы (как рода войск) у средневековых народов по единичным изображениям всадников на покрытых панцирной броней конях, как нам представляется, не совсем оправданно (Бобров, Худяков, 2005, с. 97).

Известные центральноазиатские и дальневосточные материалы раннего и развитого Средневековья указывают на наличие тяжеловооруженных всадников в армиях Цзиньского Китая (265-316 гг. н. э.), сяньбийских государств Северного Китая IV-VI вв., корейцев IV-V вв., тюрок эпохи каганатов, уйгуров, китайцев династий Суй, Тан, Сун, енисейских кыргызов, киданей эпохи Ляо, чжурчжэней XП-XШ вв., монголов XIII-XIVВВ. и др. Однако о наличии в армии тяжеловооруженной конницы как самостоятельного рода войск с уверенностью можно говорить лишь в отношении сяньбийцев IV-VI вв., раннесредневековых корейцев, китайцев Ш-XШ вв., ляосцев и цзиньских чжурчжэней XП-XШ вв. В большинстве этих государств власть находилась в руках выходцев из рядов степной аристократии, совместивших производственные возможности оседлого земледельческого населения и конный парк номадов. Среди кочевых народов использование тяжеловооруженной кон-

ницы установлено у древних тюрок, кыргызов и монголов эпохи Чингиз-хана и его преемников.

В конце XIV— XV в. западноазиатская тяжеловооруженная конница переживала очередной расцвет. Именно к этому периоду относятся изображения масс тяжеловооруженных всадников (Gorelik, 1979, fig. 55-56), свидетельствующие о наличии крупных воинских контингентов латной кавалерии в армиях переднеазиатских Чингизидов и Тимуридов. Однако уже на следующем этапе позднего Средневековья, в XVI-XVII вв., число изображений и упоминаний о тяжеловооруженных всадниках в переднеазиатской и среднеазиатской иконографии и письменных источниках существенно сокращается (Бобров, Худяков, 2002, с. 138).

В XV-XVIII вв. центральноазиатский панцирный комплекс стремительно развивается. Наряду с традиционными для региона доспехами с ламеллярной, ламинарной, пластинчато-нашивной, мягкой органической структурой бронирования появляются ранее не характерные для региона кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири, створчатые наручи, кольчато-пластинчатая защита бедра и голени и т. д. (Бобров, 2000, с. 80-88). Повышается значимость ближнего рукопашного боя. Однако вопрос о существовании тяжеловооруженной монгольской конницы XV-XVIII вв., применявшей особую тактику ведения боя, продолжает оставаться открытым.

Письменные, вещественные и иконографические источники XV-XVII вв. фиксируют факт наличия тяжеловооруженных всадников у многих ближних и дальних соседей монголов этого периода. Конский доспех Средней Азии конца XV — первой половины XVII в. разобран нами в специальной работе (Бобров, Худяков, 2002, с. 136-139, 153, рис. 14; с. 154, рис. 14 а). По информации А. К. Гейнса, казахские воины применяли доспехи «из железной сетки, которой нередко покрывали и лошадей» (Гейне, 1897, с. 73).

Ламеллярные панцирные попоны и кольчатый конский доспех, состоящий из нагрудника, накрупника и вырезного налобника китайского (?) производства, изображены на минской картине «Выезд императора Ванли» (рис. 216, /). Вероятно, достаточно широко применяли конские доспехи и маньчжурские воины XVII в. Так, описывая русскому послу в 1647 г. вооружение маньчжуров, халхаский Цэцэн-хан отметил, что «одежа у них — куяки железные под камками и под дорогами (матерчатое покрытие панциря. — *Авт.),* и *кони у них потому ж под полицами* (пластинами. — *Авт.) железными,* а бой у них огненный» (Русско-китайские отношения, 1972, с. 123). Иностранные путешественники, посещавшие столицу маньчжурского государства Нурхаци г. Фэйала, отмечали, что его подданные используют конские панцири «из первосортного железа» (Бобров, Худяков, 2003, с. 126, 166).

В Сибири, использование панцирных попон зафиксировано у якутов в XVII в. Так, в 1634 г. Иван Галкин, сражаясь с восставшими якутами, «убил под князцом Бойзоком (Бозеко) Тынининым коня в железных досках». А почти через десять лет, в 1645 г., борогонский якут Туреней обвинил одного из подгородных якутов в краже «конного своего дощатого куяка» (Токарев, 1945, с. 155).

Использование позднесредневековыми монголами панцирной защиты коней зафиксировано русскими и монгольскими письменными источниками XVII в. Анализируя сообщения послов Алтын-хана, русские дьяки отметили, что представители северомонгольской знати «ездят на бой в куяках, и в шеломах, и в наручах, и в наколенках, *а у иных де у лучших людей и лошади бывают на боех в железных доспесях и приправах* (курсив наш. — *Авт.)»* (Материалы МРМО, 1959, с. 286). В монгольской надписи Цогту-тайджи, датируемой 1621 г., отмечено, что «21 числа первой осенней луны года белой курицы (1621 г.) Цогту-тайджи, охотясь на северных горах Цецерлик, Хангай-хана, *верхом на покрытом броней темно-гнедом коне* своем поднялся на вершину (курсив наш. — *Авт.)»* (Владимирцов, 2002, с. 475)[1].

Конские доспехи с территории собственно Монголии до нас не дошли. Но в музеях Великобритании и США хранятся не менее двух комплектов «конских лат» с ламеллярной и комбинированной структурой бронирования, вывезенных британскими офицерами из Тибета в начале XX в. Еще два комплекта «тибето-монгольских» конских доспехов из крупных пластин толстой лакированной кожи, датированных XV— первой половиной XVII в. (LaRocca, 1999, s. 118-119), выставлены в экспозиции музея Мет-

[1] Характерно, что доспех был одет на лошадь не для ведения боевых действий, а для охоты, да еще и в горах. Возможно, таким образом владелец коня предполагал приучить его носить достаточно громоздкий панцирный комплекс даже в экстремальных горных условиях.

рополитен (Нью-Йорк, США). При этом ни один комплект не является полным (рис. 213-215). А некоторые из них составлены из панцирных элементов, взятых из разных оружейных собраний.

Вопрос о происхождении этих доспехов до сих пор продолжает оставаться в западном научном сообществе дискуссионным. С одной стороны, конское защитное вооружение было вывезено с территории Тибета, что, вероятно, должно свидетельствовать об его местном происхождении. Однако, с другой стороны, в тибетских позднесредневековых письменных источниках, подробно описывающих различные виды вооружения (от панцирей до ножей), конский доспех не упоминается ни разу, нет его и в традиционной тибетской иконографии (LaRocca, 2006, s. 97). Углеродный анализ органических элементов конских доспехов показал, что все они были изготовлены в XV-XVII вв. Данная датировка также не позволяет уточнить авторов и потребителей этого защитного вооружения. Если они были изготовлены в первой половине периода, то с большой долей вероятности можно предполагать, что их авторами являются тибетские мастера, если во второй, то они скорее всего состояли на вооружении монгольских воинов, формировавших основу тибетских вооруженных сил этого периода. В результате панцирные элементы конского доспеха в современных западных исследованиях определяются, как «Tibetan or Mongolian*, т. е. «тибетские или монгольские» (рис. 213, 214, 215, 216).

В целом известные конские панцирные попоны из музеев Великобритании и США можно разделить на две основные разновидности:

I. Конские доспехи из крупных пластин-сегментов твердой кожи, усиленных металлическими накладками (рис. 213). Крупные вырезные сегменты, как правило, состояли из нескольких (обычно 3-4) более мелких пластин, одна из которых находилась в центре, а другие концентрически охватывали ее, частично перекрывая друг друга. Стыки пластин прикрывались узкими металлическими полосами (иногда с ребром жесткости) и фиксировались рядами выпуклых полусферических заклепок, снабженных специальными штырями с кожаными шнурками. Поверхность некоторых кожаных пластин (как правило, центральных), составлявших панцирный сегмент, нередко усиливалась плоскими железными прорезными накладками (иногда с ребрами жесткости) или рядом ламеллярных пластин. В результате образовывалось достаточно прочное жесткое панцирное покрытие, защищавшее коня от стрел, колющих и рубящих ударов противника. Органическая основа кожаных пластин таких доспехов часто покрывалась черным, коричневым или красным лаком, тунговым маслом и расписывалась изображениями растительного орнамента (лотосы, пионы, побеги виноградной (?) лозы и т. д.) и буддийскими религиозными символами, которые обычно наносились желтой или золотой краской и ретушировались тонкими черными линиями. Сочетание красной, коричневой и черной поверхностей с изящным черно-золотым, красным и оранжевым рисунком, выпуклым орнаментом, прорезным узором металлических накладок, рядами начищенных железных заклепок создает исключительное богатство отделки. Оформленные таким образом элементы кожаных конских доспехов, хранящиеся в музее Метрополитен (Нью-Йорк, США), Музее Виктории и Альберта (г. Лондон, Великобритания), Королевского музея оружия (Лидс, Великобритания) и других музеях, представляют собой настоящие произведения искусства. С внутренней стороны кожаные сегменты обшивались мягкой тканью, как правило, синего или белого цвета.

К сожалению, до нас недошли полные комплекты панцирных попон, составленных из крупных кожаных сегментов. В европейских и американских музеях хранятся их элементы:

а) двухчастный нашейник, состоящий из двух выгнутых сегментов подтреугольной формы, двухчастный нагрудник (или боковина) (оформлены в одном стиле). Датированы по результатам углеродного анализа 1435-1665 гг. (музей Метрополитен) (рис. 213, *1-3);*

б) двухчастный нагрудник (или боковина), снабженный по нижнему краю окрашенной в красный цвет шерстью яка. Датирован по результатам углеродного анализа 1402-1626 гг. (музей Метрополитен) (рис. 213, *4);*

в) двухчастный нашейник, состоящий из двух выгнутых сегментов подтреугольной формы. Датирован по результатам типологического анализа XVI-XVII вв. (рис. 213, *5-6).*

На наш взгляд, есть основания полагать, что в Тибете XV-XVII вв. применялись полные конские панцирные попоны, составленные из крупных сегментов лакированной кожи, в состав которых входили не только дошедшие до нас двухчастные на-

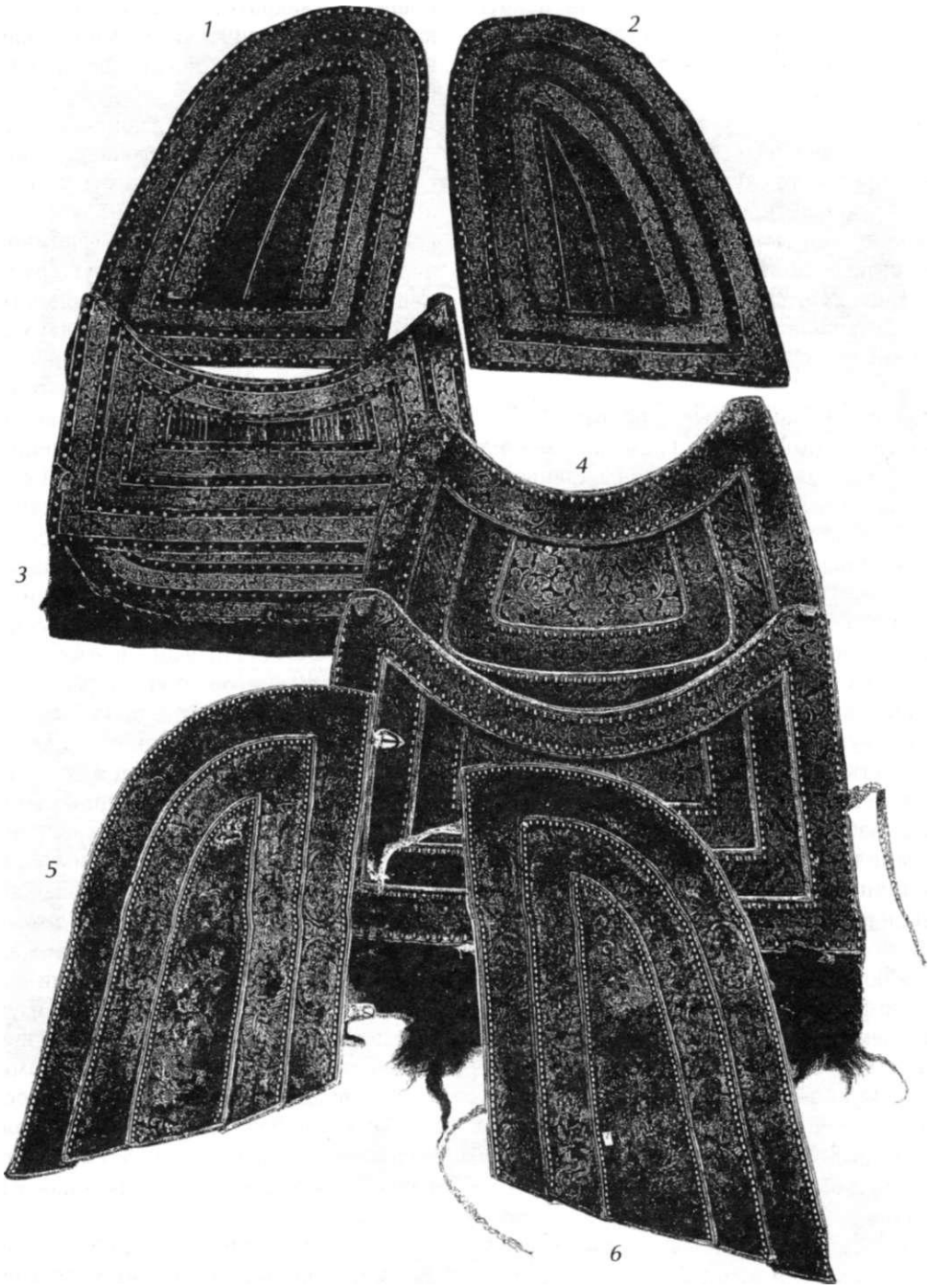

РИС. 213. Тибетские конские доспехи из крупных пластин-сегментов твердой кожи, усиленных металлическими накладками:

1-2 —двухчастные нашейники XV-XVII вв. (музей Метрополитен); *3* — нагрудник XV-XVII вв. (музей Метрополитен); 4 — нагрудник или боковина XV-XVII вв. (музей Метрополитен); 5-6 —двухчастный нашейник XVI-XVII вв. (Музей Виктории и Альберта).

шейники и нагрудники, но также боковины, накрупник и назадник. Тем не менее состав подлинных панцирных элементов позволяет утверждать, что в Тибете использовался и конский полудоспех, включавший в себя только защитные элементы, прикрывавшие переднюю часть корпуса лошади. Подтверждением этого служит фотография начала XX в., фиксирующая тибетского кавалериста, сидящего на коне, покрытом таким полудоспехом, состоящим из нагрудника, двухчастного нашейника и маски (рис. 216, *2)*. Характерно, что принцип бронирования нашейника и нагрудника аналогичен данному принципу в рассмотренных выше экземплярах.

И. Ламеллярные панцирные попоны.

1. Наиболее полный комплект ламеллярных элементов от конской панцирной попоны хранится в Музее Виктории и Альберта (г. Лондон, Великобритания). Он был подарен британскому чиновнику в Сиккиме Чарльзу Беллу (1870-1945) XIII Далай-ламой в 1913 г. По данным Далай-ламы, эти конские доспехи были изготовлены около 200 лет назад (т. е. в конце XVII — начале XVIII в.). Комплект состоит из маски, ламеллярного двухчастного нагрудника из семи рядов железных пластин и окантовки из двух рядов лакированной кожи и двух рядов плотной ткани, снабженных рядами полусферических железных заклепок; таким же образом оформленных набедренников-боковин, составленных из 6 рядов ламеллярных пластин, кожаного накрупника и составного назадника, изготовленных из лакированной кожи и покрытых рядами железных заклепок. Выполненные из лакированной и позолоченной кожи боковины имеют небольшие размеры и полукруглую форму. Ламеллярные элементы снабжены по нижнему краю окрашенной в красный цвет шерстью яка и желтыми шелковыми лентами. Двухчастный нашейник и полукруглые кожаные боковины были, по всей видимости, добавлены позднее из состава другого конского доспеха. Конский доспех датируется XVI-XVII вв.

2. Ламеллярный одночастный нагрудник, пара боковин-набедренников и назадник хранятся в Королевском музее (г. Эдинбург, Великобритания). Нижний край ламеллярных элементов снабжен достаточно широкой окантовкой из позолоченной и лакированной кожи и украшен шерстью яка и матерчатыми лентами. В комплект также входит трапециевидный кожаный панцирный сегмент, обшитый квадратными металлическими пластинками с полусферическими умбончиками,возможно, входивший в состав другого конского доспеха (рис. 214).

Анализ ламеллярного конского доспеха позволяет сделать вывод, что его конструкция была несколько сложнее, чем принято считать. Полный конский доспех состоял из полутора десятков отдельных элементов, которые взаимно дополняли, фиксировали и усиливали друг друга. Чтобы не мешать лошади сгибать ноги в коленях, ламеллярный нагрудник выполнялся из двух сегментов и сошнуровывался только в верхней части. Если же нагрудник делали одночастным, то он отличался узкими пропорциями, а образовавшиеся незащищенные участки прикрывались специальным панцирным сегментом, часто с другой системой бронирования. Для повышения гибкости одночастного нагрудника по вертикали окантовка из твердой лакированной кожи делалась трехчастной и соединялась между собой специальными шарнирами. Изогнутая подтреугольная (крыловидная) форма нашейника была призвана повысить гибкость доспеха в целом и позволить лошади свободно склонять, сгибать и разгибать шею. По этой же причине нашейник изготавливался из двух отдельных элементов, соединявшихся между собой с помощью двух кожаных ремешков с пряжками на гриве и свободными матерчатыми или кожаными фиксаторами на горле. Накрупник и назадник имели сложную вырезную форму, которая должна была максимально соответствовать анатомии лошади. Ламеллярные назадники даже снабжались специальными полуовальными вырезами для конского хвоста. Для повышения гибкости и уменьшения веса доспеха некоторые металлические элементы заменялись органическими аналогами. В местах сгибов твердая лакированная кожа соседствовала с легко мнущейся мягкой кожей. Дополнительный защитный и декоративный эффект создавала густая «бахрома» из волоса яка, спускавшаяся ниже колен лошади.

Дополнительной разновидностью способов бронирования панцирной попоны являются вырезные сегменты из мягкой кожи, лицевая поверхность которых обшита квадратными железными бляшками с полусферическими умбончиками и снабжена по периметру окантовкой из твердой лакированной кожи с обкладкой из узких железных полос (иног-

Рис. 214. Элементы позднесредневекового «тибето-монгольского» конского доспеха с ламеллярной и комбинированной структурой бронирования (Королевский музей г. Эдинбурга).

да с ребрами жесткости) и рядов полусферических заклепок. Таким образом оформлены два панцирных сегмента из Королевского музея оружия в Лидсе и Королевского музея г. Эдинбурга: двухчастный нашейник, состоящий из двух выгнутых сегментов подтреугольной формы (датирован по результатам типологического анализа XVII-XVIII вв.), и трапециевидный панцирный сегмент для прикрытия горла лошади (?). Данный принцип бронирования кожаной основы является основным для конских масок этого же периода.

Кроме описанных выше видов бронирования конского доспеха, в Тзапаранге (Западный Тибет) и монастыре Пхьянг в Ладакхе были обнаружены панцирные элементы, представляющие собой металлические накладки различных форм и размеров, нашитые на мягкую органическую (тканевую) основу. Нашейник и нагрудник конского панциря изготовлены из одного куска органической попоны.

Головы коней в XV-XVII вв. прикрывались масками из мягкой кожи, обшитыми квадратными железными пластинками с умбончиками, усиленные Ф-образным налобником с ребром жесткости, металлическими подтреугольными нащечниками и сегментами для прикрытия затылка и ноздрей лошади. В настоящее время известно о четырех таких масках, хранящихся в музее Метрополитен (Нью Йорк, США) и Музее Виктории и Альберта (г. Лондон, Великобритания) (рис. 215). Таким же образом оформлена маска, одетая на голову коня в полудоспехе на уже упоминавшейся фотографии тибетского копейщика, сделанной в начале XX в. (рис. 216,*2),* Конструкция всех масок практически идентична, они различаются между собой в основном особенностями оформления, наличием/отсутствием дополнительных усилителей и декоративных деталей. Из общего ряда выделяется маска из Музея Виктории и Альберта (IM. 73-1910). Ее поверхность обшита плоскими пластинками квадратной формы без умбончиков, собранными в вертикальные ряды и прошитыми кожаными шнурами (рис. 215, *2).* Поверхность металлических накладок маски из музея Метрополитен (2004.402) украшена золотой и серебряной насечкой в виде сплетенных 4-лепестковых цветков и «мальтийских крестов». Над прорезями для глаз приклепаны декоративные прорезные позолоченные «брови» (рис. 215, *3).*

Конский доспех из крупных пластин твердой лакированной кожи является традиционным для Тибета. Самые ранние его образцы датируются XV в. Их аналоги использовались в регионе вплоть до начала XX в. (Уоддель, 1906, с. 9, 130). Возможно, данные конские доспехи и применялись монгольскими феодалами XVI-XVIII вв., но изготавливали их скорее всего все же тибетские мастера.

Широкое распространение ламеллярных попон на территории Тибета фиксируется с XVII в. Их покрой типологически близок покрою конских доспехов Сунского Китая и киданьской империи Ляо XI—XII вв., государств Чингизидов XIII—XIV вв. (Горелик,1983,с. 267,табл. X,рис. *1,3,4;* Горелик, 1987, с. 199, рис. 13, *1-5),* Минского Китая XV-XVII вв. В свою очередь, эти панцирные комплексы восходят к сяньбийскому конскому доспеху «цзюйчжуан» («цзюйчжуанкуй») IV в. н. э. (Бобров, Худяков, 2005, с. 149-153, 190-191). Если кожаные крупнопластинчатые конские панцирные попоны — результат развития местной военно-культурной традиции, то распространение их ламеллярных аналогов следует связывать с адаптированным центральноазиатский (монгольским) и, возможно, восточноазиатским (китайским) влиянием. Их авторами могут быть как тибетские, так и монгольские оружейники.

Необходимо отметить, что обе традиции активно дополняли друг друга. В результате в Тибете широкое распространение получили комбинированные конские доспехи. Наиболее популярным было использование двухчастного кожаного нашейника и мелкопластинчатой маски в комплекте с ламеллярным нагрудником, боковинами, ламеллярным или кожаным накрупником и назадником.

Таким образом, вещественные материалы и данные письменных источников свидетельствуют о том, что вопрос о существовании тяжеловооруженных всадников в армиях позднесредневековых монголов может быть решен положительно. Однако существовала ли у центральноазиатских номадов тяжеловооруженная конница, выступавшая на поле сражения в плотных построениях и использовавшая «таранную» тактику ведения боя? Данных, неопровержимо указывающих на этот факт, в письменных источниках XV-XVIII вв. нами не зафиксировано. Ответить на вопрос представляется возможным, установив роль и местонахождение упо-

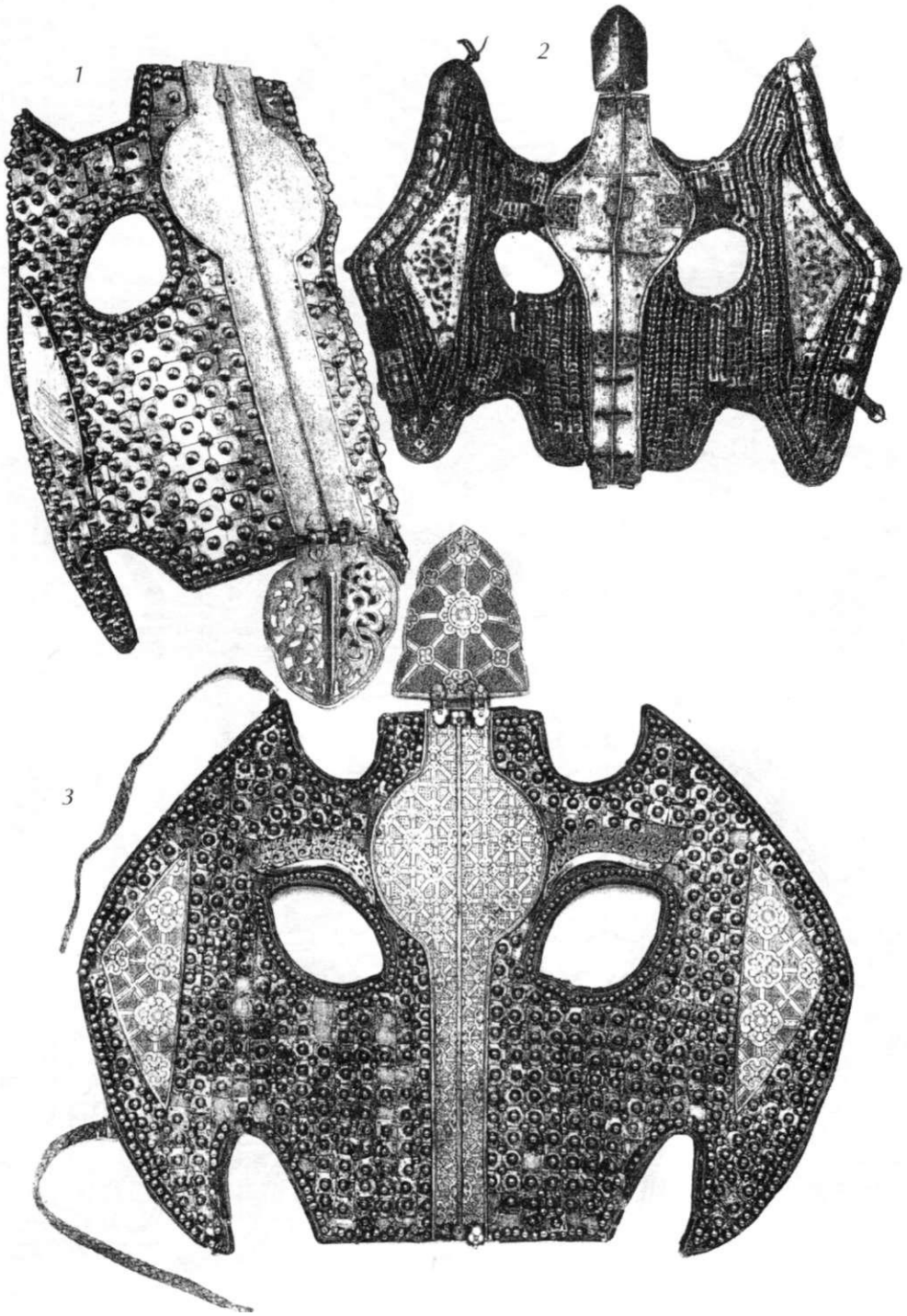

Рис. 215. «Тибето-монгольские» конские маски XV-XVII вв. из мягкой кожи, обшитые квадратными железными пластинками с умбончиками, усиленные Ф-образным налобником с ребром жесткости, металлическими подтреугольными нашечниками и сегментами для прикрытия затылка и ноздрей лошади (*1*, *3* — музей Метрополитен; *2* — Музей Виктории и Альберта).

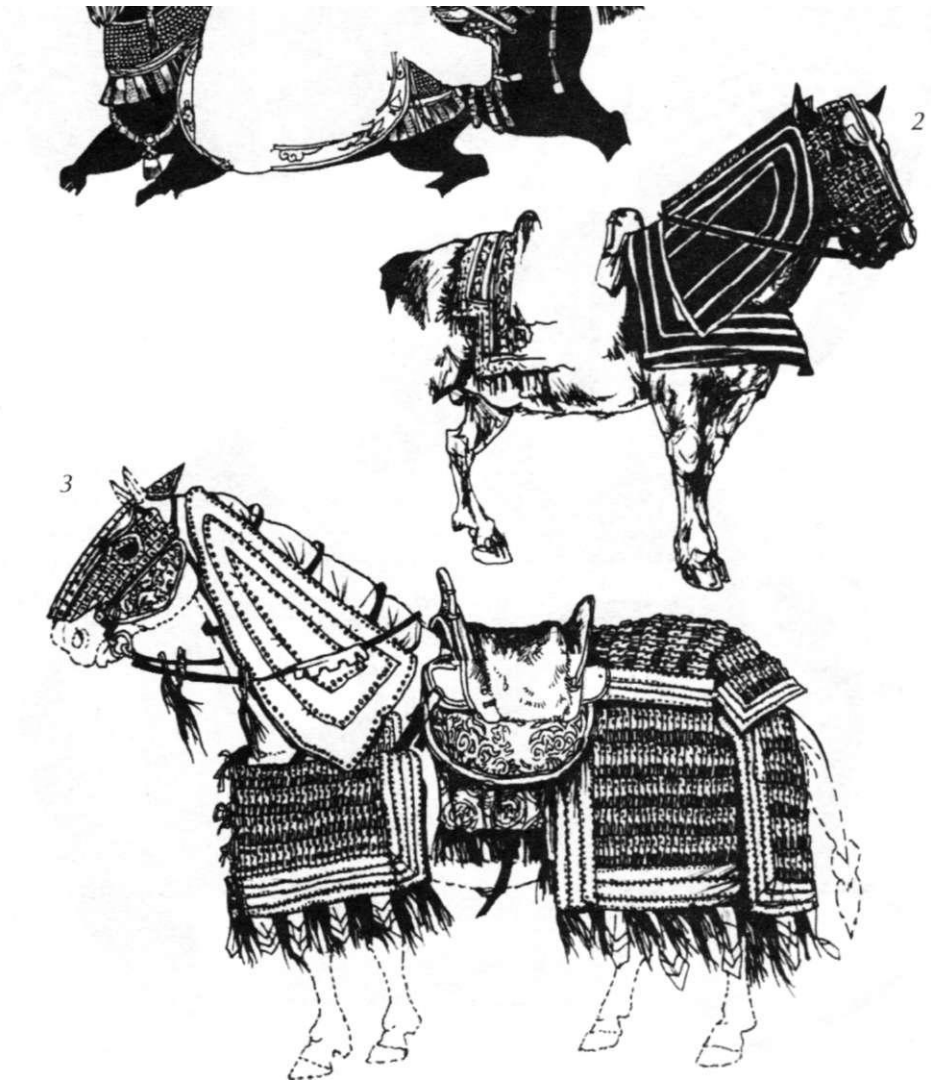

Рис. 216а. Конские доспехи Центральной и Восточной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени: минский конский доспех второй половины XVI в., тибетский конский доспех XIX в. (прорисовка с фотографии начала XX в.), реконструкция комбинированного «тибето-монгольского» конского доспеха XVII—X"VI11 вв.

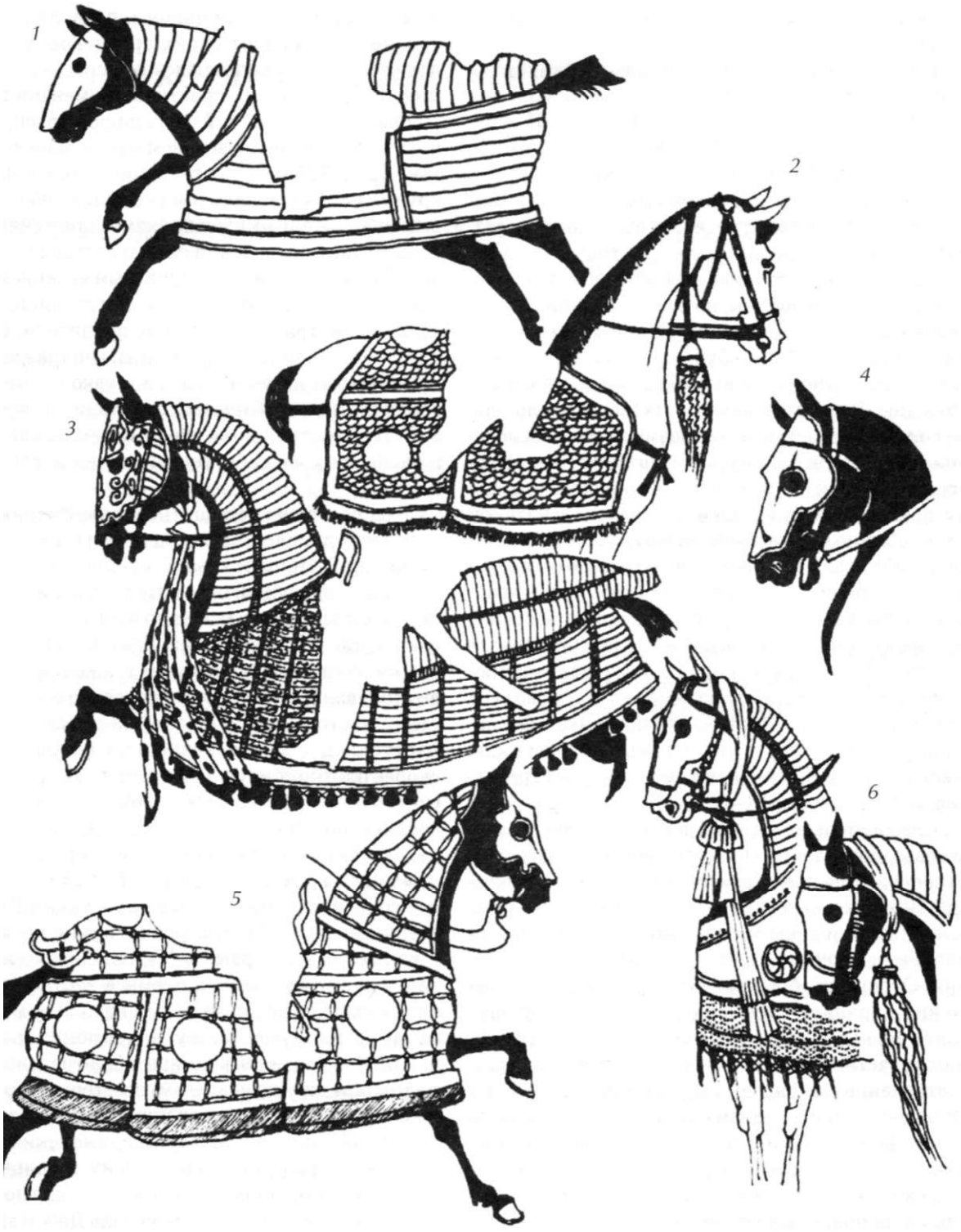

Рис. 216б. Изображения конских доспехов в искусстве народов Центральной и Восточной Азии

минаемых в сообщениях «лучих людей» и «тайджей» в ходе сражения.

В позднесредневековой Центральной Азии титул «тайджи», «тайши» носили представители монгольской феодальной знати (Златкин, 1983, с. 267-268; Цааджин бичиг, 1998, с. 108). Несколько сложнее расшифровать примененный русскими дьяками термин «лучие люди». В узком смысле слова к данной категории могли относиться все те же представители степной феодальной аристократии. При более широкой трактовке под него подпадают не только тайджи и нойоны, но и их окружение (зятья ханов «табунан», чиновники «тушимэл», знаменосцы «тогчин», трубачи «буречин», телохранители «хя») и, вероятно, отборные «богатуры» княжеской дружины. Реконструировать тактику этих воинов на поле боя представляется возможным на основании материалов центральноазиатских эпических произведений и письменных источников. Согласно им представители высшей центральноазиатской знати обычно не участвовали в рукопашной схватке, а наблюдали за ходом боя со стороны. Тайджи и их телохранители вступали в битву лишь в крайнем случае (обычно в переломные моменты сражения, в случае проигрыша сражения или неудачного бегства). В отличие от них отборные дружинники («богатуры», «баторы») принимали участие во всех этапах сражения, участвовали в поединках, выполняли функции «хошучи» (командиров) отрядов княжеских дружинников и ополчения улуса (Трепавлов, 1995, с. 76-79, 81-83).

Следовательно, конский доспех у позднесредневековых монголов мог входить в комплекс защитного вооружения представителей кочевой аристократии. Вероятно, наиболее состоятельные «владетельные князья» и ханы могли снабжать панцирными попонами и воинов из своего ближайшего окружения. Отборные «богатуры» в походе и в ходе сражения охраняли своего сюзерена, несли флаги, зонты и иные символы княжеской власти, принимали участие в поединках и возглавляли отряды, составленные из рядовых дружинников и улусных ополченцев. В последнем случае элитные латники могли находиться и в первой линии построения. Таким образом, первая шеренга наступающих монгольских войск могла включать в себя воинов, сидящих на покрытых бронею конях, выступающих вперемешку со средневооруженными копейщиками. Использование тренированных коней, приученных к весу панцирной попоны, позволяло латникам не отставать от своих средневооруженных подчиненных. Судя по иранским и среднеазиатским миниатюрам XVII в., практика применения таких смешанных построений была широко распространена на позднесредневековом мусульманском Востоке (рис. 225). Существование сколько-нибудь крупных отрядов, целиком укомплектованных тяжеловооруженными всадниками, применявшими особую тактику ведения боя, представляется нам возможным, хотя и маловероятным явлением. Комплектовать подобные отряды могли лишь самые богатые центральноазиатские правители, однако для столь специализированных подразделений практически не было столь же узко специализированных задач. Основным противником монголов в XVII в. выступали не оседлые земледельческие народы, а их же собственные кочевые соплеменники.

Распространение защитного вооружения среди номадов привело к доминированию на поле боя мобильной универсальной средневооруженной конницы, способной стремительно перемещаться по полю сражения и успешно вести как дистанционный, так и ближний бой. Судя по данным «Цааджин бичиг», перед началом сражения всадники выстраивались в несколько рядов, но в ходе самой атаки часто нарушали строй, в результате чего наступающие монгольские отряды напоминали скорее плотно сбитую «лаву», чем конную «фалангу» (Цааджин бичиг, 1998, с. 69). Эффективность средневооруженной панцирной кавалерии в противостоянии с иноэтническими военными системами подтвердили успешные действия маньчжуро-монгольских армий в ходе завоевания Китая и степные войны ойратов (калмыков) с ногайцами и крымскими татарами в XVII в. Однако консервация этой тактической схемы в частности и военной мысли в целом не пошла на пользу монгольскому военному искусству. Конец доминированию панцирной копейной конницы в Центральной Азии положили джунгарские «мушкетеры», привнесшие в регион «мусульманскую» тактику ведения боя, основанную на массовом применении ручного огнестрельного оружия. Смену традиционной парадигмы в военном искусстве Центральной Азии в полной мере продемонстрировала Джунгаро-халхаская война конца XVII в. (Бобров, 2001, 11-19).

ЧАСТЬ IV

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ И ТАКТИКА

Глава 9

ЭВОЛЮЦИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ И ТАКТИКА МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ В XV-XVII вв.

За XV-XVIII вв. эволюция центральноазиатского оружейного комплекса прошла несколько этапов, каждый из которых отличается известным типологическим разнообразием и характерным набором оружейных элементов. В течение XV-XVI вв. монгольский комплекс вооружения, распространенный на огромных просторах евразийского континента от Восточного Туркестана до Ляодуна, базировавшийся на древней центральноазиатской военно-культурной традиции и развитом оружейном комплексе Юаньской империи, в целом продолжал развиваться в едином русле. Политическая децентрализация Монголии в период позднего Средневековья и особенно вхождение ряда регионов Монголии в состав оседло-земледельческих империй существенно скорректировали эволюцию ранее единого центральноазиатского оружейного комплекса. Предположительно с начала XVII в. (и совершенно точно с середины XVII в.) возникли региональные оружейные комплексы, различавшиеся набором предметов вооружения, их конструкцией, системой оформления и количественным соотношением внутри комплекса. Представляется возможным выделить четыре основных региональных оружейных комплекса центральноазиатских кочевников периода позднего Средневековья и Нового времени: южномонгольский, восточномонгольский («халхаский»[1]), западномонгольский («джунгарский») и комплекс вооружения монголов Кукунора и Центрального Тибета. К центральноазиатским примыкают комплексы вооружения кочевников Южной Сибири, испытавшие на себе мощное монгольское влияние. Это оружейные комплексы енисейских кыргызов, шорцев, телеутов, бурят и других народов. Особый типовой набор оружейных комплексов подразумевал использование особой тактики, что подтверждается данными письменных и изобразительных источников.

В данной главе мы рассмотрим эволюцию комплекса вооружения центральноазиатских кочевников и их тактику в XV-XVII вв., т. е. в то время, когда монгольский оружейный комплекс еще сохранял внутреннее единство и (в целом) единую динамику развития.

9.1. Эволюция комплекса вооружения монгольских кочевников в XV — первой половине XVI в.

Изгнание монголов из Китая лишило кочевников доступа к крупным железодобывающим и ремесленным центрам земледельческих народов Восточной Азии. Вероятно, в конце XIV — начале XV в. центральноазиатские номады продолжали использовать оружие, произведенное в Юаньском Китае, однако в более долгосрочной перспективе это должно было привести к значительному сокращению числа воинов, использовавших металлическое защитное вооружение. Вероятно, именно нехватка железного оружия заставила монголов впоследствии перейти к активной эксплуатации народов Саяно-Алтая, поставлявших предметы вооружения в центральноазиатские степи.

По всей видимости, в конце XIV — начале XV в. еще достаточно широко использовалось холодное оружие юаньского производства. В том числе длинные копья с узким (линзовидным, граненым) или, наоборот, широким листовидным, удлиненно-ромбическим и удлиненно-треугольным пером, различ-

[1] К «халхаскому» оружейному комплексу примыкает «хотогойский» оружейный субкомплекс, созданный халха-монголами, проживавшими на территории северомонгольского государства Алтын-ханов в конце XVI — первой половине XVII в.

ное длиннодревковое комбинированное оружие (алебарды, древки с двумя и тремя отдельными остриями, вытянутые шипастые булавы на длинной рукояти и т. д.).

Из числа комбинированного оружия особой популярностью у воинов Юаньской империи пользовались алебарды на коротком (1-1,5 м) древке. Юаньская алебарда состояла из массивного топора с месяцевидным лезвием, часто с вытянутым и заостренным обухом (клевцом) и копейного наконечника (рис. 104,*1-6)*. Судя по изображениям, в отличие от европейских аналогов, топор и копейное острие не размещались на одной втулке, а надевались на древко по отдельности. Нижняя часть древка юаньских алебард практически всегда снабжалась металлическим втоком, иногда с граненым острием.

Не менее популярны были традиционные для оружейных комплексов чингизидского круга булавы на длинном деревянном древке с шаровидной металлической ударной частью (рис. 99, /).

Из клинкового оружия популярностью пользовались достаточно широкие, изгибающиеся в нижней трети сабли с дисковидными гардами и долами на плоскости клинка. Не меньшее хождение имели прямые однолезвийные палаши со срезанным под углом острием. Данные типы юаньского длинноклинкового оружия легли в основу сабель и палашей центрально- и восточноазиатского региона периода позднего Средневековья и Нового времени.

Основным оружием дистанционного боя были сложносоставные луки «монгольского» типа с веслообразной центральной накладкой. Стрелы для таких луков имели квадратные или ромбические в сечении узкие (бронебойные) наконечники или, наоборот, плоские наконечники асимметрично-ромбической или «секторной» формы. Последняя разновидность стрел предназначалась для поражения преимущественно бездоспешного противника.

У-образные налучи были абсолютно преобладающим типом налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири на протяжении большей части позднего Средневековья и Нового времени. Их изображения фиксируются уже на иконографических памятниках III-IV вв. В результате длительного противостояния с чулкообразными налучами (в которых луки хранились со снятой тетивой) в период развитого Средневековья У-образные «хормого» и «хоромсого» одерживают убедительную победу. Вероятно, решающим фактором стала высокая скорострельность луков, помещенных в У-образные налучи (они хранились в них с натянутой тетивой). Что касается остроты конкуренции с чулкообразными аналогами, то она была обусловлена скорее всего конструктивными особенностями раннесредневековых луков. Однако эта тема продолжает оставаться дискуссионной в связи с невозможностью проведения соответствующих научных экспериментов (Горелик, 1995, с. 380).

В XV — первой половине XVI в. центральноазиатские кочевники использовали преимущественно налучи так называемого «тибето-монгольского» (рис. 2, *1а)* и «центральноазиатского» (рис. 2,*16)* типов.

Отличительными чертами налучей «тибето-монгольского» типа были небольшое количество металлических накладок на лицевой поверхности налуча (на которой нередко сохранялись лишь крепежные пластины и заклепки), кожаная обкладка футляра и густой геометрическо-растительный орнамент, покрывающий его верхнюю часть. Налучи данного типа в рассматриваемый период широко использовались тибетскими и монгольскими лучниками. Другой популярной разновидностью покроя были налучи так называемого «центральноазиатского» типа. На их лицевой поверхности оружейники размещали пластину округлой формы («центральный диск»). Остальная поверхность «хормого» украшалась вырезными накладками, многолепестковыми бляшками и заклепками.

Налучи «центральноазиатского» типа стали широко применяться монгольскими кочевниками не позднее периода развитого Средневековья. Если тибето-монгольский принцип оформления налучей восходит к периоду развитого Средневековья, то изображения налучей, выполненных в центральноазиатском стиле, датируются IX-X вв. (Горелик, 1995, с. 376, табл. 46, рис. 20). Близкие по конструкции и оформлению налучи использовали чжурчжэньские воины времен Цзиньской империи (Бобров, Худяков, 2003, с. 172, табл. 3, рис. 3). Достаточно развитые варианты налучей «центральноазиатского» типа демонстрируют нам юаньские и хулагуидские изобразительные источники XIV в. (Горелик, 2002, с. 60, рис. 9, 11, 12). «Классические» варианты, украшенные «центральным диском», вырезными накладками, лепестковыми бляшками и заклепками, фиксируются на монгольских иконографических памятниках XVII в. В период

Рис. 217. Изображения монгольских воинов с гравюр китайских художников школы Гуйчжоу. Эпоха династии Мин (1368–1644).

позднего Средневековья и Нового времени данный тип оформления налучей имел широчайшее распространение в Чахаре, Халхе, Джунгарии, Северной Монголии, Бурятии, а также, вероятно, на Алтае и в Минусинской котловине. Близкое оформление имели и маньчжурские (впоследствии цинские) позднесредневековые налучи. Однако их «центральный диск» был гораздо мельче, верхний правый угол был снабжен металлическим кольцом, выполненным в виде полумесяца со звездами (рис. 2, *1е).*

В начале рассматриваемого периода кочевники Центральной Азии использовали два основных вида колчанов: колчаны-«короба» и колчаны-«футляры». В период развитого Средневековья оба вида активно конкурировали между собой. Однако в течение XV в. колчаны-«футляры», стали абсолютно преобладающим видом колчанов и практически совершенно вытеснили из широкого военного обихода своих «коробообразных» предшественников. Победа колчанов-«футляров» обусловлена целым рядом факторов: функциональными преимуществами, относительной простотой изготовления, военной модой и т. д.

В монгольских войсках периода Юаньской империи защитное вооружение было распространено исключительно широко, однако после изгнания монголов из Китая ситуация должна была резко измениться. Некоторое время кочевники, вероятно, еще использовали панцири и шлемы, изготовленные в юаньских мастерских в первой половине — середине XIV в., однако долго это продолжаться не могло. В целом число панцирников в монгольских армиях XV в. по сравнению с юаньским периодом значительно сократилось. Изделия крупных оружейных мастерских китайских городов были недоступны для номадов (минское императорское правительство наложило строжайший запрет на продажу оружия «застенным» монголам), а на воссоздание собственных железодобывающих и железообрабатывающих баз требовалось время. Судя по данным письменных источников, монголы угнали в степи значительное количество ремесленников, которых расселили на территории Южной Монголии и заставили изготавливать оружие. Однако в ходе военных операций конца XIV — первой половины XV в. большинство этих производственных центров было разгромлено. Панцири и шлемы изготавливали степные мастера — дарханы. Маловероятно, что им за короткий срок удалось удовлетворить потребности армий монгольских правителей в защитном вооружении. Отчасти нехватку металлического защитного вооружения компенсировали массовое производство «мягких» доспехов из органических материалов, а также захваты крупных партий китайского защитного вооружения в ходе военных действий. Так, в конце 40-х гг. XV в. ойратами и халхасцами Эсен-тайши были захвачены десятки тысяч комплектов доспехов, в том числе и императорский панцирь. Постепенный рост численности латников, по всей видимости, начался в XVI в. и особенно сильно ускорился в конце того же столетия, после того как ойраты и хотогойские монголы стали взимать «алман» с жителей Саяно-Алтая «куяками» и «шеломами», а в Центральной Монголии изготовление защитного вооружения было вменено в обязанность рядовым аратам как часть отработки государственной барщины.

Защитное вооружение Центральной Азии конца XIV — первой половины XVI в. представлено доспехами воина и включает панцири, шлемы, нарукавья, наручи и поножи. Находки панцирей и шлемов происходят преимущественно с территории Центральной Монголии, Тибета и Тувы.

Центральноазиатский доспех этого периода представлен панцирями с ламеллярной, ламинарной, пластинчато-нашивной, возможно, кольчатой системой бронирования, а также «мягкими» панцирями из органических материалов.

В XV в. среди монгольских латников были популярны доспехи с ламеллярной системой бронирования. Однако они постепенно начали уступать по численности своим пластинчато-нашивным аналогам. Численно абсолютно преобладают стеганые на вате «мягкие» доспехи и кожаные панцири.

В рассматриваемый период происходит формирование позднесредневековых пластин «куячного» типа. Пластины, имеющие клепочную систему соединения с органической основой (рис. 118, *6-15;* 119), окончательно вытесняют нашивные и комбинированные (клепочно-нашивные) пластины (рис. 118, *3-4)*. Для повышения защитных свойств доспеха пластины снабжаются бортиками, которые мешают вражескому оружию соскальзывать в межпластинчатые щели (рис. 118, *1-4, 6-15).* Преобладает функциональная система размещения заклепок на поверхности пластины, однако встречается и функционально-декоративное их расположение в виде треугольника (рис. 118, *6-10,*

13-15). Для бронирования пластинчато-нашивных панцирей используются пластины различных форм и размеров. Квадратными и прямоугольными пластинами бронируются нагрудники, наспинники, наплечники и набедренники, а пластинами трапециевидных и вырезных форм — горловина, проймы рукавов, края набедренников и наплечников (см. цв. вкл., рис. 10, 12).

Основным вариантом покроя панцирей в описываемый период были «кирасы» с боковыми разрезами (часто с удлиненным нижним краем), панцирные «жилеты» со сплошным осевым разрезом (рис. 5,*4),* дополненные наплечниками и набедренниками, «катафракты» (рис. 5,*5)* и «халаты» (рис. 5, *6).* Последние нередко имели косой запах (рис. 5, *9),* двухчастный подол и ламеллярную или ламинарную структуру бронирования. Среди монгольской знати XV в. по-прежнему популярны ламеллярные «кирасы» с удлиненным нижним краем, широкими, снабженными кожаной окантовкой набедренниками и длинными широкими наплечниками, кожаные лямки которых перекрещивались на груди латника. Подобные панцирные комплексы восходили еще к киданьскому доспеху XI—XII вв.

Панцири, скроенные в виде коротких халатов (кафтанов, рубах) с осевым разрезом, рукавами и коротким подолом (до середины бедра), широко распространенные в Средней Азии XVI в. (рис. 134, *1,8),* по известным центральноазиатский материалам не фиксируются. Среди «мягких» панцирей из органических материалов преобладает покрой в виде «кирасы» или жилета («дэгэлэй»), часто усиленного наплечниками («харавч», «харабчи») и набедренниками, а также в виде распашного стеганого халата с осевым разрезом, рукавами и коротким подолом («олбок»). Все типы панцирей могли усиливаться металлическими дисками-зерцалами («толь»).

В одном доспехе нередко сочетались панцирные элементы с различной структурой бронирования. Так, в комплекте с ламеллярной «кирасой» могли носиться стеганые или кольчатые наплечники и набедренники, натянутые поверх мягкой матерчатой основы (рис. 112, /, *4).* Подол, края наплечников и набедренников часто оторачивались широкими полосами расписной кожи или ткани, поверх которой нашивались металлические украшения и подвески. Края кожаной или тканевой окантовки снабжались фестонами, что придавало всему доспеху нарядный вид (рис. 111, 5-9; 112, /). В XV-XVI вв. продолжала существовать традиция оформления краев доспехов (в первую очередь подола и наплечников) мехом (рис.111,6). Эта традиция была унаследована монголами от чжурчжэней и китайцев, которые широко применяли такой способ оформления доспехов в XП-XШ вв. (Бобров, Худяков, 2003 в, с. 96). Однако монголы пошли дальше своих предшественников. Судя по минским изображениям, ламеллярные наплечники могли целиком покрываться «чехлами» из шкуры леопарда или тигра.

В качестве защиты плеч и предплечий в конце XIV — XV в. использовалась оригинальная система нарукавий, состоявшая из полусферических кованых наплечных пластин с ребрами жесткости и клепаных ламинарных нарукавников, прикрывавших руки воина до локтя или кисти (рис. 201, 5-5).

В начале периода монгольские воины использовали низкие клепаные шлемы сфероконической формы, снабженные цельными или ламеллярными полями и иногда одночастной или трехчастной бармицей. Возможно, что в конце XIV — XV в. монгольские воины продолжали использовать клепаные или цельнокованые шлемы так называемого «цзиньского» типа с низкой сфероконической или полусферической тульей и налобной пластиной[2] (см. цв. вкл., рис. 1). Позднее наиболее распространенным типом боевых наголовий становятся шлемы сфероконической формы, с козырьками и полусферическими навершиями с ярусными трубками-втулками. Тулья шлемов в этот период собиралась из узких железных пластин, стянутых кожаными ремешками, или из более крупных пластин-секторов, соединенных заклепками. Популярные в XIV-XV вв. короткие наносники, налобники с надбровными вырезами, полумаски, крестообразные забрала и личины были в основном вытеснены из военного обихода простыми в изготовлении, но исключительно надежно защищавшими от рубящего сабельного удара козырьками. Шлемы рядовых воинов снабжались простыми козырьками, приклепанными к нижней кромке шлема или просто выгнутыми из налобной части обруча или тульи. Наголовья состоятельных

[2] Наибольшее распространение данный тип шлемов в XV-XVI вв. получил среди поздних чжурчжэней (будущих маньчжур).

Рис. 218. Изображения священнослужителей, кочевников, воинов и коня с символом исполнения желаний («эрдэнэ») с росписи, посвященной Абатай-хану в монастыре Эрдэни-Дзу. Монголия, XVII в.

номадов имели двухчастные, так называемые «коробчатые», козырьки, состоявшие из плоской горизонтальной пластины и налобника. Такие козырьки не только защищали лицо, но и амортизировали удар по наголовью. Навершия и козырьки (реже тулья) шлемов знатных воинов украшались золотой и серебряной насечкой, преимущественно в виде растительного орнамента. Шею и горло воинов предохраняли пластинчато-нашивные, ламеллярные, кольчатые, кожаные и матерчатые бармицы.

Широко применяются в XV-XVI вв. ламеллярные и полосчатые, обтянутые кожаными и тканевыми чехлами наручи. В качестве защиты ног используются поножи-наколенники из железа или твердой лакированной кожи, состоящие из створчатых голенищ — «бутурлуков» и специального вырезного сегмента для прикрытия стопы, составленного из выгнутых железных пластин.

Можно предположить бытование у монголов в рассматриваемый период конского доспеха с ламеллярной, ламинарной, пластинчато-нашивной и «мягкой» (органической) структурой бронирования, с коваными железными и цельными кожаными масками. Такой доспех центральноазиатского типа широко применялся народами Передней и Средней Азии в XV в., куда он был занесен в период монгольской экспансии воинами Чингиз-хана и его преемников. Монгольский конский доспех эпохи развитого и позднего Средневековья базировался на древних центральноазиатских традициях. Судя по описаниям Плано Карпини, конский доспех («панцирная попона») времен ранних Чингизидов состоял из двух боковин, накрупника, нагрудника и железной пластины, выполнявшей роль налобника (Горелик, 1987, с. 198, 200). Это описание иллюстрирует иранская иконографияXW в. (там же, с. 199, рис. 13, *2, 5,8).* Конские монгольские панцири этого периода могли быть ламеллярными (там же, с. 199, рис. 13,*2,4,*5), ламинарными (там же, с. 199, рис. 13, *3),* кольчатыми (там же) и из органических материалов (там же, с. 199, рис. 13,6,*7).* Позднее (во второй половине XIV — XV в.) в Передней Азии продолжали бытовать все вышеперечисленные виды конских панцирных попон, но добавился и новый — с кольчато-пластинчатой структурой бронирования (Горелик, 1983, с. 267). Последняя быстро завоевала популярность и с начала XVI в. стала доминировать на Ближнем и Среднем Востоке. Монгольская (а точнее, центральноазиатская) традиция прерывается в Иране и Хорасане в начале XVI в. Последние изображения ламеллярных, ламинарных, комбинированных ламеллярно-ламинарных, тканевых, кольчужных конских панцирей фиксируются не позднее первой половины XVI в. С начала XVI в. после разгрома Тимуридов и завоевания Ирана кызылбашами практически единственным видом металлических конских лат остаются кольчато-пластинчатые попоны. В самой Монголии традиция изготовления конских доспехов не прерывалась с эпохи развитого Средневековья. Вероятно, подавляющая часть монгольских «панцирных попон» XV-XVI в. изготовлялась из кожи.

Таким образом, на протяжении рассмотренного нами периода фиксируются два взаимосвязанных процесса: постепенный отказ от китаизированных («юаньских») форм и типов панцирного вооружения и замещение традиционных панцирных комплексов периода развитого Средневековья их позднесредневековыми аналогами. Первый процесс характеризуется постепенным исчезновением из военного обихода шлемов с ламеллярными полями, ламеллярных «халатов» с длинными рукавами, сокращением числа ламеллярных и ламинарных наручей и поножей. Второй процесс проявляется в постепенном вытеснении ламеллярной и ламинарной структуры бронирования ее пластинчато-нашивным аналогом, распространении сфероконических клепаных шлемов, появлении «коробчатых» козырьков и ярусных наверший.

9.2. Эволюция комплекса вооружения монгольских кочевников во второй половине XVI — начале XVU в.

Данный временной отрезок мы выделяем как отдельный «переходный период» — от единого (в целом) постюаньского монгольского доспеха к региональным оружейным комплексам XVII—XVIII вв.

Главными особенностями данного «переходного периода» являются, с одной стороны, частичный или полный отказ от прежних («юаньских») конструктивных и оформительских наработок по изготовлению оружия и защитного вооружения в пользу их оригинальных центральноазиатских аналогов, а с другой — начало выделения и оформления региональных оружейных комплексов.

Центральноазиатский доспех этого периода представлен преимущественно панцирями с пластинчато-нашивной (собственно Монголия) и ламеллярной (Монголия, Тибет) структурой бронирования, а также «мягкими» панцирями из органических материалов. В Западной Монголии некоторое распространение получает кольчуга среднеазиатского типа со стоячим или отложным воротником, рукавами до локтя и подолом до середины бедра.

В сфере защитного вооружения XVI в. характеризуется исключительно широким распространением пластинчато-нашивной брони, которая в этот период существенно потеснила свои ламеллярные и ламинарные аналоги.

Популярность пластинчато-нашивных доспехов в XIV-XVIII вв. была предопределена относительной простотой их изготовления (обусловленной как особенностями конструкции, так и развитием металлургического производства, позволившего изготавливать пластины крупных размеров), высокими защитными свойствами, значительным типологическим разнообразием пластин броневого покрытия, большими возможностями декоративного оформления.

Пластинчато-нашивные панцири рядовых воинов бронировались плоскими или слабовыпуклыми пластинами с гладкой поверхностью и приклепывались изнутри к кожаной, матерчатой или стеганой на вате основе. Пластины крепились внахлест и перекрывали друг друга на'/,-'/ своей плоскости. Нагрудную и наспинную часть панциря, а также подол обычно составляли пластины прямоугольной и квадратной формы. Их трапециевидные подтреугольные и вырезные аналоги формировали проймы рукавов, горловой вырез, край подола осевого разреза и т. д.

Пластины панцирей знати имели сложную и исключительно эффективную конструкцию. Плоскость пластины по периметру снабжалась выпуклым бортиком, который предотвращал соскальзывание вражеского клинка в межпластинчатую щель. В то же время внутренняя плоскость пластины была покрыта более или менее ярко выраженными ребрами, повторявшими форму пластины. Ребристая поверхность повышала защитные свойства пластины и предохраняла ее от деформации. Перекрывавшие друг друга ребристые пластины составляли эффективное броневое покрытие, способное выдержать как сильный рубящий, так и колющий удар. Как показали современные исследования, броневое покрытие, составленное из ребристых пластин, относится к числу наиболее эффективных панцирных систем, применявшихся кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири на протяжении эпох Древности, Средневековья и Нового времени.

Немалую лепту в рост популярности пластинчато-нашивных панцирей среди кочевников внесло внешнее органическое покрытие. Покрывавшая железные пластины ткань или мягкая кожа предохраняла их от влаги, а в жаркие дни — от нагревания на солнце. Иногда пластинами подбивался толстый, стеганый на вате «халат». В этом случае в одном доспехе совмещались защитные свойства пластинчатых и исключительно популярных среди номадов «мягких» панцирей. Кроме того, органическая основа пластинчато-нашивного доспеха достаточно часто покрывалась ярким цветным «чехлом» из более тонкой материи. Яркая расцветка «чехла» вместе с блеском вырезных заклепок-накладок, зерцал, панцирных усилителей, полусферических заклепок, покрытых позолотой или серебрением, создавали запоминающийся декоративный эффект.

К числу недостатков пластинчато-нашивных панцирей следует отнести уязвимость органической основы, которая рвется под рубящими и режущими ударами оружия противника. Это важный фактор, однако преувеличивать его значение не стоит. Органическая основа доспеха делалась из нескольких слоев грубой ткани или мягкой кожи, разрезать или разорвать которую было далеко не просто. Но даже при удачном для противника ударе, разрезавшем органическую основу, панцирь, конечно же, не «рассыпался» и не «разваливался» (как считают некоторые исследователи). Обычно в этом случае на его поверхности появлялся косой разрез, через который виднелся металл пластин подбоя. Последние в подавляющем большинстве случаев не выпадали, так как крепились к органической основе несколькими мелкими полусферическими заклепками или одной большой фигурной заклепкой-накладкой. Даже при самом благополучном для противника стечении обстоятельств, когда (очень редкий случай) удар выбивал заклепку, полностью разрывал органическую основу и приводил к выпадению пластины, остальные пластины броневого покрытия оставались на месте и частично прикрывали образовавшуюся щель. Об этом свидетельствуют дошедшие до нашего времени плас-

Рис. 219. Изображения центральноазиатских кочевников в центральноазиатских (7-*2* — тибетских XVIII в.), восточноазиатских *(3* — юаньских второй половины XIV в.) и европейских *(4-5)* изобразительных источниках периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени.

тинчато-нашивные панцири периода позднего Средневековья и Нового времени. При этом пластинчато-нашивные панцири подвергались восстановлению с не меньшей простотой, чем ламеллярные. После боя края разреза сшивались или прикрывались специальной органической «заплаткой», к которой приклепывалась новая пластина.

В ходе скоротечной конной рукопашной схватки противники обычно могли нанести друг другу лишь несколько колющих и рубящих ударов, часто проходивших по касательной. От стрел же пластинчато-нашивной доспех, составленный из ребристых пластин, защищал своего владельца достаточно эффективно (Петренко, Петренко, 2004, с. 106, 111). Таким образом, в условиях степной конной «сшибки» преимущества пластинчато-нашивного доспеха из ребристых пластин были очевидны для современников, а его большая популярность среди кочевников объяснима.

Из широкого военного обихода в течение XVI в. в основном исчезают ламинарные нарукавники с коваными полусферическими наплечными пластинами. В Западной Монголии их заменяют железные створчатые наручи среднеазиатского типа («голчак»), створки которых имеют кольчатое или ременное соединение. Западномонгольские наручи часто снабжаются желобками («доликами»), облегчающими вес наруча без потери защитных свойств. Сокращается число створчатых наголенников. В Западной Монголии их заменяют кольчато-пластинчатые набедренники («наколенки») среднеазиатского типа.

В рассматриваемый период происходит окончательная стандартизация боевых наголовий центральноазиатских кочевников. Основной формой защиты головы становятся полусферические и сфероконические клепаные шлемы из 6-8 пластин, снабженные простыми или «коробчатыми» козырьками, плоскими или полусферическими навершиями с трубками-втулками для плюмажа и трехчастными пластинчато-нашивными бармицами (рис. 187-188; 189,*1-4)*. В Западной Монголии (Ойратии) широкое распространение получают оригинальные сфероцилиндрические шлемы с «коробчатыми» козырьками (рис. 190). В Южной Монголии используются цилиндроконические шлемы дальневосточного типа. В Тибете и, возможно, Монголии были популярны шлемы, составленные из пластин-сегментов, связанных кожаными ремешками и зафиксированных ярусным навершием. Важным элементом конструкции и оформления таких шлемов являются ламеллярные обручи и трехчастные ламеллярные бармицы. Для защиты лица на некоторых центральноазиатских и южносибирских наголовьях изредка применяются кованые маски-личины (см. цв. вкл., рис. 2).

Судя по данным иконографии и письменных источников, на большей части рассматриваемого региона из комплекса вооружения конных панцирников постепенно исчезают круглые плетеные щиты, снабженные металлическими умбонами и накладками. В период позднего Средневековья плетеные щиты типа «калкан» активно применяли в основном лишь воины Центрального Тибета. Относительно XV—XVII вв. можно с большой долей уверенности предполагать, что щиты использовали как пешие, так и конные панцирники, в том числе, вероятно, и конные монгольские воины, входившие в состав армий тибетских правителей XV-XVI вв., а также латники ойратского Гуши-хана и его наследников. Позднее, в XVIII-XIX вв., большие круглые щиты используются в основном тяжеловооруженными пехотинцами Центрального Тибета, на вооружении которых кроме щитов находилось клинковое, древковое и огнестрельное оружие. Судя по косвенным данным, самые бедные тибетские воины использовали плетеные щиты без металлических усилителей. Зато в рассматриваемый период широко распространяются пехотные (станковые) щиты, которые используются при штурме городов и укреплений противника. За такими щитами укрывались спешенные стрелки, ведшие дистанционный бой с противником, а также готовившиеся к приступу воины, вооруженные древковым и клинковым оружием.

Во второй половине XVI — начале XVII в. центральноазиатский доспех одинаково сильно отличался как от дальневосточных, так и от среднеазиатских аналогов. В этот период в Монголии применялись оригинальные формы шлемов и панцирей: сфероцилиндрические наголовья в Ойратии, кольчато-пластинчатые доспехи из рельефных пластин в Ойратии и Северной Монголии, пластинчато-нашивные «халаты» («чапаны») и конский доспех в Западной и Северной Монголии. Однако в конце периода наблюдается начало процесса интенсивной региональной дифференциации некогда единого центральноазиатского комплекса защитного вооружения. В Южной Монголии это связано с началом

широкого распространения предметов защитного вооружения маньчжурского и китайского производства, в Западной Монголии — со всевозрастающим влиянием среднеазиатской паноплии. На эмпирическом уровне в Чахаре это выразилось в распространении цилиндроконических шлемов, панцирей покроя «жилет» с наплечниками, набедренниками и подмышечниками, а в Джунгарии — в широком использовании кольчатых панцирей и створчатых наручей.

Менее заметные изменения произошли в сфере наступательного вооружения. Резко сократилось типологическое разнообразие длиннодревкового комбинированного оружия. Из военного обихода практически исчезли алебарды и длиннодревковые булавы юаньского типа. Зато широчайшее распространение получили длинные кавалерийские копья и пики, которыми в XVI в. стали снабжать не только панцирников, но и легковооруженных всадников. Вероятно, уже в XVI в. отдельные центральноазиатские воины стали применять в ходе сражений ручное огнестрельное оружие среднеазиатского или восточноазиатского производства. Однако широкого распространения такая практика не получила. Попадавшие в руки номадов в качестве трофеев, контрабандных товаров или дипломатических подарков ружья были немногочисленны и не могли оказать значительного влияния на ход степных сражений. Фитильные ружья конца периода позднего Средневековья — начала Нового времени были еще очень несовершенны. Низкая скорострельность, малая дальность, а также оставлявшая желать лучшего точность попадания в цель (вкупе с мораторием на ввоз ружей в степи) становились непреодолимыми преградами в распространении ручного огнестрельного оружия в монгольских государственных образованиях. Если в Европе, Средней Азии и Китае технологические недостатки позднесредневековых ружей частично нивелировались за счет их массового применения и ведения стрельбы залпами, то в Центральной Азии этот способ ведения боя был невозможен в силу дефицита огнестрельного оружия. Пекин, а впоследствии и Москва делали все возможное, чтобы до минимума свести вероятность контрабандной продажи степнякам «мушкетов» и «пищалей». В результате даже в первой трети XVII в. только отдельные номады могли похвастать трофейными или обмененными у русских, бухарцев или китайцев ружьями и амуницией к ним. Такие воины, в силу своей малочисленности, не оказывали решающего воздействия на ход полевых сражений, но их участие в дистанционном бою позволяло современникам отмечать факт наличия в монгольских кочевьях «огненного боя». В результате наметилось характерное диалектическое противоречие: в первой половине XVII в. импортированные в Монголию за сотни километров ружья русского, среднеазиатского и китайского производства стоили здесь дешевле качественно сделанных металлических панцирей местного производства: девять и пять голов скота соответственно.

9.3. Тактика монгольских кочевников в XV-XVII вв.

Тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XV — начала XVII в. базировалась на традиционной тактике кочевников, выработанной в период раннего и развитого Средневековья. Во второй половине рассматриваемого периода она стала существенно дополняться и корректироваться под влиянием военного искусства оседлых земледельческих народов.

Сведения о тактике монгольских кочевников XV-XVI вв. очень скудны. На основании комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников можно сделать вывод, что в этот период в основе военного искусства номадов Центральной Азии лежали тактические приемы, выработанные в период развитого Средневековья (в период Великих завоеваний и Юаньской империи).

Основными элементами военного искусства монголов конца XIV — XV в. являются военные традиции жителей Центральной и Восточной Азии XIII-XIV вв. Подобный синтез стал возможен благодаря длительному сосуществованию и взаимопроникновению данных военных традиций в период существования Юаньской империи, объединявшей Монголию и Китай.

Ядро монгольских армий XV-XVI вв. составляли дружины крупных центральноазиатских феодалов, насчитывавшие от нескольких сотен до нескольких тысяч профессиональных воинов. Во время больших походов к ним присоединялись отряды более мелких феодальных владетелей и племенные ополчения. Наиболее боеспособной частью

монгольской армии были отряды, скомплектованные из феодальных дружин и состоятельных номадов, называвшиеся «цааган цэрэг» («белое войско»). В его состав входили военачальники («орлог») со своей многочисленной свитой, знаменосцы («тогчин»), трубачи («бурэчин»), телохранители («хя»), панцирники категорий «лубчитэн», «дуулгат» («шлемоносцы») и «дэгэлэй хуягт». Воины, составлявшие «цааган цэрэг», были хорошо обучены, снабжены всем необходимым оружием и защитным вооружением. Основным видом оружия ближнего боя воинов «цааган цэрэг» были длинные ударные копья, палаши и слабоизогнутые сабли. Некоторые дружинники предпочитали боевые топоры и булавы. Каждый всадник для ведения дистанционного боя был снабжен также саадаком. Основная масса монгольского войска XV-XVI вв. была представлена легковооруженными конными лучниками (дополнительно снабженными в XVI в. длиннодревковым оружием), составлявшими «хара цэрэг» («черное войско»). Во время больших походов часть ханских и нойонских дружинников становились командирами отдельных отрядов ополчения.

Бой нередко начинался с поединка выборных богатуров. Интересно, что поединщики зачастую использовали неединообразное вооружение. Против копейщика мог выйти воин, вооруженный клинковым оружием, топором или булавой. В ходе поединка могли использоваться и луки. В противоборство двух богатырей иногда вмешивалисьдругие воины противостоящих армий, если один из поединщиков нарушал правила поединка и пытался покинуть поле боя. В этом случае допускалось использование дистанционного оружия. Интересное описание поединка ойратского Гуйлинчи-батора и монгольского Шигустэй-батора в битве в местности Бор-Нохой-Зун содержит ряд монгольских летописей. В большинстве монгольских письменных источников точная дата сражения не зафиксирована, исключение составляет сочинение Мэргэнгэгэна, в котором указан 1426 г.: «От монголов выступил вперед богатырь Шигустэй-батор, от ойратов вышел Гуйлинчи-батор. Оба они были хорошими друзьями. Шигустэй сказал: "Давай сразимся первыми, как самые опытные богатыри". Гуйлинчи ответил: "Тогда я буду стрелять первым, а ты панцирь не одевай!" Шигустэй ответил: "А когда я стану рубить, то ты шлем не одевай". После этого Шигустэй-батор одел двойной панцирь, а печень прикрыл железной накладкой. Он сел на рыжего коня и в руке держал меч. Ойратский Гуйлинчи-батор надел двойной шлем, сел на саврасого коня и держал в руках пику. Оба богатыря вступили в сражение. Сражались полчаса. Гуйлинчи устал и сбежал. Шигустэй его догнал. В это время Гуйлинчи выстрелил и пробил один панцирь у Шигустэя. После этого Гуйлинчи хотел снова попытаться сбежать, но это увидел горлоский Мэргэн. Он выстрелил из лука и перебил ногу у коня Гуйлинчи. Подоспевший Шигустэй-батор сказал: "У меня конь быстроног и сабля острая. Мы сражались за государство, и я должен тебя убить. То, что мы были друзьями, к настоящему делу отношения не имеет". С этими словами он прикончил Гуйлинчи» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 52).

На поле сражения монгольские сотни строились поотрядно, формируя подчас сложные тактические построения, состоявшие из десятков позиций. Так, перед сражением с Даян-ханом его противники барун-тумэты выстроили свое войско строем «лук-ключ», т. е. дугой с вытянутыми в сторону противника флангами. Такой строй предполагал охват флангов противника и нанесение сильного бокового удара. В ответ на это Даян-хан, по совету своего полководца (предводителя ойратского ополчения Сэгусэ), выстроил свои войска в позицию «бычий рог», предусматривавшую построение из «61 позиции». Входе битвы урянхайцы заманили лучший отряд барун-тумэтов в западню и перебили их, в то время как основные силы Даян-хана прорвали центр вражеской армии парой «бычьих ударов» (Жамцарано, 1936, с. 58-59; Лубсан Данзан, 1973, с. 286).

Не исключено, что в первых рядах наступающих отрядов панцирной кавалерии находились тяжеловооруженные всадники («лучие люди»), сидевшие на покрытых «доспесями и приправами» конях. Однако существование сколько-нибудь крупных отрядов, целиком состоявших из тяжеловооруженных всадников, маловероятно. Согласно данным центральноазиатского эпоса, не только князья и их окружение, но и отборные «баторы» (т. е. все, к кому может быть применим термин «лучие люди») «перед вступлением в бой... становятся во главе отдельных отрядов ополчения» и ведут их в атаку (Трепавлов, 1995, с. 78).

Конные копейщики могли атаковать противника в рассыпном («нохой хэрэл») или плотном строю. В последнем случае всадники строились в

шеренги или образовывали клиновидное построение — «хошуун». Воины, составлявшие атакующий клин, сражались в ближнем бою с помощью древкового и клинкового оружия. Большой популярностью также пользовалась «лава» — «нуман жагсаал», сочетавшая в себе преимущества плотного и рассыпного построения. Двигавшиеся в «лаве» всадники имели возможность маневрировать и свободно действовать копьем, но при этом в ходе нанесения удара на противника обрушивались не отдельные конники или группы всадников, а целая конная лавина (см. цв. вкл., рис. 7).

Одним из популярных военно-тактических приемов центральноазиатских кочевников периода позднего Средневековья и Нового времени был «принцип двойного удара крыльев». Он восходит к монгольской тактике XV в. и, вероятно, является одной из разновидностей построения «лук-ключ». Входе сражения у р. Турген (Тургэн-гол) в 1474 г. монголджины нанесли сокрушительный парный фланговый удар по войскам Даян-хана: «Монголджинские Талдун-батор и Угурхэй приблизились справа и слева, трубя в трубы. Войска хагана в страхе побежали... Монголджины узнали (о походе Даян-хана. — *Авт.),* отправили войско и, прибыв, встретились (с ним) у реки Тургэн. Далатский багатур из монголджинов Угурхэй велел трубить в большие трубы с правой и левой стороны, после чего напал. Воины и хаган растерялись...» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 74). Опрокинув фланги противника, монгольские воины обрушились на центр вражеского построения с тыла. В ходе сражения монголов и ойратов Тогон-тайши «Шигустэй позвал своего брата (Олхой-мэргэна) и оба напали на ойратов. Шигустэй и Олхой-мэргэн вторглись с тыла в ойратский строй и все сокрушали. Ойраты очень перепугались, так что у них вылезали легкие, и стали разбегаться, схватившись руками за голову. Они побросали оружие и сдались» (там же, с. 53). Этот тактический прием был исключительно широко распространен у кочевников Центральной Азии и активно применялся ими даже в XVIII в. Так, 24 ноября 1723 г. Дондук-Омбо в сражении у р. Ахтубе у устья р. Берекети «наступал по обоим флангам» на войска своего противника Дасанга. На следующий день, готовясь к атаке, он выстроил свою 13-тысячную армию «полуциркулем» (Бакунин, 1939, с. 209), т. е. выдвинул в сторону противника фланги, оттянув назад центр. Так же атаковали врага и тяжеловооруженные тибетские кавалеристы, которые вели бой с помощью «фланговых атак». По мнению Ю. Н. Рериха, распространение среди тибетцев панцирей и конских доспехов является результатом влияния северо-восточных соседей тибетцев, в том числе монголов.

В атаку монгольские конные копейщики последней трети XV в. шли под рев «больших труб» (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 74). Над конными отрядами реяли развернутые знамена степных феодалов, волосяные бунчуки из черных и белых конских хвостов, значки племен и родов. Излюбленным цветом знамен монгольской аристократии был черный. Судя по китайским гравюрам XVI — начала XVII в. и письменным источникам этого же времени, край таких знамен снабжался остроугольными фестонами, а древко венчал характерный W-образный трезубец или (с последней трети XVI в.) вырезное позолоченное навершие в виде «молитвенной мельницы».

Главным тактическим новшеством XVI в. было постепенное возрастание роли копейного удара и ближнего рукопашного боя. Если в период развитого Средневековья главная роль на поле сражения принадлежала легковооруженным лучникам, а копейщики наносили заключительный удар по деморализованному и (или) отступающему противнику, то в период позднего Средневековья рукопашная схватка стала решать участь всего сражения.

Распространение защитного вооружения среди кочевников XVI-XVII вв. сделало монгольскую конницу более устойчивой в ближнем бою, что повлияло на развитие позднесредневековой тактики номадов в целом. Наличие защитного вооружения существенно уменьшало опасность серьезного ранения или смерти в ходе дистанционного боя или рукопашной схватки. Панцири и боевые наголовья в XVI — начале XVII в. использовались и представителями монгольской феодальной знати, и воинами элитных ударных подразделений, и зажиточными ополченцами и даже рядовыми аратами, принадлежавшими к разным родам войск. Сохранились свидетельства о наличии защитного вооружения не только у конных копейщиков и сабельщиков, но и у лучников, пищальников, воинов вспомогательных подразделений, разведчиков и караульных. Развитие защитного вооружения и рост числа воинов-панцирников привели к тому, что конные латники стали ядром центральноазиатских вооружен-

ных сил эпохи позднего Средневековья. От удельного веса солдат категорий «лубчитен», «дуулгат» и «дэгэляй хуягт» в войсках зависела боеспособность армии в целом.

В XVI — начале XVII в. (по мере оснащения степных воинов защитным вооружением) главной ударной силой монгольских армий становятся вооруженные копейщики-панцирники, способные вести дистанционный бой, используя сложносоставные луки (в конце периода — фитильные ружья), а на короткой дистанции опрокидывать противника с помощью копейной атаки и последующей конной рубки. Основным оружием ближнего боя были длинные ударные копья и пики с узкими и гранеными остриями, а также клинковое оружие — однолезвийные палаши и слабоизогнутые сабли. Исключительно популярные в казахской степи топоры на длинных рукоятях и палицы также находили своих поклонников, но такого широкого распространения, как в Дешт-и-Кипчаке, среди центральноазиатских номадов не имели. Не будет большим преувеличением сказать, что на полях сражений центральноазиатских войн XVI — первой половины XVII в. царил средневооруженный всадник-«универсал».

Ключевую роль в сражении стала играть копейная атака, в которой принимала участие как панцирная, так и легковооруженная конница. Письменные и изобразительные источники XVI-XVIII вв. указывают на исключительно широкое распространение длиннодревкового оружия среди кочевников Центральной Азии и Саяно-Алтая. Судя по материалам центрально- и среднеазиатского эпоса, среди степных воинов широко практиковался копейный поединок («ступ»). Целью копейной сшибки было выбить противника из седла, пробить его панцирь или хотя бы лишить его равновесия (Липец, 1984, с. 77-78,93). На среднеазиатских, маньчжурских и китайских картинах XVI-XVII вв. всадники обычно удерживают копье двумя руками. Такой способ нанесения удара был в Восточной Азии абсолютно преобладающим еще в эпоху раннего Средневековья (Бобров, Худяков, 2005 а, с. 164) и сохранился вплоть до Этнографического времени.

Увеличение мощи копейного удара в XVI — начале XVII в. было достигнуто не только за счет увеличения числа конных панцирников, но и за счет перевооружения легковооруженных конных лучников. Последние в XVI в. стали все чаще снабжаться длиннодревковым оружием — длинными кавалерийскими копьями и пиками. В результате сформировался новый род войск — легковооруженные копейщики, которые после фазы дистанционного боя вместе с панцирной конницей атаковали построения противника. Расцвет этого рода войск пришелся на XVII-XIX вв.

Перед сражением номады выстраивались по отрядам, во главе с ханскими дружинниками. Древки таких командиров подразделений снабжались флажками или конскими хвостами. Кроме этого, специальные «богатуры» несли большие знамена. Падение знамени нередко вызывало панику в рядах отряда. Лава монгольской конницы, ощетинившейся длинными пиками, с развевающимися значками и флагами представляла собой незабываемое зрелище для постороннего наблюдателя. В ойратском эпосе красочно описывается наступление масс копейной конницы: «Завиднелись тем часом бунчуки знамен, словно камыши; замелькали копейные острия, словно сахарный тростник». Атака начиналась под рокот барабанов, а в момент столкновения противника оглушал рев больших труб. Первый удар обычно наносили лучники, затем в атаку устремлялись копейщики. Если расстроенный залпами лучников противник выдерживал копейную атаку, то начиналась ожесточенная рукопашная схватка, в ходе которой монгольские воины использовали сабли, палаши, топоры, булавы, палицы и кистени. Если противник и после этого не смешивал ряды, то монгольская конница незамедлительно отступала и, развернувшись в степи, нередко заходила на новую атаку.

В походе впереди наступающих монгольских армий двигался передовой отряд, который в ойратском произведении конца XVI в. «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов» назван «погромным отрядом». В отличие от передовых отрядов монгольской армии XIII в., в задачи которых входило умерщвление попадающихся навстречу людей противника, «погромный» монгольский отряд эпохи позднего Средневековья использовался преимущественно для разведки местности и захвата неприятельского скота. Воины «погромного отряда» нередко захватывали целые табуны коней и овечьи отары, чем обогащали не только себя, но и пославшего их феодала. Неудивительно, что между монгольскими нойонами шла скрытая, а иногда и явная борьба за право отправить своих воинов в «погромный отряд».

Бестактность при формировании передового отряда иногда даже приводила к разрыву союзнических отношений и отводу из действующей армии отряда того или иного степного феодала (Козин, 1947, с. 102-103).

Тактические ухищрения монгольских полководцев XV — начала XVII в. отличались разнообразием. С одной стороны, они опирались на традиционное военное искусство центральноазиатских номадов, с другой — в них учитывались наработки оседло-земледельческих народов.

В военной практике широко применялись ночные нападения на вражеский лагерь. Так, в 1434 г. войска ойратского Тогон-тайши в ходе ночной атаки захватили ставку восточномонгольского Адай-хагана, причем сам халхаский правитель был при этом убит (Монгольские источники о Даян-хане, 1986, с. 54). Популярны были неожиданные нападения на кочевье или стан противника на «утренней заре», под покровом тумана.

В конце периода все большую популярность стали набирать полевые укрепления, на которые в ходе сражения опиралась конная армия. Легкие полевые укрепления составлялись из станковых щитов, сцепленных телег, положенных на землю и прикрытых щитами верблюдов, стреноженных лошадей, быков. При необходимости из стволов деревьев устраивались засеки и частоколы. На пути конницы устанавливались заграждения из заостренных кольев. Крупные военные лагеря и долговременные позиции дополнительно прикрывались высокими земляными валами и рвами.

Убедившись в эффективности русских деревянных острогов, монгольские правители стали активно строить собственные укрепленные пункты, снабженные стенами и башнями. Осенью 1621 г. томские воеводы И. Шеховский и М. Радилов сообщали тобольскому воеводе М. Годунову, что ойратские тайши «Тойла и Курагала и Мергет-тайши и иные все тайши, и черные колмаки пришли все на Обь-реку... на устье реки Чюмыша, сделали городок... А сошлися де они на Обь и городок сделали, что их побил Алтын-царь, а сложился де Алтын-царь с Казацкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де оне в степях кочевали, и с тех со их кочевья збили...». Укрепленные городки строили и северомонгольские Алтын-ханы.

В походе армия двигалась несколькими колоннами, которые активно взаимодействовали друг с другом. В случае если одна из них завязывала битву с противником, то другая обходила врага и наносила удар с фланга или с тыла (Кушкумбаев, 2001, с. 116). Перед походом через безводную пустыню ойратские полководцы отдавали приказ изготовить специальные «козлиные меха» для транспортировки воды (Богоявленский, 1939, с. 74).

В ходе длительной военной кампании вслед за крупными воинскими соединениями пастухи гнали стада скота, которые пополнялись как за счет естественного прироста, так и за счет захваченных табунов и отар противника. Наличие «передвижного» возобновляемого провианта давало ойратским полководцам возможность проведения длительных автономных боевых операций в малонаселенной местности. Такая армия могла вести одну военную кампанию на протяжении нескольких лет, постоянно передвигаясь по вражеской территории, будучи в течение длительного времени полностью независима от основных военных баз метрополии. Ойратскую армию в таких походах нередко сопровождали семьи воинов, которые двигались вместе с обозом. Когда западномонгольским полководцам было необходимо нанести стремительный неожиданный удар по противнику, воины оставляли повозки и семьи в обусловленном месте под охраной специальных отрядов, а сами уходили в стремительный рейд. Этот эпизод подробно описан в хронике «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуд Бен Усман Кухистани в рамках рассказа о вторжении «калмаков Уз-Тимур-тайши» в земли правителя Дешт-и-Кипчака Абул-Хайр-хана: «Уз-Тимур-тайши приказал, чтобы его воины привели в порядок оружие и явились к (его) двору. На другой день все нечестивые воины привели в порядок свое бесчисленное оружие и согласно приказу хана отправились с женами и домочадцами (в поход). Когда (они) достигли берегов реки Чу, (то) оставили здесь жен, и домочадцев, и обозы и отправились далее(налегке) в набег... » (МИКХ, 1969, с. 170).

Эта военная традиция была характерна для ойратов и в конце XVII в. Большой обоз с женами и детьми воинов, сопровождаемый крупными стадами скота, двигался вместе с армией вторжения Галдана Бошокту-хана в Халха-Монголию в 1688 г. После того как Галдан был отрезан от родных кочевий своим племянником Цеван-Рабданом (1690 г.), он продолжал вести войну с Цинской империей, опираясь на свою «передвижную ставку» на завоеван-

ных, но непокоренных территориях еще целых 7(!) лет. В ходе столкновений с противником повозки обоза, стреноженные кони и верблюды служили для создания «вагенбурга», за которым укрывались ойратские стрелки. Взять такую «верблюжью крепость» штурмом было очень не просто. Однако наряду с многочисленными плюсами такой способ ведения войны имели существенный недостаток. В случае если основные силы ойратской армии были разгромлены, «летучие» отряды противника могли настичь и захватить медленно двигающиеся по степи повозки и стада, что могло привести не только к неудачному завершению текущей военной кампании, но и к проигрышу войны в целом. Поэтому в первой половине XVIII в. джунгарские полководцы старались избегать использования в ходе военных экспедиций больших обозных групп, предпочитая наносить удары крупными конными соединениями, опиравшимися на относительно небольшие и быстро передвигающиеся обозы.

Оценивая результаты эволюционного развития военного искусства Центрально-Азиатского региона XV-XVI вв., мы не можем, как некоторые исследователи, утверждать, что в рассматриваемый период оно «стагнировало». Напротив, известные материалы дают основания говорить о поступательном развитии военного дела монгольских номадов в это время (восстановление оружейных производств в Центральной Азии, увеличение числа воинов-панцирников, перевооружение конных лучников длиннодревковым оружием, повышение значимости ближнего боя, строительство опорных крепостей на контролируемой территории и т. д.). Однако развивались вооружение и тактическое искусство центральноазиатских номадов в рассматриваемый период почти *исключительно в рамках степной военно-культурной традиции.* Технологические сложности, связанные с восстановлением традиционных оружейных производств в степных условиях, привели к постепенному отказу от наиболее трудоемких (инновационных, высокотехнологичных) отраслей. В Монголии была свернута программа создания артиллерийского парка (быстро развивавшегося в Юаньской империи), в значительной степени был сокращен парк используемых осадных машин. Монгольское военное искусство, оставаясь передовым *среди кочевых народов,* перестало быть *универсальным*.

В то время как монгольские военачальники совершенствовали и улучшали традиционные тактические приемы, в оседло-земледельческих государствах происходила технологическая и военно-культурная революция, приведшая к стремительному распространению принципиально нового вида вооружения — огнестрельного, которое, в свою очередь, повлекло за собой соответствующие структурные (создание массовых наемных, а затем национальных регулярных армий) и тактические (развернутые и линейные построения) изменения. Тем не менее «исторический запас» монгольских кочевников был еще очень велик. В течение XV в. и значительной части XVI в. они с успехом громили не только своих кочевых соседей, но и армады оседло-земледельческих империй, использовавших пока еще не очень совершенное огнестрельное оружие. Однако уже в конце XVI — начале XVII в. ситуация в значительной степени изменилась. И дело здесь не в какой-то пресловутой «деградации военного искусства монголов после Чингиз-хана» (и в первой половине XVII в. монголы и ойраты все с тем же неизменным успехом продолжали побеждать своих кочевых соседей: ногайцев, крымских татар, казахов, кыргызов и т. д.), а в том, что к этому времени сильно преобразились армии оседло-земледельческих государств. Особенно это было заметно на западной оконечности Евразии, но за Западной Европой, Россией и Османской империей уже подтягивались Иран, Средняя Азия, Индия и Китай. «Огнестрельная пехота» этих государств приостановила, а затем повернула вспять традиционную военную экспансию номадов.

В первой половине XVII в. степные правители попытались наверстать упущенное и оснастить свои армии огнестрельным оружием, но было уже поздно. В степях отсутствовали производственные базы, позволявшие в короткий срок наладить производство этого вида вооружения, а оседло-земледельческие империи независимо друг от друга наложили строжайшее эмбарго на поставку ружей и пушек кочевникам. На технологические проблемы наложились проблемы политического и экономического характера. К началу XVII в. некогда единое Монгольское государство оказалось поделено между крупными региональными феодалами, которые просто не обладали политическими и материально-техническими ресурсами для решения столь важной задачи.

Военные кампании XVII в. наглядно показали монгольским военачальникам, что вооруженные огнестрельным оружием пехотные подразделения могут с успехом противостоять даже хорошо обученной и вооруженной степной коннице. Более того, мощь нового оружия монголам продемонстрировали и некоторые их кочевые соседи, снабдившие свои отряды ружьями импортного производства (самый яркий пример — поражение, нанесенное джунгарской армии казахо-мавераннахрским войском в Орбулакской битве в 1643 г.). Перед правителями различных регионов Монголии встала перспектива: войти на «почетных условиях» в состав нарождающихся оседло-земледельческих империй, попытаться сохранить суверенитет, опираясь на традиционные вооруженные силы, или провести необходимые военные реформы, чтобы сократить технологическое отставание от армий земледельческих государств. Нойоны Южной Монголии, феодалы Халхи, кукунорские ханы и джунгарские хунтайджи приняли разные решения, и развитие военного дела монгольских государственных образований Центральной Азии пошло по разным путям.

Глава 10

ЭВОЛЮЦИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ И ТАКТИКИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В XVII-XVIII ВВ.

10.1. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Южной Монголии в XVII-XVIII вв.

Основные кочевья номадов Южной Монголии находились к гоjу от пустыни Гоби и простирались до Великой Китайской стены, охватывая (с юго-востока), полумесяцем земли Центральной и Восточной Монголии — Халхи. В эпоху позднего Средневековья эта территория была разделена между старшими сыновьями общемонгольского правителя Даянхана. Сорок девять хошунов Южной Монголии были представлены целым рядом княжеств (Аохан, Найман, Чжаруд, Кэшиктэн, Узумчин, Хучит, Сунит, Тумэт, Ордос, Чжалайт, Горлос Харчин и др.). С юга их соседом в конце XVI — начале XVII в. был Минский Китай, на востоке их земли граничили с территорией, заселенной племенами позднесредневековых чжурчжэней. Крупнейшим государственным образованием Южной Монголии было Чахарское ханство (Цааджин бичиг, 1998, с. 3).

Внутренняя слабость степных княжеств привела к тому, что Южная Монголия очень быстро потеряла независимость и была включена в состав маньчжурского государства Хоу Цзинь (впоследствии Цинской империи). В 1624 г. маньчжурский правитель Нурхаци заключил договор «о союзе и дружбе» с княжеством Хорчин. В 1626-1627 гг. к договору присоединились и другие крупные княжества — Чжуруд, Баарин, Аохан и Найман. Они приняли участие в войне против чахарского Лигдан-хана на стороне маньчжуров. Уже в апреле 1629 г. новый цинский правитель Абахай специальным указом обязал своих монгольских союзников поставлять воинов в маньчжурскую армию (там же, с. 5), а в 1636 г. съезд 49 князей Южной Монголии возвел Абахая на великоханский престол с титулом Богдо-хан и таким образом оформил подчинение Южной и Восточной Монголии Цинской империи. С этого времени южномонгольские отряды становятся непременным участником всех крупных военных проектов Цинской династии, главным из которых был захват Китая. Монголы были включены в состав маньчжурских войск, действовавших против Минской империи, и в числе прочих инородческих контингентов вступили в 1644 г. в Пекин (Цааджин бичиг, 1998, с. 7).

Вклад монгольских войск в успешное завершение военных кампаний был очень весомым. Южномонгольские отряды составляли значительную часть цинских войск, действовавших в Северном Китае, а в походах на Корейский полуостров количество монгольских воинов в два раза превосходило число солдат собственно маньчжурских подразделений (Внешняя политика государства Цин..., 1977, с. 103). Цинская монархия активнейшим образом привлекала южномонгольские отряды к центральноазиатский военным экспедициям второй половины XVII — XVIII в. Южномонгольские «цирики» вместе с маньчжурами испытали горечь поражения от войск джунгарского Галдана Бошоктухана на р. Урхуй (Олгой) в 1690 г., а затем взяли реванш в кровопролитной битве у Дзун Мод (1697). В ходе военных экспедиций в Восточный Туркестан, Джунгарию и Тибет в первой трети XVIII в. южномонгольские отряды составляли значительную часть Цинской имперской армии. Они сражались с джунгарами в предгорьях Алтая и в степях Халхи в начале 30-х гг. XVIII в. А в середине того же столетия участвовали в оккупации Джунгарии и завоевании Восточного Туркестана. На протяжении всей второй половины XVIII — XIX в. южномонгольские «цирики» мобилизовывались в состав действующей императорской армии вскоре после начала военных действий. Вплоть до самого кру-

шения Маньчжурской династии многие солдаты Южной (Внутренней) Монголии продолжали исполнять приказы Пекина. О степени доверия центральных властей южным монголам говорит хотя бы тот факт, что именно им была поручена деликатная задача пленения Далай-ламы в 1910 г.

Столь последовательно демонстрируемая лояльность южных монголов Цинской династии была обусловлена целым рядом факторов. Маньчжурские феодалы начала XVII в. сознательно представляли процесс поглощения южномонгольских княжеств как процесс консолидации двух близких по культуре народов. И действительно, добровольно вошедшие в состав позднечжурчжэньского государства южномонгольские нойоны заняли привилегированное положение в иерархии молодой империи. Они получали руководящие посты в армии, награждались пышными титулами, подарками и пастбищами. Маньчжурские императоры не редко брали в жены монгольских княгинь. Важным этапом легитимизации власти маньчжурского императора в качестве сюзерена Маньчжуро-монголо-китайской империи (в первую очередь в глазах монголов) стало его провозглашение Великим ханом (Богдо-ханом). Получая снабженную свастикой яшмовую печать юаньских императоров «хае тамга», маньчжурский правитель фактически становился их политическим наследником. Кроме того, титул Богдо-хана давал императорам Цинской династии право претендовать на статус всемонгольского правителя. В этих условиях значительная часть южномонгольской элиты оказалась встроена в новую государственную систему и вполне искренне считала Цинскую династию «своей», в противовес «чужим» феодалам Халхи и Джунгарии, которые своей независимостью формально оспаривали сюзеренитет «законного» Великого хана.

Специфика развития военного дела южных монголов в XVII—XVIII вв. была обусловлена двумя основными факторами: наличием в непосредственной близости от основных кочевий крупных ремесленных китайских и маньчжурских центров и относительно узкой специализацией южномонгольских вооруженных сил. Последний фактор объясняется тем, что южномонгольские армии не представляли собой автономный военно-политический субъект, а являлись частью вооруженных сил Цинской империи. Мощь цинской армии XVII—XVIII вв. основывалась на максимально эффективном использовании наиболее сильных сторон национальных воинских контингентов, составлявших имперские вооруженные силы. Например, из маньчжур комплектовались основной командный состав армии, панцирная и легковооруженная (лучная) конница, китайцы служили преимущественно в пехотных, артиллерийских, инженерных соединениях, корейцы формировали пешие стрелковые подразделения, вооруженные огнестрельным оружием, служили матросами и т. д. В этой системе монголам отводилась роль партнера и дублера маньчжурской кавалерии. Однако если маньчжурские части выступали в качестве «универсальных» войск (могли вести как пеший, так и конный бой, эффективно использовали огнестрельное оружие, полевые укрепления и т. д.), то у монголов была более узкая специализация. В их задачи входили ведение разведки, осуществление партизанских рейдов по тылам противника, ведение лучного дистанционного боя, преследование противника. Нередко ударные монгольские эскадроны («сомоны») принимали участие в рукопашных схватках, преимущественно с кавалерией противника. В ходе атак на пехотные (спешенные) построения и полевые укрепления противника, использовавшего огнестрельное оружие, южномонгольские части зачастую оказывались менее устойчивыми, чем собственно маньчжурские подразделения (что, вероятно, объясняется более слабой индивидуальной и строевой подготовкой, меньшим распространением защитного вооружения). Поэтому в атаке, предполагавшей рукопашную схватку, монгольские «сомоны» часто подкреплялись латниками маньчжурских «нюру». Цинские полководцы активно пестовали те стороны военного искусства монголов, которые казались им важными с точки зрения имперских вооруженных сил, но практически совершенно не уделяли внимание другим важным элементам военного дела. В результате многие стороны традиционного центральноазиатского военного искусства у южных монголов ослабли, а другие не получили нужного развития. В рамках имперской армии монгольские части были исключительно эффективны, однако в нестандартных условиях (например, без поддержки со стороны маньчжурской панцирной конницы, китайских пехотных и артиллерийских соединений) их эффективность значительно снижалась.

После включения Южной Монголии в состав Маньчжурского государства военная и администт-

ративная структура южномонгольских княжеств была в значительной степени изменена. Прежнее деление степи на «туманы» и «отоки» было ликвидировано. Вместо него была введена традиционная для Маньчжурии система «знамен» («нюру»), которые на монгольский лад стали называться «хошунами». Хошуны совмещали в себе функции военного и административного управления. Во главе каждого хошуна стоял «дзасак», которого в должности утверждал лично маньчжурский император. В введении дзасака находились военные, административные и судебные вопросы жизни хошуна.

Все подлежавшие призыву монгольские воины (от 18 до 60 лет) считались военнообязанными. При содействии маньчжурских военных чиновников была создана достаточно стройная военная структура войск Внутренней Монголии:

1. Низшей крупной воинской единицей считался «сомон» (эскадрон), состоявший из 150 всадников во главе с сомонным «дзанги» (командиром эскадрона). Под началом «сомон-дзанги» обычно находились 4 младших офицера («хунд») и 6 урядников («бошго»);

2. Несколько сомонов (обычно 6) сводились в отдельные полки («дзаланы») во главе с «дзалану-дзанги»(полковником);

3. Несколько полков могли составлять бригаду во главе с «мэйрэну-дзанги»;

4. Несколько полков и бригад или группа отдельных сомонов составляли «хошун» («знамя», дивизию). Формальным командующим хошуна являлся «дзасак», однако обычно военное руководство хошуном в ходе военных действий было возложено на его военного помощника — «дзахирагч-дзанги».

В случае необходимости 49 хошунов могли за короткий период мобилизовать в армию несколько десятков тысяч всадников. Нередко именно южномонгольские феодалы выставляли самые крупные воинские контингента цинской армии. Например, перед походом в Джунгарию, в 1754 г., 49 хошунов отмобилизовали армию, насчитывавшую 20 тыс. воинов. Для сравнения: халхасцы, маньчжуры и китайцы выставили только по 10 тыс. воинов. Интересно, что командующим объединенной армией был поставлен военачальник южномонгольского происхождения — Баньди (Чимитдоржиев, 2002, с. 106).

Еще одним важным нововведением маньчжурских военных чиновников была система постоянного контроля за состоянием вооружения монгольских воинов. Южномонгольским нойонам было вменено в обязанность раз в три года проверять состояние своих войск и порядок их комплектования. Хошунные дзасаки были обязаны ежегодно проводить военные смотры вверенных им войск, проверять комплектность оружейного комплекса и боевую подготовку «цириков». Каждое копье и даже каждая стрела (!) должны были быть снабжены специальной учетной надписью. «Если на стрелах и копьях не будут соответствующие надписи, то человек, заметивший это, должен получить коровутрехлетку» (Цааджин бичиг, 1998, с. 65). Особо строго проверялось наличие регламентированного оружия, снабженного клеймами и метками (шлемов, панцирей, копий, саадаков). Если после предварительной проверки нехватка клейменого оружия фиксировалась на общем сборе, то наказывались все командиры воина вплоть до «дзасак-вана», а на самого «цирика» накладывался большой штраф. За нехватку бирки на шлеме и регламентированной верхней одежде воин должен был отдать 27 (!) голов скота. «Ежегодно дзасак-ваны, дзасак-нойоны, хошунные тайджи и гунны обязаны собирать в одном месте своих хошунных тайджи и цириков, чтобы проверить исправность лат, луков и стрел, испытать их в стрельбе. Если при осмотре, не устранив (имеющиеся) неисправности, отправятся в назначенный срок к месту общего сбора и там при генеральной инспекции обнаружится недостача какого-либо оружия или его неисправность, или на каждом оружии не будет надписи имени его владельца, или на гриве и хвосте лошади не будет привязана бирка с надписью и не будет поставлено клеймо... то дзасак-вана того хошуна оштрафовать на три девятка, нойонов, хошунных тайджи и гуннов — на два девятка, тайджи — на один девяток. С того человека, у которого обнаружится недостача или неисправность оружия, взять пять Бодо в пользу дзасака. Если у цирика сзади на шлеме и на спине шубы не будет прикреплена бирка с надписью и не окажется пометки на ремне оружия, то оштрафовать на три девятка» (там же). Столь суровый контроль за регламентированным оружием был вызван опасностью его контрабандной продажи «застенным» монголам. Клеймение и регулярные проверки должны были до минимума сократить возможность перепродажи оружия за границу.

Распространенная в Монголии система штрафов в виде изъятия панцирей у феодальных правителей и рядовых воинов, зафиксированная в «Восемнадцати степных законах» в конце XVI — начале XVII в. и подтвержденная джунгаро-халхаским кодексом «Их-Цааз» в 1640 г., в Южной Монголии была отменена имперскими властями и заменена штрафами скотом. Данная мера была, на наш взгляд, предпринята в силу двух основных причин. Во-первых, постоянное перемещение панцирей между различными монгольскими феодалами мешало вести их учет. Во-вторых, такой обмен панцирями создавал благоприятную почву для коррупции и контрабанды. Наконец, такая практика приводила к тому, что у одних феодалов скапливалось большое количество доспехов, часть которых не использовалась в ходе боевых действий, в то время как у других ощущалась нехватка панцирей. Таким образом, имперские власти не собирались поощрять те традиционные центральноазиатские законодательные приемы, которые могли (хотя бы потенциально) ослабить боевую готовность войск вассалов и союзников Цинской династии.

Эволюция вооружения

Влияние восточноазиатских оружейных комплексов на военное дело кочевников Южной Монголии фиксируется уже по материалам XV-XVI вв. В конце XVI — начале XVII в. оружие в регион импортировали маньчжурские и минские торговцы. В последнем случае речь шла в основном о контрабандных поставках, так как уже в конце XIV в. минские власти ввели жесточайший запрет на продажу оружия номадам, который неоднократно дублировался на протяжении XV-XVI вв. Кроме контрабанды, значительное количество китайского оружия захватывалось монгольскими кочевниками в качестве трофеев в ходе военных кампаний XV-XVI вв.

В то же время монголы, проживавшие на территории Северного Китая и являвшиеся подданными империи, получали оружие и обмундирование от центрального китайского правительства вполне официально.

Данная практика была усвоена и военными чиновниками Маньчжурского государства. Отряды монгольских феодалов, присягнувших на верность Нурхаци и его наследникам, стали снабжаться оружием маньчжурского и китайского производства уже в первой трети XVII в. При этом цинское правительство опасалось, что их южномонгольские вассалы будут перепродавать присланное оружие своим северным и западным соседям (западным монголам и халхасцам). Для борьбы с этим явлением пекинское правительство стало поощрять крупные оптовые закупки оружия (которые можно было легко проконтролировать), а на розничную торговлю накладывать значительные ограничения. В результате на протяжении первой половины XVII в. число южномонгольских воинов, использовавших восточноазиатское оружие, постепенно возрастало.

Судя по данным «Цааджин бичиг», все вооружение южномонгольских воинов делилось на регламентированное (т. е. обязательное для использования определенными категориями воинов) и нерегламентированное(дополнительное). К числу регламентированного вооружения, снабжавшегося клеймами и подлежавшего регулярной проверке, относились длиннодревковое оружие, саадаки, шлемы и панцири (Цааджин бичиг, 1998, с. 65, 67). В группу нерегламентированного вооружения входили комбинированное длиннодревковое оружие, клинковое, ударное, ударно-рубящее оружие, дополнительные защитные детали и т. д. Вхождение некоторых видов вооружения в число регламентированных совершенно не означает, что его наличие было обязательным для всех категорий южномонгольских воинов. Но это, безусловно, свидетельствует о том, что данный набор предметов вооружения являлся базовым для основной массы южномонгольской конницы цинской армии.

Основным оружием дистанционного боя южномонгольских кочевников на протяжении всего рассматриваемого периода оставался традиционный сложносоставной лук. Кроме собственно монгольских луков, использовались луки восточноазиатского (в основном маньчжурского) производства. Южномонгольские наконечники стрел имеют точные аналоги среди маньчжурских материалов, что свидетельствует о взаимопроникновении оружейных традиций. В оформлении налучей и колчанов южных монголов соперничали центральноазиатские и восточноазиатские оформительские традиции.

«Иентральноазиатский» тип оформления налучей был преобладающим на территории Южной

МОНГОЛИИ. Кожаный У-образный «хормого» снабжался (в верхней или средней части) «центральным диском» — плоской или выпуклой пластиной округлой формы, которая, по мнению некоторых исследователей, символизировала солнце. Данный тип оформления налучей отличался относительно небольшим количеством других металлических накладок. Обкладка налучей «центральноазиатского» типа могла быть кожаной или (реже) металлической. Частыми дополнительными элементами были вырезные металлические накладки на днище, многолепестковые металлические бляшки, полусферические заклепки. Близкое оформление имели и маньчжурские (впоследствии цинские) позднесредневековые налучи. Однако их «центральный диск» был гораздо мельче, а верхний правый угол был снабжен металлическим кольцом, выполненным в виде полумесяца со звездами. Подлинные южномонгольские налучи совмещают в себе элементы обеих оформительских традиций. Их поверхность украшена накладным кантом, образующим растительные узоры, «центральный диск» снабжен «спутниками» из полусферических заклепок и накладных «лепестков», вырезные крепежные пластины имеют металлическое кольцо восточноазиатского образца в виде полумесяца со звездами (рис. 32).

Широкое распространение среди южных монголов имели колчаны прямоугольной формы с плоским или слабовыпуклым донцем, практически не выделенными «ушками» для крепежных пластин. Колчаны данного типа являются основным типом маньчжурских позднесредневековых колчанов, а впоследствии унифицированной формой кавалерийских колчанов Цинской империи. Однако прямоугольные колчаны, использовавшиеся южными монголами, нередко имели особую систему оформления. Их поверхность украшалась характерной прорезной аппликацией, вырезными металлическими пластинами и множеством полусферических заклепок (рис. 32). Наряду с прямоугольными, южномонгольские стрелки использовали и традиционные для Центральной Азии колчаны трапециевидной формы с ярко выраженной «спинкой» и слабовыпуклым днищем.

Судя по данным изобразительных и письменных источников, южномонгольские воины более активно, чем их маньчжурские соратники, использовали длинные кавалерийские копья и пики, которые относились к числу регламентированного оружия войск 49 хошунов. Согласно «Цааджин бичиг» каждое такое копье снабжалось специальной надписью или клеймом. Несколько меньше было распространено комбинированное длиннодревковое оружие восточноазиатского образца. Наибольшей популярностью пользовались широкие сабли «дадао», насаженные на длинное деревянное древко.

Всем монгольским князьям, в соответствии с их титулами, имперскими властями выдавались специальные знамена, зонты и значки: «В пути на облавную охоту или в походе на войну цинь-ваны должны иметь два красных зонта, обшитых золотой каймой, два знамени и десять вымпелов; цзюньваны — один зонт, обшитый золотой каймой, одно знамя и восемь вымпелов; нойоны — один красный зонт, одно знамя и шесть вымпелов; хошунные тайджи — один красный зонт и шесть вымпелов, улусун-туше-гуны — один красный зонт и шесть вымпелов; улустур-тусалакчи-гуны — один красный зонт и шесть вымпелов» (Цааджин бичиг, 1998, с. 101).

Китайские исследователи настойчиво относят к числу ударного оружия, использовавшегося южными монголами, длиннодревковые палицы. Последние состояли из достаточно длинного (до 2 м) деревянного или металлического древка, снабженного на конце (иногда на обоих концах) эллипсовидным навершием с множеством прямых или загнутых шипов, расположенных вертикальными рядами.

Использовавшееся южными монголами длинноклинковое оружие мало отличалось от своих восточноазиатских аналогов. Значительная его часть производилась в мастерских Северного Китая. Численно преобладали сабли со слабоизогнутым, снабженным долами клинком, дисковидной гардой, трапециевидным или полусферическим навершием. Деревянные, обтянутые кожей ножны имели характерную конструкцию крепления к поясному ремню. Она представляла собой две металлические обоймы, снабженные трапециевидными фиксаторами, соединенными металлической скобой. В отличие от маньчжуров, обычно носивших сабли рукоятью назад, монгольские воины, как правило, подвешивали их под углом рукоятью вперед, как было принято среди центральноазиатских номадов.

Защитное вооружение (преимущественно восточноазиатского производства) было широко распространено в войсках южномонгольских хошунов.

Панцири и шлемы были отнесены к числу регламентированного оружия южномонгольских воинов, что указывает на их широкое использование в отрядах 49 хошунов. В «Цааджин бичиг» в качестве синонима традиционного термина «цирик», обозначавшего рядового воина, используется термин «латник» (там же, с. 70, 83, 84, 92, 103). С большой долей вероятности можно предполагать, что в Южной Монголии действовали цинские стандарты: примерно 48 панцирников на 90 воинов роты «нюру» (Бобров, Худяков, 2003 а, с. 131-132). Однако в отличие от собственно маньчжурских частей, воины которых использовали полный панцирный комплект (шлем, панцирь, наплечники,набедренники, защита конечностей) и нередко панцирную попону для своих боевых коней, у монголов можно предполагать широкое распространение облегченных защитных комплексов, иногда включавших в себя только шлемы и панцири. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и изобразительные материалы.

Абсолютно преобладающей структурой бронирования металлических южномонгольских панцирей была пластинчато-нашивная (пластинчато-клепаная) броня. Широко были распространены «мягкие» панцири из органических материалов. Некоторые воины носили традиционные ламеллярные доспехи.

Основным видом покроя корпусного панциря был безрукавный панцирный «жилет», известный в восточноазиатском оружейном комплексе под названием «магуацзы». Он имел сплошной осевой и короткие боковые разрезы (рис. 124). Данный тип покроя был известен монголам XIII—XIV вв., минским китайцам конца XIV — начала XVII в., но особенно широкое распространение он получил в период Цинской империи. Цинские панцирные «жилеты» обычно носились в комплекте с пластинчато-нашивными наплечниками округлой, каплевидной или прямоугольной формы (усиливавшимися коваными накладными наплечными пластинами) и широкими набедренниками. Пластинчато-нашивная основа некоторых типов цинских набедренников снабжалась горизонтальными рядами ламеллярных пластин (рис. 125, *4).* Такие набедренники именовались «монгольская юбка», что, вероятно, свидетельствует о том, что данный панцирный элемент был заимствован маньчжурами у центральноазиатских кочевников. Согласно принятой моде, верхняя маньчжурская жилетообразная одежда обычно не подпоясывалась. Не подпоясывались, как правило, и панцирные «жилеты» — «магуацзы». Ремешки налучей, колчанов, ножен с клинками выпускались через специальные боковые разрезы в «жилете». Монгольские воины, напротив, обычно подпоясывали панцири кожаными ремнями, к которым подвешивались ножны с саблей или палашом, ножом и саадаком. Наряду с «жилетом» знатные южномонгольские латники носили панцири покроя «халат» со сплошным осевым разрезом и наплечниками.

После включения Южной Монголии в состав Маньчжурского государства вместо нарукавий, состоявших из железных полусферических наплечников (наплечных пластин), и ламинарных нарукавников местные панцирники стали применять пластинчато-нашивные рукава со специальными обшлагами, которые в боевом положении прикрывали кисть воина (Бобров, Худяков, 2003 в, с. 151-152). Широкое распространение среди командного корпуса, офицеров и воинов ударных подразделений получили узкопластинчатые нарукавники из множества мелких горизонтально расположенных прямоугольных пластинок в комбинации с крупными выгнутыми наплечными пластинами подпрямоугольной, трапециевидной или полукруглой формы. Цинские нарукавники рядовых воинов и отдельных офицеров нередко изготавливались не из пластин, а из толстой простеганной ткани (рис. 201, *2).* Разновидностью цинского корпусного доспеха были пластинчато-нашивные панцири со сплошным осевым разрезом и длинными панцирными рукавами. С большой долей вероятности можно предполагать бытование подобных панцирей и среди южномонгольских воинов XVII—XVIII вв. Характерной особенностью оформления панцирных элементов южномонгольских и маньчжурских доспехов было наличие большого количества округлых плоских или выпуклых металлических зерцал. Самое крупное из них располагалось на груди. Более мелкими зерцалами усиливались наспинники панцирей, а также наплечники и набедренники.

В Южной Монголии XVII—XVIII вв. применялись два основных типа клепаных наголовий: шлемы сфероконической и цилиндроконической формы. Первые представляли собой региональный вариант традиционных наголовий позднесредневековых кочевников Центральной Азии. Они клепались из 2-8 пластин, стыки которых прикрывались

специальными накладками с ребрами жесткости; венчались шлемы полусферическими навершиями с трубками-втулками для плюмажа. Практически обязательным элементом конструкции был простой (одночастный) или «коробчатый» (двухчастный) козырек. Появление цилиндроконических шлемов в позднесредневековой Маньчжурии и Монголии являлось результатом эволюции высоких и объемных сфероконических наголовий. В XVI — начале XVII в. эти шлемы получили две дополнительные грани, превратившие сфероконический купол в ступенчатый (рис. 196, //). Такая конструкция оказалась, вероятно, слишком сложной для массового производства. В XVII в. одна из граней исчезла, и наголовье приобрело характерную цилиндроконическую форму (рис. 196, *12-13, 15-16, 18-21).* Двухпластинчатые цилиндроконические шлемы, снабженные налобными пластинами с надбровными вырезами, козырьками, полусферическими, цилиндрическими навершиями или навершиями «шар в блюдце», являлись самым распространенным типом боевых наголовий Цинской империи вплоть до второй половины XIX в. (Бобров, Худяков, 2003, с. 157-164). Среди прочих разновидностей цинских шлемов выделяются необычные наголовья, совмещающие в себе как центральноазиатские (сфероконическая тулья), так и восточноазиатские (двухчастный купол, налобная пластина с надбровными вырезами и козырьком, цилиндрические навершия и навершия типа «шар в блюдце») конструктивные и оформительские элементы. Возможно, такие шлемы изготовлялись в цинских оружейных мастерских преимущественно для нужд южномонгольских латников.

Конные южномонгольские воины почти не использовали щитов, которые в рассматриваемый период применялись почти исключительно пехотинцами. Возможно, что лишь отдельные южномонгольские кавалеристы XVII в. использовали традиционные монгольские щиты «халха» и их восточноазиатские плетеные аналоги (рис. 211, *1-3, 11-14).*

Согласно данным письменных источников, кочевники Южной Монголии конца XVI — начала XVII в. использовали огнестрельное оружие, изготовленное преимущественно в мастерских государств Дальнего Востока. Однако китайское и маньчжурское огнестрельное оружие, добытое в качестве трофеев или вследствие контрабанды, было представлено в монгольских войсках этого периода очень небольшим количеством экземпляров. Постоянное обучение южномонгольских (в частности, тумэтских) войск приемам стрельбы из огнестрельного оружия было начато только в 1734 г. Два раза в год (осенью и весной) из тумэтских хошунов для обучения в Хух-Хото должны были прибывать 800 тумэтских воинов (500 лучников и 300 воинов, вооруженных ружьями). В 1782 г. число ружейных стрелков было увеличено до 500; таким образом, на обучение прибывала уже 1 тыс. воинов (500 лучников и 500 ружейных стрелков). Обучение проходило в течение месяца, причем занятия длились с 6 до 9 часов утра: «Солдаты, вооруженные огнестрельным оружием, всегда начинают учение: они совершают три различные приема построения и трижды стреляют в залп, а засим отступают на арьергард. На смену их выходят солдаты, вооруженные луками: они стреляют в мишень, стоя на ногах, каждый в одиночку, тремя стрелами; а равно практикуются в прицеливании и стрельбе с лошади. Нижние чины огнестрельного оружия, в ту пору как лучники стреляют из луков, практикуются в устраивании земляных насыпей. Помимо сего, эти чины огнестрельного оружия через девять дней в десятый также точно должны стрелять в цель, поодиночке» (Позднеев, 1896, т. 1, с. 100—101). Таким образом, в ходе обучения «цириков», вооруженных луками, отрабатывалась традиционная стрельба в пешем положении и с коня. Что касается стрелков из ружей, то они практиковались в стрельбе залпами, одиночной стрельбе и возведении полевых укреплений (по всей видимости, небольших земляных валов или окопов). К сожалению, пока не удалось установить, когда был введен данный порядок проведения учений. Приведенное выше описание относится к концу XIX в., возможно, что в XVIII в. существовал несколько иной набор боевых приемов.

Вплоть до конца XVIII в. значительные трудности представлял процесс доставки боеприпасов (в первую очередь пороха и пуль) в южномонгольские войска. На протяжении большей части XVIII в. упоминавшиеся выше тумэты при подготовке процесса обучения войск заказывали порох и пули в Пекине. Причем каждый раз для определения необходимого количества боеприпасов делался специальный доклад и «для доставки пороха из Пекина каждый раз откомандировывался отдельный чиновник». Только в 1795 г. военное министерство

рассчитало среднее число пуль, необходимых для проведения учений, а «постановление о порохе состоялось, кажется, значительно позже». Только в XIX в. порох стали присылать не из Пекина, а из провинции Шаньси (Позднеев, 1896, т. 1, с. 101).

Вероятно, на вооружении южных монголов XVII-XVIII вв. находилось некоторое количество разнотипного и разнокалиберного огнестрельного оружия маньчжурского и китайского производства: многоствольные ручницы, аркебузы типа «наоцян», фитильные и кремневые мушкеты и т. д., однако внедрение новых видов вооружения не привело к кардинальным изменениям в тактике южномонгольских армий XVII в.

В целом эволюция комплекса вооружения южномонгольских воинов XVII—XVIII вв. характеризуется следующими моментами:

1. Введенные маньчжурскими властями юридические нормы объективно способствовали повышению боеспособности южномонгольских войск. Был усилен контроль за состоянием и хранением оружия. Сам оружейный комплекс уже в первой половине XVII в. был в значительной степени унифицирован. К числу основного (регламентированного) оружия были отнесены саадаки, кавалерийские копья и пики. Широко использовались панцири и шлемы. Число панцирников в южномонгольских войсках на протяжении XVII в. постепенно возрастало.

2. Наряду с регламентированным, южномогольскими воинами применялось нерегламентированное оружие, которое изготовлялось на территории самой Южной Монголии или в массовом порядке (по согласованию с цинскими чиновниками) закупалось в Китае. Отдельные «цирики» применяли ударное, ударно-рубящее и длиннодревковое комбинированное оружие. Известной популярностью пользовалось клинковое оружие, преимущественно восточноазиатского производства. Огнестрельное оружие маньчжурского и китайского производства, хотя и применялось южномонгольскими «цириками», широкого распространения в войсках 49 хошунов не получило.

3. В сфере наступательного и защитного вооружения рассматриваемый период характеризуется постепенным усилением влияния восточноазиатских военно-культурных традиций. С одной стороны, это объясняется тем, что с территории Маньчжурии и Китая осуществлялись массовые поставки предметов вооружения, а с другой — тем фактом, что многие местные оружейники начали подражать своим восточным и южным коллегам. Однако «остернизация» южномонгольского доспеха не привела к полному исчезновению традиционного оружейного комплекса и местных оформительских традиций. Вооружение южномонгольских воинов продолжало развиваться как результат синтеза центрально- и восточноазиатских традиций, со все более усиливающимся влиянием последних.

Эволюция тактики

Уже вскоре после включения южномонгольских княжеств в состав Маньчжурского государства восточноазиатские чиновники взялись «совершенствовать» военное искусство своих новых подданных. В том числе с этой целью в 1696 г. был выпущен сборник законов «Цааджин бичиг», значительная часть которого была посвящена военному делу[1].

Основное внимание маньчжурских военных чиновников вызывал вопрос повышения дисциплины в войсках своих монгольских вассалов. Для этих целей были разработаны особые требования к поведению монгольских воинов в строю, в походе, в бою, в ходе преследования противника. Наказания за проступки были суровые, подчас гораздо более жесткие чем, например, в сохранявших независимость монгольских государствах. За серьезные проступки для рядовых воинов полагалась смертная казнь, а для феодалов — изъятие подданных и имущества. В походе запрещалось мародерствовать, убивать и грабить мирных жителей, грабить храмы, обирать пленных, пьянствовать. За поджог полагалась смертная казнь. Если во время похода отделившихся от армии мародеров убивали, то их жены и дети считались пленными, а командир хошуна подвергался наказанию (Цааджин бичиг, 1998, с. 69). За самовольное оставление караульных постов с целью торговли командиры эскадронов — «дзанги» лишались воинского звания, а их имущество конфисковывалось. Рядовые «цирики» за тот же проступок получали по сто ударов плетью и платили штраф в размере «трех девятков» (27 голов скота).

[1] «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение») составлено из законодательных актов, принимавшихся маньчжурскими властями на протяжении 1627-1694 гг. В нем затронуты многие стороны жизни степного общества. Особое внимание уделено вопросам военного дела.

Цинское законодательство призывало монгольских офицеров активно бороться с дезертирством. Различались три основные группы дезертиров: до 20 человек «с колчанами», более 20 человек «с колчанами», а также массовое дезертирство в составе хошуна. В первом случае беглецов преследовали их однополчане. В обоих других случаях в погоню отправлялись всадники других хошунов. От их командиров требовалось «преследовать дезертиров, куда бы они ни направлялись, до тех пор пока их не нагонят» (Цааджин бичиг, 1998, с. 57). За несвоевременную организацию преследования виновные командиры несли персональную материальную ответственность.

Одной из оптимальных форм строя для конных латников, вооруженных копьями и клинковым оружием, были признаны достаточно плотные шереножные или клиновидные построения. Однако в ходе атаки воины нередко нарушали строй: храбрые вырывались вперед, а осторожные придерживали коней. Поэтому в войсках южных монголов, включенных в состав «восьмизнаменной» цинской армии, были установлены строгие правила поведения конников в ходе атаки. За оставление своего места в строю, нарушение общего построения, отказ от участия в атаке полагались смертная казнь, конфискация имущества или телесные наказания: «При встрече с неприятелем лицом к лицу идти в атаку, строго соблюдая установленный порядок и на том участке, который отведен (для атаки). Если кто-нибудь во время атаки, обходя отведенный ему участок, удалится в сторону и пристроится позади других, или, покинув свой боевой порядок, примкнет к чужому, или же во время атаки других будет стоять на месте и наблюдать, то такого казнить и конфисковать его имущество или подвергнуть телесному наказанию и отстранить от должности» (там же, с. 69).

Военное рвение отдельных командиров, проявлявших инициативу, приветствовалось. Но цинские инструкции рекомендовали монгольским военачальникам сначала построить войска, а только затем атаковать противника. Неосмотрительность и безрассудство отдельных командиров подлежали наказанию: «Если многие хошуны не успеют выстроиться, а вступят в бой ваны, нойоны, хошунные тайджи, гуны, тайджи и табунаны лишь отдельных хошунов, то наградить их в соответствии с их заслугами. Если на поле боя, во время атаки, ваны, нойоны, хошунные тайджи, гуны, не считаясь с построениями командиров, без должной разведки, увидев лишь небольшой отряд неприятельских войск, безрассудно вступят в бой, то отобрать их коней и добытые ими трофеи» (Цааджин бичиг, 1998, с. 68).

Судя по материалам «Цааджин бичиг», письменным и изобразительным источникам, южномонгольские хошуны строились в две линии, состоявшие из двух «дзаланов» (эскадронов) во главе со своими офицерами. Вторая линия построения должна была поддержать первую в случае опасной ситуации. Всадникам запрещалось покидать свое место в строю, при этом наказанию не подлежали воины, «немного выдвинувшиеся вперед» или «немного отставшие»: «Если при наступлении боевым порядком кто-то выдвинется немного вперед или же немного отстанет, то это не принимать в расчет и не говорить, что кто-то вышел вперед, а кто-то отстал» (там же, с. 69). Таким образом, фронт южномонгольской конницы представлял собой невыровненную линию, состоявшую из нескольких шеренг.

В ходе крупных сражений южномонгольская конница активно взаимодействовала с цинской (панцирной и легковооруженной) кавалерией, артиллерией и пехотой. В линейных порядках второй половины XVII в. южномонгольская конница обычно занимала место на флангах цинского построения. Она совершала фланговые атаки, заходила в тыл к противнику, вместе с маньчжурской кавалерией атаковала его построения с фронта. В случае необходимости монгольская конница уходила под защиту пехоты и артиллерии. При построении в несколько эшелонов отряды 49 хошунов обычно составляли второй или третий эшелон (первый эшелон и авангард в ходе военных действий в Центральной Азии составляли отряды халхаских феодалов, второй-третий — китайцы, последний — собственно маньчжурские войска). В битву они обычно вводились после халхасцев и китайцев, но перед маньчжурами, что, помимо всего прочего, фиксировало привилегированное положение южномонгольских войск в неформальной иерархии цинской армии. Отряды 49 хошунов имперские военачальники обычно берегли и бросали в бой в решающий момент сражения.

Однако, несмотря на элитный статус, за трусость, выказанную южномонгольскими воинами во время сражения, имперские власти карали беспо-

щадно. За бегство с поля боя, согласно «Цааджин бичиг», у ванов, нойонов, хошунных тайджей, гунов и тайджей отбирались все подданные, рядовых «цириков» казнили, а их имущество конфисковывали. Если поле боя в ходе сражения покидала лишь часть воинов хошуна, то у каждого бежавшего вана, нойона, хошунного тайджи, гуна, тайджи и табунана отбирался сомон подданных и передавался феодалам, оставшимся в сражении. В некоторых случаях провинившихся феодалов наказывали более жестко, их лишали всех подданных, а самих «разжаловали в простолюдины» (Цааджин бичиг, 1998, с. 68).

При преследовании противника командирам конных отрядов предписывалось проявлять осторожность: «Если неприятель, не приняв боя, сбежит, то для преследования его выделять сильных цириков и хороших лошадей. Во время преследования ваны и нойоны не должны оказываться впереди командиров знамен (хошунов). (Следует) построить войска под знаменами и, разбившись группами, преследовать неприятеля по его следу. Если преследователи попадут в засаду или отдельные группы встретят разведывательные отряды противника, то ваны, нойоны и командиры знамен должны немедленно вступить в бой» (там же, с. 69).

Параллельно с наведением дисциплины в монгольских войсках цинские военные чиновники активно боролись с патриархальными элементами ведения боевых действий, которые сохранялись в восточномонгольских армиях. Так, в «Цааджин бичиг» содержится особая норма, запрещающая поручать охрану лошадей военнопленным. Судя по тому, что на этом акцентируется особое внимание, данная практика имела известное распространение в монгольских войсках предыдущего периода (там же, с. 70). Во время переходов монгольским воинам предписывалось «не забывать воинские правила, быть дисциплинированными и не кричать... Тот, кто увидит поднявшего крик или нарушившего дисциплину, должен его (в наказание) побить... Во время ночного похода не шуметь и не трубить, за нарушение наказывать» (там же, с. 69).

Ключевым событием политической жизни южномонгольских княжеств стало их вхождение в состав Маньчжурского государства. Этот факт во многом предопределил развитие военного искусства южных монголов в рассматриваемый исторический период. Восточноазиатское влияние на южномонгольский оружейный комплекс, и до того заметное, еще более усилилось за счет массовых поставок в войска 49 хошунов маньчжурского и китайского вооружения. Имперские власти существенным образом изменили организационную структуру южномонгольских вооруженных сил, усилили контроль за состоянием вооружения и подготовки войск, но при этом не стали кардинально менять традиционное военное искусство монгольских войск. Напротив, через усиление дисциплины и регламентацию поведения воинов в бою и походе маньчжурские военные чиновники старались развить и усовершенствовать те тактические приемы, которыми славились центральноазиатские кочевники. Военное дело номадов удачно встраивалось в систему вооруженных сил империи, существенным образом дополняя сильные стороны собственно маньчжурского и китайского военного искусства.

Тем не менее развитие вооруженных сил южных монголов в составе цинской армии отличалось известной односторонностью. Монгольская конница представляла интерес для имперского командования в качестве мобильной силы, способной вести боевые действия в условиях степных и пустынных территорий, совершать стремительные переходы, нанося неожиданные удары по противнику. Она не предназначалась для осады крупных городов, ведения длительных боев в оборонительном порядке. Во многом этим объясняется относительно слабое распространение в южномонгольских войсках огнестрельного оружия, а также новых тактических приемов. В рамках имперских вооруженных сил южномонгольские войска стали заложниками своей военной специализации. В долгосрочной перспективе это привело к консервации военного дела южномонгольских кочевников.

Среди центральноазиатских армий XVII в. войска южномонгольских хошунов выделялись дисциплиной, хорошим состоянием холодного оружия, широким распространением защитного вооружения. Однако уже в последней трети XVII в. наметилось некоторое отставание от Джунгарского ханства в сфере ручного огнестрельного оружия. В первой половине XVIII в. этот разрыв еще более усилился.

По мере потери боеспособности «восьмизнаменной армии» в течение второй половины XVIII — XIX в. ухудшались вооружение и военная подготовка южномонгольских войск. Европейские путеше-

ственники конца XIX в. оставили крайне нелестные отзывы о состоянии вооруженных сил Южной Монголии этого периода: «Действительно, военное дело стоит теперь здесь крайне плохо. Была пора, когда монгольские хуики были действительно латниками: носили стальные шлемы и кольчуги, имели пики, сабли и луки; теперь все это почти отошло в область преданий. Сначала у солдат отобрано было вооружение, которое должно было храниться при сумунных управах; засим показалось тяжело носить, а еще тяжелее приготовлять латы, и в последнее время у здешних монголов вошло уже в обычай не употреблять железных или стальных лат, кольчуг или шлемов и заменять их шелковыми. Таким образом отборные войска хошуна далай-вана вместо железных кольчуг одеты теперь поголовно в кольчуги из толстой шелковой канфы, которыя, конечно, гораздо больше походит на женские кофты, чем на вооружение наших древних рыцарей» (Позднеев, 1896, с. 401). Цинские полководцы высоко ценили традиционно лояльные империи южномонгольские части, которые, вместе с маньчжурами, составляли ядро «восьмизнаменной армии». По выражению авторов «Мэн-гу-ю-му-цзи», «обитатели всех этих аймаков представляют отборные войска Небесной империи... На это всем, занимающимся политикой управления, следует обращать все свое внимание» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. VII).

10.2. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Халхи в XVII-XVIII вв. и северомонгольского государства Алтын-ханов в XVII в.

Во второй половине XVI — начале XVII в. земли Восточной Монголии именовались соседями «Семью халхаскими хошунами», «Государством трех халхаских ханов», «Великим северным Халхаским улусом», «Улусом халхаских ханов», «Тремя халхаскими аймаками». Как видим, даже в множестве названий подчеркивалось отсутствие внутреннего единства среди феодалов «Золотой Халхи» — колыбели монгольской государственности.

Основные кочевья халхаских феодалов занимали обширные степи современной МНР к востоку от Монгольского Алтая и Хангайских гор до Хинганского хребта. От государств Средней Азии Халха была отделена владениями ойратских феодалов, от Китая и Маньчжурии — кочевьями южных монголов. Таким образом, военное дело Халхи развивалось в значительной степени автономно и не подвергалось значительному влиянию со стороны военного искусства оседло-земледельческих народов региона.

Правители семи халхаских хошунов вели свое происхождение от младшего сына Даян-хана Гэрэсэндзэ (1513-1549), разделившего Халху на семь частей по числу своих сыновей (Цааджин бичиг, 1998, с. 3). Крупнейшими государственными образованиями Халхи в начале XVII в. были феодальные владения Тушету-ханов[2], Цэцэн-ханов и Дзасакту-ханов[3]. Формально представителем «центральной власти» являлись Дзасакту-ханы, кочевья которых располагались на западе Халхи. Тушету-ханы (крупнейшие феодалы центральной Халхи) в этой ситуации выступали в качестве «противников центральной власти» (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 14). Однако в реальности это соперничество выглядело как противоборство самостоятельных феодальных владетелей, тем более, что военный потенциал Тушету-ханов был значительно выше, чем у их западных соплеменников. Вокруг противоборства Дзасакту-ханов и Тушету-ханов раскручивалась основная политическая интрига внутренней жизни Халхи XVII в.

В конце XVI — начале XVII в. на северо-западе Халхи оформилось еще одно халхаское государство — держава северомонгольских Алтын-ханов (существовало до 1667 г.). Ядром нового ханства стали хотогойские и урянхайские отоки. Западная граница «страны Алтыновой» проходила по землям алтайских урянхайцев и западных бурят, восточная — по р. Селенге и источнику р. Тамир. Ставка первого Алтын-хана Шолой Сайн Убаши-хунтайджи (1567-1627) находилась у оз. Убсунур. С самого начала

[2] Основателем династии Тушету-ханов является старший сын Эрэхэй-хана Тушету-хан Гомбо-доржи (1594-1655). Он и его потомки носили титул Тушету-ханов и владели землями центральной Халхи. Вокруг Тушету-ханов традиционно концентрировались крупные монгольские феодалы — противники сильной центральной власти.

[3] Потомки старшего сына Даян-хана Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи носили титул Дзасакту-ханов. Согласно традиции, они занимали верховенствующее положение в системе халхаской феодальной иерархии.

существования державы северных «Золотых ханов» вектор ее экспансии был направлен на земли народов Южной Сибири и подконтрольные ойратам степи Западной Монголии. Хотогойские монголы старались захватить или оттеснить на запад ойратские кочевья и превратить номадов Южной Сибири в своих данников. Время от времени северомонгольские правители пытались (не особенно удачно) вмешиваться в дела Халхи. После ряда столкновений с появившимися в регионе русскими служилыми людьми Алтын-ханы предпочли выстраивать дружеские и даже союзнические отношения с Российским государством. Несколько раз хотогойские ханы вплотную подходили к вопросу принятия русского подданства и даже приносили присягу «Белому царю», однако вскоре «забывали» об этом и снова вели себя как независимые феодальные владетели. На протяжении первой трети XVII в. хотогойцы достаточно уверенно теснили разрозненные ойратские племена, которые, оставляя плодородные пастбища, постепенно отходили на запад. Однако после создания централизованного Джунгарского ханства ситуация начала постепенно меняться. Для обоих государств контроль над южносибирскими землями рассматривался в качестве стратегически важного вопроса. И джунгарские хунтайджи, и «Золотые ханы» рассчитывали опереться на богатые металлами и пушниной южносибирские земли, чтобы продолжить свою экспансию в Центральную Азию. Политическое будущее обеих степных держав во многом зависело от того, кто будет владеть Южной Сибирью. Существование одного нацеленного на экспансию независимого кочевого государства в данном регионе делало невозможным существование столь же активного соперника на этой же территории. Война шла «на выживание». Этим фактом во многом обусловлена длительная и ожесточенная борьба джунгар и хотогойцев в первой половине XVII в.

Бурные события начала XVII в. существенно изменили традиционный расклад сил в Центрально-Азиатском регионе. Резкое усиление Маньчжурского государства и вхождение в его состав южномонгольских княжеств привлекали к себе значительное внимание халхаских феодалов. Однако их отношение к данному процессу было противоречивым и непоследовательным. Из всей халхаской аристократии единственным, кто сразу же занял агрессивную позицию в отношении Хоу Цзинь, был известный военачальник и поэт Цогту-тайджи. Не найдя понимания среди своих соседей, он был вынужден откочевать в Кукунор, куда следовал его союзник — главный враг Маньчжурской династии в Южной Монголии чахарский Лигден-хан. Другие халхаские феодалы предпочли заручиться поддержкой агрессивной восточноазиатской державы. После провозглашения Цинской империи (1636) Цэцэн-хан и Тушету-хан попытались установить с молодой империей дружественные отношения. В 1636-1637 гг. халхаские посольства преподнесли Абахаю богатые подарки, которые были расценены маньчжурскими чиновниками как дань. Тем не менее, когда джунгарский Батур-Хунтайджи в 1640 г. собрал съезд монгольской знати, едва ли не основным элементом которого было обсуждение вопросов коллективной безопасности, халхаские феодалы приняли в нем самое живейшее участие. Вступление маньчжуро-монгольской «восьмизнаменной армии» в Пекин (1644) вызвало взрыв агрессивных настроений среди восточноазиатских Чингизидов, ревниво следивших за военными успехами своих южных соплеменников и маньчжур. Обстановка резко накалялась. Когда в 1646 г. цинские войска, преследуя восставших подданных южномонгольского племени сунитов, пересекли халхаскую границу, им навстречу были двинуты армии недавних «миротворцев» Тушету- и Цэцэн-хана. К немалому изумлению халхаских аристократов, в ходе встречного боя маньчжурские и южномонгольские отряды разгромили восточномонгольские войска. Особое впечатление на халхаских феодалов произвели покрытые пластинчато-нашивной броней кони цинских тяжеловооруженных кавалеристов и широкое использование маньчжурами огнестрельного оружия. Однако имперские власти в Пекине предпочли сохранить с халхасцами мирные отношения, так как в это время большая часть цинских вооруженных сил была занята тяжелейшей войной с минскими и повстанческими армиями в Китае. При этом дипломатическое давление было продолжено.

В то же время все большую политическую активность стали проявлять правители Западной Монголии — Джунгарии. Во второй половине XVII в. Халха стала ареной противоборства джунгарских хунтайджи и цинских императоров. В правящей элите Восточной Монголии сформирова-

лись проджунгарские и проманьчжурские «партии». Феодальная верхушка, сгруппировавшаяся вокруг Дзасакту-хана (основные кочевья которой находились на западе Халхи), склонялась в сторону джунгарского хунтайджи. Окружение Тушету- и Цэцэн-хана придерживалось преимущественно проманьчжурской ориентации. Крупным успехом цинской дипломатии стало втягивание окружения Тушету-хана в военный конфликт империи с Российским государством в Забайкалье. Однако ход боевых действий в 1685-1688 гг. показал, что восточномонгольская конница не может не только брать хорошо укрепленные русские остроги, но и противостоять снабженным огнестрельным оружием российским войскам в полевом сражении. Главным испытанием для Халхи стало Джунгарское нашествие 1688 г. В нескольких полевых сражениях реформированная джунгарская армия, воины которой в массовом порядке использовали ружья российского и среднеазиатского производства, наголову разгромила халхаские ополчения. Под натиском джунгарских войск халхаские феодалы бежали на подконтрольную цинским властям территорию Южной Монголии. В мае 1691 г. на Долонорском съезде феодалы Халхи присягнули на верность цинскому императору.

Военное дело халхаских кочевников XVII-XVIII вв. может быть разделено на два основных периода. Первый из них (до начала 90-х гг. XVII в.) является прямым продолжением эволюционного развития монгольского военного искусства XV-XVI вв. Второй период, начавшийся после вхождения Халхи в состав Цинской империи, характеризуется все более возрастающим восточноазиатским влиянием.

Вооружение и тактика кочевников Халхи в конце XVI — 80-гг. XVII в.

«Становым хребтом» армий халхаских ханов были их личные дружины, а также отряды их вассалов; все вместе они составляли «цааган цэрэг» («белое войско»). Воины, входившие в «цааган цэрэг», были хорошо обучены, снабжены всем необходимым оружием и защитным вооружением. Во время больших походов в армию призывались рядовые кочевники-араты, составлявшие «хара цэрэг» («черное войско»). В военное время часть панцирников «цааган цэрэг» оставались при своих сюзеренах, а другие становились командирами подразделений ополчения. Кроме того, из них формировались особые «ударные» части, насчитывавшие несколько тысяч конных латников. Так, например, Шидиширн Батур-Хунтайджи, действовавший против русских гарнизонов в Забайкалье во второй половине 80-х гг. XVII в., сформировал отряд из 4 тыс. панцирников, которые были отправлены в продолжительный набег (МРМО, 2000, с. 141). Общая численность вооруженных сил государственных образований Халхи, вероятно, превышала 100 тыс. человек. Однако феодальная разобщенность не позволяла выставить в поле такое количество вооруженных воинов. Д. Гонгор оценивал мобилизационные возможности аймака Тушету-хана в 40 тыс. человек, Цэцэн-хана в 30 тыс. человек, Дзасакту-хана в 10 тыс. человек (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 79). Однако в ходе военных кампаний халхасцы достаточно редко проводили тотальную мобилизацию мужчин призывного возраста. Обычно накануне боевых действий по кочевьям распространялось распоряжение феодала о мобилизации определенного числа ополченцев (обычно 10-40% от числа призывников). Например, накануне похода в российское Забайкалье в 1688 г. в кочевьях Тушету-хана была проведена мобилизация 20% мужчин: «И по ево де Карай-жаргучаиву выбору посланы под селенгинские остроги в осень мугальские многие люди. А ручной бой у них лучной да копейщики, а збираны де те люди со всех тайш со 100 по 20-ти человек и больше». В ходе боевых действий второй половины XVII в. отдельные халхаские правители редко выставляли армию более чем в 10-20 тыс. воинов.

Ядром войск хотогойских монголов являлись личная дружина «Золотого хана» и халхаское ополчение. Дополнительные контингента выставляли вассалы и союзники хотогойцев: енисейские кыргызы и их кыштымы, урянхайцы, жители Алтая. В первой половине XVII в. Алтын-ханы выдвинули в поле достаточно крупные для данного района Центральной Азии и Южной Сибири армии, насчитывавшие несколько тысяч хорошо вооруженных и снаряженных всадников. Как и в «Большой Халхе», в армии Алтын-хана была распространена практика создания «ударных» отрядов конных панцирников. В середине 30-х гг. XVII в. такие отряды,

составленные из нескольких сотен северомонгольских «куяшников», фиксируются на полях сражений русскими служилыми людьми (Миллер, 2005, с. 682-683).

Для поддержания боеготовности халхаских войск не позднее конца XVI — начала XVII в. была введена практика военных сборов. Опоздавший на них более чем на трое суток воин подвергался штрафу в виде панциря и оседланной лошади. Не явившиеся на сборы также несли наказание. Составители «Закона Шести хошунов» добивались, чтобы в случае начала полномасштабных военных действий в них принимали участие представители всех хошунов. В случае неявки их владелец должен был быть оштрафован на десяток верблюдов. Однако в реальности собрать общехалхаское ополчение было практически невозможно. Каждый крупный феодал старался обеспечить себе самостоятельность в данном вопросе, сохранить право автономно объявлять войну и заключать мир. Не удивительно, что даже во время больших вражеских нашествий некоторые степные правители просто уклонялись от участия в военных кампаниях.

Вооружение

Изготовлением оружия в степях Халхи занимались мастера — дарханы. Предметы вооружения передавались в арсеналы нойонов, а накануне боевых действий выдавались воинам. Большинство воинов «цааган цэрэг» имели собственное оружие и панцирное вооружение. Причем у военачальников («орлог»), знаменосцев («тогчин»), трубачей («бурэчин») хранились не один, а несколько (у владетельных князей — несколько сотен) комплектов защитного вооружения, которые выступали в качестве единиц обмена. Тем не менее профессиональные кузнецы и оружейники не могли снабдить защитным вооружением всех нуждающихся. Поэтому правители Халхи предприняли попытку привлечь к процессу изготовления защитного вооружения широкие слои податного населения. Эта инициатива нашла свое отражение в «Великом уложении» («Их-Цааз») 1640 г. Согласно «Их-Цааз» двум семьям из каждой общины в 40 кибиток вменялось в обязанность изготовлять панцири. Даже частичное внедрение подобной меры в жизнь должно было существенно увеличить число панцирей, поставляемых в войска. Импортное вооружение в рассматриваемый период в халхаских войсках было относительно малочисленно. Пограничные чиновники Минской, а впоследствии и Цинской империи старались поддерживать введенный центральными властями мораторий на поставки оружия в независимые монгольские государства. Ситуация начала значительно меняться во второй половине 80-х гг. XVII в., когда халхаские войска стали принимать деятельное участие в военных операциях цинских войск в Забайкалье.

Что касается государства Алтын-ханов, то, судя по данным письменных источников, основную массу холодного оружия и часть защитного вооружения изготовляли хотогойские мастера. Крупные партии защитного вооружения (состоявшие из нескольких тысяч «панцирных» комплектов) в армии Алтын-ханов поставляли оружейники Южной Сибири. Объемы поставок могли быть очень значительными.

Основным оружием халхаских воинов были саадаки, длинные кавалерийские копья и пики. Конные панцирники и часть легковооруженных лучников и копейщиков активно использовали длинноклинковое оружие (сабли и палаши). Несколько реже встречались боевые топоры и тяжелые палицы с шарообразной металлической частью. Зато широчайшее распространение как среди состоятельных, так и среди рядовых воинов имело короткоклинковое оружие (кинжалы и ножи). Отдельные всадники применяли экзотическое для региона комбинированное оружие восточноазиатского образца, а также пальмы (однолезвийный клинок на длинном древке) сибирского или восточноазиатского производства. В позднесредневековой Халхе использовались У-образные налучи, выполненные в рамках «тибето-монгольской», «центральноазиатской», «предбайкальской» и «забайкальской» оформительских традиций.

В Северной Монголии наряду с трапециевидными использовались так называемые «горбатые» колчаны, характерные для комплекса вооружения бурятских воинов (рис. 54-55). «Горбатые» колчаны выделяются ярко выраженным вытянутым днищем («горбом») и высокой узкой (или, напротив, массивной) «спинкой». У «хаадаков» предбайкальских бурят днище, как правило, имело заостренную, а у их забайкальских сородичей — уплощенную форму. Местная военно-культурная традиция требовала богато украшать лицевую поверхность

колчанов металлическими пластинами различных форм и размеров.

Длиннодревковое оружие Халхи и Северной Монголии представлено длинными кавалерийскими копьями и пиками. Их наконечники снабжались длинным (обычно ромбическим в сечении) пером удлиненно-ромбической или удлиненно-треугольной формы. Копья и пики знатных восточномонгольских воинов украшались волосяными бунчуками и разноцветными флажками с «языками». Для подвешивания бунчуков к втулкам наконечников копий и пик приклепывались специальные железные петли. Излюбленным цветом знамен халхаской знати (включая Алтын-ханов) был черный. Среди воинов «цааган цэрэг» и панцирников были распространены слабоизогнутые сабли и палаши с дисковидными гардами с бортиком, округлыми или трапециевидными навершиями. Некоторые всадники использовали боевые топоры и палицы с округлой ударной частью. Короткоклинковое оружие (кинжалы и ножи) в период позднего Средневековья и Нового времени получило широчайшее распространение среди кочевников Центральной Азии и стало важным элементом повседневного и праздничного костюма номадов. В Южной Сибири и Центральной Азии XV-XVIII вв. большой популярностью пользовались черешковые двухлезвийные кинжалы и особенно ножи с прямой «спинкой» и изогнутым лезвием с одним или двумя «плечиками», деревянной или костяной рукоятью, обмотанной кожаным ремешком.

По данным русских служилых людей, монгольские воины XVII в. использовали такой оригинальный тип оружия, как пальмы. Центральноазиатские всадники XVII-XVIII вв. могли применять пальмы двух разновидностей — «сибирские» и «восточноазиатские». Обе разновидности, как правило, использовались для нанесения рубящих ударов, хотя перо «сибирских» и некоторых типов «восточноазиатских» пальм позволяло наносить и колющие удары.

Конные латники применяли несколько типов панцирей: ламеллярные, пластинчато-нашивные, «мягкие» (панцири, целиком изготовленные из мягких органических материалов — ваты, войлока, мягкой кожи и т. д.). Из металлических доспехов численно преобладали панцири с пластинчато-нашивной системой бронирования. В абсолютном исчислении самым распространенным типом корпусного защитного вооружения были «мягкие» панцири типа «олбок» и «дэгэлэй». По составу комплекса защитного вооружения панцирные всадники делились на три основные категории: «лубчитэн» («латники»), «дуулгат» («шлемоносцы»), «дэгэлэй хуягт» (воины, облаченные в облегченный панцирь «без рукавов и подола» или «мягкий» стеганый доспех).

Основными типами покроя панцирей были «кираса» с боковым разрезом (могла снабжаться отдельно надевавшимися наплечниками и набедренниками), «халат» с осевым разрезом, наплечниками или короткими рукавами. Реже использовался безрукавный панцирный «жилет» со сплошным осевым разрезом. Высшая феодальная знать Северной Монголии использовала кольчуги и «пансыри» русского производства, полученные в качестве дипломатических подарков или захваченные как военные трофеи. Кольчуга могла носиться не только самостоятельно, но и поддеваться под пластинчатый панцирь. Южносибирские оружейники, опираясь на опыт своих среднеазиатских и, возможно, русских коллег, начинают изготавливать доспехи с кольчато-пластинчатой структурой бронирования. Панцири, скроенные в виде жилета с осевым разрезом, составленные из оригинальных ребристых пластин прямоугольной, квадратной и трапециевидной формы, соединенных кольчужными кольцами, носили знатные северомонгольские воины. Руки панцирников защищали наплечники и нарукавники различных структур бронирования, а также пришедшие с запада створчатые наручи. Голову латников прикрывали клепаные шлемы сфероконической и полусферической формы, снабженные навершиями с трубками-втулками для плюмажа. Стыки пластин нередко прикрывались специальными накладками с ребрами жесткости, и вырезным («зубчатым») краем. Обручи шлемов обычно изготовлялись из цельных полос металла, в редких случаях они были составными. В отличие от составных тибетских обручей, формировавшихся из ламеллярных пластин, гетерогенные обручи халхаских шлемов состояли из склепанных сегментов, напоминающих пластины пластинчато-нашивных панцирей. Лица воинов от рубящих ударов предохраняли одночастные или «коробчатые» козырьки, шею и горло — пластинчато-нашивные, ламеллярные, кожаные и матерчатые бармицы. В качестве плюмажей широко употреб-

ЛИЛИСЬ султаны из конского волоса (иногда в комбинации с узкими вертикальными флажками — «яловцами»), кисти из узких цветных лент и птичьи перья.

Степная аристократия и ее ближайшее окружение выезжали на бой на конях, покрытых панцирными попонами.

В отличие от западных монголов, которые активно применяли ружья уже в XVII в., распространение огнестрельного оружия в Халхе шло очень медленными темпами. Характерно в этой связи, что в текстах так называемых «Восемнадцати степных законов», принятых на съездах халхаской знати в конце XVI — первой трети XVII в., в ряду предметов вооружения монгольских воинов, за кражу которых взыскивался штраф, огнестрельное оружие вообще не упомянуто (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 56). На отсутствие у монголов огнестрельного оружия в этот период указывали и русские служилые люди (МРМО, 1959, с. 286). Зная интерес монгольских правителей к огнестрельному оружию, русские власти иногда включали в состав посольских даров ружья и боеприпасы к ним. Так, уже вскоре после первых контактов с Алтын-ханом Шолоем Убаши-хунтайджи ему были присланы две пищали русского производства. В последующие десятилетия некоторые северомонгольские феодалы, добивавшиеся благосклонности Москвы, также получали в качестве подарков пищали и ружейную амуницию. Однако, несмотря на многочисленные просьбы, российские власти так и не отправили в монгольские степи специалистов, способных организовать производство огнестрельного оружия «в полевых условиях».

Переданные в качестве подарков или захваченные как трофеи русские ружья применялись северомонгольскими номадами в сражениях со своими кочевыми соседями.

Поставки ручного огнестрельного оружия и, возможно, малокалиберной артиллерии цинского производства в войска Халхи начались в 80-х гг. XVII в. Цинская империя сумела вовлечь ряд халхаских феодалов в военные действия против русских в районе Забайкалья. Однако общий объем поставок был невелик. В этот период цинские чиновники не были заинтересованы в усилении своих пока еще самостоятельных северных соседей, поэтому посылаемое халхасцам огнестрельное оружие должно было повысить боеспособность монгольских частей, действовавших против русских, но ни в коем случае не изменить сложившийся баланс вооруженных сил в регионе. Неудивительно, что к отправляемой артиллерии были приписаны китайские специалисты, а большинство монгольских воинов продолжали использовать холодное оружие.

На протяжении всего XVII в. ружья в Халхе были востребованным, но малораспространенным видом оружия дистанционного боя. Минский Китай, впоследствии Цинская империя и Россия, объявившие мораторий на продажу огнестрельного оружия в монгольские государственные образования, сумели не допустить перевооружения халхаских армий. Ограниченные поставки огнестрельного оружия цинского производства были редки и четко увязаны с участием монгольских отрядов в военных предприятиях маньчжурской династии. В результате даже в конце XVII в. ружьями были вооружены лишь немногие халхаские воины. В то время как русские, цинские и джунгарские армии активно перевооружались и разрабатывали новые тактические схемы ведения боя, военное искусство монголов Халхи было искусственно законсервировано практически на уровне развитого Средневековья. Огнестрельное оружие в этом регионе так и не получило преобладающего значения и оставалось одним из многих способов ведения боя. Стагнация военного искусства, вызванная, в том числе, нехваткой огнестрельного оружия, привела к военному разгрому Халхи в ходе Джунгаро-халхаской войны 1688-1690 гг. и потере государственной независимости Восточной Монголии.

Тактика

Важной (обычно начальной) фазой ведения боя в войсках Алтын-ханов (и других халхаских правителей) была лучная перестрелка. Томский воевода В. В. Волконский сообщал в 1609 г. об экономическом и военном потенциале хотогойского правителя: «...царь кочевной, кочует на лошадях и на верблюдах; людей у нево тысяч за 200, а бой у них лушной» (МРМО, 1959, с. 31).

Ударной силой халхаских армий были отряды панцирной копейной конницы, способной вести как дистанционный, так и ближний бой. Главным оружием всадников, входивших в состав «цааган цэ-

рэг», воинов категорий «лубчитен», «дуулгат», «дэгэлэй хуягт» были копья, луки, сабли, палаши и топоры. Конные латники широко применяли защитное вооружение: шлемы, панцири, дополнительные защитные детали. Состоятельные воины покрывали броней и своих боевых коней. На основании расспросов хоготойских послов и сведений, получаемых из Сибири, русские служилые люди составили описание комплекса вооружения и тактики ударных войск северомонгольского Алтын-хана первой половины XVII в.: «А бой у мугальских алтыновых людей луки, копья, сабли, а вогненного бою нет. А ездят на бой против недругов своих в збруях, в куяках, и в шеломах, и в наручах и в наколенках, а у иных де у лутчих людей и лощеди бывают на боех в железных доспесех и приправах». Упоминание о конских доспехах у «мугальских» «лучих людей» дает основание предположить, что в первых рядах наступающих отрядов халхаской панцирной кавалерии находились тяжеловооруженные всадники («лучие люди»), сидевшие на покрытых «доспесями и приправами» конях. Однако существование сколько-нибудь крупных самостоятельных отрядов, целиком состоявших из тяжеловооруженных всадников, маловероятно. Согласно данным центральноазиатского эпоса, не только князья и их окружение, но и отборные «баторы» (т. е. все, к кому применим термин «лучие люди») «перед вступлением в бой... становятся во главе отдельных отрядов ополчения и ведут их в атаку».

Основным тактическим приемом халхаских войск был принцип «трех напусков», т. е. трех последовательно сменяющихся фаз боя: атака конных лучников («бой лучной»), конных копейщиков («бой копейной»), рукопашная схватка с применением клинкового оружия («бой сабельной»). Однако такая тактическая схема была достаточно гибкой. По необходимости фазы боя могли замещать друг друга. Например, в ходе сражения А. Просовецкого с кыргызскими и хотогойскими войсками сначала «куяшники мугальские и киргизские люди первым напуском служилых людей копьем смешивать стали», после чего последовала ожесточенная рукопашная схватка, в ходе которой русские служилые люди, «не отступя, до тех мест, пока мугальских людей сперли, Турай-табуна убили и мугальских людей многих побили и поранили и в напусках киргизского лучшего князца сына Ишеева убили и многих киргиз побили и поранили». Только после неудачной попытки конных латников сломить сопротивление служилых людей хотогойцы и енисейские кыргызы стали засыпать русский отряд стрелами, раз за разом повторяя атаки.

Оперируя на больших открытых пространствах, монгольские полководцы широко использовали тактическое маневрирование. В Халхе и государстве Алтын-ханов, впрочем, как и в других частях Монголии, широко использовались обходные маневры. Этому благоприятствовали природно-климатические условия региона. Излюбленным приемом монгольских полководцев было одновременное нападение на противника с фронта и тыла. Атака с фронта сковывала силы врага, а неожиданная атака сзади вносила сумятицу в его ряды и нередко приводила к полному разгрому неприятельской армии. В начале 20-х гг. XVII в. данный тактический прием был с успехом применен северомонгольским Алтын-ханом, нанесшим поражение западномонгольским войскам Харахулы-тайши: «...ходил де колмацкой тайша Каракул к Алтын-царю войною, а людей с ним ходило 4 ООО и улус де у Алтын-царя повоевал, и полону взял много, и взяв де, пошел назад. И Алтын-царь послал на переем (перехват. — *Авт.)* к тому Каракуле-тайше 4 ООО людей, а 3 ООО ззаде, и у тайши де Каракулы людей всех побил, только де тайша Каракула ушел с сыном» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 57).

Некогда многочисленный парк осадной техники, приносивший успех монгольским войскам во времена Великих завоеваний и Юаньской империи, к XVII в. существенно сократился. При штурме русских острожков в Забайкалье в 80-х гг. XVII в. халхаские лучники отдавали предпочтение «стрелам огненным», с помощью которых они пытались поджечь деревянные строения русских.

Халхаские войска рассматриваемого периода отличались слабой дисциплиной. Входе атак отдельные воины вырывались вперед, а другие, напротив, сдерживали коней. Поэтому выбранный полководцами строй нередко рассыпался еще до соприкосновения с противником. Основная масса мобилизованных на войну ополченцев не выдерживала продолжительного ближнего боя. Действия отдельных отрядов нередко были несогласованны друг с другом. В то время как одни атаковали про-

тивника, другие продолжали стоять на месте и уклонялись от боя.

За бегство с поля боя, согласно халхаскому законодательству конца XVI — начала XVII в., с «человека ханского происхождения», «борджигинов», «табунангов», «шигэчинов» должны были взять «тысячу лошадей, сто верблюдов и сто панцирей». «Если сбежит простолюдин с панцирем, взять у него панцирь и четыре лошади. Если без панциря — взять две лошади». Комментируя данные положения халхаского законодательства, А. Д. Насилов назвал их «строгими» (Восемнадцать степных законов, 2002, с. 97). Однако все познается в сравнении. За те же проступки в южномонгольских войсках Цинской империи для простолюдинов были приняты смертная казнь и полная конфискация имущества, а у феодалов полагалось отбирать значительную часть или даже всех подданных, а также в ряде случаев разжаловать в простолюдины (Цаджин бичиг, 1998, с. 68). При этом если имперские власти могли добиться исполнения своих угроз, то применить на практике (особенно к крупным феодалам) даже более мягкие к дезертирам положения халхаского законодательства было гораздо сложнее. Неудивительно, что во время военных кампаний в халхаских армиях было значительное количество дезертиров, а в ходе сражений халхаская конница, в случае неудачи, достаточно быстро начинала отступать. Характерно в этой связи, что, наказывая штрафом бежавших с поля боя рядовых воинов, халхаские аристократы ввели смертную казнь и конфискацию имущества за «оставление хана в бою». Воин, спасший человека ханского происхождения в ходе битвы, награждался титулом «дархан» и освобождался от налогов. Таким образом, в халхаских законодательных актах официально закреплялась норма, согласно которой жизнь крупного феодала ценилась выше, чем победа в том или ином сражении.

Для повышения устойчивости собственной конницы в бою халхаские полководцы во второй половине XVII в. стали все чаще применять полевые укрепления. Самой распространенной их разновидностью стали колья или копья, снабженные двумя наконечниками. Ю. Крижанич называет их «обборинцами». Судя по косвенным данным, из таких «обборинцев» составлялись легкие полевые укрепления, напоминавшие европейские и азиатские «рогатки». По свидетельству Ю. Крижанича, «монголы носят на коне пищаль, лук, колчан, копье и саблю и такие вот обборинцы, окованные с обоих концов, и везде на привалах ими защищаются». Возможно, что подобные «обборинцы» защищали халхаские позиции не только на привалах, но и в ходе полевых сражений, когда они могли служить достаточно надежным прикрытием от вражеской конницы.

В ходе оборонительных боев халхаские полководцы создавали и более основательные укрепления: насыпали земляные валы и копали рвы. Иногда такими оборонительными сооружениями снабжались и монгольские воинские лагеря. Так, в сражении у оз. Ологой в 1688 г. халхасцами был «зделан земляной вал и копан ров». Впрочем, это не помешало спешенным джунгарский стрелкам, вооруженным русскими и среднеазиатскими ружьями, с успехом вести огонь по восточным монголам под прикрытием их же собственного вала (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 207).

Убедившись в эффективности русских «острожков» против степной конницы, хотогойские Алтын-ханы стали предпринимать активные действия по строительству на подконтрольной им территории укрепленных «городков». Хотогойские феодалы рассчитывали, что помощь им в этом предприятии окажут русские служилые люди. Алтын-хан Лоджан в 1666 г. настойчиво просил сибирские власти построить ему «город» на р. Упсе, куда он имел бы возможность «прибегать на время летним времянем от неприятелей». Однако сибирские воеводы опасались «Золотого хана» едва ли не больше, чем он сам своих халхаских и джунгарских противников, и помогать ему не спешили. Тогда Алтын-хан Лоджан стал самостоятельно строить крепость на р. Сизой, в месте впадения ее в Енисей. Однако эти запоздалые действия уже не могли изменить ход Джунгаро-хотогойской войны. Армия Сенге-хунтайджи, совершив стремительный бросок, нанесла страшный удар по хотогойским кочевьям. Алтын-хан Лоджан вместе с сестрой, детьми и двумя тысячами подданных попал в плен. Свирепый джунгарский правитель «самому Лоджану царю Сенга велел руку правую по завить отсечь и собачья мяса Лоджану велел в рот класть» (Шастина, 1949, с. 393).

Несмотря на некоторое эволюционное развитие на протяжении XVII в., военное дело номадов Восточной Монголии модернизировалось исключи-

тельно медленно. Политическая раздробленность, особенности геополитического положения (отсутствие доступа к центрам производства огнестрельного оружия), слабое экономическое развитие предопределили консервацию военного искусства халхасцев. В то время как в Джунгарии активно внедрялось огнестрельное оружие и усваивались новые тактические схемы, а войска Южной Монголии перевооружались и переобучались с помощью цинских военных специалистов, армии Халхи продолжали применять вооружение и тактические приемы, характерные для периода развитого Средневековья. Однако если во времена Чингиз-хана и его преемников данный оружейный комплекс и тактика (вкупе с жесткой дисциплиной) позволяли побеждать даже более многочисленного и хорошо вооруженного противника, то для XVII в. такая модель ведения боя была уже явным анахронизмом.

Первым «тревожным звонком» для восточномонгольских военачальников стало поражение, нанесенное халхаским армиям маньчжурскими и южномонгольскими войсками в 1646 г. Кризис халхаской армии подтвердили сражения с русскими служилыми людьми в Забайкалье в 1685 и 1688 гг. Сокрушительный разгром восточных монголов в ходе Джунгаро-халхаской войны 1688-1689 гг. в полной мере продемонстрировал современникам новую аксиому: традиционный набор вооружения и тактических уловок степняков уже не может обеспечить победу войскам кочевников в сражениях с армией, широко использующей огнестрельное оружие и новые тактические приемы.

Вооружение и тактика кочевников Восточной Монголии после включения Халхи в состав Пинской империи (коней XVII — XVIII в.)

Включение Халхи в состав Цинской империи привело не только к важным изменениям в сфере административного управления и социально-экономического развития «семи северных хошунов», но и к серьезной перестройке вооруженных сил Восточной Монголии. Особое значение в проведении подобных преобразований имел тот факт, что вплоть до конца 50-х гг. XVIII в. Халха оставалась «прифронтовой» территорией, основным плацдармом цинской армии для наступления на Джунгарию и одновременно главным объектом джунгарской экспансии на востоке. В период первой (1690-1697) и третьей (1729-1740) Джунгаро-цинских войн степи Халхи являлись основным театром боевых действий; в период второй (1715-1723), четвертой войны (1755), а также восстания Амурсаны (1755-1757) Халха являлась основной базой имперских вооруженных сил. Неудивительно, что в этих условиях имперское командование придавало вопросу реформирования восточномонгольских сил первостепенное значение.

Участие цинских властей в перевооружении и переобучении халхаских войск фиксируется уже в 80-х гг. XVII в. Халхаские войска, выступившие против российских острогов в Забайкалье, были снабжены ружьями и малокалиберными пушками восточноазиатского производства. Однако использовать их с максимальным эффектом халхасцы не смогли, так как вместе с оружием не были присланы цинские инструкторы и военные специалисты. В. А. Александров, ссылаясь на рассказ посещавших Пекин «торговых бухарцев», отмечает, что примерно в это же время «недалеко от Пекина... маньчжурские инструкторы обучали лучному бою какой-то пятитысячный отряд монголов». По мнению В. А. Александрова, это были войска халхаских феодалов, которые «согласились... послать в Китай свои войска для обучения» (Александров, 1969, с. 141).

В конце XVII в. цинские власти начинают массовые поставки оружия в халхаские войска. 8 апреля 1690 г. имперский чиновник Лифаньюань представил императору Канси доклад, в котором излагалась просьба халхаских феодалов разрешить продажу оружия восточным монголам, ведшим ожесточенную борьбу с джунгарский Галданом Бошокту-ханом. В докладе сообщалось, что «Цзикэба-тайджи и некоторые другие (тайджи) обратились с просьбой о продаже оружия, чтобы противостоять Галдану». Канси принял решение «удовлетворить» данную просьбу (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 192).

Судя по действиям имперских и местных властей в конце XVII — первой половине XVIII в., на основании анализа ситуации цинскими чиновниками был выделен ряд проблем, связанных с комплексом вооружения, тактикой, подготовкой восточномонгольских войск, решив которые, можно было придать халхаским войскам необходимую боеспособность.

В целом были выделены три основные проблемы:

1. Слабое оснащение халхаских войск предметами защитного вооружения, огнестрельным и клинковым оружием;

2. Слабая тактическая подготовка;

3. Низкий уровень дисциплины.

Имперскими властями было принято решение использовать при ликвидации данных проблем уже апробированный и хорошо зарекомендовавший себя южномонгольский опыт. Для этого цинскими военными чиновниками были обобщены указы, регламентирующие военное устройство Южной Монголии. Данные разделы были включены в «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение»), окончательный вариант которого вышел в свет в 1696 г. (т. е. уже через три года после включения Халхи в состав Цинской империи). Таким образом, на халхасцев были распространены те нормы, которые уже более 50 лет эффективно действовали в Южной Монголии. Халхаские воины были разделены на «сумоны», «дзаланы» и «хошуны». Вводилась система клеймения оружия, ежегодных военных смотров, персональной ответственности командиров подразделений за поведение своих воинов в походе и бою. В войсках внедрялись суровая дисциплина, жесткие наказания за бегство с поля боя, дезертирство, неисполнение приказов офицеров и т. д.

Не менее серьезные нововведения были связаны с обеспечением воинов необходимым вооружением. Интересно, что в этом процессе живейшее участие приняли местные власти. В первой трети XVIII в. вышел ряд постановлений, призванных ускорить процесс перевооружения халхаской армии. В отличие от джунгар, которые при перевооружении своей армии сделали ставку на развитие государственных предприятий, халхаские нойоны довели до логического завершения принципы, зафиксированные в «Их-Цааз» еще в 1640 г. Тогда, как известно, каждые две кибитки кочевников из сорока должны были «делать латы». В постановлении от 1718 г. каждому военнообязанному халхасцу вменялось в обязанность в течение двух лет (к 1720 г.) изготовить или приобрести для себя панцирь. Таким образом, обязанность иметь собственный панцирь была вменена каждому (!) военнообязанному кочевнику Халхи и закреплена постановлениями, включенными в сборник «Халха Джирум». Контроль за исполнением данного поручения был возложен на местных чиновников и феодалов, которым также вменялось в обязанность приобретать панцири для своих подчиненных. Даже неполное внедрение данной нормы должно было резко увеличить численность панцирников в халхаских войсках. К сожалению, в нашем распоряжении нет точных данных, позволяющих оценить уровень оснащенности восточномонгольских войск защитным вооружением начиная с 1720 г. Учитывая известный дефицит железа в монгольской степи, можно предположить, что подавляющее число изготовленных рядовыми аратами панцирей было выполнено из органических материалов. Значительные объемы металлического защитного вооружения в халхаские армии в первой половине XVIII в. поступали с территории Цинского Китая.

Основным типом покроя пластинчато-нашивных панцирей становится безрукавный панцирный «жилет» со сплошным осевым разрезом восточноазиатского образца. К «жилетам» знатных воинов иногда прикрепляются подбитые пластинами длинные (до запястья или костяшек) панцирные рукава. Известное распространение получают и короткие «кафтаны», отличающиеся от «жилетов» наличием коротких (до середины предплечья или локтя) рукавов. Судя по материалам монгольской иконографии XVIII в., такие панцири носились в комплекте с листовидными наплечниками, панцирными «передниками», пластинчато-нашивными, ламеллярными или комбинированными набедренниками типа «монгольская юбка». Наряду с «жилетами» монгольские панцирники использовали традиционные для региона панцири покроев «кираса» с боковым разрезом и «халат» с наплечниками или короткими рукавами.

Широкое распространение среди халхаских воинов получают цилиндроконические шлемы цинского производства, снабженные трехчастными пластинчато-нашивными бармицами. Местные мастера, приспосабливаясь к общеимперской моде, начинают выпускать изящные цилиндроконические шлемы, снабженные воронкообразной тульей, полусферическим навершием, «коробчатым» козырьком и пластинчато-нашивной бармицей (рис. 184).

Некоторое представление о комплексе защитного вооружения халхаских феодалов середины XVIII в. дает портрет цинского полководца монгольского происхождения Цэвдэнджава (1705-1782),

демонстрирующий процесс замещения собственно монгольского доспеха его «имперским» (маньчжуро-монголо-китайским) аналогом. Комплекс защитного вооружения Цэвдэнджава в целом соответствует общеимперской военной моде (рис. 129, *2)*. Он включает в себя цилиндроконический шлем с трехчастной бармицей, пластинчато-нашивной «жилет» со сплошным осевым и короткими боковыми разрезами, панцирными рукавами, наплечниками, набедренниками, передником и подмышечниками.

Проблему, связанную со слабым распространением длинноклинкового оружия среди халхаских воинов, имперские и местные власти попытались решить тем же способом, что и проблему нехватки защитного вооружения. В уложении 1718 г. фиксировалась норма, согласно которой каждый подлежавший мобилизации воин должен был к 1720 г. приобрести себе саблю (Халха Джирум, 1965, с. 85-86).

Маловероятно, чтобы собственно халхаские дарханы могли выполнить столь массовый заказ. По всей видимости, основная масса сабель и палашей, которые приобретались восточномонгольскими воинами, была ввезена в Халху с территории Маньчжурии и Китая.

В XVII—XVIII вв. в Монголии традиционные ножи с прямой «спинкой» и изогнутым лезвием, с одним или двумя «плечиками» сильно потеснили известные еще с периода развитого Средневековья ножи «хэт хутга». Последние имели прямой клинок (15-30 см) со срезанным под углом острием, длинную рукоять с металлическим навершием и трапециевидную обойму, разделявшую клинок и рукоять (рис. 91). Под влиянием восточноазиатской традиции богато украшенные ножны «хэт хутга» стали снабжаться отверстиями для палочек для еды («савхи»). В XVIII-XIX вв. «хэт хутга» получили широчайшее распространение среди монгольских кочевников.

Изменения затронули даже знаменитый монгольский саадак. В рассматриваемый период среди халхасцев стали распространяться прямоугольные колчаны с плоским или слабовыпуклым днищем и практически не выделенными «ушками» под крепежные пластины. Этот процесс был связан с влиянием цинской военно-культурной традиции. По мере того как имперское влияние в Халхе усиливалось, колчаны «цинского» типа получали все большее распространение сначала среди степной знати и ее окружения, а затем и среди рядовых кочевников. В меньшей степени восточноазиатское влияние прослеживается в оформлении халхаских налучей. В основном оно фиксируется по традиционным металлическим кольцам в виде полумесяца со звездами у крепежной пластины.

После включения Халхи в состав Цинской империи в конце XVII в. постепенно возрастает значение огнестрельного оружия, которое начинает ввозиться в Халху с территории Китая и Маньчжурии. В уложении «Халха Джирум» ружейные боеприпасы упоминаются наряду с копьями, саблями и саадаками.

Ружья, использовавшиеся монгольскими кочевниками XVIII-XIX вв., хранятся в музейных фондах КНР, МНР и в частных оружейных коллекциях. Судя по особенностям конструкции и оформления, большинство из них были изготовлены китайскими и маньчжурскими оружейниками. Обычно ружья имеют фитильный замок, длинный расширяющийся у дула ствол, узкий слабоизогнутый и дополнительно сужающийся к концу приклад, изогнутые деревянные сошки. Некоторое распространение имели также фитильные ружья, снабженные резко отогнутой вниз «пистолетной рукоятью» (прикладом). При ведении стрельбы приклады таких ружей не прижимались к плечу, а удерживались на весу. Сила отдачи, за счет небольшого калибра, была относительно не велика.

Быстрые и энергичные действия цинского правительства достаточно скоро стали давать плоды. Боеспособность реформируемой халхаской армии росла на глазах. Халхаские военачальники учились взаимодействовать с цинской и южномонгольской кавалерией, китайскими артиллеристами и пехотинцами. Если в ходе I Джунгаро-цинской войны халхаские всадники нередко нарушали строй и, не выдержав огня противника, бежали с поля боя, увлекая за собой южномонгольские подразделения, то уже в ходе II Джунгаро-цинской войны (1715—1723) они действовали гораздо более уверенно. Цинское командование поручало своим восточномонгольским вассалам вопросы дальней разведки, обеспечение тылов цинской армии. Халхаские сумоны совершали длительные переходы и наносили неожиданные удары по расположениям джунгарских войск. Главным испытанием для халхаских вооруженных сил стали события III Джунгаро-цин-

ской войны (1729-1740). В 1732 г. джунгарские войска, активно использующие ручное огнестрельное оружие и созданную И. Г. Ренатом малокалиберную артиллерию, вторглись в Халху и стали стремительно продвигаться в центральные районы страны. Джунгарский полководец Церен Дондоба нанес поражение расквартированным в западных районах Халхи цинским войскам и стремительным ударом овладел Эрдэни-Цзу. Первоначально, как и во времена вторжения Галдана Бошокту-хана, халхаских феодалов охватила паника, некоторые из них поспешили принести присягу верности Галдан-Церену. Однако в этот раз халхаские полководцы сумели достаточно быстро навести порядок в войсках. Умело маневрируя и опираясь на маньчжурские, южномонгольские и китайские части, они локализовали джунгарские войска в Центральной Халхе. В ряде кровопролитных сражений маньчжуро-монголо-китайские армии нанесли поражение джунгарский войскам Церен Дондоба. Потери джунгар исчислялись тысячами воинов. Из десяти обученных И. Г. Ренатом канониров трое были убиты, двое ранены, а трое взяты в плен. В число военных трофеев цинской армии попали пушка и три мортиры.

Основная тяжесть боевых действий в Халхе в 1732 г. легла на плечи восточномонгольских войск. Уступая джунгарам в вооружении, они тем не менее достаточно эффективно действовали на поле сражения. Отражение джунгарской агрессии в 1732 г. во многом является заслугой именно халхаских хошунов, что свидетельствует о том, что проведенные цинскими властями в первой трети столетия военные преобразования дали ожидаемые результаты. Отмечая заслуги халхаских военачальников, имперские власти наградили князей Цэрэна и Данзандоржа 10 тыс. лан. Кроме того, феодал Цэбэкжав был премирован 5 тыс. лан «за участие в военных приготовлениях» (Чимитдоржиев, 2002, с. 94).

В ходе IV Джунгаро-цинской войны (1755) халхаские хошуны выставили 10-тысячную армию, которая приняла участие во вторжении и оккупации Джунгарии. В последующее столетия халхаские хошуны продолжали поставлять своих воинов в состав цинской армии.

На протяжении XVII в. халхаские вооруженные силы поступательно эволюционировали по линии развития, заданной монгольской военной теорией XV-XVI вв. Политическая раздробленность, особенности геополитического положения (отсутствие доступа к центрам производства огнестрельного оружия), слабое экономическое развитие предопределили консервацию военного искусства халхасцев. Поражения на поле боя в ходе Джунгаро-халхаской войны 1688—1689 гг. в конечном счете привели к потере национальной независимости Халхи.

Уже вскоре после вхождения Восточной Монголии в состав Цинской империи маньчжурские и монгольские военные чиновники начали активно реформировать вооруженные силы Халхи. За образец были взяты армии 49 хошунов Южной Монголии. В короткие сроки была проведена реформа структуры и системы управления вооруженными силами, приведшая к созданию в Халхе «хошунной системы».

Согласно «Цааджин бичиг» халхаские воины были разделены на «сумоны», «дзаланы» и «хошуны». Была существенно ужесточена дисциплина в войсках. Упорядочена система клеймения оружия. Халхасцы, так же как и воины 49 хошунов, должны были участвовать в военных смотрах. Изготовление оружия ближнего боя, ружейной амуниции и защитного вооружения вменялось в обязанность рядовым ополченцам-аратам, халхаским феодалам и чиновникам. Для быстрейшего переоснащения армии огнестрельное и клинковое оружие, защитное вооружение начали в массовом порядке ввозиться в Восточную Монголию с территории Маньчжурии и Китая. В перспективе это привело к существенному росту влияния восточноазиатского оружейного комплекса на традиционный комплекс вооружения халхаских воинов.

Маловероятно, что за первые десятилетия цинским военным чиновникам удалось довести халхаские войска до уровня южномонгольских вооруженных сил. Однако прогресс был заметен даже для постороннего наблюдателя. Широкое распространение среди халхаских воинов получили защитное вооружение (в основном «мягкие» доспехи и пластинчато-нашивные панцири цинского производства), клинковое оружие. Более активно стало использоваться огнестрельное оружие. Повысились уровень дисциплины и управляемость войсками. Все эти факторы сказались во время III Джунгаро-цинской войны (1729-1740), в ходе которой активные действия халхаского ополчения сыграли важ-

ную роль в изгнании из страны джунгарской армии вторжения.

Однако при всех позитивных моментах нельзя не отметить, что военное дело халхасцев в конце XVII — XVIII в. (как и военное дело их южных соседей — кочевников 49 хошунов) развивалось односторонне. Цинские власти «лепили» из халхаских войск узкоспециализированные части, способные вести маневренную войну в условиях Центральной Азии, однако не имеющие ресурсов для самостоятельного ведения полномасштабных боевых действий, без поддержки со стороны маньчжурских и китайских войск. Судя по данным письменных источников, в конце XVII — XVIII в. в Южной Монголии и Халхе так и не было налажено собственное масштабное ружейное производство. Значительное количество ружей, использовавшихся халхаскими воинами в этот период, являлось импортом из ремесленных центров Восточной Азии. Большинство ружей, поступавших из-за границы, были изготовлены в мастерских Цинской империи, которая контролировала как объем поставок, так и общий уровень вооружения и оснащения войск Внутренней и Внешней Монголии.

Не получила сколько-нибудь значительного развития в Монголии и артиллерия. В конце XVII — XIX в. монгольская конница неоднократно (и нередко достаточно эффективно) взаимодействовала с артиллерийскими подразделениями. Но нам не известно ни одного случая, когда последние были укомплектованы исключительно монгольскими канонирами и действовали под командованием монгольских офицеров. В многонациональной армии Цинской империи артиллерийскую прислугу набирали почти исключительно из числа подготовленных маньчжурских и китайских солдат.

После поставок холодного и огнестрельного оружия в XVIII — первой половине XIX в. цинское правительство, по-видимому, прекратило сколько-нибудь массовые поставки современного оружия в Монголию. По сообщению ротмистра Заамурского округа Барановского в начале XX в., «из положенных по штату 150 всадников вооружение имеют только 50, на которых оружие было прислано в старину Китаем. Оружие огнестрельное негодное, старинных образцов» (Материалы по Маньчжурии и Монголии, 1906, с. 22).

Проведенные цинскими властями военные преобразования конца XVII — первой половины XVIII в. теснейшим образом связали военное дело Халхи с имперскими вооруженными силами. По мере того как «восьмизнаменная армия» теряла боеспособность, снижался и общий уровень боевой подготовки халхаских войск. При создании в начале XX в. монгольской армии Нового времени в ее основу были положены уже новые принципы.

10.3. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Западной Монголии (Джунгарии) во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

История Джунгарского ханства (1635-1758), нередко именуемого современными исследователями «Последней кочевой империей», представляет собой интереснейший исторический феномен — успешную попытку модернизации традиционного кочевого государства в ответ на исторический вызов со стороны оседло-земледельческих держав. Созданная джунгарскими хунтайджи военная система оказалась удивительно эффективной и позволила джунгарам не только отбивать агрессию со стороны оседлых соседей, но и перейти в стратегическое наступление.

Племена западных монголов (ойратов) взошли на большую политическую сцену Центральной Азии как союзники главного противника Чингиз-хана — его побратима Джамухи. После поражения последнего ойраты были включены в состав левого крыла («дзюн гар») Великой Монголии (отсюда иное название этого народа — джунгары). Вместе с другими монгольскими племенами ойраты приняли участие в военных предприятиях Чингизидов. Ойратские воины сражались в Иране, Закавказье и Сирии. Положение ойратов в империи было противоречивым. С одной стороны, монгольские правители брали в жены дочерей ойратских феодалов, с другой — чингизидская знать относилась к своим западным собратьям с известным подозрением. Однако после крушения Юаньской империи (1368 г.), изгнания монголов из Китая и начала междоусобных войн между Чингизидами Восточной Монголии ойратские князья (тайши) стали стремительно выдвигаться на первые роли. Вершины могущества западные монголы добились в период правления

Эсен-тайши (1439-1455). При нем вся Монголия от Хами до Ляодуна оказалась под ойратским контролем. В 1449 г. ойрато-монгольская армия наголову разгромила китайские войска, причем в плен (редкий случай в китайской истории) попал сам император. Смерть Эсена положила начало длительной полосе междоусобных войн в Ойратии, что предопределило сокращение влияния западных монголов в Центральной Азии. На протяжении второй половины XV — XVI в. противники нанесли ойратам ряд чувствительных ударов. Главная опасность грозила ойратам с востока, откуда уходили в набег тумены Чингизидов. Чтобы спасти своих сородичей от смерти и неволи, тайши откочевывали все дальше и дальше на запад. Однако степи Дешт-и-Кипчака были давно заселены тюркскими племенами, а Сибирь активно осваивалась русскими. Ни те ни другие не собирались уступать свою территорию пришельцам с востока. Кольцо замкнулось. Тем не менее часть ойратских племен (торгоуты, отдельные роды дербетов и хошоутов, всего около 50 тыс. кибиток) решила пробиваться на запад. Пройдя степями Южной Сибири, ойраты-торгоуты нанесли страшный удар по кочевьям давних врагов Российского государства — ногайцев, сбили и смяли ногайские кочевья и отбросили их за Волгу. На протяжении последующих ста лет обосновавшиеся в Поволжье ойраты-торгоуты (волжские калмыки) стали незаменимыми союзниками Российского государства в борьбе с татарами Крымского ханства. В 30-х гг. XVII в. Западную Монголию покинули ойраты-хошоуты, которые переселились в Тибет. Их предводитель Торо-байху (более известный как Гуши-хан) вступился за представителей буддийской школы Гелугпа («желтошапочников»), которые вели военные действия против своих многочисленных религиозных и политических противников. Вмешательство Гуши-хана предопределило победу «желтошапочников», которые наградили хошоутского правителя титулом «Защитник религии». Центром владений Гуши-хана стали благодатные степи Кукунора.

Как ни парадоксально, но откочевка большей части торгоутов и хошоутов существенно улучшила политический климат в Ойратии. Уход сильных конкурентов позволил феодалам из дома Чорос сосредоточить власть в стране в своих руках. Большая часть уставших от вражеских набегов ойратских феодалов была готова пожертвовать некоторыми своими правами и привилегиями в пользу укрепления властной вертикали, и во многом поэтому деятельность чоросского Хара-Хулы и его сына Батур-Хунтайджи увенчалась успехом.

Создание централизованного ойратского государства стало ответом западномонгольских племен не только на вызов многочисленных врагов, но и на вызов самой эпохи. Конец позднего Средневековья — начало Нового времени — во многом трагичный период в жизни кочевых сообществ Евразии. В это время многовековое противостояние кочевника и земледельца наконец завершилось в пользу последнего. На протяжении XV-XVII вв. прежде могучие степные народы один за другим признавали сюзеренитет оседло-земледельческих империй. Небольшие татарские государства, на которые распалось западное крыло улуса Джучи, склонили головы перед султанами Османской империи (Крымское ханство) или стали частью молодой Российской державы (Казанское, Астраханское, Сибирское ханства). На другом конце евразийской ойкумены племена Южной Монголии в начале XVII в. стали верными вассалами маньчжурской Цинской династии, и яшмовая печать юаньских императоров перешла в руки дальневосточных богдыханов. На протяжении XVII в. территория суверенных степных государств сжималась, как шагреневая кожа. Но, как это ни парадоксально, именно в это время Великая степь породила последнюю кочевую империю, которая была способна практически на равных сражаться с крупнейшими земледельческими государствами региона, находившимися на пике политического и военного могущества. В мировую историю это государство вошло под именем Джунгарского ханства.

Джунгария не была обычным государством кочевников. Ханство создавалось как инструмент отражения внешней агрессии, а впоследствии — как орудие внешней экспансии, что не могло не отразиться на его общественном устройстве и основных направлениях экономического развития. Ключевыми элементами быстрого развития Джунгарии и высокой боеспособности ее войск были такие явления, как централизация, модернизация и милитаризация.

В отличие от своих восточных соплеменников, западные монголы жили в централизованном государстве, во главе которого стояли правители-

хунтайджи, обладавшие практически неограниченной властью. Политическая и военная мощь джунгарских хунтайджи базировалась на многочисленных семействах кочевников, ремесленников и оружейников, проживавших на территории личного удела джунгарского правителя и несших повинности непосредственно перед ним. Благодаря тому, что власть была сконцентрирована в их руках, хунтайджи имели возможность для проведения реформ, призванных модернизировать традиционное общество западных монголов. Уже первый джунгарский правитель Батур-Хунтайджи стал поощрять земледелие и строить укрепленные «городки». Его последователи активно переселяли в центральную Джунгарию представителей оседло-земледельческих народов (в основном жителей Восточного Туркестана), которые развивали в Ойратии пашенное земледелие. Благодаря помощи иностранных мастеров в ханстве начали развиваться черная и цветная металлургия, суконное производство. В условиях, когда стремительное развитие земледельческих государств закрепило экономическое превосходство земледельца над кочевником, джунгарские правители реализовывали грандиозный эксперимент по созданию общества-гибрида, в котором традиционный кочевой образ жизни совмещался с элементами оседло-земледельческой культуры. Чтобы выжить в новых условиях, кочевые сообщества должны были приспособиться к меняющемуся политическому и экономическому климату на континенте. Из всех кочевых народов правителям Ойратии это удалось в наибольшей степени. Особенно ярко элементы модернизации проявились в военной сфере. В эпоху позднего Средневековья Джунгария была единственным государством номадов, которому удалось наладить постоянное и массовое производство ручного огнестрельного оружия, артиллерии и боеприпасов к ним. Окруженное со всех сторон могущественными врагами, западномонгольское общество должно было находиться в постоянной боевой готовности к отражению внешней агрессии. На протяжении последней трети XVII — первой половины XVIII в. войны, в которых участвовали джунгары, практически не прекращались. Это предопределило предельную милитаризацию ойратского общества. Модернизация производств, системы управления, выбор основных направлений экономического развития были связаны в первую очередь с удовлетворением военных нужд. Характерно в этой связи, что практически всё инновационное (в особенности военное) производство было сконцентрировано на территориях, находившихся в личном владении хунтайджи. С одной стороны, это повышало его авторитет среди подданных и служило укреплению центральной власти, с другой — позволяло контролировать процесс перевооружения и оснащения джунгарской армии.

Созданная стараниями хунтайджи степная держава оказалась исключительно агрессивной и жизнеспособной. Войны следовали одна за другой. В первой половине XVIII в. под контролем хунтайджи находились значительная часть современного Казахстана, северная часть Синцзян-Уйгурского АО КНР, юго-запад Монгольской Народной Республики и южная часть Горного Алтая. Однако выдержать почти не прекращающуюся войну на два, а то и на три фронта не может ни одно государство. Не стала исключением и Джунгария. Развивающаяся экономика ханства попросту «надорвалась». Передовые производства стали закрываться одно за другим. На экономические проблемы крайне неудачно наложились внутренние усобицы. В этих условиях полномасштабная цинская интервенция, которую поддержал ряд ойратских князей, оказалась роковой для Джунгарии. Однако даже разрозненные повстанческие отряды ойратов продолжали оставаться опасным врагом для цинских войск и неоднократно наносили поражения отдельным маньчжуро-монгольским корпусам в ходе восстаний 1755-1757 гг. «Джунгарский вопрос» был «решен» цинскими властями только после планомерного истребления населения ханства, в ходе которого были уничтожены сотни тысяч ойратов. Большая часть западных монголов погибла в ходе геноцида и эпидемий, и лишь немногим удалось бежать в Россию и Казахстан. Коренные земли Ойратии вошли в состав Цинской империи и до сегодняшнего дня являются частью Синцзян-Уйгурского автономного округа. Вассальный Джунгарии Горный Алтай вошел в состав Российской империи. Фактически весь степной мир Центральной Азии и Южной Сибири оказался поделен между крупнейшими региональными державами — Россией и Китаем. История кочевых народов и кочевых империй как самостоятельного субъекта мировой политики ушла в прошлое.

Эволюция комплекса вооружения и тактики воинов Джунгарского ханства в 30-50-х гг. XVII в.

Ядро армии основателя Джунгарского ханства Батур-Хунтайджи (1635-1654) и его преемника Сенге (1654-1670) составляли их личные дружины и дружины крупных феодальных вассалов, к которым, в случае необходимости, добавлялись племенные ойратские ополчения и отряды союзных и подвластных народов. Побывавшие в джунгарских кочевьях в 1643-1644 гг. российские посланцы тобольский служилый Григорий Ильин и юртовский татарин Кучебердей Кучеев, ссылаясь на сведения пленных, оценивали потенциал джунгарской армии Батур-Хунтайджи в 30 тыс. человек (20 тыс. собственно джунгар и 10 тыс. «ясачных людей»)[4]. Длиннодревковое и клинковое оружие, а также защитное вооружение (в том числе шлемы, пластинчато-нашивные, кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири) для джунгарских воинов изготовляли местные западномонгольские дарханы, а также «мастера Кузнецкой земли».

На протяжении рассматриваемого периода вооружение и тактика ойратов мало отличались от вооружения и тактики кочевников Южной и Восточной Монголии.

Главным тактическим новшеством в этот период было постепенное возрастание роли копейного удара и ближнего рукопашного боя. Если в период развитого Средневековья главная роль на поле сражения принадлежала легковооруженным лучникам, а копейщики наносили заключительный удар по деморализованному и (или) отступающему противнику, то в период позднего Средневековья рукопашная схватка стала решать участь всего сражения.

В XVI-XVII вв. главной ударной силой монгольских армий стали конные копейщики-панцирники, способные вести дистанционный бой, используя сложносоставные луки (в конце периода — фитильные ружья), а на короткой дистанции опрокидывать противника с помощью копейной атаки и последующей конной рубки. В этом же направлении развивалось и военное искусство джунгар рассматриваемого периода. Конные джунгарские копейщики считались одними из лучших в регионе (см. цв. вкл., рис. *3,4; 7;* 8; 10).

Основным оружием джунгарских воинов второй половины 30-50-х гг. XVII в. были длинные кавалерийские копья и пики с втульчатыми наконечниками с узким ромбовидным в сечении вытянуто-ромбовидным или вытянуто-треугольным пером. Под влиянием мусульманских оружейных комплексов «шейку» таких наконечников стали все чаще снабжать шаровидным расширением — «яблоком», а боковые лопасти — узкими и длинными долами. Некоторые воины применяли копья с массивным листовидным наконечником, насаженным на относительно короткое мощное древко. Этот тип длиннодревкового оружия был известен в русских письменных источниках под названием «рогатина». Клинковое оружие было представлено в основном палашами и слабоизогнутыми саблями с дисковидными гардами, округлым или трапециевидным навершием. По своей форме и конструкции западномонгольские палаши и сабли напоминали синхронные им центрально- и восточноазиатские (восточномонгольские, маньчжурские и китайские) клинки. Подобная схожесть была обусловлена не столько прямым заимствованием, сколько тем, что в основе всех четырех региональных вариантов лежало длинноклинковое оружие юаньского времени. Широкое распространение среди номадов имело и коротко-клинковое оружие, представленное кинжалами и ножами. Некоторые джунгарские воины, подражая своим кочевым западным соседям, активно применяли в сражении боевые топоры на длинном древке и палицы с металлической ударной частью.

Западномонгольские латники использовали несколько типов панцирей: ламеллярные (узкие железные пластинки связаны между собой с помощью кожаных ремешков), пластинчато-нашивные (крупные металлические пластины подбиты с внутренней стороны к мягкой органической основе таким образом, что постороннему наблюдателю видны лишь ряды полусферических или фигурных заклепок), «мягкие»(панцири, целиком изготовленные из мягких органических материалов — ваты, вой-

[4] Интересно, что те же посланцы оценивали военный потенциал откочевавшего на берега Волги торгоутского Хо-Урлюка в 70 тыс. воинов, а объединенную армию среднеазиатских народов (противостоявших Батур-Хунтайджи) — в 35 тыс. человек: «Да они же де, Гришка и татарин Кучебердейко, в контайшиных улусех слышали от тех де полоняников, что де у Урлюка тайши воинских людей, которые с ним на войну ходят, тысяч с 70, а у конде тайши воинских и служилых людей, которые с ним на войну ходят, тысяч с 20 да ясачных людей тысяч з десять, а у Янгиря людей тысяч 15, а у Ялантуша тысяч с 20» (Миллер, 2005, с. 279).

лока, мягкой кожи и т. д.). Из металлических панцирей численно преобладали доспехи с пластинчато-нашивной (пластинчато-клепанной) системой бронирования. Степными мастерами было освоено и производство передовых для своего времени кольчато-пластинчатых панцирей, а также кольчуг. Образцом для подражания послужили изделия среднеазиатских и русских оружейников. Общее число воинов, использующих кольчуги в джунгарских армиях, было значительно больше, чем, например, в халхаских или южносибирских войсках рассматриваемого периода. Судя по сообщениям русских письменных источников, уже в первой трети XVII в. южносибирские мастера изготавливали для знатных западномонгольских воинов кольчато-пластинчатые панцири — бехтерцы. До нашего времени дошли подлинные позднесредневековые кольчато-пластинчатые панцири южносибирского производства. Они изготавливались из крупных квадратных и прямоугольных пластин, напоминавших по конструкции и форме пластины от пластинчато-нашивных панцирей. Их поверхность снабжалась выпуклыми бортиками и ребрами. Соединялись такие пластины с помощью 2-3 рядов склепанных колец.

Корпус состоятельных воинов прикрывали ламеллярные и пластинчато-нашивные панцири, скроенные в виде створчатой кирасы с боковым разрезом, жилета без рукавов со сплошным осевым разрезом или халата с осевым разрезом и длинным двух-, трехчастным подолом (рис. 5, *1-4,6,8).* Руки от плеча до локтя защищали ламеллярные или пластинчато-нашивные наплечники. А «кирасы» и «жилеты» дополнительно снабжались длинными (до колен или середины голени) набедренниками. Кольчато-пластинчатые панцири обычно кроились в виде безрукавного жилета со сплошным осевым разрезом, который стягивали специальные кожаные ремешки с пряжками и обоймами (рис. 135). Пластинчато-нашивные панцири знатных воинов подбивались рельефными пластинами, снабженными специальными ребрами жесткости и бортиками, которые препятствовали деформации пластины при ударе и не позволяли вражескому оружию соскальзывать в межпластинчатые щели. Полусферические заклепки размещались на поверхности пластин в виде креста (5 заклепок) или ромба (4 заклепки) (рис. 120, *7-9).* Плоские заклепки-накладки оформлялись в виде буддийских (ламаистских) религиозных символов (рис. 121, *9-11).* Рядовые кочевники использовали стеганные на вате панцири «олбок» (обычно повторявшие покрой традиционной верхней одежды — халата с косым или осевым разрезом) или «дэгэлэй» (панцирь без рукавов и подола). Корпусное защитное вооружение всех типов могло усиливаться зерцалами и металлическими накладками различных форм и размеров. В Западной Монголии раньше, чем в других районах Центральной Азии, стали защищать руки воина пришедшими с запада створчатыми наручами «мусульманского» типа с ременным или кольчато-ременным соединением.

Иногда для повышения защитных свойств своего панцирного вооружения кочевники надевали один панцирь поверх другого. На факт употребления ойратами «двойных» панцирей указывали и русские служилые люди (Миллер, 2005, с. 279).

Голову латников прикрывали клепаные шлемы сфероконической и полусферической формы, снабженные навершиями с трубками-втулками для плюмажа и плоскими (одночастными) или «коробчатыми» козырьками (рис. 155-160, 168-170). Шею и горло воинов предохраняли пластинчато-нашивные (1-3-частные), ламеллярные (1-3-частные), кольчатые, кожаные и матерчатые бармицы. Ойратская знать щеголяла в высоких сфероцилиндрических шлемах(рис. 173-177; 190; 191, *1-2),* напоминающих по форме вазу или кувшин с длинным узким горлышком. Такие шлемы позволяли воинам издали видеть своих командиров на поле боя. Сфероцилиндрические шлемы снабжались широким обручем, «коробчатым» козырьком, высоким навершием, трехчастной (обычно пластинчато-нашивной) бармицей и украшались насечкой в виде буддийских (ламаистских) религиозных символов или растительного орнамента. Наиболее распространенным видом плюмажа среди западных монголов была кисть из узких матерчатых ленточек (обычно красного цвета) «улан зала», которая еще в XV в. стала символом ойратской независимости (см. цв. вкл., рис. 8).

Сведений о применении джунгарскими воинами конского доспеха нами не зафиксировано. Однако факты, свидетельствующие об их использовании ближайшими соседями джунгар (халха-монголами, латниками северомонгольского государства Алтын-ханов, ойратами-хошоутами Кукунора, казахами, воинами Мавераннахра), позволяют предположить,

что джунгарские тайши, зайсаны и их ближайшее окружение также могли одевать своих коней в железные и кожаные панцирные попоны.

Мнение о примитивности ойратского защитного вооружения в период позднего Средневековья опровергается письменными источниками. Монгольские и алтайские «мастера куяшного дела» изготавливали панцири, носить которые было престижно даже среди высшей феодальной аристократии Средней Азии. Так, панцирь, изготовленный «калмакскими» (т. е. ойратскими) доспешниками, носил основатель североиндийской империи Великих Моголов тимурид Бабур. Московское правительство неоднократно требовало от местной администрации собирать ясак с народов Южной Сибири не только пушниной, но и предметами защитного вооружения, длиннодревковым и клинковым оружием. Российские письменные источники XVII в. сохранили высказывания русских служилых людей, высоко оценивших западномонгольские панцири (МРМО, 1959, с. 54).

С начала 40-х гг. XVII в. число панцирных рядовых воинов в центральноазиатских армиях существенно выросло. В войска ойратов XVII в. предметы защитного вооружения поставляли племена Саяно-Алтая. Кроме того, в «Великом уложении» 1640 г. была зафиксирована норма, согласно которой ежегодно две из сорока кибиток рядовых кочевников должны были «делать латы», не справившиеся с этой задачей могли быть оштрафованы конем или верблюдом. Однако, несмотря на предпринятые меры, значительная часть наиболее бедных номадов не имела средств для приобретения доспехов. Такие воины формировали отряды легковооруженных лучников. В отличие от периода развитого Средневековья, в XVII в. степные феодалы стали снабжать легковооруженных ополченцев длинными копьями и пиками, которые позволяли им более уверенно действовать в ближнем бою. Благодаря этому нововведению бездоспешные араты могли принимать участие в общевойсковых атаках на вражеские построения.

Как и другие монгольские воины, джунгары использовали различные виды построений: клин «хошуун», «лаву» «нуман жагсаал», рассыпной строй «нохой хэрэл». Применялись и плотные шереножные построения, которые европейские путешественники сравнивали со строем «крылатых» польских гусар. Хорватский священник Юрий Крижанич в 60-х гг. XVII в. особо отмечал, что ойраты («калмыки») широко используют защитное вооружение, длиннодревковое и клинковое оружие и «держатся гусарского строя». Одним из любимых построений западномонгольских полководцев был строй «лук-ключ» — центр армии отогнут назад, фланги выдвинуты в сторону противника. В ходе сражения один или оба вытянутых вперед крыла наносили мощный удар по флангам противника и заходили ему в тыл.

Западномонгольские панцирные воины могли атаковать не только кавалерийские, но и пехотные подразделения противника и вести с ними длительный ближний бой. Высокие боевые характеристики джунгарской панцирной кавалерии особенно ярко проявились в ходе войн, которые вели номады со своими оседлыми соседями. В сражении у Ялгуз-Ягач «одетые в броню и кольчуги» кашгарские воины не решились вступить в конное единоборство с «пятью тысячами отборных богатуров» Сенге и встретили ойратов в пешем строю. Противники трижды сходились врукопашную. Бой был настолько ожесточенным, что от столкновения войск «горы сдвигались с мест». Только правильно выбранная тактика позволила мусульманам потеснить западных монголов и принудить Сенге к переговорам (Чурас..., 1976, с. 232-233).

Обычно атаку начинали конные лучники, за которыми в бой устремлялись конные копейщики и сабельщики[5]. В сражении принимали участие и воины, вооруженные трофейным огнестрельным оружием русского или среднеазиатского производства. Однако их число было относительно не велико. В отличие от ойратов Хо-Урлюка, откочевавших на запад, письменные источники не фиксируют у джунгар 30-50-х гг. XVII в. сколько-нибудь крупных подразделений, вооруженных ружьями. Ими были снабжены отдельные воины, сражавшиеся в общем строю с лучниками. Иметь ружье было престижно, но его применение вне общего строя было не особенно эффективно. Кроме того, существовал известный дефицит боеприпасов. В этом отношении ситуация мало изменилась по сравнению с

[5] Судя по данным письменных источников, ойраты в рассматриваемый период неохотно спешивались во время сражения. Наиболее часто это происходило во время штурма вражеских городов и поселений. Идущие на штурм западномонгольские воины прикрывались специальными «осадными» щитами (Миллер, 2005, с. 279).

первой четвертью XVII в. Посетившие ставку Далай-Батур-тайши в 1616 г. российские посланцы отмечали, что ойраты могли использовать трофейные ружья после удачных набегов на ремесленные центры среднеазиатских городов, в которых они захватывали запасы пороха (МРМО, 1959, с. 54)[6]. (см. цв. вкл., рис. 3, 4).

Такая тактика была хороша против противника, вооруженного таким же холодным оружием, однако против врага, широко использующего огнестрельное оружие, она была малоэффективна. В Орбулакской битве (1643 г.) укрытые в шанцах 300 казахских батыров, вооруженных фитильными ружьями среднеазиатского производства, отразили атаку прекрасно вооруженной ойратской кавалерии и весьма способствовали общей победе объединенной среднеазиатской армии над войсками Батур-Хунтайджи.

Знаменитый реформатор и основатель Джунгарского ханства Батур-Хунтайджи прекрасно понимал разрушительную мощь нового вида оружия. Еще в конце 30-х гг. XVII в. он сумел оснастить свой «каменный городок» в урочище Кубак-Саре (Кубаксары/Хобугсаири) в верховьях Иртыша малокалиберными «железными пушечками» длиной около 1 м китайского или среднеазиатского производства, стрелявшими ядрами весом около 450 г. В это же время он предпринимал неоднократные попытки приобрести ручное огнестрельное оружие у своих оседлых соседей, в первую очередь у правителей Российского государства. Однако московские власти не собирались способствовать перевооружению своего грозного соседа. Поэтому просьбы о присылке ружей (1639, 1643, 1650) и мастеров «ружейного дела» (1650) были фактически проигнорированы центральной и сибирской администрациями.

Таким образом, официальные каналы поставки огнестрельного оружия в джунгарские войска в период правления Батур-Хунтайджи оказались перекрыты. Бурлящий в огне крестьянских восстаний и начавшейся маньчжурской интервенции Китай, пограничные чиновники которого, возможно, и готовы были бы продать джунгарам некоторое количество ручного огнестрельного оружия, был отрезан от Джунгарии владениями восточномонгольских феодалов, не стремившихся усиливать своих давних соседей и противников. Таким образом, массовые официальные поставки огнестрельного оружия с севера и востока оказывались невозможными. Оставались контрабанда и запад.

Особенности эволюции комплекса вооружения и тактики джунгарских войск в 60-80-х гг. XVII в.

За первые 30 лет своего существования молодое Джунгарское ханство существенно укрепило свои позиции в регионе. Во второй половине XVII в. был разгромлен давний враг ойратских племен — северомонгольское государство Алтын-ханов, в результате чего вассалы хотогойских монголов — енисейские кыргызы и их кыштымы присягнули на верность джунгарский хунтайджи. Попытка телеутов Алтая добиться самостоятельности не только не привела их к освобождению от джунгарского владычества, но и, напротив, усилила зависимость местных князцов от западномонгольской знати. В 60-70-х гг. XVII в. джунгарские хунтайджи расширили границы своего политического контроля в Южной Сибири, не побоявшись столкновения с могущественным Российским государством. Усиленные джунгарскими подразделениями ополчения кыргызских и телеутских князцов проникали в глубь контролируемой русскими территории, наносили болезненные поражения отрядам служилых людей и «ясачных инородцев», осаждали крупные русские города и остроги. Блестящим успехом джунгарских вооруженных сил в последней трети XVII в. было завоевание богатого и густонаселенного мусульманского Восточного Туркестана.

Успех военных предприятий джунгарских полководцев, помимо описанного ниже высококлас-

[6] В ходе оборонительных кампаний первой половины XVII в. западные монголы (как и их противники — хотогойцы из северомонгольского государства Алтын-ханов) строили укрепленные поселения и «городки», которые окружались валом, деревянными или каменными стенами. Осенью 1621 г. томские воеводы И. Шеховский и М. Радилов сообщали тобольскому воеводе М. Годунову, что ойратские тайши «Тойла и Курагала и Мергет-тайши и иные все тайши, и черные колмаки пришли все на Обь-реку... на устье реки Чюмыша, сделали городок... А сошлися де они на Обь и городок сделали, что их побил Алтын-царь, а сложился де Алтын-царь с Казацкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де оне в степях кочевали, и с тех со их кочевья збили...». В 30-х гг. XVII в. «городок каменной» в Верховьях Иртыша был «поставлен» чороским Батур-Хунтайджи. Причем строили городок «мугальские и китайские» мастера.

сного оружия и интересных тактических приемов, обеспечивался рядом важных стратегических установок. Джунгарские полководцы использовали несколько основных видов ведения наступательных кампаний, которые, с известной долей условности, можно обозначить, как «набег», «поход» и «нашествие». Основными задачами «набега» были разведка боеспособности вооруженных сил противника, захват его имущества, скота и пленных. В «набег» отправлялись небольшие отряды из нескольких сотен или тысяч всадников, снаряженных «легким делом», т. е. без обоза и стад скота. С собой воины брали заводных коней и относительно небольшое количество еды (основную часть питания и фуража номады должны были добыть на территории противника). Отправленные в «набег» воины старались не вступать в сражение с крупными воинскими силами противника и нападали обычно лишь на небольшие воинские подразделения. Примерами таких «набегов» служат большинство нападений ойратов на земли Восточного Туркестана в 50-60-х гг. XVII в. и нападения объединенных «летучих» джунгаро-кыргызских и джунгаро-алтайских отрядов на русское южносибирское пограничье в это же время. В «поход» отправлялась уже крупная армия кочевников, состоявшая обычно из 10-15 тыс. воинов. «Поход» мог совершаться ради грабежа кочевий, городов противника и отторжения части его территории. В случае необходимости такая армия могла дать бой вражеским войскам, взять штурмом укрепленный город. В случае удачного стечения обстоятельств участвующая в «походе» армия могла оккупировать и удерживать захваченную территорию или включить ее в состав собственной державы. К числу таких успешных «походов» можно отнести завоевание Сенге северомонгольского государства Алтын-ханов и захват Галданом Бошокту-ханом Восточного Туркестана. Однако обычно после грабежа городов и улусов противника армия возвращалась в родные кочевья. Примером таких «походов» служат военные экспедиции джунгарских войск против южноказахстанских городов в первой половине 80-х гг. XVII в. Особняком стоит такое интересное военно-политическое явление, как «нашествие». В отличие от «походов» основным результатом «нашествия» должны были стать отторжение вражеской территории и ее присоединение к метрополии. Для участия в «нашествии» собиралась большая армия из нескольких десятков тысяч всадников, которых сопровождали их семьи и стада крупного рогатого скота. Фактически часть народа снималась с мест традиционных кочевок и переселялась на новые земли. Армия, участвовавшая в «нашествии», могла вести длительную (по необходимости многолетнюю) автономную кампанию, находясь на вражеской территории, постепенно уничтожая, подчиняя или выдавливая за ее пределы войска противника. В первой половине XVII в. фиксируются два успешных примера «нашествий»: переселение ойратов-торгоутов Хо-Урлюка и союзных им родов в Восточную Европу и ойратов-хошоутов Торо-байху (Гуши-хана) в Кукунор. Единственным, но ярким примером «нашествия» в военном искусстве джунгар во второй половине XVII в. является вторжение в Халху в 1688 г. Армия Галдана Бошокту-хана, будучи оторванной от основных баз в Джунгарии, целых 9 лет удерживала значительную часть Восточной Монголии, отбивая контратаки халхаских феодалов и походы цинских войск.

В ходе больших военных экспедиций джунгарская армия двигалась несколькими колоннами, которые накануне крупных сражений могли сходиться в заранее обозначенном месте. Вокруг основных колонн двигались более мелкие отряды. Служба разведки делилась на «тактическую» («военную») — отряды воинов, высылаемые вперед с целью слежения за противником или захвата «языков», и «дипломатическую». К последней относились официальные джунгарские послы, представители ламаистского духовенства, а также среднеазиатские, монгольские и южносибирские торговцы.

К концу 80-х гг. XVII в. джунгарская армия представляла собой грозную силу. Ее численность колебалась в пределах 40-50 тыс. человек, а в случае необходимости могла быть увеличено до 80 и даже 100 тыс. всадников[7]. Основу армии, как и прежде, составляли дружины джунгарских феодалов (и в

[7] Однако, судя по данным письменных источников, джунгарские правители в этот период практически не прибегали к тотальной мобилизации мужского населения. Обычно основная действующая армия насчитывала до 30-40 тыс. человек. Еще 20-30 тыс. должны были быть готовы выступить против другого противника, поддавшегося искушению напасть на джунгарские кочевья после ухода в поход основной армии. В условиях опасности войны на два фронта (против халха-монголов на востоке и казахов на западе) эта мера предосторожности была далеко не лишней.

первую очередь самого хунтайджи) и ойратское ополчение. Крупные воинские контингента из нескольких тысяч человек выставлялись мусульманскими правителями Восточного Туркестана[8]. Отдельные отряды формировались князцами енисейских кыргызов и алтайскими феодалами. Однако для победы над многочисленными противниками, активно использующими огнестрельное оружие, было мало собрать просто многочисленную армию, ее нужно было еще и вооружить новейшим оружием, максимально сократив технологическое отставание от войск оседло-земледельческих империй.

В вопросах перевооружения армии наследники Батур-Хунтайджи — Сенге (1630-1670) и Галдан Бошокту-хан (1671-1697) более не рассчитывали на милость «Белого царя», а полагались на собственные политические и финансовые ресурсы.

В середине — второй половине XVII в. джунгарские хунтайджи могли рассчитывать на поставки огнестрельного оружия из двух основных источников — России и государств Средней Азии. В первом случае речь шла о контрабанде, во втором — об официальных закупках. Третий потенциальный импортер — Китай был отрезан от Джунгарии владениями кукунорских и халхаских монголов, настроенных к западному соседу в основном враждебно. Кроме того, маньчжурские феодалы, захватившие к этому времени большую часть Китая, предпринимали активные усилия по недопущению незаконной торговли оружием.

Сведения о массовом использовании джунгарами огнестрельного оружия стали стекаться в профильные российские службы уже в конце 60 — начале 70-х гг. XVII в. Проведенное разбирательство накопившихся фактов выявило линии контрабандных поставок российского огнестрельного оружия в Джунгарию. В незаконной торговле оказались замешаны джунгарские посланцы, сибирские князцы, торговцы из Средней Азии, а также некоторые высокопоставленные служилые люди из сибирских острогов. Так или иначе, но в Джунгарию были отправлены десятки, а возможно и сотни, возов, груженных огнестрельным оружием российского производства. Представители царской администрации прилагали значительные усилия по пресечению основных каналов поставок ружей и боеприпасов в ойратские кочевья. Однако наладить более-менее эффективную систему контроля удалось лишь в конце XVII — начале XVIII вв., когда прекращение массовых поставок огнестрельного оружия из России уже не могло повлиять на ход перевооружения джунгарской армии.

Несмотря на всю важность поставок огнестрельного оружия из России, основную массу ружей, ружейной амуниции и боеприпасов джунгарские хунтайджи закупили в городах Средней Азии. Во второй половине XVII в. мусульманские государства Мавераннахра были основными поставщиками ручного огнестрельного оружия во владения казахских, туркменских и киргизских кочевников. Однако продажа ружей среднеазиатским номадам носила во многом мелкооптовый или розничный характер. Могущественные джунгарские хунтайджи обладали возможностями для массовых закупок огнестрельного оружия (МРМО, 2000, с. 181).

В результате реализации программы перевооружения джунгарской армии военно-политический баланс в регионе принципиально изменился. До этого времени огнестрельное оружие в массовом порядке применяли лишь армии оседло-земледельческих государств (Китай, Россия, города Мавераннахра), однако теперь тысячи ружей оказались на вооружении войск кочевой державы, собиравшейся всерьез побороться за гегемонию в Центральной Азии. По мнению современников, джунгарская армия последней четверти XVII в. насчитывала около 20-30 тыс. воинов, вооруженных московскими пищалями, «бухарскими» «туфаками» и «милтиками» (там же, с. 335,338,385). Даже если считать данные утверждения преувеличением, необходимо признать, что число ружейных стрелков в джунгарских войсках рассматриваемого периода измерялось тысячами человек. Таким образом, после перевооружения и соответствующей переподготовки личного состава джунгарская армия в сфере ручного огнестрельного оружия могла не без успеха конкурировать с расквартированными на границах региона цинскими и российскими войсками. В то же время по огневой мощи она значительно превосходила своих кочевых соседей — казахов, киргизов, халхасцев и монголов Кукунора.

Важные изменения происходили и в традиционном комплексе вооружения джунгар. Вместе с руч-

[8] Общее число воинов-мусульман в джунгарской армии определить достаточно сложно. В 1691 г. после ряда крупных сражений Галдан Бошокту-хан отпустил домой более тысячи воинов-«бухарцев» (МРМО, 2000, с. 349), следовательно, до этого их в армии Галдана было несколько больше.

ным огнестрельным оружием в Джунгарии все большую популярность набирает комплекс защитного вооружения «мусульманского» образца. Вообще, длительное проживание по соседству с населенными мусульманами городами Восточного Туркестана уже давно сказывалось на составе западномонгольского оружейного комплекса. Ойратские отряды участвовали в междоусобных войнах кашгарских и яркендских правителей и, возвращаясь в родные степи, привозили с собой шлемы, миссюрки, панцири, наручи, длиннодревковое клинковое оружие восточнотуркестанского производства. Проигравшие борьбу феодальные правители Могулии также находили приют у западномонгольских владык. Они кочевали вместе с княжеской ставкой, входили в состав дружин хунтайджи, возглавляли отдельные джунгарские отряды. Привозимые из Восточного Туркестана кольчуги и кольчато-пластинчатые панцири отличались высоким качеством исполнения и высокими боевыми характеристиками. Они были удобны и не стесняли движений. Кроме того, носить панцири иностранного производства, помимо всего прочего, было престижно. Неудивительно, что число воинов, использующих кольчатые панцири мусульманского производства, неуклонно возрастало. Джунгарские воины носили их самостоятельно или поддевали под традиционные ламеллярные или пластинчато-нашивные доспехи центральноазиатского и южносибирского производства. Процесс постепенного замещения традиционных центральноазиатских панцирей с ламеллярной и пластинчато-нашивной системой бронирования их кольчатыми и кольчато-пластинчатыми аналогами, изготовленными мастерами ремесленных центров Восточного Туркестана и Средней Азии, зафиксированный нами на вещественных материалах и письменных источниках XVII-XVIII вв., получил название «вестернизации» («мусульманизации») джунгарского оружейного комплекса (Бобров, 2003, с. 79-88) (см. цв. вкл., рис. 4, 5, 9).

Особенно сильно процесс «вестернизации» («мусульманизации») западномонгольского доспеха ускорился после включения Восточного Туркестана в состав Джунгарского ханства в конце XVII в. В этот период кольчатые панцири носили уже не только джунгарские феодалы, но и многие рядовые воины, которые предпочитали их иностранным панцирям с иной системой бронирования. Характерен в этой связи эпизод, зафиксированный русскими наблюдателями после победы джунгар над цинско-халхаской армией в одном из крупных сражений 1690 г. После окончания битвы джунгарские «цирики» не стали снимать с убитых цинских солдат их пластинчато-нашивные панцири («куяки»), предпочтя им собственные кольчатые («кольчуги», «пансыри») и стеганые на вате («бумажники») доспехи (МРМО, 2000, с. 385).

Из комплекса наступательного вооружения джунгарские воины второй половины XVII в. активно использовали саадаки, длиннодревковое и клинковое оружие. Луки и стрелы оставались наиболее распространенным видом оружия дистанционного боя. Однако импортными ружьями русского и среднеазиатского производства в этот период уже были вооружены тысячи джунгарских воинов. Многие ойратские стрелки одновременно носили и саадаки, и фитильные ружья, которыми пользовались попеременно, в зависимости от боевой ситуации и погодных условий. Основным оружием ближнего боя были длинные кавалерийские копья и пики с вытянутыми наконечниками с узким граненым пером,приспособленным пробивать панцирь противника. В походе каждый воин мог вести не одно, а два и даже три копья. Среди длинноклинкового оружия преобладали слабоизогнутые палаши и сабли с дисковидной гардой с бортиком, округлым и трапециевидным навершием, встречались и сильноизогнутые сабли с крестообразным перекрестьем среднеазиатского, восточнотуркестанского и южносибирского производства. Исключительно широкой популярностью пользовались кинжалы и однолезвийные ножи с прямым или слабоизогнутым клинком.

Тактика воинов Джунгарского ханства рассматриваемого периода существенно отличается от тактики других монгольских кочевников, что позволяет рассмотреть ее отдельно как интересный военно-культурный феномен — попытку номадов адаптировать новейшие военные разработки оседлых народов к ведению боевых действий в степных условиях.

Ю. Крижанич, высоко отзывавшийся о боевых качествах кочевой конницы, еще в начале второй половины XVII в. предлагал бороться против степных «латников и копейщиков» с помощью пеших «пищальников» и «драгунов», которые передвигаются на конях, но «сражаются пешими» (Крижанич,

1965, с. 429). Вероятно, к таким же выводам пришли и джунгарские полководцы, на практике воплотившие идеи хорватского священника в жизнь. В конце XVII в. исход боя стали решать многочисленные отряды спешенных стрелков, обученных владению ручным огнестрельным оружием.

Коренные изменения в тактике джунгарских воинских подразделений стали возможны вследствие реализации комплекса мер, обозначенных нами как «Джунгарские военные реформы конца XVII — первой половины XVIII в.» (Бобров, Худяков, 2005, с. 228-232; Бобров, Худяков, 2006, с. 18-23). Всего нами выделено три основных этапа военных реформ.

Первый этап джунгарских военных реформ, эволюция тактики джунгарской армии на поле боя в 70-80-х гг. XVII в.

В этот период джунгарские правители провели массовые закупки ручного огнестрельного оружия в государствах Средней Азии и России. Согласно данным письменных источников, джунгарам удалось приобрести десятки тысяч ружей, вскоре поступивших в войска (Бобров, 2002, с. 96-97). Появление в армии крупных подразделений воинов, вооруженных огнестрельным оружием, подвигло джунгарских полководцев коренным образом изменить тактическую схему ведения боя. Если раньше джунгары в ходе полевого сражения спешили атаковать противника в конном строю, то теперь они вели бой «от обороны».

Построение джунгарской армии конца XVII в. при ведении боя в оборонительных позициях

При ведении оборонительного сражения ойраты обычно выстраивались в две линии, так, чтобы фланги были выдвинуты в сторону противника и прикрыты болотом, лесом или горами (Бобров, 2001, с. 12-16; Бобров, 2002, с. 97-98). В первую линию боевого порядка становились спешенные стрелки, вооруженные ружьями и луками и, возможно, копейщики. Их позиции джунгарские полководцы пытались прикрыть либо естественными складками местности, либо плетеным тыном. Модернизированное джунгарами традиционное монгольское построение «лук-ключ» с успехом показало себя в сражении с маньчжуро-монгольскими войсками у р. Урхуй (Олгой) в 1690 г. Согласно сообщению командующего цинскими войсками полководца Арани, джунгары, «распорядя свое войско в две линии, построились полумесяцем» и «жестокой огненных ружей пальбою» встретили наступавшие конные лавы маньчжуров, халхасцев и южных монголов. Объединенная атака халхасов и цинского резерва захлебнулась, так и не достигнув переднего края обороны джунгар: «После того, когда наша первая часть войска с калкаским войском на них наступала, то калка, опасаясь их огненного ружья, прежде всех побежала, за которыми и все джасакские (южномонгольские), не видя себе подкрепления, им уступили». Фланги цинской армии были сметены атакой джунгарской конницы, «обступавшей» основные силы имперцев. Видя опасность окружения, Арани отдал приказ о начале общего отступления. Фланговые контратаки конницы были характерным элементом военного искусства позднесредневековых кочевников Монголии и широко практиковались в войсках джунгар, волжских калмыков и тибетцев на протяжении всей первой половины XVIII в. Таким образом, джунгарскими полководцами в конце XVII в. применялась тактическая схема, в которой инновационная компонента (использование масс спешенных стрелков, вооруженных огнестрельным оружием и занимающих центр построения) совмещалась с традиционными элементами военной тактики номадов (фланговые атаки копейной и лучной конницы на флангах).

В случае если противник нападал на армию джунгар внезапно, «живым щитом», для прикрытия стрелков могли выступать стада крупного рогатого скота, стреноженные лошади и положенные на землю верблюды (Бобров, 2002, с. 98), составлявшие знаменитую «верблюжью крепость», или «верблюжий вагенбург». Цинский офицер Инь Хуасин, участник сражения при Улан-Бутун (1690 г.), оставил подробное описание таких необычных полевых укреплений обороняющейся джунгарской армии: «Неприятельская конница в числе ста с лишком тысяч человек выстроилась у горных отлогостей, опираясь на лес и под прикрытием речки. Вместо рогаток воины Галдана положили на землю с десяток тысяч верблюдов со связанными ногами, а на спинах этих животных были положены ящики, прикрытые смоченными войлоками. Назначение по-

следних было образовать амбразуры. Такою живою изгородью джунгары окружились, как палисадом, и солдаты их стреляли из-за помянутых амбразур из луков и ружей, наконец, бросали крючья и копья, чтобы побивать маньчжурские войска, но не доводить дело до рукопашной схватки. Укрепление такого рода называется "верблюжьей крепостью"».

«Вагенбурги» из стреноженных вьючных животных в первой половине XVIII в. использовались и другими народами Центральной и Средней Азии. Причем для этой цели служили не только верблюды, но и крупный рогатый скот, а также лошади. Иногда «валы», служившие защитой от пуль и стрел противника, складывались из трупов предварительно убитых животных. В 1726 г., настигнутые превосходящими силами калмыков, казахи соорудили «вагенбург» из земляной насыпи, трупов верблюдов, лошадей и крупного рогатого скота: «...видя калмыцкую превосходную силу, принуждены и на безводном месте остановиться и для защищения своего с четырех сторон обрываться землею и, перерезав верблюдов, лошадей и рогатой скот, вкладываться наподобие вала и от калмык отстреливались, а добычу свою, состоящую в людех и скоте, имели в средине своего стану». При отсутствии у противника артиллерии оборонять такой «мертвый вагенбург», несмотря на известные неудобства (гниение трупов животных, обстрел со стороны противника, нехватка воды и т. д.), можно было относительно длительное время. В рассматриваемом сражении казахи продержались четверо суток и вынудили калмыков пойти на переговоры: «Калмыки же делали на них нападение с трех сторон, оставляя одну сторону к реке Яику пустую. А сие чинили в таком намерении, чтоб их киргис-касак допустить к ретираде и, тем выманя из укрепления, удобнее было на них напасть, и по рукам разобрать, но они киргис-касаки, хотя и на безводном месте были атакованы, однако ж, четверы сутки будучи в осаде, от калмык отстреливались и наконец с калмыками помирились и словесно договорились на таких кондициях, чтоб их киргис-касак всех и с ружьем их отпустить, а забранных из калмыцких улусов жен, детей, имение и скот возвратить к калмыкам...» (Бакунин, 1939, с. 225-226). Судя по цинским картинам середины — начала второй половины XVIII в., ведение стрельбы по противнику под прикрытием лошадей практиковали воины белогорских ходжей Восточного Туркестана, который длительное время находился под властью Джунгарского ханства и испытал на себе сильное влияние западномонгольского военного искусства. Этот эпизод изображен на картине, фиксирующей сражение между цинскими войсками полководца Фу Дэ и отрядами белогорских ходжей Бурхан ад-Дина и Хан-Ходжи у оз. Ешикуль в 1759 г. (Чжунго гудай..., 1990, с. 261, рис. 12-15).

Массовое использование животных в качестве своеобразных «полевых укреплений» является специфической особенностью военного искусства кочевников, а также народов, длительное время проживавших по соседству с ними. Сведения о применении подобных тактических приемов армиями земледельческих государств очень немногочисленны. Однако данная тактическая схема не говорит о какой-то чрезмерной примитивности или жестокости и кровожадности степных народов. На протяжении длительного времени степняки предпочитали вести наступательный бой, заменяя длительную оборону тактическим отступлением. В результате новаций в комплексе вооружения (широкое внедрение огнестрельного оружия) и, как следствие, смены военной традиции номады были вынуждены применять и новые тактические схемы. В случае малейшей возможности кочевники предпочитали укрывать своих стрелков за естественными складками местности или стандартными полевыми укреплениями. Но в случае внезапного нападения или находясь в особых ландшафтных условиях (например, в голой степи), кочевники, уступавшие своим противникам в огнестрельном оружии, были вынуждены активно использовать в качестве подручных защитных средств повозки и животных. Причем, судя по приведенным выше примерам, тела животных оказывались более надежной защитой, чем деревянные щиты и стены кибиток. Такие «живые крепости» нередко помогали выстоять в ходе столкновений с противником, вооруженным ручным огнестрельным оружием. Однако в случае применения неприятелем артиллерии потери скота были неоправданно велики и иногда вели к резкому сокращению поголовья и даже голоду в армии. Учитывая высокую ценность скота в кочевых обществах, такие потери воспринимались особенно остро. После упомянутого выше сражения при Улан-Бутун (1690 г.) русские письменные источники зафиксировали кризис снабжения джунгарской армии Галдана Бошокту-хана (МРМО, 2000, с. 349).

I Джунгаро-цинская война ярко продемонстрировала джунгарский военачальникам преимущества артиллерии и слабые стороны «живых вагенбургов», что сыграло важную роль в направлении хода дальнейших военных реформ джунгарской армии.

Использование «вагенбургов» не было единственной формой ведения крупных оборонительных полевых сражений у джунгар. Кочевники Западной Монголии широко применяли развернутые построения, в которых спешенные стрелки занимали центр, а выдвинутые в сторону противника фланги формировала конница. Основу оборонительных порядков джунгарской армии в последней трети XVII в. составляли спешенные лучники и стрелки из ружей. Наличие в пехотных порядках не только стрелков из огнестрельного оружия, но и лучников ни в коей мере не свидетельствует об «отсталости» и «архаичности» военного искусства ойратов по сравнению с другими азиатскими народами. Продолжение использования лука, параллельно с внедрением в широкий военный обиход фитильных ружей, обусловлено целым рядом объективных причин. И относительная доступность луков по сравнению с ружьями, которые в этот период массово не производились в Джунгарии, далеко не единственная из них. В конце 70 — 80-х гг. XVII в. в арсеналах джунгарской знати хранились тысячи, а по данным письменных источников, — десятки тысяч единиц огнестрельного оружия, которое в ходе боевых действий выдавалось рядовым воинам. Однако некоторые центральноазиатские кочевники сознательно предпочитали традиционный для кочевников саадак импортным ружьям. Даже в 60-х гг. XVIII в. у забайкальских бурят хороший лук с комплектом стрел оценивался в 30-50 рублей, в то время как ружье только в 20 рублей (Митько, 2004, с. 196). На Алтае, несмотря на широкое распространение огнестрельного оружия среди местных жителей, лук применялся охотниками вплоть до XX в. (Черемисин, Октябрьская, Слюсаренко, 1998, с. 66). Важным преимуществом луков была возможность ведения навесной стрельбы, которая была недоступна для стрелков из огнестрельного оружия. Скорострельность из фитильного ружья была несопоставима со скоростью стрельбы из лука. По данным О. А. Митько, за то время, пока стрелок снаряжал ружье, лучник мог сделать до 10-11 выстрелов (Митько, 2004, с. 186). Голландский путешественник Н. К. Витзен во второй половине XVII в. писал о центральноазиатских кочевниках: «И хотя у них (по словам монгольского информатора. — *Авт.)* очень хорошие мушкеты, все же они охотнее использовали против врага лук и стрелы, потому что могли выпустить две или три стрелы прежде, чем зарядить мушкет» (Хамарханов, 1988, с. 154). Тлеющий в темноте фитиль выдавал местоположение ружейного стрелка противнику. Наконец, фитильными ружьями практически нельзя было пользоваться в сырую и дождливую погоду. В эти моменты лук был просто незаменим.

Вместе с тем даже еще не очень совершенные фитильные ружья второй половины XVII в. имели ряд серьезных преимуществ перед луками. Так, пуля по своей пробивной способности превосходила стрелу, а сама ружейная стрельба имела важный психологический эффект. При стрельбе залпами и сменяемости шеренг стрельба из ружей была очень эффективна. Дальность стрельбы из ружей и луков в рассматриваемый период сильно разнилась и зависела от конструкции кибити, силы натяжения тетивы и подготовки стрелка (у лука) и разновидности ствола (у ружей). По прицельной дальности стандартные сложносоставные луки и ранние ружья были сопоставимы (Митько, 2004, с. 192). Таким образом, в рассматриваемый период в исследуемом регионе лучники и стрелки из ружей очень удачно дополняли друг друга на поле сражения. Неудивительно, что в лучших армиях Западной, Восточной и Средней Азии лук продолжал соседствовать с ружьем вплоть до середины XVIII в. Не только джунгарские хунтайджи, но и военачальники Цинской империи, полководцы знаменитого иранского завоевателя Надир-шаха, командиры отрядов среднеазиатских государств отводили лучникам важное место на поле боя (Мухаммед-Казим, 1961, с. 61, 92; Мукминова, 1976, с. 118). Даже русские служилые люди в сибирских острогах в дополнение к имеющимся у них пищалям нередко приобретали у местного населения сложносоставные луки, что неоднократно отмечалось современниками (Митько, 2004, с. 195).

Процесс стрельбы по наступающим конным «лавам» противника можно реконструировать следующим образом. Бой открывали воины, вооруженные крупнокалиберными и дальнобойными ружьями. Затем к ним присоединялись отборные лучники, вооруженные мощными сложносоставными луками. Стрельба велась под углом вверх, так, что стре-

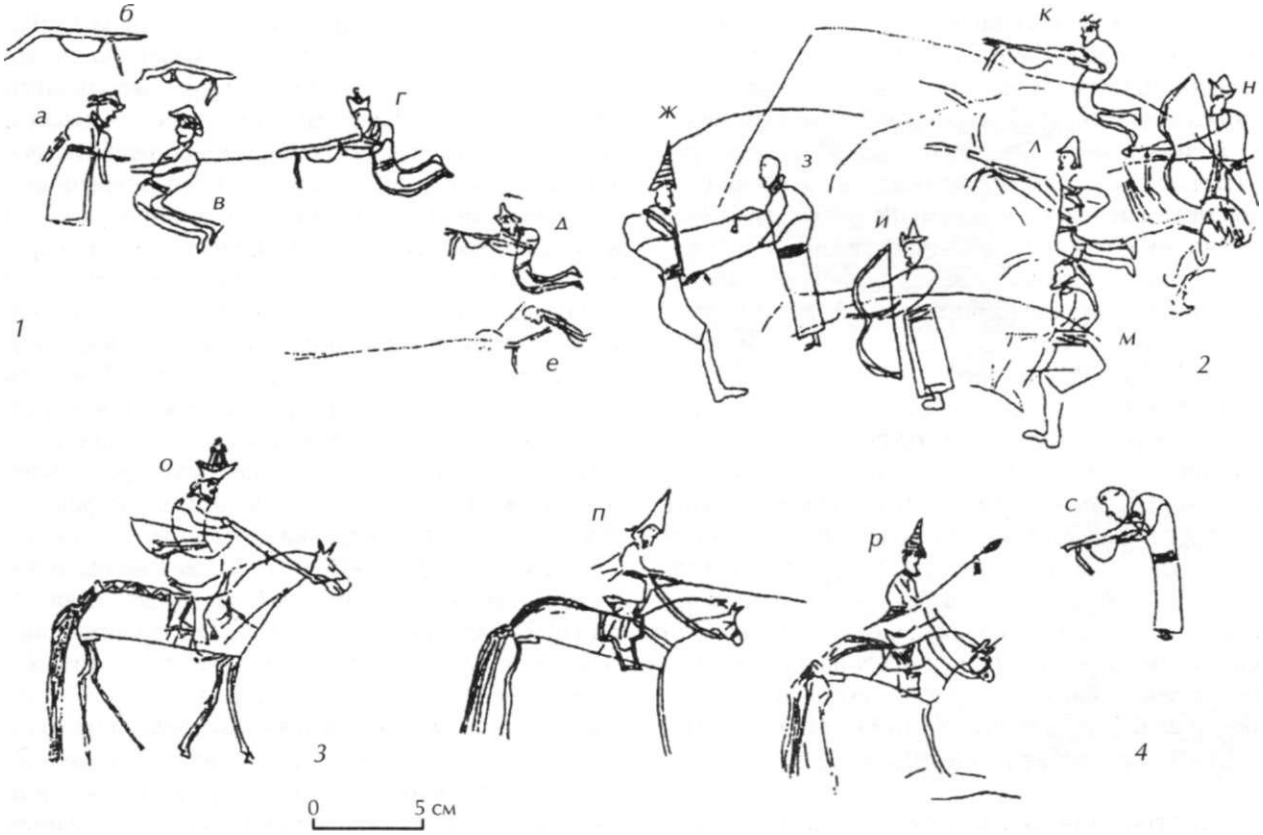

Рис. 220. Изображения сражающихся воинов, выполненные методом тонкой гравировки на поверхности мореной глыбы из бассейна р. Чаган в Горном Алтае. Коней XVII — первая половина XVIII в.

лы посылались по навесной траектории и обрушивались на атакующих всадников сверху. По мере того как расстояние до противника сокращалось, в бой вступали воины, вооруженные менее мощными луками и ружьями. Когда всадники врага приближались почти вплотную, в дело вступали все воины, имевшие на вооружении оружие дистанционного боя, в том числе «цирики», вооруженные метательными копьями и дротиками. Особую роль на этом этапе сражения играли спешенные стрелки из фитильных ружей и сложносоставных луков, которые на короткой дистанции в упор расстреливали прорвавшихся сквозь заградительный огонь солдат противника. Плотность огня ойратов была настолько велика, что маньчжурские воины, несмотря на поддержку собственной артиллерии, были вынуждены спешиваться и атаковать джунгар в пехотных колоннах. (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 350-351). Менее дисциплинированные халхаские «цирики», столкнувшиеся с подобным «огневым валом», и вовсе предпочитали отказаться от нападения на джунгарские боевые порядки.

Если же противнику все же удавалось прорваться сквозь заградительный огонь, то в бой вступали воины, вооруженные длиннодревковым оружием. Пешие пикинеры и копейщики не давали солдатам противника добраться до стрелков, большинство которых не имело защитного вооружения. Перед фронтом стрелков проходили ожесточенные схватки копейщиков враждующих армий, отдаленно напоминающие бои западноевропейских пикинеров и японских «яри» XVI-XVII вв. Такие столкновения зафиксированы южносибирскими мастерами на поверхности мореной глыбы в бассейне р. Чаган (Горный Алтай). В то время пока шел бой между копейщиками, лучники продолжали вести навесную стрельбу, стараясь поразить противника через головы своих пикинеров (рис. 220, *ж-н).* Для увеличения боевых возможностей джунгарских отрядов «цирики», не имевшие собственных копий,

получали их из государственных запасов. Перед началом битвы у Улан-Бутун (1690 г.) копья были выданы «из казны» всем воинам, находившимся в ойратском лагере, включая русских посланников: «...а силы у него, Бушихту-хана, по ведомости в разговорех от калмыцких людей в то время было по смете тысяч с 60, и в том числе половина силы с огненным ручным ружьем, а у всякого де человека были копья. А ему де, Гришке (русскому посланнику Григорию Кибиреву. — *Авт.),* с товарыщи ис казны от Бошухту-хана были даваны копья ж» (МРМО, 2000, с. 385).

Основной задачей стрелков было остановить атаку войск противника, в то время как кавалерия (составлявшая вторую линию и крылья джунгарских войск) должна была опрокинуть его фланги. Когда под градом пуль и стрел ряды противника смешивались, наступал черед легковооруженной и панцирной копейной конницы, которая обходила противника с флангов и обращала его в бегство. Этот маневр был блестяще продемонстрирован джунгарской армией в сражении против цинской и халхаской армий на р. Урхуй (Олгой) в 1690 г. (Бобров, 2001, с. 14-16) (см. цв. вкл., рис. 9).

Построение джунгарской армии конца XVII в. при ведении наступательного боя

Нехарактерная для кочевников практика спешивания стрелков накануне боя была вызвана не только желанием джунгарских полководцев укрыть своих «цириков» от артиллерии и стрелков противника, но и техническими характеристиками русских и «бухарских» фитильных ружей. Из большинства из них стрелять можно было, только находясь на земле (стоя, лежа или с колен). Для стрельбы с коня в России выпускали специальные укороченные ружья — карабины, но маловероятно, что джунгарским послам и торговцам удалось вывести из России необходимое количество карабинов для вооружения десятков тысяч стрелков. Однако не стоит думать, что строй пеших джунгарских стрелков мог эффективно действовать только в оборонительной позиции. В случае необходимости спешенные стрелки могли не только обороняться, но и, опираясь на массы легкой и средневооруженной конницы, наступать на укрепления или оборонительные порядки противника (Бобров, Худяков, 2005, с. 231). Судя по данным письменных источников, наступающая ойратская пехота конца XVII в. обычно передвигалась не плотными шереножными построениями, а в рассыпном строю, небольшими группами или цепями. Вооруженные ружьями и луками пешие стрелки планомерно продвигались по полю сражения, укрываясь за естественными складками местности и покинутыми противником укреплениями. Все это время они вели непрекращающуюся стрельбу по врагу, постепенно оттесняя его назад. При штурме насыпных земляных укреплений (валов), баррикад из камней и деревьев, горных склонов и других объектов, недоступных для конницы, действовавшие в рассыпном строю стрелки были незаменимы. Подобная тактика привела к ошеломляющим успехам в ходе Джунгаро-халхаской войны 1688 г. Она показала свою эффективность и в ходе последовавшей за этим Джунгаро-цинской войны 1690-1697 гг. В ходе генерального сражения с халхасцами у оз. Ологой (28-31 августа 1688 г.) спешенные джунгарские стрелки, опиравшиеся на конницу, сыграли решающую роль в штурме окруженного земляным валом и рвом монгольского лагеря: «А около де озера был у них, Очироя, зделан земляной вал и копан ров, и они де, калмыки, пехотою из-за их мугальского валу били их, мунгал, из огненного ружья к озеру, а конной де их калмыцкий караул кругом озера, а иные де стояли неподалеку на конях во всякой воинской готовности... 3 Бушухту-ханом де силы-бойца с огненным ружьем было больши 20-ти тысяч» (МРМО, 2000, с. 335). В сражении у Дзун-мод (Чжао-модо) 12-13 июня 1697 г. спешенные джунгарские стрелки атаковали занявших вершину холма маньчжурских солдат. По сообщению цинского офицера Иньхуа-сина (принимавшего участие в этой битве), «только что мы добрались до вершины ея (горы. — *Авт.),* они (джунгары. — *Авт.)* остановились у восточного склона ея и под его прикрытием открыли пальбу из ружей вверх... Мятежники (джунгары. — *Авт.),* оспаривая горку, ударили в центр. В это время солнце приближалось к полудню и неприятель стал усиливаться... Натиск их был настолько силен, что не было возможности нанести им поражение. Потери убитыми и ранеными с той и другой стороны были одинаковы» (Мэн-гу-ю-муцзи, 1895, с. 349-351.). Передвижение стрелков осуществлялось, судя по косвенным данным, перебежками, поэтому наступающие линии лучников и пищальников двигались достаточно медленно,

что делало пехотинцев уязвимыми перед контратаками вражеской пехоты и конницы. Поэтому в бою стрелков прикрывали пешие и конные копейщики. Если бой разворачивался стремительно, то джунгарская кавалерия начинала действовать исключительно активно, совершая самостоятельные атаки, нередко доводя дело до рукопашной схватки.

Элементы описанной выше тактической схемы стали внедряться в военное искусство джунгар во второй половине XVII в., однако широкое распространение данная тактика получила в период правления Галдана Бошокту-хана (1671-1697). Благодаря ей были одержаны победы над халхаскими войсками у оз. Ологой в 1688 г. и цинской армией на р. Урхуй (Олгой) в 1690 г. Упорное сопротивление спешенных джунгарских ружейных стрелков и лучников, укрывшихся в «верблюжьем вагенбурге», позволило Галдану свести «вничью» генеральное сражение с имперцами при Улан-Бутуне (1690 г.), несмотря на подавляющее преимущество последних в артиллерии и живой силе. Современники неоднократно отмечали успехи Галдана во внедрении новых тактических схем, практически неизвестных в восточномонгольских степях. После первых крупных побед Галдана над халхаскими и цинскими войсками среди кочевников Халхи стали распространяться слухи об уникальных воинских талантах джунгарского хана. Известный цинский полководец, герой осады Албазина Лантань писал императору Канси в 1693 г.: «Нам следует принимать во внимание и те слухи, которые распространяются среди многих монголов о Галдане, что он весьма в военном деле искусен, умеет применять ловкие и хитрые маневры, которых никто другой не додумался бы использовать» (Русско-китайские отношения в XVII в., 1972, с. 699). Причину поражения джунгар в войне 1688-1697 гг. следует искать не на поле боя (где джунгарская армия показала себя почти безупречно), а в стратегических просчетах ойратских полководцев и междоусобной грызне джунгарской знати. Важнейшим (возможно, невольным) союзником цинского командования стал племянник Галдана Бошокту-хана Цеван-Рабдан, который поднял восстание против своего дяди, отрезал ему пути отступления на родину и тем самым фактически изолировал Галдана во враждебной Халхе. Лишенный надежного тыла и возможности пополнять свою армию воинами из метрополии, Галдан Бошокту-хан был вынужден в одиночку противостоять могущественной Цинской империи. Тем не менее он почти 7 лет удерживал за собой значительную часть Халхи и не без успеха вел боевые действия против маньчжурских, китайских, южно- и восточномонгольских войск.

Рис. 221. Изображения кочевников в европейских изобразительных источниках периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени.

Необходимо отметить, что новая (для Центральной Азии) тактическая схема, в которой конница опиралась на многочисленную, вооруженную огнестрельным оружием пехоту, была в первую очередь востребована на восточных границах ханства, где главным противником западных монголов были хорошо вооруженные и обученные войска Цинской империи. В военных операциях на западных границах Джунгарии, где ойратам противостояли ополчения казахских и киргизских племен, западномонгольские полководцы по-прежнему делали ставку на мобильную панцирную копейную конницу, хотя огнестрельное оружие начинало играть все более возрастающую роль и на этом театре военных действий (см. цв. вкл., рис. 5, 7, 10).

Происхождение «джунгарской» тактики конного боя

Появление и развитие новой, «джунгарской», тактики ведения боя в Центральной Азии, в силу ее структурных и технологических особенностей, не могло быть изолированным, локальным явлением, не связанным с развитием военного искусства соседних народов, усвоивших ручное огнестрельное оружие «европейского» типа гораздо раньше джунгар, в XVI — первой половине XVII в. В связи с этим важной темой в процессе изучения военного искусства джунгар является происхождение тактики огнестрельной центральноазиатской пехоты.

Проанализировав данные по военному искусству народов Европы, Передней, Средней и Восточной Азии, мы убедимся в том, что схожую с джунгарской тактику ведения боя использовали многие народы этих регионов.

В Западной Европе главным партнером пеших аркебузиров и мушкетеров выступали пикинеры, широко использовавшие железные шлемы и панцири вплоть до второй половины XVII в. Европейскими полководцами и военными теоретиками активно разрабатывались различные варианты совместных построений отрядов пикинеров и стрелков из огнестрельного оружия.

В Японии тактика взаимодействия панцирников-пикинеров и аркебузиров появилась вскоре после начала широкого распространения огнестрельного оружия европейского типа. В структуре японской армии XVI в. стрелки из огнестрельного оружия частично заняли нишу, которую раньше занимали пешие лучники. В Японию ручное огнестрельное оружие европейского образца в 40-е гг. XVI в. завезли португальские купцы. Японские дайме очень быстро оценили все преимущества перспективного оружия и начали его массовую закупку у «рыжеволосых варваров». Однако привозное оружие стоило очень дорого, а объемы поставок не могли быть слишком велики, поэтому дайме Токиката (правитель Танэгасима) поставил перед местными мастерами задачу по организации производства огнестрельного оружия на территории Японии. Достаточно быстро эта задача была решена, и в течение 6 месяцев местными мастерами, по европейским образцам, были изготовлены 600 аркебуз, проданных затем в разные районы Японии. Уже в 1549 г. ружья были применены Симадзу Такахисой в ходе боевого столкновения. К 1555 г. в арсеналах клана Такэда хранилось не менее 500 аркебуз. Через 20 лет в войсках Ода Набунага было уже 3 000 стрелков с огнестрельным оружием (Носов, 2001, с. 112). В конце столетия в армиях японских правителей несли службу многотысячные отряды «тэппо-асигару», вооруженные модернизированными аркебузами европейского типа (Синицин, 2001, с. 187).

Японские стрелки проявили себя с лучшей стороны и в ходе междоусобных войн второй половины XVI — начала XVII в., и в период Имджинской войны 1592—1598 гг., в ходе которой им противостояли корейские и китайские войска. Многочисленная и хорошо обученная огнестрельная пехота, укрепившаяся на оборонительных рубежах, была опасным противником как для вражеских пехотинцев, вооруженных холодным оружием, так и для относительно немногочисленной японской кавалерии. Уже в ходе битвы при Нагасино (1575 г.) стрелки Ода Набунага использовали «современную» европейскую тактику ведения боя (Носов, 2001, с. 112). Аркебузиры выстраивались в три шеренги, которые вели непрерывную стрельбу залпами, попеременно сменяя друг друга. Для защиты пехотинцев от вражеской кавалерии японские полководцы применяли неподвижные полевые укрепления. Так, в той же битве при Нагасино, аркебузиров прикрывал бамбуковый палисад, через отверстия в котором они вели стрельбу по наступающей кавалерии клана Такэда. При малейшей возможности японские аркебузиры использовали и ландшафт местности, на котором проходила битва. Так, в сражении с корейскими армиями подЧунджу (1592 г.) стрелки Хидоеси «быстро заняли господствующие высоты и открыли по корейцам огонь», что позволило японцам одержать блестящую победу над войсками генерала Син Ип (Асмолов, 2002, с. 10).

Вместе с тем, несмотря на рост значимости огнестрельной пехоты, она (как и в Джунгарии) так и не вытеснила с полей сражений воинов, вооруженных холодным оружием. Знаменитый правитель и полководец Такэда Сингэн в своих наставлениях советовал «заменить копья ружьями» (Синицин, 2001, с. 187). Однако данное утверждение не стоит воспринимать буквально. Речь идет не о замене пикинеров на стрелков, а лишь об увеличении численности отрядов огнестрельной пехоты. В Японии аркебузиры оказались встроенными в

традиционную тактику ведения боя, в котором рукопашная схватка играла исключительно важную роль. Несмотря на наличие защитного вооружения, аркебузиры «тэппо асигару» (как и европейские и западномонгольские мушкетеры), как правило, не могли противостоять в ближнем бою панцирной пехоте и кавалерии противника, вооруженной древковым и клинковым оружием. Поэтому в полевом сражении японскую огнестрельную пехоту прикрывали отряды копьеносцев «яри». Копья широко использовались японскими пехотинцами во второй половине периода Муромати (1333-1573 гг.), но с началом распространения огнестрельного оружия значение «яри» еще более возросло (Носов, 2001, с. 124, 127). По мнению исследовавшего японское оружие К. С. Носова, «появление в Японии огнестрельного оружия в середине XVI в. значительно изменило тактику боя. Конница, как главная ударная сила, уходит в прошлое, на смену ей приходят аркебузиры и копейщики» (там же, с. 124).

В Китае так называемая «чжэцзянская» тактика получила широкое распространение в XVI в. Ее изучению посвящен ряд работ московского востоковеда и военного историка А. М. Пастухова. На начальном этапе «чжэцзянская» тактика строилась на взаимодействии аркебузиров, щитоносцев и воинов, вооруженных длиннодревковым оружием. Впоследствии пешие отряды, использовавшие данную тактику, были дополнены кавалерийскими подразделениями и повозками, на которых были размещены пушки. Однако в Китае конница в этот период не играла столь важной роли, как у народов Передней и Средней Азии, у которых кавалерия стала главным партнером спешенной огнестрельной пехоты.

В Китае отряды пехотинцев, вооруженных португальскими аркебузами, появились, вероятно, еще в первой четверти XVI в., однако особая тактика, совмещавшая в себе потенциал европейского огнестрельного оружия и традиционные способы ведения ближнего и дистанционного боя, появилась только в конце 50 — начале 60-х гг. XVI в. Ее автором являлся известный военный теоретик и полководец Ци Цзигуан (1528-1587), автор военного трактата «Цзисяо синьшу». По месту ее первого применения (пров. Чжэцзян) и основному контингенту рекрутов тактика получила название «чжэцзянской». Появление новой тактики было вызвано необходимостью противостоять отрядам японских пиратов «вокоу», терроризировавших морское побережье Южного Китая. Слабообученные и плохо вооруженные китайские солдаты (в основном недавно мобилизованные крестьяне) не могли противостоять в ближнем бою японским «пиратам», костяк которых составляли деклассированные самураи-ронины и асигару, а также прекрасно вооруженные самураи дружин южнояпонских дайме. Понимая это, Ци Цзигуан сделал ставку на дистанционный бой, основную роль в котором играли воины, вооруженные ручным огнестрельным оружием, которых в ходе сражения прикрывали массы солдат, вооруженных длиннодревковым оружием и щитами. Мобилизованные из деревень крестьяне разбивались на небольшие подразделения — «дуй», состоявшие из 12 человек: командира, 4 воинов, вооруженных длинными копьями, 2 воинов, вооруженных «трезубцами», 2 воинов с комбинированным длиннодревковым оружием «волчья метла», 2 щитоносцев (один из которых нес большой щит, а второй — малый круглый плетеный щит «тэнпай» из глицинии) и 1 кашевара. Подразделения «дуй» составляли сотню «шао» или взвод «ци» (из 3 «дуй»). Подразделения формировались из жителей одной деревни, а соединения — из жителей одного округа, что позволяло поддерживать в войсках высокий боевой дух и чувство взаимовыручки. Кроме солдат, вооруженных древковым оружием и щитами, в состав отрядов включались подразделения воинов, вооруженных аркебузами и луками, стрелявшими стрелами-ракетами «хоцян». Кроме них, в употреблении были малокалиберные орудия «худунпао» на сошках. На каждые 5 сотен солдат, вооруженных холодным оружием, приходилась одна сотня аркебузиров, т. е. огнестрельным оружием были вооружены 20% личного состава подразделения.

Ци Цзигуаном был разработан специальный боевой строй «юаньян чжэнь», в рамках которого воины, вооруженные разным оружием, взаимно прикрывали и поддерживали друг друга. Главным элементом методики «Чжэцзян бинфа» были слаженные действия всех категорий воинов, управляемых с помощью особой системы сигналов. Главную опасность для своих солдат Ци Цзигуан видел в клинковом рукопашном бое с японскими самураями, поэтому он сделал все возможное, чтобы максимально ослабить наступающего противника еще до начала рукопашной схватки. Китайские армии размещались на оборонительных позициях на

Рис.222. Построение восточноазиатских войск, предполагающее взаимодействие пеших воинов, вооруженных ручным огнестрельным оружием, копейшиков и шитоносаев. Прорисовка из «Маньчжоу-шилу».

залитых водою рисовых полях, которые затрудняли продвижение отрядов вражеской пехоты. Бой начинался с обстрела противника из пушек и аркебуз. По мере приближения врага стрелки перемещались за построения пикинеров, но продолжали вести стрельбу из глубины построения стрелами-ракетами. Ослабленного противника встречал лес длиннодревкового комбинированного оружия, прорваться сквозь который было исключительно сложно. Китайские копейщики, в отличие от японских «яри» и европейских пикинеров, обычно не имели доспехов, поэтому в сражении их прикрывали щитоносцы, снабженные большими деревянными и малыми плетеными щитами и вооруженные в основном клинковым оружием. Эти же воины с палашами и саблями в руках встречали и прорвавшихся к линии щитов отдельных японских мечников.

Впоследствии, в ходе операций против монголов и маньчжуров, пехотные китайские армии, использовавшие «чжэцзянскую» тактику, дополнялись смешанными подразделениями из конницы, пехоты и повозок, на которых размещались пушки. Однако в конце династии Мин китайские полководцы исповедовали в основном оборонительную тактику и главным партнером огнестрельной пехоты на поле боя продолжали оставаться воины, вооруженные длиннодревковым оружием. Наряду с копейщиками для защиты стрелков использовались рогатки «цзюйма цян» и передвижные щитообразные (сбитые из досок) укрепления с амбразурами для ведения стрельбы. Китайская конница была относительно немногочисленна и по своим боевым характеристикам уступала как маньчжурской, так и монгольской коннице, что во многом предопределило слабость китайских армий начала XVII в. в столкновениях с северным противником (Бобров, Худяков, 2003, с. 130).

Широкое распространение ручного огнестрельного оружия европейского типа в Турции началось почти на 100 лет раньше, чем в Японии и Китае, и почти на 200 лет раньше, чем в Джунгарии. По мнению Д. Николле, «существуют неопровержимые свидетельства того, что огнестрельное оружие использовалось османской пехотой уже в начале XV в.» (Николле, 2004, с. 11). Но по-настоящему популярным огнестрельное оружие стало в период правления султана Мурада II (1422-1451 гг.). В эффективности фитильных ружей янычары смогли убедиться в ходе венгерской кампании 1440-1443 гг., после которой они повсеместно стали менять традиционные луки и арбалеты на аркебузы с фитильным замком. Несмотря на запрет, наложенный римским папой на торговлю оружием с мусульманской Турцией, поставка ружей в Османскую империю была прибыльным делом. Поэтому среди торговых партнеров Стамбула оказались не только протестантская Англия и Голландия, но и католические Франция и Италия.

На поле боя вооруженные огнестрельным оружием янычары активно взаимодействовали не только со своими однополчанами, вооруженными клинковым и древковым оружием, но и с много-

Рис. 223. Изображения среднеазиатского ружейного стрелка, заряжающего фитильный мушкет. Прорисовка из китайского трактата эпохи династии Мин (1368–1644).

Рис. 224. Изображения среднеазиатских ружейных стрелков XVI-XVII вв., взаимодействующих с пешими копейщиками *(1-4, 8-10),* ведущих огонь из окопов (5) и с коня *(6, 7).*

численной легкой, средней и тяжеловооруженной конницей. Эффективность взаимодействия пеших стрелков и кавалерийских соединений была настолько очевидной, что османским военачальникам не пришлось активно развивать собственную многочисленную пехоту пикинеров, вооруженных длиннодревковым оружием. Пешие копейщики входили в состав турецких армий, но играли значительно меньшую роль в ходе боевых действий, чем их коллеги в войсках европейских или восточноазиатских государств XVI — начала XVII в.

Похожим образом обстояли дела и в Иране XVI-XVIII вв. Только здесь роль конницы как главного партнера огнестрельной пехоты была еще больше, а роль пеших копейщиков соответственно меньше. Более того, есть основание полагать, что пеших копейщиков как самостоятельного рода войск в иранской армии этого времени вообще не существовало, а их роль выполняли конные воины, вооруженные пиками, в случае необходимости спешивавшиеся перед началом боя. На хорасанской миниатюре 60-х гг. XVI в. к «Хамсе» Навои мы видим изготовившуюся к битве армию «Искандара» (Александра Македонского), а фактически — строй иранской армии середины XVI в. Это один из прообразов построений джунгарских войск второй половины XVII в. Впереди показан развернутый строй спешенных стрелков (большинство — легковооруженные воины, только командиры снабжены панцирями и шлемами). Вторую линию построения составляет средневооруженная и тяжеловооруженная копейная конница, за которой располагаются полковые оркестры (воины с барабанами и трубами) (рис. 225).

Совершенства эта тактика достигла в период правления известного иранского завоевателя Надир-шаха (1736-1747). На поле боя армия Надира обычно строилась в несколько рядов, составлявших две основные линии построения. В первой находились спешенные воины, вооруженные фитильными ружьями, луками, арбалетами, крупнокалиберными ружьями («джезаир») и фальконетами «зарбзан». Перед строем пехотинцев располагалась артиллерия. Вторую линию построения, резерв и фланги формировали конные отряды, вооруженные в основном холодным оружием. Армия Надир-шаха, используя данное построение, могла вести как наступательные, так и оборонительные бои. Схема сражения была следующей: спешенные стрелки вступали в активное соприкосновение с противником, стремясь смешать его ряды и нанести максимальный урон живой силе. Как только натиск противника ослабевал или его строй рассыпался, в дело вступали кавалерийские отряды флангов, резерва и второй линии построения: «...джезаиры (и лучники) старательно стреляли пулями и стрелами и в полчаса рассеяли ряды их (врагов) сплоченности, как звезды Большой и Малой Медведиц. Еще две тысячи славных бойцов, имевших щиты и мечи и готовых нанести поражение тому племени, сейчас же атаковали ту несчастную толпу, и долины и реки наполнились телами убитых... Когда государь-мирозавоеватель увидел слабость (иранского) войска, он приказал три тысячи смелых джезаири немедленно посадить на лошадей и спешно доставить на поле сражения. Он приказал, чтобы они без опасения и страха напали на тех неблагодарных людей и чтобы следом за ними рустемоподобные конные воины с острыми мечами и смертоносными копьями приступили к делу» (Мухаммед-Казим, 1961, с. 61, 92). Атаку конницы, как и в XVI в., сопровождали грохот барабанов и рев труб (там же, с. 77, 131). Данная тактика основывалась на тактических схемах, использовавшихся иранскими военачальниками в XVI-XVII вв.

В Средней Азии собственно пешие подразделения (городские ополчения) были относительно немногочисленны. В силу географических и природно-климатических условий большая часть армии (а часто и вся армия целиком) в походе передвигалась на лошадях. Перед сражением часть воинов спешивалась и вела бой в пеших порядках. Со времен Тимура спешенные воины в основном выполняли функции стрелков, т. е. были лучниками или арбалетчиками, посылавшими во врага стрелы под прикрытием деревянных (сбитых из досок) или прутяных станковых щитов. Иногда щиты устанавливались на повозки, благодаря чему такие полевые укрепления становились передвижными. Их применяли как в ходе сражения, так и при обороне военного лагеря. Перед битвой кочевых узбеков Мухаммада Шайбани-хана с войсками среднеазиатских городов в 1486 г. последние применили такие «араба-тура» (дословно «телеги со щитом в рост человека»): «Когда оба войска, соединившись в Шахр-и Вазире, выставили пешее и конное войско Урганча, Хивы, Ката, Болдум-Саза и Хазараспа, (хорезмийцы. — *Авт.)* передали им араба-тура и

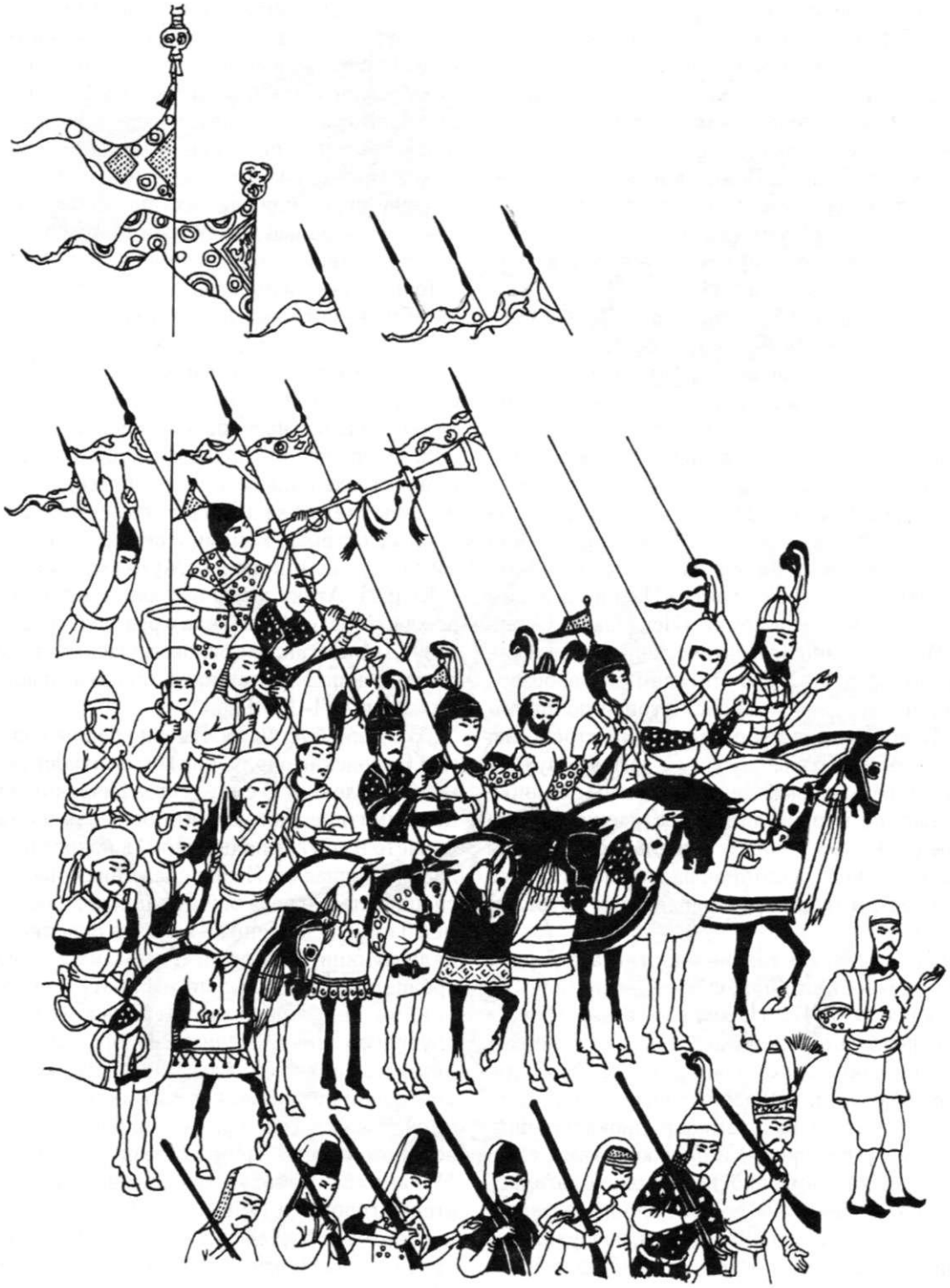

Рис. 225. Прорисовка построения «войска Искандера, построенного для битвы с Дарием». Миниатюра из «Хамсы» Навои, школа Хорасана, 70-е гг. XVI в. Прообраз построения джунгарской армии конца XVII в.

по приказу своего мирзы вооружились... Тогда они (войска среднеазиатских городов. — *Авт.)* составили свои араба-тура как крепость... Когда наступила ночь, они бросили свои араба-тура и вернулись в свою крепость» (Материалы по истории казахских ханств..., 1969, с. 24, 499). Данная военная традиция предопределила ту легкость, с которой среднеазиатские воины усвоили тактику использования ручного огнестрельного оружия в пешем строю, в оборонительных порядках. Уже в первой трети XVI в. тимурид Захир-ад-дин Бабур активнейшим образом использовал огнестрельную пехоту против своих североиндийских противников. Причем тактика Бабура в индийских кампаниях живо напоминает тактику джунгар конца XVII в.: находящаяся в центре построения обороняющаяся пехота огнем отражала атаку противника, после чего конница, сконцентрированная на флангах и во второй линии построения, наносила по деморализованному противнику страшный удар. Столь оперативное использование Бабуром новой для Средней Азии тактики (как, впрочем, и пушек) следует связывать с его повышенным интересом к военным новинкам, применяемым в Иране, который был союзником Бабура в войне против кочевых узбеков Мухаммад Шайбани-хана. В течение XVI-XVII вв. пришедшие в Мавераннахре на смену Тимуридам Шейбаниды и Аштарханиды не только усвоили новую тактику, но и развили ее. Среднеазиатские государства этого периода активно изготавливали пушки и ружья, причем последние экспортировались в казахские, киргизские и ойратские степи. Номады Средней Азии на несколько десятилетий раньше ойратов стали использовать оборонительную тактику с применением ручного огнестрельного оружия и полевые заграждения в виде сцепленных телег. Характерно, что вооруженные ружьями стрелки вели бой бок о бок с пешими и конными лучниками. Хафиз-и Таныш во второй половине XVI в. дал описание этого строя степняков в своей «Шараф-наме-йи шахи»: «Они (номады. — *Авт.)* прикрепили крепкими цепями, прочными канатами огромное число телег, которые еще раньше собрали из вилайетов Дашта (Дешт-и-Кипчака), Туркестана, Сабрана, Ташкента, Андижана, Кагана, и установили их перед боевыми рядами. В них устроилось много стрелков из ружья (туфанг), бесчисленное множество стрелков из лука» (Кушкумбаев, 2001, с. 70). Судя по среднеазиатским миниатюрам и письменным источникам XVI-XVII вв., главным партнером спешенной огнестрельной пехоты была панцирная и легковооруженная копейная и лучная конница. Причем в ходе сражений панцирные копейщики (как и джунгары. — *Авт.)* могли спешиваться и прикрывать своих стрелков (рис. 224, 225). В Восточном Туркестане тактическая схема, предусматривавшая построение армии в несколько линий (в центре — спешенные стрелки, вооруженные фитильными ружьями, и артиллерия, на флангах и во второй линии (в резерве) — кавалерия, наносившая решающий удар по противнику), сохранялась даже в последней трети XIX в. (Куропаткин, 1879, с. 195-196).

Таким образом, тактика народов разных регионов Азии, усвоивших огнестрельное оружие «европейского» типа, была во многом схожей. В ходе сражения воины, вооруженные ружьями, занимали оборонительные позиции (иногда применяя подвижные или стационарные полевые укрепления). В момент вражеской атаки их прикрывали пехотинцы, вооруженные древковым и клинковым оружием (Европа, Китай, Япония, Турция), или конные копейщики (Иран, Средняя Азия), которые в случае необходимости спешивались и защищали стрелков, сражаясь в пеших порядках. В задачи огнестрельной пехоты и пеших копейщиков входили отражение атаки противника и создание условий для проведения контратаки с участием кавалерии. При этом близость тактики народов от Атлантики до Тихого океана обусловлена не только прямым заимствованием передовых тактических схем (которые со времен раннего Средневековья стремительно распространялись по Евразии), но и техническими характеристиками фитильных ружей этого времени.

В конце XVII в. и западные, и восточные соседи монгольских племен применяли близкую, но различавшуюся в нюансах тактическую схему ведения боя. Чья же тактика послужила образцом для джунгарских полководцев? Могут быть рассмотрены два основных варианта: государства Средней Азии и Дальнего Востока. Еще в первой четверти XVII в. харачинский правитель Ууба обратился с просьбой к своему тестю маньчжурскому правителю Нурхаци с просьбой прислать им помощь в тысячу воинов, вооруженных огнестрельным оружием. Вместо воинов Нурхаци прислал 8 инструкторов, которые должны были научить союзных маньчжурам

южных монголов приемам дальневосточного военного искусства. Однако широкого распространения среди восточных и южных монголов «чжэцзянская» тактика не получила, так как местные степные правители не могли приобрести достаточного количества огнестрельного оружия для создания крупных воинских подразделений аркебузиров. Поэтому в Восточной Монголии ружья применялись эпизодически и не определяли общей схемы боя. В Джунгарии, напротив, этот эксперимент удался, однако маловероятно, что он был следствием прямого китайского или маньчжурского влияния. Контакты ойратов и жителей Поднебесной с 50-х гг. XV в. (со времени падения державы Эсен-хана) не отличались регулярностью. Восточные монголы с этого времени «совершенно изолировали ойратов от Китая, от его рынка» (Чимитдоржиев, 2002, с. 170). По замечанию Б. П. Гуревича и В. А. Моисеева, «постепенно интерес минских правителей как к Монголии, так и к Восточному Туркестану угас, и к началу XVII в. Пекин уже не имел с ойратскими племенами никаких формальных связей и при Минском дворе о них практически ничего толком не знали» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 10).

После середины XV в. крупных военных столкновений между ойратами и китайцами не было более 200 лет, вплоть до I Джунгаро-цинской войны 1690-1697 гг. А в ходе этой войны джунгары уже активно применяли новую тактику. Можно предположить, что новый способ ведения боя стал известен ойратам через южных монголов и халхасцев, которые воевали с Минским Китаем и маньчжурами на протяжении всего XVI и начала XVII в. Однако для этого халхасцы должны были сами усвоить «чжэцзянскую» тактику, что, как известно, не произошло. С другой стороны, ойраты уже в XV в. взаимодействовали (в том числе и в военном отношении) с мусульманскими государствами Восточного Туркестана и Мавераннахра. Ойратские правители вместе со своими нукерами нанимались на службу к ханам Кашгарии; в свою очередь, мусульманские феодалы после проигранных междоусобных войн во главе своих отрядов бежали к своим «калмакским» союзникам и подолгу жили среди ойратов. Первые крупные поражения, нанесенные с помощью огнестрельного оружия (использовавшегося по интересующей нас тактической схеме), ойраты также потерпели на своих западных границах (в сражениях с «бухарцами» и казахами, вооруженными среднеазиатскими фитильными ружьями), после чего джунгарские ханы начинают массовые закупки огнестрельного оружия, в основном в той же Средней Азии. Во второй половине XVII в. письменные источники фиксируют факт наличия в джунгарской армии офицеров-мусульман, выходцев из Восточного Туркестана. Некоторые из них добивались высокого положения и становились командирами отдельных отрядов, укомплектованных как кашгарскими мусульманами, так и ойратами-ламаистами. Характерно, что мусульманские военачальники джунгарской армии участвовали не только в операциях против своих собратьев по вере, но и в походах против русских (в Южной Сибири) и халха-монголов (на восточной границе ханства). Наконец, в конце XVII в., незадолго до начала Джунгаро-халхаской войны, мусульманский Восточный Туркестан становится частью Джунгарского ханства и крупные подразделения кашгарцев и яркендцев включаются в состав ойратских армий.

Факт длительного военного взаимодействия ойратов и мусульманских народов Средней Азии, при отсутствии сколько-нибудь масштабных аналогичных отношений ойратов и народов Дальнего Востока, дает нам основание предположить, что известная тактическая схема была заимствована ойратами на мусульманском Востоке (у оседлых земледельческих государств и казахов). На это указывает и тот факт, что главными партнерами огнестрельной пехоты у ойратов были все же не пикинерская пехота и щитоносцы (как в Китае), а кавалерия (как в Средней Азии), бойцы которой, в случае необходимости, могли спешиться и прикрыть стрелков. При этом факт заимствования тактики у мусульман не исключает и возможность дополнительного (возможно, опосредованного) китайского или маньчжуро-китайского влияния.

Кроме того, перед глазами ойратских военачальников был еще один пример эффективного применения длиннодревкового оружия в пеших порядках. Этот пример на протяжении XVII в. неоднократно демонстрировали им русские служилые люди сибирских острогов. Массовое применение русскими копий, пик и рогатин против южносибирской и центральноазиатской конницы относится к первой половине XVII в. Российские историки, многократно отмечавшие факты широкого применения зем-

лепроходцами огнестрельного оружия, длительное время не уделяли должного внимания длиннодревковому оружию казаков и детей боярских. А последнее между тем играло исключительно важную роль в столкновениях служилых с енисейскими кыргызами, бурятами, якутами и теми же ойратами. Накануне знаменитого похода Андрея Дубенского в 1626 г. из 300 казаков (3 атамана, 6 пятидесятников, 24 десятника и 270 рядовых) 206 человек были вооружены копьями. Но этого руководителям экспедиции показалось недостаточно, поэтому из Тобольска в Енисейск были отправлены подводы с железом для того, чтобы тамошние кузнецы выковали еще 64 недостающих копейных наконечника. Таким образом, предполагалось, что из 300 участников похода 270 будут вооружены длиннодревковым оружием (Бахрушин, 1955, с. 19). Изучавший военное дело енисейских кыргызов Я. О. Тухачевский писал в Москву в 1639 г.: «И тех твоих государевых изменников всех знаю и бой видел... и с ними, государь, изменники, твоим государевым людем без копей битца не мошна». Московские власти прислушались к предостережениям Тухачевского и почти поголовно снабдили русских служилых, отправлявшихся в Хонгорай, длиннодревковым оружием (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 91-94).

Второй этап джунгарских военных реформ, эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск в конце 90-х гг. XVII в. — первой половине 20-х гг. XVIII в.

Разгром армии Галдана Бошокту-хана в Халхе в ходе I Джунгаро-цинской войны (1690-1697 гг.) утвердил его племянника Цеван-Рабдана на джунгарском престоле, но существенно ослабил военный потенциал Джунгарии. Воспользоваться кажущейся слабостью ханства спешили казахские жузы, Российское государство и Цинская империя.

В этих условиях Цеван-Рабданом была проведена вторая волна военных реформ, сыгравших важную роль в повышении боеспособности джунгарских вооруженных сил. В рассматриваемый период они были направлены на расширение и развитие существующих и налаживание новых добывающих и обрабатывающих производств, связанных с военными нуждами, начало выпуска новых видов вооружения, продолжение перевооружения армии огнестрельным оружием.

Изготовление оружия для нужд джунгарской армии было обозначено в качестве приоритетной задачи государства. Залогом успешности данного предприятия являлась централизация политической власти в руках хунтайджи, которому удалось провести ряд военных и экономических преобразований, в результате которых экономика ханства была предельно милитаризована.

В конце XVII — начале XVIII в. в Джунгарии (в основном на территории личного домена хунтайджи) были созданы крупные железодобывающие и железообрабатывающие центры, на которых трудились тысячи местных и иностранных мастеров. Большое значение уделялось совершенствованию процесса добычи и транспортировки железной руды. Так, на одной из крупнейших баз в окрестностях оз. Тексел был создан специальный озерный флот, состоявший из «дощаников», перевозивших железную руду на другой берег озера, где из нее плавили оружие. Наряду с развитием железообрабатывающих производств в Джунгарии были развернуты добыча меди и производство селитры, необходимой для изготовления пороха.

К работе по изготовлению оружия привлекались европейские и среднеазиатские специалисты, а также оружейники Саяно-Алтая. Отправленные во владения хунтайджи кузнецы расселялись в окрестностях Урги и заносились в специальные списки. Административно они включались в специальную территориальную, социальную и хозяйственную единицу, насчитывавшую в среднем около 4 тыс. чел., — «оток», названный Улутэ (Кычанов, 1997, с. 240-241; Чернышев, 1983, с. 91). Металлическое сырье для изготовления оружия и защитного вооружения приобреталось за счет средств государства. Трудившиеся в оружейных мастерских дарханы изготовляли предметы вооружения для нужд ойратских армий и получали за эту работу вознаграждение от хунтайджи.

Наряду с признанными мастерами к работе по изготовлению защитного вооружения привлекались и рядовые кочевники, в том числе женщины, которые изготавливали оружейную амуницию и предметы вооружения, не требующие особых профессиональных навыков. Такая государственная барщина вкупе с разделением труда при производстве защитного вооружения позволила существен-

но увеличить объемы выпускаемой продукции, унифицировать основные структуры бронирования и виды покроя панцирей.

Наряду с созданием поточного производства защитного вооружения были предприняты успешные попытки по налаживанию централизованного производства холодного оружия. Комплекс наступательного вооружения джунгар, по сведениям И. Унковского, в 20-х гг. XVIII в. включал в себя саадаки, фитильные ружья, 5-метровые пики и сабли.

На фоне развития оружейного производства в Джунгарии особенно заметно выглядит продолжающийся процесс «вестернизации» («мусульманизации») джунгарского оружейного комплекса, что помимо прочих условий было вызвано рядом важных политических процессов.

В начале XVIII в. Цеван-Рабдан восстановил политический контроль Джунгарии над мусульманским Восточным Туркестаном с его знаменитыми ремесленными центрами. Оружейные комплексы, изготавливавшиеся мастерами Яркенда, Кашгара, Кучи, Хотана и других городов, совмещали в себе «центральноазиатские» и «мусульманские» оружейные традиции. Однако в условиях такого военно-культурного «симбиоза» последние были абсолютно преобладающими. Феодалы Восточного Туркестана не только поставляли предметы вооружения в джунгарские армии, но вместе со своими дружинами и ополчениями восточнотуркестанских городов принимали живейшее участие в военных предприятиях джунгарских хунтайджи.

В начале XVIII в. в Джунгарию с берегов Волги откочевал рассорившийся со своим отцом Аюки-ханом «царевич» Санжип. Вместе с ним на берега Или прибыло около 60 тыс. волжских калмыков, что существенно увеличило военный потенциал Джунгарии. Калмыцкий оружейный комплекс к этому времени был уже в значительной степени «вестернизирован». Многие калмыки использовали русское, иранское, хивинское, северокавказское оружие или оружие, изготовленное местными мастерами по западноазиатским образцам.

Стремительный «бросок на Запад», начатый Цеван-Рабданом и продолженный его сыном Галдан-Цереном, привел к тому, что джунгарам удалось установить свой политический контроль над крупными городами Средней Азии (Ташкентом, Туркестаном, Сайрамом и др.), а также значительной частью кочевых орд Дешт-и-Кипчака. Письменные источники свидетельствуют о том, что местные народы уплачивали дань не только драгоценными металлами, тканями, скотом, но и предметами вооружения.

Неудивительно, что в этих условиях влияние «мусульманских» военно-культурных традиций на джунгарский оружейный комплекс неуклонно возрастало. Миссюрки, кольчатые панцири (скроенные в виде рубах со стоячим или отложным воротником, короткими разрезами на груди и подоле, рукавами до середины локтя и подолом до середины бедра), створчатые наручи с кольчато-ременным соединением, сабли среднеазиатского образца в рассматриваемый период использовали преимущественно воины, вооруженные огнестрельным оружием. Конные латники-копейщики обычно предпочитали традиционные пластинчато-нашивные и ламеллярные доспехи, цельнокованые и клепаные сфероцилиндрические, сфероконические и полусферические шлемы с козырьками и бармицами. Во втулки шлемов, навершия миссюрок, шапок и шляп вставлялись плюмажи, представлявшие собой кисть из узких красных лент, — «улан зала».

Зависимость Джунгарии от поставок огнестрельного оружия из-за границы представляла угрозу национальной безопасности страны, поэтому в конце XVII — начале XVIII в. джунгарскими правителями были предприняты экстраординарные меры по налаживанию его производства в степных условиях. На протяжении первой трети XVIII в. ружейное производство в Джунгарии стремительно развивалось и расширялось. Иностранные специалисты в этот период обучили джунгарских оружейников основным технологическим приемам изготовления ружей. О работе таких мастерских в окрестностях Урги и у оз. Тексел сообщали российские посланники, которые особо подчеркивали, что джунгары изготовляют фитильные ружья и боеприпасы к ним самостоятельно.

Три тысячи «ружейников» (а впоследствии и артиллеристов) были приписаны к отоку Джахачин (оток пограничной стражи). Процесс изготовления ружей (впоследствии также крупнокалиберных ружей) был отнесен к ведению специальных чиновников «баоцинаров» (от «буучин» — ружье).

Начало собственного ружейного производства в Джунгарии имело принципиальное значение для развития вооруженных сил ханства. Если раньше джунгарские феодалы были вынуждены выкупать

или захватывать огнестрельное оружие у своих соседей, то теперь они могли самостоятельно контролировать и направлять процесс перевооружения армии — от добычи руды до поступления ружей в войска.

Собственное производство ручного огнестрельного оружия привело к тому, что последнее получило широчайшее распространение даже среди рядовых джунгарских «цириков». Особенно заметным это явление выглядит на фоне других кочевых народов. Например, казахские воины XVIII в. также широко использовали фитильные ружья, некоторая часть которых была изготовлена местными оружейниками. Однако производство ружей в Казахстане не получило системного оформления и не было поставлено на поток. Правителям казахских жузов не удалось создать необходимую материально-техническую базу для их массового производства, собрать значительное количество специалистов, обладающих необходимыми технологиями и знаниями для решения данной задачи. Поэтому, несмотря на массовые поставки в казахские войска огнестрельного оружия из оседло-земледельческих центров Средней Азии, казахи в первой трети XVIII в. значительно уступали по огневой мощи своим западномонгольским противникам. У союзников казахов — киргизов и каракалпаков огнестрельное оружие получило еще меньшее распространение. Джунгария оказалась единственным кочевым государством, наладившим постоянное и массовое производство ручного огнестрельного оружия в Центрально-Азиатском регионе.

Большинство фитильных ружей джунгарского производства имело фитильный замок. Судя по данным изобразительных источников, вещественным материалам и позднейшим аналогам, джунгарские ружья имели фитильный замок так называемого «азиатского» или «сибирского» типа, длинный ствол, узкий приклад и часто деревянные сошки, опираясь на которые можно было существенно повысить меткость стрельбы. Ружейная амуниция (ружейная сумка, огниво, мешочки для пуль и т. д.) носилась на поясе. Для повышения скорострельности порох иногда ссыпался в специальные пороховые мерки, выполненные из кости или рога, которые подвешивались к кожаному ремню или веревке. Такие азиатские «бандельеры» обычно носили не через плечо, а на шее.

Вероятно, именно в этот период номадами был широко освоен способ ведения стрельбы с коня, что еще более усилило значимость дистанционного боя с использованием огнестрельного оружия. Тем не менее в ходе сражения роль конных панцирников и лучников была еще достаточно велика, хотя в рассматриваемый период различие родов войск было в значительной степени нивелировано: многие стрелки, вооруженные огнестрельным оружием, оделись в кольчатые панцири среднеазиатского образца, а конные латники в качестве дополнительного вооружения получили фитильные ружья.

Джунгарская армия конца XVII — первой половины XVIII в. состояла из дружин хунтайджи и крупных ойратских феодалов, народного ополчения, дружин и ополчений вассалов и союзников ханства. Личный состав дружин ойратской знати отличался известной пестротой. Кроме самих джунгар службу в них несли представители других народов: казахи, тибетцы, уйгуры, халха-монголы и др. В состав дружины хунтайджи были включены отряды переселенных в Джунгарию енисейских и тянынанских кыргызов, отдельные подразделения казахов, кашгарцев. Из инородцев численно преобладали казахские воины, которые еще детьми вывозились из Казахстана в Джунгарию в качестве военной добычи (Моисеев, 1990, с. 71). Все ойраты мужского пола (кроме детей, дряхлых стариков и лам) считались военнообязанными и несли воинскую повинность. При известии о приближении противника все подлежавшие призыву мужчины должны были незамедлительно прибыть в ставку местного феодального владетеля. Благодаря относительно компактному проживанию большей части ойратов, джунгарский феодалам удавалось достаточно быстро отмобилизовать необходимое число воинов. Ответственность за снаряжение воинов несли удельные правители, которые ввоенное время содержали мобилизованных солдат на своем иждивении.

По сообщению русского посла, капитана артиллерии Ивана Унковского, побывавшего в Джунгарии в начале 20-х гг. XVII в., численность джунгарской армии в этот период составляла от 60 до 100 тыс. человек. Эти сведения подтверждаются показаниями и других лиц (Моисеев, 1990, с. 70).

Тем не менее для ведения боевых действий в первой четверти XVIII в. из общего числа воинов выделялись относительно небольшие отдельные

корпуса, насчитывавшие 5-15 тыс. человек. Боеспособность таких соединений была велика, так как значительную их часть составляли профессиональные воины (из числа дружинников хунтайджи и крупных джунгарских феодалов). «Цирики» таких отрядов были оснащены панцирями, шлемами и наручами и другими защитными деталями, имели на вооружении длиннодревковое и длинноклинковое оружие, а также саадаки и фитильные ружья. Семитысячного отряда из снаряженных таким образом воинов хватило для разгрома монголо-тибетских войск правителя хошоутов Лхасанг-хана (1717), последующей двухлетней оккупации Тибета (1718-1719) и успешных боевых действий против вторгшегося в «Страну снегов» цинского экспедиционного корпуса в 1718 г. (Бобров, Худяков, 2006, с. 202-205). Десятитысячная джунгарская армия в 1716-1717 гг. остановила и повернула вспять многочисленный, хорошо вооруженный и снабженный пушками российский корпус Бухгольца. Джунгарский отряд из нескольких тысяч конных копейщиков и стрелков «разметал» крупную казахскую армию в сражении на р. Аягуз в 1717 г. Сосредоточить основные силы на направлении главного удара вплоть до начала 20-х гг. XVIII в. Цеван-Рабдану мешали почти одновременные боевые действия сразу на трех фронтах: северном (против русских), восточном (против цинских войск) и западном (против казахов). В условиях непрекращающейся войны на два, а то и на три фронта Джунгария, не обладавшая достаточными материальными и людскими ресурсами, была вынуждена делать ставку на полководческое мастерство своих военачальников и воинские умения своих «цириков».

Когда отношения с русскими были урегулированы, а военные действия против имперских войск приостановлены (вследствие истощения маньчжуро-монголо-китайских армий и смерти императора Канси), относительно немногочисленные, но исключительно боеспособные джунгарские войска нанесли страшный удар по казахским жузам, который остался в памяти казахского народа, как «Актабан Шубрынды» («Годы великого бедствия»).

Джунгарские полководцы уделяли большое внимание «боевому слаживанию» воинов различных армейских подразделений. Так, взаимодействие конных латников-копейщиков и спешенных стрелков, вооруженных ружьями, отрабатывалось в ходе специальных учений, в рамках которых «пансырники из оружия палили, а латники, преклоняя копья яко против неприятеля, скопили с великим криком десятины на две или три».

Перевооруженная и обученная джунгарская армия блестяще показала себя в ходе военных кампаний против могущественных противников, нередко обладавших значительным перевесом в численности и вооружении. В 1708-1711 гг. в ходе успешной военной операции джунгары разгромили ополчения среднеазиатских кочевников, заставили казахские и каракалпакские роды двинуться на юг и «положиться на укрепления Ташкента». Падение ойратской военной активности в Казахстане было связано с началом II Джунгаро-цинской войны (1715-1723). Переброской джунгарских армий на восток попытались воспользоваться казахские султаны и Петр I, который одобрил идею освоения природных богатств Восточного Туркестана, находящегося под властью Цеван-Рабдана. При этом казахи предложили русским скоординировать свои действия и заключить военный союз (1716), с подобным же предложением к российским властям обратилась и Цинская империя (1720). Однако джунгарам удалось проявить поразительную тактическую гибкость и разбить своих грозных противников поодиночке. 1716-1718 гг. — это «годы Великих побед Джунгарии». В течение трех лет джунгары разгромили казахские ополчения на р. Арысь (1717) и р. Аягуз (1717), блокировали в Ямышевской крепости (1716) и заставили отступить (1717) русский экспедиционный корпус И. Бухгольца, нанесли поражение войскам союзных Цинской империи кукунорских монголов (1717), взяли столицу Тибета — Лхасу (1717) и уничтожили высланный на помощь тибетцам маньчжуро-монголо-китайский корпус (1718). Однако выдержать войну на три фронта даже такому воинственному государству, как Джунгария, было не под силу. Уже в 1718-1719 гг. казахи перешли в наступление. Параллельно с этим активизировались войска Цинской империи. В 1720 г. они выбили джунгар из Тибета, оккупировали Хами и Турфан.

В ходе этих кампаний джунгарские войска на тактическом уровне действовали исключительно гибко, чередуя огневую мощь спешенных стрелков с атаками масс копейной панцирной конницы. Например, сражение на р. Аягуз (1717) началось с перестрелки, которую вели джунгарские и казахские воины, укрывшиеся за «деревянными валами».

Однако исход битвы решил удар джунгарской конницы, которая «напала с копьи жестоко» на не успевшую развернуться казахскую армию. Казахские воины «стреляли на них (джунгар. — *Авт.)* из фузей», но остановить прорыв набравшей разбег конницы не смогли. Джунгарские конные копейщики смяли фузилеров и обратили их в беспорядочное бегство.

В сражениях с русским экспедиционным корпусом Бухгольца джунгарские спешенные стрелки, напротив, действовали исключительно активно, передвигались по полю боя, проявляли инициативу, эффективно оборонялись и атаковали. При успешном развитии наступления они «цеплялись» за каждое захваченное укрепление так уверенно, что выбить их потом из него было исключительно сложно: «Едва полки (русские. — *Авт.)* успели построиться для учинения обороны, то уже калмыки находились близ крепости, и первое их нападение весьма было жестоко. Иные стреляли из винтовок, другие пущали из луков стрелы... Хотя старались с артиллерийского двора пушечной стрельбою отбить от крепости неприятеля, но в том не имели желаемого успеха... Вскоре потом неприятели (джунгары. — *Авт.)* засели в двух больших амбарах, построенных недалеко от крепости для поклажи военных и съестных припасов. В оных прорубили они везде дыры, из которых стреляли как по артиллерийскому двору, так и по крепости. Они также перед амбарами из мешков, мукою наполненных, и из других вещей, там найденных, сделали себе ограду, из которой непрестанно стреляли в идущее против них российское войско, и почти до самого вечера не можно было их выбить из сего выгодного места. Две бомбы, брошенные из артиллерийского двора в амбары и перед оные, принудили наконец калмыков к отступлению...» (Миллер, 2005, с. 484-485).

Входе военных действий в Тибете в 1717-1719 гг. джунгары также успешно отражали натиск противника, опрокидывали его оборонительные построения, брали хорошо укрепленные горные крепости и замки. При ведении оборонительного боя западные монголы строили полевые укрепления. Так, в начале упоминавшегося выше сражения на р. Аягуз джунгары, не имея возможности противостоять многочисленной казахской армии в открытом поле, «нарубя лес, сделали деревянный вал и сели в осаду».

В сражениях с лучшими армиями Центральной и Восточной Азии джунгарские войска проявили себя с лучшей стороны, что позволяет отнести джунгарские вооруженные силы этого периода к числу сильнейших в регионе. Западномонгольские войска в рассматриваемое время уступали своим оседлым противникам по одному, но весьма важному показателю — наличию собственного артиллерийского парка. Цинские пушки с успехом громили «верблюжьи вагенбурги» и полевые укрепления джунгар еще в ходе I Джунгаро-цинской войны 1690-1697 гг. Боевые действия джунгарских армий против русских в Южной Сибири и против цинских войск в Тибете еще раз продемонстрировали западномонгольским военачальникам разрушительную мощь артиллерии. Неудивительно, что Цеван-Рабдан и его окружение стали рассматривать создание собственного артиллерийского парка в качестве приоритетной задачи следующего этапа развития джунгарских вооруженных сил.

Третий этап джунгарских военных реформ, эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск во второй половине 20 — 50-х гг. XVIII в.

Данный период отличается известной противоречивостью. С одной стороны, это время наивысшего расцвета джунгарского военного искусства, бурного развития инновационных военных отраслей и технологий. С другой стороны, вторая половина периода (вторая половина 40 — первая половина 50-х гг. XVIII в.) — это время экономического кризиса в Джунгарии, приведшего к сворачиванию перспективных военных производств. Экономико-технологическая стагнация практически совпадает по времени с политическим кризисом в Джунгарии, повлекшим за собой гибель ханства.

Начало третьего этапа джунгарских военных реформ и эволюиия комплекса вооружения и тактики джунгарских войск во второй половине 20 — первой половине 40-х гг. XVIII в.

В 20-40-х гг. XVIII в. ядро армии, как и прежде, составляли профессиональные воины-«цирики» из дружин хунтайджи и крупнейших джунгарских феодалов. Однако непрекращающиеся войны, при-

ведшие к перенапряжению сил Джунгарии, выдвинули на первые роли вседжунгарское ополчение. Широкое распространение в рассматриваемый период получила практика тотальной мобилизации в армию всех мужчин боеспособного возраста. 1 декабря 1732 г. Л. Д. Угримов сообщал в Санкт-Петербург: «Сего лета и при Урге у них людей токмо одне попы и бухарцы и несколько жиратов, с которыми их владелец всегда ездит на охоту, а протчия калмыки все до малого ребенка были изо всех улусов высланы на службу противо китайцев и Казачьей орды». Примерно в то же время казахские воины хвастались русским казакам, что они разграбили у оз. Зайсан «три зайсанских улуса, при которых оставались токмо старики да бабы, а делные де люди уехали все воевать китайцев... А у них де нынче крайние улусы почти пусты и в близости никого нет» (Моисеев, 1991, с. 103). Отмобилизованные воины ополчения постоянно перебрасывались с восточного (цинского) фронта на западный (среднеазиатский) и обратно. В результате многие из них имели за спиной не одну военную кампанию и по своему боевому опыту могли сравниться с регулярными войсками других государств региона. К собственно джунгарский отрядам накануне и в ходе боевых действий присоединялись отряды вассалов и союзников западномонгольского государства (халха-монголов, алтайцев, жителей Восточного Туркестана, казахов, киргизов). Основная действующая джунгарская армия обычно насчитывала около 20-40 тыс. человек. Кроме того, отдельные корпуса численностью от 1 до 10 тыс. человек могли действовать на других направлениях, прикрывать коммуникации и кочевья, совершать самостоятельные военные операции на других фронтах.

Третий этап западномонгольских военных реформ характеризуется двумя важными производственными процессами: окончательным оформлением «военной промышленности» в Джунгарии и созданием инновационных производств, в том числе важнейшего из них — артиллерийского производства.

В рамках первого направления новый джунгарский правитель, Галдан-Церен, продолжал и развивал производственные мощности, созданные его отцом Цеван-Рабданом.

На протяжении 30 — первой половины 40-х гг. XVIII в. производственные мощности домена хунтайджи постоянно увеличивались за счет открытия новых производств и переселения в Ургу мастеров с вассальных территорий. Вероятно в конце 30 — первой половине 40-х гг. XVIII в. в Ургу были в массовом порядке переселены телеутские кузнецы Южного Алтая, которые изготовляли для военных нужд Джунгарии металлические предметы вооружения: наконечники стрел, ружья, пластинчатонашивные и кольчатые доспехи. Некоторое количество оружия для джунгарской армии (крупнокалиберные и обычные фитильные ружья, предметы защитного вооружения) поставляли мастерские городов Восточного Туркестана, а также мусульмане-«кашгарцы», проживавшие в окрестностях Урги.

Собственного железного сырья, по всей видимости, не хватало, поэтому джунгарскими чиновниками начиная с 30-х гг. XVIII в. была усилена работа по взиманию металлических (прежде всего железных) изделий с подвластных народов, в первую очередь жителей Горного Алтая, в том числе с двоеданцев, присягнувших на верность Российской империи. Наиболее оптимальной формой «алмана» (дани) признавались крупные железные изделия (котлы, таганы, чаши и т. д.), которые можно было относительно легко транспортировать в Джунгарию, а там переливать в предметы вооружения. Стремясь сорвать процесс сбора железного сырья, начальник Сибирского пограничного управления генерал-майор И. В. Киндерман потребовал от двоеданцев, чтобы они вносили джунгарам «алман зверем (шкурками пушных зверей. — *Авт.)* или чем иным, кроме железных котлов и таганов». Однако, опасаясь санкций со стороны Урги, жители северных районов Алтая, проживавшие между Бией и Катунью до Телецкого озера, продолжали изготавливать и передавать джунгарам железные изделия (Косымбаев, 1986, с. 48).

Джунгарские чиновники стремились максимально ускорить процесс оснащения и перевооружения армии и поэтому пытались сочетать централизованное государственное производство с массовым кустарным. Высокотехнологичные предметы вооружения: ружья, защитное металлическое вооружение, длинноклинковое оружие — изготавливали мастера из государственных отоков Улутэ и Джахачин, затем оно поступало в государственные арсеналы, а оттуда передавалось в войска. Рядовые кочевники перед началом кампании получали специальную инструкцию, в которой

указывалось определенное количество стрел и ружейных зарядов, которые ополченец должен был самостоятельно изготовить или закупить к началу боевых действий. Нередко военнообязанные должны были также позаботиться о копье с железным наконечником и панцире из органических материалов. Кроме того, в случае необходимости и находившиеся на государственном обеспечении кузнецы получали заказ на изготовление наконечников копий, пик и стрел. Некоторое количество оружия изготавливалось в улусах отдельных феодалов и поступало с вассальных территорий (Алтай, Восточный Туркестан), а также взималось в качестве дани с казахских кочевников и городов Средней Азии.

Благодаря массовому производству ручного огнестрельного оружия, длинноствольные фитильные ружья («турки калмыцкие») потеснили традиционные сложносоставные луки в качестве основного оружия дистанционного боя. Путешественники 30—40-х гг. XVIII в. указывают на едва ли не поголовное снабжение джунгарских воинов ружьями западномонгольского производства («турками калмыцкими»). Ружьями и пиками вооружены $^{4}/_{5}$ всех джунгарских воинов, изображенных на цинских картинах середины XVIII в. Соревнования по стрельбе из ружей в конце периода вошли (наряду со стрельбой из лука и борьбой) в число наиболее популярных соревнований на джунгарских народных гуляньях. Если раньше джунгары готовы были выложить солидные деньги за импортные ружья российского производства, то в 40-х гг. XVIII в. джунгарские и «бухарские» купцы стали сами приезжать в южносибирские города и торговать ружьями и боеприпасами западномонгольского производства. Судя по тому, что подобные визиты фиксируются русскими письменными источниками неоднократно, «турки калмыцкие» пользовались в регионе известным спросом.

При этом ружья все же не вытеснили луки из военного обихода. Их продолжали использовать воины из отдаленных улусов и даже «цирики» отрядов, расквартированных вокруг Урги. Широкое распространение получила практика комплексного использования ружей и саадаков в рамках одного оружейного комплекса. В результате даже знатные воины были вооружены фитильными ружьями (которые в походном положении носились за спиной) и саадаком, который подвешивался к специальному поясному ремню. На полях сражений лучники и ружейные стрелки продолжали взаимодействовать, хотя значимость «огненного боя» значительно возросла даже по сравнению с началом XVIII в. (рис. 221).

Ключевым событием третьего этапа джунгарских военных реформ было создание собственного артиллерийского парка. Его можно разделить на две основные части: крупнокалиберные фитильные ружья (аналог европейских фальконетов, русских «крепостных пищалей», китайских «тайфур») и собственно пушки и мортиры («артиллерия» в европейском понимании этого слова).

Судя по косвенным данным, в первой трети XVIII в. в Джунгарии было налажено собственное производство крупнокалиберных фитильных ружей, число которых к началу 40-х гг. XVIII в. перевалило за 3 тыс. штук. Крупнокалиберные ружья применялись при обороне крепостей и в ходе полевых сражений. При транспортировке они перевозились на верблюдах в специальных деревянных «седлах». Согласно сведениям письменных источников, стрельбу из них нередко вели прямо с верблюжьих горбов. Скорее всего содействие в создании данного производства джунгарам оказали среднеазиатские и восточнотуркестанские мастера. Однако, учитывая количество «стволов», вскоре их начали изготавливать и джунгарские оружейники. Судя по данным изобразительных и письменных источников, крупнокалиберные ружья имели в длину около 1,5 м. От обычных фитильных ружей их отличали массивный чугунный ствол, мощное деревянное ложе и длинный тяжелый приклад. Поверхность ствола иногда покрывалась золотой или серебряной насечкой.

В середине — второй половине 20-х гг. XVIII в. в Джунгарии было создано собственное пушечное производство. Около 1726 г. под наблюдением пленного шведского инженера И. Г. Рената был запущен первый орудийный завод в районе Иссык-Куля. В 1741-1742 гг. беглыми русскими мастеровыми Билдягой и Михайловым был открыт меднолитейный завод в урочище Таван в бассейне р. Темирлик («Железная») (приток Или), на котором изготавливались пушки. Технологической новинкой в работе завода было использование водяных колес. На предприятии работало около 3 тыс. человек. Третий меднолитейный завод был построен тем же Билдягой в Яркенде (Восточный Туркестан). Кроме ос-

новных литейных предприятий, в Джунгарии было создано несколько более мелких баз, обслуживающих артиллерийское производство, занимающихся изготовлением пороха, ядер и бомб. Важной технологической проблемой была нехватка железа для изготовления боеприпасов, в первую очередь ядер. Джунгарские специалисты нашли изящный и эффективный выход из данной ситуации. Ядра стали изготавливать из олова, залежами которого был богат Восточный Туркестан. В результате при меньших затратах топлива и существенно меньших трудозатратах джунгарские артиллеристы получали вполне приемлемые по своим боевым качествам снаряды, лишь немного уступавшие чугунным ядрам по весу.

Инициатива создания артиллерии исходила от джунгарских полководцев, возможно, от самого Цеван-Рабдана, который был хорошо осведомлен о разрушительной мощи российских и цинских орудий. Как только в Джунгарии появился компетентный специалист, готовый сотрудничать с джунгарский правительством по столь важному для хунтайджи вопросу, ему практически тут же были предоставлены все необходимые материально-технические ресурсы, лучшие мастера и подсобные рабочие. Ключевую роль в производственном процессе сыграли пленные западноевропейские (шведские), русские, возможно, среднеазиатские и китайские мастера, деятельность которых позволила решить сложные технологические задачи, возникающие в процессе литья орудий. Во главе группы иностранных специалистов стоял шведский инженер и артиллерист И. Г. Ренат. К числу его важнейших заслуг следует отнести не только собственно производство пушек, мортир и боеприпасов к ним, но и то, что ему удалось обучить «артиллерному искусству» и «литью орудий» своих учеников из числа джунгарских оружейников. В 1726-1733 гг. Ренат и его помощники отлили не менее 20 трех- и четырехфунтовых орудий и не менее 20 десятифунтовых мортир.

По мере создания артиллерийского парка формировалась управленческая система по его обслуживанию. Мастера, работавшие над изготовлением крупнокалиберных ружей и пушек, были приписаны к отокуДжахачин. Чиновники, именовавшиеся «баоцинарами» («баоцинаэрами»), заведовали производством стандартных и крупнокалиберных ружей, чиновники, занимавшие должность «баоцинов», отвечали за производство и хранение пушек и мортир.

На протяжении второй половины 30-х гг. XVIII в. парк артиллерийских орудий джунгарской армии был существенно увеличен. По сведениям самих джунгар, подтвержденным данными русской разведки, парк крупнокалиберных фитильных ружей, перевозимых на верблюдах в начале 40-х гг. XVIII в., насчитывал около 3 тыс. экземпляров, полевая джунгарская артиллерия состояла из 50 «ломовых» пушек (3-4-фунтового калибра), кроме того, в джунгарской армии насчитывалось 30 десятифунтовых мортир. Обслугу орудий составляли джунгарские пушкари, обученные самим И. Г. Ренатом или прошедшие курс по оставленным им «книгам артиллерного дела».

Таким образом, в абсолютных величинах численность джунгарских 3-4-фунтовых пушек за 9 лет увеличилась более чем в 2 раза (с 20 до 50 шт.), а количество мортир возросло на треть (с 20 до 30 шт.). Это свидетельствует о том, что джунгарское артиллерийское производство, даже после отъезда И. Г. Рената, продолжало оставаться быстро и достаточно эффективно развивающейся системой.

По форме стволы джунгарских пушек напоминали стволы русских 3-фунтовых пушек первой четверти XVIII в. Однако их короткий перехваченный в нескольких местах фризами орудийный ствол крепился не к лафету с колесами, а к перпендикулярному деревянному брусу небольшого диаметра, обеспечивавшему приподнятое положение дула при стрельбе. Перевозили такие пушки на верблюдах, укрепив стволы в специальные «ясли» на горбах.

Данный способ транспортировки пушек не предусматривал наличия у них развитого лафета с колесами, что существенно снижало маневренность орудий после их снятия с яслеобразного «седла» и установки на землю. В ходе сражения орудия на короткие расстояния перетаскивали на руках, при необходимости транспортировки пушек на более длинные расстояния их снова грузили на верблюдов.

Вопреки расхожему мнению, производство орудий не было свернуто сразу после смерти Галдан-Церена в 1745 г. Некоторое время «пушечное дело» продолжало развиваться «по инерции». Причиной этого, вероятно, было наличие старого бюрократи-

ческого аппарата, к ведению чиновников которого относилось артиллерийское производство. Важное значение имело и наличие в Джунгарии некоторого количества пленных русских специалистов, обладавших определенными навыками в производстве артиллерийских орудий и боеприпасов. Пушки применялись джунгарскими полководцами даже во второй половине 50-х гг. XVIII в. Факт хранения и использования орудий Амурсаной, даже в течение крайне тяжелого для западных монголов «партизанского периода» войны с Цинской империей, подчеркивает ту значимость, которую придавали этому виду оружия западномонгольские военачальники.

Основную часть джунгарского артиллерийского парка составляли перевозившиеся на верблюдах легкие 3-4-фунтовые пушки и 10-фунтовые мортиры. Джунгарская артиллерия была мобильна (что было особенно важно в ходе маневренной степной войны) и эффективна против живой силы противника, легких полевых укреплений и «верблюжьих вагенбургов». Однако она уступала по огневой мощи многочисленной тяжелой полевой и осадной артиллерии Цинской империи и была малоэффективна при осаде хорошо укрепленных вражеских поселений. Орудий, при помощи которых можно было осаждать и брать крепости, джунгары, по всей видимости, так и не изобрели.

Тем не менее создание собственного артиллерийского производства в Джунгарии является уникальным для Центральной Азии примером адаптации кочевого этноса к стремительно меняющимся военно-политическим условиям. Необходимо подчеркнуть, что все основные противники Джунгарии в кочевом мире — казахи, киргизы, каракалпаки, халха-монголы — не только не создали собственного пушечного производства, но и вообще не обладали сколько-нибудь значительным артиллерийским парком.

Создание артиллерийского парка существенно повысило боевые возможности джунгарской армии, сделало джунгарскую тактику более гибкой и эффективной. Успешные боевые операции джунгар против армий Цинской империи в ходе III Джунгаро-цинской войны (1731-1740) и в ходе столкно'вений с казахами в 30 — первой половине 50-х гг. XVIII в. были достигнуты во многом благодаря именно эффективному использованию мобильной малокалиберной артиллерии. В целом мобильная джунгарская артиллерия удачно вписалась в развивающуюся тактику джунгарских войск.

Основным направлением развития вооруженных сил Джунгарии в этот период было увеличение огневой мощи армейских подразделений. В этом смысле джунгарские полководцы очень хорошо уловили основную тенденцию времени. «Огневой вал» в ходе сражения обеспечивали спешенные вооруженные длинными фитильными ружьями стрелки, кавалеристы, использовавшие их укороченные аналоги без сошек, и артиллерийские подразделения.

Цинские изобразительные источники середины XVIII в. фиксируют факты широкого применения джунгарами огнестрельного оружия в конном строю. Судя по гравюрам европейских художников-иезуитов и их китайских последователей, плотное шереножное построение джунгарской и восточно-туркестанской конницы этого периода представляло собой глубокую колонну. Первый ряд (первые ряды) колонны составляли воины, вооруженные ружьями, палашами и саблями. Следовавшие за ними всадники были снабжены длинными кавалерийскими копьями, пиками и клинковым оружием.

Приблизившись к врагу на расстояние выстрела, конники пускали лошадей в галоп и практически в упор разряжали оружие в контратакующего или обороняющегося противника, после чего уступали место копейщикам, которые наносили основной удар и участвовали в рукопашной схватке. Несколько чаще на картинах встречается другой вид построения, когда всадники атакуют не плотными шеренгами, а в более разреженном строю, напоминающем казачью «лаву». Однако и в этом случае в первых рядах находятся конные ружейные стрелки, а за ними следуют копейщики. Один из излюбленных сюжетов цинских художников — встречная атака маньчжурских и джунгарских конных стрелков, причем первые вооружены почти исключительно луками, а вторые — ружьями. Массовое применение огнестрельного оружия в конном строю на короткой дистанции в значительной степени компенсировало главный недостаток стрельбы с седла — невозможность длительного прицеливания и, как следствие, большое количество промахов. Практика применения в ходе полевых сражений масс ружейной конницы сохранялась в Восточном

Туркестане даже в начале второй половины XIX в.: «Кавалерия (армии Якуб-бека. — *Авт.)* действовала во время боя преимущественно огнестрельным оружием. Выдвинутые вперед части, рассыпаясь иногда в виде цепи наездников, открывали перестрелку с противником. Стрельба с лошади практиковалась не только в одиночку, но и целыми шеренгами. Виденные нами (членами российского посольства в Восточный Туркестан в 1876-1877 гг. — *Авт.)* лошади были хорошо приучены к выстрелам. Тем не менее выстрел с коня признавался мало метким и, где только возможно, люди для выстрела слезали с лошадей. При оборонительных действиях кавалерия спешивалась целыми частями, причем в коневоды уходила только четвертая часть людей. Настоящее поле для кавалерии открывалось с той минуты, когда противник дрогнул. Тогда, заложив ружья за плечи (обыкновенно их держали в руках) и выхватив клычи (шашки), кавалерия бросалась вперед и не только довершала поражение, но иногда производила поголовное уничтожение разбитого противника»(Куропаткин, 1879, с. 195-196).

По свидетельству путешественников и купцов XVIII в., проживавшими на территории Джунгарии кашгарцами были усвоены многие элементы военного искусства западных монголов, которые затем были привнесены в Восточный Туркестан. По словам приказчика Усеина Сеюшева, побывавшего в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1752—1759 гг., «находился он в той калмыцкой орде года с три у кочующих между ими могомеданского закона кашкарцев, которые, как калмыки, междоусобными драками пришли в упадок и от китайского войска в разорение приведены; опасаясь от китайцев, дабы и их не разорили за то, что и оне, кашкарцы, калмыкам против их, китайцев, воевать помогали, отложась от них, калмык, и собрався, пошли к городу Яркенту; тогда и он, Усеин, с ними туда же поехал. Оных кашкарцев в том собрании было всего домов тысяч до пятидесяти... пришедших ис калмыцкой земли кашкарцев, кои в том же городе и около же хана состоят; дани они не платят, а вместо того служат службы, почему при Яркенте против китайцев больше они и воевали, ибо яркентцы к воинскому делу ненатуральны и очень плохи, а они, кашкарцы (к воинскому делу) исправны и весьма оружейны оружием огненным» (Моисеев, 1979, с. 16, 18). Возможно, что распространившаяся в Восточном Туркестане в XVIII — первой половине XIX в. конная атака ружейных стрелков является адаптированным к местным условиям элементом джунгарского военного искусства.

Не менее интересные изменения произошли в тактике спешенных ружейных стрелков. Главным нововведением являлось внедрение в войска европейской тактики ведения дистанционного боя. Главным инициатором и вдохновителем этих изменений был И. Г. Ренат. Эта сторона его деятельности менее изучена, чем организация в Джунгарии пушечного производства. По свидетельству современников, неподалеку от ставки джунгарского хунтайджи были организованы регулярные учения, в ходе которых ойраты маршировали, «построившись в колонны и шеренги... производили развороты и перестроения», а также выполняли «ружейные приемы» и вели огонь залпами. То есть делали все то, что было принято выполнять на профильных учениях регулярных европейских армий первой трети XVIII в. Сам Ренат отмечал, что обучал джунгарских военачальников тому, «как в поле и в лагерях поступать по европейскому обычаю» (Моисеев, 1977, с. 210, 212).

Сложно сказать, насколько успешными оказались подобные нововведения. С одной стороны, регулярная армия европейского типа в Джунгарии так и не была создана. С другой стороны, Ренат сумел научить джунгар самостоятельно изготовлять пушки, а обучить ойратских военных чиновников принципам тактических построений, как и ретранслировать эти знания в войска, было все же несколько проще. Неудивительно поэтому, что в Урге для обучения были собраны ойратские феодалы и чиновники (т. е. военачальники, командиры отдельных подразделений, военные инструкторы). Скорее всего некоторые принципы европейского военного искусства были усвоены в первую очередь воинами отрядов, проходившими обучение на территории домена хунтайджи. Отдельные элементы были, вероятно, восприняты дружинниками и ополченцами ойратских феодалов.

Косвенным подтверждением распространения европейских приемов дистанционного боя в Джунгарии являются цинские изобразительные источники, фиксирующие шереножные построения восточнотуркестанских войск начала, второй половины

XVIII в. — бывших вассалов Джунгарского ханства. На картине, изображающей сражение между цинскими войсками полководца Фу Дэ и отрядами белогорских ходжей Бурхан ад-Дина и Хан-ходжи у оз. Ешикуль в 1759 г., ведущие стрельбу по противнику воины кашгарских ходжей построены в несколько шеренг. Воины первой шеренги ведут стрельбу, опустившись на одно колено и укрывшись за стреноженными лошадьми, воины второй шеренги стреляют стоя поверх голов первой шеренги. Воины задних шеренг в это время перезаряжают ружья и готовятся к стрельбе (Чжунго гудай..., 1990, с. 261, рис. 12-15).

Характерно в этой связи, что, несмотря на внедрение европейских тактических схем, практика использования спешенных копейщиков, прикрывающих стрелков, не ушла в прошлое. Цинские картины середины XVIII в. фиксируют крупные группы и целые колонны джунгарских и кашгарских спешенных копейщиков, действующих вместе с пешими и конными стрелками, вооруженными огнестрельным оружием. Воины, снабженные копьями и пиками, обычно наносят укол, удерживая древко двумя руками. Пешие стрелки в рукопашной схватке используют не только клинковое оружие, но и ружья, которые они держат за ствол, нанося удары прикладом, как палицей (рис. 222).

Как уже отмечалось выше, «верблюжья артиллерия» удачно вписалась в общую систему джунгарской тактики. Она была исключительно мобильна, что имело принципиальное значение для военных действий на территориях Центральной Азии.

Входившие в состав джунгарской армии отряды мусульманских воинов городов Восточного Туркестана использовали земляные насыпи (валы) не только для обороны полевых укреплений и воинских лагерей, но и для блокады окруженного противника: «...тако яркентской хан, обманув их (цинских полководцев. — *Авт.)* и собрав потом силы свои, всего шестьдесят з две тысячи человек, внезапно против того китайского войска вышел и, напав на оное, бился с ними месяца с четыре и почти все оное войско при том от яркентцов побито, ибо хотя из них несколько от убивства и осталось было, но и те загнаты в болотные места и тут окружены яркентцами и окопаны валом, и тико быв невыпускаемые, все поморены голодом» (Моисеев, 1979, с. 17-18).

Если противник переходил к обороне и возводил полевые укрепления или «верблюжий вагенбург», то джунгары подтягивали пушки и расстреливали наспех возведенные стены щитов, частоколы и баррикады из пушек. В это же время мортиры обрушивали бомбы в центр вражеских укреплений, где размещались раненые, семьи и скот воинов противника. Как только в обороне врага обнаруживалась «прореха», в нее устремлялись джунгарские панцирники.

Внедрение в боевую практику артиллерийского удара, ружейного залпового огня и шереножных построений европейского образца существенно повысило значимость дистанционного боя с использованием огнестрельного оружия. Тем не менее вплоть до середины XVIII в. панцирная и легковооруженная копейная конница продолжала играть важную роль в ходе полевых сражений. Однако этот факт не говорит об отсталости военного искусства джунгар по сравнению с другими государствами региона. Даже в 40-50-х гг. XVIII в. практически во всех азиатских армиях существовали крупные кавалерийские отряды, вооруженные холодным оружием. Более того, по признанию современников, в лучших армиях азиатского континента пехотные и артиллерийские подразделения теснейшим образом взаимодействовали с отрядами конных лучников и копейщиков. Так, в армии знаменитого иранского завоевателя Надир-шаха коннице отводилась роль не только разведывательных, авангардно-арьергардных, охранных, но и ударных подразделений, решавших участь всего сражения. Например, в генеральной битве с могольской армией у Панипата именно кавалерийский удар вооруженных древковым и клинковым оружием курдских, азербайджанских, иранских и иракских всадников опрокинул боевые порядки индийской армии, изнуренной длительной ружейной и артиллерийской перестрелкой (Мухаммад-Казим, 1961, с. 134). Важную роль иранская конница играла и в столкновениях войск Надир-шаха со среднеазиатской и афганской кавалерией и пехотой (там же, с. 44-45). В цинской армии отряды маньчжурских и монгольских конных лучников не только вели разведку и прикрывали фланги пехотных подразделений, но и участвовали во фронтальных атаках на обороняющиеся и контратакующие воинские подразделения противника, снабженного огнестрельным оружием.

Строй наступающей джунгарской копейной конницы первой половины XVIII в. напоминал плотно сбитую «лаву». Иногда всадники пытались придерживаться плотного шереножного строя, однако в ходе атаки отдельные конники (обычно знаменитые богатуры, несшие значки и знамена), демонстрируя собственную удаль, нередко вырывались вперед и первыми вклинивались во вражеские ряды. Особенно часто это случалось при преследовании отступающего противника. Иногда это заканчивалось трагично для степных храбрецов. В казахских преданиях XVII-XVIII вв. сохранились упоминания о подобных случаях: «Бой начался, калмыков (джунгар. — *Авт.)* было 10 тысяч; киргизы (казахи. — *Авт.)* потерпели ужасный урон, наконец, не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем (копьем со знаменем. — *Авт.)* в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла... Тогда наш знакомец (Байгозы-батыр. — *Авт.)*... выехал вперед, обернулся, натянул стрелу: тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в щелку (?) и пошла зигзагами... Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля» (Валиханов, 1984, с. 219).

Перед началом сражения джунгарские войска, как правило, «строились по отделениям, каждое во главе со своим нойоном или зайсаном». В ходе боя джунгарские полководцы управляли действиями отрядов с помощью голосовых команд, флагов, значков и светодымовых сигналов (Моисеев, 1990, с. 77).

Джунгарские войска шли в атаку под сенью черных, синих, реже зеленых и красных знамен, представлявших собой вертикальное прямоугольное полотнище, украшенное по периметру длинными шелковыми лентами — «языками» или кистями.

Вокруг ставки хунтайджи, воинских лагерей и у границах ханства была «разброшена сеть» военных постов и караулов: «Имеютца при границах от них, зенгорцев, караулы, на персицкой триста с нойоном Амыза Госямачи, да на китайской пятьсот з двумя нойонами... переменяютца через два года». По другим сведениям, общая численность «больших караулов» превышала тысячу всадников. От таких караулов «на несколько десятков верст выставлялись временные караулы, в свою очередь, высылавшие в разные стороны так называемых "подзорщиков"» (Моисеев, 1990, с. 74).

Залогом успешности военных предприятий была суровая военная дисциплина, основные принципы которой сложились в период позднего Средневековья и были зафиксированы в своде законов «Их-Цааз» (1640 г.). За несоблюдение воинских правил наказывались все военнообязанные, независимо от социального положения. Существовали три основные формы наказания: смертная казнь, штраф и «общественное порицание». При этом смертная казнь и «разорение» полагались за оставление князя в бою. За бегство с поля боя полагался штраф или «позор». Последний выражался в одевании на провинившегося воина женской безрукавки. В предельно милитаризованном ойратском обществе, воспитанном на героико-эпических произведениях, воспевавших мужскую доблесть, это наказание воспринималось особенно болезненно. Тем более интересно, что оно применялось не только по отношению к рядовым воинам, но и к командующим армиями. Так, военачальники, проигравшие кампанию в Халхе в 1732 г. и бежавшие от цинских войск, по приказу Галдан-Церена были одеты в «женское платье» за то, что «оне по наступлению китайских войск, не чиня дальнего отпору, побросав знамена и оставя войски, бежали» (Златкин, 1983, с. 244).

Эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск во второй половине 40 — первой половине 50-х гг. XVIII в.

Непрекращающиеся войны, тотальная мобилизация, рост затрат на развитие инновационных технологий привели к перенапряжению сил Джунгарского ханства. Длительное время оно отчасти компенсировалось богатой добычей, получаемой с захваченных территорий. Однако по мере того, как наступательный порыв джунгарских армий затихал и подвергшиеся агрессии народы переходили в контрнаступление, кризис обозначался все более отчетливо. Грандиозный план Галдан-Церена по созданию объединенного монголо-тюркского государства от Аральского моря до Алтая за счет включения казахских жузов в состав Джунгарского ханства в целом оказался нереализуем. Мощные

удары джунгарских армий в 30-40-х гг. XVIII в. и активная деятельность джунгарской дипломатии вынудили правителей Старшего жуза в 1735 г. признать сюзеренит Джунгарского ханства. Крупнейшие феодалы Среднего жуза хан Абулмамбет и султан Барак отправили своих сыновей в качестве заложников в Ургу. Однако эта зависимость оказалась номинальной. У Джунгарии уже не хватало сил, чтобы установить свой непосредственный военный и политический контроль над обширным Дешт-и-Кипчаком. Уступчивость казахских ханов и султанов была показной. Казахские феодалы лавировали между Джунгарией и Российской империей (которой они присягали раньше), стремясь играть на противоречиях двух крупнейших держав региона. Некоторые из них рассчитывали на поддержку среднеазиатских правителей и иранского завоевателя Надир-шаха, армии которого надвигались на Мавераннахр с юго-запада.

Войны на два, а то и на три фронта обессилили Джунгарию. Ярким свидетельством процесса ослабления военной мощи западномонгольской державы стали Джунгаро-кокандские войны первой половины — середины 40-х гг. XVIII в. Молодое и агрессивное кокандское бекство, опиравшееся на союз с Ираном, имело не большую, но сильную армию, основу которой составляли традиционная для региона панцирная кавалерия, снабженное огнестрельным оружием городское ополчение и отряды легковооруженной киргизской конницы. В ходе полевых сражений джунгарские войска могли рассчитывать на победу, поэтому кокандцы нередко избегали прямого столкновения и предпочитали переждать вражеское нашествие за стенами цитадели. Дождавшись, пока джунгарские войска отойдут в родные кочевья, они наносили контрудар. Потерпев ряд неудач при осаде Коканда, Галдан-Церен пытался взять город с помощью военной хитрости. Однако, несмотря на многочисленные попытки, захватить Коканд джунгарский войскам не удалось.

Подданные ханства изнемогали под тяжестью налогов и государственной барщины. Еще при жизни Галдан-Церена было закрыто пушечное производство в Яркенде. Через несколько лет та же участь постигла и «пушечный двор» в Урге. Сворачивались и другие отрасли оружейного производства. В 1750 г. среднеазиатские купцы зафиксировали кризис военной промышленности Джунгарии и начало массовых закупок оружия в Средней Азии. В довершение всего Джунгарию поразил экономический кризис, который был настолько острый, что подвигнул степных феодалов обратиться за помощью к давнему противнику Джунгарского ханства — Цинской империи. За экономическим кризисом последовал кризис политический. Как только стягивавший Джунгарию «стальной обруч» центральной власти в Урге ослаб, некогда могучая держава стала стремительно разваливаться на первичные составляющие — племена и уделы. Почувствовав слабость Урги, в борьбу включились удельные джунгарские феодалы, которые на случай неудачи своих военных предприятий стали призывать в поход на земли метрополии джунгарских вассалов — жителей Алтая, Восточного Туркестана и казахов Старшего жуза. И те и другие обычно живо откликались на подобные приглашения. В 1754 г. бежавшие от преследования джунгарские феодалы во главе с хойтским нойоном Амурсаной обратились за военной помощью к цинскому императору Цяньлуну. В 1755 г. объединенная маньчжуро-монголо-китайская армия во главе с отрядами мятежных джунгарских феодалов вторглась в Джунгарию и, почти не встречая сопротивления, оккупировала страну. Слабое противодействие джунгарских войск объясняется не только усталостью от непрекращающихся войн, но и известной дезориентацией (Амурсана был популярен в народе). Помощник оренбургского генерал-губернатора А. И. Тевкелев, много лет проживший среди казахов и хорошо знавший военно-политическую ситуацию в регионе, сообщал в Коллегию иностранных дел в январе 1759 г.: «Пока у зенгорских владельцев междоусобных ссор не произошло, ничего успеть в том (уничтожении Джунгарии) цинские власти не могли, а как нашли их друг против друга воюющих (к чему они, китайцы, может быть, под рукою и побуждение делали) и совершенно изнуренных, то уже нетрудно им было всех расхитить и владение их зенгорское вовсе опустошить» (Моисеев, 1990, с. 81).

Однако оккупационные власти не собирались передавать трон хунтайджи Амурсане, который, осознав это, поднял восстание против цинской монархии. Боевые действия Амурсаны и его соратников против цинских армий в 1755-1758 гг. сложно назвать полноценной Джунгаро-цинской войной, так как, с одной стороны, многие джунгарские феодалы выступили на стороне цинских войск, а с

другой — значительную часть отрядов Амурсаны и его соратников составляли казахские ополчения, присланные его другом и союзником султаном Аблаем. Изначально силы восставших и империи были несопоставимы. Тем не менее джунгары и казахи нанесли цинских войскам ряд сокрушительных поражений. Разъяренные яростным сопротивлением недавно покорившегося народа, цинские власти прибегли к геноциду — поголовному истреблению джунгар, в ходе которого погибли сотни тысяч ойратов.

В военной сфере данный период характеризуется ростом значения региональных отрядов отдельных джунгарских феодалов. В их состав, кроме собственно ойратов, входили подчас достаточно крупные подразделения из числа вассальных народов — телеутов, жителей Горного Алтая, кашгарцев, яркендцев, казахов, киргизов и т. д. Все большее значение начали играть казахские ополчения, присоединявшиеся к отрядам джунгарских феодалов. Причем в некоторых случаях (например, в отрядах Амурсаны в 1756-1757 гг.) число казахских воинов превышало число воинов ойратского происхождения.

Неудивительно, что кризис военной промышленности привел к перебоям военных поставок в армию. В результате несколько сократилось число воинов, использующих защитное вооружение. Ухудшилось снабжение армии боеприпасами, новым клинковым оружием и ружьями (что нашло свое отражение на цинских картинах середины XVIII в.). Однако старых запасов, сделанных в период правления Галдан-Церена, хватало, чтобы джунгарские войска сохраняли высокий уровень боеспособности. Более того, часть этих запасов распродавалась за границу. Тот же Амурсана расплачивался за казахских скакунов ружьями джунгарского производства. Поврежденное оружие отчасти компенсировалось поставками из государств Средней Азии и Восточного Туркестана. Одновременные экспорт и импорт оружия не должны вводить исследователя в заблуждение. Регионы, на которые практически раскололась Джунгария во второй половине 40 — первой половине 50-х гг. XVIII в., оказались в неравных условиях. У одних оружие было в избытке, и местные феодалы спешили заработать на его продаже, у других (в том числе у центральных властей в Урге, содержавших самые крупные воинские контингента), напротив, существовала нехватка современного оружия, что требовало дополнительных массовых закупок. Отношения между удельными джунгарскими правителями были сложными. Нередко дело обстояло таким образом, что приобрести требуемое оружие было проще за границей, чем у своего соседа.

Представление о том, как выглядели знатные джунгарские воины, перешедшие на сторону Цинской империи в середине XVIII в., дает подробный и реалистичный портрет Аюши в полном боевом облачении (рис. 141, /). В комплексе вооружения всадника сплетаются центрально- и восточноазиатские военно-культурные традиции. На голове Аюши — стеганая шапка типа «калбак берт» с низкой тульей, коротким козырьком и назатыльником. Наушники отогнуты назад и завязаны на затылке. Венчают головной убор металлическое навершие, к которому привязана традиционная красная кисть — «улан зала», и павлинье перо, указывающее на то, что воин занимает известное место в цинской военной иерархии. Аюши одет в халат светло-серого (или светло-голубого) цвета, поверх которого натянута кольчужная рубашка (?) со стоячим воротником, длинными (ниже локтя) широкими рукавами и коротким подолом[9]. К поясу подвешены длинные и широкие набедренники из мягкой кожи или материи. На ногах всадника — гутулы на толстой мягкой подошве. Аюши вооружен длинной (около 3-4 м) кавалерийской пикой с узким, вероятно, граненым железным наконечником. Интересно, что, как и многие его современники, джунгарский феодал вооружен как ружьем, так и саадаком. Предположительно фитильное ружье без сошек заброшено за спину и удерживается на корпусе с помощью кожаного ремня. К поясу подвешен традиционный цинский колчан с карманом, имеющий вид короткого прямоугольника. Конская упряжь напоминает как цинские, так и центральноазиатские аналоги. Близкое по оформлению седло имеет конь казахского или киргизского воина, пораженного стрелой цинского полководца Мацана.

Рядовые джунгарские воины изображены на цинских картинах середины — второй половины XVIII в. Они одеты в длинные халаты с косым запахом (преимущественного синего цвета) и мягкие сапоги — гутулы. Некоторые всадники облачены

[9] По мнению некоторых исследователей, Аюши одет не в кольчугу, а в «мягкие» подбитые ватой доспехи.

в пластинчато-нашивные панцири, покрой которых напоминает покрой халатов, но с рядами полусферических заклепок на тканевом покрытии. На головах «цириков» — шапки с достаточно высокой конусовидной тульей желтого, красного, коричневого, синего или зеленого цвета, снабженные меховой опушкой или поднятым вверх войлочным или меховым околышем. Некоторые всадники носят широкополые шляпы. Все виды головных уборов снабжены плюмажем из узких красных лент — «улан зала». Большинство «цириков» вооружены длинными кавалерийскими копьями, пиками и фитильными ружьями. На поясе висят слабоизогнутые сабли и палаши, конструкция которых напоминает их восточноазиатские аналоги.

Тактика джунгарских войск в рассматриваемый период осталась прежней. Массы кавалерии, вооруженной огнестрельным и длиннодревковым оружием, действовали в тесном контакте с пешими копейщиками и стрелками. Оборонительные и наступательные действия джунгарских отрядов поддерживались немногочисленными артиллерийскими орудиями. Однако ослабление контроля со стороны государственных чиновников привело к падению воинской дисциплины. Многочисленное, но плохо обученное ополчение часто не выдерживало вражеской фронтальной атаки и рукопашной схватки. Например, в 1745 г. латная кокандская кавалерия в ходе встречной атаки смяла конные джунгарские лавы. По мнению современников, победе кокандцев способствовали специальные колокольчики («ширкунцы»), звон которых пугал лошадей джунгарских воинов: «...собрався многолюдством с протчими улусами, навстречу к тем зенгорским войскам выступили (кокандцы. — Лет.) для сражения, и у всех де абдакирымцев (т. е. у кокандцев, подданных Абдыкерим-бея. — *Авт.)* при сбруе конской сделаны ширкунцы, они ж сами в латах и в пансырях и лошади под ними добрые, подобно аргамакам, и как к сражению напустили, то от звону ширкунного лошади зенгорские испугалися и многие люди с лошадьми падали, и те абдакирымцы оных зенгорцев и многих при том побили, а ружья у них, абдакиримцев, копья, сайдаки и сабли и огненное ружье есть. И при оном сражении зенгорцы противу абдакирымцов нисколько стоять были не в состоянии, но с конфузиею бежали обратно».

По мере нарастания междоусобной борьбы падал боевой дух джунгарских войск. Рядовые номады, высланные против отрядов Амурсаны (шедшего во главе цинской армии) не понимали, зачем им сражаться против популярного молодого героя Амурсаны, защищая его бывшего друга и соратника Даваци. Во многом этим объясняются победные реляции цинских офицеров, повествующие об «удивительных победах» имперских войск над «многотысячными отрядами джунгар». Однако, по мере того, как все становилось на свои места и перед джунгарами вновь замаячил образ известного восточного врага, Амурсане и его соратникам удалось возродить «ойратскую доблесть». В ходе вооруженных столкновений 1757-1758 гг. цинским войскам снова пришлось иметь дело с энергичным, инициативным, хитрым и крайне опасным врагом. Однако баланс сил к этому времени уже принципиально изменился.

Джунгария представляет собой пример уникального государства, которое, желая доминировать как региональная политическая и военная держава, стремительно усваивала новые для Центральной Азии военные тенденции, но при этом в качестве основы государственной экономики сохраняла традиционное кочевое хозяйство. Самое удивительное, что долгое время ей удавалось совмещать эти, казалось бы, несовместимые вещи. Рядом с пушечными заводами и новейшими ружейными арсеналами, как и тысячу лет назад, пасли свои бесчисленные табуны ойратские пастухи, а в это время джунгарские войска шли от победы к победе, возрождая славу непобедимых степных воинов времен Великих завоеваний.

В конце XVII — первой половине XVIII в. Джунгария имела одну из сильнейших армий в Центральной Азии,которая на равных противостояла войскам крупнейших государств региона — Российской и Цинской империй. Стремясь сократить технологическое отставание от оседло-земледельческих империй, джунгарские хунтайджи провели серию военных реформ, в ходе которых были последовательно решены вопросы обеспечения армии импортным ручным огнестрельным оружием (70—80-е гг. XVII в.), создана материально-техническая база и начат массовый выпуск собственного ручного огнестрельного оружия (90-е гг. XVII — начало XVIII в.), организовано пушечное производство и сформирован собственный артиллерийский парк (вторая половина 20-х — 40-е гг. XVIII в.). Особый интерес представляет тот факт, что, вопреки рас-

пространенному мнению, ни Россия, ни Китай не оказывали поддержки эти начинаниям. Напротив, правительства обеих империй наложили строжайшее эмбарго на поставку оружия в Джунгарию. Тем удивительнее выглядят успехи, достигнутые джунгарскими оружейниками.

Первоначальный импульс высокотехнологичным производствам обычно давали пленные иностранные (в основном среднеазиатские и европейские) мастера. Затем эти производства подхватывали и начинали развивать местные оружейники. Так было и с ружейным, и с пушечным производством. Джунгары активно заимствовали и применяли на практике новейшие оружейные и тактические наработки соседних народов. Но делали это не механически, а с учетом местных природно-климатических, географических и военно-политических условий. В результате в джунгарской армии наиболее органично из всех степных держав соседствовали традиционные для региона комплексы вооружения и рода войск (панцирная копейная конница, легковооруженная копейная и лучная конница), а также комплексы вооружения и рода войск, заимствованные из военного дела других народов (спешенные стрелки из огнестрельного оружия и спешенные копейщики, крупнокалиберные ружья, артиллерия). В результате синтеза военных традиций появлялись специфические рода войск (например, отряды конных воинов, вооруженных фитильными ружьями), которые, в свою очередь, заимствовались соседними народами.

Своими впечатляющими военными и технологическими успехами джунгары были обязаны трем важным политическим, экономическим и социокультурным явлениям, которые мы обозначаем как централизация, модернизация, милитаризация.

Стремящаяся к самодержавной, власть хунтайджи позволяла джунгарский правителям уверенно проводить болезненные экономические и военные реформы, модернизировавшие и перестраивавшие традиционную джунгарскую экономику. Так были созданы крупные железодобывающие и железообрабатывающие базы, меднолитейное производство, оружейные центры и мануфактуры, в рамках которых применялись разделение труда и государственная барщина. Причем большинство этих преобразований были направлены на милитаризацию джунгарской экономики и всего западномонгольского общества. Джунгария создавалась для войны и во многом жила войной. Предельная милитаризация для кочевого общества в тот период была единственным способом сохранения независимости. Все степные народы, которые не могли противостоять натиску земледельческих империй, рано или поздно становились их частью. Джунгария же не только приостановила российскую и цинскую экспансию в регион, но и по ряду направлений перешла в тактическое наступление.

Пока центральная власть была сильна и западные монголы шли от победы к победе, Джунгария по праву считалась одной из сильнейших региональных держав. Однако, ведя непрекращающиеся войны на двух, а то и на трех фронтах одновременно, Джунгария «надорвалась». Военная добыча не могла покрыть издержки, которые нес относительно небольшой кочевой народ, находившийся «на перманентном марше». На экономический кризис наложился кризис политический, а на него — иностранная интервенция. Поступательное развитие единственной в мире степной державы, попытавшейся объединить традиционную кочевую экономику с новейшими производствами, характерными для оседло-земледельческих и урбанистических цивилизаций, было оборвано извне.

История Джунгарии дала миру пример попытки кочевого общества приспособиться к меняющимся политическим и социально-экономическим реалиям Нового времени. Попытка вышла яркой, суровой и кровавой.

10.4. Эволюция комплекса вооружения и тактики монгольских кочевников в Тибете XVII-XVIII вв.

Военное искусство позднесредневекового Тибета теснейшим образом связано с военным делом кочевников Центральной Азии и, в первую очередь, монголов (Бобров, Худяков, 2006, с. 188-234). В течение XIII — первой половины XVIII в. тибетцы множество раз встречались с монголами на поле боя или, напротив, шли в сражении плечом к плечу. Тибетские мастера ковали оружие и передавали его своим монгольским союзникам. В свою очередь, тибетцы перенимали монгольское оружие и одежду. В период монгольского господства в Тибете (40-е гг. XIII — начало XIV в., 30-е гг. XVII — начало XVIII в.) центральноазиатские войска являлись основой региональных вооруженных сил. В XV — первой тре-

ти XVII в., а также во второй половине XVIII в. отряды, укомплектованные проживавшими в Тибете монголами, были одними из самых боеспособных подразделений тибетской армии. Превосходство монголов над тибетцами в области военного дела было очевидным для современников. В 30-е гг. XVII и в начале XVIII в. Тибет стал полем противоборства между различными монгольскими племенами, использовавшими тибетские отряды в качестве вспомогательных войск. Шестисотлетнее совместное проживание на относительно замкнутой территории, а также эффективный опыт взаимодействия в ходе военных кампаний не могли не привести к многочисленным заимствованиям и постепенному сращиванию военных традиций двух народов.

На настоящем этапе исследования достаточно сложно выделить из общего массива «тибето-монгольского» вооружения панцири, холодное и огнестрельное оружие, использовавшееся монгольскими кочевниками Кукунора и Центрального Тибета. Дополнительные сложности создают неоднократно фиксируемые письменными источниками факты использования монгольскими «цириками» тибетского оружия, а тибетскими солдатами — оружия центральноазиатского производства. В данном разделе мы рассмотрим те оружейные комплексы, которые могут быть связаны с комплексом вооружения центральноазиатских кочевников в Тибете, постараемся выявить тактические новшества, заимствованные тибетцами из центральноазиатского военного искусства.

Комплекс вооружения

Комплекс вооружения тибетцев, зафиксированный российскими и английскими путешественниками начала XX в., представлял собой причудливый симбиоз из военных традиций центральноазиатских кочевников и оседлых жителей Центрального Тибета. От первых тибетская армия унаследовала многочисленные отряды конных лучников и копейщиков, от вторых — панцирную и легковооруженную пехоту. Численно преобладала пехота. Конница составляла примерно пятую часть армии (Горелик, 2004, с. 59). Численность регулярных войск колебалась от 3 до 6 тыс. человек. В случае необходимости проводилась мобилизация, предусматривающая выставление в поле одного воина в возрасте от 18 до 55 лет от каждой тибетской семьи (Козлов, 1948, с. 190-191; Шакабпа, 2003, с. 193). Самыми лучшими воинами Тибета считались уроженцы Кама (Шакабпа, 2003, с. 27). Воинственность и боеспособность жителей Северного Тибета зафиксировали европейские путешественники: «Считается, что войска из Северного и Северо-Восточного Тибета самые храбрые во всей стране, и существует убеждение, что воин из тех мест, вступая в битву, должен умереть в ней» (Рерих, 1999, с. 266). По данным М. В. Горелика, система формирования тибетской армии копировала бутанскую. Состоятельные землевладельцы служили конными лучниками и пешими панцирниками, родовая и придворная аристократия составляла латную конницу, а рядовые крестьяне-общинники формировали отряды пеших легковооруженных воинов, служили в обозе и во вспомогательных отрядах. Кроме регулярных отрядов и тибетского ополчения в состав армии входили отряды кочевников (Горелик, 2004, с. 59). Крупные воинские подразделения выставлялись ламаистскими монастырями (Шакабпа, 2003, с. 193,197,218-219,228, 236, 253-254). Особую военную активность традиционно проявляли монастыри, входившие в так называемую «Большую тройку» («Дэнса-сум») — Дрепунг, Сэра и Гандэн. Обычно монастырские отряды формировались из послушников и причетников, а также личных дружин представителей религиозной знати (Горелик,2004,с. 59).

Основу армии составляла панцирная конница, делившаяся на копейщиков и лучников, причем и те и другие в ходе боя могли использовать фитильные ружья. Отличительной чертой тибетских армий было наличие достаточно многочисленной пехоты, состоявшей из стрелков, пращников, копьеносцев и меченосцев, а также тяжеловооруженных пехотинцев «цинчонгпа». Подробное описание тибетских войск начала XX в. оставил А. Уоддель: «Все солдаты заплетают волосы в косы и бреют лбы, как китайцы; в виде головного убора они надевают обыкновенно тибетские шапочки, с загнутыми вверх полями. Некоторые еще носят железные шлемы и кирасы типа, знакомого нам по средневековой литературе: кольчуги (в данном случае имеются в виду ламеллярные панцири. — *Авт.)* состоят из маленьких узеньких пластинок, похожих на листики ивы, около 1,5 дюйма длины и соединенных кожаной основой. Некоторые также надевают кольчуги из цепей (т. е. собственно коль-

чатые панцири. — *Авт.).* Кавалерийский железный шлем отличается от пехотного, на котором красуются петушиное перо, либо красная кисть, или павлиньи перья. Высшие офицеры иногда одевают своих лошадей броней; мы захватили целый новый лошадиный убор... Оружие тибетского воина многочисленно и живописно. За его спиной висит мушкет или современное ружье: рукой он сжимает длинное копье; с его пояса свешивается безобразный длинный односторонний меч с прямым тяжелым лезвием. Когда огнестрельного оружия не хватает на весь полк, остальные солдаты несут луки и стрелы (последняя сделана из бамбука с оперенными железными остриями в 3 дюйма длины), а также пращи и тяжелые деревянные, плетеные или покрытые железными выпуклостями щиты. Их флаги или знамена треугольной формы; на древках связки шерсти яков, выкрашенной в пунцовый или синий цвет. Кавалеристы номинально вооружены мушкетами, некоторые из них имеют вдобавок луки и стрелы. Они хорошо стреляют из луков. Лук составлял любимое оружие тибетцев, и их генералы... все еще называются "господами стрел". Они, как и подчиненные им офицеры, носят толстое кольцо из слоновой или простой кости на левом большом пальце в защиту от тетивы. Когда мушкеты заменили луки, тибетцы продолжали называть ружья огненными луками (мендах), таким образом сохраняя название своего старого оружия. Их мушкеты — длинные и тяжелые железные ружья с вилкой на конце дула (т. е. с сошками. — *Авт.),* для того, чтобы во время выстрела утверждать его на земле. У самых больших мушкетов вилки нет; они поддерживаются плечом второго солдата, стоящего спиной к стреляющему. Джингали, маленькие продолговатые пушечки, основаны на том же принципе. Вместилища пороха для мушкетов делаются из маленьких бумажных оболочек или из маленьких закупоренных бутылочек; однако мушкетеры часто насыпают порох прямо в дуло своих длинных ружей» (Уоддель, 1906, с. 130).

Не менее занимательные зарисовки тибетской армии во время смотра, приуроченного к новогоднему празднику Монлам, оставил Г. Ц. Цыбиков: «Впереди пехоты ехали военачальники (дабонь), в конце каждой сотни на лошаках какие-то лица, по-видимому, нечто вроде знаменосцев. Вооружение пехоты: сабли, луки и щиты; на теле — чешуйчатый (имеется в виду ламеллярный. — *Авт.)* панцирь, на голове — шлем. Щиты, по-видимому, из плетеного тростника (мелкого бамбука). Впрочем, в вооружении нет единства: некоторые имеют пики, некоторые — луки, а некоторые — фитильные ружья. При вступлении в город и также при шествии церемонии пехотинцы то и дело палят холостыми зарядами. Конные также в шлемах и панцирях, в руках у них пики, на спине — фитильные ружья с рожками (ножками), на бедрах — луки и колчаны с четырьмя стрелами» (Цыбиков, 1919, с. 211-212).

По единодушному сообщению путешественников и исследователей, основным оружием знатных тибетцев были длинная пика, меч (палаш, сабля) и фитильное ружье: «Состоятельные тибетцы являются на войну с ружьем, тремястами зарядов, саблей, пикой и пращой; те, которые победнее, имеют только часть указанного вооружения. Лучшим стрелкам, которые располагают нередко двумя ружьями, придают помощников, на обязанности которых лежит только заряжение ружей и подача их батырям. У южных тибетцев — кам военная организация несколько иная. Здесь хошунные начальники ежегодно представляют списки воинов самому хану для проверки. Общая численность наньчинских воинов простирается до 8 тыс. человек, делящихся на три категории или разряда. Первая категория в 2 тыс. человек ежегодно представляется на смотр в полном боевом вооружении — при ружьях, саблях, пиках и трехстах зарядов. Вторая категория четырехтысячного состава является слабее вооруженной; одни из ее воинов располагают ружьем и пикой, другие ружьем и саблей, иные же исключительно холодным оружием; наконец, третья категория, равняющаяся первой по числу воинов, выезжает на смотры только с саблей или пикой и пращой... Предводителями отрядов назначаются испытанные в боях хошунные начальники, которые бывают вооружены лучше других» (Козлов, 1948, с. 191).

Вооружение кочевников, проживавших в Тибете, по многим параметрам было близко к оружию оседлых жителей страны: «Кочевники всегда вооружены. Трудная и опасная жизнь в Тибетском нагорье делает это необходимым. Их вооружение состоит из примитивных фитильных ружей с присоединенным упором — рогаткой, используемым при стрельбе, или даже из современных магазинных винтовок. Ружейные приклады богато украшены серебром и бирюзой. Все мужчины носят длинные

мечи, напоминающие холодное оружие европейского Средневековья. Лучшие мечи — из провинции Кам в Восточном Тибете, а высокие цены предлагают за знаменитые мечи, которыми убили наибольшее число врагов и на лезвиях которых видны натеки крови, потому что меч никогда не чистят после битвы, а вкладывают в ножны окровавленным» (Рерих, 1999, с. 264).

Таким образом, наиболее распространенными видами вооружения в Тибете в конце XIX — начале XX в. были мечи (палаши), длинные кавалерийские копья, пращи, луки и фитильные ружья. Некоторое количество воинов продолжали использовать защитное вооружение, состоявшее из панцирей, шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей. Знатные тибетцы покрывали своих лошадей панцирными попонами. Пестрота в вооружении и снаряжении воинов, подмеченная всеми иностранными наблюдателями, была вызвана тем, что тибетские власти могли снабдить единообразным вооружением лишь некоторые регулярные кавалерийские отряды. Основная масса воинов, составлявших ополчение, должна была самостоятельно заботиться о своем оружии, амуниции и лошадях (там же, с. 265-266).

Известные материалы позволяют выделить два основных оружейных комплекса, существовавших на территории Тибета в период позднего Средневековья и Нового времени. С некоторой долей условности первый из них можно обозначить как собственно «тибетский», а второй — как «бутанский». «Тибетский» оружейный комплекс был распространен в основном на территории Центрального (Внутреннего) Тибета. Его характерными чертами являются полусферические и сфероконические (яйцевидные) шлемы, составленные из пластин-сегментов, с ременным или заклепочным соединением, накладками с вырезным краем, ярусными навершиями, ламеллярным обручем и бармицей, ламеллярные панцири покроя «халат», «кираса», «катафракта», «жилет»; усиленные металлическими накладками кожаные наручи, круглые плетеные щиты с умбонами, длинные однолезвийные мечи (палаши), копья с узким граненым или длинным кинжаловидным пером с «яблоком», дротики и пращи. «Бутанский» оружейный комплекс преобладал в Бутане и Сиккиме. Его отличительными чертами являются низкие сфероконические клепаные или цельнокованые наголовья с ярусным навершием, коротким «коробчатым» или простым козырьком и трехчастной бармицей из органических материалов, кольчуга, скроенная в виде рубахи с коротким подолом и рукавами или безрукавного жилета, дисковидные зерцала и составленные из них четырехчастные зерцальные доспехи, пластинчатые пояса, круглые окрашенные в черный цвет щиты индийского типа, изготовленные из спрессованной в несколько слоев кожи, усиленные умбончиками и накладками в форме полумесяца, луки из бамбуковых планок, склеенных и связанных волокнами лиан, короткие мечи и палаши «чиновничьего типа»(Горелик,2004 а, с. 11) с плоским овальным перекрестьем и трапециевидным навершием, носимые на плечевой портупее с правого бока в вертикальном положении, и т. д. Необходимо отметить, что достаточно часто в Тибете можно было встретить смешанные оружейные комплексы, состоявшие как из «тибетских», так и из «бутанских» элементов. Так, конные лучники Центрального Тибета часто носили кольчатые панцири и «бутанские» шлемы, а бутанские воины использовали палаши и круглые плетеные щиты. В монастыре Дрепунг вывешен панцирный комплекс, состоящий из шлема «тибетского» типа, ламеллярного «халата» без наплечников, кольчужной рубашки, четырехчастного зерцального доспеха из дисковидных пластин, пластинчатого панцирного пояса и плетеного щита (LaRocca, 1999, s. 125, fig. 24).

Давая общую оценку рассмотренным выше комплексам, необходимо отметить, что «тибетский» напоминал достаточно архаичный региональный вариант центральноазиатского оружейного комплекса, а «бутанский» явно тяготел к вооружению мусульманских государств Северной Индии и Средней Азии.

Тема взаимовлияния монголов и тибетцев в сфере холодного оружия во многом остается открытой в связи со слабой изученностью центральноазиатского клинкового оружия XV-XVIII вв. Гораздо больше сведений мы можем почерпнуть при сопоставлении защитного вооружения позднесредневековых монголов и тибетцев.

Защитное вооружение

Тибетское защитное вооружение периода позднего Средневековья представлено панцирями, шлемами, щитами и дополнительными защитными деталями.

Среди пластинчатых доспехов в Тибете периода развитого и позднего Средневековья преобладали панцири с ламеллярной структурой бронирования. Пластины ламеллярных «тибето-монгольских» панцирей XVI-XIX ВВ., изготовленные из железа и твердой кожи, восходят к центральноазиатским пластинам периода раннего и развитого Средневековья. Традиция оформления железных пластинок была достаточно устойчивой, что диктовалось функциональными требованиями, предъявляемыми к панцирям с данной системой бронирования. Это подтверждается не только формой пластин, но и расположением отверстий. Так, некоторые варианты ламеллярных пластин с Горного Алтая из погребений VIII-XI вв. (Горбунов, 2003, с. 137, рис. 24,*2)* практически в точности соответствуют пластинам из ламеллярных панцирных «тибето-монгольских» «халатов», датированных XVI-XVIII вв.

Самой популярной формой позднесредневековых ламеллярных пластин были пластины традиционной для Центральной Азии вытянутой прямоугольной формы с закругленным верхним краем (рис. 106). Также использовались короткие (чешуеобразные) прямоугольные пластины с закругленным верхним (нижним) краем пластины (тип 2), прямоугольные с закругленными верхними и нижними углами (тип 3) и вытянутые прямоугольные пластины со срезанными верхними углами (тип 4).

Необходимо отметить наличие пластин различных форм и размеров в составе одного позднесредневекового доспеха. Самые длинные и широкие пластины использовались для бронирования подола. Короткие чешуеобразные и овальные пластины составляли наплечные ремни, подмышечники, воротник, а также бармицы (LaRocca, 1999, s. 116, fig. 7). Пластины, располагавшиеся вокруг талии, иногда делали вогнутыми (рис. 110, *г*), что придавало ламеллярному «халату» приталенный силуэт. Эта деталь оформления была известна азиатским мастерам еще в период раннего Средневековья (Горелик, 1993, с. 150, рис. *1,4, 10, 12, 21, 26;* с. 153, рис. 3, *г -3, 17).*

Интересно, что ламеллярные пластины позднесредневековых «тибето-монгольских» панцирей, восходящие к центральноазиатским прототипам, разительно отличаются от известных тибетских и тангутских пластин IX—XII вв. Так, пластины IX в. из тибетской крепости Миран имеют квадратную или прямоугольную форму и пересекающиеся ряды вертикальных и горизонтальных отверстий (Горелик, 1995, с. 396, табл. 50, рис. 10). Тангутские пластины имеют схожие с «тибето-монгольскими» расположения отверстий, но их края выгнуты в виде характерного бортика, отсутствующего на позднейших аналогах (Горелик, 2002, с. 56, рис. 2). Возможно, столь сильные различия вызваны тем, что в первом случае пластины выполнены из твердой кожи, а во втором мы имеем дело с оригинально оформленным типом доспеха.

В позднесредневековом Тибете использовались ламеллярные панцири различных типов покроя. Рассмотрим наиболее популярные из них.

Двухстворчатая «кираса» представляет собой панцирь, состоящий из двух панцирных сегментов — нагрудника и наспинника, которые соединялись на плечах с помощью кожаных ремешков или панцирных лент и стягивались, а затем фиксировались на боках веревками или ремешками. Панцири покроя «кираса» были одной из популярных форм покроя монгольских панцирей XIII—XIV вв. (Горелик, 1987, с. 174, 178-179). Разновидность «кирасы», нагрудная и наспинная части которой соединены на плечах ламеллярными лентами, иногда называют ламеллярным «пончо». Подобные панцири часто имели удлиненный и постепенно сужающийся нижний край, отороченный широкой полосой ткани или мягкой кожи. Такой покрой ламеллярного панциря был широко распространен в Тибете XVI-XVIII вв. (рис. 107) и сохранился вплоть до начала XX в. (Уоддель, 1906, с. 133). «Кирасы» с удлиненным нижним краем, прикрывавшим гениталии и крестец воина, широко применяли кидани, сунские китайцы и цзиньские чжурчжэни XI-XII вв. (Бобров, Худяков, 2003, с. 169, табл. 1, рис. 6-7, 13; с. 171, табл. 2, рис. 6). Эту традицию унаследовали от них монголы эпохи Чингизидов (Горелик, 1987, с. 174, рис. 10-11). Так как в позднесредневековом маньчжурском доспехе удлиненный нижний край был заменен на специальные панцирные «передники» квадратной или трапециевидной формы (Бобров, Худяков, 2003, с. 139), то привнесение этого элемента в тибетский панцирный комплекс следует связывать с монгольским или китайским влиянием. «Кирасы» с удлиненным нижним краем продолжали бытовать в Монголии и Минском Китае вплоть до XVII в.

Широко распространенной формой покроя ламеллярных панцирей в Тибете XVI-XIX вв. были

так называемые «халаты». «Тибетские» («тибето-монгольские») ламеллярные «халаты» обычно кроились в виде длинного безрукавного кафтана со сплошным осевым разрезом и трехчастным подолом (пара набедренников и накрестник). Руки воина от плеча до локтя прикрывали отдельно надевавшиеся наплечники. Ламеллярный «халат» данного типа покроя был вывезен из Тибета Агваном Доржиевым в 1901-1903 гг. В настоящее время он хранится в фондах МАЭ (рис. 108, /; 109, /). Очень похожие «тибето-монгольские» ламеллярные «халаты» XVI-XVII вв. выставлены в экспозициях музеев Великобритании и музее Метрополитен (США) (рис. ПО, /). Другим вариантом покроя тибетских доспехов является ламеллярный «халат» с короткими рукавами, составляющими с корпусным покрытием единое целое.

В период развитого Средневековья ламеллярные «халаты» получили широкое распространение в среде монгольской знати XIII—XIV вв. Монгольские панцири-«халаты» этого времени имели осевой разрез или косой запах (Горелик, 2002, с. 70), короткие (до локтя или до середины предплечья) рукава или наплечники. Кроме монголов и тибетцев, ламеллярные «халаты» на протяжении XV-XVII вв. использовали китайцы династии Мин, корейцы и жители Средней Азии (Бобров, Худяков, 2002, с. 144, рис. 2, 5). Причем для последних этот тип защитного вооружения являлся результатом центральноазиатского влияния.

Известные ламеллярные «халаты», вывезенные из Тибета, восходят к сунским и монгольским (и шире — центральноазиатским) образцам XII—XIV вв. На это указывают особенности оформления и покроя «тибето-монгольских» ламеллярных «халатов». В отличие от минских (Бобров, Худяков, 2003, с. 192, табл. 13, рис. 1, 3) ламеллярных «халатов» (обычно с четырехчастным подолом и ламинарными нарукавниками), их позднесредневековые тибетские аналоги имеют трехчастный подол.

Гораздо меньшее распространение в Тибете получили ламеллярные «жилеты» со сплошным осевым разрезом и без рукавов. В период позднего Средневековья панцири покроя «жилет» (пластинчато-нашивные, реже — ламеллярные) использовались воинами Цинской империи (Бобров, Худяков, 2003, с. 192, рис. 5-7), однако восходили они к цзиньским и монгольским панцирным «жилетам» периода развитого Средневековья (там же, рис. 4; Горелик, 2002, с. 71, рис. 5, 7). Таким образом, генезис тибетских ламеллярных панцирей покроя «жилет» может быть связан как с центрально-, так и восточноазиатской военной традицией.

Несмотря на то что пластинчато-нашивные панцири были самым популярным типом защитного вооружения в Минском Китае и абсолютно преобладающим в Цинской империи, они не получили в Тибете сколько-нибудь широкого распространения. Вывешенные в тибетских монастырях пластинчато-нашивные доспехи, как правило, являются подношениями монгольских, реже маньчжурских и китайских феодалов XVI-XVIII вв. Рифленые (ребристые) пластины этих панцирей, снабженные бортиками, ребрами и полусферическими заклепками, расположенными в виде геометрических фигур (крестов, кругов, треугольников, ромбов и т. д.) (рис. 120, *6),* имеют широчайший круг аналогий среди пластин панцирей «куячного типа» с территории Центральной Азии и Южной Сибири XIV-XVIII вв.

В конце периода позднего Средневековья в Центральном Тибете и особенно в Бутане набирают популярность четырехчастные зерцальные доспехи из дисковидных пластин (рис. 209,*5, 6),* кольчатые панцири, скроенные в виде рубашки с короткими рукавами и подолом, с коротким нагрудным или сплошным осевым (восточноазиатская традиция) разрезом, и панцирные пояса, составленные из узких вертикальных пластин, соединенных кожаными шнурами (рис. 200, *1-2, 5).* Распространение среди бутанцев кольчатых панцирей покроя «рубаха» с нагрудным разрезом и зерцальных доспехов следует связывать с влиянием «вестернизированного»(мусульманизированного) комплекса вооружения Северной Индии. Этот же процесс в Центральном Тибете является результатом опосредованного (через Непал и Бутан) североиндийского и, вероятно, среднеазиатского влияния, ретранслятором которого выступили западные монголы (ойраты), оружейный комплекс которых стремительно «вестернизировался» в конце XVII в. (Бобров, 2003, с. 80-87).

Известный тибетский историк В. Д. Шакабпа отмечает, что «в древние времена тибетские солдаты носили доспехи, но в семнадцатом веке произошла странная вещь: вместо них они стали носить хлопчатобумажное обмундирование, с виду похожее на доспехи» (Шакабпа, 2003, с. 36). По-

добное утверждение противоречит известным фактам употребления тибетцами железных доспехов различных типов даже в начале XX в. Скорее всего речь идет о начале массового использования тибетцами XVII в. так называемых «мягких» панцирей из органических материалов не характерных для региона способов изготовления и форм покроя. Подобные панцири были самым распространенным среди кочевников Центральной Азии видом защитного вооружения (Бобров, Худяков, 2003а, с. 264-271). Факт начала массового ношения «хлопчатобумажного обмундирования, с виду похожего на доспехи», вероятно, фиксирует начало моды в Тибете на защитное вооружение «центральноазиатского» типа. «Мягкие» панцири из органических материалов, скроенные в виде халата с наплечниками, длинным подолом и осевым разрезом, фиксируются на тибетских танка XVII в. (рис. 143, *5).*

В период позднего Средневековья и Нового времени в Тибете использовались различные типы шлемов. Наибольшей популярностью пользовались наголовья, составленные из 4-8 пластин, соединенных с помощью кожаных ремешков или заклепок. Стыки пластин тульи прикрывались широкими накладками с вырезным (обучно двузубчатым) краем, дополненными ребром жесткости. Отличительной особенностью шлемов из Центрального Тибета были широкие «обручи-венцы», составленные из ламеллярных пластин, к которым крепилась трехчастная ламеллярная бармица (пара наушей и назатыльник). Численно преобладали тульи полусферической и яйцевидной формы. Сфероконический силуэт им придавали навершия, состоящие из конусовидной, круглой полусферической или плоской пластины и ярусной трубки-втулки (рис. 148; 149; 164; 185; 186, *3-6,8).* Генезис шлемов подобного типа связан с Северным Китаем и Центральной Азией.

Наиболее ранние изображения сфероконических шлемов, стыки пластин которых прикрыты накладками с вырезным краем и ребрами жесткости, происходят с территории Северного Китая и датируются VI в. н. э. (Бобров, Худяков, 2005, с. 185,рис. 19, *41).* Впоследствии этот способ оформления накладок получает широкое распространение в Китае, Корее, Восточном Туркестане, в зоне евразийских степей (Горелик, 1993, с. 158, рис. 7, 2, *14, 25, 26, 30;* Горелик, 1995, с. 420, табл. 54, рис. 12,23,28). В развитом Средневековье эта традиция была усвоена киданями (Горелик, 1987, с. 166, рис. 3, 4; Горелик, 2002, с. 52, рис. 2) и чжурчжэнями. Резными накладками с ребрами жесткости снабжены и наиболее ранние из известных монгольских шлемов (рис. 12, *5),* происходящих с территории Горного Алтая (Горбунов, 2003, с. 157, рис. 47). Вероятно, именно с экспансией монголов на запад следует связывать повторное распространение шлемов с резными накладками к западу от Алтайских гор вXIII — начале XIV в. (Горелик, 2002, с. 75, рис. 1-3). Во второй половине XIV — XVI в. ареал бытования шлемов с резными накладками постепенно сужается. В период позднего Средневековья они вытесняются с территории Восточной Европы, Малой, Передней и западной части Средней Азии. Резко сокращается их количество и на Дальнем Востоке. Если в период династии Мин (1368-1644) они еще достаточно часто встречаются на изображениях китайских воинов, то уже в маньчжурских войсках династии Цин XVII в. подобные шлемы — известная редкость. К XVI в. они остаются все так же популярны лишь в Центральной Азии и Южной Сибири, находившихся в сфере военного влияния монгольских племен (рис. 186; 187,*6;* 188). В этот период среди центральноазиатских кочевников были широко распространены накладки трех основных типов: узкие (рис. 188, */*, *3),* с ярко выраженным ребром жесткости и многочисленными зубцами (Бобров, Худяков, 2003 б, с. 151, табл. 1, рис. 1, 7), широкие (рис. 185, */*, *2, 5),* обычно с 2 зубцами и слабовыделенным ребром или вообще без него, и средних размеров («классические» накладки) с 2-3 зубцами (рис. 188,*2,4).* Первый тип накладок встречался на всей территории Центральной и в восточных областях Средней Азии (Бобров, Худяков, 2002, с. 151, рис. 4), но численно преобладал в Северной Монголии и Южной Сибири (Бобров, Худяков, 2003, с. 151, рис. 1-2,7-8), второй был характерен для Южной и Западной Монголии (Бобров, Худяков, 2003, с. 151, рис. 3), третий был распространен повсеместно. Ко второму и третьему типам накладок относятся и пластины-накладки на тибетских шлемах XVI-XVIII вв.

Эволюция тибетских шлемов с ламеллярными обручами и широкими резными накладками представляет собой региональный вариант развития центральноазиатских наголовий периода развитого и позднего Средневековья. Отличительной чертой тибетских шлемов являются ярусные втулки навер-

ший, имеющие одно-два (рис. 185, *1, 2, 5;* 186, *2, 5, 7-8)* и более (рис. 186,*4)* уплощенных линзовидных расширения в центральной и верхней части.

В Монголии шлемы с ламеллярными обручами стали выходить из широкого употребления в период позднего Средневековья, в то время как в Тибете они продолжали использоваться вплоть до Этнографического времени.

Причем попавшие в руки тибетцев позднесредневековые центральноазиатские шлемы переделывались с учетом местной военной традиции. Так, на украшенном серебряной насечкой центральноазиатском шлеме (рис. 164, *1*; 185, *3),* хранящемся в настоящее время в музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США), тибетский мастер удалил козырек (рис. 164, *3),* заменив его ламеллярный обручем (рис. 164, *2).* Оружейника даже не остановил тот факт, что ламеллярные пластины перекрыли ряд обращенных друг к другу серебряных свастик, которые были обнаружены американскими исследователями лишь недавно (LaRocca, 1999, s. 115-116). Есть и альтернативные примеры переделки классических тибетских шлемов в «центральноазиатском» или «бутанском» стиле. В таких случаях место ламеллярного обруча занимал козырек, а пластинчатой бармицы — пластинчато-нашивной или тканевый аналог. Такой переделке подвергся, например, шлем, вывезенный Агван Доржиевым из Тибета в 1901-1903 гг. (Решетов, 1969, с. 131). Интересно, что форма покроя его бармицы почти в точности повторяет покрой некоторых монгольских бармиц начала XIV в. из мягких органических материалов (рис. 149,*3),* а цветовая гамма напоминает бармицы ойратских шлемов XVII в. (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник). В коллекциях московских и сибирских собирателей древностей хранятся классические тибетские наголовья, снабженные вместо ламеллярного обруча «коробчатыми» козырьками подтреугольной или пятиугольной формы, что указывает на факт существования комбинированных шлемов, сочетавших как местные, так и иностранные (в частности, центральноазиатские и дальневосточные) элементы оформления.

Другим популярным типом наголовий, используемых в Тибете, были так называемые «бутанские» шлемы. Несмотря на то, что «бутанский» оружейный комплекс «мусульманизировался» с большей скоростью, чем «тибетский», жители Бутана упорно не хотели расставаться с наголовьями, продолжавшими в регионе «центральноазиатскую» традицию в не меньшей степени, чем классические тибетские шлемы. От описанных выше шлемов Центрального Тибета «бутанские» наголовья отличались более низкой полусферической тульей и отсутствием ламеллярного обруча, который заменялся коротким многоугольным «коробчатым» козырьком. Вместо ламеллярной бармицы в комплекте с «бутанским» шлемом обычно носили трехчастную «мягкую» бармицу из ткани или кожи (рис. 186, *1, 2, 7),* которая в небоевом положении завязывалась над козырьком. Клепаная сфероконическая тулья, стыки пластин которой прикрыты резными накладками с ребрами жесткости, «коробчатые» козырьки, трехчастные матерчатые бармицы, наушники с вырезом напротив трапециевидной мышцы сближают «бутанские» шлемы с центральноазиатскими позднесредневековыми наголовьями и позволяют отнести их к региональному варианту центральноазиатской военно-культурной традиции.

Кроме двух основных типов шлемов, в тибетских монастырях хранятся многочисленные наголовья цилидроконической формы. Наличие характерных элементов оформления (налобные пластины с ровным нижним краем или с надбровными вырезами в комбинации с «коробчатыми» козырьками, бочкообразные навершия и навершия «шар в блюдце», накладные иероглифы на тулье и т. д.) указывает на то, что данные шлемы были изготовлены цинскими (маньчжурскими или китайскими) оружейниками. В ряде случаев можно предполагать местное производство по цинскому образцу. Большая часть богато оформленных шлемов попала в Тибет в качестве подарков, преподносимых маньчжурскими феодалами тибетским духовным лидерам. Стандартизированные наголовья входили в состав комплексов вооружения цинских и тибетских воинов, составлявших имперские гарнизоны после включения Тибета в состав Цинской империи в XVIII в.

Основным типом позднесредневековых тибетских щитов были большие круглые выпуклые щиты из концентрически сплетенных гибких и прочных прутьев, поверхность которых усиливалась полусферическими металлическими умбонами и вырезными пластинами-накладками (рис. 210, *1—6, 8—11).* Щиты данного типа восходят к центральноази-

атским щитам XIII—XIV вв., «сделанным из ивовых и других прутьев» и неоднократно описанным европейскими и мусульманскими путешественниками и историками этого времени. В домонгольский период они нигде (за исключением ахеменидского Ирана VI-IV вв. до н. э.) не фиксируются, зато после монгольских завоеваний они распространяются от Центральной Европы до Восточной Азии. В самой Монголии подобные щиты численно преобладали над всеми другими типами. Неудивительно, что даже монгольский термин, обозначавший щит вообще («халха»), происходит от глагола «халхасун», т. е. «сплетать (из прутьев)». Плетеные щиты высоко ценились за упругость при ударе, а также за легкость и яркий внешний вид (Горелик, 1987, с. 196). В Восточной Европе, Передней и Средней Азии прутья щитов оплетались разноцветными нитями, образовывавшими на поверхности щита замысловатый узор. Судя по дошедшим до нас позднесредневековым тибетским щитам и фотографиям тибетских воинов Этнографического времени, эта традиция не получила в Центрально-Азиатском регионе столь же широкого распространения. Вместо этого края щитов украшали разноцветными лентами, пучками конского волоса и матерчатыми лопастями. В Тибете большие плетеные щиты употреблялись пешими тибетскими латниками даже в начале XX в. (Уоддель, 1906, с. 133).

В период позднего Средневековья в Тибете преобладали два основных типа конских доспехов. Первый из них состоял из крупных пластин-сегментов твердой кожи, часто покрытых черным или красным лаком, тунговым маслом или обтянутых тканью и усиленных узкими металлическими ребрами (рис. 213). Полный комплект такой панцирной попоны обычно состоял из пары гомогенных нашейников трапециевидной формы, гомогенного или двух-трехчастного нагрудника, двойных боковин, иногда накрупника. Голова коня прикрывалась кожаной маской, обшитой мелкими квадратными пластинками с полусферическими умбончиками и усиленной вырезным налобником с ребром жесткости (рис. 215). Такие конские доспехи, использовавшиеся представителями тибетской знати в XV-XVIII вв., украшались позолоченными и посеребренными прорезными накладками, покрытыми растительным орнаментом, расшитой тканью и крашеным конским волосом. Полный комплект такого конского доспеха использовался достаточно редко. Гораздо чаще встречались его облегченные варианты: маска, нашейник, нагрудник или нашейник и нагрудник. Конский доспех из крупных гомогенных пластин твердой кожи является традиционным для Тибета. Самые ранние его образцы датируются XV в. Их аналоги использовались в регионе вплоть до начала XX в. (Уоддель, 1906, с. 9, 130).

Вторым основным типом конского тибетского доспеха были ламеллярные попоны (рис. 214). Ламеллярный конский доспех обычно состоял из маски, двухчастного (сошнурованного по оси) или более узкого одночастного нагрудника, нашейника, пары боковин, накрупника и назадника. Ламеллярные сегменты оторачивались широкими кожаными и тканевыми полосами, украшенными разноцветными (обычно желтыми) лентами и конским волосом. Широкое распространение ламеллярных попон на территории Тибета фиксируется с XVII в. Их покрой типологически близок покрою конских доспехов Сунского Китая и киданьской империи Ляо XI—XII вв., государств Чингизидов XIII—XIV вв. (Горелик, 1983, с. 267, табл. X, рис. 1, 3-4; Горелик, 1987, с. 199, рис. 13,/-5). В свою очередь, эти панцирные комплексы восходят к сяньбийскому конскому доспеху «цзюйчжуан» («цзюйчжуанкуй») IV в. н. э. (Бобров, Худяков, 2005, с. 149-153, 190-191).

Кожаные крупнопластинчатые конские панцири, вероятно, следует связывать с местной военно-культурной традицией, а их ламеллярные девятичастные аналоги — с адаптированным центральноазиатским и, возможно, китайским влиянием. Причем обе традиции активно взаимодействовали друг с другом.

Оружие дистанционного и ближнего боя

Тибетское позднесредневековое оружие дистанционного боя представлено луками и стрелами, фитильными ружьями, дротиками и пращами.

Лук широко использовался тибетцами еще в эпоху Древности. Увеличение числа воинов-панцирников и повышение значимости ближнего рукопашного боя несколько снизили значимость лучной перестрелки в тибетском военном искусстве периода раннего и развитого Средневековья. Новый всплеск интереса тибетцев к этому виду дистанционного оружия был вызван военными успехами монголов, прославившихся как непревзойденные лучники. В XVII в. вместе с модой на всё монголь-

ское тибетцы усвоили луки монгольского типа и, вероятно, тактические особенности их применения на поле боя. На какое-то время искусство стрельбы из лука стало исключительно популярным. В старинной песне, звучащей во время исполнения «Танца с мечами», рефреном звучит фраза: «...практикуй стрельбу из лука и упражнения с копьем!», которая является синонимом военного искусства вообще (Рерих, 1999, с. 106). Стрельбе из монгольских луков обучались и рядовые тибетцы, и представители знати, и даже монахи ламаистских монастырей. Путешественники начала XX в. отмечали, что луками были снабжены и пешие, и конные тибетские легковооруженные воины, конные панцирники и даже стрелки, вооруженные огнестрельным оружием. Распространение среди позднесредневековых тибетцев навыков конного центральноазиатского лучного боя следует, вероятно, связывать с монгольским влиянием. Элементы данной традиции сохранились до наших дней в виде конных состязаний лучников, приуроченных к праздникам,посвященным центральноазиатскому эпическому герою Гесеру. Характерно, что навыки изготовления и использования традиционных сложносоставных луков современными тибетскими участниками соревнований утрачены (вместо них используются грубообструганные и слабовыгнутые самодельные деревянные луки), но многие религиозные ограничения (например, запрет женщинам прикасаться к оружию) сохранены (Димбергер, 2004, с. 213).

Близость позднесредневекового тибетского саадака к своему центральноазиатскому прототипу подтверждается результатами типологического анализа. Некоторые типы тибетских луков (например, с плечевыми роговыми накладками и оплеткой из сухожилий), а также стрел имеют точные аналоги среди монгольских предметов вооружения XVII-XIX вв. (Худяков, Бобров, 2004, с. 114-117). Тибетские налучи «gzhu shubs», как и некоторые их монгольские аналоги, снабжались минимальным количеством металлических деталей. Обычно накладки на тибетских налучах ограничивались прорезной полусферической крепежной пластиной и полусферическими заклепками по периметру. Основное поле тибетских налучей покрывалось густым геометрическо-растительным орнаментом и изображениями буддийских символов (черным цветом по красно-коричневому фону) (рис. 30, /). На тибетских танка XVII-XIX вв. достаточно часто изображаются налучи и колчаны, обтянутые тигриной шкурой (рис. 36, *10, 13).* В системе покроя поздних тибетских колчанов и налучей, кроме центральноазиатского, прослеживается также цинское и североиндийское влияние. В конце рассматриваемого периода, в связи с распространением огнестрельного оружия и рядом других факторов, значение лучной перестрелки вновь стало снижаться. Заданный монгольской оружейной традицией импульс в изготовлении саадаков постепенно сошел на нет. В начале XX в. в Тибет стали в массовом порядке завозиться импортные (китайские и бутанские) луки (Рерих, 1999, с. 49). Собственная традиция изготовления сложносоставных луков на большей части Тибета была постепенно утрачена.

Первые ружья в Тибете появились еще в конце XVI — начале XVII в. Начало широкого распространения огнестрельного оружия среди тибетских воинов совпадает с периодом господства в регионе ойратов-хошоутов.

По своей конструкции тибетские ружья XVIII-XIX вв. (me mda — букв, «огненная стрела») мало отличаются от своих центральноазиатских и восточноазиатских аналогов (рис. 64). Здесь мы видим все те же «азиатский фитильный замок» (тибетские названия — me scam, te mdai scam), длинный кованый ствол, слабоизогнутый граненый приклад и сошки. На наш взгляд, подобная конструктивная близость объясняется тем, что большинство ружей, использовавшихся тибетскими воинами Нового времени, было изготовлено за пределами Тибета, в Монголии, Китае и Северной Индии. Несколько отличаются от традиционных цинских экземпляров лишь укороченные фитильные «карабины». Они обладают подчеркнуто коротким стволом, массивным прикладом, но сошки у них отсутствуют. Особенности конструкции «карабинов» объясняются тем, что из них тибетские воины вели стрельбу, не слезая с коня, иногда на полном скаку. Подобный прием ведения боя был популярен также в Джунгарии и Восточном Туркестане.

Отличительной чертой всех типов тибетских ружей являются отделка и декоративные элементы оформления приклада, ложа и, в меньшей степени, ствола. Так, ложа некоторых ружей имеют серебряные, медные и железные накладки. Иногда ложа инкрустируются костью или покрываются краской, снабжаются цветными изображениями. Большая часть ружейных стволов лишена украшений. Толь-

ко некоторые из них украшены золотой и серебряной насечкой, накладками и гравировкой.

Тибетцы заимствовали у центральноазиатских кочевников не только сами ружья, но и ружейную амуницию. По сообщению А. Уодделя, тибетцы хранили порох в «закупоренных костяных бутылочках» (Уоддель, 1906, с. 130), являвшихся аналогом патронташей, из сайгачьих рогов, широко использовавшихся кочевниками Центральной и Средней Азии, а также народами Южной Сибири (Радлов, 1989, с. 158-159). Однако, в отличие от Джунгарии, в Тибете так и не было налажено собственное массовое производство современного огнестрельного оружия, хотя некоторые тибетские, а также работавшие в «Стране снегов» индийские мастера и изготавливали ружейные стволы и приклады к ним в небольших ремесленных мастерских вплоть до конца XIX в.

Традиция стрельбы из фитильных ружей с коня, зафиксированная в Тибете европейскими наблюдателями, возможно, также связана с военным искусством позднесредневековых кочевников Центральной Азии. Многочисленные полотна европейских иезуитов и китайских художников середины XVIII в., отражающие процесс завоевания Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана, фиксируют всевозможные примеры оригинального построения наступающей джунгарской конницы, где впереди глубокой колонны копейщиков врага атакуют воины, вооруженные огнестрельным оружием. Многочисленность подобных изображений указывает на тот факт, что перед нами не уникальный случай, а характерный для кочевников способ ведения конного дистанционного боя. По сообщениям русских путешественников, кочевники Южной Сибири (в частности, алтайцы) также активно использовали огнестрельное оружие, не вылезая из седла. Для этого ими использовались фитильные ружья меньших размеров (Радлов, 1989, с. 159).

Согласно требованиям своих командиров, тибетские кавалеристы должны были одинаково хорошо владеть и луком, и фитильным ружьем. Особое внимание при этом уделялось стрельбе с коня. Профильные тренировки всадников проводились в Тибете даже в начале XX в. Однако по качеству исполнения военных действий тибетские конники XVIII-XIX вв., по всей видимости, все же уступали джунгарский стрелкам из фитильных ружей, которые активно использовали свое искусство в конных схватках с цинскими лучниками в первой половине XVIII в.

Изобразительные и письменные источники XVIII-XIX вв. фиксируют на вооружении тибетцев пушки. В этот период тибетцы использовали крупнокалиберные фитильные ружья («джингали») и легкие малокалиберные орудия китайского, индийского или европейского производства. В целом артиллерия в войсках ойратов-хошоутов была крайне малочисленна и не оказывала существенного влияния на тактику монголо-тибетских армий второй половины XVII — первой четверти XVIII в.

Несмотря на то что тибетцы активно перенимали у центральноазиатских кочевников различные типы оружия дистанционного боя и тактические приемы, они сохраняли и оригинальные способы ведения боя. Так, пращи («урду») входили в комплекс вооружения «тибетских воинов низшего разряда». Пользовались ими тибетцы весьма умело. В ходе сражения пращники активно взаимодействовали с бойцами других родов войск и нередко оказывали серьезное влияние на общий итог сражения.

Излюбленным оружием кочевников Кама и Амдо были оригинальные тяжелые дротики с длинными гранеными наконечниками (Горелик, 2004, с. 60).

Их древки изготовлялись из дерева, привезенного из Восточного Тибета и западнокитайских провинций. Некоторые разновидности таких дротиков снабжались арканом, привязанным к древку. После метания такого дротика воин мог, потянув за аркан, вернуть дротик обратно.

Воины тибетской латной и легковооруженной конницы широко использовали длинные кавалерийские копья и пики, напоминающие длиннодревковое оружие кочевников центральноазиатских степей. Все наконечники тибетских копий можно разделить на три основные группы. К первой относятся наконечники пик (рис. 93, *1-2, 5-6).* Они отличаются длинным узким ромбическим или даже почти квадратным в сечении пером, массивной короткой (реже более тонкой удлиненной) втулкой. Вторая группа наконечников представляет собой очень длинные кинжаловидные перья на длинных втулках, «шейка» которых часто украшена шаровидным или уплощенным «яблоком» (рис. 94, *4).* Грани перьев нередко снабжены выпуклыми ребрами жесткости и широкими неглубокими долами, благодаря которым перо имеет почти четырехле-

пестковое сечение. Общая длина таких наконечников иногда доходит до 0,5 м или бывает даже больше. Третьей разновидностью являются наконечники с достаточно широким пером и длинной втулкой. Плоскости пера таких наконечников иногда снабжены узкими длинными долами (рис. 94, *3),* напоминающими долы на южносибирских и монгольских наконечниках. Древки пик и копий нередко оплетали железной проволокой и снабжали граненными втоками, часть которых можно было использовать для нанесения колющих ударов, т.е. фактически как второй наконечник копья (рис. 93, *4).*

Наряду с длинными копьями тибетцы применяли и их укороченные варианты, пригодные для боя в пешем строю. Древки пехотных копий сплошь обвивались железной проволокой и снабжались «у основания прочным грубым острием, служащим для втыкания пики в землю». П. К. Козлов особо подчеркивал, что проживавшие в Тибете цайдамские монголы, вооружение которых напоминало тибетское, ни описанной выше пращи, ни коротких пехотных копий не использовали (Козлов, 1948, с. 182).

В наименьшей степени центральноазиатскому влиянию оказалось подвержено тибетское клинковое оружие, представленное в регионе широким набором мечей (рис. 80; 82, */ -2,4),* палашей (рис. 82, *3, 5;* 83), кинжалов и ножей. Как показали исследования М. В. Горелика, однолезвийные палаши и мечи являются традиционным оружием тибетцев (Горелик, 2004а, с. 13). Оригинальная система оформления рукоятей и, в несколько меньшей степени, клинков отличает их от синхронных восточноазиатских аналогов. При этом сабли на территории Тибета не получили столь же широкого распространения, как палаши и мечи. На протяжении длительного времени они оставались оружием знати и использовались в основном в Восточном Тибете (Рерих, 1999, с. 49). Даже крупные тибетские чиновники носили импортные индийские и маньчжурские сабли прикрепленными к седлу под левой ногой (как европейские кончары), что указывает на то, что этот вид оружия не был основным. Он лишь дополнял основной комплект, состоявший из палаша и длинного кинжала (Горелик, 2004 а, с. 13). К прямым заимствованиям М. В. Гореликом отнесены лишь монгольские и китайские ножи, входившие в состав «столового набора», состоявшего из собственно ножа, ножен и вложенных в них палочек для еды. Такие ножи обычно импортировались из Монголии и Китая, но «делались и в Тибете, где имели вид, близкий оригиналам» (Горелик, 2004 а, с. 10—11). Таким образом, «монголизации» тибетского клинкового оружия в XVII—XVIII вв. не произошло. Более того, на некоторых образцах клинкового оружия центральноазиатских кочевников, проживавших в Тибете, фиксируются оформительские элементы тибетского типа. Так, некоторые монгольские сабли, преподнесенные в дар монастырю Сакья, имеют тибетские рукояти с характерными трапециевидными навершиями и дисковидными гардами.

Подводя итог обзору центральноазиатских заимствований в тибетском вооружении, необходимо отметить, что в наименьшей степени степному влиянию оказалось подвержено клинковое оружие. Из предметов древкового оружия тибетцы сохранили оригинальные пехотные копья и дротики, а из дистанционного — пращу. В наибольшей степени процесс «монголизации» затронул тибетский доспех. По мнению зарубежных исследователей, консервация («окостенение») тибетского доспеха произошла в первой половине XVIII в. и была связана с «умиротворением» Тибета и окончательным его подчинением Цинскому Китаю. Так как в этот период в Тибете уже более 70 лет безраздельно господствовали монголы, то и дошедшее до нас тибетское вооружение несет на себе отпечаток центральноазиатского оружейного комплекса (LaRocca, 1999, s. 113). Однако Тибет XVIII в. не напоминал Японию периода Эдо. После включения Тибета в состав Цинской империи страна не вступила в период длительного мирного существования, которое и привело бы в конечном итоге оружейный комплекс к стагнации. Более того, в XVIII в. Тибет пережил одну из наиболее ожесточенных серий войн в своей истории. Для успешного противостояния непальским гуркам и дограм было необходимо поступательно реформировать свои вооруженные силы и осваивать новые виды вооружения. Этот процесс мы можем зафиксировать как на примерах из военной истории Тибета (освоение огнестрельного оружия, создание регулярной армии, внедрение новых тактических схем ведения боя и т. д.), так и на составе оружейного комплекса тибетцев XVIII-XIX вв. (все более широкое внедрение мусульманизированного «бутанского» оружейного комплекса). Однако в силу объективных и субъективных причин этот процесс

шел в Тибете медленнее, чем в некоторых соседних странах (например, в Джунгарии).

Традиционный консерватизм тибетцев, обусловленный старыми и новыми религиозными догмами (Рерих, 1999, с. 267), усиливался благодаря воле их политических покровителей, стремившихся законодательным путем не допустить в Тибет не только самих иностранцев, но даже производимые ими товары (Шакабпа, 2003, с. 185). Монголы и монгольские товары к числу иностранных при этом не относились. Монгольские представители, наряду с китайскими, бутанскими и непальскими чиновниками, принимали участие в сакральной церемонии возведения на престол очередного Далай-ламы (Шакабпа, 2003, с. 185), а рядовые тибетцы охотно покупали и использовали монгольское холодное и огнестрельное оружие. Изоляция Тибета от захваченной британцами Индии, при сохранении политических, религиозных и военных контактов с жителями Центральной Азии, создала условия для длительного бытования центральноазиатских элементов в материальной культуре тибетцев. Поэтому мощный центральноазиатский импульс, оказавший сильное влияние на тибетское вооружение XVII-XVIII вв. и воспроизводимый на протяжении последующих десятилетий, просуществовал исключительно долго и был зафиксирован европейцами начала XX в. Однако, отмечая влияние монгольского оружейного комплекса на тибетский, не стоит и абсолютизировать это влияние, к тому же ослабевавшее на протяжении второй половины XVIII — XIX в. Близкие к монгольским панцири и шлемы из европейских и американских музеев, как правило, датируются XVII-XVIII вв., т. е. временем, когда монгольское военное и культурное влияние в Тибете было особенно сильным. При сопоставлении этих материалов с фотографиями тибетских латников начала XX в. можно легко заметить, что оружейный комплекс за это время претерпел значительные изменения: ламеллярные панцири постепенно вытесняются кольчугами и зерцальными доспехами, а классические шлемы — своими «бутанскими» и цельнокованными аналогами.

Тактика

Тибетская тактика периода позднего Средневековья и Нового времени достаточно разнообразна. Ее успех на поле боя во многом зависел от эффективности взаимодействия различных родов войск, в первую очередь конных копейщиков, пеших латников, лучников и ружейных стрелков. По мнению Ю. Н. Рериха, главная роль в ходе сражений отводилась панцирной коннице, атаковавшей противника копьями и мечами (Рерих, 1961, с. 11). Тяжеловооруженные всадники старались как можно быстрее сблизиться с противником и нанести таранный удар. В период позднего Средневековья значимость дистанционного боя вновь возросла. Этот факт был обусловлен монгольским военным влиянием и распространением ручного огнестрельного оружия. По сведениям письменных источников, отряды конных лучников формировали племена кочевников. Информация о собственно тибетской лучной коннице достаточно противоречива. Ю. Н. Рерих вообще отказывал тибетцам в сколько-нибудь многочисленной легковооруженной коннице, вооруженной саадаками: «Лук редко употребляется в современном Тибете и, главным образом, представляет из себя предмет спорта — национальной игры. Большинство современных луков ввозятся из Китая и Бутана. Знаменитые конные состязания лучников, проходящие ежегодно во время новогодних празднеств, являются иностранным (монгольским. — *Авт.)* заимствованием и относятся к эпохе Гуши-хана (1640 г.). Участники состязаний изображают монгольскую конницу Гуши-хана» (Рерих, 1999, с. 49). Г. Ц. Цыбиков, наблюдавший за военными учениями тибетской армии, был не столь категоричен. По его мнению, конные тибетцы, хотя и не были хорошими стрелками, все же достаточно активно использовали луки (Цыбиков, 1919, с. 211-214). Совершенно иную точку зрения на роль лучной перестрелки в военном искусстве жителей Тибета высказал А. Уоддель, опиравшийся на личные впечатления и рассказы английских офицеров, принимавших участие в боевых действиях против тибетцев в рамках экспедиции Янгхазбанда 1903-1904 гг. По его наблюдениям тибетцы «хорошо стреляют из луков», более того, «лук составлял любимое оружие тибетцев», а их полководцы именуются «господами стрел» (Уоддель, 1906, с. 130). На фотографиях начала XX в. легковооруженные лучники действительно встречаются достаточно редко, зато подавляющее число конных панцирников вместо ружей (а часто и вместе с ними) использует богато украшенные саадаки.

Таким образом, сведения очевидцев, посещавших Тибет примерно в одно и то же время, отличаются крайней противоречивостью. Ясно одно, что, несмотря на увлечение тибетцев XVII—XVIII вв. лучным боем, они не придавали ему столь же большого значения, как их северные кочевые соседи (что, впрочем, не мешало им активно использовать луки в ходе боевых действий и учений). Даже в начале XX в. в ходе больших полевых сражений при столкновении с хорошо вооруженным огнестрельным оружием противником тибетцы по-прежнему стремились быстрее сойтись с ним врукопашную (Леонтьев, 1955, с. 47-48).

Вопрос о роли кочевых народов в эволюции тактики тибетской тяжеловооруженной копейной конницы остается открытым. По мнению Ю. Н. Рериха, ее появление в Тибете напрямую связано с влиянием кочевого мира: «Вопрос о применении панциря для тибетского воина и его коня требует детального исследования, но несомненно, что и в этой области Тибет испытывал влияние своих северовосточных соседей — иранцев, хуннов, монголов, постоянно теснивших пограничные тибетские племена» (Рерих, 1999, с. 49). На наш взгляд, начало эволюции тяжеловооруженной тибетской конницы относится к домонгольскому времени, хотя номады XIII—XVIII вв., безусловно, повлияли на ее вооружение и тактику. В период позднего Средневековья роль ближнего боя и копейного удара в военном искусстве центральноазиатских кочевников неуклонно возрастала. Устойчивость в рукопашной достигалась за счет увеличения числа конных воинов, использовавших защитное вооружение из металла и органических материалов. Мощь копейного удара, в свою очередь, повышалась за счет роста численности воинов, вооруженных копьями и длинными пиками (Бобров, 2005, с. 12,19-21). Некоторые тактические приемы монгольской копейной конницы были заимствованы тибетцами. К числу таких заимствований, вероятно, относится традиция синхронных «фланговых атак» (Рерих, 1999, с. 49), в ходе которых конные копейщики сминали крылья армии противника и обходили ее с флангов. Перед сражением монгольская армия выстраивалась в виде полукруга так, что ее фланги были выдвинуты в сторону вражеских войск. Такой строй носил у монголов название «нуман тулхуур» («лук-ключ»). В ходе битвы монгольские фланги наносили мощный, часто синхронный удар, после которого противник, чтобы не попасть в окружение, должен был спешно отступать. Такая тактика широко использовалась монгольскими племенами на огромных просторах евразийских степей от Халхи и бассейна р. Или до Волги, где ее носителями выступали ойраты-торгоуты (калмыки) (Кушкумбаев, 2001, с. 116-117). После перевооружения джунгарской армии в конце XVII в. русским и среднеазиатским огнестрельным оружием тактическая схема «нуман тулхуур» была несколько скорректирована. Теперь конные копейщики атаковали вражеские фланги только после того, как наступательный порыв противника был остановлен спешенными стрелками, занимавшими центр позиции джунгарских войск. После этого ойратская конница устремлялась вперед и начинала обступать фланги противника.

Не исключено, что монголы оказали влияние и на развитие в Тибете нового рода войск — легковооруженных конных копейщиков. В отличие от развитого Средневековья, в XVII—XVIII вв. в Центральной Азии длинные кавалерийские пики стали использоваться не только латниками, но и легковооруженными конными лучниками. В результате на поле боя появился новый массовый род войск — легковооруженная копейная конница. Кроме древкового оружия, легковооруженные копейщики были вооружены луками или фитильными ружьями, достаточно часто саблями или палашами. Тактика их действий на поле боя несколько отличалась от тактики примерно так же вооруженных русских казаков XVII-XIX вв. Наряду с рассыпной лавой использовались и более плотные колоннообразные построения. Первые ряды наступающей конницы занимали стрелки, вооруженные огнестрельным оружием, которое они разряжали в противника на полном скаку. За рядом стрелков следовала масса легковооруженных копейщиков, которые атаковали врага с разгону, удерживая пику двумя руками или, несколько реже, зажав ее под мышкой.

Характерная джунгарская тактика ведения боя «от обороны», с широким использованием конных контратак при столкновении с превосходящими силами противника была очень популярна в Тибете. В ходе боевых столкновений воинов, вооруженных луками и огнестрельным оружием, тибетские полководцы предпочитали укрывать за естественными складками местности. В случае необходимости возводились и полевые укрепления. В качестве

оборонительных сооружений для прикрытия пеших стрелков использовались земляные валы, стены, сложенные из валунов и камней, и частоколы (Шакабпа, 2003, с. 222, 224, 226).

Более мелкие, локальные столкновения тибетцев из разных хошунов проходили по несколько иной (упрощенной) схеме. Противники сходились на равнинной местности и начинали бой с перестрелки из фитильных ружей, которая могла длиться до двух-трех часов. «Постреляв друг в друга... враги расходятся и, переночевав где-либо, главным образом на вершинах увалов гор, на другой день снова начинают ту же историю, продолжающуюся несколько часов... До рукопашной (в ходе мелких стычек. — *Авт.)* дело доходит редко; в таких случаях дерутся на саблях и пиках, и в результате оказывается очень много раненых и убитых. Схватка врукопашную производится по большей части на конях» (Козлов, 1948, с. 192-193).

Центральноазиатское влияние нашло свое отражение и в других областях военного искусства позднесредневековых жителей Тибета. В частности, в проведении совместных регулярных военных учений, описания которых мы привели выше, «во времена Гуши-хана и Далай-хана существовала традиция, когда тибетская и монгольская кавалерия и пехота во время праздника Монлам на Новый год во всеоружии проходили парадом перед Далай-ламой. Затем после молитвенного фестиваля, в течение двух дней воины публично испытывались в своем искусстве, после чего проводилось большое гулянье и награждение призами. Со временем сложилась традиция, согласно которой каждый высокопоставленный чиновник обеспечивал подготовку кавалеристов и пехотинцев к монламовскому параду и руководил им в год своей очереди. Еще недавно этот обычай оставался частью монламовского фестиваля» (Шакабпа, 2003, с. 140). Как и позднесредневековые монголы, тибетцы начала XX в. вносили штрафы скотом и оружием. Так, за убитого при отгоне стада похитителя, в зависимости от его социального положения, надо было заплатить его родственникам «кун», включавший, помимо прочего, 5-20 ружей (Козлов, 1948, с. 193).

Необходимо отметить, что взаимодействие монголов и тибетцев в области военного дела не было односторонним. После включения Тибета в сферу монгольского политического влияния местные ремесленные центры стали использоваться центральноазиатскими кочевниками в качестве материально-технической базы для производства вооружения для собственных нужд. Особую роль в этом процессе сыграли оружейники области Дерге (главный монастырь — Дерге-Гончен), которые славились «лучшей в Тибете обработкой металлических изделий», в том числе и оружия (Рерих, 1999, с. 41). Тибетские оружейники продавали монголам предметы защитного и наступательного вооружения. В случае необходимости (в ходе военных кампаний) тибетское оружие передавалось центральноазиатским союзникам бесплатно (Шакабпа, 2003, с. 123). На факт использования тибетских шлемов жителями, проживавшими за пределами данного региона, указывает находка типичного тибетского шлема XVI-XVII вв. с ламеллярным обручем, резными накладками и ярусным навершием в г. Хами в Восточном Туркестане (Худяков, 1994, с. 43). Уже в первой половине XVII в. монгольские феодалы стали широко использовать в военных походах отряды легко- и тяжеловооруженной тибетской пехоты, а также осадные орудия местного производства. Тибетцы научили монголов обороняться в горных замках и брать их штурмом. Если в начале завоеваний номады придерживались исключительно кочевого образа жизни, то позднее по их приказам местные мастера стали возводить крепости, являвшиеся опорными пунктами монголов на захваченных землях. Например, жена наследника правителя хошоутов Понма Эркхэ-шара «построила крепость на границе тибетцев и монголов, которую назвала Шуг-Нгонг» (Дугаров, 1983 б, с. 145).

Два народа активно обменивались воинскими традициями и оружейными комплексами. Процесс взаимообмена в области военного дела зашел настолько далеко, что вооружение коренных тибетцев и монголов, проживавших в Тибете, практически перестало отличаться. Детально описывавший быт и занятия тибетцев П. К. Козлов отмечал, что «вооружение цайдамских монголов вообще очень близко подходит к вооружению тибетцев» и отличается от оружия последних лишь отсутствием пращей и коротких копий для пешей схватки (Козлов, 1948, с. 182).

Монгольская экспансия в Тибет в XIII и XVII — первой трети XVIII в. привела к массовому переселению на его территорию племен центральноазиатских кочевников, которые составили основу тибетских вооруженных сил этого периода. Цен-

тральноазиатскии оружейный комплекс и военное искусство монгольских кочевников оказали сильное влияние на развитие военного дела позднесредневековых тибетцев. В результате симбиоза местных и центральноазиатских военных традиций был создан позднесредневековый тибетский оружейный комплекс, многие элементы которого сохранились до конца XIX — начала XX в. По своим типологическим особенностям он сильно отличается от синхронных комплексов Китая, Северной Индии и Средней Азии. Несмотря на наличие многочисленных оригинальных элементов (особенно в сфере клинкового оружия), тибетский оружейный комплекс XVII-XVIII вв. демонстрирует явную близость к своему монгольскому аналогу, что позволяет, с некоторой долей условности, отнести его к числу региональных вариантов позднесредневекового центральноазиатского оружейного комплекса. По мере ослабления политического могущества монголов в регионе тибетский комплекс стал постепенно освобождаться от центральноазиатских военно-культурных традиций. На момент окончания массового использования оружия средневекового типа в Тибете (начало XX в.) центральноазиатские элементы постепенно вытеснялись своими «индо-персидскими» аналогами.

Отличительными чертами тибетских армий XV-XVIII вв. были наличие большого числа родов войск[10], широкое распространение защитного и клинкового оружия. Эти стороны военного дела тибетцев периода позднего Средневековья были обусловлены политическими, экономическими и природно-климатическими условиями «Страны снегов». Наличие относительно крупных ремесленных и оружейных центров в больших городах и монастырях позволяло создавать значительные по объему запасы холодного оружия и защитного вооружения, которое перед началом боевых действий выдавалось наемникам и ополченцам. Горожане и горцы составляли пехоту, а кочевники и феодальная знать — конницу. Таким образом, тибетская армия совмещала в себе элементы военных традиций как кочевых, так и оседло-земледельческих народов.

При этом уровень подготовки и дисциплины собственно тибетских войск был не высок. Тибетские светские и духовные правители могли вести между собой и своими ближайшими соседями (бутанцами, непальцами) длительные, порой ожесточенные войны, но в столкновении с центральноазиатскими (монгольскими, ойратскими) или восточноазиатскими (цинскими) армиями обычно терпели сокрушительные поражения. Помимо всего прочего, тибетские армии были не многочисленны и обычно состояли из нескольких сотен (изредка из нескольких тысяч) профессиональных воинов (дружинников духовных и светских феодалов, наемников) и ополченцев. Регулярная тибетская армия была создана только в середине XVIII в. и в течение следующего столетия ее численность обычно не превышала 3-8 тыс. человек. Неудивительно, что в этих условиях иностранные «армии вторжения», состоявшие из 5-15 тыс. человек, представляли собой серьезную угрозу тибетской независимости.

На протяжении почти всего XVII в. и части XVIII в. ядро тибетской армии составляли монгольские войска (тумэты, халха-монголы, ойраты-хошоуты и др.). Командовали такими объединенными армиями обычно полководцы монгольского происхождения". В первой половине XVII в. монгольские воины считались в Тибете «непобедимыми». Монгольское оружие, одежда и обычаи в этот период были исключительно популярны среди коренных тибетцев. Неудивительно, что тибетские вооружение и тактика XVII-XVIII вв. несут на себе яркий отпечаток монгольской военной традиции.

Эволюцию комплекса тибетского вооружения и тактики XVII-XVIII вв. можно разделить на два основных периода: первый — XVII в.; второй — XVIII в.

В течение XVII в., по мере укрепления военного и политического господства монголов в Тибете, все более широкое распространение получают сложносоставные монгольские луки и «мягкие» панцири из органических материалов. Некоторое распространение получают фитильные ружья. Абсолютно преобладающими типами гетерогенных доспехов являются «кирасы» и «халаты» с ламеллярной структурой бронирования. Вероятно, не-

[10] Конные и пешие лучники, конные панцирные копейщики и стрелки, пешие и конные стрелки из фитильных ружей, вооруженная древковым и клинковым оружием панцирная щитоносная пехота, пешие пращники и т. д.

" Иногда в качестве командующих обозначались два военачальника — монгольского и тибетского происхождения.

малое количество халхаских и ойратских панцирников также носили доспехи с пластинчато-нашивной структурой бронирования. Головы латников прикрывали железные шлемы, составленные из пластин-сегментов с ременным или заклепочным соединением и снабженные ламеллярный обручем с трехчастной бармицей («тибетский» стиль) или козырьком («монгольский» стиль). Руки воинов прикрывали кожаные (одночастные) или железные (створчатые) наручи. Панцирные пехотинцы широко использовали усиленные железными умбонами и вырезными накладками плетеные щиты. Знатные и состоятельные воины прикрывали своих коней масками и панцирными попонами. Последние составлялись из крупных кожаных лакированных пластин, усиленных железными ребрами и накладками, или сегментов ламеллярной брони. Основным оружием ближнего боя для всадников были длинные пики и копья, мечи и палаши. Пехотинцы использовали короткие (пехотные) копья, те же мечи, палаши и длинные кинжалы. В течение рассматриваемого периода, в результате монгольского влияния, резко возросло значение конного лучного боя. Сражение начинали конные лучники, за ними в бой вступали конные панцирные копейщики. Излюбленным тактическим приемом был удар по флангам противника с последующим выходом в тыл. Конницу в сражении поддерживала легковооруженная и панцирная (щитоносная) пехота. При осадах городов и горных крепостей использовались катапульты.

В XVIII в., по мере ослабления монгольского военного и политического влияния, тибетский оружейный комплекс подвергается известной трансформации. В результате джунгарского, среднеазиатского и североиндийского влияния все большее распространение получают кольчатые панцири. Для усиления кольчатого покрытия начинают применяться четырехчастные зерцальные доспехи, состоящие из четырех слабовыпуклых металлических дисков, и панцирные пластинчатые пояса. Голову воинов все чаще покрывают цельнокованые и клепаные сфероконические наголовья с «коробчатыми» козырьками. В результате североиндийского и цинского влияния некоторое распространение получают сабли, однако основным типом клинкового оружия остаются однолезвийные палаши с дисковидной гардой. Значение сложносоставных луков постепенно снижается, в то время как фитильных ружей, напротив, растет. Данный процесс идет на территории всего Тибета, но особенно четко фиксируется в Бутане, военачальники которого активно усваивали многие элементы североиндийского оружейного комплекса. Перевооружение тибетской армии по новому образцу не завершилось в XVIII в., а продолжалось на протяжении почти всего XIX в. Даже в начале XX в. многие тибетские воины вместо кольчуг использовали ламеллярные «кирасы» и «халаты». На тактическом уровне возросла роль перестрелки из огнестрельного оружия, которая могла длиться от нескольких часов до нескольких дней. Рукопашная схватка, как и прежде, начиналась атакой кавалеристов, вооруженных длиннодревковым и клинковым оружием. Однако теперь их поддерживали не только конные лучники, панцирные и легковооруженные пехотинцы, но и всадники, вооруженные фитильными ружьями. В рукопашной схватке всадники не только кололи копьями, но и метали их в противника. Наряду с такими метательными копьями активно использовались тяжелые дротики с длинными наконечниками. Атаку кавалеристов и пехотинцев поддерживали залпы немногочисленных крупнокалиберных ружей и малокалиберных безлафетных орудий. Подобная тактика с некоторыми изменениями просуществовала в Тибете вплоть до начала XX в.

10.5. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Южной Сибири в XVII-XVIII вв. (енисейские кыргызы, алтайцы, буряты, тувинцы)

В эволюции военного дела кочевого мира на завершающем этапе его самостоятельного развития, наряду с военными достижениями народов Центральной Азии, определенное значение имеет и боевое искусство государственных образований тюркоязычных этносов Южной Сибири, находившихся в политической зависимости от монгольских правителей. Хотя они не играли в полной мере самостоятельной и значительной роли в крупнейших войнах рассматриваемого периода, однако принимали участие в военных действиях в Саяно-Алтае, на стороне более крупных и сильных в военном

отношении центральноазиатских держав. Дополнительным фактором, обусловливающим интерес отечественных исследователей к военному искусству южносибирских кочевников, является тот факт, что оно развивалось в контексте противостояния с русскими служилыми людьми. Без анализа русско-кыргызских, русско-телеутских, русско-бурятских и других военных конфликтов не представляется возможным составить цельное впечатление о боевом потенциале и военном искусстве русских служилых в Сибири в XVII — первой половине XVIII в.

Главными противниками правителей Южной Сибири XVII—XVIII вв. были армии центральноазиатских ханов и хунтайджи, которые угрожали независимости небольших южносибирских княжеств с юга, и отряды русских землепроходцев, которые надвигались с севера. В этой ситуации местные южносибирские князцы пытались играть на противоречиях крупных региональных держав, то присягая русскому «Белому царю», то давая дань («алман») центральноазиатским ханам. Кыргызская и телеутская знать в большинстве случаев предпочитала русскому подданству покровительство джунгарского хунтайджи, в то время как правители «братских татар» (бурят), напротив, достаточно быстро приняли сторону русской администрации. Это во многом предопределило ход присоединения сибирских земель к России. Если в Прибайкалье и Забайкалье русские служилые люди, опираясь на союз с бурятами, продвигались стремительно, то в Минусе русская экспансия была остановлена почти на 80 лет, а на Алтае более чем на столетие. В этой связи характерно, что русские так и не смогли одержать полную военную победу над енисейскими кыргызами и телеутами. Первые были переселены из Минусинской котловины в Центральную Азию джунгарами в 1703 г., а вторые стали подданными Российской империи только после гибели Джунгарского ханства в середине XVIII в.

Сравнивать военный потенциал кочевников Южной Сибири и Центральной Азии не корректно. Отряды сибирских князцов обычно не превышали 2-3 тысячи воинов, в то время как центральноазиатские феодалы выставляли армии, насчитывавшие десятки тысяч всадников. Однако региональный контекст(слабозаселенные лесостепные пространства, горные массивы, наличие собственной ресурсной и производственной базы) давал шанс южносибирским кочевникам на существование даже в этих условиях. Длительное время монгольским (халхаским и ойратским) правителям представлялось более выгодным добиваться вассалитета южносибирского населения, в рамках которого местные жители несли трудовые повинности в пользу центральноазиатских феодалов. Переселять, а уж тем более уничтожать население региона в данных условиях было просто невыгодно. Ситуация начала меняться после прихода в регион русских землепроходцев, которые активно добивались от местных племен принятия российского подданства и выплаты ясака. Сбор дани с вассальных сибирских народов (кыштымов) составлял основу экономического благополучия южносибирских князцов, поэтому попытка русских объясачить их подданных вызывала ожесточенное противодействие со стороны кыргызской и телеутской знати. Борьба за кыштымов лежит в основе большинства военных конфликтов сибирской администрации с южносибирской степной аристократией и ее центральноазиатскими покровителями.

Основными субъектами военно-политической жизни южно-сибирского региона в период позднего Средневековья являлись государственные образования енисейских кыргызов (центр — Минусинская котловина), телеутов (Алтай), бурят (районы, прилегающие к оз. Байкал) и тувинцев, вокруг которых группировались более мелкие тюркоязычные этносы. Военное дело указанных выше народов в целом укладывалось в общую военно-культурную традицию, центр которой находился в Монголии. Однако оружейные комплексы и тактические приемы этих народов имели свои характерные особенности и специфические элементы.

Енисейские кыргызы

На протяжении раннего Средневековья государство енисейских кыргызов являлось северной периферией кочевого мира Центральной Азии. Местные мастера поставляли «оружие крайне острое» в войска тюркских каганатов, а енисейские кыргызы и их кыштымы составляли отдельные отряды в армиях центральноазиатских владык. В результате ожесточенной войны в 40-х гг. IX в. кыргызам удалось одолеть своего основного конкурента в регионе — Уйгурский каганат и стать гегемоном

степных просторов Южной Сибири и Центральной Азии. В этот период комплекс вооружения енисейских кыргызов представлял собой вариант центральноазиатского оружейного комплекса. Кыргызские латники носили ламеллярные панцири, отличавшиеся от центральноазиатских аналогов коротким подолом и наличием большого числа усилителей (зерцал, наплечников), выполненных из дерева. Из дерева также изготавливались наручи и поножи (Бобров, 2002, с. 99-106). Широко использовались копья, обоюдоострые мечи, палаши и топоры. Основным оружием легковооруженных кыштымов были сложносоставные луки и стрелы (Худяков, 1980). В XI—XII вв. кыргызское государство распалось на ряд соперничающих между собой княжеств. Оружейное производство в это время быстро развивалось. В период развитого Средневековья кыргызские мастера начали выпуск передовых на тот момент образцов вооружения, в том числе пластинчато-нашивных панцирей с ременной и комбинированной (клепочно-ременной) структурой бронирования. В эпоху Монгольской империи кыргызские отряды принимали активное участие в военных предприятиях Чингизидов. Постоянные войны и переселения существенно сократили численность кыргызского населения, проживавшего на территории Минусинской котловины. В конце XVII в. в кыргызских княжествах проживало (кроме кыштымов) около 15 тыс. человек (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 165).

В период позднего Средневековья «Кыргызская земля» состояла из четырех основных улусов: Алтысарский улус (самый северный из кыргызских улусов, располагался в долине Июсов и Божьего озера), Исарский улус (центр Минусинской котловины, располагался вдоль Енисея от устья р. Абакан до р. Огур), Алтырский улус (южный улус, левобережье Абакана, от Уйбата до Таштыпа), Тубинский улус (все правобережье Енисея от Саян до устья р. Сыды и предположительно правобережные степи Абакана) (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 11-12). Во главе каждого из них стояли князья («князцы»), принадлежавшие к одному кыргызскому аристократическому правящему роду. Правитель Алтысарского улуса считался «старшим князем» среди других кыргызских князей (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 156-157).

На протяжении большей части XVII в. енисейские кыргызы оставались одним из самых опасных и последовательных противников Российского государства в Южной Сибири. Как отмечалось в русских исторических документах XVII в., «всегда опасно от киргизов, которых человек с 1000, только гораздо воисты, и язык и вера их татарская» (Потапов, 1957, с. 15). В подчинении у кыргызских князей находились кетские и самодийские племена, возглавляемые своими родовыми правителями. Они состояли на положении кыштымов (данников) в кыргызских княжествах. Кыштымы формировали вспомогательные военные отряды, которые принимали участие в военных действиях в составе кыргызских войск. Вооружение и военное искусство енисейских кыргызов и разных этнических групп кыштымов имели определенные различия. Борьба за сохранение своего господства над кыштымами была основной причиной регулярных военных столкновений между енисейскими кыргызами и русскими (Миллер, 2000, с. 55). На протяжении большей части XVII столетия русские служилые люди и енисейские кыргызы, оспаривая право сбора ясака с жителей Минусинской котловины и юга современного Красноярского края, обменивались ударами.

Первые военные столкновения русских и енисейских кыргызов начались уже вскоре после их первых контактов. Причем конфликтную ситуацию во многом спровоцировала сама сибирская администрация (Бахрушин, 1955, с. 198). Однако в основе почти столетнего противостояния лежали более глубокие объективные геополитические и экономические причины. Южносибирский регион, богатый природными ресурсами, пушным зверем и относительно густонаселенный (по сравнению с северо-востоком континента), являлся одной из основных целей российской экспансии в Сибири. Однако эта земля уже находилась под властью агрессивных степных бегов — кыргызских князцов, за спиной которых стояли монгольские правители, рассматривавшие Южную Сибирь в качестве центра по производству металлических изделий (в первую очередь оружия), а также источника поставок пушнины, скота и т. д. Борьба за Южную Сибирь стала полем во многом «заочного» противостояния Российского государства и монгольских государств за господство над этим богатым регионом. Характерно, что основные «геополитические игроки», как правило, сознательно избегали прямых военных конфликтов, предпочитая сталкивать своих

подчиненных и вассалов. Основной ударной силой Российского государства были гарнизоны сибирских острогов, казаки, западносибирские татары, объясаченные южносибирские племена. Монгольские правители обычно отправляли в набеги своих кыргызских вассалов и их кыштымов. В случае необходимости в поход выступали и собственно монгольские войска.

Для того чтобы дать оценку боевому потенциалу вооруженных сил енисейских кыргызов, имеет смысл кратко рассмотреть историю их военного противостояния с русскими служилыми людьми и войсками центральноазиатских правителей в XVII — начале XVIII в.

Представляется возможным выделить несколько этапов военных действий русских и енисейских кыргызов на протяжении XVII — начала XVIII в., которые различаются между собой территорией и особенностями ведения боевых действий.

Первый этап Русско-кыргызских войн (1609-1628)

Начальный период характеризуется постепенным нарастанием и разрастанием военного конфликта. Основные боевые действия велись в районе г. Томска, на северо-западной границе кыргызских владений. В рассматриваемый период русские и кыргызы попеременно обменивались военными ударами, стараясь оттеснить противника как можно дальше от своих основных административных и хозяйственных центров.

Первые набеги на русские ясачные волости енисейские кыргызы совершили уже в конце первого десятилетия XVII в., когда в Центральной России еще бушевала смута. Тем не менее русские ответили исключительно решительно. 25 июня 1609 г. они совершили ночное нападение на кыргызские улусы и вынудили кыргызов переправиться за Енисей. Однако победа оказалась неполной. Степняки напали на возвращавшийся русский отряд, отбили пленных и захваченный скот. Следующий удар нанесли кыргызы, которые, подняв кызылов, басагаров, мелесцев и чулымцев, в июле 1614 г. напали на пригороды Томска. Вылазка русского гарнизона отбросила кыргызов от города, причем в схватке был убит князец Ноян. Русские ответили крупной экспедицией на юг. Отряд из 220 служилых «высек» три кыргызских «городка». В результате часть кыргызов согласилась платить ясак и дала аманатов. Однако эта зависимость была номинальной, номады продолжали совершать нападения на поселения ясачных. В 1621 г. они атаковали отряд служилых, возводивших Мелесский острог, но потерпели поражение, причем в плен попали князец Кара и племянники князца Ишея. Стремясь хоть чем-то отплатить русским, номады разграбили Абинскую волость Кузнецкого уезда. В 1624 г. кыргызы снова совершили набег на Томск и разграбили его окрестности.

Подводя итоги первого периода противостояния, необходимо отметить, что русским удалось нанести кыргызам ряд чувствительных поражений и существенно потеснить их на восток и юго-восток. Важнейшим достижением сибирской администрации стало возведение Красноярского острога (1628 г.), который стал основным российским форпостом в регионе. Однако шанс на мирное урегулирование конфликта был потерян, при этом сил для быстрого разгрома кыргызов у местных российских властей не было. Ожесточение росло с обеих сторон, и война приобретала затяжной характер.

Второй этап Русско-кыргызских войн (1628-1648)

Появление Красноярска не могло не привести к обострению конфликта. Новый острог щитом прикрыл Томск от кыргызских набегов. С этого времени именно Красноярск становится главным объектом военных нападений кыргызов. Принявшие русское подданство сибирские племена «подкочевывали» к городу, рассчитывая на поддержку его гарнизона. Это служило дополнительным раздражителем для кыргызских князцов, стремившихся «вернуть своих неверных кыштымов ». В первой половине периода активное содействие енисейским кыргызам оказывали южносибирские племена качинцев и аринцев, которые неоднократно принимали участие в походах своих сюзеренов (Александров, 1964, с. 44-50). Во второй половине периода основным противником русских служилых нередко являлись не южнокыргызские княжества, а Туба, правители которой оказали русским ожесточенное сопротивление. Главными пострадавшими в этой борьбе оказались небольшие южносибирские племена, за контроль над

Рис. 226. Русские служилые люди в Восточной Сибири XVII в. (слева направо): русский служилый человек из гарнизона Якутского острога (XVII в.), казак из Восточной Сибири (вторая половина XVII в.), казачий атаман (XVII в.).

Рис. 227. Сибирские воины второй половины XVI — XVII в. (слева направо): остяцкий пеший лучник конца XVI — XVII в.; знатный кыргызский воин второй половины XVII в.; сибирский татарин конца XVI — XVII в.

которыми, собственно, и шла война. Их правители справедливо опасались и русских, и енисейских кыргызов и «метались» между воеводами и князцами, попеременно присягая то России, то кыргызским княжествам. Неудивительно, что в ходе боевых действий и кыргызы, и русские в первую голову стремились наказать в очередной раз изменивших им данников.

Специфической особенностью этого периода является острая конкуренция служилых людей Томска, Красноярска и Енисейска, которые никак не могли поделить между собой «ясачных инородцев». Данный конфликт объективно способствовал ослаблению боевого потенциала сибирских гарнизонов перед лицом попытки новой кыргызской «реконкисты».

Начиная со второй половины 20-х гг. XVII в. на территории южных районов современного Красноярского края шла ожесточенная «малая» война, которая время от времени сменялась крупными походами енисейских кыргызов и их кыштымов на Красноярск и русских служилых людей в Минусу. В 1628 г. аринцы и качинцы при поддержке енисейских кыргызов и князца Ишея совершили нападение на Красноярский острог. Ответом на открытие военных действий стал карательный поход атамана И. Кольцова. С этого времени взаимные набеги стали регулярными. В 1630 г. тубинцы попытались сабрать ясак с котовских ясачных людей на р. Кане, но были отбиты служилыми Д. Злобина. В 1630 г., «собрався со всеми землицами», кыргызские и тубинские князцы совершили поход на «ясачных» аринцев и качинцев, причем, по сообщению русских служилых, разорили их улусы «до основания». По пятам уходящих в свои кочевья кыргызов был брошен отряд Д. Злобина, который преследовал противника на судах. После пятидневного сплава русский отряд подошел к «Саянской землице» и в двухдневном сражении «учинил шкоту большую» объединенным отрядам кыргызов, моторцев и саянцев. Успехи Д. Злобина были «компенсированы» неудачным походом енисейских служилых в Тубинскую землю в 1629-1630 гг. Несмотря на первоначальный успех, русский отряд был настигнут тубинскими князцами Сойтом и Кояном. Пять дней служилые, «оверня лыжи и нартами», отбивали атаки тубинцев. Русским все же удалось вырваться из осады и «стороною» пройти в Енисейск. Однако данная экспедиция стала хорошим уроком для енисейской администрации. По выражению С. В. Бахрушина, «в дальнейшем источники не отмечают самостоятельных экспедиций против киргизских князей со стороны Енисейска» (Бахрушин, 1955, с. 201).

В том же 1630 г. с тубинцами «ратились» служилые Красноярского острога. Причем захваченные в плен знатные тубинцы были убиты за попытку к бегству. Этот жестокий поступок вызвал дальнейшее обострение отношений между сибирской администрацией и кыргызскими князцами.

Уже в августе 1630 г. сын князца Кочебая Табун с отрядом в 360 воинов разграбил пригороды Красноярска, а главное, угнал с собой живших у города аринцев и качинцев. В 1631 г. по требованию кыргызских князцов нападение на ясачных аринцев совершили яринцы и бахтинцы.

Своего пика противостояние достигло в 1634—1635 гг. Летом 1634 г. кыргызская армия, включавшая в себя отряды «мунгал» (скорее всего хотогойцев — подданных Алтын-ханов), а также тубинцев, моторцев, качинцев, осадила Красноярск. Судя по сведениям русских служилых, кыргызы тщательно готовились к походу, воины шли в набег «конные и плавные в лодках и в стругах». Четыре дня кыргызы осаждали город, выжигая окрестности. Затем их войска отошли от города, но далеко не ушли и уже через несколько месяцев (в октябре того же 1634 г.) вновь подошли к Красноярску, причем угнали «без остатку» пасшиеся вокруг города табуны и разорили пригород «до основания». Примерно в это же время другие кыргызские отряды совершили нападения на Кузнецкий острог и на Мелесскую волость. Некоторые из них дошли даже до Томска, причем «в подъезде мурз чатских» и «служилых людей под городом побили».

Горя желанием мести, томская администрация уже в начале следующего, 1635, года двинула на юг крупный отряд под командованием Андрея Просовецкого. Последний неожиданно напал на военный стан степняков в урочище Черный Июс на Белом озере (Александров, 1964, с. 45). Однако активные действия кыргызов заставили Просовецкого «в крепком месте табориться». Русским удалось отбить от лагеря кыргызов, однако на помощь последним пришел крупный отряд хотогойцев Алтын-хана, состоявший из 400 конных панцирников («куяшников»). На пятый день осады русские начали прорыв из окружения и чуть было не были

разбиты. Кыргызские и монгольские латники уже стали «копьем смешивать» пешие порядки русских, но в ходе ожесточенной рукопашной схватки служилым все же удалось вырваться из окружения.

Развивая успех, в 1635 г. тубинцы совершили нападение на Канскую землю. Ответный поход Милослава Кольцова был быстро обращен вспять. Тубинцы нагнали отступающий русский отряд и «великий бой учинили». В результате сражения тубинцы отбили захваченных русскими женщин, детей и скот. Несмотря на относительно небольшие потери (четырех погибших и значительное количество раненых), данное сражение произвело тягостное впечатление на служилых. Вместо обычно оптимистичных реляций в Москву полетели резкие сообщения. По мнению участников похода, тубинцы «великий позор учинили» русским, которые спаслись только «Божьего милостью». О настроении служилых особенно ярко говорит следующая фраза: «...в те поры на великую силу едва справились и от них отбились... и всем изменникам, стало похвально, а твоему государеву величеству и нам, холопам твоим, от тех изменников стало позорно».

В 1636 г. енисейские кыргызы, тубинцы и моторцы вновь совершили нападение на Красноярск.

После неудачных походов 1634-1635 гг. ситуация в Южной Сибири стала предметом разбирательства в Москве. Причиной этого стали не только участившиеся набеги кыргызов и их кыштымов, но и «измены» «подгородных татар», которые переходили на сторону степняков и откочевывали от Красноярска. В результате анализа ситуации в качестве главного объекта атаки была выбрана Тубинская землица. Главной ударной силой должен был стать томский отряд «с огненным и со всяким ратным боем». Его поддерживал красноярский отряд, который должен был вклиниться между Тубой и другими кыргызскими княжествами и помешать южным князцам оказать помощь тубинцам. Вызванный в Москву Я. Тухачевский подготовил план вторжения, предусматривавший переброску на театр боевых действий 400 русских служилых и 500 татар из Тобольска. В результате длительных консультаций было принято решение, что в предстоящем походе должны были принять участие 200 служилых и 100 татар из Тобольска, 200 служилых из Тюмени и 100 из Тары. К ним присоединялись 200 воинов из Томска, 20 из Кузнецка и 50 из Красноярска. Таким образом, экспедиционный корпус должен был состоять из 870 человек[12]. Командующим объединенной армией был поставлен сам Яков Тухачевский, который, по мнению московских дьяков, был хорошо знаком с будущим театром боевых действий. Предстоящий поход являлся во многом общегосударственным предприятием. Его подготовка курировалась из Москвы. Из столицы были также доставлены «пищали добрые», «латы с шишаками», «прапоры», «гротики» (копья) и «барабаны» (Бахрушин, 1955, с. 204-205).

Вторжение началось в 1641 г. Входе трехнедельного похода служилые разорили улус князца Иджинея. Однако вскоре русский корпус был блокирован кыргызами и пришедшими на помощь центральноазиатскими номадами. Русские военачальники, не ожидавшие подобного отпора, приняли решение отходить на исходные позиции, однако сделать это оказалось не так просто. Войска шли «отходом оборонного рукою, отаборясь верблюды», в течение четырех суток отбивая «натиски жестокие» , которые повторялись «день и ночь непрестанно». Когда русским удалось оторваться от погони, войска «забунтовали» и, бросив своего командующего, разошлись. С Тухачевским осталось всего 39 человек. Ситуацию, от окончательного разгрома, спас красноярский воевода А. Баскаков, который прислал отряд в 200 человек. Опираясь на красноярцев, Тухачевский смог поставить на Чулыме Ачинский острог и там дождался воеводу И. Кобыльского.

Прибывший на место И. Кобыльский основательно подготовился к военным действиям, максимально эффективно использовав мирную передышку. Его отряд перешел Июс и вошел в горы, где на него напали кыргызы, стремившиеся не допустить русских «до своих улусов». Ожесточенный бой длился «с третьего часу дня и до вечера». В ходе сражения русские одержали победу. Кыргызы были вынуждены «шертовать» и «дать аманатов». В 1648 г. информация о достигнутых успехах была отправлена в Москву (Бахрушин, 1955, с. 205).

Подводя итог данному этапу Русско-кыргызских войн, следует отметить, что в первой половине пе-

[12] Это очень существенная цифра для русских отрядов в Сибири. Для сравнения отметим, что отряд Ермака, выступавший против обширного Сибирского ханства, первоначально насчитывал только 540 чел. (впоследствии он был увеличен до 840 чел.) (Гасников, 2003, с. 20).

риода инициатива принадлежала енисейским кыргызам, которые неоднократно осаждали Красноярск и добились откочевки от города «подгородных татар». Попытка русских перейти в наступление в 1634-1641 гг. закончилась провалом походов Просовецкого и Тухачевского. Однако в конце периода постройка Ачинского острога и энергичные действия И. Кобыльского уравновесили ситуацию и даже создали условия для продолжения российской экспансии на юг.

В конце 40 — 50-х гг. XVII в. активность боевых действий между русскими и енисейскими кыргызами в значительной степени спала. Причиной этого служат не столько боевые успехи одной из сторон, сколько вмешательство могущественной «третьей силы».

Еще в 1642 г. в кыргызские земли вошли войска северомонгольского (хотогойского) Алтын-хана, которые расположились на р. Абакан. Кыргызские князцы обязались платить дань «Золотому хану» (Козьмин, 1916, с. 49).

В 1652 г. в земли енисейских кыргызов вторгся мятежный племянник хотогойского Алтын-хана Мерген-тайша, за которым в Хонгорай пришли и сам хотогойский правитель Омбо-Эрдени и его сын Лоджан. Енисейские кыргызы, еще совсем недавно оказывавшие ожесточенное сопротивление русским служилым, не решились вступить в открытую схватку с центральноазиатскими кочевниками, часть из них «от алтын-царя и от племянника его разбежались в камень (т. е. ушли в горы. — *Авт.)* и в черные леса», другая откочевала на север под защиту русских острогов. Подобное поведение кыргызов объясняется 3-5-кратным превосходством в силах армии Алтан-ханов, который привел в Хонгорай около 5 тыс. всадников (Бахрушин, 1955, с. 206). Кыргызские князцы присягнули «Золотому хану» и его сыну.

Политическое господство хотогойцев тяжелым бременем легло на жителей Минусы. Енисейские кыргызы и их кыштымы были обязаны платить «алман» (в том числе предметами защитного и наступательного вооружения) и нести «налог кровью». Так, в 1652 г. Ирден-контайша (Алтын-хан Омбо-Эрдени), разорив кыргызские кочевья, требовал «у кыргызских князцов добрых молодых людей 1000 человек на конях и в сбруях и ружьем (в данном случае имеется в виду оружие вообще. — *Авт.)...»* (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 171). Характерным элементом хотогойского господства была практика взимания «алмана» параллельно с проведением обычных грабежей местного населения. Такая свирепость не могла способствовать росту лояльности местных кочевников по отношению к своим северомонгольским сюзеренам.

В сентябре 1656 г. Лоджан снова вторгся в Минусу и дошел до р. Ерба (в пяти днях от Красноярска). Почти год (до июля 1657 г.) хотогойцы грабили кыргызов и тубинцев, собирали дань и аманатов. По данным Н. Козьмина, в этот раз енисейские кыргызы попытались оказать сопротивление четырехтысячной армии Алтын-хана, но были разбиты. Стремясь поставить политическую ситуацию в Хонгорае под свой полный контроль, хотогойский феодал увеличил монгольскую «армию вторжения» до 8 тыс. всадников (Козьмин, 1916, с. 49). Многие южносибирские кочевники вновь бежали «в камень и черные леса». Некоторые тубинские князцы откочевали под Красноярск.

Осенью 1663 г. Лоджан снова появился в регионе, «требуя дани и запросов, и захватил в полон киргизов и тубинцев с женами и детьми, с лошадьми и скотом. Вся страна снова подверглась разорению...». Не успевших откочевать жителей Минусы «отогнал к себе» или отдал «мугальским» своим людям «в холопы с женами и детьми и со всеми животы». По выражению С. В. Бахрушина, «все кругом было разграблено, даже запасы сараны. Среди уцелевших от погрома жителей свирепствовал голод...». Летом 1664 г. Лоджан откочевал на юг, «побрав с собой всех киргизов и верховских ясачных людей» (Бахрушин, 1955, с. 207).

После ухода хотогойцев спасавшиеся в русских землях кыргызы стали снова откочевывать в свои родные степи. В середине 60-х гг. XVII в. енисейские кыргызы находились в тяжелейшем положении. Противостоять хотогойцам в открытую князцы не могли (силы противников были просто несопоставимы). В то же время русские также «не сидели сложа руки» и предпринимали активные усилия по приведению в подданство племен кыштымов, на эксплуатации которых базировалось экономическое благополучие кыргызской знати. Бегство кыргызов под русские остроги, выдача аманатов и «давание шерти» носили вынужденный характер. Тем более, что хотогойские Алтын-ханы традиционно рассматривали русских как своих военно-политических союзников в регионе. Тот же Лоджан даже

просил сибирских воевод построить для него в Южной Сибири деревянный острог. Спасение для енисейских кыргызов пришло извне. Коалиция халхаских нойонов оттеснила Лоджана на север, а окончательный удар по хотогойцам нанес джунгарский Сенге, который в 1667 г. разгромил северных монголов и взял самого Лоджана и его семью в плен. Возможно, что некоторую помощь Сенге в его походе на хотогойцев оказали енисейские кыргызы, большинство князцов которых в этот период заняли ярко выраженную проджунгарскую позицию. В условиях перманентной агрессии Алтын-ханов и «ползучей экспансии» сибирской администрации естественным союзником кыргызских князцов становились именно джунгарские феодалы, откровенно враждебные Алтын-ханам и находившиеся в натянутых отношениях с русской сибирской администрацией. Заступничество джунгарской аристократии обезопасило кыргызов с юга и создало предпосылки для возобновления их военной активности на северном направлении.

Третий этап Русско-кыргызских войн (1666-1685)

Данный период характеризуется резкой активизацией боевых действий после почти двадцатилетнего перерыва. В центре военных событий находится фигура алтысарского князца Ереняка Ишеева. Боеспособность кыргызских отрядов была существенно повышена за счет того, что они (особенно часто в начале периода) действовали в тесном контакте с подразделениями джунгарских феодалов.

В начале второй половины 60-х гг. XVII в. лидером проджунгарски настроенной группы кыргызских феодалов стал князец Ереняк Ишеев, который уже в 1666 г. дерзким набегом разгромил улусы своих соплеменников, лояльных царским властям, и впервые с начала русско-кыргызского военного конфликта взял русский острог (Удинский). Хотя отходивший отряд кыргызов был настигнут русскими, которым удалось отбить «пушечную казну», пленников и лошадей, дерзкий набег князца продемонстрировал уязвимость «новых ясачных», присягнувших «Белому царю» и разместивших свои кочевья в непосредственной близости от Красноярска. Вызывающая смелость алтысарского князца, выступившего одновременно против русских и, косвенно, против своего сюзерена Алтын-хана (добивавшегося союза с русскими), во многом подтверждает наше предположение о его сговоре с джунгарами уже в этот период.

После разгрома Алтын-хана Лоджана джунгарский правитель Сенге не стал вести длительные переговоры с его русскими союзниками и решил сразу прибегнуть к силовым методам. В 1667 г. джунгарские и кыргызские войска нанесли удар по двум ключевым опорным пунктам русских в Южной Сибири — Красноярску и Томску.

В мае 1667 г. объединенная джунгаро-кыргызская армия (включавшая в себя тубинские отряды) осадила и блокировала Красноярск «по обе стороны Енисея». В отличие от предыдущих «подступов», в этот раз войска степняков действовали решительно. Вылазка красноярского гарнизона была отбита, причем знаменитый атаман Родион Кольцов попал в плен. В ходе ожесточенного штурма гарнизон понес серьезные потери, в том числе 194 человек убитыми. Взять Красноярск джунгаро-кыргызским войскам не удалось, но все пригороды были разорены, а главное, местные «ясачные», почувствовав слабость русских, стали в массовом порядке присягать кыргызам и их сюзернам — джунгарам.

Поход степных отрядов под Томск закончился для номадов неудачей. Корпус сына Ереняка Шапчо и кыргызского князца Шандычко Сентикеева (Сенчинеева), к которому примкнули восставшие «ясачные» Курниковой иЯгильской волостей, был разбит в трех днях пути от Томска, причем сам Шандычко был убит. Отрезанную голову Шандычко казаки нанизали на копье и привезли как символ победы в Томск (Бахрушин, 1955, с. 210).

Стремясь не допустить перехода русских в контрнаступление, Ереняк в сентябре того же 1667 г. вновь подошел к Красноярску и ненадолго осадил его. А 22 сентября в Томске было получено новое неприятное известие: енисейские кыргызы, «собрався с ясашными людьми», сожгли Ачинский острог. В 1670 г. Ереняк по приказу хунтайджи Сенге увел с мест обитания племена мады и байкотовцев.

Смерть Сенге в конце 1670 г. (Чимитдоржиев, 2002, с. 36) временно снизила военную активность енисейских кыргызов. Новый правитель Западной Монголии Галдан Бошокту-хан (1671-1697) укреплял позиции Джунгарии в регионе, упорядочивал систему управления и сбора «алмана» с подвластных народов. Джунгарского правителя в Минусе в этот период представлял наместник, ставка (урга)

которого располагалась у р. Ниня на территории Алтырского (юго-западного) улуса. Население Минусы (кыргызы и их кыштымы) должны были платить «алман» джунгарскому хунтайджи и нести воинскую повинность, предоставляя свои отряды по требованию хунтайджи. Ереняк Ишеев быстро сориентировался в новой политической ситуации и почти сразу присягнул Галдану Бошокту-хану.

В 1671 г. Ереняк потребовал от сибирских властей, чтобы они не препятствовали его представителям собирать «алман» с давно объясаченных русскими качинцев и аринцев в пользу джунгарского хунтайджи. В случае отказа Ереняк грозил войной. Ситуация разбиралась в Москве. Сибирским воеводам вменялось «смирить войной» енисейских кыргызов, но против джунгар боевых действий не открывать.

Не дожидаясь русского наступления, кыргызы начали военные действия. В 1673 г. отряд князца Шанды, в состав которого, по данным Н. Козьмина, входили и джунгарские подразделения (Козьмин, 1916, с. 54), дошел до Беловского (Вельского) острога. Затем он перебросил своих воинов из Енисейского уезда в Томский и осадил Ачинск. После непродолжительных переговоров, в ходе которых (выполняя волю джунгар?) Шанды требовал выдачи пушек и ядер к ним, кыргызы подожгли острог. Русские служилые еле успели закопать орудия и отступить в Мелесский острог. Одновременно с походом Шанды сам Ереняк обрушился на Кузнецкий уезд. В военных кампаниях 1674 г. на стороне енисейских кыргызов принимал участие джунгарский феодал Сахай. Успехи кыргызов привели к волнениям «ясачных людей». В 1674 г. «восстание охватило все верхнеенисейские волости», русские сборщики ясака были убиты или ограблены, после чего ясачные «со всеми улусы пошли в Киргизскую землю» (Бахрушин, 1955, с. 211).

Стремясь обеспечить безопасность Красноярска и оставшихся в российском подданстве «подгородных татар», русские служилые рвались на юг, чтобы «поставить острог» близ устья р. Абакан. Однако посланный на о. Карагас (Сосновый) в 1675 г. отряд подвергся нападению со стороны Ереняка. Кыргызы штурмовали возведенные укрепления «по два пайма», приступали к стенам «за щитами» и пытались поджечь острог. В результате служилые были вынуждены оставить недавно построенную крепость и отойти на север. Закрепиться на этой территории русские смогли лишь через 40 лет после описываемых событий, когда степняки откочевали на юг (Бахрушин, 1955, с. 212). Не сумев закрепиться у устья Абакана, русские поставили два других небольших опорных острога — Караульный и Ломовский.

В 1677/78 г. тубинцы сожгли Канский и осадили Тасеевский острог (Александров, 1964, с. 55).

В 1678 г. кыргызские князцы заключили мир с русскими. Енисейские кыргызы обязались не нападать на «ясачные» земли и выразили готовность оказывать военную поддержку русским в их военных экспедициях. Однако главный пункт об уплате ясака в договоре был обойден. Кроме того, русские согласились с требованием кыргызов выдать удерживаемых ими аманатов. Можно согласиться с С. В. Бахрушиным, который считал, что «надо признать договор 1678 г. крупной дипломатической победой киргизского князька. Ему удалось, благодаря военной поддержке джунгар, добиться осуществления условий, на которых настаивали его отец и дядя еще в 1627 г., признания союзнических отношений вместо ясачных» (там же).

Договор вызвал гневную отповедь Москвы, которая фактически отказалась ратифицировать его. Летом того же года боевые действия продолжились.

В сентябре 1678 г. началась одна из самых опасных для города осад. Кыргызы блокировали Красноярск и, укрывшись «за щитами», штурмовали подгородные укрепления и сам острог. Русские решили сражаться до конца. Кыргызские аманаты в городе были перебиты, а гарнизон во главе с полковником Василием Многогрешным совершил отчаянную вылазку. В ходе ожесточенной рукопашной схватки кыргызы были отбиты от города.

В начале зимы 1680 г. сибирские власти приступили к большому походу на Минусу. Основу экспедиционного корпуса (1018 чел.) составили енисейские, красноярские служилые, снабженные ручным огнестрельным оружием и пушками, а также отряды «чатских мурз», томских татар и «выезжих белых калмык» (т. е. телеутов). Русские и татары оттеснили кыргызов на юг и нанесли им поражение на рр. Июсе и Танче. Степные князцы были вынуждены начать переговоры. Они подтвердили озвученную в 1678 г. готовность участвовать в военных предприятиях русских, но при условии, что они не будут направлены против их сюзерена Галдана Бошокту-

хана[13]. В качестве границы была признана р. Июс. По мнению С. В. Бахрушина, «принцип суверенной равноправности киргизского князца и московского государя, против чего так протестовали в Москве, был, таким образом, вновь подтвержден... Итак, поход Романа Старикова кончился, по существу, ничем» (Бахрушин, 1955, с. 219).

Стремясь переломить ситуацию в свою пользу, в поход на Енисей в 1682 г. был отправлен отряд И. Суворова. Причем, судя по тому, что отряд был скомплектован из 420 тобольских и 210 татарских служилых людей, московские власти не верили, что южносибирские служилые смогут самостоятельно решить «кыргызскую проблему». Несмотря на инструкции, Суворов выступил в поход не зимой, а летом. Енисейцы и красноярцы еще не успели подойти к тобольскому отряду, а он был уже блокирован Ереняком. Отражая атаки кыргызов на свой табор, Суворов быстро осознал, «что с киргизы биться не мочь», и стал отходить на Томск. Плачевные результаты похода усугублялись большими потерями (почти пятая часть всех воинов выбыла из строя), кроме того, кыргызами были захвачены русские панцири и знамя. Сам Суворов был ранен. В результате переговоров граница по Июсу была подтверждена.

В 1684-1685 гг. сибирская администрация пыталась достичь поставленных целей «лаской». Однако присылка «государева жалованья», освобождения из аманатов сына Ереняка и тубинского князца Шанды были восприняты кыргызскими князцами как капитуляция. Кыргызы даже отправили своих сборщиков «алмана» под Красноярск для взимания дани с аринцев и качинцев в пользу Галдана Бошокту-хана. В 1685 г. был заключен новый договор, который подводил черту под двумя десятилетиями ожесточенного военного противоборства. Кыргызы выражали готовность «не воевать» русские земли и выставлять вооруженные отряды по требованию сибирской администрации. Порубежные кыргызские кыштымы отправляли в сибирские остроги символическую дань в сто соболей. Вводился строжайший обоюдный запрет на пересечение границы по р. Июс (там же, с. 220).

[13] В существовавших военно-политических условиях эта оговорка во многом снижала для русских ценность самого соглашения, так как других серьезных противников в данной части региона у сибирской администрации не было.

Подводя итог военных кампаний 1666-1685 гг., следует признать, что в данном «военно-историческом раунде» успех в большей степени сопутствовал енисейским кыргызам. Благодаря усилиям Ереняка и его сподвижников кыргызы не допустили закрепления русских в устье Абакана, а также вынудили красноярских и енисейских служилых заключать договоры, в которых кыргызские княжества не рассматривались как «ясачная» территория. Попытка Москвы добиться покорности кыргызов с помощью хорошо подготовленных и вооруженных западносибирских (тобольских) отрядов также потерпела крах. Царские власти были вынуждены пойти на установление границы, отделявшей российские владения от кыргызские земель. Однако при этом не стоит и преувеличивать успех политики Ереняка. Кыргызская «задача-максимум» (возвращение в подданство проживавших под Красноярском качинцев и аринцев) так и не была решена. Тем не менее русская экспансия в Минусу была на некоторое время остановлена. На наш взгляд, причину военных успехов енисейских кыргызов следует искать в том, что в рассматриваемый период кыргызские княжества стали частью могущественного Джунгарского ханства. В самый сложный для кыргызов период (вторая половина 60-х гг. XVII в.) джунгарские феодалы оказывали южносибирским князцам открытую военную, а впоследствии дипломатическую поддержку. Кроме того, отдельные джунгарские феодалы принимали участие в военных предприятиях кыргызских князцов. Можно предполагать, что из Джунгарии в Минусу приезжали не только наместники и сборщики «алмана», но и военные специалисты, а также торговцы, привозившие оружие. По данным Н. Козьмина, джунгарские наместники «участвовали в организации вооруженных сил» енисейских кыргызов (Козьмин, 1916, с. 56). В целом боевая подготовка кыргызов значительно улучшилась. Иллюстрацией этого служат успешные действия кыргызов в полевых сражениях (например, в 1682 г.) и, особенно, взятие небольших русских острогов в 1666(Удинский), 1667 и 1673 (Ачинский), в 1677 гг. (Канский).

Четвертый этап Русско-кыргызских войн (1690-1703)

В 1688 г. в Центральной Азии началась большая война, в ходе которой джунгарский Галдан Бошокту-хан попытался захватить Восточную Монголию

(Халху). Однако после разгрома халхасцев в 1688-1689 гг. в войну на стороне последних в 1690 г. вступила Цинская империя. I Джунгаро-цинская война продолжалась до 1697 г. Енисейские кыргызы, как вассалы Джунгарии, выставили несколько отрядов, один из которых к месту боевых действий повел сам Ереняк Ишеев. Однако в сентябре 1687 г. кыргызский отряд был разгромлен, причем сам Ереняк, его сын Шап и 300 кыргызских воинов были убиты. Пользуясь тем, что знаменитый князец и значительная часть воинов его улуса погибли, сибирская администрация начала подготовку решающего наступления на кыргызские княжества.

Первый удар пришелся на Тубинскую землицу, правитель которой, князец Шандык, в 1690 г. «дал шерть» русскому царю, но продолжал грабить «ясачных» аборигенов. Военная кампания против тубинцев отличалась особой жестокостью. Перед походом русские служилые люди «превентивно» перебили давно кочевавших под Красноярском енисейских кыргызов и тубинцев, чтобы те «какого дурна не учинили» (Бахрушин, 1955, с. 221). В ходе нападения на тубинские улусы было убито около 600 тубинцев. Князец Шандык с небольшим отрядом, «зашед в крепкие места, окопались и лесом осеклись в осаду». После двухдневного штурма укрепления были взяты, мужчины перебиты, а женщины и дети взяты в плен (там же).

Разгром Тубы обезопасил восточный фланг русского наступления на кыргызские княжества. Это событие, а также потери, понесенные енисейскими кыргызами в центральноазиатских войнах конца 80-х гг. XVII в. существенно ослабили боевой потенциал енисейских кыргызов. Однако это совсем не означало, что кыргызское сопротивление было подавлено. Более того, именно в последнее десятилетие XVII в. фиксируется мощнейший всплеск военной активности енисейских кыргызов.

Несмотря на то, что их сюзерены — джунгарские феодалы были увлечены борьбой друг с другом, а также с монголами Халхи и Цинским Китаем, кыргызские князцы пошли на резкое обострение отношений с Россией. Так, в ходе кыргызского набега в 1692 г. было убито 350 «служилых и ясачных людей». Сын Ереняка Корчин в это время вновь осадил Красноярск. В конце XVII в. кыргызские набеги стали практически ежегодными. С 1694 по 1697 г. кыргызы «разоряли ясачные волости Тобольского уезда по несколько раз в год» (Воронин, 2001, с. 43). Не ожидавшие такой активности от степняков русские власти попытались перехватить инициативу в последние годы XVII в. Договоры прежних лет (1685, 1690) были фактически преданы забвению. В год гибели Галдана Бошокту-хана (1697) русские напали на джунгарский серебряный рудник на р. Каштаке и поставили рядом деревянный острог. Все попытки кыргызов захватить его были отбиты ружейным и пушечным огнем.

Однако сломить енисейских кыргызов, несмотря на разногласия между князцами, и в этот раз не удалось. В 1700 г. они, вместе с джунгарами и телеутами, атаковали Кузнецк. Одним из последних активных военных предприятий енисейских кыргызов был набег на Красноярск, в ходе которого они, захватив Караульную сопку, и принялись «обстреливать город из пищалей и луков» (Александров, 1964, с. 58). Корчин Ереняков ограбил Томский и Кузнецкий уезды. Терпение царских властей на этом лопнуло. В 1700 г. Петр I принял решение нанести ответный сокрушительный удар, отдав приказ «томским, кузнецким и красноярским (служилым людям) ходить в Кыргызскую землицу и смирить их кыргыз за их воровство войною». В 1701 г. в поход на кыргызские княжества были брошены отряды Семена Лаврова (515 чел.) и Конона Самсонова (728 чел.). Первое большое столкновение красноярского отряда с енисейскими кыргызами произошло на р. Абакан. Входе ожесточенного боя было убито до 60 хонгорайских воинов и 36 русских (в том числе 8 детей боярских и атаман А. Тюменцев). Со 2 до 7 марта шли боевые столкновения у устья р. Уйбат, после чего К. Самсонов начал отступление на север, ища встречи с томско-кузнецким отрядом. В устье р. Коски он дал последний бой атаковавшим его енисейским кыргызам, после чего быстро ушел в русские владения. Таким образом, решительное наступление на кыргызские княжества, одобренное русским царем, не привело к «смирению кыргызов», хотя и показало местным князцам военную мощь Российской державы. В августе 1701 г. при джунгарской посредничестве был заключен мир, причем енисейские кыргызы дали согласие «платить ясак со всех кыштымов» (Бахрушин, 1955, с. 223).

Разгром войск Галдана Бошокту-хана в Халхе (1697) существенно ослабил военный потенциал Джунгарии. Новый джунгарский правитель Цеван-Рабдан, укрепляя свое положение на троне и желая передышки для своей страны, был вынужден нала-

живать мирные отношения со своими соседями, в первую очередь с Цинским Китаем и Российским государством. Ключевой проблемой на пути мирного сосуществования России и Джунгарии Цеван-Рабдан считал непрекращающийся русско-кыргызский военный конфликт[14]. В отличие от своего предшественника Цеван-Рабдан принял решение не «развязывать», а «разрубить» кыргызский «узел противоречий».

В 1703 г. крупный джунгарский корпус (3,5 тыс. всадников) во главе с тремя зайсанами неожиданно вошел в Минусу и взял под контроль крупнейшие кыргызские улусы. Местным князцам был объявлен приказ хунтайджи немедленно покинуть Минусу. В течение короткого времени семьи енисейских кыргызов под джунгарский конвоем были отправлены на юг, в земли Джунгарского ханства. Кыргызские кыштымы сообщали русским, что джунгары «киргиз де к себе загнали всех... и ныне де в Киргизской землице киргиз никого нет» (Бахрушин, 1955, с. 223).

Стремясь быстрее захватить оставленные кыргызами земли, сибирская администрация раз за разом снаряжала военные экспедиции в Минусу (1704, 1707, 1709). В 1707 г. был построен долгожданный острог на Абакане, а в год Полтавской битвы (1709) — Саянский острог. Строительство русских укреплений в самом сердце Минусы означало его присоединение к Российскому государству. Нападения отдельных отрядов енисейских кыргызов и их кыштымов на русское пограничье уже не могли коренным образом повлиять на ситуацию.

Рядовые кыргызы и уведенные вместе с ними роды кыштымов были поселены по соседству с ханской ставкой по р. Эмель-гол. Из них был составлен особый «оток кыргыз» (Цирзисы) из 4 тыс. кибиток, возглавляемый четырьмя зайсанами. Совместно с кыргызами были размещены отоки телеутов (4 тыс. кибиток), а также урянхайцы (мингаты и ооржаки) из Тувы (500 кибиток). Все южносибирские отоки входили в личный удел джунгарского хунтайджи (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 174-177).

[14] Как показали последующие события, Цеван-Рабдан заблуждался. Его попытку выйти из конфликтной ситуации, российское правительство восприняло как слабость. Подтверждением этому служит военная экспедиция Бухгольца в подвластный Джунгарии Восточный Туркестан в 1715-1716 гг. Только после разгрома русских войск в Ямышевской крепости царская администрация стала относиться к военной мощи Джунгарии с прежним пиететом.

После угона енисейских кыргызов в Джунгарию кыргызские воины продолжали принимать участие в военных предприятиях джунгарских ханов. В начале XVIII в. кыргызские отряды сражались с казахами в районе Верхнего Иртыша. Переселенные кыргызские феодалы и их сыновья служили в Урге хунтайджи Цеван-Рабдана и принимали участие в походах джунгарских полководцев на Казахстан. Есть основания полагать, что представители кыргызской знати, имевшие богатый опыт боевых действий против русских служилых, привлекались в качестве специалистов и консультантов при отражении экспедиций Бухгольца (1715-1716 гг.) и И. М. Лихарева (1720 г.). Когда русские посланцы прибыли в ставку хунтайджи в 1732 г., они обнаружили у трона джунгарского правителя кыргызского князца Бото. Впоследствии он принимал участие в переговорах с Л. Д. Угримовым на р. Дзергес (Моисеев, 1998, с. 86, 88).

После разгрома Джунгарии цинскими войсками часть енисейских кыргызов была переселена в Маньчжурию, а другая осталась в бывших джунгарских землях. Лишь небольшая группа енисейских кыргызов и кыштымов смогла бежать в Саяно-Алтай и вошла в состав тюркоязычных этнических групп этого района.

Структура вооруженных сил кыргызских княжеств в XVII в.

Основу отрядов кыргызских князцов составляли дружинники, объединенные в «хозон» (т. е. хошун), численность которого, впрочем, в разы уступала монгольским хошунам. Согласно хакасскому фольклору, дружина кыргызских феодалов насчитывала до 40 батыров-дружинников («матыр»). «Матыры» составляли военное сословие и отождествлялись русскими землепроходцами со «служилыми людьми». В мирный период «матыры», которых иногда именовали на монгольский лад «кошеучи» («хошучи»), т. е. «командиры эскадронов», находились при ставке бега. Во время боевых действий они возглавляли ополчение, набранное из «улусных людей» («киргизских мужиков»). По приказанию кыргызских феодалов отдельные отряды также выставляли подвластные им племена кыштымов.

Согласно сведениям русской разведки, в начале XVII в. в кыргызских княжествах насчитывалось

«киргизских служилых людей не много, человек с полтораста» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 165-166). Рядовое население Минусы (улусные люди — «харачы») было обязано нести воинскую повинность. Все мужчины, платящие подать, назывались «ухчы», т. е. «боец», «стрелок». Согласно расчетам В. Я. Бутанаева и Ю. С. Худякова, численность войск Хонгорая в XVII в. колебалась в пределах 600-2000 воинов (там же, с. 160). В конце XVII в. войско трех кыргызских улусов, которое возглавлял князь Улагач Кашка, противостоявшее русским, пытавшимся соорудить Каштакский острог, насчитывало два отряда по тысяче воинов (там же, с. 166). Возможно, что часть этого воинства была набрана из числа кыштымов (Потапов, 1957, с. 15).

Каждое племя кыштымов делилось на небольшие улусы, соответствовавшие родам. Так, число боеспособных мужчин в улусах аринцев колебалось от 3 до более 30 человек. У качинских татар Силошинского улуса в конце 70-х гг. XVII в. число мужчин доходило до 41. Улусы «канских котовских мужиков» насчитывали от 3 до 20 и более человек (Бахрушин, 1959, с. 35). Во время больших походов отряды кыштымских улусов сводились в отдельные воинские соединения, обычно действовавшие вместе с конницей енисейских кыргызов. Численность военных отрядов, набранных из кыштымов, в источниках не указана. В эпоху раннего Средневековья она составляла более двух третей общей численности кыргызского войска. В эпоху позднего Средневековья кыштымы также должны были составлять большую часть объединенного войска кыргызских княжеств. По мере продвижения русских вверх по долине Среднего Енисея и перехода части кыштымов в российское подданство это соотношение должно было измениться. Возможно, боевой потенциал кыргызских княжеств во второй половине XVII в. колебался в пределах 2-3,5 тыс. человек, в том числе около 1-1,5 тыс. — собственно кыргызы.

При этом войска князцов енисейских кыргызов, насчитывавшие более 1 тыс. человек, собирались достаточно редко. Идущие в набег кыргызские отряды обычно имели от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Отряд из 300-600 всадников считался уже «очень внушительной военной силой». Например, в 1630 г. сын князца Кочабая Табун совершил нападение на Красноярск во главе отряда из 360 воинов. Этого вполне хватило для того, чтобы не только разграбить пригороды, но и «угнать к себе аринцев и качинцев» (Бахрушин, 1959, с. 202). Несмотря на небольшую численность, воинственные хозяева Минусы доставляли много хлопот сибирским властям. Пресловутая «воистость» енисейских кыргызов была известна многим их соседям. В монгольском языке существует нарицательное слово «харгис» (т. е. «кыргыз») в значении «злой», «жестокий», «свирепый» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 171).

Традиционно кыргызская знать и ее приближенные («лучшие люди» — «харачы» или «хасха соок», т. е. «белая кость») составляли панцирную конницу, а простолюдины и кыштымы («пора соок» — «серая кость») формировали отряды легковооруженных конных лучников. Однако в XVII в. число панцирников несколько увеличилось за счет распространения защитного вооружения среди рядовых кыргызов и кыштымской знати. Служилые люди середины XVII в., отслеживавшие ситуацию в Минусе, полагали, что из 900 кыргызских всадников 400 (т. е. почти половина) имеют защитное вооружение, причем и панцирники, и лучники вооружены копьями: «...садитца их на лошади с копи и в куяках человек с четырехсот, да человеков с пятьсот садитца в саадацах и древками».

Джунгарского правителя в Минусе в этот период представлял наместник, ставка (урга) которого располагалась у р. Ниня на территории Алтырского (юго-западного) улуса. Население Минусы (кыргызы и их кыштымы) должны были платить «алман» джунгарскому хунтайджи и нести воинскую повинность, предоставляя свои отряды по требованию хунтайджи. Накануне боевых действий джунгарский наместник получал «разнарядку» с указанием численности войск, необходимых для участия в боевых действиях. Например, в 1687 г. джунгарский посланец Сургал потребовал собрать 1440 воинов. Чтобы набрать необходимое количество солдат и при этом создать заслон против возможного нападения русских, кыргызские феодалы собирались отмобилизовать ополченцев из подвластных им племен кыштымов: «А велено де взять в калмыки (т. е. в Джунгарию. — *Авт.)* ис Кыргыз две тысячи на помоч и хотят они, кыргызы, забирать к себе кыштымов с Манны и с Сисим и из ыных посторонных рек». За саботаж мобилизации Сургал обещал убить двух южносибирских князцов (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 186-187). Кыргызские вой-

ска приняли участие в боевых действиях на стороне Джунгарии. В конце XVII в. князь Даин-Ирка в течение года нес службу в ставке Галдана Бошоктухана. Известный кыргызский князь Иреняк с отрядом в три сотни воинов воевал в составе джунгарской армии на Алтае и погиб вместе со своим сыном Шапом в 1687 г. в бою на р. Чулышман у оз. Телецкого (Абдыкалыков, 1968, с. 104; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 173). Оставшиеся в живых кыргызы и их кыштымы были отпущены на родину (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 21).

Комплекс вооружения енисейских кыргызов

Главными противниками енисейских кыргызов были русские служилые люди, халхасцы северомонгольского государства Алтын-ханов и ойратские феодалы. Поэтому развитие оружейного комплекса енисейских кыргызов XVII — начала XVIII в. шло под сильным русским и особенно монгольским влиянием, которое накладывалось на традиционный комплекс вооружения жителей Минусинской котловины.

Комплекс вооружения енисейских кыргызов в эпоху позднего Средневековья сохранял, в своей основе, традиционные виды холодного оружия. Он включал в себя средства ведения дистанционного, ближнего боя и средства защиты. В последний период существования кыргызской государственности под влиянием русских и джунгар кыргызские воины стали применять и огнестрельное оружие (Худяков, 2002, с. 73).

Основным оружием поражения противника в дистанционном бою у енисейских кыргызов в эпоху позднего Средневековья оставались луки («чаачах, ухчаа») и стрелы. Каких-либо находок деталей луков в позднесредневековых кыргызских памятниках не обнаружено, поскольку для енисейских кыргызов был характерен обряд кремации тел умерших перед захоронением и деревянные и костяные детали луков сгорали на погребальном костре. По сведениям хакасского фольклора, боевые луки у кыргызских воинов были трехсоставными. Они были укреплены костяными или роговыми накладками. Для изготовления накладок лука кыргызские мастера использовали рога горного козла. Тетиву готовили из крученых ремней из воловьей кожи и овечьих кишок (Бутанаев, 1981, с. 191). Судя по находкам хорошо сохранившихся луков в позднесредневековых памятниках кыштымов, кибить таких луков состояла из деревянной основы и составных концов. Она была укреплена срединной и плечевыми фронтальными накладками и обклеена по всей поверхности берестой (Скобелев, 1999, с. 177). Кыргызские луки эпохи позднего Средневековья в руках умелых стрелков были привычным, удобным в применении и достаточно эффективным оружием, с помощью которого можно было вести прицельную стрельбу с дистанции полета стрелы.

Для поражения противника кыргызские воины применяли стрелы с железными наконечниками (рис. 19, *15-32).* В эпоху позднего Средневековья у них преобладали стрелы с плоскими, зигзагообразными и ромбическими в сечении наконечниками. Наиболее употребительными были плоские наконечники с асимметрично-ромбической, удлиненно-ромбической, овально-крылатой,секторной формами пера. Использовались для стрельбы по цели также плоские томары с тупым острием, вильчатые и боеголовковые наконечники. Среди зигзагообразных в сечении наконечников у кыргызов были на вооружении томары. Такие стрелы проворачивались в полете, летели на более дальнее расстояние, чем обычные плоские стрелы, и били точно в цель. Все эти стрелы были ориентированы на поражение не защищенного металлическим доспехом противника. Подобные формы стрел были на вооружении у кыргызских воинов в предшествующую эпоху позднего Средневековья, что свидетельствует об отсутствии поиска новых форм наконечников, предназначенных для поражения целей, лишенных металлических средств защиты. Для пробивания панцирной и кольчужной защиты кыргызы использовали стрелы с ромбическими в сечении наконечниками асимметрично-ромбического типа (Худяков, 2002, с. 68).

В хакасском фольклоре упоминается больше десятка различных наконечников стрел. Большинство из них имеет аналоги среди подлинных наконечников позднесредневековых стрел из Минусинской котловины. Согласно сообщению В. Я. Бутанаева наиболее часто в эпосе упоминаются бронебойные стрелы «чобе» («чибе») — «боевые стрелы с узким и длинным железным наконечником». Встречаются также «чыда пастыг ух» — «стрела с широким ромбическим наконечником», «хыйган пистиг ух» — «стрела со срезанным наискось наконечником»,

«сам сап» — «стрела с трехгранным железным наконечником и острыми шипами (агыл) на концах граней», «кур киски» — «стрела с широким лопатообразным железным наконечником». Таким образом, кыргызскими стрелками использовались стрелы с ромбическими наконечниками, острие которых было срезано наискось, с длинными узкими, трехгранными шипастыми и широкими лопатообразными наконечниками. Последний из названных типов находит соответствие среди выделенных типов кыргызских позднесредневековых наконечников стрел. Судя по названию, лопатообразные наконечники соответствуют плоским в сечении томарам. В фольклорных источниках некоторые наконечники носят название «хыргыс угы» — кыргызские стрелы (Бутанаев, 1981, с. 193). Иногда наконечники стрел смазывали ядом («оо чайган ух»).

Некоторые наиболее массивные наконечники снабжались костяными шариками — свистунками. Считается, что такие стрелы («сырых») издают в полете «протяжный свист», который угнетающе действует на противника и пугает вражеских лошадей. Стрелы «сырых» имели также четырехгранный железный наконечник. По мнению хакасских сказителей, при полете «сырых» «слышится ноющий свист стрелы, слышится непрерывный звук стонов и плача» (там же, с. 192-193). Костяные свистунки, которые надевались на древко стрел, в кыргызских комплексах до настоящего времени не найдены. Судя по фольклорным сведениям, они были аналогичны свистункам, которые применялись кыштымами. Они имели вытянутую, овальную форму и перпендикулярно расположенные узкие, щелевидные отверстия. Подобные свистунки получили очень широкое распространение в кочевом мире Центральной Азии еще в период развитого Средневековья и продолжали бытовать вплоть до этнографической современности (Худяков, 1997, с. 35-36).

В хакасском фольклоре упоминаются «огнедышащие» стрелы— «хосто»(Бутанаев, 1981, с. 194). Возможно, это могли быть зажигательные стрелы, снабжавшиеся горящей паклей или другим легковоспламеняющимся горючим материалом. Такие стрелы были особенно опасны при обстреле деревянных укреплений.

Русские казаки и служилые люди, которым на протяжении нескольких десятилетий XVII в. приходилось воевать с кыргызами, считали луки и стрелы основным оружием кыргызских воинов. «А бой у них лучной», — утверждается о кыргызах в русских источниках (Потапов, 1957, с. 18).

Впрочем, в хакасских фольклорных источниках, помимо луков и стрел, в качестве оружия дистанционного боя у кыргызских воинов упоминаются также арбалеты (Бутанаев, 1981, с. 192). Однако, какова была их конструкция и какими стрелами енисейские кыргызы стреляли из арбалетов, остается не ясно. Никаких находок, которые можно было бы отнести к арбалетам, в памятниках енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья не обнаружено. Возможно, кыргызские арбалеты по своей конструкции напоминали охотничьи самострелы, применявшиеся охотниками Южной Сибири в XVIII-XIX вв.

Кыргызские воины хранили и носили в походном положении луки с надетой тетивой в специальных футлярах - «саадахах» («хормого»). По сведениям хакасского фольклора, эти футляры имели месяцевидную форму. Для предохранения лука от сырости его накрывали сверху чехлом из барсучьей шкуры («чазаа») (там же, с. 191). Судя по фольклорным данным, кыргызский налуч представлял собой кожаный чехол полукруглой или У-образной формы с удлиненным нижним концом («днищем»). Он соответствовал подобным налучам, которые были широко распространены в кочевом мире Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья (Худяков, 2002, с. 69). Луки в таких налучах помещались с надетой тетивой. Один (нижний) конец лука помещался внутрь футляра, а второй (верхний) — выступал наружу. При необходимости его можно было очень быстро вынуть и сразу, не тратя время для надевания тетивы, использовать для стрельбы. Чтобы луки не намокали и не отсыревали при ненастной погоде, верхний конец лука накрывался дополнительным кожаным чехлом. Внешняя поверхность налучей богато украшалась металлическими бляшками. Согласно данным фольклора, месяцевидный налуч с луком мог носиться не только на левом боку, но и за спиной.

Стрелы хранились и носились кыргызскими стрелками в колчанах («хурлух»). По данным хакасского фольклора, колчаны изготавливались из выделанной кожи или бересты. Колчан со стрелами подвешивался к поясу с правой стороны. Хотя в кыргызских памятниках периода позднего Средневековья не обнаружены колчаны или их металли-

ческие детали в таком количестве, чтобы можно было реконструировать их первоначальную форму, полагаем, что они соответствовали кожаным колчанам, характерным для позднесредневековых центральноазиатских кочевников. Такие колчаны имели вырезную, обычно трапециевидную, форму. Они богато орнаментировались и украшались металлическими накладками. Стрелы в них помещались наконечниками внутрь, а оперением наружу. Эти колчаны носились на портупейном ремне через левое плечо или подвешивались к поясу с правого бока всадника (Михайлов, 1993, с. 26).

Наиболее распространенным оружием ближнего боя как у кыргызских панцирников, так и у легковооруженных воинов были копья «чыда». Согласно русским письменным источникам XVII в. их использовали и представители высшей кыргызской аристократии. Так, в ходе рукопашной схватки красноярского гарнизона с енисейскими кыргызами в 1678 г. служилые «сбили» с коня князца Ереняка «и копье у него отняли» (Бахрушин, 1955, с. 215). Согласно гиперболизированным историческим преданиям опытные богатыри могли, «уперев древко копья в переднюю луку седла», пробить панцирь противника (Бутанаев, 1981, с. 190). Под русским влиянием кыргызские мастера в XVII в. начинают выпуск тяжелых ударных копий на толстом древке с широким втульчатым наконечником, известных среди русских как «рогатины». Кыргызские мастера копировали не только форму наконечников русских рогатин, но и особенности их оформления. Так, на кыргызских рогатинах появились декоративные «отрожки» у основания пера и округлые сквозные отверстия на его плоскости. Интересно, что отрожками стали снабжаться наконечники не только рогатин и копий, но и дротиков (рис. 95, *2)*. Среди находок копий эпохи позднего Средневековья в Минусинской котловине имеются наконечники с коротким, линзовидным или ромбическим в сечении пером, боковым шипом, длинной конусовидной втулкой. Некоторые копья, а также дротики могли применяться для метания (рис. 95, *3)*. К числу ударных копий можно отнести наконечники с уплощенно-линзовидным и ромбическим в сечении массивным пером удлиненно-ромбической формы. Массивные ударные копья, судя по пропорциям пера наконечника, были рассчитаны на пробивание пластинчатой или кольчужной брони.

Основным клинковым оружием кыргызских панцирников были сабли и палаши. Среди сабель («хылыс») встречались не только традиционные для Южной Сибири сабли с небольшим изгибом клинка (рис. 88, *5),* но и сабли «ай чалбагы тон молат хылыс» («изогнутая полумесяцем, чисто булатная сабля»). Такие сабли с ярко выраженным изгибом клинка нередко встречаются среди кыргызского клинкового оружия (рис. 88, */ -2)*. На наш взгляд, эволюция таких сабель у енисейских кыргызов в XVII в. связана как с развитием местной оружейной традиции, так и с влиянием на военное искусство кыргызов военного дела русских служилых людей. Кроме сильноизогнутых сабель кыргызскими воинами использовались слабоизогнутые сабли и палаши с дисковидной гардой центральноазиатского типа. На полосе некоторых клинков имеются долы. Сабли носили в ножнах, подвешенных к поясу на левом боку всадника.

В рукопашном бою воины использовали кинжалы и ножи с прямыми обоюдоострыми или однолезвийными клинками без перекрестья. По сведениям фольклора, у кыргызских воинов существовали разные виды короткоклинкового оружия. Среди них были кинжалы «соданхыйрах» (рис. 89, /) и боевые ножи (Бутанаев, 1981, с. 189).

Одной из разновидностей ударного оружия кыргызских воинов была булава «чис тохпах». К ней принадлежали, в частности, булавы на коротких рукоятях, целиком изготовленные из металла. Они фигурируют в хакасском фольклоре под названием «чит пуут чис тохпах» — «семипудовая медная булава». Однако осмотр дошедших до нас кыргызских булав из Минусинского историко-краеведческого музея им. Мартьянова показал, что материалом для их изготовления могла быть не только медь, но и железо. Кыргызские «чис тохпах» целиком выполнены из железа. Они представляют собой достаточно тонкий железный стержень-рукоять, увенчанный округлым или эллипсовидным навершием, снабженным округлыми «шипами» и слабовыраженными гранями, благодаря которым «чис тохпах» отдаленно напоминает западноазиатский или восточноевропейский шестопер. Другой конец рукояти заканчивается железным кольцом, в который пропускался кожаный или матерчатый темляк (рис. 99, *10-12)*.

В кыргызском позднесредневековом фольклоре упоминается кистень, представлявший собой нагайку «тобырчых», к концу ремня которой крепил-

ся металлический шар «том» (Бутанаев, 1981, с. 190). Кистени применялись в войсках цзиньских чжурчжэней XII — начала XIII в. и в армиях государств Чингизидов XIII-XIV вв. (Горелик, 2002, с. 67, рис. 37-41). Можно предполагать, что позднесредневековые южносибирские кистени продолжали традиции, заложенные номадами периода развитого Средневековья. В сибирских и казахстанских музеях хранятся несколько десятков кистеней, состоящих из деревянной рукояти (иногда снабженной металлической втулкой с кольцом) и шипастой металлической сферы, соединенных между собой кожаными ремешками или цепочками с округлыми или 8-образными железными звеньями. Некоторые исследователи относят их к комплексу вооружения русских казаков, другие — к оружию местного населения. Возможно, что часть из них действительно была привнесена в Сибирь русскими землепроходцами, а другие были изготовлены местными оружейниками по русским образцам.

Судя по данным эпических произведений, некоторое распространение среди кыргызских воинов имели боевые топоры с широким лезвием «в форме полумесяца» («ай палты»). В памятниках енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья такие секиры не обнаружены. Однако они были найдены в позднесредневековых комплексах кыргызских кыштымов, что свидетельствует о возможности применения такого оружия и кыргызами.

Кыргызские воины имели разнообразные средства индивидуальной металлической защиты. Ссылаясь на сведения письменных источников, С. В. Бахрушин отметил, что у кыргызских воинов были «прекрасной работы куяки, бумажники (доспехи)» (Бахрушин, 1955, с. 182). По данным, приведенным Л. П. Потаповым, «куяки» для кыргызских воинов изготавливались кыргызскими кыштымами, шорскими кузнецами-оружейниками (Потапов, 1957, с. 20, 53). Среди русских служилых большой популярностью пользовались «куяки» кыргызского производства и особенно кыргызские «наручи булатные» (Бутанаев, 1995, с. 17). Впервой половине 20-х гг. XVII в. томский воевода Иван Шеховский вымогал у кыргызского князца Исарского улуса Кочабая «булатные наручи», в обмен на которые он обещал отпустить на родину сына Кочабая Уруску (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 55). В 1641 г. Я. О. Тухачевский сообщал в Сибирский приказ: «А убито их, изменников (енисейских кыргызов. — *Авт.),* на бое... человек с семдесят и многих изменников кыргыских людей ранили... и многие лошади, и куяки, и платье служивые люди побрали» (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 103). После боев с кыргызами, тубинцами и алтырцами русские служилые люди «отымали» и «сымали с убитых воров, изменников куяки и шишаки и бумажники» (ДАИ, 1857, с. 176), которые затем передавались на хранение в государеву казну и использовались русскими в ходе боевых действий.

Основным типом защитного вооружения кыргызских воинов в XVI-XVII вв. были пластинчато-нашивные панцири («куме хуях»). Кыргызские оружейники добились больших успехов в их изготовлении. Органическая основа хонгорайских «куяков» подбивалась железными пластинами различных форм и размеров, создававших надежное и эластичное броневое покрытие. Пластины панцирей знати снабжались бортиками и ребрами, не позволявшими вражескому клинку соскальзывать в межпластинчатые щели и повышавшими защитные свойства самой пластины (рис. 120, *4;* 121, *1-17).* Заклепки на таких пластинах выполнялись в виде декоративных многолучевых прорезных звезд или располагались на поверхности пластины в виде геометрической фигуры (креста, ромба и т. д.). Поверхность заклепок, судя по данным письменных источников, могла серебриться. Такие панцири, изготовленные кыргызскими оружейниками, пользовались большой популярностью у соседей кыргызов — русских служилых людей и джунгар. Так, Герасим Никитин приобрел у кыргызского князца Шанды «куяк, посеребренное гвоздье, а для того куяка ездил с пивом и вином к нему в юрты». Для изготовления панциря, предназначенного рядовым латникам, использовались более простые в изготовлении пластины с ровной поверхностью и функциональным расположением заклепок. Такие панцири носили также знатные воины из числа зависимых от енисейских кыргызов племен кыштымов. Кыргызские пластинчато-нашивные панцири кроились в виде кирас с боковым разрезом и, возможно, жилетов со сплошным осевым разрезом. Под железные доспехи кыргызские воины надевали «кожаные рубахи» — «чаргах», представлявшие собой поддоспешную одежду или разновидность «мягкого» доспеха.

В XVII в. среди кыргызов широкое распространение получают кольчатые панцири («илчирбелиг

хуях»), скроенные в виде рубахи с короткими рукавами и подолом с отложным или стоячим воротником. Появление и распространение этого типа защитного вооружения среди кыргызов мы связываем с русским и джунгарским влиянием.

Наряду с металлическими кыргызские воины активно применяли панцири из органических материалов. Фольклорные источники фиксируют факты использования воинами Минусинской котловины кожаных панцирей — «хуус хуях», а также стеганых на вате «бумажников».

Что касается широты распространения защитного вооружения среди енисейских кыргызов, то наиболее взвешенная оценка, на наш взгляд, дана Я. О. Тухачевским, который лично побывал в регионе и смог ознакомиться с особенностями военного искусства енисейских кыргызов, о чем он не преминул упомянуть в отписке: «И землицу, государь, я, холоп твой, Кыргызскую проехал трижды через всее земли идучи в Мунгалы к Алтыну царю и на Краснояр. И тех твоих государевых изменников (енисейских кыргызов. — *Авт.)* всех знаю и бой видел...» (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 91). По его мнению, в конце 30-х гг. XVII в., «садитца их (енисейских кыргызов. — *Авт.)* на лошади с копи и в куяках человек с четырехсот, да человеков с пятьсот садитца в саадацах и древками». То есть, судя по донесению, из 900 кыргызских всадников 400 были вооружены копьями и носили панцири, а 500 были легкоконными лучниками и копейщиками. В случае необходимости кыргызские князцы (как и их центральноазиатские сюзерены) сводили «куяшников» в отдельные отряды. Например, в 1630 г. тубинский князец Коян прибыл на переговоры с Дементием Злобиным в сопровождении 60 воинов «в куяках и с луками». Характерно, что после того, как русские попытались захватить Кояна, его панцирники ответили лучной стрельбой и приняли участие в рукопашной схватке: «...когда служилые люди попытались захватить его силой, то воины, которые у него "были в обороне" (т. е. стояли в стороне наготове), стали стрелять из луков, и Коян и его приближенные, человек 20, принимавшие участие в угощении, схватившись за ножи и "скача" пошли врукопашную» (Бахрушин, 1955, с. 201).

Кыргызские латники использовали шлемы различных типов. Князцы и командиры отрядов носили высокие сфероконические шлемы, снабженные козырьками, навершиями с плюмажами из птичьих перьев и конского волоса, кольчатыми или пластинчато-нашивными бармицами и наушами. Некоторые типы наголовий имели личины-забрала («тумага»). Рядовые панцирники использовали более низкие клепаные наголовья сфероконической формы, составленные из нескольких пластин-сегментов. Характерным элементом оформления кыргызских шлемов были железные накладки с ребром жесткости и вырезным краем, прикрывавшие стыки пластин (рис. 152, *1, 3;* 188, *1-2).*

По данным С. В. Бахрушина, легковооруженные енисейские кыргызы «одевались... в шубы и зипуны; на головах носили малахаи» (Бахрушин, 1955, с. 182).

В XVII в. у енисейских кыргызов появилось, хотя и в ограниченном объеме, огнестрельное оружие. Несмотря на категорические запреты со стороны российских властей, русские казаки и промышленники продавали кыргызам пищали и боеприпасы. Вероятно, огнестрельное оружие приобреталось кыргызами и у джунгар. В фольклоре упоминаются ружья — «мылтых» и даже пушки — «албазы» (Бутанаев, 1981, с. 194).

Данные фольклора находят свое подтверждение в русских письменных источниках XVII — начала XVIII в. В ходе боевых столкновений в 30-40-х гг. XVII в. енисейские кыргызы неоднократно применяли против русских служилых захваченные или выменянные у них пищали. Большинство свидетельств о применении кыргызами огнестрельного оружия относятся к последней трети XVII — началу XVIII в. В этот период уже десятки кыргызских воинов были вооружены огнестрельным оружием российского или джунгарского производства.

Стремительно развивавшийся комплекс вооружения енисейских кыргызов представлял собой в XVII в. симбиоз местных и монгольских оружейных традиций. Уже в первой половине XVII в. он был дополнен изделиями русского оружейного производства (кремневыми и фитильными ружьями, рогатинами с отрожками, саблями, кольчатыми панцирями и др.). Известное влияние на арсенал енисейских кыргызов во второй половине XVII в. оказало военное дело западных монголов — джунгар. В целом данный комплекс вооружения может быть уверенно отнесен в разряд региональных вариантов центральноазиатского оружейного комплекса.

Комплекс вооружения кыштымов енисейских кыргызов

Вооружение зависимых племен, кыштымов, воевавших в составе кыргызских войск, имело определенные отличия от оружия енисейских кыргызов.

Основным оружием кыштымов были традиционные для Южной Сибири сложносоставные луки. Интересно в этой связи, что если в монгольских источниках XVII в. слово «воин» нередко передается термином «хуяг» (т. е. «панцирь»), то взрослый мужчина из числа кыштымов енисейских кыргызов обозначается термином «лук». Например, в XVII в. кыштымы Тубинского улуса платили «алман» северным монголам с *«лука* (курсив наш. — *Авт.)* по пять соболей», в договоре между российским представителем и джунгарским Аба-зайсаном отмечается, что енисейские «кыргызы взяты (угнаны. — *Авт.)* в калмыцкое контайшино владение, а по тем договорам отдано в Россию *триста луков* ясашных людей (курсив наш. — *Авт.)»* (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 24; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 175).

Среди проживавших под Красноярском «подгородных татар» встречались мастера, специализировавшиеся на изготовлении луков. Качество луков южносибирского производства было достаточно высоким. Их приобретали не только «ясачные», но и русские служилые люди (Бахрушин, 1959, с. 32). Среди южносибирских оружейников, изготовлявших саадаки, С. В. Бахрушин выделяет качинцев — «наиболее культурных из красноярских туземцев» (там же, с. 34).

В археологических памятниках кыштымов были обнаружены детали сложносоставного лука. Кибить лука имела деревянную основу, срединную фронтальную и плечевые накладки, концевые вкладыши и обклеивалась берестой (Скобелев, 1999, с. 176-177). Такие луки появились на вооружении у населения Южной Сибири еще в эпоху раннего Средневековья. Они считаются наиболее дальнобойными и эффективными из различных форм сложносоставных луков. Вероятно, кыштымские лучники использовали для стрельбы по цели и другие типы сложносоставных луков упрощенной конструкции (Худяков, 2002, с. 67). В позднесредневековых памятниках разных этнических групп кыштымов в Минусинской котловине были обнаружены железные и костяные наконечники различных форм. Наиболее употребительными были стрелы с плоскими в сечении железными наконечниками и пером удлиненно-ромбической и удлиненно-треугольной форм с шипами (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 80). Среди костяных наконечников наиболее употребительной формой были удлиненно-ромбические стрелы (Кренке, 1984, рис. 1, *10-12).* По спектру форм набор стрел воинов-кыштымов заметно отличается от кыргызского комплекса, что свидетельствует об определенных различиях в боевой практике и возможностях поражать цели на дистанции полета стрелы. В то же время кыштымский набор стрел имеет сходство с комплексами средств ведения дистанционного боя, которыми располагали лучники народов таежной зоны Западной Сибири (Гемуев, Соловьев, 1984, с. 42-49). В целом комплекс поражающих средств ведения дистанционного боя, которым располагали кыштымы, уступал по своим баллистическим возможностям набору кыргызских стрел, который был более развитым и ориентированным на поражение не защищенного панцирем противника.

Некоторые железные наконечники, найденные в кыштымских памятниках, имели костяные шарики — свистунки. Они были овальной формы с узкими, щелевидными прорезями (Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 209).

Кыштымские стрелки хранили и носили стрелы в колчанах. Однако, в памятниках кыштымов эпохи позднего Средневековья они не обнаружены. Вероятно, кыштымские колчаны изготавливались из кожи или бересты. По своей форме они должны были соответствовать колчанам, распространенным у других народов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья.

Письменные источники XVII в. отмечают факты использования жителями Южной Сибири огнестрельного оружия (преимущественно русского производства). Большинство этих сведений относится к проживавшим вблизи Красноярска аринцам и качинцам. Что касается племен кыштымов енисейских кыргызов на юге, то они, по всей видимости, в большинстве случаев передавали захваченное в сражениях русское трофейное оружие своим сюзеренам.

Пользуясь статусом подданных российской короны, жители Южной Сибири пытались приобретать или выменивать ружья у русских служилых людей. Однако частный характер таких сделок и

активное противодействие царской и сибирской администраций препятствовали широкому распространению огнестрельного оружия среди «подгородных татар».

На вооружении у воинов-кыштымов в эпоху позднего Средневековья были различные виды наступательного оружия ближнего боя. В познесредневековом шаманском захоронении на памятнике Ортызы-Оба были обнаружены железный меч с прямым, уплощенно-ромбическим в сечении, двулезвийным клинком и прямым череном без перекрестья (рис. 81, 7); кинжал с прямым, плоским, обоюдоострым клинком и прямым черешком; копье с линзовидным в сечении, удлиненно-ромбическим пером и длинной, конусовидной втулкой. На нижний конец древка копья был насажен железный конический вток (Худяков, Скобелев, 1984, с. 108, 110). Наконечник копья с плоским, удлиненно-ромбическим пером и конической втулкой был обнаружен в одном из комплексов кыштымов на р. Кие (Кренке, 1984, с. 141). В памятниках кыштымов были найдены железные топоры различных форм. Среди них были вислообушные топоры с широким лезвием и «бородкой» или без «бородки», вислообушные секиры с широким лезвием в виде полумесяца (Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 209). Значительная часть мечей, кинжалов и копий, вероятнее всего, изготовлялись шорскими кузнецами. Топоры, найденные в памятниках кыштымов, относятся к числу русских ремесленных изделий. У русского населения в Сибири такие топоры использовались для хозяйственных нужд. Однако воины-кыштымы применяли их в качестве оружия для нанесения поражающих ударов противнику в ближнем и рукопашном бою (Молодин, Соловьев, 1977, с. 117).

Комплекс оружия ближнего боя кыштымов существенно отличается от набора оружия енисейских кыргызов. Кыргызский комплекс являлся типичным для вооружения кочевых народов Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья. Он был характерен для профессиональных воинов — дружинников, батыров, которые составляли дружины кыргызских князей. Оружие кыргызских кыштымов включало в себя достаточно архаичные для эпохи позднего Средневековья мечи и русские топоры. Оно было характерно для воинов-ополченцев, мобилизованных на войну в условиях серьезной внешней опасности для кыргызских княжеств. В предшествующую эпоху развитого Средневековья воины-кыштымы не имели на вооружении подобных видов оружия ближнего боя. Из импортного вооружения кыштымы могли использовать также пальмы тунгусского производства. Русские письменные источники середины XVII в. фиксируют факты передачи тунгусами аринцам данного вида оружия (Бахрушин, 1959, с. 34). Кроме того, в письменных источниках при перечислении комплекса вооружения состоятельных аринцев и качинцев упоминаются некоторые разновидности длинноклинкового оружия, в частности «сулемы» (там же).

В памятниках кыштымов эпохи позднего Средневековья были найдены железные пластины от панцирей — бригандин, пластинчатых куяков и комбинированных куяков (Радлов, 1989, с. 479; Худяков, Скобелев, 1984, с. 110-113). В предшествующую эпоху кыштымы практически не имели средств индивидуальной металлической защиты. В период позднего Средневековья по степени защищенности состоятельные кыштымы почти не уступали кыргызским воинам. Особенно широко защитное вооружение использовали жившие относительно недалеко от Красноярска качинцы и аринцы[15]. Причем наряду с пластинчато-нашивными доспехами («куяками добрыми под сукном») местные батыры применяли и кольчатые «пансыри». В 1628 г. качинцы и аринцы «приходили к острогу войной в куяках и панцырях» (Бахрушин, 1959, с. 22, 34). Стоимость отдельных элитных панцирных комплексов иногда была просто астрономической и доходила до 10 руб. за панцирь[16]. Входе боевых действий южносибирские воины так же активно применяли «мягкие» панцири из органических материалов — «бумажники» (там же, с. 34). По мнению С. В. Бахрушина, защитное вооружение местные жители получали в том числе и «от калмыков» (т. е. западных монголов). Судя по сообще-

[15] Например, качинский служилый татарин Корочик Тайларов, возглавлявший улус из шести юрт, ездил «на коне... и с детьми своими в панцирях и в куяках» (Бахрушин, 1959, с. 35).

[16] Для сравнения: оклад служилых татар в XVII в. составлял 3-12 руб., красноярских атаманов — 13-18 руб., конных пятидесятников и десятников — 7,5-7,75 руб., пеших пятидесятников и десятников — 5,5-7,5 руб., детей боярских — 6-15 руб., пушкарей — 5 руб., затинщиков — 4-5 руб., конных казаков— 7,25, пеших казаков— 5 руб. (Бахрушин, 1955, с. 171-172; Бахрушин, 1959, с. 69-72, 74).

ниям русских служилых людей, знатные качинцы имели на вооружении «наручи мугальские», которые с удовольствием приобретали и русские служилые (Бахрушин, 1959, с. 132).

Под влиянием военных действий с отрядами русских казаков и служилых людей кыргызским князьям пришлось мобилизовать все возможные людские ресурсы для целей обороны и допустить перевооружение военных отрядов кыштымов оружием ближнего боя и средствами защиты. Нехватка оружия ближнего боя была отчасти компенсирована за счет приобретения топоров у русских.

Тактика

Тактика енисейских кыргызов и кыштымов XVII в. отличалась гибкостью и была достаточно эффективна против относительно немногочисленного противника, вооруженного холодным и даже огнестрельным оружием. По мере знакомства енисейских кыргызов с боевыми приемами русских служилых людей тактика степняков постепенно эволюционировала, приспосабливаясь к меняющимся условиям ведения боя.

По мнению В. Я. Бутанаева, панцирная кыргызская конница в период позднего Средневековья перед сражением формировала центр построения («хурчах»), а легковооруженные лучники размещались на флангах («хол»). Отдельный отряд составлял резерв. В ходе сражения «хурчах» прорывал построения противника. Общим боевым кличем кыргызской армии был «ай-ураа» (Бутанаев, 1981, с. 195-196).

Отряды воинов-кыштымов вели в бой не только военачальники, старейшины родов и племен, но и шаманы и даже шаманки. В кургане 2 могильника Ортызы-Оба (Минусинская котловина) в могиле шаманки, датированной началом XVIII в., наряду с ритуальным головным убором, шумящими подвесками «стреляющие змеи» были обнаружены различные предметы вооружения: наконечники копий, линзовидный в сечении меч, кинжал, топор русского производства, остатки пластинчато-нашивного панциря (Худяков, Сколев, 1984, с. 105—119).

Несмотря на появление огнестрельного оружия, панцирная конница могла действовать на поле боя достаточно успешно. В ходе военных действий с отрядами русских казаков кыргызские панцирные всадники иногда «копьем смешивали» своих противников. Большое значение уделялось дистанционному лучному бою. Стрельбу кыргызские воины вели с коня или в спешенном положении. В последнем случае наряду со стрельбой в полный рост практиковалась стрельба с колена (Бутанаев, 1981, с. 194). Согласно данным эпоса кроме луков кыргызы использовали и арбалеты (там же, с. 192).

Хотя в XVII в. на вооружении у кыргызских воинов появилось огнестрельное оружие и они научились стрелять из «турских пищалей, из мушкетов, из винтовок», тактика ведения полевого боя в первой половине столетия оставалась во многом традиционной для кочевых армий. Если в результате фронтальной атаки панцирной коннице удавалось прорвать построение противника, то ее поддерживали отряды легковооруженных всадников с флангов. В случае необходимости в бой вступал резерв (там же, с. 195). Хорошее знание местности повышало эффективность стремительных кавалерийских атак. Во время походов енисейских кыргызов на русские остроги Южной Сибири в качестве их проводников нередко выступали местные жители: аринцы, качинцы и др. Например, в 1636 г. енисейские остяки «подвели» сводный отряд енисейских кыргызов и аринцев к енисейским деревням (Александров, 1964, с. 47). Кыргызам были известны приемы заманивания противника в подготовленные для него ловушки и устраивания засад (Бутанаев, 1981, с. 196). Тубинцы применяли тактику засад, в том числе и лесных. Например, поджидая отряд русских служилых в 1630 г., они «зашли наперед» и «залегли в засаду в лесах» (Бахрушин, 1955, с. 201).

По мере разрастания военного конфликта с русскими военное искусство енисейских кыргызов эволюционировало, «приспосабливаясь» к тактическим приемам своих основных противников. Все большее распространение получало огнестрельное оружие (русское — трофейное, среднеазиатское — через посредничество джунгар и, вероятно, с конца XVII — начала XVIII в. — собственно джунгарское).

При штурме русских острогов кыргызы атаковали их в пеших порядках «за щитами», о чем неоднократно упоминают русские письменные источники второй половины XVII в. Таким образом енисейские кыргызы штурмовали острог на о. Карагас (о. Сосновый, ниже Абаканского устья) в 1675 г. и

русские укрепления в пригородах Красноярска в 1678 г. (Бахрушин, 1955, с. 212,215). В ходе штурма воины, вооруженные ружьями, активно взаимодействовали с лучниками, засыпавшими деревянные укрепления противника горящими стрелами.

Большое внимание уделялось возведению полевых укреплений. Во время походов кыргызские военные отряды останавливались на привал и обороняли себя куренем, который, вероятно, сооружался из походных транспортных средств.

Уже в середине XVII в. кыргызы и их южносибирские вассалы умели строить «городки» и «засеки» из стволов деревьев. Так, бежавшие от войск хотогойского Алтын-хана «кыргызы, и тубинцы, и алтырцы, и керетцы» откочевали «под Красноярский острог на Кизильскую землю на речку Еник и обсеклись в городке» (Баранин, 2001, с. 28). В 1692 г. брат тубинского князца Шандыка Ороштай во главе отряда из 50 человек, «осекшись лесом», успешно отражал атаки русских служилых Василия Многогрешного и Тита Саломатова. В течение дня русские дважды ходили на приступ, но взять укрепления не смогли («воровской татарской осады не взяли»). Только на второй день, после того, как на помощь осаждающим подошел отряд Дементия Злобина со служилыми татарами, укрепления тубинцев пали.

Для защиты от вражеских вторжений в горных районах Минусы была создана цепь укреплений и форпостов «сивее» («све»), длинных стен, валов и рвов— «хыргыс орамнары» (Бутанаев, 1981, с. 195-196). «Сивее» отличались размерами и назначением. Некоторые из них являлись караульными постами, из которых кыргызские воины наблюдали за передвижениями противника в долине. Крупные «сивее» представляли собой небольшие крепости, в которых в ходе боевых действий укрывалось кочевое население. Стены «сивее» выполнялись из камней и земляных насыпей. По данным В. Я. Бутанаева и Ю. С. Худякова, цепь крепостных сооружений «составляла замкнутую фортификационную систему, каждое звено которой просматривалось с соседнего укрепления». На территории современной Хакасии насчитывалось около ста подобных сооружений (Бутанаев, Абдыкалыков., 1995, с. 17; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 166). Наибольшее число «сивее» было сконцентрировано на территории Алтысарского улуса в междуречье Черного и Белого Июсов, на северо-западе кыргызских владений. По выражению В. Я. Бутанаева и А. Абдыкалыкова, междуречье «представляло собой настоящий укрепрайон» (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 17). Здесь же в начале XVII в. находился политический центр кыргызских княжеств — «кыргызский белый каменный городок» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 163). Подобные кыргызским «сивее» горные укрепления («шибее») использовали в период позднего Средневековья и воины Горного Алтая. Во время боевых действий енисейские кыргызы нередко «отсылали жен своих и детей и лошадей и скотину и всякие животы» в специальный «острог» недалеко от устья р. Абакан (Бахрушин, 1955, с. 183).

Значительный интерес представляют сведения русских письменных источников о наличии у енисейских кыргызов речных судов, на которых они перевозили свои отряды в ходе набегов на подконтрольные русским земли. Кыргызский «речной флот» состоял из «лодок» и «стругов». Идущие в набег «плавные» отряды координировали свои действия с «конными», которые шли в поход по берегу. Подобный способ перемещения зафиксировали русские служилые люди во время летнего набега енисейских кыргызов, тубинцев, моторцев, качинцев и отдельных монгольских подразделений на Красноярск в 1634 г. (там же, с. 203). В конце 70-х гг. XVII в. Ереняк вел свои отряды на Красноярск в конном строю «по обе стороны Енисея реки, и Енисеем рекою послал на лодках же» (Козьмин, 1916, с. 55). Судя по всему, «лодки» и «струги» не предназначались для ведения боя на воде, а служили только для перевозки войск. Возможно этим, а также отсутствием необходимого опыта ведения боевых действий на реках объясняются не очень удачные действия енисейских кыргызов и кыштымов в сражениях с русскими «флотилиями». Так, например, по данным Н. Козьмина, «плывшие на лодках (енисейские кыргызы. — *Авт.)* были встречены около Караульного острога атаманом Родионом Кольцовым, освобожденным из плена кыргызами. Русские были на стругах. Кыргызы были разбиты» (там же). Возможно, что на судах в ходе набегов перевозились не собственно кыргызские отряды, а подразделения кыштымов, которые в ходе сражений действовали в пешем строю.

Известный интерес представляют сведения о захватах енисейскими кыргызами русских артиллерийских орудий и боеприпасов к ним. Повышен-

ное внимание к артиллерии кыргызы стали проявлять во второй половине XVII в., в период правления Ереняка Ишеева. Уже в ходе своего первого крупного набега в 1666 г. Ереняк, «обманув служилых людей», взял Удинский острог и захватил хранившиеся в нем артиллерийские боеприпасы: «А тот де вор Ереняк Ишеев с воинскими людьми, оманув служилых людей в Удинском острожке, из острожка выехал и великого государя казну, порох, свинец и пушечные ядра... поймал» (МРМО, 1996, с. 43). В октябре 1673 г. союзник Ереняка князец Шанда осадил Ачинский острог. Характерно, что в ходе осады кыргызский князец настойчиво требовал «у гарнизона выдачи пушек и пушечных снарядов». Согласно сведениям русских письменных источников, оставившие острог служилые успели закопать «на лугу» перед острогом орудийные стволы (Бахрушин, 1955, с. 211). Однако, судя по дальнейшим событиям, енисейские кыргызы все же сумели захватить часть ачинских пушек. Во время похода русских войск на кыргызские княжества в 1680 г. одним из главных условий начала мирных переговоров с российской стороны была выдача трофейных орудий. Енисейские кыргызы, как могли, затягивали переговоры. Когда же наконец они как будто бы согласились вернуть пушки, то не дали лошадей для их транспортировки, так что орудийные стволы снова остались в руках кыргызов. Русские продолжали настаивать на выдаче орудий, но безрезультатно. Когда переговоры были возобновлены, кыргызы «про пушки уже больше не упоминали». Только после окончания похода, демонстрируя свое стремление к миру, Ереняк передал русскому посланцу Гречанинову «две пушки» (там же, с. 216-219). Судя по тому, что письменные источники не упоминают факты применения енисейскими кыргызами артиллерийских орудий российского производства в ходе боевых действий, те находились на хранении в хонгорайских улусах как ценные военные трофеи. Однако не стоит исключать и тот вариант, что захваченные в военных кампаниях русские орудия передавались енисейскими кыргызами своим сюзеренам — джунгарам, которые живо интересовались иностранными оружейными новинками. Косвенным подтверждением этого является тот факт, что особое рвение в захвате пушек енисейские кыргызы стали проявлять со второй половины 60-х гг. XVII в., т. е. в то время, когда кыргызские княжества стали частью Джунгарского ханства. Отказ от выдачи всех захваченных орудий, возможно, также объясняется не пресловутым «упрямством» степняков, а тем, что часть их находилась за пределами Минусы.

С убитыми вражескими воинами и пленниками енисейские кыргызы вели себя подчеркнуто жестоко. Пленным они «носы и уши резали», а у убитых «груди вспарывали... и глаза застилали» (Бахрушин, 1955, с. 183).

Подводя итог развития военного искусства енисейских кыргызов и их кыштымов в XVII — начале XVIII в. необходимо отметить следующие моменты.

Вооружение енисейских кыргызов и их кыштымов в рассматриваемое время претерпело значительные изменения по сравнению с периодами раннего и развитого Средневековья. Наряду с традиционными для региона пластинчато-нашивными (пластинчато-клепаными) доспехами кыргызские латники стали использовать кольчатые панцири. Известное распространение получили створчатые наручи (в том числе импортного производства), металлические булавы. Наряду с палашами и саблями центральноазиатского образца были популярны слабо- и сильноизогнутые сабли западноазиатского типа (с крестообразными перекрестьями). Еще большее распространение получило длиннодревковое оружие (рогатины, пики, копья), а также дротики. Важным нововведением стало распространение среди енисейских кыргызов русского, а впоследствии джунгарского огнестрельного оружия. Состоятельные кыштымы стали использовать защитное вооружение, а также оружие ближнего боя, в том числе копья, палаши, кинжалы, а также топоры русского производства. Вероятно, тяжелая борьба с русскими вынудила кыргызских князцов отказаться от многовековой практики ограничения комплекса вооружения кыштымов оружием дистанционного боя и предоставить им возможность приобретать панцирное вооружение и оружие ближнего боя.

Главным и наиболее последовательным противником енисейских кыргызов на севере были русские служилые люди. Русские отряды медленно «вгрызались» в подвластные енисейским кыргызам земли, постепенно оттесняя степных князцов все дальше на юг. Однако от периода к периоду сопротивление номадов неуклонно нарастало. Енисейские кыргызы «приспособились» к боевой тактике

русских служилых и в целом ряде случаев достаточно успешно противостояли им на полях сражений. Постоянные военные столкновения со служилыми привели к тому, что военное искусство кыргызов конца XVII в. оказалось адаптировано к особенностям военного дела русских казаков и стрельцов. Кыргызы очень быстро оценили значение огнестрельного оружия и стали предпринимать активные усилия по его захвату у русских служилых людей. Знавшие уловки и хитрости землепроходцев, кыргызы стали для русских служилых людей исключительно опасным противником. На поле боя кыргызы бились с русскими служилыми практически на равных. Показателем эффективности вооруженных сил кыргызских княжеств являются захваты хонгорайскими отрядами русских острогов в 1666, 1667, 1673, 1677 гг. Тот факт, что русские в течение почти ста лет почти непрекращающихся военных столкновений не смогли подчинить себе кыргызские княжества, свидетельствует о высоком уровне развития военного искусства енисейских кыргызов, их союзников и вассалов в период позднего Средневековья и Новое время.

Военная активность кыргызов в конечном счете на многие десятилетия остановила российскую экспансию в Минусинскую котловину. Вплоть до конца XVII в. кыргызские князцы, опиравшиеся на поддержку северомонгольских и ойратских феодалов, не без успеха противостояли русским служилым в регионе. Действия енисейских кыргызов против русских служилых были особенно успешны в тех военных кампаниях, в которых на стороне хонгорайцев выступали монгольские (хотогойские или джунгарские) подразделения.

Однако боеспособные и хорошо подготовленные кыргызские отряды были при этом крайне малочисленны. Русско-кыргызские столкновения по своим масштабам не шли ни в какое сравнение с войнами, захлестнувшими монгольскую степь в конце XVII в. Успешно противодействуя в ходе военных кампаний немногочисленным русским гарнизонам сибирских острогов, кыргызы в то же время почти ничего не могли противопоставить конным армиям центральноазиатских правителей, войска которых в несколько раз превышали численность объединенного ополчения племен Минусинской котловины. Во время вторжений в Минусу хотогойских Алтын-ханов енисейские кыргызы предпочитали уходить в горы или леса и даже откочевывать на север (в русские владения). А в 1703 г. 3,5-тысячный джунгарский отряд практически без сопротивления увел почти все кыргызское население в Джунгарию.

Значительный интерес в этой связи представляют данные об участии енисейских кыргызов в центральноазиатских войнах в качестве вассалов монгольских правителей. Кыргызские отряды, составленные из нескольких сотен бойцов, не могли повлиять на исход кампаний, которые вели монгольские и маньчжуро-китайские армии, насчитывавшие десятки тысяч всадников. Например, выступивший на помощь джунгарскому хунтайджи отряд знаменитого кыргызского князца Алтысарского улуса Ереняка Ишеева был уничтожен в первом же столкновении недалеко от Телецкого озера по р. Чулышман в сентябре 1687 г. Причем в ходе сражения пало около 300 кыргызских воинов, в том числе сам Ереняк и его сын Шап. До войск Галдана Бошокту-хана без больших потерь дошел отряд кыргызского князца Таин-Ирке из Алтырского (юго-западного) улуса (Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 195-197). Если для джунгар уничтожение одного из корпусов было просто неприятным событием, которое в конечном счете не повлияло на исход войны, то для кыргызов разгром на р. Чулышман стал настоящей катастрофой.

Алтайцы

Среди объединений тюркских кочевников, игравших важную роль в военно-политической истории Алтая и сопредельных районов Западной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, были улусы телеутов.

В конце XVI — XVII в. телеуты, населявшие горы и степи Алтая, верховья Прииртышья, Приобья и Притомья, входили в состав Большого телеутского улуса. В период существования этого государства военные отряды телеутов принимали участие в военных действиях против российских властей в Сибири на стороне наследников хана Кучума, стремившихся возродить Сибирское ханство, и выступали совместно с русскими против енисейских кыргызов, чтобы подчинить шорцев и удержать их в кыштымском, зависимом положении. Они совершали походы против чатских, эуштинских и барабинских татар. На протяжении большей части существования своего единого государства

и после его распада на два улуса телеуты находились на положении союзников, а в дальнейшем — кыштымов в составе Джунгарского ханства и воевали на стороне джунгар. Ввиду многолетних союзнических и вассальных отношений с ойратами, русские воспринимали их как часть джунгар и называли «белыми калмыками», в отличие от других тюркских номадов Южной Сибири, которых обобщенно именовали «татарами», или «киргизами», и джунгар («черных калмыков»).

В период позднего Средневековья территория Саяно-Алтая являлась «яблоком раздора» среди могущественных соседних держав. Наличие залежей железной руды и значительного количества местных мастеров, способных добывать и обрабатывать железо, делали земли Саяно-Алтая привлекательным объектом военной экспансии со стороны кочевых феодалов Центральной Азии. Неудивительно, что политический и военный контроль над жителями Саяно-Алтая в эпоху позднего Средневековья стал рассматриваться монгольскими правителями как один из важнейших приоритетов внешней политики.

В начале XVII в. кузнечное дело, «соединенное с умением получать железо из руды», было широко распространено среди жителей Саяно-Алтая. Вместе с тем искусство добычи железа и изготовления из него предметов защитного и наступательного вооружения, а также предметов быта являлось, наряду с охотой, главным занятием северных алтайцев (шорцев, челканцев, тубалар), в то время как южные алтайцы (собственно алтайцы и теленгиты) занимались в основном скотоводством (Потапов, 1953, с. 121-123).

Наиболее значительные центры по производству железных изделий в XVII в. располагались преимущественно в северных районах региона. В силу своего широкого распространения железоделательная промышленность шорцев позволяла им активно торговать оружием и предметами защитного вооружения собственного изготовления. Оружейники «Кузнецкой земли» единовременно производили тысячи комплектов защитного и наступательного вооружения, которые поступали в джунгарские и телеутские войска.

Продвижение русских на Алтае сдерживалось сопротивлением местных телеутских князцов и стоявших за ними джунгарских феодалов. В 1617г. князец Абак совершает нападение на «Чатский городок», а весной 1618 г. — набеги на русские и ясачные поселения Томского и Кузнецкого уездов (Модоров, 1996, с. 36). Построенный в 1618 г. Кузнецкий острог не привел к полному подчинению жителей «Кузнецкой земли» (шорцев). Судя по сообщению служилых людей, датированному 1622 г., ясак русскому царю из 3 тыс. жителей «Кузнецкой земли» платили лишь те «кузнецы», которые «живут близко острожку всего с двести человек». В то время как «кузнецкие ж люди (которые) живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным». Тем не менее русские продолжали медленно продвигаться в глубь Алтая, опираясь на быстро возводимые остроги. В 20-х гг. XVII в. им удалось закрепиться в верхнем течении Оби по рр. Иня и Чумыш. В 1625 г. с верховьев р. Кондомы русский отряд проник к Вии и обложил ясаком местных жителей, живших по р. Лебедь. В 1627 г. атаман Петр Дорофеев взял ясак с тубаларов. Активность русских вызвала агрессию со стороны телеутов, опасавшихся потери своих кыштымов. Ранее присягнувший Российскому государству князец Абак, поддержанный западномонгольскими феодалами в 1628 г., совершил набег на Кузнецк, подтвердив уязвимость новых русских владений на Алтае. В 1629 г. телеутские войска подступили к Томску, но были отброшены казаками и служилыми татарами. В начале 30-х гг. XVII в. отряд Якова Тухачевского, скомплектованный из томский служилых, взял реванш за разорения прошлых лет, разгромив объединенную армию сибирских татар, телеутов, ойратов и чатов у р. Обь под Чингизским городком. Но развить успех в полной мере сибирской администрации в этот период не удалось.

Главным направлением деятельности местных служилых сибирские воеводы определили захват и удержание стратегически важной территории в месте слияния рр. Бия и Катунь. Однако здесь царских наместников ждало разочарование. Русские отряды раз за разом уходили в поход и, не выполнив поставленную задачу, возвращались обратно. Отряд Ф. Пущина, отправленный для строительства острога в месте слияния Бии и Катуни, был остановлен у р. Чумыш телеутами Абака. 3 сентября 1632 г. состоялось сражение, после которого русские не рискнули продолжить свое продвижение на юг. Попытка решить эту задачу в сле-

дующем, 1633, году также не удалась. Высланный из Кузнецка отряд Петра Сабанского, «лыжным ходом» двинувшийся к месту строительства острога, хотя и нанес поражение отряду князца Мандрака, но из-за больших потерь и нехватки продовольствия задачу не выполнил. Походы П. Сабанского в 1642-1643 гг. также закончились безрезультатно. Через 10 лет, в 1653 г., в интересующий сибирскую администрацию район прорвался отряд русских служилых из Кузнецка. Он собрал ясак с местных жителей, но закрепиться на данной территории не смог.

Дополнительным фактором, препятствовавшим (начиная с 50-х гг. XVII в.) проникновению русских служилых в регион, была возрастающая военная и политическая активность Джунгарского ханства, которое рассматривало Алтай как часть своей территории. Ситуация обострилась в 1700 г., когда телеутские и джунгарские войска вместе с отрядом енисейских кыргызов снова атаковали Кузнецк. Российские власти ответили возведением новых острогов: Умревинского (1703), Бердского и, наконец, Бикатунского (1709). Обычно данные события воспринимаются как убедительный успех русских в регионе. Однако первые два острога находились достаточно далеко к северу от основных спорных территорий, а Бикатунский острог был уничтожен степняками уже в 1710 г. Попытка решительного прорыва через земли Южной Сибири к Яркенду и вовсе привела к разгрому экспедиционного корпуса Бухгольца в 1716 гг. Отступая на север, Бухгольцосновал Омскую крепость (1716). Таким образом, решительный натиск русских на Алтай в этот период был отражен джунгарами. Однако по мере того, как ханство увязало в боевых действиях против Цинской империи и казахов, российские военачальники действовали все более уверенно. В 1717-1720 гг. возникает новая сеть российских крепостей: Железинская (1717), Белоярская (1717), Бийская (1718), Усть-Каменогорская (1720). По выражению А. Р. Ивонина и Д. В. Колупаева, «джунгарские владения на Алтае оказались окруженными с трех сторон: с запада — Иртышской линией, с востока — Кузнецкой и Бийской крепостями, с севера — Томской и цепью острогов по речной системе Оби...» (Иванин, Колупаев, 2003, с. 14). Успех был налицо. Однако считать его главным результатом «присоединение Алтая к России» (там же) кажется нам явным преувеличением. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что под российским контролем даже в начале 20-х гг. XVIII в. находилась лишь северная оконечность Горного Алтая, в то время как основная его территория продолжала оставаться под властью джунгарского хунтайджи. В 1726 г. казаки И. Ефимов и В. Кузнецов, ездившие по заданию русского посла С. Л. Владиславича-Рагузинского в Туву и на Алтай, сообщали, что до Телецкого озера — «владение российское, живут народы татарские... За Тележским озером владение Колмацкое». Само Телецкое озеро «большею частию в Зенгорской стороне состоит, ибо по обе стороны от того озера от начатия Бии-реки до Губы-Кули и речки Сабинки имеется россискаго владения Кергеской (Кергежской) двоеданской татарской волости толко двадцать шесть верст». Живущие же в истоках Бии и по берегам Телецкого озера телесы «в подданстве более стоят в Зенгорское владение, дают же оные телесцы волной ясак в город Кузнецк толко по шестьдесят соболей в год и то своею волею, а не положением».

Таким образом, в результате российско-джунгарского противоборства конца XVII — первой трети XVIII в. русским удалось закрепиться в северной части Горного Алтая, однако большая часть региона осталась за Джунгарией. Кроме того, ряду алтайских племен был присвоен статус двоеданцев, обязанных вносить ясак в российскую казну, а «алман» — в джунгарскую. Этот вариант в целом устраивал западных монголов, так как позволял собирать с северных территорий металлическое сырье, шедшее на изготовление предметов вооружения. При оценке «системы двоеданцев» отечественные исследователи обычно акцентируют внимание на российско-джунгарских конфликтах по разграничению сфер влияния в Саяно-Алтае. Однако нельзя не отметить, что острота вопроса (решенного, к слову, за счет местного населения) после введения «двойного налогообложения» в значительной степени спала, хотя конфликты из-за отдельных территорий, родов и племен вспыхивали постоянно. Тем не менее западные монголы продолжали взимать с местного населения железное сырье и готовые железные изделия вплоть до крушения Джунгарского ханства в середине XVIII в., после чего местные феодалы приняли решение принять российское подданство и Горный Алтай стал частью Российской империи (1756).

Структура вооруженных сил алтайских племен XVII — первой половины XVIII в.

Военная организация алтайцев в эпоху позднего Средневековья сформировалась под влиянием монголов. В период вхождения Алтая в состав монгольских государств на его кочевое население распространялась монгольская десятичная система деления войска и народа. Во главе отдельных отрядов стояли командиры, носившие титулы «баатыр», «кезер», «алын» (Соенов, 1994, с. 184).

Обычно отряды алтайских воинов, идущих в набег, насчитывали 200-500 человек. Например, для похода на р. Или (в Джунгарию) в 1755 г. алтайскими зайсангами были отобраны около 500 воинов, вооруженных копьями, саадаками и фитильными ружьями. В случае крупных военных кампаний телеутские феодалы могли выставить отряды от тысячи до 2 тыс. человек и даже больше. Присягая на верность России 12 алтайских зайсангов обязались, по призыву российских властей, выставлять «в поле» отряд в 1-2 тыс. воинов. Интересно, что численность подразделений зависела от времени года: «И ежели Белой царь, когда в потребном случае нам, двенадцати зайсангам, соизволит повелеть, на наш зенгорский народ, или куда в другое место нарядить в поход войско, то мы онаго войска, в зимнее время по тысяче, а в летнее время по две тысячи человек немедленно будем отправлять» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 222). Русские письменные источники конца XVII в. упоминают отряды в 3 000 человек, однако в их состав, кроме телеутов, также входили джунгары и енисейские кыргызы (Ивонин, Колупаев, 2003, с. 13).

В период существования Джунгарского ханства телеутские кочевники находились в вассальной зависимости от джунгарских хунтайджи. Отряды телеутов принимали участие в военных действиях в Центральной Азии в составе джунгарских войск. Отдельные западномонгольские отряды присоединялись к телеутам в ходе их военных набегов на русские и «ясачные» поселения Северного Алтая. Кроме того, алтайские воины участвовали в междоусобных столкновениях джунгарских феодалов. Например, в знаменитом противоборстве Амурсаны и Даваци алтайские феодалы выступили на стороне последнего (Златкин, 1958, с. 298). Такая практика способствовала усвоению воинами Алтая комплекса вооружения и тактических приемов западномонгольских кочевников.

После разгрома Джунгарии армиями Цинской империи в середине XVIII в. большая часть кочевников-телеутов нашла себе убежище в южных районах Западной Сибири и на Алтае, в пределах России

Комплекс вооружения воинов Алтая XVII — первой половины XVIII в.

Комплекс вооружения телеутов и их кыштымов включал оружие дистанционного и ближнего боя, а также средства индивидуальной защиты воинов. От русских и джунгар к телеутам в ограниченном объеме попадало огнестрельное оружие.

Основным оружием дистанционного боя для воинов Алтая на всем протяжении рассматриваемого периода являлись луки и стрелы.

Качество саадаков народов Саяно-Алтая было достаточно высоким, о чем свидетельствует практика взимания джунгарами «алмана» с местного населения наконечниками стрел («железцами стрельными»), деревянными древками, готовыми луками, налучами и колчанами.

В позднесредневековых памятниках в Горном Алтае были обнаружены деревянные детали кибити цельнодеревянного лука и костяная срединная фронтальная накладка от лука «монгольского» типа (Кочеев, 1983, с. 155; Савинов, 1981, с. 162). Согласно материалам алтайского фольклора луки, находившиеся на вооружении у алтайских воинов, являлись шестисоставными. Кибить лука изготавливалась из соснового дерева и укреплялась роговыми накладками из рогов горного козла — сибирского козерога. Тетива у алтайского лука делалась из маральей кожи. В эпических алтайских сказаниях есть упоминание о «железном» луке «со ста бугорками рога в основании плеч» (Соенов, 1994. с. 179). Вероятно, таким образом описан лук с плечевыми роговыми накладками, обладающий повышенной рефлекторной силой и дальнобойностью.

Телеутские воины хранили и носили луки в кожаных налучах. Хотя сами налучи в позднесредневековых алтайских памятниках не сохранились, можно предполагать, что они имели форму, схожую с налучами монгольских воинов. Луки в таких налучах помещались с надетой тетивой. Нижнее плечо лука вставлялось внутрь налуча, а верхнее плечо выступало наружу.

ДЛЯ поражения противника телеутские воины располагали стрелами с железными и костяными наконечниками. В алтайском фольклоре упоминаются также стрелы с бронзовыми и даже с медными наконечниками (Соенов, 1994, с. 179). Широкое применение подобных стрел в боевых целях в эпоху позднего Средневековья маловероятно. В археологических памятниках эпохи позднего Средневековья в степных и горных районах на Алтае такие стрелы не обнаружены.

Среди железных стрел, применявшихся позднесредневековыми алтайскими воинами, преобладали черешковые наконечники с плоским в сечении пером различных форм. Телеутские лучники предпочитали для прицельной стрельбы по не защищенному панцирем противнику секторные, асимметрично-ромбические и овально-крылатые стрелы, реже стреляли удлиненно-ромбическими, вильчатыми и томарами. Бронебойных наконечников в позднесредневековых материалах из Горного Алтая и приалтайских степей пока не обнаружено, хотя телеутам и их кыштымам приходилось сталкиваться с хорошо вооруженными и защищенными доспехами врагами. Очень редкой формой можно считать железный, двухлопастной, втульчатый наконечник с овально-крылатым пером и цельнокованой свистункой. На лопастях пера и свистунке этого наконечника сохранились следы позолоты в виде зигзагообразной орнаментации (Худяков, 2004 а, с. 310). Вероятно, это символическая стрела, подобная стрелам древних тюрок «с золотым копьецом и восчаною печатью», служившая символом властных или посольских полномочий (Бичурин, 1950, с. 229). Подобные серебряные или посеребренные стрелы разных форм применялись кочевниками Забайкалья и Южной Сибири в периоды развитого и позднего Средневековья. «Стрелы с грозами» направлялись енисейскими кыргызами в качестве знаков объявления войны. Известны случаи, когда кыргызские князья посылали такие стрелы русским воеводам, что было равносильно началу военных действий (Боргояков, 1975, с. 111).

Некоторые, наиболее крупные и массивные, железные наконечники снабжались костяными свистунками. Это были овальные полые костяные шарики с узкими, щелевидными отверстиями. Такие свистунки издавали в полете пронзительный свист и служили муфтами для укрепления торцевой части древка стрелы. Возможно, что свистунки выполняли и аэробаллистические функции. Их обтекаемая форма способствовала повышению скорости полета стрелы, снижая тормозящие эффекты у некоторых форм наконечников (Худяков, 2004 а, с. 313).

Помимо железных, позднесредневековые кочевники алтайских гор и приалтайских степей пользовались стрелами с костяными наконечниками. Это были наконечники ромбического, трехгранного, линзовидного и трапециевидного сечения, удлиненно-ромбической и удлиненно-треугольной и иной формы, иногда с шипами (там же, с. 312-313). Костяные наконечники у позднесредневековых алтайских кочевников имели широко распространенные формы, характерные для многих кочевнических культур. Однако в эпоху позднего Средневековья такие стрелы стали изготавливать более крупных размеров, чем в предшествующие времена. В материалах алтайского фольклора называются разные типы стрел, однако суть этих различий не ясна (Соенов, 1994, с. 179).

В позднесредневековых памятниках Горного Алтая найдены деревянные древки стрел. Они имели цилиндрическое сечение и сохранились в длину около 40 см. Наконечники крепились в торцевой части древков и дополнительно оплетались сухожилиями (Кочеев, 1983, с. 154). В алтайском фольклоре упоминаются стрелы с камышовыми древками. На древки стрел, близ «ушка», крепилось оперение из перьев хищных птиц. Помимо своей проникающей функции, у стрел фольклорных персонажей было и другое назначение: они имели «отравленные наконечники» (Соенов, 1994, с. 179).

Алтайские воины хранили и носили стрелы в кожаных колчанах. По мнению В. И. Соенова, данные алтайского фольклора свидетельствуют о том, что каждый воин должен был иметь несколько колчанов со стрелами (там же, с. 180). Остатки кожаного колчана были обнаружены в одном из позднесредневековых захоронений у с. Ело (Горный Алтай). Он был сшит из нескольких слоев кожи и имел вшитую деревянную планку.

Помимо луков и стрел алтайский фольклор упоминает в арсенале у воинов и другие виды дистанционного боя, которые не были найдены в археологических памятниках эпохи позднего Средневековья. По мнению некоторых исследователей, позднесредневековые алтайские воины имели на вооружении арбалеты (Соенов, 1994, с. 179).

В ближнем и рукопашном бою телеутские воины применяли ударные копья («чида»), дротики, сабли («улду»), палаши («кылыш улду»), секиры и топоры («ай-малта»), булавы («токнок»), кистени, кинжалы и ножи («бычак»).

В качестве длиннодревкового оружия ближнего боя телеутские воины использовали копья с удлиненно-ромбическими железными наконечниками и кольцевыми завитками на «шейке» втулки (Горбунов, Тишкин, 1998, с. 264). Этот декоративный элемент был усвоен алтайскими мастерами из русского комплекса вооружения, где такие элементы именовались «отрожками» (рис. 94,5). Копья-рогатины были названы среди видов оружия, изготовлявшегося шорскими мастерами, которое сибирские власти запрещали передавать «колмацким людям».

Популярным оружием среди конных панцирников были пики — насаженные на длинное деревянное древко наконечники с узким, обычно граненым пером. Так, с территории Горного Алтая происходит наконечник с удлиненно-треугольным пером с долами, овально-цилиндрическим «яблоком», декоративными «поясками» и выпуклым бортиком по краю втулки (рис. 93, *8)*. Если предположить, что его авторами были оружейники Южной Сибири или Центральной Азии, то наконечник может быть датирован XVII-XVIII вв. Если же он является продуктом среднеазиатского (казахского?) производства, то время его изготовления может быть отнесено ко второй половине XVI — началу XIX в.

Копья с железными и даже бронзовыми наконечниками («чида») являются оружием алтайских богатырей в эпических сказаниях. В походном положении воины носили копье за спиной на ремне. При атаке противника воины удерживали древко, прижимая его к телу коня. В алтайском фольклоре, помимо обычных копий, выделяется комбинированное оружие с несколькими остриями (Соенов, 1994, с. 181).

На вооружении у телеутских воинов были и метательные копья — дротики с удлиненно-ромбическим пером и односторонним шипом, длинной конической втулкой (Горбунов, Тишкин, 1998, с. 264). В эпоху позднего Средневековья такие метательные копья находились на вооружении монгольских и кыргызских воинов. Вероятно, их распространение среди кочевников Алтая связано с влиянием военного искусства монголов.

Изготовлением сабель занимались мастера-шорцы «Кузнецкой земли». В 20-х гг. XVII в. русские служилые люди отмечали факты поставки таких сабель в ойратские войска (Потапов, 1936, с. 122).

Среди находок позднесредневекового рубяще-колющего оружия, обнаруженных в степной части Алтая, имеются сабли центрально- или восточноазиатского производства со слабоизогнутым широким клинком и дисковидной гардой. Одна из них происходит из числа случайных находок в с. Кабаково на левом берегу р. Алей (Лесостепной Алтай), другая — с территории Шебалинского района Республики Горный Алтай (рис. 88, 7, *9)*. Обе сабли (шебалинская — 72 см, кабаковская — 91,2 см) имеют слабоизогнутый клинок. Черен клинка шабалинской сабли характеризуется уплощенным расширением в верхней части, снабженным сквозным прямоугольным отверстием. Гарды обеих сабель имеют округлую форму (каплевидную у шабалинской, овальную у кабаковской). Кабаковская сабля снабжена елманью, овальной гардой с бортиком, полусферическим навершием, обоймой рукояти, язычковой обоймой и четырьмя долами на клинке. В черене сабли пробиты два сквозных отверстия, предназначенных для крепежных стержней с заклепками.

Наряду со слабоизогнутыми саблями алтайские воины использовали «улду» с сильнозагнутым клинком.

Редкой находкой для Алтая является короткая сабля (или ятаган) с широким, сильно изогнутым клинком, скошенным острием, односторонним крестообразным перекрестьем, цельнокованой рукоятью и раздвоенным навершием (Кунгуров, 1997, с. 228) (рис. 81,5). Возможно, именно такие клинки называются в алтайском эпосе «чолтык улду» — «короткая сабля» (Соенов, 1994, с. 180).

Короткоклинковое оружие телеутских воинов составляли кинжалы с прямыми, двулезвийными клинками, без перекрестья или с овальным перекрестьем и загнутыми концами. В Горном Алтае был найден кинжал с прямым однолезвийным клинком, без перекрестья (Худяков, 2004 а, с. 314-315). В материалах алтайского фольклора говорится об однолезвийных или складных ножах (Соенов, 1994, с. 180). Вероятно, складные ножи могли быть заимствованы алтайскими кочевниками у русских казаков и служилых людей.

В рукопашном бою телеутские воины могли наносить удары врагу секирами. Одна из таких секир с низким обухом, расширенным проухом и широким серповидным лезвием была найдена в Степном Алтае (рис. 102, *4)*. Подобные секиры были обнаружены на территории Западной и Средней Сибири в памятниках, относящихся ко времени их включения в состав Российского государства в XVII в. (Худяков, 2004 а, с. 315). Несмотря на то что топоры и секиры использовались в ходе боевых действий воинами Алтая, они никогда не играли столь значимой роли в комплексе вооружения, как, например, у кочевников Средней Азии (в первую очередь казахов). Характерно в этой связи, что в алтайском эпосе боевым топором «ай малта» (казах, «айбалта») вооружены исключительно отрицательные персонажи (Соенов, 1994, с. 180).

В материалах алтайского фольклора упоминаются такие виды оружия, которые не были найдены при исследовании позднесредневековых памятников на Алтае. Так, в героическом эпосе в качестве оружия упоминаются железные булавы («токнок») и кожаные нагайки («камчы) с вплетенными в конец ремня металлическими, в том числе бронзовыми, шарами (там же, с. 181), т. е. кистени. Что касается булав, то, судя по их описанию («семиколенчатая железная булава лежала рядом наготове»), их конструкция напоминала западноазиатские «перначи» или упоминавшиеся выше кыргызские «чис тохпах». Последний вариант кажется нам более вероятным.

Основным типом металлического корпусного защитного вооружения воинов Алтая XVII в. были пластинчато-нашивные панцири. Судя по находкам панцирных пластин с территории Саяно-Алтая, они имели ту же конструкцию и форму, что и их аналоги в Центральной Азии. Поверхность пластин делалась рельефной за счет выпуклого бортика и ребер, которые не позволяли острию вражеского копья соскальзывать в межпластинчатые щели и мешали деформированию самой пластины при ударе оружия противника. Нельзя исключать возможность использования шорцами и телеутами в этот период традиционных для Горного Алтая начиная с раннего Средневековья ламеллярных доспехов. Судя по данным фольклора, алтайские воины использовали не только железные, но и бронзовые панцири. К сожалению, установить покрой шорских и телеутских пластинчато-нашивных и ламеллярных доспехов XVII в. на данном этапе исследований не представляется возможным. Скорее всего они кроились в виде традиционных «кирас» с боковым разрезом, «катафракт» с боковым разрезом и набедренниками, «халатов» с длинным подолом, а также безрукавных «жилетов», получивших распространение среди центральноазиатских кочевников начиная с периода развитого Средневековья. В алтайском эпосе также упоминаются отдельно надевавшиеся наплечники и нагрудный панцирный усилитель — «корноо», который В. И. Соенов. соотносит с термином «корнош» — «зеркало» (Соенов, 1994, с. 178), т. е. зерцалом.

Уже в первой трети XVII в. оружейники шорцев освоили производство передовых для региона кольчато-пластинчатых доспехов (названных русскими служилыми «бехтерцами»), а также кольчатых панцирей. Судя по дошедшим до нас кольчато-пластинчатым доспехам южносибирского производства, они кроились в виде безрукавных жилетов со сплошным осевым разрезом, который стягивался на груди кожаными ремешками. Основу панциря составляли крупные железные пластины прямоугольной и квадратной формы с бортиками и ребрами, напоминающими свои пластинчато-нашивные аналоги, но без заклепок. Пластины соединялись между собой несколькими рядами кольчужных колец.

Судя по тому, что в 1718 г. телеутский князец и, по совместительству, джунгарский чиновник Манзу «во всех ясачных волостях с ясачных татар велел готовить на контайшу алман, всякому человеку по 30 полиц куяшных», основной разновидностью алтайских доспехов и в первой половине XVIII в. были панцири с пластинчато-нашивной системой бронирования, состоявшие из мягкой органической основы, к внутренней стороне которой приклепывались железные пластины — «полицы куяшные». Однако, наряду с пластинчато-нашивными, алтайские воины рассматриваемого времени активно применяли и кольчатые панцири («кольчюги», «пансыри»). Об этом свидетельствуют как вещественные находки кольчуг в алтайских памятниках этого времени (рис. 136), так и материалы письменных источников (Ивонин, Колупаев, 2003, с. 13). Использовавшиеся алтайскими воинами рассматриваемого периода кольчатые панцири кроились в виде рубах с неглубоким разрезами на груди и подоле, рукавами до локтя или середины предплечья

и коротким подолом. Некоторые кольчуги снабжены стоячим воротником. В целом кольчуги, найденные в археологических памятниках Горного Алтая, имеют аналоги среди оружейных комплексов Российского государства, Центральной и Средней Азии.

В алтайском эпосе упоминаются «мягкие» панцири, изготовленные из органических материалов (мягкой кожи, войлока, многослойной и подбитой ватой ткани и т. д.). Вероятно, именно о них идет речь, когда сказитель описывает «девятислойный куйак», который рассекает «девятигранная плеть» (Соенов, 1994, с. 178). Упоминаются в эпосе и кожаные панцири. Интересно, что, кожаный панцирь мог носиться как под шубой, так и поверх нее.

Наряду с металлическими и «мягкими» доспехами воины Алтая применяли и оригинальные деревянные панцири, сплетенные из прутьев и усиленные деревянными планками, связанными кожаными ремешками. Такой панцирь был обнаружен в небольшом кургане, расположенном в верхней части лощины, ведущей от второй надпойменной террасы р. Ак-Алаха на плато Укок в могильнике Бертек-20.

Главным фактором эволюционного развития алтайского доспеха XVII—XVIII вв. было постепенное распространение кольчатых и кольчато-пластинчатых панцирей, которые медленно, но верно теснили свои пластинчато-нашивные и ламеллярные аналоги. Процесс этот был сильно растянут во времени. Есть все основания полагать, что к середине XVIII в. он не был завершен и в этот период телеутские воины продолжали применять как кольчатые, так и пластинчато-нашивные доспехи. Распространение кольчатой структуры бронирования среди воинов Алтая мы связываем с двойным влиянием — русским (с севера) и джунгарский (с юга).

Металлические шлемы достаточно часто упоминаются в алтайских позднесредневековых эпических сказаниях: «Бронзовые шлемы с болтающимися (бармицами?) натянув до основания ушей, богатыри кагана летели как птицы»; «Надел черный железный шлем с красным гребнем (султаном)»; «Дал черный чугунный шлем, носимый на войне»; «Треугольный островерхий шлем натянул до основания ушей» (Соенов, 1994, с. 179).

Позднесредневековый шлем предположительно местного производства был обнаружен в устье р. Сымылты (правый приток Катуни в Онгудайском р-не Республики Горный Алтай). Он имеет низкую сфероконическую тулью (20,7 см, в том числе втулка — 9,5 см), склепанную из четырех железных пластин-сегментов, стянутых обручем и навершием. Сфероконические клепаные шлемы с четырехпластинчатым куполом с декоративными «заплатками», обручем и навершием. Височные стороны шлема снабжены «заплатками» овальной формы (рис. 187, 7). Фестончатая пластина навершия и трубка-втулка выполнены из одного листа железа. Трубка (как и на некоторых ойратских шлемах XVII в.) немного отогнута назад. Обруч шлема, расширяющийся к затылку, приклепан к тулье с помощью полусферических заклепок. Судя по особенностям конструкции и оформления, шлем с берегов Сымылты входил в состав комплекса вооружения не очень богатого воина, что свидетельствует о том, что боевые наголовья были достаточно широко распространены даже среди простых панцирников. От своих центральноазиатских аналогов шлем отличается очень низкой тульей, отсутствием козырька и отверстиями по всему периметру обруча. Последний факт вкупе с высотой тульи позволяет предположить, что шлем был снабжен ламеллярный обручем или меховой опушкой.

Учитывая тот факт, что шорские мастера в массовом порядке поставляли шлемы в армии центральноазиатских феодалов, можно предположить, что некоторые шлемы, традиционно относимые к «ойратским» и «калмыцким», также являются изделиями алтайских оружейников. Сфероконический шлем предположительно шорского производства (Бобров, 2002, с.90) с козырьком, обручем, крупными полусферическими заклепками для крепления пластинчато-нашивной бармицы хранится в Краеведческом музее г. Енисейска (рис. 162).

С некоторой осторожностью можно предполагать, что телеутские князцы XVII в., подражая своим западномонгольским сюзеренам, носили традиционные для ойратской знати этого времени сфероцилиндрические (кувшиноообразные) шлемы с «коробчатыми» козырьками и высокими втулками.

Несмотря на широкое распространение шлемов, конечно, далеко не все воины, и даже панцирники, могли позволить себе приобрести металлическое боевое наголовье. Характерно в этой связи, что даже герои алтайских эпических произведений не-

редко носят вместо шлема «простые меховые шапки, сшитые из шкур выдры (камду), бобра (кумдус) и т. п.» (Соенов, 1994, с. 179).

Основной структурой бронирования бармиц алтайских шлемов XVII в. была пластинчато-нашивная (пластинчато-клепочная) броня. В 1655 г. кузнецкий воевода Баскаков, ссылаясь на царский указ «посылать ис Кузнецкого острогу к тебе ко государю... к Москве шапки железные, которые шапки емлютца в твой государев ясак», отправил в государеву казну «тринадцать шапок железных простых на сукна не набиваны, да 260 шапочных полиц (пластин. — *Авт.),* да 390 гвоздья железных (заклепок. — *Авт.),* чем набивают на ушки шапочные полицы». Таким образом, каждый из 13 отправленных в Москву шлемов шорского производства был снабжен примерно 20 железными пластинами, которые крепились к матерчатой органической основе с помощью специальных железных заклепок. Кроме пластинчато-нашивных, можно предполагать также бытование ламеллярных, кольчатых и «мягких» бармиц из органических материалов. Так, судя по числу и расположению отверстий, а также размерам тульи, рассмотренный выше шлем с берегов Сымылты, возможно, был снабжен ламеллярный обручем и бармицей.

Основным видом плюмажей после вхождения Алтая в состав Джунгарского ханства должны были стать «улан зала» — кисти из узких красных лент, которые являлись обязательным элементом одежды подданных джунгарского хунтайджи[17]. Вероятно, также применялись традиционные для региона султаны из конского волоса и птичьих перьев.

С большой долей вероятности можно предполагать, что телеутские и шорские воины применяли защиту конечностей, в частности железные створчатые наручи.

Алтайские воины XVII — первой половины XVIII в. достаточно широко использовали предметы защитного вооружения, чему в значительной степени способствовало его массовое производство в Горном Алтае. Об этом свидетельствуют материалы русских письменных источников рассматриваемого периода.

[17] Характерен в этой связи следующий эпизод. Когда джунгарские и российские власти вели дискуссию о подданстве барабинских татар, одним из основных аргументов Галдан-Церена был факт ношения ими на шапках кистей «улан зала».

Жители «Кузнецкой земли» до прихода русских в Южную Сибирь не умели производить огнестрельное оружие, к которому тем не менее проявляли большой интерес. В XVII в. на Алтай стали привозить огнестрельное оружие для продажи среднеазиатские купцы, а также русские служилые люди, западномонгольские и кашгарские купцы. В ходе боевых действий в XVII—XVIII вв. алтайцы уже применяли огнестрельное оружие, что подтверждается вещественными и иконографическими материалами (рис. 220, *1-2, 4),* а также сведениями из письменных источников. А в середине XVIII в. алтайские воины с помощью фитильных ружей даже нанесли поражение цинскому корпусу, вторгшемуся в Горный Алтай. В джазаторском кладе на юге Горного Алтая были обнаружены ствол фитильного ружья и спусковой механизм (рис. 62, /) предположительно джунгарского или местного производства. Самостоятельное производство фитильных ружей на Алтае началось, вероятно, еще в XVIII в. и сохранялось даже во второй половине XIX столетия (Радлов, 1989, с. 160).

В этнографический период жители Алтая (и в первую очередь охотники) перешли на использование капсульных ружей.

На протяжении рассматриваемого периода традиционный оружейный комплекс воинов Алтая подвергся известной модернизации. Уже в начале XVII в. письменные источники фиксируют факты использования алтайскими воинами передовых для региона кольчато-пластинчатых доспехов, а также кольчуг, причем не иностранного, а местного (шорского) производства. Другим важным нововведением было распространение среди телеутских воинов (не позднее последней трети XVII в.) ручного огнестрельного оружия, сначала русского, а затем джунгарского производства. На протяжении всей первой половины XVIII в. роль «огненного боя» в тактике воинов Алтая неуклонно возрастала. Основная масса ружей в этот период ввозилась на Алтай с территории Джунгарии, кроме того, было создано и собственное ружейное производство. Из Джунгарии пришла и новая тактика ведения боя.

Уходившие в набег на русские и «ясачные» земли в конце XVII в. телеутские отряды были хорошо оснащены защитным вооружением, активно использовали саадаки, длиннодревковое (копья) и длинноклинковое (сабли) оружие. Некоторые воины имели на вооружении русские «пищали» и джунгарские

«турки калмыцкие». В 1700 г. русские служилые люди отмечали хорошее оснащение пришедшего под г. Кузнецк кыргызо-телеуто-джунгарского отряда: «Киргизы, телеуты, черные калмыки приходят многолюдством, воровски, человек тысячи по три и болши и менши с ружьем, с пищали, с копьи и с сайдаки, и с сабли, в пансырях и куяках и иных воровских доспехах» (Ивонин, Колупаев, 2003, с. 13).

Комплекс вооружения воинов Алтая середины XVIII в. во многом повторял комплекс вооружения их сюзеренов — джунгар. В дистанционном бою алтайцы использовали фитильные ружья и сложносоставные луки. На ближней дистанции излюбленным оружием алтайских воинов были копья, которые алтайцы применяли как в конном, так и в пешем строю. В беседе с Андреем Беседновым 31 мая 1755 г. алтайские зайсанги перечислили основное вооружение своих воинов, отобранных для похода по р. Или: «...и то их собранное войско стоит сот доя пяти (только еще не все тогда были в сборе), с ружьем, сайдаками и копьями».

Тактика

Тактика ведения конного боя военными отрядами алтайцев включала дистанционную и ближнюю фазы. Наиболее эффективным оружием для поражения противника на дистанции у алтайских воинов были луки и стрелы, к которым во второй половине XVII — начале XVIII в. прибавились фитильные ружья. Умение метко стрелять считалось одним из главных достоинств героев алтайского эпоса (Соенов, 1994, с. 182). В случае если стрельба не приносила желаемых результатов, алтайские воины вступали в ближний бой. В алтайских эпических произведениях последовательность применения оружия ближнего боя изложена нетрадиционно: сначала воины атаковали саблями, а вслед за этим пускали в ход копья. На последнем этапе богатыри вступали в рукопашную борьбу. Возможно, что упоминание клинкового боя перед копейной атакой — неточность рассказчика, со слов которого была осуществлена запись. Принципиальное значение имеет другой факт. В фольклорных источниках лучная перестрелка практически всегда предшествует рукопашной схватке. По замечанию В. И. Соенова, «во многих сказаниях противники после перестрелки сразу переходят к борьбе, минуя промежуточные этапы, но никогда в эпосе не нарушается схема "дистанционный бой — ближний бой"» (Соенов, 1994, с. 182).

Уже в первой половине XVIII в. алтайцами были усвоены многие элементы джунгарской тактики. В частности, об этом свидетельствуют изображения сражающихся воинов, датированные концом XVII — XVIII в., выполненные методом тонкой гравировки на поверхности мореной глыбы в бассейне р. Чаган в Горном Алтае (рис. 220).

В середине XVIII в. огнестрельное оружие уже прочно занимало одно из ключевых мест в комплексе вооружения воинов Алтая. Характерно в этой связи, что в ходе боевых столкновений с монгольской конницей цинской армии, совершавшей рейды на территорию Алтая, местные воины обычно противопоставляли центральноазиатским всадникам именно ружейную стрельбу. Так, по сообщению монгола Анчука Балтонова, «в прошлом 757-м году (1757 г. — *Авт.)* в последнем летнем месяце для сыску урянхайских калмык при нойоне Шендене ходило их, мунгальцов, до двусот человек; которых урянхайцов они при урочище речке Нариме и нашли, токмо де те уранхайцы *отстрелялись от них, мунгальцов, из ружей* (курсив наш. — *Авт.),* в горах разбежались по разным местам» (Международные отношения в Центральной Азии..., 1989, с. 108).

Во время походов большое внимание уделялось разведке, которая двигалась далеко впереди наступающих войск.

Жители Алтая использовали оригинальные тактические приемы, связанные с особенностями окружающего ландшафта. Так, алтайские воины, обладавшие богатым опытом ведения боевых действий в горах, активно применяли каменные обвалы-ловушки «корым-баснак». «По алтайским преданиям "корым-баснак" сооружался следующим образом: выбирался участок дороги в горах, на склоне, параллельно дороге, укреплялись на некотором расстоянии друг от друга несколько бревен, затем пространство за каждым из них заполнялось камнями. Когда отряд противника проходил под ловушкой, подпорки, поддерживающие бревна, убирались и камни "корым-баснак" обрушивались вниз, увлекая за собой другие камни со склона» (Соенов, 1994, с. 183). В труднодоступных местах (в тайге, в горах) алтайские мастера возводили небольшие укрепленные базы («крепости») — «шибее». Остатки некоторых из них сохранились до нашего

времени. От других остались только топонимы: «шибее», «шибеелу», «шибетти», «шибили» и др. (Соенов, 1994, с. 184).

Судя по данным эпоса и сообщениям русских письменных источников, военные действия нередко велись с большим ожесточением. Существовала практика поголовного истребления вражеского населения: «Чтобы в будущем не было мести, уничтожал (богатырь) народы своего убитого врага» (там же). По замечанию исследовавшего алтайский героический эпос В. И. Соенова, «поскольку факты физического истребления народов побежденных врагов приводятся без осуждения, то, вероятно, можно считать, что это было в порядке вещей и применялось довольно часто» (там же). Захваченных в плен «ясачных», сотрудничавших с русскими, телеуты иногда подвергали жестоким пыткам. Так, в 1710 г. князец Байгорок (сын Табуна Кокина) захватил в плен хозяина улуса Чеоктона, которого «белые калмыки» подозревали в том, что он предупредил жителей Кузнецка о готовившемся набеге. Байгорок, «Чеоктона поймав, у живого глаза вынесли и ременья из спины вырезали... и повесили на дерево» (Модоров, 1996, с. 56).

Среди всех народов Южной Сибири XVII — первой половины XVIII в. именно жители Алтая в наибольшей степени испытали на себе влияние джунгарского оружейного комплекса. Это явление было обусловлено целым рядом политических, экономических и военных факторов. Взаимопроникновению двух оружейных комплексов способствовал и тот факт, что не позднее начала XVII в. алтайские (преимущественно североалтайские) мастера в массовом порядке производили оружие для нужд западномонгольских армий. Кузнецы, изготавливавшие предметы вооружения для ойратской знати, не могли не учитывать вкусов центральноазиатской знати. В целом оружейный комплекс и военное дело жителей Алтая XVII — первой половины XVIII в. могут быть отнесены к региональному варианту военного искусства кочевников Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени.

Военная активность телеутских феодалов в первой половине XVII в. позволила приостановить экспансию в регион русских служилых людей. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. гарантом военно-политической стабильности в регионе выступало могущественное Джунгарское ханство. Участие джунгарских отрядов в военных экспедициях телеутских феодалов существенно повышало уровень боеспособности алтайских войск.

Буряты

В период позднего Средневековья и Нового времени бурятские племена являлись одним из крупнейших народов Южной Сибири. До прихода в регион русских бурятские князцы взимали дань с племен, проживавших на огромной территории — от правых притоков Енисея на западе до верховьев Амура на востоке (Мясников, 2003, с. 110). Первые сведения о бурятах русские служилые люди получили уже в начале XVII в. В русских письменных источниках буряты перечисляются в числе сибирских народов, осаждавших в 1617 г. Томск. Уже в 1623 г. в «Братскую землицу» был отправлен отряд русских служилых. А в 1629 г. ряд бурятских родов дал русским ясак. В последующие десятилетия присягу «Белому царю» принесли многие бурятские феодалы. Одним из аргументов в пользу принятия российского подданства было военное давление со стороны халхасцев Восточной Монголии (Бураева, 1988, с. 128-129).

Однако присоединение бурятских племен к России шло далеко не только мирными средствами. Основой для конфликта (как и в случае с енисейскими кыргызами и телеутами) была борьба за кыштымов. В первой половине 40-х гг. XVII в. между сибирской администрацией и бурятским князцом Оиланом вспыхнул конфликт за право собирать дань с жителей «Канской землицы». Весной 1643 г. войска Оилана вторглись на спорную территорию. По сообщениям русских служилых, от бурятских войск «учала быть теснота большая» и от «брацкие войны поруха немалая». Российскими властями было принято решение «смирить братских татар войною». Красноярский отряд (330 чел.) под командованием атаманов М. Кольцова и Е. Тюменцева в 1645 г. двинулся на восток. К русским служилым присоединились отряды аринцев, качинцев и канских ясачных. Оилан стремительно отступал в глубь собственных владений, но русским удалось нагнать его и дать бой «промеж Оки реки». В ходе сражения 1-2 августа 1645 г. бурятские отряды были разбиты. Всего погибло более 70 бурят (в том числе около 30 чел. из рода самого Оилана), а 86

«брацких людей» попало в плен. В 1647 г. Оилан сам приехал в Красноярск и присягнул «Белому царю». Однако племянники и внуки Оилана продолжали борьбу. Только летом 1652 г. российские войска (основную массу которых составляли отряды «ясачных» — аринцев, качинцев, тубинцев, ястынцев) разгромили бурят и покончили с опасностью реванша «оиланичей» (Александров, 1964, с. 51-52).

К середине XVII в. на территории, заселенной западными бурятами, были построены Братский, Илимский, Нижнеудинский, Осинский и Тутурский остроги. Некоторые из них ставились с прицелом дальнейшей экспансии на юго-восток, целью которой было подчинение монголов (Бураева, 1988, с. 129).

Присоединение племен забайкальских бурят проходило относительно мирно. Лишь отдельные князцы решались открыто противостоять русским. Например, верхоленский князец «сел в юртех в осаде и многих служилых людей из юртов переранил и ево Чепчегуя в юртах убили...» (там же).

По мере усиления влияния сибирских властей в регионе и вследствие самоуправства местных служилых некоторые бурятские роды откочевывали в Монголию. Так, в 1658 г. балаганские буряты в массовом порядке бежали в Центральную Азию. Тем не менее позиции сибирской администрации в Бурятии постепенно укреплялись и большинство бурятских князцов предпочитали поддерживать русские власти в их борьбе с монгольскими феодалами. Важными вехами в этом процессе стали строительство Селенгинского острога в 1665 г. и борьба с центральноазиатскими кочевниками в 70-80-х гг. XVII в. Так, в отражении вторжения монгольских войск в 1674 г. едва ли не решающую роль сыграло ополчение ангарских бурят, которое поддержало немногочисленные русские гарнизоны. Во время нападения на Селенгинский и Удинский остроги халхаских войск в 1687 г. на помощь русским пришли отряды верхоленских и балаганских бурят (там же, с. 131).

В то же время проживавшие в Халхе бурятские роды приняли участие в Джунгаро-халхаской войне 1688-1689 гг. на стороне восточных монголов. Потерпев, вместе со своими сюзеренами, поражение от джунгарских войск, «монгольские» буряты откочевали на север. Вмести с ними в «Бурятскую землицу» прикочевали ашабагаты (кочевавшие в степях между Алтайскими и Хангайскими хребтами), а также отдельные роды сартулов, хатагинов, хухуйдов. Со временем все они вошли в состав бурятского народа (Чимитдоржиев, 2002, с. 45).

Российские власти с уважением относились к военной мощи бурятских племен. В 1636 г. томскому воеводе князю Ивану Ромодановскому была отправлена царская грамота, в которой говорилось: «Брацкие земли князцы с своими улусными людми нам чинятца непослушны, наших служилых людей побивают и ясаку с себя и с людей своих не дают, а из Енисейсково острогу енисейских служилых людей в Брацкую землю послать неково, и енисейскими невеликими служилыми людми и без толмачей под нашу царскую высокую руку привести, и умирити, и нашего ясаку взятии з брацких князцеи и с улусных их людей некем, потому что Брацкая земля немалая и людная, и люди конные ж» (Миллер, 2005, с. 239).

По замечанию В. А. Александрова, «красноярцы высоко оценивали боеспособность его (князца Оилана. — *Авт.)* войска и победу над ним считали возможной при условии равных с обеих сторон сил» (Александров, 1964, с. 51).

По данным В. Ю. Мясникова, военная структура бурят сочетала в себе элементы родовой структуры и традиционной для Центральной Азии и Южной Сибири десятичной системы. Стоявший во главе рода князец одновременно возглавлял воинское подразделение в 100 или 50 воинов, которые именовались по имени их предводителя. Причем князец-пятидесятник подчинялся князцу-сотнику. Боевое слаживание различных подразделений отрабатывалось в рамках облавных охот. У хоринских бурят существовала особая форма организации воинов по возрастному принципу. Из числа юношей отбирались наиболее сильные и выносливые молодые воины, которые составляли особый отряд «сайн эров» («батулинцев»), в задачи которого входили охрана стад и баранта (захват и отгон скота соседних родов и племен) (Мясников, 2007).

Объединенные силы бурятских князей представляли для русских серьезную угрозу. Так, по сведениям арийского князца Татауша, бурятская армия, готовившаяся к походу на русских ясачных в 1623 г., насчитывала до 3 000 бурятских воинов «окроме кыштымов» (Окладников, 1937, с. 27). Скорее всего данные сведения были сильно преувеличены ясачными, однако позволяют сделать вывод, что

мобилизационный потенциал бурятских князцов несколько превышал возможности кыргызских и телеутских феодалов. Тем не менее в ходе реальных боевых действий бурятские князцы, как и другие народы Южной Сибири, обычно выставляли отряды лишь в несколько сотен воинов. Так, в 1641 г. отряду русских служилых Василия Власьева преградил путь отряд из 200 бурятских и тунгусских «конных людей и куяшных» (ДАИ, 1846, с. 250). Боевой потенциал упоминавшегося выше князца Оилана русские служилые доводили до 500 воинов (Александров, 1964, с. 51). Численность бурятского отряда, скомплектованного из икережей и бунгудаев, осаждавших в середине 40-х гг. XVII в. Вехоленский братский острог, русские служилые люди оценивали примерно в 600 воинов (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 47). В 1646 г. А. Бедарев сообщал якутскому воеводе В. Пушкину, что его отряду пришлось столкнуться у р. Ботов с бурятскими войсками, насчитывавшими более 500 воинов (там же, с. 62).

Комплекс вооружения бурятских племен XVII-XVIII вв.

В период позднего Средневековья и Нового времени бурятские улусы славились работой своих мастеров по металлу. Бурятские кузнецы XVII-XVIII вв. в массовом порядке выпускали металлические предметы вооружения и предметы быта, оформление которых вызывало восхищение даже у европейских путешественников. Неудивительно, что этот факт, а также наглядный пример взимания ойратами «алмана» предметами вооружения и железными изделиями с жителей Саяно-Алтая провоцировали кочевников Халхи на попытки установления подобных отношений с жителями «Братской землицы». Например, в конце XVII в. халхаские правители добивались от бурят выплаты дани, в состав которой было включено железное сырье (Мясников, 2003, с. 113). Монгольский хутухта в переговорах с сибирской администрацией особо подчеркивал необходимость поставок металла и металлических изделий с территории Бурятии (Егунов, 1990, с. 55). Наряду с металлическим оружием местные мастера изготавливали защитное и наступательное вооружение из органических материалов (сложносоставные луки, «мягкие», подбитые ватой и простеганные панцири).

На протяжении рассматриваемого периода бурятский комплекс вооружения в значительной степени эволюционировал. Особенно заметные изменения произошли во второй половине XVII — первой половине XVIII в. под влиянием русского оружейного комплекса.

Главным оружием дистанционного боя бурятских воинов были сложносоставные луки. По свидетельству Н. К. Витзена, бурятские воины исключительно широко применяли луки и стрелы: «Они ходят всегда вооруженными луком и стрелами... Когда кто-нибудь у них умирает, они хоронят его в лучшей одежде и, если это мужчина, кладут рядом с ним стрелу и лук» (Хамарханов, 1988, с. 150). Судя по материалам археологических памятников, данным письменных источников и эпических произведений, наибольшей популярностью среди бурятских воинов пользовались сложносоставные луки «монгольского» типа с центральной веслообразной накладкой, а также с центральной веслообразной и роговыми плечевыми накладками. Ярким примером таких луков являются образцы из погребений 2 и 41 старобурятского могильника Усть-Талькин в Южном Приангарье.

Судя по рисунку Е. Корнеева, внешняя сторона сложносоставного бурятского лука (как и кибити луков других народов Южной Сибири) могла обклеиваться берестой (рис. 128, *5)*.

В целом бурятские сложносоставные луки периода позднего Средневековья и Нового времени близки своим центральноазиатским аналогам и представляют собой мощный и эффективный механизм поражения противника на длинной и среднедлинной дистанциях.

Значительным разнообразием отличаются наконечники бурятских стрел. Судя по материалам археологических памятников и материалам старых оружейных коллекций, бурятские воины рассматриваемого периода использовали асимметрично-ромбические, боеголовковые, овально-крылатые, секторные наконечники, томары, а также узкие наконечники с треугольным, квадратным или круглым (пулевидным) в сечении пером.

Наибольшей популярностью в Бурятии (как и в Монголии) пользовались ассиметрично-ромбические и боеголовковые наконечники (рис. 18, *21)*.

Особый интерес представляют наконечники с треугольным, квадратным или круглым (пулевидным) в сечении пером. В зависимости от размера и

массивности они могли применяться против воинов противника, одетых в панцири из органических материалов, кольчуги и пластинчатые металлические доспехи. В Бурятии такие стрелы были известны под названием «шубгэ зэбэ». «"Шубгэ зэбэ" представлял собой шарик (свистунку. — *Авт.)* с острой иглой-навершием (хурса узуур). Наконечник такой формы (рис. 18, *23)* делали для того, чтобы стрела пронзала (тело) через отверстие панциря (ходо харбаха)» (Нацов, 1987, с. 33). Узкие трехгранные наконечники (около 10 см в длину), снабженные костяными свистунками (рис. 18,72), хранятся в МАЭ (№ 313 а). Там же находятся подлинные экземпляры шиловидных наконечников «шубгэ зэбэ» (№ 313 б), также снабженных свистунками (рис. 8, *13).* Вероятно, именно стрелы, снабженные такими наконечниками, М. Татаринов именовал стрелами-«боевками», предназначенными для боевых действий: «Для военного случаю имеют боевки — стрелы с тоненькими круглыми копьями» (Описание о братских татарах..., 1958, с. 27).

Что касается томар и секторных наконечников, то сведения об их боевом предназначении у бурят отличаются известной противоречивостью. Так, бурятские информаторы Г. Ц. Нацова, описывавшие различные типы «древних» бурятских стрел, отнесли томары («сабшуур зэбэ») к числу бронебойных: «"Сабшуур зэбэ" имеет плоское (тэбхэр) лезвие для того, чтобы полностью (таса) пробивать булатный панцирь. Такой наконечник, говорят, делали из булатной стали» (рис. 18, *20).* В это же время крупные вогнутые месяцевидные наконечники «саран зэбэ», судя по контексту, использовались для стрельбы по бездоспешному противнику: «Наконечник "саран зэбэ" имел специальную форму, чтобы им можно было прострелить воину шею (рис. 18,*22)* (Нацов, 1987, с. 33). Опираясь на данные об использовании подобных наконечников кочевниками Центральной Азии, можно предположить, что и томары, и широкие секторные наконечники применялись преимущественно против легковооруженных воинов противника.

Помимо железных наконечников буряты имели в своем распоряжении стрелы с костяными наконечниками. Однако они использовались преимущественно для стрельбы во время охоты; для боевых целей в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, судя по всему, массово не применялись (Михайлов, 1993, с. 17-18).

Набор бурятских стрел отличается значительным разнообразием. Среди наконечников фиксируются экземпляры, предназначенные для стрельбы по легковооруженным вражеским воинам, а также «куяшникам» и «пансырникам», одетым в пластинчатые и кольчатые панцири. В целом данный набор по своему составу практически не уступает набору наконечников стрел монгольских кочевников периода позднего Средневековья и Нового времени. Неудивительно, что монголы Халхи добивались у бурятских родов выплаты ясака наконечниками стрел (Мясников, 2003, с. 113).

Широкое распространение среди бурят получили так называемые «свистящие» или «поющие» стрелы, снабженные костяными свистунками. По данным Ланганса, свистунками снабжались стрелы, предназначенные для охоты (Ким, 1962, с. 156).

Однако другие русские и западноевропейские путешественники прямо указывают на боевое предназначение «свистящих» стрел. Их применяли степные военачальники, определяя направление атаки своего отряда. Когда воины в массовом порядке использовали стрелы со свистунками, то громкий резкий свист пугал неприятельских лошадей. Подлинные бурятские наконечники, снабженные костяными свистунками, подтверждаются данными письменных источников. Характерно, что свистунками снабжались как бронебойные наконечники, так и стрелы, предназначенные для стрельбы по бездоспешному противнику.

Оригинальной формой и богатством отделки лицевой поверхности отличаются бурятские саадаки периода позднего Средневековья и Нового времени.

Налучи «предбайкальского» типа (рис. 2, *1в)* характеризуются тем, что их лицевая плоскость традиционно закрывалась металлическими накладками различных размеров и форм. Поверх железных полос и листов набивались тонкие серебряные пластины, покрытые узором. Традиционным элементом украшения налучей «забайкальского» типа является комбинация из трех вертикально расположенных дисков с умбончиками (рис. 2, *1г).* Данный тип «хоромсого» в XVIII — начале XX в. был исключительно популярен среди забайкальских, в меньшей степени — среди предбайкальских бурят.

У агинских бурят также бытовали налучи, близкие по форме и системе оформления к монгольским.

Они имели традиционную У-образную форму и кожаную обкладку по периметру. По центру верхней трети налуча размещался «центральный диск», выполненный в виде выпуклых 6-лепестковых цветков. Таким же образом оформлены и крепежные пластины. Плоскость наруча была дополнительно украшена мелкими 3-лепестковыми бляшками (рис. 33, /).

В отличие от налучей (среди которых абсолютно преобладающим типом покроя на протяжении всего периода позднего Средневековья и начала Нового времени были *Y*- образные «футляры») в различных районах рассматриваемого региона использовались колчаны, имевшие различный покрой, но единую в своей основе конструкцию. На основании анализа колчанов-«футляров» Южной Сибири нами выделен основной тип покроя бурятских колчанов, которые по наличию ярко выраженного, вытянутого днища названы «горбатыми» колчанами.

И предбайкальские, и забайкальские буряты использовали колчаны с ярко выраженным вытянутым днищем («горбом»). «Хаадаки» предбайкальских бурят имели, как правило, днище заостренной (рис. 55, / *-4),* а забайкальских — днище уплощенной (рис. 55, 6") формы. Лицевая поверхность колчанов богато украшалась железными посеребренными пластинами различных форм и размеров. Под лучами солнца пластины предбайкальских колчанов блестели и переливались, создавая впечатление цельнокованой поверхности. Забайкальские буряты украшали свои колчаны тремя вертикально расположенными металлическими дисками с умбончиками.

Таким же образом оформлены некоторые колчаны агинских бурят. Так, колчан из РЭМ (№ 783-101), выполненный из черной кожи, снабжен тремя выпуклыми вертикально расположенными пластинами округлой формы, парой круглых крепежных пластин, кожаной обкладкой по периметру и 3-6-лепестковыми бляшками (рис. 55, *5).*

Некоторые бурятские колчаны имели только один большой круглый диск, расположенный в нижней трети «хаадака». Такой колчан изображен на картине Е. Корнеева, датированной началом XIX в. Кроме «центрального диска» колчан снабжен металлической окантовкой по периметру, округлыми крепежными пластинами и вырезными накладками (рис. *59,4).*

Оригинальной формой покроя некоторых агинских колчанов были «хаадаки» В-образной формы, выполненные в подражание налучам. Длина — 50 см, ширина — 25 см. Они имели ровный верхний и нижний край и пару ярко выраженных «ушек», к которым приклепывались небольшие крепежные пластины (рис. 57, *4).* Широкого распространения колчаны подобного типа в Южной Сибири не получили.

«Горбатые» «хаадаки» были основным типом колчанов бурят, но встречались и у их южных соседей — монгольских кочевников Халхи. Вероятно, использовали их и джунгарские воины, через посредничество которых с «горбатыми» колчанами познакомились казахи. На наш взгляд, широкое распространение данного типа колчанов началось в период позднего Средневековья, а в первые столетия Нового времени он стал преобладающим у бурятских племен. Богато отделанные колчаны использовались не только по своему прямому назначению, но и в ходе праздничных церемоний, в частности свадебных торжеств.

В отечественной историографии бытует мнение, что традиция украшать поверхность налучей и колчанов посеребренными пластинами сложилась у бурят только в XIX в., однако известные материалы свидетельствуют о ее более раннем происхождении. Письменные, вещественные и даже фольклорные источники периода позднего Средневековья и Нового времени неоднократно указывали на эту особенность оформления южносибирских (в первую очередь бурятских) колчанов. В бурятском варианте монгольского эпоса постоянно подчеркивается серебряная отделка саадака (Абай Гесер Могучий, 1995, с. 240-241; Бадмаев, 1997, с. 104).

Сведения о существовании традиции украшать кожаные налучи и колчаны металлическими накладками с серебрением фиксируются письменными источниками XVII в. Причем уже в первой трети столетия эта традиция упоминается как «древняя». Так что время ее появления следует отсчитывать, как минимум, с XVI в.

Путешественники XVII-XVIII вв. неоднократно упоминали живописные «серебряные» накладки на налучах, колчанах, поясах и конской сбруе южносибирских номадов. Описание технологии изготовления подобных «серебряных» накладок бурятскими мастерами рассматриваемого периода оставил Г. Ф. Миллер: «Основанием для отправки (отряда русских служилых людей в бурятские владения в конце 20-х гг. XVII в. — *Авт.)* послужила общая

молва о богатстве бурят; она, в свою очередь, основывалась на том, что у бурят видели серебро, которое, однако, не родилось на их родине, а получалось ими от монголов, приобретавших его путем торговли с китайцами и даурами. Буряты хвалились этим серебром, а так как некоторые из них знали кузнечное дело, то они украшали им свои стрелы, колчаны, седла и уздечки, как это делали и некоторые другие восточные народы. Однако для этого требовался небольшой запас серебра. Серебро расплющивалось в очень тонкую пластинку, накладывалось на железные листы с мелкой крестообразной насечкой и набивалось молотом на неровное железо, которое от этого приобретало вид серебра» (Миллер, 2005, с. 45). Этот же художественный прием у забайкальских бурят зафиксировал И. Георги: «Работы свои производят так же проворно, как и тунгусские кузнецы, однако несколько совершеннее. Железные их вещи с серебряной насечкой славны по всей России под именем братской работы. Они разбивают самое чистое китайское... серебро в весьма тонкие листы и по сделанным из бересты образцам вырезают из оных птиц, зверей, цветы, двухглавых орлов и другие разные изображения. Ежели железные наборы к уздам, седлам, колчанам, а также огнива и прочее хотят этим украсить, то разжигают в горнах огонь и потом накладывают серебряные вырезки и насекают оные молотками с шероховатыми бороздками наподобие терпугов, а чрез то серебро с железом как будто сваривается и пристает так крепко, что никогда не отваливается. Напоследок сию работу воронят чрез огонь и выглаживают морены угольем». Пораженный искусством бурятских кузнецов, И. Г. Гмелин восторженно заметил, что они «умеют делать по железу серебряные и оловянные насечки так хорошо, что их работа не уступает дамасской». Похожая технология в XVII в. существовала и у народов Саяно-Алтая. По сообщениям русских наблюдателей этого времени, в «кыргызской, и в тубинской, и в алтырской, и в керетской землях... серебряных мастеров, которые из китайского серебра узды делают и по железу набивают, добре много» (Бутанаев, Худяков, 2000, с. 160).

Кроме отделки лицевой поверхности налучей и колчанов металлическими пластинами центральноазиатские и южносибирские мастера активно использовали другие способы декоративного оформления: аппликацию, накладной кант, вышивку, рисунок и т. д. Например, поверхность тех же бурятских колчанов обшивалась однотонным сукном или плотной тканью и украшалась тиснением, вышивкой, чеканными бляшками из цветных металлов и сплавов. Иногда они дополнялись мелким бисером и красным кораллом. Орнамент выполнялся с применением узоров «хусын эбэр» («бараний рог»), «уулэн хээ» («обласный узор») и др.

Основным оружием ближнего боя у бурят были копья и сабли. В бурятском эпосе говорится также о «секирах», «палицах» и «кистенях» (Мясников, 2003, с. ПО).

Копья и сабли упоминаются русскими служилыми людьми при описании комплекса вооружения бурятских воинов XVII-XVIII вв, а также в числе трофейного оружия, захватываемого русскими в ходе военных столкновений с бурятами. По мнению В. Ю. Мясникова, «судя по всему, копья и сабли использовались довольно редко» (там же). Действительно, в русских письменных источниках XVII в. при описании комплексов вооружения воинов Центральной Азии и Южной Сибири длиннодревковое оружие у джунгарских или кыргызских воинов упоминается гораздо чаще, чем у бурят. Вероятно, этот вид оружия был менее популярен среди «братских татар», чем у их западных и южных соседей. Однако мы не можем согласиться с утверждением, что «копья и сабли использовались довольно редко».

Русские письменные источники XVII-XVIII вв. неоднократно отмечают факты использования бурятскими воинами копий и длинноклинкового оружия, в частности сабель. Поданным Г. Ф. Миллера, сабли применяли знатные буряты и их окружение (Миллер, 2005, с. 178). В 40-х гг. XVII в. русские служилые в ходе сражений «отбивали» у бурятских воинов «копья и луки и саадаки и шеломы многие з голов...» (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 47). Вторая фаза конного боя бурятских воинов именуется «копейной» (Егунов, 1990, с. 54), что указывает на наличие такого тактического приема, как атака конных копейщиков, которая требовала вооружить длиннодревковым оружием значительное количество воинов. Практически все европейские путешественники XVIII в., описывавшие комплекс вооружения бурятских воинов, наряду с саадаками упоминали сабли. В 20-х гг. XVIII в. англичанин на русской службе Джон Белл Антермонский упоминает копья и саб-

ли в числе основного оружия бурят: «Вооружение бурят состоит из лука и стрел, кольев и сабель...». М. Татаринов из холодного оружия бурят ближнего боя отметил только сабли: «Також для военного случаю имеют панцыри, сабли...» (Описание о братских татарах..., 1958, с. 27). Ф. И. Ланганс перечисляет сабли среди комплекса вооружения западных бурят 80-х гг. XVIII в. (Ким, 1962, с. 156). По замечанию Ренье, «их (бурят. — *Авт.) обычное* (курсив наш. — *Авт.)* оружие... (состоит) из лука и стрел, сабли на боку и кольчуги» (Зиннер, 1968, с. 197). «Тонкие белые сабли» и «копье в восемьдесят сажень» упоминаются в числе предметов вооружения богатырей бурятского эпоса (Бадмаев, 1997, с. 104). Таким образом, длиннодревковое и длинноклинковое оружие встречалось в комплексе вооружения бурят не так уж и редко.

Тем не менее не стоит впадать и в другую крайность и объявлять сабли непременным оружием бурятских воинов. Мнение Ф. А. Кудрявцева о том, что буряты были вооружены «главным образом саблей и луком со стрелами» (Мясников, 2003, с. 111), кажется нам явным преувеличением.

На наш взгляд, копьями и саблями были вооружены представители бурятской знати, их дружинники, панцирники ударных подразделений, а также состоятельные воины. Причем, судя по данным русских письменных источников, число сабельщиков в бурятских отрядах на протяжении второй половины XVII — XVIII в. постепенно увеличивалось. Что касается копий, то в отличие от большинства других степных районов региона они не получили у бурят абсолютного преобладания. Практически поголовного перевооружения панцирных и легковооруженных воинов длинными кавалерийскими копьями и пиками (как, например, в Джунгарии) в Бурятии не произошло. Бурятские панцирники хотя нередко и пытались сокрушить противника «копийной атакой», но как минимум не меньшее внимание уделяли и лучной перестрелке. Возможно, поэтому конный бурятский «куяшник» в сообщениях русских служилых чаще воспринимается как лучник, а не копейщик и сабельщик. В целом длинноклинковое и особенно длиннодревковое оружие у бурят имело меньшее распространение, чем, например, в джунгарских войсках, но оно было более популярно, чем ударное (булавы, кистени) и ударно-рубящее оружие (топоры), которое упоминается почти исключительно в материалах эпоса и практически не фиксируется по данным письменных источников.

Копейный наконечник XVII-XVIII вв. с удлиненно-ромбическим пером и отрожками происходит с территории Восточного Забайкалья (рис. 95, *6).* Судя по его форме и отделке, он был изготовлен местными (монгольскими или бурятскими) мастерами. Однако наличие отрожков свидетельствует о том, что оформление наконечника было выполнено под влиянием русской военно-культурной традиции.

Бурятская слабоизогнутая сабля XVII — начала XVIII в. с обоймой рукояти и округлой гардой с бортиком была обнаружена в погребении 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье) (рис. 88,*8).* Ее конструкция и форма свидетельствуют о ее близости к длинноклинковому оружию позднесредневековой Центральной Азии.

Наиболее популярным видом коротклинкового оружия бурят в период Нового времени были ножи «мэнгэн хутага» с прямым узким однолезвийным клинком (длина— 15-20 см). Плоскость клинка нередко снабжалось долом. Рукоять изготавливалась из рога или дерева и украшалась серебряными накладками, вставками из самоцветов и кораллов. Ножны бурятских ножей XVIII-XIX вв. (как и их монгольские, маньчжурские, китайские и тибетские аналоги) нередко снабжались специальными полостями для размещения палочек для еды (Бадмаев, 1997, с. 45-46). Оформление некоторых бурятских «мэнгэн хутага» практически в точности повторяет конструкцию и форму монгольских ножей «хэт хутга», что свидетельствует о влиянии оружейного комплекса Халхи на военное дело бурят.

Саадак и клинковое оружие бурятские воины Забайкалья подвешивали к поясу «бэхэ», сшитому из двух кожаных полос, прошитых по краям нитями. Лицевая сторона пояса украшалась вырезными металлическими бляшками. Поверхность бляшек покрывалась чеканкой, листовой насечкой, чернением. Численно преобладал зубчатый узор. Бляшки снабжались специальными металлическими кольцами, в которые пропускались ремешки налучей, колчанов и ножен, а также огниво, ружейная и напоясные сумки (рис. 65,*2-3,12).* У прибайкальских бурят преобладали четырехчастные пояса, сегменты которых соединялись металлическими кольцами или металлическими дисками. Близкие по конструкции пояса носили якутские воины (Бадмаев, 1997,

с. 43-44). Важным элементом поясного набора агинских бурят были парные подвески «горье», к которым подвешивались ножны, огниво, курительные принадлежности и т. д. (Бадмаев, 1997, с. 44).

Отличительной чертой комплекса вооружения бурятских воинов XVII-XVIII вв. было широкое использование защитного вооружения достаточно высокого качества.

О том, как были вооружены знатные бурятские воины середины XVII в., дает представление описание вооружения князца Батыря, убитого во время боя русскими служилыми людьми: «А на том бою убили у них брацких людей 3-х человек добрых брацких мужиков, в том числе одново брацкого лутчево мужика убили Котогорского роду, наездника, который к ним в наезде напущал с людьми на всех 3 напуска, князца Магалчюкова брата Баатыря и, убив ево, у них взяли со всем в куяке с наручи и в шишаке и с саадаком, а иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней исперераниили... и с того де, государь, бою те брацкие люди, как у них того наездника мужика убили, побежали...» (Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 63). «Ивашко Алонасьев бился, убил... братского лучшего мужика, князца..., наездника богатыря, и того убитого мужика, куяк, шелом и сайдак взял» (ДАИ, 1848, с. 29).

Русские источники XVII в. нередко описывают бурятских воинов как конных панцирников, снабженных внушительным комплектом защитного вооружения, в состав которого обычно входили «куяки», «шишаки» и «наручи». Казаки особо подчеркивали высокое качество бурятских доспехов. Русские служилые в 1646 г. даже жаловались в Москву, что их поврежденные во время несения военной службы пищали якобы не пробивают бурятских панцирей: «И пожалуй, государь, нас холопей своих, вели на тех служилых людей с Москвы своего государева оружья прислать 200 карабинов да 200 пансырев да на пеших охочих людей 300 мушкетов, потому что, государь, брацкие мужики воинские многие конные, бывают на боях в куяках и в наручах и в шишаках, а мы, государь, холопи твои людишки неодежные, пансырей у нас нет и с своих худых пищаленок их брацких куяков не пробиваем, а у ково есть у нас нарочитые пищали, те их и побивают, а ис худых ничево им не учинить» (Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 59). Несколько позднее данная жалоба была повторена: «А те де, государь, брацкие люди с ними служилыми людьми бьются с броны в куяках и в наручах и в шеломах, и они де служилые люди из своих худых пищаленок ничево оным не учиняют и их куяков мало пробивают» (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 107).

О широте распространения защитного вооружения среди бурят свидетельствует следующий факт. В 1645 г. во время набега на лагерь эхиритов, который покинули ушедшие на войну мужчины, казаки обнаружили в юртах вместе с 30 женщинами и 18 детьми «11 куяков, 8 шеломов, 7 наручей, да государевой казны пансырь, да лоскутье пансырное...» (там же, с. 64). Маловероятно, что бурятские воины ушли в поход, не захватив с собой «доспеси и приправы», а следовательно, оставшиеся в лагере предметы вооружения — 11 панцирей, 8 шлемов, наручи, русский кольчатый «пансырь» и кольчужные элементы («лоскутье пансырное») — находились «на хранении», в запасах.

В случае необходимости бурятские панцирники (как и монгольские «куяшники») могли сводиться в специальные «ударные» отряды. В 1641 г. на русский экспедиционный корпус В. Власьева совершил нападение бурято-тунгусский отряд — «200 конных людей и куяшных» (ДАИ, 1846, с. 250). В 1688 г. сибирские власти потребовали от бурят проживавших на рр. Китой и Белой, выставить отряд из 150 конных латников и отправить его в Иркутск: «...собрав в тех во всех родех и улусех брацких людей по выбору и по разветке привесть в Ыркуцкой сто пятьдесят человек тотчас с коньми и с ружьем саадаки и с куяки и панцыри...» (Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 312—313).

Бурятские куяки сибирские власти нередко «имали в государеву казну», а перед началом похода выдавали русским служилым. Судя поданным письменных источников, русские служилые люди считали сибирские пластинчато-нашивные доспехи более практичным видом защитного вооружения, чем их собственные кольчатые «пансыри». Так, по словам участника академической экспедиции И. Г. Гмелина, «они (красноярские служилые люди. — *Авт.)* имели двойные кольчуги (в данном случае панцири вообще. — *Авт.),* которые закрывали все туловище. Одна состояла сплошь из маленьких колец (т. е. собственно кольчатый доспех. — *Авт.),* а другая из тонких железных пластинок (речь идет о подбитом пластинами куяке. — *Авт.).* По-

следний вид кольчуги, по мнению служилых, легче носить, чем первый. Такой панцирь закрывает, как уже было сказано, все туловище, грудь, живот, всю спину и руки. К тому же носили еще и шапку, сверху покрытую железом» (Зиннер, 1968, с. 159).

Торговля куяками очень быстро стала прибыльным делом. Стоимость обычного пластинчато-нашивного панциря равнялась 5 рублям, что соответствовало стоимости коня (Новгородов, 1955, с. 159), а богато оформленные доспехи монгольского производства обходились покупателю в 10 рублей (Бахрушин, 1955,с. 34). За обладание доспехами,изготовленными сибирскими и центральноазиатскими мастерами, в среде русских служилых даже вспыхивали потасовки. В 1646 г. в отряде Курбата Иванова произошла драка, в ходе которой профессональные воины — «служилые» были избиты примкнувшими к отряду добровольцами — «охочими» и «промышленными людьми». Ярость добровольцев была вызвана тем фактом, что Курбат взял в казну куяки, захваченные у бурят, причем сами «охочие люди» считали, что командир отряда «отнимает» у них законную добычу (Якутия..., 1953, с. 316). После сражений русские казаки и стрельцы обходили тела убитых степняков и «сдирали» с них «доспеси и приправы», собирали наручи и шлемы.

Судя поданным письменных источников, среди бурят первой половины XVII в. наибольшее применение имели доспехи с пластинчато-нашивной системой бронирования и «мягкие» панцири — «бумажники». Позднее известное распространение получили кольчатые панцири. Нельзя также исключать возможность, что некоторые бурятские воины использовали традиционные для региона ламеллярные доспехи.

К сожалению, в настоящее время не представляется возможным восстановить покрой бурятских пластинчато-нашивных панцирей XVII в. Скорее всего он был близок покрою доспехов халхаских воинов, оружейный комплекс которых оказывал сильное влияние на военное дело бурят данного периода. Сохранились сведения и о поставках монгольского защитного вооружения в Бурятию. Так, известно, что халхаский Ильдэн Тушету-хан подарил своему племяннику Муухаю (прибывшему с территории Бурятии) панцирь (Мясников, 2003, с. 111). Можно предполагать, что бурятские воины XVII в. носили пластинчато-нашивные панцири, скроенные в виде кирас с боковым разрезом, безрукавных жилетов со сплошным осевым разрезом, катафракт с боковым разрезом и длинным подолом, халатов со сплошным осевым разрезом или косым запахом, длинным подолом, рукавами или наплечниками. Панцирные комплексы всех разновидностей могли дополняться наплечниками, нарукавьями, набедренниками, подмышечниками различных вариантов покроя, а также панцирными усилителями (железными накладками и зерцалами).

Влияние монгольского комплекса вооружения на военное дело бурят прослеживается в сфере защитного вооружения и в более поздний период. На знаменитой картине Е. Корнеева, выполненной в начале XIX в., изображен «братский татарин» в доспехе. Последний состоит из пластинчато-нашивного «жилета» с боковыми разрезами и набедренниками (или «халата» с оригинальным коротким подолом переменной длины), сплошным осевым разрезом, стянутым кожаными ремешками. Руки воина прикрыты широкими пластинчато-нашивными наплечниками. Поверхность панциря горизонтально простегана[18] (рис. 128,5). В целом панцирный комплекс бурята близок к цинскому доспеху, но имеет ряд характерных особенностей (ремешки вместо пуговиц на осевом разрезе, короткие набедренники, стеганая поверхность органической основы). Скорее всего распространение данного доспеха среди бурят рассматриваемого периода, следует связывать с влиянием оружейного комплекса халхасцев, которые усвоили цинский доспех еще в первой половине XVIII в. и подвергли его известной трансформации в соответствии с собственными военно-культурными традициями.

Возможно, что в ходе боевых действий первой половины XVII в. некоторые буряты использовали трофейные русские кольчатые панцири. Так, в 1645 г. во время набега на лагерь эхиритов русские служилые вернули себе захваченный бурятами у русских «государевой казны пансырь, да лоскутье пансырное...» (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 64). Однако маловероятно, что в этот период кольчатая броня получила сколько-нибудь широкое распространение среди бурятских воинов, так как она не являлась традиционной для данного региона. По мере вхождения бурятских племен в состав Российского государства популяр-

[18] Возможно также, что таким способом художник изобразил края пластин панцирного подбоя.

ность кольчуг стала постепенно возрастать. В документах последней трети XVII в. кольчатые «пансыри», наряду с пластинчато-нашивными «куяками», упоминаются при описании комплекса вооружения бурятских всадников (Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 312-313). В XVIII в. письменные источники фиксируют распространение у бурят кольчатых панцирей предположительно русского производства или выполненных местными мастерами по российским образцам. Интересно, что, по сообщениям М. Татаринова, Ф. И. Ланганса, Ренье, наибольшее распространение кольчатые панцири получили у забайкальских бурят.

Для повышения защитных свойств доспеха буряты иногда надевали один панцирь поверх другого. Судя по данным фольклорных источников, они поддевали под верхний (ламеллярный, ламинарный?) доспех пластинчато-нашивной панцирь: «"Сабшур" (разновидность бронебойной стрелы. — *Авт.),* изготовленный из булата, насквозь пробивал булатный панцирь, поэтому в древние времена под панцирем носили одеяние, называемое "туулга", сшитое из сукна (сэмбэ), с подкладом из тонкого белого металла (нимгэн саган тумэр)» (Нацов, 1987, с. 33).

Наряду с металлическими панцирями русские письменные источники XVII-XVIII вв. упоминают «мягкие» доспехи из органических материалов — «бумажники». Этот вид защитного вооружения привлекал особое внимание европейских путешественников, которые дали его подробное описание (Описание о братских татарах..., 1958, с. 27; Михайлов, 1993, с. 44-46). Бурятские охотники, одетые в «мягкие» доспехи, зафиксированы на фотографиях начала XX в. (рис. 145,*12-13)*. С большой долей вероятности можно предполагать, что у бурят XVII-XVIII вв. применялись оба основных покроя «мягких» панцирей — «олбок» (панцирь в виде халата с осевым или косым запахом, рукавами и подолом) и «дэгэлэй» (панцирь без рукавов и подола с боковым или осевым разрезом).

Известное распространение среди бурятских воинов имели предметы защитного вооружения, изготовленные из кожи. В. Ю. Мясников на основании анализа бурятских эпических произведений выделил «шлемы, латы-накидки, нашейники, наручи, поножи-наголенники», изготовленные из кожи (Мясников, 2007).

Железные шлемы («шеломы», «шишаки», «шапки железные») достаточно часто упоминаются при описании комплекса вооружения «братцких людей», а также в числе оружия, захваченного русскими в ходе военных столкновений с бурятами (ДАИ, 1848, с. 25, 26, 29; Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 47). В Музее истории Бурятии хранится железный шлем, датированный периодом позднего Средневековья и Нового времени. Его тулья склепана из четырех пластин-сегментов, стыки которых прикрыты широкими накладками с вырезным краем. Края накладок снабжены двумя парами зубцов. Нижние зубцы имеют загнутую вверх (рогообразную) форму, верхние — традиционную остроугольную форму. Изящный сфероконический силуэт наголовья подчеркивается вытянутым воронковидным навершием. Дополнительным фиксатором пластин тульи выступает относительно узкий обруч, снабженный отверстиями для подвешивания бармицы (предположительно с пластинчато-нашивной структурой бронирования). У нижней кромки налобной части шлема приклепан простой (одночастный) козырек подтреугольной формы (рис. 188, *6).*

Судя по сравнительно частым упоминаниям наручей в отписках русских служилых людей, последние имели относительно широкое распространение среди бурятских воинов XVII в. (Сборник документов по истории Бурятии..., 1960, с. 59, 63, 64). Бурятские наручи вместе с панцирями и шлемами изымались в государеву казну и накануне боевых действий выдавались русским служилым (ДАИ, 1848, с. 25-26).

В целом защитное вооружение было распространено среди бурят достаточно широко, однако говорить о поголовном снабжении бурятских воинов панцирями, конечно же, не приходится. Ни одному народу Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (включая пришедших в регион русских и маньчжуров) не удалось поголовно снабдить своих воинов панцирями и шлемами. Не стали исключением и буряты. Письменные источники XVII-XVIII вв. недвусмысленно указывают на то, что наряду с панцирниками в бурятских войсках служили и легковооруженные конные лучники. Последние носили «куртку, реже шубу из овчины, опоясанную вокруг талии, во все времена года; маленькую шапочку, отделанную мехом, с помпоном из красного шелка (которую) надевают на макушку, что вместе с парой кальсон и ботинками составляют всю одежду».

В первой половине XVII в. огнестрельное оружие не получило сколько-нибудь широкого распространения среди бурят. Согласно легенде, захваченное русское оружие сжигалось вместе с трупами служилых людей (Мясников, 2003, с. 114). Ситуация начала меняться в конце XVII — XVIII в. В этот период буряты стали активно использовать ружья российского производства и за относительно короткий срок успели прославиться среди соседних народов как превосходные стрелки из огнестрельного оружия.

На протяжении большей части рассматриваемого периода бурятский комплекс вооружения испытывал сильное влияние со стороны российского и монгольского (халхаского) оружейных комплексов. От первого буряты усвоили кольчатую броню и огнестрельное оружие, от второго — некоторые типы покроя и структуры бронирования пластинчато-нашивных доспехов, отдельные типы шлемов, наручей, конструкцию луков, наконечников стрел, клинкового оружия. Процесс усвоения новых оружейных элементов облегчали политические факторы: вхождение бурятских улусов в состав Российского государства и откочевку на территорию Бурятии ряда монгольских родов в конце XVII в.

Тактика

По сообщению англичанина на русской службе Джона Белла Антермонского, проезжавшего через бурятские земли в 1720 г., «вооружение бурят состоит из лука и стрел, копьев и сабель; всем этим они пользуются, сидя верхом на конях, ибо, как и у калмыков, не имеют пехоты. Они ловкие стрелки из лука и искусные наездники» (Зиннер, 1968, с. 57). Очень похожее описание комплекса вооружения бурят дает Ренье: «Их обычное оружие, которое они употребляют против своих врагов, состоит обычно из лука и стрел, сабли на боку и кольчуги... На голове они носят шлем или каску» (там же, с. 197). Таким образом, основу бурятских отрядов XVIII в. составляли конные панцирники, вооруженные саадаками,копьями,саблями и, частично, ружьями российского производства. Во время боевых операций они активно взаимодействовали с легковооруженными конными лучниками, набранными из бедных бурят и кыштымов. Корпус конных латников прикрывали пластинчато-нашивные доспехи халхаского типа, стеганные на вате «бумажники» или кольчуги русского или южносибирского производства. На головах воины носили клепаные, снабженные козырьками и бармицами шлемы преимущественно сфероконической формы («шеломы», «шишаки»). Близкий комплекс вооружения имели и бурятские воины первой половины XVII — начала второй половины XVII в. Однако в этот период меньшее распространение имело клинковое оружие, а кольчуги и ружья русского производства исчислялись отдельными экземплярами.

Наряду с конными панцирниками в состав бурятских отрядов второй половины XVII — XVIII в. входили и легковооруженные воины. Однако военно-политическая обстановка последней трети XVII — первой половины XVIII в. позволяла сибирской администрации привлекать к несению воинской службы преимущественно хорошо вооруженных и снаряженных бурятских всадников.

Основным способом ведения боя бурятских воинов на протяжении всего рассматриваемого периода была лучная перестрелка. По наблюдениям М. Татаринова, они были прекрасными наездниками и искусно владели луком, могли на всем конском скаку попасть в воткнутую в землю стрелу (Описание о братских татарах..., 1958, с. 27).

В подавляющем большинстве случаев буряты принимали бой в конном строю. Письменные источники фиксируют и факты ведения сражения бурятами и в пеших порядках (например, во время осады крепостей или обстрела противника из луков в спешенном положении), однако широкого распространения такая практика не получила. По замечанию Ренье, «хотя среди этого народа нет особенно сильных людей, но тем не менее они очень смелы, отличаются пылкостью, закаленностью и поэтому, следовательно, дают из своей среды хороших солдат, при всем том, однако, только кавалеристов: пешие буряты немного стоят, так как не на лошади они не очень-то расторопны» (Зиннер, 1968, с. 198). На этот факт обращал внимание читателей и Ф. И. Ланганс: «Все буряты всадники: они по привычке с младенчества ездят верхом, пешие далеко ходить не легко могут» (Ким, 1962, с. 156).

Судя по данным письменных источников, буряты спешивались в ходе сражений, когда действовать в конном строю было неудобно (например, в лесу, в горах, при штурме полевых и постоянных укреплений). В ходе сражения с русским отрядом В. Власьева в 1641 г. «конные и куяшные» буряты и тунгусы сначала попытались смять построения

служилых в ходе кавалерийской атаки, но, когда русским удалось прорваться «в тесные места», буряты были вынуждены спешиться и обстреливать полевые укрепления русских, укрываясь за стволами деревьев: «...братские люди и тунгусы собрались того же часу многие человек с 200 конных людей и куяшных и те брацкие люди с утра с нами дрались до полуночи, идучи дорогою, и как пришли в тесные места... слезли с лошадей и мы их увидели, что они крепким боем пришли; и мы кош остановили и около коша засеку отсекли, и те братские люди к кошу стали приступаться, и я с служилыми людьми вышел из кошу против тех братских людей и бой с ними поставил. Братские люди из-за деревьев стали стрелять и бой был с обеда до вечера, и на бою братских людей побили 10 человек, трех человек схватили, и коня под мужиком схватили и куяк с мужика сняли» (ДАИ, 1846, с. 250).

Главным тактическим приемом бурят XVII в. была традиционная для кочевников Центральной Азии и Южной Сибири этого периода тактика «трех напусков», в ходе которой противника осыпали стрелами конные лучники, затем в атаку устремлялись копейщики, которые после первого удара переходили к рукопашной схватке с использованием длинноклинкового оружия. Основная нагрузка в ходе такого боя приходилась на конных панцирников. Русские служилые Верхоленского острога сообщали в первой половине XVII в.: «А приходят де братцкие люди войною под острог на конях сбройны, в куяках с наруши (наручами. — *Авт.)* и в шишаках. А бой у них лучной и копейный и сабельный» (Егунов, 1990, с. 54).

Бурятские панцирники хотя нередко и пытались сокрушить противника «копийной атакой», но как минимум не меньшее внимание уделяли лучной перестрелке. Возможно, поэтому конный бурятский «куяшник» в сообщениях русских служилых чаще воспринимается как лучник, а не копейщик и сабельщик.

Уже в первой половине 40-х гг. бурятские воины пытались штурмовать русские остроги. Важным элементом осады и штурма был обстрел вражеских укреплений спешенными лучниками, укрывшимися за станковыми щитами. Русские служилые считали подобный тактический прием достаточно опасным для осажденных, поэтому, если противник подходил к крепости «за щитами», они под прикрытием ружейных стрелков предпринимали вылазку, стараясь отбить щиты. Подробное описание подобного сражения оставил пятидесятник Верхоленского братского острога Курбата Иванов в своей отписке якутскому воеводе Василию Пушкину в 1645 г.: «И в 11-й день братцкие люди икирежи и бунгудаи на утренней зоре, собравса большими людьми сот 6, кругом с щитами обошли и почали на нас из-за щитов стрелять. И мы, прося у Бога милости, с теми братцкими людьми поставили бой. И яз с небольшими людьми вышли из засеки и стали по щитам стрелять, а иные служилые стали из засеки стрелять. И Божею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем у них братцких людей щиты отбили и тех братцких людей на приступе и на побеге многих побили, а иных многих переранили и копья и луки и саадаки и шлемы многие з голов отбили. И они братцкие люди с того бою побежали, друг друга не зведали, а служилые люди бились на тех боях з братцкими людьми не сщадя лица своего...» (Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 47)[19].

Во время неожиданных нападений противника, по данным В. Ю. Мясникова, предбайкальские буряты «укрывались за стенами деревянных юрт» (Мясников, 2007).

В целом комплекс вооружения и тактика бурятских войск XVII в. были достаточно архаичны и во многом базировалась на тактических схемах, реализуемых полководцами Халхи[20]. Бурятские войска отличались значительным количеством конных панцирников, однако оружие ближнего боя (сабли и, особенно, копья) имело несколько меньшее распро-

[19] В челобитной Курбата Иванова на имя царя Алексея Михайловича, датированной 1647 г., приводятся иные подробности данного сражения: «...и в одиннадцатый день на утряной зоре рано собрався те брацкие люди икирежи и булгадаи войною сот с шесть подняли щиты и подошли с читами кругом и почали по нас стрелять из-за щитов и мы прося у Бога милости и с теми братцкими людьми поставили с ними бой и те брацкие люди скотишко у нас в засеке переранили и я Ивашко с служилыми людьми вышол на вылазку у брацких людей щиты отбили и тех брацких людей на приступе и в побеге многих побили и переранили и копья и луки и саадаки и шоломы у многих з голов отбили и на том бою меня Ивашка в левую руку ранили, а оне брацкие люди з бою побежали друг друга не ведали и после того бою со всеми служилыми людьми пошли в отход и в острожек вошли все здоровы» (Сборникдокументов по истории Бурятии..., 1960, с. 88).

[20] В отличие от енисейских кыргызов и особенно телеутов, которые брали за образец передовое для региона военное искусство джунгар.

странение, чем, например, в Западной Монголии. Приоритет отдавался лучной перестрелке, причем в ней принимали активное участие не только легковооруженные лучники, но и конные панцирники. Главной тактической схемой были традиционные для Центральной Азии этого времени «три напуска» (атака лучников, копейщиков, рукопашная схватка с использованием клинкового оружия). После вхождения Бурятии в состав России улучшается оснащение бурятских отрядов огнестрельным оружием, длинноклинковым оружием и кольчатой броней. Конные бурятские латники учатся взаимодействовать в ходе сражения с русскими ружейными стрелками, действующими в пеших порядках.

Факт относительно «быстрого и бескровного» вхождения бурятских племен в состав Российского государства неоднократно отмечался исследователями. В отличие от енисейских кыргызов и телеутов, оказывавших русским ожесточенное сопротивление, бурятские князцы уже вскоре после первых контактов стали присягать «Белому царю». На наш взгляд, в основе данного поведения лежат политические причины. В отличие от кыргызских и телеутских князцов, опиравшихся в своей борьбе с сибирской администрацией на могущественное Джунгарское ханство, тылы «братских татар» не были прикрыты. Халхаские феодалы совершали опустошительные набеги на бурятские земли. Феодальная раздробленность в Халхе не позволяла местным правителям взять Бурятию под свой полный политический контроль. В этой ситуации бурятские феодалы предпочли власть русского царя непредсказуемости восточномонгольских ханов и нойонов. После вторжения в Халху войск Галдана Бошокту-хана в 1688 г. халхаская государственность и вовсе прекратила свое существование, а Халха почти на полстолетия стала ареной ожесточенного противостояния между Джунгарским ханством и Цинской империей. В этой ситуации ни о какой «монгольской альтернативе» не могло быть и речи. За сто лет российские власти укрепились в Бурятии, и к середине XVIII в. она уже прочно вошла в состав Российской империи.

Тувинцы

В войнах между кочевыми государствами Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и начальный период Нового времени определенную роль играли тувинские номады.

В XI—XII вв. кочевые племена Тувы входили в состав кыргызского княжества Кэм-Кэмджиут, во главе которого стоял правитель, носивший титул «инал». Вначале XIII в. кыргызские княжества, вместе со своими тувинскими подданными, добровольно вошли в состав Монгольского государства. Но уже в 1217 г. одно из местных племен — туматы подняло восстание против монгольского владычества. Восставшие дали «большие сражения» монгольскому экспедиционному корпусу и убили полководца Барагул-нойона. Подавить мятеж удалось лишь старшему сыну Чингиз-хана — Джучи, который в ходе карательного похода подчинил все «лесные народы». Тувинские отряды принимали активное участие в завоевательных походах монголов, а затем в междоусобных войнах наследников Чингиз-хана — Хубилая и Хайду. После победы Хубилая тувинские земли были включены в состав Юаньской империи, а территория Тувы была разделена на военно-административные округа (Худяков, 1997, с. 56-57).

На протяжении XVI — первой половины XVIII в. тувинские улусы входили в состав государственных образований халха-монголов и джунгар. По сведениям ойратского источника конца XVI в., тувинские кочевые племена представляли собой отдельное административное и воинское образование, насчитывавшее 15 тыс. воинов. Это объединение возглавлялось князем Сайн Маджаком («Сайн-Маджиком Урянхайским»[21]) (История Тувы, 2001, с. 174; Козин, 1847, с. 92-104). В XVII в. тувинские кочевые племена находились в вассальной зависимости от правителей халха-монгольского государства Алтын-ханов. Военные отряды, сформированные из тувинских номадов, принимали участие в военных действиях в составе войск этого государства против джунгар, енисейских кыргызов и их кыштымов. В результате ряда военных кампаний население Минусинской котловины попало в зависимость от Алтын-ханов (История Тувы, 2001, с. 177,181). В ходе ожесточенной войны между халха-монголами и джунгарами в начале второй половины XVII в. войско Алтын-хана Лоджана было разгромлено джунгарской армией Сенге, а сам хотогойский правитель попал в плен и подвергся жестоким истязаниям

[21] Названным в исторической песне «О походе монгольского Убаши-хунтайджи на ойратов» «Леопардом вороным с Урянхайских гор» (Козин, 1947, с. 95).

(Златкин, 1983, с. 142). В результате этой войны часть тувинских кочевников попала под власть джунгарских феодалов. Будучи не в состоянии противостоять джунгарам своими силами, наследник Алтын-ханов Гендун Дайчин в конце XVII в. принял подданство маньчжурской империи Цин (История Тувы, 2001, с. 186). После окончательного разгрома Джунгарского ханства и истребления значительной части его населения цинскими войсками в середине XVIII в. все тувинские племена стали подданными маньчжурских императоров. Тува в этот период находилась в составе одного из монгольских (халхаских) аймаков, входивших в состав маньчжурской империи Цин (Моисеев, 1983, с. 31).

В ходе многочисленных войн, которые вели между собой правители монгольских государств Халхи и Джунгарии, тувинские номады не могли активно вмешиваться в борьбу за политическое господство в Центральной Азии. Однако составленные из тувинцев боевые отряды принимали активное участие в военных операциях в составе войск центральноазиатских держав. Вооружение и военное искусство тувинцев в этот период не было обособлено от общих процессов развития военного дела в кочевом мире, и в первую очередь от военного искусства кочевников Халхи. Поэтому многие положения, рассмотренные нами в разделе, посвященном военному искусству государства хотогойских Алтын-ханов и халхаских аймаков, справедливы и по отношению к тувинцам.

Судя по имеющимся данным, в эпоху позднего Средневековья большую часть тувинских воинских формирований составляли отряды легковооруженных конных лучников и копейщиков. Тувинская знать располагала дружинами профессиональных воинов — маадыров[22], которые в мирное время обеспечивали их охрану, а в ходе боевых действий становились во главе отдельных подразделений ополчения. Из них же комплектовались специальные «ударные» отряды конных копейщиков-панцирников. После включения Тувы в состав Джунгарского ханства, а затем маньчжурской империи Цин часть воинов была перевооружена огнестрельным оружием.

[22] В тувинских эпических произведениях упоминается и другое название воинов, входивших в состав дружин урянхайской знати, — «ара-албаты чаачылары», «богатыри-предводители» (Гребнев, 1960, с. 118).

Структура военной организации тувинцев в эпоху позднего Средневековья была основана на принципах азиатской десятичной системы деления войска и народа. Эта система продолжала использоваться в периоды вхождения Тувы в состав монгольских государств и Цинской империи. Во главе отрядов дружинников стояли военачальники, носившие титул «бег», которые одновременно являлись представителями феодальной верхушки тувинского общества. В тувинских эпических произведениях упоминаются дружины бегов, насчитывавшие 40, 50 и 150 «богатырей предводителей» (Гребнев, 1960, с. 118-119).

Комплекс вооружения тувинских воинов XVI-XVIII вв.

По мнению Л. В. Гребнева, «вооружение (тувинских) воинов, судя по героическим сказаниям, было довольно примитивным, что обусловливалось низким уровнем развития производительных сил у скотоводов-охотников» (Гребнев, 1960, с. 120). Мы не можем согласиться с данным утверждением. Действительно, по некоторым показателям (например, по уровню оснащенности металлическим защитным вооружением) тувинские воины несколько уступали своим южносибирским соседям (бурятам и жителям Саяно-Алтая), а число ружейных стрелков в урянхайских отрядах XVII — начала XVIII в. было на порядок меньше, чем в армии Джунгарского ханства, однако в целом оружейный комплекс урянхайцев мало в чем уступал комплексу вооружения номадов Халхи, который в первой половине XVII в. являлся эталонным для многих народов Центрально-Азиатского региона.

Ведущими видами оружия дистанционного боя у тувинских воинов на протяжении эпохи позднего Средневековья и Нового времени были луки и стрелы. В памятниках тувинцев, относящихся к эпохе позднего Средневековья, луков или их составных деталей не обнаружено. Однако есть основания полагать, что на вооружении у тувинских стрелков находились сложносоставные луки, характерные для кочевников Монголии и Саяно-Алтая рассматриваемого периода. Кибить таких луков состояла из деревянной основы, склеенной из нескольких частей, усиленной костяными или роговыми накладками и обклеенной берестой. Наше предположение подтверждают данные тувинского эпоса.

Согласно им, боевой лук тувинских воинов («ча») изготовлялся из дерева и усиливался накладками из рогов диких горных козлов («те»). Сверху накладки покрывались лаком. Материалом для изготовления луков являлись сухая лиственница («сыра») и белый тальник («ак-тал»). Для изготовления тетивы («кириш») использовалась кожа горного черного козла («те», «чунма»), домашнего козла («серге») или лошади. В эпосе боевые луки часто награждаются эпитетом «черные». Возможно, деревянная поверхность луков покрывалась черной краской. Верхний конец «ча» («устуу сак») мог украшаться изображениями животных: «Собранный из скрепленных и покрытых лаком рогов семидесяти черных козлов упругий черный лук. Верхний конец его украшен изображениями шестидесяти горных козлов и косуль; тетива его (сделана) из новой кожи черных горных козлов» (Гребнев, 1960, с. 120-122). Позднесредневековые сложносоставные луки для тувинских кочевников были привычным, удобным в обращении и достаточно эффективным оружием дистанционного боя.

Для поражения цели на дистанции тувинские стрелки пользовались стрелами («ок», «согун», «казыдак», «хожуула») с железными наконечниками, деревянными древками и оперением («чуг»). В памятниках позднесредневековых тувинских кочевников найдены железные наконечники разных сечения и форм. У тувинцев были на вооружении стрелы с железными, трехлопастными в сечении наконечниками вытянуто-пятиугольной формы с шипами и отверстиями в лопастях. Однако большая часть стрел, применявшихся тувинскими воинами, имела железные плоские наконечники разных форм, среди которых (как и в Монголии) преобладали асимметрично-ромбические и удлиненно-ромбические стрелы. Все они использовались для поражения не защищенных металлическими доспехами противников. Значительно реже тувинские стрелки применяли бронебойные стрелы. Судя по типологическому набору стрел, тувинские всадники могли успешно противостоять в дистанционном бою легковооруженным противникам.

Возможно, что древки некоторых тувинских стрел («ун») окрашивались в черный цвет. Иногда древко обтягивалось корой черного казылгана (Гребнев, 1960, с. 122-123).

В наборе тувинских стрел пока не обнаружено костяных наконечников, которые продолжали использоваться телеутскими и кыштымскими воинами (Худяков, 2004 б, с. 166-169). Однако на их бытование среди урянхайцев указывают материалы тувинского эпоса. В сказании «Меге Шагаан-Тоолай» Сай-Куу-кадын учит сына изготавливать стрелы с роговыми наконечниками: «Теперь вот так строгай твердый маралий рог и так вот насади его на древко стрелы». По данным Л. В. Гребнева, широкое распространение среди тувинских воинов имели стрелы «молдурук», выполненные из «твердых ответвлений маральего рога (костек)... Изготовлялся он (наконечник. — *Авт.)* следующим образом: высушенную, твердую часть маральего рога держали в кипящей воде два-три часа, пока она не становилась мягкой, а затем придавали ей нужную форму. Полученный таким образом наконечник насаживали на конец древка стрелы» (Гребнев, 1960, с. 124).

Наконечники стрел тувинские мастера снабжали костяными свистунками («сыры», «сырыглыг ок») (там же).

В период позднего Средневековья тувинские воины хранили и носили стрелы в кожаных колчанах («хаадак», «хомду»). В позднесредневековых памятниках Тувы были обнаружены остатки таких колчанов. Колчан, найденный в тувинском захоронении на памятнике Кокэль, имел уплощенно-цилиндрическую форму. Стрелы в этом колчане помещались наконечниками внутрь, а оперением наружу (Дьяконова, 1966, с. 357). Такой колчан носили на портупейном или подвесных ремнях, надетых через плечо или подвешенных к поясу.

Трапециевидный колчан XVII-XIX вв. с выпуклым днищем, поднятой «спинкой», тонкой внутренней обкладкой, полусферическими бляшками по периметру, округлой крепежной пластиной с «мальтийским» крестом, пластиной-фиксатором «двухлопастной пропеллер», металлическими накладками вырезной формы происходит с территории Западной Тувы (рис. 56, *5).* По своему оформлению он схож с халхаскими колчанами из Государственного центрального музея МНР. Этот факт может указывать как на родственность военно-культурных традиций халхасцев и урянхайцев, так и на возможность монгольского происхождения данного «хаадака».

Судя по данным эпоса, тувинские воины в ходе боевых действий могли носить луки и стрелы без налучей и колчанов. Так, лук «носили за спиной (причем тетива его проходила по груди)», а стре-

лы — «без колчана, подвешенными к поясу» (Гребнев, 1960, с. 119), т. е., видимо, заткнутыми за пояс.

В ближнем бою тувинские воины наносили удары копьями с удлиненно-ромбическими железными наконечниками (рис. 95, *7-8),* вислообушными и низкообушными топорами с широким лезвием, кинжалами с обоюдоострым и ножами с однолезвийным клинком. Вероятно, также использовались палаши и сабли, хотя такое длинноклинковое оружие в тувинских памятниках пока не обнаружено. Тем не менее оно упоминается в материалах тувинского эпоса под названием «селеме» (монг. «сулима», «сулема», казах, «селебе»). В тувинском эпосе также упоминается клинковое оружие под названием «улду». По мнению Л. В. Гребнева, под данным названием скрывается меч (там же, с. 127). Не отвергая в принципе данную версию, отметим, что в эпических произведениях их герои нередко засовывают «улду» за голенище (там же). Возможно, что под этим названием тувинские сказители подразумевали кинжал.

Кинжалы и ножи различных типов были широко распространены среди тувинских кочевников периода позднего Средневековья и Нового времени.

Из мужского погребения Ак-Дуруг в Туве происходит оригинальный линзовидный черешковый кинжал XVIII-XIX вв. с вытянуто-треугольным острием. Он имеет плоский клинок, широкий у черешка и резко сужающийся к острию. Кинжал не имеет перекрестья и навершия (рис. 89, *2).*

Популярным видом короткоклинкового оружия тувинских кочевников рассматриваемого периода были также черешковые ножи с прямым или слабоизогнутым однолезвийным клинком и рукоятью из органических материалов. Один из таких ножей, датированный XVI-XVII вв., обнаружен в кургане 24 на горе Шанчиг в Туве (рис. 89, *10).* К разновидностям данного варианта ножей принадлежат однолезвийные ножи XVIII-XIX вв. с цельнокованой рукоятью (рис. 89,*13-14)*. На территории Тувы был найден оригинальный черешковый нож XVI-XVII вв. с прямым однолезвийным клинком с полукруглым вырезом и рукоятью из органических материалов.

Под влиянием кочевников Халхи среди номадов Тувы широкое распространение получают ножи с прямым клинком, длинной расширяющейся к металлическому навершию рукоятью, металлической обоймой («обоймой-перекрестьем») рукояти, известные в специальной литературе под названием «хэт хутга».

На территории Тувы обнаружены ромбические в сечении железные наконечники с удлиненно-ромбическим и удлиненно-треугольным пером, массивной втулкой с кольцом (рис. 95, *8)* или металлической петлей (рис. 95, *7)* для подвешивания бунчука. Данные наконечники датируются XVI-XVII вв.

Оба наконечника надевались на длинное массивное деревянное древко и относились к числу ударных копий, находившихся на вооружении конных латников, практиковавших конную сшибку — «сступ» (Уманский, 2001, с. 13).

Некоторое распространение среди тувинских воинов XVII-XVIII вв. имели топоры русского и местного производства.

Плоскообушный широколезвийный топор с уплощенной «бородкой» обнаружен в кургане 24 Шанчиг в Туве. Лезвие широкое, округлое, плоский обух, немного выступающая уплощенная «бородка», треугольный проух. Подобные топоры характерны для русского и коренного населения Западной Сибири XVII-XIX вв. Вероятно, данный экземпляр был приобретен тувинскими кочевниками у русских землепроходцев или ясачных.

На той же горе Шанчиг в Туве был обнаружен северомонгольский (?) плоскообушный широколезвийный топорик XVII в., отличающийся небольшими размерами (рис. 102, *2).*

Можно предполагать, что тувинские воины, наряду с плетью, использовали и ее боевой аналог — кистень. Одна из разновидностей тувинских плетей — «допуржак кымчы» имела длинную рукоять, к которой крепился «длинный двухлезвийный нож» (Гребнев, 1960, с. 126).

Среди тувинцев, воевавших в составе войск различных монгольских государств, были конные воины, снабженные предметами защитного вооружения. Из комплекса защитного вооружения урянхайские латники применяли пластинчато-нашивные панцири, клепаные сфероконические шлемы и, очень редко, кольчуги и кольчужные боевые наголовья (Худяков, 2004 б, с. 172-173).

Судя по данным письменных источников и археологическим находкам более раннего периода, абсолютно преобладающей структурой бронирования металлических тувинских панцирей была пластинчато-нашивная броня. Не стоит исключать возможность применения урянхайцами также ла-

меллярных и ламинарных панцирных элементов и целых корпусных доспехов. Широкое распространение имели «мягкие» панцири из органических материалов. Покрой основной массы тувинских доспехов, вероятно, в целом соответствовал покрою синхронных халхаских панцирей.

Боевые наголовья тувинцев рассматриваемого периода обычно имели сфероконическую тулью, стыки пластин которой прикрывались специальными накладками с ребрами жесткости и вырезным краем. Шлемы снабжались козырьками, навершиями, цельными или составными обручами.

Сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, классическими вырезными двузубчатыми накладками с ребром жесткости, сложным навершием (с шаровидным расширением) и козырьком с вырезным краем (рис. 151; 158, *4)* был найден в местности Чыргакы в Туве. В долине р. Ий был обнаружен сфероконический клепаный шлем с шестипластинчатым куполом, резными накладками и составным (пластинчатым) клепаным обручем с ободком (рис. 152, *2;* 188, *3).*

Не позднее XVIII в. на вооружении тувинцев появилось огнестрельное оружие. Остатки последнего на территории Тувы найдены в двух мужских могилах в Бай-Даг и Ак-Дуруг (датированных XVIII-XIX вв.). В первом случае обнаружены железный ружейный ствол, расширяющийся в дульной части, пять шаровидных железных пуль и кусок кремня. Интересно, что в этом же захоронении были обнаружены наконечники стрел, т. е. в комплекс вооружения, положенного в могилу воина, входило как огнестрельное оружие, так и саадак. В другой потревоженной могиле фиксируются остатки деревянного приклада ружья (ствол был из могилы украден) и кожаный мешочек с 12 свинцовыми пулями шаровидной формы. Судя по тому, что ружье из Бай-Даг имело кремневый замок, оно (как минимум ствол) скорее всего было изготовлено российскими мастерами. При этом не стоит исключать и возможность того, что ствол мог быть изготовлен и цинскими мастерами, которые в XVIII-XIX вв. активно осваивали производство кремневых ружей европейского образца.

Поданным Л. В. Гребнева, «огнестрельное оружие в эпосе ни разу не упоминается» (Гребнев, 1960, с. 127). Этот факт свидетельствует о том, что в период позднего Средневековья ружья не получили широкого распространения среди тувинских воинов.

В целом комплекс вооружения тувинских воинов XVI-XVII вв. близок к синхронным оружейным комплексам народов Южной Сибири, но отличается от них меньшим распространением защитного вооружения и отчасти огнестрельного оружия. По своим основным характеристикам он примыкает к комплексу вооружения кочевников Халхи.

Тактика

Тувинское военное искусство XVII-XVIII вв. развивалось в теснейшем контакте с военным искусством центральноазиатских (в первую очередь восточномонгольских) государств. С некоторой долей условности можно отметить, что военное дело урянхайцев следовало бы рассматривать в ряду центральноазиатских, а не южносибирских народов, так как тувинские феодалы рассматриваемого периода не играли существенной роли в регионе в качестве самостоятельной военно-политической силы, но принимали живейшее участие в кампаниях центральноазиатских правителей.

Особенности комплекса вооружения и структуры военной организации позволяют реконструировать характерные черты военного искусства тувинцев. Отряды легковооруженной конницы применяли тактику рассыпного строя и массированный обстрел противника с дистанции полета стрелы. Подразделения панцирной кавалерии атаковали противника в плотном строю или лавой, активно используя ударные копья. Сходящиеся армии противников сравнивались тувинскими сказителями со сдвигающимися «крутыми ярами» («эл») (Гребнев, 1960, с. 119). В ходе рукопашной схватки всадники действовали палашами, саблями, топорами русского и местного производства. Во время военных кампаний,когда урянхайские войска входили в состав армий монгольских правителей, над наступающими конными лавами тувинцев реяли черные знамена Чингизидов.

Перед и в ходе сражения богатыри противоборствующих армий сходились в поединках. Интересно, что поединок мог представлять собой не только рукопашный бой, но и лучную перестрелку (там же, с. 120).

С большой долей вероятности можно предполагать, что урянхайские воины применяли тактические приемы, характерные для армий халхаских феодалов данного периода. Возможно, что те ту-

винцы, которые были переселены в Джунгарию, проходили обучение по джунгарскому образцу.

Во время похода впереди основных тувинских сил двигались стремительные «погромные отряды», захватывавшие неприятельский скот и грабившие поселения противника. В их задачи также входил сбор сведений о противнике.

Позднесредневековые тувинцы различали виды боевых действий по степени их масштабности и интенсивности. Наряду с набегами и феодальными войнами существовал термин «Эл-чаа», который понимался, как «Великая всенародная война с многочисленным врагом» (Гребнев, 1960, с. 119).

В целом военное дело тувинцев XVII-XVIII вв. развивалось в русле военных традиций номадов Восточной Монголии и ему были присущи многие сильные и слабые стороны, характерные для военного искусства вооруженных сил Халхи этого периода.

Рис. 228. Цинские паниирники кониа XVII — XVIII в. (слева направо):

1 — командир отряда конных легковооруженных лучников первой половины XVIII в.; *2* — знатный иинский латник кониа XVII — начала XVIII в.; *3* — иинский полководец Нового времени; 4 — маньчжурский спешенный латник конца XVII — начала XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великие монгольские завоевания конца XII—XIII в. продемонстрировали народам Евразии военную мощь армий Чингиз-хана и его преемников. По мнению современников, едва ли не ключевую роль в военных успехах монголов, наряду с дисциплиной и тактическими приемами, играл их оружейный комплекс. В XIII в. военно-культурная традиция, основными носителями которой были монголы, распространилась на просторах степей Евразии — от Северного Китая до Восточной Европы. Стремясь подражать победоносным завоевателям, покоренные народы перенимали многие элементы этой военно-культурной традиции, которую, с некоторой долей условности, можно определить как «чингизидскую». В ее основе лежал оружейный комплекс кочевников Центральной Азии, существенно дополненный и обогащенный оружейными комплексами чжурчжэньской империи Цзинь, киданьской империи Ляо и, в несколько меньшей степени, южнокитайской империи Сун, тюркских народов Средней Азии. В результате многочисленных заимствований в конце XIII — XIV в. на территории от Восточной Европы и Ирана до Китая применялись близкие по составу, конструкции и системе оформления региональные оружейные комплексы («хулагуидский», «тимуридский», «юаньский» и др.). Их основу составляли сложносоставные луки «монгольского» типа, стрелы с асимметрично-ромбическими наконечниками, палаши и сабли с дисковидными гардами, булавы на длинных рукоятях, центральноазиатские сфероконические клепаные шлемы, низкие сфероконические и полусферические шлемы «цзиньского» типа с налобными пластинами, ламеллярные, ламинарные и «мягкие» панцири покроев «кираса», «жилет», «халат», плетеные щиты «халха» и др. Широта распространения данных оружейных комплексов была обусловлена двумя основными факторами — конструктивным совершенством предметов вооружения, максимально приспособленным для ведения маневренного конного боя, и господством в регионе монгольской политической элиты, формировавшей моду на предметы материальной культуры и, в том числе, на оружейные комплексы. Соответственно, по мере появления и развития новых оружейных технологий, тактических схем и сокращения политического влияния монгольской и местной «омонголенной» аристократии, начали происходить и существенные изменения в сфере производства вооружения. В XV в. фиксируется распад ранее единой «чингизидской» военно-культурной традиции. На ее месте постепенно возникают и развиваются три новые: «западноазиатская»(«османо-мамлюкский» и «переднеазиатский» региональные оружейные комплексы), «центральноазиатская» («монгольский», «тибетский», «южносибирский» региональные оружейные комплексы), «восточноазиатская» («минский» и «цинский» региональные оружейные комплексы). Данные военно-культурные традиции различались между собой по составу оружейного комплекса и конструкции его элементов, а региональные комплексы еще и по системе их оформления. Более мощная производственная база «западноазиатской» и «восточноазиатской» военно-культурных традиций, опиравшихся на крупные ремесленные центры, вкупе с началом геополитического доминирования оседло-земледельческих цивилизаций предопределили широкий вектор их экспансии. «Османо-мамлюкский» оружейный комплекс получил широкое распространение в Малой Азии, Северной Африке и Восточной Европе; «переднеазиатский» — в Передней и Средней Азии и в Северной Индии; «минский» и «цинский» — в Китае, Корее, Вьетнаме и других странах региона. К концу XV — первой половине XVI в. «центральноазиатская» военно-культурная тради-

ция продолжала уверенно доминировать в Монголии, Тибете и Южной Сибири.

В течение XV-XVIII вв. эволюция оружейных комплексов Центральной Азии и Южной Сибири прошла несколько этапов, каждый из которых отличается известным типологическим разнообразием и характерным набором оружейных элементов.

Оценивая результаты развития военного искусства центральноазиатского региона XV-XVI вв., мы не можем, как некоторые исследователи, утверждать, что в рассматриваемый период оно «стагнировало». Напротив, известные материалы дают основания говорить о поступательном развитии военного дела монгольских номадов в это время (восстановление оружейных производств в Центральной Азии, увеличение числа воинов панцирников, перевооружение конных лучников длиннодревковым оружием, повышение значимости ближнего боя, строительство «опорных» крепостей на контролируемой территории и т. д.). Однако развивались вооружение и тактическое искусство центральноазиатских номадов в рассматриваемый период почти исключительно в рамках степной военно-культурной традиции. Технологические сложности, связанные с восстановлением традиционных оружейных производств в степных условиях, привели к постепенному отказу от наиболее трудоемких (инновационных, высокотехнологичных) отраслей. В Монголии была свернута программа создания артиллерийского парка (быстро развивавшегося при первых Чингизидах и в Юаньской империи), в значительной степени был сокращен парк используемых осадных машин. Монгольское военное искусство, оставаясь передовым среди кочевых народов, перестало быть универсальным.

В сфере эволюции комплекса вооружения центральноазиатских кочевников в XV — первой половине XVI в. фиксируются два взаимосвязанных процесса: постепенный отказ от китаизированных («юаньских») форм и типов вооружения и замещение традиционных оружейных комплексов периода развитого Средневековья их позднесредневековыми аналогами. Первый процесс характеризуется постепенным исчезновением из военного обихода комбинированного длиннодревкового оружия, булав юаньского образца, шлемов с ламеллярными полями, ламеллярных «халатов» с длинными рукавами, сокращением числа ламеллярных и ламинарных наручей и поножей. Второй процесс проявляется в постепенном вытеснении ламеллярной и ламинарной структуры бронирования ее пластинчато-нашивным аналогом,распространением сфероконических клепаных шлемов, появлением «коробчатых» козырьков и ярусных наверший.

Во второй половине XVI — начале XVII в. этот процесс дошел до своего логического завершения. Центральноазиатский доспех данного периода одинаково сильно отличался как от дальневосточных, так и от среднеазиатских аналогов. В этот период в Монголии использовались оригинальные формы шлемов и панцирей: сфероцилиндрические наголовья в Ойратии, кольчато-пластинчатые доспехи из рельефных пластин в Ойратии и Северной Монголии, пластинчато-нашивные «халаты» («чапаны») и конский доспех в Западной и Северной Монголии. Однако в конце периода наблюдается начало процесса интенсивной региональной дифференциации некогда единого центральноазиатского комплекса защитного вооружения. В Южной Монголии это связано с началом широкого распространения предметов защитного и наступательного вооружения маньчжурского и китайского производства, в Западной Монголии — со все возрастающим влиянием среднеазиатской паноплии, оружия ближнего и дальнего боя. На эмпирическом уровне в Чахаре это выразилось в распространении цилиндроконических шлемов, панцирей покроя «жилет» с наплечниками, набедренниками и подмышечниками, а в Джунгарии — в широком использовании кольчатых панцирей и створчатых наручей. Существенно сократилось типологическое разнообразие наконечников стрел. Широкое распространение получили универсальные наконечники, призванные поражать как панцирников, так и легковооруженных воинов противника. Сокращение числа специализированных бронебойных наконечников в конце XVII — XVIII в. было связано с распространением огнестрельного оружия среди кочевников. Широчайшее распространение получило длиннодревковое оружие с одним прямым пером — копья, рогатины, пики. Отдельные центральноазиатские и южносибирские воины применяли длиннодревковое оружие с немного изогнутым однолезвийным пером — пальмы. Классические алебарды, восходящие к юаньским образцам, продолжали использоваться почти исключительно в Тибете. В многовековом противостоянии колчанов-«коробов» и колчанов-«футляров» окончательную победу одер-

жали последние. Из широкого обихода вышли округлые плетеные ручные щиты «халха». Существенно снизилась популярность боевых топоров. Пожалуй, основными исключениями из правила стали луки и длинноклинковое оружие. Сложносоставные луки с веслообразными центральными накладками хорошо зарекомендовали себя в период развитого Средневековья и сохранили свое ведущее положение в период позднего Средневековья и Нового времени. Что касается юаньских палашей и сабель, то их конструкция оказалась настолько удачной, что продолжала воспроизводиться на протяжении последующих столетий. Сабли со слабоизогнутым клинком, округлой гардой с бортиком и навершием, с известными вариациями, сохраняли популярность среди монгольских, маньчжурских и китайских воинов вплоть до конца XVIII в. В монгольских степях длинноклинковое оружие существенно расширило свой «ареал» по сравнению с периодом развитого Средневековья и, в известной степени, потеснило ударное (булавы) и ударно-рубящее (топор) оружие.

Вероятно, уже в XVI в. отдельные центральноазиатские воины стали применять в ходе сражений ручное огнестрельное оружие среднеазиатского или восточноазиатского производства. Однако широкого распространения такая практика не получила. Попадавшие в руки номадов в качестве трофеев, контрабандных товаров или дипломатических подарков ружья были немногочисленны и не могли оказать значительного влияния на ход степных сражений.

Изменения в комплексе вооружения привели к постепенной трансформации основных тактических схем ведения боя. Главным тактическим новшеством XVI в. стало постепенное возрастание роли копейного удара и ближнего рукопашного боя. Если в период развитого Средневековья ключевая роль на полях центральноазиатских сражений принадлежала легковооруженным лучникам, а копейщики-панцирники наносили заключительный удар по деморализованному и (или) отступающему противнику, то в период позднего Средневековья рукопашная схватка стала решать участь всего сражения. В XVI — начале XVII в. (по мере оснащения степных воинов защитным вооружением) главной ударной силой монгольских армий становятся средневооруженные копейщики-панцирники, способные вести дистанционный бой, используя сложносоставные луки (в конце периода — фитильные ружья), а на короткой дистанции опрокидывать противника с помощью копейной атаки и последующей конной рубки. В русских письменных источниках начала XVII в. данный военный прием именовался тактикой «трех напусков» — «лучного», «копейного» и «сабельного». Мощь копейного удара в рассматриваемый период была существенно увеличена не только за счет распространения среди монгольских воинов защитного вооружения, но и благодаря перевооружению бездоспешных всадников длиннодревковым оружием. Это, в свою очередь, привело к появлению сложных многопозиционных построений.

На период позднего Средневековья и Нового времени приходятся принципиальные изменения в военно-технологической сфере, приведшие к смене традиционного баланса сил в Евразии. Номады постепенно теряют присущее им со времен скифов и гуннов тактическое преимущество в ведении дистанционного боя. Монгольские военачальники совершенствовали традиционные тактические приемы ведения боя, в оседло-земледельческих государствах произошли решающие изменения в военном производстве и распространении огнестрельного оружия, создании наемных и национальных армий. В течение XV и значительной части XVI в. кочевники побеждали армии оседло-земледельческих империй, использовавших пока еще не очень совершенное огнестрельное оружие. Однако в конце XVI — начале XVII в. ситуация в значительной степени изменилась. В странах Западной Европы, Передней и Средней Азии и Дальнего Востока были созданы массовые армии, вооруженные ружьями и пушками.

В первой половине XVII в. правители кочевых государств попытались оснастить свои армии огнестрельным оружием. Однако у них отсутствовали производственные базы, позволявшие наладить выпуск этого вида вооружения, а оседло-земледельческие империи независимо друг от друга наложили строжайшее эмбарго на поставку ружей и пушек кочевникам. На технологические проблемы наложились проблемы политического и экономического характера. К началу XVII в. некогда единое Монгольское государство распалось на несколько ханств, которые просто не обладали политическими и материально-техническими ресурсами для решения столь важной задачи.

МОНГОЛИЯ В период позднего Средневековья была политически децентрализована, и ряд ее регионов вошел в состав оседло-земледельческих империй, что существенно сказалось на эволюции ранее единого центральноазиатского оружейного комплекса. К началу и особенно к середине XVII в. сформировались региональные оружейные комплексы, различавшиеся между собой набором предметов вооружения, их конструкцией, количественным соотношением, оформлением. Мы выделяем четыре основных региональных оружейных комплекса: южномонгольский, восточномонгольский («халхаский»), западномонгольский («джунгарский») и комплекс вооружения монголов Кукунора и Центрального Тибета. К ним примыкают испытавшие на себе сильное монгольское влияние комплексы вооружения кочевников Южной Сибири: енисейских кыргызов, шорцев, телеутов, бурят, тувинцев и др.

Ключевым событием политической жизни южномонгольских княжеств стало их вхождение в состав Маньчжурского государства. Это во многом предопределило развитие военного искусства южных монголов в рассматриваемый исторический период. Имперские власти начали массовые поставки маньчжурского оружия в армии 49 хошунов, что существенным образом изменило организационную структуру южномонгольских вооруженных сил, усилило контроль за состоянием вооружения и подготовки войск, хотя это не изменило традиционное военное искусство монгольских войск. Напротив, с усилением дисциплины и регламентации поведения воинов в бою и походе маньчжурские военные чиновники старались усовершенствовать тактические приемы, которыми славились центральноазиатские кочевники. Военное дело номадов удачно встраивалось в систему вооруженных сил империи, существенным образом дополняя сильные стороны собственно маньчжурского и китайского военного искусства.

Развитие вооруженных сил южных монголов в составе цинской армии в этот период отличалось традиционностью. Монгольская конница нужна была манчьжурам в качестве мобильной силы, способной вести боевые действия в условиях степных и пустынных территорий, совершать стремительные переходы, нанося неожиданные удары по противнику. Она не могла вести осаду крупных городов и длительные оборонительные бои. В войсках южных монголов не хватало огнестрельного оружия, не было новых тактических приемов ведения конного боя. Это привело к стагнации военного дела южномонгольских кочевников. Так, уже в последней трети XVII — начале XVIII в. в сфере ручного огнестрельного оружия южные монголы уступали не только маньчжурским частям «восьмизнаменной армии», но и джунгарам. По мере потери боеспособности «восьмизнаменной армии» в течение второй половины XVIII — XIX в. ухудшались вооружение и военная подготовка войск южных монголов.

На протяжении XVII в. вооруженные силы Восточной Монголии (Халхи) развивались в рамках кочевой военной традиции. Политическая раздробленность, особенности геополитического положения (отсутствие доступа к центрам производства огнестрельного оружия), слабое экономическое развитие предопределили стагнацию военного искусства халхасцев. Поражения на поле боя в ходе Джунгаро-халхаской войны 1688-1689 гг. в конечном счете привели к потере национальной независимости Халхи.

После включения Халхи в состав Цинской империи маньчжурские и монгольские военные чиновники предприняли активные усилия по реформированию халхаских вооруженных сил. За образец были взяты войска Южной Монголии. Широкое распространение среди халхаских воинов получили защитное вооружение (в основном «мягкие» доспехи местного и пластинчато-нашивные панцири цинского производства), клинковое оружие. Более активно стало использоваться огнестрельное оружие. Повысились уровень дисциплины и управляемость войск. Все эти факторы сказались во время III Джунгаро-цинской войны (1729-1740), в ходе которой активные действия халхаского ополчения сыграли важную роль в изгнании из страны джунгарской армии вторжения.

Однако нельзя не отметить, что военное дело халха-монголов в конце XVII — XVIII в. (как и военное дело их южных соседей — монголов) развивалось односторонне. Цинские власти создавали из халхаских войск конные части, способные вести маневренную войну в условиях Центральной Азии, не имеющие возможности для самостоятельного ведения полномасштабных боевых действий без поддержки со стороны маньчжурских и китайских войск. В конце XVII — XVIII в. в Южной Монголии и Халхе не было налажено собственное ружейное

производство. Значительное количество ружей, использовавшихся халхаскими воинами в этот период, являлось импортом из ремесленных центров Китая. Не получила значительного развития в Восточной Монголии и артиллерия. Цинская империя контролировала как объем поставок, так и общий уровень вооружения и оснащения войск Внутренней и Внешней Монголии.

Исключительный интерес для военной истории представляет собой военное искусство Джунгарского ханства (1635-1758). Эта степная держава последовательно внедряла в практику новейшие военные технологии, оружейные и околооружейные производства, присущие оседло-земледельческим государствам, сохраняя при этом кочевое хозяйство как основу государственной экономики. Успешность данной политики была обусловлена тремя основными факторами, которые с некоторой долей условности можно определить как централизация, модернизация, милитаризация. Опираясь на преимущества сильной центральной власти, джунгарские хунтайджи последовательно модернизировали традиционные отрасли экономики и поощряли инновации, внедрение которых было направлено в первую очередь на удовлетворение военных нужд ханства. Предельная милитаризация была для кочевого общества в тот период единственным способом сохранения независимости. Все степные народы, которые не могли противостоять натиску земледельческих империй, рано или поздно становились их частью. Джунгария же не только приостановила российскую и цинскую экспансию в регион, но и по ряду направлений перешла в тактическое наступление.

Стремясь сократить технологическое отставание от оседло-земледельческих империй, джунгарские хунтайджи провели серию военных реформ, в ходе которых были последовательно решены вопросы обеспечения армии импортным ручным огнестрельным оружием (70-80-е гг. XVII в.), создана материально-техническая база и начат массовый выпуск собственного ручного огнестрельного оружия (90-е гг. XVII в. — начало XVIII в.), организовано пушечное производство и сформирован собственный артиллерийский парк (вторая половина 20-х — 40-е гг. XVIII в.). В этот период ни Россия, ни Китай не оказывали поддержки этим начинаниям. Напротив, правительства обеих империй наложили строжайшее эмбарго на поставку оружия в Джунгарию. Тем значительнее были успехи, достигнутые джунгарскими оружейниками.

Залогом успешных военных реформ являлась сильная центральная власть, представители которой (в первую очередь сами хунтайджи и их окружение) четко осознавали необходимость внедрения инноваций в традиционный оружейный комплекс. Первоначальный импульс высокотехнологичным производствам обычно давали пленные иностранные, среднеазиатские и европейские мастера. В дальнейшем они развивались местными оружейниками. Иностранцы обучали джунгарских мастеров новым технологиям, что позволяло развернуть массовое производство новых видов вооружения. Так произошло и с ружейным, и с пушечным производством. Характерно, что джунгары, активно заимствуя и применяя на практике новейшие оружейные и тактические наработки соседних народов, делали это не механически, а с учетом местных природно-климатических, географических и военно-политических условий. В результате в джунгарской армии наиболее органично из армий всех степных держав сосуществовали традиционные для региона комплексы вооружения и рода войск (панцирная копейная конница, легковооруженная копейная и лучная конница), а также комплексы вооружения и рода войск, привнесенные в военное искусство джунгар в результате заимствований из военного дела других народов (спешенные стрелки из огнестрельного оружия и спешенные копейщики, крупнокалиберные ружья, артиллерия). В результате синтеза военных традиций появлялись специфические рода войск (например, отряды конных воинов, вооруженных фитильными ружьями), которые, в свою очередь, заимствовались соседними народами (жителями Восточного Туркестана, тибетцами и др.). В конце XVII — первой половине XVIII в. обновленная джунгарская армия практически на равных противостояла войскам крупнейших государств региона — Российского государства и Цинской империи.

Три Джунгаро-цинские войны, военные кампании против русских, казахов, народов Мавераннахра в конце XVII — первой половине XVIII в. продемонстрировали высокие боевые характеристики джунгарской армии. Ее ядром были отряды профессиональных воинов из личных отрядов хунтайджи и крупнейших феодалов. В то же время значительную роль играло и народное ополчение, созывав-

шееся в рамках частичной или тотальной мобилизации мужского населения ханства. Перманентные войны привели к тому, что значительная часть рядовых ополченцев была представлена ветеранами, за плечами которых была не одна военная кампания. Многие из них умели обращаться с огнестрельным оружием и активно использовали фитильные ружья джунгарского или среднеазаитского производства в ходе боевых действий. Пока центральная власть была сильна и западные монголы шли от победы к победе, Джунгария по праву считалась одной из сильнейших региональных держав. Однако, ведя длительные военные кампании на двух, а то и на трех фронтах одновременно, Джунгария «надорвалась». Военная добыча не могла покрыть издержки, которые нес относительно небольшой кочевой народ, находившийся в состоянии почти непрекращающейся войны. На экономический кризис наложился кризис политический, а на него — иностранная интервенция. Поступательное развитие единственной в мире степной державы, попытавшейся объединить традиционную кочевую экономику с новейшими производствами, характерными для оседло-земледельческих и урбанистических цивилизаций, было оборвано извне.

Известным своеобразием отличается эволюция военного искусства народов Тибета периода позднего Средневековья и Нового времени. Отличительными чертами тибетских армий XV-XVIII вв. были наличие большого числа родов войск (наряду с панцирной и легковооруженной конницей в состав тибетских отрядов входила тяжелая и легкая пехота), широкое распространение защитного и клинкового оружия при относительно слабом распространении огнестрельного оружия. Эти стороны военного дела тибетцев периода позднего Средневековья были обусловлены политическими, экономическими и природно-климатическими условиями «Страны снегов». Горожане и горцы составляли пехоту, а кочевники и феодальная знать — конницу. Таким образом, тибетская армия совмещала в себе элементы военных традиций как кочевых, так и оседло-земледельческих народов.

На протяжении почти всего XVII и части XVIII в. ядро тибетской армии составляли монгольские войска (тумэты, халха-монголы, ойраты-хошоуты и др.). Командовали такими объединенными армиями обычно полководцы монгольского происхождения. В первой половине XVII в. монгольские воины считались в Тибете непобедимыми. Монгольские оружие, одежда и обычаи в этот период были исключительно популярны среди коренных тибетцев. Неудивительно, что тибетское вооружение и тактика XVII-XVIII вв. несут на себе яркий отпечаток монгольской военной традиции. По уровню подготовки и дисциплины собственно тибетские войска уступали как центральноазиатским (монгольским, ойратским), так и восточноазиатским (цинским) армиям. Кроме того, тибетские армии были немногочисленны и обычно состояли из нескольких сотен (изредка из нескольких тысяч) профессиональных воинов (дружинников духовных и светских феодалов, наемников) и ополченцев. Регулярная тибетская армия была создана только в середине XVIII в., и в течение следующего столетия ее численность обычно не превышала 3-8 тыс. человек. Неудивительно, что в этих условиях иностранные «армии вторжения», состоявшие из 5-15 тыс. человек, представляли собой серьезную угрозу тибетской независимости.

Эволюцию комплекса тибетского вооружения и тактики XVII-XVIII вв. можно разделить на два основных периода. В течение XVII в., с укреплением военного и политического господства монголов в Тибете, их влияние на военное искусство тибетцев становится определяющим. Оно проявилось в распространении сложносоставных монгольских луков, «мягких» панцирей, клепаных шлемов с козырьками. Монгольское влияние наложилось на местные военно-культурные традиции. Тибетские пехотинцы широко использовали усиленные железными умбонами и вырезными накладками плетеные щиты. Знатные и состоятельные воины прикрывали своих коней масками и крупнопластинчатыми или ламеллярными панцирными попонами. В течение рассматриваемого периода, в результате монгольского влияния, резко возросло значение конного лучного боя. Сражение начинали конные лучники, за ними в бой вступали конные панцирные копейщики. Излюбленным тактическим приемом был удар по флангам противника с последующим выходом в тыл. Конницу в сражении поддерживала легковооруженная и панцирная (щитоносная) пехота. При осадах городов и горных крепостей использовались катапульты.

В XVIII в., с ослаблением монгольского военного и политического влияния, тибетский оружейный комплекс подвергается трансформации. В процессе

джунгарского, среднеазиатского и североиндийского влияния у тибетцев получили распространение кольчатые панцири, четырехчастные зерцальные доспехи, панцирные пластинчатые пояса, цельнокованые и клепаные сфероконические наголовья с «коробчатыми» козырьками. В процессе североиндийского и цинского влияния стали применяться сабли, однако основным типом клинкового оружия были однолезвийные палаши с дисковидной гардой. Уменьшилось применение сложносоставных луков, но возросло использование фитильных ружей. Данные процессы наблюдались на территории всего Тибета, но особенно четко фиксировались в Бутане. На тактическом уровне возросла роль перестрелки из огнестрельного оружия, которая могла длиться от нескольких часов до нескольких дней. Рукопашная схватка, как и прежде, начиналась атакой кавалеристов, вооруженных длиннодревковым и клинковым оружием. Однако теперь их поддерживали не только конные лучники, панцирные и легковооруженные пехотинцы, но (как и в джунгарской армии) и всадники, вооруженные фитильными ружьями. В рукопашной схватке всадники не только кололи копьями, но и метали их в противника. Наряду с такими метательными копьями активно использовались тяжелые дротики с длинными наконечниками. Атаку кавалеристов и пехотинцев поддерживали залпы немногочисленных крупнокалиберных ружей и малокалиберных безлафетных орудий. Подобная тактика с некоторыми изменениями просуществовала в Тибете вплоть до начала XX в.

В силу своей малочисленности войска народов Южной Сибири не могли на равных конкурировать с армиями крупнейших центральноазиатских феодалов. Численность южносибирских ополчений редко превышала 2-3 тыс. воинов, в то время как западномонгольские и халхаские правители могли выставить армии из нескольких десятков тысяч всадников. В то же время местные племена хорошо знали театр боевых действий и являлись ценными союзниками монгольских военачальников в борьбе с русскими служилыми людьми, пытавшимися поставить регион под контроль «Белого царя».

Комплекс вооружения и военное искусство народов Южной Сибири (енисейских кыргызов, кыштымов, телеутов, бурят и тувинцев) в период позднего Средневековья развивались в постоянном взаимодействии и испытывали сильное влияние со стороны военного дела монголов. В XVI-XVII вв. военное дело южносибирских народов развивалось с учетом саяно-алтайских и центральноазиатских (монгольских) военных традиций. На основании типологического анализа оружейных комплексов енисейских кыргызов, телеутов, бурят и тувинцев они могут быть отнесены к региональным вариантам центральноазиатской оружейной военно-культурной традиции, а военное дело южносибирских кочевников может рассматриваться как региональный вариант военного искусства центральноазиатских номадов.

Региональная дифференциация военного искусства монгольских кочевников XVII-XVIII вв. сказалась и на эволюции военного дела кочевников Южной Сибири этого же периода, хотя эти различия фиксируются в южносибирских материалах несколько менее четко, чем в собственно монгольских. На военное искусство жителей Алтая и, в меньшей степени, Минусинской котловины со второй половины XVII в. наибольшее воздействие оказывало военное дело западных монголов — джунгар, в то время как военное искусство бурят и, особенно, тувинцев испытывало сильное влияние со стороны халха-монголов. Со второй половины XVII в. и, особенно, с середины XVIII в. становится заметным влияние оружейных комплексов оседло-земледельческих народов: российского (на алтайцев, хакасов, бурят) и (опосредованно, через Халху) цинского (на бурят и тувинцев).

Несмотря на определенную схожесть военного искусства народов Южной Сибири, между ними существовали значительные различия, вызванные спецификой развития местных оружейных комплексов и текущей военно-политической обстановкой.

В XVII в. наиболее динамично развивающимся и самостоятельным было военное дело енисейских кыргызов. Главным противником кыргызских князцов были русские служилые люди, оружейный комплекс и военное искусство которых были одними из самых эффективных в регионе. Чтобы сдержать наступательный порыв русских в Минусинскую котловину, енисейским кыргызам пришлось значительным образом трансформировать свое военное искусство, приспособив его к новым военным вызовам.

Енисейские кыргызы быстрее других южносибирских народов научились эффективно и относи-

тельно массово применять в боевых действиях трофейное огнестрельное оружие русского производства. Для повышения боеспособности вооруженных сил кыргызских княжеств его хозяева пошли на нарушение многовекового запрета и стали снабжать своих кыштымов предметами защитного вооружения и оружием ближнего боя. В столкновениях с русскими кыргызы, подражая своим противникам, стали часто прибегать к тактике активной обороны. Укрываясь от неприятельского огня, они спешивались, «осекались лесом», занимали укрепленные позиции на возвышенностях, рыли окопы, прикрывая их каменными стенками и насыпями, устанавливали частокол. В случае необходимости войска перебрасывались не только верхом, но и на специальных «лодках» и «стругах». Таким образом, военное искусство енисейских кыргызов не являлось простым продолжением военного искусства центральноазиатских кочевников. Длительное противоборство с русскими служилыми людьми существенно ускорило эволюцию комплекса вооружения и тактики кыргызских воинов. Эффективность военного искусства енисейских кыргызов подтверждается длительным и, несмотря на ряд серьезных поражений, в целом успешным противодействием российской экспансии в Минусинскую котловину на протяжении почти ста лет.

Среди тюркских народов Южной Сибири в XVII — первой половине XVIII в. алтайцы в наибольшей степени испытали на себе влияние джунгарского комплекса вооружения, что было обусловлено целым рядом политических, экономических и военных факторов. Взаимопроникновению двух оружейных комплексов способствовал и тот факт, что не позднее начала XVII в. североалтайские мастера в массовом порядке производили оружие для нужд западномонгольских армий. Кузнецы, изготавливавшие предметы вооружения для ойратской знати, не могли не учитывать требования джунгар. Оружейный комплекс и военное дело жителей Алтая XVII — первой половины XVIII в. представляют собой вариант военного искусства кочевников Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени.

На протяжении рассматриваемого периода традиционный оружейный комплекс воинов Алтая подвергся известной модернизации. Не позднее последней трети XVII в комплекс оружия дистанционного боя телеутских воинов было введено ручное огнестрельное оружие сначала русского, а затем джунгарского производства. На протяжении всей первой половины XVIII в. роль «огненного боя» в тактике воинов Алтая (за счет джунгарского импорта и местного производства) неуклонно возрастала. Из Джунгарии пришла и новая тактика ведения боя, основным элементом которой было взаимодействие спешенных ружейных стрелков с пешими и конными лучниками и копейщиками. Кроме того, жители Алтая использовали оригинальные тактические приемы, связанные с особенностями горного ландшафта: устройство каменных обвалов-ловушек «корым-баснак», организация укрепленных баз («крепостей») «шибее» и др.

Военная активность телеутских князей в первой половине XVII в. позволила затормозить экспансию в этот регион русских служилых людей. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. оплотом их положения выступало могущественное Джунгарское ханство. Участие джунгарских отрядов в военных экспедициях телеутских князей существенно повышало уровень боеспособности алтайских войск.

Комплекс вооружения и тактика бурятских войск в XVII в. во многом базировались на военных традициях Халхи. Бурятские войска отличались значительным количеством конных панцирных воинов, однако оружие ближнего боя (сабли и, особенно, копья) имело у них меньшее распространение, чем в Западной Монголии. Приоритет отдавался лучной стрельбе, причем в ней принимали активное участие не только легковооруженные лучники, но и конные латники. Главной тактической схемой были традиционные для Центральной Азии этого времени «три напуска» (атака лучников, копейщиков, рукопашная схватка с использованием клинкового оружия). После вхождения Бурятии в состав России улучшается оснащение бурятских отрядов огнестрельным оружием, длинноклинковым оружием и кольчатой броней. Конные бурятские латники учатся взаимодействовать в ходе сражения с русскими ружейными стрелками, действующими в пеших порядках.

Военное искусство тувинцев развивалось в теснейшем контакте с военным делом центральноазиатских государств и в первую очередь халхаских ханств. Отряды тувинских воинов регулярно принимали участие в военных действиях в составе армий халха-монголов и ойратов, совершали похо-

ды по территории Южной Сибири и сопредельных районов северо-западной Монголии. Ведущим видом оружия дистанционного боя у тувинских воинов на протяжении эпохи позднего Средневековья и Нового времени был саадак. Не позднее XVIII в. на вооружении тувинцев появилось огнестрельное оружие. Среди урянхайцев, воевавших в составе войск различных монгольских государств, были конные воины, снабженные предметами защитного вооружения. Отряды легковооруженной тувинской конницы применяли тактику рассыпного строя и массированный обстрел противника с дистанции полета стрелы. Подразделения панцирной кавалерии атаковали противника в плотном строю или «лавой», активно используя ударные копья. В ходе рукопашной схватки всадники действовали палашами, саблями, топорами русского и местного производства. В целом комплекс вооружения тувинских воинов XVI-XVII вв. близок к синхронным оружейным комплексам народов Южной Сибири, но отличается от них меньшим распространением защитного вооружения и, отчасти, огнестрельного оружия. По своим основным характеристикам он примыкает к комплексу вооружения кочевников Халхи.

Таким образом, комплекс вооружения и тактика южносибирских кочевников XVI-XVIII вв. развивались под сильным центральноазиатским влиянием. В начале периода абсолютно преобладающим было влияние монгольской военно-культурной традиции, которая проявилась на всех уровнях военного искусства южносибирских кочевников — от особенностей конструкции и оформления предметов вооружения до состава оружейного комплекса, структуры вооруженных сил и тактических приемов. Во второй половине периода стало проявляться влияние русского оружейного комплекса (особенно у народов, вошедших в состав Российского государства), а также военного искусства Цинской империи (как правило, опосредованно, через Халху).

Появление на границах Южной Сибири и Центральной Азии военных отрядов русских служилых людей и цинских войск существенным образом изменило традиционную линию развития военной истории тюркских и монгольских кочевых народов. Номадам пришлось столкнуться с хорошо вооруженным, обладавшим огнестрельным оружием и имевшим большой боевой опыт противником, опиравшимся на иные, в большей степени соответствовавшие новым историческим условиям, военные традиции. Центральноазиатские и южносибирские кочевники попытались освоить новые для себя виды вооружения, усовершенствовали тактику полевых сражений. Наибольших успехов на этом пути сумели добиться номады Западной Монголии (Джунгарии), которые смогли наладить массовое производство ручного огнестрельного оружия и артиллерии. Однако изменить ход истории номады все же не смогли. Утратив свое былое военное преимущество над армиями стран оседло-земледельческой цивилизации в дистанционном бою, кочевые народы Центральной Азии и Южной Сибири попали в сферу влияния, а затем были включены в состав крупнейших восточных империй Нового времени, Цинского Китая и России. Вместе с утратой государственности началась трансформация традиционного военного искусства кочевников, которое к началу XIX в. практически прекратило свое существование как самостоятельный военно-исторический феномен, встроившись в военные системы оседло-земледельческих империй.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион

БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока

ГПБ — Государственная публичная библиотека

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ДАИ — Дополнение к актам историческим

ДВО — Дальневосточное отделение

ЗСОРГО — Западно-Сибирский отдел Русского географического общества

ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук

КМАЭЭ — Музей археологии, этнографии и экологии Кемеровского гос. университета

КОКМ — Кемеровский областной краеведческий музей

КРО — Казахско-российские отношения

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири, Томский гос. университет

МАЭКемГУ — Музей археологии и этнографии Кемеровского гос. университета

МИБ — Музей истории Бурятии

МИКХ — Материалы по истории казанских ханств

МРМО — Материалы по истории русско-монгольских отношений

МЭИ — Музей этнографии и природы

НГУ — Новосибирский гос. университет

НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей

ОГОИЛМ — Омский гос. объединенный исторический и литературный музей

ОПМК — Оружейная палата Московского Кремля

РКО — Русско-китайские отношения

РЭМ — Российский этнографический музей

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

КОММЕНТАРИИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Черно-белые иллюстрации

Рис. 1. Конструкция сложносоставных луков и стрел кочевников Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени. Основные типы наконечников стрел:

/ — конструкция сложносоставного лука периода позднего Средневековья и Нового времени: а) кибить, б) рукоять, в) «плечи», г) концы лука («рога»), д) берестяная обклейка, е) центральная роговая веслообразная накладка, ж) плечевые роговые накладки, з) концевые роговые «вкладыши», и) тетива; 2 — конструкция стрелы: а) наконечник, б) древко, в) «ушко», г) свистунка, д) оперение; *3-11* — основные типы наконечников стрел, использовавшиеся кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени: *3-8* — группа 1 (наконечники стрел с плоским сечением пера); *9-10* — группа 2 (наконечники стрел с четырехгранным в сечении пером); // — группа 3 (двухлопастные наконечники); *3* — плоский асимметрично-ромбический наконечник (группа 1, тип 1); *4* — плоский боеголовковый наконечник (группа 1, тип 2); *5* — плоский овально-крылатый наконечник (группа 1, тип 3); *6* — плоский полуовальный наконечник с остроугольным острием (группа 1, тип 4); *7* — плоский секторный наконечник (группа 1, тип 5); *8* — плоский наконечник «томара» (группа 1, тип 6); *9* — четырехгранный удлиненно-ромбический наконечник (группа 2, тип 1); *10* — четырехгранный боеголовковый наконечник (группа 2, тип 2); // — двухлопастной ярусный наконечник (группа 3, тип 1).

Рис. 2. Конструктивные элементы позднесредневековых налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири:

/ — основные разновидности конструкции, покроя и системы оформления позднесредневековых налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири: а) У-образный налуч «тибето-монгольского» типа. Отличительными чертами налучей «тибето-монгольского» типа были небольшое количество металлических накладок на лицевой поверхности налуча (на которой нередко сохранялись лишь крепежные пластины и заклепки), кожаная обкладка футляра и густой геометрическо-растительный орнамент, покрывающий верхнее поле налуча; б) У-образный налуч «центральноазиатского» типа. «Центральноазиатский» тип оформления налучей был преобладающим на территории Монголии и значительной части Южной Сибири на протяжении большей части позднего Средневековья и Нового времени; в) У-образный налуч «предбайкальского» типа. Отличительной чертой этих налучей является традиция закрывать лицевую плоскость налуча металлическими накладками различных размеров и форм; г) У-образный налуч «забайкальского» типа. Традиционным элементом украшения этих налучей является комбинация из трех вертикально расположенных дисков с умбончиками; д) трапециевидный налуч «позднетибетского» типа. «Позднетибетские» налучи имеют не У-образную, а трапециевидную форму, напоминающую форму позднесредневекового колчана «хаадак», что позволило нам отнести их в отдельный тип. Отличительной особенностью данного типа налучей была не только форма футляра, но и его конструкция. Большинство «позднетибетских» налучей не имели донца. Фактически налуч покрывал лишь центральную часть лука, в то время как его «плечи» и «рога» выходили за пределы футляра. Данный тип налучей получил известное распространение в Тибете во второй половине XVIII — начале XX в. Он был также известен в Китае, Бутане, Непале и Северной Индии; е) цинский вариант У-образного налуча «центральноазиатского» типа. Отличается наличием специального металлического кольца в виде полумесяца со звездами (у верхнего «ушка» вблизи крепежной пластины) и «центрального диска» небольшого диаметра. Данный вариант налуча был широко распространен среди маньчжурских воинов XVII-XIX вв. В монгольских войсках он стал стремительно набирать популярность после включения Южной и Восточной Монголии в состав Цинской империи; *1-13* — кон-

структивные элементы позднесредневековых налучей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири: *1* — «поле» налуча; *2* — «спинка» налуча; *3* —днище; *4* — обкладка по периметру налуча: а) обкладка «спинки», б) обкладка днища, в) обкладка горловины; *5* — угловая пластина Г-образной формы; *6* — металлическое кольцо в виде полумесяца со звездами (элемент оформления, характерный для цинских колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени); 7 —крепежные пластины; *8* —«центральный диск»; 9 — пластины-накладки; *10* —бляшки; *11* —бляшки-«ваджры»; *12* —бляшки-«спутники»; *13* — кожаный или матерчатый кант.

Рис. 3. Конструкция позднесредневековых колчанов:

1-6 — основные типы колчанов, использовавшихся кочевниками Центральной Азии XV-XIX вв.: *1* —колчан-«короб» конца XIII—XV в.; *2* —колчан-«короб» «bse dong» XV-XVII вв. (тибетский тип); *3-6* —колчаны-«футляры»: *3* —«горбатый» колчан-«футляр» (тип 1); *4* — «трапециевидный» колчан-«футляр» (тип 2); *5* — «прямоугольный» колчан-«футляр» (восточноазиатский вариант) (тип 3); *6* —8-образный колчан-«футляр» (западноазиатский вариант) (тип 4).

Рис. 4. Конструктивные элементы позднесредневековых колчанов кочевников Центральной Азии и Южной Сибири:

1 — «поле» колчана; *2* — «спинка» колчана; *3* —днище; *4* —обкладка по периметру колчана: а) обкладка «спинки», б) обкладка днища, в) обкладка горловины; *5* — крепежные пластины; *6* —«центральный диск»; 7 — пластины-накладки: а) накладка «комета»; *8* — бляшки; *9* — заклепки; *10* — бляшки-«спутники» «центрального диска»; *11* —ременные пластины: а) верхние, б) нижние (концевые), в) ременная пластина-фиксатор; *12* —карман; *13* — ушко; *14* — Г-образная пластина-накладка; *15* — разделительные жгуты.

Рис. 5. Основные типы и варианты покроя панцирей кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья и Нового времени:

1 —панцирь покроя «двухчастная кираса»: а) плечевые разрезы, б) боковые разрезы; *2* — панцирь покроя «кираса» с боковым разрезом: а) разрез на левом плече, б) разрез на левом боку; *3* — панцирь покроя «кираса» с боковым разрезом и удлиненным нижним краем: а) разрез на левом боку; *4* — панцирь покроя «жилет» со сплошным осевым разрезом: а) сплошной осевой разрез; *5* — панцирь покроя «катафракта» с боковым разрезом (нижняя часть подола переходит в длинные набедренники); *6* — панцирь покроя «халат» с осевым разрезом и двухчастным подолом: а) осевой разрез, б) правая пола, в) левая пола, г) наплечники, д) «ожерелье»; 7 — панцирь покроя «халат» с осевым разрезом и четырехчастным подолом: а) осевой разрез, б) рукава; *8* — панцирь покроя «халат» с осевым разрезом и трехчастным подолом: а) осевой разрез, б) правая пола (набедренник), в) левая пола (набедренник), г) накрестник, д) подмышечники; *9* — панцирь покроя «халат» с косым запахом: а) разрез, образующий косой запах, б) панцирные рукава; *10* — цинский пластинчато-нашивной доспех: а) панцирный пластинчато-нашивной «жилет» «магуацзы», б) набедренники «монгольская юбка», в) наплечники, г) панцирный передник, д) панцирный элемент для прикрытия бокового разреза, е) подмышечники, ж) зерцало.

Рис. 6. Конструкция боевых наголовий, структура бронирования и система покроя бармиц центральноазиатских и южносибирских шлемов периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-5 — типология шлемов по форме купола: *1*а, б — сфероконический; *2* — полусферический; *3* — конический; *4* — сфероцилиндрический; *5* — цилиндроконический; *6* — миссюрка; *7* — кольчужный чепец («капюшон»); *8* — конструктивные элементы шлемов: а) пластины тульи, б) пластины-накладки (с ровным и вырезным краем, ребром жесткости), в) обруч, г) козырек, д) пластина козырька, е) налобная пластина (налобник) козырька, д) навершие, е) пластина навершия, ж) трубка-втулка для плюмажа, з) надвершие, и) отверстия для крепления бармицы; *9-10* —разновидности бармиц: *9* —бармица «открытого» типа. Последняя, как правило, кроилась из одного сегмента брони и представляла собой назатыльник, прикрывавший шею и уши воина, но оставлявший открытыми горло, щеки и подбородок. Некоторые типы «открытых» бармиц прикрывали лишь затылок воина. Для бармиц «открытого»типа применялась кольчатая, ламеллярная, ламинарная, «мягкая» (органическая), пластинчато-нашивная (на иллюстрации) структура бронирования. Бармицы «открытого» типа могли усиливаться металлическими наушами и пластинами-накладками (обычно округлой формы); *10* —разновидности бармиц «закрытого» типа. Бармица «закрытого» типа кроилась из одной, двух или трех частей и прикрывала затылок, уши, горло, иногда щеки и подбородок воина. Генезис «открытых», а также одночастных и трехчастных «закрытых» бармиц позднего Средневековья мы связываем с эволюцией защиты шеи в Центральной Азии периода развитого Средневековья, т. е. военно-культурной традицией государств Чингизидов. По особенностям конструкции представляется возможным выделить три основных варианта покроя бармиц «закрытого» типа: а) одночастные бармицы «закрытого»

типа. Бармица кроилась в виде одного куска брони и имела лицевой вырез. По структуре бронирования одночастные бармицы «закрытого» типа могли быть кольчужными, «мягкими» (из органических материалов), очень редко ламинарными, пластинчато-нашивными или ламеллярными. Как показали эксперименты над предметными научно-историческими реконструкциями, в последнем случае бармицы обязательно снабжались боковыми разрезами, без которых использовать их было исключительно неудобно; б) трехчастные бармицы «закрытого» типа. Бармица кроилась в виде трех лопастей: пара наушников и назатыльник (на иллюстрации). Это самый распространенный тип покроя позднесредневековых бармиц. В боевом положении наушники бармицы завязывались под подбородком, а в момент отсутствия опасности фиксировались в поднятом состоянии и стягивались над козырьком. По структуре бронирования трехчастные бармицы «закрытого» типа могли быть ламеллярными, пластинчато-нашивными и «мягкими»; в) трехчастные бармицы «закрытого» типа с дополнительными лопастями для прикрытия горла. Эволюция трехчастных бармиц «закрытого» типа привела к появлению специальных горизонтальных панцирных лопастей, пришитых к наушникам и в боевом положении застегивавшихся на пуговицы или стягивавшихся с помощью ремешков в районе горла (на иллюстрации). Оригинальные трехчастные бармицы «закрытого» типа с дополнительными лопастями для прикрытия горла являлись заимствованием из дальневосточного позднесредневекового оружейного комплекса.

Рис. 7. Монгольский сложносоставной лук с плечевыми накладками и берестяной обклейкой. Хранится в Монгольской коллекции МАЭ (№ 3697).

Рис. 8. Позднесредневековый сложносоставной лук XVII в. с плечевыми накладками (так называемый «лук князя Ганитимура») (*/*) и его реконструкция *(2)*. Хранится в областном краеведческом музее г. Благовещенска. Он представляет собой сложносоставной лук монгольского типа усиленный роговыми накладками.

Рис. 9. Сложносоставные луки центральноазиатского производства (*/* —цинский, *2* —тибетский, *3* — монгольский):

/ — монгольский лук цинского императора Цяньлуна (1735-1795). Хранится в фондах императорского дворца Гугун. Сложносоставной лук усилен плечевыми роговыми накладками и покрыт лаком. Согласно данным китайских исследователей данный лук был преподнесен императору Цяньлуну монгольскими феодалами; *2* — сложносоставной тибетский лук второй половины XVIII — XIX в. Хранится в фондах Королевского музея г. Эдинбурга (Великобритания). Выполнен из нескольких деревянных элементов и усилен роговыми накладками. Общая длина лука — 122,9 см. Кибить обмотана сухожилиями. Рукоять обернута куском мягкой кожи. Британские исследователи определили лук как «китайский или тибетский» и датировали его XIX в. К сожалению, установить место приобретения данного лука не удалось. По своим конструктивным особенностям он близок к цинским лукам XVIII-XIX вв., а также их более ранним центральноазиатским аналогам; *3* — сложносоставной монгольский деревянный лук с оплеткой кибити из сухожилий. Хранится в музее г. Улангома (МНР) (по Ю. С. Худякову). Длина кибити лука со снятой тетивой — около 1 м. Кибить лука имеет расширенную, овальную в сечении середину, уплощенные, плавно выгнутые «плечи» и составные, круто загнутые концы с арочными вырезами для надевания петель тетивы. Середина кибити с обеих сторон оплетена сухожилиями. Оплетка имеется в двух местах на верхнем и в одном месте на нижнем «плече» кибити.

Рис. 10. Сложносоставные луки южносибирского (1-19) и казахского производства:

/-16 — накладки и вкладыши луков кыштымов енисейских кыргызов (по Ю. С. Худякову): *1,2,8,9, 16* —Тесь (могила 1), Хызыл-Акал, Кокорево, Часовенная гора (могила 2), Оты; *3,4* —Тунчух (курган 2); 5 —Тунчух (курган 3); *6, 7, 10-15* —Монашка (могила 2); */7* — основные типы луков кыштымов енисейских кыргызов периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени (по Ю. С. Худякову); *18* —остатки сложносоставного кыштымского лука с концевыми вкладышами, плечевыми и срединной фронтальной накладкой. Происходит из памятника Монашка (могила 2) в долине р. Качи в лесостепной части Средней Сибири (по Ю. С. Худякову); *19* — сложносоставной лук Нового времени из фондов Абаканского музея (по Ю. С. Худякову); *20* — казахский лук (по К. С. Ахмежану).

Рис. 11. Бурятские луки и стрела периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-3 — бурятские луки периода Нового времени *(1-2),* стрела со свистункой. Хранятся в фондах Музея истории Бурятии (МИБ); *4-10* — роговые усилители луков из погребений 2 и 41 старобурятского могильника Усть-Талькин в Южном Приангарье (XVI — начало XVIII в.). Эти роговые усилители представлены центральными веслообразными накладками и двумя парами плечевых накладок. Центральная веслообразная накладка из погребения 2 (длина — 24,5 см, ширина — 3 см) имеет длинные массивные лопасти, плавно переходящие в суженную

центральную часть *(4).* Обе выгнутые плечевые накладки (длина — 24,5 см, ширина — 3 см) имеют вытянутую форму, приостренную на одном конце *(5-6).* Центральная веслообразная накладка из погребения 41 (длина — 20 см, ширина — 3 см) имеет более короткие подтреугольные лопасти, плавно переходящие в суженную центральную часть (7). Плечевые накладки имеют вытянутую трапециевидную форму *(8—9).* Одна из них имеет слабо-, а другая сильноизогнутую поверхность, повторяющую форму кибити лука в месте наложения накладки. В. С. Николаев вслед за А. П. Окладниковым отказался от предложенной Е. Ф. Седякиной датировки данных захоронений (XII-XIV вв.) и предложил датировать их XVI — началом XVII в., т. е. «временем расселения бурятских племен на территории Приангарья» (Николаев, 2003, с. 343-346). На наш взгляд, верхней датой захоронения можно считать начало XVIII в. Безусловно, поздним элементом в обоих захоронениях является бронзовая трубка «ганза» на длинном мундштуке.

Рис. 12. Изображения юаньских *(1-4),* центральноазиатских и южносибирских *(5-6, 8),* среднеазиатских (7) и восточноазиатских *(9)* луков и лучников:

1 — с картины «Путешествие на Запад» неизвестного художника эпохи династии Юань. Музей Бэйпин Гугун (Пекин, КНР); *2* — из юаньской энциклопедии XIV в. «Шимин гуян ци»; *3* — изображения лучника эпохи династии Юань (1271-1368). Настенная роспись даосистского храма, уездФэньян, пров. Шэньси; *4* — изображение лучника, натягивающего лук, с юаньской настенной росписи первой половины XIV в.; *5-6* — изображения сражающихся воинов, выполненные методом тонкой гравировки на поверхности мореной глыбы в бассейне р. Чаган в Горном Алтае. Конец XVII — первая половина XVIII в.; *7* — Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *8* — изображение монгольского воина из «Маньчжоу-шилу»; *9* — изображение цинского воина из «Маньчжоу-шилу».

Рис. 13. Изображения цинских луков периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

Рис. 14. Наконечники стрел с территории Монголии:

1, 2, 4, 6-9 — наконечники стрел из собрания Института истории Монгольской академии наук; *3, 4* — наконечники стрел из музея г. Мурэна.

Рис. 15. Наконечники стрел из Забайкалья. Тополевка, Читинская область

Рис. 16. Наконечники стрел из Забайкалья:

1,4 — Хоринск; *2,6, 7* — Цырик-Нарасун, Агинский округ; *3,5* — наконечники стрел из Бурятского музея.

Рис. 17. Наконечники стрел из Забайкалья:

1-3 — наконечники стрел из Кяхтинского музея; *4-8* — наконечники стрел из Читинского музея.

Рис. 18. Наконечники стрел и стрелы с территорий: Тувы *(1-8),* Внутренней Монголии *(9-11),* Бурятии *(12-13, 15-19, 29-30),* Центральной и Западной Монголии *(14,24-28),* Тибета *(31),* из погребений с низовья р. Тары *(32-34),* Шории *(35-40).* Изображения бурятских стрел, сделанные Г. Д. Нацовым по этнографическим материалам *(20-23):*

1-8 — наконечники стрел из тувинских погребений XVII-XIX вв. (по Л. Р. Кызласову); *9-11* — наконечники стрел из юаньских погребений конца XIII — первой половины XIV в. с территории Внутренней Монголии. Музей Внутренней Монголии, КНР; *14, 24-28* — наконечники стрел с территории Центральной и Западной Монголии: *14* — из Уланхома; *24* — из Мурэна и Хануур сумона; *25* — из Центральной Монголии; *26* — изХовда; *27-28* — из Мурэна и Центральной Монголии (по Ю. С. Худякову); *12-13, 29-30* — наконечники стрел агинских бурят из фондов МАЭ (№ 313) (по А. А. Бадмаеву): *12* — трехгранный в сечении наконечник «гурбалжан шубгэ» с костяной свистункой. Длина около 10 см (МАЭ, № 313 а); *13* — округлый (шиловидный) наконечник «шубгэ зэбэ» с костяной свистункой. Длина около 10 см (МАЭ, № 313 б); *29* — линзовидный в сечении наконечник с костяной свистункой. Длина около 7 см (МАЭ, № 313 в); *30* — вырезной (пламевидный) наконечник — «кибирь» (МАЭ, №313); *20-23* — наконечники стрел, реконструированные Г. Д. Нацовым на основании этнографических материалов: *20* — стрела с наконечником «томара» («сабшуур зэбэ»). Интересно, что данный тип наконечников информаторы Г. Д. Нацова относили к числу бронебойных: «Сабшуур зэбэ имеет плоское (тэбхэр) лезвие для того, чтобы полностью (таса) пробивать булатный панцирь. Такой наконечник, говорят, делали из булатной стали» (Нацов, 1987, с. 33); *21* — стрела с плоским боеголовковым наконечником. В бурятских этнографических материалах данный тип наконечников перечисляется в ряду «бронебойных». Он именуется «гурбалжин шубгэ»: «Наконечник "гурбалжин шубгэ" был предназначен для того, чтобы насквозь (нэбтэ) пробивать панцирь. Его также делали из булатной стали» (там же); *22* — вогнутый месяцевидный наконечник «саран зэбэ». Судя по данным Г. Д. Нацова, использовался для стрельбы по бездоспешному противнику: «Наконечник "саран зэбэ" имел специальную форму, чтобы им можно было прострелить воину шею» (там же); *23* — стрела «шубгэ зэбэ». «Шубгэ зэбэ» представлял собой шарик с острой иглой-навершием (хурса узуур). На-

конечник такой формы делали для того, чтобы стрела пронзала (тело) через отверстие панциря (ходо харбаха)» (там же); *31* — овально-крылатый наконечник с железной свистункой. Изготовлен тибетскими или монгольскими мастерами. Датирован американскими исследователями XVII-XVIII вв. Он отличается от описанных выше аналогов из монгольских и российских музеев размерами, особенностями конструкции и оформления. Общая длина наконечника — 16,5 см. Наконечник снабжен каплевидной свистункой, выполненной из железа, с четырьмя симметрично расположенными отверстиями. Перо и свистулька украшены золотой насечкой, выполненной в виде стилизованного мотива «пылающие облака». Данный тип наконечников стрел в XVII-XVIII вв. был широко распространен среди кочевников Монголии, жителей Тибета, подданных Цинской империи. Изображения цинских наконечников данного типа приведены в «Хуанчао лицзи тушу» («Иллюстрированное описание обрядов и утвари августейшей династии», составленное в 1759 г.). В 1891-1892 гг. Уильям Рокхилл приобрел стрелу, снабженную подобным наконечником (но без свистунки) как элемент комплекса вооружения цинского лучника. Он определил данный наконечник как «китайский», но отметил, что подобные стрелы «используются в Китае, Тибете, Монголии»; *32-34* — наконечники стрел из могилы 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тары; *35-36* —наконечники позднесредневековых шорских стрел из раскопок поселения Ильинка-5 (в настоящее время — территория Заводского района г. Новокузнецка); *37* — наконечник шорской стрелы «соган» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Выполнен из железа. Четырехгранный в сечении. Длина — 10,2 см. Хранится в МЭП (854); *38* —наконечник шорской стрелы «соган»(воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Выполнен из железа. Четырехгранный в сечении. Длина — 11,3 см. Хранится в МЭП (853); *39* — наконечник шорской стрелы «соган» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Выполнен из железа. Плоский в сечении. Длина — 10,4 см. Хранится в МЭП (852); *40* — наконечник шорской стрелы «соган» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Выполнен из железа. Четырехгранный в сечении. Длина — 9,5 см. Хранится в МЭП (851).

Рис. 19. Наконечники стрел *(1-8,11-13,15-32)* и свистунки *(9-10,14)* енисейских кыргызов, их кыштымов, жителей Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени. *1-10, 15-24* — по С. Г. Скобелеву. *11-14* — по С. Г. Скобелеву и П. В. Мандрыке, *25-32* — по Ю. С. Худякову:

1-10 — наконечники стрел и свистунки, найденные на территории Саянского острога (правый берег р. Енисей), построенного в 1718 г. (по С. Г. Скобелеву); *11-14* — наконечники стрел и свистунки, найденные на территории Айканского селища (Емельяновский район Красноярского края) (по С. Г. Скобелеву, П. В. Мандрыке); *15* —Трехлопастной наконечник стрелы из позднесредневекового кургана 4 могильника Койбалы-I (правый берег р. Абакан на территории Республики Хакасия) (по С. Г. Скобелеву); *16* —наконечник стрелы из позднесредневекового кургана 3 могильника Койбалы-I (правый берег р. Абакан на территории Республики Хакасия) (по С. Г. Скобелеву); *17-18* — наконечники стрел из позднесредневекового кургана 4 могильника Чегерак, находящегося на территории Новоселовского района Красноярского края (по С. Г. Скобелеву); *19* — наконечник стрелы из позднесредневекового кургана 5 могильника Чегерак (по С. Г. Скобелеву); *20-24* — наконечники стрел из позднесредневекового кургана 2 могильника Койбалы (правый берег р. Абакан на территории Республики Хакасия) (по С. Г. Скобелеву); *25-32* — Наконечники стрел енисейских кыргызов периода позднего Средневековья и Нового времени (по Ю. С. Худякову).

Рис. 20. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

Рис. 21. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

Рис. 22. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

Рис. 23. Изображения цинских стрел периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.).

Рис. 24. Бурятский или монгольский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв. с «центральным диском» с коралловой вставкой, вырезными накладками, 4- и 6-лепестковыми бляшками.

Рис. 25. Бурятский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв. с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, красным тканевым покрытием лицевой части, металлической пластинчатой обкладкой по периметру, вырезными накладками с прорезными крестами.

Рис. 26. У-образный кожаный налуч с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, металлической обкладкой по периметру, тремя прорезными дисками с лучами-«ваджрами», дисковидными бляшками.

Рис. 27. Саадак забайкальских бурят XVII-XIX вв.

Саадак состоит из налуча, колчана и набора стрел. У-образный налуч-«футляр», с кожаной обкладкой, вырезными пластинами и 4-лепестковыми бляшками, тремя дисками с умбончиками в обрамлении 3-лепестковых бляшек, Л-образными крепежными пластинами. Налуч имеет классическую У-образную форму. «Горбатый» колчан снабжен кожаной обкладкой спинки и металлической обкладкой днища, Л-образными крепежными пластинами, тремя дисками с умбончиками в обрамлении 3-лепестковых бляшек-«спутников», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками по периметру. «Хаадак» сшит из нескольких кусков кожи на деревянном каркасе. На внутренней стороне колчана сохранились мягкие разделительные жгуты белого цвета. Колчан имеет ярко выраженную и при этом достаточно широкую «спинку». В отличие от большинства «горбатых» колчанов, днище данного экземпляра имеет не сколько заостренную, сколько полукруглую форму. Лицевая поверхность «хаадака» снабжена кожаной обкладкой, поверх которой приклепаны металлические полосы и пластины. Так, нижняя часть колчана отделана изогнутой железной пластиной, повторяющей изгиб днища. Металлическая накладка с ровным верхним и вырезным нижнем краем расположена в верхнем левом углу колчана. Кожаная обкладка спинки украшена 4-лепестковыми бляшками. Еще одна такая бляшка приклепана к правой стороне обкладки. Крепежные пластины имеют Л-образную форму и напоминают стилизованное изображение парящей птицы. Похожими пластинами несколько меньшего размера отделан саадачный пояс. Центральное поле налуча покрыто тремя круглыми металлическими дисками с маленькими полусферическими умбончиками по центру. Диски снабжены по периметру 3-лепестковыми бляшками-«спутниками». Самый крупный (нижний) диск имеет 8 бляшек, диск по центру — 6 бляшек (3 из них, включая бляшку-фиксатор, расположены на ремнях), малый (верхний) диск — 3 бляшки. Интересно, что расположение металлических дисков на колчане зеркально отличается от их места на поверхности налуча-«хормого» (самый крупный — вверху, самый мелкий — в нижней части).

Рис. 28. Бурятский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв. с металлической пластинчатой обкладкой по периметру, «центральным диском» с косым («Андреевским») крестом, вырезными накладками с прорезными крестами и вставками-«ваджрами». Хранится в фондах Музея истории Бурятии (инв.ОФ 7266).

Налуч был приобретен в 1935-1936 гг. С. П. Балдаевым в ходе экспедиции по Иркутской области. Традиционный бурятский налуч известен в специальной литературе под названием «хормого». Налуч представляет собой чехол, сшитый из двух кусков кожи. По форме он повторяет нижнюю часть лука с натянутой тетивой. Налуч снабжен достаточно широкой составной металлической обкладкой по периметру. Она сформирована из железных пластин и полос, точно повторяющих форму края колчана. Поверх железных накладок методом ковки нанесены тонкие серебряные пластины и растительный орнамент, выполненный волоченой проволокой. Металлическая обкладка сохранилась не полностью — отсутствуют 1-2 сегмента на нижней части спинки налуча. Внутренняя поверхность «хормого» заполнена железными накладками различных форм и размеров. В их оформлении прослеживаются христианские (кресты), буддийские («ваджры») и традиционные бурятские мотивы (орнаменты «бараний рог», «виноградная лоза», луки и стрелы в переплетениях растительного орнамента и т. д.) В нижней половине «хормого» приклепана крупная железная прорезная пластина подтреугольной формы, представляющая собой стилизованное изображение бурятского налуча. Один из прорезов на ее поверхности выполнен в форме креста, между лучами которого имеются изображения луков со стрелами в окружении растительного орнамента. Выше подтреугольной пластины расположен «центральный диск», представляющий собой накладку округлой формы с округлой нижней и 3-лепестковой верхней вставками. Поверхность диска украшена изображением косого («Андреевского») креста в зубчатом ореоле. Интересным элементом оформления «центрального диска» являются три (изначально было четыре) бляшки-вставки, выполненные в форме буддийской «ваджры», напоминающей стилизованную корону или пряжку с «язычком». Такими же бляшками отделана вся внутренняя сторона металлической обкладки (сохранились не все). В самом верху налуча расположена прямоугольная пластина, на которой вновь присутствует изображение креста с зигзагообразной окантовкой. Налуч был выполнен мастерами бурят-эхиритов с верховьев рек Лены и Куды (Предбайкалье) в XVIII-XIX вв.

Рис. 29. Монгольский кожаный У-образный налуч-«футляр» концаXVII —XIX в., снабженный «центральным диском» в виде умбона с выпуклыми «лепестками», прорезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками. Хранится в фондах Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Рис. 30. Тибетский или монгольский саадак второй половины XVII — первой половины XVIII в. Саадак

состоит из кожаного У-образного налуча-«футляра» с заостренным днищем с прорезью, полусферическими заклепками по правому краю, прорезной позолоченной крепежной пластиной, черным геометрическо-растительным узором на красном фоне и трапециевидного колчана с карманом, слабовыпуклым днищем, вытянутой заостренной «спинкой», позолоченными прорезными полусферическими крепежными пластинами и ременными накладками, полусферическими заклепками по периметру, черным геометрическо-растительным узором на красном фоне. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Рис. 31. Калмыцкий (торгоутский) саадак конца XVII — первой половины XVIII в., состоящий из У-образного налуча-«футляра» с заостренным днищем, вытянутой «спинкой» и «ушком», украшенный 8-лепестковыми накладками, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами, и 8-образного колчана с карманом, слабовыпуклым днищем, вогнутой приподнятой «спинкой», ярко выраженным полукруглым верхним и подтреугольным нижним «ушком», выпуклыми 8-лепестковыми накладками и крепежными пластинами, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами, ремнем из трех металлических цепочек. Хранится в фондах музея г. Хух-Хото (КНР).

Входящий в состав саадака колчан входит в большую группу так называемых 8-образных колчанов. Отличительной чертой данных колчанов является их покрой. «Футляр» имел широкую горловину, сужался в центральной части и вновь расширялся у плоского, приостренного или слабовыпуклого днища. «Спинка» 8-образных колчанов обычно была вогнутой и немного поднятой над плоскостью горловины. «Ушки» (особенно верхнее) имели ярко выраженную форму. Данный тип колчанов является характерным элементом саадачных комплексов народов Западной Азии и Восточной Европы XVI-XVIII вв. 8-образный колчан с карманом, входящий в состав рассматриваемого саадака, снабжен слабовыпуклым днищем, вогнутой приподнятой «спинкой», ярко выраженным полукруглым верхним и подтреугольным нижним «ушком», выпуклыми 8-лепестковыми накладками и крепежными пластинами, каплевидными и полусферическими бляшками, бусинами, ремнем из трех металлических цепочек. Длина колчана — 42 см, ширина — 21 см. Поле колчана снабжено черным фланелевым покрытием с окантовкой из золотой парчи по периметру. Такой же окантовкой снабжен и фигурный вырезной карман. Внутреннюю обкладку колчана формируют мелкие бляшки и бусины, нашитые на его поверхность и соединенные между собой железной цепочкой. Полусферические крепежные пластины выполнены в виде 8-лепесткового цветка. Сверху и снизу от кармана расположены округлые пластины, выполненные в виде выпуклого 8-лепесткового цветка в обрамлении каплевидных накладок («лучей»), перемежающихся полусферическими медными (?) бляхами. 8-лепестковые пластины меньшего размера обрамляют днище (три пластины), карман (две пластины), «спинку» (одна пластина). Фигурный вырез кармана также снабжен полусферической накладкой. Остальное пространство лицевой поверхности футляра заполнено полусферическими бляхами и бусинами. Расположение последних отнюдь не хаотично. Большинство из них сгруппированы по 6 штук в виде треугольника, другие служат «спутниками» крупных металлических накладок. Дополнительным элементом оформления колчана является ремень из трех металлических цепочек, соединенных в верхней части футляра у «спинки» и у нижнего «ушка». Покрой, а также общий принцип оформления лицевой поверхности колчана указывают на его принадлежность к западноазиатской военно-культурной традиции. Близкие по форме 8-образные колчаны в период позднего Средневековья и Нового времени использовались лучниками государств Восточной Европы, Османской империи, Ирана, государств Средней Азии. В подобном стиле оформлена лицевая сторона входящего в саадак налуча. Преподнесенный в дар императору Цяньлуну саадак был изготовлен западноазиатскими мастерами или их калмыцкими коллегами в конце XVII — первой половине XVIII в. Наличие такого саадака на вооружении представителей калмыцкой знати подтверждает данные письменных источников об использовании калмыками предметов вооружения западноазиатского и восточноевропейского образцов.

Рис. 32. Южномонгольский (цинский) саадак конца XVII — XIX вв.

Саадак состоит из налуча, колчана, лука и стрел. Кожаный У-образный налуч-«футляр», украшенный накладным кантом, снабженный «центральным диском», вырезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками, хранится в фондах музея г. Улан-Хабу (КНР). Входящий в состав саадака колчан имеет прямоугольную форму с прорезным покрытием, тремя округлыми медными пластинами, бляшками в виде сокола и декоративными полусферическими заклепками. Чехол колчана обтянут темно-коричневой тисненой кожей с фигурными прорезями. Орнамент по краям прошит темной нитью. Колчан имеет не очень характерную для традиционных монгольских «хаадаков» форму прямоугольника. Места крепления ремней колчана к поясу («ушки») практически не выделены. В цен-

тральной части колчана на одном уровне горизонтально расположены три медные пластины округлой формы, снабженные полусферическими умбончиками. Пластина, расположенная в центре, несколько крупнее своих боковых аналогов. По периметру она снабжена 6 прорезными кожаными «лепестками», изготовленными способом аппликации. В верхней и нижней частях колчана расположены медные накладки, выполненные в виде парящих соколов, обращенных к центральной пластине. Вся лицевая поверхность колчана покрыта полусферическими металлическими заклепками. Крепежные пластины представляют собой небольшие медные бляшки 8-образной формы. Колчан, как и входящий в комплект с ним налуч, выполнены в рамках «имперской» (цинской) традиции и совмещают в себе монгольские и маньчжурские элементы оформления. Так, форма колчана и мотивы декоративных вырезов аппликации сближают его с маньчжурскими колчанами XVII-XIX вв., а наличие многочисленных полусферических заклепок указывает на «родство» с их позднесредневековыми центральноазиатскими аналогами. Данный саадак демонстрирует пример эволюционного развития налучей и колчанов Центрально-Азиатского региона после его включения в состав Цинской империи. Саадак входил в состав комплекса вооружения одного из феодалов Южной Монголии или Халхи и был изготовлен монгольскими или маньчжурскими мастерами в конце XVII — XIX в.

Рис. 33. Южносибирские налучи периода позднего Средневековья и Нового времени: *1-5* — бурятские; *6* — кыргызский (?):

/ — У-образный налуч агинских бурят. Хранится в фондах РЭМ (№ 783). Изготовлен из двух кусков черной бычьей кожи. Налуч снабжен кожаной обкладкой по периметру. Посеребренные крепежные пластины округлой формы выполнены в виде распустившегося цветка с округлыми лепестками. Таким же образом оформлен «центральный диск». Обкладка и внутреннее поле налуча украшены 3-лепестковыми бляшками (по А. А. Бадмаеву); *2* — бурятский (предбайкальский) У-образный налуч-«футляр» с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, красным тканевым покрытием лицевой части, металлической пластинчатой обкладкой по периметру, вырезными накладками с прорезными крестами. Хранится в фондах МАЭ (№ 2098-96); *3* — бурятский У-образный кожаный налуч с вытянутой «спинкой», прямоугольным днищем, металлической обкладкой по периметру, тремя прорезными дисками с лучами-«ваджрами», дисковидными бляшками. Хранится в фондах МАЭ (№ 1926-8); *4* — бурятский (предбайкальский) кожаный У-образный налуч-«футляр» с металлической пластинчатой обкладкой по периметру, «центральным диском» с косым («Андреевским») крестом, вырезными накладками с прорезными крестами и вставками-«ваджрами». Хранится в фондах Музея истории Бурятии (инв. ОФ 7266); *5* — бурятский (забайкальский) У-образный налуч-«футляр», с кожаной обкладкой, вырезными пластинами и 4-лепестковыми бляшками, тремя дисками с умбончиками в обрамлении 3-лепестковых бляшек, Л-образными крепежными пластинами; *6* — южносибирский (кыргызский?) У-образный налуч-футляр XVII — начала XVIII в. Выполнен из нескольких кусков выделанной кожи. Крепежные пластины в настоящее время отсутствуют. Налуч отличается плавно приподнятой «спинкой» и заостренным днищем. Лицевая поверхность налуча украшена традиционными для Центральной Азии и Южной Сибири 4-лепестковыми бляшками. Хранится в фондах Историко-краеведческого музея г. Ачинска (Красноярский край).

Рис.34. Центральноазиатские налучи XVIII-XIX вв., выполненные в «имперском» стиле *(1-3* —монгольские, *4* —тибетский):

/ — халхаский кожаный У-образный налуч-«футляр» XVIII-XIX вв., украшенный аппликацией, снабженный «центральным диском» с 8 изогнутыми «лучами», образующими «мальтийский» крест, металлическими прорезными накладками. Хранится в Монгольской коллекции МАЭ. Вместе с луком, колчаном, стрелами и поясом составляет полный комплект для ведения лучного дистанционного боя — саадак (№ 507, 4274-1-2, 5982-12); *2* — южномонгольский кожаный У-образный налуч-«футляр» конца XVII — XIX в., украшенный накладным кантом, снабженный «центральным диском», вырезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками. Хранится в фондах музея г. Улан-Хабу (КНР); *3* —монгольский кожаный У-образный налуч-«футляр» конца XVII — XIX в., снабженный «центральным диском» в виде умбона с выпуклыми «лепестками», прорезной крепежной пластиной, металлическим кольцом в виде полумесяца со звездами, металлическими вырезными накладками и заклепками. Хранится в фондах Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР); *4* —тибетский трапециевидный налуч XIX в. без донца, с приподнятой «спинкой», приостренным днищем, кожаной обкладкой, округлыми крепежными пластинами, «центральным диском», накладным кантом, граненными бляшками. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью Йорк, США). Налуч имеет приподнятую «спинку», приостренное днище и пару «ушек» к которым приклепаны округлые металлические кре-

пежные пластины. По периметру (кроме «спинки») налуч снабжен кожаной обкладкой, покрытой полосой из граненых сходящихся на конус квадратных в основании бляшек. Внутреннюю обкладку формируют два кожаных канта. В центральной части колчана помещен «центральный диск», выполненный из органических материалов. В нижней части налуча размещена сердцевидная нашивка, выполненная тонким кантом.

Рис. 35. Калмыцкий налуч «западноазиатского» типа конца XVII — первой половины XVIII в. (*1*) и казахские налучи периода позднего Средневековья и Нового времени *(2, 4-6* — по К. С. Ахметжану; *3* — по Ч. Ч. Валиханову):

1 — калмыцкий (торгоутский) налуч, выполненный в «западноазиатском» стиле, приподнесенный в дар цинскому императору Цяньлуну торгоутскими послами. Хранится в фондах музея г. Хух-Хото (КНР); *2-6* — казахские налучи и саадачный набор *(3)* периода позднего Средневековья и Нового времени *(2,4-6* — по К. С. Ахметжану; *3* — по Ч.Ч. Валиханову).

Рис. 36. Изображения центральноазиатских и южносибирских налучей и саадачных наборов XIV-XIX вв. *(1-2, 5-7* — монгольские XV-XVII вв.; *3-4* — юаньские второй половины XIII — первой половины XIV в.; *8-9* — бурятские; *10-11,13* — тибетские XVIII-XIX вв.; *12* — монгольский XVIII-XIX вв.):

1-2 — саадачный набор с настенной росписи монгольского храма Эрдэни-Дзу, посвященной деятельности Абатай-хана, XVII в.; 3 — изображение монгольского налуча с луком с настенной росписи монастыря Баонин, пров. Хунань (фрагмент «Покаяние юаньских чиновников и полководцев»); *4* — изображение монгольского налуча с картины китайского художника эпохи династии Юань (1271-1368); *5-7* — изображение монгольского налуча с луком с гравюры китайского художника Школы Гуйчжоу эпохи династии Мин (1368-1644); *8* — саадачный набор бурятского охотника Этнографического времени. Прорисовка с фотографии Л. А. Венюкова «Бурят-охотник»; *9* — бурятский саадачный набор Этнографического времени. Прорисовка с фотографии «Конный бурят с луком и стрелами»; *10* — тибетская танка «Юха Цогчигма», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 12313-Ш); *11* — тибетская танка «Далха», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 17991-1); *12* — монгольская танка «Далха», конецXVIII — начало XIX в., Государственный Эрмитаж (Монгольская коллекция); *13* — тибетская танка «Канцан Лхамо», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 15600-1).

Рис. 37. Изображения цинских налучей и колчанов. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.)

Рис. 38. Изображения цинских налучей. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.)

Рис. 39. Центральноазиатские (монгольские или тибетские) колчаны типа «короб» конца XIII — начала XV в.

Рис. 40. Цельнокожаный тибетский колчан-«короб» «bse dong» XV-XVII вв. с месяцевидным днищем и «воротником».

Название «bse dong» происходит от слов «bse» (обозначающего декорированную кожу) и «dong» (полый сосуд цилиндрической формы). Колчаны данного типа обычно составлялись из 6-7 стандартизированных элементов, выполненных из выделанной кожи и сшитых между собой кожаными шнурами. Выразительным элементом конструкции «bse dong» были ярко выраженные С-образные (месяцевидные) днища. Главным украшением «bse dong» был рисунок, нанесенный на лицевую часть «короба». На известных нам колчанах данного типа металлические каркасы, усилители, декоративные накладные украшения (как и их аналоги из лакированной кожи) отсутствуют. Данный экземпляр «bse dong» хранится в фондах Королевского музея оружия (Лидс, Великобритания) (XXVIB. 141) Он дошел до нашего времени практически в неповрежденном виде. Общая длина колчана — 79,4 см. Колчан сшит из 7 выгнутых сегментов кожи: Т-образных плоской тыльной и более короткой выпуклой лицевой частей, ромбовидного днища, выгнутого «навеса» и пары боковин вместе со «спинкой», формирующих «воротник» колчана. Боковины «воротника» стягивает кожаный ремешок. Все элементы связаны между собой с помощью тонких шнурков, дополнительно переплетенных между собой. На некоторых участках кожаные сегменты дополнительно скреплены медными заклепками с длинными стержнями и 4-лепестковыми шляпками. В центральной части колчан перехвачен двумя кожаными ремешками, снабженными петлями для подвешивания короба к поясу. Кожа колчана имеет характерный красно-коричневый оттенок. Лицевая поверхность «короба», а также «воротник» покрыты сплошным детально выписанным орнаментом, выполненным черным цветом. Колчан, выполненный в стиле «bse dong», датируется английскими и американскими исследователями XV-XVII вв. и связывается с комплексом вооружения монгольских и тибетских воинов периода позднего Средневековья. Постепенное вытеснение колчанов-«коробов» из военного обихода являлось следствием роста популярности кожаных колчанов-«футляров».

Рис. 41. Нижняя часть цельнокожаного тибетского колчана-«короба» «bse dong» XV-XVII вв. (*1* — лицевая сторона, *2* — тыльная сторона). Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Рис. 42. Бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. с металлической обкладкой по периметру, «центральным диском» с фестончатым краем, крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками.

Рис. 43. Бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. с двойной металлической обкладкой «спинки», «центральным диском», крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками.

Рис. 44. Бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. с двойной металлической обкладкой «спинки», «центральным диском», крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками.

Рис. 45. Бурятский (предбайкальский) «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с металлической обкладкой, //-образными крепежными пластинами, «центральным диском» с лучами, вырезными накладками, 3-7-лепестковыми бляшками.

Рис. 46. Бурятский (предбайкальский) «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с двойной металлической обкладкой «спинки», восьмиугольными крепежными пластинами округлой формы, «центральным диском» с лучами, вырезными накладками, 3-4-лепестковыми бляшками.

Рис. 47. Монгольский или бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с прорезной обкладкой, дисковидными пластинами крепления, накладкой-фиксатором, центральным диском, украшенными вставками коралла, 4- и 6-лепестковыми бляшками. Хранится в фондах Монгольской коллекции Государственного Эрмитажа.

Рис. 48. «Горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с прорезной металлической обкладкой, дисковидными пластинами крепления и накладкой-фиксатором. Хранится в фондах Музея истории Бурятии (инф. обм. ф. 1165).

Рис. 49. Монгольский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с тремя отделениями, карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», округлыми крепежными пластинами и накладками, полусферическими заклепками, образующими геометрические фигуры (кресты и круги). Хранится в Монгольском историческом музее (г. Улан-Батор, МНР).

Рис. 50. Монгольский трапециевидный колчан XVII — начала XIX в. с карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», тонкой внутренней обкладкой, округлыми крепежными пластинами с трехлучевой свастикой, металлическими накладками вырезной формы. Хранится в Государственном центральном музее МНР (г. Улан-Батор, МНР).

Рис. 51. Монгольский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с двумя отделениями, карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», кожаной обкладкой по периметру, округлыми крепежными пластинами и вырезными месяцевидными накладками, декоративными кожаными нашивками, имитирующими полосы тигриной шкуры. Включает 1 экз. из Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Рис. 52. Монгольский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», костяными накладками вырезной и дисковидной формы. Хранится в фондах Монгольского исторического музея (г. Улан-Батор, МНР).

Рис. 53. Тибетский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с карманом, слабовыпуклым окованным железом днищем, вытянутой заостренной «спинкой», позолоченными прорезными крепежными пластинами D-образной формы, округлыми и вырезными ременными накладками, полусферическими заклепками по периметру, желтым геометрическо-растительным узором на черном фоне. Хранится в фондах Королевского музея оружия (Эдинбург, Великобритания).

Рис. 54. Группа «горбатых» колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — монгольский или бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с прорезной обкладкой, дисковидными пластинами крепления, накладкой-фиксатором, «центральным диском», украшенными вставками коралла, 4- и 6-лепестковыми бляшками. Хранится в фондах Монгольской коллекции Государственного Эрмитажа; *2* — бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с прорезной обкладкой, дисковидными пластинами крепления, Г-образной накладкой-фиксатором, «центральным диском», украшенными вставками коралла, 4- и 6-лепестковыми бляшками. Хранится в фондах Этнографического музея культуры и быта народов Забайкалья Министерства культуры Республики Бурятия. Конструкция и состав металлических накладок данного колчана почти в точности соответствует «хаадаку» из ГЭ (рис. 54, /). Различия заключаются в основном в оригинальном оформлении декоративных элементов. Колчан представляет собой кожаный футляр с карманом на деревянном каркасе с характерным вытянутым приостренным днищем («горбом») и высокой «спинкой». На внутренней поверхности колчана сохранились матерчатые разделительные жгуты. Металлические элементы имеют традиционную для южносибирских колчанов структуру — поверх железных накладок набиты тонкие серебряные пластины, покрытые растительным орнаментом. Части металлической обкладки имеют различное оформление. Обкладка «спинки» и днища — прорезная. Обкладка «спинки» представляет собой прямую железную полосу, внутренняя плоскость которой вырезана в виде

цветочных бутонов. Венчает обкладку «спинки» 8-образная пластина. Прорезной рисунок V-образной обкладки днища представляет собой ряд сцепленных между собой ромбов. На острие обкладки помещено стилизованное изображение парящей птицы. Обкладка по правой (вырезной) части колчана представляет собой сплошные (без вырезов) вогнутые полосы металла, густо покрытые растительным орнаментом. Металлическая обкладка по горловине отсутствует, ее заменяет окантовка из мягкой кожи, к которой были приклепаны бляшки с «лепестками». Крепежные пластины выполнены в виде дисков. Декоративное оформление на их поверхности представляет собой 6-лепестковый цветок, в центре которого находится полусферический умбончик. Таким же образом оформлен «центральный диск» в нижней части колчана. Его «спутниками» являются четыре 6-лепестковые бляшки. По центру колчана находится Т-образная накладка, образованная овальной покрытой орнаментом накладкой — фиксатором (в месте перекрещивания ремней), соединенной с горизонтальной пластиной с двумя 3-лепестковыми «бутонами» и вырезной пластиной в виде распускающегося цветка по центру. Ремни на поверхности колчана украшены лепестковыми бляшками. Конструкция, форма и система оформления колчана, как и в предыдущем случае, сближают его с «хаадаком» «братского татарина» на знаменитой гравюре Е. М. Корнеева, изготовленной в начале XIX в. Причем лилия на Т-образной накладке по центру колчана на рисунке почти в точности повторяет свой реальный аналог на поверхности «хаадака»; *3* —бурятский «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с прорезной обкладкой, дисковидными пластинами крепления, Т-образной накладкой-фиксатором, «центральным диском», 3-и 6-лепестковыми бляшками (прорисовка с рисунка В. А. Михайлова).

Рис. 55. Группа бурятских «горбатых» колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени (5 — по А. А. Бадмаеву):

/ — бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. с металлической обкладкой по периметру, «центральным диском» с фестончатым краем, крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками; *2* — бурятский «горбатый» колчан XVIII-XIX вв. с двойной металлической обкладкой «спинки», «центральным диском», крепежными пластинами «бараний рог», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками. Хранится в МАЭ (№ 2202-46А); *3* — бурятский (предбайкальский) «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с металлической обкладкой, Я-образными крепежными пластинами, «центральным диском» с лучами, вырезными накладками, 3-7-лепестковыми бляшками; *4* — бурятский (предбайкальский) «горбатый» колчан XVIII — начала XIX в. с двойной металлической обкладкой «спинки», восьмиугольными крепежными пластинами округлой формы, «центральным диском» с лучами, вырезными накладками, 3-4-лепестковыми бляшками; *5* — «горбатый» колчан агинских бурят Нового времени (по А. А. Бадмаеву) с кожаной обкладкой, полусферическими крепежными пластинами, тремя дисками и многолепестковыми бляшками. Хранится в РЭМ (№ 783-101). Длина — 54,5 см, ширина — 27,5 см, толщина — 1,0-4,5 см. Изготовлен из бычьей кожи черного цвета. Имеет относительно слабо выделенное приостренное «горбатое» днище. Снабжен по периметру кожаной обкладкой. Посеребренные крепежные пластины имеют полусферическую форму. Лицевая поверхность колчана украшена согласно забайкальской оформительской традиции. Основу композиции составляют три выпуклых диска, расположенных друг над другом. Самый крупный из них находится в нижней трети колчана, самый мелкий — в верхней. «Спутниками» дисков выступают многолепестковые бляшки; *6* — бурятский «горбатый» колчан с кожаной обкладкой «спинки» и металлической обкладкой днища, <Я-образными крепежными пластинами, тремя дисками с умбончиками в обрамлении 3-лепестковых бляшек-«спутников», вырезными накладками и 4-лепестковыми бляшками по периметру.

Рис. 56. Группа центральноазиатских и южносибирских трапециевидных колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — монгольский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с тремя отделениями, карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», округлыми крепежными пластинами и накладками, полусферическими заклепками, образующими геометрические фигуры (кресты и круги); *2* —монгольский трапециевидный колчан XVII — начала XIX в. с карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», тонкой внутренней обкладкой, округлыми крепежными пластинами с трехлучевой свастикой, металлическими накладками вырезной формы; *3* —монгольский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», костяными накладками вырезной и дисковидной формы; *4* — монгольский трапециевидный колчан XVII-XIX вв. с карманом, дополнительным отделением, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», металлической обкладкой, крестообразным «центральным диском», округлыми, месяцевидными, /-образными металлическими накладками, декоративными заклепками. Хранится в фондах Монгольского музея изобразительных искусств (МНР).

Колчан представляет собой традиционный кожаный футляр трапециевидной формы с приподнятой «спинкой», слабовыпуклым днищем. Примерно посередине лицевой плоскости «хаадака», поверх кармана, пересекаются два кожаных ремня. Колчан снабжен по периметру вырезной металлической обкладкой. Горловина окаймлена рядом из четырех полусферических декоративных заклепок. Внутренняя плоскость колчана покрыта металлическими накладками различных размеров и форм. Роль «центрального диска» выполняет крестообразная пластина с умбончиком. «Спутниками» «центрального диска» являются месяцевидная накладка и ее аналог меньших размеров. Пластина-фиксатор (в месте пересечения ремней) выполнена в виде 6-лепестковой бляхи с умбончиком по центру. Оригинальным образом оформлена концевая пластина верхнего ремня. Она представляет собой округлую бляшку с 7-образными «крыльями», благодаря которым вся конструкция имеет /-образную форму; *5* — тувинский (?) трапециевидный колчан XVII-XIX вв. с выпуклым днищем, поднятой «спинкой», тонкой внутренней обкладкой, полусферическими бляшками по периметру, округлой крепежной пластиной с «мальтийским» крестом, пластиной-фиксатором «двухлопастной пропеллер», металлическими накладками вырезной формы. Происходит с территории Западной Тувы. Колчан представляет собой традиционный кожаный футляр трапециевидной формы с невысокой уплощенной «спинкой». На поверхности «хаадака» фиксируется один кожаный ремень. Его аналог не сохранился, однако на то, что изначально колчан был снабжен парой ремней, указывает полусферическая ременная пластина на «спинке». Отличительными особенностями «хаадака» являются наличие лишь одного «ушка» (и соответственно одной крепежной пластины), а также оригинальное оформление лицевой плоскости. Внутренняя плоскость колчана (днище, «спинка», правая вогнутая сторона) снабжена узкой обкладкой. По периметру колчан отделан полусферическими бляшками. Вдоль днища бляшки идут в два ряда, вдоль «спинки» — в один. Горловина колчана украшена бляхами несколько большего размера. Крепежная пластина выполнена в виде слабовыпуклого диска, поверхность которого украшена изображением «мальтийского» креста с раздвоенными лучами. Пластина-фиксатор по центру «хаадака» имеет оригинальное оформление. Она представляет собой умбон с парой изогнутых каплевидных накладок, благодаря которым вся конструкция напоминает двухлопастной пропеллер. Нижняя часть «хаадака» снабжена «центральным» диском в виде округлой пластины с «мальтийским крестом» в обрамлении вырезных накладок. «Спутником» «центрального диска» выступает пара сердцевидных бляшек, соединенных между собой металлической скобой. С большой долей вероятности можно предположить, что еще одна пара сердцевидных бляшек, соединенных металлической скобой, располагалась симметрично в правой части колчана. «Хаадак» из Западной Тувы близок по оформлению к описанному выше халхаскому колчану из Государственного центрального музея МНР (рис. 56,*2)*. Оба имеют близкую конструкцию и форму покроя, а также состав декоративных украшений (тонкая внутренняя обкладка, дисковидные крепежные пластины, вырезные накладки, соединенные скобой сердцевидные бляшки). Этот факт может указывать как на близость военно-культурных традиций халхасцев и урянхайцев (что подтверждается вещественными материалами и данными письменных источников), так и на возможность монгольского происхождения данного «хаадака».

Рис. 57. Группа центральноазиатских *(1-3)* и южносибирских *(4)* колчанов периода позднего Средневековья и Нового времени *(4* — по А. А. Бадмаеву):

/ — монгольский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с двумя отделениями, карманом, выпуклым днищем, поднятой «спинкой», кожаной обкладкой по периметру, округлыми крепежными пластинами и вырезными месяцевидными накладками, декоративными кожаными нашивками, имитирующими полосы тигриной шкуры; *2* — тибетский трапециевидный колчан XVII-XVIII вв. с карманом, слабовыпуклым окованным железом днищем, вытянутой заостренной «спинкой», позолоченными прорезными крепежными пластинами D-образной формы, округлыми и вырезными ременными накладками, полусферическими заклепками по периметру, желтым геометрическо-растительным узором на черном фоне. Хранится в фондах Королевского музея (Эдинбург, Великобритания); *3* — монгольский трапециевидный колчан конца XVIII — XIX в. с рельефным 3-лепестковым днищем, вытянутой отогнутой «спинкой», металлической обкладкой по периметру, прорезными крепежными пластинами и накладками (по Л. Л. Викторовой). Хранится в составе Монгольской коллекции МАЭ. Вместе со стрелами, луком, налучем и поясом составляет полный комплект для ведения лучного дистанционного боя — саадак (№ 507,4274-1-2, 5982-12). Мастер, изготовивший данный «хаадак», утрировал элементы покроя, характерные для традиционных монгольских колчанов-«футляров». Вытянутая «спинка» колчана не просто далеко вынесена за пределы горловины, но и подчеркнуто отогнута назад, а выпуклое днище имеет 3-лепестковый рельеф. Изнутри колчан выстлан красным сукном, из которого изготовлены и гнезда для стрел. «Хаадак»

снабжен петлями из кожи и металлическими кольцами, которыми они крепились к поясу воина (Викторова, 1980, с. 111). Колчан и входящий с ним в саадачный комплект налуч оформлены в одной стилистической манере. Чехол «хаадака» обтянут черной тисненой кожей («булгари») с фигурными прорезями, под которые подложена красная ткань типа бязи. Орнамент по краям прошит темной нитью, кожаная основа и матерчатая подкладка еще и склеены между собой. Сочетание черной кожи и красной ткани дополнено серебряными накладками, выполненными в стиле «эрхи угалз». По периметру колчан снабжен обкладкой из кожи и тонких изогнутых железных полос, повторяющих форму кромки «футляра». Днище и углы «футляра»покрыты фигурными металлическими листами с прорезным растительным орнаментом. Крепежные пластины выполнены в виде 4-лепестковых блях с умбончиками в центре. Украшенный серебряными бляшками горизонтальный кожаный ремешок с металлическими фиксаторами делит плоскость «футляра»на две части. Нижняя украшена тремя горизонтально расположенными прорезными бляхами с умбончиками. Такая же бляха меньшего размера приклепана в верхнем левом углу «хаадака»; *4* —бурятский (агинский) колчан Нового времени (по А. А. Бадмаеву) оригинальной формы покроя, имитирующей покрой налучей, кожаной обкладкой по периметру, 6-лепестковыми крепежными пластинами-бляшками, 3-лепестковой пластиной-фиксатором, 6-лепестковой бляшкой выполняющей функцию «центрального диска». Хранится в РЭМ (№ 1405 а). Длина —50,0 см, ширина —25 см, толщина — 1,0-4,5 см. Изготовлен из бычьей кожи черного цвета. Данный экземпляр отличается оригинальной системой покроя, которая имитирует покрой некоторых типов южносибирских и центральноазиатских налучей периода позднего Средневековья и Нового времени. Колчан имеет ровный срез горловины и днища. Правая сторона колчана снабжена парой характерных лопастей («ушек») для крепления крепежных пластин. Колчан снабжен по периметру узкой кожаной обкладкой. Роль крепежных пластин выполняют 6-лепестковые бляшки. Близкая по форме бляшка, расположенная в нижней трети колчана, выполняет роль «центрального диска». В месте пересечения ремней расположена 4-лепестковая пластина-фиксатор.

Рис. 58. Колчаны западноазиатского и восточноазиатского («имперского») образцов, казахские саадачные наборы и колчаны периода позднего Средневековья и Нового времени *(3^1, 6* — по К. С. Ахметжану; *5* —по Ч. Ч. Валиханову):

/ — монгольский колчан конца XVII — XIX в., выполненный в подражание цинским позднесредневековым прямоугольным колчанам. Отличается характерной прямоугольной формой с прорезным покрытием, тремя округлыми медными пластинами, бляшками в виде сокола и декоративными полусферическими заклепками. Хранится в фондах музея г. Улан-Хабу (КНР); *2* — калмыцкий (торгоутский) 8-образный колчан, выполненный в «западноазиатском» стиле, преподнесенный в дар цинскому императору Цяньлуну торгоутскими послами. Хранится в фондах музея г. Хух-Хото (КНР); *3-6* —казахские колчаны, саадачный набор *(4)* и обкладка днища *(6а)* «горбатого» казахского колчана *(6)* периода позднего Средневековья и Нового времени *(3-4, 6* — по К. С. Ахметжану; *5* — по Ч. Ч. Валиханову).

Рис. 59. Изображения юаньских *(1,8),* монгольских *(2),* джунгарских или цинских *(3, 6),* бурятских *(4),* тибетских (5, 7) колчанов конца XIV — XIX в.:

/ — колчан-«короб» с изображения монгольского (юаньского) воина на настенной росписи монастыря Баонин (КНР) эпохи династии Мин (1368-1644); 2 — ранний вариант покроя центральноазиатского колчана-«футляра». С изображения монгольского воина с картины неизвестного китайского художника «Северный варвар» эпохи династии Мин; *3* — прорисовка колчана-«футляра» с цинского портрета джунгарского феодала Сарала, перешедшего на сторону Цинской империи и участвовавшего в походе имперской армии в Джунгарию в середине XVIII в.; *4* —прорисовка колчана с изображения бурятского воина в пластинчато-нашивном панцире с саадаком с гравюры Е. М. Корнеева (1780-1839); *5* — прорисовка тибетского колчана-«футляра» с тибетской танка «Далха», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 17991-1); *6* — прорисовка колчана-«футляра» с цинского портрета джунгарского феодала Аюши, перешедшего на сторону Цинской империи и участвовавшего в военных действиях в Джунгарии в середине XVIII в.; 7 — прорисовка тибетского колчана-«футляра» с тибетской танка «Канцан Лхамо», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 15600-1); *8* — колчан-«короб» с изображения юаньского воина из юаньской энциклопедии XIV в.

Рис. 60. Фитильные ружья Средней Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — «азиатское фитильное ружье с пружинным замком» (по В. Е. Маркевичу): а) курок, б) полка и затравка, в) железная антабка на цевье для ремня, г) спуск, д) отверстие для предохранительной чеки, е) пружина, ж) фитиль. Курок, спуск и пружина сделаны из одного куска стали; *2* — фитильное ружье казахов Старшего жуза. Прорисовка с картины П. Кошарова «Оружие казахов Старшего жуза»; *3* — «си-

бирское фитильное ружье с пружинным замком» (по В. Е. Маркевичу): а) курок, б) полка и затравка, в) заменяющее антабку кожаное «ушко» для ремня, г) спуск («хвост») курка, д) пружина курка, е) ось курка («шпилька»), ж) фитиль, з) кожаный карман для фитилей; *4* — фитильное ружье «горных калмыков» (жителей Горного Алтая). Прорисовка с изображения В. В. Радлова «Ружье с сошками»; *5* — элемент фитильного ружья «горных калмыков». Прорисовка с изображения В. В. Радлова «Приклад ружья с запалом».

Рис. 61. Среднеазиатские ружья, ружейные принадлежности и казахские пояса Нового времени:

1 — среднеазиатское фитильное ружье с узким S-образным (инкрустированным белой костью и черным рогом) прикладом и сошками. Хранится в фондах Государственного исторического музея (ГИМ, № 76197/705); *2* — кремневое ружье с узким S-образным (инкрустированным костью, рогом и перламутром) прикладом и сошками. Хранится в фондах ГИМ (№68257/8706). Датировано сотрудниками музея XVIII в. Кремневые ружья встречались в Средней Азии периода Нового времени реже фитильных. Русские и западноевропейские кремневые (а впоследствии и капсульные) ружья, попавшие в Среднюю Азию, часто подвергались переделке: металлический затыльник снимался, а широкий «толстый» приклад выстругивался до приобретения описанной выше «тонкой» изогнутой (5-образной формы). Кремневые ружья в Средней Азии имели в основном так называемые «восточные» («испано-мавританские») замки. Хотя встречались и западноевропейские замки, вплоть до «поздних ударно-кремневых систем», например «французско-батарейный замок» (Денисова, Портнов, Денисов, 1953, с. 154); *3* — среднеазиатская «трубкообразная» натруска на ружейном поясе. Датирована музейными сотрудниками XIX в. (ГИМ, № 82647/15391). Натруска имеет характерную Г-образную (т. е. трубкообразную) форму. Общая длина натруски — 19 см. Длина ружейного пояса — 88 см, ширина — 19 см. Натруска выполнена из черного рога и украшена серебряными (с чернью) накладками. Она снабжена специальным железным механизмом «запирания выходного отверстия» (там же, с. 155). Натруска пришита цветными шнурами к широкому поясу, изготовленному из красной ткани с цветной каймой. Пояс украшен десятью бляшками и снабжен пряжкой; *4* — широкий казахский пояс конца XVIII в. с двумя пряжками (по В. П. Курылеву). Хранится в фондах МАЭ (№403-8). Ширина — 7,5 см. Был изготовлен среднеазиатским мастером (мастерами) в 1793 г. Характерным элементом оформления пояса является система фиксации ремня: две пряжки, расположенные одна над другой (вместо традиционной пластины с крючком); *5* — узкий казахский пояс Нового времени с застежкой в виде крючка (по В. П. Курылеву). Хранится в фондах МАЭ (№ 403-10); *6-7* — казахский ружейный пояс середины XVIII в. (по В. П. Курылеву). Хранится в фондах МАЭ (№ 439-15) (см. также рис. 68, *3).* На пластинке, расположенной на конце ножен и ременной пластине с крючком, указаны дата изготовления пояса — 1755/56 г. и имя его первого владельца — «Кадырбай». Пояс был изготовлен за 63 дня и оценен в 300 руб. Пояс состоит из кожаного ремня (на рисунке), к которому подвешены ружейная сумка «киса» (а), пара мешочков для пуль «окшынтай» (б) и ножны «кын» (в). Кожаные ремешки прикреплены к ремню с помощью заклепок. Сумка располагалась на правом бедре или боку воина, мешочки для пуль — на правом и левом боку соответственно, а ножны — на пояснице. Поясной ремень украшен четырьмя тиснеными продольными линиями и бляшками различных формы и отделки. Правый конец ремня заканчивается серебряной бляхой с крючком для застегивания пояса, левый — позолоченным серебряным наконечником, покрытым стилизованным растительным орнаментом и сердоликом в оправе.

Рис. 62. Центральноазиатские и южносибирские ружья периода позднего Средневековья и Нового времени:

1 — фитильное ружье джунгарского или южносибирского (алтайского) производства первой половины XVIII в. с пружинным спусковым механизмом (реконструкция). Происходит из оружейного клада, обнаруженного на юго-восточной окраине с. Джазатор (Горный Алтай). Предметы клада переданы в Музей Института археологии и этнографии СО РАН. Остатки ружья представлены железным стволом (а) и спусковым механизмом (б). Органические элементы (приклад, ремень, сошки) не сохранились; 2 — «сибирское» фитильное ружье периода позднего Средневековья и Нового времени. Хранится в фондах Тобольского историко-краеведческого музея-заповедника; *3* — «сибирское» фитильное ружье. Хранится в фондах Минусинского регионального краеведческого музея. Датировано сотрудниками музея XIX в.

Рис. 63. Фитильное ружье, использовавшееся кочевниками Халхи в XVIII-XIX вв. (*1*), ружейные замки цинских ружей Нового времени *(2-4),* изображения цинских ружей из цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.) *(5-8),* цинская пороховница второй половины XVIII — XIX в. *(9):*

1 — фитильное ружье цинского производства, использовавшееся кочевниками Халхи в XVIII—

XIX вв. Хранится в фондах музея г. Чифын (Внутренняя Монголия, КНР). Общая длина ружья — 148,5 см. По конструкции замка ружье может быть отнесено к разряду фитильных. Граненый железный ствол имеет расширение у дула. Его поверхность покрыта декоративными украшениями: выпуклым серебряным растительным орнаментом, перемежающимся геометрическими фигурами и кольцами. Ствол фиксируется на ложе с помощью четырех металлических обойм, две из которых расположены в казенной части и по одной в центральной части ствола и у дула. Отличительной чертой ружья является длинный, достаточно узкий, но при этом массивный, немного сужающийся к концу приклад. Ружье снабжено парой деревянных сошек, облегчавших прицельную стрельбу. Судя по длине сошек, их применяли при стрельбе с колена. К центральной части ружья прикреплена длинная веревка, на конце которой привязана небольшая роговая пороховница конусовидной формы с затравочным порохом; *2-4* — ружейные замки цинских ружей Нового времени (по: Чжун го гудай бинци туцзи, 1990); *5-8* — изображения цинских ружей с фитильным замком из цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); *9* — медная цинская пороховница второй половины XVIII — XIX в. (по И. Н. Вирронену). Хранится в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея (№ 3406). Поступила из китайского арсенала г. Кобдо. Высота — 14 см, ширина — около 6,5 см. Изготовлена из меди. Снабжена кольцами для подвешивания к поясу.

Рис. 64. Фитильные ружья, использовавшиеся тибетскими воинами в XVIII-XIX вв.:

1 — тибетское фитильное ружье с укороченным стволом, «кошелем» для фитильного шнура, кожаной и металлической обкладкой ложа XVIII-XIX вв. Хранится в музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США). Общая длина — 101,6 см, в том числе длина ствола — 56,5 см. Данное ружье представляет собой аналог европейского карабина. Судя по размерам и системе оформления, оно предназначалось для стрельбы с коня. В целом тибетский «карабин» несколько короче своих европейских аналогов. Простой железный ствол немного расширяется к дулу. Он вложен в достаточно массивное ложе, снабженное ремнем, предназначенным для ношения ружья за спиной. Ствол фиксируется в ложе с помощью трех обмоток из медной проволоки. Характерные для тибетских ружей сошки отсутствуют. Скорее всего, они были съемными и, в случае необходимости, вставлялись в специальные отверстия в ложе. Вся конструкция ружья отличается особой прочностью. Деревянная поверхность ложа почти целиком покрыта железными и кожаными накладками. Цевье обтянуто кожей, которая была предварительно увлажнена, а после фиксации на ложе дополнительно прошита. Поверх кожаных сегментов приклепаны широкие железные пластины. Приклад также покрыт не слоями рога и кости (как на значительной части тибетских фитильных ружей), а железными полосами. С правой стороны приклада прикреплен кожаный «кошель» («кисет») для фитильного шнура. Крышка-клапан «кисета» украшена полусферическими бляшками; *2* — укороченный ствол фитильного ружья конца XVII — XIX в., украшенный изображениями «пламенеющих черепов». Хранится в музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США). Общая длина — 74 см. Данный гладкий ствол также может быть отнесен к кавалерийским ружьям. Округлый в сечении, он несколько расширяется у дула, которое снабжено медной мушкой. На казенной части имеется прицельная планка. Поверхность ствола снабжена изображением трех черепов с языками пламени или стилизованным изображением вырванных кишок. В основании казенной части расположен фигурный картуш, внутреннее поле которого заполнено орнаментом. Наличие характерных изображений черепов дало основание американским исследователям отнести ствол к числу ритуальных предметов вооружения. Однако его основные параметры (длина, материал, отделка, наличие мушки, прицельной планки, запального лотка и т. д.) позволяют утверждать, что он мог использоваться и в качестве оружия; *3* — ствол фитильного ружья тибетского производства XVIII-XIX вв. с сотовидным узором. Длина ствола — 117,2 см. Данный экземпляр был изготовлен в Тибете. Об этом свидетельствует тибетское клеймо «dbu сап», которое дословно переводится как «выкован в Тибете». Судя по форме и особенностям оформления ствола, он был изготовлен проживавшими в Тибете индийскими мастерами или тибетскими оружейниками, работавшими по индийским образцам. Гладкий ствол расширяется у дула. Место расширения ствола перехвачено декоративным выпуклым «пояском». В нижней части ствола помещены изображения 3-лепестковых картушей, внутреннее поле которых заполнено золотой и серебряной насечкой в виде извивающейся виноградной лозы. Основная поверхность ствола покрыта продольными полосами, перемежающимися тремя секциями сотовидного узора; *4* — тибетское фитильное ружье с серебряными накладками на ложе, «кошелем» для фитильного шнура и сошками XVIII-XIX вв. Хранится в Королевском музее оружия (Лидс, Великобритания, XXVIF.227). Общая длина — 166,5 см, в том числе длина ствола — 111 см. Гладкий расширяющийся у дула ствол ружья крепится к деревянному ложу с

помощью обмотки из железной проволоки. Тонкое ложе имеет узкий слабоизогнутый приклад. Ружье снабжено парой сошек с роговыми и металлическими элементами. Длина сошек позволяет стрелять из ружья с колена. Отличительной чертой оформления данного ружья является большое количество изящных серебряных накладок, покрывающих деревянное ложе. Накладки украшены изображением переплетающихся побегов и крепятся к ложу с помощью серебряных гвоздей. Конец приклада оторочен серебряной полосой. Длинный и узкий «кошель» («кисет») для хранения фитиля имеет красное шерстяное покрытие и снабжен кантом из шагреневой кожи. Плоскость «кисета» украшена шестью серебряными бляшками с фестончатым краем. Еще одна подобная бляшка украшает крышку «кисета».

Рис. 65. Примеры оформления ружей и ружейной амуниции жителей Сибири Нового времени:

/ — пример оформления приклада и ложа ружья шорского производства Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах НКМ (НКМ, 1254/2065); 2-3, *12* —бурятский кожаный пояс «бэхэ». Лицевая сторона пояса украшена вырезными металлическими пластинами. Некоторые из них снабжены кольцами для подвешивания огнива, ножа в ножнах, элементов саадака, ружейных принадлежностей: *2-3* —длина —98 см, ширина — 2,3 см (РЭМ, № 1405 в.); *12* — длина — 98 см, ширина — 4 см (РЭМ, № 783-101 б) (по А. А. Бадмаеву); *4* — кожаная пистонница шорского производства Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах МЭП (269); *5-7* —деревянные «пробки» костяных и роговых мерок для пороха шорского производства Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах МЭП (482 а, б-г); *8* — костяной спусковой крючок шорского производства («соок кыйлаг») Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах КОКМ (442); *9* — костяной спусковой крючок шорского производства («соок кыйлаг») Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах КОКМ (443); *10* —железная отвертка шорского производства Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в Кемеровском музее археологии, этнографии и экологии (КМАЭЭ, 18/62); // — костяная подставка для ружья («курчек пажи») шорского производства Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах КОКМ (434).

Рис. 66. Ружья российского производства XIX в., подвергшиеся переделке жителями Сибири. Из коллекции Новосибирского краеведческого музея (рисунок А. О. Пронина)

Рис. 67. Ружейные пояса Средней и Центральной Азии, Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — казахский ружейный пояс Нового времени. Воспроизводится по рисунку Ч. Ч. Валиханова. Состоит из полукруглой ружейной сумки («кисы»), двух мешочков для пуль каплевидной формы («окшынтай»). Ружейная сумка-«кошель» имеет полукруглую форму и снабжена клапаном-крышкой. Данный вариант «кисы» был описан и зарисован Ч. Ч. Валихановым. Исследователь увидел ее на казахском поясе «самой древней формы» (Валиханов, 1961, с. 468). Близкие по форме ружейные сумки «киса» встречаются на изображениях казахских воинов, сделанных Д. Кэстли в 30-х гг. XVIII в. Ружейные сумки-«кошели» имеют форму полукруга или полуовала, что позволило Ч. Ч. Валиханову сравнить их с пирогом (Валиханов, 1961, с. 468), а точнее с куском (половиной) пирога. Ружейные сумки отличаются друг от друга размерами клапанов-крышек и системой оформления их поверхности. Так, казахская «киса», зарисованная Ч. Ч. Валихановым, и алтайская ружейная сумка, зафиксированная В. В. Радловым, имеют короткий клапан, закрывающий в первом случае около половины, а во втором — около $^{2}/$ поверхности ружейной сумки. В то время как «киса» у П. Кашарова и Д. Кэстли отличаются клапаном больших размеров. «Окшынтай» выполнен в виде груши или капли, обращенной острием вверх. Мешочки на рисунке Ч. Ч. Валиханова подвешены к поясному ремню с помощью коротких ремешков, пропущенных через всю внешнюю поверхность «окшынтай» и зафиксированных в верхней части специальной петлей. Судя по изображению, «окшынтай» имеют подвижное крепление благодаря металлическим петлям (?) на ремне. На рисунке оба мешочка висят рядом в районе левого бока или поясницы. Поверхность мешочков не имеет накладок и аппликаций. Единственным украшением является пучок из коротких узко нарезанных кожаных ленточек (?), прикрепленных к узелку или бляшке в нижней части ремешка; *2* — горноалтайский ружейный пояс Нового времени. Воспроизводится по рисунку В. В. Радлова. Состоит из поясного ремня, ружейной сумки и мешочка для пуль

(«окшынтай») 8-образной формы. Данный вариант ружейного пояса был зафиксирован В. В. Радловым у алтайцев («горных калмыков»). Ружейная сумка-«кошель» имеет полукруглую форму и снабжена клапаном-крышкой с металлическими (?) заклепками по краю. «Окшынтай» выполнен в виде цифры «8». Он лишен украшений и подвешен к ремню с левой стороны при помощи короткого ремешка и металлической (?) накладки. Возможно, что подобные мешочки для пуль алтайцы использовали и в период существования Джунгарского ханства; *3* — казахский ружейный пояс Нового времени. Прорисовка с картины П. Кашарова «Оружие казахов Старшего жуза». Ружейный пояс состоит из полукруглой ружейной сумки («кисы»), мешочка для пуль («окшынтай») каплевидной или грушевидной формы, огнива. В данном случае «киса» имеет большой клапан, закрывающий почти всю внешнюю плоскость сумки-«кошеля». Судя по изображениям, крышки ружейных сумок казахских воинов часто украшались металлической пластиной — накладкой, вышивкой или аппликацией, которая обычно находилась в центре клапана. Каплевидный «окшынтай» висит на очень длинном кожаном ремешке, который зафиксирован на «горлышке» мешочка. «Окшынтай», входящий в состав ружейного пояса, использовавшегося воинами Старшего жуза, снабжен по периметру кожаной или матерчатой окантовкой. Очень похожие по форме мешочки для пуль использовались жителями Южной Сибири вплоть до Этнографического времени;

4 — округлая бляшка с ажурным (фестончатым) краем на ружейной сумке. Была размещена в центральной части «охотничьей» теленгитской сумки, изготовленной в южный районах Горного Алтая; 5 — горноалтайский ружейный пояс Нового времени. Хранится в фондах Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея. Состоит из кожаного ремня, полукруглой ружейной сумки и мешочка для пуль стреловидной формы. Клапан-крышка ружейной сумки украшен четырьмя крупными металлическими полусферическими пластинами и четырьмя мелкими бляшками с фестончатым краем. Лицевая поверхность «окшынтай» снабжена кожаной аппликацией.

Рис. 68. Казахские ружейные пояса XVIII-XIX вв. (/ — воспроизводится по К. С. Ахметжану):

/ — казахский ружейный пояс Нового времени (по К. С. Ахметжану). Состоит из ремня, ружейной сумки («кисы»), пары мешочков для пуль стреловидной формы («окшынтай») и ножа в кожаных ножнах; *2* — «псевдоокшынтай» вырезной сердцевидной формы. О существовании подобного варианта мешочков для пуль можно судить по их имитациям на поздних поясах казахских кочевников. Так, в МАЭ хранится ружейный пояс (№ 439-14), к которому, с помощью кожаного ремешка, прикреплена сердцевидная кожаная подвеска, имитирующая вышедшие из употребления «окшынтай»; *3* — казахский ружейный пояс середины XVIII в. Хранится в фондах МАЭ (№ 439-15). На пластинке, расположенной на конце ножен и ременной пластине с крючком, указаны дата изготовления пояса — 1755/56 г. и имя его первого владельца — «Кадырбай». Ножны держатся на поясе с помощью ремешка с пятью металлическими бляшками. Верхняя часть «кын» снабжена фигурным металлическим ободком с чернью и гравировкой, а также надписью на арабском языке имени мастера — «Киншинебай уста». Нижний конец ножен обшит зеленой шагреневой кожей и заканчивается пришитым куском овальной кожи, на которой прикреплена серебряная пластинка той же формы с узором, на которой указаны дата изготовления пояса, его стоимость и время изготовления.

Рис. 69. Южносибирские огнива «оттук» периода позднего Средневековья (/) и Нового времени *(2-8):*

1 — огниво из позднесредневекового кургана № 1 Чоба-Баш (Горный Алтай) (по Ю. С. Худякову). Футляр огнива украшен бронзовыми накладками; *2,4-6* — западнотувинские огнива Этнографического времени (по С. И. Вайнштейну); *3* — шорское огниво «оттук» Нового времени. Хранится в фондах Омского государственного объединения исторического и литературного музея (по С. Н. Третьякову). Кресало имеет вид стальной пластины изогнутой формы. Футляр выполнен из двух кусков черной кожи. Кожаные элементы футляра и кресало крепятся между собой с помощью металлических заклепок; *7-8* — трут (шор. «каба») и кремень (шор. «оттукаж»). Вкладывались в кожаный футляр огнива «оттук» (см. рис. 69,*3)*. Хранятся в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея.

Рис. 70. Тибетский ружейный пояс Нового времени *(1-5)* и ружейные принадлежности:

1-5 — тибетский ружейный пояс Нового времени. Хранится в музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США). Ружейный пояс состоит из кожаного ремня (/), украшенного аппликацией мешочка для пуль вырезной топоровидной формы *(3),* кресала *(4),* ножа (5а), ножен (56); *6* — кожаная пороховница-«фляга» с роговой меркой для пороха. Пороховницы подобной конструкции соотносятся с комплексом вооружения тибетцев и монголов эпохи Нового времени. Пороховница представляет собой немного расширяющуюся к донцу фляжку с узким горлышком. Данная форма пороховниц — одна из самых распространенных

в Центрально-Азиатском регионе. В музее Метрополитен (США) хранится пороховница-«фляга», снабженная (как и в предыдущем случае) роговой меркой, соединенной с пороховницей трубкой из мягкой кожи. Поверхность пороховницы позолочена и покрыта лаком. Плоскость пороховницы горизонтально пересекается лентой из сцепленных между собой свастик. Пороховница датирована американскими исследователями XVIII-XIX вв. и соотнесена с комплексом вооружения монгольских и тибетских воинов Нового времени; 7 — кожаная тибетская пороховница месяцевидной формы с роговой меркой для пороха. Хранится в фондах музея Метрополитен (США). Пороховница представляет собой месяцевидную флягу с выпуклым донышком и узким горлышком. Горлышко пороховницы соединяется трубкой из мягкой кожи с пороховой меркой, выполненной из рога. При переворачивании пороховницы через трубку в мерку засыпается ровно столько пороха, сколько необходимо для произведения выстрела; *8—9* — тибетский мешочек для пуль вырезной топоровидной формы *(8)* и пули *(9)*. Данный экземпляр отличается оригинальной асимметричной формой покроя, напоминающей лезвие боевого топора с коротким обухом и оттянутым лезвием. Подобные мешочки для пуль достаточно часто встречаются в составе тибетских ружейных поясов, датированных XIX в. Обычно они изготовлялись из нескольких кусков жесткой кожи и украшались вырезными аппликациями из мягкой кожи. Днище и правая сторона «окшынтай» нередко снабжались окантовкой из нескольких полос материи или мягкой кожи, а прорезная аппликация нашивалась на верхнюю часть мешочка и горловину. При сжатии с боков горловина «окшынтай» раскрывалась, позволяя достать хранящиеся в нем свинцовые пули. При диаметре последних в 14 мм в мешочке помещалось не менее 12 пуль сферической формы. К ружейному поясу топоровидные мешочки для пуль подвешивались с помощью двойного кожаного ремня; *10* — тибетская роговая пороховница для затравочного пороха подтреугольной формы. Хранится в музее Метрополитен (США). Пороховница выполнена из рога и твердой кожи, имеет подтреугольную форму. Ее лицевая поверхность снабжена вертикальными накладками.

Рис. 71. Южносибирские ружейные пояса:

/ — шорский ружейный пояс Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в Кемеровском музее археологии, этнографии и экологии (КМАЭЭ, 18/9). Ружейный пояс состоит из кожаных наплечного и поясного ремней, соединенных металлическими кольцами. К кольцам подвешены: пистонницы (а, з), штырь (б), костяные мерки для пороха (в, г), роговые пороховницы (д, е), кожаный мешочек для пуль и дроби (ж), железная отвертка (и), кожаная сумка для пыжей (к); 2 — шорская роговая пороховница Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в Музее этнографии и природы Горной Шории (МЭП, 54). Донце выполнено из дерева. Узкий конец срезан и заткнут деревянной пробкой. На донце и на узком конце фиксируются обрывки кожаных ремешков, с помощью которых пороховница подвешивалась к поясу; *3* — шорский ружейный пояс XIX в. (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в фондах Кемеровского областного краеведческого музея (КОКМ, 411). К кожаному ремню подвешены (слева направо): роговая пистонница «муус», роговая мерка для пороха (длина — 4,5 см, диаметр — 1,6 см), мешочек для пуль, роговая пороховница (длина — 21см, диаметр — 5,5 см), кожаная сумочка для пыжей; *4* —ружейный пояс южносибирского производства. Хранится в фондах Музея Института археологии и этнографии СО РАН; *5* — шорский ружейный пояс эпохи Нового времени. Хранится в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Состоит из кожаного ремня (шор. «кур»), роговой пороховницы (шор. «мюйзек»), каплевидного (грушевидного) мешочка для пуль. Также в состав ружейного пояса входили костяная мерка для пороха и железная отвертка (впоследствии утрачены) (Народы Южной Сибири..., 1990, с. 68-69).

Рис. 72. «Азиатские» бандельеры, их элементы; элементы ружейных поясов Тибета, Казахстана и Южной Сибири:

/ — казахский вариант «азиатского» бандельера («бир атар»). Воспроизводится по рисунку Ч. Ч. Валиханова. Исследователь описывает «бир атар» как «патронташ из сайгачих рогов», который «носят на шее» (Валиханов, 1961, с. 468). Увиденный им «бир атар» Ч. Ч. Валиханов отнес к числу «вооружения киргиз (казахов. *—Авт.)* в древние времена»; 2 — казахский вариант «азиатского» бандельера («бир атар»). Прорисовка с картины П. Кашарова «Оружие казахов Старшего жуза»; *3* — горноалтайский вариант «азиатского» бандельера. Воспроизводится по рисунку В. В. Радлова; *4* —мерка для пороха «малыг пталгы» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Приобретена во второй половине XX в. в пос. Дальний Кезек Таштагольского района. Хранится в Музее археологии, этнографии и экологии Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ 18/9 в).

Длина —5 см, диаметр отверстия —1,7 см. Костяная, овальная в сечении. Имеет форму бокальчика с плоским «ушком» с округлым отверстием для продевания ремешка. Поверхность украшена геометрическим орнаментом; *5* — мерка для пороха «малыг пталгы» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Изготовлена в конце XIX в. Приобретена в улусе Кейдереп-Коль Горно-Шорского района. Хранится в КОКМ (433/1). Длина —2,7 см, диаметр отверстия — 1,3 см. Костяная, овальная в сечении. Имеет форму бокальчика с плоским ушком с округлым отверстием для продевания ремешка. Поверхность украшена геометрическим орнаментом, выполненным техникой гравировки; *6* — мерка для пороха «малыг пталгы» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Изготовлена в конце XIX в. Приобретена в улусе Кейдереп-Коль Горно-Шорского района. Хранится в КОКМ (433/2). Длина — 3,5 см, диаметр отверстия — 1,5 см. Костяная, овальная в сечении. Имеет форму бокальчика с плоским «ушком» с округлым отверстием для продевания ремешка. Поверхность украшена геометрическим орнаментом, выполненным техникой гравировки; *7* — мерка для пороха «малыг пталгы» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Приобретена в улусе Верхние Кичи Горно-Шорского района в 1927 г. Хранится в Музее археологии и этнографии Томского гос. университета (МАЭСТГУ 6025-40). Длина — 5 см, диаметр отверстия — 1,7 см. Выполнена из оленьего рога. Имеет форму бокальчика с плоским «ушком» с округлым отверстием для продевания ремешка. Поверхность украшена геометрическим орнаментом; *8* — мерка для пороха«малыг пталгы» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Приобретена в начале XX в. в Горно-Шорском районе. Хранится в МАЭ (5072-85). Длина — 5,5 см. Костяная, круглая в сечении. Выполнена из оленьего рога. Имеет форму бокальчика с плоским «ушком» с округлым отверстием для продевания ремешка. Поверхность украшена геометрическим орнаментом; *9* — мерка для пороха «малыг пталгы» (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Приобретена в начале XX в. в Горно-Шорском районе. Хранится в МАЭ (5072-84). Длина — 5,5 см. Костяная, восьмигранная. Имеет форму бокальчика с плоским «ушком» с округлым отверстием для продевания ремешка. Сохранился фрагмент ремешка из сыромятной кожи; *10* —тибетский вариант «азиатского» бандельера. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США). Основу бандельера формирует кожаная перевязь, к которой с помощью медных колец подвешены 8 вытянутых конических мерок для пороха, также выполненных из меди. Горлышко каждой мерки заткнуто специальной матерчатой пробкой, которая дополнительно крепится к кольцу с помощью специального кожаного ремешка. Каждая из мерок вмещает в себя объем пороха, необходимого для произведения выстрела. Кроме мерок в состав бандельера входят кожаный мешочек для пуль стреловидной формы и роговая пороховница для затравочного пороха. Данный бандельер (как и некоторые его аналоги, зафиксированные на фотографиях первой половины XX в.) носился через плечо. Но несомненное сходство с среднеазиатскими и южносибирскими бандельерами указывает на то, что мог использоваться и нашейный способ ношения бандельеров. Мешочек для пуль — вырезной стреловидной формы. Данный экземпляр представляет собой кожаный кошелек с заостренным донцем и зауженной горловиной. Хранящийся в музее Метрополитен стреловидный тибетский мешочек для пуль с помощью кожаного шнура подвешен к бандельеру с пороховыми мерками. Однако с большой долей вероятности можно предполагать, что близкие по конструкции и форме мешочки для пуль могли подвешиваться и к поясам тибетских стрелков. Об этом свидетельствуют фотографии тибетских солдат, сделанные в начале XX в. Роговая пороховница для затравочного пороха — конусовидной формы. Хранится в музее Метрополитен (США) и входит в состав тибетского бандельера, датированного XIX в. По конструкции тибетская пороховница напоминает цинские аналоги этого же периода. Она выполнена в виде конуса с плоским округлым донышком. Перед стрельбой узкое горлышко пороховницы раскрывалось и стрелок ссыпал мелкий затравочный порох на полку.

Рис. 73. Изображение казахских (*/, 18-20)* (воспроизводится по К. С. Ахметжану), центральноазиатских и южносибирских *(2-8)* ружейных стрелков (прорисовка Д. В. Черемисина с петроглифов с поверхности мореной глыбы в бассейне р. Чаган в Горном Алтае), цинских фитильных ружей *(9-11, 12—15)* (Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу», 1759), центральноазиатских (?) фитильных ружей на тибетских танка «Канцан Ямы», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. №4493-1) *(16),* «Юха Цогчигма», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 12313-Ш)(/7)

Рис. 74. Крупнокалиберные ружья периода позднего Средневековья и Нового времени:

1,2 — цинские крупнокалиберные фитильные ружья первой половины — середины XVIII в. на тре-

ножнике (*1*), на козлах *(2)*. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); *3* — кашгарское крупнокалиберное фитильное ружье первой половины — середины XVIII в. на деревянном «ружейном седле» (для перевозки на верблюде). Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу». Кашгария (Восточный Туркестан) в конце XVII в. была включена в состав Джунгарского ханства. Мусульманские воины Кашгара, Яркенда и других городов региона принимали активное участие в военных предприятиях джунгарских правителей вплоть до середины XVIII в.; *4* —среднеазиатское крупнокалиберное ружье («крепостное ружье», «фальконет») *(4* а). Прорисовка с изображения «Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии» (журнал «Нива», № 15 за 1873 г.). Рядом, для сравнения, показано стандартное среднеазиатское фитильное ружье этого же периода *(4* б), приведенное на той же картине; *5-6* — японские крупнокалиберные ружья «какаэ-дзуцу» (по К. С. Носову); 7 —русская «пищаль затинная» конца XVII в. (по А. П. Бородовскому, Е. Л. Бородовской).

Рис. 75. Центрально-, южно- и восточноазиатская малокалиберная артиллерия XVIII в.:

1 — изображение маньчжурского всадника, тянущего на веревке трофейную джунгарскую пушку из разгромленного джунгарского лагеря. Прорисовка с картины неизвестного цинского художника 30-50-х гг. XVIII в. (ранее приписывалась цинскому художнику Цзяо Бинчженю); *2* — изображение груженных джунгарскими пушками верблюдов, захваченных цинскими солдатами при разгроме джунгарского лагеря. Прорисовка с картины неизвестного цинского художника 30-50-х гг. XVIII в. (ранее приписывалась цинскому художнику Цзяо Бинчженю); *3* — изображение ствола пушки. Тибетская танка «КанцанЯмы», XVIII в. (собрание Государственного музея Востока); *4* — изображение орудийного ствола малокалиберной пушки. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); *5* — изображение казнозарядного вьючного орудия «фоланьцзи пао»; *6* — изображение орудия индийской (могольской) «верблюжьей» артиллерии; 7 —цинские канониры ведут стрельбу из малокалиберных пушек «худунь-пао» по «вагенбургу» кашгарцев, составленному из стреноженных лошадей. Прорисовка с картины середины XVIII в. «Сражение у оз. Ешикуль».

Рис. 76. Дальневосточная артиллерия периода позднего Средневековья и Нового времени:

1—5 — изображения цинских и минских *(2)* орудий периода позднего Средневековья и Нового времени: на деревянном лафете с колесами *(1-3)* и на козлах *(4-5)*. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); *6* — японская малокалиберная пушка «тайхо» на деревянном станке (по К. С. Носову).

Рис. 77. Восточноазиатская артиллерия периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.)

Рис. 78. Восточноазиатская артиллерия периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.)

Рис. 79. Цинская малокалиберная артиллерия и мортиры, русская полевая артиллерия:

1 — цинские канониры ведут стрельбу из пушек по боевым порядкам восточнотуркестанских войск. Прорисовка с картины середины XVIII в. «Сражение у оз. Ешикуль»; *2—3* — цинские мортиры первой половины — середины XVIII в. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); *4* — изображение ствола трехфунтового артиллерийского орудия российского производства первой половины XVIII в. (по А. К. Станюковичу); *5* — изображение четырехфунтовой пушки «петровского времени, 1700 г., на лафете» (по Н. Г. Павленко); *6* — способ хранения артиллерийских стволов на станках в сибирских острогах (по А. П. Бородовскому, Е. Л. Бородовской).

Рис. 80. Центральноазиатские мечи периода позднего Средневековья и Нового времени:

1 —тибетский (?) меч с округлым вертикальным перекрестьем в виде головы мифического чудовища «кирти-мукхи» и 3-лепестковым навершием; *2* — меч с объемным фигурным 3-лепестковым перекрестьем в виде стилизованного изображения головы мифического чудовища «кирти-мукхи» и фигурным навершием; *3* — тибетский меч с округлой гардой с бортиком, обоймой рукояти, обоймой клинка, 3-лепестковым навершием и темляком.

Рис. 81. Центральноазиатские и южносибирские палаши и сабли:

1 — железная сабля с долами периода династии Юань (1271-1368) с территории Внутренней Монголии. Музей Внутренней Монголии (КНР); *2* — Сабля минского полководца и военного чиновника Ци Цзигуана (1528-1587); *3* — слабоизогнутая сабля с обоймой рукояти и округлой гардой с бортиком из погребения 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье); *4* — палаш центральноазиатского или южносибирского производства с гардой овальной формы с бортиком из могилы 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тары; *5* — палаш с гардой овальной формы и трапециевидным навершием из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края, на правом берегу р. Енисей, на западном склоне горы Песчанка, в 4,5 км от устья р. Коя; *6* — кыргызский (?) позднесредневековый палаш. Данный однолезвийный клинок

был найден в местности Большие Сыры в Минусинской котловине; 7 — обломок кыргызского (?) меча из погребения Ортызы-Оба в Минусинской котловине.

Рис. 82. Тибетские мечи и палаши периода позднего Средневековья и Нового времени:

1 — короткий меч с дисковидной гардой с бортиком, обоймой рукояти, 3-лепестковым навершием, кожаной обмоткой рукояти. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США); *2* — короткий меч с дисковидной гардой с бортиком, обоймой рукояти, 3-лепестковым навершием, проволочной обмоткой рукояти. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США); *3,5* —тибетские палаши периода позднего Средневековья и Нового времени. Палаши были наиболее распространенным типом длинноклинкового оружия в Тибете XVII-XIX вв.; *4* — меч с миниатюрной гардой округлой формы с фестончатым краем, узкой обоймой рукояти и массивным трапециевидным прорезным навершием с ребром жесткости. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США); *6* — изображения тибетского меча или палаша в ножнах. Настенная роспись монастыря Тар, г. Синин, пров. Циньхай.

Рис. 83. Тибетские палаши периода позднего Средневековья и Нового времени из музейных собраний Европы и США.

Рис. 84. Слабоизогнутая сабля с елманью, овальной гардой с бортиком, полусферическим навершием, обоймой рукояти, язычковой обоймой и 4 долами на клинке. Происходит из числа случайных находок в с. Кабаково на левом берегу р. Алей (Лесостепной Алтай).

Рис. 85. Слабоизогнутая сабля с каплевидной гардой с бортиком из числа случайных находок с территории Шебалинского района Республики Алтай (Горный Алтай).

Рис. 86. Сабля с Гобийского Алтая. Слабоизогнутые сабли с елманью, округлой гардой с бортиком, слабовыпуклым прямоугольным навершием, обоймой рукояти и двумя долами на клинке.

Рис. 87. Длинноклинковое оружие центральноазиатского, восточноазиатского, южносибирского и европейского производства, использовавшееся кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья и Нового времени:

1 — меч с узким граненым клинком европейского производства, округлой гардой, полусферическим навершием и вырезной обоймой рукояти. Хранится в фондах Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795); *2* — меч с округлой гардой с узким бортиком, обоймой рукояти и 5-лепестковым навершием. Хранится в фондах Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну; *3* — палаш центральноазиатского или южносибирского производства с гардой овальной формы с бортиком из могилы 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тары; *4* — палаш с гардой овальной формы и трапециевидным навершием из могильника Коя III, расположенного на территории Шушенского района Красноярского края, на правом берегу р. Енисей, на западном склоне горы Песчанка, в 4,5 км от устья р. Коя; *5* — шпага европейского образца, снабженная полукруглой медной гардой, S-образным перекрестьем и парой колец, сферическим навершием. Хранится в фондах Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795); *6* —двуручный меч с расширяющимся к острию клинком с долами, округлой гардой с узким бортиком, 3-лепестковой обоймой клинка, обоймой рукояти, трапециевидным навершием и темляком. Хранится в фондах Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну.

Рис. 88. Сабли центральноазиатского, восточноазиатского и южносибирского производства периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-2 —две сабли с изогнутым клинком и череном, отогнутым к лезвию. Найдены в местности Юдино и в Минусинской котловине; *3* — слабоизогнутая сабля с крестообразным перекрестьем и длинным цилиндрическим навершием, отогнутым в сторону лезвия. Хранится в фондах Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных калмыцкими (торгоутскими) феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735-1795); *4* — слабоизогнутая сабля с долами, крестообразным перекрестьем, загнутым в сторону лезвия. Хранится в фондах Минусинского историко-краеведческого музея им. Мартьянова; *5* — слабоизогнутая сабля центральноазиатского или южносибирского производства XVI-XVIII вв. с елманью и округлой гардой с бортиком. Хранится в фондах Минусинского историко-краеведческого музея им. Мартьянова; *6* — слабоизогнутая сабля с округлой гардой с бортиком, трапециевидным навершием, обоймой рукояти, обоймой клинка с двумя вырезными «язычками» и двумя долами на клинке. Хранится в монастыре Дрепунг (Тибет). Согласно легенде сабля была преподнесена монахам одним из центральноазиатских феодалов в конце XVI — первой половине XVII в.; 7 — слабоизогнутая сабля с каплевидной гардой с бортиком из числа случайных находок с территории Шебалинского района Республики Алтай (Горный Алтай); *8* — бурятская слабоизогнутая сабля с обоймой рукояти и округлой гардой

с бортиком. Происходит из погребения 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье); *9* — слабоизогнутая сабля с елманью, овальной гардой с бортиком, полусферическим навершием, обоймой рукояти, язычковой обоймой и 4 долами на клинке. Происходит из числа случайных находок в с. Кабаково на левом берегу р. Алей (Лесостепной Алтай); *10* — сабля с Гобийского Алтая, слабоизогнутая, с елманью, округлой гардой с бортиком, слабовыпуклым прямоугольным навершием, обоймой рукояти и двумя долами на клинке. Происходит из числа случайных находок из пещеры Цаган-Агуй, расположенной в горной гряде между хребтами Их-Богдо и Бага-Богдо на территории Баянлинг-сомона Баянхонгорского аймака (Гобийский Алтай).

Рис. 89. Кинжалы и ножи, использовавшиеся кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени. С территории Тувы *(2, 10—14),* из Минусинской котловины *(/, 19, 20-21),* с территорий г. Новокузнецка *(22-28),* Айканского городища *(29-31),* изготовленные в Индии, Средней или Передней Азии *(4, 5-9, 15—17):*

1 — кыргызский линзовидный в сечении прямолезвийный кинжал без перекрестья (по Ю. С. Худякову). Происходит с территории Минусинской котловины; *2* — линзовидный черешковый кинжал с вытянуто-треугольным острием (по Л. Р. Кызласову). Происходит из мужского погребения Ак-Дуруг в Туве; *3* — кыргызский (?) черешковый нож. Курган 2, могильник Койбалы I (правобережье р. Абакан, Республика Хакасия); *4-9* — кинжалы индийского, средне- или переднеазиатского производства с S-образной рукоятью и коротким уплощенным перекрестьем. Хранятся в фондах Бэйпин Гугун. Происходят из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну (1735—1795); *10* —черешковый нож с прямой спинкой и немного искривленным лезвием (по Л. Р. Кызласову), обнаружен в кургане 24 на горе Шанчиг в Туве; // — черешковый нож с прямым однолезвийным клинком с полукруглым вырезом и рукоятью из органических материалов (по Л. Р. Кызласову). Происходит с территории Тувы; *12* — черешковый нож с прямой спинкой и слабоизогнутым лезвием (по Л. Р. Кызласову). Происходит с территории Тувы и датируется XVIII-XIX вв.; *13-14* —однолезвийные ножи с цельнокованой рукоятью (по Л. Р. Кызласову). Происходят из тувинских погребений XVIII-XIX вв.; *15-16* —черешковые ножи индийского, средне- или переднеазиатского производства с S-образной рукоятью и коротким перекрестьем. Хранятся в фондах Бэйпин Гугун. Происходят из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну; *17* —черешковый нож индийского или восточнотуркестанского производства с 3-лепестковым навершием и коротким перекрестьем. Хранится в фондах Бэйпин Гугун. Происходит из числа подарков, преподнесенных монгольскими феодалами цинскому императору Цяньлуну; *18* — позднесредневековый кыргызский нож из кургана 2 могильника Койбалы I (правый берег р. Абакан на территории Республики Хакасия) (по С. Г. Скобелеву); *19* — позднесредневековый кыргызский нож из кургана 5 могильника Койбалы I (правый берег р. Абакан на территории Республики Хакасия) (по С. Г. Скобелеву); *20* — нож кыштымов енисейских кыргызов (по Ю. С. Худякову). Происходит с территории Минусинской котловины. Общая длина — 19 см. Ширина клинка —2 см; 2/ —бурятский нож из могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье) (по В. С. Николаеву); *22-24* — черешковые ножи шорского производства из раскопок поселения Ильинка-5 (в настоящее время территория Заводского района г. Новокузнецка) (по Ю. В. Ширину); *25-28* — черешковые ножи шорского производства из раскопок поселения Бедаревское (в настоящее время территория г. Новокузнецка) (по Ю. В. Ширину); *29-31* —черешковые ножи с территории Айканского селища (Емельяновский район Красноярского края) (по С. Г. Скобелеву и П. В. Мандрыке).

Рис. 90. Ножи и ножны жителей Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени. Происходят с территории Барабы *(1-4,6-9)* и Кузнецкой котловины *(5, 10):*

1—4 — черешковые ножи, с прямой «спинкой», плавно переходящей в черен, и изогнутым лезвием с ярко выраженным «плечиком», и их реконструкции (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву). Происходят из могильника Абрамово-10; *5* — нож с прямым клинком XVII-XVIII вв., длинной расширяющейся к металлическому навершию рукоятью, металлической обоймой (обоймой-перекрестьем) рукояти, плоским округлым навершием (по А. М. Илюшину). Обнаружен в подъемном материале с территории курганного могильника Ишаново, расположенного на территории Кузнецкой котловины в долине ниже течения р. Ур на территории современного с. Русскоурское (Ишаново) в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области; *6-9* — реконструкция ножен барабинских ножей (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву). Ножны барабинских ножей изготавливали из древесины и покрывали кожей. Иногда ножны целиком изготавливались из кожи и фиксировались по периметру медной проволокой (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 71 —

73); *10* — шорские кожаные ножны XIX в. (воспроизводится по: Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, 1990). Хранятся в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (№ 1476). Ножны выполнены из двух кусков коричневой кожи, свернутых в цилиндр и прошитых. Во вшитую в ножны кожаную петлю пропущен ремешок, с помощью которого ножны подвешивались к поясному ремню.

Рис. 91. Монгольские ножи «хэт хутга» периода позднего Средневековья и Нового времени и их прототипы периода развитого Средневековья (/):

1—5 — ножи с прямым клинком, длинной расширяющейся к металлическому навершию рукоятью, металлической обоймой (обоймой-перекрестьем) рукояти. Это основной тип монгольских ножей периода Нового времени; известен под названием «хэт хутга»; / — прототип или ранний вариант ножа «хэт хутга» из монгольского погребения у г. Дадарт-уул у истока р. Хаар-ус, датированного XIII—XIV вв.; *2* — «хэт хутга» монгольского кочевника XVIII-XIX вв. (прорисовка с картины «Монгольский нож» В. Л. Серошевского); 3 — халхаский или чахарский «хэт хутга» второй половины XVIII — XIX в. с ножнами *{36),* булавкой (Зв), палочками для еды («савхи»). Хранится в Музее Внутренней Монголии (КНР); *4* — нож «хэт хутга» с ножнами и палочками для еды. Монголия, XIX в. Хранится в фондах Государственного исторического музея (ГИМ); *5* — «хэт хутга» из резиденции Богдо-хана.

Рис. 92. Изображения юаньского (/), центральноазиатского *(2-4, 7-8,10-12,16-18),* кашгарского *(5-6),* калмыцкого *(9,13-14)* и цинского *(15)* длинноклинкового оружия XIV-XIX вв.:

/ — изображение палаша или сабли с картины неизвестного художника эпохи династии Юань (1271-1368); *2,3* — изображения монгольской Сабли или палаша с гравюры китайского художника школы Гуйчжоу эпохи династии Мин (1368-1644); *4* — прорисовка сабли монгольского воина с графической картины китайского художника периода правления династии Мин (1368-1644); *5,6* — кашгарские палаш *(5)* и сабля *(6)* с цинской картины второй половины XVIII в. «Битва у Ешикуль». Музей Бэйпин Гугун; *7—8, 10-12* —джунгарские палаши и сабли с цинских раскрашенных гравюр цикла «Усмирение элетов и западных земель», выполненных под руководством Д. Кастильоне и посвященных военным кампаниям цинской армии против джунгар, мусульман Восточного Туркестана и казахов в 1754-1759 гг.; *9, 13-14* — прорисовка сабель с изображения торгоутских воинов с цинской картины второй половины XVIII в. «Перекочевка элетов-торгоутов». Музей Внутренней Монголии (КНР); *15* — прорисовка сабли с портрета командующего цинскими войсками в Джунгарии в середине XVIII в. полководца монгольского происхождения Баньди; *16* — прорисовка сабли с изображения монгольского (?) воина на тибетской танка «Мандала Ваджрабхайравы», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 5925-1); *17* —прорисовка сабли с тибетской танка «Далха», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 17991-1); *18* — прорисовка сабли с тибетской танка «Канцан Лхамо», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 15600-1).

Рис. 93. Наконечники центральноазиатских *(1,3, 5—6)* и южносибирских *(7-8)* пик, их миниатюрные модели *(2)* и вток *(4)* периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — тибетский наконечник XVII-XVIII вв. с удлиненно-треугольным пером с широкими долами, граненым «яблоком», втулкой с выпуклым бортиком, золотой и серебряной насечкой, изображающей черепа и стилизованный кишечник, оплетенным железной проволокой, массивным деревянным древком, XVIII-XIX вв. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США); *2* — тибетский миниатюрный наконечник XVII-XIX вв. с удлиненно-ромбическим пером, граненым «яблоком». Хранится в фондах музея Метрополитен; *3—4* — тибетский наконечник с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером, граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами, золотой и серебряной насечкой, изображающей «Три драгоценности», растительный орнамент (3) и вток с конусовидной втулкой, граненым «яблоком» с ромбовидными сторонами и граненым пером *(4).* Хранятся в фондах музея Метрополитен; *5* — тибетский наконечник XVII-XVIII вв. с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером, месяцевидной шейкой с «воротником»,золотой и серебряной насечкой, изображающей «Меч Мудрости», и растительный орнамент. Хранится в фондах музея Метрополитен; *6* — тибетская пика XVIII-XIX вв. с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером, с граненым шайбовидным «яблоком», тонкой втулкой, бунчуком из шерсти яка, значком из шелковых лент, древком, обмотанным железной проволокой, и четырехгранным конусовидным втоком. Хранится в фондах музея Метрополитен; *7* — наконечник с удлиненно-треугольным пером с долами, граненым шайбовидным «яблоком». Происходит с территории Венгеровского района Новосибирской области; *8* — наконечник с удлиненно-треугольным пером с долами, овально-цилиндрическим «яблоком», декоративными «поясками» и выпуклым бортиком по краю

втулки (по В. В. Горбунову). Происходит с территории Горного Алтая.

Рис. 94. Наконечники копий, копья *(9)* и чехол для копейного наконечника (2) центральноазиатского (*/ - 4, 6, 9)* и южносибирского *(5, 7, 8)* производства. Из Тибета *(1-4, 6),* Алтая *(5),* Монголии *(7-9):*

1-2 — центральноазиатский наконечник XVIII в. с широким удлиненно-треугольным пером, длинной втулкой, украшенной золотой насечкой, и «плетеным» кольцом (валиком) в нижней части (1) и кожаный чехол (2). Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США); *3* — центральноазиатский наконечник XVII-XVIII вв. с широким удлиненно-треугольным пером с узкими долами, длинной втулкой, украшенной золотой насечкой, с «плетеным» кольцом (валиком) в центральной части и массивными ярусными кольцами в нижней. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США); *4* — тибетский наконечник XVII-XIX вв. с кинжаловидным удлиненно-треугольным пером со слабовыраженным ромбовидным сечением, с граненым кубовидным «яблоком» с декоративными ободками, втулкой с бортиком, золотой и серебряной насечкой, изображающей «пылающий меч», огонь, символ «kyai», растительный орнамент. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США); *5* — удлиненно-ромбический наконечник южносибирского производства XVII-XVIII вв. с отрожками. Происходит с территории Лесостепного Алтая; *6* — тибетский (?) наконечник с удлиненно-треугольным пером с золотой насечкой в виде буддийских и даосских символов. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США); *7—8* — наконечники копий из юаньских погребений во Внутренней Монголии второй половины XIII — первой половины XIV в. Хранятся в фондах Музея Внутренней Монголии (КНР). Длина наконечников — 30,7 (7) и 29,0 см (8); *9* — монгольское копье XVII-XIX вв. Хранится в фондах музея г. Чайфын (КНР). Общая длина — около 2 м. Граненый железный наконечник одет на деревянное древко, верхняя треть которого выкрашена в черный, а нижняя — в красный цвет.

Рис. 95. Наконечники копий (*/, 4-26)* и дротиков *(2-3)* из Южной Сибири, Центральной Азии и Казахстана, Минусинской котловины *(1-3, 5),* Причулымья *(4),* Забайкалья *(6),* Тувы *(7-8),* с низовьев р. Тары *(9),* Барабы *(10-11),* Казахстана *(12-26):*

1 — кыргызский (?) удлиненно-ромбический наконечник с шипом (по Ю. С. Худякову). Происходит с территории Минусинской котловины; 2 — кыргызский (?) удлиненно-ромбический наконечник с отрожками. Происходит из числа случайных находок с территории Минусинской котловины (по Ю. С. Худякову); *3* — кыргызский (?) наконечник с удлиненно-ромбическим пером и шипом (по Ю. С. Худякову). Происходит с территории Минусинской котловины; *4-5* — удлиненно-ромбические наконечники с конической втулкой (по Ю. С. Худякову). Происходят из позднесредневековых захоронений в Ортызы-Оба (курган 2) в Минусинской котловине и у р. Чердат (Причулымье); *6* — наконечник XVII-XVIII вв. с удлиненно-ромбическим пером с отрожками (по Ю. С. Худякову). Происходит из Восточного Забайкалья; 7 — наконечник с удлиненно-треугольным пером, массивной длинной втулкой и металлической петлей (по Л. Р. Кызласову). Происходит из кургана 24 на горе Шанчиг в Туве, датированного XVI-XVII вв. (Кызласов, 1964, с. 83-85); *8* — наконечник с удлиненно-ромбическим пером, массивной втулкой с кольцом для подвешивания бунчука (по Л. Р. Кызласову). Происходит с территории Тувы; *9* — удлиненно-ромбический наконечник с тонкой уплощенной шейкой и массивной конической втулкой (по М. А. Корусенко). Происходит из могилы 41 могильника Бергамак II в низовьях р. Тары; *10* — наконечник с удлиненно-ромбическим пером со слабовыраженными ребрами жесткости и массивной втулкой (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву). Происходит с территории Венгеровского района Новосибирской области; *11* — наконечник с удлиненно-ромбическим пером и длинной втулкой с бортиком (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву). Был найден в могильнике Абрамово-10 (погребение 48); *12-26* — наконечники длиннодревкового оружия с территории Казахстана периода позднего Средневековья и Нового времени (по К. С. Ахметжану).

Рис. 96. Русское и сибирское длиннодревковое оружие периода позднего Средневековья и Нового времени. Образец этнокультурного взаимодействия российской и сибирских военно-культурных традиций на примере длиннодревкового оружия. Копья, рогатины и бердыши русских служилых людей в европейской части России и Сибири *(1-2, 11-12, 19-21);* длиннодревковое оружие енисейских кыргызов и их кыштымов *(3, 5),* копейный наконечник с территории Лесостепного Алтая *(4);* восточносибирские копья, рогатины и пальмы Нового времени *(6-10,16-18).* Изображения сибирских пальм *(13-14)* и трезубца *(15):*

1 — наконечник русского копья конца XVI — XVII вв. (Краеведческий музей г. Красноярска); 2 — наконечник русской рогатины второй половины XVI —XVII в. (Краеведческий музей г. Красноярска); *3* — наконечник кыргызского дротика с имитацией русских отрожков (находка с территории Минусинской котловины); *4* — наконечник копья южносибирского производства с отрожками (находка с тер-

ритории Лесостепного Алтая); *5* — наконечник копья южносибирского производства XVI-XVII вв.; *6* — эвенкийское копье с длинной втулкой и кольцом (Краеведческий музей г. Красноярска); *7* — нганасанская рогатина (находка с территории Таймырского АО, Краеведческий музей г. Красноярска); *8* — кетское копье (Краеведческий музей г. Красноярска); *9* — эвенкийская пальма (Краеведческий музей г. Красноярска); *10* — кетская пальма (Краеведческий музей г. Красноярска); *11* — русская рогатина с отрожками второй половины XVII в. (Государственный исторический музей); *12* — русская рогатина с отрожками XVII в. (Государственный исторический музей); *13* — изображение якутской пальмы (с гравюры из книги И. Г. Георги, XVIII в.); *14* — изображение пальмы позднесредневековых хантов (с гравюры из книги И. Идеса, 1706 г.); *15* — изображение вил-трезубца позднесредневековых тунгусов (с гравюры из книги Н. Витсена, 1692 г.); *16* — тесак селькупской пальмы (Краеведческий музей г. Красноярска); *17* — тесак якутской пальмы (Государственный исторический музей); *18* — тесак якутской пальмы; *19-20* — русские бердыши (топорики) XVII в. (Краеведческий музей г. Красноярска); *21* — бердыш, использовавшийся жителями Южной Сибири (Краеведческий музей г. Ачинска).

Рис. 97. Изображение центральноазиатских и кашгарских значков и знамен: юаньских первой половины XIV в. (*1*), монгольских XVI-XVII вв. *(2-7),* торгоутских (калмыцких) XVIII в. *(8-9,13),* джунгарских середины XVIII в. *(12),* кашгарских (восточнотуркестанских) середины XVIII в. *(10-11):*

1 — изображение флажка с бунчуком на копье юаньского воина. С настенной росписи монастыря Баонин (КНР), XIV в.; *2-7* — изображение монгольских знамен, бунчуков и значков на китайских гравюрах мастеров школы Гуйчжоу, XVI-XVII вв.; *8-9* — изображение калмыцких (торгоутских) знамен XVIII в. Прорисовка с цинской картины второй половины XVIII в. «Перекочевка элетов-торгоутов». Музей Внутренней Монголии (КНР); *10-11* — изображение кашгарских (восточнотуркестанских) знамен середины — начала второй половины XVIII в. Прорисовка с цинской картины второй половины XVIII в. «Битва у Ешикуль». Музей Бэйпин Гугун. На цинских картинах и гравюрах кашгарские знамена обычно имеют зеленый *(10)* или красный *(11)* цвет; *12* — цинский солдат, захватывающий джунгарское знамя. Прорисовка с раскрашенной гравюры «Захват джунгарского лагеря у Гэдэн-Ола» (цикл «Усмирение элетов и западных земель», выполненный европейскими и цинскими мастерами под руководством Д. Кастильоне и посвященный военным кампаниям цинской армии против джунгар, мусульман Восточного Туркестана и казахов в 1754-1759 гг.). На раскрашенной гравюре джунгарское знамя темно-синего цвета имеет вертикальное прямоугольное полотнище. На нем нет изображений, а вместо лент по периметру расположены волосяные кисти. Древко знамени увенчано позолоченным (?) навершием (возможно, так называемой «золотой мельницей») и бунчуком из конского волоса; *13* — «старинное знамя» одного из калмыцких полков, участвовавших в боевых действиях в период Отечественной войны (1812 г.) и заграничных походах российской армии (1813-1814 гг.) (по О. Пархаеву).

Рис. 98. Знамена и бунчуки в тибетских изобразительных источниках XIV в. *(1)* и XVII-XIX вв. *(2-14):*

1 — настенная роспись в монастыре Тар, XIV-XV вв., г. Синин, пров. Циньхай; *2,6-7* — танка «Канцан Ямы», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 4493-1); 3—5 — танка «Канцан Лхамо», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 15600-1); *8* — танка «Хайягрива», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 15052-1); *9* — танка «Мандала Ваджрабхайравы», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 5925-1); *10* — танка «Кулика Манджушрикирти», первая половина XVIII в., Государственный музей Востока (инв. №4490-1); *11* — танка «V Панчен-лама Лобсан Ешей», XIX в., Государственный музей Востока (инв.№ 15046-1); *12,14* — танка «Далха», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 17991-1); *13* — танка «Белый Брахма», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 19805-1).

Рис. 99. Ударное оружие воинов Юаньской империи (*1*), центральноазиатских *(2-3),* южносибирских *(4-5, 10-12),* восточно- *(6-7)* и среднеазиатских *(8-9)* воинов периода позднего Средневековья и Нового времени:

1 — изображение юаньского телохранителя с булавой на длинном древке, XIV в. Роспись на стене даосистского храма, уезд Фэньян, пров. Шэньси; *2* — палица с изображения монгольского воина, выполненного китайским художником периода правления династии Мин (1368-1644). Данный рисунок предположительно выполнен в первой трети XVII в. Школа Гуйчжоу; *3* — прорисовка монгольской булавы с гравюры китайского художника школы Гуйчжоу периода правления династии Мин; *4* — ударная часть кистеня русского или южносибирского производства (по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву). Происходит с территории Барабинской степи; 5 — металлическая часть кистеня среднеазиатского (?) производства, использовавшегося сибирскими татарами в XVIII в. (воспроизводится по: Народы Южной Сибири в коллекциях Омского го-

сударственного объединенного исторического и литературного музея, 1990). Хранится в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (№ 8974-26). Ранее хранился в семье бухарских татар Шиховых. Состоит из втулки с округлым отверстием в верхней части, округлой граненой ударной сферы. Втулка и сфера соединены с помощью железной цепи из трех эллипсовидных звеньев. В нижней части втулки пробиты два отверстия для крепления кдеревянному древку. Последнее не сохранилось. По предположению специалистов Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, оно достигало в длину 1-1,5м(Народы Южной Сибири..., 1990, с. 147-148); *6* — изображение восточноазиатской булавы периода позднего Средневековья и Нового времени. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); 7 —цельнометаллическая минская булава XVI —начала XVII в. Представляет собой короткую рукоять, перехваченную двумя парами выпуклых колец, увенчанную сферической ударной частью с уплощенными гранями. Нижний конец рукояти снабжен сферическим противовесом; *8-9* —среднеазиатские (казахские?) булавы периода позднего Средневековья и Нового времени (по А. С. Ахметжану); *10-12* —южносибирские (кыргызские?) цельнометаллические булавы «чис тохпах». Хранятся в фондах Минусинского историко-краеведческого музея им. Мартьянова.

Рис. 100. Плоскообушные широколезвийные топоры без «бородки» из позднесредневековых археологических памятников с территории Южной Сибири и шорские чехлы для топоров Этнографического времени:

1-2 — плоскообушные широколезвийные топоры без «бородки». Происходят из памятников Соянсее, объект 9 в Минусинской котловине, и Чердат в Причулымье; *3* — шорский кожаный чехол («матагабы») для топора Этнографического времени (воспроизводится по: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России, 1999). Хранится в Музее этнографии и природы Горной Шории (505); *4* — шорский берестяной чехол («матагабы») для топора, XIX в. (воспроизводится по: Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, 1990). Хранится в фондах Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (№ 1534).

Рис. 101. Плоскообушные широколезвийные топоры с треугольной *(1-3)* и уплощенной *(4-7)* «бородкой» из позднесредневековых археологических памятников с территории Южной Сибири:

1-3 — к плоскообушным широколезвийным топорам с треугольной «бородкой» относятся 6 экз. из памятников Ортызы-Оба, курган 2; Табат-Бельтыры, могила 1 в Минусинской котловине; Улу-Кель, Чердат в Причулымье; *4-7* — к плоскообушным широколезвийным топорам с уплощенной «бородкой» относятся 4 экз. из памятников Ус-Оба, могила 2 в Минусинской котловине, Ак-Турук, Шаньчиг, курган 24 в Туве, могила 33 могильника Бергамак II в низовьях р. Тары (4). Длина— 11,5-14 см, ширина лезвия — 7,5-12 см.

Рис. 102. Боевые топоры и секиры жителей Южной Сибири *(1-2,4),* Центральной Азии *(3),* Восточной Азии *(5-9).* С юга Красноярского края (/), из Тувы (2), Тибета *(3),* Лесостепного Алтая *(4),* из Цинской энциклопедии «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.):

/ — плоскообушная широколезвийная секира из памятника Айканское селище в лесостепной зоне Средней Сибири; *2* — плоскообушный широколезвийный топорик XVII в. из кургана 24 на горе Шанчиг (Тува) (по Л. Р. Кызласову); *3* —тибетский (?) позднесредневековый топор XVII-XIX вв. с луновидным лезвием и клевцом. Хранится в фондах музея Метрополитен (Нью-Йорк, США); *4* — низкообушная широколезвийная секира с территории Лесостепного Алтая.

Рис. 103. Казахские топоры периода позднего Средневековья и Нового времени (по К. С. Ахметжану).

Рис. 104. Изображения топоров и алебард периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени. Изображения юаньских алебардистов и алебард второй половины XIII — XIV в. *(1-2, 5-6),* монгольского топора XVI-XVII вв. *(8),* тибетских алебард периода Нового времени (7, *9):*

1 — изображение юаньского телохранителя с алебардой, X1v в. Роспись на стене даосистского храма, уездФэньян, пров. Шэньси; 2 —изображение юаньского латника с алебардой. Прорисовка с настенной росписи монастыря Баонин (КНР), эпоха династии Мин (1368-1644); *3-4* — изображение алебард на юаньских картинах и настенной росписи первой половины XIV в.; *5-6* — изображения воинов-алебардистов на юаньской «могиле с тысячью Будд», г. Цзинань, пров. Шаньдун (КНР); 7 — прорисовка алебарды с тибетской танка «Далха», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 17991-1); *8* — топор монгольского воина с гравюры китайского художника школы Гуйчжоу, эпоха династии Мин; *9* —прорисовка алебарды с тибетской танка «Канцан Джамсаран», XIX в., Государственный музей Востока (инв. № 17371-1).

Рис. 105. Пластины от ламеллярных «тибето-монгольских» панцирей XV-XIX вв. из старых оружейных коллекций, система соединения пластин в тибетском ламеллярном панцире *(17-19):*

1-3 — Дерге, Тибет (Музей Виктории и Альберта, г. Лондон, Великобритания); *4-6* — монастырь Гуан, Тибет (Музей Виктории и Альберта); 7-8 — Тибет. Вывезен Агваном Доржиевым в 1901-1903 гг. (Музей антропологии и этнографии, г. Санкт-Петербург, № 2563-37); *9-10* — Ньяри, Тибет (Этнографический музей, г. Стокгольм, Швеция); *11—13* — Тибет (Британский музей, г. Лондон, Великобритания); *14* — Тибет (Музей Виктории и Альберта); *15* — Тибет (Музей народного искусства, г. Гамбург, ФРГ).

Рис. 106. Пластины от ламеллярных «тибето-монгольских» панцирей XV-XIX вв. *(1-12)* и их центральноазиатские и дальневосточные прототипы периода раннего и развитого Средневековья:

1,3 — Дерге, Тибет (Музей Виктории и Альберта, г. Лондон, Великобритания); *2* — Тибет (Музей народного искусства, г. Гамбург, ФРГ); *4,8* — Тибет (Британский музей, г. Лондон, Великобритания); *5, 7* — Ньяри, Тибет (Этнографический музей, г. Стокгольм, Швеция); *6,9* — монастырь Гуан, Тибет (Музей Виктории и Альберта); *10-11* — Тибет. Вывезен Агваном Доржиевым в 1901 -1903 гг. (МАЭ, г. Санкт-Петербург); *12* — Тибет (Музей Виктории и Альберта); *13, 17, 28-29* — Горный Алтай, Балык-Соок-1, VIII—IX вв.; *14,18,24* — провинция Цинхай (северо-запад КНР), Хара-Хото, XIII-XIV вв.; *15* — Монголия, XIII—XIV вв. (по М. В. Горелику); *16* — Лесостепной Алтай, Новосклюиха-1, 1X-Xвв.; *19* — провинция Синьцзян (северо-запад КНР), Сан Пао, VIII—IX вв.; 2<9 — провинция Синьцзян, XI в.; *21* — Южное Приуралье, курган 3 Озерновского III могильника, XIII в.; *22* — Тува, курган БТ-59-5, III—V вв.; *23* — Лесостепной Алтай, Иня-1, вторая половина VIII — XII в.; *25* — Горный Алтай, урочище Балчикова-3, VIII—IX вв.; *26* — Горный Алтай, Кудыргэ, VI в. (железная пластина с бортиком); *27* — Восточный Туркестан, Чиктам, IX в. (пластина изготовлена из твердой лакированной кожи); *30* — пойма Амура, могильник Шапка; *31* — Приморье, Краснояровское городище, XII — начало XIII в.

Рис. 107. «Тибето-монгольская» «кираса» (вариант «пончо» с ламеллярными наплечными «ремнями») XVII-XVIII вв. (Этнографический музей, г. Стокгольм, Швеция).

Панцирь изготовлен из прямоугольных пластинок с закругленным верхним краем, соединенных между собой кожаными ремешками. Нагрудник состоит из 12 рядов пластин. Начиная с 7 ряда (при счете сверху) начинается постепенное сокращение числа пластин в ряду, благодаря чему нагрудник в своей нижней части сужается почти на треть. К нижнему ряду пластин пришита широкая матерчатая полоса. Панцирь надевается через голову и фиксируется на боках кожаными ремешками.

Рис. 108. Позднесредневековый «тибето-монгольский» ламеллярный «халат» и изображения его монгольских прототипов периода развитого Средневековья:

/ — «тибето-монгольский» ламеллярный панцирь покроя «халат» XVII-XVIII вв. с осевым разрезом, трехчастным подолом и наплечниками (Музей антропологии и этнографии, № 2563-37, г. Санкт-Петербург); *2-5* — изображения монгольских воинов конца XIII — начала XIV в. в ламеллярных «халатах» с осевым разрезом и наплечниками: *2-4,6* — «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1306-1308 гг., б-ка Эдинбургского ун-та; *5* — «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1314 г., Королевское азиатское общество, Лондон.

Рис. 109. Позднесредневековый «тибето-монгольский» ламеллярный «халат» и изображения монгольских панцирей конца XIII — начала XIV в. с двухчастным подолом и ранним вариантом трехчастного подола:

/ — «тибето-монгольский» ламеллярный панцирь покроя «халат» XVII-XVIII вв. с осевым разрезом, трехчастным подолом и наплечниками. Музей антропологии и этнографии, № 2563-37, г. Санкт-Петербург. Вид сзади; *2-5* — изображения монгольских воинов конца XIII — начала XIV в. в ламеллярных панцирях покроя «катафракта» *(2)* и «халат» с традиционным (двухчастным) подолом (5) и ранним вариантом трехчастного подола: *2,5* — «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1306-1308 гг., б-ка Эдинбургского ун-та; *3* — Бапсистерий Сэн-Луи, Дамаск, 1290-1310 гг., Лувр; *4* — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, 30-е гг. XIV в., бывш. собр. Демотта.

Рис. 110. «Тибето-монгольские» ламеллярные панцири покроя «халат»:

/ — «тибето-монгольский» ламеллярный «халат» XVI-XVIII вв. с осевым разрезом, трехчастным подолом, без наплечников. Музей искусств Метрополитен (№ 36.25.53b), Нью-Йорк. Наследство Джорджа С. Стоуна (1935 г.); *2* — панцирный комплекс XVIII-XIX вв. (шлем, ламеллярный «халат» с осевым разрезом и трехчастным подолом, кольчуга, зерцальный доспех, панцирный пояс, щит), вывешенный на колонне Тсуклакханг в зале монастыря Дрепунг (Тибет).

Рис. 111. Изображения монгольских и китайских ламеллярных и ламинарных панцирей покроев «кираса», «катафракта» и «халат» и шлемов в юаньской и минской иконографии XIV-XV вв.:

1-4,8-9 — юаньский трактат XIV в.; *5-7* — с китайской картины «Пленение Гуаньсюя». Художник Шан Си. Эпоха династии Мин.

Рис. 112. Изображения монгольских (/, *4-5),* тибетских *(6)* и китайских *(2-3)* ламеллярных и ламинар-

ных панцирей покроев «кираса» и «жилет» *(4-6)* и шлемов в юаньской *(4)*, монгольской *(5)*, тибетской *(6)* и минской иконографии и скульптуре XIV—XIX вв.:

1 — изображение юаньского военачальника, одетого в ламеллярную «кирасу» с удлиненным нижним краем, дополненную кольчатыми наплечниками, кольчатыми или чешуйчатыми набедренниками. Настенная роспись в монастыре Баонин. Эпоха династии Мин (1368-1644); *2-3* — терракотовые минские воины в ламеллярных «кирасах» с наплечниками и набедренниками. Минская могила Чжу Юэле на горе Фунхуаншэнь, г. Чанду, пров. Сычуань; *4* — скульптура, изображающая юаньского воина, одетого в стеганый панцирь с рукавами до локтя и набедренником, ламеллярный «жилет» с панцирным передником. Юаньская могила в Баохэ, уезд Хуанянь, пров. Сычуань; *5* — конный ружейный стрелок, одетый в ламеллярный «жилет» с наплечниками. Монгольская танка «Далха», XIX в., Государственный Эрмитаж; 6 — тибетская танка «Джамсаран», XVIII в., Международный центр Рерихов.

Рис. 113. Изображения монгольских ламеллярных и ламинарных панцирей покроя «халат» с косым запахом и шлемов в юаньской иконографии XIV в.:

1 — из юаньской энциклопедии XIV в. «Шимин гуян ци»; *2* — с китайской картины «Вознесение сферы милости» Ван Чэнбэня (1280-1329), Индианополисский музей. Эпоха династии Юань (1271-1368).

Рис. 114. Изображения центральноазиатских *(1-3, 5—6* — монгольских, *4* — тибетских) ламеллярных панцирей покроя «халат» со сплошным осевым разрезом:

1-3 — изображения монгольских воинов на гравюрах китайских художников школы Гуйчжоу, эпоха династии Мин (1368-1644); *4* — тибетская бронзовая статуэтка «Вайшравана», XVIII в. Частная коллекция. Латник одет в ламеллярный «халат» с осевым разрезом. Нагрудник усилен ламеллярными дисковидными зерцалами. Панцирный передник имеет предположительно пластинчато-нашивную структуру бронирования. Голова прикрыта ламеллярный «башлыком». Руки панцирника защищены комбинированными полосчато-чешуйчатыми наручами. Полосчатые поножи снабжены ламинарными сегментами для прикрытия стопы; *5-6* — монгольская танка «Далха», XIX в., Государственный Эрмитаж.

Рис. 115. Изображения ламеллярных панцирей покроя «халат» и шлемов в минской иконографии XVI в.

Изображения воинов императорской охраны, одетых в ламеллярные «халаты» с четырехчастным подолом, со знаменами *(1-3)* и шестопером *(4)* с минской картины второй половины XVI в. «Путешествие Сюаньдэ на колеснице, запряженной слонами». Исторический музей г. Тайбэя (о. Тайвань, КНР).

Рис. 116. Изображения ламеллярных и ламинарных панцирей покроев «халат», «жилет» и шлемов в переднеазиатской миниатюре XIV в. *(4)*, минской *(1,3, 5)* и цинской иконографии XVI-XVII вв., реконструкция цинского ламеллярного «жилета» XVII в. (7):

1,3 — минские лейб-гвардейцы в ламеллярных «халатах». С китайской картины конца XVI в. «Выезд императора Ваньли» (1573-1620 гг.). Музей Бэйпин Гугун, КНР; 2, б —«Маньчжоу-шилу»; *4* — изображение монгольского воина в ламеллярном неподпоясанном панцире покроя «жилет». С багдадской миниатюры 1380 г.; 5 — «чжурчжэньский военачальник». С китайской картины конца XVI — начала XVII в.; 7 — реконструкция позднесредневекового маньчжурского ламеллярного панциря: ламеллярный «жилет», наплечники, передник (автор реконструкции — Л. А. Бобров); *8* — пластины от ламеллярного маньчжурского панциря (прорисовка изображения с картины Л. Шренка).

Рис. 117. Изображения ламеллярных и ламинарных панцирей в передне- и среднеазиатской миниатюре XV-XVI вв.:

1,2 —«Хамса» Навои, Герат, 1494-1495 гг., б-ка Британского музея (г. Лондон); *3* — «Зафар-наме» Шараф ал-Дина Йазди, Герат, 1495 г., б-ка Бостонского музея; *4,5* — миниатюры Масуд ибн Усман Кухистани «Султан Джалал-ад-дин, переплывающий через Инд» и «Сражение султана Махмуда Газневи с сельджуками», г.Самарканд, 1540 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; 6, 7 — «Хамса» Навои, г. Бухара, 1598 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *8* —«Хамса» Навои, Шахрухия, 1521-1522 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.

Рис. 118. Пластины от пластинчато-нашивного панциря из Монголии *(1-5)* и панциря №1 из Тувы (тайник Ийи-Кулак).

Железные прямоугольные пластины от монгольского или кыргызского пластинчато-нашивного панциря второй половины XIV — начала XV в. Пластины снабжены бортиком (тип 4), парными бронзовыми полусферическими заклепками и дополнительными отверстиями для пришивания к органической основе *(1-4)*. Пластины со смешанной (нашивной и заклепочной) системой крепления фиксируют переход от более архаичного способа крепления пластин к органической основе с помощью ремней (характерного для XIII—XIV вв.) к более совершенному — с помощью металлических заклепок. Пластины снабжены по периметру специальным выпуклым бортиком, не позволявшим наконечнику вражеского копья со-

скальзывать в межпластинчатые щели. Остатки пластинчато-нашивного панциря (7 пластин) относятся к числу случайных находок на территории Центральной Монголии. Пластины хранятся в фондах Центрального государственного музея МНР. Железные прямоугольные (тип 4), трапециевидные (тип 5) пластины с бортиком и полусферическими заклепками входили в состав пластинчато-нашивного панциря монгольского или кыргызского производства конца XIV — первой половины XV в. *(6-15).* Пластины, составлявшие нагрудник и наспинник, имеют функционально-декоративное расположение заклепок на поверхности пластины в виде треугольника. Общее количество пластин в доспехе — 172 шт. Пластины типов 4-5 составляли панцирь № 1, обнаруженный А. Д. Грачем в 1976 г. в тайнике на северном склоне горы Ийи-Кулак в Бий-Хемском районе Республики Тува. Пластины панциря № 1 из Ийи-Кулак хранятся в фондах музея г. Кызыла.

Рис. 119. Пластины от пластинчато-нашивного панциря № 2 из Тувы (тайник Ийи-Кулак).

Железные пластины с неполным бортиком прямоугольной (тип 4) и трапециевидной (тип 5) формы от монгольского или кыргызского панциря конца XIV — первой половины XV в. Пластины, составлявшие нагрудник и наспинник, имеют функционально-декоративное расположение заклепок на поверхности пластины в виде треугольника. Ряд пластин снабжен пряжками *(4, 5, 10).* Три пластинки с декоративными латунными накладками *(6, 7)* размещались на поверхности панциря. Общее количество пластин в доспехе (включая нарукавья) — 193 шт. Пластины перечисленных выше типов составляли панцирь № 2, обнаруженный А. Д. Грачем в 1976 г. в тайнике на северном склоне горы Ийи-Кулак в Бий-Хемском районе Республики Тува. Пластины панциря № 2 из Ийи-Кулак хранятся в фондах музея г. Кызыла.

Рис. 120. Ребристые *(1-9)* и плоские *(10-13)* железные пластины от пластинчато-нашивных панцирей и бармиц кочевников Южной Сибири (*/ -5)* и Центральной Азии *(6-13)* периода позднего Средневековья и Нового времени с фигурно расположенными заклепками в виде геометрических фигур — креста (пять заклепок) *(1—4, 7-9),* ромба (четыре заклепки) (5), круга (пять-девять заклепок) *(6)* и фигурными заклепками в виде 4-лепестковых «цветков» *(10-13).* Из Причулымья *(1—3),* Минусинской котловины *(4),* с территории г. Новокузнецка *(5),* из Тибета *(6),* из состава пластинчато-нашивных бармиц джунгарских шлемов *(7-13):*

1—3 — квадратная (*/*) и прямоугольные *(2-3)* пластины с функционально-декоративным расположением пяти заклепок в виде креста (четыре заклепки образуют ромб, одна заклепка в центре), с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины (*/, 2* — по Ю. С. Худякову). Входят в набор пластин (общее число пластин в памятнике — 29 экз.) из кургана на р. Чердат в Причулымье. Одна из пластин снабжена бронзовой пряжкой, которая фиксирует элемент матерчатого покрытия панциря красного цвета *(3); 4* — прямоугольная пластина с функционально-декоративным расположением 5 заклепок в виде креста (четыре заклепки образуют ромб, одна заклепка в центре), с ребром, образующим прямоугольник, вписанный в плоскость пластины (по Ю. С. Худякову). Происходит с территории Минусинской котловины; *5* — прямоугольная пластина с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением заклепок в виде ромба (четыре заклепки) и каплевидной заклепкой-накладкой с крестообразной прорезью с тыльной стороны (по Ю. В. Ширину). Происходит из раскопок поселения Бедаревское (в настоящее время — территория г. Новокузнецка); *6* — прямоугольная пластина с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением заклепок в виде круга (5 заклепок). Происходит из состава центральноазиатского (монгольского?) пластинчато-нашивного панциря из арсенала монастыря Дрепунг (Тибет); *7-9* —железные пластины с функционально-декоративным расположением 5 заклепок в виде креста (четыре заклепки образуют ромб, одна заклепка в центре), с ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины. Пластины входят в состав пластинчато-нашивной бармицы цельнокованого полусферического шлема из коллекции князей Кульмаметьевых (см. рис. 180-181; 189, *5;* 193). Предположительно ранее данная бармица была подвешена к джунгарскому сфероцилиндрическому шлему из той же коллекции (см. рис. 173-174). В настоящее время шлемы и бармицы из коллекции князей Кульмаметьевых хранятся в Тобольском историко-краеведческом музее-заповеднике; *10—13* — плоские железные пластины с заклепками, выполненными в виде выпуклых 4-лепестковых «цветков». Пластины входят в состав бармицы джунгарского сфероцилиндрического шлема из коллекции князей Кульмаметьевых (см. рис. 190,*3).* В настоящее время шлем и бармица хранятся в Тобольском историко-краеведческом музее-заповеднике.

Рис. 121. Ребристые железные пластины от пластинчато-нашивных панцирей кочевников Южной Сибири и

Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени с фигурными заклепками в виде многолучевой звезды *(1-4, 7),* Л-образного символа «Ом» *(9-10),* «пламенеющей жемчужины». Кыргызские из Минусинской котловины *(1-7),* от джунгарского пластинчато-нашивного панциря из фондов Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета *(9-11).* Вариант реконструкции кыргызского пластинчато-нашивного панциря из Минусинской котловины *(8):*

1-7 — железные ребристые пластины прямоугольной, трапециевидной и вырезной формы от кыргызского пластинчато-нашивного панциря из Минусинской котловины с фигурной заклепкой-накладкой в виде многолучевой звезды и креста в круге: *1* — трапециевидная пластина со срезанным верхним углом, с бортиком и ребрами, образующими две трапеции, вписанные в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды; *2* — прямоугольная пластина с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника, вписанные в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды и пластиной-фиксатором; *3-4* —прямоугольная и квадратная пластины с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника и квадрата, вписанные в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды; *5-6* — пластины сложной вырезной подтреугольной формы размером 6-7х6 см. Пластины подтрапециевидной *(5)* и подтреугольной *(6)* формы с функционально-декоративным расположением фигурной заклепки в виде креста в круге, с бортиком и ребрами, образующими трапецию и треугольник, вписанный в плоскость пластины; *7* —прямоугольные пластины с бортиком и ребрами, образующими два прямоугольника, вписанных в плоскость пластины, с функционально-декоративным расположением фигурных заклепок в виде многолучевой звезды и пряжкой; *8* — вариант реконструкции позднесредневекового кыргызского пластинчато-нашивного панциря из Минусинской котловины, состоящего из ребристых пластин с заклепками-накладками в виде многолучевых звезд. Панцирь представляет собой «кирасу» с боковым разрезом; *9-11* —железные пластины от джунгарского пластинчато-нашивного панциря из фондов Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета: *9* — прямоугольные ребристые пластины с Л-образными заклепками-накладками и фиксаторами подпрямоугольной формы. Включает 9 экз. с нагрудной части панциря (предположительно изначально было 12 экз.). Данным вариантом пластин бронированы края осевого разреза нагрудной части панциря. Приклепанные к ним накладки-фиксаторы служили для крепления кожаных ремешков, с помощью которых стягивался осевой разрез. Об этом свидетельствуют остатки кожаных полос, прижатых фиксаторами к поверхности некоторых пластин. Пластины с фиксаторами правой полы панциря (6 шт.) отличаются более крупными размерами и практически квадратной формой (8 х 7,8 см). Пластины с фиксаторами левой полы панциря (3 шт.) — более узкие (8 * 6,6 см). Металлические фиксаторы выполнены в виде горизонтально расположенных пластинок подпрямоугольной формы (3 х 1,5 см), снабженных неглубокими вырезами по всем четырем сторонам. Фиксатор приклепан к поверхности пластины прямо под Л-образной заклепкой-накладкой с помощью двух гвоздиков с полусферическими шляпками. Вероятно, первоначально пластин с фиксаторами было 12 (по 6 с каждой стороны осевого разреза), однако впоследствии часть фиксаторов по разным причинам была удалена. В результате в настоящее время три нижние пластины левой полы панциря не имеют классических фиксаторов подпрямоугольной формы. В одном случае их замещает металлический фиксатор, выполненный в виде полусферической «пуговицы», в двух других кожаные ремешки, вшитые непосредственно в тканевую основу органического покрытия. Один из таких ремешков в пятом сверху ряду правой полы снабжен металлической пряжкой; *10* —прямоугольные ребристые пластины с Л-образными заклепками-накладками, выполненными из железа. Это основная разновидность пластин рассматриваемого панциря. Ребристыми прямоугольными пластинами бронированы большая часть нагрудной и наспинной части «халата», а также подол. Длина пластин составляет 8,0-9,9 см, ширина — 6,5-8,7 см. Более крупными пластинами бронирована нижняя часть панциря, более мелкими — верхняя. Железная заклепка-накладка представляет собой плоскую прорезную фигурную пластинку, выполненную в виде символа «Ом» — начальной фразы знаменитой буддийской мантры «Ом мани падме хум». Л-образная заклепка-накладка крепится к поверхности ребристой пластины с помощью четырех гвоздиков с полусферическими шляпками. Размеры заклепки-накладки: 2,7 (верхняя сторона) * 2,5 (нижняя сторона) ^{x} 3,5 (боковые стороны); *11* — прямоугольные ребристые пластины с дополнительным вертикальным ребром жесткости и каплевидными заклепками-накладками. Включает 8 экз. С наспинной части панциря. Размеры 7 верхних пластин: 10-10,2 х 7J см. Пластины с дополнительным вертикальным ребром жесткости относятся к числу

«хребтовых». Они располагались в одну линию по оси наспинной части панциря. Интересно, что в отличие от большинства ребристых пластин «хребтовые» пластины приклепаны к матерчатой основе не вертикально, а горизонтально. Их также отличают крупные размеры и оригинальная форма заклепок-накладок. Последние выполнены в виде каплевидной «пламенеющей» пластины (высота — 4,7 см, ширина — 3,4 см), в центре которой находится гнездо с выпуклым бортиком. В некоторых гнездах сохранились кусочки кораллов, синих и зеленых камней. Поверхность каплевидных заклепок-накладок покрыта насечкой в виде растительного или «облачного» узора. Самая нижняя пластина в ряду «хребтовых» обрезана, а ее заклепка-накладка лишена гнезда. Размеры нижней пластины — 10,2 х 6,5 см.

Рис. 122. Пластины от пластинчато-нашивного панциря из Минусинской котловины (Ортызы-Оба), пластина из Кежемского района Красноярского края *(14),* пластина от пластинчато-нашивного панциря из Парабельской коллекции *(15),* реконструкция панцирного «жилета» из памятника Ортызы-Оба *(16).*

Железные пластины с гладкой поверхностью прямоугольной (тип 1), квадратной (тип 2) и трапециевидной (тип 3) формы, обнаруженные в погребении Ортызы-Оба (Минусинская котловина) вместе с предметами быта и вооружения (мечом, топором, наконечниками копий, кинжалом). В первоначальном виде панцирь из Ортызы-Оба представлял собой пластинчато-нашивную «кирасу» или «жилет» с осевым разрезом *(16).* Впоследствии он мог быть разобран на отдельные пластины и использован шаманкой как элемент ритуального облачения. Не стоит исключать и возможность использования панциря и по основной его функции, так как известно, что у южносибирских народов служители культа нередко принимали участие в боевых действиях и даже возглавляли целые отряды воинов племенных ополчений. Пластины панциря происходят из кургана 2 могильника Ортызы-Оба, расположенного на правом берегу в приустьевой части р. Табат. Курган 2 расположен на юго-восточном пологом склоне отвесного уступа г. Улуг-Биль над сухим логом Тербен-хол. Исследован южносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции в 1982 г. К описанным выше типам пластин относятся и трапециевидная пластина (тип 3) из Кежемского района Красноярского края XVII — начала XVIII в. и прямоугольная пластина (тип 1) из Парабельской коллекции, что указывает на широту распространения данного типа пластин как в эпоху развитого, так и в эпоху позднего Средневековья.

Рис. 123. Пластины от пластинчато-нашивного панциря из Емельяновского района Красноярского края (Айканское селище) (по С. Г. Скобелеву, П. В. Мандрыке) и вороненая пластина от пластинчато-нашивного панциря из Забайкалья (7):

Железные пластины с гладкой *(1-3,5-6),* ребристой *(4)* (по и С. Г. Скобелеву, П. В. Мандрыке) поверхностью входили в состав пластинчато-нашивного панциря второй половины XVII — начала XVIII в. центральноазиатского или южносибирского производства. Крупными ребристыми прямоугольными пластинами (тип 6) предположительно бронировались нагрудник и, возможно, наспинник, гладкими (тип 1) — бока, подол (набедренники) и рукава (наплечники) панциря. Пластины были обнаружены в землянке на территории Айканского селища в устье р. Айканки на левом берегу р. Енисей у с. Шивера, севернее Красноярска (нынешний Емельяновский район Красноярского края) в 1990-1991 гг. в рамках археологической экспедиции П. В. Мандрыки. Железная вороненая пластина прямоугольной формы, снабженная рядом выпуклых ребер, образующих прямоугольник, вписанный в ее плоскость (7), входила в состав пластинчато-нашивного панциря центральноазиатского или южносибирского производства. К органической основе доспеха пластина крепилась с внутренней стороны с помощью трех полусферических заклепок, сгруппированных треугольником в углу пластины. Пластина была обнаружена в плиточной могиле у с. Зугулай (Агинский Бурятский АО), в которую она попала случайно. На позднесредневековое происхождение пластины указывают вороненая ребристая поверхность и полусферические заклепки.

Рис. 124. Система размещения пластин различных форм в составе пластинчато-нашивного панциря (иинский панцирный «жилет» «магуацзы» конца XVII — XVIII в.).

Основные формы покроя пластинчато-нашивных маньчжурских доспехов сложились еще во второй половине XVI — XVII в. Самой популярной из них был безрукавный «жилет» («магуацзы») со сплошным осевым и глубокими боковыми разрезами. Панцирный «жилет» повторял покрой традиционной верхней одежды позднесредневековых чжурчжэней (маньчжур). Маньчжурский «магуацзы» обычно не подпоясывался, благодаря чему имел характерный колоколообразный силуэт. Ремни ножен, колчана и налуча подвешивались к поясу, поддетому под «магуацзы», и выпускались через боковые разрезы. Осевой и боковые разрезы застегивались на пуговицы (круглой или 8-образной формы) или стягивались и фиксировались с помощью ремешков, тесемок или крючков. «Магуацзы» является унифицированным

вариантом покроя пластинчато-нашивного панциря Цинского Китая. Пластины подбоя в нем были стандартизированы и обычно имели функциональное расположение заклепок. Приведенный на иллюстрации панцирный «магуацзы» состоит из двухчастного нагрудника и наспинника. Пластинами покрыта большая часть доспеха. Не имеют броневого покрытия лишь короткий подол и центральная часть оплечий. Броневое покрытие формировали пластины различных форм (1А-1Л), среди которых преобладали прямоугольные (тип 1) и трапециевидные пластины (тип 3). Прямоугольные пластины бронировали нагрудную и наспинную часть панциря, а их вырезные и трапециевидные аналоги — проймы рукавов и шейного выреза. Повышение защитных свойств броневого покрытия достигалось за счет нахлеста пластин. Панцирь покрывался цветной тканью, соответствующей цвету «знамени» («гуса»), в войсках которого служил воин. В 1614 г. было создано 8 знамен: чжэнхуанци (желтое), сянхуанци (желтое с каймой), чжэнбайци (белое), сянбайци (белое с каймой), чжэнхунци (красное), сянхунци (красное с каймой), чжэнланьци (синее), сянланьци (синее с каймой). Флаги и панцири воинов желтого, белого и синего «гуса» с каймой имели окантовку красного цвета, а красного «гуса» — белого. Согласно сообщениям Онуфрия Степанова (1654 г.) уже в середине XVII в. даже воины отдаленных северных маньчжурских гарнизонов были снабжены разноцветными («знаменными») панцирями. Панцирь «магуацзы» хранится в фондах Этнографического музея г. Стокгольма (Швеция).

Рис. 125. Система размещения пластин различных форм в пластинчато-нашивных наплечниках, набедренниках, передниках и подмышечниках (панцирные элементы цинского доспеха XVII-XVIII вв.).

В XVII-XVIII вв. панцирный «жилет» («магуацзы») обычно дополнялся наплечниками, набедренниками, передником и подмышечниками. Пластинчато-нашивные подмышечники (в данном случае сложной вырезной формы) служили для прикрытия глубоких боковых разрезов «магуацзы» и подмышек воина. Они соединялись между собой с помощью ремешков на спине и завязывались на груди (/). Подмышечники обычно бронировались трапециевидными (/Б), а также широкими и узкими (/А) прямоугольными пластинами. Панцирный передник, скроенный в виде квадрата, прямоугольника, трапеции или пятиугольника, крепился к нижней части жилета «магуацзы» и прикрывал низ живота и гениталии воина. Для бронирования передника использовались пластины трапециевидной и прямоугольной формы. Разновидностью цинских набедренников была т. н. «монгольская юбка» *(4).* Ее отличительной чертой было наличие в центральной части панцирной лопасти рядов узких вертикально расположенных пластин *(4а),* часто обрамлявшихся своими традиционными крупными аналогами *(4).* В отличие от набедренников раннего и развитого Средневековья, цинские набедренники обычно крепились не к нижней кромке «кирасы», а подвешивались к специальному поясу, завязывавшемуся на крестце. Иногда панцирные лопасти имели специальные ремешки, расположенные в районе колена, с помощью которых они фиксировались на ноге воина. Ширина панцирной лопасти, система подвешивания и крепления набедренника не позволяли ему сползать с ноги в ходе конной скачки, обнажая колено. Последнее свойство цинских набедренников выгодно отличало их от центральноазиатских аналогов эпохи раннего и развитого Средневековья. Все панцирные элементы покрывались цветной материей, соответствующей расцветке «гуса», в котором служил воин. Панцирные элементы цинского доспеха хранятся в фондах Этнографического музея г. Стокгольма (Швеция).

Рис. 126. Варианты покроя и системы размещения пластин в цинских пластинчато-нашивных панцирях XVII-XIX вв.:

/ — панцирные пластины от пластинчато-нашивного панциря (из погребения первой половины XVII в. у дер. Вэньицзян, уездЧэнгун, пров. Юннань, КНР); *2* — система соединения пластин в пластинчато-нашивном цинском панцире XVII-XVIII вв.; *3* — цинский панцирный «жилет» («магуацзы») второй половины XVIII — начала XIX в. (МАЭ, кол. №4768-1 в); *4* — пластинчато-нашивной панцирь покроя «кафтан» с рукавами с подмышечниками и шлемом маньчжурского императора конца XVII — начала XVIII в. Музей Бэйпин Гугун, КНР; *5* — пластинчато-нашивной панцирь и шлем маньчжурского военначальника XVII — начала XVIII в. (музей г. Осака, Япония). Японские реконструкторы поместили пластинчато-нашивной передник на грудь воина; *6* — пластинчато-нашивной панцирь и шлем цинского императора XVII — начала XVIII в. *(а* — шлем с бармицей, *б* — панцирный жилет «магуацзы», *в* — панцирный передник, *г* — наплечники, *д* —подмышечники, *е* —набедренники); *7* — пластинчато-нашивной панцирь цинского императора. Музей Бэйпин Гугун, КНР *(а* — пластинчато-нашивная куртка с рукавами, б — набедренники); *8* —пластинчато-нашивной панцирь цинского императора (вторая половина XVIII в.). Музей Бэйпин Гугун, КНР *(а* — пластинчато-нашивная куртка с зерцалом, *б* — наплечники, *в* — подмышечники, *г* — набедренники, *д* — передник); *9* — пластинчато-нашивной панцирь императора Цяньлуна (1736-1795), состоящий из пластинчато-нашивной

куртки с рукавами, наплечниками, подмышечниками и панцирной «монгольской юбки». Музей Бэйпин Гугун, КНР; *10* — пластинчато-нашивной доспех цинского офицера второй половины XVIII в. Панцирь состоит из панцирной «куртки» с рукавами, усиленной зерцалом, наплечников и набедренников. Металлический шлем с налобником,козырьком и декоративными гребнями. Музей университета Чен доу хуаси сие хе, КНР; // — пластинчато-нашивной панцирь цинского офицера XVIII в. *(а* — наплечники, *б* — панцирная куртка с рукавами, *в* — набедренники). На нагруднике и набедренниках внешнее органическое покрытие снято, благодаря чему можно зафиксировать расположение пластин различных типов в одном панцирном комплексе. Первая библиотека Ся Си Чжан Ань шен вей, КНР; *12* —доспех цинского офицера XIX в. Музей Бэйпин Гугун, КНР.

Рис. 127. Пластины «куячного» типа, варианты покроя пластинчато-нашивных панцирей и их изображения. Русский позднесредневековый «куяк» (/), пластина от пластинчато-нашивного панциря русского или сибирского производства из Алазейского острога (2), комплекс защитного вооружения корейских воинов XVIII в. («Муе тобо тхонджи», 1790 г.), корейский пластинчато-нашивной «халат» XVIII-XIX вв.:

/ — система бронирования русского пластинчато-нашивного панциря («куяка») XVI-XVII вв. с разрезом на левом боку. Прорисовка с картины А. Висковатова (1899 г.); *2* — пластина от русского или сибирского пластинчато-нашивного панциря XVII в. из Алазейского острога; *3* — комплекс защитного вооружения корейского воина XVIII в. Прорисовка из корейского военного трактата «Муе тобо тхонджи» (1790 г.); *4* — корейский пластинчато-нашивной «халат» XVIII-XIX вв. Музей Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Рис. 128. Изображение минских пластинчато-нашивных панцирей покроя «халат» (/-2), монгольских воинов XVI-XVII вв. *(3-4)* и бурятского воина в пластинчато-нашивном панцире с русской гравюры Е. М. Корнеева начала XIX в. *(5):*

1-2 — прорисовка изображений воинов-панцирников из книги «Лучшие юаньские оперы», эпоха династии Мин (1368-1644). Минские латники одеты в пластинчато-нашивные панцири покроя «халат» с осевым разрезом и четырехчастным подолом. Данный вариант покроя панцирей был широко распространен среди китайских воинов, а также монгольских всадников, входивших в состав конных подразделений Минской империи XV — начала XVII в.; *3-4* — изображения монгольских воинов в панцирях типа «халат» на гравюрах китайских художников школы Гуйчжоу, эпоха династии Мин; 5 — прорисовка изображения бурятского воина в пластинчато-нашивном панцире, с саадаком с гравюры Е. М. Корнеева (1780-1839). Данное изображение иллюстрирует процесс влияния цинского комплекса вооружения (в его халхаском варианте) на военное дело бурят XVIII в. Комплекс защитного вооружения «братского татарина» состоит из пластинчато-нашивного «жилета» с боковыми разрезами и набедренниками (или «халата» с оригинальным коротким подолом переменной длины), сплошным осевым разрезом, стянутым кожаными ремешками. Руки воина прикрыты широкими пластинчато-нашивными наплечниками. Поверхность панциря горизонтально простегана'. В целом панцирный комплекс бурята близок к цинскому доспеху, но имеет ряд характерных особенностей (ремешки вместо пуговиц на осевом разрезе, короткие набедренники, стеганая поверхность органической основы). Скорее всего распространение данного доспеха среди бурят рассматриваемого периода следует связывать с влиянием оружейного комплекса халхасцев, которые усвоили цинский доспех еще в первой половине XVIII в. и подвергли его известной трансформации в соответствии с собственными военно-культурными традициями.

Рис. 129. Изображения монгольских пластинчато-нашивных панцирей покроев «халат» с осевым разрезом и «жилет»:

/ — изображение панцирного комплекса, состоящего из панциря покроя «халат» с осевым разрезом, усиленного дисковидным зерцалом, панцирного передника, наплечников (или коротких рукавов), шлема и полосчатых наручей. Тканевое покрытие панциря — желтое. Края бармицы, наплечников, панцирного передника, набедренников оторочены мехом леопарда (?). Монгольская танка «Дхармараджа», XIX в., Государственный музей Востока; *2* — прорисовка портрета цинского полководца монгольского происхождения, губернатора Халхи Цэвдэнджава (1705-1782); *3-4* —изображения воинов, одетых в пластинчато-нашивные панцири с осевым разрезом и рукавами, усиленные наплечниками, панцирным передником, ламеллярными (?) набедренниками. Ноги воинов прикрывают поножи с настопниками. Монгольская танка «Далха», XVIII в.

Рис. 130. Изображения кольчато-пластинчатых панцирей и шлемов в передне- и среднеазиатской миниатюре XV-XVII вв.:

/ — «Хамса» Навои, г. Багдад, 1465 г., б-ка «Индийского министерства» (Лондон); *2* —миниатюры из альбома, Тебриз, сер. XV в., б-ка музея Топкапу

[1] Возможно также, что таким способом художник изобразил края пластин панцирного подбоя.

(г. Стамбул); *3* —миниатюры из альбома, Герат, кон. XV в., б-ка музея Метрополитен (г. Нью-Йорк); *4* — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Герат, 1495 г., б-ка Бостонского музея; *5,7* — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, 1524 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *6* —«Хамса» Навои, г. Бухара, 1571-1572 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *8, 9, 11-13* — «Хамса» Навои, г. Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *10* — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, г. Самарканд, 1628 г., б-ка Института востоковедения АН Узбекской ССР.

Рис. 131. Изображения минских (7, *10-12)* и цинских пластинчато-нашивных панцирей и шлемов в китайской и маньчжурской иконографии XV-XIX вв.:

1, 2-5 — «Маньчжоу-шилу»; *6* — «Китайский солдат». Русский рисунокXVIII в. (Российский государственный архив древних актов); 7 — «Гибкий кожаный панцирь кантонского солдата, крытый коровьей кожей и подбитый пластинками из коровьего рога» (из китайского военного трактата XVI в.); *8,9* — конные маньчжурские латники с китайской картины конца XVIII — начала XIX в. «Большой смотр восьмизнаменных войск» (МАЭ, кол. № 667-288); *10,11,12* —минские панцирники с китайской миниатюры XV в. (по С. И. Мшанецкому); *13* — «Знаменосец лучников». Западноевропейская гравюра второй половины XIX в. (по Ф. Готтенроту).

Рис. 132. Изображения цинских пластинчато-нашивных панцирей и шлемов в иконографии XVII-XIX вв. и прорисовка с фотографии цинского мандарина в доспехе начала XX в. (11):

/ — офицер отряда конных лучников. С картины «Сражение у реки Эр Цян в 1759 г.»; 2 — «Генерал имераторской гвардии». Западноевропейская гравюра второй половины XIX в. (по Ф. Готтенроту); *3* — альбом «Завоевания Цяньлуна», Кастильоне, 1759 г.; *4,5* — «Маньчжоу-шилу»; *6* — император Канси (1661-1722) в боевом доспехе «войск синего знамени» (с картины французского иезуита конца XVII — начала XVIII в.); 7 — «Олений дозор» (китайская картина кон. XVIII в.); *8* — портрет императора Цяньлуна (1736-1795) в доспехе «войск желтого знамени» (XVIII в.); *9* — «Парадный костюм принцев крови» (по своду законов 1818 г.); *10: а* — «Парадный костюм маньчжурского князя» (по своду законов 1818 г.), б — «Шлем маньчжурского князя» (по своду законов 1818 г.); // — «Военный мандарин из Цзи-нина» (прорисовка с фотографии кон. XIX в.).

Рис. 133. Изображения ламеллярных, ламинарных и пластинчато-нашивных панцирей в передне- и среднеазиатской миниатюре XV-XVI вв.:

/ — «Антология Искандера», г. Шираз, 1410 г.; 2, *4,7,9* — «Шах-наме» Фирдоуси, Герат, 1429—1430 гг., б-ка Дворцового музея (г. Тегеран). «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1425 г.; *5, 11* — «Шах-наме» Фирдоуси, Герат, 1429 г., б-ка Гюлистанского музея; *6* — «Шах-наме» Фирдоуси, Йезд, 40-е гг. XV в., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *8* — «Шах-наме» Фирдоуси, Герат, 1440 г.; *10* — «Хамса» Навои, Герат, втор. пол. XV в., б-ка Британского музея (г. Лондон); *12* — «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1420 г., б-ка Британского музея (г. Лондон).

Рис. 134. Изображения пластинчато-нашивных панцирей и шлемов в передне- и среднеазиатской иконографии XV-XVII вв.:

/ — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Герат, кон. XV в., б-ка им. П. Моргана (Нью-Йорк); *2-3* — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Герат, 1495 г., б-ка Бостонского музея; *4* — «Хамса» Навои, Шираз, 1507-1508 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *5,8* —«Хамса» Навои, Бухара, 1571-1572 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *6* —миниатюра «Пленный степняк», г. Иран, втор. пол. XVI в., ГЭ; 7 — «Хамса» Навои, Бухара, 1598 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.

Рис. 135. Кольчато-пластинчатый доспех южносибирского производства XVII-XVIII вв. Происходит из коллекции Кузнецова-Красноярского. В настоящее время хранится в МАЭС ТГУ.

Рис. 136. Джунгарские или телеутские кольчуги из тайника близ с. Джазатор (Горный Алтай):

/ — кольчуга № 1 покроя «рубаха» с короткими рукавами, разрезами на подоле и на груди с подполком, застегивающимся слева направо из тайника близ с. Джазатор (Горный Алтай); 2 — кольчуга № 2 покроя «рубаха» с короткими рукавами, разрезами на груди без подполка из тайника близ с. Джазатор (Горный Алтай).

Рис. 137. Кольчатые панцири XVI-XVIII вв. покроя «рубаха» из Горного Алтая *(1-2),* Восточного Туркестана *(3),* Тибета *(4):*

1 — кольчуга № 1 из Кош-Агачского р-на Горного Алтая. В настоящее время хранится в фондах Археолого-этнографического музея Горно-Алтайского государственного университета. Скроена в виде рубахи с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на подоле и на груди с подполком, застегивающимся слева направо; 2 — кольчуга № 2 из Кош-Агачского района Горного Алтая. В настоящее время хранится в фондах Археолого-этнографического музея Горно-Алтайского государственного университета. Скроена в виде рубахи с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на подоле и на груди с подполком, застегивающимся слева направо; *3* —джунгарская или кашгарская (восточнотуркестанская) кольчуга

покроя «рубаха» с короткими рукавами (до середины предплечья), разрезами на подоле и сдвинутым к правому плечу разрезом на груди, застегивающимся слева направо. Хранится в фондах музея г. Ланьчжоу (Синьцзян-Уйгурский АО, КНР). Данный кольчатый панцирь отличается смещенным нагрудным разрезом, имитирующим косой запах центральноазиатских халатов; *4* — монгольские или тибетские кольчуги покроя «рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на подоле и на груди с подполком, застегивающимся слева направо. Хранятся в арсенале монастыря Дрепунг (Тибет).

Рис. 138. Кольчуги центрально-, восточно-, среднеазиатского, южносибирского производства XVI-XVIII вв.:

1,3 — кольчатые панцири XVI-XVII вв., скроенные в виде рубахи с разрезами на груди и подоле, короткими рукавами и подолом. Хранятся в фондах музеев университета Сычуань чендоу Хуаси сехе дасюе цзанци и Бэйпин Гугун (КНР); *2,4-5* —кольчатые панцири покроя «рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на груди, застегивающимся слева направо *(2)* и справа налево *(4-5)*. Данные кольчатые панцири были изготовлены центральноазиатскими, южносибирскими, среднеазиатскими или восточноазиатскими мастерами XVII-XVIII вв. и использовались монгольскими воинами на протяжении рассматриваемого периода. В настоящее время кольчуги хранятся в фондах Государственного центрального музея МНР (г. Улан-Батор, МНР), Улангомского музея (МНР), музея г. Хух-Хото (КНР); *6* — монгольская (?) кольчуга покроя «рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), разрезами на груди с подполком, застегивающимся справа налево. Хранится в фондах Улангомского музея. Размеры не установлены. Кольчатый панцирь снабжен короткими рукавами (до середины предплечья) и подолом без разреза. Кольчатое плетение одинарное из круглых колец. Клепаные кольца имеют мысообразный выступ на внутренней стороне; *7* —изображение монгольского воина, одетого в кольчатый панцирь с рукавами до локтя, подолом до середины бедра, усиленный дисковидным зерцалом. С гравюры китайского художника школы Гуйчжоу. Эпоха династии Мин (1368—1644).

Рис. 139. Кольчуги центральноазиатского (*/, 3),* южносибирского *(2, 5)* и восточнотуркестанского *(4)* производства со стоячим воротником:

/ — бутанский (?) кольчатый панцирь XVII-XIX вв., скроенный в виде рубахи со стоячим воротником, короткими рукавами, разрезами на груди и подоле. Общая длина — 90,2 см. Воротник подбит тканью, в железные кольца пропущены кожаные ремешки. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США); *2* — кольчатый панцирь покроя «рубаха» с короткими рукавами (до локтя или середины предплечья), со стоячим воротником. Происходит из числа случайных находок с территории Горного Алтая. В настоящее время хранится в фондах Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея им. А. В. Анохина; *3* — монгольская кольчуга XVII-XVIII вв., скроенная в виде рубахи со стоячим воротником, короткими рукавами, разрезами на груди и подоле. Общая длина — 107 см. Воротник подбит тканью, в железные кольца пропущены кожаные ремешки. Хранится в фондах Военного музея Монголии (г. Улан-Батор, МНР); *4* —кольчатый панцирь восточнотуркестанского производства со стоячим воротником, короткими рукавами, неглубокими разрезами на груди и подоле, сплошным хребтовым разрезом. Хранится в фондах музея г. Дуньхуан (КНР); *5* — кыргызская кольчуга покроя «рубаха» со стоячим воротником, короткими рукавами и подолом. Ранее хранилась как родовая реликвия в семействе Д. К. Доможакова (по Ю. С. Худякову) Длина от ворота до края подола 0,79 м (Худяков, 1991, с. 94). Стоячий воротник разрезан спереди. Кольчуга имеет короткие рукава до середины предплечья.

Рис. 140. Кольчатые панцири с длинными рукавами, кольчатые доспехи восточнотуркестанского или джунгарского производства первой половины XVIII в. и их изображения:

/ — кольчатый доспех восточнотуркестанского производства. Состоит из кольчужной рубашки со стоячим воротником, длинными рукавами и коротким подолом, кольчатого «пончо» и пары длинных кольчужных набедренников. Кольчужное «пончо» надевалось через голову поверх кольчужной рубахи, образуя двойной слой брони. Кольчатые набедренники крепились к поясу и в зависимости от роста человека доходили до колен или до середины голени. Музей провинции Шэньси (КНР); 2 — кольчуга XVIII в. с длинными рукавами, разрезами на груди и подоле. Вывезена цинскими воинами в качестве трофея из Джунгарии или Восточного Туркестана. Хранится в музее «Летний императорский дворец», г. Чаньдэ, пров. Хэбэй (КНР); *3* — кольчатый доспех восточнотуркестанского производства (первая половина — середина XVIII в.). Состоит из кольчужной рубахи с длинными рукавами, коротким подолом и кольчатых «штанов» (набедренников). Данный доспех был захвачен цинскими солдатами во время военной кампании в Кашгарии и привезен в Пекин. Впоследствии его изображение было помещено в цинскую энциклопедию «Хуанчао лицзи тушу» (1759); *4-5* —про-

рисовки с цинских портретов середины XVIII в., изображающих цинского полководца Дуаньцзибу *(4)* и джунгарского феодала Сарала (5), перешедшего на сторону Цинской империи и участвовавшего в походе имперской армии в Джунгарию в середине XVIII в. Оба военачальника облачены в кольчужные рубашки с отложными воротниками, длинными рукавами и коротким подолом без разреза. Рукава кольчуг доходят почти до запястья. Цинский художник наметил на изображении осевую линию на нагрудной части кольчуги. Однако сложно сказать, что точно имел в виду мастер: осевой разрез или складку (шов), как на изображении обычных халатов с косым запахом. Во всяком случае, следы фиксации осевого разреза (пуговицы, завязки) на рисунке отсутствуют. В том, что полководец маньчжурского происхождения (Дуаньцзибу) использует трофейную джунгарскую или кашгарскую кольчугу, нет ничего удивительного. Эта практика была узаконена специальным указом Императорского военного совета от 12 февраля 1758 г., в котором цинским офицерам предписывалось «оружие (трофейное), лошадей и верблюдов — обращать на нужды армии» (Кузнецов, 1979, с. 11).

Рис. 141. Прорисовка с портретов джунгарского феодала Аюши, перешедшего на сторону Цинской империи в середине XVIII в., (/), и цинского полководца Мацана (2), участвовавших в боевых действиях в Джунгарии и Восточном Туркестане в 50-х гг. XVIII в. Портреты выполнены европейскими и цинскими художниками в середине — второй половине XVIII в. Данные портреты нередко приписываются кисти Д. Кастильоне:

/ — представление о том, как выглядели знатные джунгарские воины, перешедшие на сторону Цинской империи в середине XVIII в., дает подробный и реалистичный портрет Аюши в полном боевом облачении. В комплексе вооружения всадника сплетаются центрально- и восточноазиатские военно-культурные традиции; *2* — цинский полководецМацан одет в синий халат с длинными рукавами. На голове традиционная для имперских чиновников шапка с меховым околышем и павлиньим пером. Бедра и колени всадника прикрывают широкие кожаные или матерчатые набедренники. Основным оружием Мацана являются сложносоставной лук и стрелы. Кольчуга Мацана (восточнотуркестанского производства?) снабжена боковыми разрезами, а ее рукава спускаются ниже локтя. Очень похожий покрой имеет кольчужная рубашка сраженного Мацаном «мусульманского воина» (киргиза или казаха).

Рис. 142. Изображения кольчатых панцирей в сибирской (/), среднеазиатской *(3, 6-12)* и минской *(2, 4-5)* позднесредневековой иконографии:

/ — остяцкий лучник в кольчатом панцире с короткими рукавами и подолом с фестончатым краем и наручах. Прорисовка с картины неизвестного художника XVII-XVIII вв. «Битва остяцких племен». Хранится в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника; *2* — китайский кольчатый панцирь, скроенный в виде рубахи с короткими рукавами и подолом, сплошным осевым разрезом, усиленный ламеллярным «передником». Прорисовка изображения из энциклопедии «У бэй ши»; *3, 7-8* — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Самарканд, 1628, б-ка Института востоковедения АН Узбекской ССР; *4* — прорисовка с портрета императора Ваньли. Кольчужный «халат» без рукавов со сплошным осевым разрезом и четырехчастным подолом. С китайской картины второй половины XVI в. «Выезд императора Ваньли» (1573-1620). Музей Бэйпин Гугун, КНР; *5* — изображение телохранителя императора Ваньли в кольчужном «халате» без рукавов, со сплошным осевым разрезом. С китайской картины второй половины XVI в. «Выезд императора Ваньли». Музей Бэйпин Гугун, КНР; *6, 10* — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Самарканд, перв. четв. XVII в., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *9, 11-12* — «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.

Рис. 143. Изображения «мягких» панцирей покроев «олбок» и «кафтан» в юаньской и минской скульптуре, тибетской живописи (5) и западноевропейской гравюре XIX в. (/).

Панцирь типа «олбок» (маньчж. «олба») — «куртка стеганая на пеньковой пакле и надеваемая на войне» (Банзаров, 1955, с. 304) — представлял собой распашной, иногда стеганый «халат» со сплошным осевым разрезом (реже с косым запахом), короткими рукавами или наплечниками прямоугольной или листовидной формы (до середины предплечья или до локтя) и подолом. Многочисленные изображения монгольских панцирей этого типа содержатся в иранских и японских иконографических материалах XIII-XIVВВ. (Горелик, 2002, с. 72, рис. 1-7, 9-11, 15), а также в китайских (минских и цинских) изобразительных источниках XV-XVIII вв.: / —изображение монгольского воина в «мягком» доспехе (прорисовка по Ф. Готтенроту); 2 — терракотовая статуэтка из северокитайского погребения юаньского времени, изображающая монгольского всадника; *3* — статуэтка минского военного чиновника в «мягком» панцире покроя «кафтан» без рукавов со сплошным осевым разрезом и длинным подолом. Из погребения эпохи династии Мин (1368-1644), пров. Шаньси; *4* — терракотовая статуэтка, изображающая монгольского или маньчжурского всадника, одетого

в стеганый панцирь покроя «олбок». Из позднесредневекового погребения в провинции Шэньси; *5* — воин с тибетской танка «Будда Шакьямуни и шестнадцать архатов», XVII в., Государственный музей Востока (инв. № 16164-1).

Рис. 144. Изображения «мягких» центральноазиатских панцирей покроя «дэгэлэй» и их восточноазиатских аналогов *(2, 7)* эпохи правления династий Юань (*/, 4-6),* Мин *(2-3),* Цин (7).

/ — прорисовка с картины китайского художника Лю Гуантао «Охота императора Хубийлая», начало XIV в.; *2* — изображение телохранителя императора Ваньли в панцире покроя «жилет» с наплечниками, выполненном из чешуек мягкой кожи, пришитых к органической основе, с минской картины второй половины XVI в. «Путешествие Сюаньдэ на колеснице, запряженной слонами». Исторический музей г. Тайбэя (о. Тайвань, КНР); *3* —изображение монгольского воина в панцире-«жилете» типа «дэгэлэй» с наплечниками, набедренником и панцирным передником, выполненным из чешуек мягкой кожи, пришитых к органической основе. С настенной росписи буддийского монастыря XVI в. во Внутренней Монголии (КНР); *4-5* — терракотовые статуэтки, изображающие монгольских всадников, одетых в «мягкие» панцири покроя «дэгэлэй» с наплечниками, короткими набедренниками, передником и накрестником. Голову воинов прикрывают шлемы, возможно, также имеющие подобную структуру бронирования. Статуэтки происходят из юаньского погребения первой половины XIV в. Уезд Чиншуй, пров. Шэньси. В настоящее время хранятся в фондах Музея пров. Шэньси; *6* —терракотовая статуэтка юаньского воина в «мягком» панцире покроя «дэгэлэй» из юаньского погребения первой половины XIV в. в пров. Шаньси. В настоящее время хранится в фондах Исторического музея г. Сианя (КНР); *7* — цинский воин в «мягком» жилетообразном панцире со сплошным осевым и глубокими боковыми разрезами. «Маньчжоу-шилу».

Рис. 145. Изображение вариантов покроя передне- и среднеазиатских «мягких» панцирей и стеганых халатов периода позднего Средневековья и Нового времени, стеганые бурятские панцири Нового времени:

/ — миниатюра из альбома, Герат, кон. XV в., б-ка музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *2,10* — «Вал Искандера», Навои, Бухара, 1553 г., Бодлеанская б-ка (Оксфорд); *3,6* — «Шах-наме» Фирдоуси, г. Самарканд (?), кон. XV в., рукопись ИВ АН РФ; *4* — «Шах-наме» Фирдоуси, г. Бухара, 1664 г., ИВ АН УзССР; 5 — «Юсуф и Зулейха», Дурбек, Бухара, 1615 г., ИВ АН УзССР; *7,11* — «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *8-9* — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, г. Самарканд, перв. четв. XVII в., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *12-13* — прорисовка с фотографии конных бурят, одетых в «старинные доспехи» (стеганые панцири с осевым разрезом, аналогичные центральноазиатским «олбок») по случаю праздничных мероприятий. Фотография сделана в начале XX в.

Рис. 146. Реконструкция типов покроя «мягких» панцирей из органических материалов в Центральной *(1-3, 7),* Средней *(4, 8)* и Восточной *(5-6, 9)* Азии XVI-XIX ВВ.:

1,7 — «олбок» с осевым разрезом; *2* — «дэгэлэй»; *3* —«олбок» с косым запахом; *4,8* —«чопкут»; *5* — стеганая подбитая ватой «катафракта»; *6,9* — подбитый ватой или хлопком цинский панцирный «жилет».

Рис. 147. Центральноазиатский (тибетский или монгольский) сфероконический шлем XV-XVI вв. с ременным соединением, из узких пластин с вырезным (зубчатым) краем и ребром жесткости, с полусферическим навершием, втулкой с тремя шаровидными утолщениями в нижней, центральной и верхней части и «коробчатым» козырьком с вырезным краем. Хранится в фондах Королевского музея оружия (Лидс, Великобритания). Изображения шлемов периода развитого и позднего Средневековья с характерными элементами оформления навершия *(3)* и козырька/налобника *(4-5);*

1—2 —высота шлема *(2)* —25,7 см. Точный диаметр наголовья не известен, однако он несколько меньше, чем у большинства аналогичных шлемов; *3* — изображение сфероконического шлема с характерной трубкой-втулкой, напоминающей втулку на шлеме из г. Лидса *(2)* «Шах-наме» Фирдоуси, Йездская школа, середина 40-х гг. XV в., ГПБ; *4-5* — изображение сфероконических шлемов «чингизидского круга», снабженных козырьком или налобной пластиной с вырезным нижним краем. Прорисовка с миниатюр из альбомов. Тебриз, 70-80-е гг. XIV в., б-ка музея Топкапу, г. Стамбул (Турция).

Рис. 148. Тибетские шлемы с ламеллярными обручами XV-XVIII вв.:

1,3 — сфероконический четырехпластинчатый «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв. с ременным соединением, двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием, ламеллярным обручем и трехчастной бармицей. Музей искусств Метрополитен (№ 36.25.53а), г. Нью-Йорк. Наследство Джорджа С. Стоуна (1935 г.); 2 — сфероконический шестипластинчатый «тибето-монгольский» шлем XV-XVII вв. из твердой кожи с двузубчатыми накладками с вырезным краем и реб-

ром жесткости. Навершие, ламеллярный обруч и бармица удалены. Покрыт глазурью из тунгового масла и символами «ваджры». Музей искусств Метрополитен; *4* — сфероконический «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв. с ременным соединением, двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием, ламеллярный обручем и трехчастной бармицей. Музей г. Кентербери, графство Кент, Великобритания.

Рис. 149. Четырехпластинчатый тибетский шлем XVI-XVIII вв., подвергшийся переделке в «бутанском» стиле:

1-2 — сфероконический четырехпластинчатый тибетский шлем с ременным соединением,двузубчатыми резными накладками с ребром жесткости, ярусным навершием. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Вместо них к налобной части шлема приклепан козырек и подвешена трехчастная тканевая бармица. Музей антропологии и этнографии (№2563-36, Санкт-Петербург). Вид спереди (/) и левого бока (2); *3* — изображение тканевой бармицы на монгольском шлеме начала XIV в. «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, начало XIV в.

Рис. 150. Центральноазиатский или южносибирский сфероконический клепаный шлем XV-XVII вв. с трехпластинчатым куполом, резными накладками с зубцами и «мишенями», «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием из Государственного Эрмитажа (инв. № 3657).

Рис. 151. Монгольский или южносибирский сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, классическими вырезными двузубчатыми накладками с ребром жесткости, сложным навершием (с шаровидным расширением) и козырьком с вырезным краем. Происходит из местности Чыргакы в Туве.

Рис. 152. Сфероконические шлемы кочевников Южной Сибири периода позднего Средневековья — начала Нового времени*(1,3* — с территории Минусинской котловины, 2 — из Тувы):

/ — центральноазиатский или южносибирский (кыргызский) сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, резными накладками и узким ободом. Происходит из числа случайных находок с территории Минусинского района Красноярского края. Хранится в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова; 2 — центральноазиатский или южносибирский (тувинский) сфероконический клепаный шлем с шестипластинчатым куполом, резными накладками и составным (пластинчатым) клепаным обручем с ободком (по С. И. Вайнштейну). Находка из долины р. Ий в Туве. Найден в районе электростанции колхоза им. Первого мая в Тоджинском районе. Хранится в Кызыльском музее им. Алдан Маадыр; *3* — южносибирский (кыргызский) сфероконический клепаный шлем с шестипластинчатым куполом, резными накладками и козырьком XVI-XVII вв. Находка из Минусинской котловины. Хранится в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова.

Рис. 153. Центральноазиатский (джунгарский?) сфероконический клепаный шлем XVII-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, широкими резными накладками и козырьком из Восточного Туркестана. Экспонируется в музее г. Куча в Синьцзян-УйгурскомАО (КНР).

Рис. 154. Центральноазиатский сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, стыки пластин которого прикрыты узкими накладками с ребрами жесткости, «коробчатым» козырьком, обручем и воронкообразным навершием с цилиндрическим расширением в центральной части. Происходит с территории Казахстана.

Рис. 155. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом, обручем, козырьком, навершием с трубкой-втулкой для плюмажа. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-48).

Рис. 156. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом, обручем, козырьком и навершием. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-49).

Рис. 157. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с пятипластинчатым куполом, обручем, козырьком, полусферическим навершием с втулкой. Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-26).

Рис. 158. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом с «лапчатым» орнаментом,козырьком,обручем, полусферическим навершием с отогнутой назад трубкой-втулкой. Включает 1 экз. из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-47). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Рис. 159. Варианты реконструкции бармицы ойратского сфероконического клепаного шлема XVII в. с восьмипластинчатым куполом с «лапчатым» орнаментом, козырьком, обручем, полусферическим навершием с отогнутой назад трубкой-втулкой (см. рис. 158):

/ — вариант реконструкции шлема с традиционной пластинчато-нашивной бармицей, характерной для центральноазиатских шлемов XVII-XVIII вв.; 2 — вариант реконструкции шлема, выполненный смотрителями Оружейной палаты Московского Кремля в XIX в. (к ойратскому шлему подвешена кольчатая бармица от «индо-персидского» наголовья).

Рис. 160. Ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом, обручем и надвершиями. Хранится в Оружейной палате Московского Кремля (ОР 46-24).

Рис. 161. Южносибирский (телеутский или шорский) сфероконический клепаный шлем XVI-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом с декоративными «заплатками», обручем и навершием. Случайная находка из устья р. Сымылты (правый приток р. Катуни в Онгудайском р-не Республики Алтай) (по В. И. Соснову).

Рис. 162. Южносибирский (шорский или кыргызский) сфероконический клепаный шлем с семипластинчатым куполом, обручем и козырьком XVI — начала XVIII в. Случайная находка на территории Енисейского района Красноярского края. Хранится в Краеведческом музее г. Енисейска.

Рис. 163. Центральноазиатский (калмыцкий?) сфероконический клепаный шлем XVII-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости, псевдообручем, цилиндрическим (бочковидным) навершием с медными «лепестками», «коробчатым» козырьком из музея Алабина (г. Самара).

Рис. 164. Четырехпластинчатый центральноазиатский шлем XV-XVII вв., подвергшийся переделке в тибетском стиле:

1 — четырехпластинчатый украшенный серебряной насечкой центральноазиатский клепаный шлем со ступенчатым навершием (возможно, добавлено позднее). Козырек, ламеллярный обруч и бармица удалены. Музей искусств Метрополитен (Нью-Йорк, США). Наследство Джорджа С. Стоуна (1935 г.); 2 — он же. Вариант реконструкции шлема, оформленного в «тибетском» стиле с ламеллярный обручем и трехчастной бармицей, удаленными в ходе реставрации; *3* — он же. Вариант реконструкции первоначального вида наголовья (с козырьком и бармицей). Предположительно навершие имело другую форму, а бармица могла быть пластинчато-нашивной или тканевой. Сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, украшенным серебряной насечкой, «коробчатым» козырьком и ярусным навершием. Хранится в музее Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Рис. 165. Тибетские шлемы XVI-XVIII вв.:

1 — сфероконический четырехпластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв. с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Из частной коллекции; 2 — сфероконический шестипластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв. с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Из частной коллекции; *3* — сфероконический шестипластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв. с многоуровневым ярусным навершием. Пластины тульи и двузубчатые накладки с вырезным краем снабжены ребром жесткости. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Музей искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *4* — сфероконический четырехпластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв., с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием, ламеллярный обручем (не сохранилась часть пластин с налобной части) и бармицей (сохранилась фрагментарно). Найден в г. Хами (Восточный Туркестан). Исторический музей Синцзян-Уйгурского АО, г. Урумчи, КНР.

Рис. 166. Эволюция шлемов с ламеллярными обручами VI-XVII вв.:

1,7 — со статуэток пеших сяньбийских воинов. Северный Китай, VI в.; 2 — Кызыл, «Пещера Майи», VII в.; *3* — с изображения монгольского воина из «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1306-1307 гг., б-ка Эдинбургского ун-та; *4* — из погребения золотоордынского воина второй половины XIII в. в Южном Приуралье в 8 км от с. Лебедевка (по М. В. Горелику); 5 — с китайской статуэтки XV-XVI вв., изображающей минского пешего воина; *6* — тибетский шлем XVI-XVII вв. с ламеллярным обручем и бармицей. Монастырь Дрепунг, Тибет.

Рис. 167. Сфероконические четырехпластинчатые клепаные «бутанские» шлемы XVI-XVIII вв. с двухзубчатыми резными накладками с ребрами жесткости, «коробчатыми» козырьками, ярусными навершиями, трехчастной тканевой бармицей, украшенные тюрбаном из разноцветных шнуров. Из монастырей г. Тхимпху, Бутан

Рис. 168. Ойратский полусферический клепаный шлем XVII в. с шестипластинчатый куполом, обручем, низким полусферическим навершием и козырьком (*1-5*). Вариант реконструкции шлема в комплекте с трехчастной пластинчато-нашивной бармицей *(6)*. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-27). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Рис. 169. Ойратский полусферический клепаный шлем XVII в. с шестипластинчатый куполом, обручем, низким полусферическим навершием и козырьком (*1—5*). Вариант реконструкции шлема в комплекте с трехчастной пластинчато-нашивной бармицей *(6)*. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-25). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Рис. 170. Ойратский полусферический клепаный шлем XVII в. с шестипластинчатым куполом, пластины которого покрыты двухпалым «лапчатым» узором, обручем, низким полусферическим навершием и треугольным козырьком. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-46). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Рис. 171. Центральноазиатский полусферический клепаный шлем XVI-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, широкими накладками с вырезным краем и обручем. Вариант реконструкции шлема в комлекте с кольчатой бармицей «открытого» типа (4). Хранится в фондах Государственного музея искусств народов Востока в Москве.

Рис. 172. Центральноазиатский (халхаский?) конический клепаный шлем XVI-XVIII вв. с шестипластинчатым куполом, навершием и боковыми петлями. Найден на территории Убсу-Нурского аймака Монголии. Хранится в музее г. Улангома.

Рис. 173. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым куполом, украшенным гравировкой, обручем, плоским фестончатым навершием, с втулкой и четырьмя надвершиями, обручем и двухчастным «коробчатым» козырьком (вид спереди и с правого бока) Хранится в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Рис. 174. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым куполом, украшенным гравировкой, обручем, плоским фестончатым навершием, с втулкой и четырьмя надвершиями, обручем и двухчастным «коробчатым» козырьком (вид сзади и с левого бока).

Рис. 175. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — XVII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, обручем и «коробчатым» козырьком. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 4645). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.

Рис. 176. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI —XVII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, «коробчатым» козырьком, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и надвершиями. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 2059). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в. Кольчатая бармица «индо-персидского» типа подвешена к шлему смотрителями XIX в.

Рис. 177. Ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и четырьмя надвершиями. Хранится в музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Рис. 178. Ойратский (?) сфероконический цельнокованый шлем XVII-XVIII вв. с «коробчатым» козырьком, слабовыпуклым полусферическим навершием, орнаментом «Три драгоценности». Хранится в фондах Тибетской коллекции музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Рис. 179. Центральноазиатский цельнокованый сфероконический шлем XVIII в. с тульей, покрытой серебряной насечкой, с «коробчатым» козырьком. Происходит с территории Восточного Казахстана. В настоящее время хранится в Центральном историческом музее г. Астаны (Республика Казахстан) (по К. С. Ахметжану).

Рис. 180. Сибирский или центральноазиатский цельнокованый полусферический шлем с комбинированной (кольчатой и пластинчато-нашивной бармицей) (вид спереди и с правого бока). Хранится в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (кн. поступлений, №4461, 5420). Шлем хранился как родовая реликвия у татарских князей Кульмаметьевых в Иртышских юртах Тобольского уезда. Согласно семейной легенде шлем находился в этом роду начиная с XVII в. В 1908 г. он был передан в музей.

Рис. 181. Сибирский или центральноазиатский цельнокованый полусферический шлем с комбинированной (кольчатой и пластинчато-нашивной бармицей) (вид сзади и с левого бока).

Рис. 182. Центральноазиатский (монгольский) конический цельнокованый шлем второй половины XVII — XVIII в. с «коробчатым» козырьком, налобной пластиной, полусферическим навершием с втулкой. Хранится в фондах Государственного Эрмитажа (инв. №2748).

Рис. 183. Монгольский цилиндроконический цельнокованый шлем XVI-XVIII вв. с трубкой-втулкой и «коробчатым» козырьком. Хранится в составе Тибетской коллекции музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Рис. 184. Монгольский цилиндроконический цельнокованый шлем XVII-XVIII вв. с «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № 1274).

Рис. 185. Сфероконические тибетские и монгольские шлемы XV-XVIII вв. с ременным *(1-2, 4-5)* и клепаным *(3)* соединением пластин тульи:

/ — четырехпластинчатый тибетский шлем XVI-XVIII вв., подвергшийся переделке в «бутанском» стиле. Сфероконический четырехпластинчатый тибетский шлем с ременным соединением, двузубчаты-

ми резными накладками с ребром жесткости, ярусным навершием. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Вместо них к налобной части шлема приклепан козырек и подвешена трехчастная тканевая бармица. Музей антропологии и этнографии (№ 2563-36, Санкт-Петербург); 2 —сфероконический «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв. с ременным соединением, двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием, ламеллярный обручем и трехчастной бармицей. Музей г. Кентербери (графство Кент, Великобритания); *3* — четырехпластинчатый центральноазиатский шлем XV-XVII вв. со ступенчатым навершием (возможно, добавлено позднее), подвергшийся переделке в тибетском стиле. Тулья шлема украшена серебряной насечкой. Козырек, ламеллярный обруч и бармица удалены. Музей искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *4* — центральноазиатский (тибетский или монгольский) сфероконический шлем XV-XVI вв. с ременным соединением, из узких пластин с вырезным (зубчатым) краем и ребром жесткости, с полусферическим навершием, втулкой с тремя шаровидными утолщениями в нижней, центральной и верхней части и «коробчатым» козырьком с вырезным краем. Хранится в фондах Королевского музея оружия (г. Лидс, Великобритания); 5 — сфероконический четырехпластинчатый «тибето-монгольский» шлем XVI-XVIII вв. с ременным соединением, двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием, ламеллярный обручем и трехчастной бармицей. Музей искусств Метрополитен (№ 36.25.53a) (Нью-Йорк). Наследство Джорджа С. Стоуна (1935 г.).

Рис. 186. Тибетские и «бутанские» *(1-2, 7)* шлемы XVI-XVIII вв. с клепаной тульей:

1—2, 7 —сфероконические четырехпластинчатые клепаные «бутанские» шлемы XVI-XVIII вв. с двузубчатыми резными накладками с ребрами жесткости, «коробчатыми» козырьками, ярусными навершиями, трехчастной тканевой бармицей, украшенные тюрбаном из разноцветных шнуров. Из монастырей г. Тхимпху, Бутан; *3* —сфероконический четырехпластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв., с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием, ламеллярным обручем (не сохранилась часть пластин с налобной части) и бармицей (сохранилась фрагментарно). Найден в г. Хами (Восточный Туркестан). Исторический музей Синцзян-Уйгурского АО, г. Урумчи, КНР; *4* — сфероконический шестипластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв. с многоуровневым ярусным навершием. Пластины тульи и двузубчатые накладки с вырезным краем снабжены ребром жесткости. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Музей искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк, США; *5* —сфероконический четырехпластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв. с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Из частной коллекции; *6* — сфероконический шестипластинчатый «тибето-монгольский» шлем XV-XVII вв. из твердой кожи с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости. Навершие, ламеллярный обруч и бармица удалены. Покрыт глазурью из тунгового масла и символами «ваджры». Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк; *8* — сфероконический шестипластинчатый «тибето-монгольский» клепаный шлем XVI-XVIII вв. с двузубчатыми накладками с вырезным краем и ребром жесткости, ярусным навершием. Ламеллярный обруч и бармица удалены. Из частной коллекции.

Рис. 187. Клепаные сфероконические шлемы воинов Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и Нового времени: ойратские XVII в. *(1-5),* джунгарский XVII-XVIII вв. *(6),* алтайский XVI-XVIII вв. (7):

/ — ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом с «лапчатым» орнаментом,козырьком,обручем, полусферическим навершием с отогнутой назад трубкой-втулкой. Включает 1 экз. из Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-47). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.: а) вариант реконструкции шлема с традиционной пластинчато-нашивной бармицей, характерной для центральноазиатских шлемов XVII-XVIII вв., б) вариант реконструкции шлема, выполненный смотрителями музея в XIX в. (к ойратскому шлему подвешена кольчатая бармица от «индо-персидского» наголовья); 2 — ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом, обручем, козырьком, навершием с трубкой-втулкой для плюмажа. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-48); *3* — ойратский сфероконический клепаный шлем XVII в. с восьмипластинчатым куполом, обручем, козырьком и навершием. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-49);

4 — вариант реконструкции ойратского сфероконического клепаного шлема XVII в. с пятипластинчатым куполом, обручем, козырьком, полусферическим навершием с втулкой и трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Включает 1 экз. из фондов Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-26); *5* — вариант реконструкции ойратского сфероконического клепаного шлема XVII в. с восьмипластин-

чатым куполом, обручем, надвершиями и трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Хранится в Оружейной палате Московского Кремля (ОР 46-24); *6* — центральноазиатский (джунгарский?) сфероконический клепаный шлем XVII-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, широкими резными накладками и козырьком из Восточного Туркестана. Экспонируется в музее г. Куча в Синьцзян-Уйгурском АО (КНР); 7 — южносибирский (телеутский или шорский) сфероконический клепаный шлем XVI-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом с декоративными «заплатками», обручем и навершием. Случайная находка из устья р. Сымылты (правый приток р. Катуни в Онгудайском р-не Республики Алтай).

Рис. 188. Клепаные сфероконические шлемы кочевников Южной Сибири и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени. Из Минусинской котловины *(1-2),* Тувы *(3-4),* Бурятии *(6):*

1 — южносибирский (кыргызский) сфероконический клепаный шлем с шестипластинчатым куполом, резными накладками и козырьком XVI-XVII вв. Включает 1 экз. из Минусинской котловины. Хранится в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова; 2 — центральноазиатский или южносибирский (кыргызский) сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, резными накладками и узким ободом. Происходит из числа случайных находок с территории Минусинского района Красноярского края. Хранится в Минусинском историко-краеведческом музее им. Мартьянова; *3* — центральноазиатский или южносибирский (тувинский) сфероконический клепаный шлем с шестипластинчатым куполом, резными накладками и составным (пластинчатым) клепаным обручем с ободком. Включает 1 экз. из долины р. Ий в Туве. Найден в районе электростанции колхоза им. Первого мая в Тоджинском районе. Хранится в Кызыльском музее им. Алдан Маадыр; *4* — монгольский или южносибирский сфероконический клепаный шлем с четырехпластинчатым куполом, классическими вырезными двузубчатыми накладками с ребром жесткости, сложным навершием (с шаровидным расширением) и козырьком с вырезным краем. Происходит из местности Чыргакы в Туве; 5 — центральноазиатский или южносибирский сфероконический клепаный шлем XV-XVII вв. с трехпластинчатым куполом, резными накладками с зубцами и «мишенями», «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием из Государственного Эрмитажа (инв. № 3657); *6* — бурятский шлем XVI-XVII вв. Хранится в фондах Музея истории Бурятии.

Рис. 189. Клепаные и цельнокованые сфероконические шлемы кочевников Южной Сибири и Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени. Из старых оружейных коллекций (/), из числа подарков ойратских феодалов русским правителям XVII в. *(2-4),* из Западной Сибири (5):

/ — центральноазиатский полусферический клепаный шлем XVI-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, широкими накладками с вырезным краем и обручем. Хранится в фондах Государственного музея искусств народов Востока в Москве; *2* — вариант реконструкции ойратского полусферического клепаного шлема XVII в. с шестипластинчатым куполом, пластины которого покрыты двухпалым «лапчатым» узором, обручем, низким полусферическим навершием и треугольным козырьком, трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-46). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.; *3* — вариант реконструкции ойратского полусферического клепаного шлема XVII в. с шестипластинчатым куполом, обручем, низким полусферическим навершием, козырьком и трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-25). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.; *4* — вариант реконструкции ойратского полусферического клепаного шлема XVII в. с шестипластинчатым куполом, обручем, низким полусферическим навершием, козырьком и трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Вариант реконструкции шлема в комплекте с трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 46-27). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.; *5* — позднесредневековый сибирский или центральноазиатский цельнокованый полусферический шлем с комбинированной (кольчатой и пластинчато-нашивной бармицей). Хранится в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (кн. поступлений № 4461, 5420).

Рис. 190. Сфероцилиндрические западномонгольские (ойратские) шлемы XVI-XVIII вв.:

/ — ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и четырьмя надвершиями. Хранится в музее Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); 2 — ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым куполом, украшенным гравировкой, обручем, плоским фестончатым навершием, с втулкой и четырьмя надвершиями, обручем и двух-

частным «коробчатым» козырьком. Хранится в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике; *3* — ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем XVI — начала XVIII в. с восьмипластинчатым куполом, украшенным чеканкой обручем, навершием с втулкой и четырьмя надвершиями, одночастным «коробчатым» козырьком, трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Хранится в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника; *4* —ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — начала XVIII в. Происходит с территории Казахстана. Тулья составлена из характерных изогнутых пластин, стянутых внизу широким обручем (склепанным в затылочной части тремя вертикально расположенными заклепками) и зафиксированных в верхней части круглым плоским навершием с отогнутым вниз ровным (нефестончатым) краем. Возможно, что шлем был снабжен простым или «коробчатым» козырьком и бармицей. Данное наголовье, как и другие шлемы серии, может быть датировано XVI-XVIII вв. и соотнесено с комплексом вооружения западномонгольских воинов.

Рис. 191. Сфероцилиндрические западномонгольские (ойратские) шлемы XVI-XVII вв. *(1-2),* их прототипы и дериваты из Тибета *(3)* и Волжской Калмыкии *(4):*

1 —ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — XVII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, обручем и «коробчатым» козырьком. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 4645). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.; *2* —ойратский сфероцилиндрический клепаный шлем конца XVI — XVII в. с восьмипластинчатым сфероцилиндрическим куполом, «коробчатым» козырьком, фигурной трубкой-втулкой для плюмажа и надвершиями. Хранится в фондах Оружейной палаты Московского Кремля (ОР 2059). Наголовье преподнесено в дар русскому царю ойратскими правителями в XVII в.; *3* — ойратский (?) сфероконический цельнокованый шлем XVII-XVIII вв. с «коробчатым» козырьком, слабовыпуклым полусферическим навершием, орнаментом «Три драгоценности». Хранится в фондах Тибетской коллекции музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *4* — центральноазиатский (калмыцкий?) сфероконический клепаный шлем XVII-XVIII вв. с четырехпластинчатым куполом, узкими накладками с ровным краем и ребром жесткости, псевдообручем, цилиндрическим (бочковидным) навершием с медными «лепестками», «коробчатым» козырьком из музея Алабина (г. Самара); *5* — шлем с ширазской миниатюры 30-40-х гг. XIV в.; *6* — центрально- или переднеазиатский шлем XIV-XV вв. Военный музей г. Стамбула (Турция).

Рис. 192. Центральноазиатские конические (/) и цилиндроконические *(2-3)* шлемы XVI-XVIII вв., восточноевропейская «шапка бумажная» *(4),* «наследники» центральноазиатских «мягких» шлемов — шапки «юудэн» и «буряяд молгай» *(5-6),* изображения монгольских плюмажей периода позднего Средневековья:

/ — центральноазиатский (монгольский) конический цельнокованый шлем второй половины XVII — XVIII в. с «коробчатым» козырьком, налобной пластиной, полусферическим навершием с втулкой. Хранится в фондах Государственного Эрмитажа (инв. № 2748); 2 —центральноазиатский (монгольский) шлем XVII-XVIII вв. с «коробчатым» козырьком и полусферическим навершием. Хранится в фондах Государственного Эрмитажа (инв. № 1274); *3* —центральноазиатский (монгольский?) цилиндроконический цельнокованый шлем XVI-XVIII вв. с трубкой-втулкой и «коробчатым» козырьком. Хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *4* — русская «шапка бумажная» — пример восточноазиатского варианта покроя «мягких» шлемов. Как и ее восточные аналоги, снабжена высокой тульей, наушниками и широким назатыльником. Отличительной особенностью конструкции наголовья является железный наносник-«стрелка»; *5-6* — «наследники» центральноазиатских «мягких» шлемов — дербетская шапка «юудэн» и северо-монгольская «буряяд молгай» Этнографического времени. Головные уборы характеризуются почти полным набором признаков «мягкого» шлема: высокой простеганной тульей, наушами и назатыльником; *7,8* — монгольские плюмажи периода позднего Средневековья. С китайских гравюр художников школы Гуйчжоу. Эпоха династии Мин.

Рис. 193. Трехчастная пластинчато-нашивная бармица «закрытого» типа с татарского или ойратского полусферического шлема XVII-XVIII вв., происходящего из коллекции князей Кульмаметьевых и хранящегося в Тобольском историко-краеведческом музее-заповеднике.

Рис. 194. Миссюрки и кольчатые наголовья с территории Казахстана (/, *4, 6),* Южной Сибири *(2),* Мавераннахра *(3),* Северного Кавказа *(7-8):*

1,4,6 — миссюрки (/, *4)* и кольчатое наголовье *(6)* среднеазиатского производства периода позднего Средневековья и Нового времени с территории Казахстана; 2 — миссюрка XVII-XVIII вв. с бармицей из плоских колец. Была найдена в степи в разъезде Горьковское Сибирской железной дороги у поселка Васютинцы Москаленской волости (в настоящее

время — территория Омской области). Миссюрка была приобретена сотрудниками Русского географического общества у крестьянина Мосуру в 1914 г. В настоящее время хранится в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея; *3* — среднеазиатская миссюрка с полусферическим «наплешником» и удлиненными наушниками кольчатой бармицы. Хранится в фондах музея Нукуса (по Ю. С. Худякову); *5* — кашгарское (?) кольчужное наголовье на матерчатой подкладке XVIII-XIX вв. Хранится в фондах Княжеского дворца г. Вуланшабу; *7,8* — «наплешники» черкесских миссюрок Нового времени из Государственного исторического музея (по Э. Г. Аствацатурян).

Рис. 195. Маньчжурский шлем из музея в г. Цзюцюан. Сфероконическое боевое наголовье с цельнокованым куполом, широким обручем, небольшим треугольным козырьком, цилиндрическим навершием с уплощенным верхом и трубочкой для плюмажа.

Рис. 196. Шлемы Восточной Азии XV-XIX вв. и их изображения:

1,2 —«Маньчжоу-шилу»; *3* —китайский шлем «из плетеной лозы, окрашенный тунговым маслом» (рисунок из китайского трактата минского времени); *4* —маньчжуро-гиляцкий мелкопластинчатый шлем с ременным соединением и ламеллярной бармицей (по Л. Шренку); *5, 6, 9* — шлемы с бармицами и сложносоставными плюмажами (с рисунков из позднесредневековых китайских военных трактатов); 7 —минский (?) шлем XVI в.; *8* —«шлем кантонского солдата» (из китайского военного трактата XVI в.); *10* — шлем минского воина XVI в. С китайской картины конца XVI в. «Выезд императора Ваньли» (1573-1620 гг.). Музей Бэйпин Гугун, КНР; // —маньчжурский шлем конца XVI —первой трети XVII в. Был прислан в Москву в 1638 г. в качестве дани «из Тунгусской земли» ламой Далимен Гарланцзу (Лаба Ирденей Даин-мен Герланзу). Шлем имел трехчастную пластинчато-нашивную бармицу, крытую зеленым, желтым и красным бархатом и шелком, а также желтые атласные «завяски». Все органические элементы были утеряны к 1727 г. Хранится в Оружейной палате Московского Кремля (ОР 2058); а — вид сбоку, б — вид спереди; *12* — восточноазиатский шлем конца XVI — первой половины XVII в. Музей Метрополитен, США; *13* — цинский шлем конца XVII — XVIII в. Музей г. Чжанье, КНР; *14* — цинский шлем XVIII в. Музей г. Цзюцюан, КНР; *15* —цинский шлем первой половины XVIII в. Музей г. Цзюцюан, КНР; *16* — цинский шлем конца XVII — XVIII в. Первая библиотека Ся Си Чжан Ань шен вей, КНР; *17* — корейский шлем XVII в. с элементами маньчжурского декора; *18* —цинский шлем конца XVII — XVIII в. Первая библиотека Ся Си Чжан Ань шен вей, КНР; *19* — маньчжурский шлем второй половины XVI — начала XVII в. («Жи бо до Юань тэн шень цан ши яфн ци»); *20* — парадный шлем («шлем осеннего императорского парада») маньчжурского военного атташе второй половины XVIII — XIX в. Библиотека Ань хуэй, КНР; *21* — парадный цинский шлем второй половины XVIII — XIX в. Музей Бэйпин Гугун, КНР.

Рис. 197. Шлемы Передней и Средней Азии XV-XVII вв.

/ — восточнотуркестанский шлем яркендского производства кон. XVI в. (Оружейная палата Московского Кремля, № 4408). Вид спереди и сбоку; 2 — «шапка кучумовская булатная» XVI в. (Оружейная палата Московского Кремля, инв. № ОР-164). Вид спереди и сбоку; *3* — среднеазиатский шлем XV-XVl вв. (случайная находка с территории Восточного Казахстана); *4* — кыргызский шлем XVI-XVII вв. (случайная находка с территории высокогорной местности Ак-Кель, Чуйской области Республики Кыргызстан); *5* — шлем с железной личиной XV-XVII вв. (Оружейная палата Московского Кремля, инв. № ОР-2055).

Рис. 198. Шлемы так называемого «индо-персидского» типа XVII-XVIII вв. С территории Передней Азии *(1-5),* Мавераннахра *(6-7):*

1-5 — иранские шлемы XVII-XVIII вв. из Музея Виктории и Альберта, коллекции Уоллеса, музея Метрополитен (г. Нью-Йорк, США); *6-7* —шлемы «индо-персидского» типа из музеев г. Бухары и Самарканда.

Рис. 199. Изображения передне- и среднеазиатских шлемов XV-XVII вв.:

/ — «Шах-наме» Фирдоуси, Герат, 1429 г., б-ка Гюлистанского музея; 2 — «Хамса» Навои, Шираз, 1507-1508 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *3* — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, 1524 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *4, 5,17, 23, 26* — миниатюры Масуд ибн Усман Кухистани «Султан Джалал-ад-дин, переплывающий через Инд» и «Сражение султана Махмуда Газневи с сельджуками», г. Самарканд, 1540 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *6,7,11* —«Хамса» Навои, Бухара, 1571-1572 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *8—10* — «Хамса» Навои, Бухара, 1579-1580 гг., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *12,13,20* —«Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Самарканд, 1628 г., б-ка Института востоковедения АН УзССР; *14, 27, 28* — «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *15* —миниатюры из альбома, Самарканд, нач. XVI в., б-ка ИНА; *16* — «Хамса» Навои, Герат, 1494-1495 гг., б-ка Британского музея (Лондон); *18, 19* — «Шах-наме» Фирдоуси, Самарканд (?), б-ка

ИНА; *21, 22* — «Хамса» Навои, Герат, втор. пол. XV в., б-ка Британского музея (Лондон); *24, 25* — «Хамса» Навои, Бухара, 1553 г., б-ка Оксфорда.

Рис. 200. Пластинчатые панцирные пояса из Тибета (/, *5),* Восточного Туркестана *(2-3)* и Казахстана *(4):*

1 — тибетский пластинчатый панцирный пояс XVIII-XIX вв. с поясообразующей центральной пластиной, составленный из прямоугольных пластин с бортиком. Пояс хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США) (36.25.28); 2 — восточнотуркестанский пластинчатый панцирный пояс XVIII-XIX вв. с поясообразующей центральной пластиной, составленный из прямоугольных пластин с бортиком. Хранится в фондах музея г. Вуланшабу (КНР); *3* — восточнотуркестанский пластинчатый панцирный пояс, составленный из прямоугольных пластин с закругленными углами (по И. Н. Вирронену). Хранится в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея (№ 3758); *4* — казахский (?) пластинчатый панцирный пояс с тремя поясообразующими центральными пластинами. Элементы данного пластинчатого пояса хранятся в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан; *5* — тибетский пластинчатый панцирный пояс XVII-XIX вв. с поясообразующей центральной пластиной, составленный из прямоугольных пластин с бортиком. Пояс хранится в фондах музея Метрополитен (г. Нью Йорк, США).

Рис. 201. Разновидности переднеазиатских (/), китайских *(3, 4),* маньчжурских *(2)* ламинарных и стеганых нарукавий, железный вороненый монгольский (?) наплечник (по М. В. Горелику) *(8),* кованые наплечники и ламинарные нарукавники (по М. В. Горелику) из памятника Ийи-Кулак *(5-6)* и их реконструкция (7):

/ — «Зафар-наме» Шараф-ал-Дина Йазди, Герат, 90-е гг. XV в., б-ка музея Метрополитен (Нью-Йорк); 2 — «Маньчжоу-шилу»; *3—4* — с китайской картины конца XVI в. «Выезд императора Ваньли» (1573-1620 гг.), Музей Бэйпин Гугун, КНР; *5-6* — пластины нарукавья панциря № 2 (по М. В. Горелику), обнаруженного А. Д. Грачем в 1976 г. в тайнике на северном склоне горы Ийи-Кулак в Бий-Хемском районе Республики Тува. Пластины панциря из Ийи-Кулак хранятся в фондах музея г. Кызыла; 7 — реконструкция нарукавий панциря № 2 из Ийи-Кулак; *8* — покрытый воронением и золотой насечкой кованый наплечник с ребром жесткости и изображением мифического зверя Ци Линя (по М. В. Горелику). Северный Китай, конец Юань-Мин. Музей Метрополитен (г. Нью Йорк, США).

Рис. 202. Двухстворчатый «калмыцкий» наруч с комбинированным кольчато-ременным соединением и желобками, образующими «шевроны», обращенные остриями друг к другу, с медными заклепками по периметру. Хранится в фондах ОПМК (ОР 4101/3, /4; старая нумерация 4711).

Рис. 203. Двухстворчатый «калмыцкий» наруч с комбинированным кольчато-ременным соединением и желобками, образующими «шевроны», обращенные остриями друг к другу, с медными заклепками по периметру. Хранится в фондах ОПМК (ОР 4101 / 3, /4; старая нумерация 4711). Входит в состав комплекта, состоящего из двух наручей.

Рис. 204. Центральноазиатские наручи из твердой кожи периода позднего Средневековья и Нового времени:

1-3 — одностворчатые наручи из твердой кожи с ременным соединением, покрытые лаком и украшенные орнаментом, из фондов музея Метрополитен (Нью-Йорк, США); *4* — одностворчатый наруч из твердой кожи с ременным соединением, усиленный вырезными металлическими накладками. Хранится в фондах музея Метрополитен.

Рис. 205. Изображения юаньских первой половины XIV в. и монгольских второй половины XIV — XV в. (2, *9-11),* минских *(3-4),* монгольских (/) и тибетских ламеллярных наручей периода позднего Средневековья и Нового времени:

/ — с китайской картины «Пленение Гуаньсюя». Художник Шан Си. Эпоха династии Мин (1368-1644); 2,*9—11* — прорисовка с настенной росписи монастыря Баонин (КНР), эпоха династии Мин; *3,4* — с минской статуи в Шисанлин (г. Пекин, КНР); *5,8* — монгольская танка «Далха», XIX в., Государственный Эрмитаж; *6,7* — тибетская танка «Далха», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 17991-1).

Рис. 206. Изображения полосчатых, чешуйчатых и створчатых наручей восточноазиатского образца (юаньских — *1—5, 8,11-17;* минских — *6;* цинских — 7; монгольских — *9;* тибетских — *10):*

1 — из юаньского трактата XIV в.; 2 — из юаньской могилы в Баохэ, уезд Хуанянь, пров. Сычуань; *3,11* — из настенной росписи в монастыре Баонин. Эпоха династии Мин (1368-1644); *4* — терракотовые минские воины в ламеллярных «кирасах» с наплечниками и набедренниками. Минская могила Чжу Юэле на горе Фунхуаншэнь, г. Чанду, пров. Сычуань; *5* — с настенной росписи буддийского монастыря XVI в. во Внутренней Монголии (КНР); *6* — с минской статуи в Шисанлин (г. Пекин, КНР); 7 — с картины «Император Канси (1661-1722) в боевом доспехе войск синего знамени французского иезуита конца XVII — начала XVIII в. Музей Бэйпин Гугун; *8, 12, 15, 17* — с настенных росписей китайских монастырей эпохи династии Юань (1271-1368);

9 — монгольская танка «Далха», XIX в., Государственный Эрмитаж; *10* — тибетская бронзовая статуэтка «Вайшравана», XVIII в. Частная коллекция; *16* — с настенной росписи даосистского храма, уезд Фэньян, пров. Шэньси. Эпоха династии Юань.

Рис. 207. Створчатые наручи западноазиатского образца: изображения наручей в переднеазиатской *(1-3, 4-8)* и среднеазиатской *(9-12)* иконографии XIV-XVII вв., центральная створка позднесредневекового монгольского наруча *(13),* восточнотуркестанский *(16)* и среднеазиатские трехстворчатые наручи с комбинированным кольчато-ременным соединением XVII-XIX вв. *(14,17-18). 13,15,17* — по Ю. С. Худякову, *17* — по К. С. Ахметжану:

1-2 — с миниатюр из альбома, 70-80-е гг. XIV в., Тебриз, б-ка музея Топкапу (г. Стамбул, Турция); *3, 8* — «Хамса» Навои, Шираз, 1541 г. Государственный Эрмитаж; *4,6* — с переднеазиатских миниатюр XV-XVI вв.; *5,7* — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, 1524, Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *9-10, 12* — «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *13* — центральная створка позднесредневекового наруча среднеазиатского производства из фондов музея Самарканда (по Ю. С. Худякову). Локтевая часть створки оформлена в виде трех полукружий. Центральное поле украшено изображением полумесяца; *14* — среднеазиатский трехстворчатый наруч с комбинированным кольчато-ременным соединением (по Ю. С. Худякову). Музей г. Самарканда (Узбекистан); *15* — монгольский одностворчатый наруч с ременным соединением и бортиком по периметру (по Ю. С. Худякову); *16* — восточнотуркестанский трехстворчатый наруч XVIII-XIX вв. с вырезным верхним краем, комбинированным кольчато-ременным соединением, длинными створками запястья. Хранится в фондах музея г. Вуланшабу (КНР); *17* — трехстворчатый покрытый гравировкой среднеазиатский наруч XVII-XVIII вв. с комбинированным кольчато-ременным соединением, короткими створками запястья (по К. С. Ахметжану); *18* — трехстворчатый покрытый гравировкой среднеазиатский (?) наруч XVII-XVIII вв. с комбинированным кольчато-ременным соединением, короткими створками запястья и кольчужной рукавицей из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея.

Рис. 208. Защита ног западноазиатского *(1-4, 16-25) (1-4, 16-18, 25* — створчатые поножи; *20-24* — кольчато-пластинчатые набедренники «дызлык-бутлук») и восточноазиатского *(5-15)* образца (наголенники с панцирным настопником). Передняя Азия XIV *в. (1-4),* Передняя и Средняя Азия XV-XVII вв. *(16-25),* Минский Китай *(5-6, 8-9),* Монголия XVI в. *(7),* Монголия XVIII-XIX вв. *(13-15),* Тибет XVIII в. *(10-12):*

1-4 — с миниатюр из альбома, 70-80-е гг. XIV в., Тебриз, б-ка музея Топкапу (г. Стамбул, Турция); *5-6, 8-9* — с китайской картины «Пленение Гуаньсюя». Художник Шан Си. Эпоха династии Мин; 7 — с настенной росписи буддийского монастыря XVI в. во Внутренней Монголии (КНР); *10* — тибетская бронзовая статуэтка «Дритараштра», XVIII в. Частная коллекция; *11-12* — тибетская бронзовая статуэтка «Вайшравана», XVIII в. Частная коллекция; *16-20, 22* — с переднеазиатских и среднеазиатских миниатюр XV-XVI вв.; *13-15* — с монгольской танка «Далха», XIX в., Государственный Эрмитаж; *21* — «Шахнаме» Фирдоуси, Тебриз, 1524 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; *23-24* — «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.

Рис. 209. Среднеазиатские зерцальные доспехи Нового времени (по К. С. Ахметжану) и тибетские зерцала XV-XIX вв. *(5-6):*

1,3-4 — зерцальные доспехи XVIII-XIX вв. «среднеазиатского» типа (из пластин округлой формы) (по К. С. Ахметжану); *2, 7-10* — зерцальные доспехи «переднеазиатского» типа (из четырех пластин подпрямоугольной формы («чар айна»)) XVIII-XIX вв. (по К. С. Ахметжану); *5-6* — тибетские зерцала XV-XVII (6) и XVIII-XIX вв. Музей Метрополитен (г. Нью Йорк, США).

Рис. 210. Центральноазиатские ручные плетеные щиты периода развитого (7), позднего Средневековья и Нового времени *(1—6, 8—11)* и их изображения в переднеазиатской (7) и тибетской *(1-2)* иконографии. *1—7* — по М. В. Горелику:

/ — танка «Вайшравана», первая половина XV в. Частная коллекция, Германия (по М. В. Горелику); *2* — настенная роспись XVIII-XIX вв. дворца Потала (Лхаса, Тибет) (по М. В. Горелику); *3* — тибетский круглый слабовыпуклый прутяной щит XVII-XVIII вв. с центральным сфероконическим умбоном с бортиком, четырьмя умбончиками и трезубцами (по М. В. Горелику); *4* — тибетский щит XVII в. из столицы княжества Гугэ в юго-западном Тибете (по М. В. Горелику); *5* — тибетский круглый выпуклый щит с полусферическим умбоном без бортика и стреловидным орнаментом. Хранится в коллекции Р. Хэйла (Лондон); *6* — прорисовка тибетского пешего воина с плетеным щитом с фотографии 1903-1904 гг. (по М. В. Горелику); 7 — «Мунис ал-ахрар фи дакаик ал-азхар», Багдад (?), 1341 г., б-ка Пристонского университета (по М. В. Горелику); // — тибетский круглый выпуклый щит XVII-XIX вв. со сфероконическим умбоном с бортиком и ромбовидным орнаментом. Хранится в фондах музея Метрополитен

(г. Нью-Йорк, США); *8-10* — круглые плоские и слабовыпуклые прутяные щиты с умбоном и металлическими накладками.

Рис. 211. Изображения минских *(1-6),* цинских *(7-14)* ручных и станковых щитов и передвижного щитообразного полевого укрепления *(15):*

1 — плетеный минский щит «тэнпай» XVI в.: *а* — вид спереди, б — вид сзади, в — вид сбоку; *2* — деревянный обтянутый кожей маньчжурский щит «туаньпай» XVII-XVIII вв.; *3* — прутяной цинский (маньчжурский) щит «тэнпай» XVII-XVIII вв.; *4-6* — минские станковые щиты XVI в.; *7-10* — цинские станковые щиты XVII в. Цинская энциклопедия «Хуанчао лицзи тушу» (1759 г.); *11-14* —маньчжурские и китайские щитоносцы («Маньчжоу-шилу»); *15* — щитообразное передвижное укрепление «айпай чжэцзянь» («Маньчжоу-шилу»).

Рис. 212. Кожаные восточнотуркестанские щиты конца XVII — начала XVIII в. (/) (по И. Н. Вирронену) и изображения кожаных и деревянных переднеазиатских и среднеазиатских щитов XV-XVII вв. *(3-14):*

1 — кожаный восточнотуркестанский щит конца XVII — начала XVIII в. округлой формы, снабженный четырьмя каплевидными умбонами, двумя месяцевидными накладками и мелкими каплевидными бляшками (по И. Н. Вирронену). Хранится в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея.

Рис. 213. Тибетские конские доспехи из крупных пластин-сегментов твердой кожи, усиленных металлическими накладками:

1—2 — двухчастные нашейники XV-XVII вв. (музей Метрополитен); *3* — нагрудник XV-XVII вв. (музей Метрополитен); *4* — нагрудник или боковина XV-XVII вв. (музей Метрополитен); *5-6* —двухчастный нашейник XVI-XVII вв. (Музей Виктории и Альберта).

Рис. 214. Элементы позднесредневекового «тибето-монгольского» конского доспеха с ламеллярной и комбинированной структурой бронирования (Королевский музей г. Эдинбурга):

1—4 — элементы «тибето-монгольского» конского доспеха: ламеллярный одночастный нагрудник (/), пара боковин-набедренников *(2-3)* и назадник *(4).* Хранятся в фондах Королевского музея (г. Эдинбург, Великобритания). Нижний край ламеллярных элементов снабжен достаточно широкой окантовкой из позолоченной и лакированной кожи и украшен шерстью яка и матерчатыми лентами. В комплект также входит трапециевидный кожаный панцирный сегмент (/), обшитый квадратными металлическими пластинками с полусферическими умбончиками, возможно, входивший в состав другого конского доспеха.

Рис. 215. «Тибето-монгольские» конские маски XV-XVII вв. из мягкой кожи, обшитые квадратными железными пластинками с умбончиками, усиленные Ф-образным налобником с ребром жесткости, металлическими подтреугольными нащечниками и сегментами для прикрытия затылка и ноздрей лошади *(1,3* — музей Метрополитен; *2* — Музей Виктории и Альберта).

Рис. 216а. Конские доспехи Центральной и Восточной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени: минский конский доспех второй половины XVI в., тибетский конский доспех XIX в. (прорисовка с фотографии начала XX в.), реконструкция комбинированного «тибето-монгольского» конского доспеха XVII-XVIII вв.:

/ — конский китайский доспех второй половины XVI в. с минской картины «Выезд императора Ванли». Состоит из медного (?) резного налобника с плюмажем из двух фазаньих перьев, кольчатого нагрудника, накрупника и боковин, натянутых на тканевую основу и украшенных разноцветными волосяными кистями; *2* — прорисовка тибетского конского полудоспеха с фотографии тяжеловооруженного конного копейщика начала XX в. Впервые опубликована А. Удделем в книге «Лхаса и ее тайны. Очерк тибетской экспедиции 1903-1904 гг.». Полудоспех состоит из кожаной маски, усиленной железным налобником и обшитой квадратными металлическими пластинками с умбончиками, нагрудника и двухчастного нашейника из больших пластин-сегментов толстой лакированной кожи, усиленной полосами металла; *3* — вариант реконструкции комбинированного «тибето-монгольского» конского доспеха XVI-XVIII вв. Доспех состоит из кожаной маски, усиленной налобником с ребром жесткости и обшитой металлическими пластинками с умбончиками, двухчастного кожаного нашейника, двухчастного ламеллярного нагрудника, пары боковин, накрупника и назадника.

Рис. 2166. Изображения конских доспехов в искусстве народов Центральной и Восточной Азии.

Рис. 217. Изображения монгольских воинов с гравюр китайских художников школы Гуйчжоу. Эпоха династии Мин (1368-1644)

Рис. 218. Изображения священнослужителей, кочевников, воинов и коня с символом исполнения желаний («эрдэнэ») с росписи, посвященной Абатай-хану в монастыре Эрдэни-Дзу. Монголия, XVII в.

Рис. 219. Изображения центральноазиатских кочевников в центральноазиатских *(1-2* — тибетских XVIII в.), восточноазиатских *(3* — юаньских первой половины XIV в.) и европейских *(4-5)* изобразительных источниках периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени:

/ — тибетская танка «Деяния Будды Шакьямуни», XVIII в., Государственный музей Востока (инв. № 4489-1); *2* — танка «Мандала Ваджрабхайравы», XVIII в., Государственный музей Востока (инв.№ 5925-1); *3* — из юаньского трактата первой половины XIV в.; *4* — «Киргизец на коне» (книга Георги «Описание обитающих в Российском государстве народов», копия 1799 г., Краеведческий музей г. Красноярска); 5 — с гравюры Х. Гейслера «Калмык на коне», XVIII в. На гравюре изображен оголенный по пояс всадник в шапке с меховой опушкой и кистью «улан зала», вооруженный сложносоставным луком (последний изображен достаточно схематично). Интересно, что калмык на гравюре Гейслера не имеет саадачного пояса и носит колчан со стрелами на спине.

Рис. 220. Изображения сражающихся воинов, выполненные методом тонкой гравировки на поверхности мореной глыбы из бассейна р. Чаган в Горном Алтае. Конец XVII — первая половина XVIII в.:

Батальная сцена на Чаганской глыбе может быть разделена на 4 фрагмента, на первый взгляд не связанных между собой единой повествовательной канвой. Рассмотрим фрагменты подробнее.

Фрагмент 1 (рис. 220, /) «Покушение». Центральным событием данного фрагмента является убийство стрелком, вооруженным фитильным ружьем, стоящего к нему спиной противника. В центре фрагмента находится воин, вооруженный огнестрельным оружием (фитильным ружьем с сошками). На голове стрелка (рис. *\г)* шапка с поднятым налобником и назатыльником, высокой конусовидной тульей, увенчанной «шариком» (вероятно, упрощенное изображение волосяного плюмажа или узелка из шелкового шнура — «жинс»). Данный головной убор имеет аналоги среди баятских и халхаских шапок Нового времени. Так, высокую коническую тулью, увенчанную узелком «жинс», и меховые поля, которые в поднятом состоянии практически в точности повторяют опушку шапки на петроглифе, имеет баятский головной убор «дзоо малгай». Близкую форму покроя имеют халхаские шапки «хилэн малгай» и «наадамын малгай» (Кочешков, 1973, с. 136, рис. 1а, г; с. 137,137, рис. *2в)*. «Халат» стрелка снабжен стоячим воротником. К поясу подвешены сабля или кинжал. Большой интерес представляет способ, которым пользуется воин для ведения стрельбы. Он стоит на обоих коленях, вытянув ружье перед собой, уперев приклад в плечо. Сошки при этом, вероятно, воткнуты в небольшую земляную или каменную насыпь. Последняя на рисунке не показана. Но на ее наличие указывают короткие немного выдвинутые вперед сошки и сам факт нападения на противника из засады. В противном случае воин произвел бы выстрел, держа ружье на весу. В правом нижнем углу фрагмента изображен другой воин, также вооруженный ружьем с сошками и находящийся в той же «коленопреклоненной» позе, демонстрирующей готовность к стрельбе (рис. Id). Однако вместо шапки с налобником и назатыльником на голову этого стрелка одета обычная кочевничья шапка с конусовидной тульей и меховой опушкой, а на поясе отсутствует клинок. Подчиненное положение данного стрелка подчеркивают уменьшенные (по сравнению с другими участниками фрагмента) пропорции. Еще ниже этого стрелка художник начал изображать еще один объект, который так и не был завершен (рис. *\е)*. В левом верхнем углу фрагмента изображена пара беседующих воинов, один из которых (правый) и стал жертвой «коварного стрелка». На то, что перед нами воины, а не безоружные пастухи, указывают два ружья на сошках, снабженные плечевым ремнем, приготовленные к стрельбе, но оставленные нерадивыми стрелками ради беседы. Пораженный выстрелом воин (выстрел показан в виде прямой «молнии», пронизывающей корпус пехотинца) показан в падении (ноги неестественно подогнуты, шапка падает на затылок). Судя по всему, художнику этот воин не особенно интересен. Головной убор показан предельно схематично. Из остальной одежды прорисован только пояс. Гораздо более подробно показан собеседник убитого воина. Он одет в длинный (до пят) «халат» со стоячим воротником и косым запахом (правая пола поверх левой). Такой вариант запаха «халата» характерен для изображений монгольских воинов XVII-XVIII вв. На голове — шапка с невысокой конусовидной тульей, увенчанной навершием и меховой опушкой. Само изображение можно интерпретировать как коварное (воин поражен со спины) нападение на охранников, находящихся на посту или в карауле.

Фрагмент 2 (рис. 220, 2) «Сражение». Данный фрагмент представляет особый интерес, так как на нем изображено полевое сражение. Несмотря на то что в батальной сцене задействованы только 7 персонажей, многоплановость и пересекающие изображение «молнии» (символизирующие полет выпущенных по противнику стрел и пуль) создают впечатление массовой схватки. Визуально композиция делится на правую и левую часть. В правой части сконцентрированы воины, ведущие стрельбу по врагу. Группа состоит из 5 воинов. Двое из них вооружены луками (рис. 1и-к),адвое—ружьями с сошками (рис. *\к-л)*. Пятый воин не дорисован и не имеет оружия (рис. *1м)*. Лучники и «мушкетеры» находятся в смешанном строю, причем стрелки из лука ведут стрельбу стоя,

а воины, снабженные огнестрельным оружием, — с колен. Оба лучника одеты в шапки с конусовидной тульей и опушкой, перетянутые поясами длинные «халаты» до середины голени. Они используют большие сложносоставные Af-образные луки. Характерно, что на изображении лучники расположены таким образом, чтобы не мешать вести огонь опустившимся на колени «мушкетерам». В левой части фрагмента показана рукопашная схватка пеших копейщиков. Левый («враг») одет в высокий островерхий колпак и короткий (до колен) «халат», перетянутый поясом (рис. *1ж).* Именно по нему ведут стрельбу воины, укрывшиеся за спиной его противника. Последний изображен без головного убора и, кажется, обрит наголо. На нем длиннополый «халат», перетянутый поясом с меховым (?) воротником (рис. 1з). Оба воина вооружены копьями с широкими ромбовидными наконечниками и бунчуками. Данный фрагмент является исключительно точной иллюстрацией тактики, использовавшейся джунгарами и их союзниками во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Ее особенности мы подробно рассмотрели в специальных работах (Бобров, 2001, с. 11-19; Бобров, 2002 а, с. 93-98; Бобров, Худяков, 2005, с. 228-232; Худяков, Бобров, 2004, с. 112-128). Ее главным отличительным признаком является построение, составленное из спешенных воинов, вооруженных огнестрельным оружием. Для защиты стрелков джунгарские полководцы использовали копейщиков, которые также нередко спешивались в ходе сражения. На петроглифах с р. Чаган показаны все основные элементы данной тактики: смешанный строй спешенных лучников и стрелков из огнестрельного оружия, занимающих оборонительные позиции, а также спешенные копейщики. Более того, на данном изображении присутствует такой интересный элемент, как схватка двух спешенных копейщиков-пикинеров, что указывает на то, что и противник «стрелков» использует похожую тактическую схему ведения боя.

Фрагмент 3 (рис. 220,*3)* «Конный лучник». Данный фрагмент представляет изображение одинокого всадника, одетого в «халат» и шапку с меховой опушкой. Головной убор всадника во многом аналогичен головному убору «коварного стрелка» из фрагмента 1. Однако здесь его сходство с «дзоо малгай» еще более очевидно: высокая конусовидная тулья увенчана узелком «жинс» и вертикально простегана. Судя по изображению, шапка кроме «жинс» также снабжена кистью из конского волоса или узко нарезанных шелковых ленточек. В отличие от бритых воинов с фрагмента 2, всадник носит длинную (спускающуюся на спину) косу, напоминающую косы маньчжуров и китайцев периода Цинской империи. Всадник вооружен луком, колчаном со стрелами и, возможно, каким-то клинковым оружием. Такой комплекс вооружения (без традиционных для джунгар копий и. реже, ружей) характерен для легковооруженных подразделений Цинской империи (в первую очередь маньчжуров и монголов).

Фрагмент 4 (рис. 220, *4)* «Противоборство конных копейщиков и пешего "мушкетера"». На изображении два следующих друг за другом всадника, вооруженных копьями, атакуют пешего воина, вооруженного ружьем с сошками. Оба конных воина одеты в короткие (до середины бедра или до колена) подпоясанные «халаты» и высокие колпаки (колпак левого всадника снабжен назатыльником, правого — горизонтально простеган и имеет меховую опушку). Главным оружием обоих кавалеристов являются длинные копья. У воина справа копье снабжено листовидным наконечником и бунчуком. Голова пешего стрелка обрита наголо. Он одет в длиннополый «халат», стянутый поясом. Внешне он напоминает пешего копейщика из фрагмента 2. Стрелок вооружен ружьем с сошками. Характерно, что он готовится к стрельбе, не опустившись на колени, а стоя, уперев приклад в плечо.

Датировка памятника может быть уточнена благодаря анализу предметов вооружения и одежды изображенных персонажей. Нижней границей батальной сцены следует считать середину XVII в., так как до этого времени ружья не были широко распространены не только среди жителей Алтая, но и среди самих джунгар. Кроме того, «джунгарская» тактика ведения боя (показанная на изображении) в этот период еще только усваивалась джунгарскими полководцами, которые смогли познакомиться с ней в ходе столкновений со своими среднеазиатскими противниками. Верхней датой создания памятника следует считать конец XVIII — начало XIX в. Именно в этот период ружья у жителей Горного Алтая вытеснили из обихода популярные ранее саадаки. Этот факт посчитал необходимым подчеркнуть путешествовавший по Горному Алтаю В. В. Радлов: «Сегодня алтайцы употребляют на охоте только огнестрельное оружие, стрела и лук исчезли уже с начала (XIX) столетия» (Радлов, 1989, с. 156) Скорее всего изображение было создано в конце XVII — первой половине XVIII в., во время пика джунгарской экспансии. В этот период жители Алтая принимали участие в военных предприятиях джунгар, что зафиксировано материалами письменных источников (Моисеев, 1990, с. 71-73). Что касается этнической принадлежности изображенных на петроглифах воинов, то можно согласиться с Д. В. Черемисиным, что на р. Чаган представлены воины различных этнических

групп, различающихся между собой не только головными уборами, но и покроем одежды и вооружением.

По головным уборам можно выделить три основные группы персонажей: воины в низких конусовидных шапках с меховой опушкой и «бритые» воины (все одеты в длинные, до середины голени «халаты» и вооружены ружьями, саадаками и копьями), воины в шапках типа «дзоо малгай» (вооружены ружьями, луками и клинковым оружием), воины в высоких колпаках (вооружены копьями). На наш взгляд, соотечественниками (а возможно, соратниками) автора изображения являются персонажи первой группы. Во фрагменте 1 они подвергаются предательскому нападению сзади. На фрагменте 2 они поражают «врага» в островерхом колпаке пулями, стрелами и копьями. На фрагменте 3 отражают конную атаку его соотечественников. Можно предположить, что это эпизоды военных столкновений местных жителей с джунгарскими воинами, но, на наш взгляд, предпочтительнее выглядит версия, что воины первой группы — это алтайцы и джунгары, а их противники — восточные монголы или маньчжуры (стрелок из фрагмента 1), а в другом эпизоде — казахи (пехотинец во фрагменте 2 и всадники в эпизоде 4). На восточноазиатское происхождение стрелка из фрагмента 1 и всадника из фрагмента 3 указывают характерный головной убор, напоминающий одновременно и ранний вариант халхаского «наадамын малгай», и баитской «дзоо малгай», а также маньчжурская «зимняя» шапка с вертикальным меховым околышем. Высокие конусообразные колпаки не характерны для кочевников монгольской степи XVII-XIX вв., зато они часто встречаются на изображениях казахских воинов этого же периода, выполненных европейскими художниками А. О. Орловским, Р. Сергеевым и др. (Кушкумбаев, 2001). В пользу данной версии говорят и комплексы вооружения всех трех групп воинов. В конце XVII — первой половине XVIII в. джунгары вели активные боевые действия против халхасцев и маньчжуров на востоке и против казахов и киргизов на западе. Причем одни и те же подразделения могли попеременно использоваться как на «западном», так и на «восточном» фронте. Например, в 30-х гг. XVIII в. ожесточенные сражения с цинскими армиями проходили в Монгольском Алтае, а позднее отразившие нападение манчжуро-цинских войск джунгарские отряды были направлены против казахов. В военных предприятиях джунгарских правителей принимали участие и отряды, укомплектованные жителями Алтая (Моисеев, 1990, с. 71-73) Таким образом, есть основание полагать, что на петроглифах из бассейна р. Чаган алтайский художник изобразил своих соплеменников и их ойратских сюзеренов, принимавших участие в боевых действиях с главными врагами Джунгарского ханства.

Рис. 221. Изображения кочевников в европейских изобразительных источниках периода развитого, позднего Средневековья и Нового времени:

/ — изображение калмыцкого воина на коне. Выполнено неизвестным автором второй половины XVIII в. Опубликовано Г. Прозрителевым в его книге «Военное прошлое наших калмыков», вышедшей в Ставрополе в 1912 г. Калмык одет в длиннополый подпоясанный «халат», низкую коническую шпаку с меховой опушкой и мягкие сапоги. Вооружение всадника состоит из саадака и длинной пики. Следует отметить, что внешний вид калмыка на этой картине очень близок к изображениям джунгар на цинских картинах середины XVIII в.; 2 — «Татарин в своем туземном вооружении». С европейской гравюры XVII в.; *3* — образ калмыка с европейской гравюры XVII в., изображающей представителей различных народов Сибири, из книги Н. К. Витсена (1692 г.).

Рис. 222. Построение восточноазиатских войск, предполагающее взаимодействие пеших воинов, вооруженных ручным огнестрельным оружием, копейщиков и щитоносцев. Прорисовка из «Маньчжоу-шилу»

Рис. 223. Изображение среднеазиатского ружейного стрелка, заряжающего фитильный мушкет. Прорисовка из китайского трактата эпохи династии Мин (1368-1644)

Рис. 224. Изображения среднеазиатских ружейных стрелков XVI-XVII вв., взаимодействующих с пешими копейщиками *(1-2),* ведущих огонь из окопов *(5)* и с коня *(6, 7):*

1, 3, 5-10 — «Хамса» Навои, Бухара, 1648 г., Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина; 2 — прорисовка изображения спешенных «туркменских» ружейных стрелков и копейщиков с могольской миниатюры «Переход на сторону Бабура туркмена Пери-бека...». «Бабур-наме», XVII в.; *4* — изображение мусульманских (восточнотуркестанских?) ружейных стрелков на гравюре китайского художника школы Гуйчжоу. Эпоха династии Мин (1368-1644).

Рис. 225. Прорисовка построения «войска Искандера, построенного для битвы с Дарием». Миниатюра из «Хамсы» Навои, школа Хорасана, 70-е гг. XVI в. Прообраз построения джунгарской армии конца XVII в.

На хорасанской миниатюре 70-х гг. XVI в. к «Хамсе» Навои мы видим изготовившуюся к битве армию «Искандара» (Александра Македонского), а фактически — строй иранской армии середины XVI в. Это один из прообразов построений джунгарских войск второй половины XVII в. Впереди показан развернутый строй спешенных стрелков (большинство —

легковооруженные воины, только командиры снабжены панцирями и шлемами). Вторую линию построения составляет средневооруженная и тяжеловооруженная копейная конница, за которой располагаются полковые оркестры (воины с барабанами и корнаями).

Рис. 226. Русские служилые люди в Восточной Сибири XVII в.

Анализ иконографических, археологических и письменных материалов показывает, что русские служилые люди, воевавшие на территории Южной и Восточной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, очень быстро осознали практичность и эффективность одежды, а также отдельных предметов вооружения и снаряжения, использовавшихся местными племенами. В результате уже в середине XVII в. русские казаки и «дети боярские» щеголяли в татарских, кыргызских и якутских шапках, тулупах, шубах, халатах и сапогах и активно скупали и отбирали у местного населения панцири, шлемы, наручи, пальмы, рогатины, копья и саадаки, которые затем широко использовали в ходе карательных экспедиций и походов. Внешний вид сибирских служилых людей при этом разительно отличался от образа казака-землепроходца, укрепившегося в российском общественном сознании со второй половины XIX в. благодаря художникам и писателям этого времени.

Русский служилый человек из гарнизона Якутского острога (XVIIв.). На голове воина низкий полусферический шлем русского производства с козырьком (Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря), наносником и разорванным подбородочным ремнем. Наголовье одето поверх якутской шапки-капора «ынтака бэргэхэ», которую воин использует в качестве подшлемника. Шуба с осевым разрезом и полами до колен украшена накладным скобковидным орнаментом. Изъятый у подгородных якутов пластинчато-нашивной «куях» скроен в виде кафтана с косым запахом с застежками и гиревидными пуговицами. Доспех усилен прорезным якутских зерцалом. Под меховые дорожные рукавицы из волчьей шкуры («утулук») поддеты тонкие рукавицы мехом вовнутрь. На ногах землепроходца войлочные штаны и теплые сапоги («торбаза») на мягкой подошве, скроенные из ровдуги, прошитой шелковыми нитками. Шуба и панцирь перехвачены двумя поясами — русского и якутского производства. Последний выкроен из черной кожи и украшен резными серебряными накладками. К поясу подвешен нож с деревянной рукоятью (Красноярский краеведческий музей). Через плечо перекинуты стрелецкая «берендейка» с «зарядцами» (Государственный исторический музей) и пороховница. В дистанционном бою служилые люди предпочитали огнестрельное оружие русского производства (на реконструкции — пищаль из Оружейной палаты Московского Кремля). Однако не пренебрегали и купленными (или конфискованными) у аборигенного населения саадаками. Так, к поясу изображенного на иллюстрации служилого человека подвешен обклеенный мехом и украшенный бусинами эвенкийский колчан. Большой сложносоставной лук в нарядном налучье воин носит вместе с остальной поклажей (большой сумой и пальмой якутского производства в чехле) за спиной.

Казак из Восточной Сибири (вторая половина XVII в.). Нехватка профессиональных воинов в Сибири ощущалась местными воеводами исключительно остро. Поэтому отряды русских служилых людей постоянно перебрасывались из одного острога в другой, туда, где в данный момент требовалась помощь. Судя по внешнему виду казака, изображенного на реконструкции, перед переброской в Восточную Сибирь он принимал участие в военных кампаниях против халхасцев, дауров и маньчжур на Дальнем Востоке, в Забайкалье. На голове казака якутская меховая шапка с наушниками («чомпой»). Корпус воина предохраняют стеганный на вате монгольский панцирь-«кафтан» «олбок» и пластинчато-нашивной даурский куячный «жилет» с осевым разрезом и зерцалом. Воин носит легкую якутскую шубу мехом вовнутрь и комбинированные рукавицы «утулук» из меха лисы и волка. Правая рука прикрыта створчатым наручем «голчак» (Оружейная палата Московского Кремля, ОР 41.30). К поясу подвешены «братский» (бурятский) колчан и лук в налуче. За спину заброшены якутская пальма и пищаль в меховом чехле. Сбруя реквизированного у местного населения коня украшена бронзовыми и серебряными накладками «братской работы».

Казачий атаман (XVIIв.). На голове казака богато украшенный вышивкой капор «бобуонньук бэргэхэ», завязанный под подбородком. Поверх плотного «халата» с меховой опушкой одета ламеллярная «кираса» «братского» производства. На плечи наброшена длиннополая якутская шуба с короткими рукавами. Атаман использует рукавицы «утулук». Одна из них заткнута за широкий кожаный пояс, покрытый медными квадратными пластинами (Красноярский краеведческий музей). На ногах землепроходца — украшенные аппликацией «торбаза» из оленьей ровдуги («сарыы этэрбэс»). Вооружение воина состоит из кистеня с витым ремнем и шипастым «ядром» (Государственный исторический музей), пищали в меховом чехле, «берендейки» с «зарядцами» и пороховницей, палаша западносибирского производства и

копья на длинном древке (Красноярский краеведческий музей). Последнее вызывает особый интерес. Судя по сообщениям русских служилых людей, древковое оружие (наряду с огнестрельным) было одним из самых популярных видов вооружения среди русских землепроходцев. Так, отряд, отправлявшийся на строительство Красноярского острога, был почти поголовно снабжен копьями и рогатинами. Якутскими пальмами, копьями, пиками и рогатинами были снабжены и русские казаки, дислоцированные в Южной и Восточной Сибири, Дальнем Востоке. Популярность древкового оружия была вызвана тем, что основным противником русских на этих территориях были народы, широко применявшие атаку в конном строю (якуты, буряты, енисейские кыргызы, монголы, маньчжуры и т. д.), а наиболее эффективной защитой от панцирной вражеской кавалерии в этот период считались построения воинов, вооруженных ружьями и длинными копьями, не позволявшими всадникам вклиниться в строй обороняющихся.

Рис. 227. Сибирские воины второй половины XVI — XVII в.

На протяжении большей части эпохи Средневековья аборигенное население Западной и Южной Сибири находилось в состоянии перманентных военных, торговых и культурных контактов с государствами Средней и Центральной Азии, а с конца XVI в. — и с Московским царством. Неудивительно, что по мере усиления кочевых и оседлых империй, воспринимавших сибирские земли как собственную периферию, правители этих государств стали переходить от набегов к планомерным завоеваниям. В XVI в. крупный бухарский феодал Кучум захватил Сибирское ханство и укрепился на троне, используя дружину, набранную из бухарцев и ногайцев. В конце того же столетия русские отряды Ермака и его последователей выбили узурпатора из западносибирского региона и установили там власть московского царя. К середине XVII в. джунгарское продвижение на север также приобрело целенаправленный характер, и часть племенных групп Алтая и «Кузнецкой земли» были провозглашены данниками ойратского хана. Сибирские воины активно перенимали военные навыки и вооружение своих противников и господ. В Западной Сибири еще до прихода Ермака сложился воинский комплекс, тяготеющий к Средней и Передней Азии, а в Южной Сибири традиционным для местных оружейников было копирование центральноазиатских образцов. По мере завоевания русскими этих территорий вооружение аборигенов стремительно менялось.

Остяцкий пеший лучник конца XVI — XVII в. (реконструкция выполнена по изображениям сибирских воинов с картины «Битва остяцких племен» неизвестного художника XVII — начала XVIII в., Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник). Остяцкие воины, вооруженные луками и копьями, были опасным противником как для степной конницы, так и для русских землепроходцев. Изображенный на реконструкции остяцкий вождь поверх легкой шубы носит неподпоясанный кольчатый «пансырь» с рукавами и коротким подолом. Распространение кольчатых доспехов среди остяков было связано с татарским и русским влиянием. Однако местные мастера достаточно быстро научились изготовлять этот вид защитного вооружения. Изображенный на иллюстрации кольчатый панцирь выкован местными мастерами. На это указывают фестончатые разрезы на подоле и рукавах, а также широкий прямоугольный вырез ворота. Руки воина прикрыты наручами из костяных пластинок, соединенных между собой кожаными ремешками. На голове вождя характерная для остяков шапка-капор, украшенная вышивкой и аппликацией. Основное оружие остяка состоит из большого сложносоставного лука и колчана стрел, заброшенного за спину. Судя по сообщениям путешественников, остяцкие воины предпочитали дистанционный бой, в ходе которого засыпали противника стрелами и только затем могли сойтись с ним в рукопашную.

Знатный кыргызский воин второй половины XVII в. Долгое время енисейские кыргызы считались самым опасным врагом русских землепроходцев в Южной Сибири. До прихода русских кыргызские отряды состояли из конных «куячных» копейщиков и легковооруженных лучников. Однако вскоре после первых столкновений с землепроходцами кыргызы обзавелись огнестрельным оружием. Большая часть пищалей, использовавшихся кыргызами, была захвачена в качестве трофеев, меньшая — выменяна (несмотря на строжайшие запреты) на собольи шкурки и предметы защитного вооружения у нерадивых служилых людей. Кыргызский воин на реконструкции одет в «халат» (полы которого заткнуты за пояс), меховые штаны, сапоги с мягкой подошвой и низкую меховую шапку. Поверх «халата» натянуты трофейная русская кольчуга и пластинчато-нашивной панцирь куячного типа. Голову латника прикрывает низкий четырехпластинчатый сфероконический шлем с узким ободом (Минусинский историко-краеведческий музей) и стеганой трехчастной бармицей (науши находятся в небоевом положении — завязаны надолбом). Значительный интерес представляет оружие воина. Кыргыз вооружен трофейной русской пищалью и снятой с одного из стрельцов «берендейкой» с фитилем, но без «зарядцев». Последние (собранные с «бе-

рендейки» другого воина) кыргыз носит на правом боку в специальной сумке. На случай непредвиденных обстоятельств (дождь, снег и т. д.) к поясу кыргыза подвешены испытанный в боях сложносоставной лук в «братском» налучье и колчан со стрелами. Готовясь к стрельбе, воин опускается на одно колено, укрываясь за большим щитом, сбитым из досок, обтянутых мехом.

Сибирский татарин конца XVI —XVII в. После поражения Кучума большая часть сибирских татар перешла на сторону русского правительства и активно участвовала в походах русских служилых людей «встреч солнца». Вооружение сибирских татар в этот период представляло собой причудливый сплав местных, среднеазиатских, русских и центральноазиатских военных традиций. На голове сибирца — цельнокованый полусферический шлем с комбинированной бармицей. Характерной чертой наголовья является дополнительная пластинчато-нашивная бармица центральноазиатского типа, подвешенная непосредственно к наплешнику. Сочетание традиционного для Западной и Средней Азии наголовья с кольчатой бармицей и пластинчато-нашивной бармицы центральноазиатского образца придает шлему исключительный типологический колорит. Поверх шубы воин носит кольчато-пластинчатый панцирь южносибирского производства (коллекция Кузнецова-Красноярского, МАЭС ТГУ) и стеганый стоячий воротник среднеазиатского типа. Руки латника от кисти до локтя прикрыты среднеазиатскими створчатыми наручами с кольчатым соединением (Оружейная палата Московского Кремля), снабженными кольчужными полурукавицами на тканевой подкладке. Всадник вооружен саблей среднеазиатского типа, ножом и саадаком местного производства. Конское убранство изготовлено сибирскими мастерами по заказу хозяина-мусульманина.

Рис. 228. Цинские панцирники конца XVII — начала XVIII в. (слева направо):

/ — командир отряда конных легковооруженных лучников первой половины XVIII в. После завоевания Китая и длительной (в результате победоносной) пятидесятилетней войны с Джунгарским ханством армия Цинской империи по праву считалась лучшей в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Маньчжурские вооруженные силы стали образцом для подражания для военных теоретиков и полководцев Кореи, Вьетнама, Монголии и Восточного Туркестана. Вместе с тем, несмотря на известную модернизацию цинских вооруженных сил, многие элементы организации армии оставались на уровне позднего Средневековья. В ходе войн с джунгарами вместе с артиллерией и пехотой, снабженной новым огнестрельным оружием, действовали массы легковооруженной маньчжурской и монгольской конницы, вооруженной луками и копьями, а также отряды цинской панцирной кавалерии. При этом внешний вид офицеров и конных цинских панцирников практически не изменился со времен Нурхаци. Так, изображенный на реконструкции маньчжурский офицер носит стальной цилиндроконический шлем с обручем, козырьком и бочкообразным навершием (музей г. Цзюцюан, КНР). Наушники трехчастной пластинчато-нашивной бармицы снабжены специальными сегментами для защиты горла. Во втулку шлема вставлен плюмаж из конского волоса и перьев. Поверх монгольского «халата» одет стеганый войлочный «магуацзы», покрытый сверху белой тканью. Вообще-то командирам подразделений полагались пластинчато- нашивные панцири «цзюньфу», но, судя по китайским картинам XVIII в., это правило часто нарушалось. Войлочный жилет дополнен наплечниками, набедренниками и подмышечниками и усилен металлическими зерцалами и накладками. Руки латника от кисти до локтя прикрыты наручами из мелких пластинок. Наручи снабжены защитой тыльной стороны ладони. Положенное по регламенту оружие (палаш, лук и стрелы) латник самовольно дополнил трезубцем «даба» на длинном древке (Музей Бэйпин Гугун, КНР). Разнообразное древковое оружие стихийно распространялось среди цинских воинов в ходе вооруженных столкновений со степной (монгольской или казахской) конницей, наносившей внезапные удары с тыла и фланга; *2* — знатный цинский латник конца XVII — начала XVIII в. Главная особенность военного искусства противников маньчжуров — западных монголов (джунгар) заключалась в использовании больших масс воинов, вооруженных огнестрельным оружием (в конце XVII в. — ружьями, а со второй половины 20-х гг. XVIII в. — ружьями и пушками). Плотность огня джунгарских стрелков была столь велика, что маньчжурским всадникам приходилось сходить с коней и атаковать врага в пехотных колоннах. Пластинчато-нашивные цинские панцири не спасали от пуль, что в результате и привело к постепенному отмиранию защитного вооружения в среде маньчжурских воинов, однако в XVII — начале XVIII в. число панцирников в императорской армии было еще очень велико. Раненый цинский латник облачен в пластинчато-нашивную куртку «цзюньфу» с бронированными рукавами и обшлагами. «Цзюньфу» по устоявшейся традиции снабжена наплечниками и набедренниками. Белое тканевое покрытие нагрудника и наплечников украшено нашивками и аппликацией. Под панцирь латник поддел стеганый в клетку «халат» с осевым разрезом. При

падении воина с его головы скатился цилиндроконический шлем, с налобной пластиной, козырьком, бочкообразным навершием, с втулкой (Первая библиотека Ся Си Чжан Ань шенвей, КНР), сложносоставным плюмажем и трехчастной кожаной бармицей, благодаря чему стал виден стеганый треух, выполняющий роль подшлемника. Основное оружие маньчжурского феодала: двухлезвийный меч (Музей Бэйпин Гугун, КНР); *3* — цинский полководец первой половины XVIII в. Голову военачальника прикрывает шлем архаичной для XVIII в. сфероконической формы, с козырьком и бочкообразным навершием. По бокам наголовья приклепаны декоративные медные гребни с резным краем. Шлем снабжен трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, усиленной металлическими накладками. Значительный интерес представляет защита корпуса. Это пластинчато-нашивной панцирь покроя «кафтан» со сплошным осевым разрезом, без рукавов, лишенный внешнего тканевого покрытия. На войлочную основу нашиты крупные металлические и мелкие кожаные пластины. Низ живота прикрывает сшитый из кожаных пластинок передник (Музей Бэйпин Гугун). Ноги воина прикрыты войлочными набедренниками «монгольская юбка», с нашитыми поверх органической основы рядами ламеллярных пластин (Музей Бэйпин Гугун). Руки всадника защищены войлочными стеганными наручами с пластинчатой защитой тыльной стороны ладони и пластинчато-нашивными наплечниками. В руке воина — палаш с бронзовым перекрестьем (Музей Бэйпин Гугун). Конское убранство отделано золотыми накладками и драгоценными камнями (Оружейная палата Московского Кремля, Музей Бэйпин Гугун); *4* — маньчжурский спешенный латник конца XVII — начала XVIII в. Конные панцирники, вооруженные клинковым и древковым оружием, составляли основу цинских позднесредневековых вооруженных сил. Воины были обучены навыкам ведения дистанционного и ближнего боя, могли участвовать в схватке как в конном, так и в пешем строю. Хорошо вооруженные и снабженные надежным панцирным комплексом, цинские латники представляли собой серьезную опасность для китайских повстанцев и монгольской конницы. Однако в дистанционном бою маньчжурские латники, лишенные огнестрельного оружия, несколько уступали своим западномонгольским противникам, что и привело к поражению цинских войск в ходе Олгойской битвы (21 июля 1690 г.). Изображенный на реконструкции воин одет в классический для конца XVII — XVIII в. пластинчато-нашивной доспех, состоящий из куртки «цзюньфу» с осевым разрезом, наплечников, подмышечников, панцирного передника и набедренников «монгольская юбка» (Музей Бэйпин Гугун). К нагруднику подвешено медное зерцало. На голове панцирника — цилиндроконический двухпластинчатый шлем с бочкообразным навершием, налобником, многоугольным козырьком и трехчастной пластинчато-нашивной бармицей с сегментами для прикрытия горла. Оружие воина — палаш с бронзовой гардой (Оружейная палата Московского Кремля), лук, колчан со стрелами и алебарда «дадао» (Музей Бэйпин Гугун).

Цветные иллюстрации

Рис. 1. Реконструкция монгольского цельнокованого конического шлема второй половины XVII — XVIII в. с пластинчато-нашивной бармицей и плюмажем из конского волоса. Шлем хранится в фондах Государственного Эрмитажа (инв. № 2748).

Высота шлема — 28 см (в том числе втулка — 6 см), диаметр — 19 см. Цельнокованый купол шлема имеет необычную вытянутую форму. Спереди к нижнему краю тульи приклепана широкая налобная пластина, украшенная изображениями противостоящих драконов в зарослях. Изображения драконов покрывают и всю поверхность псевдообруча. «Коробчатый» козырек шлема сплошь покрыт замысловатым узором. Вороненый купол шлема разделен декоративными изображениями накладок (псевдонакладками) на четыре сектора, в каждый из которых вписаны изображения танцующих золотых драконов в «облаках и пламени», тела которых прорастают «побегами и цветами». Венчает наголовье полусферическое богато орнаментированное навершие с фестончатым краем с покрытой орнаментом и расширяющейся кверху втулкой для плюмажа. По нижней кромке шлема пробиты отверстия, в которые вставлены крупные полусферические заклепки, служившие для подвешивания многочастной (на реконструкции — трехчастной) пластинчато-нашивной бармицы.

Рис. 2. Джунгарский воин (слева) и пленный среднеазиатский феодал первой трети XVIII в. Изображенный на реконструкции ойратский воин является ветераном многих военных кампаний. В ходе боевых действий на восточных и западных границах Джунгарии он сумел обзавестись многочисленными трофеями. Голову воина прикрывает низкий сфероконический шлем с широким скошенным вниз козырьком, обручем и полусферическим навершием с трубкой-втулкой для плюмажа. Тулья шлема цельнокованая, но в подражание более ранним наголовьям снабжена имитацией пластины-накладки с вырезным краем — псев-

донакладкой (шлем обнаружен в высокогорной местности Ак-Кель на территории Республики Кыргызстан). Шею воина прикрывает кольчатая бармица «открытого» типа. Плюмаж представляет собой деревянную трубку, к которой прикреплен флажок и вставлены птичьи перья. Воин одет в монгольский «халат», под которым может скрываться трофейная кольчуга. На ногах — сапоги из мягкой кожи. Ойрат вооружен захваченным в бою цинским палашом и ножом восточномонгольского производства. Вместо широко распространенного среди джунгар этого периода ружья с фитильным замком воин использует старый добрый сложносоставной лук и стрелы. На запястье ойрата — нагайка с костяной рукоятью. Налуч, колчан, ножны и скроенная в виде огнива кожаная сумочка подвешены к поясному ремню, поверх которого намотан красный кушак.

Среднеазиатский феодал одет в короткий синий «халат», кольчато-пластинчатый бехтерец и усиленный наплечниками верхний распашной «кафтан» с короткими рукавами и подолом. Ноги знатного вельможи прикрыты кольчато-пластинчатыми набедренниками «дызлык-бутлук», руки — стальными створчатыми наручами. На ногах бухарца сапоги из тонко выделанной кожи.

Рис. 3. Предметные научно-исторические реконструкции комплексов вооружения воинов Центральной и Восточной Азии периода развитого и позднего Средневековья. Реконструкции выполнены по материалам археологических находок с территории Монголии, Северного Китая, Южной Сибири и Приморья, материалам оружейных коллекций, иконографическим источникам эпохи династий Юань, Мин, Цин (автор реконструкций Л. А. Бобров, мастер Ю. А. Филиппович).

1. Комплекс вооружения знатного хотогойского (северомонгольского воина) конца XVI — начала XVII вв.

Панцирный комплекс защитного вооружения совмещает в себе оформительские традиции, характерные для Южной Сибири, Ойратии и Северной Халхи. Поверх мягкого подшлемника воин носит вороненый 8-пластинчатый клепаный шлем («дуулга») с цилиндрической пластиной навершия, надвершиями и высокой трубкой-втулкой для плюмажа. К налобной части наголовья подвешена железная личина («тумага»). Трехчастная бармица изготовлена из железных вороненых пластин. Комбинированный плюмаж состоит из кисти конского волоса и султана из птичьих перьев. Корпусное защитное вооружение представлено ламеллярным панцирем покроя «катафракта».

Воин вооружен длинным копьем с граненым наконечником. Желтый флаг украшен красным диском и черной фестончатой каймой.

2. Комплекс вооружения монгольского ехе-нойона XVI в.

На голове панцирника — клепаный сфероконический шлем с маской-личиной и трехчастной ламеллярной бармицей. В качестве плюмажа используется султан из конского волоса. Панцирь представляет собой ламеллярный «халат» с косым запахом и меховой оторочкой. На ногах — бронированные панцирные «гутулы». Всадник вооружен слабоизогнутой саблей с дисковидной гардой и навершием.

3. Комплекс вооружения монгольского латника эпохи империи Юань (конец XIII — первая половина XIV вв.).

Данный панцирный набор восходит к комплексу вооружения цзиньских чжурчжэней конца XII — начала XIII вв. В конструкции и оформлении панцирных элементов прослеживается сильное восточноазиатское влияние.

Воин одет в синий шелковый «халат», украшенный изображениями драконов в «цветочных зарослях». «Халат» имеет косой запах, длинные рукава и подол. На ногах — мягкие кожаные сапоги.

Панцирный комплекс состоит из шлема с бармицей, ламеллярного панциря с наплечниками и набедренниками, панцирного воротника, наручей и деревянного щита.

Тулья сфероконического шлема склепана из 4 пластин-сегментов, стыки которых прикрыты специальными накладками с вырезным краем и ребрами жесткости. Венчает шлем пластина навершия с трубкой-втулкой для плюмажа. Характерным восточноазиатским элементом оформления шлема являются ламеллярные поля. К нижней кромке наголовья подвешена одночастная бармица «открытого» типа. Края бармицы и полей снабжены кожаной окантовкой, которая предохраняет воина от порезов об острые края пластин. В качестве плюмажа используется султан из крашеного конского волоса.

Ламеллярный панцирь скроен в виде кирасы с боковым разрезом и удлиненным нижним краем. Панцири такого покроя широко применялись киданями, чжурчжэнями и монголами XИ-XШ вв. В Центральной Азии панцири-«кирасы» использовались монгольскими и тибетскими воинами вплоть до конца периода позднего Средневековья. Руки латника от плеча до локтя прикрывают ламеллярные наплечники, а ноги — длинные лопастевидные набедренники. Все элементы корпусного защитного вооружения снабжены кожаной окантовкой и оторочены мехом барса. Интересным панцирным элементом является цельный ламеллярный воротник. Он применялся в Цзиньском Китае. Но уже в эпоху Юань почти повсеместно вышел из употребления. Защита рук (от кисти до

ЛОКТЯ) представлена кожаными наручами с железными усилителями и сегментом для прикрытия тыльной стороны ладони. Деревянный щит практически не использовался чжурчжэньскими и китайскими всадниками, зато имел известное распространение среди монголов. Численно преобладали плетеные щиты, но встречались и их аналоги, изготовленные из деревянных планок (на реконструкции).

Оружие воина — длинное кавалерийское копье с граненым наконечником и палаш. Юаньские панцирники также широко применяли саадаки, булавы и сабли.

4. Реконструкция комплекса защитного вооружения джунгарского тайши XVII в.

Панцирный комплекс состоит из железного шлема с бармицей и ламеллярного панциря покроя «халат».

Тулья шлема склепана из 8 S-образных железных пластин, придающих шлему характерную сфероцилиндрическую (вазо- или кувшинообразную форму). Шлем стянут дисковидной пластиной навершия с фестончатым бортиком и широким обручем. Пластина навершия снабжена 4 надвершиями и высокой фигурной трубкой-втулкой для плюмажа. К лицевой части шлема приклепан массивный «коробчатый» козырек. Ламеллярная бармица разрезана на три части (пара наушников и назатыльник). Комбинированный плюмаж состоит из кисти конского волоса и птичьих перьев.

Корпусное защитное вооружение представлено ламеллярный «халатом» со сплошным осевым разрезом и широкими ламеллярными наплечниками.

Рис. 4. Воины Джунгарского ханства XVII — начала XVIII в. (слева направо): джунгарский стрелок конца XVII — начала XVIII в., знатный джунгарский латник XVII в.

Джунгарский стрелок конца XVII — начала XVIII в. На голове простая стеганая шапка с наушами и назатыльником («калбак берт»), украшенная лентами. Левая пола «халата» («тон») подвернута за пояс так, чтобы не мешать стрельбе с колена. Под «халатом» виднеются кольчатый панцирь (Исторический музей г. Чжанье, КНР) и кожаная поддоспешная рубаха «чаргах». Стрелок положил на плечо ружье бухарского производства с сошками и прикладом характерной S-образной формы (Оружейная палата Московского Кремля). К кожаному поясу, скрытому кушаком, подвешены сабля в ножнах, нож и пороховница. На специальной перевязи через плечо подвешены сумки с патронами и инвентарем. На ногах воина кожаные северомонгольские сапоги «кадыг-идиги».

Знатный джунгарский латник XVII в. На голове сфероцилиндрический шлем с козырьком,тканевыми наушами (усиленными железными пластинками) и назатыльником. Сложный плюмаж шлема состоит из флажка «яловца» и султана из конского волоса. Поверх кольчуги с рукавами до локтя, подолом и стоячим воротником одет пластинчато- нашивной панцирь куячного типа с боковым разрезом и коротким подолом (пластины от панциря были обнаружены на р. Чердат в Причулымье, хранятся в ГИМ). Руки от локтя до кисти прикрыты створчатыми наручами с кольчатым соединением. Бедра и верхняя часть голени воина защищены кольчато-пластинчатой броней среднеазиатского производства в комбинации с полусферическим наколенником («дызлык-бутлук»). Прутяной щит «халха» заброшен за левое плечо. К поясу подвешены лук в налуче, колчан со стрелами и палаш.

Конская упряжь — монгольского типа, но соединительные ремни (в подражание экипировке коней маньчжурской знати) выкрашены в красный цвет.

Рис. 5. Воины Джунгарского ханства конца XVII — начала XVIII в. (слева направо): знатный джунгарский воин во время тибетской кампании 1717-1720 гг. (/), кашгарский вельможа из свиты джунгарского хана (2), князец енисейских кыргызов (<3), джунгарский «хошучи» с пищалью российского производства *(4)*:

Знатный джунгарский воин во время тибетской кампании 1717-1720 гг. Комплекс вооружения джунгарских феодалов конца XVII — начала XVIII в. формировался под сильным влиянием среднеазиатских военных традиций, хотя в обиходе продолжали сохраняться и элементы традиционной центральноазиатской паноплии. На голове всадника высокий сфероцилиндрический (кувшинообразный) шлем с «коробчатым» козырьком и трехчастной пластинчато-нашивной бармицей. Такие наголовья были широко распространены среди ойратской знати с конца XVI в. Корпусное защитное вооружение состоит из кольчато-пластинчатого бехтерца среднеазиатского производства и стеганного на вате монгольского панциря «олбок» с осевым разрезом. Руки всадника прикрывают наручи с кольчатым соединением, ноги — среднеазиатские кольчато-пластинчатые набедренники «дызлык-бутлук». Оружие воина отличается известным консерватизмом. Вместо фитильного ружья всадник использует традиционный центральноазиатский сложносоставной лук. На латнике два кожаных пояса. К одному из них подвешены налуч и колчан, к другому — палаш. Поверх кожаных поясов накручен цветной кушак, за который заткнут нож монгольского производства. Защита коня представлена конским доспехом «тибетского» типа, состоящим из панцирной попоны и маски. Панцирная попона включает 8 основных элементов: двухчаст-

ный кожаный нашейник, двухчастный ламеллярный нагрудник, пару боковин, накрупник и назадник. Ламеллярные элементы попоны составлены из металлических пластинок, соединенных между собой кожаными ремешками. К нижнему ряду пластин подшит сегмент из нескольких полос ткани и мягкой кожи. Он предохраняет ноги и корпус лошади от пореза об острые края пластин. Органическая оторочка снабжена декоративным украшением из крашеного конского волоса и желтых тканевых лент. Голова коня покрыта кожаной маской, усиленной мелкими металлическими накладками с умбончиками и железным налобником с ребром жесткости, к боковым сторонам маски прикреплены кожаные нащечники. Подобные конские доспехи применяли в Тибете на протяжении XVIII-XIX вв.

Кашгарский вельможа из свиты джунгарского хана. На протяжении всего XVII в. потерпевшие поражение в междоусобных войнах кашгарские аристократы бежали в западномонгольские степи, где поступали на службу к джунгарским ханам. Многие из них делали стремительную карьеру, становясь командирами отдельных отрядов и корпусов джунгарской армии. В конце XVII в. мусульманские города Восточного Туркестана вошли в состав Джунгарского ханства, а дружины местной знати, городские и племенные ополчения влились в состав ойратской армии. Изображенный на реконструкции кашгарский всадник принадлежит к восточнотуркестанской аристократии. Используемый им комплекс вооружения характерен для тяжеловооруженных латников мусульманских государств региона. На голове феодала стеганая шапочка-подшлемник с поднятыми наушниками и чалмой. Поверх подшлемника надевался железный цельнокованый или клепаный шлем сфероконической или полусферической формы, снабженный наносником, козырьком, наушами, назатыльником или кольчатой бармицей. Корпусное защитное вооружение состоит из кольчуги, поверх которой надет «халат» с осевым разрезом, с коротким подолом и рукавами. К «халату» пришит толстый простеганный на вате стоячий воротник. Плечи воина защищены выпуклыми полусферическими наплечниками, выполненными из железа. Важным элементом защитного вооружения является зерцальный доспех, состоящий из четырех «досок» подпрямоугольной формы («чар айна»). На корпусе доспех фиксируется с помощью плечевых и нашейных лямок. Руки всадника прикрыты створчатыми наручами с кольчатым соединением и кольчужным сегментом на подкладке, прикрывающим тыльную сторону ладони. Ноги воина защищают кольчато-пластинчатые «дызлык-бутлук» с длинными наголенниками. Оружие латника: кавалерийская пика, сабля и саадак. В XVII в. конский доспех в Средней Азии постепенно выходит из широкого употребления, хотя и продолжает применяться отдельными латниками для защиты своих боевых скакунов. Представленный на реконструкции конский доспех состоит из стеганной на вате попоны и железной маски. «Мягкая» панцирная попона состоит из нашейника, нагрудника, пары боковин и накрупника. Маска изготовлена из трех элементов: налобника и пары нащечников, украшенных золотой насечкой.

Князец енисейских кыргызов. Жители Южной Сибири принимали активное участие в военных предприятиях джунгарских феодалов. В конце XVII в. главным противником енисейских кыргызов (вассалов Джунгарского ханства) были русские служилые люди. Отряды кыргызских князцов были не особенно многочисленны, но хорошо вооружены и имели богатый боевой опыт. Изображенный на реконструкции кыргызский панцирник одет в трофейную кольчугу русского производства и пластинчато-нашивной панцирь, подбитый металлическими пластинами с крестообразно расположенными полусферическими заклепками. К скроенному в виде кирасы с боковым разрезом «куяку» прикреплены комбинированные наплечники, состоящие из стеганных на вате прямоугольных сегментов, усиленных выпуклыми полусферическими дисками из металла. На голове князца высокий клепаный шлем сфероконической формы с козырьком. Стыки пластин прикрыты узкими накладками с вырезным краем и ребром жесткости. К шлему подвешена кольчатая бармица «открытого» типа. В качестве плюмажа используются султан из конского волоса и птичьи перья. За спину всадника заброшен круглый щит. Оружие панцирника: длинное копье с родовым значком и саадак. Грудь коня прикрывает кольчатый нагрудник на матерчатой подкладке.

Джунгарский «хошучи». В конце XVII в. благодаря контрабандным поставкам из Российского государства и официальным закупкам в городах Средней Азии джунгарским правителям удалось создать значительные запасы огнестрельного оружия. Фитильными ружьями русского и «бухарского» производства были вооружены тысячи воинов в армиях Галдана Бошокту-хана и Цеван-Рабдана. Стрелки передвигались на конях, а перед боем спешивались, занимали укрепленные позиции или атаковали противника в пеших порядках под прикрытием копейной конницы. Изображенный на реконструкции джунгарский стрелок — командир небольшого подразделения — вооружен пищалью, вывезенной с территории России, саблей, кистенем и ножом, заткнутым

за матерчатый кушак. Из защитного вооружения стрелок использует кольчато-пластинчатую миссюрку «среднеазиатского» типа.

Рис. 6. Воины Южной Монголии и Халхи конца XVII-начала XVIII вв.

/. Южномонгольский латник из войск щяньфэн» («авангардные части») цинской императорской армии.

«Авангардные части» Цинской империи (кит. цяньфэн, маньчж. габшисянь, монг. гавшгай) представляли собой отборные кавалерийские подразделения, обычно действовавшие впереди основных сил императорской армии. В их задачи входили совершение неожиданных нападений на поселения противника, ведение дальней разведки, разведка боем, разгром отдельных вражеских отрядов, преследование противника и т. д. «Авангардные части» составляли наиболее выносливые и сильные солдаты маньчжурских и монгольских «знамен». На вооружении воинов «авангардных частей» находились саадаки, ручное огнестрельное оружие, длиннодревковое и длинноклинковое оружие. Бой с противником воины «цяньфэн», как правило, вели в конном строю, используя оружие дистанционного и ближнего боя. Благодаря наличию защитного вооружения конники «авангардных частей» нередко старались навязать противнику рукопашную схватку, в которой они активно использовали клинковое оружие. Как и другие цинские подразделения, воины «цяньфэн» в ходе сражения могли спешиваться и вести бой в пехотных порядках. Однако делали они это значительно реже остальных подразделений «восьмизнаменной армии». Отличительной чертой «цяньфэн» была мобильность, поэтому обычно к ним не придавались артиллерийские подразделения и обозы, которые могли замедлить их передвижение. В этом были и сила и слабость «авангардных частей». С одной стороны, они могли совершать стремительные переходы и неожиданно атаковать противника, а в случае необходимости быстро уходить из-под удара. Однако, с другой стороны, им было не просто опрокинуть оборонительные порядки противника, активно использующего огнестрельное оружие. Примером тому может служить сражение на р. Урхуй (Олгой) (1690 г.), в ходе которого цинская кавалерия, прибывшая к месту сражения «легким делом» (без артиллерии), не смогла сбить с позиций спешенных джунгарских стрелков и была вынуждена отступить под фланговыми ударами конницы Галдана Бошокту-хана. В ходе других полевых сражений «авангардные части» показали себя блестяще и заслужили многочисленные лестные характеристики со стороны представителей цинского командования.

Воин на реконструкции одет в «халат» из грубой материи, штаны и мягкие сапоги. Панцирный комплекс состоит из шлема с бармицей, пластинчато-нашивного «жилета», набедренников и кольчужной рубашки. Шлем изготовлен маньчжурскими мастерами. Он имеет традиционную для цинских войск цилиндроконическую форму. Тулья склепана из двух половин, стыки которых прикрыты выпуклыми накладками. К лицевой части шлема приклепан налобник в комбинации с пятиугольным козырьком. Венчает шлем цилиндрическая пластина навершия с трубкой-втулкой для плюмажа. Трехчастная пластинчато-нашивная бармица покрыта материей синего цвета. Во втулку вставлен комбинированный плюмаж из шпиля со шпилевым навершием и султаном из красного конского волоса. Пластинчато-нашивной панцирь соответствует утвержденному имперскому регламенту. Он состоит из пластинчато-нашивного «жилета» («магуацзы») со сплошным осевым и дополнительными боковыми разрезами и набедренника («монгольская юбка»). Панцирные элементы покрыты тканью регламентированного синего цвета. В то же время положенные по регламенту наплечники, подмышечники и панцирный сегмент, прикрывающий левый боковой разрез, отсутствуют. Вместо них воин носит трофейную кольчужную рубашку с рукавами и коротким подолом. Еще одним нарушением регламента является дисковидное зерцало. Это не только дополнительная защита корпуса, но и оберег.

Латник вооружен саблей и длиннодревковым «трезубцем», изготовленным китайским мастером. На правом боку — кинжал южномонгольского производства.

2. Знатный монгольский воин из Тушету-ханновского аймака.

Важным союзником Цинской империи в Центральной Азии в конце XVII — XVIII в. были феодалы Восточной и Северной Монголии (Халхи). Основу вооруженных сил Халхи составляло народное ополчение. Ядром армии были дружины крупных монгольских феодалов. Халхаские нойоны и их окружение широко использовали металлическое защитное вооружение, саадаки, длиннодревковое и длинноклинковое оружие.

Изображенный на реконструкции монгольский воин носит «халат» из плотной материи, шаровары и мягкие сапоги. Панцирный комплекс состоит из клепаного 4-пластинчатого сфероконического шлема (стыки пластин прикрывают накладки с вырезным краем и ребром жесткости) с козырьком и трехчастной ламеллярной бармицей. Сложный комбинированный плюмаж состоит из флажка на шпиле, кисти из конского волоса и перьевого султана. Корпусное

защитное вооружение представляет собой усиленный нагрудным зерцалом ламеллярный «халат» с длинным трехчастным подолом и наплечниками. Вооружение халхасца — саадак бурятского производства, кавалерийское копье с бунчуком и значками из хорьковых шкурок, длинный железный палаш.

3. *Халхаский тайджи из Дзасакту-хановского аймака.*

Дзасакту-хановский аймак находился на западе Халхи и поэтому традиционно первым встречал джунгарские вторжения. Западно-халхаские феодалы принимали активное участие в Джунгаро-цинских войнах. Причем как на стороне ханства, так и на стороне империи.

Знатный латник одет в синий шелковый халат, шаровары и сапоги на мягкой подошве. Поверх шапки с наушниками и назатыльником он носит клепаный шлем урянхайского производства (стыки пластин тульи прикрыты узкими накладками с вырезным краем и ребрами жесткости, обруч собран из отдельных пластин). Во втулку шлема вставлен плюмаж из конского волоса и птичьих перьев. Поверх стеганного на вате панциря с рукавами и подолом («олбок») монгольский феодал носит ламеллярную «кирасу». Оружие: саадак, сабля и копье, снабженное флажком, бунчуком и волосяными кистями. Обратите внимание, что кисти подвешены к специальным кольцам, выполненным в подражание «отрожкам» на русских рогатинах. Конь тайджи покрыт ламинарной панцирной попоной, выполненной из твердой кожи.

4. Халхаский воин категории «дэгэлэй хуягт».

В зависимости от конструкции, состава и типа панцирного комплекса монгольские латники делились на несколько категорий. Воины категории «дэгэлэй хуягт» носили «мягкие» стеганные на вате панцири «дэгэл», представлявшие собой кирасу без рукавов и подола. Изображенный на реконструкции воин носит «мягкий» панцирь поверх традиционного халата с меховой оторочкой. На ногах халхасца — штаны и мягкие сапоги. На голове — меховая шапка с наушниками и назатыльником. Поверх головного убора (который используется в качестве подшлемника) — конический шлем. Дополнительным элементом защиты служит плетеный щит «халха» с полусферическим железным умбоном в центре. Монгольский панцирник вооружен саадаком бурятского производства и саблей с дисковидной гардой и навершием. Деревянные ножны обтянуты кожей.

Рис. 7. Джунгарский Галдан Бошокту-хан (в центре) и русский посланник казак Г. Кибирев (справа) наблюдают за победоносным для ойратов сражением на р. Урхуй (Олхой) в 1690 г. (первое крупное сражение I Джунгаро-цинской войны 1690-1697 гг.).

Галдан Бошокту-хан. Свое детство и юность будущий правитель Джунгарии провел в Тибете при дворе Далай-ламы, где и был пострижен в монахи, но, даже став светским государем, он не изменил привычкам юности. Так, по сведениям современников, он до конца своей жизни не отрастил косу, следуя своему монашескому обету.

Галдан одет в желтый китайский «халат», поверх него — пластинчато-нашивной панцирь (металлические пластины изнутри приклепаны к матерчатой основе, так что взгляду постороннего видны лишь ряды заклепок). По покрою панцирь представляет собой «жилет» с осевым разрезом, но в отличие от своих цинских аналогов перехвачен поясом. К нижней части «жилета» пристегнуты лопасти, прикрывающие ноги всадника.

Руки хана от кисти до локтя прикрывают створчатые наручи бухарского производства. В левой он держит сфероконический «шелом» с козырьком и трехчастной бармицей. Поверхность шлема покрыта воронением и украшена золотой насечкой. Во втулку шлема вставлена трубка, к которой прикреплены флажок и пучок перьев.

На ногах ойратского правителя — сапоги гутулы, украшенные цветной аппликацией. К поясу подвешен колчан со стрелами. Его лицевая сторона украшена бронзовыми дисками, резными металлическими накладками и «ракушками».

Боевой конь Галдана покрыт броней (для конца XVII в. это уже относительная редкость) с кольчато-пластинчатой структурой бронирования. На рисунке изображен классический полный конский доспех, широко использовавшийся мусульманской знатью от Герата до Дели и от Бухары до Кашгарии. Он состоит из нашейника (из двух половин), нагрудника, накрупника (из трех сегментов) и маски с нащечниками. В сплошную броню вплетены металлические диски, усиливающие ее защитные свойства. Не стоит удивляться тому, что ярый ламаист использует элементы вооружения «правоверных» (незадолго до войны с Цинской империей Галдан подчинил Джунгарии Восточный Туркестан, населенный мусульманами. Во время его похода на Восток в его армии насчитывалось не менее 5 тыс. «бухарцев» и кашгарцев). Нижняя кромка конских лат по монголо-тибетской традиции украшена лентами и крашеным конским волосом. Бунчуками и колокольчиками украшена и лошадиная сбруя.

Русский посол казак Кибирев. «Албазинская» война с Цинской империей показала Москве, что тягаться на равных с Цинским Китаем на Дальнем Востоке Русское государство пока не может. Поэто-

му Джунгаро-цинская война пришлась как нельзя кстати: халхаские нойоны, еще недавно угрожавшие русскому пограничью, были разгромлены Галданом, а интересы Цинской династии почти на столетие переключились с севера на запад. Противоборствующие стороны переоценивали военную мощь «Белого царя» и поэтому любыми способами пытались втя-
[1] нуть Россию в войну на своей стороне. Россия уклонилась от прямых военных действий и одновременно вела переговоры с обоими противниками, но в начале войны ее симпатии были явно на стороне западных монголов. Стремясь склонить русских на свою сторону, Галдан и пригласил Кибирева посетить театр военных действий «для освидетельствования».

В Сибири, в отличие от европейской части России, где уже с 70-х гг. в обиход вошли «ляшские и венгерские одежи», даже в конце XVII в. продолжали носить одежду, по покрою близкую ко временам правления Алексея Михайловича.

На голове посла высокий колпак, крытый синим атласом, с меховой опушкой. Кафтан с короткими рукавами, по казачьей моде, наброшен только на одно плечо и стянут на поясе кушаком. Поверх нательной рубахи надета кольчуга с «твердым» воротником и рукавами до середины предплечья (Тобольский музей).

Простые двухстворчатые наручи работы московских мастеров; стрелецкие перчатки.

Тибетский телохранитель Галдана Бошокту-хана. Шлем из четырех металлических подтреугольных пластин со срезанными вершинами. Стыки пластин прикрыты резными накладками с выпуклыми ребрами. Пластины соединены между собой кожаными ремешками. Плоское круглое навершие с узкой железной втулкой. К передней лицевой пластине шлема прикреплен небольшой треугольный козырек, к боковым и затылочной пластинам — три лопасти из красной парчи с белым рисунком и зеленой окантовкой. Плюмаж из конского волоса и небольшого флажка, укрепленного на деревянном пруте, вставленном во втулку шлема, реконструирован по аналогам в китайской и маньчжурской миниатюре XVI-XVII вв. Ламеллярный «халат» из металлических пластин, соединенных кожаными шнурами, снабжен сплошным осевым разрезом, трехчастным подолом и наплечниками. Руки телохранителя («хя») прикрывают кожаные наручи с металлическими накладками. На левом запястье — плеть. В правой руке воин держит копье со значком сюзерена, в левой — плетеный щит («халха»). К поясу подвешены колчан, налуч и палаш. На ногах — бронированные металлическими пластинами гутулы.

Рис. 8. Битва при Ташкенте (1613 г.) между армией бухарского Имаммкули-хана (слева) и войсками западномонгольских (ойратских) и казахских феодалов.

Зимой 1603 г. ойратская армия совершила набег на Хорезм. В последующие годы джунгарские правители начинают активно вмешиваться в дела Средней Азии. Стараясь вернуть утраченное величие, бухарский Имаммкули-хан начинает военные действия против ойратов и казахов. Целью войны был объявлен Ташкент (захваченный казахами еще в 1598 г.). В результате ташкентской битвы 1613 г. войска кочевников были разгромлены, и от границ Туркестана до крайних пределов Ашпары и гор Каратага «они (бухарцы. *— Авт.)* убивали, вязали и ранили неприятелей и тем самым учинили им великое наказание и наставление». Продвижение ойратов в Среднюю Азию было приостановлено на 30 лет.

Рис. 9. Битва на р. Урхуй (Олхой) в 1690 г. между цинско-халхаской армией (слева) и джунгарскими войсками Галдана Бошокту-хана.

Стремясь защитить своих новых подданных — халхасцев, цинская армия под командованием Арани атаковала расположившиеся лагерем вблизи старых границ империи джунгарские войска. Передовой отряд цинской армии, составленный из нескольких сотен халхаских всадников, ранним утром напал на джунгарские караулы и даже атаковал джунгарский военный лагерь. Эта атака была отбита, и джунгарские отряды вышли в поле. Джунгарская армия была построена полумесяцем в две линии. В первой находились спешенные стрелки, вооруженные фитильными ружьями и сложносоставными луками. Их прикрывали спешенные копейщики. Во второй линии и на флангах располагалась многочисленная кавалерия. Цинская армия состояла почти исключительно из конницы и была построена несколькими эшелонами. В первых находились монгольские (халхаские и чахарские) тысячи, во втором — собственно маньчжурские подразделения. Цинская армия раз за разом атаковала оборонявшихся джунгар. Однако монгольские всадники не могли преодолеть «огневой вал», созданный джунгарскими стрелками. Решающая атака цинской конницы была отбита ружейным огнем (на рисунке). Первыми с поля боя побежали халхасцы, которые увлекли за собой южномонгольские тысячи. Видя, что цинская армия смешала ряды, Галдан Бошокту-хан бросил в бой свою кавалерию, которая нанесла мощные фланговые удары по крыльям императорской армии. Цинское командование было вынуждено начать отступление. Победа в первом большом сражении I Джунгаро-цинской войны осталась за джунгарами.

Рис. 10. Битва у Дзун-Мод между джунгарскими (слева) и цинскими войсками (1696 г.) (последнее крупное сражение I Джунгаро-цинской войны 1690—1697 гг.).

Стремясь разгромить Галдана Бошокту-хана, цинский император Канси направил в Халху многотысячную армию, которая двигалась тремя колоннами. Продвигаясь на север, западный отряд столкнулся с джунгарскими войсками.

Авангард цинской армии, встретив наступающие джунгарские отряды, отошел на основные позиции. В ожидании ойратов цины построили армию в боевой порядок (в центре — китайские войска, справа и слева от них — «столичные шо-пинь-фуские и синаньские войска», на флангах — монголы. Датунский отряд был послан в засаду в обход горы, напоминавшей лошадиное седло. Небольшие отряды Цзунь-бину Така (1 000 чел.) и нинь-янский отряд (1 300 чел.) заняли соответствующие позиции за артиллерией на правом и левом флангах). Как только цинская армия построилась на вершине горы, стало ясно, что ойраты также начали общую атаку, «но, увидав, что войско (цинов. — *Авт.)* уже заняло вершину горы, они остановились у восточного склона ее и под его прикрытием открыли пальбу из ружей вверх» (из сообщения цинского командования).

Когда «солнце приблизилось к полудню», Галдан Бошокту-хан бросил все силы на прорыв центра маньчжурской армии. Тогда цинским войскам «был отдан приказ спешиться, каждый солдат взял по пять лошадей, а остальные пешими устремились в бой (на рисунке). Был открыт огонь из орудий, но Галдан с женой Ану и другими мятежниками, не взирая на пушки и стрелы, сражались, побросав лошадей. Натиск их был настолько силен, что не было возможности нанести им поражение. Потери убитыми и ранеными с той и другой стороны были одинаковы» (из сообщения цинского командования).

Цинский центр прогнулся — наступил решающий момент сражения. В это мгновение маньчжурский отряд, посланный в засаду, обрушился на беззащитный ойратский лагерь и тылы джунгарской армии, а цинские полководцы начали контрнаступление по всему фронту. Большая часть ойратской армии (более 3 тыс. человек) попала в окружение и была уничтожена, а остальные бежали с поля боя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абай Гесер Могучий. Бурятский героический эпос// Отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская; пер. А. Б. Соктоева. М.: Вост. лит., 1995. 525 с.

Абдыкалыков А. Переселение енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1986. С. 81-99.

Абидуев Д. Д. Право в Халхе XVI-XVII вв. // Цыбиковские чтения: Тез. докл. и сообщ. Улан-Удэ, 1989. С. 7-8.

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов// Тр. ин-та яз., лит. и истории Киргиз, филиала АН СССР. Археология и этнография. Фрунзе, 1945. Вып. 1. Ч. 4. С. 167-180.

Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.239 с.

Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 4 (1645-1676). СПб., 1842.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в). М.: Наука, 1969. 240 с.

Алексеев А. К. Сведения «Тарих-и кипчак-хани» о походе казахских султанов на Балх в 1648-1649 гг.// Казахстан: история, культура, язык (материалы международной научно-практической конференции). СПб.: ООО Изд-во «Береза». С. 56-58.

Андреев И. Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 403 с.

Артемьев А. Р. Лук князя Гантимура// Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1990. № 5. С. 155-159.

Асеев И. В., Кирилов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья(по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Асмолов К. В. История холодного оружия. Восток — Запад: В 2ч. М.: Здоровье народа, 1993. Т. 1.264 с; 1994. Т. 2. 352 с.

Асмолов К. В. Имиджинская война 1592-1598 гг. и корейский воин XVI-XVII вв. // Para-Bellum: военно-ист, журнал. Спец. вып. СПб., 2002. № 13. С. 7-24.

Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2002. 336 с.

Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 432 с.

Бабур-наме. Записки Бабура / Отв. ред. С. А. Азимджанов; Пер. М. Салье. Ташкент: АН УзССР, 1958. 259 с.

Багров Л. С. История картографии. М., 2004. 308 с.

Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987. 142 с.

Базарова Б. З. Монгольские летописи — памятники культуры. М.: Academia, 2006. 368 с.

Базарсурэн С. Б. Ж. Чингис-хааны цэргийн зэр зэвсэг. Улаанбаатар, 2000. 238 тал.

Банзаров Д. О воинских названиях некоторых старинных русских вооружений // Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 160-167.

Батуев Б. Б. Буряты в XVII-XVIII вв. Улан-Удэ: ОНЦ Сибирь, 1996. 103 с.

Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве второй половины XVII в. // Тр. Гос. ист. музея. М., 1928. Вып. 4. С. 64-73.

Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив: Исторический журнал. 1939. Т. 3 (94). С. 189-254.

Башкатова Э. В. Влияние металлургической промышленности на развитие городов Томска и Кузнецка// Сибирские города XVII — начала XX в. Новосибирск: Наука, 1981. С. 129-143.

Басхаев А. Н. Монголы. Ойраты. Калмыки: Очерки военного дела XIII—XVIII вв. Элиста, 2000. 91 с.

Батбилиг С. История одной находки //Монголия. 1989. № 11. С. 36.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Батмаев М. М. Калмыки в XIII—XVIII вв. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 204 с.

Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. //Научные труды. М., 1955. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири XVI-XVII вв. С. 176-224.

БегинЖ., МорельД. За стенами запретного города. М.: АСТ-Астрель, 2003. 224 с.

Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV-XVI вв. // Известия Таджикского филиала АН СССР. 1949. № 15. С. 21-33.

Бехайм В. Энциклопедия оружия /Пер. с нем.; Предисл. А. Н. Кирпичникова. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. 576 с.

Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. Пекин: Пекинская духовная миссия, 1910. 279 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1.381 с.

Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 129.

Бобров Л. А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы Регион, археол.-этногр. студ. конф. (Новосибирск, 1-6февр. 2000 г.). Новосибирск: НГУ, 2000. С. 80-88.

Бобров Л. А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. / Под ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 11-19.

Бобров Л. А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего Средневековья // Para-Bellum: военно-ист. журнал. Спец. вып. СПб., 2002 а. № 13. С. 93-98.

Бобров Л. А. Защитное вооружение енисейских кыргызов IX-XVII вв. // Para-Bellum: военно-ист. журнал. Спец. вып. СПб., 2002 б. № 13. С. 99-106.

Бобров Л. А. Позднесредневековые шлемы из музеев Красноярского края // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сб. науч. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002 в. С. 89-97.

Бобров Л. А. О путях «вестернизации» азиатского доспеха в позднем Средневековье и в Новое время (XV-XVIII вв.) //Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск: НГУ, 2003 а. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. С. 79-88.

Бобров Л. А. Латники «Золотой империи» (защитное вооружение чжурчжэней XI — первой четверти XIII в.)//Para-Bellum: военно-ист. журнал. СПб., 2003 б. № 3. С. 69-96; № 4. С. 63-94; 2004 а. № 1. С. 27-60.

Бобров Л. А. Ответный удар (этапы «вестернизации» доспеха Передней, Средней и Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и Нового времени) // Para-Bellum: военно-ист. журнал. СПб., 2004 б. № 2. С. 85-106.

Бобров Л. А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV — первой половины XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Бобров Л. А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI — XVII в.)// Para-Bellum: военно-ист. журнал. СПб., 2006. № 26. С. 77-98.

Бобров Л. А. Джунгарское ханство — последняя кочевая империя//Наука из первых рук. 2007. № 1 (13). С. 60-69.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сб. науч. статей/Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106-168.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Использование панцирей, изготовленных из органических материалов, воинами государств Центральной, Средней и Восточной Азии в периоды позднего Средневековья и Нового времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ин-та археол. и этногр. СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения акад. А. П. Окладникова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2003 а. Т. 9. Ч. 1. С. 264-271.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI — начала XVIII в. // Древности Алтая: Сб. науч. тр. / Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2003 б. С. 138-155.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья: Сб. науч. тр./Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: ООО «РТФ»; НГУ, 2003 в. С. 66-212.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Особенности этнокультурного взаимодействия в военной области русских с народами Восточной Сибири в XVII в. // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. /Отв. ред. Н. П. Макаров. Красноярск: Краснояр. краевой краевед, музей, 2004 а. Ч. 2. С. 95-97.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Этнокультурные контакты русских с тюркскими этносами Западной и Южной

Сибири в военной сфере в позднем Средневековье // Материалы VII Сибирского симпозиума: Культ, наследие народов Зап. Сибири. Тобольск, 2004 б. С. 7-14.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Особенности этнокультурного взаимодействия в военной области русских с народами Восточной Сибири// Материалы конф. «Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы». М., 2004 в. С. 38-41.

Бобров Л. А., Худ яков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV-VI вв. н. э. //Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: Сб. науч. тр. /Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2005 а. С. 80-199.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Опыт изучения защитного вооружения русских воинов XVI-XVII вв. в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. статей / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005 б. С. 268-275.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Этнокультурные контакты русских с джунгарами в военном деле в XVII-XVIII вв. //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археол. и этногр. СО РАН. 2005 г. Т. IX. Ч. I. Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН. 2005 в. С. 228-232.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. О роли якутского оружейного комплекса в эволюции военного искусства русских землепроходцев XVII в. // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006 а. С. 183-199.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Пластины-накладки с вырезным краем на средневековых шлемах степной полосы Евразии и прилегающих территорий// Вестник НГУ. Т. 5. Вып. 3. 2006 б. С. 87-105.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени// Вестник НГУ. Т. 5. Вып. 3 (Приложение 2). 2006 в. С. 188-234.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Парадные монгольские шлемы эпохи позднего Средневековья из собрания Государственного Эрмитажа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 33-40.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Этнокультурные особенности развития военного дела в Джунгарской ханстве в последней трети XVII — первой половине XVIII в. (Военные реформы в условиях кочевой государственности) // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8-12 августа 2006 г.): Докл. российских ученых. М., 2006 д. С. 18-23.

Богоявленский С. К. Вооружение русских воинов в XVI-XVII вв. //Ист. зап. 1928. № 4. С. 258-283.

Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в I половине XVII в. //Ист. зап. 1939. Вып. 5. С. 48-101.

Бокщанин А. А. Императорский Китай в начале XV в. (внутренняя политика). М.: Наука, 1975, 286 с.

Бокщанин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства: занимательные и познавательные сюжеты Средних веков истории Китая. М.: Вост. лит., 2002. 430 с.

Боргояков М. И. Скифо-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели // Народы Азии и Африки. 1975. № 6. С. 110-120.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII-XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. 270 с.

Воронин О. В. Вопрос о двоеданцах на русско-джунгарских переговорах 1731-1733 гг. (посольство Л. Д. Угримова)// Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1998. С. 355-362.

Воронин О. В. Енисейские кыргызы в русско-монгольских отношениях во второй половине XVII в. // Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та., 2001. С. 27-47.

Ботляков Ю. М., Янборисов В. Р. Холодное оружие туркмен // Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Ленинград: Наука, 1989. С. 49-59.

Бурковский А. Ф. Из истории металлического производства у киргизов//Учен. зап. исторического ф-та Киргизского гос. ун-та. Вып. 5. Фрунзе, 1958. С. 115.

Бутанаев В. Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем Средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 188-197.

Бутанаев В. Я. К вопросу о кыргызо-хакасских этнографических связях// Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и Средневековье в Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 1000-летию эпоса «Манас». 22-24 сентября 1994 г. Бишкек, 1996. С. 102-126.

Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995. С. 192.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001. С. 248.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас, гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.

Вадецкая Э.Б.К истории археологического изучения Минусинских котловин//Известия лаборатории археол. исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 91-159.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы (историко-этнографические очерки). М.: Вост. лит., 1961. 218 с.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центральной Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1984. С.216-386.

Валиханов Ч. Ч. О хонтайше// Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Алма-Ата: Наука, 1985. С. 323-326.

Ванин Ю. В. Экономическое развитие Кореи в XVII — XVIII веках. М.: Наука, 1968. 285 с.

Викторова Л. Л. Монгольская коллекция МАЭ //Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1980. Т. 5. С. 108-113.

Винклер П. П. Оружие: руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1894 (1-е изд.); М., 1992 (2-е изд. 330 с).

Висковатов А. Вооружение россиян во время и после татарского владычества до 1700 г. // Историческое описание одежды и вооружения российских войск с 862 по 1700 г. СПб., 1899. Ч. 1. С. 29-116.

Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983.

Вишнякова И. В. К истории калмыцко-ойратских отношений в первой половине XVIII в. // Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 48-52.

Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.

Внешняя политика государства Цин в XVII в. М.: Наука, 1977. 385 с.

Войтов В. Е., Худяков Ю. С. Монгольский шлем из собрания Государственного музея искусства народов Востока// Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 100-106.

Волков С. В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Вост. лит., 1999. 312 с.

Вопросы истории и историографии Китая: Сб. статей/ Сост. А. Н. Хохлов. М.: Наука, 1968. 279 с.

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь X в. — 1234 г.: Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 448 с.

Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь X в. — 1234 г. М.: Наука, 1983. 367 с.

Воробьев М. В. Очерки культуры Кореи. СПб.: Петерб. востоковед., 2002. 183 с.

Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского феодального права XVI-XVII вв. / Пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петерб. востоков., 2002. С. 160.

Выборное А. В., Нечипоренко В. Н., Скобелев С. Г. Новая разновидность погребального обряда на Среднем Енисее в позднем Средневековье — начале Нового времени// Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья: Сб. науч. тр. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 46-58.

Галеркина О. Миниатюра Мавераннахра. Л.: Аврора, 1980. 98 с.

Гасников А. Г. Еще раз о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь // Казачество: проблемы истории и историографии (материалы 28-й Всесоюзной заочной науч. конф.). Самара, 2003. С. 19-24.

Гейне А. К. Киргиз-кайсаки / Собр. лит. тр. СПб., 1897. 412с.

Г ему ев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 39-55.

Гесер: Бурятский героический эпос: В 2 кн. / Пер. с бурят. В. Солоухина. М.: Современник, 1988. Кн. 1. 397 с; кн. 2.413 с.

Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. М., 1938. Т. 3.538 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. I. 174 с.

Горбунов В. В. Сяньбийский доспех//Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 200-223.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Вооружение населения лесостепного Алтая в монгольское время (XIII-XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 262-266.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Средневековые находки оружия с Алтая// Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Материалы регион, научно-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 44-47.

Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех// Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. науч. тр. / Под ред. С. К. Богоявленского. М., 1954. С. 61-114.

Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех// Третий междунар. конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. С. 76-97.

ГореликМ. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной науч. конф. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244-269.

Горелик М. В. Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в древности и Средневековье // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общины: Тез. докл. 29 Постоянной междунар. алтаист. конф. М.: МГУ, 1986. С. 22-23.

Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии: Сб. статей / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 163-208.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Наука; Вост. лит., 1993 а. 349 с.

Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993 б. С. 149—179.

Горелик М. В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: хозяйство, материальная культура: Науч. изд. / Ред. Б. Н. Литвинский. М.: Вост. лит., 1995. С.159-430.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.

Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.

Государственная Оружейная палата Кремля. М.: Искусство, 1954. 549 с.

Готтенрот Ф. Иллюстрированная история культуры. СПб.: Наука, 2001. С. 308.

Грач А, Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археол. М.: Наука, 1969. Вып. 118. С. 43-57.

Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос. М.: Наука, 1960. 158 с.

ГришаевВ. Ф. БарнаульскийМузеум в 1836 г. //Алтайский сб. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 31-38.

Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII-XIX вв. //Вопросы истории. 1977. № 9. С. 45-63.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М.: Наука, 1979.311 с.

Дамдинсурэн А. Монголын зэвсгийн товч туух. Улаанбаатар, 1990. 175 тал.

Дарбакова В. П. Традиционная обработка металлов у монголов // Этнографические вести. Вып. 1 / Под ред. И. И. Орехова. Элиста: Калм. НИИ яз., лит. и истории, 1968. С. 3-22.

Джангар: Калмыкский героический эпос. М.: Наука, 1990.479 с.

Джангар (малодербетская версия) /Сводный текст, пер., ком. А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999. 271 с.

Декоративно-прикладное искусство предбайкальских бурят. Иркутск: РИЭЛ, 2002. 110 с.

Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989.

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI-XIX вв. М.: Госкультпросветиздат, 1953. 168 с.

Димбергер М. А. Тибет. Крыша мира между прошлым и настоящим. М.: АСТ-Астрель, 2004. 224 с.

Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / Ред. и авт. вступ. статьи. С. Л. Тихвинский. М.: Мысль, 1982. 511 с.

ДолинА.А.,МасловА.А. Истоки у-шу. Куйбышев, 1990. 202 с.

Дополнение к актам историческим. Т. II. СПб.: Прац, 1846.431 с.

Дополнение к актам историческим. Т. III. СПб.: Прац, 1848.467 с.

Дополнение к актам историческим (ДАИ). Т. VI. № 126. СПб.: Прац, 1857.477 с.

Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 287 с.

Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.

Древние культуры Бертекской долины: Горный Алтай, плоскогорье Укок/А. П. Деревянко, В. И. Молодин, Д. Г. Савинов и др.; Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1994. 223 с.

Дугаров Р. Н. «Дэбтэр-Чжамцо» — источник по истории монголов Кукунора. Новосибирск: Наука, 1983 а. 93 с.

Дугаров Р. Н. О хошоутах Соко-Саджа и их связях с тибетскими племенами в XVII-XVIII вв. // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 19836. С. 142-146.

Дьконова В. П. Поздние археологические памятники Тувы // Тр. Тув. комплексной археол.-этн. экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 348-362.

Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России (О социально-экономическом и политическом развитии бурятских племен в XIII—XVII вв.). Улан-Удэ, 1990. Ч. 1. 172 с.

ЕрмаченкоИ. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.

Ермолов Л. Б. Сложносоставной монгольский лук // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ: Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 149-155.

Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. //Тр. Ин-та востоковед. М.; Л., 1936. Вып. 16. 121 с.

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика: Учеб. пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.

Журнал секретных наблюдений //Восточная коллекция. 2003. № 1 (12). С. 66-77.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. 303 с.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых в XVIII в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1968. С. 248.

Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане// Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 289-313.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). 2-е изд. М.: Наука, 1964. 332 с.

Золотой век русского оружейного искусства. М.: Восхождение, 1993. 176 с.

Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII веках: Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1991. 169 с.

Зуев А. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: НовосибГУ, 1994. 193 с.

Идее И., БрантА. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. 404 с

Ивонин М. И. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов // О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1875. С. 129-231.

Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Восточной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 136-168.

Илюшин А. М. Курганный могильник Ишаново — памятник культуры аз-кыштымов в Кузнецком Присалаирье// Материалы регион, научно-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 44-47.

История боевых искусств: В 3 т. / Под ред. Г. К. Панченко. М.: Олимп: АСТ, 1997. Т. 3. 252 с.

История и культура орочей: историко-этнографические очерки / В. А. Тараев, С. В. Березницкий, В. В. Подмаскин. СПб.: Наука, 2001. 171 с.

История Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата, 1949. Сб. 1.418 с.

История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. Т. 1. 708 с.

История о Сибири, или Сведения о царствах Сибири и береге Ледовитого и Восточного океана, а также о кочевых калмыках //Сибирь в XVII в.: Сб. старинных рус. статей о Сибири и прилегающих к ней землях/ По рукописям императ. публ. б-ки; изд. Г. В. Юдин; введ. и коммент. А. Титова. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. С. 161-216.

История Тувы. Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 367 с.

Их-Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. /Транслитерация, пер., введ. и коммент. С. Д. Далыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.

Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение// Изв. АН Казах. ССР. 1973. Вып. № 6. С. 25-34.

Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сб. документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР. 1961.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. М.: Наука, 2001. 360 с.

Караев Г. Н. Военное искусство Древнего Китая. М.: Воениздат, 1959. 216 с.

Каргалов В. Московские воеводы XVI-XVII вв. М.: Русское слово, 2002. 336 с.

Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. М.: Вост. лит.; Изд. дом «Муравей», 2002. 98 с.

Ким Н. В. Материалы Ланганса о культуре и быте бурят // Этногр. сб. Вып. 4. Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1962. С. 145-156.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. С. 140.

Китай и соседи в древности и Средневековье: Сб. статей/ Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1970. 275 с.

Китай и соседи в Новое и Новейшее время: Сб. статей / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1982. 454 с.

КлеменцД. А. Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох. Томск: Изд-во И. М. Кузнецова, 1886. 185 с; 21 рис.

Кляшторный С. Г., Колесников А. А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Наука, 1988. 223 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рацан, 1992. 375 с.

Кобланды-батыр: Казахский героический эпос. М.: Наука, 1975.452 с.

Козин С. А. Ойратская историческая песня о разгроме халхаского Шолой Убаши-хунтайджи от ойратов в 1587 г.// Советское востоковедение. Т. IV. М.; Л., 1947.

Козин С. А. Эпос монгольских народов. М.; Л., 1948. С. 318.

Козлов П. К. Монголы и Кам. М.: Географгиз, 1948. 438 с.

Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края (Иркутская секция научных работников Рабпроса. Вып. 5). Иркутск, 1925. 184 с.

Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу

и обратно в XVII-XVIII вв. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.

Копылов Д. И. Тульские оружейники в Тобольске // Промышленность Сибири и ее кадры XVI — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 50-54.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара В XVII-XX ВВ.: ОПЫТ анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с. (Этнографо-археологйческие комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.7).

Косымбаев Ж. К. Под надежной защитой России. Алма-Ата: Казахстан, 1986. 134 с.

Кочеев В. А. Погребение II тыс. н. э. у села Ело //Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИ истории языка и литературы, 1983. С. 153-162.

Кочешков Н. В. Головные уборы монголов XIX — начала XX в.: по материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсурэна// Сов. этногр. 1973. № 3. С. 134-141.

Кренке Н. А. Коллекция В. В. Радлова из раскопок курганов в XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. С. 137—145.

Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. С. 587.

Кузнецов В. С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С.275-282.

Кузнецов В. С. К истории завоевания империей Цин Восточного Туркестана (50-е гг. XVIII в.) //Общество и государство в Китае. М., 1979. Ч. 2. С. 7-14.

Культура народов зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Новосибирск: Наука. 1997. 212 с.

Кунгуров А. Л. Памятники железного века верхнего Причумышья// Алтайский сб. Барнаул, 1997. Вып. XVIII..С. 221-240.

Куропаткин А. Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны. Ее военные силы, промышленность и торговля. Издание Императорского русского географического об-ва. СПб.: Типография Б. С. Балашева, 1879.359 с.

Кутлуков М. К. Из истории международных связей в Центральной Азии в 1755-1759 гг. Сведения кашгарских историков // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана (XV-XIX вв.). Ташкент, 1987. С. 57-79.

Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 172.

Кызласов Л. Р. Курганы тувинцев// Вестн. МГУ. М., 1964. № 5. С. 82-91.

Культура народов зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Новосибирск: Наука, 1997. 212 с.

Кычанов Е. И. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 44-67.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.

Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 190 с; 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Наука; Калм. кн. изд-во, 1999. 207 с.

Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351с.

Левашева В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. 68 с.

Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по алтайским горам и джунгарской киргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993.

Лещ Э. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия императорского Эрмитажа. СПб., 1908. 156 с.

Летин С. А. XVII столетие. Стрелец//Империя истории. 2001. № 2. С. 12-18.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.263 с.

Ломакина И. И. Грозные махакалы Востока. М.: Яуза; Эксмо, 2003. 384 с.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») XVII в. М.: Наука, 1973.439 с.

Лю Юнхуа. Чжунго гудай цзюньжун фуши (Вооружение и обмундирование в Древнем Китае). Шанхай: Изд-во Китайской шанхайской классической типографии, 2003. 430 с.

Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 4: Большой поход. М., 1995. 767 с.

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие: история развития со времен возникновения. СПб., 1994.

Мартынов А. С. О традиционной интерпретации внешних войн в официальных документах Китая VII—XVIII вв. // Общество и государство в Китае. М., 1979. 4.2. С. 3-7.

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука (Казахская ССР), 1969.

Материалы по истории каракалпаков (печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке): Тр. Ин-та востоковедения. Т. 7. М.; Л., 1935.289 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636: Сб. документов / Сост. Л. М. Гатауллина,

М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636-1654: Сб. документов / Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Ин-т востоковед. АН СССР, 1974. 469 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654-1685: Сб. документов/ Сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685-1691: Сб. документов/Сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 2000. 488 с.

Материалы по Маньчжурии и Монголии. Ч. II. Барга и Халха. Харбин, 1906.

Медведев В. Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 172-184.

Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1. М.: Наука; Гл. ред. вост. литературы, 1989. 375 с.

Мейер К. А. Путешествие по Джунгарской киргизской степи 1826 г. //К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, К. А. Мейер. Путешествие по алтайским горам и джунгарской киргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993. С. 218—345.

Мелихов Г. В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974.246 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 2. С. 690.

Миниатюры рукописи «Бабур-наме»: Альбом / Авт.-сост., авт. предисл. С. Тюляев. 2-е изд., доп. М.: ИЗОГИЗ, 1960. 112 с.

Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М.: Наука, 1960. С. 328.

Митаров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

Митько О. А. Огнестрельное оружие в культовой и обрядной практике народов Сибири в эпоху позднего Средневековья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2000. С. 88-95.

Митько О. А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего Средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева, А. С. Зуева. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 165-206.

Михайлов В. А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1993.83 с.

Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII-XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996, 400 с.

Моисеев В. А. К вопросу об историческом статусе Джунгарского ханства // VI Научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1975. Ч. 1. С. 175—178.

Моисеев В. А. О джунгаро-цинских переговорах в 1734-1740 гг.// 8-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1977. С. 3-11.

Моисеев В. А. В джунгарском плену//Вопросы истории. 1977. № 6 . С. 209-212.

Моисеев В. А. Поездка приказчика Усеина Сеюшева в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1752—1759 гг. //Общество и государство в Китае. М., 1979. Ч. 2. С. 14-21.

Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 149 с.

Моисеев В. А. Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745-1749 гг. // Общество и государство в Китае. М., 1984. Ч. 2. С. 145-152.

Моисеев В. А. Степной самозванец//Простор. Алма-Ата, 1984. С. 200-204.

Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (в Средние века и Новое время): Науч. тр. / Отв. ред. Г. М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 67-82.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 234 с.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. 174 с.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1977. С. 105-120.

Монгольские источники о Даян-хане. М.: Наука, 1986. 135 с.

Монгуш В. Т., Грач А. Д. Обследование тайника в Пий-Хемском районе Тувы //Археологические открытия 1976 г. М., Наука, 1977.227 с.

Монголо-ойратский героический эпос /Пер., вступ. статья и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пб.; М.: Всемир. лит., 1923.255 с.

Монгольские источники о Даян-хане / Отв. ред. М. И. Гольман. М.: Наука, 1986. 135 с.

Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент: ФАН, 1976. 234 с.

Мухаммед-Казим. Поход Надир-шаха в Индию. М: Наука, 1961.

Мшанецкий С. И. Военный костюм Китая эпохи Мин // Россия и АТР. Владивосток. 2000. № 4. С. 86-91.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. 488 с.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М.: Наука, 1980.312 с.

Мясников В. Ю. Военное дело бурят в XVII-XVIII вв. // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к соглашению (300 лет указу Петра I). Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. С. 108—117.

Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Томский ун-т, 1990. 204 с.

Насилов А. Д. Административное и военное право монголов в XVII в. // Владимировские чтения. II Всесоюзная конф. монголоведов: Тез. докл. и сообщ. М.: Наука, 1989. С. 34-36.

Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦСО РАН, 1987. 156 с.

Нефедкин А. К. Военное дело чукчей. Середина XVII — начало XX в. СПб.: Петерб. востоковед., 2003. 346 с.

Нечипоренко В. Н.,Панькин С. В., Скобелев С. Г. Поздние луки Среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1.С. 129-164.

Николле Д. Янычары. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. 72 с.

Новгородов И. Д. Археологические раскопки музея // Сб. науч. статей Якут, краевед, музея им. Е. Ярославского. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 150-168.

Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая //Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 101-112.

Носов К. С. Вооружение самураев. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2001.252 с.

Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штюрманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1958. 78 с.

Опись оружейной палаты. Кн. 2: Броня. М., 1884. Ч. 3. 312с.

Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII—XIV вв. М.: Изд-во ИВ РАН. 1999. 182 с.

Оружейная палата. Золотой век русского оружейного искусства: царское оружие и конское убранство XVII в. / Авт. текста и сост. Е. В. Тихомирова. М.: Восхождение, 1993. 176 с.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии: Сб. документов / Сост. Н. С. Орлова. М.: Изд-во геогр. лит., 1951. 618 с.

Павлинская Л. Р. Художественный металл кудинских и верхоленских бурят// Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1980. Вып. 35. С. 83-90.

Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Новосибирск: Наука. 1991. 264 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768-1769 гг. СПб., 1809. Ч. I. 785 с.

Петренко Ю. А., Петренко А. Л. Переоформление предметов вооружения на Среднем Енисее в позднем Средневековье (по материалам Минусинского и Абаканского музеев) // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 59-65.

Петренко А. Л., Петренко Ю. А. Защитные свойства средневековых панцирей Юга Сибири и Центральной Азии (по материалам эксперимента) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева, А. С. Зуева. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 102-112.

Петров В. И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.:Крафт+, 2003. 526 с.

Петров П. И. Завоевательные походы Надир-шаха в Индию и среднеазиатские ханства в освещении Мухаммад-Казима: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 1965.

Пинк И. Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. //Para-Bellum. 2004. № 2. С. 69-84.

Плетнева С. Л. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плотников Ю. А., Байтсахан З. Сабля из Гобийского Алтая // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 212-214

Позднеев А. М. Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию в 1892-1893 гг. СПб.: Тип. императ. АН, 1896. Т. 1.596 с.

Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: АСТ-Астрель, 2004. 124 с.

Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. М.: Наука, 1986. 160 с.

Потапов Л. П. Очерки по истории Шории//Тр. Ин-та востоковед. АН СССР. 1936. № 15. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 260 с.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.

Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912. 45 с.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах V-XVIII вв. М.; Алма-Ата: Наука, 1997. 272 с.

Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии: в избранных образцах (из сов. и заруб, собраний). М.: Изобр. искусство, 1979. 207 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Наука, 1956. 186 с.

Пчелин Н. Г., Меньшикова М. Л., Арапова Т. Б. Материалы, связанные с деятельностью католических миссионеров в Китае // Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI — XIX в. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 184-205.

Пэрлээ Х. Ялтсан гутал // Studia museologica. Улаанбаатар, 1975. Т. 2. F. 1-14.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника / Пер. с нем. М.: Наука, 1989. 749 с.

Раднабхадра. Лунный свет: История рабжам Зая-пандиты. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.

Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и в начале XVII в. //Монгольский сб.: экономика, история, археология (Уч. зап. Ин-та востоковед. Т. 24). М., 1959. С. 188-199.

Рерих Ю. Н. Кочевые племена Тибета // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961.

Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999. 362 с.

Рерих Ю. Н. Тибетская живопись. М.: Международный центр Рерихов, 2002. 216 с.

Решетов А. М. Тибетская коллекция МАЭ (материальная культура) //Культура народов зарубежной Азии и Океании: Сб. МАЭ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Вып. 25. 260 с.

Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. 280 с.

Русско-китайские отношения в XVII в. М.: Наука, 1972. 836 с.

Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146-162.

Санчиров В. П. Ойраты в Цинской империи в конце XVIII века // V Международный конгресс монголоведов. Ч. I: История, экономика. М.; Улан-Батор, 1987. С. 117-126.

Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.С. 446.

Сборник князя Хилкова. СПб.: тип. Пантелеевых, 1879. 579 с.

Священные образы Тибета. Традиционная живопись Тибета в собрании Государственного музея Востока. Самара: Агни, 2002. 248 с.

Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов XVII-XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII — первой половины XIX в. М.: Наука, 1969. С. 263-272.

Сергеева Т. В. Традиционная живопись Тибета в собрании Государственного музея Востока // Священные образы Тибета. Традиционная живопись Тибета в собрании Государственного музея Востока. Самара: Агни, 2002. С. 5-32.

Синицин А. Ю. Самураи — рыцари Страны восходящего солнца: История, традиции, оружие. СПб.: Паритет, 2001. 352 с.

Скобелев С. Г. Позднесредневековая археология и проблема этногенеза современных коренных народов Южной Сибири // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий: Сб. науч. статей / Отв. ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 138-158.

Скобелев С. Г. Позднесредневековой лук редкой формы с Енисея//Российская археология. 1999. № 3. С. 175—180.

Скобелев С. Г. Позднесредневековые археологические памятники юга Средней Сибири: проблемы и результаты изучения //Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2000. С. 166-169.

Скобелев С. Г., Мандрыка П. В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (по материалам Саянского острога и Айканского селища)// Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций: Сб. науч. статей / Отв. ред. и сост. О. А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. Горизонты Евразии. С.208-214.

Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Находки кольчуг близ с. Джазатор (Горный Алтай)// Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1995. № 3. С. 100-104.

Смагулов Е. А. Средневековый шлем из Мерке // Советская археология. 1989. № 1. С. 270-273.

Соенов В. И. Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII—XVIII вв. по материалам героического эпоса // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ин-т гуманитарных исследований, 1994. С.177-186.

Соенов В. И. Шлем из Сымылты // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 111-115.

Соенов В. И., Исов А. В. Позднесредневековые кольчуги из Горного Алтая// Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1999. № 4. С. 182-186.

Соктоева И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии / Отв. ред. В. Ц. Найданов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 159 с.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 193 с.

Спафарий Н. Н. Сибирь и Китай. Кишинев, 1860. 516 с.

Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Вопросы истории и экономики: Сб. статей / Отв. ред. И. С. Казакевич. М.: Наука, 1970. 318 с.

Страны и народы Востока. СПб., 1998. Вып. 29. 328 с.

Стужина Э. П. Китайское ремесло в XVI-XVIII вв. М.: Наука, 1970.264 с.

Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003-2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С.254-272.

Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.

Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма: Очерк с приложением материалов из документов, дневников и сочинений путешественников, ученых и служилых людей. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 168 с.

Тараторин В. В. Конница на войне: история кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн. Минск: Харвест, 1999. 432 с.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41-55.

Терентьев-Катанский А. П. Материальная культура Си Ся: по данным материалов тангут. лексики и иконографии. М.: Наука, 1993. 235 с.

Тернбулл С. Самураи. Военная история //Евразия / Пер. А. Б. Никитина. СПб., 1999. 238 с.

Титов А. Сибирь в XVII в.: Сб. старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М., 1890.

Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1936. 217 с.

Трепавлов В. В. Дружина в бурятских улигерах (эпическая версия формирования военной знати) //Средневековые культуры Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1995. С. 76-84.

Троев П. Древние якутские шлемы // Полярная звезда (Якутск). 1972. № 5. С. 107-109.

Тюрюмина Л. В. Военное дело у маньчжуров (сведения из «Мань-вэнь лао-дан») // Северная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 93-99.

Уманский А. П. Еще раз о кабаковской сабле-палаше // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 85-89.

Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой половине XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. I. 174 с.

Уманский А. П. Борьба телеутов против ига джунгарских феодалов в 50-х гг. XVII в. // Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект): Сб. науч. статей / Отв. ред. В.А.Моисеев. Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 5-18.

Уоддель А. Лхаса и ее тайны: Очерк тибетской экспедиции 1903-1904 гг. / Пер. с англ. Е. М. Чистяковой-Вар. СПб., 1906. 344 с.

Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб: Евразия, 2000. 384 с.

Утенков Д. М. Открытие Сибири. М.: Изд. группа «Прогресс», 1998. 96 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 275 с.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. / Тр. Гос. ист. музея; под ред. Н. Н. Тихомирова. М., 1952. Вып. 21. 139 с.

Фомина Н. И. Борьба против Цинов на юго-востоке Китая (середина XVII в.). М.: Наука, 1974. 284 с.

Функен Л., Функен Ф. Энциклопедия вооружения и военного костюма. Средние века. VIII-XVBB. М.: АСТ-Астрель, 2002.312 с.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 169 с.

Хайсинг В. Исторические реалии монгольского исторического эпоса //Междунар. ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Инф. бюл. № 16. М.: Наука, 1990. С. 17-21.

Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. М.: Наука, 1965. С. 138.

Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ, 1988. С. 143-161.

Хамид С. Миниатюры к «Бабур-намэ». Ташкент: Фан, 1970.96 с.

Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв.М., 1995.238 с.

Ходжаев А. Джунгаро-цинский договор 1740 г. //Новое в изучении Китая. М., 1977. С. 59-66.

Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан: колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в. М.: Наука, 1979. 128 с.

Ходжаев А. Х. Взаимоотношения Цинской империи и Джунгарского ханства в первой четверти XVIII в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана в XV-XVIII вв. Ташкент, 1987. С. 37-58.

Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (из истории международных отношений Центральной Азии). Ташкент: Фан, 1991. 131 с.

Холодное клинковое оружие. М.: «Ниола 21-й век», 2006. 240 с.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004. 557 с.

Худяков Ю. С. Основные понятия оружиеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв. н. э.) //Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. с. 184-193.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. / Отв. ред. В. И. Медведев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В. И. Медведев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем Средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий: Сб. науч. статей / Отв. ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев. Новосибирск: НГУ, 1991 а. С. 87-100.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья /Отв. ред. В. И. Медведев. Новосибирск: Наука, 1991 б. 189 с.

Худяков Ю. С. Предметы вооружения и сбруи монгольского времени из музеев Восточного Туркестана // Altaica. 1994. № 4. С. 41-44.

Худяков Ю. С. Военное дело кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1995.98 с.

Худяков Ю. С. Предметы маньчжурского вооружения в музеях Ганьсу и Синьцзяна // Традиционная культура Восточной Азии: Сб. статей / Отв. ред. Н. П. Забияко. Благовещенск: Благовещ. пед. ин-т, 1995. С. 34-42.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья/ Отв. ред. В. Е. Медведев. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.

Худяков Ю. С. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае в первой половине II тысячелетия н. э. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы Шестого междунар. науч. семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д. Н. Анучина/ Отв. ред. М. А. Корсуненко. Омск: ОмГУ, 1998. 4.2. С. 121-123.

Худяков Ю. С. Лук и стрелы бурят в эпоху позднего Средневековья // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования. Улан-Удэ: Изд-во Бурят, ун-та, 2001. Ч. I. С. 78-88.

Худяков Ю.С. Материалы культур древних и средневековых кочевников в музее г. Курля // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 2001. Т. 7. С. 471-475.

Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего Средневековья// Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сб. науч. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 65-88.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии / Под ред. В. Е. Медведева. Новосибирск: НГУ, 2003. 202 с.

Худяков Ю. С. Сабля Багыра: вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб.: Петерб. востоковед.; М.: Филоматис, 2003. 180 с.

Худяков Ю. С. Комплекс боевых средств Алтая и юга Западной Сибири в эпоху позднего средневековья // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Сер.: Восток— Запад: Диалог культур Евразии. Казань, 2004 а. Вып. 4. С.308-318.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Тувы в эпоху позднего Средневековья// Ученые записки. Кызыл, 2004 б. Вып. XX. С. 163-176.

Худяков Ю. С, Бобров Л. А. Шлемы кочевников Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 227-236.

Худяков Ю. С, Бобров Л. А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего Средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева, А. С. Зуева. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 113-128.

Худяков Ю. С, Бобров Л. А. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI-XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 103-128.

Худяков Ю. С, Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Перспективы применения методики реконструкции доспехов для анализа функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2004 а. Ч. 2. С. 246-251.

Худяков Ю. С, Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Опыт реконструкции и комплексного функционального анализа доспеха джунгарского воина эпохи позднего Средневековья// Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004 б. С. 341-346.

Худяков Ю. С, Карпекина М. В. Реконструкция шаманского костюма из могильника Ортыз-Оба // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1984. С.94-104.

Худяков Ю. С, Ким С. А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху Средневековья: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2001. С. 50-75.

Худяков Ю. С, Скобелев С. Г. Позднесредневековое шаманское погребение// Этнография народов Сибири: Сб. науч. тр. /Отв. ред. И. Н. Гемуев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. С. 105-119.

Худяков Ю. С, Скобелев С. Г. Комплекс предметов вооружения в шаманском погребении из могильника Ортыз-оба // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Сб. статей / Отв. ред. Э. Л. Львов. Томск: Томский ГУ,1985. С. 159-162.

Худяков Ю. С, Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело населения Северной Азии: Сб. статей / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 135-163.

Худяков Ю. С, Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Шлемы, найденные на территории Кыргызстана// Археология, этнография и антропология Евразии. М.,2001.№ 1 (5). С. 101-106.

Хэт хутга//Монголия. 1977. № 4. С. 25.

Цааджин бичиг (Монгольское уложение). Цинское законодательство для монголов 1627-1694 гг. /Транслитерация, пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова М.: Вост. лит., 1998. 342 с.

ЦендинаА.Д. И страна зовется Тибетом. М.: Вост. лит., 2002. 303 с.

Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.: Изобр. искусство, 1982. 231 с.

Цыбиков Г. Ц. Буддист — паломник у святынь Тибета. Пг.: Рус. геогр. общ-во, 1919. 472 с.

Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь Восточной Азии. М.: Наука, 1989. 382 с.

Челби Э. Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Пер. и коммент. Эвлия Челби; примеч. и коммент. А. П. Григорьева, А. Д. Желтякова. М.: Наука, 1979. Вып. 2. 287 с.

Черемисин Д. В. К изучению наскальных изображений Алтая Нового и Новейшего времени //Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы темат. науч. конф. СПб: С.-Петерб. ун-т, 2004. С.346-349.

Чернышев А. И. К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве // Общество и государство в Китае: 14-я научная конференция. М.: Наука, 1983, с. 86-96.

Чернышев А. И. О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г.// Общество и государство в Китае. М., 1984. Ч. 2. С. 152-161.

Черемисин Д. В., Октябрьская И. В., Слюсаренко И. Ю. Горы и оружие // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Барнаул, гос. пед. ун-т, 1998. С. 65-68.

Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 136 с.

Чжоу вей чжу. Пекин: Дом литературы и искусства Байхуа, 2005. 356 с. (на кит. языке).

Чжунго гудай бинци туцзи. Пекин: Пекин-Пресс, 1990. 283 с. (на кит. яз.).

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1979. 296 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII-XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят, науч. центра СО РАН, 2002. 216с.

Чимитдоржиева Л. Ш. Торговые отношения России с ханством Алтын-ханов// Мир Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 2.4.1.С. 171-177.

Чурас Шах Махмуд. Хроника. М.: Наука, 1976. 412 с.

Шакабпа В. Д. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. С. 431.

Шамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.

Шамгунов Р. Ф. Об использовании ручного огнестрельного оружия в Улусе Джучи (последняя треть XIV — I половина XVI в.)// Культурные традиции Евразии. Казань, 2004. С. 195-205.

Шара Туджи: Монгольская летопись XVII в. / Свод, текст, пер., введ. и примеч. Н. Г. Шастиной; отв. ред. Г. И. Михайлов. М.; Л., 1957. 199 с.

Шастина Н. П. Алтын-ханы западной Монголии в XVII в.// Сов. востоковед. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 382-385.

Шелякина Н. С, Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в

Московском Кремле// Сов. археология. 1979. № 2. С. 214-228.

Ширин Ю. В. Археологические памятники Новокузнецка//Кузнецкая старина: История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк: изд-во «Кузнецкая крепость», 1993. С. 10-45.

Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). М.: Наука, 1980. 405 с.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (II половина XVII — XIX в.). Элиста, 1992. 320 с.

Шорцы: Каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Таежные промыслы и средства передвижения. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 192 с.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб.: Императ. АН, 1899. Т. 2.314 с.

Эрдниев У. Э. Историческая судьба ойратов. Элиста, 1993. 59 с.

Эрмитаж. Отделение Средних веков. Восточный отдел средневекового отделения. СПб., 1891. 369 с.

Юдин В. П. Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Изд-во «Дайк-Пресс», 2001. 384 с.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М.: Ин-т истории АН СССР, 1958. 235 с.

Якутия в XVII в. (очерки). Якутск, 1953. 396 с.

Brentijes B., Vasilievsky R. S. Schamanenkrone im Weltbaum/ Kunst der Nomaden Nordasiens. Leipzig, 1989. 203 S.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. L., 1979. P. 38-41.

Karutz R. Die Volker Nord- und Mittelasiens. Stuttgart, 1925.

Khudykov Yu. S., Bobrov L. A. Rekonstruction of Central Asian nomadic defensive arms// Fasciculi Archaeologicae. Lodz, 2006. Fasc. XIX. P. 47-52.

Kohalmi K. U. Uber die pfeifende Pfaile der innerasiatischen Reiternomaden// Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1953. T. III. F. 1-2.

LaRocca D. An approach to the study of arms and armour from Tibet //Royal Armouries Yearbook. 1999. Vol. 4. S.113-132.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006. 307 s.

Robinson H. R. Oriental armour. London: Jenkins, 1967. 257 p.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquites prechistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr. Karl Hedman a Vasa chapitre d'archeologie. Helsingfors (Societe FinLandaise d'archeologie), 1917. 93 s.

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockgolm: Kungl/Vitterhets historie och-antiKvitets akad. 1939. Vol. 1.480 s.

РЕЗЮМЕ

В монографии исследуются особенности вооружения и военного искусства кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Данная книга представляет собой первое в российском оружиеведении обобщающее исследование, посвященное изучению военного дела позднесредневековых номадов.

Интерес к проблемам развития военного дела центральноазиатских кочевников в эпоху позднего Средневековья обусловлен тем, что этот период занимает в военной истории номадов этого региона особое место. В это время завершился начавшийся еще в эпоху палеометалла многовековой процесс развития военного дела кочевников степного пояса Евразии в качестве самостоятельного историко-культурного феномена. На протяжении всего исторического периода существования культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов военная деятельность являлась его приоритетным направлением в развитии кочевого общества. Благодаря высокому уровню развития вооружения, военной организации военного искусства, в некоторых направлениях опережающему этот уровень у оседло-земледельческих народов и таежных охотничьих племен, кочевники смогли сохранить свой особый, альтернативный магистральному направлению, путь цивилизационного развития на протяжении четырехтысячелетнего периода своей истории.

Именно на рубеже эпохи позднего Средневековья и Нового времени в развитии военной сферы жизнедеятельности и всего кочевого общества в целом произошли события, которые повлекли за собой радикальные изменения в соотношении военных сил и экономической мощи номадов и народов стран оседло-земледельческой и городской цивилизации Евразии. Эти перемены были связаны с переходом наиболее развитых к тому времени европейских стран на путь промышленного развития и освоения ими новых, более эффективных видов огнестрельного оружия. Его широкое применение свело на нет былое преимущество кочевников в использовании своей главной ударной силы — подвижных конных армий, применявших для поражения противника традиционные виды холодного оружия. В результате произошедших изменений центральноазиатские номады не смогли эффективно противостоять завоевательной политике своих более могущественных в военном отношении и лучше вооруженных огнестрельным оружием противников. В последующий исторический период Нового времени вооруженные силы кочевых народов потерпели решающие поражения от регулярных армий крупнейших мировых империй Евразии, Цинского Китая и России, кочевые государства перестали существовать, а степные районы Цетральной Азии вместе с кочевым населением были включены в состав оседло-земледельческих государств. В дальнейшем воинские формирования, составленные из кочевников, использовались в военных действиях в качестве вспомогательных отрядов.

На протяжении эпохи позднего Средневековья и Нового времени правящая военная и политическая элита кочевников предпринимала попытки освоить огнестрельное оружие, модернизировать тактическое приемы ведения конного боя, чтобы использовать поражающие возможности новых видов вооружения с максимальной эффективностью. В наибольшей степени это удалось сделать правителям Джунгарского ханства, которые смогли приобрести оружие, произведенное в других странах, и организовать с помощью иностранных военных специалистов и мастеров-оружейников собственное производство ружей, пушек и бое-

припасов на своей территории. Джунгарским военным деятелям удалось усовершенствовать тактические действия своих вооруженных сил для того, чтобы повысить их эффективность в условиях использования огнестрельного оружия. Внедрение новых видов оружия и приемов военного искусства помогло джунгарам сохранять независимое положение своего государства в борьбе с противостоящими силами маньчжуров и халха-монголов на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до середины XVIII в.

В монографии впервые в отечественной историографии подробно рассмотрены основные события, история изучения военного дела кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири эпохи позднего Средневековья. Сбор материалов по данной теме начался еще в XVIII в., когда в поле зрения ученых и путешественников оказались отдельные предметы вооружения из раскопок позднесредневековых памятников на территории южных районов Сибири. Целенаправленное изучение погребальных комплексов позднесредневековых кочевников и обнаруженных в них предметов вооружения относится к середине XIX в. В последующий период внимание историков оружия было обращено на изучение старых оружейных коллекций, в которых за длительный период их накопления осело немало предметов вооружения, преподнесенных российским царям в качестве дипломатических подарков правителями кочевых государств Центральной Азии, или захваченных в виде военных трофеев, либо приобретенных коллекционерами в Сибири. В дальнейшем предметы вооружения номадов эпохи позднего Средневековья становились предметом анализа исследователей довольно редко, поскольку памятники этого периода специально не изучались.

Целенаправленные поиски и раскопки археологических памятников культур позднесредневековых кочевников и исследование оружейных комплексов номадов этого периода были возобновлены в последние десятилетия XX в. В результате этих исследований к настоящему времени существенно расширился фонд вещественных источников по вооружению монгольских и тюркских номадов из археологических комплексов. В процессе изучения оружейных коллекций в музеях России, Монголии и Китая были выявлены и атрибутированы предметы наступательного и защитного вооружения бурятских, монгольских, ойратских, кыргызских, кыштымских, тувинских и телеутских воинов, относящиеся к эпохе позднего Средневековья и Новому времени. Анализ предметов вооружения и изображений монгольских и бурятских воинов на рисунках китайских и западноевропейских художников позволил реконструировать комплексы боевых средств, применявшихся джунгарскими, халха-могольскими и южносибирскими воинами в завершающий период военной истории кочевнических государств Центральной Азии. На основании изучения сведений письменных и фольклорных источников удалось реконструировать структуру военной организации и тактические приемы ведения боя войсками центральноазиатских номадов.

В монографии прослежены источники поступления разных видов холодного, наступательного и защитного вооружения и огнестрельного оружия, которое использовалось для оснащения воинов кочевых государств. Ведущее место в наступательном оружейном комплексе большей части кочевых народов Центрально-Азиатского региона на всем протяжении завершающего периода их военной истории занимало холодное оружие. В дистанционном бою воины поражали противника стрелами, используя традиционную для конных армий кочевников тактику рассыпного строя и обстрел врага с дистанции прицельной стрельбы. Для стрельбы использовались луки «монгольского» типа со склеенной из деревянных деталей кибитью, усиленной срединной фронтальной костяной накладкой. В эпоху позднего Средневековья получили распространение дальнобойные луки с фронтальными плечевыми накладками. В наборе стрел воинов монгольских и тюркских кочевых народов преобладали плоские железные наконечники, рассчитанные на поражение противников, не защищенных металлическими доспехами, нанесение им широких, кровоточащих ран. Бронебойных трехгранных и четырехгранных наконечников, предназначенных для пробивания панцирной брони, для рассечения или раздвижения колец кольчуги, в арсенале средств ведения дистанционного боя центральноазиатских и южносибирских номадов было сравнительно немного. Несмотря на появление огнестрельного оружия, для большей части воинов армий кочевых государств луки и стрелы оставались основным средством пораже-

ния противника в дистанционном бою на протяжении периода позднего Средневековья и Нового времени.

В этот период произошли изменения в конструкции и форме налучий и колчанов. Футляры для хранения и ношения луков стали изготавливать из кожи и укреплять металлическими бляхами. Эти налучи имели дуговидную форму. Они изготавливались с таким расчетом, чтобы помещать в них луки в боевом положении, с надетой тетивой. Налучи богато орнаментировались и украшались фигурными накладками. По отделке налуча можно было судить о социальном статусе воина или военачальника. Налучи крепились к портупейному ремню, с помощью которого воин носил их на левом боку. Аналогичным образом изготавливались и украшались колчаны. Стрелы в них помещали наконечниками внутрь, а оперением вверх. Их изготавливали из выделанной кожи. Колчаны имели вырезную форму. Они украшались орнаментацией и металлическими бляшками. Колчаны носились на поясе, на левом боку воина.

В эпоху позднего Средневековья на вооружении воинов кочевых государств Центральной Азии появилось огнестрельное оружие. Кочевники смогли по достоинству оценить поражающие качества ружей и пушек в ходе военных действий с русскими, маньчжурами и войсками государств Средней Азии. Наибольших успехов в освоении огнестрельного оружия достигли джунгары, которые смогли с помощью европейских военных специалистов наладить собственное производство артиллерийских орудий, ружей и боеприпасов, вооружить крупные войсковые подразделения этими видами оружия и усовершенствовать тактические приемы ведения комбинированного боя с использованием пехотных подразделений, вооруженных ружьями, которые могли поражать противника на расстоянии прицельной стрельбы с высокой степенью эффективности.

В эпоху позднего Средневековья и Новое время воины монгольских и тюркских кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири располагали широким арсеналом средств ведения ближнего боя. При нахождении с противником на короткой дистанции они метали во врага дротики, имевшие длинную втулку, граненое или плоское, остроугольное перо с боковым шипом. В ходе таранной атаки бурятские, халха-монгольские, джунгарские, кыргызские, кыштымские, тувинские и телеутские всадники поражали неприятеля ударными копьями, пиками, рогатинами с узким бронебойным или широким пером на длинной или короткой втулке. В рукопашных схватках они наносили удары палашами, саблями, боевыми топорами и булавами. В качестве вооружения кочевых воинов Забайкалья, Монголии и Саяно-Алтая, помимо оружия ближнего боя собственного производства, получили распространение импортные клинки среднеазиатского, маньчжурского и китайского ремесленного производства.

Высокого уровня развития в кочевом мире в этот период достигло изготовление защитного вооружения. Вопреки сложившимся в прошлом в военно-исторической науке стереотипам,появление и распространение огнестрельного оружия не привело к быстрому и повсеместному прекращению изготовления защитных доспехов, а, наоборот, способствовало их ускоренному развитию и совершенствованию. В монографии подробно анализируются различные источники поступления средств индивидуальной металлической защиты воинов в кочевнические государства Центрально-Азиатского региона. Воины этих государств могли обеспечить себя защитным вооружением благодаря собственному высокоразвитому оружейному производству, поступлению оружия в качестве дани с зависимых южносибирских племен — шорцев, находившихся на положении кыштымов в княжествах енисейских кыргызов, и приобретению большого количества высококачественного защитного вооружения в Бухаре и других городских, ремесленных центрах Средней Азии, Среднего Востока и Восточного Туркестана. Воины кочевых государств располагали для защиты головы, корпуса и конечностей разнообразными средствами защиты: пластинчатыми и комбинированными панцирями, кольчугами, шлемами и бармицами, наручами и поножами, щитами. Помимо металлических доспехов, воины использовали защитные приспособления, изготовленные из органических материалов. Защитное вооружение центральноазиатских номадов отличалось высокой эффективностью и очень ценилось их историческими противниками. Несмотря на категорические запреты российских и маньчжуро-китайских властей на продажу огнестрельного оружия кочевникам, воины военных подразделений армий крупнейших

военных держав эпохи позднего Средневековья и Нового времени нередко нарушали царские и императорские указы, чтобы получить в обмен на ружья и боеприпасы панцири, наручи или шлемы.

В армиях кочевых государств существовали отряды тяжеловооруженной панцирной конницы, в которых средствами металлической защиты были защищены не только всадники, но и их боевые кони.

В книге проанализированы имеющиеся материалы по центральноазиатскому конскому доспеху и реконструированы конские панцирные попоны и конские боевые наголовья, рассмотрены вопросы развития центральноазиатского конского доспеха и значение монгольской тяжеловооруженной панцирной кавалерии в эволюции военного искусства кочевников на его завершающем этапе.

В монографии реконструированы комплексы боевых средств халха-монгольских и джунгарских воинов, прослежены особенности развития наборов оружия и военной организации у енисейских кыргызов, кыштымов, тувинцев и телеутов. В эпоху позднего Средневековья и Нового времени процесс развития комплекса вооружения и тактики ведения конного боя у монголов и ойратов можно отнести к самостоятельному периоду в развитии военного дела центральноазиатских номадов. На раннем этапе этого периода, в XV-XVI вв., монгольские воины имели на вооружении традиционные виды холодного оружия дистанционного и ближнего боя, а также средства защиты. В последующее время значительное влияние на развитие оружия центральноазиатских номадов оказали постоянные военные действия и широкое использование оружия среднеазиатского и цинского ремесленного производства. Значительные изменения в комплексе вооружения и тактике ведения боя у западных монголов произошли на завершающем этапе развития их военного дела — в XVII-XVIII вв. Они были связаны с освоением и широким использованием огнестрельного оружия, появлением воинских подразделений, вооруженных ружьями и применявших тактику массированной стрельбы по противнику в спешенном положении.

Применение высокоэффективных средств индивидуальной металлической защиты давало возможность монгольским конным воинам успешно противостоять обстрелу со стороны противника в дистанционной фазе боя, обстреливать его из луков и смело атаковать построения вражеских войск, используя тактику таранного удара в ближнем бою. Монгольские и ойратские всадники, защищенные металлическими доспехами и вооруженные копьями, при сближении атаковали противника в плотном шереножном построении. В рукопашной фазе боя использовалось клинковое и ударное оружие. Наряду с атакой в конном строю, воины применяли приемы комбинированного боя. Они могли держать оборону в спешенном положении, используя в качестве временных укреплений транспортные средства и вьючных животных. На поле боя монгольские полководцы стремились охватить своими силами построение противника по фронту и с флангов, чтобы атаковать его одновременно с трех сторон. Для атаки они использовали различные виды построения своих войск: рассыпной строй, лаву и клин. Воины, составляющие ударный клин, атаковали врага копьями и саблями. В случае необходимости джунгарские полководцы могли менять тактику атакующих действий, последовательно атакуя и обстреливая построение противника в зависимости от успеха того или иного приема. Применение приемов комбинированного боя и обороны в спешенном положении с использованием огнестрельного и древкового оружия, которые были взяты на вооружение джунгарскими войсками на завершающем этапе развития их военного искусства, существенно расширило тактические возможности и способствовало военным успехам ойратов в войнах со своими противниками в кочевом мире — халха-монголами и казахами, применявшими традиционную кочевническую тактику конного боя.

Военные отряды вассальных по отношению к государствам халха-монголов и джунгар княжеств тюркских и монгольских кочевников обладали разнообразным набором оружия и владели различными тактическими приемами вооруженной борьбы на поле боя.

В монографии реконструированы комплекс вооружения и тактика конного боя енисейских кыргызских воинов эпохи позднего Средневековья и начального периода Нового времени. Кыргызские воины были вооружены сложносоставными луками и стрелами с железными плоскими, зигзагообразными и ромбическими в сечении наконечниками различных форм. Большая часть стрел была

ориентирована на поражение противника, не имевшего металлических средств защиты. Для пробивания панцирной брони и преодоления кольчужной защиты кыргызские стрелки применяли стрелы с ромбическими наконечниками. В фольклорных источниках упоминаются также арбалеты,которыми пользовались кыргызские воины. Луки и стрелы бойцы носили в налучах и колчанах — саадаках. Для поражения противника в ближнем бою кыргызские воины использовали копья, сабли и боевые топоры, а защищали себя железными шлемами, пластинчатыми панцирями — куяками и кольчугами. Под влиянием военных действий с отрядами русских служилых людей и казаков у кыргызов появились ружья, которые использовались в ходе боевых действий. Наиболее боеспособную часть войск кыргызских княжеств представляли отряды панцирной кавалерии, составленные из кыргызских воинов — дружинников, которые применяли тактику таранной атаки в ближнем бою. Воины-кыштымы составляли отряды легкой кавалерии, вооруженной луками и стрелами. Кыштымские лучники использовали для стрельбы сложносоставные луки разных типов и стрелы с железными плоскими и костяными наконечниками различных типов. Наиболее массивные железные наконечники снабжались костяными свистунками. В последний период существования кыргызских княжеств на Енисее на вооружении у кыштымов появились мечи, боевые топоры и пластинчатые панцири. Шорцы, находившиеся на положении кыштымов в кыргызских княжествах, производили различные виды наступательного и защитного вооружения, включая железные плоские наконечники стрел, сабли и копья, панцири-бригандины. Тактика ведения боя, которую применяли военные отряды кыргызских княжеств, была традиционной для южносибирских кочевников. Наиболее боеспособные отряды кыргызских панцирных воинов-дружинников размещались в центре войска, а отряды легкой конницы, набранной из кыштымов, ставились на флангах. Успех сражения во многом зависел от таранной атаки кыргызской панцирной кавалерии. При штурме крепостей кыргызские воины шли на приступ в пешем положении, защищаясь щитами. В случае необходимости кыштымы держали оборону в нагорных крепостях — убежищах.

Воины телеутских княжеств были вооружены сложносоставными луками и стрелами с железными плоскими и костяными наконечниками. Некоторые железные наконечники снабжались полыми костяными шариками — свистунками. Телеуты хранили и носили луки и стрелы в кожаных налучьях и колчанах. В ближнем и рукопашном бою телеутские всадники атаковали врагов дротиками, копьями, саблями и секирами. По фольклорным данным, они использовали для нанесения поражающих ударов также булавы и кистени. Для защиты головы и тела телеутские воины применяли железные шлемы и кольчуги. Телеуты атаковали противника, осыпая его построение стрелами, с дистанции полета стрелы. В случае если такая тактика не приносила желаемых результатов, они вступали в ближний бой, атакуя врага саблями и копьями. В позднем Средневековье телеутские воины стали применять для поражения врага огнестрельное оружие — фитильные ружья. Для обороны от противника они устраивали крепости-убежища в труднодоступных и естественно укрепленных горных местностях.

В эпоху позднего Средневековья и Нового времени тувинские воины были вооружены сложносоставными луками и стрелами с железными плоскими наконечниками, которые носились в кожаных колчанах наконечниками внутрь, оперением наружу. В ближнем бою они атаковали врагов копьями и боевыми топорами. Для защиты от вражеских ударов они использовали железные шлемы, кольчужные боевые наголовья, пластинчатые панцири — куяки и кольчуги. В XVIII в. на вооружении у тувинских воинов появилось огнестрельное оружие. Они стали вести стрельбу по противнику из фитильных ружей, которые приобретали у маньчжуров и джунгар. После включения Тувы в состав маньчжурской империи Цин часть тувинских воинов, взятых на службу в военные отряды маньчжуров, была вооружена огнестрельным оружием. Отряды тувинской легковооруженной конницы применяли на поле боя традиционные для кочевников тактику рассыпного строя и массированный обстрел противника из луков. Панцирная кавалерия атаковала врага плотно сомкнутым строем копьями. Освоение огнестрельного оружия привело к использованию тактических приемов комбинированного боя и обстрелу противника из ружей в спешенном положении.

В эпоху позднего Средневековья и Нового времени комплексы вооружения и военное искусство

тюркских кочевых народов Саяно-Алтая развивались в тесном взаимодействии и под влиянием военного дела халха-моголов и джунгар. В пользу этого свидетельствует наличие схожих видов и типов оружия, сходных элементов в структуре военной организации и тактических приемов ведения конного боя. Однако это влияние не было односторонним, поскольку в предшествующий период развитого Средневековья монгольские кочевники унаследовали многие военные традиции тюркских номадов.

Появление в эпоху позднего Средневековья на северных границах Центрально-Азиатского региона военных отрядов русских казаков и служилых людей существенным образом повлияло на развитие военного дела южносибирских и центральноазиатских номадов. Кочевникам пришлось столкнуться с хорошо вооруженной, обладавшей огнестрельным оружием и организованной военной силой. Правители западных монголов своевременно осознали значение огнестрельного оружия и попытались с помощью европейских военных специалистов наладить его собственное производство, перевооружить свою армию и изменить военную тактику. Зависимые от них тюркские княжества в Саяно-Алтае также попытались заимствовать у джунгар и русских огнестрельное оружие, чтобы противостоять своим более сильным в военном отношении противникам.

Однако соотношение сил и технологические особенности оружейного производства не позволили кочевым народам Центральной Азии и Южной Сибири на равных противостоять могущественным военным державам Евразии и изменить ход военной истории. Утратив свое былое военное превосходство над народами стран оседло-земледельческой цивилизации, кочевники потерпели ряд поражений в войнах с превосходящими их силами и были включены в состав Российской и Цинской империй, что ознаменовало собой завершение периода самостоятельного развития военного дела кочевых народов Центрально-Азиатского региона.

SUMMARY

This monograph investigates particularities of the armament and art of war of nomads from Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and early Modern Ages. This book is the first resumptive research work in Russian archeology devoted to the military science of the medieval nomads.

Our interest in the evolution of Central Asian nomads' art of war of the period is determined by the unique place of the late Middle Ages in the military history of nomads. At that period the process of the evolution of nomadic military science ended. The development of the military science of nomads from the steppe zone of Eurasia started in the Paleometal Age and lasted through many centuries as an independent historical and cultural phenomenon. Military activity was the priority line in the evolution of nomadic society during the whole historical period of the existence of the nomadic cultural and economic type. Due to their high level of arms development and military organization nomads were able to keep their own unique way of civilization evolution over four thousand years of nomadic history.

Events which caused dramatic changes in the correlation of armed forces and the economic power of nomads and nations of settled and urban civilization of Eurasia appeared just on the border of the late Middle Ages and early Modern Ages. Those events were closely connected with the most developed European countries, which had switched to an industrial way of evolution which opened up new and more effective types of firearms. The fact is that nomads lost the inestimable advantage of their main impact - mobile cavalry forces, which used traditional types of cold steel. As a result of those changes nomads of Central Asia could not effectively resist the aggressive policy of their mighty and better-armed enemies. During the next historical period of the early Modern Ages armed forces of nomadic nations came off second-best versus regular armies of first-rate empires of Eurasia, Tsin China, and Russia. After that military units of nomads were used as support forces in different military campaigns.

During the late Middle Ages and early Modern Ages military and political elite made attempts to open up new fire arms and modernize tactical schemes of cavalry combat. Their idea was to use the damaging potential of new types of armament to maximum effectiveness. The rulers of the Dzungarian khanate were most successful. They were able to buy fire arms produced in other countries. With the help of foreign military specialists and armourers they also succeed in organizing their own production of rifles, cannons and ammunition. Military figures of the Dzungarian khanate managed to improve the tactical actions of their armed forces in order to improve the effectiveness of their actions in new conditions of battle.

The application of new types of arms and new methods of military science to their art of war helped the Dzungarian khanate to keep its independent position during its struggle against the Manchurians and Halha-Mongols over several decades down to the middle of the 18th century.

In our monograph the history of the investigation of medieval art of war of Central Asian and South Siberian nomads and their achievements in military, historical and archeological sciences are examined in detail for the first time in Russian historiography. The collection of sources began in the 18th century, when scientists and travelers received the first single items of armament from the excavations of late medieval sites in southern areas of Siberia. The purposeful research of burial complexes of late medieval nomads and items of armament which were found in those burials started in the middle of the 19th century. During the next period historians' attention was attracted by old col-

lections of arms in which lots of items of nomadic arms were found. Some of those items were diplomatic gifts to the Russian tsars; others were spoils of war or bought by collectors in Siberia. After that the armaments of late medieval nomads were used as a subject of investigation as an exception since not all archaeological sites of the late Middle Ages were explored by archeologists at that time. The purposeful search for late medieval archeological sites of nomadic cultures and excavations were resumed in the last decades of the 20th century. This work allowed archaeologists to recommence research on nomadic armament complexes of late medieval Eurasia. As a result of those investigations the number of material sources increased (through items of armament of Mongolian and Turkic nomads from archeological complexes). Lots of items of offensive and protective armament were discovered and described (arms of the Buryat, Mongolian, Oirat, Tuvinian, Teleyt, Kishtim and Kyrgyz warriors of the late Middle Ages and early Modern Ages) when researching collections from Russian, Mongolian and Chinese museums. Our work was built on an in-depth analysis of those items and pictures of Mongolian and Buryat warriors made by Chinese and European artists. We received data which allowed us to reconstruct arming complexes used by Dzungharian, Halha-Mongolian and South Siberian warriors in the late period of history of Central Asian nomads. We also succeeded in reconstructing the structure of military organization and combat tactical schemes of Central Asian nomads while using written and folklore sources.

We observed sources of different types of offensive and protective cold steel which were used by warriors of nomadic states. Cold steel took the main place during the whole late period of nomadic military history as a part of the offensive armament complex. In a shooting fight warriors tried to defeat the enemy with arrows. They used the traditional nomadic tactics of extended order and archery. Nomads used the Mongolian type of bow. Such a bow had a "kibit" (stave) agglutinate from several wooden parts and a central part made from bone. Strong and long-range bows with frontal humeral cover plates became the most popular among nomadic warriors in the late Middle Ages. Flat iron arrow-heads were the main part of the nomadic warrior's arrow kit. These flat arrow-heads were used against enemies without metal armour and provided wide bleeding wounds. There were not many armour-piercing arrow-heads in those arrow kits. There were several types of three-edged and tetrahedral armour-piercing arrow-heads which allowed the warrior to break through armour or to split hauberk rings. In spite of the appearance of fire arms, bows and arrows remained the main means of fighting during the whole period of the late Middle Ages and early Modern Ages. Changes in the construction and form of the bow cover and quiver took place at that period. Nomads started to produce leather bow-cases which were fastened by metal stripes and plates. The main idea of that type of bow cover was to keep a bow always prepared for action (with a fixed bow-string). Such bow covers had a bow-shaped form and were richly decorated with ornamental patterns and figured plates. The social status of warriors or military leaders was illustrated by the decoration of their bow covers (bow case). All bow cases were attached to a sword-belt and were usually worn on the right side of the warrior's body.

Quivers were produced and decorated in the same manner, and had complicated semi-oval forms with notches and prominences on their sides. Arrows were usually put in a quiver in the following way: arrow heads below, feathering above. Quivers were also decorated with ornamental patterns and figured plates. All quivers were attached to the shoulder-belt and were usually worn on the left side of warrior's body.

In the late Middle Ages fire arms were adopted in the equipment of military forces of nomadic states. Nomads were able to see the damaging actions of rifles and cannons during different wars against the Russian, Manchurian and Central Asian states. As we have mentioned before, the most successful was the Dzungarian khanate, which was able to start its own production of artillery guns, rifles and ammunition with the help of foreign military specialists and armourers. Military figures of the Dzungarian khanate managed to improve tactical schemes of joint actions of their armed forces in order to use infantry units with rifles which were able to strike enemies on the shooting range with great effectiveness.

In the late Middle Ages and early Modern Ages warriors of Mongolian and Turkic nomadic nations used a wide arsenal of armour for close combat. When approaching the enemy at a short distance they threw javelins. Javelins had a long bush, faceted or plain edge with a side spike. In the ram attack Buryat,

Halha-Mongolian, Oirat, Tuvinian, Teleyt, Kishtim and Kyrgyz riders defeated their enemies with spears, lances, and bear-spears with narrow armour-piercing or wide blades, and long or short bush. In hand-to-hand fighting they used broadswords, sabers, battle-axes and maces. Imported blades, produced by Manchurian, Chinese and Middle Asian craftspeople, were also popular among nomadic warriors from Transbaikalia, Mongolia and Sayan-Altay.

The production of defensive armour in the Eurasian nomadic world also reached a high level of development. In spite of old theories in military and historical science the appearance of firearms promoted rapid evolution of defensive armour. Different sources of individual metal defensive armour in nomadic states of the Central Asian region are analyzed in detail in our monograph. Warriors of those states could provide themselves with defensive armour owing to their own highly developed weapons production. They also had good alternative sources of arms - the tribute from dependent Southern Siberian tribes (Shortsi; they took positions of "kishtim" in the principalities of Yenisei Kyrgyz). The second source of arms was the acquisition of large quantities of arms in Bukhara and other crafts centers of Middle Asia, the Middle East and Eastern Turkistan. Nomad warriors had various armour for the head, torso, and upper and lower extremities. There were lamellar and combined armour, chain armour and hauberk, helmets, shields, etc. Among metal armour nomads used defensive accessories made from organic materials. It is a matter of fact that the defensive armour of the Central Asian nomads was rated highly by their enemies. In spite of categorical prohibitions of Russian, Manchurian and Chinese authorities to sell firearms to nomads, warriors from their armies of first-rate states of the late Middle Ages and early Modern Ages often tried to exchange their rifles for nomadic defensive armour.

There were heavy armed units of iron-clad cavalry in armies of nomadic states. In such units both the rider and his horse had defensive armour. We made an in-depth analysis of all existing examples of such armour in our book. We also succeeded in reconstructing iron-clad horsecloth and horse-fighting helmets. Here we took up problems of the evolution of Central-Asian horse armour and the significance of the Mongolian heavy armed iron-clad cavalry in the evolution of the nomadic art of war during the last period.

The arming complexes of Halha-Mongolian and Dzungarian warriors are reconstructed in this monograph. Here we also followed particularities of the evolution of armed complexes and military organization of the Yenisei Kyrgyz people, "kishtim" people, Tuvinians and Teleyts. As for Mongolian and Oirat armed complexes and cavalry fighting tactics, their development during the late Middle Ages and early Modern Ages is an independent process among Central Asian nomads. During the early stage of the period (15th - 16th centuries) Mongolian warriors used traditional types of cold steel and dart as well as defensive armour. Permanent military actions and common use of Middle Asian handicraft arms during the next period had an influence on the evolution of the Central Asian nomads. Dramatic changes in their armour and tactics took place during the final stage of the period (17th - 18th centuries). Those changes were closely connected to the appearance of firearms and military units armed with rifles. These units used tactics of concentrated shooting (dismounted position).

The use of high-performance individual metal defense armour allowed Mongolian riders to resist enemy fire with success, and to fire on their enemy and attack enemy formations fearlessly in close combat and ram attack. Mongolian and Oirat riders were protected by defensive armour and armed with spears. They used to attack their enemy in close formation (in ranks). In hand-to-hand fighting they used both blade and shock weapons. Along with cavalry attacks they used combined methods of fighting. Mongolian warriors were able to hold the line in a dismounted position, using vehicles and pack animals as a temporary field fortification. Mongolian commanders tried to outflank an enemy's formation and after that take an enemy on the front side and flanks. In attack they could use different troop formations: the extended order, lava and wedge. Warriors who were part of a wedge formation attacked their enemy with lances and sabers. If necessary Dzungarian commanders could change their offensive tactics by attacking and firing on the enemy one after another. The use of tactics of combined fighting and defense in a dismounted position together with the use of firearms and shaft weapons extended the tactical possibilities of Dzungarian forces and promoted their further military success in the war against their no-

madic enemies who used traditional nomadic tactics of cavalry fighting.

Princedoms of Mongolian and Turkic nomads were vassals of rulers of Dzungarian and Halha-Mongolian states. Those vassals also used various arms complexes and tactical battle schemes.

We reconstructed the arms complex and tactical schemes of a cavalry fight used by Yenisei Kyrgyz warriors in the late Middle Ages and early Modern Ages. Kyrgyz warriors were armored with complicated bows and arrows with iron arrow heads (flat, zigzag or rhombic profile). In order to carry a bow and arrow they used bow cases and quivers ("saadaks"). Crossbows were also mentioned as a weapon of Kyrgyz warriors in folklore sources. In close combat and hand-to-hand fighting they used lancers, sabers and battle axes. As defensive armour an iron helmet, lamellar armour "kyiak" and hauberk were used. Due to the influence of military actions against Russian units and Cossacks, Kyrgyz forces began to use rifles and artillery. The units of iron-clad cavalry were the most effective part of the troops of Kyrgyz princedoms. These units used ram attack tactics in close combat. The units of light cavalry consisted of warriors called "kishtim". These warriors were armored with bows and arrows, while Kishtim warriors used different types of complicated bows and different types of arrows with flat iron and bone arrow heads. The most massive arrow heads were armed with bone whistle. Kishtim warriors began to use swords, battle axes and lamellar armour during the final period of existence of Kyrgyz princedoms. Shortsi, who took the positions of "kishtim" in principalities of the Yenisei Kyrgyz, produced different types of offensive and defensive armour such as iron flat arrow heads, lancers, sabers and armour "brigantine". Military forces of Kyrgyz princedoms used the traditional fighting tactics of Southern Siberian nomads. The place in the center of the Kyrgyz formation was reserved for iron-clad cavalry units, which were the most effective part of the Kyrgyz troops. Places on the flanks of the formation were reserved for Kishtim light cavalry. The victory usually depended on the success of the iron-clad cavalry ram attack. During a fortress assault Kyrgyz warriors acted in a dismount position, protected by their shields, while Kishtim warriors were able to hold the line in mountain fortresses (sanctuaries) if it was necessary.

Teleyt warriors were armoured with complicated bows and arrows with iron flat and bone arrow heads. Some arrow heads were armed with bone whistle. Teleyts used bow cases and quivers in order to carry bow and arrows. In close combat and hand-to-hand fighting they used javelins, lancers, sabers and pole-axes. According to folklore data they also used maces and bludgeons. As for their defensive armour, Teleyt warriors used iron helmets and hauberks for better protection. During fighting they usually tried to defeat the enemy with archery from an arrow flight distance. If such tactics were not successful the Teleyts began to attack the enemy in close combat. Teleyt warriors began to use firearms - flinty or wick rifles. They built fortresses (sanctuaries) for defense in the mountains.

In the late Middle Ages and early Modern Ages Tuvinian warriors were armed with complicated bows and arrows with iron flat arrow heads. Arrows were usually put in a leather quiver in the following way: arrow heads below, feathering above. In close combat they used spears and battle axes. As defensive armour Tuvinian warriors used iron helmets, lamellar armour "kyiak" and hauberks. Firearms were adopted by Tuvinian forces in the 18th century. They began to use flinty rifles, which were bought from Manchurians and Dzungarians. When Tuvinian territory became a part of the Manchurian Tsin empire a part of Tuvinian warriors was taken to military service in Manchurian military units and provided with fire arms. Tuvinian light cavalry units used the traditional nomadic tactics of extended order and concentrated archery. Their iron-clad cavalry used tactics of ram attack with lancers. The appearance of firearms among Tuvinians led to new tactics of combined combat and shooting in a dismounted position.

Armed complexes and military science of Turkic nomadic nations of the Sayan-Altay developed under the influence of Halha-Mongolian and Dzungarian art of war in the late Middle Ages and early Modern Ages. The existence of analogous types of arms, tactical methods of cavalry fight and elements in military organization argues for this theory. However that influence was not one-sided. The fact is that Mongolian nomads inherited lots of military traditions of Turkic nomads during the previous period.

The appearance of military units of Russian Cossacks and warriors on the northern borders of the

Summary

Central Asian region essentially influenced the development of South Siberian and Central Asian nomadic art of war. Nomads have to be confronted by well-armed military forces provided with fire arms and well-organized. West Mongolian rulers realized the meaning of firearms at the proper time. They tried to start their own firearms production, to re-equip their forces and to change tactics with the help of foreign military specialists. The Turkic princedoms of Sayan-Altay, which depended on Mongolian rulers, also tried to adopt fire arms from the Dzungarian and Russians.

The correlation of military forces and technical particularities of arms production did not allow Central Asian and Southern Siberian nomads to resist the mighty states of Eurasia as equals. Nomads were not able to change the military history process. Nomads lost their former military superiority over the settled Eurasian nations. After that they became second-best in wars against superior forces. Nomads were included in the structure of the Russian and Manchurian empires as a result of these dramatic events. That was the end of the independent period of the nomadic art of war development.

Оглавление

Введение ... 5

Часть I
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛОВ ПО ВООРУЖЕНИЮ И ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Глава 1. История исследования и историография военного дела кочевых народов Центральной Азии периода позднего Средневековья и Нового времени ... 20
1.1. История накопления и изучения материалов по позднесредневековому оружию центральноазиатских номадов ... 20
1.2. Основные проблемы историографии оружиеведения центральноазиатских номадов эпохи позднего Средневековья ... 28

Глава 2. Обзор источников. Вопросы хронологии и культурной принадлежности ... 44
2.1. Вещественные источники ... 44
Датировка предметов вооружения из числа случайных находок ... 49
2.2. Письменные источники ... 53
Монгольские письменные источники ... 53
Тибетские письменные источники ... 56
Русские и западноевропейские письменные источники XVII-XIX вв ... 56
Цинские письменные источники ... 63
Мусульманские письменные источники ... 63
2.3. Изобразительные источники ... 66
Изобразительные источники периода Юаньской и Минской империй (XIV-XVII вв.) ... 66
Живопись и графика европейских иезуитов XVIII в., цинских художников, работающих в европейском стиле ... 67
Российские изобразительные источники ... 70
Буддийская живопись и скульптура Тибета, Монголии и Южной Сибири XVII-XIX вв ... 71
2.4. Фольклорные источники ... 73

Часть II
ОРУЖИЕ ДИСТАНЦИОННОГО И БЛИЖНЕГО БОЯ

Глава 3. Саадак (луки, стрелы, налучи, колчаны) ... 75
3.1. Источники поступления саадаков и их элементов в войска Кочевников Центральной Азии ... 76
3.2. Луки ... 79
3.3. Стрелы ... 95
3.4. Налучи ... 109

3.5. Колчаны 126
Колчаны-«короба» 126
Колчаны-«футляры» 129

Глава 4. Ручное огнестрельное оружие и ружейная амуниция 157
4.1. Огнестрельное оружие в войсках кочевников Южной Монголии и Халхи в XVII-XVIII вв 157
4.2. Огнестрельное оружие в войсках северомонгольского государства Алтын-ханов (XVII в.) и народов Южной Сибири (XVII-XVIII вв.) 160
Огнестрельное оружие в войсках северомонгольского государства Алтын-ханов 162
Огнестрельное оружие в войсках енисейских кыргызов 163
Огнестрельное оружие в войсках жителей Саяно-Алтая 164
Огнестрельное оружие в войсках бурят 166
4.3. Огнестрельное оружие в войсках ойратов первой половины XVII в., Джунгарского и Калмыцкого ханств второй половины XVII — первой половины XVIII в 167
Огнестрельное оружие в войсках ойратов первой половины XVII в 167
Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства второй половины XVII в 169
Русское ручное огнестрельное оружие XVII в 175
Среднеазиатское ручное огнестрельное оружие XVII-XVIII вв 176
Огнестрельное оружие в Волжской Калмыкии конца XVII — XVIII в 179
Ружейное производство в Джунгарии в конце XVII — первой половине XVIII в 181
4.4. Огнестрельное оружие в войсках кочевников Тибета XVII-XIX вв 190
4.5. Ружейная амуниция кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в XVII-XIX вв 193
Ружейная сумка 196
Мешочки для пуль («окшынтай») 200
Огниво («оттук») 203
Пороховницы 204
Нашейные пороховницы («центральноазиатский» бандельер) 206

Глава 5. Артиллерия 210
5.1. Артиллерия в войсках кочевников Центральной Азии и Сибири в XV-XVI вв 211
5.2. Артиллерия в войсках ойратских правителей Джунгарии и Кукунора XVII — начала XVIII в 214
Джунгарская артиллерия в 40-х гг. XVII — первой четверти XVIII в 214
Артиллерия ойратов-хошоутов Кукунора 218
5.3. Артиллерия в войсках волжских калмыков в конце XVII — первой половине XVIII в 219
5.4. Джунгарская артиллерия второй половины 20 — 50-х гг. XVIII в 223
Деятельность И. Г. Рената и создание собственного артиллерийского производства в Джунгарии 223
Джунгарская артиллерия в 30 — первой половине 40-х гг. XVIII в 229
Джунгарская артиллерия во второй половине 40 — первой половине 50-х гг. XVIII в. и упадок артиллерийского производства в Джунгарии.... 231

5.5. Конструктивные особенности джунгарской артиллерии XVII — первой половины XVIII в. и особенности боевого применения артиллерии джунгарами в 30-50-х гг. XVIII в. 233
Крупнокалиберные фитильные ружья («пушки походные») 233
Джунгарская полевая артиллерия («пушки калмыцкие») 241
Мортиры 249
5.6. Джунгарская артиллерия в азиатском военно-политическом контексте 20-50-х гг. XVIII в. 251

Глава 6. Оружие ближнего боя 258
6.1. Клинковое оружие (мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи) 258
Источники поступления клинкового оружия в центральноазиатские армии в период позднего Средневековья и Новое время 259
Феномен центральноазиатского клинкового оружия периода позднего Средневековья и Нового времени 262
Мечи 264
Палаши 271
Сабли 274
Кинжалы 283
Ножи 285
6.2. Длиннодревковое оружие (копья, пики, рогатины, пальмы, комбинированное длиннодревковое оружие, дротики) и воинские символы (значки, бунчуки, флаги и знамена) 294
Длиннодревковое оружие с прямым пером 297
Длиннодревковое оружие с изогнутым пером и комбинированное длиннодревковое оружие 308
Дротики 310
Значки, бунчуки, флаги и знамена 313
6.3. Ударное (палицы, булавы, перначи, кистени) и ударно-рубящее оружие (топоры) 318
Палицы, булавы, перначи, кистени 318
Топоры 320

Часть III
ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ВОИНА И БОЕВОГО КОНЯ

Глава 7. Воинский доспех 327
7.1. Источники поступления предметов защитного вооружения в войска кочевников Центральной Азии в период позднего Средневековья и Нового времени 327
Импорт из государств Средней Азии и Восточного Туркестана 328
Импорт из государств Дальнего Востока (Минского Китая, Маньчжурии, Цинской империи) 331
Импорт из Российского государства 333
Импорт из Тибета 336
7.2. Производство защитного вооружения в Монголии и на сопредельных территориях, входящих в состав монгольских государственных образований 339
Производство защитного вооружения на Саяно-Алтае 339

Производство защитного вооружения в государственных образованиях МОНГОЛИИ XV-XVIII вв. и Волжской Калмыкии XVII-XVIII вв. 353
Качество предметов защитного вооружения центральноазиатского производства 356
Широта распространения защитного вооружения среди центральноазиатских кочевников в XV-XVIII вв. 360
7.3. Панцири (защита корпуса) 366
Классификация панцирных пластин и кольчужных колец 366
Пластинчато-нашивная система бронирования 378
Ламеллярная система бронирования 385
Ламинарная система бронирования 390
Кольчато-пластинчатая система бронирования 390
Кольчатая система бронирования 392
«Мягкие» панцири из органических материалов 410
7.4. Шлемы и бармицы (защита головы и шеи) 416
Шлемы 416
Бармицы 463
Миссюрки и кольчатые наголовья 469
«Мягкие» шлемы (наголовья из органических материалов) 472
Плюмажи и декоративные украшения шлемов 473
7.5. Дополнительные защитные детали: панцирные усилители, панцирные пояса и защита конечностей 478
Панцирные усилители 478
Панцирные пояса 481
Наручи 483
Панцирные нарукавья и нарукавники 494
Защита ног 495
7.6. Щиты (общая защита) 500
Станковые щиты 500
Ручные щиты 503
Плетеные щиты (sba phub) 503
Кожаные щиты (ko phub) 510

Глава 8. Центральноазиатский конский доспех и проблема изучения тяжеловооруженной конницы позднесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири 514

Часть IV
КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ И ТАКТИКА

Глава 9. Эволюция комплекса вооружения и тактика монгольских кочевников в XV-XVII вв. 525
9.1. Эволюция комплекса вооружения монгольских кочевников в XV — первой половине XVI в. 525
9.2. Эволюция комплекса вооружения монгольских кочевников во второй половине XVI — начале XVII в. 531
9.3. Тактика монгольских кочевников в XV-XVII вв. 535

Глава 10. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в XVII-XVIII вв. 542
10.1. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Южной Монголии в XVII-XVIII вв. 542
Эволюция вооружения 545
Эволюция тактики 549
10.2. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Халхи в XVII-XVIII вв. и северомонгольского государства Алтын-ханов в XVII в. 552
Вооружение и тактика кочевников Халхи в конце XVI — 80-х гг. XVII в. 554
Вооружение 555
Тактика 557
Вооружение и тактика кочевников Восточной Монголии после включения Халхи в состав Цинской империи (конец XVII — XVIII в.) 560
10.3. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Западной Монголии (Джунгарии) во второй половине XVII — первой половине XVIII в. 564
Эволюция комплекса вооружения и тактики воинов Джунгарского ханства в 30-50-х гг. XVII в. 567
Особенности эволюции комплекса вооружения и тактики джунгарских войск в 60-80-х гг. XVII в. 570
Первый этап джунгарских военных реформ, эволюция тактики джунгарской армии на поле боя в 70-80-х гг. XVII в. 574
Построение джунгарской армии конца XVII в. при ведении боя в оборонительных позициях 574
Построение джунгарской армии конца XVII в. при ведении наступательного боя 578
Происхождение «джунгарской» тактики конного боя 580
Второй этап джунгарских военных реформ, эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск в конце 90-х гг. XVII в. — первой половине 20-х гг. XVIII в. 589
Третий этап джунгарских военных реформ, эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск во второй половине 20 — 50-х гг. XVIII в. 593
Начало третьего этапа джунгарских военных реформ и эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск во второй половине 20 — первой половине 40-х гг. XVIII в. 593
Эволюция комплекса вооружения и тактики джунгарских войск во второй половине 40 — первой половине 50-х гг. XVIII в. 600
10.4. Эволюция комплекса вооружения и тактики монгольских кочевников в Тибете XVII-XVIII вв. 604
Комплекс вооружения 605
Защитное вооружение 607
Оружие дистанционного и ближнего боя 612
Тактика 616
10.5. Эволюция комплекса вооружения и тактики кочевников Южной Сибири в XVII-XVIII вв. (енисейские кыргызы, алтайцы, буряты, тувинцы) 620
Енисейские кыргызы 621
Первый этап Русско-кыргызских войн (1609-1628) 623
Второй этап Русско-кыргызских войн (1628-1648) 623

Третий этап Русско-кыргызских войн (1666-1685) 629
Четвертый этап Русско-кыргызских войн (1690-1703) 631
Структура вооруженных сил кыргызских княжеств в XVII в. 633
Комплекс вооружения енисейских кыргызов 635
Комплекс вооружения кыштымов енисейских кыргызов 640
Тактика 642
Алтайцы 645
Структура вооруженных сил алтайских племен XVII — первой половины XVIII в. 648
Комплекс вооружения воинов Алтая XVII — первой половины XVIII в. 648
Тактика 654
Буряты 655
Комплекс вооружения бурятских племен XVII-XVIII вв. 657
Тактика 665
Тувинцы 667
Комплекс вооружения тувинских воинов XVI-XVIII вв. 668
Тактика 671

Заключение 673

Список сокращений 682
Комментарии к иллюстрациям 683
Черно-белые иллюстрации 683
Цветные иллюстрации 736
Библиографический список 744
Резюме 758
Summary 764

4 , (LM

0 ^

Рис. 1

Рис. 2

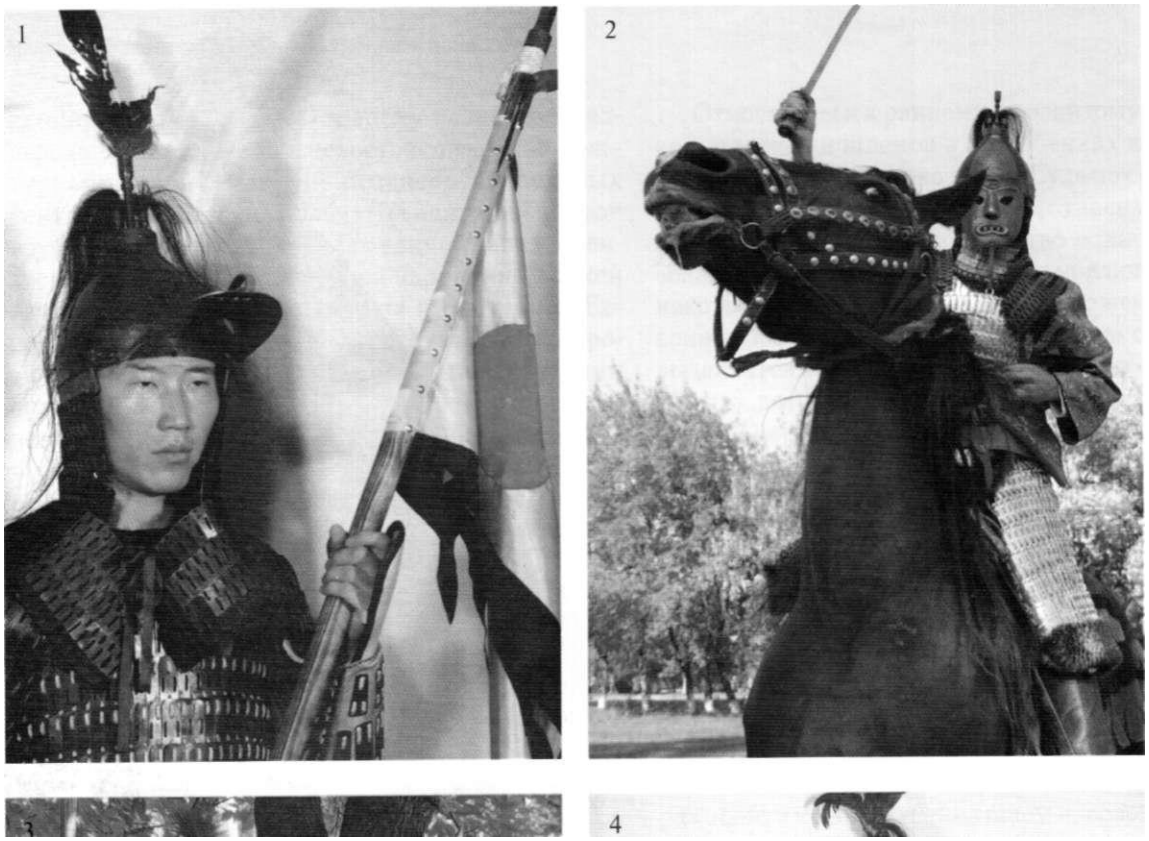

Рис. 3

Рис.4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10